ТВОРЕНІЯ

СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО

ІОАННА ЗЛАТОУСТА,

Архіепископа Константинопольскаго,

ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ.

Δόξα τῷ Θεῷ πάντων ἕνεκα. Ἀμήν.
Слава Богу за все. Аминь.
Св. Іоаннъ Златоустъ

ТОМЪ ШЕСТОЙ

ВЪ ДВУХЪ КНИГАХЪ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе С.-Петербургской Духовной Академіи.
1900.

Отъ Совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи печатать дозволяется.
С.-Петербургъ. 16 октября 1899 года.

Ректоръ Академіи *Борисъ*, Епископъ Ямбургскій.

Reprinted by
JUH

Типографія А. П. Лопухина (Тележная ул., д. № 5).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемое въ настоящемъ VI-мъ томѣ толкованіе св. Іоанна Златоуста на книгу пророка Исаіи, относительно своего объема, весьма значительно отличается отъ изданія Миня, принятаго редакціей за норму для изданія твореній Златоуста. Въ изданіи Миня, какъ и въ изданіяхъ другихъ патрологовъ, издававшихъ греческій текстъ твореній этого святителя, напечатано толкованіе св. Іоанна Златоуста лишь на первыя восемь главъ книги пророка Исаіи (I—VIII, 10). Между тѣмъ въ настоящемъ изданіи редакціи напечатано толкованіе его почти на всю книгу пророка, за исключеніемъ главъ XXI, 2—XXX, 5, LXV и LXVI. Причиной такого различія служитъ то обстоятельство, что редакція въ настоящемъ случаѣ не ограничилась изданіемъ перевода той части толкованія св. отца, которая сохранилась въ греческихъ спискахъ его твореній, которая была издана Монфокономъ, Минемъ и другими патрологами, а также сочла вполнѣ цѣлесообразнымъ издать переводъ и той (бóльшей) части толкованія, которая не сохранилась въ греческомъ языкѣ, но сохранилась въ армянскомъ переводѣ. Армянскимъ ученымъ богословамъ еще XIII-го (Георгій Скевра) и XIV вв. (Георгій Татевскій) было извѣстно толкованіе св. Іоанна Златоуста не на первыя только восемь главъ книги пророка Исаіи, а на всю книгу. Извлеченія изъ этого толкованія встрѣчаются между прочимъ въ армянскихъ сборникахъ церковныхъ поученій, извѣстныхъ подъ именемъ Гіарентиръ. Но, благодаря сравнительно весьма слабому знакомству европейскихъ ученыхъ патрологовъ съ армянской литературой, имъ почти до послѣднихъ поръ оставалось неизвѣстнымъ продолженіе толкованія св. Іоанна Златоуста на книгу пророка Исаіи, съ гл. VIII, 11—до LXIV гл. включительно, пока армянскіе монахи мекитаристы не издали

этого толкованія въ печати. За основу изданія ими принять хранящійся въ венеціанской библіотекѣ мекитаристовъ св. Лазаря бомбициновый кодексъ, заключающій въ себѣ толкованіе св. Іоанна Златоуста на книгу пророка Исаіи, являющійся до послѣдняго времени почти единственнымъ подобнымъ экземпляромъ. По характеру письма и письменнаго матеріала, этотъ кодексъ относится учеными къ XII в. Въ началѣ, срединѣ и концѣ онъ нѣсколько поврежденъ. Такъ, въ немъ недостаетъ толкованія на главы XXI, 2 — XXX, 5 и LXV—LXVI, а въ LXIII и LXIV — нѣкоторыя строки трудно разобрать. Заключающееся въ немъ толкованіе св. Іоанна Златоуста на книгу пророка Исаіи, въ армянскомъ переводѣ, было издано въ свѣтъ въ 1880 году Въ 1887 году мекитаристы издали это толкованіе въ латинскомъ переводѣ, посвятивъ его римскому папѣ Льву XIII, подъ слѣдующимъ названіемъ: In Isaiam prophetam interpretatio sancti Ioannis Chrysostomi, archiepiscopi Constantinopolitani, nunc primum ex armenio in latinum sermonem a patribus Mekithàristis translata Venetiis, ėx typographia Sancti Lazari. MDCCCLXXXVII. Съ послѣдняго изданія мекитаристовъ и сдѣланъ русскій переводъ той (большей) части толкованія св. Іоанна Златоуста [1]), которая не сохранилась на греческомъ языкѣ, издаваемый редакціей. Переводъ же первыхъ восьми главъ (1—VIII, 10) исправленъ по изданію Migne'a.

Что касается происхожденія второй части толкованія (VIII, 11—LXIV гл.) отъ св. Іоанна Златоуста, которому принадлежитъ толкованіе на первыя восемь главъ (I—VIII, 10) книги пророка Исаіи, въ греческомъ текстѣ, то, по внимательномъ прочтеніи ея, едвали можетъ быть серьезное сомнѣніе относительно автора ея. Какъ въ несомнѣнно подлинныхъ твореніяхъ св. Іоанна Златоуста, такъ и здѣсь встрѣчаются по мѣстамъ обличенія, волновавшихъ въ то время церковь, еретическихъ лжеученій Евномія, Македонія, іудеевъ, обличенія роскоши расточительности, пьянства, распутства и другихъ пороковъ того времени. Кромѣ того, по мѣстамъ встрѣчаются упоминанія о томъ, что вблизи христіанъ живутъ также идолослужители, язычники, которые совершаютъ свои религіозные обряды. Эти и подобныя историческія черты указываютъ на время св.

---

[1]) Что касается гл. XXVIII, 16, то этотъ отрывокъ взятъ изъ собранія церковныхъ поученій, хранящагося въ библіотекѣ монастыря мекитаристовъ, гдѣ оно имѣетъ надписаніе: Св. отца Златоуста рѣчь, извлеченная изъ толкованія на пророка Исаію. Этотъ отрывокъ изданъ мекитаристами въ латинскомъ переводѣ въ концѣ названной книги.

Іоанна Златоуста. Съ другой стороны, богатое знакомство со Священнымъ Писаніемъ, исторіей, философіей, міровоззрѣніемъ и бытомъ грековъ, глубокое знаніе человѣческаго сердца, во всѣхъ его изгибахъ, широкое пониманіе христіанскихъ идеаловъ, жизнерадостный взглядъ на людей, смѣлость сужденія, картинность, иногда даже пластичность изложенія,—все это обнаруживаетъ въ авторѣ этой части толкованія не иного кого-либо, какъ св. Іоанна Златоуста. Наконецъ многія мѣста въ этой части толкованія буквально сходны съ соотвѣтствующими мѣстами въ толкованіяхъ св. Іоанна Златоуства на евангеліе отъ Матеея и посланія апостола Павла, что съ очевидностію доказываетъ единство автора, какъ толкованія на книгу пророка Исаіи, такъ и толкованій на евангеліе Матеея и посланія апостола Павла.

Болѣе труднымъ представляется вопросъ относительно того, почему толкованіе св. Іоанна Златоуста на книгу пророка Исаіи не сохранилось въ своемъ цѣлостномъ видѣ на греческомъ языкѣ, на которомъ отъ этого толкованія почти до послѣдняго времени была извѣстна лишь небольшая начальная часть, а сохранилась въ армянскомъ переводѣ. Рѣшенію этого вопроса могутъ способствовать до нѣкоторой степени слѣдующія данныя. Во-первыхъ, въ армянскомъ кодексѣ толкованія св. Іоанна Златоуста, въ концѣ 11-го ст. VIII-й гл. толкованія находится приписка: „до сихъ поръ мы находимъ писанное по-гречески собственноручно св. Іоанномъ Златоустомъ". Во-вторыхъ, та часть толкованія, которая сохранилась только въ армянскомъ кодексѣ, отличается отъ первой, сохранившейся на греческомъ языкѣ, болѣе широкимъ примѣненіемъ научнаго экзегетическаго аппарата. Какъ видно изъ многочисленныхъ мѣстъ ея, св. Іоаннъ Златоустъ здѣсь широко и послѣдовательно пользовался гекзаплами Оригена, еврейскимъ текстомъ и нѣкоторыми другими переводами, не извѣстными намъ. Во многихъ мѣстахъ этой части, его толкованіе имѣетъ характеръ научныхъ схолій. На основаніи этихъ данныхъ можно догадываться, что эти двѣ неравныхъ по объему части толкованія св. Іоанна Златоуста явились не одновременно. Относительно первой части, Тиллемонъ, Монфоконъ, Migne утверждаютъ, что она была написана св. Іоанномъ Златоустомъ въ то время, когда онъ былъ или въ пустынѣ, или въ санѣ діакона, до времени его пресвитерства, тѣмъ болѣе епископства въ Константинополѣ, такимъ образомъ до 386 г. [1]). Какъ

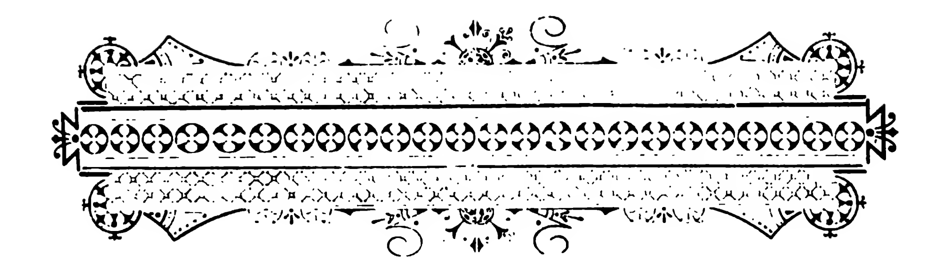
[1]) Patrologiae Cursus Completus, editus a Migne, t. LVI, praefatio in tomum sextum operum Sancti Ioannis Chrysostoni col. 5 — 6. Творенія св. Іоанна Златоуста, т. 1, Жизнь и труды св. Іоанна Златоуста, проф. А. П. Лопухина, стр. LXI, примѣчаніе.

на препятствіе относить происхожденіе ея къ позднѣйшему времени, ими указывается на то, что св. Іоаннъ Златоустъ, будучи въ санѣ пресвитера или епископа константинопольскаго, не имѣлъ для сего достаточно времени. Но если это соображеніе имѣетъ значеніе убѣдительнаго довода относительно первой части, то тѣмъ большее значеніе оно получаетъ относительно второй (большей) части, обработка которой требовала усидчивой и кропотливой работы. А потому является весьма правдоподобнымъ такое предположеніе, что св. Іоаннъ Златоустъ, начавъ свое толкованіе на книгу пророка Исаіи въ санѣ діакона, успѣлъ довести его только до 11 ст. VIII гл., а потомъ на нѣкоторое время отложилъ, и закончилъ ѐго уже въ то время, когда жилъ, въ теченіе трехъ съ половиной лѣтъ, въ ссылкѣ въ Малой Арменіи, въ селеніи Кукузѣ (404—407 г.). Такъ какъ это твореніе было закончено имъ во время пребыванія среди армянскихъ христіанъ, то оно, въ полномъ своемъ видѣ, и стало извѣстнымъ только имъ. Въ самомъ началѣ своего появленія, это толкованіе св. Іоанна Златоуста было переведено на армянскій языкъ, на которомъ оно и сохранялось, тогда какъ греческій оригиналъ его былъ затерянъ. Языкъ армянскаго перевода, въ которомъ сохранилось это толкованіе до послѣдняго времени, по свидѣтельству мекитаристовъ, дѣйствительно принадлежитъ къ золотому, V-му в. армянской литературы (Ex praefatione ad editionem primam armeniam, p. VIII). Изъ этого предположенія становятся понятными какъ вышеозначенная приписка въ армянскомъ кодексѣ, въ концѣ 11 ст. VIII гл., такъ различіе въ характерѣ этой части толкованія св. Іоанна Златоуста, такъ наконецъ и тотъ фактъ, что данное толкованіе святителя сохранилось только у армянъ, въ армянскомъ переводѣ.

Относительно своего построенія, толкованіе св. Іоанна Златоуста имѣетъ характеръ послѣдовательнаго учено-богословскаго комментарія на книгу пророка Исаіи, изложеніе котораго по мѣстамъ оживляется обращеніемъ къ фактамъ современной жизни. Какъ послѣдовательный комментарій, оно не имѣетъ тѣхъ начальныхъ и заключительныхъ формулъ, какія встрѣчаются въ гомиліяхъ и словахъ св. Іоанна Златоуста. Образъ выраженій въ этомъ твореніи его сжатый, естественный и чуждый риторики.

И. Т.

1899 г. ноября 12 дня.



СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО ІОАННА ЗЛАТОУСТАГО,

АРХІЕПИСКОПА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКАГО,

ТОЛКОВАНІЕ НА ПРОРОКА ИСАІЮ.

Превосходство пророка Исаіи весьма ясно можно видѣть 11
и изъ самой книги его, но совершеннѣе показываетъ это апостолъ Павелъ, который зналъ лучше всѣхъ добродѣтели его и говорилъ Св. Духомъ. Объясняя смѣлую рѣчь пророка, нераболѣпный образъ мыслей, высокій умъ и большую ясность пророчества о Христѣ, онъ выразилъ все это однимъ словомъ: *Исаіа же дерзаетъ и глаголетъ: обрѣтохся не ищущымъ мене, явленъ быхъ не вопрошающымъ о мнѣ* (Рим. x, 20). Велика также и сострадательность этого пророка. Онъ не только возставалъ противъ народнаго безумія и съ великою смѣлостію, свободною рѣчью и высокими мыслями возвѣщалъ евреямъ угрожавшія имъ скорбныя обстоятельства, но и самъ среди этихъ обстоятельствъ скорбѣлъ и сокрушался не меньше подвергшихся имъ и плакалъ горче угнетенныхъ ими. Таковы были обыкновенно, можно сказать, всѣ пророки и святые: расположеніемъ своимъ къ руководимымъ ими они превосходили любовь отцовъ и далеко превышали силу природы. Дѣйствительно никто, никогда никто не пламенѣлъ такою любовію къ своимъ дѣтямъ, съ какою они умирали за руководимыхъ, скорбѣли, плакали, молили Бога о страждущихъ, или вмѣстѣ съ ними раздѣлять бѣдствія, дѣлали и терпѣли все для того, чтобы избавить ихъ и отъ вышняго гнѣва,

и отъ угнетавшихъ обстоятельствъ. Никто не можетъ быть такъ способнымъ къ принятію власти, какъ душа любомудрая и умѣющая сострадать. Потому и великаго Моисея Богъ возвелъ на престолъ народнаго водительства, что онъ еще прежде дѣлами показалъ свою любовь къ народу и послѣ говорилъ: *аще убо оставиши имъ грѣхъ, остави:* потомъ *и мене изглади изъ книги, въ нюже вписалъ еси* [1]) (Исх. xxxii, 32). И этотъ самый пророкъ, видя погибель ихъ, говорилъ: *оставите мене, да горцѣ восплачуся: не належите утѣшати мя о сокрушеніи дщере рода моего* (Иса. xxii, 4). Іеремія составилъ пространный плачъ по разрушеніи города. Іезекіиль даже пошелъ вмѣстѣ съ ними въ плѣнъ, считая болѣе легкимъ для себя быть въ странѣ чужой, нежели въ отечественной, находя величайшее утѣшеніе въ несчастіи находиться вмѣстѣ съ страждущими и исправлять дѣла другихъ. Даніилъ, ради возвращенія ихъ изъ плѣна, двадцать и больше дней оставался безъ хлѣба и со всѣмъ усердіемъ молилъ Бога объ освобожденіи ихъ изъ горькаго рабства (Дан. x, 2—3). И каждый изъ святыхъ сіяетъ этою добродѣтелію. Такъ и Давидъ, видя посылаемый гнѣвъ Божій, угрожающій народу, просилъ направить ударъ на него самого и говорилъ: *азъ* пастырь согрѣшихъ, и *азъ пастырь* зло сотворихъ, а стадо сіе *что сотвориша? Да будетъ рука твоя на мнѣ и на дому отца моего* (2 Цар.
18 xxiv, 17) [2]). И патріархъ Авраамъ, находясь вдали отъ бѣдствій и не имѣя никакого участія въ угрожавшихъ содомлянамъ несчастіяхъ, просилъ и молилъ Бога такъ, какъ будто находился среди самыхъ бѣдствій, и не отступилъ бы въ своемъ ходатайствѣ, чтобы отвратить страшное сожженіе, если бы Богъ, оставивъ его, не отошелъ (Быт. xviii, 33). А святые новаго завѣта являли еще бо̀льшую добродѣтель, какъ получившіе бо̀льшую благодать и привязанные къ бо̀льшимъ подвигамъ. Потому и Петръ, слыша слова Христовы, что богатымъ весьма трудно взойти на небо, скорбѣлъ, трепеталъ и спрашивалъ такъ: *кто убо можетъ спасенъ быти* (Лук. xviii, 26)? — хотя относительно своихъ обстоятельствъ имѣлъ смѣлую надежду. Они смотрѣли не на свое положеніе, а заботились о вселенной. И Павелъ показываетъ намъ это во всѣхъ своихъ посланіяхъ; предпочитая видѣніе Христа даже спасенію людей, говорилъ такъ: еже *разрѣшитися и со*

[1]) εἰ μὲν ἀφεῖς αὐτοῖς τὴν ἁμαρτίαν, ἄφες. Ἐπεὶ κἀμὲ ἐξάλειψον ἐκ τῆς βίβλου, но въ ц.-сл.: *аще убо оставиши имъ грѣхъ ихъ, остави; аще же ни, изглади мя изъ книги твоея* (ср. греч. нат. т. εἰ μὲν ἀφεῖς αὐτοῖς τὴν ἁμαρτίαν αὐτῶν, ἄφες. εἰ δὲ μή, ἐξάλειψόν με ἐκ τῆς βίβλου σου).

[2]) Въ ц.-сл. пер.: *се азъ есмь согрѣшивый, азъ есмь пастырь зло сотворивый, а сіи овцы, что сотвориша? Да будетъ нынѣ рука Твоя* и пр.

Христомъ быти лучше: [1]) *а еже пребывати во плоти нужнѣйше есть васъ ради* (Фил. I, 23, 24). Такой же характеръ сохраняетъ намъ и этотъ пророкъ, который изрекая, опредѣленія Божіи съ великою смѣлостію и запрещая грѣшникамъ, непрестанно и продолжительно умоляетъ Бога, разгнѣваннаго противъ нихъ; особенно можно видѣть это въ концѣ его пророчества. Теперь же нужно начать съ самаго вступленія.

ГЛАВА I.

Видѣніе, еже видѣ Исаіа (Иса. I, 1).

1. *Видѣніемъ* Исаія называетъ пророчество, или потому, что многія изъ будущихъ событій онъ созерцалъ самымъ своимъ зрѣніемъ, подобно тому какъ Михей видѣлъ народъ разсѣяннымъ (3 Цар. XXII, 17), и Іезекіиль—плѣненіе и беззаконіе покланявшихся солнцу и Ѳаммузу (Іезек. VIII, 14), или потому, что слышанное пророками отъ Бога было для нихъ нисколько не меньше видѣннаго зрѣніемъ, но одинаково достовѣрно, чего въ житейскихъ дѣлахъ не бываетъ. Они слышали иначе, нежели прочіе люди, какъ самъ пророкъ говорилъ: *приложи ми ухо еже слышати* (Иса. L, 4). Притомъ онъ, называя рѣчь свою *видѣніемъ*, дѣлаетъ ее достовѣрною, возбуждаетъ слушателя и обращаетъ къ Тому, Кто совершилъ эти дѣла. Такъ обыкновенно всѣ, передававшіе изреченія Божіи, прежде всего внушали, что они не говорятъ ничего отъ самихъ себя, но что произносимыя ими слова суть изреченія божественныя и письмена нисшедшія съ неба. Такъ Давидъ говоритъ: *языкъ мой трость книжника скорописца* (Пс. XLIV, 2). Не трости приписывай письмена, но держащей ее рукѣ, т. е. не языку Давида, но движущей его благодати. И другой пророкъ выражаетъ тоже самое, когда говоритъ: *пастырь бѣхъ и ягодичія обирая* (Амос. VII, 14), — чтобы кто-нибудь не приписалъ сказаннаго имъ человѣческой мудрости. А третій не ограничился только этимъ, но прибавилъ и нѣчто другое, сказавъ: *азъ же исполненъ* [2]) *силы Духомъ Господнимъ и судомъ и силою* (Мих. III, 8). Дѣйствительно, благодать дѣлала ихъ не только мудрыми, но и сильными, не составомъ тѣла, но мыслію. Такъ какъ они имѣли 14

[1]) Въ ц.-сл. пер.: *желаніе имый разрѣшитися и со Христомъ быти много паче лучше* и пр.

[2]) Св. І. Зл. читаетъ здѣсь: ἀλλὰ μὴν ἐγὼ ἐνεπλήσθην ἰσχύος согласно съ евр. м. т. Но въ александрійскомъ текстѣ здѣсь читается: ἐὰν μὴ ἐμπλήσω ἐγὼ ἰσχύν, почему ц. слав.: *аще азъ не наполню силы.*

дѣло съ народомъ дерзкимъ и безстыднымъ, жаждавшимъ крови пророковъ и совершавшимъ убійство святыхъ, то конечно они нуждались въ великой силѣ, чтобы не бояться невыразимой его дерзости. Потому и говорилъ Богъ Іереміи: *положихъ тя въ столпъ желѣзный, и аки стѣну мѣдяну* (Іер. I, 18); и Іезекіилю: *посреди скорпіевъ ты живеши, не убойся отъ лица ихъ, ниже ужасайся* (Іез. II, 6). И Моисей, когда былъ посылаемъ, отказывался, кажется мнѣ, боясь не только фараона, но особенно самого народа іудейскаго (Исх. IV, 10). Бесѣдуя съ Богомъ и не распространяясь о варварѣ, онъ съ великимъ тщаніемъ старался узнать, что должно ему говорить іудеямъ, невѣровавшимъ, что онъ дѣйствительно былъ посланъ отъ Бога, и знаменія получилъ сообразныя съ ихъ расположеніемъ; и весьма справедливо. Вѣдь, если одинъ изъ нихъ, и притомъ облагодѣтельствованный имъ, привелъ его въ такой страхъ, то что долженъ былъ онъ чувствовать, представляя этотъ буйный народъ? Потому пророкъ и получилъ не только Духа мудрости, но и силы, и говорилъ: я исполнился *силы Духомъ Господнимъ и судомъ и силою* (Мих. III, 8); и другой: *слово Божіе бысть ко Іереміи сыну Хелкіеву* (Іер. I, 1); и еще иной: *бремя* (λῆμμα) *о Ниневіи: книга видѣнія Наума Елкесеева* (Наум. I, 1). И этотъ самый пророкъ означаетъ другимъ выраженіемъ тоже, что предъидущіе, назвавъ полученіе Духа *бременемъ*. Такъ какъ они говорили, будучи объемлемы (λαμβανόμενοι) Духомъ, то онъ и назвалъ такъ дѣйствіе благодати.

Потому и Павелъ вездѣ въ началѣ посланій употребляетъ выраженіе: *апостольство*; то́, что́ пророки означали выраженіемъ: *видѣніе, слово, бремя, глаголъ,* онъ означаетъ выраженіемъ: *апостольство*. Какъ тотъ, кто изрекаетъ видѣніе и слово Божіе, говоритъ не свое, такъ и тотъ, кто называетъ себя апостоломъ, преподаетъ не свое ученіе, а то, какое повелѣлъ ему Пославшій. Достоинство апостола (посланника) — не прибавлять ничего отъ самого себя. Потому и Христосъ говорилъ: *не зовите наставника на земли: единъ бо есть наставникъ вашъ, иже на небесѣхъ* (Мат. XXIII, 9, 10), показывая, что начало всѣхъ нашихъ догматовъ происходитъ свыше, отъ небеснаго Владыки, хотя люди служатъ къ ихъ преподаванію. *Еже видѣ Исаіа.* Какъ видятъ пророки то́, что́ видятъ, мы сказать не можемъ, потому что невозможно объяснить словомъ способа ихъ видѣнія; это знаетъ ясно только тотъ, кто узналъ на опытѣ. Если часто никто не можетъ объяснить словомъ дѣйствій природы и страстныхъ состояній души, то тѣмъ болѣе — способа дѣйствій Духа. Впрочемъ, если позволительно привести неточныя сравненія, — не съ тѣмъ, чтобы ясно представить дѣло, но только изобразить подобіемъ, — мнѣ

кажется, съ пророками происходило тоже, какъ если бы чистая вода, принявъ въ себя солнечные лучи, просвѣтилась. Такъ и души пророковъ, очистившись напередъ собственною добродѣтелію, принимаютъ даръ Духа и, проникнувшись этимъ свѣтомъ, получаютъ вѣдѣніе будущаго. *Сынъ Амосовъ.* Для чего онъ упоминаетъ объ отцѣ? Или для отличія отъ другихъ, одноименныхъ съ нимъ, или для того, чтобы научить, что незначительность отца нисколько не помрачаетъ добродѣтели сына, а благородство состоитъ не въ томъ, чтобы происходить отъ знатныхъ родителей, но чтобы самимъ быть великими. Такъ и этотъ пророкъ, происходившій отъ незнатнаго отца, сдѣлался знаменитѣе всѣхъ, просіявъ превосходствомъ собственной добродѣтели. *Еже видѣ на Іудею и на Іерусалимъ.*

2. Почему онъ упомянулъ отдѣльно о томъ и другомъ мѣстѣ? Потому, что и наказанія имъ были отдѣльныя и въ различныя времена, такъ какъ Богъ премудро устроилъ и то, чтобы не всѣ вдругъ погибали, но медленно и мало-по-малу, дабы чрезъ наказаніе отведенныхъ въ плѣнъ оставшіеся дѣлались благоразумнѣе. Если же они не пользовались врачествомъ, какъ должно то это—вина не врача, но больныхъ. Такъ Онъ поступаетъ всегда и въ каждомъ поколѣніи; не всѣхъ, вмѣстѣ и одинаково согрѣшающихъ, вмѣстѣ и наказываетъ,—иначе весь нашъ родъ давно былъ бы истребленъ,—но однихъ наказываетъ здѣсь, дѣлая для нихъ самихъ наказаніе въ той жизни болѣе легкимъ, и предлагая современникамъ ихъ величайшее побужденіе къ исправленію, а другихъ, которые не хотятъ исправиться ни сами собою, ни чрезъ такое устроеніе, сберегаетъ для неизбѣжнаго и страшнаго дня суда. *Въ царство Озіи и Іоаѳама и Ахаза и Езекіи, иже царствоваша во Іудеи.* Съ пользою онъ указываетъ и время пророчества, отсылая любознательнаго слушателя къ исторіи событій, Пророчество становится удобопонятнѣе и яснѣе, когда мы узнаемъ, при какихъ обстоятельствахъ и при какихъ ранахъ іудейскихъ пророки приготовляли врачество. *Слыши небо, и внуши земле, яко Господь возглагола* (ст. 2). Это вступленіе исполнено великаго гнѣва. Если бы гнѣвъ его не былъ весьма сильнымъ и невыразимымъ. то онъ не оставилъ бы людей и не обратилъ бы рѣчи къ стихіямъ. Впрочемъ, онъ дѣлаетъ это не только для того, чтобы показать свой гнѣвъ, но чтобы и самихъ людей, которые будутъ слушать, пристыдить съ великою силою, показавъ, что одаренные разумомъ хуже безчувственныхъ стихій. Такъ обыкновенно поступали и другіе пророки. Потому и посланный къ Іеровоаму, оставивъ царя, къ которому былъ посланъ, обратилъ рѣчь къ жертвеннику (3 Цар. XIII, 1, 2). И Іеремія взывалъ къ землѣ такъ:

земле, земле, земле, напиши мужа сего, мужа отвержена (Іер. XXII, 29, 30). И еще другой говорилъ: *слышите дебри, основанія земли* (Мих. VI, 2). *Сыны родихъ*. Пророкъ указываетъ на сдѣланное имъ благодѣяніе, не общее для всѣхъ людей, состоящее въ полученіи бытія, но особенное, состоящее въ усыновленіи. Богъ всегда предваряетъ Своими благодѣяніями. Какъ при сотвореніи человѣка Онъ еще не созданнаго почтилъ властію, сказавъ: *сотворимъ человѣка по образу нашему и по подобію* (Быт. I, 26), а въ новомъ завѣтѣ оказалъ еще бо́льшее благодѣяніе, когда не только не сдѣлавшихъ ничего (добраго), но даже сдѣлавшихъ безчисленное множество золъ, удостоилъ *бани пакибытія*, — такъ и здѣсь можно видѣть, что Онъ почтилъ усыновленіемъ не только не сдѣлавшихъ ничего добраго, но даже падшихъ. Впрочемъ, воздавая честь прежде трудовъ, Онъ не лишаетъ награды послѣ трудовъ, но и тогда удостоиваетъ еще бо́льшихъ наградъ. *И возвысихъ*. Однимъ этимъ словомъ онъ изобразилъ все, бывшее
16 въ Египтѣ, въ пустынѣ, въ Палестинѣ. Богъ, по обилію благодѣяній Своихъ, обыкновенно не останавливается на подробномъ исчисленіи событій. *Тіи же отвергошася мене*. Преступили, говоритъ, мой законъ, оставили мои заповѣди. *Позна волъ стяжавшаго и, и оселъ ясли господина своего* (ст. 3). Сравненія усиливаютъ обличеніе, особенно когда они заимствуются отъ предметовъ неравныхъ, какъ и Христосъ говоритъ: *мужіе Ниневитстіи востанутъ на судъ съ родомъ симъ и осудятъ* его; и еще: *царица южская востанетъ на судъ, и осудитъ родъ сей: яко пріиде отъ конецъ земли слышати премудрость Соломонову* (Мѳ. XII, 41—42). И Іеремія также говоритъ: *пріидите во островы Хеттимъ, и видите въ Кидаръ. Послите* [1]), *и увѣдите, аще премѣниша языцы боги своя, людіе же мои премѣниша славу свою на то, отъ негоже не упользуются* (Іер. II, 10, 11). Пророкъ показываетъ нетрудность постановленій закона, такъ что та мѣра, какая требуется отъ людей, легко исполняется и безсловесными животными, и даже безсмысленнѣйшими изъ безсловесныхъ. Но, скажетъ кто-нибудь, животныя отъ природы имѣютъ это знаніе. А мы совершаемое ими отъ природы можемъ исполнять по волѣ. *Позна волъ стяжавшаго*. Обличаетъ ихъ не только преимуществомъ дара, но и чрезмѣрностію ихъ нечестія усиливаетъ обличеніе. Какъ выше онъ призывалъ стихіи къ ихъ обличенію, такъ теперь сравниваетъ ихъ не съ людьми, но съ безсловесными животными, и притомъ съ безсмысленнѣйшими, и показываетъ, что они хуже этихъ животныхъ.

---

[1]) Въ ц.-сл. пер.: *и въ Кидаръ послите, и разсмотрите прилѣжно и видите, аще* и проч.

3. Такъ поступаетъ и Іеремія, указывающій на *горлицу* и *ластовицу* (Іер. VIII, 7), и Соломонъ, отсылающій проводящаго лѣнивую жизнь то къ муравью, то къ пчелѣ (Прит. VI, 6; Сир. XI, 8). *Исраиль же мене не позна*. Крайнее нечестіе, когда даже тѣ, которые были приближены и удостоены стольких почестей, всѣ вдругъ уклонились къ нечестію. Не сказалъ: *Іаковъ*, но: *Исраиль*, чтобы добродѣтелію предка яснѣе показать неблагодарность потомковъ. Тотъ добродѣтелію души пріобрѣлъ благословеніе, выраженное этимъ названіемъ, а они нечестіемъ своимъ измѣнили ему. *И людіе мои мене не разумѣша*; *мене*, говоритъ, сіяющаго свѣтлѣе солнца. *Увы языкъ грѣшный* (ст. 4). И это въ обычаѣ у пророковъ — оплакивать болящихъ неисцѣльно. Такъ поступаетъ и Іеремія во многихъ мѣстахъ; такъ и Христосъ, когда говоритъ: *горе тебѣ, Хоразине, горе тебѣ, Виѳсаидо* (Мат. XI, 21), потому что и это — видъ наставленія. Кого не вразумило ученіе, того часто исправляло сѣтованіе. *Людіе исполнени грѣховъ*. Еще болѣе усиливаетъ обличеніе указаніемъ на то, что они всѣ и притомъ крайне грѣшны. *Сѣмя лукавое*. Не происхожденіе ихъ порицаетъ, но показываетъ, что они порочны съ самаго перваго возраста. Какъ Іоаннъ, восклицая: змія, *рожденія ехиднова*, не безчеститъ ихъ природы, иначе не сказалъ бы: *сотворите убо плодъ достоинъ покаянія*, если бы они по природѣ и отъ рожденія были таковыми (Мѳ. III, 7, 8),—такъ и пророкъ здѣсь, говоря: *сѣмя лукавое*, не порицаетъ ихъ рожденія. *Сынове беззаконніи*. Не сказалъ: *преступніи*, но: *беззаконніи*, находящіеся въ состояніи нисколько не лучше 17
тѣхъ, которые никогда не получали закона. Показываетъ также несогласіе ихъ воли (съ закономъ). *Остависте Господа и разгнѣвасте*. Сказалъ это для ясности: имени Божіяго достаточно было для обличенія, какъ и Іеремія обличаетъ, когда говоритъ, что они отъ Него отступили и прилѣпились къ демонамъ (Іерем. V, 7) [1]). *Святаго Исраилева*. И это усиливаетъ ихъ вину, что Онъ, будучи Владыкою всѣхъ, имъ тогда особенно былъ извѣстенъ. *Отвратитеся* [2]) *вспять*. *Что еще уязвляетеся, прилагающе беззаконіе* (ст. 5)? Величайшее нечестіе, когда и отъ наказаній не дѣлаются лучшими. Впрочемъ и наказаніе есть видъ благодѣянія. Они не могли сказать, что Богъ только почтилъ и облагодѣтельствовалъ ихъ, а согрѣшившихъ оставилъ, но Онъ и почестями привлекалъ ихъ, и страхомъ наказаній вразумлялъ, и однако при томъ и другомъ они остались неисцѣльно больными. Онъ употреблялъ всѣ виды врачеванія, отсѣкая и прижигая; но болѣзнь не усту-

---

[1]) Ц.-слав.: *сынове твои оставиша мя, и кляшася тѣми, иже не суть бози*.

[2]) Буквально: *отвратишася* (ἀπηλλοτριώθησαν).

пала; а это особенно и служитъ знакомъ неисцѣльной болѣзни, когда не могутъ даже принимать врачества. *Всякая глава въ болѣзнь и всякое сердце въ печаль: отъ ногъ даже до главы нѣсть въ немъ цѣлости: ни струпъ, ни язва, ни рана палящаяся* (ст. 6). Потомъ говоритъ о наказаніяхъ и мученіяхъ, потому что это — не меньшій видъ благодѣянія и чести, оказанной имъ. Я, говоритъ, всѣхъ ихъ наказалъ и подвергъ скорби. Если же *всякая глава въ болѣзнь*, то какъ нѣтъ ни струпа, ни язвы? Струпъ тогда является дѣйствительнымъ струпомъ, когда прочія части тѣла здоровы; а когда будетъ изъязвлено все тѣло, тогда рана уже не будетъ представляться раною. Это онъ и хочетъ выразить, т. е. что все тѣло изъязвлено, не такъ, чтобы одна часть была здорова, а другая изранена, но все — въ огнѣ, все — одна рана. *Нѣсть пластыря приложити*. Это тяжелѣе прежняго, потому что не такъ тяжело болѣть, какъ при болѣзни не имѣть возможности принять врачество, и особенно, когда есть такой Врачъ. *Ниже елеа, ниже обязанія*. Чтобы выразиться сильнѣе, онъ продолжаетъ переносную рѣчь, а въ этомъ и состоитъ превосходство переносной рѣчи. *Земля ваша пуста* (ст. 7). Это онъ не описываетъ, какъ уже бывшее, но предсказываетъ, какъ будущее. Пророки обыкновенно такъ поступаютъ, устрашая слушателя и вмѣстѣ съ тѣмъ показывая силу своей истины. Какъ прошедшему невозможно не быть, такъ и будущему, возвѣщенному пророками, невозможно не случиться, если только люди, которымъ угрожаетъ наказаніе, не раскаются. *Гради ваши огнемъ пожжени*. Богъ не совершенно истребилъ ихъ, но поставилъ стоять остатками отъ варварскаго сожженія, которые могли бы сильнѣе трогать обращающихъ на нихъ взоры. *Страну вашу предъ вами чуждіи поядаютъ ю, и опустѣ низвращенна отъ людей чуждихъ*. Еще тяжелѣе несчастіе, когда люди бываютъ зрителями собственныхъ бѣдствій, а не только по слуху узнаютъ о нихъ. *Оставится дщерь Сіоня, яко куща въ винограды, и яко овощное хранилище въ вертоградѣ* (ст. 8).

4. Сравненія, особенно тѣ, которыя употребляются въ Писаніи, много способствуютъ къ усиленію рѣчи. *А дщерію Сіона* про-
18 рокъ называетъ Іерусалимъ, потому что онъ лежитъ при этой горѣ. *Яко куща въ виноградѣ и яко овощное хранилище въ вертоградѣ*. Когда расхищены плоды и уведены земледѣльцы, тогда уже излишни зданія города. *Яко градъ воюемый*. Это — намекъ на ихъ слабость и безпомощность. Когда нѣтъ никакого помощника, тогда бываетъ необходимо запереться, ожидая защиты единственно отъ стѣнъ. *И аще не бы Господь Саваоѳъ оставилъ намъ сѣмене, яко Содома убо были быхомъ, и яко Гоморру уподобилися быхомъ*

(ст. 9). У пророковъ всегда въ обычаѣ—предсказывать не только тѣ бѣдствія, которыя грѣшники имѣютъ потерпѣть, но и тѣ, которыя они достойны были потерпѣть, чтобы и во время самаго наказанія они воздавали великую благодарность Богу, испытывая наказаніе не соотвѣтствующее грѣхамъ, но гораздо меньшее. Такъ и здѣсь онъ говоритъ, что грѣхи ихъ заслуживали не этихъ, исчисленныхъ бѣдствій, но всецѣлаго истребленія и совершеннаго уничтоженія всего рода ихъ, какъ и случилось съ содомлянами; но человѣколюбіе Божіе не допустило быть этому а послало наказаніе гораздо меньше грѣховъ. Такъ какъ есть великое сродство между ветхимъ и новымъ завѣтами, то и Павелъ справедливо привелъ эти слова и сказалъ еще рѣшительнѣе, нежели пророкъ (Рим. IX, 28, 29). Въ самомъ дѣлѣ, какъ въ то время, если бы не была великая милость Божія, всѣ были бы истреблены, такъ и во время пришествія Христова, если бы не явилась благодать, всѣ пострадали бы тяжелѣе тѣхъ. Но Богъ оставилъ намъ *сѣмя*, — разумѣетъ спасшихся отъ плѣна. *Услышите слово Господне, князи Содомстіи: внемлите закону Бога* нашего [1]), *людіе Гоморрстіи* (ст. 10). Сказавъ, что они достойны были наказанія содомлянъ, пророкъ показываетъ, что они дерзнули совершить дѣла содомлянъ; потому и называетъ ихъ общимъ именемъ. Иначе такое выраженіе было бы неумѣстно. А что дѣйствительно онъ обращаетъ теперь рѣчь не къ содомлянамъ, но къ іудеямъ, называя ихъ общимъ именемъ, это доказываютъ послѣдующія слова, гдѣ онъ упоминаетъ о жертвахъ, приношеніяхъ и прочихъ, установленныхъ закономъ, священнослуженіяхъ, которыхъ и слѣда не было у содомлянъ. *Закону Бога* нашего, — говоритъ такъ для обличенія.

Что Ми множество жертвъ вашихъ, глаголетъ Господь? Исполненъ есмь всесожженій овнихъ и тука агнцовъ, и крове юнцовъ и козловъ не хощу (ст. 11). Псаломъ сорокъ девятый весь сходенъ съ этимъ мѣстомъ и составленъ хотя изъ другихъ выраженій, но изъ тѣхъ же мыслей. Словамъ псалма: *призоветъ небо свыше и землю, разсудити люди своя* (Пс. XLIX, 4) подобны слова: *слыши небо, и внуши земле, яко Господь возглагола;* и послѣдующее сходно. Какъ Давидъ говоритъ: *не о жертвахъ твоихъ обличу тя, всесожженія же твоя предо Мною суть выну* (ст. 8), такъ и Исаія говоритъ: *что Ми множество жертвъ вашихъ, глаголетъ Господь?* И

---

[1]) Св. І. Зл. читаетъ здѣсь: Θεοῦ ἡμῶν = Бога нашего, какъ читается въ нѣкоторыхъ спискахъ греческаго текста, наприм. въ комплютенской полиглоттѣ и въ изданіи александрійскаго текста Грабе. Но въ кодексѣ алекс. и ватик. ἡμῶν не читается, почему въ ц.-слав.: *закону Божію*.

еще Давидъ говоритъ: *не пріиму отъ дому твоего телцовъ, чиже отъ стадъ твоихъ козловъ* (ст. 9); и Исаія: *всесожженій овнихъ, и тука агнцовъ, и крове юнцовъ и козловъ не хощу.* Такъ какъ они, часто слыша обличенія въ недостаткѣ прочихъ добродѣтелей, ссылались, какъ на величайшее оправданіе, на жертвы, которыя они часто приносили, то справедливо тотъ и другой пророкъ, или—лучше—всѣ пророки отвергали такое ихъ оправданіе. Отсюда видно, что жертвы были установлены не сами для себя, а для того, чтобы онѣ служили имъ руководствомъ къ другой послѣдующей жизни. Но такъ какъ іудеи, пренебрегая существенно необходимымъ, занимались ими, то Богъ говоритъ, что Онъ не принимаетъ ихъ. *Ниже приходите явитися Ми* (ст. 12), — если, говоритъ, вы придете въ храмъ. *Кто бо изыска сія изъ рукъ вашихъ?* Между тѣмъ цѣлая книга, называемая Левитъ, состоитъ изъ постановленій о жертвоприношеніяхъ; и во Второзаконіи и въ другихъ многихъ мѣстахъ встрѣчается много законовъ касательно ихъ. Какъ же онъ говоритъ: *кто изыска сія изъ рукъ вашихъ?* Говоритъ для того, чтобы ты зналъ, что Богъ не имѣлъ особеннаго желанія устанавливать, но отъ слабости іудеевъ получили начало законы о жертвахъ. Какъ не хотѣлъ Богъ, чтобы отпускаема была жена, однажды соединенная съ мужемъ, но для предотвращенія бо́льшихъ золъ, именно, чтобы при запрещеніи развода не стали убивать ненавистныхъ женъ внутри домовъ, Онъ допустилъ меньшее зло, такъ точно и здѣсь, желая удержать отъ жертвоприношеній бѣсамъ, Онъ допускалъ то, чего не хотѣлъ, чтобы достигнуть того, чего хотѣлъ. То же самое выразилъ и пророкъ Амосъ, сказавъ: *еда заколенія и требы принесосте Ми лѣтъ четыредесять* [1]), *глаголетъ Господь* (Амос. v, 25)? И Іеремія говоритъ: не сія суть, *яже заповѣдахъ отцемъ вашимъ* (ср. Іер. vii, 22) [2]).

5. Такъ какъ бѣсамъ было совершаемо служеніе такимъ образомъ, то Богъ, желая, чтобы это не сдѣлалось для немощнѣйшихъ поводомъ къ погибели, непрестанно говоритъ объ этомъ чрезъ всѣхъ пророковъ. Бѣсы негодовали, когда имъ не были приносимы жертвы, и непрестанно съ настойчивостью требовали себѣ дыма и смрада, и говорили: *мы получили этотъ даръ въ жребій* [3]). А Богъ и вначалѣ не требовалъ ихъ, и когда установилъ, то показалъ, что не по Своему желанію Онъ допустилъ ихъ, какъ видно не только отсюда, но и изъ того, что Онъ скоро отмѣнилъ

---

[1]) Св. І. Злат. оставляетъ слово „*въ пустыни*" (ἐν τῇ ἐρήμῳ).
[2]) Св. І. Зл. передаетъ общій смыслъ Іер. VII, 21—23.
[3]) Иліад. iv, 49.

ихъ, и когда онѣ были приносимы, не принималъ, и вообще всячески показывалъ, что такой способъ служенія гораздо ниже Его величія. Такъ и теперь Онъ говоритъ: для васъ Я терпѣлъ это, а не самъ имѣлъ въ томъ нужду. *Ходити по двору моему не приложите*. Здѣсь онъ или предсказываетъ плѣнъ, или запрещаетъ имъ это, потому что они приходили не съ благочестивымъ расположеніемъ духа. *И аще принесете Ми семидалъ, всуе* (ст. 13). Изъ заповѣдей однѣ были даны сами по себѣ, а другія для чего-нибудь другого; напримѣръ, познавать Бога, не убивать, не прелюбодѣйствовать и тому подобное было заповѣдано ради происходящей отсюда пользы; а приносить жертвы, воскурять ѳиміамъ, соблюдать субботу и тому подобное было заповѣдано не для того, чтобы только было совершаемо само по себѣ, но чтобы чрезъ исполненіе этого люди отклонялись отъ служенія бѣсамъ. Но
такъ какъ іудеи жертвоприношенія совершали, а пользы отъ нихъ 20
не получали, но еще привязывались къ бѣсамъ, то Богъ справедливо отвергаетъ и самыя жертвы. Такъ и то дерево справедливо вырубаютъ, которое имѣетъ листья и вѣтви, а плодовъ не приноситъ, потому что земледѣлецъ всячески заботится о растеніи не для коры и ствола, но для полученія плодовъ. *Кадило мерзость Ми есть*. Видишь ли, что Онъ не свойству приносимаго радовался, но испытывалъ расположеніе приносящихъ? Потому дымъ и смрадъ отъ жертвоприношенія Ноева Онъ назвалъ *вонею благоуханія* (Быт. VIII, 21), а ихъ ѳиміамъ — мерзостію. Онъ требуетъ, какъ я сказалъ, не вещества даровъ, но расположенія приносящихъ. *Новомѣсячій вашихъ и субботъ* (ст. 14). Нужно замѣтить, что Онъ не отвергаетъ ничего необходимаго, но — то, чтó отмѣнилъ и Христосъ, пришедши на землю. Потому и Павелъ, воспользовавшійся этимъ словомъ рѣшительнѣе, когда боролся противъ іудеевъ, предполагая не только это, но и другое, бóльшее этого, говорилъ, что не проявляющіе ничего (добраго) извнутри не получаютъ никакой пользы извнѣ. Аще же [1]) *ты*, говорилъ онъ, *Іудей именуешися, и почиваеши на законѣ, и хвалишися о Бозѣ, и разумѣеши волю, и разсуждаеши лучшая, научаемь отъ закона*. И еще: *обрѣзаніе бо пользуетъ, аще законъ твориши: аще же закона преступникъ еси, обрѣзаніе твое необрѣзаніе бысть* (Рим. II, 17, 18, 25). Тѣ, говоритъ, которымъ былъ ввѣренъ законъ, не получали никакой пользы отъ того, что имъ былъ ввѣренъ законъ, потому что они не вѣровали. Тоже выражаетъ и Давидъ другимъ обра-

[1]) Св. І. Зл. въ началѣ XVII ст. читалъ εἰ δὲ = *аще же*, какъ читаетъ Грисбахъ и слѣдующіе ему критики новозавѣтнаго текста (Лахманъ, Тишендорфъ, Шольцъ и нѣк. др.). Но другіе читаютъ: ἴδε = *се*.

зомъ, когда говоритъ: *грѣшнику же рече Богъ: вскую ты повѣдаеши оправданія моя* (Псал. XLIX, 16)? Такъ какъ они чрезмѣрно превозносились слышаніемъ закона, хотя не исполняли его, то Павелъ и укорилъ ихъ за такое тщеславіе, говоря: *научая убо инаго, себе ли не учиши? И проповѣдая не красти, крадеши* (Рим. II, 21, 22). Подобнымъ образомъ и Давидъ говоритъ: *аще видѣлъ еси татя, теклъ еси съ нимъ, и съ* прелюбодѣями [1]) *участіе твое полагалъ еси* (Псал. XLIX, 18). *Идне великаго не потерплю*. Говоритъ о пятидесятницѣ, праздникѣ кущей, пасхѣ и прочихъ праздникахъ. *Поста, и праздности* [2]), *и праздниковъ вашихъ ненавидитъ душа моя*. Говоритъ имъ человѣкообразно. *Быстe Ми въ сытость*: въ пресыщеніе, въ отвращеніе. Это служитъ доказательствомъ неизреченнаго долготерпѣнія Его, что Онъ часто согрѣшавшихъ терпѣлъ и не прежде наказывалъ, какъ сами грѣшники крайностію нечестія вызывали Его на это. *Ктому не стерплю грѣховъ вашихъ:* болѣе уже не буду терпѣть. Это подобно сказанному Давидомъ: *сія сотворилъ еси, и умолчахъ* (Пс. XLIX, 21).

Егда простpете руки ваша ко мнѣ, отвращу очи мои отъ васъ: и аще умножите моленіе, не услышу [3]) (ст. 15). Отсюда видно, что отъ молитвы, даже продолжительной, не бываетъ никакой пользы, если молящійся остается во грѣхахъ. Нѣтъ ничего равнаго добродѣтели и моленію посредствомъ дѣлъ. *Руки бо ваша исполнены крове*, т. е. убійственны; но не сказалъ: убійственны, а: *исполнены крове*, выражая, что они дѣлали грѣхъ занятіемъ, и
21 всегда усиленнымъ занятіемъ.

6. И это дѣло благости Божіей, что, угрожая, Онъ оправдывается, приводитъ причины, почему Онъ и не принимаетъ ихъ молитвы. *Измыйтеся, чисти будите* (ст. 16). Почему же Онъ, сказавъ: *ктому не стерплю грѣховъ вашихъ,* даетъ совѣтъ, и показавъ, что они больны неисцѣльно, говоритъ объ исправленіи? Богъ обыкновенно такъ поступаетъ: и угрожаетъ лишеніемъ спасенія, чтобы усилить страхъ, и не останавливается на этомъ, чтобы подать добрыя надежды, и такимъ образомъ привести къ раскаянію. Это каждый можетъ видѣть вездѣ. Такъ Онъ поступилъ съ ниневитянами не на словахъ, а на дѣлѣ. Не обѣщавъ имъ ничего добраго на словахъ, но представивъ въ угрозѣ одно только наказаніе, Онъ прекратилъ Свой гнѣвъ, какъ скоро всѣ эти иноплеменники показали должное съ своей стороны. Такъ

---

[1]) Ц.-славянскій пер., согласно съ альдинскимъ изданіемъ и комплютенской полиглоттой: *и съ прелюбодѣемъ* (καὶ μετὰ μοιχοῦ).

[2]) Св. І. Злат. оставляетъ καὶ τὰς νουμηνίας ὑμῶν = и *новомѣсячій вашихъ*

[3]) Св. І. Злат. оставляетъ послѣднее слово ὑμῶν = *васъ*.

опять и Давидъ говоритъ въ псалмѣ; я сказалъ уже, что этотъ псаломъ совершенно сходенъ съ началомъ (книги Исаіи). Какъ Исаія послѣ угрозъ говоритъ: *измыйтеся, чисти будите*, такъ и Давидъ, послѣ словъ: *обличу тя и представлю предъ лицемъ твоимъ грѣхи твоя*, прибавляетъ: *жертва хвалы прославитъ Мя, и тамо путь, имже явлю имъ* [1]) *спасеніе мое* (Псал. XLIX, 21, 23), называя *хвалою* славословіе посредствомъ дѣлъ и исповѣданіе Его.

А чтобы они, слыша слова: *измыйтеся, чисти будите*, не разумѣли обыкновенныхъ очищеній, пророкъ продолжаетъ: *отъимите лукавства отъ душъ вашихъ предъ очима моима, престаните отъ лукавствъ вашихъ*. Показываетъ легкость добродѣтели и свободу воли, такъ какъ отъ нихъ самихъ зависѣло — исправиться. *Научитеся добро творити* (ст. 17). Такимъ образомъ отъ большого нечестія они даже потеряли познаніе добродѣтели. Такъ и пророкъ Давидъ говоритъ: *пріидите, чада, послушайте мене: страху Господню научу васъ* (Псал. XXXIII, 12). Это знаніе выше всѣхъ знаній и достойно тѣмъ большаго старанія, чѣмъ больше встрѣчаетъ препятствій—отъ насильственнаго влеченія природы, отъ лѣности воли, отъ козней бѣсовъ, отъ множества дѣлъ. Такъ и Варухъ говоритъ: *сей Богъ нашъ, не вмѣнится инъ къ Нему: изобрѣте всякъ путь хитрости* (Вар. III, 36, 37). *Взыщите суда*, т. е. защиты обижаемыхъ, для чего нужно много трудовъ и бодрости души; потому и сказалъ: *взыщите*. Многое помрачаетъ правду, — и подарки, и невѣдѣніе, и властолюбіе, и стыдъ, и страхъ, и лицепріятіе; потому и нужна великая бдительность. *Избавите обидимаго*. Это важнѣе предъидущаго; здѣсь требуется не только правое сужденіе, не и приведеніе дѣла къ окончанію. *Судите сиру и оправдите вдовицу*. Богъ много печется, чтобы никто не терпѣлъ зла, а еще больше, когда кто, подвергаясь злу, терпитъ притомъ еще другое несчастіе. Вдовство и сиротство невыносимы и сами по себѣ; но если притомъ еще другіе обижаютъ этихъ несчастныхъ, то — двойное кораблекрушеніе. *И пріидите,* 22
и истяжимся, глаголетъ Господь (ст. 18). Надобно замѣтить, что вездѣ у пророковъ ничего Богъ такъ не требуетъ, какъ защиты обижаемыхъ. Такъ и въ другомъ мѣстѣ, какъ у Михея, когда Іудеи говорятъ: *дамъ ли первенцы моя о нечестіи моемъ, плодъ утробы моея за грѣхи души моея*, Онъ присовокупляетъ: *возвѣщу тебѣ, человѣче, что добро, или чесого Господь ищетъ отъ тебе, развѣ еже творити судъ, и любити милость, и готову быти еже ходити тебѣ съ Господемъ Богомъ твоимъ* (Мих. VI, 7, 8). Также и пророкъ Давидъ говоритъ: *милость и судъ воспою Тебѣ, Господи* (Пс. C 1).

[1]) Въ греч. сп. αὐτῷ, почему ц.-слав. имъ.

И пріидите. Онъ напередъ представилъ оправданія, потомъ призываетъ на судъ; напередъ научилъ, какъ они могли бы избавиться отъ обвиненій, потомъ и требуетъ отчета, чтобы не осудить ихъ, неимѣющихъ защиты. *И истяжимся*, говоритъ, будемъ судиться. Судясь, Онъ бываетъ и защитникомъ и врачемъ. Далѣе, желая показать, что мы, хотя бы сдѣлали великія дѣла, имѣемъ и тогда нужду въ Его человѣколюбіи для избавленія отъ грѣховъ, говоритъ: *и аще будутъ грѣси ваши яко багряное, яко снѣгъ убѣлю*; беретъ совершенно противоположныя свойства и обѣщаетъ измѣнить одно изъ нихъ на противоположное. *Аще же будутъ яко черленое, яко волну убѣлю.* Велика сила покровительства вдовицамъ, если оно душу, такъ оскверненную, что она какъ бы покрыта краскою нечестія, не только освобождаетъ отъ зла, но и дѣлаетъ столь свѣтлою. *И аще хощете и послушаете Мене, благая земли снѣсте: аще же не хощете, ниже послушаете Мене, мечь вы поястъ: уста бо Господня глаголаша сія* (ст. 19, 20). Такъ какъ для людей болѣе грубыхъ вожделѣнно и пріятно не столько избавленіе отъ грѣховъ, сколько наслажденіе благами, почитаемыми въ настоящей жизни, то Онъ обѣщаетъ имъ вмѣстѣ съ тѣмъ и эти блага, — потому что и послѣднее зависитъ отъ перваго.

7. Притомъ, показывая легкость добродѣтели, онъ полагаетъ ее зависящею только отъ хотѣнія. А потомъ, чтобы упоминаніемъ благъ не подать повода къ безпечности, онъ заключаетъ рѣчь страшною угрозою и убѣждаетъ въ несомнѣнности ея силою Изрекшаго это. *Како бысть блудница градъ вѣрный Сіонъ* (ст. 21)? Этотъ вопросъ означаетъ и скорбь говорящаго, и великую безчувственность іудеевъ, и неожиданность событія. Такъ и Павелъ съ недоумѣніемъ говоритъ о галатахъ: *чуждуся, яко тако скоро прелагаетеся* (Гал. I, 6). Это — видъ обличенія и внушенія, призывающаго къ добродѣтели. Выраженное удивленіе и прибавленіе похвалъ къ обличенію дѣлаетъ обличеніе болѣе тяжкимъ, — потому что мы не столько порицаемъ тѣхъ, которые не отличаются ничѣмъ и ведутъ низкую жизнь, сколько тѣхъ, которые прежде казались ревностными (въ добродѣтели), а потомъ предались порокамъ. Называя его здѣсь *блудницею*, пророкъ разумѣетъ не развратъ тѣлесный, но неблагодарность къ Богу, которая тяжелѣе блуда. Тамъ унижается человѣкъ, а здѣсь пренебрегается Богъ. Такое названіе употребляютъ какъ онъ, такъ и всѣ другіе пророки, — потому что Богъ благоволилъ почи-
23 таться для этого города какъ бы мужемъ, выражая неизреченную любовь къ нему; потому они часто и говорятъ, какъ бы о мужѣ и женѣ, не для того, чтобы унизить рѣчь до грубыхъ дѣлъ че-

ловѣческихъ, но чтобы сравненіемъ съ предметами обыкновенными руководить слушателей къ познанію любви Божіей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и тронуть ихъ позорнымъ названіемъ. *Вѣрный*, т. е. благочестивый, исполненный всякой добродѣтели; и отсюда видно, что подъ блудомъ онъ разумѣетъ не тѣлесный развратъ; иначе онъ сказалъ бы: *градъ цѣломудренный*, въ противоположность *блудницѣ;* а теперь желая показать, что подъ блудомъ онъ разумѣетъ нечестіе, въ противоположность ему полагаетъ *вѣру. Полнъ суда*, т. е. исполненный правды. Опять величайшее обличеніе: они не только всецѣло предавались нечестію, но и всецѣло оставили добродѣтель, вдругъ отвергнувъ все богатство благъ и ниспадши въ крайнюю бездну золъ. *Въ немже правда почиваше:* была водворена, говоритъ, обитала, т. е. была насаждена, укоренена, усердно исполняема всѣми гражданами. Онъ продолжаетъ прежнія похвалы съ одной стороны для того, чтобы усилить обличеніе за перемѣну, а съ другой — подать добрыя надежды и показать, что имъ легко опять исправиться. *Нынѣ же убійцы*, т. е. человѣкоубійцы. *Сребро ваше неискушено* (ст. 22), т. е. поддѣланное, нецѣльное, нечистое. *Корчемницы твои мѣшаютъ вино съ водою*. Такъ какъ вначалѣ онъ не изобразилъ ихъ нечестія въ частныхъ видахъ, но сказалъ только, что они отверглись Господа, стали сѣменемъ злымъ и сынами беззаконными, что̀ могло показаться болѣе порицаніемъ, нежели обвиненіемъ, то здѣсь онъ исчисляетъ самыя вины ихъ въ частныхъ видахъ, и прежде всего указываетъ на то̀, что̀ составляетъ первое, среднее и послѣднее изъ золъ, — сребролюбіе и корыстолюбіе въ торговлѣ. Впрочемъ нѣкоторые, не разумѣя неизреченной премудрости Божіей, принимаютъ эти слова въ переносномъ смыслѣ. Великій и возвышенный Исаія, говорятъ они, не сталъ бы говорить о плутовствѣ мѣнялъ и испорченности корчемниковъ, но *сребро* здѣсь означаетъ изреченія Божіи и *вино* — ученіе, которое они искажали прибавленіемъ собственныхъ мнѣній. Я не порицаю и этого объясненія, но говорю, что другое болѣе справедливо. Говорить о такихъ предметахъ не только не недостойно пророка, но даже весьма достойно и его и человѣколюбія Божія. И для чего много распространяться объ этомъ? Когда Единородный Сынъ Божій пришелъ на землю, принесши съ Собою высокое ученіе и желая насадить ангельскую жизнь, тогда и Онъ немало говорилъ о мѣрахъ и такихъ предметахъ, которые кажутся еще маловажнѣе этого, — о привѣтствіяхъ, о сидѣніи посреди другихъ, о возлежаніи на первомъ мѣстѣ. Эти, повидимому, маловажныя дѣла, когда пренебрегаютъ ими, дѣлаются великими поводами ко грѣхамъ. Если же должно исполнять это въ новомъ завѣтѣ, то тѣмъ

болѣе должно было въ ветхомъ, когда и слушатели были болѣе грубы, и вся жизнь ихъ исправлялась тѣмъ больше, чѣмъ больше народъ научался удаляться отъ всякой несправедливости, ни въ
24 чемъ не обманывать ближнихъ и не увеличивать бѣдности нуждающихся вреднымъ корчемничествомъ.

8. Отъ пренебреженія этимъ часто были разрушаемы города, владыки были низвергаемы съ престоловъ, происходила непримиримая война; и напротивъ при соблюденіи этого былъ великій миръ, благоденствіе и безопасность, руководствующая къ добродѣтели. *Князи твои не покоряются* (ст. 23). Это — знакъ величайшей болѣзни и развращенія, когда сами врачи усиливаютъ болѣзни. Начальники должны удерживать безпорядочныя дѣйствія народа, располагать его къ исполненію долга, дѣлать покорнымъ закону; если же они сами первые нарушаютъ законы, то какъ они могутъ быть учителями другихъ? Выраженіе: *не покоряются* значитъ: не повинуются закону, не соблюдаютъ заповѣдей, — какъ и Павелъ обличая говоритъ: *научая убо иного, себе ли не учиши* (Рим. II, 21)? Когда испорченъ корень, тогда чего добраго можно ожидать отъ вѣтвей? *Общницы татемъ*. Еще важнѣе вина, когда они не только не прекращаютъ преступленій, но стараются дѣлать напротивъ, не только не преслѣдуютъ воровъ, но и содѣйствуютъ имъ, дѣлая зло, совершенно противоположное добродѣтели начальника. *Любяще дары*. Другой немаловажный видъ сребролюбія, который имѣетъ благовидное основаніе, но подъ предлогомъ благосклонности означаетъ крайнее корыстолюбіе. *Гоняще воздаяніе*: злопамятны въ отношеніи къ своимъ врагамъ, мстительны въ отношеніи къ оскорбившимъ ихъ, что̀ составляетъ величайшій видъ злобы. Потому не только въ новомъ, но и въ ветхомъ завѣтѣ онъ осуждается съ великою силою. *И злобы*, говоритъ пророкъ, *кійждо брата своего да не* помните [1]) *въ сердцахъ своихъ* (Зах. VII, 10). Отъ этого зла долженъ быть чистымъ и народъ, а тѣмъ болѣе начальникъ, который въ составленіи приговора подсудимымъ долженъ быть свободенъ отъ вражды, чтобы пристань не сдѣлалась для нихъ подводнымъ камнемъ. *Сирымъ не судящіи*, т. е. не покровительствующіе, такъ чтобы они получили справедливое. *И суду вдовицъ не внимающіи*.

Надобно замѣтить, что не только дѣлать зло, но и не дѣлать добра,—считается порокомъ. Такъ и въ новомъ завѣтѣ, не питавшіе алчущаго, не за то, что они похищали чужое, но за то,

---

[1]) Св. Іоан. Злат. читаетъ: μνησικακεῖτε, какъ стоитъ въ нѣкот. сп. греч. т. (ср. алвд. пад., комплют. пол. и др.), а не μνησικακείτω, какъ въ ал., ват. код. (ср. слав. „помните").

что не раздавали своего нуждающимся, отсылаются въ огонь
геенскій. Подобнымъ образомъ и эти здѣсь осуждаются не за то,
что предаются корыстолюбію и злоупотребляютъ властію, но и за
то, что не подаютъ помощи нуждающимся. *Сего ради тако глаголетъ Владыка Господь Саваоѳъ*, властитель Израиля, т. е. народа [1]).
Не напрасно пророкъ прибавилъ: *властитель*, но желая напомнить
іудеямъ о благодѣяніяхъ, полученныхъ ими сверхъ чаянія, и. о
тяжкихъ наказаніяхъ, которыя они потерпѣли. Такъ какъ они,
согрѣшая много и часто и пользуясь великимъ долготерпѣніемъ
Божіимъ, предавались беэпечности, то онъ хочетъ показать, что
Богъ можетъ наказать, когда захочетъ, и не имѣетъ нужды ни
въ обстоятельствахъ, ни во времени, но все у Него близко и
готово. *Горе крѣпкимъ во Израили: не престанетъ бо ярость моя
на противныя* моя [2]). Что можетъ быть несчастнѣе тѣхъ, которые
имѣютъ врагомъ своимъ Бога? *Не престанетъ*, говоритъ Онъ не
для того, чтобы привести ихъ въ отчаяніе, но чтобы, усиливъ 25
страхъ, призвать къ покаянію. Страшнѣе этихъ словъ: *не престанетъ ярость*, слѣдующія слова: *на противныя моя*. Ничто такъ не
прогнѣвляетъ Бога, какъ несправедливость къ бѣднымъ. *Горе
крѣпкимъ*, говоритъ Онъ, осуждая не просто силу, но силу, употребляемую во зло; а подъ силою разумѣетъ здѣсь не крѣпость
тѣлесную, но власть, являющуюся отъ стеченія обстоятельствъ.
И судъ врагомъ моимъ сотворю: накажу враговъ моихъ. Врагами
своими Онъ называетъ тѣхъ, которые по своей наглости относятся
враждебно къ бѣднымъ; и говоритъ это для того, чтобы показать тебѣ значеніе несправедливости. *И наведу руку мою на тя,
и разжегу* тя [3]) *въ чистоту* (ст. 25). Чтобы ты уразумѣлъ, что каковъ бы ни былъ гнѣвъ Божій и наказаніе, они служатъ не для
зла и не для отмщенія только, но и для того, чтобы сами наказываемые сдѣлались лучшими, Онъ говоритъ: *и разжегу тя въ
чистоту*. Потому не тогда нужно скорбѣть, когда мы наказываемся, но когда грѣшимъ; послѣднее производитъ нечистоту, а
первое — очищеніе. Что же значитъ: *въ чистоту?* Такъ, чтобы не
осталось въ тебѣ и слѣда нечистоты. Что для золота огонь, тоже
для беэпечныхъ наказаніе. *Непокаряющихся же погублю, и отъиму*

[1]) Въ славянскомъ нѣтъ словъ: *властитель Израиля* (ὁ δυνάστης τοῦ Ἰσραήλ.) Чтеніе св. I. Зл. не имѣетъ для себя аналогіи въ греч. сп., но въ евр. из. ему соотвѣтствуетъ abir Israel=русск. пер.: Сильный Израиловъ (ср. Пешито: Aschino Isroil).

[2]) Св. I. Зл., согласно нѣкот. греч. сп. (ср. евр. м. т. и Пешито), читаетъ здѣсь μου, чего нѣтъ ни въ ал., ни въ ват. код.

[3]) Св. I. Зл., согласно алек. код. и мн. греч. сп., читаемъ здѣсь σε = *тя*, чего нѣтъ въ ват. код. (ср. ц.-слав. пер.).

всѣхъ беззаконныхъ отъ тебе, и всѣхъ гордыхъ смирю. Тѣ, говоритъ, которые больны неисцѣльно и не укрощаются даже наказаніями, погибнутъ. Какая польза отъ ихъ жизни, если они при жизни вредятъ и себѣ и другимъ? А тѣ, которые отъ ихъ наказанія могутъ исправиться, останутся. Здѣсь, мнѣ кажется, онъ намекаетъ и на плѣнъ. *И приставлю судіи твои, якоже прежде, и совѣтники твоя, яко отъ начала* (ст. 26).

9. Здѣсь онъ говоритъ о возвращеніи изъ плѣна. Послѣ истребленія неисцѣльно больныхъ, послѣ исправленія способныхъ къ раскаянію, онъ благовременно прилагаетъ и остальной видъ врачеванія — предстоятельство хорошихъ начальниковъ и общество добрыхъ совѣтниковъ, чтобы, при уврачеваніи тѣла лѣкарствами и при отличныхъ врачахъ, части города опять пришли въ благосостояніе во всѣхъ отношеніяхъ. Дѣйствительно, немаловажный видъ благодѣянія — получить добрыхъ начальниковъ. *И по сихъ наречешися градъ правды, мати градовомъ, вѣрный Сіонъ.* Но мы не находимъ, гдѣ бы прилагалось такое названіе къ городу Іерусалиму. Чтоже можно сказать на это? То, что онъ говоритъ здѣсь о названіи, выраженномъ дѣлами.

Это не мало поможетъ намъ, когда іудеи потребуютъ отъ насъ объясненія имени Еммануила. Если Исаія сказалъ, что Христосъ будетъ названъ такимъ именемъ, а между тѣмъ Онъ нигдѣ такъ не названъ, то мы можемъ сказать имъ, что пророкъ назвалъ Его по значенію дѣлъ Его. Такъ точно и здѣсь. *Съ судомъ бо спасется плѣненіе его и съ милостынею* (ст. 27). *Съ*
6 *судомъ*, т. е. съ отмщеніемъ, съ наказаніемъ и мученіемъ враговъ. *Съ милостынею,* т. е. съ великимъ человѣколюбіемъ. Здѣсь Онъ обѣщаетъ имъ два величайшихъ дара: наказать отведшихъ ихъ въ плѣнъ и доставить имъ самимъ великое благоденствіе; каждый изъ этихъ даровъ самъ по себѣ можетъ доставить величайшее удовольствіе, а когда они стекутся оба вмѣстѣ, то произойдетъ неизреченная радость. Съ другой стороны, желая показать, что и послѣ продолжительнаго плѣна они будутъ возвращены въ отечество не за то, что понесли достойное наказаніе и очистились отъ грѣховъ, но по человѣколюбію Божію, онъ прибавляетъ: *и съ милостынею. И сокрушатся беззаконніи и грѣшницы вкупѣ* (ст. 28). Это — третій видъ благодѣянія, состоящій въ томъ, что не будетъ ни одного соблазнителя и обольстителя, но будутъ истреблены учители зла. *И оставившіи Господа скончаются*: а нечестивые, говоритъ, погибнутъ.

Занеже постыдятся о идолѣхъ своихъ, ихже сами восхотѣша (ст. 29). Нѣкоторые стараются приложить эти слова къ настоящему времени; но мы, не споря съ ними, будемъ слѣдовать по

порядку. Вотъ что, говоритъ онъ, случится при нашествіи непріятелей. Когда иноплеменники вторгнутся въ страну, осадятъ городъ, будутъ держать всѣхъ какъ бы въ сѣтяхъ, и не будетъ никого, кто бы отмстилъ имъ и разсѣялъ облако, потому что Богъ оставилъ эту страну, тогда конечно самымъ дѣломъ обнаружится великій стыдъ почитателей идоловъ. *Ихже восхотѣша*, говоритъ, т. е. о которыхъ тщательно заботились. Посрамятся о изваяныхъ своихъ, ихже совершиша [1]). Въ видѣ разсказа онъ предлагаетъ обличеніе, такъ какъ, еще прежде нанесенія имъ ранъ, самый способъ дѣланія идоловъ достаточенъ былъ для того, чтобы пристыдить ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть постыднѣе, какъ дѣлать для себя какого-нибудь Бога? *И посрамятся о садѣхъ своихъ, ихже возжелѣша*. Они не только покланялись истуканамъ, но служили и деревамъ въ рощахъ. *Будутъ бо яко теревинѳъ отметнувшій листвія своя* (ст. 30), т. е. или идолы, или сами жители города. А это дерево онъ привелъ въ примѣръ какъ потому, что оно особенно растетъ въ тамошней странѣ и находится у нихъ въ обиліи, такъ и потому, что оно сильно и густо цвѣтетъ, когда распускается, и бываетъ крайне безобразно, когда теряетъ листья. *И яко вертоградъ не имый воды*. Другое сравненіе, болѣе ясное, нежели первое, и удостовѣряющее въ истинѣ сказаннаго въ первомъ. Дѣйствительно, нѣтъ ничего пріятнѣе цвѣтущаго сада, и нѣтъ ничего непріятнѣе сада опустошеннаго. То и другое случилось и съ этою столицею. Она была всегда прекрасна и блистательна, отличаясь безчисленными красотами, и стала хуже и отвратительнѣе всѣхъ, потерявъ вдругъ такое богатство благолѣпія. *И будетъ крѣпость ихъ яко стебль изгребія* (ст. 31). Прежнія сравненія взяты, чтобы показать безобразіе, а это — слабость; всѣ они весьма понятны, заключаютъ въ себѣ весьма ясный и выразительный смыслъ. *Яко стебль изгребія*, т. е. слабы. *И дѣланія ихъ яко искры огненныя*. Здѣсь
онъ показываетъ, что зло — внутри ихъ, что они сами себѣ при- 27
чинили плѣнъ и воспламенили пещь. Какъ упавшія искры производятъ огонь, такъ совокупные грѣхи ихъ воспламенили гнѣвъ Божій. *И сожгутся беззаконницы и грѣшницы вкупѣ, и не будетъ угашаяй*. Опять Онъ угрожаетъ имъ лишеніемъ спасенія по той же самой причинѣ, не для того, чтобы они отчаивались, но чтобы, возбудивъ въ себѣ живой страхъ, оставили свою великую

[1]) Καὶ αἰσχυνθήσονται ἐπὶ τοῖς γλυπτοῖς αὐτῶν, ἐφ' οἷς ἐποίησαν. Этихъ словъ нѣтъ ни въ ал., ни въ ват. код., а потому они не переведены и въ ц.-слав. Но въ нѣкот. греч. сп. слово γλυπτοῖς = *изваяныхъ* замѣняетъ стоящее ниже слово κήποις = *садѣхъ*.

безпечность; притомъ указываетъ здѣсь и на нѣчто другое, на непреодолимую свою силу, на то, что когда Онъ наказываетъ и отмщаетъ, тогда никто не можетъ противостать и прекратить бѣдствія.

ГЛАВА II.

Слово бывшее (отъ Господа) [1]) ко Исаіи, сыну Амосову (Иса. II, 1).

1. Отсюда видно, что пророки изрекали не всѣ пророчества вдругъ, но, получая вдохновеніе въ различныя времена, возвѣщали ихъ по частямъ, которыя впослѣдствіи, будучи собраны вмѣстѣ, составили цѣлую книгу. Потому онъ здѣсь такъ и начинаетъ. И не отсюда только это дѣлается яснымъ и понятнымъ для насъ, но и изъ дальнѣйшихъ словъ, гдѣ пророкъ означаетъ и время пророчества, то прибавляя: *въ лѣто, въ неже вниде Наѳанъ во Азотъ* [2]) (Ис. XX, 1), то замѣчая: *и бысть въ лѣто, въ неже мре Озіа царь, видѣхъ Господа сѣдяща на престолѣ высоцѣ и превознесеннѣ* (Иса. VI, 1). Пророчества собраны вмѣстѣ не такъ, какъ посланія Павла и Евангелія, но, какъ я сказалъ, въ различныя времена. Потому и настоящее *слово* онъ начинаетъ особымъ предисловіемъ, и не потому только, но потому, что предметъ, о которомъ онъ намѣревается говорить, весьма отличенъ отъ преждесказаннаго и возвышеннѣе его. Здѣсь именно онъ говоритъ намъ о призваніи язычниковъ, объ открытіи проповѣди, о распространеніи вѣдѣвія по всей вселенной, о водвореніи мира на землѣ. Если же онъ, намѣреваясь говорить о такихъ догматахъ, упоминаетъ объ Іудеѣ и Іерусалимѣ, — это нисколько не странно. Рѣчь его была пророчествомъ, прикрытымъ до времени приведенными именами. Такъ и Давидъ, приступая къ составленію LXXI псалма, надписалъ его, *Соломону* [3]), но далѣе изрекъ видѣнія, которыя гораздо важнѣе достоинства Соломона и даже природы всѣхъ людей. Вѣдь слова: *прежде солнца пребываетъ имя Его, прежде луны* престолъ его [4]) (Пс. LXXI, 17, 5), и тому подобныя, конечно,

---

[1]) Св. І. Зл. словъ: παρὰ Κυρίου = *отъ Господа* здѣсь не читалъ, какъ они не читаются и въ ват. код.

[2]) Св. І. Зл. читаетъ здѣсь Νάθαν — *Наѳанъ*, какъ въ алек. код., но ват. код. и др. греч. сп. Τανάθαν, ср. ц.-сл. *Танаѳанъ*, а въ евр. м. *Тартанъ*.

[3]) Св. І. Зл. читаетъ надпись LXXI пс.: τῷ Σολομῶντι = *Соломону*, согласно съ евр. м. т., но въ греч. сп.: εἰς Σολομών, почему ц.-сл.: о *Соломонѣ*.

[4]) Вмѣсто: ὁ θρόνος αὐτοῦ = *престолъ Его*, въ греч. сп., согласно съ евр. м. и Пеш., стоитъ: γενεὰς γενεῶν = ц.-сл.: *рода родовъ*.

никто изъ людей самыхъ безумныхъ не станетъ относить къ природѣ человѣческой. Такъ же поступилъ и Іаковъ, когда предсказывалъ тоже, о чемъ теперь намѣревается говорить Исаія, и даже больше этого: онъ, вмѣстѣ съ призваніемъ язычниковъ, предсказалъ и о смерти (Христовой), и о воскресеніи, и о времени, въ которое имѣлъ придти (Христосъ). И онъ изложилъ все это не открыто, но названіемъ сына прикрывъ то, о чемъ намѣревался сказать; такъ напр. онъ предсказывалъ, повидимому, о томъ, что случится съ Іудою, но, какъ свидѣтельствуютъ послѣдующія событія, предсказалъ и о томъ, что имѣлъ совершить Христосъ, такъ какъ Іуда не былъ *чаяніемъ языковъ*, и не тогда прославилось колѣно его, когда *оскудѣло* ихъ (іудеевъ) государство, но все это произошло, когда пришелъ Христосъ.

Если же іудеи безстыдно будутъ отвергать этотъ законъ пророчествъ, то изъ самихъ изреченій (пророческихъ) весьма легко можно обличить ихъ, если кто, тщательно раскрывъ пророчества и съ надлежащимъ вниманіемъ изслѣдовавъ каждое слово, приложитъ сказанное къ событіямъ. А чтобы сильнѣе заградить уста ихъ, я постараюсь объяснить это пророчествами не о Христѣ, но объ ихъ патріархахъ, и покажу, что многія пророчества, хотя были изречены о родоначальникахъ, но исполнились на ихъ потомкахъ. Я изложу, для примѣра, одно или два событія, и потомъ обращусь къ своему предмету. Такъ, когда Іаковъ, призвавъ Симеона и Левія, предсказывалъ имѣвшее случиться съ ними, то сказалъ: *Симеонъ и Левій братія*, и укоривъ ихъ за преступленіе и несправедливое избіеніе сихемлянъ, продолжалъ: *раздѣлю ихъ во Іаковѣ и разсѣю ихъ во Израили* (Быт. XLIX, 5—7). Но всякій можетъ видѣть, что это не сбылось на Симеонѣ и Левіи, а на колѣнахъ, происшедшихъ отъ нихъ. Колѣно Левіино дѣйствительно было разсѣяно,—десятая часть его принадлежала каждому изъ прочихъ колѣнъ; и колѣно Симеоново, которое испытало почти такую же участь, занявъ пространство по жребію внѣ всѣхъ колѣнъ, не получило, какъ всѣ другія, совокупнаго и сосредоточеннаго наслѣдства (Іис. Нав. XIX, 1—9; 1 Пар. IV, 24—43). И самъ Іаковъ, получивъ благословенія отъ отца, не пользовался ни однимъ изъ нихъ. Отецъ предсказалъ ему великое благоденствіе и постоянное господство надъ Исавомъ; но онъ имѣлъ недостатокъ въ необходимомъ, питался, будучи наемникомъ, и былъ такъ далекъ отъ господства надъ братомъ, что опасался даже за свою жизнь, и встрѣтившись съ нимъ только однажды съ великимъ страхомъ, былъ радъ, что могъ удалиться отъ него и спастись. Что же сказать на это? Неужели пророчество ложно? Да не будетъ! Но обычай пророчества часто бываетъ таковъ, что

имѣющее случиться съ одними лицами предсказывается подъ другими, и одни имена употребляются вмѣсто другихъ, какъ было и съ Хананаомъ. Мы не видимъ, чтобы онъ былъ рабомъ у братьевъ, но проклятіе, изреченное на него, не осталось безъ исполненія, а исполнилось на гаваонитянахъ, происшедшихъ отъ Ханаана. Сказанное въ видѣ проклятія было пророчествомъ.

2. Если же столь многіе и такіе примѣры показываютъ намъ, что многое изъ сказаннаго говорится объ однихъ, а сбывается на другихъ, и если пророки употребляютъ имена такимъ образомъ, то что удивительнаго, если и теперь пророкъ, приводя имена Іудеи и Іерусалима, предвозвѣщаетъ о Церкви? Такъ какъ онъ говорилъ къ людямъ неблагодарнымъ, которые убивали пророковъ, сожигали книги, разрушали жертвенники, то для нихъ справедливо покрывало лежало при чтеніи ветхаго завѣта, по словамъ блаженнаго Павла (2 Кор. III, 14). Иначе они истребили бы и книги, если бы понимали силу пророчества о Христѣ. Если они не устыдились Его, когда Онъ самъ присутствовалъ, творилъ
29 чудеса и представлялъ совершеннѣйшія доказательства Своей силы, согласія и единомыслія съ Отцемъ, и не отстали дотолѣ, пока распяли Его, то едва ли они пощадили бы тѣхъ, которые говорили о Немъ, которыхъ они и безъ того безпрестанно побивали камнями. Потому пророки, употребляя собственныя и извѣстныя имъ имена, такимъ образомъ прикрывали пророчества. А что здѣсь говорится не объ Іудеѣ и Іерусалимѣ, это мы обстоятельно докажемъ, обративъ вниманіе на каждое слово.

Яко будетъ въ послѣдняя дни явлена гора Господня (ст. 2). Замѣть точность пророка: онъ не только возвѣщаетъ событія, но обозначаетъ и время. Что говоритъ Павелъ въ словахъ: *егда же пріиде кончина* временъ [1]) (Гал. IV, 4), и въ другомъ мѣстѣ: *въ смотреніе исполненія временъ* (Еф. I, 10), тоже и пророкъ говоритъ: *въ послѣдняя дни. Горою* же онъ называетъ Церковь и непобѣдимость догматовъ. Какъ если бы безчисленныя войска нападали на горы, натягивая луки, бросая копья, подводя осадныя орудія, горамъ они не могли бы повредить, но сами отступили бы, потерявъ собственную силу, такъ и всѣ, воевавшіе противъ Церкви, ея не поколебали, а потерявъ собственную силу, посрамились, при самомъ нанесеніи ударовъ оказываясь безсильными, при самомъ нападеніи впадая въ изнуреніе, при самомъ дѣйствіи испытывая пораженіе отъ страждущихъ; въ этомъ и состоитъ дивный способъ ея побѣды, возможный не для людей, а только

[1]) Св. І. лат. читаютъ здѣсь: τῶν καιρῶν = временъ, но въ посланіи къ Галатамъ, откуда взятъ цитатъ, здѣсь стоитъ: τοῦ χρόνου = въ ц.-сл. *лѣта*.

для Бога. Въ Церкви достойно удивленія не только то, что она побѣдила, но и то, что побѣдила такимъ образомъ. Будучи гонима, преслѣдуема, терзаема безчисленными способами, она не только не уменьшалась, но и возрастала, и самое терпѣніе ея поражало старавшихся причинить ей эти страданія. Таково дѣйствіе адаманта въ отношеніи желѣза: тѣмъ самымъ, что онъ получаетъ удары, онъ уничтожаетъ силу ударяющаго; таковъ и роженъ въ отношеніи къ тѣмъ, которые идутъ противъ него: онъ нисколько не дѣлается отъ того слабѣе, когда окровавливаетъ ноги идущихъ противъ него (Дѣян. IX, 5). Потому пророкъ и назвалъ Церковь горою. Если же іудей не допускаетъ здѣсь переноснаго смысла, то пусть онъ обличится собственными словами пророка. Самъ пророкъ сказалъ, что волки и агнцы будутъ пастись вмѣстѣ, что свиснетъ Богъ мухамъ и пчеламъ и наведетъ на іудеевъ рѣку сильную, потому что они не хотѣли имѣть воду силоамскую (Иса. I, 6; VII, 18; VIII, 6). Если бы кто-нибудь сталъ принимать это буквально, то получилъ бы много непонятнаго; но принимающимъ означаемое этими выраженіями должно представлять ходъ мыслей такимъ образомъ. Что же означается этими выраженіями? Названіями волковъ и агнцевъ означаются нравы людей — звѣрскіе и кроткіе; мухами — безстыдство египтянъ; рѣкою — стремительность непріятельскаго войска; Силоамомъ — кротость и доброта начальствовавшаго тогда царя іудейскаго. Никто изъ людей самыхъ безумныхъ, конечно, не будетъ противорѣчить намъ въ этомъ. Потому, какъ это пророкъ означилъ другими названіями, такъ и твердость Церкви, ея непоколебимость, высоту,
непобѣдимость, онъ выразилъ названіемъ горы. И другой про- 30
рокъ сравниваетъ съ горою надѣющихся на Бога, означая ихъ непобѣдимость. *Явлена.* Это уже не требуетъ объясненія. Самыя событія по свойству своему громче трубы возвѣщаютъ славу Церкви. Не такъ блистательно солнце и происходящій отъ него свѣтъ, какъ дѣла Церкви. *И домъ Божій на версѣ горъ.*

3. Какъ истолковалъ бы это іудей? Храмъ его никакъ не на верху горъ; а сила Церкви касается самыхъ небесъ. Какъ домъ, находящійся на вершинѣ горъ, бываетъ видимъ всѣми, такъ, и еще больше того, Церковь сдѣлалась славною у всѣхъ людей. *И возвысится превыше холмовъ.* Этимъ пророкъ опять выражаетъ тоже самое,—чего съ храмомъ никогда не бывало, даже и тогда, когда онъ, повидимому, былъ въ самомъ лучшемъ состояніи. И какъ относить это къ храму, когда онъ и самими іудеями часто былъ непочитаемъ, и разрушаемъ руками иноплеменниковъ? А сила Церкви, хотя испытывала нападенія болѣе жестокія и болѣе частыя, нежели онъ, но никогда не была покоряема руками напа-

дающихъ, а напротивъ особенно отъ враговъ дѣлалась еще болѣе высокою и славною. Тогда были сонмы мучениковъ, тогда лики исповѣдниковъ, тогда являлись души крѣпче желѣза и сіяли свѣтлѣе самыхъ звѣздъ; тѣла ихъ были разсѣкаемы, но душа не была побѣждаема, а побѣждала и увѣнчивалась. Кто видалъ, кто слыхалъ, чтобы убіеніе приносило вѣнецъ, чтобы закланіе доставляло побѣду, чтобы войско дѣлалось болѣе славнымъ тогда, когда больше являлось убиваемыхъ непріятелями?

И пріидутъ къ ней вси языцы. Продолжая рѣчь, пророкъ дѣлается болѣе яснымъ, говоритъ болѣе открыто, выражаетъ пророчество болѣе вразумительно, и сильнѣе заграждаетъ уста іудеевъ. Хотя бы они были весьма безстыдны, этого они никакъ не могутъ отнести къ своему храму. Язычникамъ было запрещенно и тщательно возбранялось входить въ храмъ. Что я говорю: входить въ храмъ? И самымъ іудеямъ съ великими угрозами законъ запрещалъ имѣть смѣшеніе съ язычниками и подвергалъ ихъ за это величайшему наказанію. Пророкъ Аггей все свое пророчество составилъ изъ того, что обличалъ, угрожалъ, требовалъ наказанія за такое непозволенное смѣшеніе посредствомъ брака. Но наше—не таково; Церковь, со всею щедростію раскрывая свои нѣдра, съ распростертыми объятіями ежедневно принимаетъ всѣ народы вселенной. Такое повелѣніе и первые учители догматовъ получили отъ Единороднаго, немедленно услышавъ отъ Него такія слова: *шедше научите вся языки* (Мѳ. xxviii, 19). Замѣть, какъ пророкъ указываетъ не только на призваніе язычниковъ, но и на усердное ихъ послушаніе. Онъ не сказалъ: *приведутся*, но: *пріидутъ*. И другой пророкъ, выражая это яснѣе, сказалъ: *и не научитъ кійждо ближняго своего и кійждо брата своего, глаголя: познай Господа: яко вси познаютъ Мя отъ мала даже и до великаго ихъ* (Іер. xxxi, 34). Для іудеевъ и тварь измѣняла свои свойства, и
31 были постоянныя угрозы, и безпрестанныя наказанія, и непрерывныя чудеса, и явленія пророковъ, и страхъ законодателя, и угрожавшія войны, и нападенія иноплеменниковъ, и бѣдствія, попускаемыя Богомъ, и наказанія, ниспосылаемыя съ неба; но они оставались *жестоковыйными и необрѣзанными*, какъ говорилъ Стефанъ (Дѣян. vii, 51), упорными и непреклонными; а для язычниковъ достаточно было простого слова и одного слышанія, и всѣ они тотчасъ притекли. Потому и Давидъ, указывая на это, сказалъ: *людіе, ихже невѣдѣхъ, работаша Ми*, и, удивляясь ихъ послушанію, прибавилъ: *въ слухъ уха послушаша Мя* (Пс. xvii, 44, 45). И Іаковъ, выражая тоже самое болѣе загадочно, сказалъ: *привязуяй къ лозѣ жребя свое, и къ винничію жребца осляте своего* (Быт. xlix, 11). Кто видалъ жеребенка, привязаннаго къ *винничію*, стоя-

щаго у виноградника, и не повреждающаго плодовъ? Между безсловесными — никогда; а между людьми это совершилось съ великою точностію. Іудеи, будучи связаны безчисленными узами, *сокрушили иго, расторгли узы*, какъ говоритъ пророкъ (Iер. v, 5); а язычники, не будучи принуждаемы никакою необходимостію, охотно послушались, какъ *жребя*, привязанное къ *виничію*, не нарушили ни одной изъ заповѣдей, но стояли, показывая великую покорность. *И пойдутъ языцы мнози, и рекутъ: пріидите, и взыдемъ на гору Господню и въ домъ Бога Іаковля* (ст. 3). Посмотри, какъ они составляютъ лики и торжества, убѣждаютъ другъ друга, и всѣ дѣлаются учителями,—не одинъ, не два и не три, но многіе стекающіеся народы. Придутъ, говоритъ, *языцы мнози* и изъ различныхъ странъ,— чего у іудеевъ никогда не было. Если нѣкоторые и приходили къ нимъ, то развѣ немногіе прозелиты, и притомъ съ великимъ трудомъ, и они никогда не назывались народами, но — пришельцами. *Пришельцы*, говоритъ пророкъ, *пріидутъ къ тебѣ* и будутъ твоими слугами (Иса. LIV, 15). Если же пророкъ продолжаетъ иносказательную рѣчь, называя Церковь горою и домомъ Бога Іаковля, то не удивляйся этому. Онъ, какъ я прежде сказалъ, то раскрываетъ, то закрываетъ пророчество; первое дѣлаетъ для того, чтобы людямъ болѣе разумнымъ дать способъ къ уразумѣнію сказаннаго; а второе — для того, чтобы удержать безпорядочное стремленіе неразумныхъ; и вездѣ онъ разнообразитъ свою рѣчь.

4. Если онъ сказалъ: *Бога Іаковля*, то не смущайся этимъ, возлюбленный. И Единородный Сынъ Божій былъ Богомъ Іаковлевымъ. Онъ и далъ законъ, и совершалъ у нихъ всѣ чудеса. Это ясно можно видѣть и изъ ветхаго завѣта, если іудеи не приписываютъ никакой важности новому. Такъ Іеремія говоритъ: *завѣщаю вамъ завѣтъ новъ, не по завѣту, егоже завѣщахъ отцемъ вашимъ* [1]) (Iер. XXXI, 31—32), выражая, что Сынъ Божій былъ законодателемъ обоихъ законовъ. А что Онъ и освободилъ евреевъ изъ Египта, объ этомъ пророкъ прибавляетъ: *въ день, въ оньже емшу Ми за руку ихъ, изведши я отъ земли Египетскія* (ст. 32). Если же Онъ вывелъ ихъ, то Онъ же совершилъ и всѣ чудеса въ Египтѣ и въ пустынѣ. *И возвѣститъ намъ путь свой, и пойдемъ по нему.* Видишь ли ищущихъ нѣкотораго другого закона? *Путемъ* Писаніе обыкновенно называетъ заповѣди Божіи. Если бы онъ говорилъ о прежнемъ завѣтѣ, то не сказалъ бы: *возвѣститъ намъ*,

[1]) Св. І. Злат. читаетъ здѣсь у Іереміи: τοῖς πατράσιν ὑμῶν = *отцемъ вашимъ* (какъ въ Фридрихо-Августовскомъ код. LXX). Но код. алекс. и ват. читаютъ: τοῖς πατράσιν αὐτῶν, почему въ ц. слав.: *отцемъ ихъ*.

потому что тотъ завѣтъ былъ ясенъ, понятенъ и извѣстенъ всѣмъ.

32 А что мы говоримъ это безъ лжеумствованія, въ этомъ самыя слова (пророка) могутъ убѣдить и крайне безстыдныхъ. Упомянувъ здѣсь только о пути, онъ объясняетъ, о какомъ онъ говоритъ пути, и излагаетъ много отличительныхъ его признаковъ. Потому продолжаетъ: *отъ Сіона бо изыдетъ законъ, и слово Господне изъ Іерусалима.* Противъ этого и безстыднѣйшіе сыны іудейскіе не могутъ открыть рта. И что здѣсь говорится о новомъ завѣтѣ, это можно видѣть и изъ мѣста, и изъ времени, и изъ того, кто принялъ законъ, и изъ самыхъ дѣйствій по принятіи закона, и изъ всего вообще. И во первыхъ, изъ мѣста: *отъ горы Сіона.* Законъ Моисеевъ данъ былъ предкамъ ихъ на горѣ Синаѣ. Какъ же здѣсь говорится: *отъ Сіона?* Не довольствуясь этимъ, онъ прибавилъ и время. Не сказалъ: *изыде законъ*, но: *изыдетъ*, что̀ относится къ будущему времени и къ предмету еще не бывшему. Законъ ветхій уже данъ былъ за много лѣтъ прежде того, какъ пророкъ говорилъ это; законъ же новаго завѣта еще имѣлъ быть данъ спустя много лѣтъ. Потому онъ и не сказалъ: *изыде*, но: *изыдетъ*, т. е. впослѣдствіи. Потомъ онъ опять переходитъ къ самому мѣсту, говоря: *и слово Господне изъ Іерусалима.* Здѣсь онъ съ точностію показываетъ намъ отличительный признакъ новаго завѣта. Дѣйствительно, Христосъ преподавалъ высокія и достойныя небесъ заповѣди то сидя на горѣ, то находясь въ Іерусалимѣ. Сказавъ такимъ образомъ о мѣстѣ и времени, пророкъ прибавляетъ и то, кто приметъ законъ, заграждая со всѣхъ сторонъ уста противорѣчащимъ. Кто же приметъ его? Народъ ли еврейскій и сыны іудейскіе? Нѣтъ, но происходящіе изъ язычниковъ. Потому и прибавляетъ: *и судити будетъ посредѣ языкъ* (ст. 4). Закону особенно свойственно—судить противящихся ему. А что здѣсь идетъ рѣчь не о ветхомъ завѣтѣ, это ясно изъ самыхъ дѣйствій. Мы не соблюдаемъ субботы, не принимаемъ ни обрѣзанія, ни праздниковъ ихъ и ничего другого изъ ветхаго, потому что мы слышали Павла, который говоритъ: *яко аще обрѣзаетеся, Христосъ васъ ничтоже пользуетъ* (Гал. v, 2); и еще: *дни смотряете, и мѣсяцы, и времена, и лѣта: боюся о васъ, еда како всуе трудихся въ васъ* (Гал. iv, 10. 11). Отсюда очевидно, что о новомъ завѣтѣ говорится въ словахъ: *и судити будетъ посредѣ языкъ*, какъ и Павелъ говоритъ: *въ день, егда судитъ Богъ тайная человѣкомъ* (Рим. ii, 16). Какъ, скажи мнѣ, будетъ судить? По ветхому завѣту? Нѣтъ, но: *по благовѣстію моему.* Видишь ли,—хотя слова различны, но мысли согласны? Исаія говоритъ: *судити будетъ посредѣ языкъ.* И Павелъ говоритъ:

будетъ судить по благовѣстію моему (Рим. II, 16). *И изобличитъ люди многи*, т. е. противящихся и преступающихъ. Это и Христосъ объясняя говорилъ: не Азъ сужду вамъ [1]), *но слово, еже глаголахъ, то судитъ вамъ* (Іоанн. XII, 47. 48). *И раскуютъ мечи своя на орала, и копія своя на серпы, и не возметъ языкъ на языкъ меча, и не навыкнутъ ктому ратоватися.* Пророкъ не довольствуется прежними признаками,—велико вѣдь богатство истины,—но прибавляетъ еще признакъ новаго завѣта, сіяющій по всей вселенной. Какой же именно? Миръ и прекращеніе войнъ. Когда это будетъ, говоритъ, тогда водворится такое спокойствіе во 33
вселенной, что самыя воинскія оружія будутъ перекованы на земледѣльческія орудія. А этого, какъ всякій можетъ видѣть, не было во времена іудеевъ, но было все напротивъ. Во все продолженіе своего царства они не переставали воевать и подвергаться войнамъ, когда враги то продолжительное, то краткое время наступали на нихъ. Жители самой Палестины часто поставляли ихъ въ затруднительныя обстоятельства, такъ что они подвергались крайней опасности.

5. Это ясно показываетъ исторія царствъ, вся составленная изъ войнъ; показываютъ и всѣ пророки, возвѣщавшіе эти событія и предсказавшіе о нихъ прежде, нежели они случились. Съ того самаго, можно сказать, дня, въ который евреи освобождены были отъ египетскаго рабства, они проводили все время въ войнахъ.

А теперь не то, но великій миръ во вселенной. Если же и бываютъ войны, то не такъ, какъ прежде. Тогда вооружались города противъ городовъ, страны противъ странъ, народы противъ народовъ, и одинъ народъ раздѣлялся на многія части. Кто прочитаетъ книгу Іисуса Навина и Судей, тотъ увидитъ, сколько войнъ испытала тогда Палестина въ короткое время. И не это только было тяжело, но и то, что законъ повелѣвалъ всѣмъ браться за оружіе и никто не былъ свободенъ отъ такой службы. Этотъ законъ имѣлъ силу не только у іудеевъ, но и по всей вселенной, такъ что и ораторы и философы, не имѣвшіе ничего, кромѣ плаща, по призыву къ войнѣ, брали щиты и становились въ воинскій строй. Такъ Сократъ, сынъ Софрониска, весьма славившійся между аѳинянами своимъ спокойствіемъ и любомудріемъ, разъ или два стоялъ въ строю; и глава ихъ ораторовъ, Демосѳенъ, часто съ каѳедры выходилъ на войну. Если

[1]) Въ еванг. Іоанна (XII, 47) слова Спасителя читаются: ἐγὼ οὐ κρίνω αὐτόν = въ ц.-сл.: Азъ не сужду ему; по св. І. Злат. дѣлаетъ перифразъ относительно невѣрующихъ іудеевъ: οὐκ ἐγὼ κρίνω ὑμᾶς.

же ораторовъ и философовъ никакой законъ не освобождалъ отъ войны, то еще менѣе кто-нибудь другой изъ народа освобождался отъ такой обязанности. Но теперь нельзя видѣть ничего подобнаго. Послѣ того, какъ возсіяло Солнце правды, и города, и народы, и всѣ племена стали столь далеки отъ жизни въ такихъ опасностяхъ, что даже не умѣютъ взяться за что-нибудь воинское, но, сидя внутри стѣнъ и городовъ, издали узнаютъ о дѣлахъ воинскихъ, и весь народъ живетъ на свободѣ и безъ обязанности къ такой непріятнѣйшей службѣ. Если же и теперь бываютъ войны, то гдѣ-нибудь далеко, на крайнихъ предѣлахъ римскаго государства, а не по городамъ и селеніямъ, какъ было прежде. Тогда и въ одномъ народѣ, какъ я сказалъ, непрестанно происходили безчисленныя возмущенія и многоразличныя возмущенія и многоразличныя войны; а нынѣ гдѣ только свѣтитъ солнце, вся земля отъ Тигра до Британскихъ острововъ, и Ливія, и Египетъ, и народъ палестинскій или, лучше сказать, все подвластное римлянамъ находится въ мирѣ; вы знаете, какимъ совершеннымъ спокойствіемъ наслаждаются эти города,
34 узнающіе о войнахъ только по слуху. Христосъ могъ бы уничтожить и остатки войнъ, но Онъ попускаетъ быть набѣгамъ варваровъ для нѣкотораго вразумленія людей безпечныхъ, дѣлающихся во время мира болѣе нерадивыми. И пророкъ для способныхъ правильно понимать выразилъ тоже самое, что я сказалъ, т. е. что уже болѣе не будетъ частыхъ возмущеній. Онъ не сказалъ, что совершенно не будетъ войны, но что? *Не возметъ языкъ на языкъ меча*, и о свободѣ народовъ прибавилъ: *не навыкнутъ ктому ратоватися*, кромѣ немногихъ, назначенныхъ для того, воиновъ. *И нынѣ ты* [1], *доме Іаковль, пріидите и пойдемъ* [2]) *свѣтомъ Господнимъ*; *остави бо люди своя, домъ Іаковль* (ст. 5, 6). Окончивъ пророчество о Церкви, пророкъ переходитъ опять къ историческимъ событіямъ, какъ бы продолжая ходъ рѣчи. Такъ обыкновенно поступаютъ пророки: не только сжатостію [3] сказаннаго, но и видомъ послѣдовательности они прикрываютъ пророчество. Потому онъ и не оканчиваетъ рѣчи совершенно, но, какъ бы простирая одну какую-нибудь цѣпь, опять переходитъ къ вразумленію іудеевъ и говоритъ: *и нынѣ ты, доме Іаковль, пріидите и пойдемъ свѣтомъ Господнимъ*, т. е. по заповѣдямъ Его, по закону Его. *Зане свѣтильникъ*, говоритъ Премудрый, *заповѣдь*

---

[1]) Слова σὺ извѣстные греч. сп. пер. LXX здѣсь не имѣютъ.

[2]) Предъ πορευθῶμεν = *пойдемъ* св. І. Зл. читаетъ καὶ = и, которое стоитъ въ нѣкоторыхъ греч. сп. (ср. комплют. пол. и слѣд. изд.).

[3]) Вмѣсто ἀσφαλείᾳ, Allenus читаетъ здѣсь ἀσαφείᾳ = неясностію.

закона, и свѣтъ, и жизнь [1]), *и обличеніе, и наказаніе* (Притч. VI, 23). Также Давидъ говоритъ: *заповѣдь Господня свѣтла, просвѣщающая очи* (Пс. XVIII, 9); и еще: *свѣтильникъ ногама моима законъ твой, и свѣтъ стезямъ моимъ* (Пс. CXVIII, 105). И вездѣ, какъ всякій можетъ видѣть, законъ такъ называется. Такъ и Павелъ говоритъ: *уповая же себе вожда быти слѣпымъ, свѣта сущымъ во тмѣ, наказателя безумнымъ* (Рим. II, 19, 20). Подлинно, не такъ лучи солнца руководятъ наши очи тѣлесныя, какъ заповѣди закона просвѣщаютъ зрѣніе душевное.

6. Такимъ образомъ пророкъ, желая показать, что еще прежде воздаянія и наградъ заповѣди доставляютъ намъ вознагражденіе при самомъ ихъ исполненіи, назвалъ ихъ *свѣтомъ*. Какъ глазъ при самомъ освѣщеніи свѣтомъ получаетъ пользу, такъ и душа при самомъ повиновеніи закону получаетъ величайшіе плоды, очищается, освобождается отъ порока и восходитъ къ самой добродѣтели; напротивъ того, преступающіе законъ, еще прежде наказанія, получаютъ наказаніе въ самомъ преступленіи, находясь въ положеніи болѣе жалкомъ, нежели сидя во тьмѣ, испытывая страхъ, трепетъ и угрызенія совѣсти, и въ самый полдень боясь и страшась всѣхъ знающихъ и ничего незнающихъ. *Остави бо люди своя, домъ Іаковль*, т. е. устранился, отступилъ, презрѣлъ, лишилъ своего промышленія. Внушивъ страхъ, пророкъ потомъ приводитъ и причину, чтобы они исправили совершившееся. Какая же это причина? *Зане наполнися* [1]) *страна ихъ волхвованій, якоже иноплеменниковъ*. Прежде онъ обвинялъ ихъ въ корыстолюбіи, сребролюбіи, презрѣніи вдовицъ; а здѣсь укоряетъ за неправыя мнѣнія и остатки нечестія, которые мало-по-малу увлекали ихъ къ демонскому заблужденію. Притомъ въ обличеніе ихъ не просто сказалъ, что они волхвовали, но: *наполнися страна ихъ*. Порокъ ихъ, говоритъ, опять увеличился чрезмѣрно. Какъ выше онъ говорилъ не просто: *людіе* грѣшники, но: *исполнены грѣховъ* (Иса. I, 4), такъ и здѣсь говоритъ: 85
наполнися. Далѣе, желая еще болѣе усилить обличеніе, прибавляетъ: *якоже изъ начала. Изъ начала*, когда? Когда они еще не знали Бога, когда еще не получили закона, когда еще не испытали Его благодѣяній, когда жили съ язычниками; это заслуживало крайняго осужденія, — теперь, послѣ такихъ дѣй-

---

[1]) Въ изв. греч. сп. здѣсь читается: καὶ ὁδὸς ζωῆς = ц.-сл.: и пꙋ́ть жи́зни

[1]) Греч. списки здѣсь, послѣ слова: ἐνεπλήσθη = *наполнися*, читаютъ: ὡς τὸ ἀπ' ἀρχῆς = ꙗ҆́коже и҆з̾ нача́ла, что̀ читалъ здѣсь, какъ видно изъ послѣдующаго, и св. I. Зл., но въ данномъ мѣстѣ текста св. I. Злат. по изданію Миня эти слова пропущены.

ствій промышленія и попеченія Божія, быть нисколько не лучше тѣхъ, которые не испытали ничего̀ подобнаго. Не останавливаясь и на этомъ, но желая тронуть ихъ еще болѣе, онъ прибавляетъ: *якоже иноплеменниковъ*, такимъ сравненіемъ личностей дѣлая осужденіе болѣе тяжкимъ. Тоже постоянно дѣлаетъ и Павелъ, какъ, напримѣръ, когда говоритъ: *не хощу же васъ, братіе, не вѣдѣти о умершихъ, да не скорбите, якоже и прочіи не имущіи упованія* (1 Сол. IV, 15); и еще: *и вѣдѣти комуждо* [1]) *свой сосудъ стяжавати во святыни и чести, а не въ страсти похотнѣй, якоже и* прочіи [2]) *языцы не вѣдящіи Бога* (1 Сол. IV, 4. 5). Такой образъ рѣчи особенно трогаетъ людей даже и сильно падшихъ. Если же такъ осуждаются іудеи, то какое прощеніе, какое оправданіе можемъ имѣть мы, послѣ такой благодати, неизреченной чести, надежды на безсмертныя блага, впадая въ такое же бѣдственное состояніе, какъ и они? Дѣйствительно, и нынѣ есть много людей, которые заражены этою болѣзнію и губятъ свою жизнь, которые предаются безумію волхвователей и кромѣ того, что оскорбляютъ Бога, пріобрѣтаютъ себѣ излишнія скорби и ослабѣваютъ въ подвигахъ добродѣтели. Такъ діаволъ всячески старался убѣдить неразумныхъ, что не въ ихъ власти добродѣтель и порокъ, что они не одарены свободнымъ произволеніемъ, желая такимъ образомъ совершить два постыднѣйшихъ дѣла: ослабить подвиги добродѣтели и лишить величайшаго дара—свободы. То посредствомъ гаданій, то чрезъ наблюденіе дней, то чрезъ нечестивое ученіе о судьбѣ, то чрезъ многое другое, онъ ввелъ въ жизнь эту тяжкую болѣзнь и низвратилъ все. Потому и пророкъ сильно обличаетъ это, чтобы исторгнуть болѣзнь съ корнемъ. *И чада многа иноплеменнича родишася имъ.*

7. Что значитъ: *чада иноплеменнича?* У евреевъ, по причинѣ ихъ легкомыслія и удобопреклонности къ обольщенію, издревле былъ законъ—не смѣшиваться ни съ кѣмъ изъ прочихъ людей, чтобы такія связи не послужили поводомъ къ нечестію. Такъ какъ они не только не могли исправлять другихъ, но и сами неспособны были избѣгать вреда отъ другихъ, то Богъ, оградивъ ихъ закономъ и удерживая отъ смѣшенія съ прочими народами, устроялъ и наставлялъ ихъ особо, такъ какъ желательно было, чтобы они, хотя при такомъ руководствѣ, могли сохранить данное имъ отъ Бога устройство. Но подобно тому какъ
86 они преступали другія заповѣди, такъ, презрѣвъ и эту, вступали

[1]) Словъ: *отъ васъ* = ὑμῶν у св. І. Зл. по изд. Миня здѣсь нѣтъ.

[2]) τὰ λοιπὰ = *прочіи*, что̀ здѣсь читалъ св. І. Злат., въ греч. сп. 1 Солун нѣтъ.

въ родство съ сосѣдями, отъ которыхъ брали себѣ невѣстъ,— отъ моавитянъ, аммонитянъ и другихъ нечестивыхъ народовъ,— и, заводя другія связи, принимали учителей злочестія и оскверняли чистоту своего благородства. За это между прочимъ и укоряетъ ихъ пророкъ. *Наполнися бо страна ихъ*, говоритъ онъ, *сребра и злата, и не бяше числа сокровищъ ихъ: и наполнися земля ихъ коней и не бяше числа колесницъ ихъ* (ст. 7). Но какое преступленіе, скажетъ кто-нибудь, имѣть деньги, пріобрѣсти коней, особенно въ то время, когда было немного расположенія къ любомудрію? Чтоже мы скажемъ на это? Пророкъ осуждаетъ не обладаніе ими, но настроеніе воли, употреблявшей ихъ не такъ, какъ должно. Какъ тогда, когда онъ говоритъ: *горе крѣпкимъ* (Иса. 1, 24), онъ не власть осуждаетъ, но худо пользующихся властію, такъ точно и здѣсь онъ укоряетъ не за то, что они пріобрѣли богатство, но за то, что собирали его съ великимъ избыткомъ и сверхъ нужды. *И не бяше*, говоритъ, *числа сокровищъ ихъ*. И не это только, но и то, что они, гордясь богатствомъ и силою коней, мало-по-малу уклонялись отъ надежды на Бога, какъ и въ другомъ мѣстѣ говорилъ имъ пророкъ: горе надѣющимся *на силу свою и о множествѣ богатства своего* хвалящимся [1]) (Пс. XLVIII, 7); и еще въ другомъ мѣстѣ: *не спасается царь многою силою, и исполинъ не спасется множествомъ крѣпости своея* (Пс. XXXII, 16); и еще въ иномъ псалмѣ говоритъ: *не въ силѣ констѣй восхощетъ, ниже въ лыстѣхъ мужескихъ благоволитъ: благоволитъ Господь въ боящихся Его* (Пс. CXLVI, 10, 11). *И наполнися земля мерзостей дѣлъ рукъ ихъ, и поклонишася тѣмъ, яже сотвориша персты ихъ* (ст. 8). Пророкъ, какъ мудрый врачъ, высказываетъ причину недуга и источникъ болѣзни. Намѣреваясь обличить ихъ нечестіе, онъ предварительно показалъ причины болѣзни: сребролюбіе, высокомѣріе, незаконныя связи, объяснивъ, что отъ этого они мало-по-малу впали въ бездну погибели и стали поклоняться идоламъ. Потомъ, осмѣивая такое ихъ служеніе, прибавляетъ: *дѣлъ рукъ ихъ*. Дѣйствительно, что можетъ быть смѣшнѣе того, когда человѣкъ дѣлаетъ бога? *Мерзостію* же Писаніе обыкновенно называетъ идоловъ; потому и *мерзостію запустѣнія* называется истуканъ, поставленный во храмѣ. *Егда убо узрите*, говоритъ Господь, *мерзость запустѣнія стоящу на мѣстѣ святѣ: иже четъ, да разумѣетъ* (Мѳ. XXIV, 15). Желая отклонить ихъ отъ привязаности къ предметамъ чувственнымъ, Богъ запрещалъ имъ дѣлать всякое изображеніе и называлъ это

---

[1]) Св. I. Зл. читаетъ въ началѣ ст. 7 Пс. XLVIII οὐαί = *горе*, чего въ греч. сп. пер. LXX нѣтъ.

мерзостію, чтобы далеко отвести ихъ отъ нечестія. Чувствовать омерзѣніе значитъ чрезмѣрно ненавидѣть что-нибудь, какъ не-
37 чистое, какъ проклятое. Такимъ образомъ *мерзостію* въ Писаніи называется достойное ненависти и отвращенія. А всякій идолъ таковъ. *И поклонишася тѣмъ, яже сотвориша персты ихъ: и преклонися человѣкъ, и смирися мужъ* (ст. 9). Какъ поклоненіе Богу возвышаетъ человѣка, такъ поклоненіе идоламъ унижаетъ и низводитъ съ высоты. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ ниже человѣка, который лишаетъ себя спасенія, имѣетъ своимъ врагомъ Бога всѣхъ, преклоняется предъ вещами бездушными, служитъ камнямъ? Богъ удостоилъ насъ такой чести, что сдѣлалъ выше самыхъ небесъ, а діаволъ старается низвести покоряющихся ему до такого безчестія, что дѣлаетъ ихъ безчувственнѣе самыхъ вещей безчувственныхъ. Потому и говоритъ пророкъ: *смирися мужъ*. Это обличеніе само по себѣ достаточно было для того, чтобы имѣющаго умъ отклонить отъ такой болѣзни; но такъ какъ многіе изъ людей боятся не столько грѣховъ, сколько наказаній, то онъ присоединяетъ и наказаніе, и говоритъ: *и не претерплю имъ*. Не прощу, говоритъ, не оставлю, не пренебрегу, но потребую отчета и назначу наказанія за преступленія. *И нынѣ внидите въ каменія и скрыйтеся въ землю отъ лица страха Господня* (ст. 10). Достаточно посмѣявшись безумію поклоняющихся идоламъ и указаніемъ на способъ дѣланія идоловъ обличивъ и глупость служащихъ имъ и безсиліе идоловъ, Онъ еще подтверждаетъ слова Свои, предоставляя испытать сказанное на опытѣ, и говоритъ: для Меня достаточно было и того самаго, что идолы дѣлаются людьми, чтобы показать безуміе обольщаемыхъ; но такъ какъ они, погрузившись въ нечестіе, какъ бы въ опьяненіе, стали слѣпы къ предметамъ яснымъ и очевиднымъ, то городъ ихъ постигнутъ такія бѣдствія, что и самые безчувственные убѣдятся, каково безсиліе идоловъ и какова сила Божія.

8. Для того, прежде, нежели сказалъ о войнѣ, пророкъ говоритъ о томъ, что̀ произойдетъ отъ нея, повелѣвая войти въ камни и скрыться подъ самую землю, не съ тѣмъ, чтобы они дѣйствительно сдѣлали это, но чтобы такимъ образомъ убѣдились, какъ невыносимъ гнѣвъ, который тогда покажетъ Богъ. *Скрыйтеся*, говоритъ, *въ землю отъ лица страха Господня, и отъ славы крѣпости Его, егда востанетъ сокрушити землю*. Не сказалъ просто: *отъ крѣпости Его*, но: *отъ славы крѣпости*. Таковы именно дѣла Божіи и таковы побѣды Его; въ нихъ—великая слава и знаменитость. Здѣсь, мнѣ кажется, пророкъ указываетъ на побѣду, бывшую при Езекіи, называя *землею* множество народа, *сокрушеніемъ* — пораженіе, а *востаніемъ*-- явленіе Его на помощь. Потому и Давидъ говоритъ такъ:

да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его (LXVII, 2); и еще: *воскресни Боже, суди земли* (Пс. LXXXI, 8), — означая дѣлами и положеніями людей дѣйствія Божіи. *Очи бо Господни высоцы, человѣкъ же смиренъ* (ст. 11). Чтобы никто изъ тогдашнихъ слушателей не сомнѣвался въ сказанномъ, — вѣдь имѣвшее случиться для многихъ было невѣроятнымъ и превышающимъ всякое чаяніе,—онъ прибѣгаетъ къ могуществу Совершающаго и слабости подвергающихся Его дѣйствію. Нѣтъ ничего, говоритъ, выше Бога, и ничего — слабѣе людей. Итакъ, не сомнѣвайся, можетъ ли столь Великій и Сильный внезапно такъ унизить слабыхъ. Хорошо сказалъ онъ: *очи Господни высоцы*. Не сказалъ: *сила*, но: *очи Господни*, такъ какъ и одного воззрѣнія Божія 38
достаточно для ниспроверженія всего противнаго. Тоже и Давидъ говорилъ въ другомъ мѣстѣ: *призираяй на землю, и творяй ю трястися* (Пс. CIII, 32); и еще другой пророкъ: *и воззрю къ нему, и премогу ему* (Осія XI, 4). *И смирится высота человѣческая, и вознесется Господь единъ въ день оный* (ст. 11). По совершеніи чудной побѣды, послѣ славныхъ и дивныхъ трофеевъ, бѣсы будутъ обличены, идолы поруганы, лжепророки принуждены молчать, господство иноплеменниковъ разрушено, всякія уста, противорѣчущія Богу, заграждены. Потому онъ и говоритъ: *и вознесется Господь единъ*. Никто уже не будетъ противорѣчить и сомнѣваться въ могуществѣ Божіемъ, когда дѣла представятъ такое яснѣйшее доказательство. Высота существа Божія постоянна, никогда не начиналась и всегда существуетъ; возвышеніе же разумѣется въ мысли людей, когда противорѣчащіе и противодѣйствующіе, убѣдившись доказательствомъ самыхъ дѣлъ, покорятся и вознесутъ приличное славословіе. *День бо Господа Саваоѳа* пріидетъ [1]) *на всякаго досадителя и горделиваго, и на всякаго высокаго и величаваго и смирятся: и на всякъ кедръ Ливанскій высокихъ и превознесенныхъ, и на всяко древо желудя Васанска, и на всякую гору высокую* [2]), *и на* всякую стѣну высокую *и на всякій столпъ высокъ, и на всякій корабль морскій, и на всяко видѣніе доброты кораблей* [3]). *И падется высота человѣча, и вознесется Господь единъ въ день оный* (ст. 12—17). Здѣсь стѣною, кедромъ, холмомъ и дубомъ онъ называетъ сильныхъ людей, высотою этихъ деревъ

---

[1]) Слова παραγίνεται = *пріидетъ*, читаемаго здѣсь св. I. Злат., согласно съ нѣкот. гр. сп., въ алекс. и ват. код. нѣтъ, а потому оно не читается и въ ц.-слав.

[2]) Стоящія далѣе въ греч. сп. LXX слова: καὶ ἐπὶ πάντα βουνὸν ὑψηλόν = въ ц.-сл.: *и на всякій холмъ высокій* — у св. I. Зл. не читаются.

[3]) Стоящія далѣе въ греч. сп. пер. LXX, слова: καὶ ταπεινωθήσεται πᾶς ἄνθρωπος = въ ц.-сл.: *и смирится всякій человѣкъ*, у св. I. Злат. не читаются.

иносказательно означая власть ихъ; а названіемъ корабля и видѣнія доброты кораблей указываетъ на богатѣйшихъ изъ нихъ.

9. Онъ хочетъ сказать слѣдующее: всякій человѣкъ сильный, всякій властелинъ, всякій военачальникъ, всякій обладающій богатствомъ, всякое, такъ сказать, великолѣпіе и могущество человѣческое тогда уничтожится и прекратится, и ничто не поможетъ имъ избѣжать гнѣва Божія: ни сила тѣлесная, ни опытность въ войнѣ, ни изобиліе богатства, ни покровительство власти, ни множество войска, и ничто другое подобное. О кедрахъ ливанскихъ онъ упоминаетъ потому, что особенно тамъ растетъ это дерево, или потому, что эти предметы были близко; видѣніемъ же доброты кораблей называетъ великолѣпіе военачальниковъ, окруженныхъ богатствомъ, оружіемъ, копьеносцами. Впрочемъ,
39 мнѣ кажется, онъ намекаетъ и на прибытіе иноплеменниковъ издалека. *И рукотворенная вся скрыютъ, внесше въ пещеры, и въ разсѣлины каменей, и въ вертепы земныя, отъ лица страха Господня, и отъ славы крѣпости Его, егда востанетъ сокрушити землю* (ст. 18, 19). Боги ихъ, говоритъ, не только не подадутъ имъ никакой помощи, но и сами будутъ нуждаться въ помощи людей и безопасныхъ мѣстахъ, чтобы не быть взятыми. *Отъ лица страха Господня, и отъ славы крѣпости Его, егда востанетъ сокрушити землю.* Чтобы кто-нибудь не приписалъ этого нашествію иноплеменниковъ и не подумалъ, будто страхъ зависитъ отъ ихъ могущества, онъ обращаетъ рѣчь къ Богу всѣхъ и говоритъ, что самъ Богъ будетъ управлять этою войною и въ Его власти— среди такой опасности наказывать за совершенныя преступленія. *Въ день бо оный изринетъ человѣкъ мерзости своея златыя и сребряныя, яже сотвориша себѣ* [1]), *да покланяются суетнымъ и нетопыремъ, еже внити въ* твердыя каменія [2]), *и въ разсѣлины каменей отъ лица страха Господня, и отъ славы крѣпости Его, егда востанетъ сокрушити землю* (ст. 20, 21). Достаточно онъ посмѣялся имъ, показавъ, какъ они скрываются вмѣстѣ съ богами и уходятъ въ землю, и какъ драгоцѣнность вещества не можетъ нисколько помочь въ предстоящемъ бѣдствіи. Нетопырями же онъ называлъ идоловъ или по ихъ безсилію, или по мрачности заблужденія и потому, что бѣсы все дѣлаютъ скрытно. Какъ для нетопырей солнце и свѣтъ ненавистны, а ночь и тьма

---

[1]) Согласно нѣкоторымъ греч. сп. пер. LXX, св. І. Злат. читаетъ здѣсь ἑαυτοῖς, что отсутствуетъ въ код. алекс., ват., а потому не имѣетъ соотвѣтствующаго ему *себѣ* въ ц.-сл.

[2]) εἰς τὰς στερεὰς πέτρας, но въ извѣстныхъ греч. сп. εἰς τὰς τρώγλας τῆς στερεᾶς πέτρας, почему въ ц.-сл: *въ вертепы твердаго камене.*

пріятны, такъ и для бѣсовъ и для увлеченныхъ ими въ заблужденіе пороковъ все преступное обычно и пріятно, а добродѣтель и дѣла свѣта—ненавистны, и когда сіяютъ эти дѣла, то они тотчасъ погружаются въ мракъ, такъ что живущій добродѣтельно не нуждается ни въ какомъ трудѣ и усиліи, потому что довольно только явиться свѣту, и все мрачное разсѣется. *Оставите вамъ человѣка, емуже есть дыханіе въ ноздряхъ его: яко въ чемъ вмѣнися имъ* [1]) *сей* (ст. 22)? Здѣсь, мнѣ кажется, онъ указываетъ на Езекію, который отъ страха и великаго изнуренія находился при послѣднемъ издыханіи. Когда иноплеменники, какъ бы поймавъ его въ сѣти, думали, что имѣютъ въ немъ вѣрную добычу, и что они безъ друда возьмутъ городъ и отведутъ царя въ плѣнъ, тогда случилось противное ожиданію иноплеменниковъ. Потому пророкъ и говоритъ: *оставите человѣка, емуже есть дыханіе въ ноздряхъ его: яко въ чемъ вмѣнися* имъ *сей?* Т. е., онъ не значитъ ничего. Они надѣялись истребить все набѣгомъ, но случилось все напротивъ, и тотъ, кого вы считаете за ничто, и за человѣка слабаго, окажется славнѣе всѣхъ, получивъ помощь отъ Бога.

ГЛАВА III.

Се Владыка Господь Саваоѳъ отъиметъ отъ Іерусалима и отъ Іудеи крѣпкаго и крѣпкую (Иса. III, 1).

1. Какъ отличный врачъ, то прижигая, то отсѣкая, то 40
давая горькія лѣкарства, имѣетъ цѣлію здоровье больныхъ, такъ точно и человѣколюбивый Богъ, различными и разнообразными наказаніями скрѣпляя разслабленіе и распаденіе іудеевъ, то устрашаетъ непризнательнымъ набѣгомъ иноплеменниковъ, то еще прежде такого нападенія поражаетъ ихъ другими угрозами, разнообразіемъ угрозъ постоянно сохраняя въ нихъ живой страхъ. Такъ теперь Онъ угрожаетъ имъ безсиліемъ, голодомъ, засухою, лишеніемъ не только необходимаго, но и того, что нисколько не меньше необходимыхъ вещей сохраняетъ нашу жизнь. Не голодъ только тяжекъ, но тяжко—имѣть недостатокъ и въ управляющихъ дѣлами; отъ этого обыкновенно и самое богатство бываетъ тяжелѣе голода. Въ самомъ дѣлѣ, какая польза въ томъ, что все льется какъ бы изъ источниковъ, когда происходятъ междоусобныя войны, когда море воздымается, волны бушуютъ, и нѣтъ

[1]) Слова αὐτοῖς = имъ, читаемаго здѣсь св. I. Злат., въ изв. греч. сп пер. LXX нѣтъ.

ни кормчаго, ни рулевого, и никого, кто могъ бы остановить бурю обстоятельствъ и возвратить спокойствіе? Если же вмѣстѣ съ этимъ бываетъ и голодъ, то представь чрезмѣрность бѣдствій. Всѣмъ этимъ Богъ угрожаетъ (іудеямъ), и во-первыхъ самымъ тяжкимъ бѣдствіемъ. *Се*, говоритъ, *Владыка Господь Саваоѳъ*. Это выраженіе: *се* пророки употребляютъ постоянно, когда хотятъ удостовѣрить слушателя въ истинѣ словъ своихъ. Не здѣсь только, но и прежде, и въ самомъ началѣ можно видѣть, что грѣхи часто предшествовали тѣлесному разслабленію, какъ напр. въ Каинѣ. Такъ какъ онъ неправильно воспользовался своею силою, то справедливо подвергся разслабленію. Такъ и въ сидѣвшемъ при купели грѣхи были причиною разслабленія, какъ говоритъ Христосъ: *се здравъ еси, ктому не согрѣшай* (Іоан. v, 14). И Павелъ говоритъ: *сего ради въ васъ мнози немощни*, — потому, что они грѣшили, принимая таинства съ нечистою совѣстію (1 Кор. xi, 30). И блудника онъ предаетъ *во изможденіе плоти*, подвергая его такому наказанію за грѣхи (1 Кор. v, 5). Впрочемъ это не всегда бываетъ наказаніемъ за грѣхи, но иногда бываетъ поводомъ къ полученію вѣнцовъ, какъ у Лазаря и Іова. И не слабость только, но и другія болѣзни тѣлесныя происходили отъ грѣха, какъ напр. проказа Озіи за безстыдство его намѣренія. Такъ и рука царя Іеровоама изсохла за его гордость и высокомѣріе. И языкъ Захаріи былъ связанъ не за что иное, какъ за грѣхъ души. Потому, такъ какъ и для іудеевъ тѣлесное здоровье, благоденствіе и обиліе богатства служили поводомъ къ высокомѣрію, то Богъ исторгалъ корень гордости, вразумляя ихъ, дѣлая лучшими и доставляя имъ больше того, чего лишалъ ихъ. Чтó за вредъ—имѣть слабое тѣло, когда этимъ научается душа? Притомъ, чтобы они не подумали, что случившееся было слѣдствіемъ слабости природы, пророкъ предсказываетъ объ этомъ и простираетъ угрозу не только на мужей, но распространяетъ наказаніе и на женскій полъ,— такъ какъ былъ развращенъ и тотъ и другой полъ,— и далѣе, по причинѣ крайняго безстыдства, обращаетъ рѣчь противъ самихъ женщинъ, обвиняя ихъ въ преступленіяхъ, которыя разрушили городъ до самаго основанія. Потому и на нихъ онъ посылаетъ заразу; именно заразу, мнѣ кажется, онъ разумѣетъ,
41 когда говоритъ: *отъиму крѣпкаго и крѣпкую*, или какую-нибудь другую тѣлесную болѣзнь, не уступающую искусству врачей. Таковы — наказанія Божіи. *Крѣпость хлѣба и крѣпость воды*. Это — тягчайшее наказаніе, когда уничтожается не самое существо, а происходящая отъ него сила, такъ что люди наказываются самымъ видомъ его, никогда не насыщаясь имъ и отсюда усматривая, что это — гнѣвъ Божій. *Исполина и крѣпкаго*. Исполиномъ

Писаніе постоянно называетъ человѣка сильнаго, или превосходящаго многихъ размѣромъ своихъ членовъ. Когда въ книгѣ Бытія оно говоритъ: *тіи бяху исполини, человѣцы именитіи* (Быт. VI, 4), то этими словами не говоритъ о рожденіи какого-нибудь другого рода, но указываетъ намъ, что они были сильны, крѣпки, здоровы. *И человѣка ратника и судію.* Невыносимое наказаніе, указаніе крайней гибели составляетъ сказанное, когда, и при цѣлости стѣнъ и башенъ, городъ вмѣстѣ съ самими жителями можетъ быть преданъ непріятелямъ. Вѣдь безопасность городовъ заключается не въ камняхъ, не въ деревахъ и оградахъ, но въ благоразуміи населяющихъ городъ; когда есть такіе люди, тогда они, и въ присутствіи враговъ, ограждаютъ городъ безопаснѣе всего; а когда ихъ нѣтъ, то, хотя бы никто не безпокоилъ его, онъ представляется болѣе жалкимъ, нежели городъ осаждаемый.

2. Такимъ образомъ пророкъ преподалъ тѣмъ и всѣмъ слушающимъ немалый урокъ любомудрія, убѣждая никогда не надѣяться на величіе города, на рвы и укрѣпленія, но на добродѣтель мужей пригодныхъ. Внушая имъ страхъ, онъ говоритъ, что Богъ лишитъ городъ безопасности, отнявъ не только свѣдущихъ въ войнѣ, но и умѣющихъ судить, которые не менѣе воюющихъ приносятъ пользу городамъ, благоустрояя миръ и часто отклоняя угрожающія войны. Такъ какъ войны постоянно произрастаютъ отъ корня грѣховъ, то стражи законовъ и точные блюстители правосудія, обуздывая большую часть грѣховъ, могутъ уничтожать и поводы къ войнѣ. Почему же Богъ отнимаетъ ихъ? Потому, что люди не пользовались ими, какъ должно, когда они были. Какъ спасительныя наставленія Его приносили великую пользу слушателямъ, но, возвѣщая іудеямъ, Онъ прикрывалъ свои наставленія неясностію, потому что они не внимали словамъ Его, такъ точно и эти великіе дары, которые доставляютъ намъ великое спасеніе, Онъ часто отнимаетъ, когда принимающіе не хотятъ извлечь изъ нихъ никакой пользы. *И пророка, и смотреливаго.* Не малый видъ гнѣва (Божія)—и то, когда прекращаются пророчества. Такъ, когда Богъ отвратился отъ народа іудейскаго за грѣхи дѣтей Илія и за великое нечестіе народа, то прекратилось пророчество: *глаголъ Господень*, говоритъ Писаніе, *бѣ честенъ въ тыя дни, не бѣ* [1] *посылаемо* (1 Цар. III, 1); *честенъ*, т. е. рѣдокъ. И при Озіи было тоже самое. Между тѣмъ не мало пользы они получили бы отъ этого, если бы хотѣли. Слышать волю Божію, приготовляться къ будущимъ бѣдствіямъ, узнавать не-

---

[1]) Слово ὅρασις = *видѣніе* у св. І. Злат. здѣсь по изд. Миня не читается.

извѣстное и то, когда нужно напасть на непріятелей, когда быть спокойнымъ, и какъ избѣгать всѣхъ скорбей, — это много спо-
42 собствовало имъ ко спасенію. Но такъ какъ, слыша откровенія, они не поступали, какъ должно, то Богъ лишилъ ихъ и откровенія; при чемъ являлось великое человѣколюбіе Божіе въ томъ, что Онъ, и предвидя будущее, и зная, что они не будутъ пользоваться дарами Его, какъ должно, дѣлалъ все, отъ Него зависящее. Вмѣстѣ съ пророкомъ, говоритъ, Богъ отниметъ *и смотреливаго.*

Здѣсь, мнѣ кажется, *смотреливымъ* онъ называетъ того, кто по великому благоразумію своему и по опытности въ дѣлахъ предугадываетъ будущее. Вѣдь иное дѣло — предугадываніе, иное — пророчество. Одинъ говоритъ Духомъ Божіимъ, не привнося ничего отъ себя самого; а другой, на основаніи прежде бывшаго и усиліями собственнаго благоразумія, предвидитъ многое изъ будущаго, какъ свойственно предвидѣть человѣку благоразумному. Но между тѣмъ и другимъ великое различіе,—такое, какъ между благоразуміемъ человѣческимъ и благодатію божественною. А чтобы примѣромъ пояснить слова мои, вспомнимъ о Соломонѣ и Елиссеѣ. Оба они возвѣщали неизвѣстное и открывали сокровенное, но оба не одною и тою же силою: первый по человѣческому благоразумію, на основаніи естественнаго опыта, говорилъ о прелюбодѣйныхъ женахъ (Прит. гл. v); а послѣдній говорилъ не по какому-либо соображенію, — какое соображеніе могло открыть воровство Гіезія (4 Цар. гл v)?—но по божественной благодати провидя отдаленныя событія. *И старца, и пятьдесятоначальника* (ст. 8). Вмѣстѣ съ тѣми, говоритъ, отниметъ Богъ и старца и пятидесятника, разумѣя подъ *старцемъ* не просто человѣка престарѣлаго, но имѣющаго вмѣстѣ съ сѣдиною и благоразуміе, свойственное сѣдинѣ. Также и подъ *пятьдесятоначальникомъ* онъ разумѣетъ не одного какого-нибудь пятидесятника, но называетъ этимъ именемъ всѣхъ начальниковъ. Ничего, по истинѣ ничего нѣтъ хуже безначалія, подобно тому какъ нѣтъ ничего ненадежнѣе корабля, который не имѣетъ кормчаго. Не останавливаясь и на этомъ, онъ угрожаетъ, что отнята будетъ и другая великая опора безопасности, — умѣющіе подавать отличные совѣты, которые не меньше оружія доставляютъ благодѣянія городамъ. Отъиму, говоритъ, *и дивнаго совѣтника, и премудраго архитектона*, разумѣя не строителя, но человѣка опытнаго въ дѣлахъ, знающаго многое и умѣющаго благоразумно устроять всѣ дѣла города.

8. Вмѣстѣ съ тѣми — *и разумнаго послушателя.* Дѣйствительно, когда нѣтъ его, то, хотя бы все прочее было, нѣтъ ни-

какой пользы городамъ; хотя бы были и пророки, и совѣтники, и начальники, но если нѣтъ ни одного слушателя, то все—тщетно и напрасно. Здѣсь, мнѣ кажется, выраженіе: *отъиму*, значитъ: *оставлю*, *попущу*, подобно тому какъ Павелъ говоритъ: *предаде ихъ въ неискусенъ умъ* (Рим. I, 28), выражая не то, будто Богъ вергъ ихъ въ безуміе, но—оставилъ и попустилъ имъ оставаться безумными.

И поставлю юноши князи ихъ (ст. 4). Это хуже и гораздо бѣдственнѣе безначалія, потому что кто не имѣетъ начальника, тотъ лишенъ руководителя, а у кого худой начальникъ, тотъ имѣетъ ввергающаго въ пропасть. *Юношами* же здѣсь называетъ ихъ пророкъ, не унижая этого возраста, но желая яснѣе показать ихъ безуміе. Бываютъ и юноши разумные, и старцы, живущіе безумно; но такъ какъ это обыкновенно случается рѣдко, а большею частію бываетъ напротивъ, то онъ и назвалъ безумныхъ такимъ именемъ. Тимоѳей былъ юношею, но управлялъ 48
Церковію мудрѣе множества старцевъ. И Соломонъ, будучи двѣнадцати лѣтъ, бесѣдовалъ съ Богомъ, имѣлъ великое предъ Нимъ дерзновеніе, прославился, получилъ вѣнецъ, былъ по своей мудрости предметомъ удивленія для иноплеменниковъ, и не только мужи, но и жены приходили издалека, имѣя единственною цѣлію своего путешествія то, чтобы научиться чему-нибудь и послушать его голоса, а когда онъ достигъ старости, то много уклонился отъ добродѣтели. И отецъ его, блаженный Давидъ, совершилъ тяжкій грѣхъ не тогда, когда былъ отрокомъ и юношей, но когда уже прожилъ этотъ возрастъ, тогда согрѣшилъ; а когда онъ былъ малымъ отрокомъ, тогда воздвигъ дивный трофей, поразилъ иноплеменника, показывалъ всякое любомудріе, и юность нисколько не была для него препятствіемъ къ дѣламъ доблестнымъ. Также отъ Іереміи Богъ не принялъ отказа, когда онъ ссылался на свой возрастъ; но послалъ его къ іудейскому народу, сказавъ, что въ этомъ нѣтъ никакого препятствія, только бы мысли были здравы. Имѣя такой же возрастъ, или даже гораздо меньшій, Даніилъ судилъ старцевъ. И Іосія, не имѣя еще и десяти лѣтъ, воспелъ на царскій престолъ, и тогда отличался добрыми дѣлами; но послѣ того вскорѣ, предавшись безпечности, потерялъ душевную добродѣтель. А Іосифъ? Онъ, будучи не только юнымъ, но и весьма юнымъ, вступилъ въ трудную борьбу, сражаясь не противъ людей, но противъ самой силы природы, и изъ печи и пламени, гораздо болѣе жестокаго, нежели персидскій [1]), не вышелъ ли здравымъ, оставшись невредимымъ не

[1]) Т. е. вавилонскій. Св. Іоаннъ Златоустъ часто называетъ Ассирію и Вавилонію—Персіею.

менѣе трехъ отроковъ? Какъ они тогда вынесли неповрежденными свои тѣла и даже волосы, вышедши какъ бы изъ источника, а не изъ печи, такъ и онъ, въ этой борьбѣ, освободившись изъ рукъ египтянки, остался непобѣдимымъ ни отъ ея прикосновенія, ни отъ словъ, ни отъ вида, ни отъ одеждъ, ни отъ благовоній,— что̀ скорѣе хвороста и смолы воспламеняетъ огонь страсти, — ни отъ самаго возраста своего не потерпѣлъ ничего такого, что свойственно потерпѣть человѣку. И эти три отрока, находясь въ самомъ цвѣтущемъ возрастѣ, обуздали чрево, попрали страхъ смерти, побѣдили столь великое войско и гнѣвъ царя, устремившагося противъ нихъ свирѣпѣе пещнаго пламени, и ничто не преодолѣло ихъ, но постоянно оставались они съ нераболѣпною душою. Такимъ образомъ пророкъ не унижаетъ возраста, когда говоритъ это. Подобнымъ образомъ и Павелъ, когда говоритъ: *не новокрещенну* (*подобаетъ епископу быти*, μὴ νεόφυτον), *да не разгордѣвся въ судъ впадетъ діаволь* (1 Тим. III, 6), разумѣетъ не юнаго по возрасту, а новонасажденнаго (νεωστὶ φυτευθέντα), т. е. оглашеннаго; словомъ: *насаждать* онъ означаетъ *оглашать* и *учить*, какъ, напр., когда говоритъ: *азъ насадихъ, Аполлосъ напои* (1 Кор. III, 6). И Христосъ называетъ это насажденіемъ: *всякъ садъ*, говоритъ Онъ, *егоже не насади Отецъ мой небесный, искоренится* (Матѳ. XV, 13). Если бы апостолъ называлъ новокрещеннымъ юнаго, то Тимоѳея, весьма юнаго, такъ юнаго, что самъ говорилъ: *никтоже о юности*
44 *твоей да нерадитъ* (1 Тим. IV, 12), онъ не возвелъ бы на такую степень власти и не поставилъ бы управлять такими церквами. *И ругатели господствовать будутъ ими*. Видишь ли, что онъ укоряетъ не возрастъ, но развращенное настроеніе? Такимъ прибавленіемъ онъ выразилъ это яснѣе. *Ругателями* же здѣсь онъ называетъ обманщиковъ, лицемѣровъ, льстецовъ, которые обольстительными рѣчами предаютъ другихъ діаволу. *И нападати имутъ людіе, человѣкъ на человѣка, и человѣкъ на ближняго своего* (ст. 5). Какъ въ зданіяхъ, когда поддерживающія ихъ деревья сгнили, или отняты, стѣны необходимо обрушиваются, не имѣя никакой подпоры, такъ и тамъ, гдѣ отняты вышеупомянутые мужи, начальники, совѣтники, судьи, пророки, ничто не препятствуетъ народу истреблять самого себя и быть великому смятенію.

4. *Приразится отроча къ старцу, и безчестный къ честному*. Юноша, говоритъ пророкъ, будетъ противиться старцу, будетъ превозноситься предъ нимъ, презирать его. Это, еще прежде нападенія непріятелей, бѣдственнѣе всякой войны, потому что когда старость не будетъ уважаема юностію и люди низкіе и презрѣнные станутъ попирать ногами людей, прежде почтенныхъ, тогда городъ будетъ находиться въ состояніи нисколько не лучшемъ

того, какъ бы онъ утопалъ въ волнахъ. *Яко имется человѣкъ брата своего или домашняго отца своего, глаголя: ризу имаши, началовождь намъ буди, и брашно мое подъ тобою да будетъ. И отвѣщаетъ въ день оный речетъ: не буду*[1] *началовождь, нѣсть бо въ дому моемъ ни хлѣба, ни ризы: не буду началовождь людемъ симъ* (ст. 6, 7). Здѣсь, кажется мнѣ, пророкъ указываетъ или на какую-нибудь весьма бѣдственную осаду города, приведшую ихъ въ крайне стѣснительное положеніе, или, безъ осады, на какой-нибудь невыносимый голодъ и великій недостатокъ въ необходимомъ. Онъ выражается согласно съ общимъ обыкновеніемъ. Какъ многіе говорятъ: „если бы случилось, что весь городъ продавался за оволъ, то я не могъ бы купить его", выражая этимъ свою крайнюю бѣдность, такъ и пророкъ говоритъ, что если бы за одну одежду и за одинъ хлѣбъ продавались начальственныя должности, и тогда никто не купитъ ихъ: такой будетъ недостатокъ въ необходимомъ. *Яко оставленъ бысть Іерусалимъ* (ст. 8), т. е. покинутъ, опустошенъ, лишенъ промышленія Божія. *И Іудеа паде*; исполнилась, говоритъ, замѣшательства и безпокойства, смятенія и безпорядка. И языки ихъ со[2] беззаконіемъ не покорятся Господеви. Здѣсь показывается и причина золъ,—невоздержаніе языка. Въ этомъ обличаетъ ихъ и Осія: *Ефремъ*, говоритъ, *въ пагубу бысть во дни наказанія: въ племенѣхъ Исраилевыхъ показахъ вѣрная* (Ос. v, 9). Тоже говоритъ и Малахія: пророцы укоряющіи *Бога словесы*[3] *и рѣсте: о чесомъ прогнѣвахомъ Его? Зане рѣсте: всякъ творяй зло, добръ предъ Господемъ, и въ нихъ самъ благоволи: и гдѣ есть Богъ правды* (Мал. II, 17)? Въ этомъ же и онъ обвиняетъ ихъ, представляя двоякую вину,—ту, что они не только не покоряются и не только нарушаютъ законъ, тогда какъ
должны были бы стыдиться и краснѣть, скрываться и склонять 45
голову, но еще стараются увеличить прежнія беззаконія, при неисполненіи заповѣдей произнося дерзкія слова, подобно какому-нибудь негодному рабу, который, не исполняя приказаній господина, еще оказывается дерзкимъ. *Сего ради нынѣ смирися слава ихъ, и студъ лица ихъ противу ста имъ* (ст. 9). Пророкъ опять говоритъ о будущемъ, какъ бы о прошедшемъ, слѣдуя обыкновенному закону пророчества. *Смиреніемъ славы* онъ называетъ

---

[1]) Слово *во* = *твой* у св. І. Зл. здѣсь не читается.

[2]) Въ ц.-слав. переводѣ эти слова читаются: *и языкъ ихъ со беззаконіемъ, не покарятся Господеви.*

[3]) Въ ц.-слав. переводѣ эти слова читаются: *прогнѣвляющіи Бога словесы вашими*. Первыя два слова: οἱ προφῆται ὀνιδείζοντες = пророцы укоряющіи, читаемыя у св. І. Зл., ни въ одномъ греч. т. не читаются, а потому—и въ ц.-сл. Слова ὑμῶν = *вашими* св. І. Зл. не читалъ.

плѣнъ. Дѣйствительно, не малымъ было стыдомъ для тѣхъ, которые были въ званіи владыкъ вселенной,—покориться людямъ нечестивымъ и иноплеменнымъ. А подъ *студомъ лица* онъ разумѣетъ стыдъ, происходящій отъ грѣха. Такова была жизнь ихъ. Такъ какъ они напередъ постыдили сами себя своими дѣлами, то и Богъ лишилъ ихъ славы, предавъ ихъ наказанію меньшему, нежели какому они подвергли сами себя. Не такъ дурны были они, живя въ чужой странѣ, какъ когда, владѣя своею столицею, предавались беззаконіямъ. Тамъ сокращались злыя дѣла ихъ, а въ отечествѣ болѣе и болѣе увеличивались. Такимъ образомъ пророкъ преподаетъ имъ высокое ученіе, убѣждая постоянно прежде наказанія удаляться отъ пороковъ, воздерживаться и стыдиться, не тогда, когда иноплеменники возьмутъ ихъ и отведутъ въ рабство, но когда сила грѣха будетъ держать ихъ плѣнниками. *Грѣхъ же свой яко Содомскій возвѣстиша, и явиша.* Часто я говорилъ, и теперь скажу: пророкъ, показывая человѣколюбіе Божіе, предсказываетъ не только то, что они будутъ терпѣть, но и то, чему они достойны были подвергнуться. Грѣхи ихъ были равны содомскимъ; а наказанія ихъ — гораздо легче. Богъ не исторгъ ихъ съ корнемъ, не разрушилъ города ихъ до основанія и не истребилъ остатковъ рода ихъ. Выраженія же: *возвѣстиша и явиша* сказаны человѣкообразно, потому что не тогда Богъ узнаетъ совершившееся, когда оно совершается,—какъ можно сказать это о Томъ, Кто знаетъ все прежде бытія?—но пророкъ сказалъ такъ для того, чтобы показать великость бѣдствія.

5. Какъ въ другомъ мѣстѣ Писаніе, когда говоритъ: *умножися вопль* грѣховъ ихъ [1]) *ко Мнѣ* (Быт. XVIII, 20), говоритъ такъ, не представляя Бога обитающимъ гдѣ-нибудь далеко и не заключая Его въ небѣ, но показывая великость грѣха, такъ и здѣсь словомъ: *возвѣстиша* пророкъ выражаетъ чрезмѣрность порока. Грѣхи болѣе легкіе могли бы быть незамѣтными; но чрезмѣрные и великіе бываютъ всѣмъ извѣстны и явны, хотя бы не было никого, кто бы осуждалъ и обличалъ ихъ: они сами себя обличаютъ и дѣлаютъ явными. Такимъ образомъ пророкъ, желая показать великость золъ, говоритъ: *возвѣстиша и явиша*, т. е. совершали зло съ великою неумѣренностію, съ великою дерзостью, не стыдясь и не скрываясь, но дѣлая порокъ своимъ занятіемъ.

Горе души ихъ: зане умыслиша совѣтъ лукавый на себе самихъ, рекше: свяжемъ праведнаго, яко непотребенъ намъ есть (ст. 10).

---

[1]) Св. І. Зл. дѣлаетъ перифразъ Быт. XVIII, 20: *вопль содомскій и гоморрскій умножися ко Мнѣ, и грѣхи ихъ велицы зѣло.*

Крайнее зло, когда не только грѣшать, и не только грѣшать 46
дерзко, но изгоняють и тѣхъ, которые могли бы исправить это. Какъ съумасшедшіе часто бросаются на врача, такъ точно и они представляли величайшее доказательство неисцѣльной болѣзни, въ томъ, что изгоняли праведныхъ. Такова добродѣтель: она однимъ появленіемъ своимъ огорчаетъ живущаго порочно. Таковъ порокъ: онъ часто, еще не слыша обличенія, тяготится самимъ присутствіемъ людей, живущихъ честно. Здѣсь двоякое обличеніе: за то, что они связываютъ праведника, и за то, что связываютъ его какъ бы *непотребнаго*. Такъ, когда кто-нибудь не только не принимаетъ полезнаго, но и считаетъ это вреднымъ, то какое остается для него средство къ исправленію? Потому и пророкъ, видя, что они дошли до крайности, начинаетъ снова съ плача, а не съ обличенія и укоризны, говоря: *горе души ихъ*; и далѣе весьма мудро говоритъ: *зане умыслиша совѣтъ лукавый на себе самихъ*. Хотя совершившееся, повидимому, направлено противъ праведника, но если изслѣдовать внимательно, то умыселъ ихъ обращается не на того, кто страждетъ, а на тѣхъ, кто дѣлаетъ это. Отсюда мы научаемся, что человѣкъ добродѣтельный, хотя бы подвергся безчисленнымъ оскорбленіямъ, не потерпитъ никакого вреда отъ причиняющихъ ихъ; а злоумышляющіе противъ него скорѣе на себя самихъ поднимаютъ мечъ, какъ было и съ этими. Они, связывая праведника, нисколько не повредили ему, но самихъ себя ввергли въ бóльшій мракъ и пустыню, удаливъ отъ себя свѣтильникъ. *Убо плоды дѣлъ своихъ снѣдятъ*. Таковъ порокъ: онъ самъ въ себѣ заключаетъ наказаніе. Сказанное здѣсь пророкомъ означаетъ слѣдующее: они вкусятъ отъ своихъ плодовъ, поставивъ себя въ совершенной пустынѣ и приготовивъ себѣ многія пропасти. *Горе беззаконному: лукавая бо приключатся ему по дѣломъ рукъ его* (ст. 11). Видишь ли, что отъ насъ всегда зависитъ мѣра и начало наказанія? Потому пророкъ опять плачетъ, сѣтуетъ и сокрушается, что іудеи злоумышляли сами противъ себя и хуже всякаго врага вредили своему спасенію, а что можетъ быть бѣдственнѣе этого? *Людіе мои, приставницы ваши помыкаютъ васъ* (ст. 12). Превосходному учителю свойственно разнообразить рѣчь, не повергать только въ скорбь и не доставлять только удовольствіе, но иногда предлагать то, а иногда другое, чтобы отъ такого смѣшенія происходила великая польза. Потому и пророкъ не только обличаетъ, но и плачетъ, что бываетъ еще сильнѣе обличеній, однако причиняетъ меньшую скорбь, и—что удивительно—нанося глубочайшую рану, производитъ легчайшую боль. Онъ не плачетъ только, но и врачуетъ, и употребляетъ еще иной, дивный способъ настав-

ленія. Какой же именно? Укоряетъ не всѣхъ вмѣстѣ, но отдѣляетъ народъ отъ начальниковъ и на ихъ голову обращаетъ укоризны. Польза такого рода обличеній такъ велика, что и Моисей весьма часто употреблялъ его. Этотъ пророкъ, когда всѣ были достойны обличеній, обращаетъ рѣчь противъ начальниковъ; а Моисей, нашедши тогда народъ особенно виновнымъ въ
47 беззаконіи, а Аарона достойнымъ не столь великаго обличенія, оставилъ весьма виновныхъ и обратилъ обличеніе на не столь виновнаго, такими укоризнами противъ него возбуждая совѣсть ихъ признать себя достойными большаго наказанія. Такъ и случилось: затѣмъ уже не было нужды въ другихъ рѣчахъ къ народу, но тѣхъ однихъ словъ, которыя сказаны были Аарону, достаточно было, чтобы привести въ сокрушеніе столь многія тысячи, какъ бы одного человѣка, и отъ такой дерзости обратить къ страху и крайнему томленію. Предвидя это, Моисей, тотчасъ сошедши (съ горы), бросилъ скрижали и сказалъ Аарону *что сотвориша тебѣ людіе сіи, яко* сотворилъ еси я *порадованіе* врагамъ [1]) (Пс. xxxii, 21, 25)?

6. Такъ поступаетъ и этотъ пророкъ, подражая тому святому мужу двоякимъ образомъ. Моисей тогда не только укорилъ, но, принявъ также видъ сострадающаго, такимъ образомъ совершилъ то обличеніе. Такъ и этотъ подражалъ тому и другому, говоря: *людіе мои, приставницы ваши пожинаютъ васъ*. Онъ и дѣлаетъ имъ обличеніе, и говоритъ какъ сострадающій народу. *Приставниками* же, кажется, онъ называетъ здѣсь *истязающихъ*, подъ которыми, какъ я думаю, разумѣетъ хищниковъ ихъ и любостяжателей; а если не такъ, то собирающихъ подати. Посмотри и здѣсь на мудрость его: онъ осуждаетъ не самое дѣло, а неумѣренность. Не сказалъ: *требуютъ*, но: *пожинаютъ*, т. е. отнимаютъ имущество, лишаютъ всего подъ предлогомъ требованія должнаго. Такое выраженіе онъ заимствовалъ отъ примѣра собирающихъ жатву; *пожинать* (καλαμᾶσθαι) значитъ: послѣ жатвы собирать выпавшіе отъ жнецовъ колосья и совершенно ничего не оставлять на нивѣ. Такъ точно поступали тогда и эти люди, отнимая у іудеевъ все имущество и оставляя ихъ нагими. *И истязающіи обладаютъ вами*. Еще тяжелѣе то, что они не ограничивали этимъ своего любостяжанія, но еще далѣе простирали насиліе, дѣлая людей свободныхъ рабами. *Людіе мои блажащія васъ льстятъ вы*. Здѣсь, мнѣ кажется, онъ указываетъ на лжепророковъ, или на тѣхъ, которые обольщали ихъ словами, что̀ вездѣ бываетъ причиною крайняго развращенія. Поэтому, показывая

---

[1]) Св. І. Злат. дѣлаетъ сокращенный перифразъ Исх. xxxii, ст. 21 и 25.

вредъ, происходящій отсюда, онъ присовокупляетъ: *и стези ногъ вашихъ возмущаютъ*, т. е. не позволяютъ идти прямо, сбивая съ пути, разслабляя, дѣлая нерадивыми.

Но нынѣ устроится Господь на судъ, и поставитъ на судъ люди своя. Самъ Господь на судъ пріидетъ со старѣйшины людей, и съ князи ихъ (ст. 13, 14). Онъ продолжаетъ тотъ же способъ исправленія, обращая укоризны отъ народа къ старцамъ и начальникамъ и употребляя болѣе грозный образъ рѣчи: представляетъ самого Бога судящимъ и осуждающимъ и обличающимъ за грѣхи противъ народа тѣхъ, которые обижали народъ. Потому и говоритъ: *но нынѣ устроится Господь на судъ*. Такъ какъ онъ окончилъ обличеніе, — обличеніе же для людей безчувственныхъ не очень тяжко, но наказаніе для нихъ страшно,—то и говорить, что на одномъ обличеніи дѣло не остановится, но послѣдуетъ 48
и наказаніе за грѣхи, когда Самъ, имѣющій судить, наконецъ потребуетъ отчета и вступитъ въ судъ съ грѣшниками. Это показываетъ и великое снисхожденіе Бога, желающаго судиться съ ними, и самую рѣчь дѣлаетъ обличительною, такъ что имѣющихъ умъ можетъ привести въ великое сокрушеніе. И не по той только причинѣ, о которой я сказалъ выше, онъ обращаетъ рѣчь къ начальникамъ и старцамъ, но и для того, чтобы научить всѣхъ, что начальники подвергнутся болѣе тяжкимъ взысканіямъ, нежели подчиненные. Подчиненный дастъ отчетъ только за себя самого, а начальникъ и за себя самого и за народъ, который ввѣренъ его власти. И отъ старцевъ справедливо требуется такая же строгость жизни, такъ какъ что̀ для тѣхъ — власть, то для этихъ — возрастъ ихъ. Правда, и юноша, тяжко согрѣшающій, достоинъ наказанія; но тотъ, кто по самому возрасту способенъ къ воздержанію и не обуревается такими волнами страстей, но имѣетъ возможность съ большею легкостію быть любомудрымъ и съ бо̀льшимъ удобствомъ удаляться отъ всего житейскаго и пріобрѣлъ больше благоразумія вслѣдствіе опытности въ дѣлахъ, тотъ справедливо долженъ быть наказанъ больше всѣхъ, если онъ въ старости совершаетъ дѣла невоздержныхъ юношей. *Вы же почто запалисте виноградъ мой и разграбленіе убогаго въ домѣхъ вашихъ?* Богъ всегда имѣетъ великое попеченіе о терпящихъ обиды, и не меньше, какъ за грѣхи противъ Него, а иногда и больше, гнѣвается за грѣхи противъ подобныхъ намъ рабовъ. Жену прелюбодѣйную онъ позволилъ отпускать, а язычницу—нѣтъ (Мат. v, 32; 1 Кор. vii, 12), хотя послѣдняя виновна противъ Него самого, а первая — противъ человѣка. И когда приносится жертва, Онъ повелѣлъ оставлять даръ и не прежде приносить его, пока оскорбившій ближняго помирится съ братомъ своимъ (Мат. v,

23, 24); и когда судилъ должника десятію тысячами талантовъ, то, обличая его во грѣхахъ противъ Себя, даже не назвалъ его лукавымъ, но скоро примирился съ нимъ и простилъ весь долгъ, а за сто динаріевъ и рабомъ назвалъ лукавымъ, и предалъ истязателямъ, и не прежде позволилъ отпустить, пока будетъ отданъ весь долгъ (Мат. xxv).

7. И когда самъ Христосъ былъ ударяемъ, то Онъ не сдѣлалъ ничего рабу, нанесшему ударъ, но кротко отвѣчалъ: *аще злѣ глаголахъ, свидѣтельствуй о злѣ: аще ли добрѣ, что мя біеши* (Іоан. xviii, 23)? Но когда Іеровоамъ, простерши руку, повелѣлъ взять обличавшаго его пророка, тогда Богъ сдѣлалъ руку его сухою (3 Цар. xiii, 4), научая и тебя кротко переносить обиды касающіяся тебя самого, а касающіяся Господа преслѣдовать съ великою силою. Потому и преподавая заповѣди, Онъ хотя и поставилъ любовь къ ближнему второю заповѣдію, но — подобною первой, и какъ исполненія той требуетъ весьма строго, такъ и этой. О первой Онъ говоритъ: *всѣмъ сердцемъ твоимъ и всею душею твоею*, и объ этой: *яко самъ себе* (Матѳ. xxii, 37, 39). И изъ многихъ другихъ мѣстъ можно видѣть, съ какою строгостію Онъ предписываетъ намъ обязанности другъ къ другу. Такъ и здѣсь, посмотри, какъ сильно Онъ повторяетъ и усиливаетъ обличеніе разительными выраже-
49 ніями: *вы же*, говоритъ, *почто запалисте виноградъ мой?* Какъ по-
ступили бы какіе-нибудь жестокіе иноплеменные непріятели, такъ вы поступили съ своими. *Виноградомъ* же Онъ называетъ народъ, по причинѣ великаго попеченія о немъ и промышленія свыше. И желая усилить обличеніе, не сказалъ: почему подобныхъ себѣ рабовъ, ближнихъ, братьевъ, но *Мое*, говоритъ, погубили, *Мое* расхитили? Далѣе, показывая, въ чемъ состоитъ это *запаленіе*, говоритъ: *разграбленіе убогаго въ домѣхъ вашихъ*. Не столько градъ вредитъ виноградникамъ, сколько несправедливость къ бѣдному и убогому обыкновенно попаляетъ его душу, подвергая ее унынію, тягчайшему всякой смерти. Хищничество — всегда зло, но особенно тогда, когда обижаемый находится въ крайней бѣдности. Этимъ онъ не только обличаетъ, но и исправляетъ, обращая взоры ихъ на похищенное. Послѣ такихъ словъ, самый видъ лежащаго предъ глазами можетъ достаточно тронуть того, кто не сдѣлался слишкомъ безчувственнымъ. *Почто вы обидите людей моихъ* (ст. 15)? Онъ продолжаетъ тотъ же образъ рѣчи; какъ тамъ говорилъ: *виноградъ мой*, такъ и здѣсь: *людей моихъ*. *И* лица [1]) *убогихъ посрамляете?* Тѣхъ, кого нужно было исправлять, вы

---

[1]) Вмѣсто τὸ πρόσωπον = ц.-слав. *лице*, какъ читается въ алекс. и ват. код., св. І. Зл. читалъ τὰ πρόσωπα = *лица*.

прогоняете; тѣхъ, кого нужно было возстановлять, вы сокрушаете. Вмѣстѣ съ грабительствомъ они еще презирали низшихъ, обращались съ ними хуже, нежели съ невольниками, присоединяя къ любостяжанію надменность, и отъ неправеднаго обогащенія пріобрѣтая великую гордость. Съ корыстолюбіемъ неразлучна болѣзнь высокомѣрія, и чѣмъ кто болѣе собираетъ богатства, тѣмъ болѣе усиливается и эта болѣзнь. *Сіе глаголетъ Господь,* Господь, Господь *Саваоѳъ* [1]). Что значитъ: *Саваоѳъ?* Ангеловъ, архангеловъ, вышнихъ силъ. Онъ говоритъ такъ, желая возвести слушателя отъ земли на небо, внушить ему мысль о великомъ царствѣ Божіемъ, чтобы поразить его этимъ, сдѣлать болѣе благоразумнымъ и показать, что такое снисхожденіе есть слѣдствіе не слабости, а долготерпѣнія Божія. *Сія глаголетъ Господь: понеже вознесошася дщери Сіони, и ходиша высокою выею, и помизаніемъ очесъ, и ступаніемъ ногъ, купно ризы влекущыя и ногама купно играющыя. И смиритъ Господь начальныя дщери Сіони, и Господь открыетъ срамоту ихъ въ день онъ. И отъиметъ Господь славу ризъ ихъ и* красоту [2]) *ихъ, и вплетенія* [3]) *и тресны ризныя, и луницы* [4]), *и срачицы тонкія, и красоту лица ихъ, и состроеніе красы славныя, и обручи,* и запястія, и сплетеніе [5]), *и перстни,* и кольца, *и усерязи* [6]), *и багряницы* [7]), *и утварь храмную, и свѣтлая Лаконская, и виссоны, и синеты, и
череленицы, и виссонъ со златомъ и синетою* претыканъ [8]), *и тон-* 5.
чицы преиманы златомъ: и будетъ вмѣсто вони добрыя смрадъ, и вмѣсто пояса ужемъ препояшешися, и вмѣсто украшенія главы твоея [9]) *плѣшь имѣти будеши дѣлъ твоихъ ради, и вмѣсто ризы багряныя препояшешися вретищемъ. Сія ти вмѣсто благолѣпія* [10]). *И сынъ твой добрѣйшій, егоже любиши, мечемъ падетъ, и крѣпцыи ваши мечемъ падутъ, и смирятся: и восплачутся хранилища утварей вашихъ, и останешися едина, и о землю ударена будеши* (ст. 16—25).

---

[1]) Въ ц.-слав. эти слова читаются: *глаголетъ Господь Саваоѳъ.*

[2]) Вмѣсто: τοὺς κόσμους = ц.-сл.: *красоты*, какъ въ алекс. код., св. І. Злат. читалъ τὸν κόσμον = красоту.

[3]) Въ ц.-сл.: *вплетенія златая* (на главѣ).

[4]) Въ ц.-сл.: *и луницы гривенныя.*

[5]) καὶ τὸ ἐμπλόκιον = *и сплетеніе* = reticulum.

[6]) Въ ц.-сл.: *и художныя усерязи.*

[7]) Слѣдующихъ затѣмъ по ал. и ват. код. словъ: καὶ τὰ μεσοπόρφυρα = въ ц.-слав.: *и пребагряная* св. І. Зл. не читалъ.

[8]) Вмѣсто: συγκαθυφασμένα = въ ц.-сл.: *претыканы*, какъ въ ал. и ват., св. І. Зл. читалъ: συγκαθυφασμένην = претыканъ.

[9]) Въ ц.-слав., согласно алекс. и ват. код.: *и вмѣсто украшенія златаго еже на главѣ* (καὶ ἀντὶ τοῦ κόσμου τῆς κεφαλῆς τοῦ χρυσίου).

[10]) Ταῦτά σοι ἀντὶ καλλωπισμοῦ: эти слова не читаются ни въ одномъ извѣстномъ греч. спискѣ Т. LXX, потому отсутствуютъ и въ ц.-слав.

Здѣсь пророкъ сдѣлалъ нѣчто необыкновенное, обративъ пространную рѣчь къ женамъ, чего нигдѣ въ Писаніяхъ мы не встрѣчаемъ въ такомъ видѣ. Какая же причина этого необыкновеннаго образа рѣчи?

8. Велика, мнѣ кажется, была тогда изнѣженность женъ и много онѣ способствовали порочности мужей. Потому пророкъ и обращается особенно къ нимъ, направляя на нихъ болѣе тяжкіе упреки; и въ началѣ онъ возвышаетъ рѣчь, говоря отъ лица Божія: *сія глаголетъ Господь: понеже вознесошася дщери Сіони, и ходиша высокою выею*. Онъ укоряетъ ихъ за главнѣйшее изъ золъ, — за гордость и высокомѣріе. Это зло вездѣ несносно, но особенно въ женскомъ полѣ. Жена, исполненная высокомѣрія, будучи болѣе легкомысленною и неразумною, легко развращается, утопаетъ, терпитъ кораблекрушеніе отъ всякаго бурнаго дуновенья, такъ какъ гордость и высокомѣріе потопляетъ ее. Онъ, кажется, обращается къ женамъ іерусалимскимъ; потому и называетъ ихъ *дщерями Сіона. И ходиша высокою выею*. Здѣсь онъ и посмѣвается надъ ними, и показываетъ женское высокомѣріе, которое не можетъ оставаться въ душѣ, но прорывается наружу и выражается движеніями тѣла. И не за гордость только онъ укоряетъ ихъ, но и за распутство, какъ говоритъ и объясняетъ въ дальнѣйшихъ словахъ. Онъ прибавляетъ: *и помизаніемъ очесъ*. Это свойственно развратнымъ женщинамъ — мигать глазами и такимъ образомъ показывать великое распутство и изнѣженность; ничто такъ не доказываетъ распутства и изнѣженности, какъ это. *И ступаніемъ ногъ, купно ризы влекущыя*. Не маловаженъ и этотъ упрекъ, хотя онъ и кажется маловажнымъ; напротивъ влачить по землѣ одежду — это знакъ крайней испорченности, изнѣженности, невоздержанія, распутства. Даже одинъ изъ язычниковъ, осмѣивая своего противника, поставилъ это ему въ укоризну, сказавъ: „онъ спускаетъ одежду до пятокъ" [1]). *И ногама купно играющыя*. И это опять — признакъ такого же безстыдства. Во всемъ, и въ глазахъ, и въ одеждѣ, и въ ногахъ, и въ походкѣ, обнаруживается или цѣломудріе, или распутство. Движенія внѣшнихъ членовъ суть какъ бы вѣстники души, находящейся внутри. Какъ живописцы, смѣшивая краски, начертываютъ изображенія, какія хотятъ, такъ точно и движенія тѣлесныхъ членовъ выводятъ наружу свойства души и представляютъ ихъ нашимъ гла-
51 замъ. Потому и другой премудрый сказалъ: *одѣяніе мужа, и смѣхъ зубовъ, и* стопа ноги [2]) *возвѣстятъ, яже о немъ* (Сир. XIX, 27). *И*

---

[1]) У Діона говорится такъ о Цицеронѣ (usque ad talos vestem demitteret).

[2]) Въ алекс. и въ ват. списк.: βήματα ἀνθρώπου = въ ц.-сл.: *стопы человѣка*.

смиритъ Господь начальныя дщери Сіони, и Господь открыетъ срамоту ихъ въ день онъ, и отъиметъ Господь славу ризъ ихъ. Обличивъ два порока, гордость и распутство, онъ для каждаго употребляетъ соотвѣтственное врачество: для перваго—первое, а для второго — послѣдующее, для гордости — смиреніе, а для красоты одеждъ — лишеніе ея. Когда, говоритъ, настанетъ война, тогда все будетъ унесено. Тогда высокомѣрныя и гордыя женщины, пораженныя страхомъ, освободятся отъ этой болѣзни; развратныя и во всемъ изнѣженныя, подвергшись игу плѣна, освободятся отъ всей этой изнѣженности.

Но чтобы сдѣлать слова свои болѣе чувствительными для нихъ и коснуться души слушателей, пророкъ подробно исчисляетъ украшенія одеждъ этихъ женщинъ, зототыя вещи, носимыя на лицѣ и на прочихъ членахъ тѣла, потомъ переходитъ и къ украшенію дома. Онѣ не только тѣла украшали, но простирали таковую гордость и на стѣны, расточая имѣніе на ненужные предметы, и, завивая свои волосы, простирали всюду эти обольстительныя крылья. За это онъ и укоряетъ ихъ, говоря: *отъиметъ славу ризъ ихъ, и* красоту *ихъ и вплетенія* ихъ, *и тресны ризныя.* Выраженіемъ: *тресны ризныя* онъ называетъ или какое-нибудь головное украшеніе, или самый видъ головной прически. *И луницы,* — украшеніе около шеи, видомъ подобное лунѣ. *И срачицы тонкія,*—вѣроятно, говоритъ о лѣтней одеждѣ. *И красоту лица ихъ,* — здѣсь, мнѣ кажется, онъ разумѣетъ притиранья и румяны. *И состровеніе красы славныя,* — этимъ указываетъ на позолоту. *И обручи,* — золотыя украшенія на рукахъ. *И запястія,* — украшенія на кистяхъ рукъ. *И сплетеніе,* — золотое украшеніе вокругъ головы. *И перстни и кольца,* — которыя называютъ браслетами. *И усерязи, и багряницы, и пребагряная, и утварь храмную, и свѣтлая Лаконская.* Такова была ихъ забота касательно роскоши, что онѣ употребляли не только отечественныя произведенія, но собирали и издалека, изъ чужихъ странъ, и предпринимали для этого морскія путешествія, потому что между Палестиною и Лакедемономъ великое разстояніе и огромное море.

9. Итакъ не напрасно пророкъ, не называя самыя одежды, указалъ на ихъ отечество, но для того, чтобы показать безмѣрную роскошь женщинъ. *И виссоны, и синеты, и черленицы, и виссонъ со златомъ и синетою* претыканъ, *и тончицы преиманы златомъ.* Онѣ не оставили ни одного вида ни въ одеждѣ, ни въ другихъ украшеніяхъ, но прошли всѣ пути роскоши, силою разврата будучи доведены до сумасшествія.

Если же и тогда, прежде благодати и такого любомудрія, это было осуждаемо, то какое оправданіе могутъ имѣть нынѣш-

нія жены, которыя призваны на небо и къ подвигамъ бóльшимъ, которыя обязываются соревновать ангеламъ, которыя могутъ несравненно съ бóльшею силою побѣждать такое невоздержаніе, и между тѣмъ превосходятъ и дѣйствующихъ на зрѣлищѣ? И, —
52 что всего хуже,—онѣ даже не думаютъ, что грѣшатъ. Потому и на нихъ нужно вооружиться словомъ пророка. Дѣйствительно, не только къ тѣмъ, но и къ этимъ относится прибавленное имъ: *будетъ вмѣсто вони добрыя смрадъ*. Видишь ли, какъ онъ отвергаетъ и намащеніе благовоніями и угрожаетъ за это великимъ наказаніемъ? *Смрадомъ* онъ называетъ здѣсь пыль, которая поднимается послѣ разрушенія города и набѣга непріятелей. И дѣйствительно, они истребляли его тогда огнемъ и мечемъ, иное въ немъ разрушая, а иное предавая сожженію. Предвѣщая это, пророкъ и говоритъ: *и будетъ вмѣсто вони добрыя смрадъ, и вмѣсто пояса ужемъ препояшешися;* онъ представляетъ изображеніе плѣна и отведеніе въ страну иноплеменниковъ. *И вмѣсто украшенія* главы твоея *плѣшь имѣти будеши*,—потому что или волосы выпадутъ отъ скорби, или непріятели сдѣлаютъ это, или онѣ — сами себѣ. Въ древности былъ обычай — во время печали и несчастія стричься и бриться. Такъ, Іовъ остригъ главу, услышавъ о несчастіи дѣтей. И этотъ пророкъ далѣе говоритъ, что вмѣстѣ съ вретищемъ и рыданіемъ будетъ остриженіе (Ис. XXII, 12). Также другой пророкъ говоритъ: *оброснися и остризися по чадѣхъ своихъ младыхъ* (Мих. I, 16). *И вмѣсто ризы багряныя препояшешися вретищемъ*. Не представляется ли это страшнымъ и невыносимымъ? Но насъ ожидаютъ еще не такія наказанія, а червь ядовитый и тьма нескончаемая. Если тѣхъ за пристрастіе къ украшеніямъ постигли плѣнъ, рабство и крайнія бѣдствія, — а что Богъ осудилъ и наказалъ ихъ собственно за этотъ грѣхъ, послушай, какъ пророкъ, исчисливъ бѣдствія, указываетъ и на ихъ причину: сія ти, говоритъ, вмѣсто благолѣпія, — если іудейскія жены, пристрастныя къ украшеніямъ, подверглись такому наказанію, когда отечество ихъ было разрушено до основанія, и онѣ, послѣ великой роскоши, были отведены въ чужую страну рабынями, плѣнницами и изгнанницами, и преданы голоду, болѣзнямъ и безчисленнымъ родамъ смерти, то не очевидно ли, что мы подвергнемся еще тягчайшимъ наказаніямъ, впадая въ тѣ же грѣхи? Чѣмъ больше честь, тѣмъ тяжелѣе наказанія.

Если же какая-нибудь жена, пристрастная къ украшеніямъ, еще не потерпѣла ничего подобнаго,—пусть она не будетъ самонадѣянна. Богъ обыкновенно посылаетъ наказанія на одного и на другого и чрезъ нихъ внушаетъ всѣмъ прочимъ, какія ожидаютъ ихъ бѣдствія. Но выражу яснѣе сказанное мною. Жители Содома

совершали нѣкогда тяжкіе грѣхи и подверглись крайнему наказанію, когда нисшелъ пламень, и города, и люди, и земля съ тѣлами ихъ,—все было сожжено. Что же? Послѣ нихъ развѣ никто не дерзалъ совершать такія же дѣла? Напротивъ, многіе и во многихъ мѣстахъ вселенной. Почему же они не потерпѣли ничего подобнаго? Потому, что они соблюдаются для другого, тягчайшаго наказанія. Потому Богъ, сдѣлавъ это однажды, не дѣлалъ болѣе, чтобы дерзающіе совершать такія же дѣла ясно видѣли, что они никогда не избѣгнутъ наказаній, хотя бы здѣсь и не подвергались имъ. Въ самомъ дѣлѣ, сообразно ли было бы съ разумомъ, если бы тѣ, которые жили прежде благодати и закона и не слушали ни пророковъ, ни кого-нибудь другого, потерпѣли такія наказанія за свои грѣхи, а тѣ, которые послѣ нихъ удостоились такого попеченія Божія и не вразумились примѣромъ ихъ,—отъ чего грѣхъ дѣлается гораздо болѣе тяжкимъ,— избѣжали бы незначеннаго за это наказанія? Почему же они и 53
теперь еще не наказаны? Дабы ты научился, что они соблюдаются для наказанія, гораздо болѣе тяжкаго.

10. А что дѣйствительно можно подвергнуться наказанію болѣе тяжкому, нежели содомское, послушай Христа, который говоритъ: *отраднѣе будетъ земли Содомстѣй и Гоморрстѣй въ день судный, нежe граду тому* (Матѳ. x, 15). Потому, если нынѣшнія жены, пристрастныя къ украшеніямъ, не потерпѣли того, что потерпѣли украшавшіяся тогда,—пусть онѣ не будутъ самонадѣянны. Самое замедленіе и долготерпѣніе Божіе приготовляетъ имъ жесточайшую огненную пещь и дѣлаетъ пламень сильнѣйшимъ. Такъ случилось и съ Ананіею и Сапфирою. Они, вначалѣ и при первомъ явленіи (евангельской) проповѣди утаивъ часть своего имѣнія, тотчасъ были поражены смертію; а послѣ нихъ многіе, дерзавшіе дѣлать тоже, не потерпѣли ничего. Какъ же было бы сообразно съ разумомъ, чтобы Судія праведный и воздающій всѣмъ равно, меньше согрѣшившихъ наказывалъ, а тяжелѣе согрѣшившихъ оставлялъ безъ наказанія? Не очевидно ли, что, предопредѣливъ день, въ который будетъ судить вселенную, Онъ потому откладываетъ наказаніе, чтобы люди или отъ долготерпѣнія Его исправились, или подверглись тягчайшему наказанію, если останутся въ тѣхъ же грѣхахъ? Итакъ, когда мы, согрѣшая такъ же, какъ уже грѣшили другіе, потерпѣвшіе наказаніе, не терпимъ того же, то не будемъ самонадѣянны, но еще болѣе будемъ страшиться. Наказаніемъ тѣхъ Богъ какъ бы изрекъ законъ, внушая и убѣждая всѣхъ: Я для того наказалъ согрѣшившаго вначалѣ, чтобы и ты, согрѣшающій послѣ нихъ, ожидалъ себѣ того же, чтобы ты исправился и сдѣлался лучшимъ.

За одинаковые грѣхи назначены одинаковыя наказанія, хотя они не тотчасъ исполняются. А относительно этихъ людей Я медлилъ не безъ причины, но потому, что въ ихъ домы отъ изнѣженности женъ вошла дурная болѣзнь, — страсть къ украшеніямъ, которая усилила трату имущества, вводя мужей въ излишнія издержки, подавая поводъ къ враждѣ, безпокойству и ежедневному соперничеству, и истощая утробу бѣдныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, когда жена заставляетъ мужа издерживать все имущество или даже больше своего имущества на гордость тѣла (потому что гордость тѣла—лежащее вокругъ него золото), тогда рука по необходимости сжимается для благодѣтельной милостыни. И, какъ можно видѣть, множество другихъ видовъ грѣха происходитъ отсюда. Впрочемъ, предоставивъ хорошо узнавать это на опытѣ самимъ подвергающимся такому злу, обратимся къ послѣдующему. Представивъ изображеніе плѣна и сказавъ: Я наведу это вмѣсто благолѣпія, пророкъ усиливаетъ наказаніе и говоритъ: *и сынъ твой добрѣйшій, егоже любиши, мечемъ падетъ и крѣпцыи ваши мечемъ падутъ*. Дѣйствительно, это бѣдственнѣе плѣна; это — жизнь хуже смерти. Когда вмѣстѣ съ рабствомъ онѣ принуждены оплакивать безвременныя скорби, то вообрази, какъ велико такое несчастіе, когда соединяются одно съ другимъ разныя огорченія, которыя тяжки и сами по себѣ. Подлинно, когда случился одинъ плѣнъ, то такое бѣдствіе было невыносимымъ, и когда случались такія скорби у живущихъ на свободѣ, то жизнь была горче смерти; но теперь,
61 говоритъ, то и другое будетъ соединено вмѣстѣ. Такое бѣдствіе нужно назвать болѣе, чѣмъ двойнымъ, а тройнымъ и четвернымъ,— когда именно сынъ, и прекрасный, и любимый, и отъ враговъ, а не по общему закону природы, лишается жизни, а вмѣстѣ съ нимъ— и всѣ находящіеся въ зрѣломъ возрастѣ, такъ что имъ не остается никакой доброй надежды на человѣческую помощь и содѣйствіе. *И смирятся: и восплачутся хранилища утварей вашихъ, и останешися едина, и о землю ударена будеши*. Пророкъ всѣми мѣрами увеличиваетъ плачъ, усиливаетъ страхъ, возбуждаетъ живое сокрушеніе, поставляетъ бѣдствія на видъ, распространяетъ описаніе несчастія, обращаясь ко всему, собирая отвсюду скорбныя черты по причинѣ безчувственности слушателей, такъ какъ желательно было, чтобы такими угрозами они были потрясены и стали чувствовать совершеніе ожидающихъ ихъ бѣдствій. Потому онъ и прибавилъ то, что представляется весьма жалкимъ, — что они будутъ видѣть опустошенное хранилище золота, памятникъ прежняго благоденствія, который самымъ видомъ своимъ будетъ постоянно возбуждать живую скорбь. Несчастія обыкновенно тогда особенно поражаютъ насъ, когда мы сравниваемъ ихъ съ

прежнимъ благоденствіемъ; такое сравненіе дѣлаетъ рану болѣе жестокою. Такъ и Іовъ нѣкогда со слезами говорилъ: *кто мя устроитъ по мѣсяцамъ прежднихъ дней* (Іов. XXIX, 2)? И повѣствуетъ о всемъ богатствѣ, о благахъ, которыя текли какъ бы изъ источниковъ, о почестяхъ, о доходахъ, о всей славѣ своей, чтобы такимъ сравненіемъ лучше показать, какъ тяжки настоящія, постигшія его, бѣдствія. Тоже дѣлаетъ теперь и пророкъ, напоминая о хранилищахъ и, не довольствуясь этимъ, представляетъ ихъ самихъ плачущими. Рѣчь бываетъ поразительнѣе, когда дѣлаются такія олицетворенія. Потому онъ представляетъ плачущими и виноградъ и вино, чтобы сильнѣе поразить слушателей и тронуть ихъ безчувственность. Что значитъ: *останешися едина?* Оставленная, говоритъ, безъ помощниковъ и безъ попеченія Божія, лишенная всей прежней славы, окруженная со всѣхъ сторонъ врагами и стѣсненная среди иноплеменниковъ. Затѣмъ, желая представить крайность униженія, говоритъ: *и о землю ударена будеши.* Не сказалъ: *упадешь*, или: *низвергнешься;* но употребилъ другое слово, яснѣе выражающее все ея униженіе.

ГЛАВА IV.

И имутся седмь женъ въ тотъ день за мужа единаго, глаголюще: хлѣбъ нашъ ясти будемъ и въ ризы наша одѣватися: точію имя твое да наречется на насъ, отъими укоризну нашу (Иса. IV, 1).

1. Пророкъ хочетъ показать происшедшее отъ войны оскудѣніе въ людяхъ, какъ народъ іудейскій сталъ малочисленъ. Намъ, говорили (женщины), не нужно покровительство, какое свойственно женамъ получать отъ мужей, но пусть мужъ останется совершенно свободнымъ отъ такой обязанности, ласкать и любить, только бы намъ какъ-нибудь избавиться отъ имени вдовства. Это означаютъ слова: *отъими укоризну нашу,*—такъ какъ въ древности вдовство считалось позорнымъ. *Въ день оный возсіяетъ Богъ въ совѣтѣ со славою на земли, еже вознести и прославити останокъ Израиля* (ст. 2). Весьма тронувъ душу ихъ угрозою бѣд- 55
ствій, достаточно описавъ несчастія и предложивъ пространную рѣчь о страшныхъ событіяхъ, пророкъ наконецъ переходитъ къ предметамъ болѣе утѣшительнымъ. Отличный способъ врачеванія состоитъ въ томъ, чтобы не только отсѣкать и прижигать, но и утолять происходящую отсюда боль смягчающими лѣкарствами. Такъ точно поступаетъ и онъ. Все это, говоритъ онъ, разрѣшается не

скорбями, но по окончаніи бѣдствій послѣдуютъ событія болѣе утѣшительныя и будетъ не только избавленіе отъ скорбей, но и великая слава и великое торжество. *Сіяніемъ* Божіимъ онъ называетъ то, которое разсѣеваетъ мракъ скорби, производитъ свѣтлый день и дѣлаетъ людей славными. А выраженіе: *въ совѣтѣ* означаетъ, что Богъ устроитъ все разумно, съ свойственною Ему премудростію. *И будетъ останокъ* Израиля *въ Сіонѣ и останокъ во Іерусалимѣ: святи нарекутся вси написаннiи въ жизнь во Іерусалимѣ* (ст. 3). Чтобы ты убѣдился, что не по какому-нибудь случаю совершилось спасеніе тѣхъ, которые избѣгли опасности, но при помощи высшаго опредѣленія они, находясь среди бѣдствій, не были подавлены ими, для этого онъ говоритъ: *святи нарекутся вси написаннiи въ жизнь во Іерусалимѣ,*—тѣ, говоритъ, которые отдѣлены, предусмотрѣны, назначены не потерпѣть ничего худого. Справедливо онъ называетъ ихъ *святыми*, выражая то, что не напрасно они отдѣлены и не безъ причины таково опредѣленіе Божіе, но нѣсколько способствовалъ тому и добродѣтельный образъ ихъ жизни, или прежній, или послѣдующій. Между ними хотя были добрые и кроткіе, но и они отъ случившихся событій сдѣлались еще лучшими и болѣе исправными. Какъ золото, брошенное въ огонь, очищается отъ всякой нечистоты, такъ и люди ревностные дѣлаются еще болѣе ревностными во время искушеній, очищаясь отъ всякой безпечности. *Яко отмыетъ Господь скверну сыновъ и дщерей Сіонскихъ, и кровь*[1]) *очиститъ отъ среды ихъ духомъ суда и духомъ зноя* (ст. 4). Здѣсь, мнѣ кажется, онъ разумѣетъ двоякое очищеніе,—и то, что они получатъ наказаніе за грѣхи, и то, что они отъ этого сдѣлаются болѣе ревностными въ будущемъ. Подъ *кровію* іерусалимскою онъ разумѣетъ умерщвленіе, неправедныя убійства. Потомъ, желая сильнѣе показать вину ихъ, говоритъ: *отъ среды ихъ*. Они не тайно и не скрываясь отваживались на человѣкоубійства, но хуже разбойниковъ и нападающихъ на большихъ дорогахъ. Эти, скрываясь во тьмѣ и въ пустыхъ мѣстахъ, совершаютъ свойственныя имъ дѣла; а тѣ среди площадей, среди города, въ самыхъ судилищахъ совершали свои беззаконія. Но и эту, говоритъ, происшедшую отсюда нечистоту истребитъ наступающая война. Такъ при утѣшительныхъ обстоятельствахъ онъ оправдывается въ прежнихъ скорбныхъ, объясняя, что все прежде случившееся случилось для того, чтобы они омылись, чтобы очистились, чтобы какъ бы перегорѣли въ огнѣ, чтобы отложили всякую нечистоту, чтобы сняли съ себя безчестіе грѣховъ и убійствъ. Что значитъ: *духомъ суда и духомъ зноя?*

---

[1]) Въ ц.-сл пер., согласно нѣкот. гр. сп. пер. LXX: *кровь іерусалимску*.

Онъ продолжаетъ иносказаніе, заимствованное отъ веществъ, подвергаемыхъ плавленію. Какъ тамъ воздухъ, входящій въ плавильную печь, раздувающій пламя и дѣлающій уголья болѣе горячими, истребляетъ всякую примѣсь, такъ и здѣсь гнѣвъ Божій и набѣгъ непріятелей сталъ для города вмѣсто огня, 56
огня не истребляющаго, но жгущаго, очищающаго, наказывающаго, исправляющаго. Выраженіе: *духомъ суда* значитъ: посредствомъ мученія, наказанія, воздаянія. *И пріидетъ Господь*: Пришествіемъ пророкъ называетъ Его дѣйствіе. *И будетъ все мѣсто горы Сіони, и вся яже окрестъ ея осѣнитъ облакъ во дни, и яко дыма и свѣта огненна горяща въ нощи, всею славою покрыется: и будетъ въ сѣнь* дне [1]) *отъ зноя, и въ покровъ, и въ сокровеніе отъ жестости и дождя* (ст. 5, 6). Подъ облакомъ здѣсь онъ разумѣетъ успокоеніе отъ бѣдствій; а подъ *огнемъ*—явленіе Бога, соединенное съ утѣшеніемъ. Что — облако во время зноя, то — во время тьмы и глубокой ночи огонь, свѣтло горящій; то умѣряетъ зной, а этотъ прогоняетъ тьму. Такимъ образомъ явленіе Бога онъ уподобляетъ свѣту огня, а успокоеніе — тѣни облака. Далѣе, желая показать, что бѣдствія будутъ уничтожаться не мало-по-малу, но вдругъ, при самомъ господствѣ скорбей, произойдетъ перемѣна, чтобы отсюда убѣдились, что переворотъ къ лучшему произошелъ не по обстоятельствамъ и какому-нибудь случаю, но все совершено высшею силою, онъ говоритъ: *яко свѣта огненна горяща въ нощи*, — такъ совершится перемѣна! *И будетъ въ сѣнь* дне. Что будетъ? Помощь, говоритъ, и содѣйствіе Божіе. Какъ тѣнь во время зноя, и какъ кровля или убѣжище въ какой-нибудь пещерѣ сохраняетъ въ безопасности укрывшагося въ ней, когда падаетъ сильный дождь, такъ точно помощь Божія и во время столь грозной войны не допуститъ потерпѣть никакого зла тѣмъ, которыхъ Онъ опредѣлилъ спасти въ началѣ.

ГЛАВА V.

Воспою возлюбленному моему пѣснь возлюбленнаго моего винограду моему (Ис. V, 1).

1. Внушивъ страхъ предсказаніемъ бѣдствій, утѣшивъ обѣщаніемъ благъ, употребивъ различныя врачества, пророкъ снова возводитъ рѣчь къ началу, — началу, приличествующему для вступленія въ пророчество. Какъ вначалѣ онъ возвѣстилъ о благодѣяніяхъ Божіихъ, оказанныхъ іудеямъ, говоря: *сыны ро-*

---

[1]) Слово ἡμέρας = *дне* въ ц.-сл., согласно ват. код., не читается.

диxъ и возвысихъ, а также о сдѣланныхъ ими беззаконіяхъ, присовокупляя: *тіи отвергошася Мене*, и: *Исраиль же Мене не позна, и людіе мои не разумѣша* (Ис. I, 2, 3), такъ и здѣсь другими словами, но тѣми же мыслями онъ выражаетъ одинаковое съ прежнимъ. Но почему, намѣреваясь изрекать обличенія, онъ называетъ обличеніе пѣснію? Моисей съ Маріею справедливо поступилъ такъ, когда, намѣреваясь пѣть побѣдную пѣснь, справедливо началъ такими словами: *поимъ Господеви, славно бо прославися: коня и всадника вверже въ море* (Исход. XV, 1). И Девора, послѣ дивнаго того трофея, послѣ необыкновенной побѣды, справедливо составила побѣдную пѣснь, возсылая славословіе Богу (Суд. гл. V). А этотъ пророкъ, намѣреваясь обличать и имѣя потребность въ сильномъ словѣ и въ состояніи души не успокоительномъ, а напряженномъ, обѣщаетъ намъ пѣть и называетъ
57 обличенія пѣснію. Впрочемъ не онъ одинъ дѣлаетъ это, но и великій Моисей, воспѣвшій тогда побѣдную пѣснь, въ обличеніе іудеевъ, составилъ длинную пѣснь изъ укоризнъ, говоря: *сія ли Господеви воздаете, сіи людіе буіи и немудри* (Втор. XXXII, 6)? И много составивъ обличеній, онъ заповѣдалъ іудеямъ произносить ихъ въ пѣніи; да и мы еще и теперь произносимъ ихъ въ пѣніи.

Почему же они составляли обличенія въ видѣ пѣсни? Потому, что они руководились духовною мудростію и хотѣли доставить великую пользу душамъ слушателей. Такъ какъ нѣтъ ничего столь полезнаго, какъ постоянное памятованіе о своихъ грѣхахъ, а памятованіе ни отъ чего не дѣлается столь прочнымъ, какъ отъ пѣсни, — такъ дабы они не скучали отъ чрезмѣрныхъ обличеній и не уклонялись отъ постояннаго памятованія о своихъ грѣхахъ, пророкъ, стройностію пѣсни желая уничтожить стыдъ, происходящій отъ этого памятованія, и облегчить невыносимую скорбь, составилъ такія пѣсни, чтобы, вынуждаемые любовію къ пѣнію постоянно повторять ихъ, они постоянно помнили о самихъ себѣ и чтобы постоянное памятованіе о грѣхахъ было для нихъ нѣкоторымъ постояннымъ урокомъ добродѣтели. Вы знаете, что даже теперь иныя книги Писанія многимъ не извѣстны и по имени, а произведеніе псалмовъ у всѣхъ на устахъ, равно какъ и эти самыя пѣсни. Такъ изъ самаго опыта видно, сколь великая польза происходитъ отъ пѣсни. Потому и говоритъ пророкъ: *воспою возлюбленному пѣснь возлюбленнаго моего винограду моему*. Пѣснь, говоритъ, возлюбленному винограду воспою о самомъ возлюбленномъ. И для него я пою, говоритъ, и предметъ пѣсни — онъ самъ и дѣла его. Не удивляйся, что онъ называетъ любимымъ и возлюбленнымъ того, кого намѣревается обличать. И это служитъ величайшимъ обли-

ченіемъ, что они, будучи любимыми и пользуясь такимъ благоволеніемъ Божіимъ, не сдѣлались лучшими. Тоже выражаетъ и другой пророкъ, когда говоритъ: *якоже грезнъ въ пустыни обрѣтохъ Израиля, и яко стража на смоковницѣ ранняго увидѣхъ отцы ихъ* (Осія IX, 10); онъ означаетъ этими плодами то, какъ они вожделѣнны и любезны для Бога, вожделѣнны и любезны не за собственныя добродѣтели, но по благости Божіей. А смыслъ словъ его слѣдующій: Я такъ возлюбилъ ихъ, какъ если бы кто нашелъ виноградъ въ пустынѣ, или ранній плодъ на смоковницѣ. Эти сравненія, не соотвѣтствуя достоинству Божію, сказаны приспособительно къ ихъ чревоугодію. *Тіи же*, говоритъ, пользуясь такою любовію, *отчуждишася и внидоша къ Веельфегору* (Ос. IX, 10). Такъ точно и здѣсь пророкъ называетъ ихъ виноградомъ любимымъ и возлюбленнымъ, выражая, что Богъ сдѣлалъ все съ своей стороны, такъ какъ не они прежде начали любить, но Богъ началъ прежде. Они же и послѣ этого не оказали себя достойными благодѣяній, но во всемъ явили противное. *Виноградъ бысть возлюбленному въ розѣ, на мѣстѣ тучнѣ.* Названіемъ *винограда* пророкъ выражаетъ все Божіе промышленіе и попеченіе объ нихъ.

2. Впрочемъ онъ не останавливается на этомъ, но исчисляетъ и другія благодѣянія. И во-первыхъ, указываетъ на мѣстоположеніе. Въ словахъ: *въ розѣ, на мѣстѣ тучнѣ* онъ говоритъ 58
съ похвалою какъ о свойствѣ земли, такъ и о мѣстоположеніи, о которомъ и Давидъ въ псалмѣ сказалъ объ Іерусалимѣ: *горы окрестъ его, и Господь окрестъ людей своихъ* (Пс. CXXIV, 2). Богъ оградилъ его, говоритъ, и самымъ мѣстоположеніемъ, кромѣ того не удовольствовался этимъ, но Самъ былъ для него величайшею стѣною; это и выражаетъ пророкъ словомъ: *въ розѣ*, означая какъ безопасность и непреодолимость мѣста, такъ прежде того — помощь Божію, и заимствуя переносное выраженіе отъ воловьяго рога. Такое выраженіе и въ народѣ употребляется о тѣхъ, которые убѣгаютъ въ какое-нибудь безопасное мѣсто. Такъ какъ волъ есть сильнѣйшее изъ всѣхъ животныхъ, а рогъ есть крѣпчайшій членъ этого животнаго, — оно вѣдь пользуется рогомъ, какъ оружіемъ,—то многіе и привыкли такъ говорить по причинѣ его непреодолимости; и Писаніе часто называетъ *рогомъ единорога* людей, находящихся въ безопасности. Итакъ, *въ розѣ* значитъ здѣсь: въ безопасности, на высотѣ,—какъ и вначалѣ пророкъ говорилъ: *сыны родихъ и вознесихъ* (Ис. I, 2). *На мѣстѣ тучнѣ*; а Моисей выразилъ это словами: *землю кипящую млекомъ и медомъ* (Исх. III, 8). *И огражденіемъ оградихъ и окопахъ* (ст. 2). *Огражденіемъ* Онъ называетъ или стѣну, или законъ, или свое

промышленіе. Дѣйствительно, законъ ограждалъ ихъ безопаснѣе стѣны. *И окопахъ*, т. е. сдѣлалъ крѣпкую защиту. Такъ какъ ограда часто бываетъ удоборазрушима, то Я, говоритъ, окружилъ ихъ и другою защитою. *И насадихъ лозу избранну*. Онъ продолжаетъ переносную рѣчь, которую не должно изъяснять буквально, но довольно знать только цѣль ея. *Избранною* (Σωρήχ) называетъ онъ здѣсь лозу истинную, благородную, приносящую плоды не дурные и низшаго сорта, но отборные и первостепенные, потому что много сортовъ виноградныхъ лозъ. *И создахъ столпъ* [1]) *и предточиліе ископахъ* посреди его [2]). Нѣкоторые разумѣютъ здѣсь храмъ, а подъ *предточиліемъ*—жертвенникъ, такъ какъ тамъ собирались плоды добродѣтелей каждаго, и приношенія, и всѣ жертвы; но я и теперь скажу тоже, что сказалъ выше, т. е., что нужно смотрѣть на цѣль переносной рѣчи. Всѣмъ этимъ Онъ хочетъ сказать: Я исполнилъ все съ Своей стороны, оказалъ всякое попеченіе; Я не обременялъ ихъ работами, не изнурялъ трудами, не заставлялъ ихъ самихъ строить, копать и насаждать, но передалъ имъ вполнѣ устроенное дѣло; не ограничилъ и этимъ своего человѣколюбія, но и *ждахъ, да сотворитъ гроздіе*, и съ великимъ долготерпѣніемъ ожидалъ надлежащаго времени плодоприношенія; это именно и означаетъ выраженіе: *ждахъ*. *И сотвори терніе*. Указываетъ на ихъ жизнь безплодную, грубую, упорную. Какого же прощенія могутъ удостоиться тѣ, которые послѣ столь великаго попеченія воздаютъ земледѣльцу такіе плоды? *И нынѣ*, человѣче Іудинъ *и живущій во Іерусалимѣ*, *судите между Мною и виноградомъ моимъ* (ст. 3). Велика сила правды, если самимъ виновнымъ предлагаетъ судить о томъ, что сдѣлалъ Онъ, и что сдѣлали они. *И нынѣ*; Я не упоминаю, говоритъ, о древнемъ, но и нынѣ готовъ судиться. Такъ Я никогда не перестаю исполнять Свое, а вы не исполняете своего. *Что сотворю еще винограду моему* [3])? *Занеже ждахъ, да сотворитъ гроздіе, сотвори же*
59 *терніе* (ст. 4). Составъ рѣчи кажется очень неяснымъ; потому нужно сдѣлать его болѣе яснымъ. Смыслъ словъ его слѣдующій: что нужно было сдѣлать, и Я не сдѣлалъ? Извѣстно, что они такъ много грѣшили; какое же они могутъ имѣть извиненіе? Развѣ что-нибудь опущено было, что они совершали такія преступленія? *Что сотворю еще винограду моему, и не сотворихъ ему?* Вотъ то, говоритъ, что сдѣлалъ Я; но Я не останавливаюсь на

---

[1]) Въ ц.-сл.: *столпъ посредѣ его* (ср. алекс. и ват. код. перев. LXX: πύργον ἐν μέσῳ αὐτοῦ).

[2]) Въ ц.-сл.: *въ немъ* (ср. алекс. и ват. код. ἐν αὐτῷ).

[3]) Слѣд. сл.: и не сотворихъ ему (καὶ οὐκ ἐποίησα αὐτῷ) здѣсь не читаются у св. І. Зл., а читаются ниже.

сдѣланномъ и не говорю, что Я сдѣлалъ много благодѣяній, а все ли Я сдѣлалъ, послѣ чего уже не оставалось бы сдѣлать ничего, объ этомъ прошу васъ сказать,—васъ, которые получали благодѣянія, были свидѣтелями сдѣланнаго и собственнымъ опытомъ узнали это, а не постороннихъ и чужихъ. *Нынѣ убо возвѣщу вамъ, что Азъ сотворю винограду моему* (ст. 5). Одержавъ побѣду и показавъ неблагодарность ихъ, Онъ наконецъ произноситъ свое опредѣленіе и говоритъ о томъ, что намѣревается Онъ сдѣлать, не для того, чтобы осудить ихъ, но чтобы страхомъ угрозы сдѣлать болѣе послушными. *Отъиму огражденіе его, и будетъ въ разграбленіе: и разорю стѣну его, и будетъ въ попраніе.*

3. Отниму, говоритъ Онъ, помощь Мою, лишу защиты, оставлю безъ таковаго промышленія, и тогда они изъ противоположнаго, когда подвергнутся разграбленію отъ всѣхъ, узнаютъ, чѣмъ пользовались прежде. *И оставлю виноградъ мой, и ктому не обрѣжется, ниже покопается* (ст. 6). Опять Онъ употребляетъ переносную рѣчь. Если же кто хочетъ узнать обстоятельнѣе, то Онъ говоритъ о попеченіи посредствомъ наставленія, посредствомъ заповѣдей. Они уже не будутъ пользоваться тѣмъ, чѣмъ пользовались прежде, не будутъ имѣть ни учителей, ни начальниковъ, ни пророковъ, которые бы какъ прежде исправляли ихъ и пеклись объ нихъ. Какъ заботящіеся о виноградѣ окапываютъ его и подрѣзываютъ, такъ и исправляющіе души угрожаютъ, устрашаютъ, поучаютъ, обличаютъ; но они, говоритъ, будутъ лишены этого, будучи отведены въ землю чуждую. *И взыдетъ на немъ, якоже на лядинѣ, терніе, и облакомъ заповѣмъ, еже не одождити на него дождя.* Онъ говоритъ или о запустѣніи города, или объ оскудѣніи ихъ самихъ и запустѣніи души каждаго изъ нихъ; а подъ облаками нѣкоторые разумѣютъ здѣсь пророковъ, которые какъ бы получали дождь свыше и передавали возвѣщаемое имъ народу. Но и они, говоритъ, не будутъ дѣлать обычнаго имъ. И дѣйствительно, хотя одинъ или два пророка пошли вмѣстѣ съ іудеями въ плѣнъ, но сонмъ пророковъ тогда молчалъ. *Виноградъ бо Господа Саваоѳа домъ Израилевъ есть и человѣкъ Іудинъ новый садъ возлюбленный: ждахъ, да сотворитъ судъ, сотвори же беззаконіе, и не правду, но вопль* (ст. 7). Употребивъ множество переносныхъ выраженій: *виноградъ, столпъ, предточиліе, огражденіе, окопаніе, обрѣзываніе* винограда, чтобы кто-нибудь изъ тогдашнихъ неразумныхъ людей не подумалъ, что все это говорится о виноградѣ, онъ къ концу рѣчи тотчасъ объяснилъ все. *Виноградъ бо Господа Саваоѳа домъ Израилевъ есть:* не о растеніяхъ, говоритъ, рѣчь моя, не о бездушной жизни, не о камняхъ и стѣнахъ, но о народѣ нашемъ. 60

Потому и прибавилъ: *и человѣкъ Іудинъ новый садъ возлюбленный*, потому что колѣно іудино имѣло нѣкоторое преимущество предъ прочими десятью колѣнами, и храмъ находился близко къ нему и все богослуженіе, и болѣе другихъ оно процвѣтало, и было царственнымъ и болѣе могущественнымъ. Называя его *возлюбленнымъ*, пророкъ опять укоряетъ іудеевъ, которые оказались такими предъ Богомъ, сильно любившимъ ихъ. Таковъ законъ любящихъ—и при самыхъ обличеніяхъ не скрывать своей великой любви. Отсюда мы получаемъ и другой не малый урокъ. Какой же именно? Тотъ, — когда и какія мѣста Писанія нужно принимать въ переносномъ смыслѣ, и что мы не можемъ по собственному произволу употреблять эти правила, но должны по указанію самаго Писанія пользоваться иносказательнымъ образомъ рѣчи. Я хочу сказать слѣдующее: въ настоящемъ мѣстѣ Писаніе говоритъ о виноградѣ, огражденіи, точилѣ; но оно не оставило на произволъ слушателя прилагать сказанное къ какимъ угодно предметамъ, или лицамъ, но потомъ объяснило себя, сказавъ: *виноградъ Господа Саваоѳа домъ Исраилевъ есть*. Также и Іезекіиль, изображая орла великаго и великокрылаго входящимъ на Ливанъ и обрывающимъ вершину кедра, не предоставляетъ произволу слушателей объяснять эту иносказательную рѣчь, но самъ же говоритъ, кого онъ разумѣетъ подъ орломъ, и кого подъ кедромъ. (Іез. XVII, 3—12). И этотъ самый пророкъ, говоря далѣе о нѣкоторой сильной рѣкѣ, стремящейся на Іудею, чтобы слушателю нельзя было прилагать сказанное къ какому угодно лицу, называетъ и того царя, котораго онъ назвалъ рѣкою (Иса. VIII, 7). И вездѣ въ Писаніи таковъ законъ: когда оно употребляетъ иносказаніе, то предлагаетъ и изъясненіе иносказанія, чтобы не просто и не случайно необузданный произволъ желающихъ иносказанія блуждалъ и носился повсюду. И что удивительнаго, если такъ поступали пророки? И писатель Притчей такъ же поступаетъ. Сказавъ: *елень любве, и жребя твоихъ благодатей да бесѣдуетъ тебѣ, и источникъ твоея воды да будетъ тебѣ* единому [1]), онъ самъ объяснилъ, ради чего онъ сказалъ это о женѣ законной и честной,—чтобы отклонить отъ сношенія съ женою развратною и чужою (Прит. V, 18, 19). Такъ точно и этотъ пророкъ сказалъ здѣсь, кого онъ назвалъ виноградомъ. Далѣе, послѣ того какъ онъ сказалъ объ обвиненіяхъ сказалъ о наказаніяхъ,—онъ къ концу рѣчи опять представляетъ оправданіе: *ждахъ, да сотворитъ судъ, сотвори же беззаконіе, и не правду, но вопль*. Я справедливо, говоритъ, опредѣляю наказаніе; Я ожи-

[1]) Вмѣсто: σοὶ ἰδία = въ ц.-сл.: *тебѣ твой*, ср. алекс. и ват. код. пер. LXX, св. І. Зл. читалъ: σοὶ μόνῳ.

далъ, *да сотворитъ* судъ, т. е. правду, а они показали противное: беззаконія, неправду и вопль. *Воплемъ* онъ называетъ здѣсь любостяжаніе, несправедливую раздражительность, безразсудный гнѣвъ, несогласія, ссоры. *Горе совокупляющымъ домъ къ дому, и село къ селу приближающымъ, да ближнему отъимутъ что* (ст. 8). Сказавъ, что они производили *вопль,* т. е. предавались любостяжанію и хищенію, онъ приводитъ и частный видъ этой неправды, исполненный великой злобы; и опять начинаетъ плачемъ, показывая и великость ихъ грѣховъ, и выражая, что они страдали неисцѣльною болѣзнію.

4. Такіе поступки можно видѣть и нынѣ у людей, худо поль- 61
зующихся богатствомъ, которые дѣлаютъ притязаніе на сосѣднія земли не для своей безопасности, но въ обиду ближнимъ, подобно распространяющемуся огню грабя всѣхъ сосѣдей. *Еда вселитеся едини на земли? Услышашася бо въ ушесахъ Господа Саваоѳа сія* (ст. 9). Пророкъ показываетъ, что они страдаютъ неисцѣльною болѣзнію тщетно и напрасно. Такъ какъ подобныхъ людей не столько удерживаютъ наказанія и мученія, сколько точное знаніе, что они не воспользуются похищеннымъ, то онъ угрожаетъ имъ этимъ и говоритъ, что они будутъ трудиться, мучиться и пользоваться плодами грѣха, но наслажденія имѣть не будутъ. Недремлющее, говоритъ, Око не смотритъ спокойно на такія дѣла. Словами: *услышашася бо* онъ выражаетъ не то, будто эти дѣла теперь только стали извѣстны Богу, но то, что теперь приближается судъ и уже наступаетъ воздаяніе. *Аще бо будутъ домове мнози, въ запустѣніи будутъ велицыи и добріи, и не будутъ живущіи въ нихъ.*

Таково любостяжаніе! Доставляя предающимся ему большія богатства, оно лишаетъ ихъ и прежняго. Это выражаетъ онъ и здѣсь, говоря: когда вы устроите великолѣпныя жилища, когда присвоите себѣ имущества всѣхъ, тогда лишитесь и прежняго. Домы будутъ стоять безъ владѣльцевъ и громче всякой трубы вѣщать противъ тѣхъ, которые сначала пріобрѣли ихъ грабительствомъ, тогда какъ увеличившееся запустѣніе будетъ представляться какъ бы нѣкоторымъ трофеемъ. *Идѣже бо возорютъ десять супругъ воловъ, сотворитъ корчагъ единъ, и сѣяй артаваcъ шесть, сотворитъ мѣры три* (ст. 10). Отъ города пророкъ обращаетъ рѣчь къ запустѣнію страны, чтобы со всѣхъ сторонъ поразить слушателя. И домы, говоритъ, не будутъ имѣть жителей, и земля не будетъ оказывать своей силы. Такъ и въ началѣ за грѣхъ Адама она произрастила терніе и волчцы; и послѣ него за преступленіе Каина она приносила плоды гораздо меньшіе трудовъ его и собственной силы. И во многихъ другихъ мѣстахъ можно видѣть,

что она наказывается за грѣхи людей. И удивительно ли, что нечестіе людей уменьшаетъ производительность и плодородіе земли, если она чрезъ насъ сдѣлалась тлѣнною и опять чрезъ насъ дѣлается нетлѣнною? Такъ какъ самое бытіе свое она получила для насъ и для служенія намъ, то и состояніе ея такое или иное беретъ начало и корень здѣсь же. Такъ было и при Ноѣ. Когда человѣческая природа низошла до крайней порочности, то смѣшались всѣ вещи, и сѣмена, и растенія, и роды безсловесныхъ, и земля, и море, и воздухъ, и горы, и рощи, и холмы, и города, и стѣны, и домы, и башни, и все вообще покрылось тогда страшнымъ потопомъ. А когда опять нужно было размножаться человѣческому роду, то земля получила свой порядокъ и опять пришла въ прежнее благоустройство. Тоже происходило, какъ всякій можетъ видѣть, и въ частныхъ случаяхъ въ честь людей. Такъ море отступало и опять вступало на свое мѣсто, солнце съ луною задерживалось и останавливало свое теченіе, огонь оказывалъ свойства воды, земля—свойства моря, а море—свойства земли: все, сказать кратко, обращается въ пользу
62 людей. Такъ какъ человѣкъ почетнѣе всего и для него существуетъ все сотворенное, то теперь, когда народъ іудейскій согрѣшилъ, Богъ останавливаетъ плодородіе земли и не дозволяетъ ея нѣдрамъ приносить обычные плоды послѣ многихъ трудовъ и усилій людей, чтобы они познали отсюда, что не искусство земледѣльческихъ рукъ, не волы и плугъ, не свойство земли и не что-нибудь другое подобное, но именно—Господь всего этого есть Тотъ, Кто изливаетъ все щедрою рукою, и опять, когда хочетъ, останавливаетъ все. *Горе востающымъ заутра, и сикеръ гонящымъ, ждущымъ вечера: вино бо сожжетъ я. Съ гусльми бо и пѣвницами, и тимпаны, и свирѣльми вино піютъ, на дѣла же Господня не взираютъ, и дѣлъ руку Его не помышляютъ* (ст. 11, 12). Обличивъ великое ихъ любостяжевіе, онъ полагаетъ и корень зла. Этимъ корнемъ было пьянство, которое бываетъ причиною безчисленнаго множества золъ, особенно когда предаются ему съ такою безмѣрностію.

5. Посмотри, какъ мѣтко онъ осмѣиваетъ ихъ. Весь день, говоритъ, они употребляютъ на это. Не тогда, когда нужно обѣдать, они поступаютъ такъ, говоритъ онъ, но всякое время дѣлаютъ временемъ пьянства, и съ самаго начала дня, когда особенно нужно было бы имъ быть внимательными, они предаются великому опьяненію, и потомъ уже невольно до вечера остаются въ этой болѣзни. Если же они однажды поспѣшатъ погрузиться въ бездну невоздержанія, лишатся естественнаго смысла и отдадутъ свою душу въ плѣнъ гибельной власти пьянства, то, по-

добно тому какъ корабль, не снабженный балластомъ и не имѣющій корчмаго и корабельщиковъ, носится туда и сюда, увлекаемый повсюду безпорядочнымъ стремленіемъ водъ, такъ точно и они носятся, увлекаясь въ глубину опьяненіемъ. Потому пророкъ и говоритъ: *горе востающымъ заутра и сикеръ гонящымъ*. Они не нуждѣ удовлетворяли, и не ожидали пробужденія потребности, чтобы удовлетворить ей, но тѣмъ и занимались и о томъ заботились, чтобы—постоянно пьянствовать. Потому онъ говоритъ: *и сикеръ гонящымъ*. Сикеромъ здѣсь называется сокъ пальмъ, который они приготовляли, перетирая и выжимая пальмовые плоды, чтобы обратить его въ вино. Онъ имѣетъ одуряющее свойство и производитъ опьяненіе; но они не обращали на это вниманія, ища во всемъ удовольствія. *Ждущымъ вечера: вино бо сожжетъ я.* Таково свойство пьянства: съ теченіемъ времени оно усиливается и возбуждаютъ мучительнѣйшую жажду. Далѣе пророкъ указываетъ и на другую вину, не меньшую первой: *съ гусльми бо*, говоритъ, *и пѣвницами, и тимпаны, и свирѣльми вино піютъ*. Это осуждаетъ и другой пророкъ, когда говоритъ: *піющіи процѣженое вино, и первыми вонями мажущіися, плещущіи ко гласу пищалей, аки стояща мнѣша, а не яко бѣжаща* (Амос. VI, 6, 5). Дѣйствительно, это знакъ крайняго нечестія и душевнаго развращенія—обращать свой домъ въ зрѣлище и предаваться такимъ пѣснямъ. Что производитъ помрачающее пьянство, то производитъ и музыка, ослабляя крѣпость ума, сокрушая бодрость души и располагая къ бо́льшему сладострастію. *На дѣла же* Божіи [1]) *не взирають, и дѣлъ руку Его не помышляютъ*; онъ говоритъ или о чу- 68
десахъ Его, или о созерцаніи природы. Какъ они могутъ созерцать ее, когда обращаютъ день въ ночь, а ночью бываютъ нисколько не лучше мертвыхъ? Какъ они могутъ видѣть восходящее солнце, блистательную красоту неба, разнообразный вечерній хоръ звѣздъ и порядокъ и дѣятельность всѣхъ прочихъ тварей, когда они лишены и внѣшнихъ и внутреннихъ очей? Такимъ образомъ они немалый вредъ причиняли сами себѣ, если отходили изъ настоящей жизни безъ созерцанія чудесъ Божіихъ, будучи погружены все время во мракъ пьянства. *Убо плѣнени быша людіе мои, за еже не вѣдѣти имъ Господа* (ст. 13). Опять пророкъ возвѣщаетъ будущее, какъ уже совершившееся, и опредѣляетъ наказаніе за такой порокъ. Пьянство и само по себѣ можетъ служить вмѣсто всякаго наказанія, наполняя души смятеніемъ, исполняя умъ мракомъ, дѣлая его плѣнникомъ, подвер-

---

[1]) Св. І. Зл. читаетъ здѣсь: τοῦ Θεοῦ, тогда какъ въ извѣстн. греч. сп. т. LXX читается: Κυρίου, почему въ ц.-сл. *Господня*.

гая людей безчисленнымъ болѣзнямъ внутреннимъ и внѣшнимъ. И Павелъ зналъ это,—что нечестіе само по себѣ служитъ наказаніемъ, потому и сказалъ: *и возмездіе, еже подобаше прелести ихъ, въ себѣ воспріемлюще* (Рим. I, 27). Но такъ какъ безчувственность ихъ была такова, что они, получая наказаніе, не чувствовали его, находясь въ болѣзни, не сознавали, что больны, то онъ возвѣщаетъ и внѣшнее наказаніе: *убо плѣнени быша,* говоритъ, *людіе мои, за еже не вѣдѣти имъ Господа, и множество бысть мертвыхъ глада ради и жажди водныя.* Замѣть, какъ въ самомъ наказаніи предлагается великое вразумленіе, а не вдругъ посылается тягчайшее мученіе. Богъ не вдругъ послалъ плѣнъ, но напередъ голодъ и зной, чтобы они, оставаясь дома, сдѣлались лучшими и своею неисцѣльною болѣзнію не привлекли войска иноплеменниковъ. Но такъ какъ они не послушались и не получили отсюда пользы, то наконецъ Онъ посылаетъ на нихъ крайнее наказаніе. Впрочемъ прежде этого пророкъ возвышенно и сильно изображаетъ бѣдствіе голода, говоря: *и разшири адъ душу свою* (ст. 14),—говоритъ такъ не потому, чтобы адъ имѣлъ душу, но олицетворяетъ угрозу, желая сдѣлать свои слова болѣе разительными и произвести живой страхъ въ душѣ слушателей. Потому и продолжаетъ такъ: *и разверзе уста своя, еже не престати,* — говоря какъ бы о какомъ-нибудь звѣрѣ и приближая къ нимъ образъ вещей; и всего ужаснѣе то, что адъ не только открылъ уста свои, но и остается открывшимъ ихъ, не насыщаясь погружающимися въ него. *И снидутъ* въ онъ [1]) *славніи, и велицыи, и богатіи, и губители ихъ.* Далѣе, чтобы ты зналъ, что это происходило не по естественному порядку вещей, но было ударомъ Божіимъ и опредѣленіемъ, нисшедшимъ съ небесъ, онъ говоритъ, что туда будутъ низвергнуты люди знатные и облеченные властію, которые разстроивали все и приводили въ безпорядокъ дѣла іудеевъ.

6. *Губителями* пророкъ справедливо называетъ ихъ, какъ
64 людей, которые не оставляютъ нечестія въ себѣ самихъ, но передаютъ эту болѣзнь и другимъ. Таково свойство заразы: начинаясь въ одномъ тѣлѣ, она, распространяясь, заражаетъ и остальныхъ. *И веселяйся въ немъ,* т. е. наслаждающійся удовольствіями, восхищающійся, считающійся себя обладателемъ постоянныхъ благъ, и тотъ падетъ и погибнетъ. *И смирится человѣкъ, и обезчестится мужъ, и очи высокоглядящіи смирятся, и вознесется единъ* [2]) *Господь Саваоѳъ въ судѣ* (ст. 15). Посмотри опять

[1]) Согласно нѣкот. греч. сп. пер. LXX, св. І. Зл. здѣсь, послѣ καταβήσονται = *снидутъ*, читаетъ: εἰς αὐτόν = *въ онъ.*

[2]) Слово μόνος = *единъ*, читаемое здѣсь св. І. Зл., въ друг. греч. сп. не чит.

на попеченіе Божіе. Онъ не производитъ совершенной погибели, не истребляетъ всего народа ихъ изъ среды (живыхъ), но оставляетъ нѣкоторыхъ, чтобы они отъ наказанія погибшихъ сдѣлались лучшими. Это Онъ выражаетъ словомъ: *смирятся*, т. е. тѣ, которые останутся, оставленные. *И вознесется Господь Саваоѳъ въ судѣ, и Богъ святый прославится въ правдѣ* (ст. 16). Указываетъ на два блага: на то, что они избавятся отъ надменности и сдѣлаются лучшими, и на то, что Богъ будетъ предметомъ удивленія для всѣхъ; это означаютъ слова: *вознесется и прославится*, чрезъ самое наказаніе, чрезъ пораженіе ихъ. Что значитъ: *въ судѣ?* Чрезъ воздаяніе. *И упасутся расхищеннiи яко юнцы, и пустыни плѣненныхъ агницы поядятъ* (ст. 17). Указываетъ здѣсь на малочисленность оставшихся и на чрезвычайное запустѣніе страны. *Горе привлачающымъ грѣхи* своя [1]) *яко ужемъ долгимъ, и яко ига юнична ремененъ беззаконія своя, глаголющымъ: скоро да приближатся, яже сотворитъ* Богъ [2]), *да видимъ, и да пріидетъ совѣтъ Святаго Израилева, да разумѣемъ* (ст. 18, 19). Тогда какъ пророки постоянно угрожали и предсказывали бѣдствія, лжепророки, проповѣдуя угодное народу и разслабляя его, увѣряли, что слова тѣхъ ложны, а ихъ слова истинны. Такимъ образомъ многіе, будучи обольщаемы, не вѣрили и самымъ рѣчамъ. Такъ какъ пророчества исполнялись не вдругъ послѣ того, какъ были изрекаемы,—потому что природой пророчества служило предсказаніе имѣющаго исполниться спустя долгое время,—такъ какъ пророки постоянно говорили о голодѣ, заразахъ и войнахъ, а на самомъ дѣлѣ этого еще не было, то многіе изъ обольщенныхъ, находя въ самомъ замедленіи бѣдствій поводъ къ невѣрію, говорили: пусть исполнится сказанное; если вы говорите правду, то пусть наступятъ такія событія; покажите намъ на дѣлѣ опредѣленіе Божіе. Потому, такъ какъ они дѣлали для себя долготерпѣніе Божіе поводомъ къ невѣрію, и чрезъ то умножали грѣхи свои, какъ невѣріемъ, такъ и бо́льшею безпечностію отъ невѣрія, — пророкъ справедливо оплакиваетъ ихъ, говоря: вы какъ бы длинною веревкою привлекаете къ себѣ гнѣвъ Божій, и увеличиваете свою порочность; если вы не вѣрите сказанному, то теперь остается вамъ испытать это на самомъ дѣлѣ; такимъ образомъ вы сами навлекаете на себя бѣдствія, не вѣруя сказанному. Потому онъ говоритъ: *горе привлачающымъ грѣхи* своя, т. е. воз-

[1]) Согласно нѣкот. греч. сп. пер. LXX, св. І. Зл. здѣсь, послѣ слова: τὰς ἁμαρτίας — *грѣхи*, читалъ αὐτῶν = *своя*.

[2]) Послѣ слова: ποιήσει = *сотворитъ*, св. І. Зл., согласно нѣк. греч. сп. пер. LXX, читаетъ: ὁ Θεὸς = *Богъ*.

даяніе за грѣхи. *Яко ужемъ долгимъ*, говоритъ, вы издалека привлекаете къ себѣ опредѣленное за ваши грѣхи наказаніе, и *яко ига ременемъ* юницы сущей подъ игомъ,—выражая этимъ ихъ усиліе, стараніе. Какъ если бы кто крѣпкою веревкою привлекалъ къ себѣ что-нибудь, такъ и вы своимъ невѣріемъ привлекаете на себя гнѣвъ Божій. Далѣе говоритъ и о томъ, какимъ образомъ они привлекали: *глаголющымъ: скоро да приближится,*
65 *яже сотворитъ* Богъ, *да видимъ*. Въ этомъ укоряетъ ихъ и другой пророкъ: *увы лютѣ желающымъ дне Господня! Вскую вамъ сей день Господень? Сей бо есть тма, а не свѣтъ, и мгла, не имущи свѣта своего* (Амос. v, 18, 20). Такъ и эти невѣрующіе говорили: когда придетъ день наказанія и мученія? *Горе глаголющымъ лукавое доброе, и доброе лукавое, полагающымъ тму свѣтъ, и свѣтъ тму, полагающымъ горькое сладкое, и сладкое горькое* (ст. 20). Опять онъ говоритъ о томъ же. Такъ какъ они оскорбляли пророковъ и называли обманщиками, а лжепророковъ почитали, и такимъ образомъ извращали порядокъ вещей, то онъ возвѣщаетъ имъ *горе* за превратное сужденіе. *Горе*, говоритъ, *глаголющымъ лукавое доброе*, т. е. лжепророчество, *и доброе лукавое*, т. е. пророчество, *полагающимъ тму свѣтъ и свѣтъ тму, полагающымъ горькое сладкое, и сладкое горькое.* Хотя и тяжки, говоритъ, слова пророковъ, но нѣтъ ничего слаще ихъ, такъ какъ они словесными угрозами избавляютъ отъ испытанія (бѣдствій) на дѣлѣ; и хотя сладки слова лжепророковъ, но нѣтъ ничего горьче ихъ, такъ какъ они прелестью словъ навлекаютъ дѣйствительную угрозу.

7. Вотъ какъ мудро пророкъ перетолковалъ ихъ сужденіе. Такъ какъ они словамъ однихъ не внимали, какъ изрекающимъ весьма горькое, а словамъ другихъ внимали, какъ весьма благосклоннымъ и заключающимъ въ себѣ великую сладость, то онъ сказалъ, что, напротивъ, великая сладость—у пророковъ, а великая горечь—у лжепророковъ. Въ томъ же смыслѣ нужно намъ понимать и слова его о свѣтѣ и тьмѣ. Одни вели къ заблужденію, а другіе руководили къ истинѣ; одни, почти связавъ руки, предавали мраку плѣна, а другіе принимали всѣ мѣры, чтобы привести къ свѣту свободы. Потому, такъ какъ слушатели имѣли объ этомъ превратныя и не надлежащія понятія, пророкъ справедливо вразумляетъ ихъ, говоря: *полагающымъ тму свѣтъ, и свѣтъ тму. Горе, иже мудри въ себѣ самихъ, и предъ собою разумни* (ст. 21). Не малъ и этотъ недостатокъ, когда кто считаетъ себя мудрымъ и во всемъ полагается на свои сужденія: отсюда и происходитъ вышесказанное, т. е. что называютъ доброе злымъ, а злое добрымъ и проч. За это и Павелъ осуждалъ языческихъ философовъ, когда говорилъ: *глаголющеся быти мудри, объюродѣша*

(Рим. I, 22). И писатель Притчей также говоритъ: *видѣхъ мужа, непщевавша себе мудра быти, упованіе же имать безумный паче его* (Притч. XXVI, 12). И въ другомъ мѣстѣ Павелъ осуждаетъ это, когда говоритъ: *не бывайте мудри о себѣ* (Рим. XII, 16); и еще: *аще кто мнится мудръ быти въ васъ въ вѣцѣ семъ, буй да бываетъ, яко да премудръ будетъ* (1 Кор. III, 18). Пусть не надѣется, говоритъ, на собственную мудрость и на свои собственныя сужденія, но, смиривъ ихъ, пусть предастъ свою душу наставленію Духа. Такъ какъ и между іудеями были такіе люди, которые презирали пророковъ, какъ пастуховъ и приставниковъ стада, желая считать мудрыми самихъ себя, что было основаніемъ гордости ихъ и пренебреженія возвѣщаемаго имъ, то пророкъ справедливо оплакиваетъ ихъ, говоря: *горе, иже мудри въ себѣ самихъ, и предъ собою разумни. Горе крѣпкимъ вашымъ, вино піющымъ, и вельможамъ растворяющымъ сикеръ* (ст. 22). Не удивляйся, что онъ, сказавъ недавно такъ много противъ пьянства, опять повторяетъ ту же рѣчь; такъ какъ эта рана тяжела и неудобоизлѣ- 66
чима, то нужно было часто омывать ее. Она тяжела и неудобоизлѣчима потому, что многимъ не кажется грѣхомъ, тогда какъ есть тягчайшій изъ всѣхъ грѣховъ и производитъ безчисленное множество болѣзней. Потому онъ и говоритъ: *вино піющымъ, и вельможамъ растворяющымъ сикеръ*. Двоякая опасность: отъ силы опьяненія и отъ избытка власти. Дѣйствительно, всѣмъ людямъ нужно благоразуміе, но особенно облеченнымъ почестями и властію, чтобы, увлекаясь бременемъ власти, какъ бы какимъ-нибудь стремленіемъ безпорядочныхъ водъ, не свергнуться въ пропасть. *Оправдающымъ нечестива даровъ ради, и, еже есть праведное праведнаго, вземлющымъ отъ него* (ст. 23). Опять двоякая вина: оправданіе виновнаго и осужденіе невиннаго. А корень того и другого грѣха—принятіе подарковъ. *Сего ради якоже сгоритъ трость отъ углія огненнаго, и сожжется отъ пламене разгорѣвшагося* (ст. 24). Онъ указываетъ на быстроту воздаянія, на скорость наказанія, изображая такимъ подобіемъ совершенную погибель ихъ.

8. Все это выразилъ онъ словами: *пламень, угліе, трость*, и послѣдующими. *Корень ихъ, яко персть будетъ, и цвѣтъ ихъ, яко прахъ взыдетъ*. Прочное и крѣпкое разрушится, великолѣпное разсѣется, свѣтлое пройдетъ и исчезнетъ. *Не восхотѣша бо закона Господа Саваоѳа* творити [1]), *но слово Святаго* [2]) *раздражиша. Словомъ*

[1]) Послѣ слова: Σαβαώθ = *Саваоѳа*, св. I. Зл., согласно нѣкот. гр. сп. пор. LXX, читалъ: ποιεῖν = творити.

[2]) Слѣдующаго послѣ ἁγίου = *святаго*, слова Ἰσραήλ = *Израилева* (ср. ал., ват. код., а потому и ц.-сл.), св. I. Зл. не читалъ.

пророкъ называетъ законъ. *И возъярися гнѣвомъ Господь Саваоѳъ на люди своя, и наложи руку свою на нихъ, и порази ихъ: и раздражися на горы* [1]), *и быша трупи ихъ яко гной посредѣ пути: и во всѣхъ сихъ не отвратися ярость Его, но* еще *рука Его высока* (ст. 25). Здѣсь онъ указываетъ на жестокую войну, во время которой невозможно будетъ даже предавать тѣла погребенію, не съ тѣмъ, чтобы наказаны были мертвые, но чтобы живые примѣромъ чужихъ несчастій сколько-нибудь удержались отъ собственнаго порока. И смотри, какъ онъ сильно выразился. Не сказалъ, что умершіе не погребены, но брошены презрѣннѣе всякаго помета, что для живыхъ кажется страшнѣе всего и ужаснѣе самой смерти. Но, чтó хуже всего, они и послѣ этого, говоритъ, не исправились, но остаются въ томъ же состояніи. А такъ какъ они не исправлялись, то онъ опять угрожаетъ имъ тягчайшимъ ударомъ, — отъ иноплеменниковъ. Потому и продолжаетъ, говоря: *воздвигнетъ убо знаменіе во языцѣхъ сущихъ далече* (ст. 26). чтобы отдаленность пути не повергли ихъ въ безпечность, онъ говоритъ, что для Бога такъ легко привести ихъ, какъ для поднявшаго знамя—вывести на сраженіе вооруженныхъ и готовыхъ воиновъ, или какъ бываетъ это съ конями, приготовленными къ бою: какъ скоро подается знакъ выхода, они тотчасъ выскакиваютъ изъ-за ограды. Такимъ образомъ пророкъ указываетъ здѣсь на два обстоятельства: на то, что они (сущіе во языцѣхъ) легко придутъ по призванію Божію, и на то, что они давно пришли бы, если бы великое долготерпѣніе Его не удерживало ихъ. Въ дальнѣйшихъ словахъ онъ еще болѣе показываетъ легкость этого, говоря: *и позвиждетъ я* [2]) *отъ конецъ земли*. Не удивляйся, что
67 онъ, говоря о Богѣ, употребляетъ такія чувственныя выраженія; онъ приспособляетъ слова къ неразумію слушателей, желая показать всѣмъ этимъ только то, что это и для Бога легко, и непремѣнно сбудется; потому и присовокупляетъ: *и се скоро легцѣ грядутъ: не взалчутъ, ни утрудятся, ни воздремлютъ* [3]) (ст. 27). Это сказано преувеличенно. Возможно ли въ самомъ дѣлѣ, чтобы они не алкали и не спали, будучи людьми и подлежа общимъ условіямъ жизни? Всѣмъ этимъ, какъ я сказалъ, онъ изображаетъ быстроту войска, легкость, скорость. *Ни распояшутъ поя-*

---

[1]) Вмѣсто: καὶ παρωξύνθη τὰ ὄρη = въ ц.-сл.: *и раздражишася горы*, какъ чит. въ ал. и ват. код., св. I. Зл., согласно нѣкот. греч. сп. пер. LXX, читалъ: καὶ παρωξύνθη ἐπὶ τὰ ὄρη.

[2]) Вмѣсто: αὐτοῖς = *имъ*, какъ чит. въ ал. код. т. LXX (ср. ц.-сл.), св. I. Зл. читалъ αὐτούς.

[3]) Послѣдняго слова οὐδὲ κοιμηθήσονται = въ ц.-сл. *ни поспятъ* св. I. Зл. не читалъ.

совъ своихъ отъ чреслъ своихъ, ниже расторгнутся ремени сапоговъ ихъ: ихже стрѣлы остры суть, и луцы ихъ напряжени: копыта коней ихъ яко твердъ камень вмѣнишася, колеса колесницъ ихъ яко буря. Рятся яко львове, и предсташа яко львичища: и иметъ, и возопіетъ, яко звѣрь, и извержетъ, и не будетъ отъемлющаго ихъ: и возопіетъ ихъ ради въ той день, яко шумъ моря, волнующася: и воззрятъ на небо горѣ, и на землю низу, и се тма жестока, тма въ нуждѣ ихъ [1]) (ст. 28—30). Всѣмъ этимъ пророкъ распространилъ рѣчь и усилилъ страхъ, описавъ порознь каждое обстоятельство, сказавъ относительно свойства враговъ, ихъ силы, оружія, коней, колесницъ, чтобы обиліемъ сказаннаго привести слушателей въ великое сокрушеніе и ясностію изображеній приблизить къ нимъ эти обстоятельства. Потому онъ сравниваетъ враговъ со львами, и не останавливается на этомъ сравненіи, но изображаетъ и голосъ и нападеніе звѣря, и, продолжая переносную рѣчь, употребляетъ много образныхъ выраженій. Затѣмъ онъ упоминаетъ о морѣ, говоря, что будетъ такой шумъ, такое смятеніе, какое бываетъ тогда, когда сильно бушуетъ и волнуется море; и вообще употребляетъ всѣ мѣры усилить страхъ, чтобы они не имѣли нужды испытать (эти бѣдствія) на самомъ дѣлѣ. И, что̀ еще болѣе ужасно, тогда не будетъ, говоритъ, защитника ни отъ земли, ни съ неба, но, лишенные и горней защиты и земной помощи, они будутъ преданы врагамъ. *Тьмою же* онъ называетъ здѣсь помраченіе, происшедшее въ нихъ отъ несчастія, не въ томъ смыслѣ, будто изчезнутъ лучи солнца, но въ томъ, что страждущіе, по своему расположенію, будутъ видѣть среди полудня вмѣсто свѣта мракъ, какъ обыкновенно бываетъ съ людьми, пораженными скорбію и уныніемъ. А чтобы ты зналъ, что эта тьма происходила не отъ свойства воздуха, но отъ ихъ расположенія, онъ прибавилъ: тма жестока въ нуждѣ ихъ.

ГЛАВА VI.

И бысть въ лѣто, въ неже умре Озіа царь (Иса. VI, 1).

1. Почему пророкъ въ другихъ случаяхъ означаетъ время (пророчества) жизнію царей, а здѣсь—смертію? Онъ не сказалъ: было во дни Озіи, или въ царствованіе Озіи, но: было тогда,

---

[1]) Согласно нѣкот. греч. сп. пер. LXX, св. I. Зл. конецъ 30 ст. читалъ: καὶ ἐμβλέψονται εἰς τὸν οὐρανὸν ἄνω, καὶ εἰς τὴν γῆν κάτω. καὶ ἰδοὺ σκότος σκληρόν, σκότος ἐν τῇ ἀπορίᾳ αὐτῶν.

когда умеръ. Для чего же онъ дѣлаетъ это? Не просто и не случайно, но здѣсь онъ внушаетъ намъ нѣчто таинственное. Что же именно? Этотъ Озія, опьяненный успѣхомъ своихъ дѣлъ и воз-
68 гордившись благоденствіемъ, сталъ превозноситься выше своего достоинства. Будучи царемъ, онъ подумалъ, что ему позволительно священнодѣйствовать, вторгся во храмъ, вошелъ во святое святыхъ, и, когда священникъ препятствовалъ и запрещалъ ему входить туда, онъ не остановился, но продолжалъ безумствовать, пренебрегая словами священника. За такое безстыдство Богъ поразилъ его проказою на челѣ, такъ что онъ, пожелавъ чести больше надлежащей, потерялъ и ту, какую имѣлъ; не только не получилъ священства, но, сдѣлавшись нечистымъ, лишился царства, и со стыда все время проживалъ тайно въ нѣкоторомъ домѣ (2 Парал. XXVI). Вмѣстѣ съ нимъ и весь народъ испыталъ гнѣвъ Божій за то, что презиралъ законы Божіи и не защищалъ оскорбляемаго священства. А въ чемъ онъ испыталъ этотъ гнѣвъ? Въ томъ, что сократились пророчества; разгнѣванный Богъ не давалъ имъ ни о чемъ никакого отвѣта. Впрочемъ Онъ сдѣлалъ это не навсегда, но продолженіемъ жизни царя ограничилъ и продолженіе наказанія. Когда этотъ царь окончилъ жизнь, тогда и Богъ прекратилъ Свой гнѣвъ, и опять отверзъ врата пророчества. Указывая на это, пророкъ напомнилъ намъ о времени смерти царя.

Потому и начинаетъ пророчество такъ: *и бысть въ лѣто, въ неже умре Озіа царь, видѣхъ Господа сѣдяща*. Между тѣмъ Христосъ говоритъ: *Бога никтоже видѣ нигдѣже: Единородный Сынъ, сый въ лонѣ Отчи, той исповѣда* (Іоан. 1, 18); и еще: *не яко Отца видѣлъ есть кто, токмо сый отъ Бога, сей видѣ Отца* (Іоанн. VI, 46); и Моисею самъ Богъ сказалъ: *не бо узритъ человѣкъ лице мое и живъ будетъ* (Исх. XXXIII, 20). Какъ же пророкъ говоритъ, что онъ видѣлъ Господа? *Видѣхъ*, говоритъ, *Господа*. Онъ говоритъ не противное словамъ Христовымъ, но весьма согласное съ ними. Христосъ говоритъ о точномъ богопознаніи, котораго никто не имѣетъ; сущаго Божества и чистаго существа Его никто не видѣлъ, кромѣ Единороднаго; а пророкъ повѣствуетъ о видѣніи, возможномъ для него. Онъ не могъ видѣть того, что есть Богъ, но видѣлъ Его явившимся въ образѣ и нисшедшимъ настолько, насколько могла возвыситься немощь созерцающаго. А что дѣйствительно ни онъ и никто другой не видѣлъ чистаго Божества, это очевидно изъ самаго повѣствованія. *Видѣхъ*, говоритъ, *Господа сѣдяща*; но Богъ не сидитъ; это—тѣлесное положеніе. Притомъ говоритъ не просто: *сѣдяща*, а: *на престолѣ*; но Богъ не поддерживается чѣмъ-нибудь; какъ можно сказать это о Томъ, Кто существуетъ вездѣ и наполняетъ все, *въ руцѣ* Котораго *вси*

концы земли (Пс. xciv, 4)? Очевидно, что это видѣніе было снисхожденіемъ Божіимъ. Выражая тоже самое, и другой пророкъ сказалъ отъ лица Божія: *Азъ видѣнія умножихъ* (Осіи xii, 10), т. е. являлся различнымъ образомъ. Но если бы являлось само чистое существо Божіе, то оно не являлось бы различнымъ образомъ; а такъ какъ по снисхожденію Богъ являлъ Себя пророкамъ то такимъ, то другимъ образомъ, принимая виды, соотвѣтственные различнымъ временамъ, то онъ и говоритъ: *видѣнія умножихъ и въ рукахъ пророческихъ уподобихся*, т. е. являлся не такъ, какъ есмь, но принималъ такой образъ, какой могли видѣть созерцавшіе. Такъ, ты видишь Его то сѣдящимъ, то вооруженнымъ, то имѣющимъ сѣдые волосы, то въ тихомъ вѣтрѣ, то въ огнѣ, то показывающимъ *задняя* своя, то на херувимахъ и въ образѣ, подобномъ веществамъ металлическимъ, свѣтло блестящимъ. Впрочемъ, почему Онъ являлся то вооруженнымъ и окро- 69
вавленнымъ, то въ огнѣ, то показывающимъ *задняя*, то на небѣ, то на престолѣ, то на херувимахъ, — объ этомъ говорить теперь не время, чтобы второстепенный предметъ не занялъ насъ больше главнаго. Теперь же необходимо сказать о настоящемъ видѣніи. Для чего же Богъ является здѣсь сѣдящимъ на престолѣ и притомъ окруженнымъ серафимами? Онъ приспособляется къ обычаю человѣческому, такъ какъ и рѣчь Его обращена къ людямъ; Онъ намѣревается изречь опредѣленіе о дѣлахъ великихъ и о всей вселенной, равно какъ и объ Іерусалимѣ, и произноситъ двоякій приговоръ, и приносящій наказаніе городу и всему народу, и возвѣщающій благодѣяніе вселенной, великія надежды и безсмертныя почести.

2. Судьи имѣютъ обычай — дѣлать это не тайно, а возсѣдая на возвышенномъ мѣстѣ, въ присутствіи всѣхъ, при поднятыхъ покрывалахъ. Подобно имъ Богъ повелѣваетъ предстоять предъ Нимъ серафимамъ, возсѣдаетъ на высокомъ престолѣ и такимъ образомъ произноситъ опредѣленіе. А дабы ты убѣдился, что это не догадка, а таковъ обыкновенно образъ Его дѣйствій, я постараюсь объяснить это и изъ другого пророка. Такъ у Даніила, когда также надлежало произнести великое опредѣленіе о бѣдствіяхъ и наказаніяхъ іудеевъ и о благахъ, уготованныхъ вселенной, также является престолъ свѣтлый и славный, и предстоящее множество ангеловъ и сонмы архангеловъ, и сидящій вмѣстѣ (съ Всевышнимъ) Единородный, и открываются книги, и протекаютъ огненныя рѣки, и вообще представляется подобіе судилища (Дан. гл. vii). Все это сходно съ тѣмъ, о чемъ говорится здѣсь, или даже тотъ пророкъ (Даніилъ) еще яснѣе возвѣщаетъ, такъ какъ времена его были ближе и пророчество уже достигало самыхъ

дверей (исполненія). Впрочемъ, оставивъ трудолюбивымъ сличать и сравнивать это и изучать общность того и другого пророчества, мы старательно займемся, какъ я сказалъ, предложеннымъ пророчествомъ, объясняя по возможности каждое слово. Тогда сказанное будетъ и для насъ и для васъ болѣе яснымъ. Что же говоритъ пророкъ? *Видѣхъ Господа сѣдяща.* Сидѣніе на престолѣ всегда служитъ знакомъ суда, какъ говоритъ Давидъ: *сѣлъ еси на престолѣ, судяй правду* (Пс. IX, 5); и Даніилъ: *престоли поставишася, судище сѣде* (Дан. VII, 9, 10). А простое сидѣніе, по выраженію пророка, служитъ знакомъ другого. Чего же именно? Твердости, постоянства, крѣпости, неизмѣняемости, безсмертія, безконечной жизни. Потому онъ и говоритъ: *Ты* сидящій *во вѣкъ,* а мы погибающіе *во вѣкъ* [1]). Ты, говоритъ, пребываешь, существуешь, живешь, остаешься всегда одинаковымъ. А что онъ сказалъ это не о сидѣніи на престолѣ, ясно видно изъ противоположенія; онъ не сказалъ: мы стоящіе, но: погибающіе. Сидѣть же на престолѣ значитъ судить. Потому пророкъ и видѣлъ Его сидящимъ на *престолѣ высоцѣ и превознесеннѣ*; или тѣмъ означается одно, а этимъ — другое. Престолъ Его былъ *высокъ*, т. е. великъ и чрезвычайно обширенъ, *и превознесенъ*, т. е. казался на невыразимой высотѣ и выше всего. *И исполнь домъ славы Его.* Какой, скажи мнѣ, *домъ?* Храмъ; такъ какъ оттуда началась вражда, то справедливо и въ этомъ чудномъ видѣніи Богъ яв-
70 ляется сидящимъ тамъ. *Славою же* пророкъ называетъ здѣсь блескъ, неприступный свѣтъ, котораго онъ не могъ выразить словомъ, и потому назвалъ его славою, и не просто славою, но славою Божіею. *И серафими стояху окрестъ Его* (ст. 2). Кого онъ называетъ серафимами? Безплотныя силы горнихъ существъ, которыхъ добродѣтель и блаженство можно видѣть изъ самаго ихъ названія; въ еврейскомъ языкѣ *серафимъ* значитъ: *огненныя уста.*

О чемъ же мы узнаемъ изъ этого? О чистотѣ существа ихъ, неусыпности, бдительности, стремительности, дѣятельности, безпорочности. Такъ и пророкъ Давидъ, желая показать намъ безпрепятственное служеніе, скорость исполненія и великую дѣятельность горнихъ силъ, сказалъ: *творяй ангелы своя духи, и слуги своя пламень огненный* (Пс. CIII, 4), выражая названіемъ этихъ стихій скорость, легкость, дѣятельность. Таковы эти силы, воспѣвающія Господа чистыми устами, имѣющія это постояннымъ занятіемъ своимъ, — возносящія славословія, какъ непрестанное служеніе. На ихъ до-

[1]) Σὺ καθήμενος εἰς τὸν αἰῶνα, καὶ ἡμεῖς ἀπολλύμενοι εἰς τὸν αἰῶνα: этихъ словъ въ извѣстныхъ текстахъ кн. пр. Даніила не найдено.

стоинство указываетъ ихъ близость къ престолу Божію. Какъ у земныхъ царей отличающіеся бо́льшими достоинствами стоятъ предъ самымъ царскимъ престоломъ, такъ точно и эти силы, по своей превосходной добродѣтели, окружаютъ горній престолъ, постоянно наслаждаясь неизреченнымъ блаженствомъ и восхищаясь блаженнымъ жребіемъ этого служенія. *Шесть крилъ единому, и шесть крилъ другому: и двѣма убо покрываху ноги своя, двѣма же покрываху лица своя*[1]), *и двѣма летаху. И взываху другъ ко другу и глаголаху: святъ, святъ, святъ Господь Саваоѳъ: исполнь вся земля славы Его* (ст. 3). Что означаютъ эти перья и что выражаютъ эти крылья? У безтѣлесныхъ силъ, конечно, нѣтъ такихъ крыльевъ; но этими чувственными изображеніями пророкъ опять означаетъ нѣчто таинственное, снисходя къ слабости тогдашнихъ слушателей, впрочемъ и чрезъ это снисхожденіе точно открывая намъ мысли, превосходящія всякое разумѣніе.

3. Итакъ, что же означаютъ крылья? Высоту и превосходство этихъ силъ. Такъ и Гавріилъ представляется летящимъ и нисходящимъ съ небесъ, чтобы ты позналъ его быстроту и легкость. И удивительно ли, что Писаніе употребляетъ такія выраженія о служебныхъ силахъ, когда и въ рѣчи о самомъ Богѣ всѣхъ оно не чуждается такого приспособленія? Такъ Давидъ, желая изобразить или безтѣлесность Его, или быстроту явленій Его повсемѣстныхъ, говоритъ: *ходяй на крилу вѣтряню* (Пс. сш, 3), хотя, конечно, ни вѣтры не имѣютъ крыльевъ, ни Онъ самъ не ходитъ на крыльяхъ; какъ въ самомъ дѣлѣ это можетъ быть съ Тѣмъ, Кто присутствуетъ вездѣ? Но, какъ я выше сказалъ, Онъ, снисходя къ слабости слушателей, возвышаетъ ихъ умъ такими представленіями, какія доступны для нихъ. И въ другомъ мѣстѣ, желая показать помощь Божію и происходящую отъ нея безопасность, онъ употребляетъ тѣ же выраженія, говоря такъ: *въ кровѣ крилу твоею покрыеши мя* (Пс. xvi, 8). А здѣсь посредствомъ 71
крыльевъ пророкъ показываетъ намъ не только возвышенность и легкость, но и нѣчто другое поразительное. Онъ показываетъ, что, хотя это видѣніе было снисхожденіемъ, каково оно дѣйствительно было, но самыя горнія силы и въ этой мѣрѣ не могли выносить его. Закрывать ноги и закрывать хребты свой-

---

[1]) Выраженіе: *покрываху* τοὺς πόδας ἑαυτῶν = *ноги своя* св. І. Зл. здѣсь читаетъ прежде выраженія: *покрываху* τὰ πρόσωπα ἑαυτῶν = *лица своя,* тогда какъ въ изв. греч. сп. пер. LXX, а потому и въ ц.-сл., они читаются въ обратномъ порядкѣ. Вмѣсто: τὰ πρόσωπα = *лица*, въ ал. и ват. код.: τὸ πρόσωπον = *лице.* Но во 2-й бесѣдѣ на пс. vi, 1 св. І. Зл. читаетъ это мѣсто такъ, какъ оно читается въ друг. изв. греч. сп. пер. LXX.

ственно трепещущимъ, ужасающимся блеска, не выносящимъ молніи, которая исходила отъ престола. Потому оградою крыльевъ какъ бы нѣкоторою стѣною, они закрывали свои лица; и что обыкновенно испытываемъ мы, когда разражается гроза и блестятъ молніи, отъ которыхъ мы преклоняемся на землю, тоже испытывали и они.

Если же серафимы, эти великія и дивныя силы, не могли безъ страха взирать на сидящаго Бога, сидящаго именно на престолѣ, но покрывали и лица и ноги, то какое слово выразитъ безуміе тѣхъ, которые говорятъ, что они ясно знаютъ самого Бога, и изслѣдуютъ Его нетлѣнное существо [1])? *Двѣма летаху, и взываху.* Что значитъ: *летаху,* и что онъ хочетъ этимъ выразить? То, что они постоянно находятся близъ Бога и не отступаютъ отъ Него, но въ этомъ и состоитъ ихъ жизнь, что они постоянно поютъ предъ Нимъ, всегда прославляютъ Создателя. Онъ не сказалъ: воззвали, но: *взываху,* т. е. непрестанно дѣлаютъ это. *Другъ ко другу, и глаголаху: святъ, святъ, святъ.* Этимъ выражается ихъ стройное пѣніе и славословіе, совершаемое съ великимъ согласіемъ. Это заключаетъ въ себѣ не только славословіе, но и пророчество о благахъ, ожидающихъ вселенную, и точное наставленіе касательно догматовъ. Почему они не однажды сказали это слово, и потомъ замолчали, и не дважды, и потомъ остановились, но прибавили тоже въ третій разъ? Не очевидно ли, что они поступали такъ, воспѣвая пѣснь Троицѣ? Потому-то Іоаннъ относитъ эти слова къ Сыну, Лука къ Духу, а пророкъ къ Отцу. И послѣдующія слова открываютъ намъ ту же мысль. Послѣ такой пѣсни они прибавляли: *исполнь вся земля славы Его.* Это было свойствомъ точнаго пророчества, что они предвозвѣщаютъ будущее вѣдѣніе, чрезъ которое вселенная исполнилась славы Божіей, такъ какъ прежде и въ то время, когда были произносимы эти слова, не только прочія части вселенной, но и самая страна іудейская была исполнена нечестія, и никто не славилъ тогда Бога. Объ этомъ свидѣтельствуетъ самъ пророкъ, когда говоритъ: *васъ ради* [2]) *имя мое хулится во языцѣхъ* (Ис. LII, 5). Когда же земля исполнилась славы Его? Тогда, когда эта пѣснь принесена на землю, когда земные люди присоединились къ лику горнихъ силъ, и стали возносить одну пѣснь и совершать общее славословіе. Если же іудей безстыдно отвергаетъ это, то пусть онъ покажетъ, когда вся земля исполнилась славы Его, славы, происходящей

---

[1]) Еретики — аномеи.

[2]) Въ греч. сп. пер. LXX слѣдуетъ далѣе слово: διὰ παντὸς = въ ц.-сл.: *присно.*

отъ богопознанія? Но онъ не можетъ показать этого, хотя бы тысящекратно упорствовалъ въ своемъ безстыдствѣ. *И взяся наддверіе отъ гласа, имже вопіяху* (ст. 4). Видишь ли, съ какою легкостію въ пророчествѣ одни предметы соединяются съ другими? Послѣ этой пѣсни и наполненія земли славою Его идетъ рѣчь о прекращеніи всего іудейскаго, что и выразилъ пророкъ 72
поднятіемъ *наддверія*.

4. Это было знакомъ опустошенія и разрушенія храма; а когда разрушенъ храмъ, тогда прекратилось и все прочее. И чтобы ты убѣдился, что ветхій завѣтъ прекращенъ новымъ, онъ говоритъ: *взяся наддверіе отъ гласа*, т. е. тѣнь разсѣялась отъ того, что настало такое славословіе, возсіяла благодать и слава Божія распространилась по всей вселенной. *И домъ наполнися дыма*. И этимъ, мнѣ кажется, означается разореніе, ожидающее его, пламень иноплеменниковъ и ужаснѣйшее сожженіе. *И рекохъ: о, окаянный азъ, яко умилихся, яко человѣкъ сый, и нечисты устнѣ имый, посредѣ людей нечистыя устнѣ имущихъ азъ живу: и царя Господа Саваоѳа видѣхъ очима моима* (ст. 5). Видѣніе изумило пророка, поразило, привело въ великій страхъ, подвигло къ исповѣданію, заставило полнѣе сознать бѣдность собственнаго естества. Таковы всѣ святые: когда они удостоиваются бóльшей чести, тогда они больше и смиряются. Такъ Авраамъ, бесѣдуя съ Богомъ, называлъ себя *землею и пепломъ* (Быт. XVIII, 27); такъ Павелъ, когда удостоился извѣстнаго видѣнія, назвалъ себя *извергомъ* (1 Кор. XV, 8); такъ и этотъ пророкъ называетъ себя *окаяннымъ*, сначала со стороны своей природы говоря: *о, окаянный азъ, яко умилихся, яко человѣкъ сый*, а потомъ со стороны душевнаго состоянія: *и нечисты устнѣ имый*. Онъ назвалъ свои уста нечистыми, какъ я думаю, въ противоположность съ тѣми огненными устами чистыхъ силъ, съ ихъ совершеннѣйшимъ служеніемъ. Не останавливаясь на этомъ, онъ произноситъ исповѣданіе и за весь народъ, присовокупляя: *посредѣ людей нечистыя устнѣ имущихъ азъ живу*. Почему же онъ осуждаетъ здѣсь свои уста? Онъ выражаетъ свою нерѣшительность. Такъ и три отрока, находясь въ пещи, говорили почти тоже самое: *нѣсть намъ отверсти устъ* (Дан. III, 33). И теперь, когда было время пѣснопѣнія и словословія, и когда пророкъ видѣлъ горнія силы дѣлавшими это, онъ справедливо обращаетъ слово къ устамъ, которыя призваны особенно къ такому служенію. По этой причинѣ онъ назвалъ нечистыми свои уста, но уста народа—не по этому, а потому, что іудеи были исполнены беззаконія. *И царя Господа Саваоѳа видѣхъ очима моима*. Потому, говоритъ, я скорблю и плачу, что, будучи недостойнымъ, я удостоился такой чести, превышающей мое

достоинство, превосходящей мое естество. Впрочемъ, когда онъ говоритъ: *видѣхъ*, ты разумѣй здѣсь не точное знаніе, но возможное для него.

И посмотри, какъ полезно исповѣданіе: онъ осудилъ самого себя, и тотчасъ былъ очищенъ. Далѣе онъ говоритъ: *и посланъ бысть ко мнѣ единъ отъ серафимовъ, и въ руцѣ своей имяше угль горящъ, егоже клещами взятъ отъ олтаря: и прикоснуся устнамъ моимъ, и рече: се прикоснуся сіе устнамъ твоимъ, и отъиметъ беззаконія твоя, и грѣхи твоя очиститъ* (ст. 6, 7). Нѣкоторые говорятъ, что это — прообразы будущихъ таинствъ: и этотъ алтарь, и разложенный огонь, и служебная сила, и прикосновеніе къ устамъ, и очищеніе грѣховъ; но мы пока будемъ держаться исторіи и скажемъ, для чего это происходило. Пророкъ имѣетъ быть посланъ къ народу іудейскому—
73 возвѣстить нѣчто страшное и невыносимое. Потому посылаются серафимы, чтобы исполнить его и страха и дерзновенія. И чтобы онъ не ссылался,—подобно тому какъ Моисей ссылался на свою гугнивость и Іеремія на свою молодость,—на тó, что онъ имѣетъ нечистыя уста и не можетъ служить проповѣди, приступаютъ серафимы, очищающіе грѣхи его не собственною силою — вѣдь это принадлежитъ только Отцу и Сыну и Святому Духу, — но повелѣніемъ Божіимъ и прикосновеніемъ угля. Потому онъ и не сказалъ: вотъ я очищу, но: *се сіе отъиметъ беззаконія твоя и грѣхи очиститъ*, по повелѣнію Пославшаго. Но почему серафимы взяли уголь клещами? Безтѣлесная сила, конечно, не должна была обжечься углями. Почему же такъ было? По великому снисхожденію. Потому и взялъ онъ это съ жертвенника, гдѣ приносились жертвы и совершались очищенія грѣховъ. Если же ты спросишь: почему уста пророка не были обожжены, то, главнымъ образомъ, потому, что въ этомъ явленіи не было огня чувственнаго; а съ другой стороны, когда что дѣлаетъ Богъ, ты не изслѣдуй и не любопытствуй.

5. Впрочемъ иногда и дѣйствительный и чувственный огонь, касаясь тѣлъ, не обнаруживалъ дѣйствій огня. Если тамъ, гдѣ были хворостъ и смола, пламень забывалъ собственную природу, то удивительно ли, что въ настоящемъ чудномъ событіи этотъ огонь очищалъ, но не жегъ? *И слышахъ гласъ Господа глаголюща: кого послю и кто пойдетъ къ людемъ симъ* (ст. 8)? Видишь ли, каковъ успѣхъ видѣнія, какъ много сдѣлалъ страхъ? Нѣчто подобное было и съ Моисеемъ; этому пророку хотя не являлся ни серафимъ, ни самъ Господь, сидящій на престолѣ, но показано было тогда другое чудное видѣніе, такое явленіе, на которое никто не могъ бы взирать. *Купина*, говорится въ Писаніи, горѣла и *не сгараше* (Исх. III, 2). Но и послѣ этого видѣнія и послѣ многихъ

увѣщаній Божіихъ великій Моисей уклонялся, отказывался и представлялъ множество причинъ отказа, говоря: *худогласенъ, и косноязыченъ азъ есмь*; и: *избери* ты [1]) *иного, егоже послеши* (Исх. IV, 10, 13). И Іеремія ссылался на свой возрастъ (Іер. I, 6). И Іезекіиль, по полученіи повелѣнія Божія, семь дней оставался при рѣкѣ, уклоняясь и медля; потому Богъ и приложилъ къ нему притчу, говоря: *стража дахъ тя дому Израилеву* (Іезек. III, 17); и еще: *душу ихъ отъ руки твоея взыщу* [2]) (Іезек. III, 18). А Іона не только отказывался, но и бѣжалъ (Іон. I, 3). Что же? Неужели Исаія былъ смѣлѣе всѣхъ, и даже великаго Моисея? Кто можетъ сказать это? Почему же тотъ уклонялся, получивъ повелѣніе, а этотъ, и не получивъ прямого повелѣнія, изъявилъ свою готовность? Вѣдь не сказано было: иди; но когда Богъ сказалъ: *кого послю?* — онъ тотчасъ принялъ повелѣніе. Нѣкоторые говорятъ, что, такъ какъ онъ согрѣшилъ, не обличивъ Озіи, дерзнувшаго войти во святилище, то, желая послѣдующимъ усерднымъ послушаніемъ загладить тотъ грѣхъ, онъ тотчасъ изъявилъ согласіе, чтобы умилостивить Бога; потому и уста свои назвалъ нечистыми, что не говорилъ смѣло. Но я не могу со- 74
гласиться съ тѣми, которые говорятъ такъ, потому что достовѣрнѣе ихъ Павелъ, который называетъ Исаію дерзающимъ и говоритъ: *Исаія же дерзаетъ и глаголетъ* (Рим. X, 20). Потому, какъ говорятъ, онъ и кончилъ жизнь свою не обыкновенною смертію, но потерпѣлъ жесточайшее мученіе, такъ какъ іудеи не выносили смѣлой рѣчи его. Кромѣ того и Писаніе нигдѣ не говоритъ, чтобы онъ присутствовалъ при поступкѣ Озіи и присутствуя молчалъ, но говорящіе такъ выдумываютъ это сами отъ себя. Что же нужно сказать? То, что положеніе Моисея было не одинаково съ положеніемъ Исаіи. Тотъ былъ посылаемъ въ чужую и варварскую страну, къ неистовому и жестокому тирану; а этотъ къ своимъ соотечественникамъ, которые часто слушали и были наставляемы въ теченіе долгаго времени. И потому тамъ и здѣсь нужно было не одинаковое мужество, чтобы послушаться. А нѣкоторые говорятъ, что и другое нѣчто было причиной такой готовности его, именно: когда онъ произнесъ исповѣданіе за себя и за народъ и увидѣлъ посланныхъ серафимовъ и очистившихъ уста его, то, надѣясь, что будетъ тоже и съ народомъ и что онъ пойдетъ возвѣстить ему объ этомъ, съ готовностію принялъ повелѣніе. Святые были какъ боголюбивы, такъ и человѣколюбивы больше всѣхъ людей. Такимъ образомъ, надѣясь возвѣстить какое-либо

[1]) Въ ц.-сл.: *могуща* = δυνάμενον (ср. ват. код.)

[2]) τὴν ψυχὴν αὐτῶν ἐκ χειρός σου ἐκζητήσω, но во всѣхъ изв. греч. сп. пер. LXX: τὸ αἷμα αὐτοῦ ἐκ χ. σ. ἐκζ. = ср. ц.-сл.: *кровь же его отъ руки твоея взыщу*.

избавленіе отъ бѣдствій, онъ тотчасъ изъявилъ свое согласіе и сказалъ: *се азъ есмь, посли мя*. Съ другой стороны онъ имѣлъ душу весьма рѣшительную на опасности, какъ это видно изъ всего пророчества его. Итакъ, когда онъ изъявилъ согласіе идти и уже не смѣлъ отказаться, тогда услышалъ прискорбныя слова. Богъ поступилъ съ нимъ премудро. Онъ не сказалъ съ самаго начала: иди и говори; но прежде высказалъ повелѣніе неопредѣленно и не открывалъ образа посольства. Когда же Исаія немедленно изъявилъ согласіе, тогда Богъ и высказываетъ зло, которое постигнетъ іудеевъ. Какое же именно? *Иди*, говоритъ Онъ, *и рцы людемъ симъ: слухомъ услышите, и не уразумѣете: и видяще узрите, и не увидите. Одебелѣ бо сердце людей сихъ, и ушима своима тяжко слышаша, и очи свои смежиша, да не когда узрятъ очима, и ушима услышатъ, и сердцемъ уразумѣютъ, и обратятся, и исцѣлю я* (ст. 9, 10). Это, я думаю, не требуетъ объясненія, такъ какъ уже давно объяснили совершенно знавшіе эти слова— Іоаннъ сынъ грома и Павелъ, который точно зналъ и древнее и новое. Проповѣдуя въ Римѣ собравшимся къ нему, и потомъ ушедшимъ и не вѣрившимъ сказанному, онъ говорилъ: *добрѣ Духъ Святый глагола: слухомъ услышите, и не имате разумѣти* (Дѣян. XXVIII, 25, 26). А сынъ грома,—такъ какъ іудеи видѣли чудеса Христовы и не вѣрили, слышали ученіе и не внимали ему—(Христосъ воскресилъ Лазаря, а они искали убить Его;
75 Онъ изгонялъ бѣсовъ, а они называли Его бѣснующимся; Онъ велъ ихъ къ Отцу, а они называли Его обманщикомъ, и держались превратныхъ мнѣній),—упоминаетъ объ этомъ пророчествѣ, говоря: хорошо сказалъ Исаія пророкъ, что вы слухомъ услышите, и не уразумѣете, и видяще узрите, и не увидите (сравн. Іоан. XII, 38, 40).

6. Такъ какъ у нихъ были помрачены внутреннія очи ума, то имъ не было никакой пользы отъ очей внѣшнихъ, при поврежденіи разумнаго сужденія. Потому они видя не видѣли и слыша не слышали; и причиною этого, прибавляетъ пророкъ, было не поврежденіе внѣшнихъ чувствъ, не разстройство природы ихъ, но ослѣпленіе сердца. *Одебелѣ бо*, говоритъ, *сердце людей сихъ*. А огрубѣніе ума бываетъ отъ грѣховъ и житейскихъ пожеланій. О такомъ огрубѣніи говорилъ и Павелъ въ словахъ: *не могохъ вамъ глаголати, яко духовнымъ: ибо не у можасте, но ниже еще можете нынѣ*,—присовокупляя и причину этого въ слѣдующемъ: *идѣже бо въ васъ зависти, и рвенія, и распри, не плотстіи ли есте* (1 Кор. III, 1—3)? Такъ и тѣ, мучимые великою завистію и ненавистію и осаждаемые другими безчисленными страстями сдѣлали грубымъ свое умственное око и уже не могли видѣть

ясно; а потому принимали другія и превратныя мнѣнія о томъ,
что видѣли. Видя все это въ точности, пророкъ предсказалъ и
причину болѣзни. Но, замѣть, изъ двухъ находящихся здѣсь
пророчествъ, одно, касающееся Церкви и благъ, уготованныхъ
вселенной, получили и изрекли серафимы въ словахъ: *святъ,
святъ, святъ Господь Саваоѳъ, исполнь вся земля славы Его*; а другое,
касающееся плѣненія и наказанія іудеевъ, было предоставлено
пророку, — для того, чтобы ты и отсюда позналъ превосходство
Церкви. *И рекохъ*: *доколѣ Господи* (ст. 11)? Видишь ли, что мы
привели не ложную и неосновательную догадку о послушаніи
пророка, оказанномъ съ великою готовностію? Услышавъ противное
тому, чего онъ ожидалъ, именно о запустѣніи, погибели, онъ
проситъ теперь узнать мѣру наказанія; онъ уже не смѣлъ
просить о совершенномъ избавленіи ихъ отъ гнѣва, такъ какъ
Богъ предварительно показалъ, что они грѣшатъ непростительно.
Ихъ дерзкіе поступки были слѣдствіемъ не соучастія и не дерзост-
наго настроенія, но души, дѣлающей непослушаніе своимъ заня-
тіемъ, задорнаго ума, какъ бы нарочито и усиленно противящагося
дѣламъ Божіимъ. На это и указываетъ Богъ въ словахъ: *да не
когда узрятъ очима* [1]), *и сердцемъ уразумѣютъ, и обратятся, и
исцѣлю ихъ*. Они, говоритъ, какъ бы боясь, чтобы не узнать
чего-нибудь должнаго, съ великимъ стараніемъ ослѣпляли свой
умъ. Потому, такъ какъ и обвиненіе было весьма тяжко, и
наказаніе неизбѣжно, пророкъ желаетъ узнать то, что оставалось;
впрочемъ подъ видомъ желанія узнать онъ высказываетъ просьбу.
Но такъ какъ и объ этомъ онъ не смѣлъ просить прямо, то свое 76
желаніе узнать предлагаетъ въ видѣ вопроса, говоря: *доколѣ,
Господи? И рече: дондеже опустѣютъ гради, отъ еже не населенымъ
быти, и домы, отъ еже не быти человѣкомъ, и земля останется
пуста. И посемъ продолжитъ Богъ человѣки, и умножатся оставль-
шіися на земли. И еще на ней есть десятина, и паки будетъ въ
расхищеніе, якоже теревинѳъ, и яко желудь, егда испадетъ изъ
плюски своея: сѣмя свято стояніе его* (ст. 11—13). Окончивъ
пророчество, онъ опять обращаетъ рѣчь къ исторіи, предсказывая
какъ плѣненіе десяти колѣнъ, такъ ради этого плѣненія и долго-
терпѣніе Божіе въ отношеніи къ двумъ колѣнамъ; далѣе пред-
сказываетъ отведеніе въ плѣнъ и этихъ послѣднихъ за то, что
они не воспользовались долготерпѣніемъ, какъ должно; а потомъ
опять — благоденствіе, которое даровано будетъ остатку ихъ.
Такъ, когда онъ говоритъ: *дондеже опустѣютъ гради, отъ еже не*

---

[1]) Слѣдующія затѣмъ, по изв. гр. сп. пер. LXX, слова: καὶ τοῖς ὠσὶ ἀκούσωσιν = въ ц.-сл.: *и ушима услышатъ* у св. I. Зл. не читаются.

населенымъ быти, то указываетъ на плѣненіе десяти колѣнъ; дѣйствительно, они всѣ были совершенно разстроены, взяты съ великимъ насиліемъ и всѣ отведены въ чужую страну, такъ что и города ихъ всѣ стояли безъ людей, и земля лишилась своихъ воздѣлывателей къ пользѣ имѣющихъ остаться. Такимъ образомъ, когда онъ говоритъ: *дондеже опустѣютъ гради, отъ еже не населенымъ быти, и домы, отъ еже не быти человѣкомъ*, то разумѣетъ и плѣнъ. А когда говоритъ: *и по семъ продолжитъ Богъ человѣки*, то указываетъ или на полное благосостояніе всѣхъ, или на благоденствіе, которое будетъ дано двумъ колѣнамъ по отведеніи десяти колѣнъ. И дѣйствительно, освободившись отъ Сеннахирима и войска иноплеменниковъ и воспользовавшись неожиданной побѣдой, они опять размножились и долго жили, потому что никакая война не безпокоила ихъ. Когда Онъ говоритъ: *продолжитъ*, то разумѣетъ или многочисленность людей, или продолжительность лѣтъ. А чтобы ты узналъ, что это говорится о двухъ колѣнахъ, Онъ прибавляетъ: *на ней есть десятина*, называя десятиною то, что свыше десяти, остающееся послѣ десяти, чѣмъ и были два колѣна. Такое же выраженіе употребляетъ и Павелъ, когда говоритъ: *болѣе пяти сотъ братіямъ*, т. е. свыше пяти сотъ (1 Кор. xv, 6). *И паки будетъ въ расхищеніе, якоже теревинѳъ*, т. е. два колѣна. *И яко желудь, егда испадетъ изъ плюски своея.* Какъ этотъ плодъ непріятенъ, когда выпадаетъ изъ скорлупы своей, такъ и они будутъ осмѣиваемы и презираемы, когда будутъ изгнаны изъ города и всѣ лишатся своей славы. *Сѣмя свято стояніе его.* Впрочемъ бѣдствія ихъ, говоритъ, будутъ не неисцѣльны и не безконечны, но сѣмя ихъ будетъ свято и *стояніе*, т. е. твердо, крѣпко, неподвижно, въ ожиданіи перемѣны обстоятельствъ. Они лишатся благоденствія, но сами не подвергнутся совершенной погибели, но останутся и будутъ *стоять*, доколѣ опять не получатъ прежняго образа жизни и не
77 возвратятся къ прежней святости.

ГЛАВА VII.

И бысть во дни Ахаза, сына Іоаѳамля, сына Озіи, царя Іудина (Иса. vii, 1).

1. Я часто говорилъ и теперь скажу, что въ древности пророчества изрекаемы были не для того, чтобы іудеи только узнавали будущее, но чтобы, узнавъ, получали отсюда пользу, чтобы отъ страха угрозъ они дѣлались болѣе благоразумными и отъ

обѣщанія благъ — болѣе усердными къ исполненію добродѣтели, познавая изъ того и другого и силу Божію и попеченіе Его объ нихъ. Подлинно, по этой причинѣ были изрекаемы предсказанія, и для того, чтобы іудеи не думали, будто событія совершаются просто и случайно, по какому-либо порядку природы или естественному теченію дѣлъ, но знали, что и то и другое происходить по мановенію свыше и по опредѣленію Божію; а это весьма много способствовало имъ къ богопознанію. Но такъ какъ пророчества, — какъ я и прежде говорилъ, — исполнялись не тотчасъ по изреченіи ихъ, но предсказанія тогда были изрекаемы, а самыя событія совершались спустя долгое время, такъ какъ нѣкоторые изъ слышавшихъ часто умирали прежде и не могли судить о послѣдствіяхъ предсказаній, то, смотри, чтó дѣлаетъ и устрояетъ Богъ. Онъ соединяетъ одно пророчество съ другими пророчествами, ближайшее съ отдаленнѣйшими, бывшее въ ихъ поколѣніе представляя величайшимъ доказательствомъ того, что должно совершиться спустя долгое время. Въ евангеліяхъ же пользу такого рода Онъ устрояетъ другимъ образомъ: соединяетъ съ пророчествами чудеса и подтверждаетъ одни другими. Такъ, напримѣръ, ко Христу нѣкогда подошелъ прокаженный и былъ очищенъ, а послѣ него отрокъ сотника былъ исцѣленъ отъ извѣстной тяжкой болѣзни, и знаменія эти были велики; но Онъ не ограничился этими знаменіями, а присовокупилъ и пророчество. Такъ какъ сотникъ оказалъ дивную и великую вѣру, за которую отрокъ и былъ исцѣленъ отъ болѣзни, то Христосъ присовокупилъ: *мнози отъ востокъ и западъ пріидутъ, и возлягутъ со Авраамомъ, и Исаакомъ, и Іаковомъ* [1]: *сынове же царствія изгнани будутъ вонъ* (Матѳ. VIII, 11). Въ этихъ словахъ Онъ предсказывалъ и образованіе Церкви изъ язычниковъ, и отверженіе іудеевъ, что теперь исполнилось на самомъ дѣлѣ и для всѣхъ видно яснѣе солнца; но тогда было пока неясно и невѣроятно для невѣрующихъ. Для того предварительно и совершено было тогда знаменіе, чтобы внушить великую вѣру въ то, чтò имѣло совершиться послѣ, равно какъ и самое пророчество, исполнившееся нынѣ на самомъ дѣлѣ, служитъ твердымъ подтвержденіемъ бывшему тогда знаменію. Скажетъ ли невѣрующій, что прокаженный не очистился? Но пусть онъ посмотритъ на истину пророчества, и отъ этого пусть вѣритъ и въ знаменіе. Сказали ли бы тогдашніе іудеи, что предсказанія Его не истинны? Но пусть они

---

[1]) Св. І. Зл. читаетъ: ἐκβληθήσονται ἔξω = *изгнани будутъ вонъ*, но во всѣхъ греч. сп. пер. LXX читается: ἐκβλ. εἰς τὸ σκότος τὸ ἐξώτερον = *изгнани будутъ во тму кромѣшнюю.*

посмотрятъ на очистившагося прокаженнаго и послѣ бывшаго съ нимъ не сомнѣваются и касательно будущаго. Такимъ образомъ для тѣхъ знаменіе служило величайшимъ залогомъ истинности
78 пророчества, а для нынѣшнихъ пророчество—дѣйствительности знаменія. Видишь ли, какъ одно подтверждается другимъ? Тоже можно видѣть и въ ветхомъ завѣтѣ. Такъ, когда Іеровоамъ тяжко неистовствовалъ и поставилъ золотыхъ тельцовъ, то пришедшій пророкъ и предсказалъ будущее и тогда же совершилъ знаменіе. Чтобы никто не сомнѣвался въ томъ, что должно было случиться чрезъ триста лѣтъ, онъ разрушилъ жертвенникъ, пролилъ тукъ и изсушилъ руку царя, посредствомъ совершившагося предъ глазами ясно подтвердивъ то, что̀ имѣло совершиться спустя много времени (3 Цар. гл. XIII). И такихъ событій много можно видѣть и въ ветхомъ и въ новомъ завѣтѣ, такъ какъ Богъ различно устрояетъ наше спасеніе. Такъ точно было и здѣсь, и притомъ съ великимъ преимуществомъ; не только дано было знаменіе, но и пророчество соединено съ знаменіемъ. Впрочемъ, чтобы сказанное было болѣе яснымъ, разсмотримъ обстоятельно самое сказаніе. *И бысть во дни Ахаза, сына Іоаоамля, сына Озіи, царя Іудина, взыде Расинъ царь Арамль, и Факей, сынъ Ромеліевъ, царь Исраилевъ на Іерусалимъ, воевати на него, и не возмогоша разорити его. И возвѣстися въ дому Давидовѣ, глаголя: совѣщася Арамъ со Ефремомъ* (ст. 1, 2). Это—исторія, повѣствованіе о событіяхъ. Но кто имѣетъ умъ и острое зрѣніе, тотъ и отсюда можетъ получить великую пользу, познавъ великую премудрость Божію и попеченіе Его объ іудеяхъ. Онъ и не остановилъ войны въ самомъ началѣ, и наступавшему не допустилъ овладѣть городомъ, но, дозволивъ сдѣлать угрозу на словахъ, остановилъ ея исполненіе, возбуждая и избавляя іудеевъ отъ безпечности, и показывая свою силу, что онъ можетъ и тогда, когда бѣдствія достигнутъ своего конца, сохранить невредимыми подвергшихся имъ такъ, какъ будто эти бѣдствія и не начинались. Это, какъ можно видѣть, Онъ часто дѣлаетъ, напр. въ пещи вавилонской, во рвѣ львиномъ и въ другихъ безчисленныхъ случаяхъ. Такъ и эти пришли, осадили городъ, коснулись стѣнъ, привели въ трепетъ умъ жителей, но больше не могли сдѣлать ничего.

2. Отсюда можно видѣть беззаконіе десяти колѣнъ, въ томъ, что не только начали междоусобную войну и подняли оружіе на своихъ братьевъ, но и соединились съ чужеземцами и иноплеменниками и, будучи обязаны даже не имѣть съ ними простого общенія, призвали ихъ къ себѣ на помощь, вооружились вмѣстѣ съ ними и возстали противъ своего города. Они побудили иноплеменника Расина идти противъ ихъ столичнаго города. И об-

стоятельства войны были неравны. У тѣхъ было безчисленное
войско, и города, и племена, и народы; а здѣсь ничего такого
не былъ одинъ только столичный городъ, такъ что сила Божія
открылась со всею ясностію. Тогда какъ здѣсь никто не бралъ
оружія, не выходилъ и не противоборствовалъ, злые замыслы тѣхъ
разрушились. *И не возмогоша*, говоритъ пророкъ, *разорити его.*
Что же препятствовало этому? Не что иное, какъ рука Божія,
которая невидимо отражала ихъ. Впрочемъ, какъ я сказалъ, Богъ
хотя отвратилъ войну, но отъ страха не тотчасъ избавилъ. *И возвѣстися*, говоритъ, *въ дому Давидовѣ, яко* [1]) *совѣщася Арамъ со Ефремомъ, и ужасеся душа его и душа людей его.* Когда Богъ намѣревается
совершить что-нибудь необыкновенное, то Онъ не вдругъ совершаетъ чудо, но сначала попускаетъ тѣмъ, къ которымъ оно относится, чувствовать бѣдствія, чтобы по избавленіи отъ бѣдствій 79
они не оказались неблагодарными. Такъ какъ многіе изъ людей,
частію по гордости, частію по безпечности, забываютъ бѣдствія
по избавленіи отъ бѣдствій, или, не забывая, приписываютъ
успѣхи самимъ себѣ, то Богъ попускаетъ имъ сначала потрясеніе отъ скорбей, а потомъ освобождаетъ отъ затруднительныхъ
обстоятельствъ. Такъ точно Онъ поступилъ и здѣсь. Онъ попустилъ, чтобы сердца ихъ пришли въ трепетъ, попустилъ быть
великой скорби, а потомъ и послалъ избавленіе. Тоже Онъ сдѣлалъ и съ великимъ Давидомъ. Намѣреваясь вывести его на
борьбу и воздвигнуть руками его славный трофей, Богъ сдѣлалъ
это не въ началѣ войны, но оставилъ израильтянъ мучиться отъ
страха въ теченіе сорока дней, и когда они уже отчаялись въ
своемъ спасеніи, когда иноплеменникъ произнесъ безчисленное
множество укоризнъ и не смотря на то никто не осмѣливался
выйти и противостать врагу, тогда только, именно тогда, когда
они признали свое пораженіе и слабость ихъ сдѣлалась явною,
Онъ вывелъ на борьбу этого отрока и совершилъ дивную побѣду.
Если и послѣ этого, послѣ такого обнаруженія ихъ слабости,
спасенный царь, побуждаемый ненавистію и завистію, строилъ
козни Давиду и, предавшись страсти, оказался неблагодарнымъ
къ благодѣтелю, то чего не сдѣлалъ бы онъ, если бы Господь
не доказалъ такимъ очевиднымъ образомъ трусости какъ его,
такъ и всего войска? Тоже самое, какъ можно видѣть, Богъ
дѣлалъ и во многихъ другихъ случаяхъ. Точно такъ дѣлается и здѣсь. Намѣреваясь освободить іудеевъ отъ войны и
избавить ихъ отъ скорбей, Онъ попускаетъ имъ сначала чувство-

---

[1]) Ὅτι = *яко*, тогда какъ выше, согласно съ греч. сп. пер. LXX, употреблено: λεγόντων, *глаголя* (ват. λέγων).

вать бѣдствія. *И ужасеся*, говоритъ пророкъ, *душа его и душа людей его, якоже въ дубравѣ древо вѣтромъ восколеблется.* Пророчеству свойственно — обнаруживать сокровенныя чувствованія людей. Такъ и здѣсь онъ выражаетъ состояніе души каждаго изъ нихъ и для ясности приводитъ сравненіе, чтобы показать силу скорби. И поколебалась говоритъ, душа ихъ, смирилось высокоуміе; они отчаялись въ своемъ спасеніи, думали, что находятся въ крайности, не ожидали ничего добраго, и каждый изъ нихъ сокрушался собственными помыслами. Что же Богъ? Онъ предсказываетъ избавленіе и потомъ совершаетъ его, чтобы они опять не приписали освобожденія города кому-нибудь другому, Онъ посылаетъ пророка возвѣстить будущее. *И рече Господь ко Исаіи: изыди во срѣтеніе Ахазу, ты, и оставшійся Іасувъ сынъ твой, къ купѣли горняго пути села бѣлиннича, иречеши ему: блюди еже молчати, и не бойся ниже душа твоя да изнеможетъ*: ниже убойся [1]) *отъ двою древу главень дымящихся сихъ*; *егда бо гнѣвъ ярости моея будетъ, паки изцѣлю* (ст. 3, 4). Что значитъ: *изыди во срѣтеніе?*
80 Отъ страха и скорби царь не былъ спокоенъ и не могъ оставаться дома, но, какъ обыкновенно бываетъ съ осажденными, постоянно выходилъ, обозрѣвалъ стѣны, подходилъ къ воротамъ, распоряжался и изслѣдовалъ, въ какомъ положеніи находятся дѣла непріятелей. Потому Богъ и говоритъ: *изыди во срѣтеніе.* А что значитъ: *ты и оставшійся Іасувъ сынъ твой? Іасувъ* на еврейскомъ языкѣ значитъ: *обращеніе* и *дѣятельность.* Потому и Іессей, посылая Давида къ братьямъ его, говорилъ: *и Іасувъ ихъ возмеши* [2]), т. е. скажешь мнѣ объ ихъ обращеніи и о томъ, что́ они дѣлаютъ (1 Цар. XVII, 18).

3. Итакъ здѣсь, мнѣ кажется, пророку повелѣвается взять съ собою народъ, чтобы по окончаніи событій царь не могъ оставаться неблагодарнымъ, какъ бы не слышавшій ничего такого отъ пророка. Смыслъ приведенныхъ словъ слѣдующій: выйди на встрѣчу ты и обращающіеся съ тобою, оставшіеся отъ народа. Не удивляйся, что Богъ называетъ народъ сыномъ его,—и далѣе пророкъ говоритъ: *се азъ и дѣти яже ми даде Богъ* (Иса. VIII, 18). Дѣйствительно, святые были вмѣсто отцевъ и даже превосходили всѣхъ плотскихъ отцевъ своею любовію и попеченіемъ объ этомъ народѣ. *Оставшимися* Онъ называетъ ихъ потому, что многіе были уведены врагами. *Горняго пути села бѣлиннича.* И

---

[1]) Μηδὲ φοβηθῇς = *ниже убойся* читается здѣсь только у св. І. Злат., въ друг. греч. сп. отсутствуетъ (ср. ц.-сл.).

[2]) καὶ τὸ Ιασοὺβ αὐτῶν λήψῃ. Въ славянскомъ: *и елико аще требуетъ, увѣси.*

здѣсь мнѣ представляется немалое затрудненіе,—какъ тѣ, которые были заключены и осаждены и не смѣли выйти вонъ, явились за воротами города; вѣдь этотъ путь виденъ нынѣ внѣ стѣнъ его. Чѣмъ же разрѣшить это недоумѣніе? Тѣмъ, что въ древности онъ былъ огражденъ еще другою стѣною; у этого города было двѣ стѣны, какъ любознательные легко могутъ видѣть изъ другого пророка. Итакъ пророкъ вышедши ободряетъ упавшій духъ ихъ и внушаетъ надежду относительно будущаго. Успокойся, говоритъ онъ, и не бойся; и называетъ царей древесными головнями, выражая какъ силу ихъ, такъ и непрочность; потому онъ и присовокупляетъ: *дымящихся*, т. е. находящихся близко къ тому, чтобы погаснуть. Потомъ, желая показать, что нападеніе враговъ произошло не отъ силы ихъ, а по Божію попущенію, говоритъ: *егда бо гнѣвъ ярости моея будетъ, паки изцѣлю. Сынъ же Арамль, и сынъ Ромеліевъ, яко совѣщаста совѣтъ лукавый* Ефремъ и сынъ Ромеліевъ [1]) *на тя, глаголюще: взыдемъ во Іудею, и озлобимъ ю* [2]) *и собесѣдовавше* [3]) *отвратимъ я къ намъ, и воцаримъ въ ней сына Тавеилева. Сія же глаголетъ Господь Саваоѳъ: не пребудетъ совѣтъ сей, ниже сбудется: но глава Араму Дамаскъ, и глава Дамаску Расинъ: но еще шестьдесятъ и пять лѣтъ, оскудѣетъ царство Ефремово отъ людей: глава же Ефремова Соморонъ, и глава Соморону сынъ Ромеліевъ: и аще не увѣрите, ниже имате разумѣти* (ст. 5—9). Опять пророкъ представляетъ величайшее подтвержденіе пророчества. Такъ какъ слушатели были поражены страхомъ, и бѣдствія были предъ глазами, а отрадное было 81
только въ надеждѣ и даже превосходило всякое ожиданіе, и притомъ они были не очень довѣрчивы, то смотри, чтó онъ дѣлаетъ. Онъ даетъ величайшее знаменіе того, что предсказанное сбудется, обнаруживая замыслы противниковъ. Онъ открываетъ, съ какимъ намѣреніемъ они осадили городъ, о чемъ совѣщались между собою, на какихъ условіяхъ приступили, и показываетъ, что или это событіе есть предательство (*собесѣдовавше*, говоритъ, *съ ними, отвратимъ я къ намъ*) или враги обезумѣли отъ великой гордости, думая, что имъ не нужно ни браться за оружіе, ни вступать въ борьбу и сраженіе для того, чтобы взять городъ. Для насъ достаточно, говорили они, только явиться и

---

[1]) Слова: Ἐφραὶμ καὶ ὁ υἱὸς τοῦ Ρωμελίου отсутствуютъ въ ал. код., а потому не перев. и въ ц.-сл.

[2]) Καὶ κακώσομεν αὐτὴν = *злобимъ ю* читаются только у св. І. Зл., но отсутствуютъ въ друг. греч. сп.

[3]) Послѣ слова συλλαλήσαντες = *собесѣдовавше*, въ ват. код. стоитъ αὐτοῖς = въ ц.-сл. *съ ними* не читаемое св. І. Зл. здѣсь, но читаемое ниже.

поговорить, и возвратиться, взявъ всѣхъ въ плѣнъ. Потомъ, какъ обыкновенно бываетъ съ гордыми, они, надмеваясь такою надеждою, совѣщаются объ избраніи царя, какъ будто городъ уже взятъ и нужно поставить кого-нибудъ царемъ въ столицѣ. Таковы, говоритъ пророкъ, замыслы ихъ; но воля Божія ниспровергнетъ все это. Потому онъ продолжаетъ: *сія же глаголетъ Господь*, и не останавливается на этомъ, а прибавляетъ: *Саваоѳъ*, потому что когда онъ намѣревается возвѣстить что-нибудь великое, то напоминаетъ о силѣ Божіей, высшемъ царствѣ, о чудномъ и дивномъ владычествѣ Его. Что же говоритъ Богъ? *Не пребудетъ совѣтъ сей, ниже сбудется: но глава Араму Дамаскъ*. Начальство его, говоритъ, власть его ограничится Дамаскомъ, и не будетъ простираться далѣе. *И глава Дамаску Расинъ*. Начальникомъ и правителемъ Дамаска, говоритъ, будетъ Расинъ, т. е. онъ останется при своемъ и не увеличитъ своего могущества. *Но еще шестьдесятъ и пять лѣтъ, оскудѣетъ царство Ефремово отъ людей*.

4. Это величайшее доказательство истины, когда пророки предсказываютъ и время событій, предоставляя желающимъ изслѣдовать съ точностію значеніе пророчества. Теперь, говоритъ пророкъ, они отступятъ отъ города, но по истеченіи шестидесяти пяти лѣтъ погибнетъ весь народъ; враги возьмутъ его и уведутъ всѣхъ; а теперь, прежде того плѣна, они не получатъ ничего больше того, чѣмъ владѣютъ. Чтобы царь, слыша, что израильтяне погибнутъ чрезъ шестьдесятъ пять лѣтъ, не сказалъ въ самомъ себѣ: чтожe?—если они теперь возьмутъ насъ, а тогда погубятъ, какая намъ польза?—пророкъ говоритъ: не бойся и за настоящее; тогда они будутъ выселены совершенно, а теперь не получатъ ничего больше того, чѣмъ владѣютъ. *Глава же Ефремова*, т. е. десяти колѣнъ, будетъ *Самарія* (потому что тамъ была столица ихъ) и далѣе не распространится, *и глава Самаріи*—царь израильскій. Что̀ говорилъ онъ о Дамаскѣ тоже выражаетъ и здѣсь, т. е. они не будутъ имѣть ничего больше того, чѣмъ владѣютъ теперь. Далѣе, такъ какъ онъ сказалъ о дѣлахъ, превышающихъ разумъ человѣческій и превосходящихъ обыкновенныя соображенія, и сказанное было пророчествомъ, то
82 справедливо присовокупилъ: *аще не увѣрите, ниже имате разумѣти*. Не спрашивай, говоритъ, какъ и какимъ образомъ это будетъ; Богъ есть совершитель, а тебѣ нужна только вѣра, и ты уразумѣешь силу Совершающаго; ты получилъ полное доказательство сказаннаго. Такъ и пророкъ Давидъ говорилъ: *вѣровахъ, тѣмже возглаголахъ* (Пс. cxv, 1). И Павелъ, повторяя это изреченіе, приложилъ его къ высшимъ предметамъ, сказавъ: *имуще же той же*

духъ вѣры, по писанному: вѣровахъ, тѣмже возглаголахъ: и мы вѣруемъ, тѣмже и глаголемъ (2 Кор. IV, 13). Если ветхозавѣтное, которое такъ отстоитъ отъ новозавѣтнаго, какъ земля отъ неба, имѣло нужду въ вѣрѣ, то тѣмъ болѣе — познаніе догматовъ столь высокихъ, которые и на умъ никогда никому не приходили. Это выражаетъ и самъ апостолъ, когда говоритъ: *ихже око не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыдоша, яже уготова Богъ любящымъ Его* (1 Кор. II, 9). *И приложи Господь глаголати ко Ахазу, рекій: проси себѣ знаменія отъ Господа Бога твоего во глубину или въ высоту. И рече Ахазъ: не имамъ просити, ниже искушу Господа. И рече Исаія: слышите убо доме Давидовъ: еда мало вамъ есть трудъ даяти человѣкомъ, и како даете Господеви трудъ? Сего ради дастъ Господь самъ вамъ знаменіе: се дѣва во чревѣ зачнетъ, и родитъ сына, и нарекутъ* [1] *имя ему Еммануилъ* (ст. 10—14). Велико снисхожденіе Божіе, и велика неблагодарность царя. Выслушавъ пророка, онъ долженъ былъ нисколько не сомнѣваться въ сказанномъ; а если усомнился, то принять знаменіе и увѣровать, какъ поступали многіе изъ мужей іудейскихъ. Богъ, будучи человѣколюбивымъ, часто не отказывалъ въ этомъ (въ знаменіи) для чувственныхъ, пресмыкающихся долу и привязанныхъ къ землѣ (іудеевъ), какъ напр. сдѣлалъ при Гедеонѣ. Такъ какъ Ахазъ былъ несовершеннѣе всѣхъ и весьма грубъ, то смотри, какъ Богъ опять снисходитъ къ нему. Онъ самъ привлекаетъ его и предлагаетъ ему просить знаменія, хотя и то было не малымъ знаменіемъ, что Онъ открылъ его тайныя мысли, обнаружилъ все его душевное расположеніе и обличилъ все притворство. Такъ какъ пророкъ сказалъ: *проси себѣ знаменія*, а царь, притворяясь вполнѣ вѣрующимъ, отвѣчалъ: *не имамъ просити, ниже искушу Господа*, то смотри, съ какою силою пророкъ поражаетъ его, справедливо употребляя при обнаруженіи его притворства тягчайшее обличеніе. Потому, не удостоивая царя отвѣта, онъ обращается къ народу и говоритъ: *слышите доме Давидовъ: еда мало вамъ есть трудъ даяти человѣкомъ, и како даете Господеви трудъ?* Эти слова неясны; поэтому нужно обстоятельно разъяснить ихъ. Въ нихъ пророкъ говоритъ слѣдующее: развѣ мои эти слова?—развѣ мое опредѣленіе? Если не вѣрить людямъ напрасно и безъ причины жестоко и достойно осужденія, то гораздо болѣе—Богу. Итакъ *даяти трудъ* значитъ не что иное, какъ — *не вѣрить*. Развѣ малая вина, говоритъ, развѣ незначительна обида—не вѣрить людямъ? Но если это — жестоко, то гораздо болѣе—не вѣрить Богу.

---

[1] Καλέσουσι. Въ славянскомъ: *наречеши*. Ср. Матѳ. 1, 23.

5. Онъ говорилъ это для того, чтобы всѣ знали, что про-
83 рокъ не былъ обманутъ и судилъ не по сказаннымъ словамъ, но произносилъ опредѣленіе по мыслямъ въ душѣ Ахаза. Такъ поступалъ часто и Христосъ, по сказанію евангелій. Прежде, чѣмъ показывать какое-либо знаменіе, онъ обличалъ злобу іудеевъ, скрывавшуюся въ мысляхъ ихъ, и въ этомъ самомъ показывалъ не малое знаменіе,—какъ напр. Онъ поступилъ при исцѣленіи расслабленнаго. Когда Онъ сказалъ ему: *дерзай, чадо, отпущаются ти грѣси твои*, а они говорили въ себѣ: *сей хулитъ*, тогда Онъ, прежде, чѣмъ исцѣлить расслабленнаго, сказалъ: *вскую вы мыслите лукавая въ сердцахъ своихъ*, представивъ величайшее доказательство божества своего въ томъ, что Онъ знаетъ сокровенныя помышленія (Мат. IX, 2—4). *Яко Ты единъточію*, говоритъ Писаніе, *вѣси сердца* (3 Цар. VIII, 39). И Давидъ также говоритъ: *испытаяй сердца и утробы, Боже* (Пс. VII, 10). Вѣдѣніе этого Богъ часто сообщалъ и пророкамъ, чтобы слушатели знали, что сказанное ими было не человѣческое, но всякое опредѣленіе приносилось свыше, съ небесъ. Потому и этотъ громогласнѣйшій Исаія, бесѣдовавъ съ царемъ весьма кротко, возвѣстивъ избавленіе отъ бѣдствій, повелѣвъ не бояться за настоящее и представивъ ему доказательства этого открытіемъ намѣренія враговъ, обличеніемъ предательства, предсказаніемъ совершеннаго и всецѣлаго плѣненія Израиля и назначеніемъ времени, не ограничился этимъ, но идетъ далѣе и не ожидаетъ, чтобы царь самъ просилъ знаменія, но предлагаетъ ему, не желающему этого по крайнему невѣрію, и притомъ — не просто, но предоставляетъ выборъ на его волю; не говоритъ: такое и такое знаменіе, но: гдѣ хочешь. Господь богатъ, всемогуща сила Его, неизреченна власть; захочешь ли знаменія съ неба,—нѣтъ никакого препятствія; захочешь ли съ земли,—и этому ничто не препятствуетъ; таковъ смыслъ словъ: *во глубину, или въ высоту*. Но когда царь не убѣдился и этимъ, то пророкъ и тогда не замолчалъ, но, прибавивъ обличеніе для исправленія слушателя и для показанія того, что тотъ не обманулъ и не обольстилъ словами, открываетъ таинственное пророчество, которое послужитъ ко спасенію вселенной и исправленію всего, и говоритъ, что это знаменіе дается уже не Ахазу, но всему народу іудейскому. Сначала пророкъ обращалъ рѣчь къ нему, но когда онъ показалъ себя недостойнымъ, то обращается къ цѣлому народу. *Сего ради*, говоритъ, *дастъ Господь* не тебѣ, но *вамъ знаменіе. Вамъ*,—кому? Находящимся въ домѣ Давидовомъ: оттуда произошло это знаменіе. Какое же знаменіе? *Се дѣва во чревѣ зачнетъ и родитъ сына, и нарекутъ имя ему Еммануилъ*. Надобно помнить, какъ я выше сказалъ, что знаменіе

дается уже не Ахазу. А что это не догадка, можно видѣть изъ
того, что самъ пророкъ, сказавъ въ обличеніе и укоризну: *еда* 84
мало вамъ есть трудъ даяти человѣкомъ, присовокупилъ: *сего ради дастъ Господь вамъ знаменіе. Се дѣва во чревѣ зачнетъ*[1]). Если бы это была не дѣва, то не было бы и знаменія. Знаменіе должно выходить изъ общаго порядка вещей, превосходить обычный порядокъ природы, быть дивнымъ и необыкновеннымъ, такъ, чтобы каждый изъ видящихъ и слышащихъ замѣчалъ это. Потому оно и называется знаменіемъ, что заключаетъ въ себѣ нѣчто знаменательное; а знаменательнымъ оно не было бы, если бы не выходило изъ общаго порядка прочихъ вещей. Такъ и здѣсь,—если бы шла рѣчь о женѣ, рождающей по закону природы, то для чего пророкъ назвалъ бы знаменіемъ то, что бываетъ ежедневно? Потому и въ самомъ началѣ пророчества онъ не сказалъ: *се дѣва* (παρθένος), но: ἡ παρθένος, прибавленіемъ члена указывая намъ на нѣкоторую особенную, единственную Дѣву. А что такое прибавленіе выражаетъ именно это, можно видѣть и изъ евангелій. Когда іудеи послали къ Іоанну спросить: *ты кто еси*, то не говорили: ты ли *Христосъ* (Χριστὸς), но: ты ли ὁ Χριστός; и не говорили: ты ли *пророкъ* (προφήτης), но: ты ли ὁ προφήτης (Іоан. I, 19, 25)? Каждое изъ этихъ выраженій означало нѣчто особенное. Потому и въ началѣ Евангелія Іоаннъ не сказалъ: *въ началѣ бѣ Слово* (λόγος), но: *въ началѣ бѣ* ὁ λόγος, *и Слово* (ὁ λόγος) *бѣ къ Богу* (Іоан. I, 1). Такъ точно и здѣсь пророкъ не сказалъ: се παρθένος но: се ἡ παρθένος, и съ свойственнымъ пророку достоинствомъ: *се*, потому что онъ почти видѣлъ эти событія, представляя ихъ себѣ и имѣя полную увѣренность относительно сказаннаго. Пророки яснѣе нашихъ глазъ видѣли невидимое. Чувству свойственно обманываться; а благодать Духа сообщала непреложное рѣшеніе.

6. Но почему, скажешь, онъ не прибавилъ, что рожденіе будетъ отъ Духа Святого? Сказанное было пророчествомъ, и потому, какъ я часто говорилъ, нужно было возвѣщать прикровенно, по причинѣ неблагодарности слушателей, чтобы они, узнавъ все ясно, не сожгли всѣхъ книгъ. Если они не щадили пророковъ, то тѣмъ болѣе не пощадили бы ихъ писаній. А что сказанное мною не догадка, можно видѣть изъ того, что другой царь, при Іереміи, взявъ самыя книги, разрѣзалъ ихъ и предалъ огню (Іер. XXXVI, 23). Видишь ли невыносимое безуміе? Видишь ли безразсудный гнѣвъ? Онъ не удовольствовался тѣмъ, что изгладилъ письмена, но

[1]) Здѣсь св. І. Зл. употребляетъ выраженіе ἕξει, какъ въ алекс. код., а выше — λήψεται, какъ въ ват. Въ ев. Мѳ. II, 28, примѣнительно къ которому св. І. Зл. приводитъ эти слова, читается ἕξει.

сжегъ и книги, желая удовлетворить своей безумной страсти. Впрочемъ, хотя этотъ дивный пророкъ сказалъ прикровенно, но выразилъ все. Дѣва, оставаясь дѣвою, какъ иначе могла бы зачать, если не отъ Духа Святого? Превзойти законъ природы не могъ никто другой, кромѣ Творца природы. Такимъ образомъ, сказавъ, что родитъ дѣва, онъ выразилъ все. Возвѣстивъ о рожденіи, пророкъ называетъ и имя Рожденнаго, не то, которое дано Ему, но которое приличествуетъ Ему по дѣламъ. И Іерусалимъ онъ называетъ *градомъ правды*, хотя никогда онъ не назывался городомъ правды, но удостоился такого имени по дѣламъ, по причинѣ значительной перемѣны къ лучшему и защищенія справедливости (если *блудницею* пророкъ называетъ его не потому,
85 чтобы этотъ городъ когда-нибудь имѣлъ такое названіе, но приписываетъ ему это имя за порочность, то и послѣ этого называетъ его городомъ правды за добродѣтель—Иса. I, 21, 26). Тоже самое нужно сказать и о Христѣ, т. е. что пророкъ приписалъ Ему имя по дѣламъ. Дѣйствительно, тогда особенно Богъ былъ съ нами, когда Онъ явился на землѣ, обращался съ людьми и показалъ великое о насъ попеченіе. Не ангелъ и не архангелъ былъ съ нами, но самъ Господь нисшелъ и принялъ на Себя исправить все, бесѣдовалъ съ блудницами, возлежалъ съ мытарями, входилъ въ домы грѣшниковъ, подавалъ надежду на спасеніе разбойникамъ, привлекалъ волхвовъ, обозрѣвалъ и исправлялъ все, соединилъ съ Собою и самую природу. Все это предсказываетъ пророкъ, возвѣщая какъ о рожденіи, такъ и о неизреченныхъ и безпредѣльныхъ плодахъ этого рожденія. Когда Богъ съ людьми, то уже не должно ничего бояться и трепетать, но относительно всего быть увѣреннымъ, что̀ дѣйствительно и исполнилось. Древнія и неподвижныя преступленія разрѣшены, осужденіе всего рода человѣческаго уничтожено, силы грѣха сокрушены, власть діавола прекращена, рай, бывшій недоступнымъ для всѣхъ, отверзся сперва для человѣкоубійцы и разбойника, своды небесные раскрылись, человѣкъ соединился съ ангелами, наше естество вознеслось на престолъ царскій, темница ада сдѣлалась праздною, смерть по имени осталась, но въ существѣ дѣла уничтожилась, сонмы мучениковъ и жены сокрушили жало ада.

Провидя все это, пророкъ радовался и восхищался, и однимъ словомъ изобразилъ намъ это, предвозвѣстивъ намъ Еммануила. *Масло и медъ снѣсть, прежде, неже разумѣти Ему или избрати* злая, изберетъ благое [1]), *зане прежде, неже разумѣти Отро-*

[1]) Πρὶν ἢ γνῶναι αὐτὸν ἢ προελέσθαι πονηρὰ, ἐκλέξεται τὸ ἀγαθὸν, но въ ц.-сл.: *прежде неже разумѣти ему изволити злая, или избрати благое* (ср. т. Компл. полигл. πρὶν ἢ γνῶναι αὐτὸν προελέσθαι πονηρὰ ἢ ἐκλέξασθαι τὸ ἀγαθὸν).

чати благое или злое, отринетъ лукавое, еже избрати благое (ст. 15,
16). Такъ какъ рожденный Отрокъ былъ и не простымъ человѣ-
комъ, и не Богомъ только, но Богомъ въ человѣкѣ, то пророкъ
справедливо разнообразитъ свою рѣчь, высказывая то одно, то
другое, излагая дивное и не допуская, чтобы не вѣрили домо-
строительству Божію, по необычайности чуда. Когда онъ сказалъ,
что родитъ дѣва,— а это было выше природы,— и что рожденный
будетъ названъ Еммануиломъ,— а это также было выше разумѣ-
нія,— то, чтобы кто-нибудь, слыша объ Еммануилѣ, не впалъ въ
ересь Маркіона и въ болѣзнь Валентина касательно домострои-
тельства, онъ отдѣльно прибавляетъ и яснѣйшее доказательство
домостроительства, указывая на пищу. Что именно онъ говоритъ?
Масло и медъ снѣстъ. А это свойственно не Божеству, но нашей
природѣ. Потому Онъ не просто вселился въ человѣка, создан-
наго Имъ, но зачался, былъ носимъ во чревѣ въ теченіе девяти
мѣсяцевъ, переносилъ и рожденіе, и пелены, и пищу приличную
первому возрасту, чтобы всѣмъ этимъ заградить уста тѣмъ, ко-
торые дерзаютъ отвергать домостроительство (воплощенія Божія).
Такимъ образомъ пророкъ, издалека провидя это, говоритъ не
только о зачатіи и дивномъ рожденіи, но и о пищѣ перваго воз-
раста, которою Христосъ питался въ пеленахъ и которая ни-
сколько не отличалась отъ пищи прочихъ людей и не имѣла въ
сравненіи съ нею ничего особеннаго. У Него не все было от- 86
личное отъ насъ, и не все общее съ нами. То, что Онъ родился
отъ женщины, есть общее съ нами; а что Онъ родился отъ Дѣвы,
это — выше насъ. То, что Онъ принималъ пищу по обыкновен-
ному закону природы и одинаковому для прочихъ людей, есть
общее съ нами; а что этотъ храмъ былъ недоступенъ для грѣха,
и не испыталъ грѣха, это необыкновенно и дивно и свойственно
только Ему одному. Потому пророкъ и сказалъ о томъ и дру-
гомъ. Не послѣ испытанія зла, говоритъ, Онъ отсталъ отъ зла,
но еще прежде и отъ самаго начала являлъ всякую добродѣтель.
Объ этомъ и самъ Христосъ говорилъ: *кто отъ васъ обличаетъ
Мя о грѣсѣ?* И еще: *грядетъ сего міра князь и во Мнѣ не иматъ
ничесоже* (Іоан. VIII, 46; XIV, 30).

7. И этотъ самый пророкъ далѣе говоритъ: *беззаконія не со-
твори, ниже обрѣтеся лесть во устѣхъ Его* (Ис. LIII, 9). Тоже го-
воритъ онъ и здѣсь, т. е. прежде, чѣмъ этотъ Отрокъ будетъ въ
состояніи узнавать или отличать злое, съ самаго неопытнаго во
злѣ возраста, съ самаго рожденія Онъ станетъ являть добродѣ-
тель и не будетъ имѣть ничего общаго съ порокомъ. *Зане прежде
неже разумѣти Отрочати благое или злое, отринетъ лукавое, еже
избрати благое.* Опять тѣми же словами пророкъ выражаетъ ту

же мысль и останавливается на этомъ предметѣ. Такъ какъ сказанное имъ было весьма высоко, то повтореніемъ изъясненія онъ удостовѣряетъ въ его истинѣ. Тоже, что онъ выше сказалъ въ словахъ: *прежде, неже разумѣти ему* или *изволити злая*, онъ и далѣе выражаетъ въ словахъ: *прежде неже разумѣти Отрочати*, и прибавляетъ опять тѣ же выраженія: *благое или злое*, *отринетъ лукавое, еже избрати благое*. Это было особенно свойственно Ему одному. Потому и Павелъ постоянно повторяетъ тоже и Іоаннъ, увидѣвши Его, воскликнулъ эти слова: *се агнецъ Божій, вземляй грѣхи міра* (Іоан. I, 29). А кто взялъ на Себя грѣхи другихъ, тотъ самъ тѣмъ болѣе былъ безгрѣшенъ. И Павелъ, какъ я выше сказалъ, постоянно повторяетъ тоже. Такъ какъ Христу надлежало умереть, то, чтобы кто изъ невѣрующихъ не подумалъ, что Онъ былъ наказанъ за собственные грѣхи, апостолъ постоянно поставляетъ на видъ безгрѣшность Его, желая показать, что смерть Его есть искупленіе за наши грѣхи. Потому онъ и говоритъ: *Христосъ воста отъ мертвыхъ, ктому уже не умираетъ: еже бо умре, грѣху умре* (Рим. VI, 9, 10). И этой смерти, говоритъ, Онъ подвергся не какъ виновный, не за собственный грѣхъ, но за общій грѣхъ всѣхъ. Если же Онъ и прежде не подлежалъ смерти за какой-нибудь свой грѣхъ, то совершенно очевидно, что Онъ уже не умретъ. *И оставится земля, ея же ты боишися, отъ лица двухъ царей*. Что̀ часто дѣлаетъ пророкъ, тоже дѣлаетъ и здѣсь: послѣ пророчества онъ обращается къ историческимъ событіямъ. Такъ поступилъ онъ и въ сказаніи о серафимахъ, какъ мы ясно показали; такъ же поступилъ и здѣсь. Сказавъ о благахъ, уготованныхъ вселенной, онъ теперь обращаетъ рѣчь къ царю. Потому и продолжаетъ: *и оставится земля*. Что значитъ: *оставится?* Будетъ неприкосновенною, будетъ свободною, не испытаетъ непріятнаго, не подвергнется бѣдствіямъ войны. *И оставится земля, ея же ты боишися*, за которую страшишься, за которую трепещешь, *отъ лица двухъ царей*, т. е. *дамаскаго и израильскаго*. Далѣе, чтобы царь отъ предсказанія о благахъ не сдѣлался болѣе безпечнымъ и вслѣдствіе мира не сдѣлался болѣе нерадивымъ,
87 пророкъ опять возбуждаетъ его душу, говоря: *но наведетъ Господь на тя, и на люди твоя, и на домъ отца твоего дни, иже еще не пришли, отъ дне, въ онь же отъя Ефрема отъ Іуды, царя Ассирійска* (ст. 17). Этими словами онъ возвѣщаетъ нашествіе иноплеменниковъ, которые разрушили городъ до основанія и, взявъ жителей въ плѣнъ, ушли; возвѣщаетъ не для того, чтобы это случилось, но чтобы они, вразумившись страхомъ, отклонили отъ себя угрожавшее бѣдствіе. Но такъ какъ они ни отъ благъ, которыми не по достоинству пользовались, не сдѣлались луч-

шими (а что дѣйствительно они пользовались ими не по достоинству, видно изъ душевнаго расположенія царя и крайняго его невѣрія), ни отъ угрозъ страшными событіями не исправились, но упорно противились и тому и другому полезному врачеству, то пророкъ наконецъ употребляетъ глубочайшее сѣченіе, чтобы истребить гнилую рану и отсѣчь неисцѣльно больные члены. Что же значитъ: *отъ дне, въ онь же отъя Ефрема отъ Іуды, царя Ассирійска?* Иноплеменники сдѣлали нападеніе, чтобы увести всѣхъ ихъ; но потомъ, оставивъ Іуду и два колѣна, обратились противъ Израиля. Такимъ образомъ слова его означаютъ слѣдующее: съ того дня, когда десять колѣнъ привлекутъ къ себѣ войско иноплеменниковъ, отвлекши его отъ васъ, по своимъ крайне великимъ грѣхамъ, и, привлекши ихъ къ себѣ, будутъ уведены, съ того дня нужно будетъ и вамъ бояться и страшиться. Простираясь далѣе, они нападутъ и на васъ, если вы не исправитесь. *Отъ дне* того, говоритъ, *наведетъ* ихъ Господь. Не въ тоже время, когда уведены израильтяне, взяты были и эти, но спустя немного времени.

8. Такимъ образомъ, по смыслу словъ пророка, Богъ тогда же навелъ бы эти дни, но Онъ медлилъ и долготерпѣлъ, хотя грѣхи ихъ по своей важности требовали тогда же наказанія, какъ Онъ и часто дѣлаетъ, т. е. медлитъ и отстрочиваетъ при наступленіи назначеннаго дня. Это служитъ съ одной стороны величайшимъ свидѣтельствомъ Его человѣколюбія, а съ другой яснѣйшимъ доказательствомъ неблагодарности тѣхъ, которые не хотятъ надлежащимъ образомъ пользоваться Его человѣколюбіемъ. Такъ и здѣсь пророкъ говоритъ, что уже тогда постановлено опредѣленіе, уже тогда былъ гнѣвъ Божій, чтобы, представивъ близость наказанія, расположить къ раскаянію, сдѣлать ихъ лучшими, и по взятіи десяти колѣнъ привести остальныя два въ уныніе, чтобы они не сдѣлались болѣе безпечными, послѣ плѣненія однихъ и избѣжанія плѣна другими. *И будетъ въ той день: позвиждетъ Господь мухамъ, яже владѣютъ частію рѣки Египетскія* (ст. 18). Видишь ли, какъ ненапрасно я говорилъ, что онъ, желая усилить въ нихъ страхъ, произноситъ угрозу съ того же дня? Это доказываютъ послѣдующія слова, которыми онъ увеличиваетъ страхъ, представляя имъ войска, которыя были для нихъ весьма страшны, объясняя легкость нашествія враговъ, что крайне могло тронуть ихъ, и указывая на множество войска, что особенно поражало ихъ умъ. Все это онъ выразилъ послѣдующими словами. Посмотри: *и будетъ,* говоритъ, *въ той день: позвиждетъ Господь мухамъ.* Мухами здѣсь онъ называлъ египтянъ по ихъ наглости и безстыдству, потому, что они,

будучи постоянно прогоняемы, постоянно вновь нападали и не давали ни малѣйшаго отдыха, но часто причиняли іудеямъ мно-
88 жество безпокойствъ, безпрестанно приставая къ нимъ во время несчастія, какъ мухи къ ранамъ. Ихъ, говоритъ, приведетъ Богъ. Впрочемъ не сказалъ: приведетъ, а: *позвиждетъ*, выражая легкость ихъ нашествія и непобѣдимость силы Божіей, для которой достаточно одного мановенія, и все совершается. Справедливо пророкъ угрожаетъ имъ напередъ такими врагами, которыхъ нападеніе они уже испытали. *И пчелѣ, яже есть во странѣ ассирійстѣй*. Въ сирскомъ и еврейскомъ текстѣ, какъ говорятъ, сказано не *пчелѣ*, но *осамъ* (σφῆκας). Такъ какъ этихъ враговъ они еще не очень испытали, то сравненіемъ съ такимъ насѣкомымъ пророкъ внушаетъ имъ великій страхъ, выражая названіемъ этого насѣкомаго ихъ силу, стремительность, мстительность, тяжесть ранъ, скорость прибытія, трудность остеречься отъ нихъ. *И пріидутъ вси и почіютъ въ дебрехъ страны, и въ пещерахъ каменныхъ, и въ вертепахъ, и во всякой разсѣлинѣ, и во всякомъ древѣ* (ст. 19). Сказавъ, какъ тѣ народы страшны и какъ войско ихъ быстро, онъ говоритъ теперь и объ ихъ множествѣ. Не сказалъ: ополчатся, но: *почіютъ*, какъ бы не въ непріятельскую страну прибывъ, но наслаждаясь въ собственной, и какъ бы не на утомленіе и труды приготовившись, но выступая на явную побѣду и собирая готовую добычу. Потому онъ говоритъ: *пріидутъ и почіютъ*, что свойственно тѣмъ, которые побѣдили, воздвигли трофей и послѣ многихъ подвиговъ и убійствъ отдыхаютъ. Они будутъ отдыхать не только на поляхъ, но, по безчисленному множеству ихъ, страна недостаточна будетъ для помѣщенія тѣлъ ихъ, и потому тѣлами иноплеменниковъ покроютъ пропасти, и скалы, и горы, и лѣса, и все. Если бы они были не такъ сильны и не такъ быстры, то многочисленности ихъ достаточно было бы для пораженія іудеевъ; но когда соединяется и то и другое, и и такая многочисленность и такая сила, и,—что всего тяжелѣе,—когда гнѣвъ Божій предводительствуетъ ими,—тогда какая остается надежда на спасеніе? Впрочемъ выраженіе: *во всякой разсѣлинѣ, и во всякомъ древѣ*, сказано преувеличенно. Конечно, не на деревьяхъ они будутъ отдыхать, но здѣсь, какъ я сказалъ, пророкъ допускаетъ и преувеличеніе, и вмѣстѣ продолжаетъ сравненіе съ осами.

Въ день оный обріетъ Господь бритвою наятою (ст. 20). Внушивъ сильный страхъ войсками непріятелей, пророкъ еще болѣе усиливаетъ его, обращаясь къ небу, и показывая, что не какіе-нибудь иноплеменники, египтяне и персы, но Богъ ведетъ войну противъ іудеевъ. *Бритвою* здѣсь онъ называетъ невыносимый

гнѣвъ Божій, противъ котораго никто не можетъ устоять, который легко настигаетъ и истребляетъ. Какъ волосы на тѣлѣ не могутъ устоять противъ острія бритвы, но тотчасъ уступаютъ и падаютъ, такъ точно, говоритъ онъ, и дѣла іудейскія не могутъ устоять противъ гнѣва Божія.

9. Такимъ образомъ *бритва наятая* показываетъ намъ сильный, полный гнѣвъ Божій, окончательное опредѣленіе Его. А выраженіе: *объ ону страну рѣки царя ассирійска* значитъ: по ту сторону Ефрата,—потому что Іудея и вся Палестина отъ Персіи 89
лежала по другую сторону этой рѣки. Все это, говоритъ пророкъ, Господь совершенно *отъиметъ*. А называя голову, волосы, бороду и ноги, Онъ называетъ всю страну въ формѣ сравненія съ тѣломъ, обнимая словомъ всю ихъ страну, какъ онъ говорилъ и въ началѣ: *всякая глава въ болѣзнь, и всякое сердце въ печаль: отъ ногъ даже до главы нѣсть въ немъ цѣлости* (Иса. I, 5, 6), разумѣя не одного человѣка, но сравнивая всю страну съ однимъ тѣломъ. Тоже онъ говоритъ и здѣсь, т. е., что вся земля подвергнется тяжкому наказанію. Одно онъ выразилъ *бритвою*, а другое подобіемъ тѣла, объясняя, что угрожающее опредѣленіе Божіе, тяжелѣе всякой бритвы, истребитъ и людей и произведенія земли, и оставитъ ее обнаженною и пустынною. Далѣе онъ изображаетъ это запустѣніе другимъ сравненіемъ, и дѣлаетъ это для того, чтобы въ нихъ страхъ остался всегда живымъ, и скорбь не ослабѣла отъ продолжительности рѣчи. Людямъ невнимательнымъ кажется, что слѣдующія слова содержатъ обѣщаніе нѣкоторыхъ благъ; но обстоятельно вникающіе знаютъ, что въ нихъ изображается великое запустѣніе. Въ самомъ дѣлѣ, что онъ говоритъ? *И будетъ въ той день, кормити будетъ человѣкъ юницу отъ воловъ и двѣ овцы: и будетъ отъ множества творенія млечнаго снѣсть масло, яко*[1] *масло и медъ снѣсть всякъ оставшійся на земли* (ст. 21, 22). Здѣсь, какъ я выше сказалъ, изображается великое запустѣніе. Земля, производящая пшеницу и ячмень, будучи лишена людей, представитъ обильное пастбище для овецъ, и столь обильное, что по избытку корма даже двѣ овцы и одна телка будутъ въ состояніи доставить владѣльцу ихъ источники молока. Такимъ образомъ избытокъ корма для безсловесныхъ служитъ величайшимъ доказательствомъ недостатка людей. Тоже означаетъ и медъ: пчелы обыкновенно любятъ обитать въ пустыняхъ, гдѣ онѣ находятъ обильную пищу и гдѣ никто не безпокоитъ ихъ. А чтобы ты убѣдился, что здѣсь изображается

[1] Слова: φάγεται βούτυρον· ὅτι не читаются въ алекс. код. и ват. т., а потому не перевод. и въ ц.-сл.

великое запустѣніе, служать дальнѣйшія слова. *И будетъ въ той день* [1], *идѣже аще будетъ тысяща лозъ винограда по тысящи сикль, въ лядину будетъ и въ терніе: со стрѣлою и лукомъ внидутъ тамо, яко лядиною и терніемъ будетъ вся земля* (ст. 23, 24). И это служитъ знакомъ великаго бѣдствія, что не только горы и лѣса, но и пахатная и тщательно обработываемая земля приноситъ терніе. Пророкъ не напрасно означилъ цѣну винограда, но чтобы показать и свойство земли и великое прилежаніе земледѣльцевъ. Между тѣмъ и эту землю, говоритъ, столь плодородную и обработанную руками земледѣльцевъ, Богъ обратитъ въ такую пустыню, что она будетъ производить терніе вмѣсто винограда и внушать такой страхъ проходящимъ, что никто не посмѣетъ вступать на нее обнаженнымъ и безоружнымъ. Это говоритъ онъ, желая показать и пустынность мѣста, и множество живущихъ тамъ звѣрей. Потрясши такимъ образомъ умъ слушателей и произведши въ нихъ сильный страхъ, пророкъ опять нѣсколько смягчаетъ рѣчь, прибавляя и пріятное, и перемѣну къ лучшему, чтобы они и изъ того и изъ другого познали силу Божію. Но на страшномъ онъ останавливается долго, а пріятное, сказавъ, тотчасъ оставляетъ. Почему? Потому, что они тогда особенно нуждались во врачествѣ угрозы; поэтому-то, изложивъ ее пространно, онъ потомъ, желая дать имъ нѣкоторый отдыхъ и такимъ образомъ
90 опять призвать къ добродѣтели, прибавляетъ и пріятное: *и всяка*, говоритъ, *гора оремая возорется* (ст. 25). Какъ во время гнѣва Божія и плодородная земля сдѣлается пустынею, такъ наоборотъ, по умилостивленіи Его, и грубая покажетъ свойства земли тучной, принявъ плугъ и сѣмена. А когда это совершится, тогда будетъ и все, слѣдующее отсюда,—миръ и безопасность, увѣренность и безбоязненность, какъ было прежде. *Не найдетъ*, говоритъ, *тамо страхъ: будетъ отъ лядины и отъ тернія въ паству овцамъ и въ попраніе волу*. Этимъ онъ опять указываетъ на благополучіе, какъ и далѣе онъ говоритъ: блаженъ сѣющій [2] *при всякой водѣ, идѣже волъ и оселъ попираетъ* (Иса. XXXII, 20). Какъ тогда, когда онъ желаетъ изобразить запустѣніе, онъ представляетъ въ рѣчи своей *сириновъ* и *онокентавровъ* (Иса. XIII, 21, 22), такъ тогда, когда желаетъ изобразить миръ и безопасность, всегда представляетъ животныхъ кроткихъ, ручныхъ и содѣйствующихъ намъ въ земледѣліи, выражая чрезъ нихъ то, что отъ нихъ происходитъ,—воздѣлываніе земли и прочее ихъ служеніе.

---

[1]) Слѣдующія далѣе въ греч. сп. слова: πᾶς τόπος, *всяко мѣсто* у св. І. Зл. не читаются.

[2]) Въ ц.-сл., согласно алекс. и ват. код.: *блажени сѣющіи*.

ГЛАВА VIII.

И рече Господь ко мнѣ: пріими себѣ свитокъ книжный [1]) новъ великъ, и напиши въ немъ писаломъ человѣчимъ, еже скоро плѣненіе сотворити корыстей, приспѣ бо; и свидѣтели Мнѣ сотвори, вѣрны человѣки, Урію іерея, и Захарію сына Варахіина. И приступихъ ко пророчицѣ, и во чревѣ зачатъ, и роди сына, и рече Господь мнѣ: нарцы имя ему: скоро плѣни, нагло расхити. Зане прежде неже разумѣти отрочати назвати отца или матерь, пріиметъ силу Дамаскову и корысти Самарійскія предъ царемъ Ассирійскимъ (Ис. VIII, 1—4).

1. Эти два повелѣнія буквально, по видимому, различны и не имѣютъ между собою ничего общаго; но кто тщательно вникнетъ въ силу мыслей, тотъ увидитъ, что они весьма сродны и имѣютъ одну цѣль. Впрочемъ напередъ нужно сказать, для чего пророчества введены въ человѣческую жизнь. Итакъ нужно сказать: для чего введены они? Богъ обыкновенно отсрочиваетъ и медлитъ наказывать грѣшниковъ, между тѣмъ какъ бываетъ скоръ и быстръ на благодѣянія добродѣтельнымъ. Это, т. е. то, что наказаніе слѣдуетъ не непосредственно за преступленіями, людей болѣе безпечныхъ располагаетъ къ паденію. Потому Богъ, чтобы показать Свое долготерпѣніе и чтобы люди не сдѣлались отъ этого болѣе безпечными, употребляетъ врачество пророчества, научая грѣшниковъ не самыми наказаніями, но до времени только предсказаніемъ о нихъ, чтобы они, въ случаѣ, если, выслушавъ угрозы, сдѣлаются лучшими,—отклонили отъ себя дѣйствительное наказаніе; а если останутся безчувственными, то Онъ подвергнетъ ихъ наказанію. Діаволъ же, видя это и понимая, сколь великая происходитъ отсюда польза, посылалъ лжепророковъ, которые говорили противъ пророковъ, угрожавшихъ голодомъ, язвами, войнами, нашествіемъ иноплеменниковъ, и возвѣщали благопріятное. Какъ Богъ страшными словами хотѣлъ отклонить наказаніе на самомъ дѣлѣ, такъ діаволъ производилъ противное: благопріятными словами разслабляя и дѣлая людей болѣе безпечными, онъ дѣлалъ необходимымъ наказаніе на самомъ дѣлѣ. 91

[1]) χάρτου, опущенное въ ват. т. и комплют. полигл., потому оставл. безъ перев. и въ ц.-сл.

Потомъ, когда вѣровавшіе лжепророкамъ и нисколько не радѣвшіе о добродѣтели, но оставшіеся при своихъ грѣхахъ, навлекали на себя наказаніе, и конецъ дѣла показывалъ истинность пророковъ и обличалъ лживость лжепророковъ, діаволъ опять употреблялъ другое средство для погибели предающихся ему. Онъ убѣждалъ людей легко обольщаемыхъ, что случившіяся бѣдствія произошли отъ гнѣва бѣсовъ, которыхъ они пренебрегали и презирали. Потому Богъ, для уничтоженія такого обмана, предвозвѣщаетъ людямъ за много лѣтъ прежде то, что случится впослѣдствіи, особенно же имѣющія быть бѣдствія, чтобы обольщающіе ихъ не могли приписать случившагося гнѣву бѣсовъ. А что я говорю это не по догадкамъ, послушай Исаію, который говоритъ: *вѣмъ, яко жестокъ еси, и жила желѣзна выя твоя, и чело твое мѣдяно. И возвѣстихъ ти, яже древле, да не когда речеши, яко идоли мнѣ сія сотвориша* [1], *и изваянная и слiянная* сотвориша [2]) *мнѣ. Ниже разумѣлъ еси,* ниже слышана быша тебѣ [3] (Иса. XLVIII, 4—8). Такъ какъ они, — какъ я сказалъ и какъ можно видѣть изъ приведеннаго свидѣтельства, — приписывали бѣдствія бѣсамъ, то пророчество предварительно разрушаетъ этотъ обманъ, предсказывая объ нихъ за много лѣтъ. Но такъ какъ и послѣ того неблагодарные могли сказать: вы не предсказывали, мы прежде не слыхали, вы теперь выдумали это послѣ событій, вы не знали будущаго, откуда видно, что объ этомъ уже было сказано? — то смотри, какъ ясно и неопровержимо Богъ обличаетъ ихъ, заграждая безстыдныя уста. Онъ не только позволяетъ пророку сказать, но повелѣваетъ и написать сказанное на свиткѣ, и не просто написать,—чтобы тѣ не могли сказать, будто пророкъ выдумалъ это послѣ событій, — но призвать и свидѣтелей письменъ и мужей достовѣрныхъ какъ по званію своему, такъ и по образу жизни. *И свидѣтели,* говоритъ, *Мнѣ сотвори, вѣрны человѣки, Урію іерея, и Захарію,* чтобы, когда это исполнится и станутъ говорить, что объ этомъ не было сказано за много лѣтъ, представленный свитекъ и присутствующіе свидѣтели заградили уста безстыдныхъ. Потому онъ и говоритъ: *пріими свитокъ новъ,* чтобы онъ по ветхости не погибъ, но чтобы оставался на долгое время и своими письменами обличалъ ихъ.

---

[1]) Слѣдующ. далѣе въ греч. сп. словъ: καὶ μὴ εἴπῃς = *и не рцы* св. I. Зл. не читалъ.

[2]) Вмѣсто ἐποίησεν, въ ал. и ват. код. читается ἐνετείλατο, почему въ ц.-сл.: *заповѣдаша.*

[3]) Слова: οὔτε ἀκουστά σοι ἐγένετο не читаются въ греч. сп., а потому не перевед. и въ ц.-сл.

И напиши нань писаломъ человѣчимъ, т. е. тростію, то, что имѣетъ случиться. Что же имѣло случиться? Война, побѣда иноплеменниковъ, взятіе въ плѣнъ, расхищеніе добычи. Все это, говоритъ, ты напиши. *Еже скоро плѣненіе сотворити корыстей, присно бо.* Что значитъ: *присно бо?* Это слово выражаетъ двѣ слѣдующія мысли: ту, что важность грѣховъ ихъ тогда уже требовала наказанія и наказаніе уже было при дверяхъ, но Богъ медлилъ, желая Своимъ долготерпѣніемъ исправить ихъ и отклонить наказаніе,—и ту, что для Него легко и удобно употребить только мановеніе и все привести въ исполненіе. Такъ какъ рѣчь шла объ иноплеменникахъ, имѣвшихъ сдѣлать нападеніе, то онъ говоритъ: не думайте, что отдаленность пути и многочисленность войска могутъ сколько-нибудь замедлить дѣло, какъ это обыкновенно бываетъ у людей.

2. Находящійся вдали стоитъ предъ Богомъ. Потому для 92
Бога легко и удобно въ одинъ мигъ и въ одно мгновеніе времени тотчасъ привести и представить враговъ съ крайнихъ предѣловъ земли, хотя бы эти враги и были многочисленными. *И свидѣтели Мнѣ сотвори, вѣрны человѣки, Урію іерея, и Захарію, сына Варахіина.* Свидѣтелей чего? Времени, такъ что, если письмена будутъ подвергаться порицанію, то живые люди, присутствовавшіе тогда, когда это было писано, и ясно знавшіе время, когда это было сказано, могли бы заградить уста рѣшающимся безстыдствовать. Такого же содержанія и дальнѣйшія слова, производящія яснѣйшее обличеніе. Какъ и какимъ образомъ? Выслушаемъ самыя слова. Приступилъ, говоритъ пророкъ, *ко пророчицѣ.* Такъ онъ назвалъ свою жену, можетъ быть, потому, что и она была удостоена пророческаго Духа. Благодатные дары простирались не на мужей только, но нисходили и на женскій полъ. Въ дѣлахъ духовныхъ бываетъ не такъ, какъ въ житейскихъ нуждахъ, въ которыхъ роды занятій раздѣлены, и одни изъ нихъ принадлежатъ мужчинамъ, а другіе женщинамъ, такъ что не могутъ перемѣняться между собою: въ дѣлахъ духовныхъ—равные подвиги и общіе вѣнцы. Это съ ясностію можно видѣть и въ новомъ завѣтѣ и во всей человѣческой жизни. Итакъ, совокупившись съ женою по закону брака, пророкъ сдѣлалъ ее беременною, и когда родился младенецъ, нарекъ ему имя новое и необыкновенное, содержащее въ себѣ исторію будущихъ событій, Что именно сказалъ Господь? *Нарцы имя ему: скоро плѣни, нагло расхити*, чтобы, если не повѣрятъ письменамъ, заключающимся въ свиткѣ, то названіе младенца, содержащее въ себѣ исторію будущихъ событій, данное прежде ихъ исполненія и постоянно повторяемое во всякое время, заградило уста самыхъ безстыдныхъ.

Въ томъ, что пророкъ не выдумалъ это послѣ исполненія событій, но предвидѣлъ ихъ свыше, могли убѣдиться даже самые неблагодарные противники, видя самого младенца, получившаго еще прежде исполненія событій такое названіе, которое предвозвѣщало будущія бѣдствія. Потому онъ и объясняетъ силу пророчества и съ точностію опредѣляетъ время въ слѣдующихъ словахъ: *зане прежде, неже разумѣти отрочати назвати отца или матерь, пріиметъ силу Дамаскову и користи Самарійскія предъ царемъ Ассирійскимъ*. Смыслъ этихъ словъ слѣдующій: во время его незрѣлаго возраста, когда онъ еще не въ состояніи говорить, совершатся дѣла побѣды и трофеевъ, не въ томъ смыслѣ, будто самъ младенецъ сможетъ вступить въ бой и поразить непріятелей, но въ томъ, что въ теченіе этого возраста, т. е., прежде, нежели младенецъ станетъ говорить, все будетъ предано врагамъ. *И приложи Господь глаголати ко мнѣ еще* [1]): *понеже не восхотѣша людіе сіи воды Силоамли, текущія тихо, но восхотѣша имѣти Рассона и сына Ромеліева царя надъ вами: сего ради се возводитъ Господь на вы воду рѣки сильну и многу, царя Ассирійска* (ст. 5—7). Какъ обычно у Бога,—что Онъ не только предсказываетъ наказанія, но излагаетъ и причины ихъ, чтобы и этимъ вразумить слушателей,—такъ Онъ поступаетъ и здѣсь. Сказавъ о разграбленіи земли иноплеменниками и о добычѣ и предсказавъ о нашествіи враговъ, онъ приводитъ и причину войны. Какая же это при-
93 чина? Неблагодарность жителей города. Такъ какъ они, говоритъ, имѣя царя привѣтливаго, кроткаго и тихаго, отложились отъ него и пожелали притѣснителей и рѣшились перейти подъ чуждую власть, не соблюдая собственнаго благополучія, то Я исполню ихъ желаніе съ великимъ избыткомъ, приведши къ нимъ человѣка грубаго и жестокаго. Онъ употребляетъ переносныя выраженія для означенія какъ нрава туземнаго царя, такъ и силы иноплеменника, и дѣлаетъ это для того, какъ я всегда говорилъ, чтобы придать словамъ своимъ больше выразительности. Потому онъ и говоритъ: *понеже не восхотѣша воды Силоамли*, разумѣя не воду, но такъ какъ этотъ источникъ течетъ медленно и тихо, то Онъ сравниваетъ съ тихимъ теченіемъ воды тихій и кроткій нравъ тогдашняго царя, и называетъ его Силоамомъ по его незлобію и кротости. А это служитъ величайшимъ обвиненіемъ для подвластныхъ, что они, находясь подъ игомъ не тяжкимъ, домогались новизны и хотѣли предаться царямъ чуждымъ. Такъ какъ они, говоритъ, не хотятъ царя кроткаго и тихаго, но

[1]) По ц.-сл. далѣе слѣдуетъ слово: *глаголя* = λέγων, согласно съ компиют. полигл. и нѣк. гр. сп.

желаютъ Расина и сына Ромеліева, то я наведу на нихъ царя вавилонскаго; и стремительное нападеніе войска его называетъ водою рѣки *многою и сильною*.

8. Потомъ, объясняя переносное выраженіе, пророкъ говоритъ: *царя Ассирійска*. Видишь ли, какъ несомнѣннымъ оказывается сдѣланное нами прежде замѣчаніе, что при переносныхъ выраженіяхъ Писаніе обыкновенно объясняетъ само себя? Такъ точно онъ поступаетъ и здѣсь. Сказавъ о рѣкѣ, онъ не остановился на этомъ переносномъ выраженіи, но сказалъ, о какой рѣкѣ онъ говоритъ, именно: *царя Ассирійска и* всю [1]) *славу его. И взыдетъ на всяку дебрь вашу, и обыдетъ всяку стѣну вашу, и отъиметъ отъ іудеи человѣка, иже возможетъ главу воздвигнути, или могущаго что совершити: и будетъ полкъ его, во еже наполнити ширину страны твоея* (ст. 7, 8). Желая показать, что не человѣческою силою, но Божіимъ гнѣвомъ совершится сказанное, пророкъ описываетъ царя ассирійскаго не врагомъ, нападающимъ войною, но идущимъ какъ бы на готовую добычу. Онъ не остановится, говоритъ, и не будетъ ополчаться, но множествомъ людей покроетъ лице земли и займетъ ее легко. Впрочемъ, и въ этомъ гнѣвѣ много человѣколюбія. Пророкъ не угрожаетъ разрушеніемъ города ихъ, но предсказываетъ нѣкоторый плѣнъ и отведеніе, желая наказаніемъ отведенныхъ сдѣлать оставшихся болѣе благоразумными. *И отъиметъ*, говоритъ, *отъ Іудеи человѣка, иже возможетъ главу воздвигнути*, т. е. людей, имѣющихъ власть, руководящихъ и 94
управляющихъ всѣмъ, развращающихъ народъ, Онъ сдѣлаетъ плѣнниками и рабами, такъ что низшіе тогда нѣсколько отдохнутъ, и какъ отъ страшной участи отведенныхъ, такъ и отъ безопасности собственной свободы, сдѣлаются лучшими. Потому и говоритъ: *могущаго что совершити*, т. е. сильнаго, имѣющаго возможность дѣйствовать, могущаго сдѣлать что-нибудь. И еще прежде отведенія, говоритъ, иноплеменникъ самымъ видомъ своимъ достаточно поразитъ васъ, наполнивъ всю землю тѣлами непріятелей. Потому и прибавляетъ: *и будетъ полкъ его, во еже наполнити ширину страны твоея. Съ нами Богъ. Разумѣйте языцы, и покаряйтеся, услышите даже до послѣднихъ земли, могущіи покаряйтеся: аще бо паки возможете, паки побѣждени будете. И иже аще совѣтъ совѣщаете, разоритъ Господь, и слово, еже аще возглаголете, не пребудетъ въ васъ, яко съ нами Богъ* (ст. 9, 10). Здѣсь, мнѣ кажется, пророкъ предсказываетъ побѣду Езекіи, этотъ славный трофей, и причину побѣды. Хотя у враговъ, говоритъ, и

---

[1]) Слово *πᾶσαν* = *всю*, въ ал. код. и ват. т. не читается, потому не перев. и въ ц.-сл.

оружіе, и безчисленное войско, и воинская опытность, но съ нами помощь сильнѣе всего, т. е. Богъ. И дѣйствительно, иноплеменникъ пришелъ, какъ пророкъ угрожалъ прежде, и, взявъ многіе города, удалился; но когда онъ послѣ того сдѣлалъ нападеніе, то испыталъ противное. Это и предсказываетъ пророкъ, возвѣщая и Виновника побѣды и обращая рѣчь къ самимъ иноплеменникамъ. Не надѣйтесь, говоритъ, на свою прежнюю побѣду; при настоящемъ нападеніи намъ явилась великая помощь; узнайте же это, и отступите, какъ покушающіеся на невозможное. Далѣе, указывая на Виновника этой побѣды и на то, что слава о такихъ дѣлахъ распространится до крайнихъ предѣловъ земли, говоритъ: *услышите даже до послѣднихъ земли*. И дѣйствительно, не было никого, кто не слыхалъ бы о тогдашнихъ событіяхъ въ Іерусалимѣ. Потому онъ говоритъ: *услышите даже до послѣднихъ земли, могущіи покаряйтеся*. Этотъ иноплеменникъ тогда пріобрѣлъ весьма большую славу своимъ могуществомъ. Впрочемъ *могущими* онъ называетъ здѣсь не только крѣпкихъ тѣлесною силою, но и отличающихся обиліемъ богатства и великолѣпіемъ славы. *Аще бо паки возможете и паки побѣждени будете. И иже аще совѣтъ совѣщаете, разоритъ Господь, и слово, еже аще возглаголете, не пребудетъ въ васъ, яко съ нами Богъ*. Такъ какъ замыслы ихъ были порочны, и они надѣялись разрушить самый городъ до основанія, и такимъ образомъ возвратиться домой, то пророкъ обнаруживаетъ замыслы ихъ и говоритъ, что все это ограничится только словами. Далѣе, такъ какъ онъ возвѣщалъ о дѣлахъ, превышающихъ природу человѣческую, то, желая сдѣлать слова свои достовѣрными, онъ постоянно обращается къ достоинству Совершающаго ихъ и говоритъ: *яко съ нами Богъ*; Онъ самъ разрушитъ всѣ эти козни; Ему слава...

ГЛАВА VIII [1]).

Ст. 11. 12. *Тако глаголетъ Господь* не покоряющимся крѣпости 124
руки (Его): т. е. невѣрующимъ іудеямъ, не повиновавшимся Его законамъ. Путемъ людей сихъ не глаголите, да не когда речете ложная, или хульная, или жестокая: *вся бо, еже рекутъ людіе сіи, жестоко есть*,—или, какъ выражается другой переводчикъ, Симмахъ, возстаніе (ἄνταρσις),—т. е.: развѣ словами только приводится къ концу споръ? Подобнымъ образомъ говорилъ иноплеменникъ: *еда совѣтомъ и словесы устными битва бываетъ?* (Ис. xxxvi, 5). Не обращайтесь къ нимъ со словами угрозы, чтобы они не думали, что въ состояніи совершить что-либо, такъ какъ говорить гнѣвно свойственно иноплеменникамъ. *Страха же ихъ не убойтеся*. Я запрещаю вамъ угрожать имъ не потому, что вамъ должно бояться ихъ; не произнося угрожающихъ словъ, вы однако не бойтесь ихъ, *ниже возмятитеся*.

13. *Господа, того освятите, и той будетъ* вамъ *въ страхъ*. Что же значитъ: *Господа, того освятите?* (Святить Господа) значитъ имѣть надежду только на Него, прославлять Его, главнымъ образомъ славиться Имъ, бояться Его, чтобы, воздавая Ему честь, не бояться другихъ. *И аще будеши уповая на Него, будетъ тебѣ во освященіе, и не якоже о камень претыканія* преткнетеся, *ниже яко о камень паденія*: нелегко могутъ подвергнуть васъ скорби грядущія событія.

14. 15. *Домове же Іаковли въ пругль, и въ раздоліи сѣдящіи во Іерусалимѣ*. Этими словами онъ пророчествуетъ объ устроите-

---

[1]) Объясненіе св. Іоанна Златоуста на послѣдующія главы книги пророка Исаіи, начиная съ 11-го ст. VIII-й гл. до LXIV-й гл. включительно, на греческомъ языкѣ не сохранилось, по крайней мѣрѣ учеными патрологами не найдено, но сохранилось на армянскомъ языкѣ и было издано въ Венеціи въ 1887 г. мехитаристами въ латинскомъ переводѣ. По переводу и изданію мехитаристовъ сдѣланъ и нашъ переводъ въ этой части объясненія св. Іоанна Златоуста на книгу пророка Исаіи. На поляхъ указаны соотвѣтствующія страницы латинскаго перевода мехитаристовъ.

ляхъ осады, которые намѣрены были окружить ихъ. *Сего ради изнемогутъ* въ немъ *мнози, и падутъ* и къ сокрушенію *приближатся*, и мужи въ рабство ведени будутъ; въ рабство же они будутъ
125 отведены потому, что взяли внѣшніе города. Не думайте, говоритъ, что всѣ спасутся, такъ какъ, если есть что-либо лучшее въ городѣ, то не по причинѣ храма, а по причинѣ жителей. А для того, чтобы кто-либо не подумалъ, что гибель или спасеніе будутъ общими, онъ прибавляетъ слѣдующія слова:

16. *Тогда*, говоритъ, *явлени будутъ* печатлѣющіися, *еже не учитися* закону,—т. е., обнаружатся возстающіе противъ законовъ, обитатели внѣшнихъ городовъ: какъ въ (вавилонской) печи опалило тѣхъ; которые находились внѣ ея, а тѣмъ, которые находились внутри, не причинило вреда, тоже самое произойдетъ и тамъ.

17. *И речеши: пожду Бога, отвращшаго лице Свое отъ дома Іаковля, и уповая буду нань.* Что ты говоришь? Ты будешь ждать Того, Кто другихъ отвелъ въ плѣнъ? Конечно, говоритъ, Его, и говоритъ правильно, чтобы и другіе научились терпѣнію, иначе и они будутъ подвержены тому же наказанію. Это именно слово учитъ ихъ терпѣнію въ скорбяхъ, чтобы они стали разумнѣе. *Пожду*, говоритъ, терпѣливо Того, Кто сокрушилъ меня, и подвергъ меня наказаніямъ. Вѣдь, когда мы находимся въ ссорѣ съ отцомъ или матерью, мы не ищемъ другого отца и другой матери, но стараемся примириться съ ними же; тѣмъ больше, когда Богъ прогнѣвается на насъ, намъ должно стремиться къ Тому, Кто прогнѣвался, а не къ тому, кто не гнѣвался. Именно, когда Онъ гнѣвается, тогда Онъ бываетъ болѣе милостивымъ къ тебѣ: если удары отъ друзей лучше, нежели ласки отъ враговъ,—то насколько лучше вразумленіе отъ Бога? *Достовѣрнѣе суть язвы друга, нежели вольныя лобзанія врага* (Притч. xxvii, 6). Выслушай, что говорилъ Давидъ *возврати кивотъ Божій во градъ: аще обрящу благодать предъ очима Господнима, и возвратитъ мя, и покажетъ ми лѣпоту Его.* И аще не восхощетъ мя, *се азъ есмь, да сотворитъ ми по благому предъ очима своима* (2 Цар. xv, 25—26). Не будемъ, говоритъ, полагать для него законовъ, и спрашивать у Него основанія относительно того, что происходитъ съ нами; но только одно должно намъ дѣлать,—когда Онъ насъ вразумляетъ, принимать вразумленіе съ благодарностью.

18. *Се азъ*, говоритъ, *и дѣти* мои, *яже ми даде Богъ*, а не природа: если Онъ ихъ далъ, Онъ и сохранитъ. И не только, говоритъ, *се азъ*, но вмѣстѣ съ дѣтьми *се азъ*,—какъ говорилъ Давидъ: *се азъ, да сотворитъ ми по благому предъ очима своима*
126 (2 Цар. xv, 26). Подобнымъ ему былъ и этотъ рабъ Господа, который предалъ Ему себя и говорилъ: вотъ я здѣсь; мое ли это?

Богу свойственно ограждать тѣхъ, которыхъ Онъ далъ мнѣ; и вотъ, я себя самого и тѣхъ, которыхъ Онъ далъ мнѣ, приношу Ему же. И мы въ несчастіяхъ будемъ говорить такъ, какъ говорилъ Іовъ: *Господь даде, Господь отъятъ* (Іов. I, 21). Постигнуть ли бѣдствія или что-либо иное, — онъ, доказывая свое повиновеніе Богу, говоритъ: *се азъ и дѣти, яже ми даде Богъ*.

И абіе *будутъ знаменія и чудеса въ дому Израилевѣ отъ Господа Саваоѳа, иже обитаетъ на горѣ Сіонъ*. Правильно сказано: *отъ Господа Саваоѳа;* но почему: *иже обитаетъ на горѣ Сіонъ?*— Чтобы открыть вещи, имѣющія быть, и представить указаніе на помощь. *Се азъ и дѣти мои, и будутъ знаменія и чудеса*. Видишь ли, каковъ плодъ терпѣнія? *И будутъ*, говоритъ, *знаменія и чудеса*: Онъ предсказываетъ не только спасеніе, но и свою славу. Какъ хозяинъ, видя своего раба охотно принимающимъ удары и наказаніе, оставляетъ свой гнѣвъ, такъ — и Богъ. Самъ Господь Саваоѳъ сошелъ и обитаетъ на горѣ Сіонъ; и твоя неправедность служитъ причиной, почему Онъ не помогаетъ (тебѣ): вѣдь если бы Онъ не желалъ помогать тебѣ, Онъ не обиталъ бы на этой горѣ. Пророки не только предсказываютъ, но и объясняютъ мысль сказаннаго, а также и Того, Кто говорилъ (чрезъ нихъ): Богъ не принуждаетъ, но желаетъ, чтобы люди умилостивили гнѣвъ Его добровольно.

19. *И аще рекутъ къ вамъ: взыщите чревоволшебниковъ, и отъ земли возглашающихъ, тщесловующихъ, иже отъ чрева глашаютъ, не языкъ ли къ Богу своему взыщетъ? Что испытуютъ мертвыя о живыхъ?* Добровольно не рѣшайтесь прибѣгать къ гадателямъ, но если бы васъ привлекали къ тому другіе, и тогда не соглашайтесь Когда возникала война или постигало какое-либо бѣдствіе, былъ обычай спрашивать у гадателей о будущемъ. Человѣческая природа всегда желаетъ, ищетъ и употребляетъ тщательныя усилія знать невидимое, особенно желаетъ напередъ знать о своихъ несчастіяхъ, чтобы, вслѣдствіе неожиданности, не впасть въ замѣшательство. Итакъ выслушай, что̀ онъ говоритъ: Я, говоритъ, напередъ предсказалъ вамъ имѣющія быть знаменія и чудеса, чтобы 127
вы не нуждались въ другихъ предсказаніяхъ, хотя бы васъ привлекали и обманывали. Поэтому, если вы будете внимать совѣту другихъ, то вы будете недостойны расположенія и милости Божіей, вы, приготовляющіе для самихъ себя бѣдствія.

Какое утѣшеніе получишь ты, о, человѣкъ, отъ заклинателей, когда постигнутъ бѣдствія? Если, ради потеряннаго богатства, ты тратишь еще другія деньги, вопрошая прорицателей, то что пользы тебѣ, если найдешь блага? Вмѣстѣ съ богатствомъ ты будешь отведенъ въ рабство, погубишь и душу свою, и никто не поможетъ тебѣ. Но должно сказать, что такое гадатель: это—злой

демонъ, который говоритъ изъ чрева женщинъ, и этимъ страннымъ дѣйствіемъ старается ложное сдѣлать достовѣрнымъ; говоритъ же онъ не естественнымъ образомъ, а изъ живота, и этимъ людей невѣжественныхъ повергаетъ въ изумленіе, показывая, что онъ говоритъ истину, и что искусство *отъ земли возглашающихъ и отъ чрева тщесловующихъ* достовѣрно. Акила называетъ ихъ авгурами и издающими голосъ; Симмахъ—предсказателями, которые шепчутъ и шипятъ; Θеодотіонъ — писклявыми вѣщунами, т. е., подобными цыплятамъ. А мнѣ кажется, что здѣсь означается также некромантія, и что этимъ страннымъ голосомъ діаволъ повергаетъ людей въ изумленіе, какъ объясняли и другіе переводчики. Демоны обыкновенно щебечутъ и издаютъ голосъ птицъ,— что̀ LXX толковниковъ назвали *тщесловіемъ* (κενολογία), — чтобы отовсюду необычными кликами утверждать ложь. Хотя демонъ владѣетъ искусствомъ убѣждать (людей), что онъ можетъ вызывать души умершихъ, но мы утверждаемъ, что душа, по выходѣ изъ тѣла, вступаетъ въ нѣкоторое жилище и пребываетъ тамъ,—выйти оттуда она не можетъ. Демонъ старается показать, что она не только обитаетъ въ костяхъ (умершихъ людей), но ходитъ туда и сюда, блуждая понапрасну, что она не подчинена какой-либо власти, ни даже божественному промышленію, и не будетъ подвержена какому-либо наказанію за содѣянныя преступленія. Такимъ образомъ онъ дѣлаетъ то, что многіе вѣрятъ, будто послѣ смерти души постоянно блуждаютъ. Но это — басни дѣтей и старухъ, и остерегайтесь вѣрить имъ, когда васъ привлекаютъ такими вымыслами. Волшебница (аэндорская) нѣкогда, по Божію
128 дозволенію, показала Саулу Самуила для того, чтобы изобразить ему воскресеніе, хотя это не было воскресеніемъ, и чтобы на основаніи этого онъ вѣровалъ, что Богъ есть Владыка живыхъ и мертвыхъ. Хотя видѣнный имъ не былъ Самуиломъ, однако онъ не осмѣлился отвратить его отъ Бога.

Не *якоже языцы, иже къ Богу своему взыщутъ*. Тѣ, которые такъ говорятъ или дѣлаютъ, далеки отъ Бога, подобно тому, какъ и Саулъ, который былъ наказанъ. Отступивъ отъ Бога, онъ вопрошалъ прорицательницу, и это ему не принесло никакой пользы, но онъ былъ подверженъ тягчайшему наказанію: раньше (назначеннаго) времени пришла его злая кончина. Смотри, какъ онъ осмѣиваетъ ихъ: *что*, говоритъ, *испытуютъ мертвыя о живыхъ*? Мертвыми онъ называетъ или демоновъ, или самихъ умершихъ. И этого болѣе, чѣмъ достаточно, для открытія лжи. Если и живые ничего не знаютъ, то тѣмъ больше слѣдуетъ это сказать объ умершихъ и погребенныхъ въ землѣ, которые не знаютъ даже и того, что̀ знаемъ мы.

20. *Законъ бо въ помощь даде, не якоже слово сіе, заньже нѣлть дары даяти.* Онъ не говоритъ: слово сіе, но: *якоже слово сіе.* Часто иной, воздерживаясь отъ магическаго искусства, расположенъ къ какому-либо иному заблужденію. И вотъ, законъ (въ одномъ словѣ) выставляетъ (извѣстное) положеніе: не приводите никакой причины. Когда Богъ намъ запрещаетъ, мы должны повиноваться и соблюдать, не произнося своего сужденія относительно того, что̀ запрещаетъ Богъ. Хорошо сказалъ онъ: *законъ въ помощь даде.* Соображенія возбуждаютъ, обманываютъ людей, въ нихъ много такого, что̀ смущаетъ умъ, и все это приводитъ къ печали, къ скорби. Законъ не довольствуется только запрещеніемъ, но также показываетъ, что такого рода преступленія недостойны милости. Развѣ это—такія вины, за которыя можно было бы умилостивить дарами? Это—грѣхи безъ врачеванія, вины безъ утѣшенія. Ихъ, говоритъ, не только не должно позволять себѣ, но даже не должно и заводить относительно ихъ рѣчи. Грѣшно не только допускать ихъ, но и говорить объ нихъ,—Богъ желалъ съ корнемъ исторгнуть ихъ. Потому Онъ повелѣлъ, чтобы одна часть грѣховъ искупалась жертвами, а другую объявилъ не имѣющею такого врачеванія. Но почему? Потому, что послѣдніе ужасны и должны быть избѣгаемы. Достаточно для тебя слышать, что они запрещены Богомъ, чтобы ты удерживалъ пожеланіе своего ума.

21. А о бѣдствіяхъ онъ предсказываетъ такъ: *и пріидетъ* 291
на вы жестокъ гладъ, и будетъ, егда взалчете, скорбни будете, и зло речете князю и отечеству, т. е. идоламъ. Видишь ли, почему пришелъ голодъ? Онъ вполнѣ предсказываетъ и желаетъ показать, что идолы суть зло и безсильны: тѣ, которые не смогутъ прекратить голода, какимъ образомъ задержатъ войну совнѣ? *И будетъ, егда взалчете, скорбни будете и зло речете князю и отечеству.* Видишь ли вмѣстѣ съ безсиліемъ и обвиненіе идоловъ? Они не могли предотвратить и хулы относительно самихъ себя, и—голода.

22. *И воззрятъ на небо горѣ, и на землю низу призрятъ.* Видишь ли, какимъ образомъ они хулили Бога? А они терзались и мучились отъ угрызенія совѣсти. *И на землю низу,* говоритъ, *призрятъ,* такъ что, вслѣдствіе совершенныхъ грѣховъ, они стали несмѣлыми. И *се скудость, тѣснота,* и *тма* и сокрушеніе, *якоже не видѣти.* Но Акила не говоритъ: *якоже не видѣти,* но: нравы развращенные; другіе же переводчики говорятъ, что они будутъ съ открытыми очами видѣть мракъ, т. е., ихъ затѣмненныя очи лишатся способности видѣть. *И не оскудѣетъ въ тѣснотѣ сый даже до времене,* т. е., эти бѣдствія имѣютъ продолжаться опредѣленный періодъ времени, чтобы вы познали негодность идоловъ.

ГЛАВА IX.

130 Ст. 1. 2. *Сіе прежде* скоро *испій, страно Завулоня и земле Нефѳалимля, и прочіи, при мори живущіи, и объ ону страну Iордана, Галилея языковъ*, части Іудеи. *Людіе*, ходившіи *во тмѣ*, видятъ *свѣтъ велій: живущіи во странѣ* сѣни смертныя, *свѣтъ возсіяетъ* на ня. Сперва, говоритъ, потерпи наказаніе; это получается дорогой цѣной Іерусалима. *Людіе*, ходившіе *во тмѣ*, видятъ *свѣтъ велій*. Какой же это свѣтъ?

3. Множайшая часть народа Твоего, юже *извелъ еси въ веселіи Твоемъ, и возвеселятся предъ Тобою*. Такъ какъ они были бѣглецами, то Христосъ пришелъ въ ихъ страну, и излилъ на нихъ радость, не какъ на виновныхъ въ преступленіи и постыдныхъ бѣглецовъ. И правильно (пророкъ) сказалъ: множайшая часть народа Твоего; изъ числа ихъ увѣровало много язычниковъ, которые жили вмѣстѣ съ ними и вблизи ихъ и также были объяты радостію. Смотри, откуда рождается свѣтъ: на какомъ же основаніи язычники стали причастниками его? Съ пришествіемъ Христа, свѣтъ родился въ Виѳлеемѣ, и отсюда возсіялъ языкамъ; съ самаго начала всѣ гнали Его изъ Іудеи, и Онъ, удаляясь, перешелъ въ Египетъ, такъ что свѣтъ заблисталъ языкамъ. Но этотъ свѣтъ мы видимъ не тѣлесными очами, а очами сердца и ума. *Людіе*, ходившіи *во тмѣ*. Тьмой пророкъ называетъ ихъ первую жизнь: и такъ какъ они ходили во тьмѣ, то я покажу тебѣ раны и мученія ихъ. *Живущіи во странѣ* сѣни смертныя. Страной и тѣнью смерти онъ называетъ заблужденіе идолослуженія, въ которомъ они блуждали и пали на землю. Видятъ *свѣтъ велій*.
131 Намъ объявлено не только о земномъ, что́ ясно открыто, но также и о небесномъ, т. е., что́ такое смерть, жизнь, зло, добро, чтобы мы не взирали на каменныхъ и деревянныхъ идоловъ, не вперяли очей своихъ въ землю, но созерцали постигаемое умомъ, не изслѣдованное и небесное. Поистинѣ великъ и дивенъ этотъ свѣтъ, который евангелистъ называетъ свѣтомъ истиннымъ (Іоан. I, 9); такъ какъ онъ учитъ насъ истинѣ: видимые предметы скоро разрушаются, приходятъ въ запустѣніе, и исчезаютъ, напротивъ этотъ свѣтъ — великъ, истиненъ, твердъ и недвижимъ, показываетъ намъ великое и истинное. Множайшая часть народа Твоего, юже *извелъ еси въ веселіи Твоемъ*. Только Господу надлежитъ веселиться о спасеніи насъ, ставшихъ свободными: веселіемъ онъ называетъ крестъ.

И возвеселятся предъ Тобою, якоже веселятся во дни жатвы.

Подобно тому, какъ во время жатвы радуются о полевыхъ плодахъ, такъ и они найдутъ все уготованнымъ для себя, хотя послѣ труда и усилій. И возвеселятся, *якоже дѣлящіи корысти*,— такъ какъ они уже не будутъ болѣе испытывать угнетенія отъ неудачъ, но будутъ услаждаться лишь такими вещами, въ которыхъ нѣтъ безпокойства.

4. 5. *Зане отъятся яремъ, лежай на нихъ, и жезлъ ихъ, иже на выи ихъ: жезлъ бо истязующихъ разсыпа, якоже въ день, иже на Мадіама*. Какъ тогда война не человѣческой силой прекращена была, такъ теперь—сраженіе сатаны: тогда урны и факелы, теперь же и не урны и не факелы, но ввержены въ пламень взаимно борющіеся демоны. Вамъ извѣстно объ этой войнѣ, если же неизвѣстно, то я вамъ разскажу. *Всяку одежду, собранную лестію, и ризу съ примиреніемъ отдадутъ*. Этими словами обозначается будущее, т. е., что они все возвратятъ съ негодованіемъ и отвращеніемъ.

6. Но тіи *восхотятъ, да быша огнемъ сожжени были, яко Отроча родися намъ*, и Сынъ *дадеся намъ*. Почему же? Потому что Родившійся разрушилъ и погубилъ ихъ (іудеевъ); Своимъ рожденіемъ для насъ Онъ потребилъ ихъ. Хотя Павелъ говоритъ, что Онъ родился для нихъ, но такъ какъ они не пожелали признать Его, то Онъ родился *намъ*, и Младенецъ *намъ*, и Сынъ *намъ*. Выслушавъ, какъ пророкъ предсказываетъ о Его человѣче- 182
ской природѣ и рожденіи, и съ начала учитъ, отъ кого Онъ родился, теперь пойми, кто есть Онъ и каково Его имя. *Егоже начальство бысть на рамѣ Его*. Этого невозможно понять относительно какого-либо другого человѣка (а только относительно Христа), такъ какъ Онъ имѣетъ Свое начальство не отъ кого-либо другого, но отъ Себясамого и Своей природы, такъ какъ есть самодовлѣющій. *И нарицается имя Его велика совѣта Ангелъ*. Гдѣ теперь та и другая сторона — іудеи и еретики? Вотъ даръ Святого Духа, дѣлающій насъ достойными того, чтобы мы удивлялись и не испытывали. Итакъ, должно исповѣдывать, что Творецъ не есть твореніе, что Онъ одинъ, а не два,—Сынъ, т. е., Тотъ, Кого не желаютъ признавать іудеи. А то, что они не пожелали получить здравіе отъ общаго врачества, указываетъ на ихъ раны. Выше онъ говоритъ: *съ нами Богъ*, а здѣсь говоритъ: *великаго совѣта Ангелъ*. И воистину,—великаго Отеческаго совѣта, такъ какъ никто не объявилъ намъ имени Отца, кромѣ Того, Кто имѣетъ ту же самую природу и впослѣдствіи пожелалъ быть Ангеломъ Его,—не то, что Онъ преобразился въ ангела, но—исполнялъ обязанность ангела, по благости Своей, будучи Богомъ отъ Бога, по сказанному: *явихъ имъ имя Твое* (Іоан. XVII, 6, 26). *Вели-*

каго совѣта Ангелъ. Вотъ иное значеніе: такъ какъ Отецъ пожелалъ сдѣлать язычниковъ сонаслѣдниками, подобными и сопричастными Сыну Своему, то смотри, какой совѣтъ держалъ Онъ съ Сыномъ и Духомъ Святымъ, именно—возвысить нашу природу и поставить ее выше ангеловъ, архангеловъ, херувимовъ и серафимовъ. *И нарицается имя Его великаго совѣта Ангелъ*, для того, чтобы возвысить землю и прахъ до неба. Но Онъ самъ есть совѣтъ и воля: мыслилъ, желалъ, возлюбилъ міръ, пришелъ и освободилъ его отъ зла.

Чуденъ совѣтникъ. Это выраженіе не находится въ переводѣ LXX [1]), но находится у другихъ переводчиковъ и въ еврейскомъ текстѣ, вмѣстѣ съ другими послѣдующими словами. Потому заслуживаетъ удивленія мученикъ Лукіанъ, который хорошо извлекъ и сопоставилъ остальное, чтобы сдѣлать для насъ яснымъ равенство по существу Сына съ Отцомъ, и не-
188 справедливо обвиняютъ его, какъ еретика. Но какъ же говорится: *кто совѣтникъ Ему бысть* (Ис. xl, 13)? Не видишь ли ты, что выраженіемъ „кто" показывается не раздѣленіе между Отцомъ и Сыномъ, а отличіе отъ идоловъ, которые называются богами? Чудно, говоритъ, будетъ имя Мое и величественно. Весьма хорошо Онъ говоритъ и въ другомъ мѣстѣ: *почто сіе вопрошаеши имене Моего? И то есть чудно* (Суд. xiii, 18); а также: *Господи, Господь нашъ, чудно имя Твое по всей земли* (Пс. viii, 2). И въ самомъ дѣлѣ, какъ не чудно то имя, которое прогнало ложь, просвѣтило кругъ земной и привлекло къ Себѣ и къ Отцу.

Богъ крѣпкій. Различіе между тѣми, которые не были богами, и Богомъ истиннымъ состоитъ въ главенствѣ. Какъ же вы говорите, что Онъ находится подъ властію, когда пророкъ называетъ его главнымъ? Извѣстно, что главный не находится подъ чьей-либо властію. *Князь мира, Отецъ будущаго вѣка*. Какъ же Онъ не зналъ дня, когда называется: вотъ Сынъ, и вотъ Отецъ (ср. Мѳ. xxiv, 36)? Хотя въ этомъ мірѣ Онъ не былъ признанъ невѣрующими, но въ концѣ (вѣка) всѣ признаютъ Его. Хорошо сказано: *Отецъ будущаго вѣка*, потому что Онъ сотворилъ не только настоящее, но и будущее.

Назвавъ Его сперва Ангеломъ великаго совѣта, пророкъ потомъ свободно говоритъ о Немъ все болѣе важное. Но чтобы ты не считалъ Его грознымъ, онъ говоритъ:

7. *Приведу миръ на князи, и здравіе Ему*, т. е., во дни воплощенія Его, чрезъ Него исцѣлю сочленовъ Его, всѣхъ вѣрующихъ. *Веліе начальство Его, и мира Его нѣсть предѣла:* безконеченъ

[1]) Въ ват. код. т. LXX эти слова не читаются, но въ алекс. читаются.

миръ Его, и нѣтъ ничего, что бы отняло его; почему (Христосъ) и говоритъ: *миръ* Мой *оставляю вамъ* (Іоан. XIV, 27).

На престолѣ Давидовѣ и на царствѣ его. Возвратимся снова къ началу этого мѣста, и повторимъ эти же слова, какъ они выражены другими переводчиками. LXX толковниковъ говорятъ:
Яко отроча родися намъ, и Сынъ *дадеся намъ, егоже начальство*
бысть на рамѣ Его, и нарицается имя Его великаго совѣта Ангелъ;
приведу миръ на князи и здравіе Ему. И веліе начальство Его, и 134
мира Его нѣсть предѣла. Акила же говоритъ: яко отроча родися
намъ, и Сынъ дадеся намъ, и бысть мѣрило на хребтѣ Его, и
нарече имя Его дивенъ, совѣтникъ, крѣпкій, могущій, Отецъ и
Князь даже ихъ, несоизмѣримый, и мира Его нѣсть болѣе предѣла. А Симмахъ: юноша родися намъ, и миръ будетъ на раменахъ Его, и наречется имя Его дивность, совѣтникъ, крѣпкій, могущій, Отецъ будущаго вѣка, князь мира ихъ; умножися наставленіе, и мира Твоего нѣсть конца. Такимъ же образомъ Θеодотіонъ не сказалъ: нарицается, но: нарече; дивно мыслитъ, крѣпкій, могущій, Отецъ, Князь мира; умножити наставленіе и мира нѣсть конца [1]). Такъ и въ еврейскомъ текстѣ: Uiegra semo pele, El kippour, api-ath, sar-salom. Lemarpe ammistra oulescialom enghez (и наречется имя Его: дивный, совѣтникъ, Богъ крѣпкій, Отецъ вѣка, князь мира, чтобы умножилась власть, и миру нѣтъ конца). Итакъ ясно, что св. мученикъ (Лукіанъ) ничего не прибавилъ и не убавилъ, но собралъ у евреевъ и другихъ переводчиковъ, расположилъ по порядку и издалъ все въ свѣтъ. Такимъ образомъ переводъ Лукіана [2]) не должно подозрѣвать, онъ даже важнѣе и правильнѣе, чѣмъ текстъ палестинскій. Но возвратимся къ начатому.

На престолѣ Давидовѣ и на царствѣ его, исправити е и заступити въ судѣ и правдѣ, отнынѣ и до вѣка, ревность Господа Саваоѳа сотворитъ сія. Такъ какъ оно постоянно разрушалось, и

---

[1]) Въ Экзаплахъ Оригена Акила эти слова читаетъ: ὅτι παιδίον ἐγεννήθη ἡμῖν, υἱὸς ἐδόθη ἡμῖν καὶ ἐγένετο τὸ μέτρον ἐπ' ὤμου αὐτοῦ, καὶ ἐκάλεσαν ὄνομα αὐτοῦ, θαυμαστὸς, σύμβουλος, ἰσχυρὸς δυνατὸς, πατὴρ ἔτι ἄρχων εἰρήνης, πολλῆς τῷ μέτρῳ, καὶ τῆς εἰρήνης αὐτοῦ οὐκ ἔστι τέλος. Симмахъ: Νεανίας γὰρ ἐγεννήθη ἡμῖν, υἱὸς ἐδόθη ἡμῖν· καὶ ἔσται ἡ παιδεία ἐπὶ τοῦ ὤμου αὐτοῦ, καὶ κληθήσεται τὸ ὄνομα αὐτοῦ παραδοξασμὸς, βουλευτικὸς, ἰσχυρὸς, δυνατὸς, πατὴρ αἰῶνος, ἄρχων εἰρήνης, ἐπληθύνθη παιδεία, καὶ τῆς εἰρήνης αὐτοῦ οὐκ ἔστι πέρας. Θеодотіонъ: θαυμαστῶς, βουλεύων, ἰσχυρὸς, δυνάστης, πατὴρ, ἄρχων εἰρήνης, τῷ πληθύνειν τὴν παιδείαν, καὶ τῆς εἰρήνης αὐτοῦ οὐκ ἔσται πέρας. (См. Origenis Hexaplorum, quae Supersunt, editio Friderici Fieldii, t. 2, fasc. 2, pp. 448—449, anni MDCCCLXVIII).

[2]) Это—тотъ переводъ, который сдѣланъ св. Лукіаномъ мученикомъ, пресвитеромъ антіохійскимъ, въ 300 г. по Р. Хр., въ царствованіе Діоклетіана.

не по иной причинѣ, а только по причинѣ грѣховъ, то Онъ пришелъ съ рожденіемъ крещенія, чтобы совершенно возстановить
185 его. *Въ судѣ и правдѣ*: Онъ справедливо наблюдалъ его. *Отнынѣ и до вѣка.* Какимъ же образомъ было уставлено царство Давида? Чрезъ повсемѣстное по земному кругу почитаніе Родившагося отъ Давида, сѣмя котораго пребываетъ во вѣки вѣковъ. *Ревность Господа Саваоѳа совершитъ*, а не добродѣтель, говоритъ, людей, которые были недостойны Его. Это намъ не причиняетъ обиды, но открываетъ твердость благъ. Онъ называетъ миръ и спасеніе душъ, вмѣстѣ и тѣлъ, такъ какъ начало тѣлесныхъ болѣзней возникло изъ грѣховъ. Потому (Христосъ) сказалъ разслабленному: се, здравъ еси, ктому не согрѣшай (Іоан. v, 14), и въ другомъ мѣстѣ говорится: не будетъ у васъ болѣзней (ср. Исх. xv, 26). Такъ какъ первыхъ наказаній было недостаточно, то нужно было присоединить и другія. А то, что я говорю, означаетъ слѣдующее: Богъ установилъ наказаніе смертію, если человѣкъ осмѣлится вкусить отъ древеснаго плода, и не присоединилъ ничего иного. Такъ какъ человѣкъ преступилъ заповѣдь, то навлекъ на себя наказаніе болѣзнями: онъ долженъ былъ умирать, хотя самая жизнь у него должна была проходить безъ скорби. Но такъ какъ, вслѣдствіе этого, онъ могъ предаваться лѣности, то Богъ присоединилъ также наказаніе болѣзнями, чтобы человѣкъ, вразумленный этимъ, помнилъ о добрѣ. Таково промышленіе Божіе, что, посредствомъ немногихъ болѣзней, человѣкъ освобождается отъ многочисленныхъ мученій. Потому Богъ и угрожаетъ іудеямъ многимъ, т. е., скорбями, болѣзнями, уныніемъ и прочими бѣдствіями, чтобы явить добродѣтель причиною всѣхъ благъ. Теперь же, такъ какъ они вели худую жизнь, Онъ угрожаетъ имъ, какъ наказаніемъ, адомъ.

8. 9. *Смерть посла Господь на Іакова, и пріиде на Израиля.* Онъ послалъ, и она придетъ. Переводчики употребляютъ глаголъ, *послалъ*, такъ какъ ничто не можетъ прогнать то, что послано Богомъ. А такъ какъ это послано на его народъ, то онъ ведетъ рѣчь какъ бы съ сожалѣніемъ. *И уразумѣютъ вси людіе Ефремовы, и живущіи въ Самаріи, въ досажденіи и высоцѣмъ сердцѣ, глаголюще.* Смотри, ничто такъ не огорчаетъ Бога, какъ высокоуміе, по гордости несносныя, но вздорныя слова, которыя полагаютъ надежду въ вещахъ преходящихъ, какъ въ весьма твердыхъ.

10. *Плинѳы падоша*, говоритъ, *но пріидите, изсѣчемъ каменіе.* О, человѣкъ! Ты постоянно слушаешь о будущихъ войнахъ, объ имѣющихъ постигнуть твое государство бѣдствіяхъ, и однако доселѣ презираешь эти слова, и заботишься о хорошихъ постройкахъ. О, безуміе, неопытность, гордость! Богъ угрожаетъ, а

ты презираешь? И хотя бы Богъ не угрожалъ, тебя долженъ былъ бы убѣдить въ этомъ самый предметъ. Если ничто иное, то жизнь іудеевъ не менѣе пророковъ могла убѣдить ихъ въ пророческомъ значеніи этихъ словъ. Но, можетъ быть, вы думаете, потому васъ и не постигнетъ наказаніе, что вы сдѣлаете хорошія постройки? Это — слова крайне невѣрующихъ, погрузившихся въ невѣдѣніе Бога: не вѣруя изреченіямъ пророковъ, они до того ожесточились, что намѣревались строить долговѣчныя зданія. И нынѣ, о, человѣкъ, для кого ты созидаешь долговѣчныя зданія? Въ скоромъ времени ты удалишься изъ этого міра: сегодня или завтра разрѣшится твое тѣло,—чьи же будутъ, сдѣланныя тобою, крѣпкія зданія? О, какъ велико такое безуміе! Но, скажешь, я забочусь о существованіи сыновей и родственниковъ. Гораздо лучше домовъ и зданій были тѣ заповѣди, которыя далъ Іонадавъ Рехавитянинъ своимъ сыновьямъ: *и храминъ да не созиждите* (Ерем. xxxv, 7); ты же, напротивъ, если бы имѣлъ возможность, возбуждалъ бы ихъ къ большимъ бѣдствіямъ: къ тому теперь ты и стремишься, привязывая такимъ образомъ и ихъ къ преходящему міру.

Созиждемъ себѣ столпъ: не говорятъ — „дѣтямъ или потомкамъ", но „*себѣ*"; пророкъ, говорятъ,—сумасшедшій, и не знаетъ, что говоритъ. Созидаютъ же они башни не затѣмъ, чтобы въ нихъ жить, а ради славы и хвастовства. Видишь ли, какъ они, по своей гордости, оскорбляли Бога? Впрочемъ, говоритъ, не ради только этого, но и ради народа еврейскаго, Я подвергну ихъ наказанію.

11. 12. *И разрушитъ Богъ востающія на гору Сіонъ, и враги* Іуды *разсыплетъ: Сирію отъ востокъ солнца, и еллины отъ запада солнца*. Благодѣянія должны принести пользу. Смотри, какъ Богъ вразумляетъ насъ страхомъ наказаній. Сперва Онъ пророчествовалъ о вавилонянахъ, потомъ о сирійцахъ и западныхъ грекахъ. Мнѣ кажется, этимъ Онъ желалъ показать нѣкоторое благо, т. е., что слава Его явится на всемъ земномъ кругѣ, а въ особенности среди вавилонянъ, которые въ то время владѣли многими стра- 187
нами, дабы они не присвояли себѣ побѣды, но понимали, что Богъ далъ имъ власть угнетать многіе народы и эллиновъ *отъ запада солнца*. Но почему? Потому что они поѣдали *Израиля*, народъ Мой, *всѣми усты*. Видишь ли, что онъ и самъ наконецъ ищетъ отъ нихъ защиты? *Во всѣхъ сихъ не отвратися ярость, но еще рука Его высока*. Эти слова значатъ или то, что они, выслушавъ столько угрозъ, не стали однако добрыми, или то, что Богъ не доведетъ до такого предѣла наказанія; какъ видно изъ послѣдующихъ словъ, рѣчь идетъ о народѣ.

13. *И людіе не обратишася, дондеже язвени быша, и Господа не взыскаша.* Видишь ли, что Онъ сказалъ все это ради того, чтобы народъ не былъ уязвленъ, тѣмъ не менѣе послѣдній не обратился? Всѣ эти слова пророка имѣютъ значеніе, подобное тому, какъ если бы кто-нибудь сказалъ: было испытано все и не было никакой пользы, пока не былъ раненъ.

14. 15. *И отъятъ Господь отъ Іерусалима главу и ошибъ, велика и мала, во единъ день.* Другіе же переводчики не говорятъ: *велика и мала*, но: сѣявшаго раздоры, соблазнявшаго и затруднявшаго свободу. Онъ не говоритъ: голову и ноги, но, какъ бы шла рѣчь о неразумныхъ звѣряхъ, голову и хвостъ; такъ какъ народъ былъ подобенъ змѣямъ, то Онъ сокрушилъ голову, корень всякаго зла, и отсѣкъ хвостъ, чтобы онъ больше не могъ двигаться. *Въ единъ день*: вѣрно онъ показалъ, что эти наказанія были ниспосланы Богомъ.

Потомъ онъ обращаетъ рѣчь къ тѣмъ, которые подвержены были заклятію: *старца и чудящихся лицамъ, сіе начало*, которые, по лицепріятію, худо творили судъ. *И пророка, учаща беззаконныя, сей ошибъ.* Почему же онъ назвалъ лжепророка хвостомъ, хотя онъ кажется ихъ главой? Потому что лжепророки побуждали ихъ ко злу и не допускали исправиться. Отсюда мы научаемся, что большого наказанія достойны не творящіе зло, а побуждающіе ихъ ко грѣху. Бѣднякъ, пожалуй, въ свое извиненіе можетъ представить себѣ свою бѣдность, а ты, будучи сильнымъ и богатымъ, что представляешь себѣ? Потомъ пророкъ отвѣчаетъ, справедливо утверждая, что это обстоятельство служитъ не наказаніемъ, но врачествомъ и исправленіемъ.

138 16. *И будутъ блажащіи людей сихъ льстяще, и* (пре)*льстятъ яко да поглотятъ я*, и по сихъ объявятся. Доселѣ они не объявились, но въ концѣ концовъ обнаружатся. Теперь они будутъ прельщать, но потомъ ихъ узнаютъ всѣ. Онъ присоединяетъ: (пре)*льстятъ*, потому что, хотя они прельщаютъ теперь, но объявятся (какъ прельстители) потомъ.

17. *Сего ради о юношахъ ихъ не возвеселится Господь.* Что пользы быть рослымъ и сильнымъ, если кто худо пользуется возрастомъ и силой? Напримѣръ, если у кого рабы будутъ людьми рослыми, хорошо сложенными, крѣпкими и здоровыми, но преданными порокамъ, пьянству и разврату, шатающимися туда и сюда, то ихъ сила никого не порадуетъ, потому что, хотя они и крѣпки тѣломъ, но не имѣютъ ума, вслѣдствіе чего происходитъ всякое зло. Добро само по себѣ не есть добро, и зло само по себѣ не есть зло, но по душевному настроенію дѣлающаго то и другое. Конь будетъ смиренъ и надеженъ, если онъ имѣетъ хо-

рошее направленіе съ начала, но онъ причинитъ много вреда, если имѣетъ наклонность ко злу.

И сиротъ ихъ и вдовицъ ихъ не помилуетъ; онѣ не исправятся отъ наказаній и не станутъ добрыми. Чтобы ты не презиралъ такую суровость и не считалъ ея жестокостью, для этого уразумѣй причину ея: *яко вси*, говоритъ, *беззаконніи и лукавіи, и всякія уста глаголютъ неправду*. Смотри, не быть милосердымъ здѣсь—признакъ милосердія, потому что ничто болѣе не способствуетъ ихъ исправленію, какъ—оставленіе, небреженіе, забвеніе. *Во всѣхъ сихъ не отвратися ярость* Божія, но *еще рука Его высока*, для принесенія наказаній самымъ дѣломъ, или для повторенія угрозъ, какъ подобало Богу. Все это я (пророкъ) исполнилъ и предсказалъ, но *ярость* Его *не отвратися*, т. е., сказанныя мною слова не могли отстранить гнѣва Его.

18. *И возгорится яко огнь беззаконіе, и яко тросктъ сухій поядено будетъ огнемъ*. Видишь ли, какую пищу огню далъ гнѣвъ Божій? Это — подобно тому, какъ искра, когда упадетъ туда, гдѣ находится много сухой травы, становится большимъ пожаромъ, а если ничего не найдетъ такого, что возбуждало бы его, тотчасъ ослабляется и погасаетъ.

19. *И разгорится въ чащахъ дубравныхъ, и поястъ, яже окрестъ холмовъ, вся. За ярость гнѣва Господня* сгоритъ *вся земля*. Ты, го- 139
воритъ, конечно, слышалъ о томъ, какъ скоро горитъ сѣно, а потому не считай пожаръ погасимымъ. Я употребляю подобіе этого рода для того, чтобы показать его быстроту и силу. А если ты желаешь знать эту силу, то обрати вниманіе на послѣдующія слова: огонь, говоритъ, пожретъ даже ходящихъ (близъ пожарища). *За ярость гнѣва Господня* сгоритъ *вся земля, и будутъ людіе яко огнемъ пожжени*. Для подтвержденія той же мысли, онъ говоритъ о гнѣвѣ Божіемъ, какъ о такомъ, который не пощадитъ ни земли, ни другой вещи, ни бѣдныхъ, ни богатыхъ; а это онъ утверждаетъ затѣмъ, чтобы ты не думалъ, что грѣхъ имѣетъ такую силу, а гнѣвъ Божій ничего не можетъ. *И будутъ людіе яко огнемъ пожжени*. Здѣсь онъ обозначаетъ такія отношенія, при которыхъ, говоритъ, будутъ пренебрегаемы даже законы природы, и люди не будутъ узнавать другъ друга.

20. *Человѣкъ брата своего не помилуетъ*. Такъ какъ вы не признаете другъ друга, то Я погублю васъ инымъ образомъ *Человѣкъ брата своего не помилуетъ*. Оставаясь кроткимъ и спокойнымъ теперь, онъ не перемѣнится къ другимъ, подобно жестокому звѣрю, не будетъ имѣть сожалѣнія къ своему брату, который къ нему ближе всѣхъ, и такимъ образомъ бѣдствія усилятся. *Но уклонится на десно, яко взалчетъ*, т. е., отступитъ, оста.

вить его; *и снѣстъ отъ шуіихъ*, т. е., будетъ поѣдать подобно огню, разрушающему направо и налѣво.

И не насытится человѣкъ ядый плоти мышцы своея. А Симмахъ говоритъ: плоти ближняго своего. О, горькая, полная желчи трапеза! О, пища, приготовленная демонами! О, непотребное пиршество! Трапеза горечи, приготовленная изъ своихъ членовъ,— самъ себѣ сталъ пищею и такъ пріятной, что ею не насытиться: злые и воюющіе демоны сошли въ городъ, что горше многихъ смертей. Не лучше ли было окончить жизнь отъ неимѣнія пищи и не находить такогого дорогого врачества? Врачество — злѣйшее, чѣмъ болѣзнь, здравіе—худшее, чѣмъ слабость: человѣкъ вступилъ въ борьбу съ самимъ собою. Какъ же не наполниться всему ужаса и страха? Смотри, какую онъ вкушалъ пищу: уста исполнены крови и грязи, губы—сырого мяса, ѣлъ себя самого, самъ для себя сталъ собакой, жесточайшимъ всѣхъ хищниковъ. Какое преступленіе! Какая жалость! Знаю, что мои слова многихъ ужа-
140 саютъ, повергаютъ въ страхъ, трепетъ и слезы. Но если бы я показалъ, что сами мы дѣлаемъ преступленія, бóльшія этихъ, то ужели вы не ужаснулись бы этого? Вся церковь есть единое тѣло, но, когда мы поѣдаемъ своихъ братьевъ, то мы въ то же время гложемъ взаимно кости каждаго изъ насъ. *Аще же другъ друга угрызаете и снѣдаете* (Гал. v, 5), когда, говорю, это дѣлается между людьми, то ужели они не дѣлаются подобными бѣшенымъ, хищнымъ и безумнымъ животнымъ?

21. *Снѣстъ Манассія* Ефрема, *и Ефремъ* Манассію: это законные братья. *И вкупѣ повоюютъ Іуду.* Видишь ли гнѣвъ, усматриваешь ли бѣшенство? *Во всѣхъ сихъ не отвратися ярость Его, но еще рука Его высока,* чтобы они знали, какихъ они достойны наказаній. Будучи подвержены стольким наказаніямъ, они однако не исправились, но оставались доселѣ погрязшими въ тѣже пороки.

ГЛАВА X.

141 1. *Горе пишущимъ лукавство, пишущіе бо лукавство пишутъ.* Другіе же переводчики говорятъ: горе тщательно изыскивающимъ основанія. Почему онъ повторяетъ это? Только потому, что злодѣйства ихъ были многочисленны и часты, чтò и было причиной болѣзней. Писаніе всюду называетъ злодѣйства болѣзнями: *подъ языкомъ его трудъ и болѣзнь* (Пс. ix, 28). И поистинѣ, болѣзнями служатъ злодѣянія, не только не приносящія хорошаго плода, но приносящія въ крайней степени плодъ погибели.

2. *Уклоняюще судъ убогихъ, и восхищающе судъ нищихъ.* Не видишь ли ты, что пророкъ считаетъ жалкими не обижаемыхъ, но обижающихъ? Чѣмъ болѣе онъ показываетъ обиды бѣдняковъ, тѣмъ болѣе умножаетъ наказанія богачей. На нихъ всѣ постоянно жалуются, и однако постоянно такъ дѣлается. Неудивительно, что евреи несутъ наказанія, такъ какъ они совершенно привержены къ земнымъ вещамъ, но намъ, ставшимъ трезвыми и мудрыми, не дозволительно быть виновными въ преступленіи того же рода.

Вести *вдовицу въ расхищеніе и сиротъ* въ добычу народа Моего. Вотъ, иное великое убѣжище! Тѣмъ, которыхъ не мучило сиротство, не притѣсняло вдовство и никакое другое зло, не дозволительно было притѣснять другихъ. Меня, говоритъ, должно бояться, и вслѣдствіе страха предо Мною вамъ надлежитъ быть кроткими и трезвыми.

3. *И нынѣ что* сотворите *въ день посѣщенія? Скорбь бо вамъ отдалече пріидетъ.* Почему онъ говоритъ: *отдалече?* Чтобы обратить ихъ къ покаянію и чтобы показать, что Богъ угрожаетъ наказаніемъ и оно опредѣлено небомъ.

Къ кому прибѣгнете, да поможетъ вамъ, и гдѣ оставите славу 142
вашу, еже не впасти въ плѣненіе? Другіе же переводчики говорятъ: еже не впасти во узы. Такъ какъ вы оказались жестокими и безчеловѣчными къ своимъ ближнимъ, то Я пошлю на васъ чужихъ, и вы не найдете ни утѣшенія, ни спасенія. Это совершенно справедливо. Вы не жалѣли сиротъ, и васъ никто не пожалѣетъ. Кто привелъ васъ въ такую бѣдственность?

4. *Гдѣ оставите славу вашу?* Кто, говоритъ, можетъ сохранить вашу славу? *Еже не впасти въ плѣненіе.* Видишь ли, какъ зло обличаетъ само себя? Горе, говоритъ, пишущимъ лукавство, потому что они свое лукавство пишутъ. Ты, говоритъ, обнаружилъ жестокій духъ, и Я, говоритъ, наведу на тебя и обнаружу наказанія и удары, и не окончу этимъ: и *во всѣхъ сихъ не отвратися гнѣвъ* Его, *но еще рука* Его *высока.*

5. *Горе ассиріемъ, жезлъ ярости и гнѣва* Моего *въ руку ихъ.* Теперь пророкъ обращаетъ угрозу къ воюющимъ, и предсказываетъ то, что̀ имѣло случиться въ царствованіе Езекіи, когда въ одинъ день пало 185,000 человѣкъ (4 Цар. XIX, 35). Ты спрашиваешь: почему это случилось? Промышленіе Божіе относительно народа убѣждало ихъ болѣе, чѣмъ пророческія предсказанія. Пророки увѣщевали іудеевъ, и тогда, когда они оставались врагами дѣйствовавшихъ у нихъ законовъ. Видишь ли, что тѣ (ассирійцы) сами по себѣ представляютъ поводъ (къ наказанію)? Спрашивается однакожъ: почему Онъ наказалъ ихъ, когда въ ихъ рукахъ былъ

жезлъ гнѣва Его? Для пониманія этого пророчества объ ассирійцахъ, выслушай, что говоритъ (Рапсакъ): *не той ли сей есть* Богъ, *егоже отстави* Езекіа *высокая, и рече* Іудѣ и Іерусалиму: *поклонитеся* Ему *предъ жертвенникомъ* моимъ (4 Цар. XVIII, 22); но и *Господь рече* къ намъ взыти на землю сію (4 Цар. XVIII, 25). Такимъ образомъ, какъ оказывается, они (ассирійцы) раньше знали о всемъ этомъ: Рапсакъ, говорятъ, былъ изъ числа ихъ. Видишь ли, зачѣмъ онъ раньше предсказываетъ объ этомъ? Затѣмъ, чтобы они (іудеи), видя городъ осаждаемымъ огромнымъ войскомъ, не падали духомъ. Потому Богъ говоритъ, что ассирійцы, хотя получили власть отъ Него, не пожелали познать Давшаго имъ эту власть. Незнаніе того, что побѣда надъ другими
148 народами была дарована Богомъ, было великимъ невѣжествомъ; присвоеніе же побѣды надъ іудеями своему могуществу, а не Богу, было признакомъ величайшаго безумія. Какъ во время Моисея, такъ и теперь: Я, говоритъ, далъ жезлъ гнѣва въ руку твою, чтобы ты поражалъ не народъ Мой, а иноплеменниковъ.

6. Но такъ какъ народъ былъ беззаконнымъ, то, говоритъ, *гнѣвъ Мой послю на языкъ беззаконенъ*, и своимъ людемъ *повелю сотворити корысти и плѣненіе, и попрати грады, и положити я во прахъ*. Хотя всего того было достаточно, чтобы показать, что тѣ народы беззаконны, однако, говоритъ, Я повелѣлъ имъ произвести такую добычу.

7. *Сей же не тако помысли, и душею не тако возмнѣ*, но размышлялъ о томъ, какъ бы быть храбрѣйшимъ изъ всѣхъ на самомъ дѣлѣ. *Но отступитъ умъ его, еже потребити языки не малы*. Хотя онъ считалъ себя способнымъ достигнуть этого, однако ему должно бояться перемѣнчивости человѣческой. Смотри, какое зло не знать мѣры самоуваженія.

8. 9. *И аще рекутъ ему: ты ли еси единъ князь, и речетъ: не взяхъ ли страны, яже выше Вавилона и Халани, идѣже столпъ созданъ?* Приводится на память, что онъ (ассирійскій царь) былъ наказанъ Богомъ для того, чтобы показать величайшую силу Божію: по прошедшему соображай о будущемъ. Удерживая свою смѣлость, не уразумѣешь ли ты теперь могущества силы Божіей? Онъ говорилъ такимъ образомъ для того, чтобы показать силу Божію: того, кто, подобно сильному дождю или стремительному ручью, наводнилъ многія страны, раздѣлилъ народы, опустошилъ поля, Богъ заключитъ въ небольшомъ презрѣнномъ городѣ, какъ бы онъ и не существовалъ.

10. *И взяхъ*, говоритъ, части *Аравіи и Дамаскъ и Самарію. Якоже сію взяхъ, тако вся княженія* разрушу. Смотри, это выше человѣческой природы. О, человѣкъ! Ты говоришь: никто не могъ

мнѣ воспрепятствовать. Чѣмъ больше ты говоришь объ этихъ ужасахъ, тѣмъ больше показываешь могущество Божіе.

11. *Возрыдайте, изваянная, во Іерусалимѣ и въ Самаріи. Якоже бо сотворихъ Самаріи и рукотвореннымъ ея, тако сотворю и Іерусалиму и кумиромъ его.* Видишь ли слабость идоловъ? Видишь ли, что гордость его касается не только людей, но что онъ 144
издѣвается и надъ богами, такъ какъ говоритъ: отъ начатаго мною меня не могли отвратить ни множество людей, ни даже могущество боговъ? Если ты начинаешь, то ясно, что ты слабъ; а если когда-либо найдется, кто воспрепятствуетъ тебѣ, то ясно, что Онъ сильнѣе людей и боговъ.

12. *И будетъ, егда скончаетъ Господь вся въ горѣ Сіони и во Іерусалимѣ, наведетъ* гнѣвъ на гордаго, *на князя ассирійска, и на высоту славы очію его.* Что значитъ слово: *скончаетъ?* Акила говоритъ: тотчасъ отсѣчетъ, а Симмахъ: будетъ отсѣчено. Онъ многимъ попускаетъ страхъ и бѣгство, такъ какъ и это послужитъ къ показанію величія чудесъ. Но когда ассирійскій вождь увеличитъ свой гнѣвъ и будетъ больше не въ состояніи говорить что-либо иное, тогда Богъ ему воспрепятствуетъ. Что дѣлаетъ Богъ, это Онъ дѣлаетъ не для показа, а для пользы евреевъ и варваровъ, какъ и Павелъ говоритъ: *егда исполнится ваше послушаніе* (2 Кор. x, 6).

13. 14. *Рече бо: крѣпостію руки моея сотворю, и премудростію разума отыму предѣлы языковъ, и силу ихъ плѣню, и сотрясу грады населенныя, и вселенную всю обыму рукою моею, яко гнѣздо, и яко оставленая яица возму, и нѣсть, иже убѣжитъ мене, или противу мнѣ речетъ.* Смотри великую гордость, которая, хотя не воздымала ума до величія Божія, но была достаточна для посрамленія и наказанія. Кто, говорилъ онъ, предо мною Богъ вашъ? Богъ (пока) бросилъ и оставилъ этого гордаго храбреца для того, чтобы онъ болѣе позналъ могущество Божіе. Онъ могъ послать съ неба огонь и попалить войско, наслать на него звѣрей или различныя казни, но не желалъ. Онъ попустилъ, чтобы они осадили городъ, молчалъ, чтобы они преступили мѣру и чтобы царь Езекія совершилъ свою молитву, а потомъ уже обнаружилъ гнѣвъ свой, совершая великое дѣло. Но, по милости Божіей, я дойду до этого мѣста, а теперь объясню, что значатъ слова: *егда скончаетъ Господь вся* (ст. 12). Напримѣръ, какъ вызывающій удивленіе артистъ 145
не выходитъ на площадь предъ зрителями въ неудобный моментъ, но лишь послѣ того, какъ увидитъ ихъ всѣхъ въ сборѣ, каждаго—сидящимъ по порядку и на своемъ мѣстѣ, тогда выступаетъ для показыванія силы своего искусства, — такъ и Богъ: когда каждый сидѣлъ на горѣ Сіонѣ и въ Іерусалимѣ, какъ бы для

зрѣлища, тогда, говоритъ, „посѣщу умъ, подъятый гордостію“, такъ какъ, сравнительно съ этимъ, нѣтъ иного худшаго ума. Такимъ образомъ совершенно доказано то, что не можетъ быть никого несчастнѣе гордаго: да и какъ можетъ гордиться тотъ, кто не въ силахъ понимать того, что ясно даже дѣтямъ? И онъ не сказалъ: „посѣщу человѣка“, но „умъ, подъятый гордостію“. Онъ не взялъ изъ среды (ихъ) царя, но попустилъ, чтобы онъ исправился, вслѣдствіе бѣдствій, постигшихъ другихъ; а такъ какъ онъ не исправился, но, возвратившись домой, поклонялся богамъ и началъ предаваться неисправимымъ порокамъ, то Богъ взялъ его изъ среды живыхъ (Ис. xxxvii, 38), чтобы тѣмъ наказаніемъ, которому Онъ подвергъ его, вразумить другихъ. Такимъ образомъ показалъ не смѣну вещей, а только конецъ. Желалъ онъ также показать намъ и нѣчто иное, именно, спасеніе спасаемыхъ, и разсказать о гибели гордеца.

Я, говоритъ, *крѣпостію руки моея сотворю, и премудростію разума отъиму предѣлы языковъ*, чтобы нигдѣ не было царей и не обрѣталось князей. *И сотрясу грады населеныя, и вселенную всю объиму рукою моею, яко гнѣздо.* Видишь ли, доколѣ простираетъ жестокій умъ свою гордость? Какъ онъ обнаруживаетъ гордость съ угрозами? Видишь ли, сколько зла рождается отъ гордости? *И нѣсть, иже убѣжитъ мене, или противу мнѣ речетъ.* Раскрываетъ совершенную его гордость, чтобы показать, какого человѣка побѣдилъ Богъ. Тѣмъ, кто слѣдуетъ добродѣтели, нехорошо превозноситься и говорить о себѣ великое, такъ какъ гордыхъ постигаютъ наказанія отъ Бога, какъ случилось съ фарисеемъ: если того, кто, по своимъ добрымъ дѣламъ, противился волѣ діавола, могло отвратить (отъ Бога) и погубить одно слово и одна вина, то насколько болѣе возможно это относительно другихъ хвастуновъ? И если хвастовство не дозволительно упражняющимся въ добродѣтели, то насколько больше оно недозволительно для уклоняющихся отъ добродѣтелей?

146 15. *Еда прославится сѣкира безъ сѣкущаго ею? Или вознесется пила безъ влекущаго ю?* Смотри, съ кѣмъ сравниваютъ еретики Сына Божія. Съ тѣмъ, съ чѣмъ Св. Писаніе сравниваетъ ассирійцевъ. Какъ сѣкира сѣчетъ не сама собою, такъ и ты самъ собою не сдѣлаешь ничего; и какъ пила не сама себя влечетъ, такъ и ты самъ собою не совершишь ничего. *И не тако*, т. е., послѣ этого Я не буду больше въ тебѣ нуждаться. Или: вознесется жезлъ безъ возносящаго и? Такъ какъ Я былъ вознесшимъ тебя, то впослѣдствіи Я никогда не вознесу тебя.

16. *Но послетъ Господь Саваоѳъ на твою честь безчестіе, и на твою славу огнь горя возгорится*, такъ какъ несчастіе сопровожда-

лось безчестіемъ. Чѣмъ больше были угрозы, тѣмъ больше слава Израиля, когда возгорѣлся огонь среди непріятелей.

17. *И будетъ свѣтъ Исраилевъ огнемъ, и освятитъ его огнемъ горящимъ, и поястъ его, яко сѣно вещество.* Пророкъ обозначаетъ ихъ гибель: гнѣвъ (Божій) пожиралъ непріятельское войско, подобно огню.

18. 19. *Въ тотъ день угаснутъ горы и холми и дубравы, и поястъ отъ души даже до плотей, и будетъ бѣжай, яко бѣжай отъ пламене горяща. И оставшіися отъ нихъ будутъ въ число, и отроча малое напишетъ я.* Они устремятся въ бѣгство, какъ отъ огня, и ихъ легко будетъ сосчитать. И не прибѣгутъболѣе къ тебѣ: говоря такъ, пророкъ показываетъ, что они (евреи) нѣкогда прибѣгали къ нему (ассирійскому царю), который отвелъ въ рабство евреевъ и ради нихъ также жителей Самаріи, такъ какъ по причинѣ осады однихъ случились бѣдствія съ другими.

20. 21. *И будетъ въ той день, не приложится ктому останокъ Исраилевъ, и спасеніи Іаковли не будутъ ктому уповающе на обидѣвшія ихъ, но будутъ уповающе на Бога, святого Исраилева, истиною.* Видишь ли, къ чему послужило несчастіе? *И будетъ останокъ* Іаковль (уповающе) на Бога крѣпкаго. Почему только эти, а не всѣ? Всѣмъ должно было обратиться къ добру. Видишь, что чудеса были сотворены ради всѣхъ, а принесли пользу только имъ однимъ.

22. 23. *И аще будутъ людіе Исраилевы, яко песокъ морскій, останокъ ихъ* малъ *спасется; слово совершая и сокращая правдою, яко слово сокращено сотворитъ Господь по всей вселеннѣй.* И вотъ, пророкъ обращается къ пророчеству. Такъ какъ іудеи всегда надѣялись на численность, говоря, что Богъ не погубитъ такого 147
множества людей, то онъ исторгаетъ эту надежду: Я, говоритъ, не придамъ значенія многочисленности. И другой пророкъ также говоритъ: и будетъ число сыновъ Исраилевыхъ, яко песокъ морскій (Ос. I, 10). Что пользы въ толпѣ, если безполезны самыя дѣла? Не всѣ имѣли быть невѣрующими, но такъ какъ вѣровали немногіе, то и спасеніе получили немногіе. *Слово совершая и сокращая правдою*: не будетъ болѣе продолжаться долготерпѣніе, снисхожденіе и милость. Но, какъ мнѣ кажется, выраженіе: *слово совершая и сокращая... сотворитъ Господь по всей вселеннѣй*, указываетъ на рѣшенія въ будущей жизни. Смотри, какъ съ чудесами смѣшиваются пророчества, бывшія и неисполнившіяся. Такъ какъ сказано, что спасутся немногіе оставшіеся, то ты не говори, какимъ образомъ изъ такого множества спасаются немногіе. Такъ или иначе, говоритъ, Я не буду щадить васъ, но погублю всѣхъ, даже оставшихся. Видишь ли, какъ Онъ за-

ботится, чтобы они надѣялись на Бога, а не на множество, какъ и въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *Азъ же не пощажду ли града, въ немъ же живутъ множайшія, нежe двaнадесять темъ человѣкъ* (Іон. IV, 11). Говоря это, Богъ какъ бы утѣшалъ пророка, но, и безотносительно къ тому, Онъ пощадилъ городъ, ради примѣрнаго покаянія: вѣдь если бы Онъ принималъ во вниманіе многочисленность, то долженъ былъ бы пощадить и прежде покаянія. Но если прежде покаянія Онъ не принималъ во вниманіе многочисленности, то, конечно, не принималъ ея во вниманіе и послѣ покаянія, почему и говорится: *и видѣ Богъ, яко обратишася отъ путей своихъ лукавыхъ* (Іон. III, 10), и въ другомъ мѣстѣ: *по множеству ихъ согрѣшиша Мнѣ* (Ос. IV, 7). Видишь ли, что множество не умилостивляетъ, а скорѣе раздражаетъ Бога, такъ какъ чѣмъ больше людей, тѣмъ больше зла? Одинъ нечестивый часто можетъ спастись, но многіе—никогда и нигдѣ, такъ какъ всѣ страдаютъ той же болѣзнію. И нынѣ, въ наши времена, скажутъ, ужели Богъ погубилъ бы такое множество? Конечно, такъ какъ Онъ презираетъ множество. Не видишь ли ты, что только одинъ съ домомъ своимъ избѣжалъ невредимымъ потопа, трое только спаслись отъ огненнаго гнѣва, посѣтившаго содомлянъ,
148 и двое только—въ пустынѣ? Лучше, говоритъ, одинъ творящій волю Божію, чѣмъ 10,000 беззаконниковъ,—и справедливо: что бы ты лучше желалъ найти—10,000 деревянныхъ или оловянныхъ монетъ, или—одну драгоцѣнную жемчужину? Не говори, что она одна только, но знай, что она одна драгоцѣннѣе тѣхъ многихъ, такъ какъ не во множествѣ цѣна, но въ цѣнѣ—множество. Потому о немногихъ добрыхъ людяхъ говорится: *ихъ же не бѣ достоинъ міръ* (Евр. XI, 38).

24. *Не бойтеся*, говоритъ, *людіе мои, живущіи въ Сіонѣ, отъ ассиріанъ, яко жезломъ поразитъ тя: язву бо* навожу *на тя, еже видѣти путь Египта*, т. е., легко и человѣколюбиво Я подвергну тебя наказанію и бѣдствіямъ ради любви. Это есть признакъ правды Божіей, что онъ не открываетъ, какимъ образомъ тебѣ помогли египтяне, на которыхъ ты много разъ надѣялся.

25. 26. *Еще бо мало и престанетъ гнѣвъ, ярость же Моя на совѣтъ ихъ: и воздвигнетъ* Господь *на ня язву Мадіамлю*. Акила и другіе прибавляютъ: Господь силъ (воздвигнетъ) муки, сообразно язвѣ Мадіама, на мѣстѣ мученія, на мѣсто крѣпкое, которое онъ открылъ; а другіе: на Сіонъ, который Онъ открылъ. *И ярость его на путь, иже къ морю, на путь, иже во Египетъ*. Акила говоритъ: жезлъ Его на море; а Симмахъ: жезлъ Его на путь египетскій. Этимъ примѣромъ подтверждается настоящее пророчество: какъ нѣкогда посредствомъ 300 человѣкъ,

безъ труда и оружія, Онъ истребилъ всѣхъ, подобно тому и теперь. *И ярость Его на путь, иже къ морю*, т. е., они пройдутъ мимо васъ, и устремятся въ Египетъ; потому, видя ихъ, не бойся.

27. Яко *отъимется страхъ его отъ тебе, и иго его отъ рамене твоего*. Акила и Симмахъ говорятъ: бремя его. Они не такъ будутъ побѣждены, чтобы, произведя новый наборъ, снова двинуться противъ тебя войною, но, вслѣдствіе тяжкаго пораженія, будутъ совершенно истреблены; потому онъ говоритъ: *отъимется иго его отъ рамене твоего*.

28. *Пріидетъ бо во градъ Агай*; другіе называютъ: Аватъ.
И прейдетъ въ Магеддо. А LXX и другіе: въ Макронъ [1]), еврей- 149
скій же текстъ: въ Маттонъ [2]).

29—31. *И въ Махмасѣ положитъ сосуды своя, и минетъ дебрь и пріидетъ во Агай: страхъ пріиметъ Раму, градъ Сауловъ; побѣгнетъ дщерь Галимля, услышится въ Лаисѣ, услышится во Анаеоѳѣ*; ужаснется *Мадемина* и *живущіи въ Гиввирѣ*. Видишь ли, что Писаніе даже перечисляетъ въ отдѣльности тѣ лагери, въ которыхъ должно было находиться ассирійское войско? Но, хотя оно отъ васъ недалеко, однако вы не бойтесь, такъ какъ оно идетъ туда, куда направляется, возьметъ оттуда то, что пожелаетъ, и возвратится, а вамъ не причинитъ никакого вреда.

33. *Се Господь Саваоѳъ смятетъ славныя съ крѣпостію, и высоцыи укоризною сокрушатся, и высоцыи смирятся, и падутъ мнозіи мечемъ, Ливанъ же съ высокими падется*. Не видишь ли, сколько бываетъ утѣшенія и радости, когда что-либо дѣлаетъ Самъ Богъ?

ГЛАВА XI.

1. *И изыдетъ жезлъ изъ корене Іессеова*. Другіе переводчики: 150
изъ пня, а еврейскій т. говоритъ: изъ стебля [3]). Видишь ли дивное? Видишь ли пророчество? *И изыдетъ*, говоритъ, *изъ корене*, показывая, что это—дѣло будущаго. Нѣкоторые передаютъ это за сказанное о царѣ Езекіи, но Езекія царствовалъ раньше того времени, когда было это сказано. Пророкъ утверждаетъ, что этотъ жезлъ происходитъ изъ корней предковъ. Хорошо сказалъ: „изъ

---

[1]) Въ извѣстныхъ древнихъ кодексахъ греч. перевода LXX: εἰς Μαγεδδώ, въ ватикан.: Μαγγεδώ. Ак., Сим.: κατά τὸ Εβραϊκὸν, Μαργών. Θеод.: Μαγγεδών.

[2]) Въ современномъ еврейско-масор. текстѣ: въ Мигронъ.

[3]) Въ современномъ еврейско-масор. т.: изъ ствола.

корней“, т. е. отъ Авраама и даже раньше его, открывая рожденіе безъ брака, какъ и другіе говорятъ; „изъ пня“. Жезлъ, говоритъ, изыдетъ не изъ сѣмени или изъ земли, но изъ корней,— изыдетъ, какъ бы не проходя чрезъ корни, но—изъ самыхъ корней, т. е., Онъ принялъ плоть не отъ какого-либо тѣла, которое прошло чрезъ другое тѣло, но отъ тѣла Дѣвы, не принося тѣла съ неба, ни воспринимая иное тѣло чрезъ новое твореніе, и Самъ не измѣняясь во плоти, но принимая тѣло истинное отъ Дѣвы, вмѣстѣ съ духомъ и разумомъ, тѣло Свое, Слова Божія, а не тѣло какого-либо человѣка внѣ себя, какъ и Павелъ говоритъ: пришло и произошло отъ жены (ср. Гал. IV, 4), обозначая вмѣстѣ съ тѣмъ тѣло безъ брака, отъ плоти жены. Жезломъ пророкъ называетъ также и царство, такъ какъ Писаніе вездѣ называетъ отрасли и честь царства — жезломъ, цари (по нему) держатъ въ рукѣ золотой жезлъ,—такимъ образомъ жезлъ по нему служитъ названіемъ царства, страха и возбужденія. Посмотримъ, какъ пророкъ говоритъ здѣсь о тѣлесномъ пришествіи Того, Кого онъ выше назвалъ Отрокомъ, имѣющимъ родиться отъ Дѣвы. *И цвѣтъ отъ корене взыдетъ*, а другіе говорятъ: изыдетъ вѣтвь. Видишь ли, что этимъ означается также возрастаніе? Такъ какъ
151 слова „взыдетъ“ и „изыдетъ“ означаютъ преуспѣвающій и законосообразный ростъ, то онъ не говоритъ: возраститъ отъ тебя, но отъ самаго жезла, такъ что цвѣтъ жезла никогда не завянетъ. А чтобы здѣсь не разумѣли жезла вещественнаго, пророкъ хорошо прибавилъ: *Іессеова*, какъ дѣлаютъ евангелисты, вразумляя, что Богъ всяческихъ никого не гнушался.

2. *И почіетъ на немъ Духъ Божій, духъ премудрости и разума*. Да устыдятся еретики, желающіе толковать Писаніе по-іудейски. *Духъ*, говоритъ, *совѣта и крѣпости, духъ вѣдѣнія и благочестія*. А другіе прибавляютъ также: страха, т. е., *исполнитъ Его духъ страха Господня*. Акила: надъ нимъ будетъ благовоніе страха Божія. Симмахъ и Ѳеодотіонъ: Онъ Самъ будетъ благоухать страхомъ Божіимъ. Почему Онъ, Богъ, исполнится Духа? Если Онъ боится Отца, какъ вы богохульствуете, то почему Онъ имѣлъ нужду въ Духѣ, Котораго вы считаете ниже Его? Далѣе, для насъ Онъ, въ духѣ и тѣлѣ Своемъ, принимаетъ Духа премудрости и разума, вѣдѣнія и благочестія, представляя намъ примѣръ въ Себѣ Самомъ, что мы нуждаемся въ такихъ дарахъ Духа Божія. Будучи Господомъ, Онъ не нуждается въ этомъ пріятіи Духа, но Духъ является въ Немъ, чтобы благодѣянія Его открылись намъ. Онъ воплотился и вочеловѣчился не по какой-либо своей нуждѣ, но только для того, чтобы людей сдѣлать сынами Божіими. Точно также Онъ принялъ Духа не по какой-либо

скудости, но только для того, чтобы даровать Духа въ обиліи — нуждающимся. Такъ какъ, если что̀ принадлежитъ Отцу, принадлежитъ и Ему (Сыну), какъ сказано въ Евангеліи: и Моя вся Твоя суть, и Твоя—Моя (Іоан. xvii, 10), то ясно, что Духъ, сосущественный Отцу, сосущественъ и Ему, и какъ Себя Самого Онъ положилъ за стадо, такъ даровалъ сосущественнаго Себѣ Духа, съ соизволенія Отца и Св. Духа, чтобы оживотворить міръ, который былъ мертвымъ. Пророкъ утверждаетъ, что Онъ принялъ Духа не въ мѣру, но весь былъ исполненъ Духа Божія. Ничто не сродно Отцу, кромѣ одного лица Сына, и ничто Сыну, кромѣ лона Отчаго, также ничто не исполнено Св. Духа, кромѣ сосущественнаго Ему Сына. *Духъ*, говоритъ, *премудрости, разума, духъ совѣта и крѣпости, вѣдѣнія и благочестія и страха* Господня, потому что гдѣ находится страхъ Господень, тамъ есть 152
все. Показывающій въ себѣ Духа со всѣми дарами Его показываетъ ради того, чтобы насъ привести къ страху благочестія, и потому не говоритъ о Себѣ Самомъ: Я убоялся Тебя, но: Я возлюбилъ Тебя (ср. Іоан. xiv, 31). Сыну возможно было любить, не бояться. Тѣ, которые толкуютъ сказанное о другомъ человѣкѣ, исполнившемся Св. Духа, пусть укажутъ того, кто былъ способенъ къ пріятію всего Духа. Ты думаешь о Езекіи или Зоровавелѣ? Не приводи другихъ, объ нихъ я поговорю въ своемъ мѣстѣ, а теперь скажу объ этихъ двухъ, т. е. о Езекіи и Зоровавелѣ. Который изъ нихъ могъ получить полноту Духа? Если будешь настойчиво утверждать, что они были способны къ этому, то почему ты не признаешь того же относительно Христа? Что могъ Езекія? Хотя своей молитвой онъ сохранилъ городъ невредимымъ, но все это онъ сдѣлалъ при помощи силы Божіей; а какія силы явилъ Христосъ? Выслушай говорящаго пророка: *егоже начальство бысть на рамѣ Его* (Ис. ix, 6). Этого недостаточно,—я обличу безстыдныхъ слѣдующими словами: *не по славѣ*, говоритъ, *судити иматъ*. Видишь ли признакъ Его божественности? Акила: не по видѣнію очей будетъ судить, и не по рѣчамъ будетъ обличать. Другіе: не по слуху ушей будетъ обличать. Таковыя дѣла—не по человѣческому образу, а по Богу, какъ сказано: *тайная Господеви Богу нашему* (Втор. xxix, 29), *яко человѣкъ зритъ на лице, Богъ же зритъ на сердце* (1 Цар. xvi, 7). Одному Богу свойственно судить не по подозрѣнію, а намъ свойственно—часто отступать отъ справедливости. Видишь ли? Все, что̀ пророки повсюду приписываютъ божественной силѣ, тоже этотъ пророкъ (Исаія) приписываетъ Ему,—Онъ не говоритъ: то по подозрѣнію, а то не по подозрѣнію Онъ будетъ судить, но: никогда не будетъ судить по подозрѣнію. Если бы Онъ былъ только про-

рокомъ, то и Онъ могъ бы заблуждаться, подобно Самуилу и Елисею, которые многаго не знали напередъ, и узнавали тогда, когда желала благодать Св. Духа. Опять, показывая строгій судъ, пророкъ прибавляетъ: *ниже по глаголанію обличитъ*. Видишь ли, какого призываетъ Судію,—который не только обличитъ по сло-
153 вамъ, но объявитъ и сердечныя тайны, и такимъ образомъ совершитъ судъ. Земные судьи судятъ только явное, и, вслѣдствіе незнанія, часто поступаютъ противъ права; но Богъ изслѣдуетъ и сердечныя тайны, предъ Нимъ все открыто, по сказанному: *живо бо слово Божіе и дѣйственно, и острѣйше паче всякаго меча обоюду остра, и проходящее даже до раздѣленія души же и духа, и судительно помышленіемъ и мыслемъ сердечнымъ* (Евр. IV, 12): оно не только отдѣляетъ духъ отъ тѣла, но и душу, т. е., благодать Духа, отъ души, и не нуждается въ рѣчахъ и письмахъ, какъ сказано: отверзутся книги живыхъ и воздастся судъ (ср. Дан. VII, 10).

4. *Но судитъ смиренному судъ и обличитъ смиренныя земли*. Тамъ пророкъ показываетъ знаніе, здѣсь—строгость суда, подобно тому, какъ Онъ произнесъ судъ о Лазарѣ и богачѣ, и—въ другомъ мѣстѣ: *нѣсть Мое дати вамъ, но имъ же уготовася* (Мѳ. XX, 23). именно, не отъ Меня Самого является препятствіе (къ этому), когда они (сыны Зеведеевы) считаютъ себя достойными. Хорошо Онъ назвалъ славными земли, такъ какъ они не были славными неба. Смотри, какъ Онъ чрезъ Авраама осудилъ богатаго, не примѣнивъ Своего могущества, такъ какъ праведно судилище Его.

5. *И будетъ препоясанъ правдою о чреслѣхъ Своихъ, и поразитъ землю словомъ устъ Своихъ*. Это ясно сказалъ Павелъ объ антихристѣ, котораго *Господь Іисусъ убіетъ духомъ устъ Своихъ и упразднитъ явленіемъ пришествія Своего* (2 Солун. II, 8), причемъ не будетъ имѣть нужды ни въ оружіи, ни въ военныхъ снарядахъ: достаточно только явиться свѣту, чтобы исчезла тьма. Желаешь ли ты знать, какимъ образомъ Онъ поразитъ? Подобно тому, какъ Онъ увидѣлъ готовившихся схватить Его и сказалъ: *кого ищете?* И они тотчасъ *идоша вспять и падоша на земли* (Іоан. XVIII, 4). *Поразитъ землю словомъ устъ Своихъ*,—какъ сказано объ Отцѣ: *словомъ Господнимъ небеса утвердишася и духомъ устъ Его вся сила ихъ* (Пс. XXXII, 6). Онъ угрожаетъ морю и сушитъ, изсушаетъ всѣ рѣки, Онъ говоритъ солнцу: не восходи, и оно не восходитъ. Какъ случается съ нами, что мы тѣми же руками, которыми дѣлаемъ что-либо, можемъ и разрушить, такъ и съ
154 Богомъ: *Словомъ Господнимъ небеса утвердишася* (Пс. XXXII, 6). *И будетъ препоясанъ правдою о чреслѣхъ Своихъ, и истиною обвитъ по ребрамъ* Своимъ. Симмахъ и Ѳеодотіонъ: грудь Его будетъ

окружена вѣрою, чтобы и мы облачились въ эту одежду. Какой человѣкъ являлся имѣющимъ вѣчную одежду, приличествующую одному Богу, о чемъ въ концѣ этого пророчества говорится: *облечется* въ оружіе *правды* (Прем. С. v, 18; Ис. LIX, 17) и въ одежду Божію? *Тогда*, говоритъ, *пастися будутъ вкупѣ волкъ со агнцемъ* (ст. 6). И опять: *словомъ устъ Своихъ поразитъ землю*, а въ другомъ мѣстѣ: Онъ говорилъ и земля была изранена. Будешь ли (при этихъ словахъ) понимать тѣло, грѣхи котораго были поражены жезломъ, или, имѣющее быть въ концѣ міра, пораженіе на землѣ,—не впадешь въ заблужденіе.

6. Тогда *пастися будутъ вкупѣ волкъ со агнцемъ*. Акила переводитъ: волкъ будетъ странствовать къ агнцу; Симмахъ: вмѣстѣ будутъ обитать; Ѳеодотіонъ: будутъ странствовать. Волками называются жестокіе людскіе нравы, а агнцами — благоразумные. Если кто утверждаетъ, что здѣсь говорится не то, а только — о звѣряхъ, тотъ пусть объяснитъ, какой жезлъ произошелъ изъ корня Іессеова? Что здѣсь говорится о злыхъ и добрыхъ людяхъ, помимо прочаго, ясно изъ того, что другіе переводчики утверждаютъ это даже точнѣе. Одинъ говоритъ: будетъ странствовать, другой: вмѣстѣ будутъ обитать. О звѣряхъ этого понимать невозможно, тогда какъ польза странствованія наблюдается въ людяхъ. Подъ волками, пасущимися съ агнцами и другъ другу не приносящими вреда, разумѣй солдатъ, дикихъ умомъ, жестокихъ, сотниковъ и полководцевъ, которые, вслѣдствіе благочестія и любви ко Христу, придя въ себя, не будутъ обнаруживать гнѣва относительно смиренныхъ и простыхъ людей. *И рысь почіетъ съ козлищемъ*: и это Богъ можетъ легко сдѣлать, да и мы можемъ, когда пожелаемъ. *И тельцы и львы и юнцы вкупѣ пастися будутъ и отроча мало поведетъ я.*

7. *И волъ и медвѣдь вкупѣ пастися будутъ, и вкупѣ дѣти ихъ, будутъ, и левъ, аки волъ, ясти будетъ плевы.* Пророкъ говоритъ, что они не только ходятъ въ одномъ и томъ же мѣстѣ, но находятся
вмѣстѣ на томъ же пастбищѣ, когда пища готова, не такъ, чтобы 155
измѣнилась природа, но нравы жизни: по его словамъ, волкъ не измѣнится въ агнца, но, оставаясь въ дикомъ состояніи и имѣя господство по храбрости, онъ тѣмъ не менѣе не будетъ причинять смиренному вреда. И въ другомъ мѣстѣ Св. Писаніе свирѣпыхъ начальниковъ называетъ арабскими волками. *И рысь почіетъ съ козлищемъ, и тельцы и львы и юнцы вкупѣ пастися будутъ.* Каждый изъ звѣрей оставитъ свой дикій нравъ; это значитъ тоже, что сказано выше: *обличитъ языцы многи*. Не то удивительно, что Онъ произнесетъ судъ и обличитъ славныхъ земли, но болѣе удивительно то, что Онъ вложитъ въ людей такія добродѣтели,

что они станутъ подражателями небесныхъ путниковъ, и великихъ и малыхъ подчинитъ тому же закону, чтобы никто не могъ обижать бѣдныхъ. Таковы дѣла Творца Бога. *И отроча мало поведетъ я*. Они будутъ такъ согласны, что не будутъ нуждаться ни въ законахъ, ни въ чемъ-либо иномъ подобномъ, но каждый будетъ управлять только самимъ собою, какъ и говорится: *праведнику законъ не лежитъ* (1 Тим. I, 9). Если кто придетъ для управленія христіанскимъ городомъ, гдѣ всѣ слѣдуютъ Христу, то, хотя бы онъ и весьма мало зналъ и даже былъ малымъ отрокомъ, тѣмъ не менѣе, обѣщая направлять жизнь по христіанскимъ нравамъ, онъ тотчасъ поведетъ всѣхъ легко, и они своему явившемуся вождю никогда не причинятъ никакой непріятности.

8. *И волъ и медвѣдь вкупѣ пастися будутъ, и вкупѣ дѣти ихъ будутъ*. Эти слова означаютъ для насъ тоже, что и прежнія, т. е., жестокіе и разумные будутъ обитать вмѣстѣ, и, вслѣдствіе благочестія, не будутъ обижать другъ друга. Смотри, какъ онъ низводитъ рѣчь до малыхъ отроковъ, которыхъ нынѣ и видимъ обнаруживающими такую добродѣтель благочестія въ отроческомъ возрастѣ. *И левъ, аки волъ, ясти будетъ плевы*. Если ты видѣлъ какого-либо полководца, который приготовлялъ свою обильную трапезу изъ награбленнаго, ѣлъ и пилъ такимъ образомъ, подобно неистовому льву, пожиралъ тѣла и размельчалъ кости другихъ, свою трапезу наполнялъ кровію и мясомъ, а потомъ увидишь его, подъ вліяніемъ благочестія, то постящимся, то умѣренно употребляющимъ пищу,—тогда ты вспомни слова про-
156 рока, говорящаго: *левъ, аки волъ, ясти будетъ плевы*, такъ какъ онъ измѣнилъ свою дикость и грубость, не только относительно общества, но и относительно трапезы, такъ что въ немъ невозможно болѣе найти свойствъ дикости и грубости.

9—10. *И отроча мало на пещеры аспидовъ, и на ложе исчадій аспидскихъ руку возложитъ. И не сотворятъ зла, не возмогутъ погубити никогоже на горѣ святѣй Моей*. Симмахъ: и пойдетъ младенецъ на пещеры аспидовъ, и отрокъ, питающійся молокомъ, видя василисковъ, возьметъ ихъ руками, и они не обидятъ его, и не причинятъ вреда на всей горѣ святой Моей. Слабые, обитающіе среди злыхъ, не будутъ подвергаться непріятностямъ отъ ихъ злобы. Богъ далъ намъ такую силу, вслѣдствіе которой ихъ злоба не можетъ вредить намъ. Если уколы чародѣевъ и ложныя заклинанія, которыми они пользуются, могутъ сдѣлать тѣла злыхъ звѣрей невредимыми отъ ядовъ, то тѣмъ болѣе, вслѣдствіе помазанія Духа и духовныхъ заклинаній, которыми закляты умы наши, свободны будемъ отъ зла мы, когда пожелаемъ. Такимъ образомъ мы не только будемъ отвлечены отъ зла, но и будемъ такъ сильны,

что намъ не въ состояніи будетъ вредить злоба другихъ. Какимъ образомъ это исполнится? *Яко наполнися вся земля вѣдѣнія Господня, аки вода многа покры моря.* Все это творитъ познаніе Бога, которымъ обновляемся и измѣняемся не только мы, но и вся земля. Не думай, что говоря, что вся земля наполнится познанія Бога, пророкъ говоритъ только о Палестинѣ: пророческія слова этой книги не допускаютъ такой скудости, даже совершенно не согласуются съ ней. *Аки вода многа покры моря.* Не безъ причины пророкъ говоритъ: моря, а не: море. Какимъ же образомъ можно открыть добрыя дѣла или благочестіе христіанъ? Не видимъ ли мы распри и тяжбы между христіанами? Они завидуютъ другъ другу, борются между собой изъ желанія господства, любятъ славу и міръ, погрязаютъ въ мщеніи и судахъ, обходятъ землю и море ради наживы и торговли. Не видишь ли ты вождей и начальниковъ христіанскихъ поглощающими живыхъ людей? Наконецъ, какимъ образомъ на христіанахъ исполнились тѣ слова, или—вся земля наполнилась познанія Господа? Почему очень 157
многіе народы, услышавшіе христіанскую религію, не отступили отъ своихъ дикихъ нравовъ? Такимъ образомъ, покажи, скажутъ, намъ, гдѣ эти во всякомъ случаѣ хорошіе законы. Говорить такъ, какъ мнѣ кажется, значитъ думать и говорить пустое многое,—возмущать и возмущаться, и—стараться обнаруживать пустыя пророчества и ложныя слова. Думаютъ, что мы не въ состояніи подтвердить истины. Не бойтесь! По милости Божіей, когда будемъ говорить объ этомъ, мы скажемъ все то, что дастъ благодать Духа, такъ какъ ради Его славы трудимся и за Него ведемъ войну. Я покажу тебѣ, сколько войнъ окончено. Не враждовала ли сама съ собой природа? Не поклонялись ли деревьямъ и камнямъ и не кропили ли на всѣ жертвенники кровью? Чѣмъ они отличались отъ волковъ? Они были даже хуже волковъ. Послѣдніе заботятся и жалѣютъ своихъ дѣтенышей, напротивъ люди, вмѣсто милосердія, котораго требовала природа, оказывались жестокими. Зачѣмъ намъ стараться доказывать это на основаніи язычниковъ? Выслушай говорящаго пророка: *пожроша сыны своя и дщери своя бѣсовомъ* (Пс. cv, 37), или, какъ написано въ книгѣ царей: царь Амонъ [1]), когда велъ войну, принесъ своего сына во всесожженіе предъ всѣми (4 Цар. iii, 27). Ужели это

[1]) Св. І. Злат., вѣроятно, имѣетъ здѣсь въ виду разсказъ 4 Царствъ относительно Меши, царя моавитскаго, который, во время войны противъ него Іорама и Іосафата, на стѣнахъ города принесъ своего сына во всесожженіе. Объ Аммонѣ, царѣ іудейскомъ, оставившемъ Господа и служившемъ кумирамъ, книга Царствъ такого свидѣтельства не содержитъ (ср. 4 Цар. xxi, 19—26).

кажется признакомъ малой жестокости? Почему же теперь никто не дѣлаетъ этого, даже язычникъ? Отроки свободно живутъ съ отцами и матерями, имѣютъ заботу и любовь къ родителямъ. Тогда отцы вели себя относительно сыновей, какъ палачи, а теперь они доставляютъ имъ пищу, жизнь и почести. Желаешь ли ты понять, какимъ образомъ *отроча младо на пещеры аспидовъ руку возложитъ, и не сотворятъ зла?* Все это открывается въ христіанахъ. Хотя во время мученичества ихъ бросали звѣрямъ, однако чрезвычайная сила послѣднихъ не могла вредить имъ, и часто даже младенцы въ этихъ битвахъ получали вѣнцы, одни оставляли свои имѣнія, другіе раздавали ихъ. Не видишь ли ты, сколько учреждено больницъ для разслабленныхъ, сколько вспомоществованій оказано сиротамъ, сколько заботливости о вдовицахъ? Да зачѣмъ намъ перечислять внѣшнее? Войди въ церковь, и ты собственными глазами увидишь эти учрежденія, и тотъ, кто
158 противъ насъ писалъ все это, самъ засвидѣтельствуетъ, что въ церкви пользуются одинаковой честью бѣдные и богатые, знатные и слуги. Не видишь ли, что всѣ они уходятъ отъ той же трапезы (пользуются той же трапезой)? Но тебѣ видѣть невозможно. Какимъ образомъ рыси будутъ лежать вмѣстѣ съ козлищами, жестокій и храбрый воитель—съ смиренными и кроткими? Если они полюбили добродѣтели не всѣ вмѣстѣ, это неудивительно; но болѣе удивительно то, что нѣкоторые предались многимъ добродѣтелямъ,—а другіе, будучи не вполнѣ совершенными, однако отрѣшились отъ жестокаго характера. Но когда вся земля исполнилась вѣдѣнія Господня? Когда *во всю землю изыде вѣщаніе ихъ* (Пс. xviii, 5).

11. *И будетъ въ день оный.* Видишь ли, когда все это должно было исполниться? Потомъ пророкъ говоритъ: будетъ *корень Іессеовъ и востаяй владѣти языки, на того языцы уповати будутъ.* Кто надѣялся на Зоровавеля или Езекію? *И будетъ покой его честь.* Кого? Мы не знаемъ, чтобы это исполнилось на комъ-либо иномъ; но на Христѣ, конечно, исполнилось: *покой его честь*, т. е., гробъ, въ которомъ Онъ былъ погребенъ, который всегда почитается и прославляется. *И будетъ въ день оный, приложитъ Господь показати руку Свою:* въ день оный, т. е., во время пришествія Христова, исполнится это, когда Онъ, побуждаемый ревностію, опять соберетъ остатокъ прочій людей, *иже аще останетъ отъ ассиріовъ.* Видишь ли, что все это совершитъ ревность Божія?

12—13. *И воздвигнетъ знаменіе въ языки, и соберетъ погибшія Израилевы, и расточенныя Іудины соберетъ отъ четырехъ криль земли. И отымется ревность Ефремова, и врази Іудины погибнутъ. Ефремъ не возревнуетъ Іудѣ, и Іуда не оскорбитъ Ефрема.* Хотя

Іуда былъ не великъ и заключалъ въ себѣ только два колѣна, однако къ нему перешло царство. Потомъ указывается на пораженіе египтянъ, имѣвшее быть послѣ возвращенія изъ плѣна, когда нѣкоторые будутъ поражены, а иные—покорены.

14. *И будетъ*, говоритъ, *прошествіе людемъ Моимъ, оставшимъ во Египтѣ якоже день, егда изыде отъ земли египетскія:* упоминаются прежнія, бывшія съ ними, происшествія.

ГЛАВА XII.

1. *И речеши въ день оный: благословлю Тя, Господи, яко раз-* 159
гнѣвался еси на мя, и отвратилъ еси ярость Твою и помиловалъ мя еси. Намъ всегда должно благодарить Бога, какъ прогнѣвавшагося, такъ и примирившагося съ нами, потому что изъ таковаго гнѣва происходитъ совершенное примиреніе.

2. *Се Богъ мой, Спасъ мой, уповая буду на Него, и не убоюся.* Этимъ пророкъ указываетъ на нѣкоторый долгъ, который мы погасили, и потому теперь стали веселыми. И *уповая буду на Него*: Богъ этого ищетъ (отъ насъ) больше всего. И нынѣ, *что*, говоритъ, *проситъ Господь, Богъ твой*, *отъ тебе*: *точію еже боятися, любити и хранити заповѣди Его* (Втор. x, 12—13). *Зане слава и похвала Моя Господь, и бысть ми во спасеніе*: Онъ не только спасаетъ, но также отличаетъ и прославляетъ.

3—6. *И почерпните воду съ веселіемъ отъ источникъ спасенія.* Здѣсь присоединяются еще другія слова:—*веселитеся и радуйтеся, живущіи въ Сіонѣ, яко вознесеся Святый Израилевъ посреди тебе.* Всѣхъ, говоритъ, призовите во свидѣтельство, и всѣмъ укажите, чтобы всѣ познали не стыдиться Меня, но призывать свободно.

ГЛАВА XIII.

1. *Видѣніе на Вавилона.* Акила: колесница вавилонская, 160
Ѳеодотіонъ и Симмахъ говорятъ: притча о вавилонянахъ. *Еже видѣ Исаіа*,—потому что видѣли и другіе пророки.

2—3. *На горѣ польнѣй воздвигните знаменіе, вознесите гласъ имъ, поущайте рукою, отверзите, князи. Азъ повелѣваю, и Азъ веду ихъ, освященни суть*, и Азъ собираю ихъ. Акила: Я повелѣлъ освященнымъ Моимъ, именно, Я приведу вождей и воиновъ: этимъ онъ напоминаетъ о царѣ Кирѣ; Я, говоритъ, приведу ихъ, чтобы вы боялись царя. *Исполини идутъ исполнити ярость Мою*,—

другіе переводчики, вмѣсто: „исполины", говорятъ: „воины",—*радующееся вкупѣ и укоряюще*. Акила: подъятые гордостію, Θеодотіонъ: радующіеся въ укоризнахъ Моихъ.

4—9. *Гласъ языковъ многихъ на горахъ, подобенъ языковъ многихъ, гласъ царей и языковъ собравшихся*: это означаетъ присутствіе многихъ воиновъ, съ большою и огромною подмогою. *Господь Саваоѳъ заповѣда* воиномъ *оружеборцамъ, пріити отъ земли издалеча, отъ края основанія небесе*, т. е., изъ Мидіи и Парѳіи. *Се день Господенъ неисцѣльный*. Весьма хорошо понимать это о будущемъ (вѣкѣ). Если мы трудимся въ этомъ мірѣ для пріобрѣтенія добродѣтелей, то таковыя способствуютъ спасенію, иначе насъ, по переселеніи изъ этого міра, одолѣетъ сила мученій, которымъ никогда не будетъ конца. Потому Онъ называетъ день *неисцѣльнымъ*, чтобы кто-либо не обрѣтался неисцѣльнымъ въ этомъ мірѣ, подобно тому, какъ господа, намѣреваясь бить рабовъ и въ то же время имѣя намѣреніе простить ихъ вину, однако часто клянутся предъ друзьями: если я поймаю его, то не оставлю въ живыхъ. Если желаешь знать, какимъ образомъ этотъ день—
161 неисцѣленъ, то пойдемъ вмѣстѣ къ тому богачу, у котораго было много рабовъ, было изобиліе чашъ и домашней утвари въ этомъ вѣкѣ, и ничто изъ этого не оживотворило его въ иномъ вѣкѣ, но онъ до того мучился, что просилъ Лазаря освѣжить его изсохшія уста. И ты не краснѣешь? Какимъ образомъ ты не приходишь въ смятеніе, ища себѣ врача отъ язвъ, которыми томишься, въ томъ, кого ты видѣлъ ежедневно и жестоко оставлялъ, не жалѣлъ его, хотя имѣлъ такую же природу? Но жестокое мученіе заставляетъ забывать чувство стыдливости. Кто не сжалился бы надъ этимъ невыносимымъ мученіемъ, хотя бы онъ и самъ терпѣлъ зло отъ испытывающаго таковое? И вотъ, онъ проситъ не великаго чего-либо, не того, чтобы освободиться изъ горящаго пламени и выйти изъ ада, но—только сколько-нибудь освѣжить небольшую часть тѣла. Однако и этого ему никто не дозволилъ. *Между нами и вами пропасть велика утвердися*, (Лук. XVI, 26). Пусть онъ не думаетъ, что вслѣдствіе того, что онъ былъ жестокъ къ Лазарю, отецъ Авраамъ не дозволилъ послѣднему освѣжить горѣвшія жаждою уста. Для другихъ это служило бы доказательствомъ лѣности, и они разсуждали бы такъ: Лазарь не оказалъ богатому добра потому, что, во время своей жизни, получалъ отъ него зло; но мой отецъ или братъ могутъ заступиться, такъ какъ отецъ не можетъ смотрѣть на такія казни, чтобы не сжалиться, онъ умилосердится и извлечетъ изъ мукъ. Христосъ, чтобы отстранить всѣ эти пустыя утѣшенія и убѣдить каждаго надѣяться на свои добродѣтели, и

весьма мало на другихъ, выставляетъ Авраама, который говоритъ: *между нами и вами пропасть велика утвердися, яко хотящіи прейти отсюду къ вамъ не возмогутъ, ни иже оттуду, къ намъ преходятъ* (Лук. XVI, 25). А прежнее показываетъ справедливое правосудіе: *воспріялъ еси*, говоритъ, *благая въ животѣ своемъ, и Лазарь злая* (Лук. XVI, 25). Я, говоритъ, признаю и утверждаю, что я не столь безстыденъ, чтобы быть несправедливымъ даже въ мученіяхъ. Не ради справедливости я желаю облегченія, но только требую сострадавія. *Между нами и вами пропасть велика утвердися*, потому что неисцѣльный день исполненъ гнѣва и ярости. Хорошо сказалъ пророкъ: „исполненъ", такъ какъ (тогда) нѣтъ мѣста для покаянія, но все исполнено гнѣва, нѣтъ мѣста для сожалѣнія и милости, такъ какъ Богъ далъ враче- 162 ство покаянія на время жизни, а тотъ день сдѣлалъ неисцѣльнымъ. Но, можетъ быть, скажутъ: ужели Онъ не приметъ во вниманіе человѣческой природы? Ужели мы не изъ грязи,—не прахъ и пепелъ? Однако не теперь время такихъ словъ; эти прекрасныя слова слѣдовало помнить тогда, когда вы совершали грѣхи, хвастались, горделиво превозносились, предавались изнѣженности и срамному пьянству. Патріархъ Авраамъ говорилъ во время мученій, когда гнѣвъ Божій уже пришелъ, былъ уже при дверехъ (Мѳ. XXIV, 33), но рѣшеніе суда еще не было дано и не передано мучителямъ. Возможно ли измѣненіе закона послѣ судебнаго рѣшенія? Не слышишь ли ты, какъ самъ Авраамъ молилъ Бога, пока стоялъ въ качествѣ судьи и говорилъ съ Нимъ; но когда низвелъ число праведниковъ до десяти и лишь сказалъ: *погубиши ли праведнаго съ нечестивымъ* (Быт. XVIII, 23), то замолчалъ? Точно также должно говорить и тамъ: послѣ произнесенія опредѣленія должно молчать,—теперь ты стараешься напрасно. Если ты не поспѣшалъ во время поспѣшенія, то что̀ пользы поспѣшать теперь? Самъ Христосъ молитъ, и ты не внемлешь. И Павелъ также настойчиво говоритъ о молитвѣ Христа: *по Христѣ*, говоритъ, *молимъ, яко Богу молящу нами, молимъ по Христѣ, примиритеся съ Богомъ* (2 Кор. V, 20). Ты долженъ примириться, говоритъ, съ Моимъ Сыномъ, который ни противъ кого не грѣшилъ, но даже понесъ грѣхи многихъ. Если ты примиришься съ Нимъ, то примиришься и со Мною; а если не слушаешь Его моленій, то напрасно будешь просить Меня о чемъ-либо.

Хотя ты не примиришься съ Спасителемъ и Искупителемъ, однако Я жду и терплю, прошу и не желаю отступить и презрѣть молитву. Какимъ образомъ ты можешь просить Меня, когда Я подвергну тебя наказанію и казни? Ты просишь и умоляешь Меня

теперь, но тебѣ должно было слушать и повиноваться тогда, когда Я звалъ тебя, и Я бы далъ тебѣ прощеніе и милосердіе, и примирился бы съ тобою, а (теперь) ты примиреніе сдѣлалъ своимъ обвиненіемъ.

168 10. *Се бо день Господень грядетъ неисцѣльный ярости и гнѣва, положити вселенную всю пусту*. Онъ называетъ тотъ день Господень, въ который придутъ въ изумленіе всѣ, прежде не краснѣвшія отъ стыда, лица. Тогда всѣ, являющіеся теперь мятежниками, уразумѣютъ, что все отъ Бога, когда они подвергнутся наказанію и проникнутся трепетомъ, когда бывшіе презрѣнными въ этомъ мірѣ просіяютъ свѣтлѣе лучей солнца, а гордые, славные и знатные здѣсь, будучи низвержены и унижены, пойдутъ въ мѣсто мученія. Тогда будетъ день Господень, когда каждый *пріиметъ мзду по своему труду*. Если этотъ день есть день не только гнѣва и ярости, но также воздаянія и чести, то почему, скажутъ, онъ обозначается не пріятными, но суровыми выраженіями? Изъ-за тебя и твоей небрежности, чтобы—по крайней мѣрѣ такимъ образомъ—возбудить тебя. Вѣдь, всѣ знаютъ, что онъ есть день воздаянія, но не знаютъ, что—также день наказанія; тому вѣрятъ, а этому не вѣрятъ. *Положити вселенную всю пусту*. Но почему сказано: *вселенную всю?* Выслушай также и послѣдующее: *и грѣшники погубити отъ нея*. Когда грѣшниковъ приметъ адъ, а праведниковъ—рай, то справедливо пророкъ сказалъ: *вселенную всю*, гдѣ совершались грѣхи. Тогда ниспровергнутся города и домы и все. Міровой порядокъ обновится снова, хотя нѣкоторые этому не вѣрятъ. Справедливо сказано: *погубити отъ нея*, — такъ какъ они погибнутъ не совершенно, но, будучи низвержены въ огонь, понесутъ наказаніе за свои дѣла.

11. *Звѣзды бо небесныя и оріонъ и все украшеніе небесное свѣта своего не дадятъ*. Кому онѣ будутъ давать свѣтъ, когда явится Солнце правды? Когда является солнце, пропадаютъ всѣ звѣзды; точно также и послѣ того, когда явится Солнце правды, не будетъ являться никакое свѣтило.

12. *И заповѣмъ всей вселеннѣй злая*. Выслушай теперь изреченіе, угрожающее вселенной бѣдствіями. *И нечестивымъ грѣхи ихъ, и погублю укоризну беззаконныхъ, и укоризну гордыхъ смирю*. Почему же, оставляя иныя бѣдствія, Онъ выставляетъ на видъ только это? Чтобы показать тяжесть гордости, которая есть корень золъ, источникъ неправды, изъ которой произошелъ конецъ и начало погибели міра: она была началомъ всѣхъ золъ, она низвергла съ неба сатану и прочихъ съ нимъ. Потому и Богъ, чтобы исцѣлить эту тяжелую рану, все совершилъ со смиреніемъ:
1?4 Свое рожденіе, хожденіе въ мірѣ, призваніе апостоловъ, и Дѣву,

отъ которой родился, и обручника, которому была обручена эта Дѣва, такъ какъ онъ былъ по занятію ремесленникъ, которымъ не было мѣста въ гостинницѣ, и они были такъ бѣдны, что не имѣли даже колыбели, почему Онъ, какъ сынъ бѣдныхъ, былъ положенъ въ ясляхъ. Когда Онъ тѣлесно взошелъ въ возрастъ, то, говорится, иныя женщины *служаху Ему отъ имѣній своихъ* (Лук. VIII, 3); и Самъ Онъ говорилъ: *Сынъ же человѣческій не имать, гдѣ главу подклонити* (Лук. IX, 58). Людей незначительныхъ Онъ призвалъ въ апостолы, Онъ далъ ученіе смиренія, укрѣпляя его совершенно и въ тоже время преслѣдуя гордость, какъ лютаго звѣря. Такимъ образомъ, Своею трапезою, ложемъ, жизнію, Своими одеждами, наставленіями, крестомъ страданія и всѣмъ прочимъ Богъ учитъ насъ ничему иному, только смиренію. Онъ умылъ ноги предателя: это болѣе дивно, чѣмъ прочее. Видишь ли, какую Онъ показывалъ кротость? Онъ принялъ ударъ отъ раба, котораго поддерживалъ силою терпѣнія. Съ тѣхъ поръ и доселѣ Онъ презирается и получаетъ укоризны, однако Онъ и говорилъ и всѣ дѣла совершилъ для спасенія тѣхъ, которые Его презираютъ и пренебрегаютъ.

И будутъ оставшіи яко серна бѣжащая, и яко овца заблудившая, и не будетъ собираяй, яко человѣку въ люди своя возвратитися, и человѣкъ въ страну свою побѣгнетъ (ст. 14): пророкъ не только говоритъ о порокахъ, но показываетъ также и достоинство добродѣтелей.

13. *И будутъ оставшіи честніи паче, нежели злато нежженое. И человѣкъ честенъ будетъ паче, нежели камень, иже отъ Суфира.* Видишь ли красоту добродѣтелей? Видишь ли блескъ? *Разъярится бо небо и земля потрясется отъ основаній своихъ, за ярость гнѣва Господа.* Пророкъ опять останавливается на страшныхъ словахъ и даже дольше прежняго, признавая это полезнымъ для того, чтобы сдѣлать ихъ благонравными. *Разъярится*, говоритъ, *небо.* Если подвигнутся силы небесныя, то тѣмъ болѣе разъярится самое небо, столь долгое время питавшее людей, и причиной вѣчныхъ наказаній будетъ обиліе небесныхъ благъ, всегда 165
кормившее ихъ. Не думай, что второе пришествіе будетъ подобно первому: тогда Онъ приходилъ тихо и молчаливо, для подъятія грѣховъ, а теперь придетъ для праведнаго возмездія; тогда Онъ былъ какъ бы врачемъ, а теперь — въ образѣ судіи; тогда Онъ насаждалъ виноградную лозу, а теперь собираетъ плодъ; потому Онъ придетъ для низвращенія всего, чтобы ты уразумѣлъ величіе Его и чтобы зналъ, что Онъ могъ и тогда придти такимъ же образомъ. Если въ рукѣ Его—края міра, Онъ *призираетъ на землю и творитъ ю трястися* (Пс. CIII, 32), то что удивительнаго, что

когда Онъ придетъ, то превратитъ все? *За ярость гнѣва Господа Саваоѳа*: души почувствуютъ ярость Господню.

14. *И будутъ оставшіи, яко серна бѣжащая*: тѣ, которые будутъ отдѣлены отъ праведниковъ, не найдутъ себѣ нигдѣ убѣжища и утѣшенія. *И яко овца заблудившая:* и правильно, такъ какъ не будутъ имѣть пастыря. *И не будетъ собираяй:* какимъ образомъ ихъ соберутъ, когда Самъ Богъ разсѣеваетъ? Пророкъ снова мѣняетъ рѣчь.

17—18. *Се азъ возбуждаю на вы мидовъ, иже сребра не вмѣняютъ, ниже злата требуютъ: Стрѣлянія юношеская сокрушатъ*. А Симмахъ говоритъ: изъ луковъ погубятъ юношей. *И чадъ вашихъ не помилуютъ*. Бѣдствія должны быть тяжкими, такъ какъ отсутствуютъ слова милости. Смотри же, какъ много благъ для однихъ и какъ много бѣдствій для другихъ. О, дивное превращеніе!

19—20. *И будетъ Вавилонъ, иже нарицается славный отъ царей халдейскихъ, якоже разсыпа Богъ Содому и Гоморру, не населится въ вѣчное время. И почіютъ тамо звѣріе, и наполнятся домове шума, и почіютъ ту сирины, и бѣси тамо восплящутъ, и онокентавры тамо вселятся, и возгнѣздятся ежеве въ домѣхъ ихъ*. Онокентавры на самомъ дѣлѣ не существуютъ, не обитаютъ и въ Вавилонѣ, но у людей встрѣчается такое названіе, они употребляютъ его для обозначенія пустыни или города, не имѣющаго жителей. Въ такомъ смыслѣ принимаетъ его и Писаніе, излагая все по человѣческому обычаю, но не утверждая, что это такъ на самомъ дѣлѣ. Писаніе принимаетъ даже вульгарную рѣчь людей и такимъ образомъ говоритъ съ ними. Другіе переводчики, вмѣсто онокентавровъ, полагаютъ: страусы. А Акила говоритъ: волосатые и косматые демоны. Симмахъ и Ѳеодотіонъ: мохнатые
166 волосами демоны и онокентавры. И будутъ перекликаться совы въ Идимъ [1]). Симмахъ говоритъ: Crarcus, Ѳеодотіонъ: Evpargarghiim, а еврейскій т.: Uvaniim.

ГЛАВА XIV.

1. *Скоро идетъ и не умедлитъ* день наказанія: перояне и 167
мидяне овладѣютъ царствомъ вавилонскимъ. *И помилуетъ Господь Іакова, и изберетъ паки Израиля*: послѣ 70 лѣтъ, назначенныхъ Богомъ для плѣна народа (іудейскаго), они возвратятся изъ Вавилона. *И пришлецъ приложится къ нимъ*, и умножится домъ Іаковль, яко никтоже будетъ понуждаяй, никтоже отводяй я отъ земли Господни.

2. *И поймутъ ихъ языцы, и введутъ на мѣсто ихъ.* Когда царь Киръ повелѣлъ народамъ собрать и съ почетомъ вести въ землю Израиля, и сыны Израиля раздѣлили пришедшихъ въ землѣ Господней въ качествѣ рабовъ и рабынь, то не только была вложена (Богомъ) въ сердца враговъ забота собирать и вести таковыхъ, но весьма многіе иноплеменники, влекомые славой благочестія, охотно рѣшили быть рабами сыновъ Израилевыхъ, подобно тому, какъ изъ Египта, вмѣстѣ съ народомъ Господнимъ, вышла большая толпа иноплеменныхъ. *И будутъ плѣнени плѣнившіи я, и обладани будутъ обладавшіи ими.*

3—4. *И будетъ въ той день, упокоитъ тя Господь отъ болѣзни и ярости твоея. И пріимеши плачь сей на царя вавилонска. Како преста истязуяй.* Удивительно: бѣдствія называются покоемъ. Акила яснѣе показываетъ, какимъ образомъ адъ престалъ отъ дѣла своего, видя бѣдствіе его (ц. вавилонска). Огорчишася срѣтущіи тя, т. е., воспламенились гнѣвомъ. Акила же говоритъ: опустились внутрь. Симмахъ: подвиглись. Θеодотіонъ: вознегодовали какъ на того непріятеля, такъ и на смерть.

5—11. *Сокруши Богъ яремъ грѣшниковъ, яремъ князей, поразивъ языкъ язвою неисцѣльною. Вси отвѣщаютъ и рекутъ: и ты плѣненъ еси, якоже и мы, и въ насъ вмѣненъ еси.* Итакъ смотри: 168
они подвиглись, смутились, и показали, что это—наказаніе Божіе,—дѣло Божіе, котораго они даже не ожидали, и оно было сверхъ чаянія. Справедливо сказано: *како спаде съ небесе денница, восходящая заутра?* Нѣкоторымъ это кажется сказаннымъ относительно враждебныхъ силъ, потому что и Христосъ говоритъ: *видѣхъ сатану, яко молнію, съ небесе спадша* (Лук. x, 18). Не отвергнемъ этого толкованія: возможенъ и иной смыслъ этого выраженія, тѣмъ неменѣе примемъ это толкованіе, такъ какъ оно теперь полезно. Удивительно, что сатана, хотя былъ безтѣлесной силой, свѣтилъ утромъ и былъ посылаемъ ко всѣмъ языкамъ, ниспалъ съ неба. Видишь ли, когда въ немъ возбуждается гор-

деливая память? Смотри, какъ это злѣйшее сѣмя, посѣянное вначалѣ сатаной, произросло и выросло. Когда ты сравниваешь бѣдствія относительно земной жизни, то Богъ чрезъ пророка сообщаетъ тебѣ такой законъ. Если, при стеченіи стольких вынудительныхъ обстоятельствъ и многоразличныхъ перемѣнъ, Адамъ не могъ обуздать дерзость, чтобы не превознестись въ величіи, и не считая достаточнымъ для себя покоя и безсмертія, пожелалъ сравняться съ Богомъ,—то какъ не научили тебя на счетъ человѣческой природы преданные въ руку сатаны? О царѣ Тирскомъ говорится: ты реклъ еси: богъ есмь азъ, а не человѣкъ (ср. Іезек. xxvIII, 9); а объ асирійцахъ: *вселенную всю объиму рукою Моею, яко гнѣздо, и яко оставленая яица возму* (Ис. x, 14). Таково было предостереженіе, чтобы ты не переступалъ положенной тебѣ мѣры. Ты непремѣнно выйдешь изъ предѣловъ, если тебя оставить свободнымъ, — и не совершишь ли тогда дѣлъ худшихъ, чѣмъ прежнія? Строители башни были исполнены гордости, это же было и у язычниковъ. Въ этихъ дѣлахъ показанъ образъ неравенства, а Богъ всегда старается уничтожить страсть алчности, чтобы никто не желалъ и не хотѣлъ больше мѣры.

169 16—18. *Сей человѣкъ, раздражаяй всю землю, потрясаяй цари, положивый вселенную всю пусту*. Что ты говоришь? Почему плачешь и обвиняешь? Вѣдь это плачъ—обличеніе злыхъ, указаніе, что Самъ Богъ обладаетъ правомъ налагать наказаніе, тогда какъ (царь вавилонскій) не освободилъ бывшихъ въ плѣну. Видишь ли, что человѣческая жестокость была причиной правды Божіей, которая обрушилась на него жестокой смертію?

19. *Ты же повержeнъ будеши въ горахъ, яко мертвецъ мерзскій*. Видишь ли, что и это случилось не безъ основанія, но по причинѣ человѣческой злобы, такъ какъ прежде говорится, что намъ не должно считать наказанія случайными. Онъ (ц. вав.), говорится, нетолько умретъ, но умретъ смертію жестокою. *Вси цари языковъ успоша въ чести, ты же поверженъ будеши въ горахъ, яко мертвецъ мерзскій*: другіе почили въ чести, а ты въ казни и мученіяхъ.

20—25. *Якоже риза, въ крови намочена, не будетъ чиста, такожде и ты не будеши чистъ, зане землю Мою погубилъ еси, и люди Моя избилъ еси, не пребудеши въ вѣчное время. Якоже глаголахъ, тако будетъ, и якоже совѣщахъ, тако пребудетъ, еже погубити ассиріанъ на земли Моей и на горахъ Моихъ*. Видишь ли, откуда происходитъ его наказаніе? Ты далъ приказаніе. Выше и ниже Ты говоришь: Я приведу царя вавилонскаго, и никто не можетъ успокоиться у него (ср. Іерем. xxv, 9—11), а здѣсь, напротивъ, высказываешь другое правило: *сѣмя злое, уготови чада*

твоя на убіеніе. Почему же? Не Ты ли отдалъ ему власть надъ землею? Потомъ: *да не востанутъ и наслѣдятъ землю, и наполнятъ землю ратьми:* итакъ, по причинѣ будущихъ событій, они подвергаются наказанію, котораго не заслужили. *Грѣхами*, говоритъ, *отца твоего*. А это какъ возможно? Такъ какъ они были бы жестокими относительно своихъ отцовъ, потому они исторгаются изъ среды живыхъ прежде, чѣмъ совершатъ такія дѣла,— они вѣдь были охотниками до войнъ и состязаній и людьми были воинственными. О комъ говорится: *сѣмя злое*? О Навуходоносорѣ это не можетъ быть сказано, такъ какъ отъ него царство принялъ сынъ его, самъ онъ умеръ въ мирѣ. Быть можетъ, здѣсь указывается на Валтасара, который былъ убитъ вмѣстѣ съ сыновьями своими. Почему говорится: *землю Мою погубилъ еси, и люди Моя избилъ еси*? Это сдѣлалъ Навуходоносоръ, а не Валтасаръ. 170
Можетъ быть, говорится объ ассирійцахъ, которые были большимъ бременемъ для іудеевъ. Мы же скажемъ слѣдующее: тотъ, кто не пощадилъ священныхъ сосудовъ, которые онъ осквернилъ, вслѣдствіе безпорядочнаго пьянства, какимъ образомъ могъ щадить прочее? Потому далѣе говорится: *яремъ ихъ отягчилъ еси зѣло, азъ вдахъ я въ мало, ты же не далъ имъ милости*, и предалъ ихъ во злѣ тяжцѣ (ср. Ис. XLVII, 6). Отецъ же его, дѣлавшій столь великія дѣла, почиталъ Даніила, почему далъ такое правило: *аще* кто *речетъ хулу на Бога Седрахова, и Мисахова, и Авденаго, въ пагубу будетъ, и домъ* его *съ разграбленіе* (Дан. III, 96). *Сія глаголетъ Господь: и положу Вавилона пуста, яко вогнѣздитися ежемъ*. А прочіе говорятъ: наслѣдіе змѣй; еврейскій т.: ghippod. *И будетъ ни во чтоже: и положу и бренія пропасть въ пагубу*. Если, вслѣдствіе грѣховъ жителей, земля производитъ изъ себя то, что служитъ имъ въ погибель, то это бываетъ болѣе тяжкимъ зломъ, чѣмъ уступка города непріятелямъ. *Сія глаголетъ Господь: якоже глаголахъ, тако будетъ, и якоже совѣщахъ, тако пребудетъ, еже погубити ассиріанъ на земли Моей и на горахъ Моихъ*. Онъ говоритъ или о вавилонянахъ, или о другихъ подобныхъ имъ. Вавилонъ подпалъ власти ассиріанъ, потомъ вавилоняне, не мидяне, овладѣли Ассиріей. Но здѣсь говорится: возбуждаю на вы мидянъ. Можетъ быть, вавилоняне овладѣли царствомъ ассирійскимъ не войною, но законами власти, а ихъ наконецъ погубили мидяне. Это „возбуждаю“ считай сказаннымъ о вавилонянахъ, а не объ ассирійцахъ.

28. 29. Видѣніе филистимлянъ. *Въ лѣто, въ неже умре Ахазъ царь, бысть глаголъ сей* о филистимлянахъ. *Не радуйтеся, иноплеменницы: сокрушися бо яремъ* біющихъ *вы*. А другіе говорятъ: разбитъ. Акила: жезлъ власти гонящихъ. Симмахъ и Ѳеодотіонъ: предъ

ярмомъ сокрушающихъ васъ жезлъ мученія. *Отъ сѣмене бо змiина изыдутъ исчадія аспидовъ, и исчадія ихъ изыдутъ змiи парящiи.* А прочіе говорятъ: изыдетъ василискъ, убивающій однимъ взглядомъ. Изъ
171 этого мы научаемся относительно измѣнчивости вещей, совершающейся не по человѣческой, а по Божіей волѣ. *Той премѣняетъ времена и лѣта, поставляетъ* цари и преставляетъ (Дан. II, 21). Видя царствующимъ суроваго князя, человѣкоубійцу жестокаго, не молись, чтобы онъ былъ изъятъ изъ среды живыхъ, но примирись съ Богомъ, который можетъ укротить его жестокость. Если же не примиришься съ Богомъ, Онъ можетъ возбудить другихъ болѣе жестокихъ князей. Итакъ будемъ прибѣгать не къ людямъ, а къ небесной власти, отъ которой поставляется власть князей. *Якоже устремленіе воды, тако сердце царево въ руцѣ Божіей: аможе аще восхощетъ обратити, тамо уклонитъ е* (Притч. XXI, 1). Итакъ, не бойся сердца князя, но бойся Держащаго это сердце въ рукѣ. Гдѣ Богъ благоволитъ, тамъ и въ огнѣ обрѣтается роса; а когда Богъ побораетъ, тогда и въ удовольствіи является сраженіе и споръ. Не были ли потреблены огнемъ вавилоняне, стоявшіе внѣ печи? Богъ былъ ихъ врагомъ. Не были ли три отрока ввержены въ печь горящую, и—огонь нисколько не повредилъ имъ? Богъ былъ ихъ другомъ. Тѣмъ, кому Богъ не благоволитъ, не бываетъ ничего добраго; напротивъ, кому Онъ благоволитъ, тѣмъ не бываетъ ничего злого. Итакъ, зачѣмъ ты совершаешь такое длинное путешествіе, выдумываешь столько средствъ и усовершенствованій, бѣгаешь туда и сюда, одного просишь, другому обѣщаешь тлѣнную награду, иныхъ дѣлаешь посредниками, когда тебѣ нужно было сдѣлать краткій путь,—примириться съ Богомъ? Если Богъ тебѣ не благоволитъ, то всѣ труды безполезны; а если Онъ милостиво воззритъ на тебя, то даже враги станутъ друзьями. Животныя пустыни, говорится, примирятся съ Тобою. Такимъ образомъ вредъ Даніила могъ отстранить Богъ, заградившій ненасытныя уста львовъ, удержавшій ихъ жадные языки отъ крови, чтобы заградить уста злословящихъ, измѣнить ихъ злыя намѣренія въ добрые помыслы, чтобы умы ихъ не замышляли противъ святаго. Онъ не завидовалъ вѣнцу его: любовь пророка къ Богу и любовь Бога къ нему не обнаружились и не восхвалялись бы, если бы Богъ не попустилъ пророку испытать труды искушенія. Богъ любитъ праведниковъ, и желаетъ показать ихъ всѣмъ. Такъ поступаютъ друзья относительно любимыхъ ими лицъ: они не желаютъ скрывать своей
172 любви, но желаютъ имѣть многочисленныхъ свидѣтелей святой и искренней любви. Богъ же, хотя не нуждается ни въ чемъ,

украшаетъ Себя любовію святыхъ, подобно человѣку, украшающему себя украшеніями, и желаетъ всѣмъ сдѣлать явною любовь Свою и любовь къ Себѣ. Послушай, какъ Богъ любилъ Іова, хотя этого никто не зналъ. Что же онъ дѣлаетъ? Объявляетъ о Своей любви сатанѣ, чтобы изъ этой любви показать похвалу Іова. Итакъ смотри, какъ онъ похваляетъ его: *внялъ ли еси мыслію твоею на раба Моего Іова? Зане нѣсть яко онъ на земли* (Іов. I, 8). Это—слова любви, и они не таковы, какъ наши: мы хвалимъ по лести, а Онъ—не такъ. Богъ не только говоритъ: Я желаю показать вамъ похвалу его, такъ какъ люблю его, но призываетъ весь міръ на зрѣлище, оставляетъ борца въ битвѣ одного, а Самъ отступаетъ. Чтобы кто-либо не сказалъ, что вся побѣда принадлежитъ ему одному, Богъ стоялъ вдали и внимательно наблюдалъ за борьбой борца. Хотя у борцовъ присутствуетъ учитель, котораго никому невозможно удерживать, но Богъ, чтобы побѣда была блистательнѣе, не былъ таковымъ, не училъ его способу борьбы, но оставилъ его въ борьбѣ одного и безоружнаго. Ты, говоритъ, замыслилъ отнять его блага, Я же отдамъ въ руку твою тѣло его, а противъ него ты ничего не возможешь (ср. Іов. I, 12). Богъ всѣмъ желаетъ показать, какъ Онъ любилъ его, и открываетъ Свою любовь къ намъ, будучи самъ свободенъ отъ всякой злой страсти. Мы во всемъ ищемъ славы, желая, для хвастовства, показать тѣ доблести, какими мы одарены. Онъ же не такъ,—но, чтобы сдѣлать насъ кроткими и честными. Какъ иной другъ, чтобы показать свою любовь къ возлюбленному, рисуетъ его тѣлесный образъ, глаза, носъ, щеки, такъ желаетъ показать Свою величайшую любовь Богъ: потому Онъ отпечатлѣваетъ въ душахъ прекраснѣйшій образъ, и доставляетъ свидѣтельство, что ничто не сравнится съ его красотой. Сперва объ Іовѣ засвидѣтельствовано, что въ то время онъ одинъ былъ пріятенъ Богу, а потомъ перечисляются въ отдѣльности его добродѣтели: *человѣкъ праведенъ, истиненъ, богочестивъ, удаляяйся отъ всякія лукавыя вещи* (Іов. I, 1). Откуда это явствуетъ? говоритъ сатана. Я сдѣлаю то, что ты испытаешь его. Какъ если бы кто-либо сказалъ: красота является отъ бѣлилъ, румянъ и лазури, позволь мнѣ отнять украшеніе, 173
чтобы тебѣ видѣть, какъ безобразно лицо, которое ты любишь, а тотъ увѣренно сказалъ бы: иди и мой, какъ угодно, и оно явится еще красивѣе,—такъ же говоритъ и Богъ: иди испытывай, и ты увидишь, что онъ окажется еще свѣтлѣе. Онъ благосклонно говоритъ своему возлюбленному какъ бы такъ: не думай, что Я оставилъ тебя; Я не отнялъ любви и попеченія, напротивъ, ради любви, сдѣлалъ все, чтобы всѣмъ показать Свою любовь

къ тебѣ. Смотри также, что̀ сказалъ Іовъ: *Господь даде, Господь отъятъ* (Іов. I, 21), и: *аще благая пріяхомъ отъ руки Господни, злыхъ ли не стерпимъ* (Іов. II, 10)? Не желая, чтобы кто-либо злословилъ его Возлюбленнаго, — а иной могъ сказать: въ такія-то бѣдствія Онъ предалъ тебя, — Іовъ своей любовію устраняетъ проклятіе: *буди*, говоритъ, *имя Господне благословенно* (Іов. I, 22). Люблю, говоритъ, и не могу я злословить Его. Хотя въ другомъ мѣстѣ говорится: укоризна отнимаетъ любовь, однако въ данномъ случаѣ не говорится объ этомъ, но таковыя обстоятельства кажутся безвредными. Не только были укоризны, но и тяжкія мученія, и они никоимъ образомъ не могли повредить ему; хотя онъ и говорилъ съ жаромъ, но не по причинѣ укоризны, а мольбы, мучительная же мольба была слѣдствіемъ полученной скорби. Тяжки слѣдующія слова его: *не учимся нечествовати* (Іов. X, 2); *почто мя еси положилъ прекословна тебѣ* (Іов. VII, 20)? Онъ сильно былъ опечаленъ тѣмъ, что, стоявшіе при немъ, его ближніе тогда готовы были думать, будто онъ не любитъ Бога, и Богъ не любитъ его. Я, говоритъ, знаю, и Ты, Господи, знаешь, но кто ихъ убѣдитъ? Настолько они считали его оставленнымъ Богомъ. Подобнымъ же образомъ Богъ говорилъ Моисею: *остави Мя* (Исх. XXXII, 10), *милостивъ имъ есмь по словеси твоему* (Числ. XIV, 20); а сестрѣ его говорилъ: ни съ кѣмъ Я не говорилъ такъ, какъ съ Моисеемъ (ср. Числ. XII, 6—8). Тотъ щадилъ, но Богъ не отпускалъ (грѣха). По словеси твоему, говоритъ, *милостивъ есмь*, а не ради ихъ. Смотри также во время Авраама: *изыди отъ земли твоея и отъ рода твоего* (Быт. XII, 1), и: *еда утаю Азъ отъ Авраама, раба Моего, яже Азъ творю* (Быт. XVIII, 17). Но возвратимся къ начатому.

174 29. *Не радуйтеся, вси иноплеменницы, сокрушися бо яремъ біющаго вы: отъ сѣмене бо зміина изыдутъ исчадія аспидовъ.* Езекія, говоритъ пророкъ, будетъ для васъ нестерпимъ. Но почему онъ не сказалъ: Богъ васъ накажетъ? Потому что имя аспидовъ повергало ихъ въ бо̀льшій страхъ. Говоря „аспидъ“, пророкъ показываетъ не злобу Езекіи, но нѣчто болѣе тяжкое и обременительное для нихъ.

30. *И упасутся убозіи* Господомъ, *нищіи же человѣцы въ миръ почіютъ.* Видишь ли, какъ они не вѣровали тому, что происходитъ и что имѣетъ произойти отъ Господа. Нѣчто подобное же случилось во время пришествія Христова: Онъ пасетъ убогихъ, питаетъ неимущихъ; богатые же не такъ, но остаются жадными. Бѣдныхъ пасетъ Богъ, какъ Онъ и говоритъ: *Азъ есмь пастырь добрый* (Іоан. X, 11), добрый пастырь не въ томъ смыслѣ, что опытенъ въ богатомъ столѣ, но что ведетъ овецъ къ ясному и

чистому источнику. Не видишь ли ты овецъ, которыя не желаютъ тонкихъ снѣдей, но щиплютъ простую пищу? Точно также Богъ будетъ питать тебя. Не питалъ ли Онъ когда-либо? Конечно, питалъ, но только рыбами и хлѣбами, такъ какъ это было ежедневной пищею гражданъ (Матѳ. xiv, 16—21). Нѣкогда Онъ также напиталъ мясомъ, но это принесло вредъ, а не пользу ядущимъ (Числ. xi, 31—34). *Нищіи же человѣцы въ мирѣ почіютъ:* показывается покой смерти. Другіе же переводчики говорятъ: да сѣдятъ въ мирѣ,—потому что не будетъ у нихъ ни голосовъ, ни плача, ни воплей, ни иного чего-либо подобнаго, но они будутъ *въ мирѣ*, не будутъ приходить въ смущеніе и не будутъ противоборствовать, хотя бы даже подвергались смерти и отсѣкновенію главы. *Въ мирѣ почіютъ*,—такъ какъ иной (изъ нихъ) будетъ умирать ради Бога, и онъ почіетъ въ мирѣ, съ честію. Драгоцѣнна такая смерть праведниковъ. Смерть будетъ драгоцѣнной не оттого, что иной умретъ въ своемъ домѣ, на ложѣ или среди семейныхъ, но оттого, что мы будемъ умирать храбро и мужественно за истину. Что такая смерть драгоцѣнна, объ этомъ свидѣтельствуетъ вся вселенная. Хотя знаменита кончина царей и вождей, и она иногда почитается ихъ семейными, однако она непохожа на кончину тѣхъ рыбарей, которые умерли не по естественному порядку, но съ великой добродѣтелію и совершенной побѣдой, и гробницы которыхъ почитаются во всемъ мірѣ. Одному 175
была отрублена голова, другой былъ четвертованъ, иной—побитъ камнями. Тѣмъ болѣе они почитаются, что почили такою смертію, такъ какъ умерли ради мира вселенной. Подобно тому, какъ даже мало предпріимчивые вожди въ высшей степени почитаются послѣ смерти, за тѣ труды, какіе они подъяли ради мірскихъ дѣлъ, и пали въ сраженіи, такъ и апостолы, умершіе за церкви, ихъ миръ, пріяли вѣнцы, и послѣ смерти болѣе и болѣе почитаются. Если ихъ Царь смертію смерть попралъ, то, конечно, и вождямъ надлежало подражать своему Царю. Итакъ, не будемъ горевать о тѣхъ, кому была отсѣчена голова, и не будемъ ублажать тѣхъ, которые умираютъ въ своемъ домѣ: это не блаженство, а то не горе. Но блаженными должно считать тѣхъ, которые мужественно умираютъ за истину, и въ гробницу несутъ какъ одежду, хорошую жизнь, — которая гораздо драгоцѣннѣе золотыхъ одѣяній. Иной, оставляя умирающаго за истину нагимъ и считая недостойнымъ погребенія, такимъ образомъ болѣе украшаетъ его, нанося ему тяжкій позоръ за понесенный ради истины трудъ. Онъ дѣлаетъ его не жалкимъ, но блаженнымъ, такъ какъ таковую одежду не ѣстъ моль, не точитъ червь, не крадутъ воры, не истребляетъ время, не гноитъ земля: она остается нетлѣнной

и украшаетъ облеченнаго въ нее болѣе, чѣмъ солнце и корона изъ звѣздъ украшаетъ небо.

Будемъ же желать такого рода смерти за благо общественное. Но почему не за нашу корысть и пользу? Это я говорю затѣмъ, чтобы мы приготовляли себя самихъ къ трудамъ, приходящимъ со дня на день, ради благочестія. И нынѣ, если желаемъ, мы умираемъ многократной смертію. Какъ можетъ смертный человѣкъ умирать многократной смертью? Когда онъ смертенъ, то онъ умретъ лишь однажды; а если онъ умираетъ часто, то ясно, что онъ — безсмертенъ: вѣдь умираетъ живой, а тотъ, кто умеръ, снова не умираетъ. Является новый вопросъ: онъ не есть смертный. Если бы онъ былъ смертнымъ, то какимъ образомъ онъ умеръ бы снова? Онъ — и не безсмертный: если бы онъ былъ безсмертнымъ, то какимъ образомъ Павелъ говорилъ: *Тебе ради*
176 *умерщвляеми есмы весь день* (Римл. VIII, 36), и опять: истинно, истинно говорю вамъ: *по вся дни умираю, тако ми похвала ваша* (1 Кор. XV, 31). Онъ думалъ объ униженіи и вредѣ, а не о дѣланіи добродѣтели (такъ какъ однажды умереть положено всѣмъ людямъ), почему и сказалъ: *по вся дни умираю.* Сколько времени Богъ далъ для его жизни, столько Павелъ и оставался, всегда умирая; онъ не желалъ оставаться должникомъ, но считалъ своимъ долгомъ умирать *по вся дни.* Что же равное этому показываемъ мы? Смотри, кому дано покоиться такимъ образомъ: бѣднымъ, слабымъ, не велерѣчивымъ. Смерть ихъ пророкъ называетъ покоемъ, потому что нѣтъ ничего подобнаго тому покою, когда иной безпорочный стремится на тотв путь, внѣ земного отечества. Какъ человѣкъ, близкій къ смерти, даетъ правила и повелѣнія относительно своего дома, жены и дѣтей, и располагаетъ все, какъ желаетъ, хотя это его не касается больше, а потомъ думаетъ ни о чемъ больше, какъ о смерти, такъ—тѣмъ болѣе тотъ, кто собралъ столько сокровищъ, съ которыми онъ увѣренно можетъ предстать къ Богу. Душа его станетъ предъ Богомъ, послѣ того какъ священная смерть сниметъ тягость грѣховъ; легкій духъ взойдетъ на небо и увѣренно устремится къ Богу, когда у него отнята будетъ злая совѣсть,—не боясь какого-либо наказанія и не страшась, что для него должны заключиться врата небесныя, оставляя тѣло охотно, безъ битвы и борьбы, не насильственно влекомый вожатаями и не внезапно уносимый, и ему не должно опасаться вслѣдствіе какого-либо грѣха, ни сомнѣваться вслѣдствіе зла. Весело и охотно онъ отдается имъ, какъ отрокъ, ищущій кормилицу, отца или матерь,—отлично зная, что онъ призывается не для мученія и вѣчной смерти, но для царской почести и трапезы, уготованной всѣмъ добрымъ, и по-

нимая, что то тѣло, которое онъ на нѣкоторое время оставляетъ, онъ приметъ вновь, съ великой славой и честію.

30. *И потребитъ гладомъ сѣмя твое, и останокъ твой избіетъ*, такъ что не найдется вновь корня. Велико—спасеніе, отъемлющее зло голодомъ.

31. *Восплачитеся, врата градовъ, да возопіютъ грады смятеннія*, 177
иноплеменницы вси, зане дымъ отъ сѣвера идетъ, и нѣсть, иже пребудетъ. И что отвѣщаютъ царіе языковъ? Яко Господь основа Сіона, и тѣмъ спасутся смиреннія людей Его. Вотъ, пророкъ обращаетъ пророческую рѣчь къ иноплеменникамъ, и предсказываетъ прежде о дымѣ: какъ дымъ предшествуетъ огню, такъ непріятный вѣстникъ предшествуетъ гнѣву. Смотри здѣсь на человѣколюбіе Бога, который не тотчасъ воспламеняетъ огонь, но прежде поднимаетъ дымъ, чтобы видящіе его избѣгали огня. Смотри также, какъ дымъ приходитъ издалека, но никто не заботится о себѣ.

И что отвѣщаютъ царіе языковъ? Яко Господь основа Сіонъ, и Тѣмъ спасутся смиреннія людей Его. Что значитъ: *что отвѣщаютъ?* Это значитъ: они ничего не могутъ сказать и отвѣтить какъ-либо, такъ какъ у нихъ отняты всѣ поводы защиты. Все будетъ происходить не по естественному порядку, но всѣ оскудѣютъ во злѣ, въ похотяхъ; освободятся только жители Іерусалима. Какой отвѣтъ ты сможешь дать? Онъ основалъ Сіонъ, Имъ спасутся смиренные народа, а—не твоею доблестію. Видишь ли, кого пророкъ называетъ смиренными? Слабыхъ, преданныхъ своими близкими, чтобы объявилась помощь Божія.

ГЛАВА XV.

1. Видѣніе седьмое. *Слово на Моавитскую землю.* 178

Теперь пророкъ говоритъ о землѣ моавитянъ, чтобы ихъ не считали виновниками предсказаннаго, и исчисляетъ причины наказанія: во-первыхъ, говоритъ, они горды и клеветники, потомъ—заслуживаютъ наказанія ради Іерусалима. *Нощію погибнетъ Моавитская земля, нощію бо погибнетъ стѣна Моавитская.* Ночью пророкъ обозначаетъ блужданіе страстнаго желанія, вслѣдствіе чего происходитъ гибель государства.

2—3. *Плачитеся о себѣ, погибнетъ бо и Дивонъ, идѣже требище ваше:* такъ какъ онъ былъ алтаремъ, гдѣ были воздвигнуты жертвенники. *Тамо взыдете плакатися надъ Нававомъ Моавитскимъ.* Когда придетъ непріятель для осады, вы убѣжите изъ городовъ

на горы, на гору Нававъ,—гдѣ былъ погребенъ Моисей. *Плачится, на всякой главѣ плѣшь, вся мышцы обсѣчены*—отъ шлемовъ и тяжести оружія, хотя изъ этого ничего не можетъ произойти. *На стогнахъ его препояшитеся во вретища*: на стогнахъ, гдѣ они чтили
179 идоловъ. *И восплачится на храминахъ его, и на улицахъ его, и на стогнахъ его, вси возрыдайте съ плачемъ*: на храминахъ его, гдѣ почитали воинство небесное.

4—5. *Яко возопи Есевонъ и Елеала, даже до Іассы услышася гласъ ихъ*,—во внѣшнихъ городахъ, окружавшихъ Моавію. *Сего ради чресла Моавитиды вопіютъ*, именно, съ площади моавитской вышли крикъ и плачъ. *Сердце Моавитиды вопіетъ въ ней даже до Сигора*: казни усилились въ Моавіи до Сигора, куда бѣжалъ Лотъ. *Юница бо есть трилѣтна*, т. е., въ цвѣтущемъ возрастѣ, въ силѣ, въ зрѣлости, въ прелестяхъ. Пророкъ говоритъ: *къ тебѣ плачущеся взыдутъ путемъ Ароніимлимъ*—потому, что Ароніимъ былъ расположенъ на равнинѣ, а дорога къ нему—на горѣ, такъ что бѣжавшіе съ полей пробѣгали близъ горъ. Но, не найдя тамъ покоя, они бѣжали въ горы, какъ сказано выше: *тамо взыдете плакатися надъ Нававомъ Моавитскимъ* (xv, 2),—на гору и куда болѣе ихъ гнало. *Вопіетъ*, говоритъ, *сотреніе и трусъ. Вода Немримля пуста будетъ*. Водою онъ называетъ или войска городовъ, или то, что, при умноженіи разбойниковъ, убываютъ воды.

6—9. *И трава ея оскудѣетъ, травы бо зелены не будетъ*. Ясно, что тамъ, гдѣ стоятъ безчисленныя войска, бываетъ скудость травы и зелени. Хотя бы они спаслись и при этихъ условіяхъ, однако *наведу на дебрь Аравлянъ, и возмутъ ю*: хотя бы они, въ дебряхъ и крѣпостяхъ, остались невредимыми отъ иноземныхъ разбойниковъ, однако, они не смогутъ избавиться отъ ближнихъ арабовъ, знающихъ ихъ укрѣпленія. *Прейде бо вопль предѣлъ земли Моавитскія до Агаллима*, вслѣдствіе нашествія разбойниковъ на Моава и другіе ближніе города. *До кладязя Елимля. Вода бо Димоня наполнится крове*. Это, кажется мнѣ, два рѣчныхъ потока, куда бѣжали бѣглецы, но арабы, знакомые съ мѣстностію, пришедши и сюда, умертвили бѣжавшихъ. Потому пророкъ прибавляетъ: *наведу бо на Димона Аравляны, и возму сѣмя Моавле, и Аріилево, и останокъ Адаминь*, и пошлю на вселенную ради нищеты и шатанія.

ГЛАВА XVI.

1—8. *Еда камень пустъ есть гора дщере Сіони?* Т. е., лишенъ 180
помощи. Нѣтъ, но во время осады языческихъ войскъ она найдетъ помощь. *Будеши бо аки птицы парящія птенецъ отъятый; потомъ же, Арнонъ, множайше совѣщавай*, не о чемъ иномъ, но: *сотвори покровъ плача имъ присно, въ полуденнѣй тмѣ бѣгутъ.* Вслѣдствіе опасности, ихъ свѣтъ превратится въ мракъ, потому пророкъ прибавляетъ: объюродѣша, побѣгнутъ ли въ тя *бѣглецы Моавли*, яко въ началѣ, *будутъ въ покровеніе вамъ отъ лица гонящихъ?* Арнонъ, укрѣпленный городъ, не спасетъ никого изъ моавитянъ. *Яко отъяся*, говоритъ, *помощь твоя, и князь погибе, попираяй отъ земли*: эти города были покорены вмѣстѣ съ князьями. *И исправится съ милостію престолъ, и сядетъ на немъ со истиною въ скиніи Давидовѣ, судя и взыская судъ и ускоряя правду.* Здѣсь, мнѣ кажется, указывается на Езекію, такъ какъ по его молитвѣ городъ получилъ милость. *Слышахомъ укоризну Моавлю, укоритель зѣло, гордыню отъяхъ*, глаголетъ Господь, и ненавидѣніе его: моавитяне всегда ненавидѣли израильтянъ. *Не тако волхвованіе твое, не тако*: съ тобой случилось не такъ, какъ обольщало тебя твое волхвованіе, говорившее, что гнѣвъ (Господа) не превозможетъ тебя. Въ Моавіи какъ бы не плачутъ, когда-то тамъ слышался плачъ, но теперь *въ Моавитидѣ вси восплачутся, живущіи же въ Сеонѣ* тожде воспоютъ, и не усрамятся *поля Есевона*: вслѣдствіе крайняго бѣдствія, даже ужаснаго опустошенія полей не будутъ считать стыдомъ. *Возрыдаютъ* винограды *Севама*, яже
пожрутъ языцы, и поперутъ лозы *его*: поля и виноградныя лозы 181
будутъ попираемы множествомъ солдатъ. *Даже до Іазира не совокупитеся*, до Іазира, куда вы убѣжите во время бѣгства, но *обходите пустыню. Посланніи осташася, проидоша бо* въ пустыню, т. е., они стали блуждать по пустынѣ.

9—10. *Сего ради восплачуся, яко плачемъ Іазировымъ, о виноградѣ Севамани*: это были поля моавитянъ. *Древа твоя посѣчени суть Есевомъ, яко на жатву твою и на объиманіе вина поперу, и вся падутся. И отъимется радость и веселіе отъ виноградовъ, и въ виноградѣхъ твоихъ не возрадуются, и не изгнетутъ вина въ точилахъ, престало бо есть*, т. е., вслѣдствіе уменьшенія людей, даже поля и виноградники будутъ безплодными.

11. *Сего ради чрево мое на Моава, аки гусли, возгласитъ и внутренняя моя, аки стѣну, обновилъ еси.* Подобно тому говоритъ и Іеремія: слово Господне было въ устахъ моихъ, какъ огонь, и

пылало въ костяхъ моихъ (ср. Іерем. v, 14), и Михей: *азъ исполненъ силы Духа Господня* (III, 8). Они сами поспѣшали прежде всего всѣмъ объявить, что сердца пророковъ вдохновлены благодатію Св. Духа.

12. *И будетъ въ посрамленіе тебѣ*: онъ, говоритъ, посрамленъ ради идоловъ, на которыхъ возлагалъ надежду, почему прибавляется: *утрудися Моавъ о требищахъ, и внидетъ въ рукотворенная своя, да помолится, и не возмогутъ избавити его*, такъ что сознаютъ, что ни отъ кого нѣтъ помощи, только отъ Того, кто хранилъ Іерусалимъ и разрушилъ его.

13—14. *Сіе слово, еже глагола Господь на Моава, егда возглагола, и нынѣ* паки глаголетъ: *въ трехъ лѣтѣхъ лѣтъ наемника обезчестится слава Моавля во всемъ богатствѣ мнозѣ.* Нѣкогда пророкъ сказалъ о другихъ бѣдствіяхъ, теперь же возвѣщаетъ и объ этомъ: послѣ трехъ лѣтъ обезчестится слава Моава, *и оставится умаленъ, и не честенъ.*

ГЛАВА XVII.

1. Видѣніе седьмое. *Слово, еже на Дамаскъ.*

182 2—3 *Се, Дамаскъ возмется отъ градовъ, и будетъ въ паденіе.* И приводятся причины этого: *и къ сему не будетъ укрѣпленъ, еже вбѣгнути тамо Ефрему, нѣси бо ты лучшій отъ сыновъ Исраилевыхъ.* Отсюда ясно, что Господь наказываетъ его, не какъ мятежника, но щадя и промышляя. *И внидетъ въ рукотворенная своя, да помолится*, говоритъ пророкъ, *и не возмогутъ избавити его* (XVI, 12), но не говоритъ: не могутъ. Какимъ же образомъ? Тѣ, которые прежде говорили противъ пророчества пустое, какимъ образомъ могли оказать помощь, когда сами лишены ея? Пророкъ говоритъ то, чтó имѣло произойти съ евреями, что всѣ они оставятъ города.

4. *Будетъ въ той день помраченіе славы Іаковли, и тучная славы его потрясутся*: такъ какъ одни будутъ убиты внѣ, другіе будутъ осаждены въ городахъ, а остальные дойдутъ до крайняго бѣдствія, такъ что не сможетъ помочь ни жрецъ, ни пророкъ, ни кто-либо иной. Такимъ образомъ ясно, что значитъ: *помраченіе славы Іаковли, и тучная славы его потрясутся*: не сможетъ помочь ему ни множество, ни тѣлесная сила, ни иное подобное, и останутся весьма немногіе, какъ колосья на поляхъ, послѣ жатвы. Потому Богъ возбуждаетъ войну и часто немногочисленнымъ даетъ побѣду надъ многими, чтобы показать, что побѣда принад-

лежитъ не множеству, но могуществу Того, кто по Своей волѣ побѣждаетъ многихъ и съ многими, и съ малыми.

5—6. *И будетъ якоже аще кто собираетъ жатву стоящую, и сѣмя класовъ пожинаетъ. И останется въ ней стебліе, или аки зерна масличнa два или три на верхъ высоцѣ, или четыре, или пять на вѣтвіи ея останутъ*. Смотри, что говоритъ пророкъ. Положивъ славу въ своей *мѣстности*, они считали городъ свободнымъ, и пренебрегали предпринимать что-либо внутри стѣнъ. Но для насъ свобода обезпечена не мѣстностію, а помощью Господа. Это пророкъ говоритъ для того, чтобы придать пророчеству вѣру, чтобы іудеи не боялись. Смотри, какъ великъ былъ страхъ ихъ! Онъ поразилъ иноплеменныхъ не только затѣмъ, чтобы они научились силѣ Его, но также затѣмъ, чтобы они сами стали трезвыми и полезными для себя. 183

7—8. *Сія глаголетъ Господь, Богъ Израилевъ: въ той день уповая будетъ человѣкъ на сотворшаго и, и очи его ко Святому Израилеву воззрятъ, и не будутъ уповающе на мучителей своихъ*. Что ты дѣлаешь, жалкій человѣкъ? Тотъ тебя сотворилъ, а ты уповаешь на иного? Сотворившій тебя не сможетъ ли быть твоимъ покровителемъ? Приведшій тебя изъ ничего къ жизни можетъ снова возвратить въ ничто. *И очи его ко Святому Израилеву воззрятъ*, т. е., очи ума будутъ созерцать Святаго Израилева. *И не будутъ уповающе* на мучителей своихъ. Ужели не великое безчестіе—не быть въ состояніи понимать очень легкое, при отсутствіи трудностей? И какъ человѣкъ будетъ почитать то, что онъ дѣлаетъ? Это происходитъ не изъ иного чего-либо, а только—изъ тупости.

9. *Въ той день будутъ гради твои оставлени, якоже оставиша Аморреи и Евеи отъ лица сыновъ Израилевыхъ, и будутъ пусти*. Онъ приводитъ на память минувшія благодѣянія, чтобы іудеи познали Его теперь, такъ какъ имъ невозможно отвергать, и они должны признать, что разрушеніе (городовъ аморреевъ и евеевъ) они совершили не своей силою, но эти самые народы, за свои грѣхи, были предоставлены имъ, какъ и теперь тѣ самые города за грѣхи (жителей). Смотри на многочисленность обвиненій! Если іудеи совершили тѣже грѣхи, что̀ и языческіе народы, то ужели они не заслужили ихъ же наказанія?

10. *Зане оставилъ еси Бога Спаса твоего, и Господа помощника твоего не помянулъ еси*. Не достаточно ли было сказать только: Бога? Зачѣмъ также—Спасителя и Помощника? *Господа помощника твоего не помянулъ еси*. Не только не помянулъ, даже 184
забылъ. Но, забывъ Бога, какъ ты не вспомнилъ Питателя, всегда кормившаго тебя? Такъ какъ необходимость въ пищѣ и

лѣченіи настоятельна, то ты долженъ вспоминать Его. *Сего ради насадиши садъ невѣренъ*. Акила ставитъ: насажденіе благолѣпія. Симмахъ: насажденія прекрасныя. Ѳеодотіонъ: насажденія благоприличныя. *И сѣмя невѣрно*. Акила говоритъ: и отростокъ чужой, а прочіе—подобное этому, именно: ты будешь насаждать въ то время, когда иноземцы будутъ вести войну и расположатся лагеремъ внѣ стѣнъ.

11. *Во оньже бо день аще насадиши, прельстишися*, вслѣдствіе бѣглецовъ, оставившихъ городъ. *А еже аще заутра посѣеши, то процвѣтетъ на жатву*, т е., вызрѣетъ. *Во оньже день наслѣдиши, паки отецъ человѣчь, наслѣдіе даси иноплеменнымъ, аки сыномъ твоимъ*, и будешь сопровождать ихъ.

12—14. *О, лютѣ множеству языковъ многихъ! Аки море волнующееся, тако смятетеся*. Да не устрашаетъ тебя, говоритъ, множество, которое возбуждаетъ смятеніе. *И хребетъ языковъ многихъ, яко вода, возшумитъ; аки вода многа, языцы мнози, аки вода многая, нуждею носимая: и отвержетъ его, и далече пожденетъ его*. Другіе говорятъ: побѣдитъ и далеко будетъ преслѣдовать. *Аки прахъ плевный вѣющихъ противу вѣтра*. Смотри, какъ тотчасъ стала весьма легкою побѣда. *Къ вечеру, и будетъ плачь, прежде заутрія, и не будетъ*. Онъ называетъ даже время побѣды, которая имѣла быть ночью; почему не днемъ? Чтобы не видѣли мученій и не смущались граждане. *Сія часть плѣнившихъ вы, и жребій наслѣдившихъ васъ*. Видишь ли, какъ пророкъ приводитъ это на умъ, чтобы знали, что тѣ наказаны были ради ихъ же?

ГЛАВА XVIII.

185 1—2. *Горе земли кораблей съ крилами, яже объ ону страну рѣкъ Еѳіопскихъ. Посылаяй по морю послы въ залогъ, и посланія книжная верху воды*. Пойдутъ къ языку безъ упованія и попранному. Твоя помощь не сможетъ совершить что-либо, и ты будешь, какъ люди, путешествующіе понапрасну. Они посылаютъ въ море посланія и вѣстниковъ, которые имѣютъ проводить жизнь далеко отъ родины и на чужбинѣ. Чтобы посланія не истребило время, для этого они дѣлаютъ ихъ по формѣ рѣкъ. *Горе земли кораблей*. Акила: горе землѣ съ тѣнями, а Симмахъ: горе землѣ, въ которой слышится крикъ попранныхъ безъ упованія,—или потому, что были весьма ослаблены крылья, или потому. что они обитали по ту сторону эѳіопской или сѣверной

рѣки. Какимъ образомъ они пошлютъ въ страну индійцевъ и получать помощь? *Посылаяй по морю послы въ залогъ, и посланія книжная верху воды, пойдутъ бо вѣстницы легцы къ языку странну и людемъ строптивымъ.* А Симмахъ: посылавшій пословъ по морю и сосуды изъ папируса [1]), чтобы они шли по водѣ къ народу безъ упованія, живущему по ту сторону земли.

3. *Нынѣ рѣки земныя, аки страна населена.* Тѣ, кто слабы по природѣ, тѣмъ болѣе ослабнуть отъ нападенія воюющихъ. *Аки страна населена,* именно, страна ихъ украсится красивыми зданіями. *Аки знаменіе* отъ Господа *воздвигнется, аки гласъ трубы услышанъ будетъ,* т. е., то, что сказано и потомъ совершится,—не думай, говоритъ пророкъ, что объявлено въ моихъ словахъ: я не призывалъ бы всѣхъ васъ во свидѣтели, еслибы не имѣлъ надежды, что это исполнится въ будущемъ. Величественно и дивно то, что настоящее изреченіе произносится не въ какомъ- 186
либо уединенномъ мѣстѣ и не частнымъ образомъ, т. е., тайно, но предъ всѣми, на подобіе трубы, наполняющей своимъ звукамъ вселенную, чтобы пришла высота добродѣтелей и обошла всю вселенную.

4. *Яко тако ми рече Господь: утвержденіе будетъ въ Моемъ градѣ, аки свѣтъ зноя полуденнаго.* Пусть не называютъ этого сомнительнымъ: какъ солнце бываетъ свѣтлѣе въ полдень, такъ и теперь; а потому не бойся. *И аки облакъ росный въ день жатвы будетъ.* Какъ облака доставляютъ утѣшеніе разгоряченнымъ отъ солнечнаго жара, потому что тѣнію уменьшаютъ солнечный жаръ, и не только осѣняютъ, но и охлаждаютъ, такъ и спасеніе Божіе придетъ имъ въ утѣшеніе отъ угрожающаго имъ зла.

5—6. *Прежде жатвы, егда совершится цвѣтъ, и грезнъ прозябнетъ по цвѣтѣ не дозрѣлъ,* сѣяй цвѣтъ незрѣло. *И отъиметъ гроздія малыя серпами, и лозіе отъиметъ, и посѣчетъ, и оставитъ вкупѣ птицамъ небеснымъ, и звѣремъ земнымъ.* Они будутъ изъяты изъ среды живыхъ и лишатся чести погребенія, и большіе и малые будутъ удалены какъ бы серпами, такъ что даже тѣла твоихъ мертвецовъ не смогутъ войти въ гробницы. Желая показать ужасъ бѣдствія, пророкъ говоритъ, что умретъ столько людей, какъ нѣкогда въ пустынѣ. Евреи видѣли трупы враговъ на берегу, выброшенные изъ моря: тѣхъ, кого они боялись и страшились, видѣли брошенными на берегъ, голыми, безоружными и безъ погребенія. Тогда это совершалось для общаго зрѣлища, и

---

[1]) Въ Экзаплахъ Оригена, изданныхъ Фильдомъ, эти слова по Симмаху читаются: ἀποστέλλων ἀποστόλους ἐν θαλάσσῃ, καὶ διὰ σκευῶν παπυρίνων.

они не видѣли ни ранъ, ни ударовъ, но — мертвыя и оставленныя тѣла.

7. *Въ то время принесутся дары Господу Саваоѳу отъ людей оскорбленыхъ и отторженыхъ, и отъ людей великихъ, отнынѣ и въ вѣчное время.* Когда это исполнится и увѣнчается трофеемъ, тогда они воздадутъ Господу побѣду и славу. То, чего они не могли совершить своею доблестію, потомъ Господь совершилъ Своею силою. *Языкъ не надѣющійся и попранъ, иже есть въ части рѣчнѣй страны своея.* Этими словами показывается какъ малочисленность и слабость ихъ, такъ и величіе побѣды, чтобы они приписывали побѣду не себѣ, но Богу.

ГЛАВА XIX.

187 1. *Видѣніе* египтянъ. *Се Господь сѣдитъ на облацѣ лецѣ, и пріидетъ во Египетъ, и потрясутся рукотворенная египетская.* Акила говоритъ: на плотномъ маломъ [1]). Что ты говоришь: *сѣдитъ на облацѣ?* Хотя облака и не плотны, однако въ нихъ есть нѣчто тѣлесное. Другіе разумѣютъ подъ облакомъ Пресвятую Дѣву, но это неудобопріемлемо, такъ какъ облако означаетъ нѣжность, легкость и подвижность сущности. *И потрясутся рукотворенная египетская.* Онъ начинаетъ побѣду съ демоновъ, чтобы между людей не оставалось какого-либо повода для наказанія. Когда Онъ пришелъ и ничего пока не совершилъ, то, вслѣдствіе одного пришествія Его, потряслась вселенная. Это совершилось, когда только пришелъ Христосъ. Спустившись въ Египетъ, Онъ въ корнѣ исторгъ всѣ неправды. Послѣ того никакой тиранъ и царь не вели войны противъ Бога, не отпадали отъ Него, вслѣдствіе большой несправедливости, но, ради вѣры въ Него, даже предавали себя на смерть. Нѣтъ фараона, который осмѣлился бы противиться Богу, какъ до чудесъ, такъ и послѣ ихъ, но люди безъ чудесъ принимаютъ царство Христово. Тамъ болѣе не находится города, господствующаго надъ пустынею, но вся пустыня, украшенная своими гражданами, превосходитъ другія государства, такъ какъ Богъ сотворилъ духъ и тѣло, и есть люди, которые слѣдуютъ духовной свободѣ и добродѣтели. Итакъ, смотри на совершенно удивительную вещь: не видно судилища. По-

---

1) Ἐπὶ πάχους ἐλαφροῦ. Orig. Hexapla, ed. Fieldii.

чему и какимъ образомъ? Нѣтъ собраній совѣтниковъ и совопросниковъ, нѣтъ безбожныхъ законовъ, нѣтъ властей и приставниковъ (ср. Исх. I, 11—22); нѣтъ коней и муловъ, везущихъ
колесницы, нѣтъ голосовъ глашатаевъ и наживы рабамъ (Исх. 188
XIV, 5—9), но все это изгнано оттуда. Какая помощь отъ врача здоровымъ, которые, съ пришествіемъ Христа, получили совершенное спасеніе? Хорошо сказалъ пророкъ: *сѣдитъ*, чтобы этимъ словомъ показать, что Онъ есть судья и мздовоздаятель за все, тамъ происходящее. *И сердца ихъ разслабнутъ въ нихъ*. Какая польза потомъ отъ тѣла, когда недостаетъ ума, правителя его? Здѣсь и обозначается такое ослабленіе, совершившееся съ ведущими войну. Они ослабѣли вслѣдствіе слабости не тѣла, но ума, вслѣдствіе своей внутренней слабости.

2. *И востанутъ египтяне на египтяны, и вооружится человѣкъ на брата своего*. Ужели это признакъ благорасположенія? Конечно, и даже великаго, — какъ и Господь говорилъ: *не пріидохъ воврещи миръ, но мечъ* и огонь, *пріидохъ бо разлучити человѣка на отца своего* (Мѳ. X, 34—35). Подобно тому, какъ, въ случаѣ поврежденія человѣческаго члена, должно отсѣчь неизлѣчимую часть, такъ должно дѣлать и здѣсь.

3—5. *И вопросятъ боговъ своихъ, и кумировъ своихъ, и глаголющихъ отъ земли, и чревоволшебниковъ. И предамъ Египетъ въ руцѣ человѣковъ властелей, и цари жестоцы обладати будутъ ими.* Хотя эти слова имѣютъ оттѣнокъ пророчества, однако они не предсказываютъ ничего о будущемъ. *Сія глаголетъ Господь Саваоѳъ: испіютъ египтяне воду, яже при мори, а рѣка оскудѣетъ и изсхнетъ*. Когда это было? Видишь ли могущество и силу Божію? Почему не случилось такъ прежде? Почему въ то время Онъ не уничтожилъ природы воды, но преобразовалъ ее? Во время чародѣевъ Онъ желалъ начинать съ меньшихъ знаменій, чтобы и ихъ побудить къ таковымъ. Но, спрашиваютъ насъ, гдѣ была изсушена рѣка? Кто это знаетъ? И какъ могло это случиться? Какимъ образомъ случилось это? скажи пожалуйста. Ужели это было удивительнѣе огненнаго дождя и пламени, превращенныхъ въ росу? Впрочемъ эллины не знаютъ этого, по своему неразумію; они услаждаются своимъ и, обыкновенно, прославляютъ
только свое; слыша что-либо новое и дивное, они стараются это 189
скрывать. Это—древнее событіе, происшедшее нѣкогда, въ вѣкъ ихъ философовъ.

6—7. *И оскудѣютъ рѣки и ровенницы рѣчныя: и изсхнетъ весь сонмъ водный, и во всякомъ лузѣ тростнѣмъ и ситнѣмъ, и все, сѣемое при рѣцѣ, посхнетъ*. Симмахъ говоритъ: непристойность будетъ нищенствовать. Ѳеодотіонъ: бѣдный будетъ аротъ; это,

еврейское слово означаетъ непристойность. Видишь ли, что однодневная только убыль воды считается великимъ (бѣдствіемъ)?

8—11. *И возстенятъ*, говоритъ, *рыбаріе и вси мещущіи удицу въ рѣку, и мещущіи неводы и мещущіи сѣти возрыдаютъ*. Таково будетъ бѣдствіе отъ недостатка воды (вообще), что даже опытные рабочіе подвергнутся этому бѣдствію. *И юродиви будутъ князи Танесовы, мудріи царевы совѣтницы, и* совѣтницы *ихъ обьюродѣютъ*. Что значитъ: обьюродѣютъ? Значитъ: они не найдутъ никакого средства, чтобы облегчилось положеніе дѣла, какъ и въ иномъ мѣстѣ говорится: *и вся мудрость ихъ поглощена бысть* (Пс. CVI, 27). Такова сила Господня, что Онъ наводитъ такія бѣдствія, которыя могутъ или умалить, или уничтожить и мудрыхъ, и сильныхъ, и богатыхъ, чтобы ясно было, что эти казни посланы отъ Бога. *Како речете царю: сынове смысленыхъ мы?*

12. *Гдѣ суть нынѣ мудріи твои, и да возвѣстятъ тебѣ?* Пророкъ не говоритъ, чтобы они уничтожили бѣдствія, что̀ свойственно высшей силѣ, но: *да возвѣстятъ*, что̀ позволяетъ даже языческое предсказаніе. *И рекутъ, что совѣща Господь Саваоѳъ на Египетъ?*

13. *Оскудѣша князи Танесовы, и вознесошася князи Мемфитстіи*, или потому, что прежде обѣщали какія-либо блага, или потому, что они, прежде гордые, не могли проявить этого.

14. *И прельстятъ Египта. Господь бо раствори имъ духъ прельщенія, и прельстиша Египта*. Здѣсь многократнымъ образомъ показывается сила Господа: чрезъ великую притязательность Египта Господь отнимаетъ всю силу магическаго искусства, обладаніемъ котораго тотъ славился. (Мудрецы его) не только не будутъ получать пророчества и предсказывать будущее, но не будутъ въ состояніи объяснить его, даже и послѣ наученія Мною: такова именно сила Господня, что Онъ можетъ скрыть отъ нихъ даже
190 что-либо извѣстное и видимое. Вотъ, говоритъ, Я сказалъ, сообразилъ, совершилъ, — тѣмъ не менѣе они потомъ не смогутъ ничего сказать. Онъ далъ имъ духъ заблужденія, такъ какъ были слабы умы ихъ. Богъ желаетъ, чтобы Его считали причиной не только благъ, но и бѣдствій: *Азъ*, говоритъ, есмь *Богъ, творяй миръ и зиждяй злая* (Ис. XLV, 7), и: *или будетъ зло во градѣ*, еже Господь не сотвори (Ам. III, 6)? Заблужденіе являетъ Его не менѣе, чѣмъ истина. Выслушай аскалонитянъ, какъ они лукаво дивились: не это ли, говорятъ, Богъ, который обманулъ египтянъ (ср. 1 Цар. VI, 6)? Не только, говорятъ они, слѣдуетъ бояться Того, кто творитъ чудеса, но должно бояться Того, кто сводитъ съ прямого пути. Находясь въ мирѣ и безопасности, пусть они не полагаются на это, такъ какъ у нихъ можетъ

быть какой-либо хитрый замыселъ: потому и говорится, что „Онъ прельщаетъ“. Богъ любитъ родъ человѣческій и не желаетъ, чтобы причиной чего-либо считали демоновъ, подобно тому, какъ греческіе мудрецы полагали другую силу: они подраздѣляли божественную силу на двѣ взаимопротивныхъ стороны, обнаруживая и свою дѣятельность по той же мѣркѣ, причемъ одну называли демонами добрыми, а другую — злыми. Но Богъ — не такъ. Конечно, говорятъ, что существуетъ нѣкоторая безтѣлесная злая сила, но не супротивъ Господа и не равна съ Нимъ, но повинуется и подчинена Ему, какъ въ человѣческомъ родѣ могутъ быть злые и добрые люди. Демонъ, какъ показываетъ Богъ, не можетъ дѣлать зла самъ по себѣ. Его же *предахъ*, говорится, *сатанѣ* (1 Тим. I, 20). Если сатана не могъ дерзнуть на что-либо безъ преданія Павла, то тѣмъ болѣе онъ не можетъ ничего подобнаго совершить безъ соизволенія Бога. Если онъ боится рабовъ Господнихъ, и выжидаетъ, пока услышитъ повелѣніе ихъ, чтобы повиноваться ему, какъ палачъ—судьѣ, то тѣмъ болѣе — Бога. И смотри, какъ, съ соизволенія Божія, онъ мало-по-малу наступалъ на Іова. Смотри также, что совершилось съ несчастнымъ Іудой. Сатана сперва не смѣлъ напасть на него по своей волѣ, прежде полученія власти. Но когда тотъ отдѣлился отъ божественнаго сонма, тогда вошелъ въ него сатана. Хотя и прежде того онъ много разъ, вслѣдствіе святотатственнаго воровства, приготовлялъ въ себѣ мѣсто для сатаны, и самъ Іуда служилъ для себя
зломъ, однако сатана не имѣлъ власти, прежде чѣмъ Христосъ не 191
предалъ ему его. Отсюда научаемся, какъ страшно человѣку пренебрегать молитвой и законами. *И прельстиша Египта всѣми дѣлесы своими, якоже прельщается піяный, и купно блюющій.*

15—17. *И не будетъ египтяномъ дѣла, еже бы сотворило главу и ошибъ, и начало и конецъ. Въ той день будутъ египтяне, аки жены въ страсѣ, и трепетъ отъ лица руки Господа Саваоѳа, юже Той возложитъ на ня. И будетъ страна іудейска въ страхъ египтяномъ.* Іудеи, говоритъ, будутъ подвержены наказанію, такъ какъ они были причиной бѣдствій для нихъ. Видишь ли, какими благами пользовались евреи, когда ради ихъ приходила въ замѣшательство вселенная, и ихъ не только прельщали, но и боялись.

18. *Въ той день будетъ пять градовъ во Египтѣ, глаголющихъ языкомъ ханаанитскимъ, и кленущихся именемъ Господа Саваоѳа. Градъ Аседекъ прозовется единъ градъ.* Акила: городъ весны; Симмахъ: городъ Арегъ. Ѳеодотіонъ: городъ Аренъ назовется одинъ. Пророкъ показываетъ обиліе вещей, такъ какъ и въ Египтѣ былъ сооруженъ храмъ. Почему говорится: *глаголющихъ языкомъ хананитскимъ?* Потому что они имѣли говорить іудейскимъ язы-

комъ. Потомъ называется и имя: *градъ Аседекъ прозовется единъ градъ*. Видишь ли исполнившееся пророчество? Видишь ли подтвержденіе? Пророкъ называетъ время, мѣсто, число и имя: они не только узнаютъ ихъ имя, но и своему будутъ учиться. Такъ какъ имъ надлежало разсѣяться по вселенной, то пророкъ прежде пріучалъ ихъ къ добродѣтелямъ, и уничтожалъ страхъ законовъ и силу ихъ. Теперь же, скажутъ, онъ учитъ инымъ образомъ, и зачѣмъ намъ слушать сказанное? По закону совершенно недозволялось строить храмъ въ иномъ мѣстѣ: это—преступленіе. Но затѣмъ ты не бойся этого закона. Смотри, въ чемъ показано безразличіе: дозволено измѣненіе уставовъ не въ добродѣтеляхъ, а только въ мѣстахъ.

19. *Въ той день будетъ жертвенникъ Господевъ въ земли египетстѣй*: это говорится и о настоящемъ времени. *И столпъ въ предѣлахъ его*. Какъ воздвигнутый памятникъ остается крѣпкимъ и говоритъ словами надписи о древнихъ доблестяхъ, такъ—и
192 жертвенникъ; этотъ памятникъ сдѣланъ не изъ мѣди и несокрушимыхъ каменьевъ, но—изъ другого, нерукодѣльнаго вещества. О чемъ же проповѣдуетъ надпись этого памятника? О силѣ Господа. Этотъ, воздвигнутый внѣ, жертвенникъ означаетъ не что-либо иное, какъ только смерть Господню, если Богъ можетъ умереть, потому что смерть Господа въ тѣлѣ показываетъ не что-либо иное, какъ только милосердіе Господа, — эта смерть была причиной жизни вѣчной. Затѣмъ излагаются обстоятельства дѣла.

20. *Яко возопіютъ ко Господу на оскорбляющія ихъ*. Какъ они вопіяли сначала, и Богъ послалъ имъ Моисея, такъ—и теперь. Смотри, Богъ не всегда и не ко всѣмъ безразлично снисходитъ— къ просящимъ, вопіющимъ, молящимъ о благахъ, но только къ тѣмъ, которые вопіяли изъ-за оскорбляющихъ ихъ. Видишь ли, что мученіе приводитъ къ лучшему плоду? Онъ утѣшаетъ, чтобы ты вопіялъ и такимъ образомъ снискалъ милосердіе.

И *пошлетъ имъ Господь человѣка, иже спасетъ я, судяй спасетъ я*. Одни относятъ это къ Оніи, а мнѣ кажется, это сказано о Христѣ. Нѣкоторые переводчики говорятъ: пошлетъ имъ Спасителя. Многія пророчества имѣютъ двоякій смыслъ, подобно тому, какъ говорится: изъ Египта воззвахъ Сына Моего (Ос. XI, 1). Это спасеніе—тѣмъ больше, чѣмъ достойнѣе—души и помыслы. *Судяй спасетъ я*. Что такое: *судяй?* Или—то, что Онъ осудилъ сатану, или—то, что не всѣхъ безразлично. Потому, что спасеніе происходитъ изъ благодати, не думай, что оно совершается ненамѣренно и безразлично. Но какъ—изъ благодати? Если кто дѣлаетъ что-либо, достойное благодати.

21—25. *И познанъ будетъ Господь египтяномъ: и увѣдятъ египтяне Господа въ той день, и сотворятъ жертвы, и обѣщаютъ обѣты Господеви, и воздадятъ*. Видишь ли, что сперва Богъ является имъ, а потомъ они познаютъ Его? *И поразитъ Господь египтянъ язвою, и исцѣлитъ ихъ цѣльбою, и обратятся къ Господеви, и услышитъ ихъ, и исцѣлитъ ихъ цѣльбою. Въ той день будетъ путь отъ Египта ко ассиріанамъ, и внидутъ ассиріане во Египетъ. И благословени будутъ людіе Мои, иже во Египтѣ и иже во Ассиріахъ, и наслѣдіе Мое Израиль*. Населяя Іерусалимъ, они пребывали въ бѣдствіяхъ, а когда пришли въ землю иноплеменныхъ, получили благословеніе. Видишь ли, что Богъ всегда ищетъ добродѣтели, а не мѣста? Кто святѣе этого народа? Онъ впервые показалъ тебѣ, что можно угодить Богу и въ чужой землѣ. А когда слышишь отъ Павла, что на всѣхъ мѣстахъ воздѣваются преподобныя руки, то ты не смущайся и не думай, что онъ говоритъ что-либо противъ закона. Все, чтó было въ ветхомъ завѣтѣ, изъято: субботы упразднены, обрѣзаніе отнято, жертвы отвергнуты, храмъ 193
безполезенъ, государство потеряно, городъ разрушенъ. И вотъ, послѣ этого, ты, съ опущенной головой, придешь сюда и сядешь подъ бѣгущими тѣнями, которыя не принесли никакой пользы отцамъ. Все іудейское изъято, только одно знаніе Бога безъ дѣлъ нисколько не помогло имъ. Видишь ли? Все это—тѣни и образы, ими Богъ желалъ чего-то иного. Будемъ же дѣлать угодное Богу и стремиться къ спасенію, и не будемъ домогаться чего-либо—іудейскаго ли, или христіанскаго. Ничто столько не знатно, какъ добродѣтель и святая религія, которой желаетъ Богъ.

ГЛАВА XX.

1—2. *Видѣніе десятое. Въ лѣто, въ неже вниде Танаѳанъ во Азотъ*. Другіе говорятъ: Ѳаранъ [1]). *Егда посланъ бысть отъ Арны, царя ассирійскаго*. Акила и Симмахъ говорятъ: отъ Саркуна [2]). *И воева на Азотъ и взя его. Тогда рече Господь ко Исаіи, сыну Амосову*. Зачѣмъ пророкъ называетъ даже время, когда показываетъ осаду города? Затѣмъ, чтобы научить іудеевъ относительно вре- 194
мени осады города, такъ какъ они не вѣрили однимъ словамъ, а также—научить словами и египтянъ,—убѣдить ихъ, что имъ не дается болѣе времени. Такъ какъ они, будучи невѣрующими,

---

[1]) Въ нѣкот. сп. пер. LXX: Θαρθάν, ср. евр.-м.: Тартанъ.

[2]) Въ Экзаплахъ Оригена, изданныхъ Фильдомъ, Симмахъ: Σαργών, Ак., Ѳеодот.: Σαραγών.

не имѣли никакой вѣры въ минувшія событія, то пророкъ приводитъ, какъ ясный признакъ, пораженіе города. Если ты, египтянинъ и пустословецъ, считаешь одно заслуживающимъ презрѣнія, то вѣруй другому, и признай совершившееся. Они должны были скоро вѣрить наставленію, хотя бы и малѣйшему, слыша таковое, тѣмъ болѣе—теперь, когда онъ присоединяетъ исполненіе, т. е., разоблаченіе пророка. Если бы произнесенныя слова не исполнились, то напрасно и тщетно возлюбленный покрылся бы срамомъ. Что удивительнаго, если пророкъ, говоря невѣрующимъ и иноплеменнымъ, показалъ такого рода дѣйствіе, когда этимъ самымъ онъ подтверждалъ свои слова, возвѣщая единоплеменникамъ не только о томъ, когда былъ посланъ, но и—когда побѣдилъ (Тартанъ)? Видишь ли, какова польза отъ времени? Мы не напрасно и не тщетно читаемъ Писаніе, и не тщетно здѣсь всегда упоминается время, но для наученія чрезъ времена бо́льшему. *Иди и сверзи вретище съ чреслъ своихъ, и сандалія твоя иззуй съ ногъ твоихъ*. Такую одежду и такое одѣяніе употреблялъ пророкъ. Почему же онъ получилъ повелѣніе сбросить таковую одежду, облекши въ которую свои члены, онъ оплакивалъ наступающія
195 бѣдствія, и—показаться нагимъ? Подобно тому, какъ Даніилъ постилалъ пепелъ, какъ постель (Дан. IX, 3), такъ и этотъ пророкъ, видя ихъ неизлѣчимый порокъ, облачался въ такой трауръ. Не видишь ли ты женщинъ, какъ онѣ, видя своихъ мужей при смерти, покрываютъ голову и ноги черными одеждами и, если возможно, готовы употреблять всѣ черныя одѣянія? Такъ и этотъ пророкъ, сознавая, что не будетъ никакой пользы отъ пророчества, услышавъ отъ Врача душъ, что государство прекратитъ свое существованіе и для него нѣтъ никакой помощи или лѣкарства, видѣлъ евреевъ безчувственными, на подобіе больного, не воспринимающаго боли, и потому плакалъ. Одинаковый съ этимъ плачъ обнаруживалъ и Іеремія. Но смотри: хотя Исаія и былъ удрученъ сѣтованіемъ, но онъ не проявлялъ его, когда это было ненужно, такъ какъ это дѣлалось не по тщеславію, а по причинѣ великой заботливости, чтобы грядущія на нихъ вскорѣ (бѣдствія) не обнаружились неожиданно. Обрати также вниманіе на то, какое пророкъ показываетъ повиновеніе. Этотъ постоянный мужъ, сѣтующій такимъ образомъ, лишь только получилъ повелѣніе сложить одежду сѣтованія и печали, тотчасъ послушался сказаннаго. А зачѣмъ одѣвался въ верблюжью кожу Іоаннъ? Не затѣмъ, чтобы показать людямъ сѣтованіе, но—причину многихъ даровъ, именно, пришествіе Проповѣданнаго; кромѣ того, мнѣ кажется, онъ оплакивалъ Іерусалимъ, который имѣлъ не принять Христа, о чемъ плакалъ и Господь, также и затѣмъ,

чтобы подтвердить слова образно. Вы знаете, что, когда больной не воспринимаетъ болей и каждый изъ близъ стоящихъ можетъ понять близкій конецъ жизни, врачи приказываютъ, чтобы они, движимые любовію, не плакали и не смущали души больного, чтобы тѣмъ не увеличивать все болѣе печали. Что ты, скажутъ, врачъ, говоришь? Ужели я слезами убью? Конечно, скажетъ тотъ, слезы показываютъ ему близкую смерть. Итакъ, пророкъ увѣщевалъ будущихъ (слушателей) не только слезами, но и образами. Тоже дѣлалъ и Давидъ, но—вслѣдствіе своихъ грѣховъ. Другіе дѣлаютъ тоже теперь, оплакивая впрочемъ не завоеваніе города въ скоромъ времени, какъ—тогда пророкъ, и не предугаданный плѣнъ, но злыя времена. Нынѣ, когда возмущена вселенная, подобно Іерусалиму того времени, они постоянно и вездѣ видятъ смятеніе, оплакиваютъ погибшихъ, несознающихъ своей поги- 196
бели, вслѣдствіе чего, оставивъ города, они, не такъ какъ Іона, но инымъ образомъ убѣгаютъ въ пустыни.

И сандалія твоя иззуй съ ногъ твоихъ, и сотвори сице: это служитъ признакомъ великаго повиновенія. Пророкъ не сказалъ: что́ Ты, Господи, говори́шь? Ты повелѣваешь шутить, осмѣивать, презирать, глумиться, насмѣхаться? Будутъ говорить, что я—безумный и глупый. Въ законѣ опредѣляется, что даже въ баняхъ родителямъ неприлично быть нагими предъ сыновьями и сыновьямъ—предъ отцами, а Ты повелѣваешь мнѣ быть нагимъ? Мы будемъ безчестными предъ женщинами и постыдными предъ отроками. Однако пророкъ не осмѣливается не только говорить, а даже помышлять таковое, такъ какъ позоръ и безчестіе является только тогда, когда человѣкъ дѣлаетъ то̀, что запрещаетъ Богъ. А то, что Богъ повелѣваетъ, не позорно, и — при послушаніи—служитъ людямъ даже на пользу. Что ты говоришь, человѣкъ? Самъ Господь не счелъ недостойнымъ для себя воспринять недостойный образъ (человѣческій), принять то, что неприличествовало Ему, чтобы освободить тебя отъ безчестія. Ты же, напротивъ, отвергаешь его, и тебѣ непріятно терпѣть его ради твоихъ сработниковъ. Онъ, неизрѣченный и непостижимый умомъ, сердцемъ и помышленіями,—говорится,—сидитъ на облакахъ, и, что особенно важно, Ему приписывается гнѣвъ, хотя Онъ менѣе всего подверженъ этой страсти,—часто говорится: прогнѣвался Господь; а ты ради своихъ сработниковъ отвергаешь и медлишь? Обрати вниманіе на то, отъ чего произошло безчестіе наготы?—Отъ грѣховъ. Безчестіе есть грѣхъ, оно было причиной наготы, вслѣдствіе которой всѣ подвергаются презрѣнію. Но если кто показывается нагимъ по повелѣнію Божію, то это—не есть безчестіе. Не видѣлъ ли ты борцовъ нагими и готовыми къ бою? Здѣсь

для видящихъ это не бываетъ никакого вреда, напротивъ—прибыль и великая польза.

3—4. *И сотвори сице, ходя нагъ и босъ. И рече Господь: якоже ходилъ рабъ Мой Исаія нагъ и босъ три лѣта, три лѣта будутъ въ знаменія и чудеса египтяномъ и еѳіопляномъ: яко такожде отведетъ царь ассирійскъ плѣнъ египетскій и еѳіопскій, юноши и старцы, наги и боси.* Почему же, скажутъ, не повелѣвается въ отношеніи другихъ? Отвѣчаемъ: потому, что это обнаружилось не во всей вселенной. *Три лѣта будутъ въ знаменія и чудеса.* Видишь ли,
197 какъ велика потеря—надѣяться на человѣка, а не на Бога? Ты слышалъ о слабости сосѣдей, когда она настала, и не сталъ лучшимъ, слышалъ о наготѣ пророка, и не раскаялся. Богъ повелѣлъ, чтобы три года совершалось нѣчто дивное, и это не принесло тебѣ пользы, потому ты пойдешь въ плѣнъ нагимъ, съ безчестіемъ, и тебя постигнетъ наказаніе, вмѣстѣ съ муками и потерями. *Юноши и старцы.* Зрѣлище—по виду ужасное, жалкое и печальное: старцы отведенные въ плѣнъ. Не достойны ли были такого наказанія іудеи, которые уже раньше знали объ этомъ и видѣли исходъ дѣла? Смотри, тоже самое происходитъ и нынѣ: не пророкъ посылается, но Самъ Христосъ показываетъ въ Себѣ всѣ блага и немощи, возвѣщаетъ, что будетъ воскресеніе, которое Онъ прежде явилъ въ Своемъ тѣлѣ, предсказалъ даже о Своемъ страданіи, говоря: *подобаетъ Сыну человѣческому много пострадáти* (Лук. IX, 22), принялъ плеваніе въ лицо, удареніе, былъ связанъ и перенесъ болѣзни смертныя. Пророки съ плачемъ говорили, что это будетъ. Онъ же перенесъ скорби для того, чтобы и насъ побудить къ терпѣнію: страданіе ихъ (іудеевъ) было наказаніемъ, а наше есть добродѣтель.

6. *И рекутъ живущіи на островѣ семъ въ день оный: сему бѣхомъ уповающе бѣжати къ нимъ на помощь, иже не могоша спастися отъ царя ассирійска, и како мы спасемся?* Это касается евреевъ, чтобы они научились надѣяться на Бога, а не на помощь людей.

ГЛАВА XXI.

198 1. *Якоже буря сквозѣ пустыню проходитъ, отъ пустыни исходящая, изъ земли* страшна. Акила говоритъ: колесница пустыни. Симмахъ и Ѳеодотіонъ говорятъ: вихрь. Акила говоритъ: какъ туча въ полдень; Симмахъ и Ѳеодотіонъ: какъ буря отъ полудня. Акила говоритъ: блуждать въ пустынѣ.

2. *Видѣніе и жестоко повѣдася мнѣ страшно* [1]).

---

[1]) Далѣе въ кодексѣ недостаетъ нѣсколькихъ листовъ.

ГЛАВА XXVIII.

Ст. 16. *Сего ради тако глаголетъ Господь: се Азъ полагаю во* 462
основаніе Сіону камень многоцѣненъ, избранъ, превосходнѣйшій, *краеугольнъ, честенъ, во основаніе ему.* Видишь ли ты, что для этого было необходимо пришествіе Христово? Видишь ли необходимость воплощенія? *Се,* говоритъ, *Азъ полагаю,* а не кто-либо изъ пророковъ. *Во основаніе Сіону*: такъ какъ цѣлое зданіе было низвержено, то поэтому Онъ полагаетъ основаніе въ глубину, подобно тому, какъ, въ случаѣ совершеннаго разрушенія какой-либо стѣны, если кто-либо желаетъ ее возсоздать, онъ опускаетъ большіе камни въ самую глубину. А что здѣсь Онъ предсказалъ никоимъ образомъ не о камнѣ или о какомъ-либо другомъ неодушевленномъ предметѣ, это ясно изъ слѣдующаго: *и вѣруяй въ онь не постыдится.* Конечно Онъ не камнямъ повелѣлъ вѣровать, но, какъ ясно, возвѣстилъ объ Искупителѣ, какъ и Павелъ говоритъ: *основаніе* положено (ср. 1 Кор. III, 10—11). Этимъ словомъ Онъ не то желаетъ обозначить, что Сынъ сотворенъ, нѣтъ, никоимъ образомъ, но — что Тотъ, Кто былъ отъ начала, есть Христосъ и основаніе евангелія, на которомъ создана церковь. На Іисусѣ поставлено все, какъ на основаніи, по Его собственному свидѣтельству: *Азъ есмь* корень, а вы вѣтви (ср. Іоан. XV, 5). Онъ, рожденный изъ самаго корня, не имѣвши ничего общаго съ людьми, по Своему милосердію восхотѣлъ стать подобнымъ людямъ и стать основаніемъ зданій человѣческихъ; вѣрующіе исходятъ изъ Него, какъ вѣтви.

Почему же Онъ называется основаніемъ? Потому, что тотъ, кто не будетъ созидать на этомъ основаніи, никогда не сможетъ войти въ зданіе, и кто начинаетъ не съ него, тотъ ниспровергнется. Онъ называется камнемъ крѣпкимъ и устойчивымъ, потому что крѣпко держитъ всѣхъ, прилѣпляющихся къ нему,— многоцѣннымъ, честнымъ, который ни прославить по его заслугамъ никто не можетъ, ни взвѣсить его стоимость. *Вся, елика иматъ Отецъ, Моя суть* (Іоан. XVI, 15), говоритъ Онъ. Какъ же Онъ не будетъ драгоцѣненъ, когда въ Его рукахъ власть жизни и смерти? Тотъ, Кто можетъ щедро подавать такіе дары, силенъ
не только обогащать бѣдныхъ, но и людей дѣлать ангелами, по- 463
тому что не только даруетъ богатства и тщетныя одѣянія, но и обновляетъ природу. Какъ не будетъ драгоцѣненъ Тотъ, Кто раздаетъ не только золото или серебро, но также безсмертіе тѣлесное, царство небесное, власть вѣчную? Какъ не будетъ драгоцѣненъ Онъ, если предъ Нимъ все, *яко претяженіе вѣса вмѣнишася*

(Ис. XL, 15). Кто можетъ возвѣстить величіе Его? Послѣ нѣкотораго созерцанія его, самъ Павелъ восклицалъ: *о, глубина богатства и премудрости и разума Божія! Яко не испытани судове Его, и не изслѣдовани путіе Его* (Рим. XI, 33), а потомъ: *судьбы Твои бездна многа* (Пс. XXXV, 7); кромѣ того: *кто возглаголетъ силы Господни* (Пс. CV, 2)? Какъ будетъ не драгоцѣненъ Тотъ, дары и силы Котораго не могутъ быть повѣданы словами, потому что они превосходятъ всякій разумъ, силу языка и высоту помышленія? Говоря: *камень избранъ*, пророкъ обозначаетъ несравнимое совершенство Того, Которому нѣтъ ничего равнаго и подобнаго. Говоря: *избра Давида раба Своего* (Пс. LXXVII, 70), псалмопѣвецъ показываетъ, что онъ оказался избранникомъ предъ всѣми людьми того времени: о немъ онъ говоритъ, какъ о человѣкѣ, такъ какъ, хотя онъ былъ избраннымъ, однако былъ человѣкомъ. А здѣсь пророкъ обозначаетъ несравнимое превосходство Его (Мессіи), потому что никто не равенъ Ему, а Онъ Самъ только равенъ Отцу. Чтобы тогда, когда называется Сынъ или Христосъ, не считали Его однимъ изъ многихъ, пророкъ прибавляетъ: Онъ есть избранный, Которому никто не можетъ обрѣстись равнымъ. Какъ говорится объ Отцѣ: *нѣсть подобенъ Тебѣ въ бозѣхъ, Господи* (Пс. LXXXV, 8), такъ говорится и о Сынѣ: кто *уравнится Господеви* въ сынѣхъ Божіихъ [1]) (Пс. LXXXVIII, 7). Хотя ихъ есть весьма много, однако только Онъ Самъ равенъ Отцу. Видишь ли, что только Ему одному принадлежитъ наслѣдіе съ Отцомъ, и Онъ неравенъ прочимъ сынамъ (Божіимъ)? Употребивъ относительно Того и Другого одно и то же выраженіе, пророкъ обсзначаетъ одну и ту же силу. И опять: *нѣсть подобенъ Тебѣ въ бозѣхъ, Господи, и нѣсть по дѣломъ Твоимъ* (Пс. LXXXV, 8). Чтобы не подумалъ кто-либо, что пророкъ сказалъ о Немъ льстиво, приводится под-
464 твержденіе изъ Его дѣлъ: вѣруйте Мнѣ, говорится, и изслѣдуйте Мои дѣла (ср. Іоан. X, 38),—если они подобны дѣламъ Отца, то вѣруйте Мнѣ, какъ Творцу. Подобно этому и Самъ Христосъ говорилъ: *аще Мнѣ не вѣруете, дѣломъ Моимъ вѣруйте* (Іоан. X, 38).

Камень краеуголенъ. Видишь ли, какъ поспѣшно пророкъ открываетъ тайну? Онъ назвалъ (Мессію) не только *камнемъ*, но *камнемъ краеугольнымъ*. Опытные въ постройкѣ зданій весьма хорошо понимаютъ эти слова, а неопытныхъ мы должны научить. Краеугольные камни должны быть самыми твердыми, сравнительно съ остальными камнями, употребляемыми строителями при сооруженіи зданій. Соединяя и связывая прочіе камни, они должны быть устойчивѣе прочихъ, чтобы утверждать выдаю-

---

[1]) Сл. Б.: „во облацѣхъ“.

щуюся часть зданія, сдерживая ее сжатою какъ бы двумя руками, и чтобы дѣлать ее способной къ сопротивленію устремляющимся на нее порывамъ (вѣтра). Таково назначеніе краеугольныхъ камней,—чтобы они противостояли порывамъ вѣтровъ, а также тщательно сохраняли зданіе. Все это исполнилось во Христѣ: *бывъ по насъ клятва* (Гал. III, 13), Онъ претерпѣлъ смерть и прочія муки, чтобы сохранить нашу природу; вмѣстѣ съ тѣмъ Онъ собралъ и соединилъ двѣ разъединенныхъ стѣны, т. е., язычниковъ и евреевъ. Самъ Онъ поставилъ Себя посрединѣ, чтобы соединить два раздѣленныхъ во едино: Онъ связалъ разъединенныя стѣны, т. е., природу ангельскую и человѣческую. Видишь ли на одномъ тѣлѣ Христовомъ четыре стѣны, изъ которыхъ созданъ единый храмъ? Въ немъ мы связаны, собраны и соединены,—мы, которые были разъединены и раздѣлены. Онъ былъ обрѣзанъ и повиновался всѣмъ законамъ, дабы несоблюденіемъ ихъ не отвратить отъ Себя (іудеевъ); привлекъ къ Себѣ также и язычниковъ, чтобы открыть свободный путь новой благодати. Пока находились преграда и средостѣніе, благодать не смѣла придти; когда же они были отняты, она осмѣлилась придти и пребывать (съ людьми). И сами ангелы вели войну противъ людей, за то, что Господь ихъ подвергался поношенію отъ людей, а потому угрожали мстить за таковое поношеніе ихъ. Онъ собралъ (въ Себѣ) также и ихъ, потому что, находясь въ тѣлѣ, не пренебрегалъ быть почитаемымъ ими, какъ они, прежде пришествія Его, почитали только Божество. Кто же будетъ такъ безу- 465
менъ и жалокъ, чтобы, видя своего Господа облеченнымъ природою враговъ, осмѣлиться на борьбу противъ нея и—лучше—скоро не возсоединиться съ Нимъ? Если онъ удостоилъ надѣть нашу одежду, то какъ Онъ можетъ ненавидѣть ее? Подобно тому, какъ друзьямъ свойственно надѣвать одежды любимыхъ ими лицъ, хотя бы онѣ были весьма грязными, такъ и Самъ Христосъ не только надѣлъ эту одежду здѣсь, но не стыдится носить эту безобразную, въ которую облачился, одежду и на небесахъ, сидя одесную Отца: любовь побѣждаетъ все, и ничто для нея непостыдно. Весьма хорошо говорится: *многоцѣненъ*. Хотя онъ принялъ удареніе и заплеваніе въ лицо, перенесъ множество мукъ, и наконецъ принялъ позорную и проклятую смерть, однако остерегись думать объ этомъ безславіи: хотя Онъ Самъ подвергся этому безславію, тѣмъ не менѣе Онъ никогда не терялъ Своего достоинства.

Слыша объ основаніи, остерегайся думать о немъ пренебрежительно: это основаніе не скрытое, но — явное и держитъ на себѣ все крѣпко. Въ другомъ мѣстѣ это основаніе называется *главой угла* (Пс. CXVII, 22; ср. Мѳ. XXI, 42): на небесахъ оно дер-

жить все крѣпко, а на землѣ дѣлаетъ все неподвижнымъ,—на одномъ и томъ же утверждено все, и, въ случаѣ его отсутствія, все распадается. Потому и говорится: *въ руцѣ* Твоей *вси концы земли* (Пс. xciv, 4). Видишь ли, какъ пророкъ сказалъ о Сынѣ въ отношеніи всего міра то же самое, что говорится объ Отцѣ въ отношеніи земли? Въ рукѣ Его находится не только земля, но также природа ангеловъ и архангеловъ и все остальное. Мы вѣруемъ, что сказанное объ Отцѣ, въ отношеніи земли, величайшее и лучшее,—то же утверждается и о Сынѣ, по сказанному: *вся Тѣмъ быша* (Іоан. I, 3). Не только небо и земля, но ангелы и архангелы, престолы и власти, господствія и начала, и все прочее произошло и продолжается чрезъ Него. Говоря, что Онъ есть глава всего, пророкъ показываетъ смыслъ, въ какомъ все произошло чрезъ Него. Подобно тому, какъ никто не можетъ жить безъ головы и власти, исходящей изъ нея въ члены (тѣла),
466 такъ ничто изъ созданнаго не можетъ продолжаться безъ Христа: *отъимеши*, говорится, *духъ ихъ, и исчезнутъ* (Пс. CIII, 29). Христосъ есть основа всѣхъ основъ, и никому не приличествуетъ полагаться на себя или на своихъ великихъ соплеменниковъ, въ особенности это не приличествуетъ іудеямъ, которые всегда славились своими великими соплеменниками: хотя и происходитъ что-либо хорошее, но это совершается силой Христовой.

Вѣруяй въ онь не постыдится. Справедливо сказано: *вѣруяй въ онь не постыдится*. Смотри, въ этихъ словахъ обозначено (первое) пришествіе Его, которое хотя бы было и весьма славнымъ, однако нуждалось въ вѣрѣ. А во время славнаго пришествія Его, не будетъ нужды въ вѣрѣ, такъ какъ величіе Божіе восполнитъ мѣсто вѣры. Видишь ли, что всегда нужна вѣра? Говоритъ: *вѣруяй въ онь*, а не: старавшійся познать Его; говоритъ: *вѣруяй*, а не: вопрошавшій и изслѣдовавшій; говоритъ: *вѣруяй*, а не: тщательно изыскивавшій. Да постыдятся тѣ, которые желаютъ изслѣдовать Непостижимаго! Видишь ли, что всегда нужна вѣра. Что Онъ родился, жилъ на этой землѣ, умеръ, подвергшись казнямъ и мукамъ, и освободилъ весь міръ крестомъ,—всему этому должно вѣровать. Нужна великая и славная вѣра, чтобы вѣровать, что отъ креста, орудія смерти, произошла свобода и отъ смерти—жизнь, наполнившая всю вселенную, какъ написано: *яко наполнися вся земля вѣдѣнія Господня, аки вода многа покры моря* (Ис. XI, 9), и кромѣ того: *и не научитъ кійждо ближняго своего, глаголя: познай Господа, яко вси познаютъ Мя отъ мала даже и до великаго ихъ* (Іер. XXXI, 34), а также: *отъ востокъ солнца до западъ хвально имя Господне* (Пс. CXII, 3). Совершенія чего именно бóльшаго этого будетъ желать

кто-либо? Подумай о превосходствѣ силы Божіей: тамъ Онъ водрузилъ знакъ разумѣнія, а здѣсь трофей побѣды. Что — проклятіе креста? Однакожъ, какъ видимъ, отъ древа совершилось искупленіе.

Кто слышалъ когда-либо, кто видѣлъ когда-либо, чтобы на- 467
казаніе проклятія было признакомъ отрѣшенія смерти и разрушеніемъ грѣховъ, что взаимно совершенно противоположно? И какъ намъ не удивляться? Мы не желаемъ даже видѣть мучителя и подойти къ нему, охватываемые страхомъ, а между тѣмъ налагаемъ на царскую діадему, на украшенія воиновъ, на члены тѣла, именно, на голову, грудь и сердце, а также на жертвенники и постели—знакъ креста. Если когда нужно изгнать бѣсовъ, мы употребляемъ крестъ, равнымъ образомъ онъ полезенъ для исцѣленія болѣзней. Сколько людей было распято до того времени, и однако ни въ одномъ не проявилось такой силы. *И поклонятся ему*, говоритъ Софонія, *кійждо отъ мѣста своего* (Соф. II, 11). Не вѣруй, іудей, словамъ моимъ, но я спорю съ тобой, показывая тебѣ древнее свидѣтельство! Почему ты, жалкій, несчастный, упорствуешь? Почему ведешь войну противъ самаго твоего спасенія? Почему ищешь своей гибели? Почему прешь противу рожна? Не видишь ли ты гроба, не знаешь ли мѣста креста? Не водружены ли они, какъ памятники? Если кто-либо спроситъ меня: что дивнаго сотворилъ Христосъ, то я опущу небо, землю, море, воскресеніе многихъ мертвецовъ, и прочія, сотворенныя Имъ, чудеса, именно, умноженіе хлѣбовъ, превращеніе воды въ вино,—и укажу только на крестъ, который—славнѣе прочаго. Его распятіе, говорю я, заплеваніе лица и удареніе,—все это послужило для нашей величайшей пользы. Это — дѣло Божіе; Самъ Христосъ называетъ это дѣло славою: *Отче*, говоритъ Онъ, *пріиде часъ, прослави Сына Твоего* (Іоан. XVII, 1), и Павелъ присоединяетъ: *мнѣ же да не будетъ хвалитися, токмо о крестѣ* (Гал. VI, 14). Онъ оставилъ намъ образецъ этого знака затѣмъ, чтобы мы непрерывно помнили, что Христосъ пострадалъ за людей, чтобы облагодѣтельствовать ихъ,—Онъ крестомъ разрушилъ крестъ и смерть.

Это служитъ признакомъ величайшей и безконечной любви и благосклоннѣйшаго милосердія къ намъ. Потому и Павелъ
весьма часто говорилъ: *любы* Его *изліяся* (Римл. V, 5), и Іоаннъ: 468
тако возлюби Богъ міръ, яко и Сына Своего единороднаго далъ есть (Іоан. III, 16; ср. Іоан. IV, 9): Его единаго, котораго имѣлъ, Онъ далъ намъ. Пришелъ Самъ Сынъ и крестною смертію совершилъ наше искупленіе. Движимый Своею волею, а не необходимостію, Онъ исполнилъ таинство святѣйшаго креста, который Онъ водрузилъ

посреди вселенной, молніевидное и божественное знаменіе битвы, данное вѣрующимъ, какъ орудіе побѣды противъ врага и какъ славу надежды великаго дня.

ГЛАВА XXX.

199 6. *Видѣніе четвероногихъ въ пустыни, въ печали и въ тѣснотѣ.* Такъ какъ они дѣлали неправду, пророкъ называетъ ихъ четвероногими. Хотя между тѣми и другими простиралась пустыня, однако люди не пренебрегали безразсудно передавать свои блага народу египетскому, который не могъ помочь имъ никоимъ образомъ.

Левъ и львичищъ, оттуду аспиды, и племя аспидовъ парящихъ, иже везяху на ослахъ и на вельблюдѣхъ богатство свое. Львомъ пророкъ называетъ колѣно Іудино, которое имѣло силу не отъ себя самого, а отъ небесной помощи, по сказанному: *скименъ львовъ Іуда* (Быт. XLIX, 9). Напоминая о доблестяхъ отцовъ, пророкъ осмѣиваетъ глупость сыновей. *Оттуду аспиды, и племя аспидовъ парящихъ:* это онъ говоритъ для того, чтобы этими словами поразить сердца ихъ, показывая, что отъ благочестивыхъ родителей родились нечестивые сыны. Вы, говоритъ, посрамляете Меня, а Я прославляюсь вами предъ непріятелями. Праведникъ увѣренъ въ себѣ самомъ, какъ левъ (ср. Притч. XXVIII, 1), а беззаконный изобилуетъ смятеніемъ и не имѣетъ мужества.

7. Ступай, говоритъ, *возвѣсти имъ, яко тщетно утѣшеніе ваше сіе*... ...прежде не было наказанія... постигли наказанія... и они не считали этого неожиданнымъ. Онъ не только излагаетъ повелѣніе, но и присоединяетъ:

200 8, 9. *Нынѣ убо сѣдъ напиши сія на доскѣ и въ книгу, яко будутъ сія во дни временъ, и даже до вѣка. Яко людіе не покориви суть, сынове лживіи, иже не похотѣша слышати закона Божія.* Видишь ли, что Имъ повелѣно писать ради обличенія и обвиненія, какъ и Моисей въ своей пѣсни? Это былъ народъ непослушный, совершенно растлѣнный.

10—11. *Глаголюще пророкомъ: не повѣдайте намъ, и видѣнія видящимъ: не глаголите намъ*, какъ больные, которые боятся рукъ врачей, *но глаголите и возвѣщайте прельщеніе и совратите насъ съ пути сего.* Тѣмъ не менѣе, какъ видимъ, для утвержденія душъ ихъ, возвѣщались видѣнія и объявлялись пророчества. Почему же они чувствовали отвращеніе при этихъ словахъ, и желали находиться въ заблужденіи?

12—13. *Того ради сице глаголетъ Святый Израилевъ: понеже не покористеся словесемъ симъ, и надѣястеся на лжу, и яко поропттасте, и уповающе бысть на слово сіе.* На какое слово? Именно, они полагались не на Бога, а на египетскую ложь. *Сего ради будетъ вамъ грѣхъ сей,* аки проклятіе, и аки стѣна града тверда. Вотъ, великій грѣхъ—испытывать мученіе вслѣдствіе слова Божія: какъ падаетъ стѣна укрѣпленнаго города, такъ и тотъ, кто мучится. Крѣпокъ и недвижимъ есть Говорящій:

15. *Егда возвратився воздохнеши, тогда спасешися, и уразумѣеши, гдѣ еси былъ,—егда уповалъ еси на суетная, тщетна крѣпость ваша бысть, и не хотѣсте послушати.* Мы тогда научимся лучше, когда отступимъ отъ грѣховъ, какъ отъ грѣховъ. Во время совершенія грѣховъ, очи бываютъ окружены мракомъ и никто не желаетъ грѣха, какъ грѣха; когда же кто-либо отступаетъ отъ грѣховъ, тогда онъ чувствуетъ скорби грѣховъ, подобно тому, какъ, послѣ таянія льда, вырываются изъ льда источники, — какъ это случилось съ великимъ Давидомъ, или какъ бываетъ въ томъ случаѣ, когда кто-либо, упавъ стремительно въ глубокую и темную пропасть, послѣ выхода изъ нея, охватывается ужасомъ. Какой, говоритъ пророкъ, плодъ былъ для васъ тогда, почему вы пришли теперь въ смущеніе? Трудно бываетъ сознать злобу грѣховъ, когда ты грѣшникъ, но когда покаешься, тогда, вслѣдствіе праведности, уразумѣешь грѣхи, какъ грѣхи. Итакъ, вслѣдствіе грѣховъ, должно плакать, потому что плачъ и стенаніе суть признаки осуж- 201
денія содѣланнаго. Поэтому ясно, что нужны обращеніе, слезы и стоны, такъ какъ стенаніе есть подтвержденіе и ручательство обращенія. Господь былъ крѣпость ваша, и вы не хотѣли слушать Его, и хотя вы видѣли зрѣлище вещей, однако изъ этого ничему не научились.

16—18. *Но рекосте: на конехъ побѣгнемъ, того ради побѣгнете; на легкихъ всадники будемъ, того ради легцы будутъ гонящіи васъ. Отъ гласа единаго побѣгнутъ тысяща, и отъ гласа пяти побѣгнутъ мнози.* Здѣсь, ясно, пророкъ говоритъ о вавилонянахъ, много разъ научая, чтобы было извѣстно, о пришествіи помощи съ неба. *Дондеже оставлени будете, аки щогла на горѣ, и яко знамя носяй на холмѣ. И паки пождетъ Богъ, еже ущедрити васъ, и сего ради вознесется, еже помиловати васъ,*—т. е., чтобы показать Свою великую и неизмѣримую силу.

19. *Зане Судія Господь Богъ* нашъ *есть. Блажени пребывающіи въ Немъ, зане людіи святіи въ Сіонѣ вселятся.* Ничто иное

намъ такъ не помогаетъ, какъ терпѣніе и постоянная надежда. Павелъ говоритъ: *упованіе же не посрамитъ* (Римл. v, 5), и: *въ терпѣніи мнозѣ* (2 Кор. vi, 4), а въ евангеліи говорится: *претерпѣвый же до конца, той спасется* (Мѳ. xxiv, 13). Нѣтъ ничего, что бы болѣе утверждало человѣка.

Іерусалимъ же плачемъ восплачется: помилуй мя: онъ получилъ отвѣтъ... твоихъ... такъ какъ здѣсь... все привело къ концу. Не слава жизни, не обиліе правды, не показаніе добродѣтели,— будутъ только вопли и слезы, подобно тому, какъ въ странѣ египетской, говорится, *видя видѣхъ озлобленіе людей Моихъ иже во Египтѣ, и вопль ихъ услышахъ* (Исх. iii, 7), не потому, что они обратились къ правдѣ, но потому, что Онъ полагалъ для нихъ достаточнымъ прибѣгнуть, для своего спасенія, къ Богу. Ужели этого достаточно для примиренія съ Богомъ? Конечно, говоритъ пророкъ, потому что Онъ милостивъ и жалѣетъ тебя: *егда узрѣ гласъ вопля твоего, послуша тебе.*

202 20. *И дастъ Господь вамъ хлѣбъ печали, и воду тѣсную*: хотя въ этомъ городѣ вы мало потерпѣли, однако вы будете освобождены отъ плѣна въ странѣ чужой. *И ктому не приближатся къ тебѣ льстящіи тя:* видишь ли, какая выгода отъ наказанія, и какова польза послѣ мученій? Не говоритъ: не соблазнятъ тебя, но: *не приближатся къ тебѣ*, ты будешь для нихъ недоступнымъ и недостижимымъ.

21. *Яко очи твои узрятъ прельщающихъ тя, и ушеса твоя услышатъ словеса созади тебе прельщающихъ, иже глаголютъ,* т. е. прельщающихъ посребренными суетами, которыми они удерживали тебя отъ спасенія Божія, а сами заблуждались, какъ показываютъ слѣдующія слова.

22—24. *И отвержеши кумиры посребренныя, и позлащенныя раздробиши, и развѣеши, яко воду жены мѣсячныя, и аки мотыла отвержеши я. Тогда будетъ дождь сѣмени земли твоея, и хлѣбъ жита земли твоея будетъ изобиленъ и тученъ. И напасутся скоты твои въ той день на мѣстѣ тучнѣ и пространнѣ.* Не спрашивай здѣсь, исполнилось ли сказанное, или нѣтъ? Многое сказано гиперболически, для утѣшенія ихъ, чтобы они освободились отъ плѣна; многое не исполнилось оттого, что они были недостойны, и это очевидно изъ послѣдующаго.

25. *И будетъ на всякой горѣ высоцѣ, и на всякомъ холмѣ вознесеннѣ вода текущая въ день оный.* Ничто подобное, какъ видимъ, не случилось когда-либо послѣ плѣна. (Богъ) говоритъ, что Онъ намѣренъ искоренить народъ и вновь не создастъ царства, если даже они обратятся; иначе: чтобы не считали этихъ словъ ска-

занными тогда, когда они уже исполнились, Онъ для этого предвѣщаетъ ихъ заранѣе [1]).

26. *И будетъ свѣтъ луны, аки свѣтъ солнца, и свѣтъ солнечный будетъ седмерицею въ той день, егда исцѣлитъ Господь сокрушеніе людей своихъ*. Мы видимъ, на комъ исполнилось это пророчество. Начнемъ съ начала. Іудеи говорятъ: это еще не исполнилось, мы же показываемъ, что никто изъ іудеевъ не исцѣленъ, но среди насъ мы это обнаруживаемъ очень ясно: намъ явился свѣтъ, не только въ семь, а болѣе, чѣмъ въ тысячу разъ, большій солнечнаго, въ одно и то же время просвѣщены очи внутреннія и внѣшнія, всюду потекла живая вода, т. е., наставленіе ученія Христова, исцѣлено наше сокрушеніе, обвязана рана. Итакъ, пусть они берегутся, не прельщаются и не отступаютъ отъ истины, удаляясь въ хладную и тщетную надежду. Іерусалимъ плачемъ восплакася: помилуй мя! Когда было это? Говорятъ: во время плѣна. А развѣ теперь они не въ плачѣ или только въ то время они погибали отъ мученій? *На рѣкахъ вавилонскихъ, тамо сѣдохомъ и плакахомъ* (Пс. cxxxvi, 1). *Презриши идолы* [2]). Какихъ идоловъ? Когда они очистились отъ нечестія? Не имѣли ли эти великія слова совершиться съ ними послѣ возвращенія? Развѣ Онъ не могъ совершить обѣщанное? Но, какъ мы выше говорили, они были недостойны этого.

27—28. *Се имя Господне идетъ* послѣ времени, *горящая ярость Его: со славою слово устенъ Его, слово гнѣва полно, и гнѣвъ ярости, яко огнь, поястъ, и духъ его, аки вода въ дебри влекущая*: и теперь является гнѣвъ, но не вмѣстѣ со славою, а тогда явится слава Его и великій блескъ. *И гнѣвъ ярости, яко огнь, поястъ:* какъ рѣшеніе судей есть не иное что, какъ только смерть, такъ рѣшеніе Христа есть огонь и мученіе, какъ сказано: *идите отъ Мене, проклятіи, во огнь вѣчный, уготованный діаволу и аггеломъ его* (Мѳ. xxv, 41).

29. *И поженетъ я* въ заблужденіе и положитъ наказаніе *предъ лицемъ ихъ. Еда присно подобаетъ вамъ радоватися и входити во святая Моя?* Тѣ, кто всегда грѣшатъ, всегда ли будутъ предаваемы наказанію? Хотя не было никакого иного признака мученій, однако, вслѣдствіе самой измѣнчивости человѣческой, людямъ должно было отступать отъ грѣховъ и не дерзать совершать зло. Хотя они не вѣруютъ, что Іудея достаточно защищена однимъ Богомъ и призываютъ на помощь ассиріянъ, и считаютъ

[1]) Въ армянскомъ кодексѣ здѣсь неясность, почему латинскій переводчикъ передалъ смыслъ лишь отдѣльныхъ словъ.

[2]) Эти слова не имѣютъ себѣ соотвѣтствія ни въ одномъ текстѣ и древнемъ спискѣ Св. Писанія.

достовѣрнымъ, что съ ними не приключится никакое зло, однако въ то время они будутъ бояться больше друзей, чѣмъ враговъ, что было достаточно для ихъ пораженія и для познанія гнѣва Божія. Итакъ пусть они не обвиняютъ древнюю непріязнь и не оказываютъ довѣрія неожиданной перемѣнѣ.

204 82—88. *Тіи съ тимпаны и гусльми ратовати будутъ*: они сами будутъ причиной погибели, сами навлекутъ на себя бѣдствія: мечъ вавиловянъ, пожирающій пламень, градъ, смѣшанный съ камнями. Такъ какъ іудеи были беззаботны и нисколько не сомнѣвались считать ихъ (вавилонянъ) друзьями, а не врагами, то они воспылали для нихъ, почти подобно пожару, и, подобно граду, сошли тѣ, которые во дни Езекіи посылали къ нему вѣстниковъ съ дарами. Говоря о вавилонянахъ, пророкъ разумѣетъ и ассиріянъ, потому что ассиріяне, владѣя Сиріей, подчинили всѣхъ вавилонянъ, такимъ же образомъ, какъ вавилоняне, покоривъ ассиріянъ, царствовали въ Вавилонѣ.

И будетъ ему окрестъ, отонудуже бѣ ихъ надежда помощи, на нюже той уповаше: тіи съ тимпаны и гусльми ратовати будутъ нань отъ премѣненія. Ты бо прежде дней истязанъ будеши, т. е., раньше времени не будешь преданъ наказанію: два бѣдствія имѣютъ прійти, одно внезапно, а другое—отъ друзей. *Еда и тебѣ уготовася царствовати* надъ *дебрію глубокою?* Если ты не царствовалъ, то царство іудино будетъ наказано временемъ плѣна, а это яснѣе открывается изъ послѣдующаго: аки *древеса*, возженная огнемъ, говоритъ, *ярость Господня*, и *аки дебрь, жупеломъ горящая*,— чтобы показать непрестающее наказаніе. Это можно понимать и о будущемъ судѣ міра.

ГЛАВА XXXI.

205 1. *Горе сходящимъ во Египетъ помощи ради, уповающимъ на кони и на колесницы*. Что глупѣе этого? Тѣ, которые прежде подвергались отъ (египтянъ) бѣдствіямъ, и тогда, и потомъ не отстали отъ нихъ, и не имѣли къ нимъ ненависти, но еще болѣе надѣялись на нихъ. *И на колесницы, суть бо многа, и конническое множество* велико, *и не бѣша уповающе на Святаго Израилева*. Хотя древняя исторія учила ихъ силѣ Божіей и тому, что не должно надѣяться на воиновъ, однако Богъ обвиняетъ ихъ не относительно этого, но того, что они не полагали надежды на Бога, и не исповѣдывали Бога своимъ Спасителемъ.

2—8. *Тойже премудръ наведе на нихъ злая, и слово Его не отринется, и востанетъ на домы человѣковъ злыхъ, и на надежду*

ихъ тщетную, египтянина человѣка, а не Бога. Наказаніе—всеобще, и обвиненіе—велико, такъ какъ многіе и теперь прибѣгаютъ къ египтянамъ, оставляя небесную надежду, надѣются на тщетныя средства, т. е., на славу и богатство. *Тойже премудръ наведе на нихъ злая*: премудро — не по причинѣ непріятнаго настроенія духа, потому что Онъ дѣйствуетъ съ такой мудростію для того, чтобы они понимали, что нуждаются въ Его помощи, а это дѣло не только мудрости, но и милосердія. *И слово Его не отринется*, чтобы они къ Нему прибѣгали и не вопрошали понапрасну суетныхъ. *И на надежду ихъ тщетную, египтянина человѣка, а не Бога*: они надѣялись на коней египтянъ, которымъ однако тѣ не оказали никакой помощи. *Конь*, говорится, *уготовляется на брань*, отъ Господа же помощь (Притч. xxi, 31). Хотя Богъ могъ даровать тебѣ побѣду и безъ этого приготовленія, тѣмъ не менѣе, 206
чтобы ты гордо не поднималъ головы, Онъ сдѣлалъ для тебя необходимымъ все это.

4—6. *Тако рече мнѣ Господь: якоже возреветъ левъ, или львичищъ о ловитвѣ, юже иметъ, и возопіетъ надъ нею, дондеже наполнятся горы гласа его, и вси побѣждени* будутъ, *и множества ярости* убоятся: *тако Господь Саваоѳъ снидетъ на гору Сіону, еже воевати.* Видишь ли, что пророкъ беретъ примѣръ съ малаго и однако повергаетъ ихъ въ страхъ, какъ говорится у пророка Осіи: *и сряшу ихъ, аки медвѣдица* прогнѣвана (Ос. xiii, 8), которая, исполнившись великаго прещенія, не скоро возвращается къ покою. *Обратитеся, совѣщавающіи глубокъ совѣтъ и беззаконенъ*: образъ обращенія больше, нежели благодѣяніе и спасеніе.

7. *Яко въ той день отвергутъ человѣцы рукотворенная своя сребряная и златая.* Когда они подвергаются наказанію, тогда становятся добрыми, какъ будетъ то же и въ гееннѣ. Тотъ богачъ, когда подвергся наказанію, тогда сталъ добрымъ, злой и жестокій внезапно явился милосердымъ, онъ просилъ послать кого-либо вразумить братьевъ его, чтобы и они, умерши во грѣхахъ, не подверглись тому же наказанію. Когда онъ былъ въ богатствѣ и видѣлъ ближняго въ мученіяхъ, онъ никогда не жалѣлъ его, а потомъ, находясь въ мукахъ, жалѣлъ даже и отсутствующихъ.

Такимъ образомъ, послѣ наказанія, всегда видимъ усовершеніе. Богъ никого не подвергаетъ наказанію съ гнѣвнымъ намѣреніемъ; тогда какъ мы изливаемъ свой гнѣвъ на другихъ, воспламеняемые гнѣвомъ, Богъ не такъ, но наказываетъ наши злыя дѣйствія для исправленія. Почему, говорятъ, Богъ не пожалѣлъ фараона послѣ обращенія? Мы отвѣчаемъ: когда тотъ показалъ добродѣтель? Развѣ онъ, преслѣдуя народъ послѣ десяти казней, не пылалъ желаніемъ подчинить его себѣ? Отсюда явно, что не

Богъ, а онъ самъ былъ причиной своей гибели. Онъ (Богъ) предаетъ смерти подверженныхъ неисцѣльной болѣзни, какъ Онъ сдѣлалъ съ содомлянами и жившими во время потопа, которые, пренебрегши спасеніемъ, погибли. Почему, скажутъ, Онъ теперь не дѣлаетъ этого, но щадитъ людей, состарившихся въ пороկахъ, даже до смерти? По справедливости, отвѣчаемъ, тогда Онъ
207 быстро мстилъ, а теперь щадитъ, чтобы утвердить надежду воскресенія и не сдѣлать кого-либо праведникомъ по необходимости. Тогда не боялись ада, и потому онъ внезапно подвергалъ ихъ этому наказанію, теперь же не такъ,—чтобы люди каялись ради страха будущей жизни; только изрѣдка Онъ наказываетъ неожиданно.

И падетъ (самъ *Ассуръ*) мечемъ: не мечъ мужа, ни мечъ человѣка *поястъ его, и побѣгнетъ не отъ лица меча. Юноты же будутъ въ побѣжденіе*, т. е., ангелъ не мечомъ побилъ войско ассиріянъ. *Каменіемъ бо обымутся, яко острогомъ, и побѣждени будутъ, а бѣжай плѣненъ будетъ*, чтобы сдѣлать явнымъ, что не могъ избѣжать тяжкаго гнѣва Божія. *Сія глаголетъ Господь: блаженъ, иже имѣетъ племя въ Сіонѣ и южики во Іерусалимѣ*. Акила и Θеодотіонъ говорятъ: блаженъ имѣющій свѣтъ въ Сіонѣ, а Симмахъ: имѣющій огонь въ Сіонѣ и печь въ Іерусалимѣ [1]); огнемъ онъ здѣсь называетъ бѣдствія, имѣющія постигнуть ассиріянъ во время Езекіи. *Племя въ Сіонѣ и южики во Іерусалимѣ*: такъ называется блаженное время спасенія. Нѣкоторые принимали эти слова о небесномъ Іерусалимѣ, и я охотно съ этимъ соглашаюсь; въ этомъ мірѣ иной можетъ избѣгнуть наказанія и казней, но можете ли вы поэтому вѣрить, что онъ избѣгнетъ наказанія въ другой жизни? Хотя они суть сыны и сѣмя Божіе, однако каждому должно обнаруживать свои добродѣтели. Хотя они называются сынами, тѣмъ не менѣе, если не будутъ обнаруживать почтенныхъ нравовъ, имя сыновъ имъ не принесетъ никакой пользы, подобно тому, какъ и отцы суть таковы не потому, что рождаютъ, но потому, что обучаютъ своихъ сыновъ правилу справедливости. По Павлу, кажется, чадородіе не доставляетъ намъ никакой пользы, такъ какъ онъ говоритъ: аще *пребудутъ* [2]) *въ вѣрѣ и любви и во святыни съ цѣломудріемъ* (1 Тим. II, 15).

---

[1]). Въ Экзаплахъ Оригена, изданныхъ Фильдомъ, Акила и Θеодотіонъ: φῶς ἀυτῷ 'εν Σιὼν και κλίβανος ἀυτῷ ἐν Ἱερουσαλήμ. Симмахъ: Ἔχει πῦρ ἐν Σιὼν καὶ κλίβανον 'εν Ἱερουσαλήμ.

[2]) Въ ц.-сл.: *пребудетъ*, т. е. жена, какъ и въ Вульгатѣ permanserit; но въ греческомъ textu recepto: μείνωσιν=*пребудутъ*, т. е. τὰ τέκνα=чада (жены). Св. І. Зл. читаетъ также: μείνωσιν; разумѣя при немъ подлежащее—τὰ τέκνα=чада(жены).

ГЛАВА XXXII.

1—2. *Се бо царь праведный воцарится, и князи съ судомъ вла- 208
дѣти начнутъ.* Великое благодѣяніе Божіе заключается въ томъ, что Онъ воздвигаетъ царя, праведно царствующаго, и князей, съ судомъ властвующихъ. Праведнымъ же онъ называетъ не только того, кто лишилъ себя богатства, но того, кто все совершилъ со справедливостью: царю и князьямъ свойственно почитать справедливость, такъ какъ тѣ, которые по своему могуществу сильны сохранять законы твердыми, сильны также нарушать правила. Иные же разумѣютъ это о Христѣ: *се царь праведный воцарится*, князья же, говорятъ они, суть апостолы, по сказанному въ псалмѣ: поставиши я князи по всей земли (Пс. XLIV, 17).

И будетъ человѣкъ сокрываяй словеса своя, и скрыется, аки отъ воды носимыя, отъ страха множества силъ, *и явится въ Сіонѣ, яко рѣка текущая славная въ земли жаждущей.* Здѣсь пророкъ указываетъ на одержаніе побѣдъ во время Езекіи. Богъ затѣмъ дозволилъ возрасти ужасу и непріятелямъ славиться только словами, чтобы, по совершеніи этихъ дѣлъ, (евреи) вспоминали о чудесахъ и не дѣлали даже малаго зла. Несчастія, когда приближаются, тогда и вселяютъ страхъ, и кажутся ужасными и какъ бы новыми, когда же прекращаются, тогда считаются незначительными, объ нихъ не остается и памяти. Видишь ли, что побѣда царя Езекіи предвозвѣщена здѣсь не тогда, когда исчезъ страхъ и они забыли о чудесахъ? Чтобы этого не произошло, Богъ продолжилъ страхъ и позволилъ, чтобы чудеса были явными.

И явится, говоритъ, *въ Сіонѣ яко рѣка текущая славная въ
земли жаждущей.* Прежде Богъ показалъ ихъ нуждающимися въ 209
благодати, а потомъ даровалъ пользованіе ею.

3—4. *И къ сему не будутъ уповающе на человѣки.* Пріявши благодать, они получили пользу для душъ. *Но уши вдадятъ на слышаніе, и сердце изнемогшихъ вонметъ послушати.* Итакъ ясно, что недостаточно слушать, а нужно еще понимать: чтó пользы въ томъ, если разумъ не разумѣетъ?

5—9. *И къ сему не рекутъ юродивому владѣти, и къ сему не рекутъ слуги твои: молчи: еже совершати беззаконная, глаголати на Господа прелесть, совѣтъ бо злыхъ беззаконная совѣщаваетъ, растлити смиренныя словесы неправедными, и разсыпати словеса смиренныхъ на судѣ. Благочестивіи же смыслениѣ совѣщаша, и той совѣтъ пребудетъ.* Таковъ помыслъ тѣхъ, которые неправедными

словесами развращали смиренныхъ, т. е., таковъ совѣтъ злыхъ, устремляющихся умомъ туда и сюда, чтобы портить и извращать слова на судѣ. Поистинѣ величайшая неправда заключается въ томъ, чтобы, вмѣсто словесной помощи и милосердія, портить и извращать ихъ на судѣ. Помышленія праведниковъ останутся неподвижными, отъ нихъ ничто не можетъ быть отсѣчено или отнято. Такъ, тѣ три отрока положили себѣ не поклоняться изображенію, и никто не могъ измѣнить ихъ мысли. Равнымъ образомъ Павелъ положилъ себѣ не измѣнять проповѣди, и ничто не могло поколебать его воли. Подобно тому, какъ то, что свойственно Богу, есть неподвижно, такъ и свойственное рабамъ Его есть твердо: никто не можетъ измѣнять помышленій ихъ, которыя они помышляютъ, ни смерть, ни иное что, какъ говоритъ Павелъ: *ни смерть, ни животъ, ни ангели*, ни архангели, *ни высота, ни глубина, ни ина тварь возможетъ насъ разлучити отъ любве Божія, яже о Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ* (Римл. VIII, 38—39). Если добродѣтель такъ устойчива и тверда, то напротивъ злонравіе—не стойко и не твердо. Кто былъ храбрѣе Навуходоносора, который владычествовалъ надъ всей вселенной, все
210 покорилъ своей власти, которому не могъ противустоять никто изъ князей и тирановъ? А между тѣмъ какіе-то юные мальчики перемѣнили мысль царя страхомъ Божіимъ. Это именно означаетъ тотъ камень, о которомъ говорится: *всякъ убо, иже слышитъ словеса Моя сія, и творитъ я*, уподобится *мужу мудру, иже созда храмину свою на камени* (Мѳ. VII, 24). *Жены богатыя, востаните и услышите гласъ Мой: дщери, съ надеждею слышите словеса Моя*. Хорошо сказалъ: *востаните*, потому что богатство повергаетъ въ великое разрушеніе. Почему онъ говоритъ: *востаните* отъ разрушенія вашего, *и слышите, дщери, съ надеждею*? Это значитъ: будьте расположены къ слышанію. Что же онѣ услышатъ? Вся земля, говоритъ, извратится. Почему же пророкъ называетъ женъ *богатыми*, или, какъ говорятъ другіе переводчики, счастливыми? И другой пророкъ употребилъ эти слова для обличенія, говоря: *глаголющія господамъ своимъ: подадите намъ, да піемъ* (Ам. IV, 7). Такъ какъ онѣ именно весьма часто были причиной гибели мужей, то поэтому пророкъ призываетъ ихъ къ наказанію. Или же онъ называетъ женами государства, какъ ясно изъ послѣдующаго.

10—19. Дней лѣтнихъ *память* сотворятъ *въ болѣзни съ надеждею*. Когда онѣ преданы будутъ мучителямъ, тогда вспомянутъ о радости праздничныхъ дней, и это возбудитъ у нихъ скорбь и опасеніе. Смыслъ всѣхъ этихъ и послѣдующихъ словъ одинъ и тотъ же. *Дондеже найдетъ на* вы *духъ отъ вышняго*, т. е.

посѣщеніе свыше. *И почіетъ въ пустыни судъ, и правда въ Кармилѣ вселится.* Гора Кармилъ находится близъ страны израильской. Именемъ же горы пророкъ обозначаетъ спасеніе и миръ страны, подобно тому, какъ, упоминая Ливанъ и кедры его, указываетъ на народъ и страну. Все это совершилось съ ними послѣ возвращенія, почему онъ и говоритъ: *и уповающе будутъ до вѣка*: здѣсь онъ обозначаетъ не конецъ міра, но время спасенія. *Градъ же аще снидетъ, то не на вы пріидетъ.* Хотя во время Зоровавеля противъ нихъ сражалось многое множество народовъ, однако они не могли причинить имъ никакого вреда. Потомъ—инымъ образомъ. *И будетъ пустыня въ Хермель, а Хермель въ дубраву вмѣнится.* Пустыня и города, гдѣ совершаются побоища и всегда процвѣтаютъ бои, не отличаются между собою. Какая помощь отъ судей и судилищъ тамъ, гдѣ совершается всякое беззаконіе? А послѣ пре- 211
кращенія неправды, земля будетъ пользоватся миромъ. И будутъ, сказано, дѣла правды въ мирѣ. Да и какъ можетъ обрѣтаться миръ тамъ, гдѣ ссора и состязаніе? Выслушай говорящаго: *духъ же* (похотствуетъ) *на плоть* (Гал. v, 17). Если у насъ воля находится въ правдѣ, то мы обитаемъ во градѣ мира, гдѣ совсѣмъ не будетъ какой-либо причины состязанія, потому что какъ неправда бываетъ началомъ ссоры, такъ изъ правды выходитъ миръ. Не смотри на тѣлесное угнетеніе, а на ту пользу, какая происходитъ изъ того угнетенія: часто вѣдь сраженіе и состязаніе бываютъ причиной мира. Подобно тому, какъ въ то время, когда воины ведутъ сраженіе, города и народы пользуются миромъ, а когда по трусости отстаютъ и не борются съ непріятелемъ, тогда миръ исчезаетъ,—такъ происходитъ и здѣсь. *И одержитъ правда покой, и уповающе будутъ до вѣка, и вселятся людіе его во градѣ мира*: ничто не даетъ покоя душевнаго, ничто не успокоиваетъ совѣсти и не услаждаетъ мысли, какъ только справедливость, когда нѣтъ ничего, что бы причиняло мученіе и возмущало умъ. *И уповающе будутъ до вѣка.* Правда не знаетъ измѣнчивости времени, равнымъ образомъ человѣческихъ затрудненій, всѣ этого рода вещи отъ ея лица отгоняются, пренебрегаются, презираются. *И будутъ живущіи въ дубравахъ уповающе, яко сущіи на поляхъ.* Обитающій съ добродѣтелью въ лѣсахъ будетъ жить безопаснѣе, чѣмъ въ городѣ; напротивъ, предавшійся неправымъ дѣйствіямъ, хотя бы былъ окруженъ тысячью стѣнъ, ничѣмъ не отличается отъ безоружнаго и незащищеннаго. Великое благо добродѣтель, сохраняемая со всякимъ попеченіемъ; но великое зло—грѣхъ, т. е., преданіе себя растлѣнію. *Премудрость*, говорится, *поможетъ мудрому паче десяти обладающихъ во градѣ* (Екклес. vii, 20). *Оружіе чувствія устнѣ премудры* (Притч. xiv, 7). Облечемся же въ

эти доспѣхи: нѣтъ ничего крѣпче этого вооруженія, никогда не оставляющаго насъ безоружными и незащищенными.

Какой вредъ принесла Іоанну наклонность къ пустынничеству? Какимъ злодѣямъ или разбойникамъ предалъ Богъ пустыннаго человѣка? Какой вредъ принесла Иліи гора Кармилъ?
212 Не были ли болѣе подвержены страху укрѣпленные города, чѣмъ та гора?

Нѣтъ ничего безопаснѣе добродѣтели, нѣтъ ничего безобразнѣе порока. *На пути животныя*, говорится, *не находитъ, заблужденна же теченія ея и не благоразумна* (Притч. v, 6). Что удивительнаго, если добродѣтельный человѣкъ не былъ обольщенъ коварствомъ людей, когда онъ остался непреодолимымъ въ то время, когда снисходили казни съ неба? Точно также и Христосъ указываетъ не на внутреннее испытаніе, а на то, которое сходитъ съ неба, когда говоритъ: *сниде дождь*, называя здѣсь дождемъ посылаемыя съ неба испытанія, *и пріидоша рѣки*, какъ называетъ коварство сослужителей, *и возвѣяша вѣтри, и не падеся* (Мѳ. vii, 25). Желаешь ли, чтобы я показалъ тебѣ такого человѣка, который, будучи подверженъ сперва испытанію, потомъ козням, не потерпѣлъ никакого ущерба, но остался непобѣдимымъ какъ для неба, такъ и для міра? Онъ говоритъ: *Господь даде, Господь отъятъ; яко Господеви изволися, тако бысть* (Іов. i, 21). А видѣлъ ли ты дождь, сходящій свыше? Се есть въ руцѣ твоей (ср. Іов. ii, 6). Смотри на козни, происходящія отъ людей: *рцы* говоритъ, *глаголъ нѣкій ко Господу и умри* (Іов. ii, 9); но тотъ (Іовъ) не сказалъ ничего подобнаго. Не видѣлъ ли ты, что рѣка ударяла въ зданіе, и оно не пало? Оно было основано на камнѣ страха Божія.

20. *Блажени сѣющіи при всякой водѣ, идѣже волъ и оселъ попираетъ. Блажени*: что означаетъ это слово? По толкованію нѣкоторыхъ, имъ обозначены возвращающіеся. А мнѣ кажется, что имъ обозначается нѣчто иное, именно: *блажени* тѣ, которые смягчаютъ свои грубыя души и предуготовляютъ воздѣланными для земного сѣмени. Пророкъ не сказалъ: при всякой землѣ, но *при всякой водѣ, идѣже волъ и оселъ попираютъ*, не только ради того, что они сѣютъ въ сердце, но и ради того, что слагаютъ жатву въ житницѣ жизни.

ГЛАВА XXXIII.

1. *Горе обидящимъ васъ! Васъ никтоже изобидитъ.* Что ты го- 213
воришь? Когда ихъ *обижаютъ,* то почему же не обижаютъ? Это тебѣ такъ кажется, но въ дѣйствительности не то. *И отвергаяй васъ* отвергаетъ не васъ, но себя самого. Вещи непостоянны. *Аще же золъ будеши, единъ почерпнеши (злая)* (Притч. IX, 12). Хотя мы видимъ многихъ, желающихъ вредить другимъ, тѣмъ не менѣе никто не вредитъ имъ, а каждый—самому себѣ. Злой—золъ только для себя самого. *Сердце же безумнаго болѣзнь* не другимъ, *а стяжавшему е,* говорится (Притч. XVII, 20). *Гнѣвъ губитъ разумнаго.* (Притч. XV, 1); прогнѣвавшійся же мужъ безобразенъ; онъ измѣняетъ цвѣтъ лица не того, на кого гнѣвается, а—только свое; хотя гнѣвающійся бранится, тѣмъ не менѣе онъ получаетъ рану въ свое сердце. Въ другомъ мѣстѣ говорится: *якоже гроздіе земное вредъ зубомъ и дымъ очима, тако законопреступленіе творящимъ е* (Притч. X, 26). Каждый связывается собственными узами, беззаконія поистинѣ губятъ человѣка. *И яко моліе въ ризѣ, тако предани будутъ.*

2. *Господи, помилуй ны, на тя бо уповахомъ.* Видишь ли, что не напрасно должно миловать бѣдныхъ? Лишенъ ли ты добродѣтелей, отсутствуютъ ли у тебя дѣла покаянія? Если ты по крайней мѣрѣ съ вѣрою попросишь этого, то ты получишь. Намъ извѣстно, что часто обрѣтавшіе помилованіе такъ именно обрѣтали его: *падъ убо клевретъ его моляше его, глаголя: потерпи на мнѣ, и вся воздамъ ти* (Мѳ. XVIII, 29); и тотъ, кто, придя въ самую ночь, про-
силъ друга своего, *аще и не дастъ ему воставъ, зане другъ ему* 214
есть, но за безочство его дастъ ему (Лук. XI, 8); а пропавшая овца, между девяносто девятью, была разыскиваема и найдена и была дорога для пастыря. Однако должно изслѣдовать. Если Богъ милуетъ, то почему же онъ не милуетъ всѣхъ. Тамъ, гдѣ милосердіе, тамъ не спрашиваютъ о чести, доблести и нравственности. Если дѣло обстоитъ такимъ образомъ, должно было миловать всѣхъ, и если все исходитъ изъ милосердія Божія, то не говори: этотъ достоинъ, а тотъ—весьма мало. Когда допрашиваетъ Богъ, эти слова должны быть устранены; когда милосердіе на лицо, оно приноситъ спасеніе, не взирая на достоинство или недостоинство.

Итакъ какимъ образомъ Богъ говоритъ: *помилую, егоже помилую, и ущедрю, его же ущедрю* (Исх. XXXIII, 19)? Это чтобы сдѣлать явнымъ, что Онъ никого не милуетъ напрасно, потому что есть достойные и недостойные. Всѣ достойны спасенія, которые желаютъ его, но не всѣ достойны милосердія, потому что не желаютъ его.

Чрезъ это познаются достойные и недостойные. Какъ, скажетъ иной, это сообразно? Я говорю отъ Писанія, а не отъ своего разума: одинъ былъ долженъ десять тысячъ талантовъ, другой— сто динаріевъ, но тотъ и другой былъ должникъ. Для обоихъ ли ихъ должно было найтись милосердіе, или нѣтъ? Конечно, скажу, и тамъ не спрашивалось о достоинствѣ, потому что тотъ и другой былъ должникъ, но одинъ изъ двухъ, какъ знаемъ, лишился милости даже послѣ прощенія. Сынъ же Божій пришелъ, нѣкоторымъ оказывая милость, а иныхъ призывая къ ней; нѣкоторые приблизились, иные же нѣтъ. Такимъ образомъ ясно, что Онъ помиловалъ тѣхъ не насильно или по необходимости, и никого, не желающаго взывать о милосердіи, не принуждалъ къ этому. У просящаго о милосердіи должно обнаружиться желаніе и охота слѣдовать ему, чтобы такимъ образомъ онъ могъ сознавать дѣйствія милосердія; но если онъ пренебрегаетъ этимъ, то какъ онъ можетъ получить спасеніе, превосходство воды и благодати? Но кто, скажутъ, до того жалокъ, негоденъ и безуменъ, чтобы, совершивъ безчисленныя беззаконія, не пожелать милосердія Божія и не восхотѣть спасенія? Такихъ безчисленное множество. Когда пришелъ Христосъ, намѣреваясь дать отпущеніе грѣховъ, то почему не пожелали слѣдовать спасенію іудеи, которымъ Онъ даже
215 говорилъ: *коль краты восхотѣхъ собрати чада твоя... и не восхотѣсте* (Мѳ. xxIII, 37)? Видишь ли, что они также не желали? Что легче молитвы? Но когда ты не пожелалъ молиться, то какимъ образомъ желаешь обрѣсти милосердіе? Итакъ, не пожелавшій просить милости какимъ образомъ будетъ желать ея? Развѣ требуются добродѣтели, или трудна тебѣ молитва, требуетъ ли она труда, пота или бдѣнія? Только, говоритъ, проси; но ты не желаешь и этого, и слѣдуешь уму Симона, который говоритъ: *помолитеся вы о мнѣ ко Господу* (Дѣян. VIII, 24). Сверхъ того, ты не знаешь, что никто, хотя бы превосходнѣйшій тебя и болѣе благочестивый, не можетъ молиться за тебя лучше, чѣмъ могъ бы сдѣлать это ты самъ. Даже когда ты нечистъ и лишенъ увѣренности въ Богѣ, Ему твои молитвы угодны болѣе, чѣмъ молитвы за тебя какого-либо святого и вѣрующаго,—потому что Богъ не о Своей чести заботится, отталкивая тебя и принимая молитвы того, а только того желаетъ Богъ, чтобы ты былъ съ Нимъ въ дружественныхъ сношеніяхъ. Такъ, почему Онъ отвергъ молитвы пророка Іереміи, часто молившагося за іудеевъ? Развѣ не потому, что пророкъ увѣщевалъ ихъ, чтобы они сами изливали молитвы къ Богу? *Ты же не молися*, говоритъ, *о людехъ сихъ*, а потомъ прибавляетъ: *еда не видиши, что сіи творятъ* (Іерем. VII, 16, 17)? Они, говоритъ, ни о чемъ не заботятся, а ты желаешь, плачешь

вопишь и взываешь. Мы также молимся вмѣстѣ со святыми, но наша надежда да будетъ великой и въ нашихъ молитвахъ. Мытарь просилъ Бога не чрезъ кого-либо превосходнѣйшаго, но самъ могъ столько, сколько тысяча праведныхъ созерцателей, если бы они молились за него Богу. Не говори: я не умѣю молиться, я недостоинъ, у меня нѣтъ вѣры; выставляя причины недостоинства и молчанія, ты показываешь бóльшую необходимость молиться. Ты недостоинъ, не имѣешь вѣры? Когда ты таковъ, то употребляй, какъ лѣкарство противъ зла, молитвы. Слушай, что̀ говорили три отрока: *и нынѣ нѣсть намъ отверсти устъ, студъ и поношеніе* претерпѣша раби Твои и чтущіи Тя (Дан. III, 33). Какимъ образомъ они не отверзали устъ? Однако уста были отверсты, они молились и получили. И мы, подобно имъ, будемъ приступать къ молитвамъ. То, что ты говоришь мнѣ, что ты недостоинъ и не имѣешь вѣры, скажи Господу всяческихъ и скоро пріобрѣтешь вѣру. Совѣсть твоя не позволяетъ смотрѣть съ увѣ- 216
ренностію на небо? Но это послужило мытарю даже на пользу. То, что ты считаешь препятствіемъ для твоихъ молитвъ, это освящаетъ твои молитвы. Эти слова и такой смыслъ приличествуютъ нетолько преступнымъ, но и почитающимъ добродѣтели. Авраамъ, когда намѣренъ былъ нѣчто просить у Бога, говорилъ: *азъ же есмь земля и пепелъ* (Быт. XVIII, 27); признавая свое недостоинстоинство, онъ сошелъ до такого несовершенства природы, что могъ отложить гордость ума. И Давидъ говорилъ: *азъ же есмь червь, а не человѣкъ* (Пс. XXI, 7).

Ты часто уклонялся отъ Бога. Ужели по этой причинѣ ты будешь оставаться въ грѣхѣ? Не приближаясь къ Богу и не моля Его, ты прибавляешь ко грѣхамъ (другіе) грѣхи. Слушай пророка, молящагося за многихъ: *Господи, помилуй ны, на Тя бо уповахомъ*. Что лучше этой молитвы, когда онъ молится не за одного, а за всѣхъ членовъ вселенской церкви? Онъ такъ былъ пріятенъ Богу, что молился за всѣхъ, имѣлъ заботу о всѣхъ, и назвалъ причину своихъ молитвъ: *на Тя бо уповахомъ*. И ты дѣлай тоже; ужели мало милосердіе Божіе? Ужели твои грѣхи могутъ превзойти мѣру Его благости? Какъ малая искра въ обширнѣйшемъ морѣ, такъ или даже меньше—вины и грѣхи человѣка предъ милосердіемъ Божіимъ. Желаешь ли ты знать могущество Его? Только по Своей волѣ Онъ содѣлалъ сынами и сонаслѣдниками Единороднаго Своего отверженныхъ міра сего, осужденныхъ, недруговъ, отчужденныхъ, лишенныхъ надежды, безбожныхъ (ср. Ефес. II, 12). Хочешь ли знать силу Его для искорененія грѣховъ? *И аще будутъ грѣси ваши, яко багряное, яко снѣгъ убѣлю* (Ис. I, 18). Въ другомъ же мѣстѣ говорится яснѣе: *окро-*

пиши мя, Господи, *иссопомъ, и очищуся* (Пс. L, 9): это (иссопъ) есть цвѣтокъ, который погружали въ кровь, и имъ кропили грѣшниковъ въ народѣ. *Омыеши мя, и паче снѣга убѣлюся* (Пс. L, 9). Если отъ благости Его исходитъ существованіе душъ, то тѣмъ болѣе ихъ чистота и освященіе. Итакъ, никто пусть не отчаивается,
217 считая перемѣну невозможной, потому что, когда ты—грѣшникъ, то это нѣчто неестественное. Грѣхъ есть не иное что, какъ только дѣйствіе противъ воли Божіей, и невозвращеніе къ покаянію также противно Его волѣ. Онъ есть Господь всего,—и свободныхъ тварей. Онъ пожелалъ, и совершились небеса. Если Онъ только пожелаетъ, то ты тотчасъ выйдешь святымъ. Богъ оправдаяй, кто осуждаяй (Римл. VIII, 33)? Не помышляй о множествѣ твоихъ грѣховъ, но смотри на безконечную благость Божію. Болѣзни—велики, но Врачъ—больше; буря сильна, но кормчій—мудръ; души доведены до отчаянія, но лѣкарства находятся наготовѣ и послѣ отчаянія. Нѣтъ ничего, что могло бы побѣдить и превозмочь Его милосердіе. Онъ говоритъ: *днесь, аще гласъ Его услышите* (Пс. XCIV, 7; Евр. III, 7). Что хуже разбойника? Однако чрезъ одно слово, въ мгновеніе ока онъ вошелъ въ рай прежде множества святыхъ. Помышленіе о грѣхахъ и страхъ свойственны приходящему и прибѣгающему къ милосердію Божію. Если мы находимся съ Нимъ въ дружественныхъ отношеніяхъ, то, хотя бы весьма много согрѣшили противъ Него, однако мы ничего не боимся, по любви къ вѣрному Другу. Если же мы сомнѣваемся полагаться на Его любовь, то это отсутствіе вѣры будетъ зависѣть отъ насъ самихъ.

Не былъ ли достоинъ спасенія блудный сынъ ради того, что хотя и пришелъ въ разстройство вслѣдствіе многаго содѣяннаго зла, тѣмъ не менѣе съ покорной просьбой пришелъ къ отцу своему? Почему тотъ принялъ его съ такой радостью? Какія онъ увидѣлъ въ сынѣ добродѣтели? Развѣ не противъ воли и охотно пришелъ онъ? Развѣ не побуждаемый голодомъ, бѣдностію и безчестіемъ пошелъ онъ и пришелъ къ отцу? Но отецъ его не занимался тщательнымъ изслѣдованіемъ этого, потому что ему было все ясно. Онъ издали увидѣлъ его тощаго, блѣднаго, измараннаго и жаждущаго. Но это не отвратило его, чтобы не признать желаннаго: хотя онъ пришелъ къ отцу вслѣдствіе стѣснительныхъ обстоятельствъ, тотъ принялъ своего сына. Когда мы обращаемся къ Богу, Онъ обнимаетъ насъ, хотя бы мы прибѣгали къ Нему по стѣсненію и необходимости. Когда одинъ другого любитъ, то, считая маловажными всякія лишенія, желаетъ только видѣть лицо любимаго имъ, и благодаритъ тѣ стѣснитель-
218 ныя обстоятельства, которыя служили поводомъ для его прихода.

Не что иное заставило евреевъ вопіять къ Богу, какъ только притѣсненіе и трудъ плинеодѣланія. Развѣ не было желанія или наклонности ума? Развѣ не тогда они искали Бога, когда они были убиваемы? Чтоже? Развѣ Онъ не отвергалъ ихъ въ то время, какъ они столько искали Его? Меньше всѣхъ народовъ. Богу угодно избавлять насъ, прибѣгающихъ къ Нему даже во время мученія. Повидимому, Ему какъ бы Самому было желательно подвергать людей бѣдствіямъ, иначе почему же Онъ угрожаетъ намъ геенною и постоянно насъ устрашаетъ? Развѣ не затѣмъ, чтобы мы къ Нему обратились? Почему Онъ заставилъ насъ нуждаться во многомъ? Развѣ не затѣмъ, чтобы мы обращались къ Нему по крайней мѣрѣ по причинѣ бѣдности? Вотъ иныя доказательства. Смотри, что Онъ говоритъ: *накажетъ тя отступленіе твое, и злоба твоя обличитъ тя. И увѣждь и виждь, яко зло и горько ти есть, еже оставити Мя* (Іер. II, 19). Ты не желаешь образумиться отъ словъ? Я предоставлю тебѣ быть обличеннымъ отъ дѣлъ. Это было не Мое желаніе, но такъ какъ ты пожелалъ, то Я не буду поступать съ тобою противъ твоего права. Смотри на милосердаго отца: онъ не выслушалъ ни одного слова умилостивленія или покаянія, а только узрѣлъ и обнялъ сына. Какія добродѣтели ты увидѣлъ въ немъ, что вышелъ къ нему навстрѣчу съ такой любовію? Даже и этого было недостаточно, но онъ почтилъ его болѣе, чѣмъ другого, одареннаго добродѣтелями. Не достаточно ли было лучше почтить того одинаково съ другими, чѣмъ—болѣе прочихъ? Если дѣло обстоитъ такимъ образомъ, тогда грѣшники преимуществуютъ предъ праведниками. Не такъ: только тѣ грѣшники преимуществуютъ предъ праведниками, которые послѣ грѣха возвращаются къ покаянію; въ этомъ случаѣ дѣлается явнымъ, что можетъ случиться то, что иной грѣшникъ и падшій выходитъ лучше, чѣмъ прежде. *Бысть племя непокаряющихся въ пагубу*, и сѣмя ихъ бысть растлѣно. Богъ губитъ злыхъ не всѣхъ, и не всѣхъ оставляетъ. Онъ не губитъ для того, чтобы каждый предопредѣленный сталъ достойнымъ, и не оставляетъ для исправленія и бдительности другихъ. Если бы Онъ всѣхъ ихъ изъялъ изъ среды, то отнялъ бы даже случаи для борьбы; а если бы всѣхъ оставилъ, то сдѣлалъ бы живыхъ лѣнивыми, добродѣтельныя дѣйствія трудными. Если же бы Онъ не подвергалъ злыхъ наказаніямъ, то воспрепятствовалъ бы пользѣ добрыхъ.

3—5. *Спасеніе же наше* отъ Тебе *и во время печали, гласомъ* 219
страха Твоего ужасошася людіе. Это не то значитъ, что Богъ какъ бы имѣетъ голосъ,—нисколько: голосъ есть свойство тѣла и

совершается различными, относящимися къ тѣлу, членами; но этимъ выраженіемъ указывается на легкость совершенной побѣды. *Нынѣ же соберутся корысти ваши малаго и великаго*; *якоже аще кто соберетъ пруги, тако наругаются вамъ* отъ язвинъ вашихъ. Хорошо сказалъ пророкъ: *отъ язвинъ;* язвиной онъ называетъ народъ и торжище.

5. *Святъ Богъ живый въ вышнихъ*. Почему говорится: *въ вышнихъ*? Не только тамъ, но и въ возвышенныхъ душахъ, потому что *устнѣ праведныхъ вѣдятъ высокая* (Притч. x, 21), и покланяющимся Ему *духомъ и истиною достоитъ кланятися* (Іоан. IV, 24). Высокъ тотъ, кто далекъ отъ земли и земныхъ вещей: недостаточно, чтобы онъ находился отъ земныхъ вещей на маломъ разстояніи, но—на такомъ, на какомъ мертвые—отъ живыхъ. Если ты отступишь мало, то это тоже, какъ будто ты находишься вблизи, и ты бываешь тотчасъ уловляемъ. *Далече отъ нея сотвори*, говорится, *путь твой* (Притч. v, 8). Поистинѣ велико разстояніе между пользой и вредомъ: хотя ты и грѣшишь, ты не тотчасъ падешь въ яму, напротивъ, возстанешь болѣе сильнымъ и потомъ всегда будешь осторожнымъ. *Наполнися Сіонъ суда и правды, въ законѣ предадятся*, потому что рѣшеніе совершится по праведному суду Божію.

6. *Въ сокровищахъ спасеніе наше*, т. е., въ осторожности. Пусть никто не отчаивается, никто пусть не страшится. Прежде всего должно заботиться о томъ, что есть глава всѣхъ добродѣтелей, чтобы не причинять никому вреда и не завидовать благу другихъ: тогда мы будемъ пребывать въ мирѣ, всѣмъ пріятны и любезны. Пророкъ не говоритъ: Сіонъ имѣетъ мало правды, но *наполнися правды*. Если ты будешь справедливъ только между добрыми и не будешь такимъ между прочими, то справедливость будетъ отчасти оскорблена. Какъ ты увѣренъ относительно богатства, хотя ты не видѣлъ его, однако ты знаешь, что оно приготовлено для тебя,—такъ тебѣ приготовлено для спасенія великое богатство въ сокрытыхъ сокровищахъ, которое теперь не обнаруживается, чтобы кто-либо не злоумыслилъ на него. Итакъ, не считай себя бѣднымъ, хотя ничего (о тебѣ) не кричатъ на улицахъ. Не является теперь слава? Напротивъ, она теперь
220 является. Кто славнѣе апостоловъ, кто почтеннѣе и чтимѣе пророковъ, именемъ которыхъ исполнена вселенная? Иначе, Онъ не желаетъ теперь дѣлать славу явною для желающихъ состязаться, пока не наступитъ для нихъ время. Однако скажутъ: если бы мы видѣли славу, то состязаніе для насъ было бы вожделѣннѣе. Напротивъ, мы сдѣлались бы нерѣшительнѣе, размышляя о своихъ гораздо большихъ стремленіяхъ.

Тамо *премудрость и* духъ. Акила же и Симмахъ, вмѣсто „духъ", ставятъ: знаніе (γνῶσις [1]), а вмѣсто слова „благочестіе": страхъ и благочестіе ко Господу [2]). *Сія суть сокровища правды.* Въ Писаніи страхъ (Божій) называется правдой. Духъ и благочестіе отступили и удалились, кто же привлекъ ихъ? Наказанія. Сія суть сокровища правды, т. е., они съ осторожностію и твердостію стерегутъ правду, потому что страхъ Божій въ человѣкѣ можетъ все.

7. *Се нынѣ во страсѣ вашемъ тіи убоятся: ихъ не боястеся, возопіютъ отъ васъ.* Пророкъ показываетъ высшее превосходство Бога и Его помощь, когда предпочитаетъ рабовъ господамъ, чтобы тѣ знали, что они достигли этого не своею добродѣтелію, а эти низложены не по причинѣ слабости, но что причиной всегда была или добродѣтель или пренебреженіе ея и во всемъ проявляется добродѣтель и правда Божія. Онъ не щадитъ своихъ (служителей), когда они грѣшатъ, и не уступаетъ чуждымъ (вѣрѣ въ Него), когда они упорно пребываютъ въ томъ же злѣ. Такимъ образомъ, видя вавилонянъ подверженными бѣдствіямъ, удивляйся правдѣ Его, потому что Онъ и своихъ и чужихъ осудилъ равной мѣрою суда. Только добродѣтель оправдываетъ, а пренебреженіе ею дѣлаетъ виновными. Онъ всѣхъ сотворилъ, всѣхъ и любитъ; всѣ, какъ дѣло рукъ Его, получили отъ Него жизнь, но не всѣ равны въ дарахъ или наказаніяхъ. Добрые и злые стали таковыми каждый по своей волѣ, почему къ инымъ Онъ обращается, а отъ иныхъ отвращаетъ лицо Свое, однихъ отталкиваетъ съ ненавистью, а другихъ, призванныхъ къ Нему, любитъ. У насъ есть два способа сношеній съ Богомъ: одинъ— чрезъ молитву, другой—чрезъ добродѣтели.

8—11. *Вѣстницы послани будутъ, горцѣ плачущеся, просяще мира опустѣютъ бо сихъ путіе: преста страхъ языковъ, и завѣтъ иже къ нимъ возмлется, и не* вмѣнишя *ихъ въ человѣки.* Это—дѣла Божіи. *Восплакася земля, посрамленъ Ливанъ, блато бысть Сарамъ. Явлена будетъ Галилеа и Хермель. Нынѣ воскресну, глаголетъ Господь, нынѣ прославлюся, нынѣ вознесуся. Нынѣ узрите, нынѣ ощутите.* Онъ тогда возсталъ, когда предалъ ихъ. Но данный предметъ не былъ очень ясным. Природа Его славна, и Онъ такъ говоритъ о Себѣ, сообразуясь съ человѣческимъ разумѣніемъ. Не сказалъ: *нынѣ* воздвигнусь, но говоритъ: *воскресну,* потому что достаточно только воскреснуть, чтобы все обратилось въ бѣгство. *Да воскреснетъ Богъ, и расточатся врази Его* (Пс. LXVII, 1). То выраженіе грубо и недостойно божественной природы: „воздвигнуться" свойственно 221

---

[1]) Hexapla Origenis, въ изд. Фильда: Сим.—καὶ γνῶσις.

[2]) Въ Экз. Оригена, изданныхъ Фильдомъ, Симм. читаетъ; φόβος Κυρίου.

тѣлу, которое, прежде воздвиженія, пребываетъ на мѣстѣ. А это хотя грубо, однако утонченнѣе прочихъ подобныхъ выраженій.

Богъ также говоритъ, что Онъ имѣетъ славу, чтобы ты, будучи невѣрнымъ, вѣровалъ въ Него, когда Онъ призываетъ тебя къ свѣту. И Павелъ говоритъ такимъ же образомъ: *въ полученіе славы Господа нашего* (2 Сол. II, 14). *Нынѣ вознесуся*, т. е., покажу Себя. Онъ казался низкимъ въ народѣ; говоря: *нынѣ*, Онъ показываетъ ближайшее время, — то, что пророчество исполнится спустя непродолжительное время. Не вѣрьте, что Я буду медлить. Я не говорю: вы услышите, но — Я сдѣлаю васъ зрителями новыхъ чудесъ. *Нынѣ ощутите*: спустя много времени послѣ того вамъ это будетъ понятно. *Тщетна будетъ крѣпость духа вашего, огнь вы поястъ, и будутъ языцы пожжени, аки терніе на нивѣ разметано и пожжено*: не какъ дерево, а какъ безплодное терніе, такъ въ одно и тоже время и тотчасъ они будутъ сожжены, Богъ же никогда не сожигаетъ плодоноснаго дерева. Чтобы ты не подумалъ, что это совершается ради народовъ, пророкъ сказалъ: *тщетна крѣпость духа вашего, понеже будете пожжени огнемъ, аки терніе*. Терніе удобно для огня, равнымъ образомъ и они (іудеи) подлежатъ гнѣву.

13. *Услышатъ языцы, яже сотворихъ, увѣдятъ приближающіися крѣпость Мою*. Эти узнаютъ, а тѣ услышатъ. Онъ подвергалъ іудеевъ скорби тогда именно, когда были многочисленные свидѣтели ихъ наказаній и вмѣстѣ обнаруживались причины всякихъ добродѣтелей, такъ, чтобы это не сокрылось ни въ одной странѣ, достигло до края земли, и обошло всѣ части вселенной.

14. *Отступиша, иже въ Сіонѣ, беззаконницы, пріиметъ трепетъ нечестивыя*; такъ какъ удаляется причина, по которой они (іудеи) были преданы непріятелямъ, мучившимъ ихъ, то не будетъ ничего такого, что̀ бы затрудняло ихъ. *Кто возвѣститъ вамъ, яко*
222 *огнь горитъ? Кто возвѣститъ вамъ мѣсто вѣчное?* Говорятъ, что пророкъ сказалъ это о возвращеніи (изъ плѣна); но мнѣ кажется, что здѣсь указывается и на будущее. *Кто возвѣститъ вамъ*, что огонь пылаетъ въ геённѣ? Огонь этотъ есть тотъ, который Христосъ называлъ вѣчнымъ мѣстомъ, потому что нѣтъ для него конца.

15. *Ходяй въ правдѣ* (во Христѣ), *глаголяй правый путь*. Много есть такихъ, которые ходятъ сообразно съ правомъ, не потому, что любятъ право, а ради страха Божія. Не такъ поступаетъ праведникъ: онъ ненавидитъ *беззаконія*, и отрясаетъ *руцѣ отъ даровъ, отягчаваяй уши, да не услышитъ суда крове*. Онъ (праведникъ) называетъ неправду зломъ, о которомъ не желаетъ и слышать: такова и есть добродѣтель. *Словесе неправедна*, сказано, *ненавидитъ праведникъ* (Притч. XIII, 5). Для него какъ бы невозможно видѣть и слышать зло.

16. *Сей*, сказано, *вселится въ высоцѣ пещерѣ камене крѣпкаго*, т. е., безопасности, такъ что нескоро попадетъ въ руки злыхъ. Смежаетъ *очи, да не узрити неправды, хлѣбъ ему дастся, и вода ему вѣрна*. Его обильное желаніе удаляется всякаго захвата и бываетъ неизмѣннымъ. Чего же онъ достоинъ?

17. *Царя со славою узрите, и очи ваши узрятъ землю издалеча*, не глазами, но вѣрою. Смотри, что слѣдуетъ превосходнѣе прочаго. *Душа ваша поучится страху Господню. Гдѣ суть книгочіи? Гдѣ суть совѣщавающіи?* Всѣ эти блага, сказано, пришли безъ усилья книгочіевъ и мудрецовъ. *Гдѣ есть исчитаяй питаемыя малы и велики люди? Иже не совѣщаше, ниже вѣдяше глубокій гласъ имущаго, яко не слышати людемъ уничтоженнымъ, и нѣсть слышащему смысла*. Не потому было такъ, что не было совѣтниковъ, но потому, что народъ не имѣлъ разумѣнія. Причиной всѣхъ золъ служитъ глупость.

20—21. *Се Сіонъ градъ, спасеніе наше, очи твои узрятъ, Іерусалиме, граде богатый. Кущи не поколеблются, ниже подвигнутся коліе храмины его въ вѣчное время, и ужы его не преторгнутся*. Такимъ образомъ они недвижимы и неразрываемы? Конечно, но почему? По винѣ ихъ самихъ, *яко имя Господне велико вамъ есть*. Смотри, пророкъ показываетъ причину непоколебимости, каковою называетъ не войска, не богатство и не крѣпость стѣнъ, но имя 223
Божіе. *Мѣсто вамъ будетъ, рѣки и ровенницы широки и пространны*: этимъ онъ показываетъ побѣду и устойчивость благъ. *Не пойдеши по сему пути, ниже пойдетъ корабль пловущій*: ты, сказано, пришедшій изъ Вавилона, никогда не возвратишься тѣмъ же путемъ и нѣтъ иного, кромѣ Господа, Бога твоего: *Богъ бо мой великъ есть, не минетъ мене*.

22. *Господь судія нашъ*, Господь Отецъ намъ, *Господь князь нашъ, Господь царь нашъ. Господь Той насъ спасетъ*. Будучи нашимъ Княземъ, Онъ подвергнетъ насъ наказанію.

Превратишася ужа твоя, яко не укрѣпишася, щогла твоя преклонися, не распуститъ вѣтрилъ, не воздвигнетъ знаменія, дондеже предастся на плѣненіе. Бываетъ такъ: пророчество обыкновенно обозначаетъ то плѣнъ, то вмѣстѣ съ нимъ возвращеніе: какъ сильные вѣтры разрушаютъ остовъ корабля, такъ жестокіе враги уносятъ ихъ постановленія, законы, твердые памятники и денежныя пріобрѣтенія. *Тѣмъ же мнози хроміи плѣнъ сотворятъ, и не рекутъ: труждаемся, людіе живущіи въ нихъ, оставися бо имъ грѣхъ*. Іеремія говоритъ: *и чадородятъ сыны хромыя* (Іер. XXXI, 8), какъ говорится здѣсь: *хроміи плѣнъ сотворятъ*, и Захарія: Іевусей будетъ *яко тысящникъ* (Зах. IX, 7).

ГЛАВА XXXIV.

224 Ст. 1—3. *Приступите языцы, и услышите князи: да слышитъ земля и вся вселенная.* Посмотримъ, что онъ сказалъ. Почему онъ зоветъ всю вселенную? *Зане ярость Господня на вся языки, и гнѣвъ на число ихъ, еже погубити ихъ, и предати я на закланіе. И язвеніи ихъ повергнутся, и мертвецы, и взыдетъ ихъ смрадъ, и намокнутъ горы кровію ихъ.* Полагаютъ, что это сказано относительно избіенія Гога и Магога; но мнѣ кажется, пророкъ указываетъ на послѣдній день міра, какъ показываетъ слѣдующее:

4. *Свіется,* говоритъ, *небо аки свитокъ, и вся звѣзды спадутъ яко листвіе съ лозы, и якоже спадаетъ листвіе смоковницы.* Смотри: какъ предсказалъ пророкъ, такъ предсказывалъ о внезапномъ паденіи звѣздъ и Христосъ. Не спрашивай, какимъ образомъ тѣ, которыя пригвождены и прикрѣплены на небесахъ, спадутъ, какъ падаютъ листья виноградной лозы. Какъ падаютъ листья въ свое время, такъ и онѣ падутъ въ установленное время. Кромѣ того онъ этимъ обозначаетъ и нѣчто другое: онѣ будутъ болѣе славными. Какъ виноградная лоза, послѣ паденія листьевъ, является нагою и потомъ, съ новой весной, вновь украшается листьями и вѣтвями, такъ измѣнятся къ лучшему и небеса.

5—7. *Упися мечъ мой на небеси: се на Идумею снидетъ и на люди пагубныя съ судомъ. Мечъ Господенъ наполнися крове, растолстѣ тукомъ, отъ крове козловъ и агнцевъ и отъ тука воловъ и овновъ.* Пророкъ мечами называетъ наказаніе, чтобы чрезъ извѣстное возвѣстить неизвѣстное. Онъ сказалъ: *упися мечъ мой на небеси,* чтобы показать, что наказаніе, о которомъ онъ говоритъ, какъ
225 о страшномъ, сходитъ съ неба. Слова: *на люди пагубныя съ судомъ* показываютъ, что народъ, который преданъ былъ грѣхамъ, подвергся наказанію не неправильно, а по справедливому суду Божію. Богъ угрожаетъ ему страшнымъ гнѣвомъ не затѣмъ, чтобы истребить, но чтобы посредствомъ страха побудить къ добродѣтелямъ. По справедливости Онъ называетъ людьми пагубными тѣхъ, которые были во грѣхахъ. Подобно тому, какъ брошенная вещь находится вдали отъ глазъ хозяина, такъ и грѣшникъ удаленъ отъ святого лица Божія, какъ говорилъ Каинъ: *аще изгониши мя днесь отъ лица Твоего, и будетъ, всякъ обрѣтаяй мя, убіетъ мя* (Быт. IV, 14), сообразно изреченію: *да возьмется нечестивый, да не видитъ славы Господни* (Ис. XXVI, 10).

Произнося гнѣвныя слова, пророкъ говоритъ: не думайте,

что Богъ подверженъ таковымъ страстямъ. Человѣкъ, угнетенный несчастіемъ, гнѣвается и не можетъ понимать силы законовъ, когда умъ его подвигнутъ гнѣвомъ; но не такъ Богъ. А какъ же? Когда Онъ гнѣвается, Онъ во всемъ поступаетъ справедливо. Нашъ умъ вслѣдствіе гнѣва помрачается; напротивъ, Богъ, наказывая другихъ, каждому воздаетъ по его дѣламъ и не подвигается отъ гнѣва. Хотя о насъ и Богѣ говорится тоже самое, но не тоже самое этимъ обозначается: Онъ по своей природѣ не гнѣвливъ, напротивъ, мы гнѣваемся, — почему мы прежде мучимъ себя самихъ, потомъ другихъ, причиняя или не причиняя имъ вреда. *Мечъ Господень наполнися крове, растолстѣ тукомъ, отъ крове козловъ и агнцевъ и воловъ.* Смотри: онъ наглядно представляетъ дѣло: чрезъ козловъ и овновъ показываетъ, что истребленіе ихъ подобно истребленію безсловесныхъ животныхъ; подобно тому, какъ объ этихъ послѣ ихъ закланія болѣе не говорится, такъ и о тѣхъ людяхъ, которые приняли ихъ нравы и стали хуже ихъ; тѣ лишены слова по природѣ, а эти стали подобны имъ. *Жертва Господеви въ Восорѣ и закланіе веліе во Идумеи.* Почему пророкъ называетъ это жертвою? Потому что гнѣвъ Божій дошелъ до того, что не могъ миновать ихъ.

8. *День бо суда Господня и лѣто воздаянія*: (здѣсь) не было никакой несправедливости, но праведный судъ и воздаяніе по дѣламъ.

И упіется земля отъ крове, и отъ тука ихъ насытится: день бо суда Господня и лѣто воздаянія суда Сіоня. Здѣсь ясно, что гнѣвъ пришелъ на идумеевъ ради Сіона, града Божія, такъ какъ Сіонъ 220
былъ градомъ Божіимъ, т. е., жаждущимъ спасенія отъ Бога, презирающимъ идоловъ иноплеменниковъ, которые не принесли имъ никакой пользы.

9—10. *И обратятся дебри его въ смолу, и земля его въ жупелъ. И будетъ земля его горящи яко смола днемъ и нощію.* Хотя онъ и изображаетъ тягчайшее бѣдствіе идумеевъ, однако, многіе полагали, что это сказано о послѣднемъ судѣ, потому что, говорятъ, здѣсь—огонь и жупелъ и вѣчное наказаніе, такъ какъ онъ прибавляетъ: не угаснетъ въ вѣчное время, *днемъ и нощію.*

11—17. *И взыдетъ дымъ ея высоцѣ, въ роды своя опустѣетъ, и во время много птицы и ежеве, совы, и вранове возгнѣздятся въ немъ: и возложатъ нанъ уже землемѣрно пустыни, и онокентаври вселятся въ немъ. Князи его не будутъ: цари бо и вельможи его будутъ въ пагубу. И возникнутъ во градѣхъ ихъ терновая древеса, и во твердыняхъ его: и будутъ селенія сириномъ, и селища струѳіономъ: и срящутся бѣси со онокентавры, и возопіютъ другъ ко другу, ту почіютъ онокентаври, обрѣтше себѣ покоища. Тамо воз-*

гнѣздится ежъ: и сохранитъ земля дѣти его со утвержденіемъ: тамо елени срѣтошася, и увидѣша лица другъ друга. Числомъ преидоша, и единъ отъ нихъ не погибе, другъ друга не взыска, яко Господь заповѣда имъ, и Духъ Его собра я. И Той вержетъ имъ жребія, и рука Его раздѣли пастися: въ вѣчное время наслѣдите, въ роды родовъ почіютъ въ немъ. Пророкъ показываетъ совершенное истребленіе ихъ; отъ слова „елени" и до конца пусть мудрѣйшіе видятъ, должно ли здѣсь разумѣть что-либо иное.

ГЛАВА XXXV.

227 Ст. 1. *Радуйся пустыня жаждущая, да веселится пустыня, и да цвѣтетъ яко кринъ.* Онъ дважды сказалъ: *пустыня;* пустынею называется необработанная земля, она же называется землей жаждущей.

2. *И процвѣтетъ, и возвеселится пустыня Іорданова: и слава Ливанова дадеся ей, и честь Кармилова, и узрятъ людіе мои славу Господню, и высоту Божію.* Этими словами пророкъ показываетъ перемѣну въ мірѣ вслѣдствіе пришествія Христа, т. е.: люди жаждущіе и бездѣятельные будутъ пить живую воду ученія Христова и увидятъ славу Господню, какъ сказалъ Іоаннъ: *видѣхомъ славу Его, славу яко единороднаго отъ Отца* (Іоан. 1, 14). Слова: *и высоту Божію,*—показываютъ, что Онъ (Христосъ), вознесшись на крестѣ, превзошелъ всѣхъ, которыхъ называли богами.

3—4. *Укрѣпитеся руцѣ ослабленыя, и колѣна разслабленая.* Эти слова Павелъ писалъ къ евреямъ, что Богъ былъ помощникомъ для притѣсненныхъ: поддерживалъ руки разслабленныхъ и побуждалъ ихъ (Евр. XII, 12; XIII, 6), подобно тому, какъ воинъ-мужъ доставляетъ помощь ослабѣвшимъ. *Утѣшитеся малодушніи умомъ, укрѣпитеся, не бойтеся.* Видишь ли: не изъ испытанія, но изъ малодушія происходитъ оставленіе. *Се Богъ нашъ судъ воздаетъ, и воздастъ, Той пріидетъ и спасетъ насъ.* Придетъ Онъ самъ, а не иной, такъ какъ никто не могъ совершить нашего спасенія, и Онъ *воздаетъ* прежде *судъ.* Смотри, какъ
228 пали дѣла іудеевъ: городъ ихъ разрушенъ, Іуда удавился, Иродъ — отецъ и сынъ—умерли позорнѣйшей смертью, Сапфира подверглась казни, пораженная внезапной смертью, также и волхвъ Елимасъ. Не возможно ли Богу наказывать каждаго въ этомъ мірѣ? Но выслушай, что говорится: *Богъ не до конца прогнѣвается* (Пс. CII, 9). Если бы Онъ тотчасъ наказывалъ по тяжести грѣха, то уже давно весь человѣческій родъ былъ бы истребленъ. Но не только здѣсь, а и въ будущемъ вѣкѣ Онъ

будетъ воздавать имъ (іудеямъ) и прочимъ. То немногое, что Онъ показываетъ теперь, обнаруживаетъ иногда наказаніе, иногда — покой. Когда ты видишь демоновъ изгнанными, скорби удаленными, всю природу почитающею правду, звѣрей укрощенными, всѣхъ тварей почитающими апостоловъ,—то размышляй, что ты видѣлъ силу будущаго, залогъ душъ. *Той пріидетъ и спасетъ насъ*: придетъ Самъ, но не рабъ или ангелъ, а Самъ, что и Павелъ часто подтверждаетъ, показывая высшую Его славу, когда говоритъ о Его пришествіи въ такихъ словахъ: *многочастнѣ и многообразнѣ древле Богъ глаголавый отцемъ нашимъ во пророцѣхъ въ послѣдокъ дній сихъ глагола намъ въ Сынѣ* (Евр. I, 1): въ этихъ словахъ онъ сдѣлалъ различіе между Господомъ и рабами.

5—6. *Тогда отверзутся очи слѣпыхъ, и уши глухихъ услышатъ. Тогда скочитъ хромый, яко елень.* Не о людяхъ только сказано, что Онъ воздаетъ и потомъ будетъ воздавать имъ, но также и о діаволѣ, такъ какъ и ему Онъ воздалъ, связавъ его въ настоящее время. Откуда же это открывается? *Никто же*, сказано, *можетъ сосуды крѣпкаго расхитити, аще не первѣе крѣпкаго свяжетъ* (Марк. III, 27); и они (демоны) говорили: *остави, что намъ и Тебѣ, Іисусе Назаряниие? Пришелъ еси прежде времени мучити насъ* (Марк. I, 24, Мѳ. VIII, 29); и Господь говорилъ: *иди за Мною, сатано, писано бо есть: Господу Богу твоему поклонишися и Тому единому послужиши* (Мѳ. IV, 10), а также: *видѣхъ сатану яко молнію съ небесе спадша* (Лк. X, 18), и потомъ: *даю вамъ власть наступати на змію и на скорпію и на всю силу вражію* (Лк. X, 19).

Тогда отверзутся очи слѣпыхъ и уши глухихъ услышатъ. Будутъ исцѣлены тѣлесные члены, необходимые для пріобрѣтенія сообразнаго познанія о Богѣ. Діаволъ ослѣпилъ нашъ путь, заклю- 229
чилъ пути знанія, которые ведутъ насъ къ Богу. Выслушай блаженнаго Павла, который говоритъ: *невидимая бо Его отъ созданія міра твореньми помышляема видима суть* (Рим. I, 20). Но какъ можетъ видѣть тотъ, у кого нѣтъ глазъ? Объ ушахъ онъ же сказалъ: *слухъ же глаголомъ Божіимъ* (Рим. X, 17). Если кто не имѣетъ ушей, то какъ онъ можетъ слышать? Но тѣхъ, которыхъ ослѣпилъ врагъ, пришедшій Христосъ исправилъ, не только обновивъ тѣлесные члены, но и нравы душевные. Что пользы, если просвѣщены внѣшніе члены, когда ослѣпленъ разумъ? Часто и при открытыхъ глазахъ не видятъ. Но если онъ (Христосъ) дѣлалъ (врачеваніе) для глазъ, то тѣмъ болѣе сдѣлаетъ его для душъ, когда заблужденіе проникло въ умъ, или когда какая-либо болѣзнь возмутила правильный порядокъ (душевной жизни). Такъ это и было, Христосъ все это устранилъ. *Тогда скочитъ хромый яко елень.* Онъ даровалъ не только тѣлесное здравіе, но всѣмъ,

приступающимъ къ святымъ рукамъ (Его), разрѣшеніе отъ узъ душевныхъ. *И ясенъ будетъ языкъ гугнивыхъ*. Невѣжды и необразованные побѣдили мудрецовъ и философовъ, кромѣ народа іудейскаго, который, будучи упрямымъ, ожесточился въ отступленіи, не послушалъ Священнаго Писанія и уклонился отъ спасенія.

7. *Яко проторжеся вода въ пустыни, и дебрь въ земли жаж-*
230 *дущей*. Пророкъ показываетъ неожиданное и совокупное полученіе благодѣяній и прохлажденіе жаждущихъ душъ. Нѣтъ иной болѣе суровой пустыни, какъ бездѣятельныя, невоздѣланныя души, ставшія обиталищемъ звѣрей; подобно тому, какъ въ пустыняхъ обитаютъ звѣри и произрастаютъ тернія, такъ и въ душахъ людей. *И безводная будетъ во езера, и на жаждущей земли источникъ водный будетъ*. Тоже говорилъ и Христосъ: *аще кто жаждетъ, да пріидетъ ко Мнѣ, и піетъ. Вѣруяй въ Мя, якоже рече писаніе, рѣки отъ чрева его истекутъ воды живы* (Іоан. VII, 37, 38). Почему говоритъ: *источникъ будетъ?* — Сообразуется со святостью христіанъ, и умерщвляетъ силу страстей.

Тамо будетъ веселіе птицамъ, и селитва трости, и лузи. И тамо будетъ путь чистъ, и путь святъ наречется. Когда же? Послѣ крещенія, послѣ просвѣщенія, такъ какъ мы ничего не имѣемъ отъ себя самихъ, но все намъ даровало благоволеніе Божіе. Тамъ, гдѣ шествуютъ ноги царя, какимъ образомъ не будетъ чистымъ и святымъ путь? Тамъ, гдѣ бьетъ такой источникъ, какимъ образомъ потоки не будутъ напоять жаждущихъ душъ?

8—9. *И не прейдетъ тамо нечистый, ниже будетъ тамо путь нечистъ*. Очистимъ же самихъ себя, когда станемъ пришельцами Господа, чтобы идти по этому пути. *Разсѣянніи же пойдутъ по нему, и не заблудятъ*. Никто, шествующій при свѣтѣ, не можетъ уклониться съ пути. *И не будетъ тамо льва*. Что это за левъ? Тотъ, кто желаетъ считаться львомъ, желаетъ, чтобы его слуги считались злыми звѣрями. Всѣ таковые, какъ бы ни старались, однако не принесутъ никакого вреда истинно-вѣрующимъ. Тѣ, которые ходили путями грѣшниковъ, освобожденные и собранные Господомъ, искупленные цѣною Его святой крови, пойдутъ по пути Его. Хотя кое-что изъ этого было видимо во время возвращенія изъ плѣна, однако вполнѣ это исполнилось во время пришествія Христова.

10. *И обратятся, и пріидутъ въ Сіонъ съ радостью, и радость вѣчная надъ главою ихъ: надъ главою бо ихъ хвала и веселіе, и радость пріиметъ я, отбѣже болѣзнь и печаль и воздыханіе*. Хотя нѣкоторые полагали, что все это исполнилось во время возвращенія изъ плѣна, однако тогда не могло быть, чтобы не было больше скорби, и печали, и воздыханія,—чтобы они отбѣжали;

во время же Христово все это исполнилось. Потому апостолъ сказалъ: *радуйтеся, всегда радуйтеся*, и во всякой молитвѣ пребывайте (Филип. VI, 4), такъ какъ Церковь болѣе не рождаетъ своихъ сыновей со скорбью, и не умножается печаль и воздыханіе, *но отбѣже болѣзнь, и печаль, и воздыханіе.*

ГЛАВА XXXVI.

1. *И бысть въ четвертоенадесять лѣто царствующу Езекіи,* 231
взыде Сеннахиримъ царь Ассирійскъ на грады тверды Іудейски, и взя онныя. Удивителенъ былъ тотъ мужъ, удивителенъ и великъ. Выслушай: когда Богъ намѣренъ сдѣлать что-либо дивное, то Онъ раньше соображаетъ; *взыде*, говорится, *на грады тверды Іудейски и взя оныя,*—чтобы ты не думалъ, что Іерусалимъ могъ спастись со своими укрѣпленіями. Смотри на правду мужа, который былъ защитникомъ города. Непріятель взялъ другіе города, но не могъ завоевать Іерусалима. Тѣмъ не менѣе онъ продолжительное время занимался военными дѣйствіями относительно его. Какъ человѣкъ смѣлый, переходя чрезъ ограждавшій валъ, онъ овладѣлъ прочими городами.

2—3. *И посла царь Ассирійскъ Рапсака отъ Лахиса во Іерусалимъ къ царю Езекіи съ силою великою.* Онъ хотѣлъ удержать всѣ города, а также завладѣть и этимъ. Но почему же—*съ силою великою?* Только затѣмъ, чтобы объявилась сила Божія. Онъ пришелъ внезапно, устрашая словами и видомъ многочисленныхъ воиновъ, привелъ жителей города въ трепетъ; онъ не зналъ, что онъ возвратится съ окаменѣлымъ сердцемъ и разбитой надеждой *И изыде къ нему Еліакимъ сынъ Хелкіевъ домостроитель, и Сомнасъ книгочій, и Іоахъ сынъ Асафовъ памятописецъ.* Какъ же они не устрашились, если пришедшій, не какъ храбрый воинъ, но какъ деспотическій царь, намѣренъ былъ все истребить по своей смѣлости?

4—5. *И рече имъ Рапсакъ: рцыте Езекіи: сія глаголетъ царь великій.* Онъ счелъ обременительнымъ назвать Езекію царемъ... *На что уповаеши? Еда совѣтомъ и словесы устными битва бываетъ?* Справедливо ты сказалъ, что битва совершается не словами и не мудростью, но силою Божіею. Что значатъ эти слова: *совѣтомъ* 232
и словесы устными? Они означаютъ или слова, направленныя къ Езекіи, или мысль того, который думалъ, что евреи сильны только на словахъ, говорилъ о нихъ съ насмѣшкою, какъ бы такъ: хотя у тебя совѣтники—пророки, однако, въ этомъ нѣтъ никакой пользы, но нужны оружіе, стѣнобитныя машины, храбрые мужи, сила,—

по обычаю варваровъ и сильныхъ. О, безполезное и гордое слово, о, нездравый умъ! *Еда совѣтомъ и словесы устными битва бываетъ*: если ты разумно не устроишь войско, то трудъ будетъ тщетнымъ и напраснымъ. *И нынѣ на кого уповаеши, яко не покаряешися мнѣ?* Кто придаетъ тебѣ храбрости? Развѣ египтяне? Говоря о слабости ихъ, онъ утверждаетъ, что они не приносятъ никакой пользы, а даже вредятъ; это онъ говорилъ справедливо, остальное же—неправда.

6—10. *Се уповаеши на жезлъ тростянъ сокрушенный.* Подобно Іезекіилю, онъ называетъ египтянъ тростями; помощь ихъ, говоритъ онъ, не тверда; она не только не приноситъ пользы, а даже вредъ: *на него же аще опрется мужъ, внидетъ въ руку его, и прободетъ ю: тако есть Фараонъ царь Египетскій, и вси уповающіи на него. Аще же глаголете: на Господа Бога нашего уповаемъ: не сей ли есть* Богъ, *его же разори Езекія высокая и требища*: никакой пользы не принесетъ вамъ таковое заблужденіе. Что же онъ сказалъ послѣ того? Приказавъ воинамъ держать городъ въ осадѣ, сказалъ: *нынѣ соединитеся господину моему царю Ассирійску, и дамъ вамъ двѣ тысящи коней, аще можете дати всѣдающыя на нихъ. И како можете отвратить лице воеводъ?* Смотри, каково свидѣтельство отъ непріятелей: *раби суть, иже уповаютъ на Египтянъ.* Что ты говоришь, жалкій человѣкъ? Если уповающіе—рабы, по той причинѣ, что они уповали на египтянъ, то этими словами онъ вновь унижаетъ гордость египтянъ; однако, онъ съ пользою поносилъ ихъ, указывая на надежду на Бога, который часто могъ посылать имъ величайшую помощь. Смотри, какимъ образомъ онъ приводилъ ихъ къ сомнѣнію: *и нынѣ еда безъ Господа пріидохомъ на страну сію, воевати на ню?* Онъ, говоритъ, вывелъ насъ и потомъ не можетъ насъ сохранить? *Да не прельщаетъ*, говоритъ, *васъ Езекія, избавитъ ны Господь.* А ты говоришь, онъ вывелъ насъ?

11—21. *И рече къ нему Еліакимъ, и Сомнасъ, и Іоахъ: глаголи къ рабомъ твоимъ сирски, разумѣемъ бо мы: а не глаголи къ намъ іудейски: и вскую глаголеши во уши человѣкомъ сѣдящымъ на*
233 *стѣнѣ?* Смотри, какъ они вызывали его. Тебѣ нужно было надѣяться на силу Божію; ты, говоритъ, не устрашай умовъ твоихъ воиновъ. Эти слова полны великаго безумія: этотъ гордецъ разслаблялъ умъ воиновъ то обѣщаніемъ благъ, то страшными угрозами. *Да не прельщаетъ*, говоритъ, *васъ Езекія словесы, яко избавитъ* ны *Богъ: еда избавиша бози языческіи кійждо страну свою?* Онъ говоритъ о слабости прочихъ боговъ, потомъ Самаріи и союзниковъ. Смотри на стараніе его о томъ, чтобы сдѣлать побѣду славною. *Еда избавиша*, говоритъ, *бози языческіи Емаѳовъ и Арфаѳовъ и Ефарваимъ?* Ты сказалъ, что они не принесли спа-

сенія; но если сохраняетъ Богъ, то по твоему же разуму такой Богъ есть великій и неодинаковый съ прочими.

Да ядятъ мотыла, и піютъ мочь. Смотри, онъ угрожаетъ всѣмъ людямъ, особенно іудеямъ, омерзительными казнями. *И никтоже отвѣща ему словесе.* Почему? *Повелѣнія ради царева.* О, несчастный! Ничего нѣтъ подобнаго Богу; не думай, что помощь безсильна. Слышащіе это разрывали свои одежды и объявили объ этомъ Езекіи; а онъ, наученый отъ Давида: *азъ же,* егда понопшаху ми, *положихъ одѣяніе мое вретище* (Пс. XLVI, 11—12), сдѣлалъ то же самое.

ГЛАВА XXXVII.

1. *Облечеся во вретище, и вниде въ храмъ Господень.* Смотри 284
на сраженіе, смотри на войну и битву: онъ не приготовлялъ оружія, не выстраивалъ машинъ, не обходилъ стѣнъ, не укрѣплялъ ихъ башнями и не посылалъ пословъ къ другимъ народамъ; но направилъ послами къ небу молитвы вѣрующаго духа, которыми, какъ онъ надѣялся, могъ угодить Царю небесному. Этотъ царь (Езекія) представилъ въ жертву всесожженія свои слезы, свое сокрушенное сердце, себя самого, облеченнаго во вретище. Тому, кто былъ знатнѣе прочихъ, надлежало быть поручителемъ за души всѣхъ: простершись на землю, онъ изливалъ просительныя молитвы; у него на сердцѣ не было царскаго тщеславія, онъ не думалъ о царствѣ, но въ своемъ духѣ размышлялъ только о томъ, что спасеніе заключается больше въ совѣтѣ Божественномъ, чѣмъ въ помощи воиновъ. Царю и князю свойственно, чтобы онъ не только былъ почитаемъ болѣе тѣхъ, кто не облечены властью, но также имѣлъ бы заботу о подчиненныхъ больше той, какую имѣютъ они сами.

2—3. *И рекоша* Исаіи: *сія глаголетъ Езекія: день печали и укоризны.* Почему же Езекія самъ не пришелъ къ пророку? Онъ сдѣлалъ лучше и надежнѣе, когда пришелъ къ Богу. *Сія глаголетъ Езекія.* Въ своей слабости онъ говорилъ: *помяни, Господи, како ходихъ предъ тобою со истиною* (Ис. XXXVIII, 3); не такъ говоритъ теперь; онъ не указываетъ ни на святость жизни, ни на множество добродѣтелей, а только на величіе скорбей: *день печали;* не потому, говоритъ, я скорблю, что городъ осажденъ, но потому, что варваръ равняетъ Господа съ демонами, полагаетъ, что Онъ не сильнѣе ихъ.

День обличенія и гнѣва днешній день, понеже пріиде болѣзнь 285
раждающей, крѣпости же не имѣетъ родити. Двойная скорбь бы-

ваетъ, когда пришло время родить: какъ потому, что дитя не можетъ появиться, такъ и потому, что рожденіе нужно ускорять усиліемъ, которое не приноситъ пользы. Видишь ли, что онъ также молился о томъ, чтобы были удалены скорби. Но тотъ, кто изливалъ такія молитвы и говорилъ такъ смиренно, впослѣдствіи сталъ гордымъ. Какое зло — гордость! Хотя онъ имѣлъ многочисленныя и значительныя свидѣтельства Божественной помощи, однако послѣ того онъ забылъ обо всемъ этомъ, какъ и о своей траурной одеждѣ: до того онъ былъ охваченъ порокомъ гордости.

Да услышитъ Богъ твой словеса Рапсакова. Такъ и ниневитяне говорили: *аще раскается Богъ отъ гнѣва ярости своея* (Іон. III, 9). Чему намъ слѣдуетъ научиться изъ этого? Хотя мы не надѣялись найти милосердіе, однако намъ не должно удерживаться отъ молитвы. Слово: *аще* есть признакъ неувѣреннаго ума. Тоже говорилъ Богъ пророкамъ: *и послушай*, говоритъ (Втор. V, 27), а потомъ: *кто дастъ, еже быти тако сердцу ихъ* (Втор. V, 29)? Хотя Богъ прекрасно зналъ, что они (евреи) не будутъ слушать, однако Онъ не щадилъ увѣщаній; будемъ же и мы поступать такимъ образомъ. *Да услышитъ Богъ словеса Рапсакова.* Онъ не осмѣливается назвать Его своимъ Богомъ. Итакъ, что ты говоришь? Ты молишь Бога, но надѣешься получить спасеніе не ради своихъ молитвъ, а ради обидъ непріятеля; точно такъ же говорится и въ притчахъ: *аще падетъ врагъ твой*, не обрадуйся ему, въ преткновеніи же его не возносися. *Яко узритъ Господь и не угодно будетъ Ему, и отвратитъ ярость Свою отъ него* (Притч. XXIV, 17). Часто побуждаетъ Бога и вызываетъ на помощь не достоинство спасаемыхъ, но злоба нечестивыхъ. Такимъ образомъ и здѣсь здравый въ своемъ умѣ показалъ большое смиреніе. Видишь ли, какъ постыдно порицаніе? Не думай, что это слова Рапсака; то были слова царя, такъ какъ прибавлено: *яко посла царь Ассирійскій;* а онъ послалъ такія пустыя и исполненныя гордости слова, чтобы оскорбить Бога живыхъ. Это не городу было осадой и не намъ безславіемъ, но, напротивъ, намъ было великою скорбью, что онъ осмѣлился все это высказать противъ Бога, и
236 поносилъ Его обидными словами; онъ не сказалъ ни одного слова, чтобы обнаружить свое великое благочестіе.

И да помолишися къ Господеви Богу твоему о оставшихся сихъ. Смотри: вслѣдствіе несправедливыхъ словъ врага, молитва Езекіи, душевное настроеніе пророка и вмѣстѣ угнетенное состояніе остальныхъ соединены со многою скорбію. Также и мы будемъ прибѣгать къ тѣмъ, которые могутъ свободно говорить съ Господомъ, потому что они—твердыя башни для нашей защиты. Но не достаточно

только прибѣгать къ нимъ. Езекія и самъ не переставалъ молиться, хотя и возвѣстилъ пророку: прежде того одинъ, а потомъ вмѣстѣ съ нимъ, онъ усердствовалъ въ молитвѣ. Поэтому не слѣдуетъ пренебрегать молитвой, а не только прибѣгать къ святымъ. Царь покрылся пепломъ, хотя былъ въ славѣ, только затѣмъ, чтобы удержать войну. Ты же, обыкновенный человѣкъ, лишенный почестей, не приходишь молиться къ Богу, но украшенный въ развѣвающуюся тунику, намазанный благовоніями, ты пренебрегаешь быть въ мирѣ съ Тѣмъ, Который прогнѣвался на тебя. Никто, подверженный бездѣйствію, не можетъ примириться съ Царемъ царей и угодить Ему, прогнѣвавшемуся. Подумай о величіи Того, Которому молишься, о множествѣ своихъ грѣховъ и о бренности своей природы, и, сознавъ это въ своемъ умѣ, смиряй себя ничтожнаго. Хотя ты облачаешься въ рубище, однако ты не сдѣлалъ ничего достойнаго Того, Которому желаешь угодить. Время скорби и слезъ, а не смѣха и радости; мы всегда много согрѣшаемъ и вызываемъ гнѣвъ Божій; ужели намъ не должно по крайней мѣрѣ на какой-либо часъ воздерживаться отъ грѣховъ?

6—7. *И рече имъ Исаія: сія глаголетъ Господь: не убойся отъ словесъ, яже еси слышалъ, ими же укориша мя послы царя Ассирійска.* Смотри, какъ Онъ возбуждаетъ его и ободряетъ: онъ, говоритъ, порицалъ Меня; когда дѣло обстоитъ такимъ образомъ, ты не бойся. Когда Богъ считаетъ обиды нанесенными Ему самому, то мы, вслѣдствіе ихъ, не должны приходить въ смущеніе. Онъ, говоритъ, противъ Меня возстаетъ, противъ Меня ведетъ войну. *Се Азъ вложу въ него духъ* (т. е. смущеніе) *и услышавъ вѣсть, возвратится въ страну свою, и падетъ мечемъ на своей земли.* Онъ говоритъ о послѣднемъ наказаніи, не объявляя о всѣхъ, послѣдовательно бывшихъ, постоянныхъ ударахъ. Мнѣ кажется, Онъ не обрекъ бы его такому наказанію, если бы тотъ не упорствовалъ въ томъ же порокѣ. Этими словами въ то же время Богъ обо- 287
дрилъ духъ Езекіи; если бы Онъ сказалъ, что тому должно пасть отъ меча въ странѣ твоей (іудейской), то Онъ, конечно, навелъ бы на него сомнѣніе, что тотъ, хотя и падетъ отъ меча, однако можетъ навредить ему; когда же падаетъ въ своей странѣ, то земля его (Езекіи) остается безопасной. Потомъ, для искорененія гордыхъ умовъ, пророкъ говоритъ: *и посла послы* путемъ прямымъ. *Еда избавиша сихъ* (народовъ и вождей) *бози языческіи?* Это служитъ къ тому, чтобы сами непріятели увѣровали въ великую силу Божію.

14—15. *И взя Езекія книгу отъ пословъ и прочте ю, и вниде въ храмъ Господень и помолися Господеви.* Онъ взялъ книгу, какъ

бы великое вооруженіе, чтобы Богъ согласился съ нимъ. Смотри: отецъ его былъ невѣрующимъ, а онъ, напротивъ, исполненъ вѣры и жестоко борется противъ врага. Откуда онъ взялъ оружіе противъ завоевателей? Изъ дома Божія, изъ молитвъ и прошеній. Эти оружія велики и необходимы, для того, чтобы всегда и вездѣ призвать отъ Бога помощь. *Господи Саваоѳъ, Боже Израилевъ*... Саваоѳомъ называются вышнія силы, ангелы и архангелы. Оскорбленія непріятелей, говоритъ, нисколько не подвигли меня; вслѣдствіе ихъ хуленій, я отнюдь не думаю, будто теперь безсильна помощь Твоя. Хотя бы и часто умаляли славу милосердія Твоего, однако я исповѣдую Твое великое могущество не только надъ землею, но и на небесахъ. Почему же? Богъ силенъ, а вы не достойны спасенія. Потому онъ прибавляетъ: *Боже Израилевъ*. Я всемогущъ, потому что Я Господь Саваоѳъ, т. е., силъ. Ты желаешь, и это угодно Тебѣ, потому что Ты—Господь Израилевъ, *сѣдяй на Херувимѣхъ: Ты еси Богъ единъ царь всякаго царства вселенныя*. Такъ какъ варваръ думалъ, что Богу принадле-надлежитъ только Іудея, небольшая часть вселенной, и обращался къ Богу, какъ бы къ равному себѣ, то Езекія, для уничтоженія этого мнѣнія, говоритъ: *Ты еси царь вселенныя*. Ты не только царь, но Ты *единый*, несравнимый съ кѣмъ-либо, не имѣющій себѣ союзника или товарища,—какъ думаетъ сиріецъ.

17—20. Ты сотворилъ еси небо и землю. Если они—дѣла могущества Твоего, то тѣмъ болѣе ихъ обитатели. *По истинѣ бо пусту сотвориша цари Ассирійстіи всю землю, и страны ихъ, и ввергоша кумиры ихъ во огнь*. Почему же? *Не бѣша бо бози, но дѣла рукъ человѣческихъ*. Такимъ образомъ, сила Божія показывается вездѣ, не только отъ своихъ, но и отъ чужихъ,—потому что они
288 были демоны, а не боги. *Нынѣ же, Господи, Боже нашъ, спаси ны отъ руки ихъ, да увѣдятъ вся царствія земная, яко Ты еси Богъ единъ*. Я и безъ свидѣтельства знаю Тебя, но, чтобы и другіе узнали Тебя изъ совершенства Твоихъ твореній, и чтобы спасеніе было общимъ ученіемъ и правиломъ для всѣхъ,—пусть городъ освободится отъ бѣдствій, чтобы весь міръ спасся отъ заблужденія. Надежда Іерусалима научитъ имѣющихъ великій варварскій образъ мысли. Видишь ли, онъ управлялъ всѣми дѣламг и, по исполненіи ихъ, имѣлъ способность прорицанія?

21. *И посланъ бысть Исаія, сынъ Амосовъ, ко Езекіи, и рече ему: слышахъ, о нихъ же молился еси ко Мнѣ*. Онъ не говоритъ, что ради тебя Я услышалъ царя, но ради молитвы, которою ты молился. Всегда послѣ молитвы мы видимъ даръ. Но развѣ Богъ не могъ безъ молитвы даровать спасеніе? Но тогда спасенный не приготовлялъ себѣ ни добродѣтели, ни предвидѣнія.

22. *Сіе слово, еже глагола о немъ Богъ: похули и поругася тебѣ.* Прежде онъ говоритъ объ избіеніи непріятелей, чтобы ободрить Езекію. *Кого укорилъ еси...* Развѣ видимыя вещи не убѣдятъ тебя? На кого направилъ стрѣлы? *Къ кому возвысилъ еси гласъ твой? Ты бо реклъ еси,* что и нынѣ говоришь: *и вселенную всю объиму рукою моею, яко гнѣздо и яко оставленная яйца возму* (Ис. х, 14). Теперь ты поносишь Меня и считаешь Мою силу своею.

26. *Не слышалъ ли еси издревле сихъ, яже Азъ сотворихъ? Отъ древнихъ дней совѣщахъ, нынѣ же показахъ.* Смотри, какую помощь доставляютъ намъ пророки. Такъ какъ ты не увѣровалъ, то Я поставлю судилища и посажу въ судьи всю вселенную. (Царь ассирійскій) говорилъ: своею силою и совѣтомъ я овладѣлъ тѣмъ и другимъ городомъ; напротивъ, говоритъ Богъ, не своею силою и мудростію, но Моею, такъ какъ прежде, чѣмъ это исполнилось, Я предсказалъ тебѣ. Но тотъ говоритъ: я этому не вѣрю. Если ты не вѣришь, то конецъ событій научитъ тебя. Если Я какого-либо жалкаго дѣлаю внезапно мужемъ храбрымъ и властелиномъ, то не открывается ли отсюда, что и прежде не безъ Моей воли совершилось такое разрушеніе города? Иначе, отъ малой побѣды должно вѣрить великому. Такъ какъ язычники не вѣруютъ Христу, говорящему о воскресеніи, 239
то мы покажемъ имъ большее дѣло, чѣмъ воскресеніе, чтобы они не сомнѣвались относительно меньшаго. Привести весь міръ, чуждый вѣры, ко Христу — гораздо больше, чѣмъ воскресеніе. Тѣлесная природа не противится волѣ Творца и не можетъ Ему противостоять, Божественная свобода пожелала творенія тѣлъ, и они произошли; кромѣ того, она желала, чтобы люди были добрыми, но тѣ не были таковыми. Когда ты видишь, что совершилось что-либо весьма трудное, вѣруй въ то, что — болѣе легко, потому что все содержится подъ Божественною властью. Нѣкорыя же вещи не только подлежатъ этой власти, но и зависятъ отъ твоего свободнаго изволенія. Точно также и пророчество тогда познается лучше, когда оно открываетъ не только то, что самъ Богъ намѣренъ дѣлать, но и то, что желаешь ты самъ. Смотри, что̀ здѣсь говорится: хотя Богъ показываетъ свое могущество, но причина такого проявленія зависитъ отъ него.

28—29. *Нынѣ же покой твой, и исходъ твой, и входъ твой Азъ вѣмъ: ярость же твоя, ею же разгнѣвался еси на Мя, и огорченіе твое взыде ко Мнѣ.* Не только, говоритъ, *ярость, ею же разгнѣвался еси,* но и: *взыде ко Мнѣ.* Онъ показываетъ свое долготерпѣніе, какъ относительно содомлянъ: не тотчасъ послѣ возмущенія твоего Я возсталъ противъ тебя, говоритъ, но Я выжидалъ восхожденія твоего ко Мнѣ.

30—34. *Сіе же тебѣ знаменіе.* Слово направляется къ Езекіи. *Яждь сего лѣта, еже еси всѣялъ, а во второе лѣто, еже отъ себе растетъ*, т. е.: вы не пойдете въ рабство, но будете ѣсть то, что посѣяли; этимъ Онъ объявляетъ, что вы не будете побѣждены непріятелями. Слова: *въ лѣто второе, еже отъ себе растетъ*, какъ мнѣ кажется, обозначаютъ, что будетъ изобиліе хлѣба, т. е., что земля произведетъ плодовъ настолько, что ихъ достаточно будетъ и для второго года. *А въ третіе насѣявше пожнете, и насадите винограды, и снѣсте плоды ихъ. И будутъ оставшіи во Іудеи, прорастятъ коренія долу и сотворятъ въ верхъ плодъ.* Это предсказывается для того, чтобы они (іудеи) не были лишены надежды. *Ревность Господа Саваоѳа сотворитъ сія.* Видишь ли, что пророкъ все предостерегаетъ царя, чтобы онъ никогда не думалъ, что спасеніе дастся ему ради его добродѣтелей, а не ради благоволенія Божія. Тѣмъ не менѣе, онъ впалъ въ гордость.

240 *Сего ради тако глаголетъ Господь на царя Ассирійска: не внидетъ въ сей градъ.* Смотри на гордость непріятеля и на побѣду царя безъ пролитія крови, сообразно тому, что предсказалъ пророкъ: *падетъ отъ страны твоея тысяща* (Псал. хс, 7), а ты только будешь видѣть пораженіе непріятелей. *Защищу градъ сей, еже спасти его Мене ради и ради Давида раба Моего.* Смотри, какъ Онъ смягчаетъ сердце царя, чтобы онъ не впалъ въ прегрѣшеніе. Однако, онъ согрѣшилъ.

36. *И изыде ангелъ Господень, и изби отъ полка Ассирійска сто осмьдесятъ пять тысящъ: и воставше заутра, обрѣтоша вся тѣлеса мертва.* Это случилось ночью, чтобы они (евреи) не приписывали себѣ побѣды; чтобы, если бы они когда-либо стали гордиться, имъ препятствовало въ томъ самое время, такъ какъ все это совершилось въ то время, когда спали.

37—38. *И отъиде возвращся, и внегда покланятися ему* идоламъ своимъ, *сынове его пришедше убиша его мечми.* Смотри, каково невѣріе: и послѣ того, какъ онъ созналъ многоразлично силу Божію, онъ почиталъ идоловъ, испрашивая отъ нихъ спасенія,—и потому въ то время испыталъ силу Божію. *И воцарися Асорданъ сынъ его вмѣсто его.*. Когда онъ думалъ, что достигъ дома, съ нимъ случились большія бѣдствія, чѣмъ тѣ, которыя произошли отъ ангела: онъ палъ, убитый своими сыновьями, и никакой пользы не принесли ему идолы, такъ какъ они были безсильны. Нельзя сказать, что это произошло оттого, что онъ не молился идоламъ,—онъ былъ убитъ во время молитвы передъ идолами. Почему же ты, глупый діаволъ, не помогъ ему, когда онъ преданъ былъ такому бѣдствію? Онъ собралъ воиновъ противъ варварскихъ народовъ, и ты никакъ не помогъ ему, но допустилъ смерть многихъ воиновъ

въ чужой странѣ. Однако онъ не жаловался на тебя, и не уклонился отъ тебя, и не хулилъ тебя, но, пришедши, молился тебѣ, и почему же ты потерпѣлъ убійство его предъ тобою? Ясно, что ты совершенно безсиленъ.

ГЛАВА XXXVIII.

1—2. *Бысть же въ то время*, говоритъ (пророкъ). Не безъ 241
умысла прибавляетъ пророкъ: „въ то время", но чтобы научить насъ о причинахъ зла, такъ какъ часто у многихъ нѣчто доброе бываетъ началомъ зла, что подтверждается и книгами Паралипоменонъ: *и смирися Езекія отъ высоты сердца своего* (2 Пар. XXXII, 26). Смотри, человѣкъ: справедливо на насъ приходятъ бѣдствія. Что было достаточно для того, чтобы ты возгордился? Можетъ быть ты своею силою управлялъ, или совершилъ побѣду? Можетъ быть ты преслѣдовалъ непріятелей? Но развѣ не въ то время, когда спалъ весь городъ, все это совершилось? Причиною того превосходства было то, что Богъ управлялъ городомъ. Развѣ ты не слышалъ: *Мене ради и ради Давида раба Моего* (Ис. XXXVII, 35)? *И пріиде къ нему Исаія и рече*: *устрой о дому твоемъ*. Смотри, когда онъ пришелъ къ нему: тогда именно, когда Езекія былъ въ великой скорби, чтобы, находясь въ своей болѣзни, онъ легче увѣровалъ. Кромѣ того, ему должно было вѣровать и ради того, что произошло съ нимъ и съ непріятелемъ. *Устрой о дому твоемъ, умираеши бо ты и не будеши живъ*. Не просто сказалъ: *умираеши*, но прибавляетъ: напиши, *устрой*,—что иные толковники объясняютъ: „прикажи", каковое выраженіе побуждало къ болѣе крѣпкой вѣрѣ. Такимъ образомъ онъ велъ себя такъ, что подтверждались остальныя чудеса, которыя имѣли совершиться.

И обрати Езекія лице свое къ стѣнѣ. Почему пророкъ не указалъ причину болѣзни? Чтобы не обезславить праведника. Подумай теперь, что болѣзнь не дозволила ему идти въ храмъ Божій и даже гулять, такъ какъ онъ смертельно болѣлъ, но онъ не былъ небреженъ. Изъ этого намъ должно научиться тому, что намъ всегда нужны добрая воля, свобода и разумѣніе. Почему же онъ обратился къ стѣнѣ? Чтобы тайно и спокойно имѣть возмож- 242
ность говорить къ Богу, когда не было иного утѣшителя.

3. *Помяни, Господи, како ходихъ предъ Тобою со истиною, и сердцемъ истиннымъ, и угодная предъ Тобою сотворихъ. И плакася Езекія плачемъ великимъ*. Почему же онъ не надѣялся на свою добродѣтель? Потому что онъ видѣлъ лучшее, чѣмъ скорби. Говоритъ—*предъ Тобою* не для хвастовства и не для того, чтобы этимъ

доставить себѣ славу человѣческую, но съ совершеннымъ сердцемъ. Онъ прибавляетъ слезы для того, чтобы какъ можно яснѣе показать, что онъ не только надѣется на добродѣтели, но также имѣетъ надежду получить спасеніе въ милосердіи Божіемъ. Видишь ли, онъ не произноситъ многихъ словъ, но только показываетъ благочестіе сердца. Такъ все здѣсь сосредоточено.

4—5. *И бысть слово Господне ко Исаіи, глаголя: рцы Езекіи: тако глаголетъ Господь Богъ Давида отца твоего.* Онъ не сказалъ: *Господь твой*; пророкъ имѣлъ въ умѣ благочестіе отца, кротость и смиреніе Давида. *Услышахъ молитву твою, и видѣхъ слезы твоя: се прилагаю къ лѣтомъ твоимъ лѣтъ пятьнадесять.* Научимся изъ этого тому, что относится къ великому благочестію. Намъ должно наслѣдовать въ отдѣльности: происходитъ ли кончина жизни вслѣдствіе болѣзни, или по душевнымъ причинамъ, вслѣдствіе ли естественныхъ недуговъ, или чьихъ-нибудь притѣсненій. Дни нашей жизни 70 или самое большее 80 лѣтъ (ср. Пс. LXXXIX, 10): здѣсь, говорятъ, предѣлъ природы, только доселѣ простирается человѣческая природа. Хотя не всегда такъ бываетъ, но отъ немногихъ случаевъ не будемъ заключать ко всѣмъ. Обратимъ рѣчь къ иному. Смерть происходитъ отъ грѣховъ, почему Писаніе говоритъ: *многое время поживеши, и приложатся тебѣ лѣта живота* (Притч. IX, 18); *и да долголѣтенъ будеши на земли* (Исх. XX, 12); *не буди жестокъ, да не умреши не во время свое* (Екклез. VII, 18), и въ иномъ мѣстѣ: *число дній твоихъ исполняя исполню* (Исх. XXIII, 26). Но мы прекрасно знаемъ, однѣ смерти бываютъ своевременно, а другія несвоевременно; однѣ по праведности, другія по грѣхамъ. Но развѣ могутъ быть несвоевре-
248 менныя смерти по добродѣтелямъ? *Восхищенъ бысть*, говорится, *да не злоба измѣнитъ разумъ его* (Прем. Солом. IV, 11). Отсюда ясно, что смерть можетъ быть несвоевременной по опредѣленію мудрости и по милосердію Божію. Пріими, говоритъ, Господи, Іосію, дабы онъ не узрѣлъ грядущихъ золъ (ср. 4 Цар. XXII, 20). Видишь ли, что (не только) вслѣдствіе бѣдствій, а также и по милосердію Божію, бываютъ то несвоевременная смерть, то старость. Говорится: *и да долголѣтенъ будеши на земли* (Исх. XX, 12). Но иная бываетъ старость по грѣхамъ, по сказанному о Каинѣ: *всякъ, убивый Каина, седмижды отмстится* (Быт. IV, 15), какъ это по иному случаю объяснили иные, и какъ объяснили также мы въ толкованіи на Захарію [1]). А Павелъ говоритъ: *сего ради въ васъ мнози немощни и спятъ довольни* (1 Кор. XI, 30). Ясно, что мы

---

[1]) Толкованіе св. Іоанна Златоуста на книгу св. пророка Захаріи, о которомъ онъ здѣсь упоминаетъ, до послѣдняго времени не найдено.

нашли двѣ причины своевременной и несвоевременной смерти, противоположныя между собою: праведность и грѣхъ. Посмотримъ, не можемъ ли мы найти также иныхъ причинъ. Да, находимъ, именно, — хотя ты и не вѣришь этому, — то, что Богъ можетъ возбудить болѣзнь или обиды людей. Умираютъ не только по причинѣ козней человѣческихъ, а и по допущенію Божію, подобно тѣмъ, на которыхъ упала башня (Силоамская), о которыхъ Іисусъ говорилъ: *мните ли, яко тіи должнѣйши бяху паче всѣхъ живущихъ во Іерусалимѣ* (Лук. XIII, 4). А бываетъ иная причина и своевременной смерти, какъ исполнилось это на Павлѣ. Не напрасно и не неправедно былъ долговѣченъ этотъ праведникъ: *а еже пребывати во плоти, нужнѣйше есть васъ ради* (Филип. I, 24), иначе онъ быстро отправился бы ко Христу: онъ желалъ оставаться во плоти ради проповѣди. Такимъ образомъ и пророки по этимъ же причинамъ вели долгую жизнь для пользы многихъ. Вотъ мы показали уже три причины своевременной и несвоевременной смерти; желаете ли вы также знать и четвертую причину? Авраамъ обновился отъ старости къ юности, чтобы родить дѣтей. Желаете ли также знать пятую причину, которая несказанна и удивительна? Смерть младенцевъ, которые были убиты въ жестокое правленіе 244
нечестиваго Ирода: они были умерщвлены не по причинѣ праведности или грѣховъ и не были восхищены по причинѣ злобы, но были убиты вслѣдствіе жестокости сердца: Иродъ убилъ ихъ по своей злобѣ. А почему, скажутъ, погибли во время потопа? Мы скажемъ: истреблены были по повелѣнію Божію за свои грѣхи. А почему—младенцы израильскіе? Почему—первенцы египетскіе? И тѣ по какой-либо причинѣ. Какъ тѣ, которые были истреблены въ потопѣ, такъ и тѣ, которые были убиты Иродомъ, и тѣ, которые убиты въ Египтѣ: всѣ по разнымъ причинамъ. Такъ какъ причины смерти отдѣльныхъ людей различны, то должно изслѣдовать, каковы онѣ. Во время Ноя — чтобы не распространялось зло, во время Христа — не такъ; египтяне погибли за грѣхи отцовъ, израильтяне же по причинѣ злобы египтянъ. Но если ты скажешь, почему Онъ не погубилъ сразу всѣхъ грѣшниковъ, то я скажу: придетъ судъ. Если кто-либо скажетъ, что младенцы, умерщвленные Иродомъ, были убиты не по тѣмъ причинамъ, такъ какъ, если бы они были грѣшниками, то могли бы исправиться, а если праведниками, то имъ нанесена обида, — то мы скажемъ, что на самомъ дѣлѣ—не такъ. Богъ умѣетъ воздавать даже едва родившимся, когда Онъ даже о неродившемся, который не сдѣлалъ ничего добраго или злого, говоритъ: *болій поработаетъ меньшему* (Рим. IX, 12), а также: *Іакова возлюбихъ, Исава же возненавидѣхъ* (тамъ же ст. 13), и это сказано относи-

тельно грядущаго, такъ какъ Богъ знаетъ, какого они направленія. Ясно, что новорожденные, если хороши, угодны Богу, а если злы, то смерть для нихъ же полезнѣе, чтобы они не сдѣлались злыми. Но какимъ образомъ, скажутъ, понимать слѣдующее: если предается казни какой-либо воръ или преступникъ, то ужели Богъ повелѣлъ, чтобы тотъ умеръ злою смертью? Не отъ Бога произошло такое повелѣніе, но отъ злобы. Тотъ злоупотребилъ свободою, самъ былъ причиною своей смерти, самъ принялъ на себя иго смерти, какъ говоритъ премудрый: *рукама призва ю* (Прем. Солом. I, 16). Но если кто-либо стремительно падаетъ, то развѣ не Богъ причиняетъ такую смерть? А можетъ быть онъ упалъ вслѣдствіе небрежности? Если Богъ попускаетъ ему умереть такимъ образомъ, то онъ въ совершенствѣ знаетъ причины этого. Если же умираетъ какой-либо удавленникъ, то Богъ не желаетъ этого, а попускаетъ по гордой волѣ таковыхъ. Такимъ же
245 образомъ, когда на путешественника нападаютъ воры, то иногда одному путешественнику Онъ дозволяетъ пройти, и его спасаетъ, а иногда относительно другого онъ допускаетъ смерть, чтобы не уничтожить свободы. Итакъ, мы полагаемъ, что одна смерть бываетъ по повелѣнію и волѣ Божіей, а другая по его попущенію, хотя и противъ его воли,—убійца осудилъ самъ себя. Богъ не вездѣ помогаетъ, хотя и желаетъ, чтобы мы на Него надѣялись; Онъ никогда не презираетъ, такъ чтобы не думали, что творенія Его не имѣютъ промышленія и попеченія о себѣ. Ясно, что опредѣленная людямъ отъ Бога смерть не есть неизбѣжна, но что Богъ отмѣняетъ уже произнесенное рѣшеніе относительно смерти, вслѣдствіе покаянія, когда къ нему прибѣгаетъ праведникъ или грѣшникъ. И относительно праведнаго Езекіи было произнесено рѣшеніе, но онъ слезами своими измѣнилъ таковое рѣшеніе. Такимъ образомъ, Богъ желаетъ, чтобы смерть происходила не только по природѣ, но также по праведности или по грѣхамъ, чтобы мы имѣли возможность своею праведностію избѣгать несвоевременной смерти. Но скажутъ: какая теперь польза, когда я слышу, что первый человѣкъ умеръ по грѣхамъ, я же, хотя соблюдаю кое-какую праведность, однако умираю, уничтожаемый тѣмъ же наказаніемъ? Если ты праведенъ, то ты можешь избѣгнуть несвоевременной смерти; если же ты грѣшникъ, то нельзя. Въ то время это имѣло значеніе, но теперь Богъ повелѣлъ, чтобы и смерть вмѣнялась въ ничто.

Се прилагаю къ лѣтомъ твоимъ лѣтъ пятьнадесять. Скажутъ: не болѣе, такъ опредѣлено было. Но развѣ не понимаютъ, что рѣшеніе было принято, а онъ (Езекія) измѣнилъ его своими слезами? Это было знакомъ милосердія Божія. Если

кто-либо получаетъ приговоръ отъ человѣка, то онъ не можетъ быть въ безопасности, если только не заступится предъ судьей кто-нибудь, имѣющій большую власть, который въ состояніи освободить осужденнаго. Но не такъ у Бога: тотъ, кому произнесено было рѣшеніе, молился и плакалъ одинъ, и наказаніе смертное было отмѣнено.

6—8. *И отъ руки царя Ассирійска избавлю тя.* Смотри, какъ Онъ
сокрушилъ его гордость: Я, говоритъ, избавлю тебя, но не ты
себя. *Сіе же тебѣ знаменіе отъ Господа.* Во время войны, Онъ
даетъ, какъ знаменіе, условіе побѣды. *Сіе же тебѣ знаменіе:
яждь въ сіе лѣто, еже всѣялъ еси* (Ис. XXXVII, 30),—даетъ такое зна-
меніе, которое указываетъ на прошедшее, такъ какъ Богъ даетъ
знаменіе не только тогда, когда желаетъ, чтобы вѣровали въ
какое-либо будущее событіе, но и тогда, когда желаетъ, чтобы не 246
забыли о прошедшемъ. Подобнымъ образомъ въ исторіи мѣднаго
змія, который изображалъ распростертыя руки: *напишите*, гово-
рится, въ память сіе, да вѣдомо будетъ инымъ языкомъ и
грядущимъ (ср. Второз. XXXI, 19). Если совершившіяся вещи
близки, то онѣ не нуждаются въ знаменіяхъ, если же онѣ отда-
ленны, тогда нуждаются. Теперь смотри на чудесную вещь и пред-
сказаніе: чудеснымъ былъ конецъ войны, когда явился ангелъ
и были избиты воины ассирійскіе. Но болѣе дивно было пред-
сказаніе: вы будете сѣять и жать какъ бы во время мира, но не
какъ въ такое время, когда является непріятель, на подобіе гроз-
ной молніи. Онъ прибавилъ знаменіе къ знаменіямъ не ради пра-
ведника, такъ какъ онъ вѣровалъ и безъ знаменія, но ради про-
чихъ, чтобы открылось все, и чтобы чрезъ избіеніе многихъ не-
пріятелей они познали, что Онъ есть владыка смерти, а чрезъ
продленіе жизни Езекіи—что Онъ есть начальникъ и податель
жизни. *Се азъ возвращу сѣнь степеней, имиже сниде солнце десять
степеней дому Ахаза отца твоего. И взыде солнце.* Симмахъ гово-
ритъ яснѣе: вотъ, говоритъ, Я заставлю возвратиться тѣнь сту-
пеней, которыми она сошла по часамъ Ахаза [1]), и возвращу
солнце на десять ступеней; и возвратилось солнце на десять ча-
совъ, тихо сходя по ступенямъ [2]). Дѣйствительно было удиви-
тельно: если бы Онъ повелѣлъ возвратиться тѣни быстро, то это
не было бы удивительно, и могли бы думать, что можетъ быть это
произошло отъ солнечнаго теченія и здѣсь ничего не проявилось
особеннаго; но изъ тихаго возвращенія было ясно, что это совер-
шилось Всемогущимъ Правителемъ міра.

---

[1]) Симмахъ въ Экзаплахъ Оригена по изд. Фильда: ἐν ὡρολογίῳ Ἄχαζ.

[2]) Симмахъ тамъ же: καὶ ὑπέστρεψεν ὁ ἥλιος δέκα ὥρας διὰ τῶν βαθμῶν ὧν κατέβη.

Смотри: дѣло совершается не на ровномъ мѣстѣ, но на ступеняхъ, гдѣ ясно видѣлась сила Совершающаго чудеса. И это случилось на всемъ земномъ шарѣ. Никто когда-либо не видѣлъ и не слышалъ, чтобы совершилось чудо равное этому. Іисусъ Навинъ говоритъ: *да станетъ солнце и луна*, и они стали (Іис. Нав. x, 12). Хотя это было и великое знаменіе, однако оно не показывало, что солнце и луна стали сами собою, но что есть кто-то удерживающій ихъ и все направляющій. Для того, чтобы не подумали, что твореніе въ опредѣленномъ своемъ видимомъ теченіи, равно и солнечное движеніе—останавливаются собственною силою, Онъ двигаетъ солнечную тѣнь тихо и измѣняетъ ее по желанію, не потому, что Онъ желаетъ вредить всему міру, но затѣмъ, чтобы, побуждаемые удивленіемъ, всѣ обратились къ
247 вѣрѣ. Солнцу повелѣлъ стать Іисусъ Навинъ, повернулъ же его назадъ Богъ и Христосъ замедлилъ путь его, чтобы ты, видя его замедленіе, научился, что это произошло не отъ природы солнца, а отъ Творца.

9—10. *Молитва Езекіи царя Іудейска егдаболѣ*,—а иные переводчики говорятъ: *егда болѣ и воста отъ недуга своего*. Видишь ли, онъ воздаетъ благодарность въ болѣзни и вспоминаетъ о благодѣяніяхъ. *Азъ рекохъ: въ высотѣ дней моихъ*. Высотою дней онъ называетъ дни молодости, или, какъ иные переводчики говорятъ: въ мои спокойные дни, т. е., во время бездѣйствія или покоя. *Пойду во врата адова, оставлю лѣта прочая*, т. е., я умру несвоевременно. Мѣрою печали служатъ года; намъ же нужно жить.

11—12. *Рекохъ: ктому не узрю спасенія Божія на земли живыхъ, ктому не узрю человѣка со живущими*. А это еще печальнѣе, потому что мертвые также подвержены печали. *Остахъ отъ сродства моего, оставихъ прочее живота моего, изыде и отъиде отъ мене аки разрушаяй кущу поткнувый: аки платно духъ мой во мнѣ бысть, ткательницѣ приближающейся отрѣзати*. Отсюда ясно, что жизнь его была близка къ концу, потому что онъ уже намѣревался умереть, и все таки былъ спасенъ Богомъ. Итакъ, это было дѣломъ какъ бы новаго воскресенія; хотя рѣшеніе относительно смерти не исполнилось, однако жизнь его какъ бы имѣла конецъ. И такой умершій былъ воздвинутъ Тѣмъ, Кто освобождаетъ отъ смерти.

13. *Въ той день преданъ бызъ до заутра аки льву*; львомъ онъ называетъ великую скорбь. *Тако сокруши вся кости моя: отъ дне бо до нощи преданъ быхъ*. Такъ онъ открываетъ угрожавшій ему конецъ и нечаянное спасеніе отъ Бога. Потеря надежды воистину для него была надеждою.

14—20. *Яко ластовица, тако возопію, и яко голубь, тако поучуся*,

т. е., я взывалъ, молился вслѣдствіе остроты скорби. *Исчезостѣ бо очи мои, еже взирати на высоту небесную, ко Господу, иже избави мя и отъя болѣзнь души моея. Господи, о той бо возвѣстися тебѣ*, т. е., о мнѣ, *и воздвиглъ еси дыханіе мое, и утѣшився ожихъ: избавилъ бо еси душу мою, да не погибнетъ, и завергълъ еси за мя* 248
вся грѣхи моя. Видишь ли, онъ показываетъ грѣхъ какъ причину смерти, подобно тому, какъ и самъ исповѣдалъ. *Не похвалятъ бо тебе иже во адѣ, ни умершіи возблагословятъ тя.*

Итакъ, тѣ, которые не благословляютъ Бога, ничѣмъ не отличаются отъ умершихъ; они даже хуже ихъ, потому что не благословляющіе Бога считаются умершими и скрытыми въ гробницѣ. Истинно онъ говоритъ: *живіи же возблагословятъ Тя, якоже и азъ*: онъ называетъ живыми тѣхъ, которые преданы благочестію, какъ ясно изъ слѣдующихъ словъ: *якоже и азъ*. Въ то время былъ живымъ не онъ одинъ, но весь міръ, однако относительно благочестія живымъ былъ только онъ одинъ. Езекія не былъ лишенъ вѣры въ воскресеніе: *не похвалятъ бо тебе иже во адѣ, ни умершіи возблагословятъ тя.* Но умершіе во грѣхахъ подобны истлѣвшимъ въ землѣ, лишеннымъ благословенія. *Не престану благословя Тя съ пѣснію вся дни живота моего прямо дому Божію*. Видишь ли, онъ обѣщаетъ великое покаяніе во грѣхахъ. Пока онъ не перестанетъ благословлять Бога, *прямо дому Божію*, за это время никогда грѣхъ не можетъ въ немъ укорениться.

21—22. *И рече Исаія ко Езекіи: возми пластъ отъ смоквій и сотри, и приложи, и здравъ будеши. И рече Езекія, сіе знаменіе, яко взыду въ домъ Божій*. Но почему онъ приказалъ наложить на рану пластъ изъ смоквы? По подобію Неемана, который пожелалъ пріобрѣсти нѣсколько земли, какъ видимый и тѣлесный знакъ выздоровленія; такъ сдѣлалъ и онъ.

А почему сказано: *молитва Езекіи, егда воста отъ недуга своего*,—теперь же говорится: *приложи на язву твою и здравъ будеши?* Пророки имѣютъ обычай разсказывать вновь о томъ, о чемъ они говорили раньше. Болѣзни удаляются не опытностью врачей, но помощію Господа, Который можетъ исцѣлять безъ помощи медицины и какого-либо медикамента, не требуя какой-либо жертвы; а если иногда что и требуетъ, то только вѣры исцѣляемыхъ. Потому Христосъ не посѣтилъ дома сотника, такъ какъ вѣра его была велика (Мѳ. VIII, 13), напротивъ, онъ пришелъ къ начальнику синагоги ради малой вѣры его (Марк. V, 22, 24). Потомъ въ иномъ мѣстѣ Онъ говоритъ: *хощу, очистися* (Мѳ. VIII, 2), а другому простираетъ руку (Мк. I, 41), иному же изслѣдуетъ глаза (Мк. VIII, 23). Почему? Потому что Онъ примѣнялся къ настроеніямъ всѣхъ. Прокаженному Нееману говорится: *шедъ измыйся*

249 (2 Цар. v, 10); а самъ Христосъ бреніемъ помазалъ очи слѣпому (Іоан. IX, 6), бреніе же не приноситъ здоровья, даже ослѣпляетъ; и: относительно Лазаря говоритъ: *возьмите камень* (Іоан. XI, 39), и *гряди вонъ* (тамъ же 43). Но можетъ быть Онъ не могъ воскресить умершаго въ то время, когда лежала крышка? Онъ сдѣлалъ такъ для того, чтобы поднимавшіе камень были свидѣтелями воскресенія; если Онъ отверзъ врата смерти и освободилъ связанныхъ заклепами ея, то тѣмъ болѣе Онъ могъ словомъ поднять камень, лежавшій на отверстіи гробницы. Затѣмъ, чтобы люди не были невѣрующими, Онъ повелѣлъ мертвымъ воскресать предъ ними. Подобнымъ же образомъ и здѣсь дано повелѣніе относительно наложенія смоквы на язву. Езекія показываетъ себя близкимъ къ смерти, когда говоритъ: *аки платно духъ мой во мнѣ бысть, ткателницѣ приближающейся отрѣзати*. Ясно, что излѣченіе произошло не отъ пласта смоквы, но отъ повелѣнія Божія. Помощь врачей происходитъ отъ природы лѣкарствъ, но не отъ ихъ могущества, Христова же сила не такова: Онъ не лѣчилъ лѣкарствами, но пользовался ими только для знаменія. Лѣкарствомъ же было слово Его; когда Онъ повелѣвалъ, то все становилось весьма легко.

Сіе знаменіе, яко взыду въ домъ Божій. Иные говорятъ: что означаютъ эти слова: *яко взыду въ домъ Божій*? Не давай, говоритъ, знаменія молитвы или выздоровленія, или иной вещи; напротивъ, когда ты пойдешь въ домъ Божій, то это самое уже будетъ знаменіемъ.

ГЛАВА XXXIX.

250 1. *Въ то время посла Меродахъ Валаданъ сынъ Валадановъ*. Что же послалъ? Письма, содержащія привѣтствіе, и пословъ съ дарами. Видишь ли, какая польза произошла изъ болѣзни Езекіи? Видишь ли плодъ побѣды? Тѣ, которые своими войсками преслѣдовали іудеевъ и не признавали ихъ за людей, но считали безправнымъ народомъ, эти самые прислали пословъ, требовали мира, заботились о религіи іудеевъ и желали принять ихъ законъ. Посылать пословъ вмѣстѣ съ дарами послѣ выздоровленія значило не только просить о мирѣ, но также вступать въ дружбу, значило—примиреніе. И Езекія обнаружилъ имъ чистую дружественную любовь. Но пророкъ говоритъ Езекіи:

3. *Что глаголютъ сіи мужи, и откуду пріидоша къ тебѣ?* Езекія открылъ не то, что они сказали, но — откуда они пришли. Но развѣ пророкъ не зналъ объ этомъ, что спросилъ его? Послѣ

того онъ показываетъ, что онъ спросилъ объ этомъ не потому, что не зналъ: онъ предсказалъ грядущій плѣнъ. Мы должны изслѣдовать причину наказанія плѣномъ. Хотя она не указана, однако объ ней можно заключить изъ радости развеличавшагося Езекіи. Подобно тому, какъ не указана причина его болѣзни, а мы полагаемъ, что таковою была гордость, такъ, хотя теперь и не открывается причина прихода пословъ, однако мы думаемъ, что она заключалась въ томъ, что онъ надѣялся на людей, а не на Бога. Ему неприлично было надѣяться на людей и вступать съ ними въ дружбу, тѣмъ не менѣе, побѣжденный дарами, онъ показываетъ имъ не то, что прилично было, а напротивъ, показываетъ имъ домъ Nechotha. Акила, вмѣсто „домъ Нехота“, говоритъ: „домъ куреній“; Симмахъ: „домъ военныхъ вооруженій, золота, серебра, стакти, елея и куренія и всего того, что было въ его 251
сокровищницѣ“. Почему же ты привязываешь къ себѣ этихъ друзей, а не Бога, въ которомъ была вся твоя безопасность? Нѣкоторые думаютъ, что онъ пожелалъ, показавъ имъ сокровища, устрашить ихъ на тотъ случай, когда ему надлежало пользоваться иными вещами для иной цѣли. Другіе же говорятъ, что послы пришли затѣмъ, чтобы узнать причину происшедшаго знаменія, такъ какъ тотъ день (исцѣленія Езекіи) былъ продолжителенъ, болѣе продолжителенъ, нежели прочіе дни. Былъ десятый часъ и солнце вновь возвратилось еще на десять часовъ; вслѣдствіе прихода и возвращенія его стало много часовъ; а потомъ солнце совершило, сообразно своему теченію, еще 12 часовъ. Вавилоняне, смотря на такую вещь удивленными глазами, пришли спросить о происшедшемъ знаменіи, такъ какъ въ одинъ день солнце должно было совершить теченіе 32 часовъ. Поэтому пророкъ и говоритъ: *что глаголютъ сіи мужи?* Езекія не сталъ показывать имъ великаго Бога, сотворившаго дивное, а показалъ имъ то, что онъ могъ показать изъ человѣческихъ дѣлъ, но онъ не помыслилъ о томъ, что написано: *проклятъ человѣкъ, иже надѣется на человѣка* (Іер. XVII, 5).

5—8. *И рече Исаія: се дніе грядутъ, и возмутъ вся, яже въ дому твоемъ, и отъ чадъ твоихъ, ихже родилъ еси, поймутъ и сотворятъ каженики*; а другіе говорятъ: „евнуховъ“. Правильно думаютъ нѣкоторые, что это написано о Даніилѣ, который происходилъ изъ царскаго сѣмени, котораго сдѣлали евнухомъ, а также и о трехъ отрокахъ.

И рече Езекія: благо слово твое; да будетъ миръ во дни мои. Но не такъ говорили тѣ великіе и дивные мужи; а какъ же? *Не престаю*, говорится, *благодаря о васъ, поминаніе о васъ творя въ молитвахъ моихъ* (Ефес. I, 16). *Се азъ есмь согрѣшивый, азъ есмь па*

стырь зло сотворивый, а сіи овцы что сотвориша (2 Цар. XXIV, 17); а также другой праведникъ: *аще убо оставиши имъ грѣхъ ихъ, остави: аще же ни, изглади мя изъ книги Твоея, въ нюже вписалъ еси* (Исх. XXXII, 32). Видя скорби тѣхъ, съ которыми они жили, они не чувствовали своей скорби, а тотъ Езекія не думалъ о скорбяхъ другихъ, самъ находясь въ благополучіи; его нравъ былъ человѣческимъ, а нравъ тѣхъ ангельскимъ; онъ былъ суровымъ и же-
252 стокимъ относительно родственниковъ, а тѣ были добрыми и благожелательными даже относительно чужеродныхъ. Говоримъ такъ, чтобы не дѣлать того же. Если тотъ богачъ, который былъ жестокъ къ Лазарю, былъ такъ милостивъ въ мученіяхъ, то тѣмъ болѣе намъ слѣдуетъ быть милостивыми. Смотри, какую пользу получилъ тотъ отъ мученій: праведный Езекія не заботится даже о своихъ дѣтяхъ; напротивъ, беззаконный и жестокій не забылъ о своихъ ближнихъ; хотя онъ былъ въ мукахъ, однако онъ не удерживался отъ моленій и прошеній; хотя онъ не могъ принести имъ никакого утѣшенія, однако онъ все молилъ и просилъ? Гдѣ тѣ, которые говорятъ, что утѣшеніемъ живущихъ въ мученіяхъ служитъ то, чтобы всѣ вмѣстѣ находились въ мукахъ? Вотъ тотъ богачъ не просилъ о томъ, чтобы мученіе прибавлялось къ мученіямъ, но просилъ, чтобы братья его не грѣшили и чтобы они не жили также въ мученіяхъ, до которыхъ они еще не дошли. И въ самомъ дѣлѣ, что пользы тебѣ, человѣкъ, желать видѣть другихъ въ мученіяхъ? Ужели это для тебя будетъ утѣшеніемъ въ скорби? Ужели оттого мученія будутъ болѣе легкими? Конечно, говорятъ; но разсуждая такъ, ты не знаешь, какъ велики мученія. Ужели ты думаешь, что богачъ былъ одинъ въ мукахъ, а не вмѣстѣ съ 600 товарищами по наказаніямъ? То, что онъ былъ не одинъ, а вмѣстѣ со многими, узнай изъ словъ Авраама: *между нами и вами пропасть велика утвердися* (Лук. XVI, 26). Ужели множество народа дѣлаетъ жаръ пламени болѣе легкимъ? Никакъ. Іудеямъ, которые были отведены въ плѣнъ, хотя ихъ было много, ужели это служило утѣшеніемъ? Если ты, человѣкъ, воспользуешься свѣтомъ разума, то ты поймешь, что въ мученіяхъ другихъ тебѣ могутъ помочь только молитвы, для того, чтобы ты нашелъ спасеніе. Если же мы всѣ виновны противъ Господа, то кто можетъ утолить гнѣвъ Его? Такъ какъ Езекія былъ столь жестокъ къ своимъ дѣтямъ, то смотри, какъ утѣшилъ его милостивый Господь.

ГЛАВА XL.

1—2. *Утѣшайте, утѣшайте люди моя, глаголетъ Богъ: священницы, глаголите въ сердце Іерусалиму.* Пророкъ не напрасно повторяетъ это, потому что предсказаніе дается ради тѣхъ, которые пришли въ отчаяніе; какъ Аврааму Богъ говорилъ: *Аврааме, Аврааме* (Быт. XXII, 11), такъ и здѣсь: *утѣшайте, утѣшайте.* Предложивъ іудеямъ прежде многія и великія слова обвиненія, предвозвѣстивъ имъ многоразличныя, имѣвшія быть, бѣдствія, устрашивъ ихъ умъ страшными словами, Богъ, движимый милосердіемъ, теперь вдругъ говоритъ: *народъ Мой*, о которомъ въ иномъ мѣстѣ Онъ воззвалъ: *сниди отсюду, иди скоро, беззаконоваша бо людіе твои* (Исх. XXXII, 7). Тогда онъ достоинъ былъ называться народомъ Моисея, а не Бога. Но праведный рабъ, любящій господина своего, ужели потерпѣлъ, чтобы этотъ народъ былъ его народомъ? Никакъ. Почему же Богъ сказалъ: *беззаконоваша бо людіе твои?* Чтобы побудить ихъ къ молитвамъ. Когда же онъ сказалъ: остави Мя (Исх. XXXII, 10), то этимъ показалъ, что убѣждаетъ его молиться. 253

Священницы, глаголите въ сердце Іерусалиму. Свойство священниковъ—заступаться и исправлять; они — гавань народовъ, заступники для умилостивленія Бога, посредники между Богомъ и людьми. *Утѣшайте и, яко наполнися смиреніе его, разрѣшися грѣхъ его, яко пріятъ отъ руки Господни сугубы грѣхи своя.* Мы говоримъ, что Богъ не воздаетъ по грѣхамъ каждому, сообразно изрѣченію: *аще беззаконія назриши, кто постоитъ* (Пс. CXIX, 3) между всѣми живущими? А ты говоришь: *пріятъ отъ руки Господни сугубы грѣхи своя.* Таково свойство милосердаго отца — на- 254
казывать мало и это наказаніе представлять великимъ, такъ какъ любовь не терпитъ видѣть многочисленность наказаній осужденныхъ; иначе, Онъ желаетъ дарованіемъ благъ вновь привести ихъ къ вѣрѣ. *Разрѣшися грѣхъ его:* пріятны эти слова тѣмъ, которые подверглись наказанію, такъ какъ они означаютъ обыкновенно разрѣшеніе грѣховъ.

3. *Гласъ вопіющаго въ пустыни,—разрѣшися грѣхъ.* Прежде онъ сказалъ о плѣнѣ, потомъ показываетъ утѣшеніе и освобожденіе изъ плѣна. Всегда ли наказаніе согласно съ виной? Развѣ не будетъ разрѣшенъ грѣхъ? Конечно, говоритъ, *разрѣшися грѣхъ.*

Гласъ вопіющаго въ пустыни. Это — благовѣстіе въ оставленной землѣ іудеевъ, послѣ возвращенія изъ плѣна. Но можно понимать эти слова и въ иномъ смыслѣ: *гласъ вопіющаго въ пустыни* — не только въ пустынныхъ странахъ, но также въ пу-

стынныхъ, одинокихъ душахъ. Почему же онъ взывалъ къ безчувственнымъ? Здѣсь показывается намъ смѣлость проповѣдующаго: тотъ, кто безбоязненно обвинялъ іудеевъ, начавъ съ главнѣйшихъ изъ нихъ, въ томъ, что руки полны крови пророковъ, тотъ не удерживался въ обличеніяхъ, но свободно говорилъ: *порожденія ехиднова, кто сказа вамъ, бѣжати отъ грядущаго гнѣва* (Мѳ. III, 7). Такимъ образомъ, голосомъ названъ тотъ, кто былъ не только голосомъ, но также человѣкомъ и пророкомъ, подобно тому, какъ и Слово Божіе было не только бездушнымъ словомъ, но живымъ Словомъ и совершеннымъ человѣкомъ. Хорошо сказано: *въ пустыни*, такъ какъ города были исполнены зла, и онъ бѣжалъ туда, гдѣ не было зла, гдѣ были мѣста, свободныя отъ грѣховъ. Если бы ты обратилъ вниманіе на плоды человѣческой дѣятельности, то земля могла бы назваться пустынею.

Смотри на благоразуміе и кротость: тамъ не было ни войнъ, ни убійствъ, не было ни воровства, ни жадности, ни какихъ-либо иныхъ грѣховъ. Потому пророкъ и говоритъ: *во градѣ видѣхъ беззаконіе, и беззаконіе и трудъ посредѣ его* (Пс. LIV, 10—11), а въ иномъ мѣстѣ: *елики явилъ ми еси скорби многи и злы* (Пс. LXX, 20). Сперва пророкъ доставляетъ нѣкоторое свидѣтельство о томъ, что презираетъ все, что относится къ этой жизни,—пустыню дѣ-
255 лаетъ своимъ жилищемъ; потомъ описываетъ города и все, что находится въ городахъ. Таковымъ былъ вначалѣ и Адамъ; онъ не имѣлъ нужды въ домѣ, въ одеждѣ и украшеніяхъ, которыя употребляются нами, какъ знакъ будущей почести. Городъ часто бываетъ не такъ полезенъ для обитанія, какъ совершенно безлюдная пустыня. Посмотримъ же, что говоритъ пророкъ словами: *уготовайте пути Господни, правы творите стези Его*. Пути не были утоптаны и гладки. Подобно тому, какъ во время прибытія въ какой-либо городъ царя приготовляется, выравнивается и дѣлается удобнымъ путь для его шествія, хотя бы такой путь былъ непроходимымъ, неутоптаннымъ, почти непосѣщаемымъ, заросъ терновниками и колючками, такъ должно было дѣлать и тогда. И онъ *(гласъ вопіющаго)* пришелъ прежде затѣмъ, чтобы приготовить путь Христу. *Правы творите стези Его,* т. е., приготовляйте Ему путь въ неутоптанномъ и непроходимомъ мѣстѣ. Удивительно то, что Онъ пришелъ въ пустыню, гдѣ никакого не являлось пути добродѣтелей и мудрости. Волхвы, блудники, мытари, разбойники проповѣдывали здѣсь прежде; души ихъ были совершенно лишены добродѣтелей и неустроены, не были склонны къ исправленію нравовъ, не желали доблести, но были всегда проникнуты злобою. Итакъ, велика сила Царя, Который

приготовилъ эту непроходимую и невоздѣланную пустыню, сдѣлалъ путь царскимъ.

4. *Всяка дебрь наполнится и всяка гора и холмъ смирится.* Мы видимъ, что это исполнилось въ новомъ завѣтѣ, согласно съ образомъ. Прежде же это совершилось во время возвращенія изъ плѣна, такъ какъ народъ пришелъ безъ труда и препятствія. Потомъ наполненіе дебрей, пониженіе горъ, холмовъ и измѣненіе труднаго въ легкое означаетъ тотъ путь, который ведетъ къ добродѣтелямъ, что онъ легокъ и ровенъ, такъ что на немъ не встрѣтятся ни глубокія долины, ни стремнистыя горы, и не будетъ никакихъ препятствій для тѣхъ, кто пожелаетъ по нему идти. Выслушай, какъ самъ Господь показываетъ легкость такого пути: *иго Мое*, говоритъ, *благо, и бремя Мое легко есть* (Мѳ. xi, 30); и Павелъ: *еже бо нынѣ временное и легкое печали нашея, по преумноженію въ преспѣяніе тяготу вѣчныя славы содѣловаетъ намъ* (2 Кор. iv, 17); а также: *совлекохся*, говоритъ, *ветхаго человѣка* (Колос. iii, 9). Какъ легко совлеченіе одежды, такъ еще легче 256
сверженіе зла. Ясно, что добродѣтель легка не по своей природѣ, но Христосъ Своимъ пришествіемъ сдѣлалъ ее весьма легкою, какъ и Павелъ говоритъ: *окаяненъ азъ человѣкъ: кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сея* (Рим. vii, 24); а потомъ: *ни едино убо нынѣ осужденіе сущимъ о Христѣ Іисусѣ, не по плоти ходящимъ, но по духу* (Рим. viii, 1). До пришествія Христа сила добродѣтели была подобна густымъ кедровымъ рощамъ, стремнистымъ и лѣсистымъ мѣстамъ, почти была непроходима; пророки, праведники плакали и оплакивали тѣхъ, которые населяли эти суровыя мѣста; но послѣ Христа — не такъ. Почему же пророкъ говоритъ: *всяка дебрь наполнится и всяка гора и холмъ смирится*? Спросимъ іудеевъ: скажите, когда это случилось? Какая гора понизилась и какая дебрь наполнилась? Ничего такого не возвѣстилъ Эздра, написавшій о возвращеніи; но я покажу, что это сказано о добродѣтеляхъ. Никогда у язычниковъ не было имени дѣвства, потому что сила дѣвства и добродѣтелей была трудна, сурова и неудобна; теперь же она стала такъ легка и доступна, что даже и женщинамъ даровано стремиться по этой царской и безопасной дорогѣ; многіе вступаютъ на эту дорогу безъ сомнѣнія и страха, такъ какъ Христосъ призываетъ и насъ къ тому, что совершилъ Самъ. *Уготовайте путь Господень.* Какимъ путемъ Онъ шелъ первый, имъ же ведетъ и насъ, чтобы и мы стремились, желали и хотѣли также. *Всяка дебрь наполнится.* Никакая добродѣтель не есть самая трудная и никакая не легче прочихъ; стремитесь легко ко всѣмъ и будете совершенствоваться, когда пожелаете. *И будутъ вся стропотная въ право, и острая въ пути гладки.* Что

такое *стропотная въ право?* Не только мы освободимся отъ рукъ тирановъ, но также отъ заблужденія и отъ тѣхъ, которые измѣняютъ нашу добродѣтель въ лукавство,—что выражаетъ яснѣе Акила: „кривое въ правое", что еврей называетъ „агова", т. е. кривое, сообразно сказанному: *и вси будутъ научены Богомъ* (Ис. LIV, 13). Пророкъ не сказалъ: будутъ уничтожены трудные пути, но—измѣнятся въ легкіе, и это—знакъ великой силы, что Богъ измѣняетъ не природу, но нравы и желанія; тому, кто живетъ въ бѣдности, Онъ показываетъ, что таковая бѣдность нисколько не
257 обременительна, а даже желательна ради благочестія. *И будутъ стропотная въ право и острая въ пути гладки.* Что жесточе лишенія всего имущества? Но и такое лишеніе они переносили легко и съ радостію, и всѣ съ величайшей готовностью подвергались ему: *бѣ сердце и душа едина: и ни единъ же что отъ имѣній своихъ глаголаше свое быти, но бяху имъ вся обща* (Дѣян. IV, 32); апостолъ говоритъ: *воспоминайте же первыя дни ваша, въ нихъ же просвѣтившеся многъ подвигъ подъясте страстей: ово убо поношенми и скорбми позоръ бывше: ово же общницы бывше живущимъ тако* (Евр. X, 32). Что ты говоришь, Павелъ? Что онъ приметъ расхищеніе имуществъ съ радостію? Конечно, говоритъ, потому, что написано: *будутъ стропотная въ право;* и Лука въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ говоритъ: *они же убо идяху, радующеся отъ лица собора, яко за имя (Господа Іисуса) сподобишася безчестіе пріяти* (Дѣян. V, 41). *И будутъ стропотная въ право.* Что труднѣе угрозъ, что мучительнѣе наказанія послѣ угрозъ? Но и это стало легкимъ, не потому, что измѣнилась природа, но потому, что одно стало причиною другого. Такова сила Бога, Который не желаетъ одного и не насылаетъ другого, но то самое, что было кривымъ, превращаетъ въ прямое, чтобы ты позналъ, что зло происходитъ не отъ природы, но отъ свободы, которая неправо мыслитъ. Такимъ образомъ и Богъ не новыя тѣла призоветъ къ воскресенію, но обновитъ тѣ же самыя, истлѣвшія и превращенныя въ прахъ.

5. *И явится слава Господня, и узритъ всяка плоть спасеніе Божіе, яко Господь глагола.* Слава Господня являлась всегда, но слава Божія наиболѣе явилась тогда, когда Богъ принялъ природу человѣка и установилъ ангельское житіе на землѣ, когда Онъ перенесъ въ воспринятомъ тѣлѣ столь много мученій. *И узритъ всяка плоть спасеніе Божіе,* а не какого-либо человѣка, такъ какъ всѣ, которые взирали на Него, видѣли спасеніе Его. Хотя не всѣ увѣровали, однако всѣ видѣли,—иные вѣрою, иные
258 слухомъ, а впослѣдствіи всѣ увидятъ. Такъ какъ пророкъ говорилъ о великомъ, то прибавляетъ и то, что давало вѣру его сло-

вамъ, такъ, чтобы увѣровали всѣ, говоря: *яко Господь глагола.* Когда самъ Господь будетъ держать рѣчь, никто не будетъ невѣрующимъ, потому что слово Его есть творецъ природы и строитель новыхъ вещей. А потому не спрашивай у Него о какомъ-либо правѣ. Какъ я прежде утверждалъ (по поводу того), что нѣкоторые между языческими философами говорили нѣчто таковое, такъ скажу и теперь: когда говоритъ Богъ, не изслѣдуй болѣе. Рабы, слыша слова своихъ господъ, не спрашиваютъ болѣе, не осмѣливаются давать вопросы или отвѣчать, а только исполняютъ ихъ приказанія. Точно также и ты, слыша, что говорилъ Богъ, не испытывай болѣе.

6. *Гласъ вопіющаго: возопій: и рекохъ: что возопію? Всяка плоть сѣно и всяка слава человѣча яко цвѣтъ травный.* А другіе переводчики говорятъ: все милосердіе его; по-еврейски: ucughisdov, что̀ переводится: „милосердіе". Теперь смотри, какъ Онъ увѣщеваетъ насъ, чтобы мы желали воскресенія; чрезъ презрѣніе того, что близко намъ, Онъ склоняетъ насъ къ желанію высшихъ вещей. Справедливо сказано: *возопій*, такъ какъ опредѣленіе, которое нужно было высказать, было противно мнѣнію каждаго и представляло слова мудрости, принять которыя весьма многіе могли съ трудомъ, судя о нихъ по своему смутному разумѣнію. Потому пророкъ и говоритъ: *возопій*,—не сомнѣвайся проповѣдывать повелѣнное: оно придаетъ храбрости для плавающихъ по волнамъ, чтобы они пустились въ болѣе глубокое море. Не бойся, говоритъ, хотя бы и противились слышаннымъ словамъ. Не оставляй твоего постоянства, *возопій,* взывай, такъ какъ въ тѣхъ словахъ, которыя ты будешь говорить, заключается великая сила. Хотя бы ихъ никто не принималъ, однако ты вѣруй въ силу повелѣнія: ничто не можетъ уничтожить этого опредѣленія, потому что оно есть повелѣніе Божіе. Не говори: всѣ противятся, всѣ противостоятъ; твои слова утверждены на истинѣ, а потому взывай свободно: *всяка плоть—сѣно.* Какимъ же это образомъ? Ужели это вина Творца? Да не будетъ. Онъ не такъ образовалъ человѣка, но тотчасъ даровалъ безсмертіе. Но ты, который ввелъ грѣхъ, ты сдѣлалъ человѣка безславнымъ. Не думай, что дѣло рукъ Божіихъ—тѣла изъ сѣна; Богъ прежде говоритъ: *въ онь же* 259
аще день снѣсте отъ него, смертію умрете (Быт. II, 17). Почему же ты говоришь о сѣнѣ? Развѣ тѣла царей, прекрасныхъ женщинъ и славныхъ витязей сдѣланы также изъ сѣна? Конечно, говоритъ; если ты сомнѣваешься въ этомъ, то обрати вниманіе на общій для всѣхъ конецъ. Обращалъ ли ты со вниманіемъ глаза на гробницы? Развѣ чернь ниже, а богачи превосходнѣе? Никакъ; вообще всѣ—пепелъ, всѣ—прахъ, потому что всѣ обратятся въ

прахъ и пепелъ. И здѣсь пророкъ не только говоритъ: *плоть*, но: *всяка плоть*. Такъ же говоритъ и другой пророкъ: *всуе всякъ человѣкъ* (Псал. XXXVIII, 12). Смотри же, почему онъ не говоритъ: всякъ человѣкъ, но: *всяка плоть*, т. е., тѣла, которыя ходятъ по плоти. Пророкъ воспользовался худшимъ выраженіемъ, потому что іудеи дѣлали неправыя дѣла, подобно тому, какъ и Богъ говоритъ: *не иматъ Духъ Мой пребывати въ человѣцѣхъ сихъ во вѣкъ, зане суть плоть* (Быт. VI, 3). Но мы и сѣно; *вы*, говорится, *нѣсте во плоти* (Римл. VIII, 9). Смотри же теперь, говоритъ, на милосердіе Божіе: тебѣ, осужденному и низведенному до жалкаго состоянія, Онъ вновь даруетъ силу избавиться отъ осужденія; ты былъ сѣномъ, но если желаешь, не будешь сѣномъ; говорится: *аще кто назидаетъ на основаніи семъ: злато, сребро, каменіе честное, дрова, сѣно, тростіе* (1 Кор. III, 12). Видишь ли, все зависитъ отъ зданія? Если ты изслѣдуешь природу тѣлъ, то она не лучше природы травъ; подобнымъ же образомъ она изсыхаетъ и падаетъ, и во время старости въ ней не находится ничего юношескаго. Если же ты обратишь вниманіе на знатность души, то ты найдешь, что человѣкъ ничѣмъ не меньше ангеловъ: *умалилъ еси его малымъ чимъ отъ ангелъ, славою и честію вѣнчалъ еси его* (Пс. VIII, 6).

И всяка слава человѣча, яко цвѣтъ травный. Человѣческое тѣло не имѣетъ какихъ-либо преимуществъ предъ прочими тѣлами, но, принимая умноженіе славы, оно кажется величественнѣе остальныхъ: облеченный славою показываетъ нѣкоторый блескъ, остальные же являются низшими. Говоря, что не только отпадетъ сѣно, но также изсохнетъ и цвѣтъ сѣна, пророкъ показываетъ презрѣніе къ славѣ сильныхъ. Не видишь ли ты князей, свободныхъ отъ служебныхъ занятій? Можешь ли ты что-
260 либо противопоставить имъ? Они окружены золотомъ и жемчугомъ, сидятъ верхомъ на гордыхъ коняхъ, возсѣдаютъ на колесницахъ, запряженныхъ бѣлыми конями, окружены толпою слугъ, впереди и сзади себя имѣютъ тѣлохранителей. Но если явится что-либо внушающее страхъ, то весьма многими изъ нихъ овладѣваетъ трепетъ, и часто къ вечеру все это распадается. Нѣтъ ничего цѣннѣе бѣдняка, даже нагого. Потому и говорится: *всяка слава человѣча, яко цвѣтъ травный*: хотя бы говорилось о благахъ, почестяхъ или о красотѣ, тѣмъ не менѣе все имѣетъ придти въ одно и то же жалкое состояніе. Но если бываетъ такъ съ тѣломъ теперь, то тѣмъ болѣе будетъ такъ съ нимъ въ будущемъ. Что ты говоришь? Вотъ теперь изсохло сѣно и отпалъ цвѣтъ. Самъ Давидъ говоритъ: *не убойся, егда разбогатѣетъ человѣкъ, или егда умножится слава дому его: яко внегда умрети ему, не возметъ вся, ниже*

снидетъ съ нимъ слава его (Пс. XLVIII, 17—18). Но почему ты не сказалъ, что и живой также оставилъ ее, т. е., славу? Мнѣ кажется, такъ сказано для невѣрующихъ и мірскихъ душъ. Такъ какъ для нихъ кажется невѣроятнымъ, что они въ другой жизни получатъ во сто кратъ болѣе за то, что они здѣсь оставили, то Давидъ утверждаетъ несомнѣнное, именно: когда они умрутъ, вмѣстѣ съ ними не пойдетъ ихъ величіе.

Почему же ты такъ часто желалъ заключать уста тѣхъ, которые помышляли только о мірскомъ? Чтобы кто-либо не могъ говорить, что у большинства слава оставалась до смерти, и такимъ образомъ опровергать слова пророка. Потому онъ и утверждаетъ, что всяка слава отойдетъ въ концѣ жизни.

7—8. *Изсше трава*, говоритъ, т. е., умерла. Наша смерть такова, какъ изсыханіе овощей и отпаденіе цвѣтовъ. Смерть, говоритъ, не бываетъ двойною: умеръ человѣкъ и вмѣстѣ съ нимъ цвѣтъ его, т. е., его величіе, слава, помыслы. *Въ той день*, говорится, *погибнутъ вся помышленія его* (Пс. CXLV, 4); сегодня ты стараешься вредить другимъ, но завтра они не найдутъ твоего мѣста. Того, о чемъ кричатъ, какъ о событіи, на весь міръ, лѣнивые не желаютъ понимать; потому пророкъ говоритъ: *возопій*, Акила: возопій; а еврейскій т. говоритъ: сгіа, т. е., призывай. Богъ приказываетъ ему кричать какъ бы глухимъ, чтобы ты, 261
видя кого-либо угнетеннымъ тиранами, возопилъ къ нему тѣ же самыя слова: *всяка плоть—сѣно*. Не обращай вниманія на плотскую славу, но думай о будущей бѣдственности ихъ; чѣмъ славнѣе она является теперь, тѣмъ жалче будетъ впослѣдствіи, когда въ одинъ мигъ времени отпадетъ величіе ея. И вотъ, говорятъ, ты презрѣлъ всѣ блага міра. Я не презираю ихъ такъ, какъ будто бы они—зло по своей природѣ. Но хотя бы они были добромъ, и мы пользовались бы ими хорошо, тѣмъ не менѣе они пройдутъ и не останутся навсегда.

Но что же останется? *Глаголъ Господа*, который пребываетъ во вѣкъ твердымъ и неизмѣннымъ; это—слова Его и повелѣнія, которыхъ не могутъ разрушить ни времена, ни смерть, ни болѣзнь, ни старость, ни зависть, ни ссора, ни что-либо иное подобное. Если бы кто-либо сталъ порицать слова мои, то пусть онъ встанетъ и докажетъ, что я сказалъ худо. А я сказалъ, что есть нѣчто такое, что твердо и остается всегда, и есть нѣчто измѣняемое и скоропреходящее. Не сказалъ пророкъ: дѣла Господа пребываютъ, но: *глаголъ* Господа *пребываетъ:* если пребываетъ *глаголъ*, то тѣмъ болѣе дѣла. Если *глаголъ пребываетъ во вѣкъ*, то конечно должно принять вѣру въ воскресеніе. Въ нѣкоторыхъ спискахъ послѣ этихъ словъ: *изсше трава и цвѣтъ*

отпаде, мы находимъ приписанными нѣсколько большими буквами: „Духъ Господень дунулъ на него; поистинѣ, народъ есть сѣно“. Давидъ также сказалъ: *отъимеши духъ ихъ и исчезнутъ, и въ персть свою возвратятся* (Пс. CIII, 29).

9. *На гору высоку взыди, благовѣствуяй Сіону, возвыси крѣпостію гласъ твой, благовѣствуяй Іерусалиму: возвысите, не бойтеся.* Почему пророкъ говоритъ: *не бойтеся*? Ужели можетъ найтись кто-либо такой, который возвѣщаетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ боится,—особенно, если онъ вѣстникъ честный и справедливый? Что же это такое? Да не покажутся всѣмъ возвѣщенныя слова невѣроятными. Не бойтесь, говоритъ, да не будетъ этого, потому что то, о чемъ Я говорю, Я исполню. Но такъ какъ величіе сказаннаго дѣлало весьма многихъ невѣрующими, и они думали, что это неисполнимо, какъ случилось съ Іоною, то, говоритъ, ты не бойся; хотя сказанное и велико, но разумѣй, что говорящій
262 можетъ совершить все. Потому и говорится: *на гору высоку взыди, возвыси крѣпостію гласъ твой, благовѣствуяй Іерусалиму,*— чтобы многихъ сдѣлать свидѣтелями относительно возвѣщенныхъ словъ, которыя были предсказаны уже давно.

10. *Рцы градомъ Іудинымъ: се Богъ вашъ, се Господь съ крѣпостію идетъ, и мышца Его со властію.* Что такое *съ крѣпостію и со властію*? Въ свое первое пришествіе Онъ явился не съ крѣпостію и не со властію, но кроткимъ и смиреннымъ; Онъ былъ распятъ по плоти и умеръ, оставаясь живымъ и животворя по Своему божеству; но во второе пришествіе Онъ явится не такъ, по сказанному: *аще же и разумѣхомъ по плоти Христа, но нынѣ ктому не разумѣемъ* (2 Кор. v, 16),—чтобы ты зналъ, что Онъ принялъ безславіе ради нашего спасенія, пожелавъ быть подобнымъ намъ.

Се мзда Его съ Нимъ. Правильно сказалъ, что мзда будетъ чрезъ слова. Онъ повелѣваетъ и всѣмъ располагаетъ Своимъ словомъ. *И дѣло Его предъ Нимъ,*—именно, предъ Богомъ; тогда не будетъ нужды въ обличителѣ, такъ что Онъ самъ распредѣлитъ по справедливости.

11—14. *Аки пастырь упасетъ паству свою, и мышцею своею соберетъ агнцы.* Пророкъ показываетъ легкость дѣлъ, имѣющихъ совершиться въ то время. Самъ Христосъ учитъ объ этомъ въ евангельской притчѣ такъ: *якоже пастырь разлучаетъ овцы отъ козлищъ* (Матѳ. xxv, 32). Я не могу легко отличать злого отъ добраго, а Онъ дѣлаетъ это безъ труда, по сказанному: *кто бо вѣсть отъ человѣкъ яже въ человѣцѣ, точію духъ человѣка, живущій въ немъ* (1 Кор. II, 11)? Испытующій душу лучше самой души человѣческой знаетъ, что находится въ человѣкѣ: *такожде*

и Божія никтоже вѣсть, точію Духъ Божій (1 Кор. II, 11). Павелъ ничего не зналъ въ себѣ самомъ, но онъ не оправдывался въ этомъ. Христосъ же говорилъ на вечери: *единъ отъ васъ предастъ Мя* (Марк. XIV, 18); такимъ образомъ, Онъ Самъ зналъ все, прежде чѣмъ это случилось. Какъ же такъ? Прежде чѣмъ происходитъ что-либо доброе или дурное, Богъ одно любитъ, а другое ненавидитъ; и это не незаслуженно, но ради вотъ чего: *и мышцею Своею соберетъ агнцы*: Онъ не будетъ нуждаться ни въ палкѣ, ни въ 263
какомъ-либо иномъ орудіи.

И имущія во утробѣ утѣшитъ. Видишь ли, Онъ ясно показываетъ Свое попеченіе? Такъ какъ это на самомъ дѣлѣ не совершается во время суда и воздаянія, то мнѣ кажется, что это исполнилось во время возвращенія (іудеевъ) изъ вавилонскаго плѣна: они нуждались въ попеченіи болѣе, чѣмъ остальные обремененные люди или матери, носившія дѣтей во утробѣ; имъ и говорится: во время пути имѣйте бóльшее попеченіе.

Сказавши великое, что для большинства казалось труднымъ, пророкъ желаетъ то же самое подтвердить еще бóльшимъ, потому далѣе прибавляетъ: *кто измѣри горстію воду?* Иные переводчики говорятъ: στοῖον; *и небо пядію и всю землю горстію? Кто постави горы въ мѣрилѣ, и холми въ вѣсѣ?* Почему же Онъ не сказалъ объ ангелахъ: кто сотворилъ ангеловъ, или кто поставилъ архангеловъ, а говоритъ о видимомъ и явномъ? Такъ какъ тѣ велики, то Онъ возвышаетъ умъ неразумныхъ не къ невидимому, но желаетъ учить изъ видимаго, и не говоритъ: кто создалъ, или кто поставилъ, но — кто узналъ. Если познаніе есть дѣйствіе, скорѣе даже дѣйствіе Божіе, то тѣмъ болѣе произведеніе чего-либо изъ ничего. Въ другомъ мѣстѣ говорится: *исчитаяй множество звѣздъ и всѣмъ имъ имена нарицаяй* (Пс. CXLVI, 4); каждая изъ нихъ достаточна для того, чтобы мы познали дѣло Божіе. Онъ изъ ничего произвелъ, сохраняетъ произведенное и желаетъ сохранять. Такимъ же образомъ говоритъ и Іовъ. Однако не таково искусство строителей; хотя они выдѣлываютъ сосуды, но не дѣлаютъ ихъ изъ ничего; и сдѣланныя издѣлія не могутъ сохранить до конца и даже на продолжительное время. Въ Богѣ же то удивительно, что Онъ можетъ сотворенное Имъ сохранять въ вѣчность неприкосновеннымъ. Сотворенное сохраняется не своею силою, но сообразно сказанному: *въ руцѣ Его вси концы земли* (Пс. XCIV, 4).

Такимъ образомъ, не вѣруй тому, что Богъ прежде отмѣрилъ, а потомъ построилъ; Онъ не измѣрялъ небесъ пядью; никакая мѣра не годна для неизмѣримой руки. Когда же говорится: *испытаяй сердца* (Пс. VII, 10), то здѣсь выражается не что иное,

264 какъ только то, что Онъ знаетъ. Знаніе рождается отъ изслѣдованія. Слова: *исчитаяй множество звѣздъ* (Пс. CXLVI, 4) показываютъ не иное что, какъ только знаніе, потому что отъ исчисленія происходитъ знаніе. Когда же пророкъ говоритъ: *кто измѣри воду,* то этимъ показываетъ не что иное, какъ только то, что Богъ знаетъ, сколько существуетъ воды. И смотри: Онъ не нуждается ни въ какихъ мѣрахъ, но прибѣгаетъ къ силѣ Своихъ рукъ. Онъ Самъ знаетъ мѣру своихъ произведеній. *Измѣри*, говоритъ, *небо пядію*, показывая, что небо есть произведеніе Его совершенной силы. *И землю горстію.* Всѣмъ ясно, что небо больше, чѣмъ земля, потому что небеса составляютъ какъ бы оболочку надъ землею. Видишь ли, что эти слова недостойны Бога, Который все сотворилъ изъ ничего?

Кто постави горы въ мѣрилѣ и скалы *въ вѣсѣ?* Иные переводчики говорятъ не: скалы, а: *холми*. Какіе вѣсы могутъ взвѣсить горы—такую громаду? Но хотя ты и слышалъ о вѣсахъ, однако не подумай, что Богъ пользуется такими вѣсами. Онъ въ совершенствѣ все знаетъ такъ, какъ будто бы онъ это взвѣсилъ на вѣсахъ. Какой-то изъ діаволовъ говорилъ, что онъ знаетъ число песка и мѣру моря, и хвастался этимъ настолько, что своею ложью обольстилъ другихъ; пророкъ же истинно возвѣщаетъ намъ нѣкоторую часть Божественной силы. Здѣсь нѣтъ никакого лживаго хвастовства, но одна вѣрная истина. Потомъ онъ показываетъ величіе Божіе инымъ образомъ, именно, что Ему принадлежитъ знаніе отъ Себя Самого, и таковое знаніе непостижимо. Не удивляйся, говоритъ, что онъ знаетъ все,—Онъ мудръ, такъ что мудрости Его никто не обниметъ; почему и прибавляетъ: *кто уразумѣ умъ Господень?* Говоря „*кто*", онъ включаетъ здѣсь всѣхъ въ сферу невѣдѣнія. Не такъ, какъ говорятъ еретики, что Сынъ есть вмѣстѣ и Святый Духъ, потому что чрезъ Сына мы научаемся Господомъ. *Никтоже вѣсть, кто есть Отецъ, токмо Сынъ, и никтоже вѣсть, кто есть Сынъ, токмо Отецъ* (Лук. X, 22); а о Духѣ апостолъ говоритъ: *и Божія никтоже вѣсть, точію Духъ Божій*; и потомъ: *Духъ вся испытуетъ, и глубины Божія* (1 Кор.
265 II, 10, 11), т. е., Онъ знаетъ глубины Божія, но испытуетъ ихъ не по причинѣ невѣдѣнія; точно такъ же, какъ и Отецъ испытуетъ сердца людей не потому, что ихъ не знаетъ. Какъ мы выше показали, знаніе происходитъ отъ изслѣдованія, но не изслѣдованіе отъ знанія. *Кто уразумѣ*, говорится, *умъ Господень?* Но апостолъ говоритъ: *мы же умъ Христовъ имамы* (1 Кор. II, 16); если никто не разумѣетъ ума Господня, какъ же говоритъ апостолъ: *мы умъ Христовъ имамы?* Но *намъ*, говоритъ, *Богъ открылъ есть Духомъ Своимъ* (1 Кор. II, 10),—столько, чтобы было достаточно

для насъ, но не столько, каковъ на самомъ дѣлѣ умъ Господень.

Для того, чтобы совершенно отдѣлить Бога отъ всѣхъ тварей, какъ не нуждающагося ни въ чемъ, ни отъ кого не научаемаго, ни отъ кого не одаряемаго, пророкъ прибавляетъ: *кто совѣтникъ Ему бысть, иже научаетъ Его, или съ кимъ совѣтова, и настави и, или кто показа Ему судъ, или путь разумѣнія кто показа Ему?* Онъ прежде находитъ основаніе для будущихъ событій. И можемъ ли мы вѣровать, что Ему свойственно малое вѣдѣніе? Мы отъ Него научились необходимымъ познаніямъ; тѣмъ не менѣе мы такъ злы и глупы, что стараемся испытывать Знающаго отъ Себя самого природу всѣхъ вещей.

15—17. *Аще вси языцы, аки капля отъ кади, и яко притяженіе вѣса вмѣнишася, и аки плюновеніе вмѣнятся.* Не обращай вниманія на множество языковъ, но взирай на величіе Бога, Который легко можетъ погубить ихъ. *Аки капля отъ кади, и яко притяженіе вѣса вмѣнишася, и аки плюновеніе вмѣнятся.* Акила говоритъ: вотъ острова, какъ падающія капли; Симмахъ и Θеодотіонъ точно такъ же; еврейскій текстъ: en im chataghi eddol.

Дубрава же Ливанова не довольна на сожженіе. Пророкъ вновь въ удачныхъ выраженіяхъ обозначаетъ малость средствъ для прославленія Бога. Если бы, говоритъ, Я нуждался во всесожженіяхъ, и если бы вы истребили даже всю дубраву Ливанскую, то и этого было бы недостаточно для горѣнія всесожженій; если бы принесены были въ жертву всѣ животныя, то и они бы не удовлетворили; вся природа не въ состояніи достойно почтить Бога. Смотри на благость Божію относительно человѣка: хотя ничто не достаточно для Его славы, тѣмъ не менѣе Онъ не презираетъ ничтожныхъ, но дѣлаетъ достойными.

И вси языцы яко ничтоже суть и въ ничтоже вмѣнишася. 266
Какъ нѣтъ ничего достойнаго, что могло бы Его почтить, такъ никто не можетъ охватить Его премудрости, никто не можетъ быть совѣтникомъ Его и учителемъ. Если никто не охватываетъ Его знанія, то кто можетъ уразумѣть Его существо? Если части неба суть мѣрила руки Его, то тѣ, которые ниже небесъ, какимъ образомъ могутъ изслѣдовать мудрость Его?

18. *Кому уподобисте Господа, и коему подобію уподобисте Его? Еда образъ сотвори древодѣлатель, или златарь, сліявъ злато, позлати его, или подобіемъ сотвори его?* Богъ не давалъ какого-либо повелѣнія изображать Его образъ, или дѣлать Его подобіе. Моисей во многихъ мѣстахъ повелѣваетъ: *не сотвори себѣ кумира и всякаго подобія, елика на небеси горѣ и елика на земли низу* (Исх. xx, 4). Вначалѣ никто не изображалъ Бога, и никто не могъ

охватить Его вѣдѣніе. Изображеніе дѣлается съ того, что предается тлѣнію и уничтожается, чтобы послѣ уничтоженія сохранилась о немъ по крайней мѣрѣ память чрезъ изображеніе. Но кто сдѣлаетъ образъ Бога живого и нетлѣннаго? Кому подобенъ Онъ, такъ чтобы кто-либо могъ описать изображеніе Того, Который только подобенъ Себѣ Самому? Пророкъ мудрымъ изслѣдованіемъ безсилія идоловъ и силы Божіей подвергаетъ ихъ наказанію. Онъ сперва показываетъ, что знаніе Бога непостижимо и неизмѣримо; потомъ описываетъ строеніе идоловъ, которые бываютъ деревянные, или каменные, или золотые, или серебрянные, но во всякомъ случаѣ—неразумные. Но почему, скажутъ, говоря такъ о природѣ идоловъ, онъ не дѣлаетъ того же относительно природы Бога? Природу Бога ничто не можетъ выразить, такъ что, умалчивая о существѣ Его, онъ открываетъ знаніе Его. А такъ какъ идолы сдѣланы изъ дерева или изъ металловъ, то потому онъ и говоритъ о качествѣ и строеніи ихъ природы. *Коему подобію уподобисте Его?* Ему ничто не подобно нѣтъ подобнаго Ему образа въ твореніяхъ; только одинъ образъ Его—это несотворенный Сынъ.

20—21. *Древо бо негніющее избираетъ древодѣлатель.* Такъ какъ многіе изъ таковыхъ идоловъ оставались довольно продол-жительное время, то пророкъ показываетъ, что они сдѣлались
267 такими не сами отъ себя, но вслѣдствіе негніющаго дерева; ихъ издѣлія продолжали сохраняться вслѣдствіе опытности мастера, который постарался такъ, чтобы изображеніе не подвергалось тлѣнію. Не думай о красотѣ, о продолжительности, или неизмѣняемости идола: все это относится къ искусству человѣка. Но если они, идолы, въ состояніи совершить что-либо, то пусть покажутъ. Почему пророкъ прибавляетъ: *не разумѣете ли, не слышасте ли, не возвѣстися ли вамъ испервa, не разумѣсте ли основанія земли?* Эти слова должны быть вамъ извѣстны; должно ожидать, чтобы вы повѣрили этимъ словамъ не по слуху, но научившись имъ съ самаго начала, такъ какъ этому могла васъ научить самая природа вещей. Хотя вы не разумѣете, а приняли ихъ отъ другихъ не теперь, а изначала, тѣмъ не менѣе я утверждаю, что ваше нечестіе не имѣетъ извиненія. Такъ какъ пророкъ говорилъ о возвращеніи изъ плѣна, то, чтобы они не думали, что для освобожденія отъ притѣсненій и достиженія спокойствія нужно придти въ древнюю порочность, Онъ и далъ, какъ бы столбы, повелѣнія, которыя не позволили имъ впасть въ прежнее нечестіе.

22. *Содержяй кругъ земли.* Другіе же говорятъ: сидящій надъ кругомъ; *и живущія на ней аки пруги.* Видишь ли, земля есть кругъ? Кругъ показываетъ круглую форму земли. Полезно знать

и это, чтобы мы не соблазнялись баснями языческихъ философовъ, которые обыкновенно думаютъ, что земля подобна ложбинѣ, округлости, диску, блюду или чему-нибудь такому подобному. Слыша какъ пророкъ, говоритъ, что земля есть кругъ, ты не изслѣдуй болѣе. Хорошо сказано: *содержай*, потому что *въ руцѣ Его вси концы земли* (Пс. xciv, 4). Имъ создано все. Относительно знаній Его сказано было прежде: *кто измѣри землю горстію и небо пядію*; здѣсь же пророкъ говоритъ не о твореніи, но о промышленіи. Итакъ, не изслѣдуй, на чемъ стоитъ и утверждена земля: Богъ держитъ ее Своею рукою. Нѣтъ иного основанія, кромѣ Его. И не спрашивай о какихъ-либо иныхъ убѣдительныхъ доказательствахъ. *И живущія на ней аки пруги*. Такъ слабъ человѣкъ предъ Богомъ, такъ Богъ вращаетъ его, какъ желаетъ. Итакъ, не думай о громадѣ земли, но обращай вниманіе на великую силу Держащаго, чтобы потомъ тебѣ не смущаться и не разбѣгаться (въ своемъ изслѣдованіи) туда и сюда. Если ты будешь помнить, что кругъ земли неподвиженъ, то ты поймешь силу великой, непобѣдимой и неослабѣвающей руки, и такимъ образомъ будешь дѣйствительно вѣровать. Мы также часто имѣемъ 268
обыкновеніе называть саранчу, какъ примѣръ слабости.

Поставивый небо яко камару; Акила говоритъ: распростерщій небо, какъ воздухъ; Симмахъ: поставившій небо, какъ перекладину. Здѣсь пророкъ говоритъ о твореніи, но не о произведенной матеріи, и не о небесныхъ созданіяхъ, а показываетъ то, въ чемъ люди могутъ быть участниками вмѣстѣ съ Богомъ. Пророкъ не говоритъ, какимъ образомъ Богъ произвелъ творенія изъ ничего, но показываетъ, что Онъ иныя сохраняетъ въ неприкосновенности, а другія даже украшаетъ. Весьма велика опытность искусства утверждать и украшать созданныя вещи, а утвержденныя сохранять въ цѣлости. Мы не тогда удивляемся строителямъ, когда они вытесываютъ громадныя колонны, но когда они помѣщаютъ ихъ на своемъ мѣстѣ и укрѣпляютъ. Такимъ образомъ не только удивляйся Богу изъ-за того, что Онъ произвелъ и показалъ громаду небесныхъ тѣлъ, но и изъ-за того, что произведенное сохраняетъ крѣпкимъ и цѣлымъ. Пусть небесная громада и великій небесный сводъ падутъ и низринутся на землю: какая сила въ состояніи исправить и сдержать ихъ, если не сила Того, Кто произвелъ все это вначалѣ изъ ничего? Слыша слова: *и простерлъ еси яко скинію*, ты, обитатель земли, не бойся, что небо можетъ упасть на землю, такъ какъ пророкъ раньше говоритъ: *поставивый небо яко камару*, чтобы этимъ примѣромъ отнять у тебя страхъ. Когда ты боишься, что небо, если оно подобно скиніи, можетъ упасть, то онъ тотчасъ же подтверждаетъ тебѣ, что небо крѣпко, *яко камара*.

Но зачѣмъ же онъ приводитъ оба эти примѣра? Затѣмъ, чтобы именемъ камары указать на прочность, а именемъ скиніи на легкость для Творца, Который могъ поставить небо такъ легко, какъ скинію, и въ то же время не такъ неустойчиво, какъ скинію, а такъ крѣпко, какъ камеру. А чтобы легкость Творца не устрашала творенія, пророкъ и пожелалъ назвать небо прежде камарой, для отнятія страха, потомъ говоритъ уже о второстепенномъ, и показываетъ, что не напрасно и не тщетно и не ради пустого тщеславія Онъ поставилъ такимъ образомъ, а для того, чтобы подъ нимъ обитали люди. Небеса распростерты подобно крышѣ съ выпуклой формой. Но если кто-либо скажетъ: почему же небеса наклонены на подобіе камеры, а не устроены на подобіе ровной
269 крыши?—то я только отвѣчу, что я самъ ничего не понимаю относительно этихъ вещей; я знаю, что такова форма неба, но почему она такова, этого я не знаю. Что означаетъ „распростереть?" Подобно тому, какъ человѣкъ скоро и безъ труда распростираетъ платья, гораздо легче и скорѣе этого Богъ распростеръ небеса. Но удивительно то, что спустя столько вѣковъ на небесахъ не образовалось никакой трещины или отверстія. Какая веревка можетъ удерживать распростертое небо, или какія колонны, или какіе канаты, привязанные къ небу, сохраняютъ его твердымъ и распростертымъ? Впрочемъ, я знаю, вы ничего не можете мнѣ показать подобнаго, а вамъ лучше должно прибѣгать къ силѣ Божіей, по сказанному: *въ руцѣ Его вси концы земли* (Пс. XCIV, 4). Правильно сказано: *поставивый*; но въ другомъ мѣстѣ говорится: *свіется небо аки свитокъ* (Ис. XXXIV, 4); а еще въ иномъ мѣстѣ: *яко одежду свіеши и измѣнятся* (Пс. CI, 27). Какъ тонкое полотно, такъ Богъ распростеръ небо надъ нашей головою. Своимъ величіемъ, красотою и разнообразными украшеніями оно увеселяетъ и освѣжаетъ наши глаза. Отъ него исходитъ не только то, что для насъ необходимо, но также и то, что величіемъ красоты поражаетъ насъ радостью и веселіемъ. Богъ, богатый милостью, доставляетъ намъ великія блага, исполняя не только наши необходимыя потребности, но даруя намъ также радость и спокойствіе; иначе—почему Онъ положилъ предъ глазами такое плодородіе земли, такую широту неба, обширную атмосферу и такое обиліе водъ? Развѣ множество твореній не превосходитъ наши потребности? Онъ сдѣлалъ это какъ для нашего удовольствія, такъ и для удовлетворенія нашей потребности.

23—24. *Даяй князи, аки ничтоже владѣти, небо же (землю), аки ничтоже сотвори.* Что значитъ: *даяй князи, аки ничтоже владѣти?* Перемѣна какого-либо царя есть дѣло трудное, но для Бога оно легкое. Легкимъ ли тебѣ кажется лишить царства царя,

подъ своимъ скипетромъ держащаго весь міръ, почитаемаго всѣми, принудительно движущаго все своимъ словомъ? Но для Бога и это не трудно; для Него не трудно даже кого-либо изъ черни, кто бы не умѣлъ даже говорить, возвысить на такой почетный постъ. Онъ говоритъ, что это для Него не только легко, но даже весьма легко, именно сказано: *даяй князи, аки ничтоже владѣти.* 270
Видишь ли, что онъ для примѣра приводитъ извѣстное всѣмъ? Мы не присутствовали въ то время, когда Онъ творилъ небеса, и не разумѣли въ то время, когда Онъ распростиралъ ихъ. Такъ какъ высокое и даже весьма высокое выслушивается ушами, и тѣмъ не менѣе совершенно не воспринимается слушающими, то Онъ самое сокровенное слово превращаетъ въ иное, извѣстное всѣмъ, которое всегда обитаетъ среди людей. Подобно этому говорилъ и другой пророкъ: *той премѣняетъ времена и лѣта, поставляетъ цари и преставляетъ* (Дан. II, 21); потомъ: *мучители сѣдоша на земли, нечаемый же увязеся вѣнцемъ* (Іис. сына Сирах. XI, 5); а также: *видѣхъ рабовъ на конехъ, и князей идущихъ яко рабовъ на земли* (Екклез. X, 7); затѣмъ: *отъ утра до вечера измѣняется время, и вся скора суть предъ Господемъ* (Іис. сын. Сирах. XVIII, 26); а также: *вся скора суть предъ Господемъ* (Іис. Сирах. XVIII, 26). Смотри, сколько свидѣтельствъ разсѣялъ Господь всюду на землѣ, чтобы познавать и вѣрить въ твореніе земли. Ты желаешь слышать слово, которому учитъ тебя Господь съ неба, но не желаешь ему, однако, научиться; сравнивай вещи міра, замѣчай то, что совершается ежедневно, и ты познаешь Господа и Творца.

И землю, аки ничтоже, говоритъ, сотвори. Тебѣ, знающему, что Богъ сотворилъ землю, когда ея не было, и такъ скоро, какъ ничто, ужели кажется великимъ, что Онъ твердо держитъ ее? Гдѣ тѣ, которые привыкли говорить, что земля существовала невидимой и безобразной? Вотъ говорится: *сотвори* ее; если сотворилъ, то какъ же она не была сотворена? Сотворилъ ее легко и скоро. Другой же пророкъ сказалъ: *узрю небеса дѣла перстъ Твоихъ* (Псал. VIII, 4), а также: *вся, елика восхотѣ, сотвори* (Пс. CXIII, 11). Сотворилъ ее, *аки ничтоже*, т. е. сотворилъ все Своимъ словомъ.

Справедливо говоритъ пророкъ: „Онъ призвалъ ихъ, и они говорятъ: вотъ мы“,—чѣмъ, кажется, онъ показываетъ легкость творенія. Какой-то мудрецъ говоритъ, что каждое изъ твореній открываетъ Творца. Но здѣсь пророкъ насъ учитъ величію Творца не только изъ твореній, а также изъ другого доказательства, именно—изъ самой формы творенія. Видишь ли ты величіе и красоту тварей? Однако, ты не останавливайся только на нихъ, 271
но уразумѣй и научись, что все это великое произошло, какъ ничто, именно по повелѣнію и по слову, по указанію перстъ, и

по зову Его. „Одинъ, говорится, призывающій все изъ ничего“. Этимъ подтверждается легкость и скорость творенія. Какъ мы, слыша что-либо удобоисполнимое, подаемъ за это голосъ, такъ Онъ повелѣлъ быть тому, чего прежде не было. Какъ же, скажутъ, можетъ это быть? Удивительно то, что нашъ Господь таковъ есть, что дѣлъ Его мы не можемъ охватить ни словами, ни умомъ, ни какимъ-либо инымъ образомъ.

Прежде пророкъ сказалъ о твореніи, что Богъ легко сотворилъ землю и небо. *Землю*, говоритъ, *аки ничтоже сотвори*, и прибавляетъ: *не насадятъ бо, ниже насѣютъ и не вкоренится въ земли кореніе ихъ*. Относительно идоловъ онъ говоритъ это, или относительно вавилонянъ? Скажемъ: о тѣхъ и другихъ; къ тѣмъ и другимъ и мы примѣнимъ эти слова, для того, чтобы мы могли узнать истину. Можетъ быть, пророкъ говоритъ то, что вавилоняне пойдутъ въ плѣнъ и какъ бы будутъ унесены вѣтромъ. Если же онъ говоритъ объ идолахъ, то его слова означаютъ, что идолы не могутъ показать никакой силы, такъ какъ, будучи безчувственны и неодушевленны, они не могутъ доставить людямъ ничего добраго не только сами отъ себя, но и по образцу того, какъ люди дѣлаютъ другъ другу взаимно, хотя это относится не къ насадителямъ растеній или сѣятелямъ, но къ Богу, который даетъ приращеніе. Идолы же не могутъ совершить этого даже въ малой степени. Что удивительнаго, что они не могутъ сдѣлать ничего для своего спасенія, а уносятся какъ бы вѣтромъ? Ты видѣлъ силу Божію; посмотри же на слабость идоловъ. Но почему же, высказавъ положеніе, онъ не высказываетъ и противоположенія,—именно, что они, идолы, не устрояли земли? Говоря: „Ты сотворилъ землю“, пророкъ показываетъ, что Онъ, Богъ, сотворилъ также растенія, потому что кто произвелъ мать ихъ, тотъ, очевидно, сотворилъ и самыя растенія. Идолы же не производили растеній, и не могутъ оказать какой-либо пользы, даже подобно людямъ. *Изсхоша*,—что обыкновенно случается съ деревомъ. Подобно тому, какъ изсохшее дерево бываетъ безплодно, такъ лишены какихъ-либо силъ и сами идолы. *И буря возьметъ ихъ*. Бурею здѣсь пророкъ называетъ тѣ наказанія, которыя происходятъ отъ Бога: грядущія войны, которыя идоламъ не принесутъ никакой пользы.

25—26. *Нынѣ убо кому мя уподобисте*. Хорошо сказано: *кому*
272 *мя уподобисте*; справедливо сказано: *нынѣ убо*; воспользовавшись столькими благами, вы не уразумѣли Меня. *И вознесуся, рече, Святый*, т. е., что можетъ Меня вознести? Отсюда ясно, что слава идоловъ происходитъ отъ людей, и превозношеніе ихъ— отъ человѣческихъ украшеній. Такъ какъ они (люди) украшаютъ

глиняныя издѣлія царскими одеждами, влагаютъ въ руку великій знакъ гнѣва, какъ будто идолъ можетъ ниспосылать съ неба огонь, или градъ, то развѣ не они возвышаютъ ихъ? Какимъ образомъ, сказано, вы можете возвысить Меня, т. е. Бога? Никоимъ образомъ. Это совершенно невозможно ни теперь, ни въ будущемъ. Ясно, что Богъ ни въ чемъ не нуждается и не превозносится отъ людей, но Самъ превозноситъ ихъ. Показавъ, что Онъ ни въ чемъ не нуждается, и ничто не можетъ превозносить Его, пророкъ прибавляетъ: *воззрите на высоту очима вашима, и видите, кто сотвори сія вся.* Развѣ не Я сотворилъ все это изъ ничего? Такой смыслъ имѣютъ слова: *кто сотвори сія вся.* Мы также воспользуемся этими словами. Онъ повелѣлъ быть и произвелъ то, чего прежде не было, подобно тому, какъ мы, говоря, что такой-то человѣкъ сдѣлалъ какой-либо сосудъ или одежду, показываемъ этимъ, что этого другой никто до него не сдѣлалъ. Я, говоритъ, не нуждаюсь въ вашемъ превозношеніи, но вы *воззрите на высоту очима вашима.* Хорошо онъ сказалъ это относительно людей, которые всегда смотрятъ только на дóльняя, и которые не могутъ возноситься на высоту, хотя человѣку дана такая форма, что желаетъ ли, или не желаетъ онъ,—не можетъ забывать о своей славной природѣ, такъ какъ Богъ сотворилъ человѣка съ прямымъ тѣломъ и далъ ему глаза, этихъ возвышающихся зрителей тѣла. Сотворившій тебя такимъ образомъ развѣ не научилъ этимъ, что Онъ помѣстилъ глаза въ такомъ мѣстѣ не для чего-либо иного, какъ для того, чтобы ты смотрѣлъ на высоту, подобно князю и судьѣ, чтобы ты не смотрѣлъ только на дóльняя, но поднималъ свои свободные глаза на высоту? Помимо того, Онъ даровалъ тебѣ другое, болѣе легкое, нежели глаза, крыло, которое позволяетъ летать не только въ эфирѣ, который называютъ спокойнымъ и который простирается выше звѣздъ, между воздухомъ и небомъ, а даже и далѣе небесъ. Какое же это крыло? Крыло истинной вѣры, потому что крылами вѣры ты можешь подняться далѣе небесъ и знать все, что тамъ находится.

И видите, сказано, *кто сотвори сія вся.* Можетъ быть, иной
скажетъ: я вижу все: красоту и величіе небесъ, но не могу по- 273
знать Того, Кто все это сотворилъ; вижу я солнце, луну, небо, звѣзды и иное подобное, но какимъ образомъ я могу познать Творца? Менѣе прочихъ прилично было бы говорить это іудеямъ, которымъ Богъ даровалъ познаніе о своемъ твореніи различнымъ образомъ. (Но, говорятъ) Онъ былъ невидимъ, и въ то время, когда Онъ простиралъ небеса, съ Нимъ никого не было, тѣмъ менѣе—человѣка, который могъ бы уразумѣть, что творенія суть

дѣло рукъ Его. Богъ творилъ небеса, но Адама не было тамъ Онъ утвердилъ землю, и тотъ не видѣлъ; Онъ воззвалъ море, и тотъ не присутствовалъ,—а потому не зналъ, такъ какъ человѣкъ созданъ былъ послѣ того, какъ было сотворено все. Итакъ, скажутъ, какимъ же образомъ мы можемъ знать, что творенія происходятъ отъ Бога? Сначала, по причинѣ того самаго главнаго и важнаго дѣла, такъ какъ Богъ предъ лицомъ Адама сотворилъ изъ него же самого другого человѣка, — жену. Тотъ, Кто могъ создать человѣка, тѣмъ болѣе могъ создать прочее, что создано ради человѣка. Легче было создать небеса и иныя твари, чѣмъ человѣка, не только по причинѣ души, но и — тѣла, потому что Богъ вложилъ великое совершенство въ каждый членъ человѣка. Впрочемъ, скажутъ: Адамъ не видѣлъ жены въ то время, когда она образовалась, но увидѣлъ ее послѣ творенія. Мы отвѣчаемъ: однако, онъ зналъ, что она взята отъ него и произошла отъ него, такъ какъ сказалъ: *се нынѣ кость отъ костей моихъ и плоть отъ плоти моея* (Быт. II, 23). То, что Богъ создалъ также животныхъ, онъ узналъ изъ того, что Тотъ привелъ къ нему всѣхъ, дабы онъ далъ имена тѣмъ, о которыхъ онъ зналъ, что они сотворены изъ земли, какъ это видно изъ слѣдующихъ словъ: *земля еси и въ землю отъидеши* (Быт. III, 19). Конечно, скажутъ; изъ этихъ словъ онъ зналъ, что онъ произошелъ изъ земли; но откуда онъ могъ знать, что земля сотворена изъ ничего? Мы отвѣчаемъ: Творецъ, вѣдущій все, вложилъ въ него премудрость, такъ что онъ провидѣлъ и могъ знать тайны Божіи. Какъ же онъ не зналъ иного, меньшаго? Но какимъ образомъ могъ Адамъ знать отдѣленіе ребра, если на него былъ наведенъ тогда сонъ? Когда одинъ спитъ, а другой у него что-либо отнимаетъ, что̀ тому принадлежитъ, то этотъ не чувствуетъ. Но, видишь ли, Адамъ видѣлъ иными очами не только настоящее, но и будущее. То, что животныя произошли не отъ человѣка, видно изъ слѣдующаго:
274 *се нынѣ кость отъ костей моихъ и плоть отъ плоти моея* (Быт. II, 23). Что означаютъ слова: *се нынѣ?* Во-первыхъ, то, что животныя произошли не отъ него, а потомъ — то, что никогда не будетъ того, что совершилось теперь. Видишь ли, Адамъ пророчествуетъ и о будущемъ. Моисей, который не былъ съ Богомъ, когда Онъ творилъ все, также научился откровеніямъ отъ Духа Святого, какъ сынъ отъ отца,—тому, что онъ узналъ только спустя продолжительное время. Въ другомъ мѣстѣ говорится: *разумное бо Божіе явѣ есть въ нихъ* (Рим. I, 19), т. е., они (люди) могли знать Бога; *невидимая бо Его отъ созданія міра, твореньми помышляема, видима суть* (Рим. I, 20). Потомъ, во всѣ роды Богъ давалъ какой-либо знакъ своего ученія: во время потопа Онъ

обновилъ землю; во дни вавилонской башни сотворилъ нѣкоторое новое чудо; иныя подобныя чудеса творилъ во время гибели содомитянъ и во время Авраама; но наиболѣе дивное — во время Своего пришествія. Каинъ научился отъ своего отца, но пренебрегъ, такъ какъ былъ беззаконенъ, и онъ сознавалъ Бога не только Творцомъ, но, если угодно, судьей и даже мстителемъ. А его отецъ сознавалъ Бога Творцомъ, вездѣсущимъ, помощникомъ всѣхъ людей,—помимо этого, сознавалъ и то, что ничто не происходитъ случайно, но все—по распоряженію Божію, и что тотъ, кто исторгаетъ своего недруга изъ среды живыхъ, долженъ быть наказанъ. Смотри познаніе воскресенія: кровь умершаго вопіетъ болѣе, чѣмъ голосъ живущаго. Богъ подвергъ Каина наказаніямъ, чтобы кто-либо не сказалъ: я убилъ человѣка и ничего болѣе не боюсь. Онъ же показываетъ намъ, что должно бояться болѣе тогда, когда мы не боимся какого-либо врага, такъ какъ у насъ есть иной врагъ — Богъ. Никогда Богъ не оставлялъ міръ безъ какого-либо свидѣтельства.

И самъ Петръ говоритъ: *поистинѣ разумѣваю, яко не на лица зритъ Богъ: но во всякомъ языцѣ бояйся Его и дѣлаяй правду пріятенъ Ему есть* (Дѣян. x, 34—35). А въ другомъ мѣстѣ также сказано: *егда бо языцы, не имуще закона, естествомъ законная творятъ, сіи, закона не имуще, сами себѣ суть законъ* (Римл. II, 14). Онъ написалъ законы, а потомъ вновь оставилъ ихъ безъ зако- 275
новъ, чтобы ты не сказалъ: „Онъ чрезвычайно обременялъ меня". Вотъ, говоритъ, Я не буду болѣе твоею помощью; смотри, можешь ли ты самъ собою совершать добродѣтели? Но они не могли ничего сдѣлать сами собою, поэтому Я опять буду смотрѣть за ними и сохранять по Своему благоволенію.

Возрите на высоту очима вашима. То, что находилось на землѣ, не могло открыть тебѣ Творца, какъ ты думалъ; но ты не сообразилъ вотъ чего: *и исполнится славы Его вся земля* (Пс. LXXI, 19), и что сказано въ иномъ мѣстѣ: *милости Господни исполнь земля* (Пс. XXXII, 5). Если земля исполнена милости и славы, то почему Богъ повелѣваетъ имъ возвести очи на высоту? Они знаютъ, что небо лучше, нежели земля. Такъ какъ вы ничему не научились отъ земли, то смотрите, по крайней мѣрѣ, на небо: небо прекрасно, но земля необходима. Подобно тому, какъ отдѣльное тѣло сложено изъ многихъ членовъ, такъ и Богъ сотворилъ міръ; и то, что Павелъ говорилъ о единствѣ членовъ тѣла, должно понимать также и о всемъ мірѣ. Если Богъ далъ великую честь отдѣльному незначительному члену, то это Онъ сдѣлалъ для того, чтобы не происходило разногласій и раздоровъ въ тѣлѣ. Пусть земля отверженнѣе и презрѣннѣе, чѣмъ небо, однако, она

имѣетъ больше, чѣмъ то: она питаетъ всѣхъ, которые по ней ходятъ, и изъ нея происходятъ тѣла. Небо также имѣетъ весьма многое, оно даетъ намъ многое, благодаря солнцу, лунѣ и звѣздамъ. Но земля пренебрегается, потому что ее всегда топчутъ ногами. Если, говоритъ, вы взглянете на высоту, то вы поймете и то, что находится на землѣ. Впрочемъ, это не по обычаю язычниковъ, которые промышленіе и управленіе міра, да и то не цѣлостное, но несовершенное и исполненное раздоровъ, раздѣляли между 600-ми боговъ. Такимъ образомъ они говорятъ, что Церера владычествуетъ надъ землею, Нептунъ — надъ моремъ, Аэръ—надъ погодой, да и Церера, говорятъ, не одна только воздѣлывательница земли, но вмѣстѣ съ нею иныя отдѣльныя божества: Бахусъ — показатель виноградной лозы, Минерва — изобрѣтательница маслины, и иныя божества воздѣлыватели деревьевъ.

Но здѣсь нѣтъ ничего подобнаго. *Видите, кто сотвори сія вся*, и прибавляетъ: выводяй *по числу утварь свою, и вся по имени*
276 *прозоветъ*. Акила говоритъ: кто выводитъ по числу воинство ихъ. Симмахъ говоритъ: по счету; Ѳеодотіонъ: кто выведетъ по числу силы ихъ. Такимъ образомъ и Давидъ говоритъ: *исчитаяй множество звѣздъ и всѣмъ имъ имена нарицаяй* (Псал. CXLVI, 4), — показывая этимъ, что Богъ не только все сотворилъ, но и сохраняетъ все прочнымъ и устойчивымъ. На это же указываютъ и слѣдующія слова: выводяй *по числу утварь свою*. Пророкъ не сказалъ: кто выведетъ, но: кто выводитъ, — чтобы показать, что Онъ ихъ выводитъ всегда и постоянно. Потомъ онъ прибавляетъ слѣдующія слова: „кто творитъ чудеса и есть дивенъ", — чтобы ты всегда видѣлъ Его, всегда Ему удивлялся, Онъ показываетъ тебѣ одно ночью, а другое днемъ. Но скажутъ: всегда — одно и то же, и ничего не даетъ новаго и прекраснаго. Но не кажется ли тебѣ удивительнымъ то, что Онъ въ одномъ и томъ же показываетъ всегда многоразличный и прекрасный порядокъ? Если бы все между собою перемѣшалось, смѣшались бы зима и лѣто, то, какъ ты думаешь, совершалось ли бы все само собою? Но если дивный порядокъ всѣхъ вещей не побуждаетъ тебя къ познанію Бога, то какова же твоя тупость! Подобно тому, какъ торговцы предлагаютъ свои товары, такъ и Богъ предложилъ предъ тобою міръ, чтобы ты изъ видимыхъ вещей пріобрѣлъ вѣру въ Него.

Вся, говоритъ, *по имени прозоветъ*, т. е.: Его слову внемлетъ все. *Отъ многія славы* Твоея. Пророкъ не сказалъ: „отъ многаго знанія Твоего или премудрости", но только удивился славѣ Его, такъ какъ слава преимуществуетъ предъ мудростью. *Отъ многія славы* Твоея, говоритъ, такъ какъ и мы думаемъ, что слава находится во всѣхъ тѣхъ, кому мы удивляемся. Когда ты говоришь

о какомъ-либо царѣ, то, говоришь, ему присуща великая слава, хотя ты вполнѣ не можешь знать ни достоинства, ни красоты его, такъ какъ красота и достоинство и иное подобное заключаютъ въ себѣ нѣкоторую славу. Имя же славы ближе къ превосходству, чѣмъ остальныя названія, и можетъ заключать въ себѣ весьма многое. Велика, говоримъ, въ дивныхъ дѣлахъ слава: она такова, что мы не можемъ вообразить бóльшей. *И въ державѣ крѣпости своея.* Не только сказано: *въ крѣпости*, но также: *въ державѣ крѣпости. Ничтоже утаися отъ Тебе:* во первыхъ, по причинѣ при- 277
роды разума, а потомъ — по причинѣ ежедневно происходящихъ напоминаній, т. е. провидѣнія, и по причинѣ того, что относится къ премудрости Божіей. Не говори того, что я теперь говорю: ужели можетъ быть тобою познано это, когда ты нечестивъ? Богъ уже сначала разумѣлъ все, такъ какъ Онъ Творецъ и Испытатель сердецъ и Правитель всего существующаго. Такимъ образомъ, если творенія, которыя Онъ создалъ ради тебя, близки Его сердцу, по написанному: сотворилъ небо жилище (ср. Ис. XL, 22 [1]), и если Онъ небо сотворилъ жилищемъ, то — тѣмъ болѣе землю. Если, говоритъ Богъ, Я наблюдалъ за небомъ и землею, то тѣмъ болѣе за тобой, ради котораго все создано.

27. *Еда бо речеши, Іакове, и что глаголалъ еси, Исраилю? Утаися путь мой отъ Бога, и Богъ мой судъ отъя, и отступи.* Здѣсь, мнѣ кажется, Богъ хотѣлъ возстановить и подкрѣпить притѣсненныхъ и угнетенныхъ, которые столь продолжительное время были въ плѣну, говоря какъ бы такъ: Я не далекъ отъ тебя, не сокрыты отъ Меня твои пути, не отнялъ Я суда твоего, Я нахожусь близъ тебя, чтобы помочь тебѣ; придетъ, и уже есть, спасеніе твое; не были сокрыты отъ Меня пути твои, но грѣхи твои скрыли лицо Мое отъ тебя, и ради неправдъ твоихъ Я пренебрегалъ права твои. Когда іудеи говорили: *постихомся, и не увидѣлъ еси, смирихомъ души наша, и не увидѣлъ еси* (Ис. LVIII, 3), то Онъ зналъ и даже въ совершенствѣ зналъ о томъ, но презиралъ ихъ ради многихъ неправдъ. Потому Онъ говоритъ только о премудрости,—говоря какъ бы такъ: Онъ въ совершенствѣ все знаетъ и измѣряетъ, исчисляетъ и все называетъ по имени. Развѣ, говоритъ, Я не знаю и не могу искупить васъ? Конечно, все это Я знаю и все предвижу. Если Я измѣрилъ Своими руками небо, то тѣмъ болѣе Я провижу васъ; если Я сотворилъ землю ради васъ, какъ бы ничто, то развѣ Я не могу помочь вамъ? Я сотворилъ жителей ея, какъ саранчу, и князей ея, какъ не владѣющихъ ничѣмъ: могу ли Я Самъ нуждаться въ чемъ-

[1] И простеръ ее, яко скинію, обитати.

либо? Итакъ, *кому уподобите Мя?* Я не упрекалъ васъ за всесожженія ваши, такъ какъ и *дубрава Ливанова недовольна на сожженіе, а вся четвероногая недовольна на всесожженіе.* Ничего я не скрылъ отъ Тебя,—все Ты зналъ отъ начала.

278 28—31. *И нынѣ не разумѣлъ ли еси, ни ли слышалъ еси? Богъ вѣчный, Богъ устроивый концы земли.* Акила говоритъ: „творитъ концы земли"; Симмахъ говоритъ: „сотворилъ". Почему сказано: *и нынѣ не уразумѣлъ ли еси?* Потому что тебѣ должно было знать Бога или изъ самаго порядка вещей, или изъ того, что Я прежде повѣдалъ обо всемъ. Не говори: я научился этому отъ діаволовъ. Единому Богу свойственно быть вѣчнымъ и сотворить концы земли, а также и то, что слѣдуетъ далѣе: *не взалчетъ, ниже утрудится.* Акила говоритъ: „ослабѣетъ"; а Симмахъ говоритъ: „не утомился, не утрудился". Иные же переводчики думаютъ, что эти слова произнесены ради колебанія евреевъ. Извѣстно, что ангелы также не алчутъ и не утруждаются. Но ты прежде позналъ творческую силу Его,—премудрость и непостижимость существа Его изъ того, что Онъ все сотворилъ изъ ничего. *Ниже есть изобрѣтеніе премудрости Его.* Акила говоритъ: нѣтъ изслѣдованія; Симмахъ: нѣтъ мѣры премудрости Его; Ѳеодотіонъ: нѣтъ конца премудрости Его. Справедливо сказано: *даяй алчущимъ крѣпость*; а другіе переводчики: дающій ослабѣвшему силу. Богу свойственно не только то, что Онъ Самъ ни въ чемъ не нуждается, но и то, что Онъ раздѣляетъ между другими то, въ чемъ Самъ не нуждается. *И неболѣзненнымъ печаль.* Тѣ (еретики) нечестиво приписываютъ кокое-то зло Божественной природѣ, въ которой нѣтъ ничего злого, но Богъ каждому воздаетъ по Своему правому, достойному суду. Когда Онъ кого-либо мучитъ, то Онъ не гнѣвается, и когда наказываетъ, то Самъ не предается страсти, тогда какъ мы, мучая кого-либо, сами чахнемъ вслѣдствіе великаго гнѣва.

Взалчутъ бо юнѣйшіи, и утрудятся юноши и избранніи некрѣпцы будутъ. Видишь ли, Богъ ихъ мучилъ. *Терпящіи же Господа измѣнятъ крѣпость, окрылатѣютъ аки орли.* Это и совершается въ крещеніи, такъ какъ юнѣютъ и обновляются тѣ, кото-
279 рые достойны этого святого таинства. Говорится: *терпящіи.* Не видишь ли, какова и сколь велика добродѣтель терпѣнія? Потому никогда не должно падать духомъ, никогда — страшиться, оставлять надежду, въ какомъ бы положеніи ни находились дѣла, никогда не должно приходить въ смущеніе, но всегда быть твердымъ и переносить все терпѣливо. Здѣсь представляется также и примѣръ вѣры. Если происходитъ обновленіе съ орлами, то какое обновленіе произойдетъ съ людьми, когда они обновятся,

просвѣщенные крещеніемъ? *Потекутъ и не утрудятся, пойдутъ и не взалчутъ*. Не видишь ли ты, что съ той и другой стороны сіяетъ могущество Бога, какъ наказывающаго, такъ и спасающаго.

ГЛАВА XLI.

1. *Обновляйтеся ко мнѣ острови*. Акила говоритъ: „нѣмотствуйте“; Симмахъ: „молчите“. *Князи бо измѣнятъ крѣпость*. Справедливо сказано: *обновляйтеся ко мнѣ*, потому что обновленіе не можетъ совершиться инымъ образомъ, какъ только отъ Бога, по написанному: *приступите къ Нему и просвѣтитеся* (Пс. XXXIII, 6). Подобно тому, какъ просвѣщается приступающій къ солнцу, такъ и приступающій къ Богу весьма много просвѣщается. Обрати вниманіе, прошу, на образъ обновленія: посмотри на возрожденіе крещенія, которое открывается изъ обновленныхъ вещей. Иные переводчики здѣсь говорятъ: „молчите острова“, — что служитъ признакомъ призванія къ ученію. *Да приближатся, и да глаголютъ вкупѣ, тогда судъ да возвѣщаютъ*. Что значитъ: *судъ да возвѣщаютъ?* Производить судъ значитъ произносить сужденіе относительно того, что было сказано. Здѣсь прежде возвѣщается будущее. Если бы я сказалъ что-либо, а самъ не могъ исполнить этого, тогда я былъ бы безсильнымъ подобно идоламъ. Потому законно и праведно сказано: *тогда да возвѣщаютъ*, т. е., когда Я все совершу. 280

2—3. *Кто возстави отъ востокъ правду?* Нѣкоторые понимаютъ эти слова о Кирѣ, другіе—о Зоровавелѣ, а иные переводчики говорятъ: кто возбудилъ съ востока праведнаго? Это мщеніе возбуждено съ востока. Ужели, говоритъ, изъ моего города? Никакъ, изъ чужой страны и варварской земли. Такимъ образомъ, не только никто изъ обитателей, но и ни одинъ изъ Моихъ служителей не проклинаетъ Меня. Изъ этого открывается не только милосердіе Божіе, но и сила Его. Весьма хорошо сказано: *возстави*, а не „сотворилъ“. Онъ тогда же все могъ совершить и 281
на послѣдующее время, возможность этого напередъ была, но, по причинѣ ихъ неправдъ, Онъ медлилъ. Такимъ образомъ, пророкъ обозначаетъ и скорость его, когда говоритъ: *и призва ю къ ногамъ своимъ и пойдетъ*, — т. е., не будетъ никакого препятствія и затрудненія. *Дастъ предъ языки и цари ужаситъ*. Я, говоритъ, никогда не отказываюсь призывать непріятелей во свидѣтели совершенныхъ дѣлъ, чтобы происходило и исполнялось все такъ, чтобы удивлялись и сами непріятели. *И повержетъ на землю мечи ихъ*,

и аки стебліе отвержены луцы ихъ. И проженетъ я, и пойдетъ съ миромъ путь ногъ его. Видишь ли, онъ говоритъ о праведникѣ, возбужденномъ съ востока; по переводу LXX, онъ говоритъ о народѣ, для котораго никто не будетъ служить препятствіемъ.

4. *Кто содѣла, и сотвори сія? Призва ю призываяй ю отъ начала родовъ.* Богу обычно въ томъ случаѣ, когда совершена какая-либо несправедливость, вспоминать о прежнихъ событіяхъ. Какія же, ты думаешь, здѣсь разумѣются событія? Событія съ египтянами, во время Авраама, гибели Содома и потопа. Не видишь ли ты, что Онъ одинаково требуетъ мщенія, какъ по отношенію къ своимъ, такъ и къ чужимъ? Чтобы сохранить правду цѣлою и неповрежденною и чтобы не погибло право, Богъ избираетъ какъ своихъ, такъ и чужихъ, судя по грѣхамъ, или по праведности ихъ. И когда Онъ иной разъ упоминаетъ о дѣлахъ предковъ, говоря: „ради Авраама избралъ я васъ", то Онъ желаетъ показать этимъ не что иное, какъ то, чтобы они отложили свою гордость, и чтобы не приписывали праведности себѣ самимъ, а Богу. *Азъ Богъ первый, и въ грядущая Азъ есмь.* Очевидно, не было никого прежде Него и никого не будетъ послѣ Него. Богу особенно свойственно то, что никого не было прежде Его, и никого не будетъ послѣ Него, т. е., Онъ не имѣетъ начала и вѣченъ,—это свойственно только безсмертной вѣчности.

5—7. *Видѣша языцы и убояшася, концы земніи изумишася, приближишася и пріидоша. Судяй кійждо ближнему своему и брату своему помощи.* Въ раньше сказанныхъ словахъ открывается возвращеніе изъ плѣна, а потомъ дается осмѣяніе идоловъ. Хотя они (языцы) собираютъ своя силы и доставляютъ помощь во время войнъ, однако надежда ихъ тщетна, такъ какъ ихъ идолы суть деревянные, а потому они не найдутъ у нихъ никакой помощи.

282 8—9. *Ты же, Израилю, рабе Мой, Іакове, его же избрахъ.* Здѣсь дается имъ нѣкоторое утѣшеніе,—именно, что они не таковы, какъ тѣ, которые возлагаютъ свою надежду на идоловъ, потому что надеждой ихъ служитъ Богъ, а не идолы. Именами предковъ—Израиля и Іакова—Богъ утѣшаетъ ихъ. Смотри на сильную помощь! *Рабе Мой, его же избрахъ, сѣмя Авраамле, его же возлюбихъ:* Богъ говоритъ такимъ образомъ для того, чтобы они не являли себя надменными относительно Его. Я, говоритъ, Авраама возлюбилъ. Но какая имъ отъ этого польза? Чтобы они ревновали и подражали его добродѣтели. Знакомъ любви служитъ и то, что говоритъ Онъ далѣе: *ему же помогохъ, (пояхъ) отъ конецъ земли, и отъ* дальнихъ *призвахъ тя,*—т. е., изъ среды князей. Пусть не говорятъ: въ то время, когда мы находились въ своей

странѣ и существовалъ храмъ, въ которомъ совершалось истинное богопочитаніе, тогда Богъ предалъ насъ непріятелямъ, а теперь призываетъ насъ изъ чужой страны. Это ли, говоритъ, мы узнаемъ? Конечно,—Онъ сказалъ, и это будетъ. Ничто подобное никогда не совершалось во время вашихъ предковъ. Я помогъ ему (Іакову) въ то время, когда онъ находился въ странѣ персовъ, гдѣ, хотя онъ не былъ плѣнникомъ, однако подвергался весьма тяжкимъ притѣсненіямъ. Зная будущее, какъ настоящее, Я сказалъ ему: *рабъ Мой еси*. Ничто не сравнится съ такою знатностію! *Рабъ Мой*, говоритъ, *егоже избрахъ*. Не ради серебра избралъ Я тебя, говоритъ, какъ это бываетъ у насъ. Что избирается, то бываетъ болѣе превосходнымъ: избирающій имѣетъ бóльшую заботу объ избираемомъ. Прочіе народы, говоритъ, Я презрѣлъ, и тебя одного избралъ.

10—14. *Не бойся*, говоритъ, *съ тобою бо есмь*. Это — великое утѣшеніе. *Не прельщай, Азъ бо есмь Богъ твой*, утѣшивый *тя, и помогохъ ти, и сохраних тя*. Господь напоминаетъ о прошедшихъ благодѣяніяхъ: развѣ у тебя не мало примѣровъ прежняго благоволенія? Самъ Давидъ говоритъ: *еда во вѣки отринетъ Господь, и не приложитъ благоволити паки* (Пс. LXXVI, 8)?

И утвердихъ тя десницею Моею праведною. Развѣ Я помогалъ тебѣ незаслуженно, когда ты—Мой рабъ? Никакъ, но—по справедливости. Это—дѣло Моей вѣрной десницы, чтобы никогда не презирать тѣхъ, которые подвергаются наказаніямъ и муче- 283
ніямъ, такъ что и вы воспользуетесь Моею совершенной помощью, поелику десница Моя справедлива.

Се постыдятся и посрамятся вси сопротивляющіися тебѣ, будутъ бо яко не сущіи, погибнутъ вси соперницы твои, яко Азъ Господь Богъ твой, держай руку твою. Хотя дни твои коротки, и ты червь, однако сознавай величайшую помощь Божію. Не смотри на наступающія бѣдствія, но уразумѣвай всемогущую силу.

Се сотворихъ тя аки колесницу, стирающую, новую, имущую колеса зубчатая. Другіе же говорятъ: снабженныя остріями. *Сотреши горы, и истончиши холмы*. Но ужели горы и холмы могутъ быть стерты? Пророкъ обозначаетъ множество воиновъ. *Ты же возвеселишися о Господѣ;* другіе говорятъ: „возрадуешься въ Господѣ“. Что значитъ радоваться въ Господѣ? Не что иное, какъ—не радоваться ни богатствамъ, ни побѣдамъ, но благости Божіей; самъ Богъ былъ тебѣ помощью. *Возрадуются убозіи и неимущіи: поищутъ бо воды, и не будетъ*. Слова: *поищутъ бо воды, и не будетъ* могутъ быть поняты и такимъ образомъ: бѣдные искали воды, но для нихъ ея не было. *Языкъ ихъ отъ жажди изсше. И не оставлю ихъ, но отверзу на горахъ рѣки, и среди полей источники; сотворю пу-*

стыню въ луги водныя, и жаждущую землю въ водотечи. Положу въ пустыню кедръ, и смерчіе, и мирсину, сосну, вязъ и букъ, *да узрятъ, и уразумѣютъ, яко рука Господня сотвори сія вся.* Не видишь ли, каково попеченіе Божіе, которое не только даруетъ блага, но также открываетъ, что Онъ есть податель, чтобы не думали, что эти благодѣянія произошли по случаю, или отъ человѣческаго усердія, но знали, что они произошли отъ Божественнаго промышленія и управленія? Человѣку свойственно подвергаться наказаніямъ и притѣсненіямъ, а потомъ получать блага; Богу же свойственно разумѣть причину того и другого.

20—22. *Приближается судъ вашъ, глаголетъ Господь Богъ: приближишася совѣти ваши* (т. е. порицаніе идоловъ), *глаголетъ царь Іаковль. Да приближатся, и возвѣстятъ вамъ, яже сбудутся, или яже прежде быша, рцыте: и приставимъ умъ, и уразумѣемъ,*
284 *что суть прежняя, что средняя и что суть новѣйшая.* Такъ какъ вы въ отведеніи іудеевъ въ плѣнъ полагали побѣду идоловъ, то, говоритъ, Я теперь буду судить васъ. Пришелъ конецъ, такъ какъ Я желаю навести наказанія, о которыхъ впрочемъ Я предвозвѣстилъ прежде ихъ совершенія. Идолы же не смѣютъ даже подступиться къ вамъ. Почему же? Потому что они неподвижны; они не только не могутъ предсказать того, что будетъ, но не могутъ даже двигаться. Я же не только возвѣстилъ сначала, но показалъ и путь, которымъ могло все это произойти. Итакъ, смотрите на прежнее. Если вы не можете разсказать объ этомъ, то кто можетъ повѣрить вамъ относительно будущаго? Идоламъ не свойственно возвѣщать будущее, ни также демонамъ, которые создали идоловъ. Только Богъ, Который предвозвѣщаетъ, можетъ исполнить предвозвѣщенное. Теперь же, для того, чтобы служители идоловъ покрылись стыдомъ и позоромъ, Онъ подвергаетъ идоловъ и демоновъ наказаніямъ.

23—27. *Возвѣстите намъ прежняя и грядущая, и увѣмы, яко бози есте: благо сотворите и зло сотворите*, аще возможете, *и почудимся, и узримъ, откуду есте вы, и откуду есть дѣло ваше. Отъ земли мерзость избраша васъ.* Эти слова имѣютъ двоякій смыслъ, такъ какъ они означаютъ какъ предвидѣніе, такъ благодѣяніе и наказаніе, которыя суть дѣла одного Бога, а не демоновъ.

Но ужели, скажутъ, діаволы не могутъ сдѣлать этого? Своею силою—отнюдь нѣтъ, но только по попущенію Божію могутъ сдѣлать кое-что. Но если Богъ позволитъ, то и я тогда смогу сдѣлать кое-что. По какой же причинѣ ты удивляешься тому, что діаволъ безъ силы Божіей не можетъ никогда повредить людямъ, когда онъ не могъ повредить даже свиньямъ и собакамъ, какъ мы знаемъ изъ евангелія и изъ исторіи Іова?

Откуду есте вы, и откуду дѣло ваше? Отъ земли мерзость избраша васъ. Почему такъ сказано? Потому, что достаточно знать, „откуда вы“; нѣтъ нужды ни въ сужденіи, ни въ избраніи. Вы произошли отъ земли, но вы стали нечистыми не ради земли, а потомъ стали нечистыми; по природѣ же вы не были презрѣнны. Обнаруживая слабость ихъ, Богъ вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ свою силу: *Азъ же*, говоритъ, *возставихъ отъ сѣвера* ассиріянъ *и отъ востока солнца* вавилонянъ, *прозовутся именемъ Моимъ: да пріидутъ князи, и яко бреніе скудельника попрани будутъ*, т. е. 285
во время возвращенія изъ плѣна, не желающіе удаленія ихъ изъ Вавилона. *Кто возвѣститъ, яже исперва, да увѣмы, яже напреди, да речемъ:* Истиненъ *есть*. Если вы не возвѣщаете сначала, то для васъ невозможно возвѣстить и потомъ, такъ какъ вы не понимаете даже сказаннаго другими. Но иной можетъ сказать: почему ты, пророкъ, говоришь все это объ изображеніяхъ, и весьма мало обращаешь вниманіе на силы, пребывающія въ нихъ: хотя бы они и возвѣщали сначала, однако, они никогда не дѣлаютъ ничего добраго. Они, будучи сдѣланы изъ глины и дерева, какъ бы руководятъ людей къ кроющимся въ нихъ силамъ. Между тѣмъ, пророкъ разсуждаетъ только о матеріи,—не иначе, какъ разсуждаютъ отроки, которые бѣгаютъ полные стыда. Что должно сказать теперь на это? Прежде всего, знаніе безтѣлеснаго относится къ позднѣйшему времени, тогда какъ всѣ древніе почитали только изображенія. И пока не были подвергнуты порицанію нѣмыя изображенія, никто не заботился познавать сокрытыя въ нихъ силы. По этой причинѣ пророкъ и обращается къ изображеніямъ, которыя считали за боговъ, и весьма часто укоряетъ ихъ, говоря: *да приближатся и возвѣстятъ*. Но если бы нужно было обратиться съ рѣчью къ демонамъ, то изъ того, что выше было сказано, мы не сомнѣваемся утверждать то же самое. Іудеи почитали демоновъ, и вслѣдствіе служенія имъ приносили въ жертву сыновей и закалали дочерей. Они были до того преступны, что не щадили даже жизни дѣтей, оставили Бога, отца, благодѣтеля и милосердаго, который различнымъ образомъ заботился объ нихъ и помогалъ имъ, почитали и служили вреднымъ демонамъ, но не Богу— подателю даровъ. Посмотримъ же, помогли ли имъ демоны, которыхъ они почитали гораздо болѣе, чѣмъ Бога. Конечно, — никогда. Они даже предали ихъ, и не могли избавить ихъ отъ наказаній и мученій. Они не помогали имъ не только въ чужой странѣ, но даже и дома. Они не возвѣстили „сначала“ и старались представлять лживымъ то, что возвѣстили сами пророки.

Вотъ, я разскажу нѣчто изъ языческой исторіи. Когда-то возгорѣлась война противъ греческой страны, и персы, совершивъ

вторженіе, овладѣли весьма многими городами. Можетъ быть, ты скажешь, что въ то время демоны освободили грековъ отъ непріятелей? Но, въ такомъ случаѣ, ты будешь разсказывать
286 басни и передавать человѣческія бредни: они были освобождены не вслѣдствіе какого-либо демонскаго явленія, но по совѣту Ѳемистокла, который позаботился устроить флотъ. Такимъ образомъ, онъ спасъ своихъ согражданъ, однако городъ былъ сожженъ. Не такъ поступилъ Господь нашъ Богъ, Который въ одно мгновеніе истребилъ 180 тысячъ мужей. Сами жрецы идоловъ не имъ приписывали вину, такъ какъ они были небрежными относительно идоловъ въ храмахъ, и обвиняли ихъ въ томъ, что взаимно враждовали между собою, впрочемъ не изъ-за лѣности относительно идоловъ, а по своей жадности, такъ что они между собою дрались и рѣзались. Итакъ, почему они сначала не возвѣстили о пришествіи Христа? Да и теперь, почему они ничего не возвѣщаютъ сначала, но глухо таятъ всѣ гаданія и предсказанія будущаго? Развѣ нѣтъ болѣе идольскихъ жрецовъ, провѣщателей, авгуровъ и неистовыхъ? Даже очень много. Но имъ ли благодаря мы всегда избавлены отъ всего дурного, и проводимъ еще мирную жизнь? Нѣтъ у насъ ни сраженій, нѣтъ ни борьбы,—ничего подобнаго. Намъ не нужны предсказанія, такъ какъ Богъ далъ намъ такой образъ жизни, что мы можемъ проводить спокойную жизнь и безъ предсказанія. Извѣстно, что пророчества людямъ были по особому благоволенію Божію. Какая нужда въ предсказаніяхъ, когда мы живемъ спокойно и свято? У васъ же (идолослужителей) не было ничего подобнаго.

Начало Сіону дамъ, **т. е.: какъ они были сначала, такъ же будутъ и во время возвращенія.** ***И Іерусалима утѣшу на пути. Отъ языкъ бо, се ни единъ.*** **Такъ какъ никто изъ нихъ никогда не утѣшилъ его (Іерусалимъ), то поэтому Я дозволилъ ему дойти до такого состоянія, чтобы онъ позналъ слабость идоловъ тѣхъ языковъ. Какъ же ты здѣсь предо Мною молишься идоламъ? Возвратись туда и молись тамъ, потомъ ты поймешь, могутъ ли они что-либо, или нѣтъ. Возвратись, молись сообразно съ почитаніемъ и религіей ихъ, и потомъ ты испытаешь безсиліе ихъ.**

ГЛАВА XLII.

287 1. *Іаковъ отрокъ Мой, воспріиму и: Исраиль избранный Мой, пріятъ его душа Моя.* Какъ Давидъ весьма часто сопоставляетъ Христа и Соломона и хотя, кажется, говоритъ о Соломонѣ,

однако концомъ его пророчества является Христосъ, такъ и здѣсь Богъ, говоря: *Іаковъ и Израиль*, ведетъ рѣчь о Сынѣ. Это нисколько не удивительно: если люди называются богами и сынами Божіими, то и Богъ—Сынъ Божій называется человѣкомъ и Сыномъ человѣческимъ. Хотя имена такого рода скрываютъ пророчества, какъ бы нѣчто сокровенное, однако намъ должна быть извѣстна истина ихъ. По той причинѣ, что Христосъ имѣлъ родиться изъ рода іудейскаго, Богъ въ этихъ именахъ то скрываетъ, то открываетъ Его. Слово: *воспріиму* должно понимать относительно Его человѣчества, а не божества, такъ какъ божество не нуждается ни въ чемъ. Точно также то, что Онъ подкрѣпляется ангеломъ, должно понимать не по божеству, но по человѣчеству: Тотъ, Кому принадлежитъ все, какимъ образомъ могъ нуждаться въ помощи раба, по написанному: *вся Тѣмъ быша* (Іоан. I, 3)? Если чрезъ Него все сотворено и утверждено, то какимъ образомъ Онъ укрѣплялся ангеломъ?

Дахъ, говоритъ, *духъ Мой нань*. Это—знакъ величайшей благодати Божіей, которая чрезъ Него излилась на насъ, по словамъ апостола: *любы Божія изліяся въ сердца наша* (Рим. V, 5). Прежде очищенія душъ, невозможно пріятіе такихъ даровъ. Онъ, только для примѣра пріявшій Св. Духа, въ Которомъ Онъ не нуждался, чтобы стать совершеннымъ человѣкомъ, желаетъ, 288
чтобы также и всѣ были святыми, сдѣлались достойными храмами и жилищами Духа Святаго.

Судъ языкомъ возвѣститъ. Эти слова нуждаются въ объясненіи. Нравы древнихъ были срамными и преступными: сыновья безчинствовали со своими матерями, дочери съ отцами; одни другихъ убивали, были истребляемы руками своихъ же родственниковъ, показывали звѣрскій нравъ,—даже болѣе свирѣпый, чѣмъ у звѣрей. Но теперь не такъ: овцы и волки покоятся вмѣстѣ, барсъ возлежитъ вмѣстѣ съ козленкомъ, по написанному: *отъ Сіона бо изыдетъ законъ, и слово Господне отъ Іерусалима* (Ис. II, 3).

Судъ языкомъ возвѣститъ,—т. е., Онъ осудитъ ихъ религіи. Совершились два чуда: отступили отъ зла, и возвратились къ честной жизни. Іудеи, хотя имѣли всегда предъ глазами законъ, по своей извращенности, отступили отъ истины; напротивъ, язычники, хотя были грубѣе грубыхъ животныхъ, обнаружили превосходнѣйшія добродѣтели. Справедливо сказано: *возвѣститъ*, а не: совершитъ, такъ какъ Онъ пришелъ возвѣстить то, что было суждено, но сокрыто раньше, по написанному: се *изыде сѣяй сѣяти* (Лук. VIII, 5). Онъ принесъ и распространилъ какъ бы превосходнѣйшій даръ изъ отеческаго сокровища,—небесную религію, которая почитала и проповѣдывала истиннаго Бога, ко-

торая драгоцѣннѣе и золота, и всѣхъ жемчужинъ, вѣнцовъ и пурпуровъ царскихъ. Онъ обѣщалъ намъ вѣнецъ царства небеснаго, показалъ намъ послѣдній судъ и наложилъ на наши души страхъ суда, какъ бы узду; наши души украсилъ различными и многими добродѣтелями, а нечестіе и страстные порывы, которые насъ мучили, совершенно истребилъ. Вотъ каковыя и сколь великія блага даровалъ Онъ! Онъ велъ рѣчь не только о будущей судьбѣ, но возвѣщалъ также и настоящее, когда сказалъ о башнѣ, упавшей и избившей многихъ, а также и о Пилатѣ, который смѣшалъ кровь съ жертвами. Не молчалъ Онъ о будущемъ въ ветхомъ завѣтѣ, не сокрылъ ближайшаго и въ новомъ, но показалъ, что каждому законодательству присуща своя сила.

289 2—3. *Не возопіетъ ниже ослабитъ*. Этими словами пророкъ показываетъ Его кротость. Не съ насиліемъ и властностью, но со скромностью и спокойствіемъ приметъ Онъ всѣ добродѣтели. Зачѣмъ было кричать Тому, Кто училъ этимъ добродѣтелямъ? Какія замѣшательства не происходили изъ тѣхъ религій, которыя люди измыслили себѣ по гордости! Онъ же—не такъ, но все совершилъ спокойно и безъ торопливости.

Трости сокрушены не сотретъ. Именно то особенно удивительно, что Онъ воздѣлалъ столь многія и столь великія добродѣтели такъ мирно, что никому не былъ въ тягость. Въ то время, когда Онъ проповѣдывалъ столь важные и строгіе нравы, никогда никто не тяготился, и не отвращалъ лица своего отъ Него. Обрати, пожалуйста, вниманіе на то, какова сила скромности! Среди кого, однако, все это совершилось? Среди іудеевъ, потому что они были надломленною тростью. Какіе раздоры, какія убійства совершались послѣ ихъ возвращенія! Рѣки наполнялись кровью, горы покрывались трупами! Религія пребываетъ твердою и устойчивою тогда, когда на жизнь людей не налагается никакая сила и никакое острое и тяжкое правило; порядокъ устанавливается тогда, когда совершенно отсутствуетъ разногласіе.

И льна курящася не угаситъ. А другіе переводчики говорятъ: „и льна тонкаго не угаситъ". Нѣкоторые подъ льномъ разумѣли законы, а подъ тростникомъ народъ.

Но во истину изнесетъ судъ. Почему говорится: *во истину?* Чтобы показать и обличить человѣческую ложь. Они не только отвергали истину, но были исполнены всякихъ страстей и суетности. До того времени никто никогда не упражнялся въ истинѣ, но всѣ слѣдовали тщетному и пустому. Впрочемъ, здѣсь можно понимать и нѣчто другое—суды и наказанія, по написанному: *нынѣ судъ есть міру сему, нынѣ князь міра сего изнанъ будетъ вонъ, и Азъ вознесенъ буду* (Іоан. XII, 31—32). Происходитъ великій

судъ, его желаетъ самъ Богъ. Если бы кто и не пожелалъ, то таковой не устоитъ противъ Него, какъ нѣкто мудро сказалъ: *кто речетъ, что сотворилъ еси* (Прем. Сол. XII, 12)? Итакъ, хотя Онъ, 290
будучи Богомъ, былъ выше всего, однако Онъ отвѣчалъ скромно и кротко, и воздавалъ судъ не только намъ, но и преступному демону, чтобы кто-либо не сказалъ, что тотъ былъ осужденъ несправедливо. Смерть по праву и по заслугамъ подчинила своей власти людей, потому что они согрѣшили и являлись виновными, какъ и самъ Христосъ говоритъ: *нынѣ судъ есть міру* (Іоан. XII, 31), т. е. мщеніе человѣческой природѣ. Всѣ считались виновными и повинными грѣху. Но какимъ образомъ ты, діаволъ, осмѣлился причинить насиліе Сыну Божію, иже грѣха *не сотвори, ниже обрѣтеся лесть въ устѣхъ Его* (Ис. LIII, 9)? На какомъ основаніи ты, діаволъ, побудилъ людей къ тому, чтобы они подвергли Его казни? А чтобы ты (человѣкъ) считалъ побудителемъ именно его (діавола), для этого выслушай: *діаволу уже вложившу въ сердце Іудѣ Симонову Искаріотскому, да Его предастъ* (Іоан. XIII, 2). Самъ діаволъ побудилъ, самъ зачалъ преступленіе, чтобы привести ихъ къ убійству Христа Бога. Если бы, діаволъ, кто спросилъ и сталъ вывѣдывать у тебя: зачѣмъ ты убилъ Его, какую вину нашелъ въ Немъ?— То ты только одинъ былъ бы осужденъ и понесъ наказаніе, а прочіе были бы цѣлы. Мщеніе міру уже совершено, — невинный умеръ, какъ нечестивый, для того, чтобы оживотворить умершихъ, подверженныхъ казни смертной.

4. *Но во истину изнесетъ судъ*. Не безполезно и не тщетно говорилъ Онъ о судѣ, но правильно: *во истину изнесетъ*. Человѣческій судъ никогда не совершается по истинѣ, не только потому, что не соблюдаются права, но и потому, что если бы судья и не былъ подкупленъ деньгами или подарками, если бы былъ свободенъ отъ гнѣва и доброжелательства, то часто самыя обстоятельства безсильны открыть истину: или случается какое-либо недоразумѣніе, или не бываетъ на лицо вѣрныхъ свидѣтелей. Но истиненъ только тотъ судъ, въ которомъ Богъ, судящій все справедливо, назираетъ все сокровенное нашего сердца. Такъ какъ Онъ разумѣетъ все, то Онъ не произнесетъ суда по какимъ-либо душевнымъ замѣшательствамъ, по ненависти или почему-либо иному. Только въ такомъ судѣ присутствуетъ истина, такъ что сами преступники и виновные сознаются, что они осуждены по праву. 291
Что истиннѣе этого суда? Никому изъ васъ не тайна, что преступники никогда не желаютъ сознаваться въ своей винѣ, но стараются ее скрыть. Ничего подобнаго—на томъ судѣ, но они сами произносятъ рѣшеніе относительно себя самихъ. Даже и въ этомъ мірѣ совершались подобныя вещи,—съ царемъ Давидомъ, который

говоритъ: *се азъ есмь согрѣшивый, азъ есмь пастырь зло сотворивый, а сіи овцы что сотвориша* (2 Цар. XXIV, 17)? Не говори, что онъ побуждаемъ былъ сказать это наказаніемъ,—подобно тому, какъ тѣ, которые подверглись пыткамъ и не знаютъ, что они виновны, но подъ вліяніемъ ударовъ выдаютъ себя за согрѣшившихъ. Не такъ тотъ праведникъ: въ то время, когда остальные подверглись наказанію, когда онъ одинъ былъ свободенъ отъ наказанія, онъ принималъ на себя наказаніе,—говоря: *азъ есмь пастырь зло сотворивый*. Каинъ же говорилъ: *вящшая вина моя, еже оставитися ми* (Быт. IV, 13), и это прежде, чѣмъ претерпѣлъ наказаніе. А Адамъ скрылся, чтобы скрываясь сдѣлать свое преступленіе открытымъ и явнымъ. Желаешь ли ты видѣть подобныя вещи и въ гееннѣ? Когда богатый услышалъ, *яко воспріялъ благая* (Лук. XVI, 25), то онъ не противился и не просилъ извиненія. Пусть никто не говоритъ, что это сдѣлалъ страхъ судіи,—мы знаемъ, что иные отвѣчаютъ смѣло и противорѣчатъ даже на судѣ. Развѣ не было также судіи? Обрати вниманіе на то, какъ удержавшій одинъ талантъ отвѣчаетъ: *я зналъ*, говоритъ, *яко человѣкъ яръ еси* (Лук. XIX, 21). О, кротость! О, спокойствіе Судіи! Какія Онъ перенесъ слова: *я зналъ*, говоритъ, *яко человѣкъ яръ еси*. Какого судью не воспламенили бы эти слова, но только не Его? Въ другомъ мѣстѣ Онъ говоритъ, какъ бы указывая на причину: *людіе Мои, что сотворихъ вамъ, или чимъ оскорбихъ васъ, или чимъ стужихъ вамъ, отвѣщайте Ми* (Мих. VI, 3)? Въ иномъ мѣстѣ Онъ также спрашиваетъ не о новомъ, а о прошедшемъ: *кое обрѣтоша отцы ваши во Мнѣ погрѣшеніе* (Іер. II, 5)? Справедливо и по заслугамъ обвиняя Іону, Онъ говоритъ: *ты оскорбился еси о тыквѣ, о нейже не трудился еси. Азъ же не пощажду ли Ниневіи, града великаго, въ немъ же живутъ множайшіи неже дванадесять темъ человѣкъ* (Іон. IV, 10, 11)? Ужели ты не разумѣешь, что Онъ вездѣ указываетъ намъ причину? Онъ не считалъ недостойнымъ
292 указать причину даже тогда, когда говоритъ съ діаволомъ: *внялъ ли еси*, говоритъ, *на раба Моего Іова, зане нѣсть яко онъ на земли? Онъ есть человѣкъ непороченъ, истиненъ, богочестивъ* (Іов. I, 8). Намъ должно обратить вниманіе также на тѣхъ, которыхъ Онъ повелѣваетъ низвергнуть въ геенну. Прежде сядетъ судъ, а потомъ будетъ произнесено наказаніе, такъ что они подвергаются наказаніямъ тогда, когда ничего не могутъ сказать противъ него: подобно тому, какъ совершилось съ неимѣющимъ брачной одежды, такъ будетъ и съ тѣми, которые не доставили Ему брашна, и съ тѣми, которые совершили что-либо подобное (преступное). Онъ произнесетъ судъ не необдуманно, но послѣ того, какъ все будетъ собрано въ одно мѣсто, и объявитъ подлежащимъ наказанію съ

великой кротостью о мученіяхъ, которымъ каждый ихъ нихъ подвергнется за свои вины по закону и справедливости.

Возсіяетъ и не потухнетъ. Полагали, что крестъ будетъ препятствіемъ проповѣди. Потому хорошо сказано: *возсіяетъ*; крестъ, который надѣялись упразднить въ скоромъ времени, *возсіяетъ* величественно.

Дондеже положитъ на земли судъ и на имя Его уповати языцы имутъ. Видишь ли пользу будущаго суда? Когда проповѣдь о послѣднемъ судѣ раздалась по землѣ, то ни повелѣніе царей, ни угрозы судей, ни тернія, ни мученіе, ни смерть, ни какое-либо лукавство не могли затруднить ея, но она была причиной того, что были установлены справедливые законы во вселенной. Хотя и теперь существуютъ идолослужители, однако, пользуясь всѣмъ этимъ, они воздаютъ благодарность христіанамъ, если не ради религіи,которая приводитъ къ познанію Бога, то ради справедливыхъ законовъ, которые измѣнили ихъ извращенные нравы къ лучшему, и очистили землю отъ пороковъ. Если бы христіанская религія была искоренена, то совершенный миръ окончательно разрушился бы. Сколько прекратилось грѣховъ! Не говори: по какой причинѣ не искоренены окончательно всѣ пороки? Развѣ ты не видишь, что теперь они гораздо меньше по своей силѣ и дѣйствіямъ? Сколько и какія чрезмѣрныя пріостановлены прелюбодѣянія! Какъ безчеловѣчны были люди до того времени! Какимъ они подвергались несчастіямъ! Я не говорю, что ты знаешь объ, этомъ изъ писаній, но ты можешь узнать отъ самихъ историковъ которые сообщили столько разсказовъ объ этомъ. Какіе были го- 293
лода, пагубныя эпидеміи и землетрясенія! Воровствомъ даже хвалились: если кто-либо оказывался воромъ, то его только розыскивали, и послѣ того онъ не получалъ никакого безславія. Ты слышалъ, конечно, что Меркурій, славный изъ боговъ, былъ воръ, Венера — блудница. Свидѣтелями такого порядка вещей служатъ также празднества, которыя праздновались. Въ честь ихъ даже въ послѣднія времена флейтисты слагаютъ стихотворенія. Не такъ — у насъ; не о Богѣ, да не будетъ, но даже о друзьяхъ Божіихъ ничего такого не разсказывается. Но если ты желаешь знать, какова была у древнихъ сила страстей, то ты спроси у идолослужителей и научись у нихъ. И еще теперь находятся маги, и демоны, и бѣсноватые между идослужителями, между арабами и персами. Богъ по той причинѣ оставилъ хотя нѣкоторую часть идолопоклонницеской закваски, чтобы она служила стыдомъ для идолослужителей. И въ настоящее время, въ праздничные дни, они покрываютъ лицо дырявыми одеждами и оставляютъ ротъ для заклинанія; питаются безъ всякаго отвра-

щенія собачьимъ мясомъ; а когда приходитъ демонъ, то онъ простираетъ безумнаго, съ всклокоченными волосами, котораго побуждаетъ говорить неслыханное и невозможное. Совсѣмъ не такъ у насъ, гдѣ отсутствуютъ таковыя безчинства язычниковъ. Зачѣмъ я вспоминаю объ этомъ, когда мы знаемъ, что люди, одѣтые въ женское платье, шатаются по всему городу, предаваясь распутству? Что позорнѣе такого безславія? Смотри на злого демона: хотя онъ согрѣшилъ и палъ до такой степени съ самаго начала, однако, онъ и доселѣ старается сохранить нѣкоторый слѣдъ своей злобы. Въ древнее время безуміе было таково, что думали превращать людей въ существа съ собачьимъ лицомъ, измѣняли слова и языкъ; а если бы ты изъ-за голоса не повѣрилъ, что это собака, то говорили: вѣрь тому, что это собака, изъ-за пищи. Человѣкъ, пожалуй, можетъ издавать собачій голосъ, но какъ онъ можетъ принимать собачью пищу? Но заклинатели, казалось, могли измѣнить природу у совращенныхъ; а тѣ не понимали, что въ человѣческомъ тѣлѣ находится какой-либо демонъ, который показывалъ собачье лицо, подражалъ собачьему голосу, питаясь исключительно только собачьей пищей. Но Богъ нашъ совершенно запретилъ такое распутство. Тогда именно и исполнилось: *на имя Его языцы уповати будутъ*, т. е., на имя Христа. Видишь ли, что такія вещи происходили у язычниковъ. Какъ же не повѣрить намъ въ Того, Кто простилъ намъ такіе нравы.

294 Что значитъ: *на имя Его уповати будутъ?* Въ то время только одно имя будетъ дѣлать то, что дѣлалъ Онъ Самъ. Когда ты призовешь Христа и обратятся въ бѣгство демоны, то какъ же ты не повѣришь въ Его имя? Не слѣдуетъ думать, что Онъ показываетъ удивительное только относительно настоящаго. Онъ также даровалъ прочимъ залогъ безсмертной жизни тѣмъ же образомъ, какимъ явилъ намъ чудесное.

5. *Тако глаголетъ Господь Богъ, сотворивый небо и водрузивый е.* Иные говорятъ: кто, утверждаетъ своды; Симмахъ говоритъ: кто утвердилъ. Что значитъ: *водрузивый?* Можетъ быть, Онъ образовалъ какое-либо вещество? Кажется, что этимъ обозначается нѣчто подобное. Въ верхней части Онъ провелъ сводъ ради жидкаго вещества водъ, чтобы онѣ не лились въ нижнюю часть; такъ какъ онѣ весьма легки и нѣжны на подобіе дыма, то Онъ утвердилъ ихъ и сдѣлалъ твердыми. Потомъ: Онъ водрузилъ, т. е., связалъ съ землею, чтобы она наклоняясь не упала: когда что-либо водружается, то водружается во что-либо,—это ясно изъ самаго выраженія. Такимъ образомъ, здѣсь не обозначается ни кругъ, ни круглая фигура. *Утверждей землю и яже на ней.*

Какимъ образомъ вещество, будучи нѣжнымъ, можетъ выносить тяжесть великихъ и высокихъ горъ; почему постоянно текущая вода не пресѣчется, и почему, всегда охватываемая пламенемъ, она не восприметъ огня? Однако, она тверда какъ камень, и даже болѣе, чѣмъ камень, потому что это былъ Богъ, *утверждей землю и яже на ней*, особенно же людей, чтобы ты разумѣлъ, что крѣпость ихъ происходитъ отъ Бога. Если бы имъ не покровительствовало божественное промышленіе, то весь человѣческій родъ былъ бы уничтоженъ съ самаго начала. Сколько было бѣдствій! Сколько печалей! Почему пророкъ и говоритъ: *помощь моя отъ Господа* (Пс. cxx, 2). Сколько огорченій! Сколько душевныхъ волненій! Какая печаль! Сколько кораблекрушеній! Если бы не разрушалось тѣло, то духъ, не будучи въ состояніи переносить такого бремени скорби и печали, улетѣлъ бы. Такъ какъ существуетъ столько скорбей и печалей, то Онъ не оставляетъ, хотя часто отступаетъ, чтобы ты разумѣлъ, что, когда Онъ не оставляетъ и не отступаетъ, то это—дѣло Его силы. Обратимъ вниманіе на животныхъ: сколько у нихъ бѣдствій! Сколько зла
и трудовъ! Однако, они не прекращаютъ существованія. Почему 295
и Павель говоритъ: *и къ симъ кто доволенъ* (2 Кор. ii, 16); а потомъ: *утѣшаяй насъ о всякой скорби нашей* (2 Кор. i, 4). Если бы небо не было намъ помощникомъ, то остальное не было бы достаточно для насъ, чтобы переносить такія бѣдствія. *И дыханіе даяй людемъ, иже на ней, и духъ ходящимъ на ней.* Или иначе: есть Попечитель душъ, т. е. все сохраняется божественнымъ промышленіемъ; одни тѣла одушевлены, другія неодушевлены. Взирая на прекрасное и видимое тѣло небесъ, ты не думай, что оно одушевлено, какъ вздорно говорятъ греческія басни; но все, что существуетъ, существуетъ и остается твердымъ, не имѣя души. Также, взирая на землю, не думай, что она одушевлена, потому что она стоитъ и твердо пребываетъ; точно такъ же и относительно воды. Вотъ небо и земля: одно находится выше, другая ниже; есть одушевленныя и есть неодушевленныя существа. Богъ далъ душу людямъ, но никакъ не небу, ни землѣ, ни водѣ; скотамъ же Онъ далъ душу чувствующую, но не разумную. Извѣстно, что Онъ—Творецъ душъ разумныхъ и чувствующихъ. Въ людяхъ же нѣтъ никакого различія между духомъ и душею; но эти два названія обозначаютъ одно и то же, какъ тѣло и плоть, человѣкъ и разумное животное.

6—7. *Азъ Господь Богъ.* Видишь ли, никакое имя не приличествуетъ справедливѣе и истиннѣе Богу, какъ имя Господа. *Призвахъ Тя въ правдѣ*,—т. е. Сына. Никто иной не призванъ, чтобы Онъ принадлежалъ человѣческому роду *въ правдѣ*. *И удержу за руку* (десную) *твою и укрѣплю тя.* Здѣсь также показывается

воплощеніе Сына и, безъ сомнѣнія, оно подтверждается. *И дахъ тя въ завѣтъ рода во свѣтъ языковъ.* Нѣкоторые говорятъ: „въ договоръ". Что такое договоръ? Или какимъ именно образомъ? Чтобы Онъ исполнилъ законъ. *И во свѣтъ языковъ.* Видишь ли, и язычники также призваны пророками? *Отверсти очи слѣпыхъ.* Въ данномъ случаѣ нужны были двѣ вещи, т. е., свѣтъ и здоровые глаза, и Онъ сдѣлалъ то и другое. Когда Онъ творилъ чудо со слѣпымъ, то Онъ показалъ Себя, открылъ глаза его и сказалъ: *вѣруеши ли въ Сына Божія? Кто есть*, говоритъ тотъ, *да вѣрую въ Него* (Іоан. IX, 35, 36)? Онъ показалъ себя, и не обину-
296 нуясь отвѣчаетъ: „Азъ есмь". А разслабленному Онъ сказалъ: *се здравъ еси, ктому не согрѣшай, да не горше ти что будетъ* (Іоан. V, 14). *Извести отъ узъ связанныя.* Это также принадлежало Судіи, такъ какъ люди столь долгое время пребывали связанными въ цѣпяхъ. *И изъ дому темницы, и сѣдящія во тмѣ.* Опять Онъ обличаетъ заблужденіе идолопоклонства. Сатана связалъ человѣческую природу твердыми цѣпями, окружилъ чело чернымъ нимбомъ заблужденія, ослѣпилъ умъ ихъ мрачными облаками глупости, какъ сказано: *осуетишася помышленіи своими и омрачися неразумное ихъ сердце* (Рим. I, 21). Видѣлъ ли ты причину мрака? Не подражай тѣмъ, которые сидятъ во мракѣ, потому что, говоритъ, отъ ихъ мысли происходитъ мракъ. Пусть справедливо сказано, что для язычниковъ произошелъ мракъ отъ ихъ мысли, но откуда для іудеевъ? Изъ того, что *не разумѣюще Божія правды, и свою правду ищуще поставити, правдѣ Божіей не повинушася* (Рим. X, 3). Никто не желаетъ учиться у иного, но желаетъ быть учителемъ; ему стыдно принимать что-либо отъ другого, и потому онъ ничего не имѣетъ. Этимъ порокомъ были заражены іудеи и язычники; тѣ и другіе желали быть изобрѣтателями религій; а это злое желаніе было таково, что они не могли стоять, но сидѣли, какъ бы въ страшной темницѣ, связанными и склоненными.

8. *Азъ Господь Богъ, сіе Мое есть имя.* Итакъ, когда Сынъ называется тѣмъ же именемъ, то развѣ Онъ не воистину Господь? *Единъ*, говорится, *Господь Іисусъ Христосъ* (1 Кор. VIII, 6). Обрати, пожалуйста, вниманіе на то, что имя „Господь" говорится первымъ. У насъ, когда нѣкоторые называются господами, то это имя къ нимъ никогда не прилагается въ собственномъ смыслѣ, но Богу это названіе принадлежитъ истинно, потому что Онъ есть истинно Господь. *Славы Моея*, говоритъ, *иному не дамъ*, т. е.: Я отдѣлю Мое имя отъ идоловъ, и это на самомъ дѣлѣ совершилось во время пришествія Іисуса Христа, Господа нашего: никто уже болѣе не призываетъ именъ идоловъ, но только имя Господа нашего Іисуса Христа. Кромѣ того, можно понимать это сказан-

нымъ и относительно людей, такъ какъ люди суть слава Божія, по слову апостола: *мужъ же не долженъ покрывати главы своея, образъ и слава Божія сый* (1 Кор. xi, 7). Какъ отображеніе чего- 297
либо есть образъ, такъ и человѣкъ есть образъ Божій. Я, говоритъ, этой изукрашенной, крѣпкой, славной и прекрасной статуи, дѣла рукъ Моихъ, никогда не отдамъ идоламъ. Видишь ли, что пришествіе Христа было необходимо?

9. *Яже изъ начала, се пріидоша, и новая, яже Азъ возвѣщу, и прежде неже возвѣстити, явишася вамъ.* Здѣсь говорится о древнихъ законахъ, которые были отмѣнены. Итакъ, наступало время новаго завѣта, которое нужно было возвѣщать и такимъ образомъ дѣлать достовѣрнымъ то, что имѣло совершиться послѣ того: какъ совершилось первое, такъ должно совершиться и другое. Въ первомъ, какъ мы читаемъ, написано много такого, что указываетъ на другое и что исполнилось истинно, какъ-то: о войнахъ, о добродѣтеляхъ и объ иномъ весьма многомъ, согласно пророчествамъ. Говорится: не будетъ дождя (3 Цар. xvii, 1), и онъ не изливался. Сказано: Я изберу твою отрасль, и онъ будетъ владычествовать надъ землею (ср. 2 Цар. vii, 12, 16), и это исполнилось; а также: *пресельно будетъ сѣмя твое въ земли не своей, и смирятъ я лѣтъ четыреста* (Быт. xv, 13), и это исполнилось; въ другомъ мѣстѣ говорится: *будете ми людіе избранніи отъ всѣхъ языкъ, вы же будете ми царское священіе и языкъ святъ* (Исх. xix, 5—6); и иное многое, о чемъ мы говорили и будемъ говорить, изъ чего будетъ ясно, что другое имѣло начало отъ перваго.

10. „Хвалите Господа пѣснію новой"; другіе говорятъ: воспойте. *Начальство Его* прославляется въ высокихъ и *имя Его отъ конецъ земли.* Что значитъ: новая пѣснь? Не по обычаю древнихъ и не по іудейскимъ законамъ, но въ Духѣ Святомъ. Все, что рождается отъ благодати, есть новое и новая добродѣтель; такимъ образомъ, необходимо было быть и новой пѣсни. А этимъ не Богу воздается большая честь или похвала, потому что природа Божественная не нуждается ни въ чемъ, но напротивъ, тѣ, которые почитаютъ такимъ образомъ Бога, могутъ болѣе приблизиться къ Богу, вслѣдствіе своихъ добрыхъ дѣлъ. Потому Іисусъ Христосъ сказалъ: *Отецъ таковыхъ ищетъ, покланяющихся Ему духомъ и истиною* (Іоан. iv, 23—24).

Начальство Его въ высокихъ, — чтобы никто не сомнѣвался, 298
что Онъ нуждается въ чемъ-либо. *Начальство Его,* говорится, *прославляется* въ высокихъ. Онъ совершенно не нуждается въ вашихъ похвалахъ; не нуждается даже въ похвалахъ ангельскихъ силъ; прежде чѣмъ онѣ произошли, Онъ ни въ чемъ не нуж-

дался. Мы знаемъ, что ангелы восклицаютъ непрестаннымъ гласомъ: *святъ*, *святъ*, *святъ* (Ис. VI, 3); а иные: слава въ вышнихъ Богу и на земли міръ (Лук. II, 14); херувимы же великимъ голосомъ: „слава Господня благословенна отъ мѣста ея" (ср. 1 Пар. XVI, 27). Слышимъ и иныя весьма многія похвалы и пѣснопѣнія: *благословите Его ангели* и архангели (Пс. CII, 20). Однако Онъ ни въ чемъ этомъ не нуждается. Хорошо сказано: *начальство Его* въ высокихъ. Желаешь ли ты видѣть царство Божіе? Обрати глаза твои на небо—и ты увидишь тамъ шестьсотъ ангеловъ, узришь тысячу архангеловъ, предстоящихъ серафимовъ, херувимовъ, окружающихъ Его огненный тронъ, увидишь всѣхъ ихъ въ почтеніи и трепетѣ. Но здѣсь не проявляется начальство Божіе такимъ образомъ, не только вслѣдствіе слабости природы, и не потому, что велико различіе между людьми и ангелами, но и потому, что люди не могутъ славить Его такимъ же образомъ, какой употребляютъ тѣ дивныя существа. Если, когда является царь, чернь охватывается страхомъ, то насколько большій страхъ будетъ предъ высшимъ величествомъ. Подобно тому, какъ если кто, приходя къ царскому дворцу, видитъ тамъ смерть и угрозы и всѣхъ исполняющими свои обязанности близъ царя, такъ и тамъ силы ангеловъ совершаютъ то же. Кромѣ того, есть весьма многое, что удаляетъ обитателей земли отъ такого служенія. Напротивъ, небесныя силы ничего иного не дѣлаютъ, какъ только всегда прославляютъ Бога и созерцаютъ Его, по написанному: *блюдите, да не презрите единаго отъ малыхъ сихъ; глаголю бо вамъ, яко ангели ихъ на небеси выну видятъ лице Отца Моего небеснаго* (Мат. VIII, 10). Самому Христу служили ангелы: *се*, говорится, *приступиша ангели и служаху Ему* (Мат. IV, 11). Не думай, что Онъ только получилъ заушеніе и много иного претерпѣлъ, но вспомни также и о томъ, что Онъ говорилъ: *царство*
299 *Мое нѣсть отъ міра сего* (Іоан. XVIII, 36). Смотри, какъ соотвѣтствуетъ этотъ голосъ словамъ пророка: *начальство Его* въ высокихъ. Точно также и самъ Навуходоносоръ исповѣдалъ: *царство Его царство вѣчное, и власть Его въ роды и роды* (Дан. III, 100). Также написано въ евангеліи: *Отче нашъ, Иже еси на небесѣхъ, да святится имя Твое, да пріидетъ царствіе Твое, да будетъ воля Твоя, яко на небеси и на земли* (Мат. VI, 9—10).

Начальство Его въ высокихъ, *прославляется имя Его отъ конецъ земли.* Небесныя силы болѣе, чѣмъ люди, боятся и почитаютъ Бога: чѣмъ болѣе онѣ сознаютъ, тѣмъ болѣе боятся Его. У нихъ нѣтъ ни упрямства, ни неповиновенія, ни непослушанія, потому что онѣ *сильніи крѣпостью, и творящіи слово Его* (Пс. CII, 20). Видишь ли, что страхъ ихъ великъ? Тѣ, которые не подлежатъ

никакому наказанію, смотри, какимъ охватываются ужасомъ. Если даже сами серафимы не смѣютъ взирать на Него, то какъ мы можемъ испытывать Его? Подобно тому, какъ на этой землѣ, чѣмъ болѣе мы смотримъ на солнечные лучи, тѣмъ болѣе вынуждены отступать, такъ и тогда, чѣмъ болѣе созерцаемъ Христа, тѣмъ болѣе намъ нужно бояться Его. Смотри, какъ Онъ прославился на горѣ: ученики Его были устрашены и пали ницъ. Пророки часто не повиновались Богу, ангелы же никогда не дѣлали этого. Почему же? Ради великаго страха. *Прославися имя Его отъ земли.* Этими словами возвѣщается то, что имѣетъ быть по всей землѣ, по написанному: *во всю землю изыде вѣщаніе ихъ* (Пс. xviii, 5).

Сходящіи въ море и плавающіи по нему, острови и живущіи на нихъ. Смотри: звукъ проповѣди прошелъ по всей землѣ. Но, можетъ быть, кто-либо скажетъ: ужели тѣ, которые населяютъ глубины земныя, лишены проповѣди,—вѣдь и Давидъ говоритъ: *тіи видѣша дѣла Господня, и чудеса Его во глубинѣ* (Пс. cvi, 24)? Ничего противъ этого нельзя сказать; и имъ Богъ даровалъ многое для познанія Божественнаго вѣдѣнія, имъ даже нужно быть 300
болѣе внимательными къ добродѣтели, потому что страшное море можетъ въ высшей степени поражать ихъ души,—постоянно они видятъ возбужденныя и грозныя волны, постоянно смотрятъ на смерть и тѣни.

11—24. *Возвеселися пустыне и веси ея, и живущіи въ Кидарѣ.* Пустыня и веси никогда не веселятся. Но Священное Писаніе, когда Богъ намѣренъ совершить милость, обыкновенно приноситъ радостную вѣсть и неодушевленнымъ предметамъ. *Господь Богъ силъ изыдетъ, и сокрушитъ рать, воздвигнетъ ревніе, и возопіетъ на враги своя съ крѣпостію.* По причинѣ благоволенія Онъ узрѣлъ народъ свой, и освободилъ его изъ плѣна, но не по причинѣ заслугъ искупленныхъ. *Молчахъ, еда и всегда умолчу, и потерплю? Терпѣхъ, яко раждающая, истреблю и изсушу вкупѣ: и положу рѣки во островы, и луги изсушу.* Акила и Симмахъ говорятъ: изсушу гавань. Видишь ли, Господь открываетъ, что не желалъ подвергать наказаніямъ преступныхъ, и потому говоритъ: „Я мучимъ былъ столькими скорбями, какъ раждающая". Хотя печаль и скорбь не относятся къ Богу, но отсюда ясно, что Онъ никогда не желаетъ подвергать людей наказаніямъ и пренебрегать ими.

И положу рѣки въ пустыни *и луги изсушу*, т. е.: Я уничтожу произволъ и силы непріятелей, и когда сокрушу ихъ силы, то введу васъ въ вашу страну. *И наведу слѣпыя на путь, егоже не видѣша.* Видишь ли величайшее могущество Божіе, которое сокрушаетъ сокрушителей, приводитъ мучимыхъ въ покой, что и

случилось, когда они возвратились изъ плѣна. Но это пророчество удобнѣе примѣнить къ язычникамъ, чѣмъ къ евреямъ, такъ какъ пророкъ прибавляетъ: *наведу слѣпыя на путь, егоже не видѣша;* они совершенно не знали пути, такъ какъ были слѣпыми. *Сотворю имъ тму во свѣтъ и стропотная въ правая.* Опять пророкъ говоритъ объ иныхъ чудесахъ: мракъ измѣнился въ свѣтъ и печаль въ радость. *Сія глаголы сотворю и не оставлю ихъ.* Я дарую, научу и сохраню. Послѣ того, какъ приняли таковые дары
801 отъ Бога, намъ нужно уповать на Его мышцу, чтобы вновь не уклоняться въ прошедшее зло. *Тіи же возвратишася вспять.* Зачѣмъ не сначала? Затѣмъ, чтобы вступили иные.

Посрамитеся стыдѣніемъ уповающіи на изваянная. Всегда, но особенно послѣ пришествія Христа, Который показалъ ихъ безсиліе. *Глусіи услышите и слѣпіи прозрите видѣти.* То была глухота и слѣпота не тѣлесная, но душевная; тѣлесная глухота не можетъ много вредить намъ, — часто бываетъ даже причиною благоразумія, по написанному: *азъ же яко глухъ не слышахъ, и яко нѣмъ не отверзаяй устъ своихъ* (Пс. XXXVII, 14); но душевная глухота всегда лишаетъ благъ.

И кто глухъ, развѣ раби мои, и слѣпи, развѣ владѣющіи ими. Іудеи были глухими и слѣпыми. Христосъ говоритъ: *имѣяй уши слышати, да слышитъ* (Марк. IV, 9); и въ другомъ мѣстѣ: *блаженна очеса, яко видятъ, и ушеса, яко слышатъ* (Мат. XIII, 16). Такимъ образомъ, ясно, что они, іудеи, были глухими и не слышали, слѣпыми и не видѣли, почему прибавляется: *ослѣпоша раби Божіи.* Но они ослѣпли не тогда только, а гораздо прежде, почему и прибавляется: *видѣсте многажды и не сохранисте;* не однажды и не дважды, но *многажды видѣсте и не сохранисте.*

Господь Богъ восхотѣ, да оправдится и возвеличитъ хвалу. Богъ всегда желаетъ этого, вы же не желали, а даже, напротивъ, обращались къ хищничеству и злохуленіямъ. *И бысть слово опустошено и расхищено;* но другіе говорятъ не: слово, а: *народъ* (ц.-сл. *людіе*). *Пругло бо въ ложахъ вездѣ,* — по той причинѣ, что они предались хищенію и сами были предметомъ хищенія.

Кто въ васъ, иже внушитъ сія, и услышитъ во грядущая? Кто даде на разграбленіе Іакова и Израиля плѣняющимъ его? Не Богъ ли, Ему же согрѣшиша, и не восхотѣша въ путехъ Его ходити, ни слушати закона? Его Смотри, Онъ ясно открываетъ, что Онъ намѣренно иныхъ наказываетъ, Самъ же ни отъ кого не терпитъ мученія

ГЛАВА XLIII.

1—9. *И нынѣ сице глаголетъ Господь Богъ, сотворивый тя, Іакове, и создавый тя, Израилю: не бойся, яко избавихъ тя, прозвахъ тя именемъ твоимъ: Мой еси ты. И аще пройдеши сквозѣ огнь, не сожжешися, и пламень не опалитъ тебе. Яко Азъ Господь Богъ твой, Святый Израилевъ, спасаяй тя.* Итакъ, теперь постараемся не только освободиться отъ зла, но будемъ особенно и всегда стараться быть близкими къ Богу. Хотя бы иной и освободился отъ всѣхъ бѣдствій и притѣсненій, тѣмъ не менѣе, если онъ находится вдали отъ помощи Божіей, то это хуже всякихъ бѣдствій. Священное Писаніе представляетъ намъ многочисленные примѣры этого. Отроки въ пещи радовались болѣе, чѣмъ тѣ, которые находились внѣ пещи, въ то время, какъ царь вмѣстѣ со своими воинами испытывали душевныя муки. Кромѣ того, и сами іудеи, когда ввергли апостоловъ въ узы, подверглись большему смущенію, чѣмъ апостолы. Такова природа добродѣтели, что даже и во время мученій она сохраняетъ своихъ почитателей безъ смущенія. А зло имѣетъ такую природу, что даже во время самаго мира оно подвергаетъ преступныхъ смущенію. Подобно тому, какъ пріятные и животворные весенніе вѣтры не оказываютъ никакой пользы для тѣла, подверженнаго лихорадочному состоянію, такъ нѣтъ никакой пользы нашимъ душамъ, хотя бы онѣ были лишены бѣдствій, если люди находятся подъ бременемъ великихъ грѣховъ. *Азъ есмь Господь Богъ, Святый Израилевъ.* Смотри, какимъ образомъ Онъ показываетъ свою силу и волю. Что означаютъ эти слова: *Азъ есмь Святый Израилевъ*?—Не что иное, какъ Его славу, ради которой Онъ избралъ тотъ народъ, который былъ всегда Его народомъ. *Сотворихъ премѣну твою Египетъ*; а другіе переводчики говорятъ: „искупленіе за тебя". *И Соину за тя*; т. е.: 303
Я поражу ихъ и разрушу ради наказаній, которымъ они тебя подвергли. *Не бойся, яко съ тобою есмь.* Нѣтъ иного утѣшенія, равнаго этому утѣшенію. Это же обѣщалъ Іисусъ Христосъ ученикамъ Своимъ, говоря: *Азъ есмь съ вами во вся дни до скончанія вѣка* (Мат. XXVIII, 20).

Отъ востокъ приведу сѣмя твое, и отъ западъ соберу тя. Реку сѣверу: приведи; и Ливу: не возбраняй; приведи сыны моя отъ земли дальнія, и дщери моя отъ краевъ земныхъ. Во славѣ бо Моей устроихъ его, и создахъ его, и сотворихъ и, т. е.: собраніе ихъ будетъ Моею славою, Я, говоритъ, прославлюсь,—какъ и апостолъ говорилъ: *въ полученіе славы Господа нашего Іисуса Христа* (2 Сол.

II, 14). Какъ по инымъ причинамъ, такъ особенно ради Моей славы Я не оставлю васъ въ чужой странѣ. *И изведохъ люди слѣпы, и очи суть такожде слѣпы, и глуси уши имущіи:* здѣсь говорится о начальникахъ, которые были слѣпыми.

Вси языцы собрашася вкупѣ, и соберутся князи отъ нихъ: кто возвѣститъ сія? Или яже исперва кто возвѣститъ вамъ? Совершенно никто не могъ когда-либо возвѣстить этого, т. е. того, что произойдетъ съ ними. Вамъ принадлежитъ возвѣщеніе о томъ, что касается васъ и иныхъ, а тѣмъ не принадлежитъ возвѣщенія даже о томъ, что касается ихъ. Итакъ, кто сможетъ все это возвѣстить? *Да приведутъ свидѣтели своя,*—какъ бываетъ на судѣ; *и оправдятся.* Если они смогутъ показать свое право и будутъ говорить правду, то Я не боюсь изслѣдованія и не оставлю безъ вниманія. *Да приведутъ свидѣтели своя,* если они таковыхъ имѣютъ, людей ли, каковы суть пророки и вы, потерпѣвшіе наказанія, или книги, въ которыхъ Я говорилъ прежде о многомъ и исполнилъ. Смотри, Онъ скромно и безъ всякаго насилія показываетъ право! Итакъ, послѣ того какъ Онъ обличилъ теперь враговъ, Онъ обращается съ рѣчью къ евреямъ.

10—13. *Будите Ми свидѣтели, и Азъ свидѣтель, глаголетъ Господь Богъ.* Развѣ Я не исполнилъ потомъ истинно того, что предвозвѣстилъ? Хотя Я, говоритъ Богъ, Самъ по Себѣ достойный и вѣрный свидѣтель, однако, и вы также будьте Мнѣ свидѣтелями. Смотри, какъ Богъ премудро показываетъ Свое право:
304 сколько разъ Онъ говоритъ въ Евангеліи: *Азъ есмь свидѣтельствуяй о мнѣ самомъ* (Іоан. VIII, 18); *истинно есть свидѣтельство Мое* (Іоан. VIII, 14); *свидѣтельствуетъ о Мнѣ пославый Мя Отецъ* (VIII, 18); такъ и здѣсь говоритъ: *и отрокъ Мой, егоже избрахъ,*— называя свидѣтелемъ и пророка. Это, говоритъ, Я говорю ради вашего спасенія, *да увѣсте и вѣруете Ми и уразумѣете.* Видишь ли, Онъ всегда предпочитаетъ вѣру мудрости?

И уразумѣете, яко Азъ есмь: прежде Мене не бысть инъ Богъ, и по Мнѣ не будетъ. Итакъ, что же должно сказать о Сынѣ? Не думай, что Рожденный не есть также Богъ, но что сотворенный не можетъ быть Богомъ. Видишь ли, Онъ всегда и вездѣ полагаетъ предъ нашими глазами Свою вѣчность и творческую силу; какъ Онъ представилъ намъ въ доказательство Божества то, что не имѣетъ начала, такъ теперь — вмѣстѣ съ творческою силою, показалъ предвидѣніе. Такими-то знаменіями и примѣрами Онъ показываетъ намъ Бога.

Азъ Богъ, и нѣсть развѣ Мене спасаяй. Вы, говоритъ, не молили Меня и не убѣждали, чтобы Я былъ вашимъ Спасителемъ, но Я пожелалъ вашей свободы по Своей волѣ. Не думай, что

такая свобода совершилась случайно; Самъ Я, говоритъ, предвозвѣстилъ и потомъ исполнилъ. *Азъ возвѣстихъ и спасохъ, укорихъ, и не бѣ въ васъ Богъ чуждій*, т. е. явно *укорихъ*. Гдѣ тѣ боги, которымъ вы закалали и приносили жертвоприношенія? Чтобы вы не говорили: идолы ничего не предвозвѣстили по своей волѣ и намѣренно, *укорихъ*, говоритъ Богъ, и тѣмъ не менѣе они не могли возвѣстить вамъ ничего. Я же, говоритъ, хотя и укорялъ Меня ассиріянинъ, внезапно проявилъ Свое могущество.

12—21. *Вы мнѣ свидѣтели и Азъ Господь Богъ, еще отъ начала, и нѣсть изимаяй отъ руку Моею: сотворю, и кто отвратитъ е?* Видишь ли силу надъ всѣми силами? Видишь ли власть, господствующую надъ всѣми господствами? *Васъ ради послю въ Вавилонъ*, т. е.: васъ ради Я предамъ ихъ мученію. *Азъ Господь Богъ, Святый вашъ, показавый вамъ царя Исраиля*. По видимому 805
онъ указываетъ на Зоровавеля, а въ дѣйствительности на Христа. *Сице глаголетъ Господь, даяй путь по морю*. Онъ приводитъ имъ на память прежнія чудеса, чтобы возбудить вѣру въ послѣдующее. *И по водѣ сильнѣ стезю*, т. е.: на бурномъ морѣ, которое постоянно пѣнится отъ постоянныхъ вѣтровъ. Двойное чудо—проложить путь и на водахъ, и на томъ морѣ, которое постоянно угрожаетъ шумящими волнами. Но *вкупѣ успоша и не востанутъ*: хотя они предъ глазами имѣли столько картинъ, т. е., египтянъ и море, однако они сомнѣвались относительно награды.

Не поминайте первыхъ. Се Азъ творю новая, и сотворю въ пустыни путь, и въ безводнѣй рѣки. Тогда я разсѣкъ море и поставилъ волны, какъ стѣну; теперь Я повелѣваю протекать въ безводной рѣкамъ. Но пути въ пустынѣ и рѣки въ безводной сперва обозначаютъ метафорически освобожденіе народа изъ вавилонскаго плѣна, а потомъ въ дѣйствительности ученіе Христово, по написанному: *рѣки изъ чрева его истекутъ воды живы* (Іоан. VII, 38). Смотри, въ томъ и другомъ, скорѣе во всѣхъ трехъ—могущество Божіе.

22—25. *Не нынѣ призвахъ тебе, Іакове, ниже трудитися сотворихъ тя Исраилю*, т. е.: издревле, съ отдаленнаго времени, когда не было жертвъ. Для того, чтобы они, возвратившись изъ плѣна, не пренебрегали прочими добродѣтелями, полагая свое спасеніе только въ жертвахъ, смотри, Онъ исторгаетъ изъ ихъ душъ такое мнѣніе не только для восхищенія грѣшниковъ, но и для промышленія о добрыхъ, чтобы они никогда не впадали въ ту же вину. *Дубрава же Ливанова*, говорится, *не довольна на сожженіе* (Ис. XL, 16); а также: *еда ямъ мяса юнча, или кровь козловъ пію* (Пс. XLIX, 13)? Видишь ли, какъ посредствомъ вышесказаннаго, Онъ ихъ болѣе располагаетъ къ вѣрѣ. Развѣ Я не воз-

любилъ тебя вначалѣ, когда еще не существовали жертвоприношенія?

Ниже трудитися *сотворихъ тя, Исраилю. Не принеслъ еси Мнѣ овецъ всесожженія твоего, ни въ жертвахъ твоихъ прославилъ Мя еси, не поработихъ тя въ жертвахъ*. Онъ говоритъ это потому, что они присвояли все это себѣ для славы: читая прежнее, ты
306 узнаешь, что Я призвалъ тебя безъ жертвъ, а изъ позднѣйшаго ты узнаешь, что Я освободилъ тебя также безъ жертвоприношеній. *Ниже утруждена сотворихъ тя въ ливанѣ*: чтобы они приносили Мнѣ ладонъ отъ крайнихъ предѣловъ. *Не купилъ еси Мнѣ на сребро виміама*; а другіе говорятъ: благовоннаго тростника. *Ниже тука требъ твоихъ восжелахъ*, но сохранихъ тя *во грѣсѣхъ твоихъ и въ неправдахъ твоихъ*; т. е.: хотя ты въ продолженіе своихъ дней пребывалъ во грѣхахъ и неправдахъ, однако Я не лишалъ тебя Своей защиты. Мнѣ кажется, что этими словами Онъ указалъ на то время, когда они вращались въ Египтѣ.

Азъ есмь Самъ, заглаждаяй беззаконія твоя Мене ради, и грѣхи твоя ради Мене не помяну. Не только говоритъ: Я смягчаю твое наказаніе, но и: *грѣхи твоу не помяня*. Если ты не желаешь имѣть противъ кого-либо ненависти, то ты не только не говори о томъ на словахъ, но не вспоминай о винѣ его и въ умѣ. Не только должно щадить неправды грѣшниковъ, но должно совершенно отгонять отъ твоей души и самый гнѣвъ.

26—28. *Ты же помяни и да судимся: глаголи ты беззаконія твоя прежде*. Видишь ли, Онъ воздвигаетъ судилище и объявляетъ побѣду по суду. Какъ выше Онъ сказалъ: дѣлайте то и это, *судите сиру, и оправдите вдовицу, и пріидите, и истяжимся* (Ис. I, 17—18), сначала научая, какъ можно побѣдить, а потомъ призываетъ на судъ,—подобнымъ образомъ поступаетъ и здѣсь. *Ты же*, говоритъ, *помяни, и да судимся вкупѣ*. Почему говорится: *Ты же помяни?* Чтобы они уразумѣли величину благодѣяній. Тотъ, кто любитъ кого-либо, желаетъ обнаруживать, что онъ близокъ его сердцу, такъ чтобы любимый имъ помнилъ о благодѣяніяхъ, не забывалъ объ нихъ, по крайней мѣрѣ понималъ, отъ какихъ грѣховъ онъ освобожденъ. Ты, говоритъ, никогда не думай въ своей душѣ, что Я вступаю съ тобою въ судъ для того, чтобы осудить тебя, но для того, чтобы открыть тебѣ, насколько Я люблю тебя. Не Я объявляю твои грѣхи, но ты самъ разскажи о нихъ, и тогда ты узнаешь, какія язвы уврачевалъ Я. Потому Я и говорю: *ты же помяни*,— чтобы ты самъ себя оправдывалъ; для этого же достаточно, чтобы ты самъ исповѣдалъ, а Я не говорилъ ни слова.

Отцы ваши первіи согрѣшиша, и князи ваши беззаконоваша на

Мя. Ужели теперь нѣтъ грѣховъ? Ужели теперь вы не отступили отъ Меня? *И осквернища князи святая Моя, и Я предалъ ихъ на погибель.* Нѣкоторые говорятъ: въ проклятіе; а еврейскій текстъ говоритъ: asserm Jacob—въ проклятіе Іакова и въ осужденіе Израиля. Другіе же говорятъ: въ злохуленіе. Видишь ли, что всѣ дѣла твои лживы? Что значитъ: *отцы ваши первіи согрѣшиша?* Я молчалъ, а вы положили начало. *Глаголи ты беззаконія твоя*: не медли, не выжидай Моей рѣчи, какъ и другой говоритъ: *праведный себе самаго оглагольникъ въ первословіи* (Притч. XVIII, 17). Вотъ Онъ всегда побуждаетъ насъ къ тому, чтобы мы искали той пользы, которая годна какъ для праведника, такъ и для грѣшника. Почему ты скрываешь свои грѣхи? Ихъ должно показать или здѣсь, или тамъ, Если дѣло обстоитъ такимъ образомъ, то ихъ полезно показать здѣсь, чтобы ты могъ избавиться отъ нихъ. Почему ты боишься смерти за Бога, если, какъ признано, умереть необходимо? Если это такъ, то лучше умереть за Бога. Почему ты прилѣпляешься къ богатствамъ, которыя, противъ нашей воли, нужно будетъ оставить? Если же это вѣрно, то оставимъ ихъ добровольно. Почему ты желаешь славы и прочаго подобнаго? Развѣ все это не отойдетъ отъ тебя? Развѣ Богъ никогда не отниметъ отъ тебя этого? Почему же ты не упражняешься въ благочестіи, когда знаешь, что всегда долженъ воздерживаться отъ зла? Мы между собою говоримъ такъ: какая польза мнѣ? Развѣ я не благодарю тебя, если ты дѣлаешь это ради меня? Развѣ не нужно было этого дѣлать? Но Богъ поступаетъ не такъ: если тебѣ приключается какое-либо естественное зло, и ты Его ради терпѣливо это переносишь, то Онъ не оставляетъ тебя благодарностью даже за эти заслуги. 807

ГЛАВА XLIV.

1 — 2. *Нынѣ же слыши, рабе Мой Іакове, и Израилю, егоже избрахъ.* Этими словами Онъ открываетъ, что Онъ есть стражъ ихъ, а что причиной и началомъ ихъ наказанія служатъ они сами, такъ какъ Онъ предалъ любезнаго и избраннаго друга наказаніямъ не безполезно и не безъ желанія его исправленія. *Сице глаголетъ Господь, сотворивый тя и создавый тя изъ утробы* матери твоея. Здѣсь Онъ приводитъ на память другое благодѣяніе: Онъ желаетъ, чтобы рожденіе признавалось не дѣломъ природы, но дѣломъ Его, по написанному: *дѣлъ руку Твоею не презри* (Пс. CXXXII, 8). 808

3. *Не бойся, рабе Мой Іакове, и возлюбленный Исраилю, егоже избрахъ. Яко Азъ излію воду на жаждущую и водотечи на изсохшую.* Онъ вспоминаетъ объ источникахъ, которые проистекли въ пустынѣ. Подобно тому, какъ Я желалъ, чтобы истекли источники, когда вы жаждали, такъ и теперь Я освобожу васъ отъ скорбей. *Наложу духъ Мой на сѣмя твое*; другіе говорятъ: излію, т. е.: Я излію на рожденіе твое Мое благословеніе, Мою любовь, Мое благоволеніе, такъ что Мои благодѣянія будутъ переходить отъ рода въ родъ. *И прозябнутъ аки трава посредѣ воды, и яко верба при водѣ текущей. Сей речетъ: Божій есмь.* Великое дѣло быть въ общеніи съ Богомъ и относиться къ числу Его служителей! *И сей возопіетъ о имени Іаковли*; Симмахъ говоритъ яснѣе: назовется именемъ Іакова. *И другій напишетъ рукою своею: Божій есмь; и о
309 имени Исраилевѣ возопіетъ.* Но Акила говоритъ не это, но: будетъ подражать; Симмахъ: приготовитъ себя; Өеодотіонъ: притворится. Тотъ, кто говоритъ: Божій есмь, притворится во имя Іакова, что переводится „лжецъ", такъ что и онъ обманетъ враговъ своихъ. Многіе изъ языковъ, когда увидѣли дѣла Божіи, совершившіяся ради іудеевъ въ странѣ персовъ, пожелали вмѣстѣ съ ними выйти и идти въ страну израильскую. Указывая на это, переводчики говорятъ: будетъ подражать, или притворится во имя Іакова.

6—20. *Сице глаголетъ Господь Богъ Царь Исраилевъ, и избавлей его Богъ Саваоѳъ: Азъ первый, и Азъ по сихъ, кромѣ Мене нѣсть Бога. Кто якоже Азъ, да станетъ, и да призоветъ, и да возвѣститъ, и да уготовитъ Ми, отнелѣже сотворихъ человѣка.* Смотри, Онъ спрашиваетъ не о великомъ, но о томъ, *отнелѣже сотворихъ человѣка.* Скажи только это; Я не приказываю ему вести рѣчь о прежнихъ временахъ и о высшихъ силахъ.

Свидѣтели вы есте, аще есть инъ Богъ развѣ Мене. И не послушаша тогда созидающіи, и ваяющіи тщетная и неполезная, вси суетніи, творящіи желанія своя, яже не упользуютъ ихъ. Видишь ли, что они имѣютъ происхожденіе отъ людей? *И вси, отнюдуже быша, изсхоша.* Вновь Онъ указываетъ на совершенную безчувственность идоловъ. Насмѣхаясь надъ изваяніями, пророкъ поноситъ ихъ въ язвительныхъ выраженіяхъ и останавливается на описаніи того, какимъ образомъ дѣлались эти изваянія: *яко наостри древодѣлатель сѣчиво, теслою содѣла оное, и свердломъ состави е.* Остальныя затѣмъ слова относятся къ безславію дѣлателей идоловъ. И не увѣдѣша въ сердцѣ, *ниже помянуша, яко полъ его сожже огнемъ, и испече на немъ хлѣбы, и на угліяхъ его быша варены мяса, и оставшее его въ мерзость сотвори.* Итакъ, ты не взирай на идола и красоту его, но лучше размышляй такимъ образомъ: гдѣ же

находится другая половина той части, которую сожгли, которая была употреблена для топлива и на другія ихъ потребности? Она была сожжена и превращена въ пепелъ. Осмѣивая ихъ, пророкъ вмѣстѣ съ тѣмъ приводитъ здѣсь слова согрѣваемыхъ: *сладко мнѣ, яко согрѣхся, и видѣхъ огнь.*

Оставшее же въ бога изваянна сотвори, и покланяется ему, глаголя: богъ мой еси ты. Не увѣдаша смыслити, яко отемнѣша очи ихъ, еже не видѣти. Вѣдите, яко пепелъ есть сердце ихъ; видите, не рцыте, яко лжа въ десницѣ Моей. Акила говоритъ: и не ска- 810
жетъ: ужели ложь въ десницѣ моей? Смотри, каковъ смыслъ обвиненій.

21—23. *Помяни сія, Іакове и Израилю, яко рабъ Мой еси ты, не забывай Мене.* Онъ не говоритъ ничего иного, какъ только то, что требуетъ человѣкъ. *Се бо отъяхъ яко облакъ беззаконія твоя и яко примракъ грѣхи твоя.* Онъ показываетъ легкость для Него такихъ дѣлъ. *Отъяхъ грѣхи твоя,* говоритъ, *обратися ко Мнѣ и избавлю тя.* Видишь ли, не только въ благодѣніяхъ нужно намъ имѣть упованіе на Бога, но также обращаться и просить Его. *Обратися ко Мнѣ,* говоритъ; ты несправедливо поступаешь, когда говоришь: я не смѣю, такъ какъ я исполненъ безчестія. *Отъяхъ беззаконія твоя*: представленіе извинительныхъ причинъ всегда служитъ стѣною, преградою, препятствіемъ и стыдомъ. *Увѣждь, яко пепелъ есть сердце ихъ,* какъ почитающихъ, такъ и тѣхъ, кому воздаютъ почитаніе. *И нѣсть лжи въ десницѣ Моей,* т. е.: такъ какъ дѣло, которое имъ нужно совершить, велико и превышаетъ ихъ силы, то Я явлюсь помощникомъ, защитникомъ и крѣпостью ихъ. *Возвеселитеся небеса, да радуется земля, вострубите основанія земная, возопійте, горы, веселіе, холми и вся древеса, яже на нихъ: яко избави Богъ Израиля.* Подобно этому говорится: *чаяніе бо твари откровенія сыновъ Божіихъ чаетъ* (Римл. VIII, 19); или: *вся тварь совоздыхаетъ и соболѣзнуетъ* (Римл. VIII, 22). Точно также и здѣсь, въ знакъ ихъ примиренія съ Богомъ, Онъ приглашаетъ многихъ участвовать въ ихъ радости.

Азъ Господь, совершаяй вся, распростро хъ небо единъ, и утвердихъ землю. Они, говоритъ, побуждаютъ Его, чтобы Онъ произвелъ и нѣчто величайшее. *Кто инъ удержаваяй?* Акила: кто есть спорящій со Мною? Я не говорю: кто накажетъ, или кто можетъ быть помощникомъ? Хотя это гораздо легче, однако изъ этого Я открываю силу Своего могущества.

24—28. *Сице глаголетъ Господь, избавляяй тя и создавый тя отъ чрева: Азъ Господь совершаяй вся, распростро хъ небо единъ.* Вездѣ Онъ представляетъ творенія выше прочаго, чтобы показать Свою силу и попеченіе, а также подтвердить, что никому невоз- 811

можно бороться противъ Него. Если бы Онъ не сотворилъ, то Онъ не могъ бы также сохранять. Если Онъ вначалѣ сотворилъ безъ принужденія, или безъ услугъ чьихъ-либо, то тѣмъ болѣе Онъ будетъ сохранять послѣ творенія. Такъ какъ во время творенія никому не представлялось случая выражать неудовольствіе, и преданіе твари большимъ скорбямъ казалось невозможнымъ, то поэтому величайшій изъ пророковъ говорилъ: *да не когда рекутъ: съ лукавствомъ изведе ихъ погубити въ горахъ, и потребити ихъ отъ земли* (Исх. xxxii, 12).

Азъ Господь, совершаяй вся,—какъ то, что касается васъ, такъ и то, что касается враговъ. Не думайте, что есть иной Богъ: *Азъ распрострохъ небо единъ, и утвердихъ землю.* Онъ опять говоритъ о славнѣйшихъ твореніяхъ, которыя имѣютъ особое преимущество между прочими. Уразумѣвай (отсюда), что Онъ желаетъ удостовѣрить насъ посредствомъ видимаго, а не невидимаго. *Утвердихъ*, говоритъ, *землю*, и кто можетъ разрушить? Это указаніе великой силы: Онъ можетъ что-либо сотворить такое, чего не можетъ никто разрушить, не только разрушить, но даже подумать объ этомъ; не только никто не въ силахъ разрушить, но неспособенъ даже объ этомъ и думать. *Разсыплю знаменія чревоволшебниковъ;* Симмахъ говоритъ: лжецовъ. Удивительно, что то, что Онъ дѣлаетъ, Онъ дѣлаетъ такимъ образомъ, что никто не можетъ уничтожить этого. Пусть не Я сотворилъ небо и утвердилъ землю; однако, Я разрушилъ то, что почиталось всѣми за великое, и удержалъ силу тирана, такъ какъ Я не только разсыпалъ слова чревоволшебниковъ, но уничтожилъ изъ ихъ сердца самое прорицаніе. Вотъ великая сила и непреодолѣваемая крѣпость! Отвращу *мудрыя вспять, и совѣтъ ихъ* сотворю буимъ,—чтобы показать, что Онъ Господь мудрости и совѣта. И уставихъ *глаголъ раба Своего.* Признакомъ могущества служитъ уничтоженіе того, что принадлежитъ другимъ, и исполненіе того, что принадлежитъ Его рабу. Если бы Онъ могъ только разрушить, то, можетъ быть, сказали бы, что Онъ только это и можетъ дѣлать; если же Онъ, разрушая то, что принадлежитъ чужимъ, вмѣстѣ съ тѣмъ утверждаетъ то, что принадлежитъ Его служителямъ, то ясно, что могущество Его совершенно, и Онъ ни въ чемъ не нуждается. *И*
312 *совѣтъ вѣстниковъ Своихъ истиненъ сотворитъ.* Тамъ прорицанія, которыя Онъ скоро разрушаетъ, а здѣсь не только возвѣщаетъ пророчества, а даже и ихъ исполненіе. Мнѣ кажется, что вѣстниками Онъ называетъ здѣсь людей.

Глаголяй Іерусалиму: возградишися, и градомъ іудейскимъ: возградитеся; глаголяй безднамъ: опустѣете. Симмахъ: Я, говорящій землѣ: ты будешь опустошена, какъ бездна, также изсушу твои

рѣки. Здѣсь говорится или о томъ, что Богъ силенъ совершить это, или же указывается на множество войнъ, что также сообразно со смысломъ.

Глаголяй Киру смыслити; Акила говоритъ: Я, Который говорю Киру, нападателю Моему; Симмахъ и Ѳеодотіонъ по ихъ переводу: пастырю Моему. *И всю волю Мою сотворитъ.* Здѣсь также пророкъ указываетъ величіе силы Божіей. Чего Онъ желаетъ, Онъ успѣваетъ между тѣми, которые никогда не надѣялись на Него и не сознавали Его. Богъ подвигнулъ умъ его отпустить плѣнниковъ по повелѣнію Его, такъ какъ всѣ пророки предсказывали о разсѣяніи и гибели народа, о дѣлахъ, совершавшихся съ великими чудесами. Освободить плѣнника казалось признакомъ милосердія, но предъ Богомъ, славить Котораго и чтить великими жертвами онъ (Киръ) не умѣлъ, это не было признакомъ милости, но признакомъ Его высшей силы, которая подвигла духъ царя. Какъ Онъ привелъ вавилонянъ и предалъ въ ихъ руки евреевъ, такъ и теперь Онъ дѣлаетъ это. Ужели Онъ лишилъ его свободы, и извратилъ умъ мужа? Никакъ; Онъ никогда не лишалъ его свободы, но побудилъ его свободу къ совершенію этого. Богъ иногда побуждаетъ людей къ добру, но никогда—ко злу, и даже изъ ихъ зла Онъ дѣлаетъ нѣчто доброе,—изъ тѣхъ злыхъ дѣлъ, которыя совершаются ими, производитъ нѣчто доброе, какъ ясно изъ исторіи вавилонянъ, іудеевъ и многихъ другихъ.

ГЛАВА XLV.

1—3. *Сице глаголетъ Господь Богъ помазанному Моему Киру,* 813
егоже удержаваетъ десницу. Ясно, что Богъ помазалъ его, почему и называетъ его Своимъ Христомъ. Изъ этого помазанія Онъ открываетъ иное помазаніе. Акила говоритъ: помазанному елеемъ; иные: Христу Своему. Онъ не помазалъ прочихъ царей, и этого не объявляетъ теперь за праведника, но желалъ, чтобы онъ поступилъ такъ для созданія города, почему и называетъ его Своимъ Христомъ; помимо того, еще и потому, что Киръ былъ кротчайшимъ изъ прочихъ царей. Но говоря даже о царѣ вавилонскомъ, Богъ говоритъ, что онъ принялъ власть отъ Него, почему называетъ его Своимъ рабомъ, говоря: Навуходоносоръ рабъ Мой (Іер. xxv, 9, xxvii, 6); ассиріянъ Онъ также сдѣлалъ таковыми: *горе Ассиріемъ, жезлъ ярости Моея, и гнѣвъ есть въ руку ихъ* (Ис. x, 5); потомъ: *и своимъ людемъ повелю* (Ис. x, 6). Видишь ли, какимъ образомъ Онъ при-

ближалъ къ Себѣ царей народовъ? Объ Антіохѣ также говорится, что его возбудилъ Богъ: *се Азъ*, говоритъ, *воздвигну пастыря неискусна и сосуды пастырски* (Захар. XI, 16, 15). Такимъ образомъ, Онъ объявляетъ, что власть Его распространяется повсюду, хотя цари и не повиновались Его власти. Почему же Онъ такъ поступаетъ? Отъ насъ это сокрыто, это извѣстно только Ему Самому, мы же не знаемъ промышленія Его.

Повинути предъ нимъ языки, и отверзу предъ нимъ врата, и гради не затворятся; *врата мѣдяная сокрушу, и дамъ ти сокровища сокровенная, да увѣси, яко Азъ Господь, прозываяй имя твое, Богъ*
314 *Исраилевъ, ради раба Моего Іакова*. Видишь ли, сколько даровъ Онъ даруетъ народу? Когда видишь казни, которыми Онъ поразилъ фараона, то не думай, что Богъ несправедливъ хотя бы отчасти: Онъ желалъ освободить народъ легкимъ образомъ, но египтянинъ не пожелалъ этого. То, что Богъ не пожелалъ подвергать его казнямъ, ясно изъ того, что Онъ совершилъ прежде,— именно, Онъ послалъ къ царю египетскому человѣка, который говорилъ: *отпусти люди Моя, да Ми послужатъ въ пустыни* (Исх. VII, 16). Такъ какъ это повелѣніе не было труднымъ, то не слѣдовало ли ему повиноваться охотно? Онъ не сказалъ: пусть они принесутъ Мнѣ жертвы въ твоей странѣ, такъ какъ ты тогда отвѣтилъ бы: это невозможно; наши жрецы служатъ намъ, и непозволительно никому въ нашу страну вводить новаго закона. Онъ не сказалъ: пусть пойдутъ на отдаленное мѣсто, но просилъ только три дня отдыха. Если бы тотъ отпустилъ ихъ даже совсѣмъ на свободу, то и это было бы справедливо, такъ какъ они служили тебѣ, египтянинъ, продолжительное время безъ платы. Однако,—не такъ: требуются только три дня, но онъ и въ томъ отказалъ. Но развѣ тебѣ не должно было бояться Моей силы и не злоупотреблять Моимъ долготерпѣніемъ? Персіянинъ же не упорствовалъ такимъ образомъ въ своемъ мнѣніи: какъ только онъ услышалъ, такъ тотчасъ отпустилъ ихъ, и быстро возвратилъ плѣнниковъ. Отъ кого онъ услышалъ, или воспринялъ это? Можетъ быть, въ странѣ персовъ были уже свидѣтельства Божественной силы. Но я говорю: по внушенію Божію. Пусть не говоритъ фараонъ, что онъ не былъ вразумленъ: онъ слышалъ повелѣніе Божіе, и тѣмъ не менѣе сердце его осталось ожесточеннымъ. Почему Богъ посылалъ къ нему напередъ Моисея? Развѣ не затѣмъ, чтобы убѣдить царя отпустить народъ? Но тотъ не пожелалъ. Персіянинъ напротивъ, какъ только услышалъ, такъ тотчасъ съ готовностью послѣдовалъ повелѣнію.

4—6. *Ради раба Моего Іакова прозову тя именемъ Моимъ*, т. е. именемъ Христа Моего. Точно также вмѣстѣ съ обѣщаніемъ Онъ

возвѣщаетъ здѣсь наказаніе евреямъ: *ты же*, говоритъ, *не позналъ еси Мене, яко Азъ Господь Богъ, и нѣсть развѣ Мене еще Бога.* Я поступалъ такъ, что былъ врагомъ врагамъ твоимъ, и другомъ друзьямъ твоимъ: тѣмъ, которые не желали твоего возвращенія, Я показалъ Себя врагомъ, а Киру, который повиновался Мнѣ, Я показалъ Свою дружбу.

Азъ Господь и нѣсть, инъ развѣ Мене. Чтобы противники Его не думали, что Онъ одинъ изъ многихъ, но что Онъ только един- 351
ственный и всемогущій, поэтому Онъ прибавляетъ: *да быша увѣдѣли, иже отъ востокъ солнечныхъ и иже отъ западъ, яко нѣсть Богъ развѣ Мене.* Смотри, Онъ промышляетъ также и о прочихъ народахъ, и показываетъ имъ великія благодѣянія, чтобы, когда они, по устраненіи заблужденій, возвратятся въ домъ Его, подъ водительствомъ истины, они достигли царства небеснаго.

Азъ, единый, есмь *Богъ, и нѣсть инъ развѣ Мене.* Они прекрасно знали, что Онъ — Богъ, но не знали того, что Онъ одинъ только Богъ, что уже давно знали іудеи: *Господь Богъ нашъ Господь единъ есть* (Втор. VI, 4). Равнымъ образомъ, они не знали, что Онъ—единый Богъ не только іудеевъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и всей вселенной: *Азъ Господь Богъ, и нѣсть еще.*

7—8. *Азъ есмь Господь устроивый свѣтъ и сотворивый тму, творяй миръ, и зиждяй злая.* Видишь ли, Онъ не допускаетъ никакого иного творца. Подобно тому говорится и въ иномъ мѣстѣ *кто сотвори глуха и нѣма* (Исх. IV, 11)? *И зиждяй злая:* здѣсь говорится о войнахъ, такъ какъ Богъ Самъ по Себѣ не творитъ зла и не будетъ творить. Онъ называетъ зломъ нѣкоторое возмездіе или мщеніе. А то, что въ Немъ Самомъ нѣтъ никакого зла, ясно изъ того, что иногда мщеніе и наказаніе измѣняются въ утѣшеніе.

Да возрадуется небо свыше и облацы да кропятъ правду. Опять Онъ обѣщаетъ, что послѣ возвращенія произойдетъ нѣчто такое, что ихъ благодѣянію какъ бы обрадуются даже твари. Если кому угодно, то можно понимать это объ ученіи Христовомъ. Горе не только тому, кто обвиняетъ своего Творца, но горе говорящему противъ Него, или тому, кто требуетъ у Бога отчета относительно будущихъ событій. *Азъ есмь создавый тя:* почему же, говоритъ, ты не просишь у Меня помощи? Если бы Я не пожелалъ, то тебя не было бы. Отсюда ясно, что существованіе происходитъ по благости Божіей.

9—11. *Едаречетъ бреніе скудельнику: что медлиши, что не дѣлаеши? И дѣло: ниже имаши рукъ?* Эти слова Онъ говоритъ тѣмъ, которые обвиняютъ долготерпѣніе Божіе, говоря: Богу слѣдовало это сдѣлать, а то оставить. Нѣтъ болѣе нечестиваго слова,

какъ предписывать законъ судьѣ и судить по человѣческому ра-
316 зумѣнію о Законодателѣ природы. Въ великомъ дѣлѣ Онъ пользуется малымъ примѣромъ. Художникъ не есть творецъ бренія, но только виновникъ формы его, да и то,—насколько онъ можетъ. Богъ же есть виновникъ не только твоей формы, но и матеріи, изъ которой ты сотворенъ. Бреніе получаетъ отъ художника не бытіе, а только форму, и однако оно не противится и не противодѣйствуетъ ему. Напротивъ ты, который совершенно былъ сотворенъ Богомъ, садясь предъ судилищемъ, призываешь Бога на судъ. Бреніе не противится, такъ какъ оно не имѣетъ ни слова, ни устъ. Ужели ты потому противишься, что получилъ отъ Него даръ слова? Ужели ты будешь пользоваться тѣмъ даромъ противъ Щедродателя, чтобы вести съ Нимъ войну? Почему ты не вспоминаешь о тѣхъ причинахъ, по которымъ тебѣ невозможно вести войну противъ Бога? Не затѣмъ Онъ даровалъ тебѣ слово и разумъ, чтобы ты, имѣя эти преимущества, противился ему, но чтобы ты прославлялъ и благословлялъ Его,—не затѣмъ, чтобы ты судился и спорилъ съ Нимъ. Ты получилъ языкъ для превозношенія Его, а умъ для благодаренія и вѣры, какъ мы и читаемъ у Іисуса сына Сирахова: добровольно Я далъ тебѣ языкъ; а указывая на причину, говоритъ: чтобы ты благословлялъ Его и прославлялъ Его (ср. Іис. Сирах. LI, 30). Бреніе совершенно лишено рѣчи. Если ты познаешь (Творца), то поймешь, что ты ничтожнѣе бренія и лишенъ дара слова.

Такъ какъ Онъ принималъ участіе въ томъ, чтобы освободить ихъ, и хорошо зналъ, что они будутъ Его злословить за минувшее время, въ которое они подвергались притѣсненіямъ, по написанному: *мои же въ малѣ не подвижастѣся нозѣ* (Пс. LXXII, 2); и потомъ: *како увѣдѣ Богъ? И аще есть разумъ въ Вышнемъ? Се сіи грѣшницы и гобзующіи въ вѣкъ удержаша богатство* (Пс. LXXII, 11—12) а также: почему прогнѣвался на насъ *сіе седмьдесятое лѣто* (Зах. I, 12)? Многіе намѣрены были обвинять Его подобными словами,—а поэтому Онъ заключаетъ ихъ уста словами: *еда речетъ бреніе скудельнику?* Смотри на благопріятность времени, т. е., на то время, когда они уже имѣли получить свободу. Чтобы они не думали, что Богъ не можетъ совершить такія дѣла, Онъ и приводитъ эти слова. Если бы въ то время, какъ Онъ употреблялъ эти слова, они оставались все еще въ притѣсненіяхъ, то они
317 могли подумать, что Онъ обманулъ ихъ этими словами, такъ какъ не могъ освободить ихъ отъ наказаній. Но Онъ заключаетъ ихъ уста временемъ освобожденія, чтобы они знали, что то отпущеніе есть дѣло неизслѣдуемой и неиспытуемой премудрости, и никому не позволительно обвинять, говорить зло, или изслѣдовать. Когда

Онъ обращается къ противникамъ, то заимствуетъ выраженіе изъ быта возделывающаго землю: *еда весь день будетъ оряй орати* (Ис. XXVIII, 24)? Когда же онъ говоритъ тѣмъ, у которыхъ не было никакой надежды на освобожденіе, то Онъ пользуется подобіемъ бренія и художника. Вы, говоритъ, не знаете, что все это Я совершилъ для вашего наученія; все это Я предсказалъ, а вы не слышали. Если вы не слышали и сами себя подвергли наказанію, то вы и обвиняйте въ этомъ не Меня, а себя.

Между тобою и Богомъ существуетъ не только различіе, но это различіе таково, какъ между бреніемъ и художникомъ: художникъ не есть творецъ бренія, но только формы; однако одинъ весьма близокъ къ другому, такъ какъ и бреніе, и художникъ суть творенія; твой же Творецъ не сотворенъ, а ты—Его твореніе. Такъ какъ между тобою и Богомъ весьма большое различіе, то и говорится: *еда речетъ бреніе скудельнику: что* медлиши? Что *не дѣлаеши? И дѣло* речетъ: *еда не имаши рукъ? Еда отвѣщаетъ зданіе создавшему е?* Оно не будетъ отвѣчать ни тогда, когда оно бреніе, ни тогда, когда оно—выдѣланный сосудъ: „когда мнѣ лучше бы было быть бреніемъ, зачѣмъ ты меня превратилъ въ форму?“ или: „когда мнѣ лучше быть обработаннымъ, почему ты допустилъ мнѣ пребывать бреніемъ“? Это говорится многими безстыжими философами, которые служатъ предметомъ посмѣянія и срама для всѣхъ. Они желаютъ своимъ умомъ изслѣдовать неизмѣримую премудрость Божію, потому они отвратительны и ненавистны, за свои болтливыя рѣчи, которыя они безполезно повторяютъ каждый день, не переставая: если твореніе было добро, то почему оно не изначально? Если же оно зло, то почему оно совершается впослѣдствіи? Что иное должно отвѣчать на это, кромѣ слѣдующаго: *еда речетъ бреніе скудельнику*, или твореніе Творцу своему? Онъ одинъ зналъ все, зналъ также время, когда должно творить. Если, говорятъ, хорошо твореніе, то почему не творится каждый день? Но развѣ ты можешь теперь положить Богу законъ? О, гордость и жалость червя, земли и праха! Онъ спрашиваетъ та- 318
кимъ безстыднымъ образомъ основанія у природы столь несказанной и неизслѣдуемой, по обычаю развращенныхъ и пустыхъ дѣтей, которыя, будучи лишены ума, иногда оскорбляютъ мудреца. Что сказалъ пророкъ, для нихъ не велико, кажется имъ даже ничѣмъ.

Еда глаголетъ отцу своему: что родиши? Или матери: что чревоболиши? Онъ приводитъ въ примѣръ и это, на подобіе сказаннаго прежде. Ужели возможно для кого-либо сказать своему отцу: зачѣмъ ты меня родилъ, или своей матери. зачѣмъ ты меня зачала? Если первое свойственно безумному, то тѣмъ болѣе свой-

ственно безумному второе. Ты не обвиняешь природу въ такой винѣ, но Меня, Который есть господинъ природы, почему ты осмѣливаешься обвинять въ такой винѣ? Ты говоришь: почему Богъ сотворилъ людей? Гдѣ—рожденіе по законамъ природы, тамъ какъ у отца, такъ и у матери существуютъ многочисленныя скорби; объ нихъ ты не спрашиваешь. Напротивъ Меня ты призываешь на судъ. Почему Онъ здѣсь сказалъ о рожденіи и о зачатіи? Чтобы принять на Себя самого то и другое расположеніе родителей, и показать, что причиной того есть также Онъ—милосердый Богъ. Въ иномъ мѣстѣ говорится: *якоже щедритъ отецъ сыны, тако ущедри Господь боящихся Его* (Пс. сп, 13); а также: *или кто есть отъ васъ человѣкъ, его же аще вопроситъ сынъ его хлѣба, еда камень подастъ ему* (Мат. vп, 9); кромѣ того, въ этой же самой книгѣ ниже: *еда забудетъ жена отроча свое, еже не помиловати исчадія чрева своего? Но, Азъ не забуду тебе* (Ис. хыx, 15). Родители имѣютъ весьма большую заботу, больше которой невозможно найти, но промышленіе Божіе превосходитъ и ее. Здѣсь указывается то же, именно, что Онъ заботится о своихъ служителяхъ подобно родившей ихъ матери и подобно отцу промышляетъ обо всемъ, все располагаетъ и есть причина всего.

Тако глаголетъ Господь Израилевъ, сотворивый грядущая. Акила говоритъ: возвратитель его; Симмахъ: искупитель его. *Вопросите Мене о сынѣхъ Моихъ, и о дщеряхъ Моихъ, и о дѣлѣхъ руку Моею заповѣдите Мнѣ.* Можно ли отцу отвѣчать за дѣтей, или творцу за твореніе? Вы никогда и ни подъ какимъ условіемъ не можете промышлять и заботиться лучше, чѣмъ могу Я. Не спрашивайте о томъ, что происходитъ по необходимости природы, но лучше
319 судите о томъ, что происходитъ по Моимъ благодѣяніямъ. Въ рожденіи не вся заслуга принадлежитъ отцу, такъ какъ это есть дѣло природы, но все принадлежитъ Мнѣ, и рожденіе происходитъ по Моему благословенію; если какая заслуга приписывается отцу, то гораздо большая есть Моя заслуга, такъ какъ отцы являются только средствомъ, а Я—истинная причина всего.

Тако глаголетъ Господь, сотворивый грядущая. Хорошо сказано: грядущее, т. е. будущее, потому что не должно помышлять только о прошедшемъ. Для обличенія васъ достаточно было только того, что вы призваны къ жизни изъ ничего и что вы получили эту жизнь по Моей премудрости. Ужели Я не люблю васъ?—говоритъ Онъ. Но не достаточно только любить. Ужели Я не умѣю заботиться о васъ? Чтобы намъ знать вѣдѣніе Его, коимъ Онъ обо всемъ промышляетъ, Онъ привелъ такой примѣръ: Онъ называетъ отца и мать, чтобы болѣе удостовѣрить насъ о Своей любви. Никто не скажетъ: я не могу заботиться, я умѣю

любить, но не желаю; но всѣ говорятъ: я люблю и забочусь. Мнѣ кажется, что Онъ говоритъ какъ бы такъ: какъ сынъ не можетъ говорить ничего подобнаго матери, хотя онъ произошелъ на свѣтъ изъ ея утробы въ скорби, такъ и вамъ не должно ничего говорить подобнаго.

Потомъ Онъ исчисляетъ прошедшее: *Азъ сотворихъ землю и человѣка на ней сотворихъ.* Смотри на землю, питательницу, и на сотвореніе ея прежде прочаго. Говоря: *землю*, Онъ показываетъ всѣ блага, такъ какъ она есть уготованный столъ, одежда, пища.

12. *Азъ рукою Моею утвердихъ небо, Азъ всѣмъ звѣздамъ заповѣдахъ.* Акила и Симмахъ говорятъ: всѣмъ силамъ ихъ заповѣдалъ; Ѳеодотіонъ: всѣмъ силамъ его приказалъ; а это — въ знакъ Его попеченія и промышленія. Пусть твореніе не относится къ промышленію, тѣмъ не менѣе развѣ вы не будете приписывать промышленію столь много уготованныхъ благъ? Отцу должно воздавать благодарность за то, что онъ родилъ, хотя бы онъ потомъ и не имѣлъ никакой заботы о рожденномъ. Тѣмъ не менѣе никто не обвиняетъ его въ томъ, что онъ пожелалъ родить; онъ самъ пользуется своею властью. Гражданскіе законы дѣлаютъ его въ этомъ случаѣ господиномъ — поступать какъ ему угодно, безъ страха наказаній, такъ какъ у него находится вѣрный залогъ; его заботы и любовь естественны. Полагаясь на это, 320
Я далъ отцу всякую власть. Но Я не только это сдѣлалъ, а также небо и землю, и присоединилъ звѣзды. Это, можетъ быть, имѣетъ общее значеніе, но мы видимъ и особенное.

13—17. *Азъ*, говоритъ, возставлю *его съ правдою царя.* Мнѣ кажется, что Онъ обозначаетъ всю природу вмѣстѣ съ твореніями. Говоря же о Своемъ попеченіи, Онъ только называетъ еврейскій народъ того времени. *Азъ* возставлю *съ правдою царя:* здѣсь говорится или о Зоровавелѣ, или о царѣ Кирѣ. *Сей созиждетъ градъ Мой и плѣненіе людей Моихъ возвратитъ не по мздѣ;* другіе говорятъ: не по измѣнамъ и не по дарамъ. Чтобы ты сознавалъ, что это повелѣніе происходитъ отъ Бога, Онъ говоритъ: *рече Господь.* Когда говоритъ Господь, должно вѣровать, потому что это Господь. Другіе же говорятъ, что это сказано о Христѣ; ничто не препятствуетъ принять и это. *Сей созиждетъ градъ Мой*, т. е., Церковь. Возставитъ *съ правдою*: Онъ утвердилъ Церковь такимъ образомъ, чтобы она показывала свою власть не во множествѣ служителей и не въ законахъ, писанныхъ чернилами, и не во внѣшнихъ дѣлахъ; но какимъ же образомъ? Въ правдѣ, такъ какъ нѣтъ ничего подобнаго правдѣ. Потому тѣхъ, которые подчиняются Его власти, Онъ удерживаетъ не силою, но ихъ желаніемъ. Онъ не

сотворилъ никакого зла, не принесъ никому вреда. *Вси путіе Его правы*, чтобы никто не обвинялъ Его въ данныхъ законахъ. *И плѣненіе людей Моихъ возвратитъ не по мздѣ, не по даромъ*. Т. е.: *не стяжите злата, ни сребра* (Мат. x, 9).

Утрудися Египетъ. А иные говорятъ: рѣка египетская и торговля эѳіопская. По справедливости онъ называетъ трудами мірскія дѣла и заботы, подобно тому, какъ другой пророкъ называетъ это смятеніемъ: *обаче всуе мятется, сокровищствуетъ и не вѣсть, кому соберетъ я* (Пс. xxxviii, 7). Торговля есть скорбь, и труды—тщетны, по написанному: *попеченіе лукаво даде, еже упражнятися въ немъ и собирати; и се вся суетство и произволеніе духа* (Еккл. I, 13—14). Потомъ говорится: *и Саваимстіи мужи высоцыи*
321 *къ тебѣ прейдутъ, и тебѣ будутъ раби и въ слѣдъ тебе пойдутъ*. Саваимъ были сосѣдями египтянъ, и они получили новую проповѣдь чрезъ евнуха.

Связани узами ручными, и прейдутъ къ тебѣ, и поклонятся тебѣ, и въ тебѣ помолятся. Всѣ были связаны великимъ заблужденіемъ, особенно египтяне, эѳіопляне и сосѣдніе съ ними саваимляне. Послѣ того Онъ указываетъ причину, почему они прейдутъ: *яко въ тебѣ Богъ есть*, по написанному: *Азъ во Отцѣ и Отецъ во Мнѣ* (Іоан. xiv, 10). А другіе — слова: *въ тебѣ Богъ есть* — считаютъ сказанными относительно Іерусалима. Если это такъ, то смыслъ не измѣняется, такъ какъ изъ него произошелъ Господь и Богъ. Прочіе же переводчики не указываютъ никакой причины, но говорятъ: но и въ тебѣ сильный; Симмахъ говоритъ: такъ какъ въ тебѣ есть Богъ и нѣтъ безъ тебя Бога, Богъ въ Богѣ. Ясно: Отецъ есть въ Сынѣ, какъ Онъ и самъ говоритъ: *Азъ во Отцѣ и Отецъ во Мнѣ* (тамъ же). Здѣсь также указывается слѣпота іудеевъ. *Ты еси Богъ, и не вѣдяхомъ, Богъ Израилевъ Спасъ*. Акила не говоритъ: Ты еси Богъ, не вѣдѣхомъ; но: Ты еси Богъ невидимъ. Симмахъ и Ѳеодотіонъ говорятъ: сокрытый. Когда же Онъ былъ сокрытъ? Онъ проявляется въ Своемъ твореніи и промышленіи о тваряхъ, которымъ Онъ сохраняетъ ихъ. Потому слѣдующія слова указываютъ на Его промышленіе: *Богъ Израилевъ*, говорится, *Спасъ. Постыдятся и посрамятся вси противящіися Ему, и пойдутъ въ студѣ: обновляйтеся ко Мнѣ острови*. Акила говоритъ: постыдятся и даже покраснѣютъ отъ стыда всѣ вкупѣ, пойдутъ со стыдомъ къ художественнымъ издѣліямъ. Симмахъ говоритъ: былъ постыженъ; Ѳеодотіонъ: они всѣ вмѣстѣ. Другіе переводчики во многомъ обличаютъ дѣлателей идоловъ. Можетъ быть, это было сказано объ египетскихъ и эѳіопскихъ купцахъ. По 70-ти здѣсь обозначается обновленіе народовъ и совокупная радость о спасеніи Израиля. Потомъ призывается море и земля. На это

указываетъ слово: *острови*. *Обновляйтеся*, говоритъ, *ко Мнѣ острови*; *Израиль спасется отъ Господа спасеніемъ вѣчнымъ: не постыдятся, ни посрамятся даже до вѣка ктому*. Съ юности они будутъ чтить прекраснѣйшія добродѣтели.

18—19. *Тако глаголетъ Господь, сотворивый небо, сей Богъ, показавый землю, и сотворивый ю*. Смотри: такъ какъ пророкъ на- 322
мѣренъ сказать нѣчто великое, то онъ не называетъ одно имя Господа, хотя и оно достойно и достовѣрно, но говоритъ также о силѣ Его, потому что Онъ все содержитъ и всѣмъ управляетъ, и ничто не можетъ противиться власти Его. *Сей Богъ показавый землю*. Смотри: земля не существовала и была сотворена Имъ послѣ; на это указываютъ слова: *показавый землю и сотворивый ю*. Здѣсь сказано, что не только сотворена матерія, но также формы и пространство, такъ какъ земля была неустроена и невидима, безобразна, безславна, когда ее окружали и покрывали воды. *Сей Богъ показавый землю*. Ужели Онъ раздѣлилъ (только),—какъ утверждали безстыжіе греки, называя нѣкоторыхъ боговъ преисподними, а иныхъ небесными? Одинъ, говоритъ, есть Богъ всего міра; сила Его на землѣ такова, что все видимое свидѣтельствуетъ о Немъ. Недостаточно и этого, но Онъ таковъ, что никто не можетъ говорить о Немъ достойно и никто не можетъ понимать Его. Акила и Ѳеодотіонъ говорятъ: это говоритъ Господь, утверждающій небо; Онъ есть Богъ, творящій землю и совершающій ее. Необходимо истолковать это. Все, сотворенное Богомъ, находится не далеко отъ Него. Онъ, все держа и всѣмъ управляя, какъ бы постоянно творитъ и утверждаетъ. 70-ть говорятъ: Онъ сотворилъ все совершеннымъ и законченнымъ, и Онъ Самъ различилъ то, что сотворилъ; а другіе говорятъ: предуготовалъ, утвердилъ; по 70-ти: различилъ, т. е.: сдѣлалъ явнымъ сокрытое многими водами. Вначалѣ не было такого отдѣленія, но вода и земля были смѣшаны. Прогнать массу воды и показать землю сухою — это дѣло чрезвычайной силы. Мы можемъ наблюдать это и теперь, когда волнуется море и когда устремленіе бушующихъ волнъ угрожаетъ покрыть всю землю. Однако, показывая угрозу, оно не можетъ осуществить этой угрозы, такъ какъ ясно, что Богъ такимъ образомъ утвердилъ землю отъ начала и создалъ ее не безъ цѣли, но для того, чтобы она была обиталищемъ Его твореній. Смотри: само море сдѣлалось достой-
нымъ того, чтобы вѣровать Божественному обѣтованію, что Богъ 323
освободитъ людей и не погубитъ. *Не вотще сотвори ю*. И въ иномъ мѣстѣ говорится: *еда бо всуе создалъ еси вся сыны человѣческія* (Пс. LXXXVIII, 48)? Земля была сотворена ради васъ и была приготовлена для вашего обитанія, чтобы она питала васъ и промышляла о васъ.

Азъ есмь Господь, и нѣсть ктому. Не отай глаголахъ, ни въ темнѣ мѣстѣ земли. Какъ во время исхода изъ Египта дарованы были Моисею законы, такъ и теперь,—чтобы удержать ихъ отъ пороковъ персовъ. *Не отай глаголахъ, ни въ темнѣ мѣстѣ земли.* Пророкъ говоритъ объ идолахъ и о темныхъ предсказаніяхъ ихъ, а также о тѣхъ, которые находятся во мракѣ, т. е.: если ихъ дѣла темны, то Мои не таковы, но Я говорю съ великою свободою, которой никто не препятствуетъ, нисколько не сомнѣваясь, чтобы кто-либо могъ пренебречь Мною. Эти слова ясны, по сказанному: *аще глаголю вамъ во тмѣ, рцыте во свѣтѣ: и еже во уши слышите, проповѣдите на кровѣхъ* (Мат. x, 27), т. е., при свѣтѣ, явно; а также: *всякъ дѣлай злая ненавидитъ свѣта* (Іоан. III, 20); потомъ: *Азъ есмь свѣтъ міру* (Іоан. VIII, 12); и въ иномъ мѣстѣ: *Азъ всегда учахъ въ церкви, идѣже вси іудее снемлются* (Іоан. XVIII, 20). *Не рекохъ племени Іаковлю: суетнаго взыщите.* Я не давалъ такого повелѣнія, Я не приказывалъ этого на возвышенной горѣ, гдѣ они всѣ присутствовали и слышали. Развѣ Я не давалъ вамъ обѣщанія, когда съ неба пришелъ голосъ и прозвучала труба? Такимъ образомъ, нѣтъ причины говорить, что — Я повелѣлъ это, такъ какъ Я теперь утверждаю то, что сказалъ прежде. *Азъ есмь Господь, глаголяй правду и возвѣщаяй истину,* т. е.: Я возвѣщаю на твоемъ судѣ истину будущаго. Богу принадлежитъ совершать съ правдою настоящее и предсказывать съ истиною будущее, чего не могли возвѣстить всѣ идолы.

20—26. *Соберитеся, и пріидите, совѣщайтеся вкупѣ спасаемііи.* Подобно тому, какъ тотъ, кто намѣренъ освободить виновныхъ изъ узъ, прежде ихъ увѣщеваетъ и приводитъ имъ на память прежнія преступленія, чтобы для освобожденныхъ избавленіе не послужило причиною къ совершенію новыхъ пороковъ, — устра-
824 шаетъ и угрожаетъ, не наказаніе этимъ налагая, но напротивъ, заботясь о томъ, чтобы они не возвращались къ прежнимъ нравамъ,—такъ и Богъ, имѣвшій освободить ихъ изъ плѣна, призываетъ и приглашаетъ ихъ предъ Свое судилище. Ужели Я склонялъ васъ, говоритъ, почитать идоловъ? *Соберитеся, и пріидите, совѣщайтеся вкупѣ спасаемііи*: Я призываю всѣхъ вмѣстѣ; если кто осмѣлится, то пусть явно обличитъ Меня; Я возвѣщаю предъ всѣми, чтобы вы, собравшись, взаимно утѣшали себя и думали, что вы освобождены отъ языкъ. *Не разумѣша воздвижущіи древо изваяніе свое, и молящеся богомъ, иже не спасаютъ,* и не возвѣщаютъ. *Не разумѣша,* — такъ какъ они пребывали все еще во мракѣ и были совершенно ослѣплены. Онъ обличаетъ ихъ самымъ дѣломъ, потому что они по самой природѣ не могутъ двигаться. Почему такая смерть, почему такая тяжесть? Онъ высказываетъ

два положенія: они (идолы) изображенія и подобія людей; Я не подобенъ имъ. Будучи деревомъ, они, имѣя подобіе людей, пусть же помогутъ вамъ, если только они могутъ помогать. Потому пророкъ говоритъ съ насмѣшкой: *молящеся богомъ, иже не спасаютъ* и не возвѣщаютъ. Хотя предсказаніе есть, повидимому, малое дѣло, однако Богу свойственно не только предсказывать, но также и учить путямъ, которыми мы должны стремиться къ тому, что предсказано. Я же не требую этого отъ нихъ, но только того, чтобы они возвѣстили; Я или лгу, или говорю истину. Придите сюда, чтобы научиться тамъ, гдѣ ихъ почитаютъ; можетъ быть, они возвѣстятъ что-либо, *да приближатся, да уведятъ вкупѣ* языцы. Что означаетъ это слово: *вкупѣ*? Нѣкоторые вмѣстѣ съ вами изъ языкъ придутъ, чтобы познать Бога истиннаго.

Кто слышана сотвори сія исперва? Смотри предвидѣніе: Я не только сказалъ, но также совершилъ услышанное всѣми. *Тогда возвѣстися вамъ*. Такимъ образомъ, хотя они забываютъ, однако, они услышатъ вмѣстѣ съ вами. *Азъ Богъ и нѣсть иного развѣ Мене*: кромѣ Меня нѣтъ спасителя, и Я не напрасно требую царства, но потому, что нѣтъ иного праведника, кромѣ Меня; никто кромѣ Меня не можетъ быть Богомъ и Спасителемъ, кто бы былъ и справедливымъ къ мучимымъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ дивнымъ спасителемъ. Можетъ случиться, что иной является праведнымъ относительно виновныхъ, но онъ не можетъ быть спасителемъ. Для примѣра: иной царь можетъ произносить справедливый приговоръ, но онъ однако не можетъ дѣлать невредимымъ, и по 325
справедливому рѣшенію подвергаются смерти весьма многіе. У Меня же нѣтъ ничего подобнаго, но Я вмѣстѣ справедливъ и спаситель. Справедливое рѣшеніе не препятствуетъ Мнѣ спасать; желаніе спасти виновныхъ нисколько не вредитъ справедливому суду. Наказаніе же съ правдою есть великое спасеніе для виновныхъ, подобно тому, какъ въ тѣлѣ излѣченіе какой-либо раны служитъ исцѣленіемъ всего тѣла. Что дѣло обстоитъ такимъ образомъ, я тебѣ покажу это. Скажи: что составляетъ благо — наказывать по правдѣ, или по неправдѣ? Но я не говорю такъ, а утверждаю даже противное, потому что освобождающій праведнаго не щадитъ наказаній, но полагаетъ конецъ грѣхамъ. Развѣ Павелъ не былъ богохульникомъ, когда онъ говоритъ: *благодарю укрѣпляющаго мя Христа, яко вѣрна мя непщева, положивъ мя въ службу, бывша мя иногда хульника и гонителя, и досадителя; но помилованъ быхъ, да во мнѣ покажетъ Христосъ все долготерпѣніе* (1 Тим. I, 12—16). Итакъ, что же? Видишь ли, праведный Богъ ограничиваетъ Себя самого? Онъ болѣе и болѣе обличаетъ себя, чтобы ни въ чемъ не обличилъ его судія. Нигдѣ,

кажется, Богъ не говорилъ и не обличалъ такимъ образомъ, но Онъ желаетъ, чтобы грѣшникъ обличалъ самъ себя. Никто не возвѣщаетъ о грѣхахъ, если онъ прежде не обличитъ своей злобы. Освободилъ ли Онъ его, или нѣтъ? *Не пріидохъ*, говорится, *да сужду мірови, но да спасу міръ* (Іоан. XII, 47). Не таковъ ли былъ разбойникъ? Однако Праведный и Спаситель освободилъ его. Кого же Онъ не спасъ? Праведныхъ по законамъ, которые не пожелали этого. Онъ произноситъ одинаковое рѣшеніе относительно праведныхъ и грѣшныхъ вмѣстѣ, такъ какъ говорится: *вси согрѣшиша и лишени суть славы Божіей* (Римл. III, 23), каковыми словами показывается, что относительно праведности Божіей даже и праведники суть грѣшники. Спасеніе же имѣетъ мѣсто не только въ этомъ мірѣ, но гораздо болѣе—послѣ смерти, когда необходимо совершенное спасеніе. *Обратитеся ко Мнѣ, и спасетеся, иже отъ края земнаго.* Не думай, что Мое милосердіе — только ради Іерусалима. Я для того призвалъ ихъ, чтобы призвать также и васъ, чтобы и вы ревновали имъ. Я желаю только того, чтобы вы обратились, чтобы начало обращенія происходило отъ васъ, а не отъ Меня, Я же буду много помогать вамъ, когда
826 вы обратитесь ко Мнѣ. Я не требую ничего иного, кромѣ покаянія. *Азъ Богъ, и нѣсть иного развѣ Мене*; *Мною самимъ клянусь:* елико изыдетъ изъ устъ *Моихъ, правда* есть. Развѣ не надлежало клясться, для того, чтобы слышащіе эти слова увѣровали? Что это было именно такъ, свидѣтельствуетъ Павелъ: да имѣютъ, говоритъ, великое *утѣшеніе призванія къ вѣчной жизни* (ср. Евр. VI, 11—12). *Словеса Моя не возвратятся.* Онъ говорилъ часто, но не исполнялъ, вслѣдствіе недостоинства порочныхъ людей; потому здѣсь Онъ прибавляетъ также клятву. *Яко Мнѣ поклонится всяко колѣно.* Прилично было невѣрующихъ убѣждать такимъ образомъ. Но что ты говоришь, благій Господи? Твои іудеи оставили Тебя, а Ты желаешь собрать къ Себѣ иныхъ друзей? Іудеямъ принадлежала великая слава, когда Богъ являлъ ихъ побѣду, и вмѣстѣ съ тѣмъ велико было ничтожество непріятелей, такъ какъ они не могли не только превзойти рабовъ, но видѣли, что они отвергаютъ самихъ господъ. *И исповѣстся всякъ языкъ Богови правдою.* Павелъ говоритъ это о тѣхъ, которые пребываютъ въ преисподней. Когда совершилось это, о, іудеи? Очевидно, это совершилось у насъ. Когда Богу поклонилось всякое колѣно, если вы отступили отъ Бога и послѣ возвращенія изъ плѣна? Онъ говоритъ не: „станутъ“, но: *всяко колѣно поклонится.* Выше же онъ показалъ тоже самое: если Я совершилъ землю, то ясно, что Я — Богъ вселенной. *И исповѣстся всякъ языкъ.* Это — знаменіе благочестія. И речетъ *правда и слава къ Нему пріидетъ:*

и посрамятся вси отлучающіися отъ Господа. Какимъ образомъ поклонится всякое колѣно, когда есть нѣкоторые отлучающіеся? Многіе изъ отступившихъ отъ Господа посрамятся, и всѣ прославятся Богомъ, но никто не будетъ прославляться у Бога мірскими вещами. *И прославится все сѣмя сыновъ* Іаковлихъ. Такова истинная слава, которая происходитъ отъ праведности, а не отъ чего-либо иного.

ГЛАВА XLVI.

1—2. *Паде Вилъ, сокрушися Дагонъ, быша* идоли *ихъ въ звѣри, и въ гады.* Они падутъ такъ, что это будетъ невозвратнымъ, такъ какъ они не имѣютъ никакой силы и никакого чувства. Особенно они пали въ то время, когда долженъ былъ освободиться народъ. Быша вси идолы *ихъ въ звѣри* и *гады*: или они почитали звѣрей и гадовъ, или же дѣлали изображенія, подобныя имъ. *Яко бремя*, говоритъ, связано и собрано. Пророкъ осмѣиваетъ идоловъ: если они — боги, то какимъ образомъ ихъ можно уносить, на подобіе связаннаго бремени? Сила Божія никогда не нуждалась въ подобной человѣческой помощи. *Яко бремя*, говорится, *труждающемуся жаждущему и алчущему и разслабѣвшу и не могущу вкупѣ.* Помысли о томъ, какимъ образомъ они могли когда-либо избавиться отъ войны. 327

3—4. *Послушайте Мене, доме Іаковль и весь останокъ Израилевъ.* Такъ какъ многіе подверглись погибели и расхищенію, то и говорится: *носиміи отъ чрева, и наказуеміи до старости.* Чтобы кто-либо не обвинялъ пророка, что онъ всегда говоритъ одно и то же, онъ указываетъ причину этого, т. е., упорство слушающихъ. Ни въ какое время жизни, говоритъ онъ, вы не были расположены къ наученію. *Азъ есмь, и дондеже состарѣетеся, Азъ есмь.* Ужели только до старости ихъ? Нѣтъ, но также и потомъ, подобно тому, какъ если Онъ говорилъ, что Онъ былъ прежде Авраама, то это не значило, что Онъ былъ только до этого времени.

Азъ слышу *васъ, Азъ сотворихъ, и Азъ пощажду, Азъ подъиму, и спасу вы.* Потомъ пророкъ показываетъ, какъ признакъ милосердія Божія, то, о чемъ они особенно просили. „Ты Самъ, Ты именно виновникъ этого, Ты мучишь насъ безъ милосердія". Это противно сказаннымъ Имъ словамъ: *Азъ* слышу васъ; но вы Меня не слушаете. Хотя Я вѣченъ, однако, вижу васъ мѣняющими боговъ. Какъ же Я не щажу васъ? Вы—тяжелое бремя и, будучи склонны къ оскорбленіямъ, давно уже погибли бы, если

328 бы Я не заботился о васъ. *Азъ сотворихъ*, *Азъ* услышу, т. е.: не вы совершили все это, но Я вновь дарую избавленіе и спасу васъ. *Азъ слышу васъ*: это — или обличеніе, или же возвѣщеніе.

5—13. *Кому мя уподобисте?* Идоламъ ли? Опять пророкъ осмѣиваетъ изваянныя издѣлія, идольскія изображенія. *Слагающіи злато изъ мѣха, и сребро вѣсомъ, поставляютъ въ мѣрилѣ, и наемше златаря, сотвориша рукотворенная, и преклоншеся покланяются имъ. Воздвижутъ я на рамѣхъ, и ходятъ: аще же положатъ на мѣстѣ своемъ, ту лежатъ, ниже подвижутся: и иже аще возопіетъ къ нимъ, не услышатъ, отъ бѣдъ не спасутъ его. Помяните сія и возстените, покайтеся прельстившіися, обратитеся сердцемъ, и помяните первая отъ вѣка.* Какъ язва уродуетъ лицо, такъ грѣхи—души. *Покайтеся прельстившіися*: кто, уклонившись съ прямого пути, откажется возвратиться на него? Хотя бы Я и не увѣщевалъ васъ къ тому, не надлежало ли вамъ искать прямого пути по инымъ побужденіямъ? *Обратитеся сердцемъ*. Видишь ли, Богъ требуетъ такого именно обращенія? Помяните первая отъ вѣка: таковъ образъ покаянія, что кающійся часто думаетъ о прежнемъ и сожалѣетъ о немъ; для того существуютъ книги и повелѣнія. Я готовъ потребовать во всякое время отъ васъ мщенія. Онъ не говоритъ: въ то или иное время, но во всякое время. Я показываю не только благодѣяніе, но и мщеніе, не только терпѣніе, но и Свою любовь, и для Меня достаточно, чтобы вполнѣ и не тщетно возбудить вѣру какъ въ Мое благодѣяніе, такъ и въ вѣчное наказаніе. *Азъ есмь, и Азъ* единъ *возвѣщаяй прежде послѣдняя, прежде неже быти имъ, и абіе сбышася*. Видишь ли, предсказаніе принадлежитъ одному Богу и никому иному. *И абіе сбышася*. Когда? Не по порядку времени, но все вмѣстѣ, такъ, какъ Онъ желалъ. Онъ прежде сказалъ о томъ, что имѣло быть спустя отдаленное время, и теперь называетъ это *послѣдняя*. *И рекохъ: вси совѣти Мои станутъ, и вся, елика совѣщахъ, сотворю*. Это свойственно только Богу—дѣлать то, чтобы Онъ ни сказалъ, такъ какъ ничто не можетъ препятствовать Ему и противиться Ему. Человѣкъ же не можетъ даже говорить, и не смѣетъ ничего дѣлать. *Призываяй отъ востокъ птицы, и отъ земли издалеча, о нихже совѣщахъ*. Птицами пророкъ называетъ израильтянъ ради
329 быстроты возвращенія, подобно тому, какъ птицы быстро пролетаютъ путь, по которому онѣ отправились. Сіе *совѣщахъ, сіе и* сотворю, *яко Азъ есмь творяй*. Онъ опять показываетъ легкость, съ которою Онъ совѣщалъ. *Совѣщахъ, создахъ, приведохъ и благопоспѣшихъ*,—открывая этими словами, что Онъ сотворилъ изъ ничего, и однако не непрочнымъ, но твердымъ. Такой смыслъ имѣютъ: уставихъ *и сотворихъ*,—то, чего не было. Если ты спрашиваешь

о легкости творенія, то Онъ говоритъ: Я призвалъ, какъ бы это уже было; а если спрашиваешь о силѣ, то Онъ говоритъ: Я создалъ то, чего не существовало. *Послушайте Мене, погубльшіи сердце.* Акила говоритъ: крѣпкіе сердцемъ: Симмахъ: жестокіе сердцемъ,—что говоритъ и Стефанъ въ своей рѣчи предъ ними. *Сущіи далече отъ правды.* Смотри, какъ великъ вредъ, когда кто-либо отступаетъ отъ праведности; слѣдовать за правдою—это начало доброй жизни, а порочность дѣлаетъ людей безчувственными и глупыми. Вы не только отступили, но и удалились отъ праведности. Азъ же приближу *правду Мою, и спасеніе еже отъ Мене не умедлю.* Онъ называетъ правду милосердіемъ, такъ какъ въ милосердіи находится правда, и въ правдѣ милосердіе, почему и говорится: *милость и судъ воспою Тебѣ Господи* (Пс. с, 1), и опять: *помилую егоже милую* (Исх. xxxiii, 19),—и все это не безъ причины. Видишь ли правду съ милосердіемъ и милосердіе съ правдою? Иногда Онъ подвергалъ ихъ наказанію, но спустя какое время? Если ты обратишь вниманіе на то, что Онъ иногда наказываетъ то послѣ продолжительнаго времени, то скоро, то ты всегда найдешь милосердіе. Онъ наказалъ Каина, однако ничего не было милосерднѣе такого наказанія: Онъ склонялъ его къ тому, чтобы тотъ освободился отъ своей порочности. Хотя въ короткое время Онъ истребилъ тѣхъ, которые умерли во время потопа, однако ничего не было легче этого, потому что такимъ образомъ Онъ искоренилъ ихъ нечестіе. *Приближихъ правду Мою, и не удалится, и спасеніе, еже отъ мене, не умедлю: дахъ въ Сіонѣ спасеніе Исраилю въ прославленіе.* Прочіе, приходя изъ отдаленной страны, послѣ освобожденія изъ плѣна, подвергались презрѣнію, какъ виновные, какъ блуждающіе и странствующіе. Я же, говоритъ, поступлю противоположнымъ образомъ: дамъ *въ Сіонѣ спасеніе Исраилю въ прославленіе.* Такимъ образомъ, послѣ возвращенія, Онъ сдѣлалъ ихъ такими, что они не только не подвергались презрѣнію, но даже достигли наибольшей славы.

ГЛАВА XLVII.

1—5. *Сниди, сяди на земли.* А прочіе говорятъ: на землю. 330
Дѣво дщи вавилоня. Смотри: пророкъ повелѣваетъ властно, чтобы научить насъ великому. Это не пророчество, но повелѣніе Божіе. *Вниди во тму, дщи халдейска, яко не приложиши къ сему прозыватися мягка и юна.* Смотри: изнѣженныя женщины стали жалкими и изгнанными изъ царства. *Возми жерновы, мели муку:* онѣ перешли отъ царства къ жерновамъ, въ невыносимый и весьма

тяжелый плѣнъ. *Открый покрывало твое, открый сѣдины.* Ужели ты не пожалѣешь и старости? Ужели ты не почтишь даже и сѣдыхъ волосъ? *Откроется студъ твой, явятся укоризны твоя: праведное отъ тебе возму*; а другіе говорятъ: совершится мщеніе,—Я отомщу за тебя.

6—15. *Разгнѣвахся на люди Моя, осквернища бо наслѣдіе Мое: Азъ вдахъ я въ руку твою, ты же не дала имъ милости, старчій яремъ отягчила еси зѣло и рекла еси: въ вѣкъ буду владычица.* Видишь ли причину наказаній? Своею ли силою ты побѣдила ихъ? *Азъ вдахъ я въ руку твою*, а ты не пощадила, не пожалѣла даже старцевъ,—ты сказала, что будешь владычествовать надъ ними во вѣки вѣковъ. Видишь ли, что даже и тѣхъ, которыхъ предаетъ намъ Богъ, должно наказывать съ милостью? *Не помыслила еси сихъ въ сердцы твоемъ, ниже помянула еси послѣднихъ.* Нѣтъ ничего хуже человѣка, который забываетъ о своей природѣ. *Нынѣ же слыши сія, пріятная, сѣдящая, уповающая, глаголющая въ сердцы своемъ: азъ есмь, и нѣсть иныя.* Это пророкъ говоритъ, чтобы показать
331 тебѣ, что человѣческія перемѣны происходятъ не по мысли людей, такъ какъ, спустя немного дней, ты будешь схвачена, и внезапно будутъ воевать противъ тебя тѣ, на которыхъ ты надѣялась. *Не сяду вдовою, и не познаю сиротства. Нынѣ же пріидутъ на тя два сія внезапу въ единъ день.* Смотри: пророкъ показываетъ, что внезапно отъ Бога произойдетъ тотъ гнѣвъ и съ неба наказаніе. *Стани нынѣ съ чары твоими и со многимъ* злодѣйствомъ *твоимъ.* Увы, велика же сила ихъ! Они не только не могутъ познать предсказаннаго, но даже не могутъ противостоять познаннымъ предсказаніямъ иныхъ, и ничего не могутъ предпринять. Бороться противъ предсказаннаго есть не что иное, какъ сильно надѣяться на свою доблесть и презирать слабость борющихся. О людяхъ ли только я говорю это? Никакъ; но если подвигнутся и преисподнія силы, то и онѣ не смогутъ причинить никакого вреда.

Ты рекла еси: азъ есмь и нѣсть иныя. Смотри: хотя бы то, что есть (само по себѣ) человѣческое, было уготовано и хорошо расположено, тѣмъ не менѣе, если не приходитъ счастіе съ неба, то таковое приготовленіе не приноситъ никакой пользы, а дѣлается даже безчестіемъ и срамомъ для приготовляющихъ. Поистинѣ это служитъ признакомъ стыда, такъ какъ они надѣются на тѣхъ, отъ которыхъ не найдутъ никакой помощи. Такъ какъ, говоритъ, ты пребываешь гордою въ своемъ умѣ, то *пріидетъ на тя пагуба и не увѣси, пропасть, и впадеши въ ню.* Видишь ли, Онъ всегда показываетъ неожиданное? Удивительно же то, что Онъ гораздо раньше предсказываетъ и не совершаетъ въ дѣйствительности предсказанія, такъ что люди думаютъ, что Онъ не можетъ совер-

шить своихъ угрозъ; но потомъ Онъ исполняетъ предсказанное неожиданно и внезапно. Имъ всегда слѣдовало ожидать. Но хотя Онъ и удерживалъ гнѣвъ, однако это не принесло никакой пользы. Пощадившій ниневитянъ могъ пощадить и ихъ. *Стани нынѣ со многимъ* злодѣйствомъ твоимъ *и съ волхвованіями твоими, имиже научилася еси изъ юности твоея, аще возмогутъ ти помощи*. Ассиріянинъ порицалъ іудеевъ, говоря: гдѣ есть Богъ вашъ, Который можетъ помочь вамъ? Но онъ говорилъ такъ напрасно: Богъ даровалъ имъ помощь и отомстилъ за нихъ.

Утрудилася еси въ совѣтѣхъ твоихъ: да станутъ нынѣ, и спасутъ тя звѣздочетцы небесе. Акила говоритъ: освѣтители неба; а иные говорятъ: наблюдатели небесъ, которые смотрятъ на небесныя звѣзды. Чтобы кто-либо не сказалъ, что астрологи могутъ предсказывать будущее, пророкъ говоритъ: они не возвѣстили тебѣ 382
ничего иного, кромѣ тоски, которой подвержены они сами, постоянно наблюдая звѣзды и будучи безсильны знать что-либо. *Се вси яко хврастіе огнемъ погорятъ, и не изъимутъ души своея изъ пламени*. Они не только будутъ безполезны тебѣ, но даже и сами погибнутъ. *Трудилася еси въ преложеніи отъ юности твоея, человѣкъ самъ въ себѣ прельстися, тебѣ же не будетъ спасенія*. Каждый, говоритъ, будетъ наказанъ по грѣхамъ своимъ. Какимъ же образомъ ты сможешь освободиться отъ этого?

ГЛАВА XLVIII.

Ст. 1—5. *Услышите сія, доме Іаковль, прозванніи именемъ* 383
Исраилевымъ, и изшедшіи изъ сѣмени *Іуды*. А другіе говорятъ: отъ воды Іуды. Видишь ли, Онъ презираетъ происхожденіе, если оно не соединяется съ добродѣтелью, но болѣе влачится по землѣ,—употребляя здѣсь прекрасныя выраженія. *Доме Іаковль, прозванніи именемъ Исраилевымъ, изшедшіи* изъ сѣмени *Іуды, кленущіися именемъ Господа Бога Исраилева, и придержащіися имени града святаго*. Онъ приводитъ на умъ прежнія событія,—или тѣ, которыя совершились въ Египтѣ, когда Онъ говорилъ: *и смирятъ я лѣтъ четыриста и* тридесятъ [1] (ср. Быт. xv, 13),—или тѣ, кото-

---

[1]) Въ Быт. xv, 13, въ словахъ Бога Аврааму относительно имѣющаго произойти отъ него потомства, время пребыванія евреевъ въ Египтѣ опредѣляется, какъ въ еврейско-масоретскомъ т., такъ и въ переводахъ, въ четыреста лѣтъ. Но въ Исходѣ xii, 40—41, а также въ Галат. iii, 17, оно опредѣляется въ четыреста тридцать лѣтъ. Св. І. Златоустъ беретъ послѣднюю дату, и примѣняетъ ее къ Быт. xv, 13.

рыя совершились въ Вавилонѣ, потому что они подвергались мученію въ теченіе 70 лѣтъ. *Внезапу слышано бысть: сотворихъ и найде*: пришло или въ то время, когда они были какъ бы виновными, или когда не ожидали. *Вѣмъ, яко жестокъ еси, и жила желѣзна выя твоя, и чело твое мѣдяно*. Онъ утверждаетъ это затѣмъ, чтобы кто-либо не сказалъ, что пророчества, постоянно угрожающія будущими наказаніями, нисколько не приносили пользы, и что они сами отъ угрозъ не получили никакой пользы, и не стали лучшими. *И возвѣстихъ ти, яже древле, прежде неже пріити на тя:* слышано есть внезапу, *еже* сотвориша, *да не когда речеши, яко идоли мнѣ сія сотвориша, и речеши, яко изваянная и сліянная мнѣ*. Потому и Агавъ пророчествовалъ, что будетъ великій голодъ (Дѣян. XI, 28), чтобы въ то время, когда почитаніе демоновъ едва прекратило свое существованіе, они не вѣрили, что такой голодъ произойдетъ вслѣдствіе ихъ гнѣва. Потому Богъ предсказалъ о немъ чрезъ Своего пророка, а не чрезъ чужого. Знаю, говоритъ, что ты жестокъ, и предсказалъ потому, что ты не получаешь никакой пользы отъ пророчествъ.

334 6—8. *Слышасте вся, и вы не разумѣсте*, т. е.: вы пренебрегли этимъ. *Но и слышана тебѣ сотворихъ новая*, т. е.: что должно совершиться во время возвращенія изъ плѣна. *И не рѣклъ еси: нынѣ бываютъ, а не прежде, и не въ прежднія дни слышалъ еси сія*, т. е.: вы не вѣровали и не заботились. *Не рцы: ей вѣмъ сія. Не видѣлъ еси, ниже разумѣлъ еси, ниже исперва отверзохъ ушеса твоя*, т. е.: Я терпѣлъ для того, чтобы ты разумѣлъ, почему Я не тотчасъ подвергъ наказаніямъ, какъ сказалъ о нихъ. Конечно, Я предсказалъ на словахъ, но въ дѣйствительности ничего (такого) еще не совершилъ. Такъ обыкновенно говорилъ многое и Христосъ, но Онъ раскрывалъ не всѣ притчи.

Приводится также и самая причина слѣпоты ихъ. *Вѣдяхъ бо, яко отвергая отринеши, и беззаконникъ еще отъ чрева прозовешися. Имене Моего ради покажу ти ярость Мою, и славная Моя наведу на тя, да не потреблю тебе*. По этой причинѣ Я не говорилъ тебѣ ничего относительно того обѣщанія, но дозволилъ, чтобы ты блуждалъ туда и сюда. Какимъ образомъ кто-либо можетъ быть беззаконникомъ отъ чрева? Въ этихъ словахъ обозначается множество пороковъ,—такъ какъ никому невозможно быть беззаконникомъ отъ чрева. Подобно этому говорится и въ иномъ мѣстѣ: *очуждишася грѣшницы отъ ложесnъ, заблудиша отъ чрева, глаголаша лжу* (Пс. LVII, 4). Разумѣй: когда они отъ младенческаго возраста перешли въ юношескій, то они совершенно оставили Бога. Иные же говорятъ: ты называешься беззаконникомъ отъ чрева матери. Это совершилось въ то время, когда они вы-

шли изъ Египта, потому что они чрезъ Моисея вышли изъ египетскихъ мученій ко спасенію, какъ бы изъ чрева.

9—15. *Имене Моего ради покажу ти* помощь *Мою*. Видишь ли, Онъ считаетъ мученія помощью? Но, говоритъ, они не были достойны даже этого: хотя бы (во время плѣна) они пребывали въ добродѣтеляхъ, но эта помощь имъ оказывается только ради Моего имени. Чтобы обозначить легкость наказанія, Онъ не говоритъ: наложу, а только: *покажу*. Но скажи: какая же отсюда послѣдуетъ польза? *Да не потреблю тебе*, говоритъ.

И славная Моя наведу на тя, чтобы они пришли къ покаянію не только отъ наказаній, но и отъ чудесъ, ради чего Я не посылаю ни бѣдствій, ни благъ безъ чудесъ. А если угодно, то я опять покажу тебѣ, что въ каждомъ бѣдствіи и благѣ заключаются чудеса, такъ что дары благодати обнаруживаются изъ того и другого.

Се продахъ тя не сребра ради: изъяхъ же тя изъ пещи убо- 335
жества. Мене ради сотворю сіе, да Мое имя не хулится, и славы Моея иному не дамъ. Здѣсь Онъ называетъ Своею славою народъ. *Послушай Мене, Іакове и Исраилю, егоже Азъ призываю: Азъ есмь первый и Азъ есмь въ вѣкъ*. Что значатъ эти слова: *И рука Моя основа землю, и десница Моя утверди небо*? Здѣсь Онъ говоритъ не о твореніи, но о расположеніи.

Призову, говоритъ, неодушевленное и безчувственное, и они *услышатъ* такимъ образомъ, *и станутъ вкупѣ, и соберутся вси и услышатъ. Кто имъ возвѣсти сія? Любя тя*, Господь сотворилъ *волю Свою надъ вавилонянами*, т. е.: любящій тебя исполнилъ свою волю относительно ихъ. *Еже отъяти племя халдейско*. Что ты говоришь? Что Онъ будетъ мучить тѣхъ ради того, что любитъ этихъ? Никакъ, но подобно тому, какъ тотъ, кто любитъ какого-либо человѣка, считаетъ прекраснымъ говорить своему другу: „я сдѣлалъ то и это ради тебя“,—такъ и Богъ, любящій Свой народъ, мучилъ тѣхъ (вавилонянъ), и кромѣ того, ради Своей любви, освобождалъ изъ рабства. То, что Онъ подвергалъ халдеевъ казнямъ не ради только ихъ, ясно изъ слѣдующаго: *сотворихъ волю Свою, Азъ глаголахъ, Азъ призвахъ, Азъ приведохъ его и благопоспѣшихъ путь его*: говорится о Кирѣ, о которомъ Онъ предсказалъ и исполнилъ предсказанное. Мы часто указывали также на причины этой вещи, которыя находимъ и въ евангеліи, когда читаемъ: *да егда будетъ, вѣру имете, яко Азъ есмь* (Іоан. XIII, 19).

16—19. *Приступите ко Мнѣ и слышите, исперва не отай глаголахъ*. Если Я теперь говорю свободно, то Я и тогда говорилъ также не въ сокровенномъ мѣстѣ. *Егда бываху, тамо бѣхъ, и нынѣ*

Господь посла мя, и Духъ его. Видишь ли, что и Духъ посылающій также есть Богъ?

Тако глаголетъ Господь, избавивый тя, Святый Израилевъ: Азъ есмь Богъ твой, Азъ показахъ ти, еже обрѣсти тебѣ путь къ полезнымъ. Другіе говорятъ: научилъ тебя. Часто говорится въ писа-
336 ніи: *Азъ есмь Господь Богъ твой* (Исх. xx, 2), чтобы они сознавали величайшую помощь Его. Цари склонны дѣлать полезное не изъ любви къ добродѣтели, но ради своего удобства, и если когда упражняются въ добродѣтеляхъ, то это также служатъ къ ихъ пользѣ. Богъ же убѣждаетъ Своихъ слугъ, чтобы пребывали въ добродѣтеляхъ, убѣждаетъ дѣло рукъ Своихъ, чтобы благочестиво жили.

И аще бы еси послушалъ заповѣдей Моихъ, — говоритъ. Ясно, что Онъ все, что ни дѣлалъ, совершилъ для нашей пользы. *Былъ бы аки рѣка миръ твой и правда твоя яко волны морскія*, текущія и обильныя: миръ непрестанный и ненарушимый. Нѣтъ ничего полезнѣе повелѣнія Божія: оно есть вмѣстѣ источникъ жизни, мира и всѣхъ благъ.

И яко песокъ морскій *сѣмя твое*; и этого благодѣянія достигали исполнители повелѣній. *И исчадія чрева твоего, яко перстъ земли.* А другіе говорятъ: какъ тысячи земли. Но *ниже нынѣ потребишися, ниже погибнетъ имя твое предо Мною*, т. е.: и теперь также, хотя ты и не слыхалъ о Мнѣ. О, благоволеніе Божіе! Хотя ты и не слыхалъ обо Мнѣ, однако Я и теперь, говоритъ, не буду подвергать тебя никакимъ наказаніямъ предо Мною. Хотя бы вы были отвержены духомъ человѣческимъ, однако, вы будете жить предо Мною, и можете вновь слышать повелѣнія Мои.

20—21. *Изыди отъ Вавилона*, бѣжи *отъ халдеевъ*. Почему же Онъ повелѣваетъ обратиться въ бѣгство? Этимъ Онъ указываетъ на ихъ лѣность. Нѣкоторые изъ іудеевъ, охваченные любовью къ врагамъ своей страны, желали тамъ остаться; Онъ предотвращаетъ ихъ отъ такого чувственнаго и бездѣятельнаго настроенія, говоря: *изыди отъ Вавилона*, бѣжи *отъ халдеевъ*,—изъ земли твоихъ враговъ, такъ какъ на эту страну придутъ весьма многочисленныя и великія бѣдствія, такъ что вамъ, желающимъ пользоваться жизнью, всегда нужно бѣжать. Подобно тому, какъ нѣкогда случилось въ Египтѣ, что удерживавшіе евреевъ потомъ побуждали ихъ выходить, и выгоняли ихъ силою, такъ, говоритъ, и теперь произойдутъ такія бѣдствія, что какъ вы, такъ и прочіе вмѣстѣ обратитесь въ бѣгство.

Гласъ радости возвѣстите, и да слышано будетъ сіе, возвѣстите даже до послѣднихъ земли, т. е.: проповѣдайте о совершившихся событіяхъ вездѣ во вселенной. Онъ желаетъ показать или то, что

Онъ исхитилъ ихъ отъ рукъ враговъ Своею силою, или же то, 837
что онъ возстановилъ ихъ невредимыми, почему и говоритъ далѣе: *глаголите: избави Господь раба Своего Іакова*, и не потерпѣлъ, чтобы они *жаждали*; *и аще вжаждутъ пустынею, воду изъ камене изведетъ; разсядется камень и потечетъ вода и испіютъ людіе Мои*. Въ этихъ словахъ указывается на легкость освобожденія, такъ что, если бы кто сомнѣвался, что Онъ не можетъ совершить освобожденія изъ Вавилона, то такой пусть повѣритъ этому въ виду совершившагося во время странствованія по пустынѣ. Свободная воля людей гораздо болѣе упряма, чѣмъ природа остальныхъ тварей: эти совершенно лишены души или чувства, напротивъ— тѣ, будучи одарены разумомъ, если желаютъ, то слушаются, если же не желаютъ, то остаются упорными.

Нѣсть радоватися нечестивымъ, глаголетъ Господь. Какимъ образомъ нечестивые не охватываются радостью, когда пророки говорятъ: *нѣсть утвержденія въ ранѣ ихъ: въ трудѣхъ человѣческихъ не суть, и съ человѣки не пріимутъ ранъ* (Пс. LXXII, 4 — 5); а потомъ: *съ гусльми и пѣвницами и тимпаны ликуютъ* младенцы предъ ними (Ис. V, 12), — что служитъ признакомъ великой радости; а также: *путь нечестивыхъ спѣется* (Іер. XII, 1). Почему же здѣсь говорится: *нѣсть радоватися нечестивымъ?* А иные говорятъ: нѣтъ мира нечестивымъ, потому что они, можетъ быть, иногда находятъ радость; но еврейскій псаломъ говоритъ: Amar Adonai Karsaim [1]), т. е., нѣтъ мира нечестивымъ. Ясно, что они не имѣютъ истинной, неизсякаемой, нескончаемой радости. Подобно тому, какъ безконеченъ Богъ, такъ и радость, которая исходитъ отъ Бога, безконечна; она всегда течетъ, всегда цвѣтетъ и никогда не изсякаетъ; нечестивые же лишены такой радости. Пророкъ не сказалъ: они не подвержены радости, но: *нѣсть радоватися*, — какъ если бы кто-либо сказалъ какому-либо бѣдняку, что онъ не богачъ и что это не возможно. Люди, которые ежедневно ведутъ неправую жизнь, а также участники ихъ преступленій, всегда живутъ въ великомъ страхѣ и смятеніи и пребываютъ въ постоянной смерти. Ничто не препятствуетъ назвать это смертью, здѣсь есть нѣчто болѣе тяжелое даже самой смерти. Смерть есть освобожденіе отъ бѣдъ, отъ золъ, которыя

---

[1]) Этихъ словъ въ еврейско-масоретскомъ текстѣ Псалтири не находится. Подобныя имъ по смыслу читаются въ Псалмѣ XLIX, 16: *грѣшнику же рече Богъ: вскую ты повѣдаеши оправданія Моя*. Но замѣчательно, что въ изъясняемомъ здѣсь мѣстѣ пророчества Исаіи читаются слова, подобныя тѣмъ, которыя названы словами изъ еврейскаго псалма, а именно: amar Adonaj laroschajim.

338 содержать насъ связанными, и разрѣшеніе души отъ узъ тѣла. Когда происходитъ такое разрѣшеніе, то вмѣстѣ съ нимъ прекращаются и всѣ заботы. Неправая жизнь бываетъ причиною многихъ преступленій, такъ какъ она производитъ пороки и часто весьма сильно воспламеняетъ ихъ. Каждый какъ бы связывается своею веревкою, и вслѣдствіе неправой жизни происходитъ опутываніе. Конечно, бываютъ и иныя обстоятельства, которыя дѣлаютъ жизнь печальной и даже безъ вины, какъ трудъ для обезпеченія себѣ средствъ жизни, смертельныя болѣзни, потери, порицанія, обвиненія, коварство, встрѣчающіяся весьма часто горести и многое подобное. Но когда присутствуетъ грѣхъ, этотъ неукротимый звѣрь, то вновь не является никакого утѣшенія. Смотри на блуждающаго и бѣглаго Каина, проводящаго неспокойную жизнь.

Не должно ли (здѣсь) сказать о тѣхъ безумцахъ и отчаянныхъ, которые, хотя суть люди, лишены смысла болѣе, чѣмъ камень? Хотя они одарены умомъ, однако не пользуются имъ, такъ что постоянно стремглавъ падаютъ въ бездну золъ, и хотя погружены въ нечистотѣ пороковъ, думаютъ оставаться здѣсь. Объ нихъ пророкъ говоритъ: *нѣсть радоватися нечестивымъ*. Дѣйствительно,—*нѣсть*: они проводятъ жизнь въ скорби и сомнѣніи, одиноко ли, или видя вмѣстѣ съ собою другихъ, находящихся въ наказаніяхъ, предусматривая изъ ихъ наказаній свои бѣдствія, подобно тому, какъ почитающіе добродѣтель, если услышатъ что-либо нравственно прекрасное, охватываются радостію. (Нечестивые) не могутъ слышать писаній, потому что не желаютъ слышать о своихъ наказаніяхъ. Писанія, хотя не мучатъ злыхъ прямо, однако всѣмъ имъ угрожаютъ. Слыша таковыя угрозы, нечестивые постоянно изнываютъ. Писанія никому не угрожаютъ отдѣльно, но всѣмъ нечестивымъ вмѣстѣ. Подобно этому и Павелъ говорилъ: *миръ имѣйте и святыню со всѣми, ихже кромѣ никтоже узритъ Господа* (Евр. XII, 14). Злой человѣкъ, слыша ихъ, воспринимаетъ какъ бы рану въ жилы, и отходитъ. Выслушивая опредѣленіе, онъ уязвляется въ сердцѣ. И это происходитъ прежде, чѣмъ онъ увидитъ Судію и придетъ время суда, когда еще нѣтъ на лицо ни мученій, ни наказаній. Совѣсть, показывающая то, что слѣдовало дѣлать, мститъ за беззаконіе, тѣмъ болѣе, когда онъ слышитъ: *не льстите себѣ: ни блудницы, ни идолослужители, ни прелюбодѣи, ни сквернители, ни малакіи, ни мужеложницы царствія Божія не наслѣдятъ* (1 Кор. VI, 9 — 10); а также: *страшно нѣкое чаяніе суда, и огня ревность поясти хотящаго сопротивныя* (Евр. X, 27).

339 Если онъ получаетъ это отъ Писаній, то откуда больше онъ

можетъ получить какое-либо утѣшеніе и облегченіе? Если отъ нихъ является скорбь и печаль, то какимъ образомъ нечестивый можетъ быть объятъ радостью; куда можетъ убѣжать, или въ чемъ найти утѣшеніе, если отъ нихъ (Писаній) онъ получаетъ печаль и уязвленіе? Хотя бы онъ пришелъ въ гавань всѣхъ благъ, онъ не получитъ никакой радости, но найдетъ тамъ скорбь и удары. Если писанія не доставляютъ ему утѣшенія, то что иное можетъ принести облегченіе?

Ты, можетъ быть, желаешь, чтобы мы повели его на публичное зрѣлище, гдѣ мѣсто радости и смѣха? Древніе думали, что это путь не къ нравственно-славному, но къ забвенію добродѣтели и развращенію нравовъ; нынѣ же говорятъ: нѣтъ, а мы такимъ образомъ облегчаемъ нашу ежедневную печаль, которая давитъ духъ. Пусть будетъ такъ. Итакъ, приходитъ онъ на публичное зрѣлище, слышитъ пѣвцовъ, видитъ дѣйствующихъ лицъ. Когда онъ тамъ видитъ изнасилователя чужой жены потерпѣвшимъ, то онъ возвращается домой уязвленнымъ. Хотя никто изъ зрителей не знаетъ о содѣланномъ имъ преступленіи, тѣмъ не менѣе совѣсть его угнетаетъ духъ и говоритъ ему, что смѣхъ народа изъ-за жены ближняго касается не того, кто игралъ эту роль, но его самого, который совершилъ такую вину.

Если ты желаешь, то мы поведемъ его туда, гдѣ есть радость, гдѣ люди предаются игрѣ и гдѣ происходитъ свадьба или движенія плясуновъ. Но и здѣсь онъ сильно скорбитъ и стонетъ, вслѣдствіе совершенныхъ беззаконій. То, что всѣ дѣлаютъ съ полною свободою и съ совершенной радостью, онъ сдѣлалъ несправедливо и вышелъ виновнымъ. Мы тогда болѣе понимаемъ наше заблужденіе, когда видимъ добрыя дѣла другихъ. Когда кто-либо обличается въ томъ, что онъ поступилъ незаконно, тогда какъ могъ поступить прилично и честно, то развѣ онъ не застонетъ и не заскорбитъ (въ этомъ случаѣ) болѣе горько? Куда же ты желаешь вести этого прелюбодѣя? Можетъ быть къ судилищу 340
судей, гдѣ очень много собирается подобныхъ ему? Здѣсь же онъ увидитъ великія преступленія и великую печаль. Когда онъ увидитъ тамъ одного преданнымъ мученіямъ, себя же самого, виновнаго въ той же винѣ, остающимся безвреднымъ, то скорби его будутъ умножаться болѣе и болѣе. Вотъ, тотъ уже отложилъ попеченіе, и уже преданъ мучителямъ, а онъ самъ, по причинѣ страха и сомнѣнія, день ото дня все болѣе слабѣетъ. Что же дальше должно дѣлать, когда мы уже водили этого неправаго человѣка въ церковь, на зрѣлище, на свадьбу, на веселье, и онъ въ этомъ не нашелъ никакого утѣшенія? Если мы кого-либо пораженнаго тяжкою болѣзнью и страдающаго водянкою приведемъ

къ источнику водъ, къ рѣкѣ, или пруду, то онъ тогда испытываетъ большій жаръ въ животѣ, такъ какъ онъ содержитъ болѣзнь въ животѣ. Если мы будемъ присутствовать при смерти того человѣка (нечестиваго), то увидимъ печаль и несказанныя бѣдствія. Вышедши съ брачнаго пира (жизни), онъ предастся мучителямъ и понесетъ наказаніе. Не тамъ ли величайшее бѣдствіе, несказанный страхъ и наказаніе?

Нѣсть радоватися нечестивымъ, глаголетъ Господь. Когда Богъ говоритъ это, то ты тѣмъ болѣе не сомнѣвайся. Онъ опредѣлилъ: не будетъ радости,—и ты не изслѣдуй болѣе. Когда ты видишь кого-либо страдающимъ лихорадкой, а также — кубки и чаши со многими напитками, или полные прохлаждающей воды, столъ, всячески уготованный, на который положены изысканная пища и тонкія яства, то ты подумаешь, что больной — одинъ изъ здоровыхъ; на самомъ же дѣлѣ онъ изнываетъ отъ болѣзни. Я вмѣняю ни во что блага того, кто, хотя съѣдаетъ пищу, однако черезъ это еще больше подвергается страданію, такъ какъ доставляетъ пищу для лихорадочнаго жара. Подобно этому, когда ты видишь какого-либо нечестивца, превозносимаго паразитами до небесъ, прославляемаго тѣми, которые его окружаютъ и говорятъ о немъ только льстивыя слова, которые пользуются роскошнымъ столомъ, обоняютъ различныя благовонія и украшаются различными одеждами,—то ты остерегись называть его счастливымъ, но плачь, вздыхай и стони: это не что иное, какъ пища для огня, который воспламененъ грѣхами и потому болѣе увеличиваетъ страданіе. Это ежедневное бремя и стѣсненіе духа. Богатства питаютъ только огонь. Подобно тому, какъ чрезмѣрная пища повреждаетъ тѣла не только больныхъ, но также и здоровыхъ, такъ
341 и чрезмѣрныя богатства не только вредятъ душамъ злыхъ людей, но также и для тѣхъ, которые считаютъ себя добрыми, служатъ причиною скорби и умножаютъ печали. У нихъ тогда именно и бываетъ меньшая радость, когда они услаждаются своими преступленіями, потому что печаль есть врачество и облегченіе такого рода скорби, особенно, если это *печаль по Бозѣ*. Веселіе же и радость суть умноженія скорби. Остерегайся думать о радости, которая есть причина слезъ. Тѣ, которые среди такихъ слезъ охватываются радостью, никогда не будутъ имѣть здравія души. Вотъ, посмотри, какой огонь они собираютъ въ себѣ, и какая сила заключалась въ весьма маломъ выраженіи пророка. Если позволишь, то мы изслѣдуемъ вновь. Когда ты видишь князей мірскихъ благолѣпными, величественными, веселящимися въ старости отъ своего пресыщенія, радостными ради сыновъ и потомковъ, торжествующими, ликующими безъ печали и заботы, сча-

стливыми и блаженнѣйшими во всѣхъ дѣлахъ, — то ты думай, что они болѣе достойны плача и слезъ, потому что воспламеняютъ свои души огнемъ грѣховнымъ. Грѣхи умножаются вслѣдствіе обилія благъ и исчезаютъ вслѣдствіе скорби и бѣдъ. Если съ какимъ-либо нечестивымъ случится, что онъ пользуется пріятною и легкою жизнью, то таковая легкость становится умноженіемъ скорби. И на самомъ дѣлѣ, мы знаемъ многихъ, которые болѣе лишены разумѣнія, чѣмъ грубыя животныя: они говорятъ, что стремятся къ такой жизни, что они желаютъ проводить такую именно жизнь, ее только могутъ выносить. Но это и есть самое худшее: они не подвергаются никакой скорби.

ГЛАВА XLIX.

1. *Послушайте Мене острови, внемлите языцы.* Акила говоритъ: племена; Θеодотіонъ: народы. *Временемъ многимъ стояти будетъ, глаголетъ Господь.* Акила и Θеодотіонъ говорятъ: издалека. Онъ всегда называетъ, начиная съ островoвъ. Пророкъ приглашаетъ языки, призывая тѣхъ, которые пользуются смысломъ, вмѣсто безсмысленныхъ, чтобы они уразумѣли совершившіяся событія и величіе Божіе. 342

Временемъ многимъ стояти будетъ, глаголетъ Господь. Онъ призываетъ море и землю во свидѣтельство будущаго. То, что должно было исполниться во время возвращенія образно, пророкъ показываетъ, что это исполняется теперь самымъ дѣломъ.

Отъ чрева матери моея нарече имя Мое. Другіе говорятъ не: *нарече*, но: вспомянулъ. По LXX-ти: отъ чрева матери Моея наречетъ имя Мое.—и эти слова должны быть истолкованы сообразно слѣдующему: *Духъ Господень найдетъ на Тя и сила Вышняго осѣнитъ Тя; тѣмъ же* и рождаемый Святый *наречется Сынъ Божій* [1]) (Лук. I, 35). Не послѣ этого только времени назовется Святымъ Тотъ, Кто былъ святымъ отъ начала по своей природѣ и есть Освятитель всѣхъ, но Онъ объявится Святымъ послѣ этого времени. А также: *се Дѣва пріиметъ и родитъ Сына и нарекутъ имя Ему* Іисусъ [2]), т. е., Искупитель (Мат. I, 23). Онъ былъ Искупителемъ съ начала и отъ вѣка, но назовется Искупителемъ по-

[1]) Въ ц.-славянскомъ, согласно съ греческимъ, этотъ стихъ читается: *Духъ святый найдетъ на Тя и сила Вышняго осѣнитъ Тя: тѣмже и раждаемое свято, наречется Сынъ Божій.*

[2]) Въ ц.-славянскомъ, согласно съ греческимъ: *нарекутъ имя Ему Еммануилъ, еже есть сказаемо: съ нами Богъ.*

тому, что объявится имѣющимъ совершить искупленіе. Подобно тому, какъ и прежде было сказано, что ни ангелъ, и никакой духъ, но Самъ Господь сошелъ съ небесъ и освободилъ ихъ (ср. Ис. LXIII, 9). Такъ нужно объяснить выраженіе: Святый. Хорошо сказано: *отъ чрева матери Моея*; именно, Онъ объявился Святымъ, Искупителемъ съ того времени.

848 2—4. *Положи уста Моя яко мечъ остръ*, которымъ Онъ отсѣкалъ всѣ скорби и болѣзни, которымъ удалялъ то, что служило для Него препятствіемъ, которымъ Онъ говорилъ, будучи страшенъ діаволамъ и духамъ. *И подъ кровомъ руки своея скры Мя.* Это должно понимать относительно Израиля. Какъ Онъ употребляетъ имя Іакова и Израиля, когда ведетъ рѣчь о Сынѣ, такъ точно, когда говоритъ о Сынѣ, всегда присоединяетъ что-либо относительно спасенія народа. Смыслъ пророчества двоякій, именно, оно обозначаетъ пророка и народъ, — *мечъ острый* есть или уста пророка, или уста народа, потому что они своими молитвами, какъ бы острымъ мечемъ, могли совершать все. Дѣйствительно, какъ нѣтъ ничего лучше устъ человѣческихъ, такъ нѣтъ ничего слабѣе этихъ устъ; они заключали небо и совершали величайшія чудеса, какъ въ ветхомъ, такъ и въ новомъ завѣтѣ. Пророки только говорили, и всѣ творенія слушали. Апостолы только словами обращали демоновъ въ бѣгство. Уста же освобождали грѣшниковъ и совершали праведность праведника.

2—4. *Подъ кровомъ руки Своея скры Мя*: это — безопасность; *положи Мя, яко стрѣлу избранну*: это — укрѣпленіе, противъ котораго никто не въ силахъ бороться; *и въ тулѣ Своемъ скры Мя*: тотъ же смыслъ; *и рече ми*: *рабъ Мой еси ты, Исраилю*, *и въ тебѣ прославлюся*. Не малая слава, когда Богъ прославляется въ человѣкѣ. *Азъ же рекохъ*: *вотще терпѣхъ, вотще трудихся, всуе дахъ крѣпость мою*; а другіе говорятъ не: *дахъ*, но: „исполнится, будетъ издержана и вмѣстѣ будетъ истрачена". Видишь ли, какими словами Израиль приноситъ свои приношенія Богу? Нѣтъ ничего иного лучше этихъ словъ. Такъ какъ онъ сознавалъ, что Богъ радуется такого рода словамъ, то сказалъ: *судъ мой предъ Господемъ и трудъ мой предъ Богомъ моимъ*; другіе же говорятъ: судъ и правда, т. е.: Господь отомстилъ за меня. *И трудъ мой предъ Богомъ моимъ:* я, говоритъ, ради Него дѣйствую, ради Него тружусь.

5 — 6. *Тако глаголетъ Господь, создавый мя отъ чрева раба Себѣ*; не иной смыслъ (этихъ словъ), какъ если бы кто сказалъ:
4 я есмь Его. *Еже возвратити Іакова къ Нему*. Симмахъ говоритъ: возвратиться. И Исраиль соберется къ нему, *и прославлюся предъ Господемъ*. Намъ нужно приходить къ Господу не въ извѣстное

мѣсто, но лучше съ нравами и правилами; никакимъ другимъ образомъ не возможно достигнуть Его, какъ только праведнымъ порядкомъ. *Прославлюся предъ Господемъ:* велика добродѣтель, когда кто-либо прославляется предъ Господомъ. Когда какой-либо воинъ оказывается предъ царемъ готовымъ къ послушанію, а во время войны храбрымъ, то таковой является славнѣйшимъ прочихъ. Такъ и сильные Божіи предъ Богомъ.

И Богъ мой будетъ мнѣ крѣпость. Акила говоритъ: твердость Чтобы никто не приписывалъ добродѣтели себѣ самому, пророкъ говоритъ: *Богъ мой бысть мнѣ крѣпость. И рече ми: веліе ти есть, еже назватися тебѣ отрокомъ Моимъ*; другіе же говорятъ: рабомъ Моимъ. Почему такъ говорится? Кому неизвѣстно, что нѣтъ ничего подобнаго этому? *Моисей*, говорится, *рабъ Мой*, *скончася* (Іис. Нав. I, 2). Но если великое дѣло — называться рабомъ, то какого наказанія достойны мы, которые, хотя называемся сынами, тѣмъ не менѣе остаемся неблагодарными относительно Его? Если бы мы назывались даже архангелами, то такое названіе однако было бы не славнѣе и не больше того, потому что невозможно словами выразить этого рода чести: подобно тому, какъ неизреченъ и неисповѣдимъ Богъ, такъ и служеніе Его.

Се дахъ тя въ завѣтъ рода, во свѣтъ языкомъ, еже быти тебѣ во спасеніе даже до послѣднихъ земли. Апостолы понимали, что это исполнилось во Христѣ; во Израилѣ это не совершилось на самомъ дѣлѣ, такъ какъ спасеніе во Израилѣ не простиралось до края земли. Хотя это говорилось относительно ихъ, однако исполнилось въ послѣднее время,—Христосъ былъ завѣтомъ народа и свѣтомъ языковъ, пребывавшихъ во mракѣ.

7. *Тако глаголетъ Господь, избавивый тя, Богъ Исраилевъ: освятите уничижающаго душу свою, гнушаемаго отъ языкъ рабовъ княжескихъ.* Акила не говоритъ: освятите, и послѣдующихъ словъ, но, вмѣстѣ со многими переводчиками, пишетъ: такъ говоритъ Господь, ближній Израиля, Святый его, тому, презирающему себя самого, и презрѣнному племенами, рабу князей. Симмахъ говоритъ: такъ говоритъ Господь, Искупитель Израиля, Святый его, 345
презрѣнному отъ себя, поруганному отъ языкъ, рабу князей; Ѳеодотіонъ говоритъ то же, что Акила, измѣняя только одно слово, именно, Акила говоритъ: „презрѣнному“, а тотъ говоритъ: „отверженному, который порицаетъ себя“. Обрати вниманіе на перемѣну: пророкъ приводитъ на память прежнее уничиженіе и истощаніе, такъ чтобы пользующіеся божественными благодѣяніями не забывали ихъ, потому что дары благодѣянія дѣлаютъ насъ настолько безпамятными, что мы не вспоминаемъ ни о притѣснителѣ, ни объ освободителѣ нашемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ

открываетъ и могущество Бога, Который презрѣннаго, поруганнаго, не имѣющаго почести и величія, сдѣлалъ такимъ, что онъ сказалъ: *царіе узрятъ, и востанутъ князи, и поклонятся ему.* Видишь ли чудо новаго завѣта, изображенное въ ветхомъ? Вѣдь, какъ халдеи Израиля, такъ и діаволы держали въ своей власти всю человѣческую природу, вводя людей въ заблужденіе. Смотри также, почему *поклонятся?—Господа ради,* говоритъ. Акила и Симмахъ говорятъ: за Господа, — чтобы они не приписывали праведности себѣ самимъ, но Господу, Который показываетъ достовѣрнымъ и истиннымъ, что нѣкогда обѣщалъ; почему и говоритъ: *вѣренъ есть Святый Израилевъ, и избрахъ тя.*

8. *Тако глаголетъ Господь: во время пріятно послушахъ тебе.* Акила и Симмахъ говорятъ: во время благоугодное, подобно тому, какъ и Давидъ сказалъ: *время благоволенія, Боже* (Пс. LXVIII, 14). *И въ день спасенія помогъ ти.* Что ты говоришь? А если время не удобно, развѣ Онъ не поможетъ? Совсѣмъ не то, но онъ приводитъ, во 1-хъ, причину отсрочиванія, почему Онъ медлилъ, подобно тому, какъ врачъ, намѣревающійся помочь больному, медлитъ и выжидаетъ удобнаго времени. Врачъ нуждается во времени, но, конечно, не Богъ, такъ какъ Тотъ, Который прежде далъ то, что далъ, можетъ потомъ измѣнить; но поступаетъ такъ для того, чтобы была двойная помощь: чтобы, съ одной стороны, помочь, и съ другой стороны, оказать помощь въ благопріятное время; если бы Онъ помогъ прежде времени, то не было бы никакой пользы; но Онъ помогъ тогда, когда надлежало помочь, чтобы показать, что и оставленіе есть также дѣло Его промышленія. Потому это время и называется благопріятнымъ, какъ говоритъ и Павелъ: *се нынѣ время благопріятно* (2 Кор. VI, 2). Бываетъ удобное время, которое, если мы пропустимъ, уже болѣе не будетъ для насъ временемъ полезнымъ для добродѣтели, — подобно тому, какъ дѣвы, которыя пропустили время исполнить необходимое дѣло (Мѳ. XXV, 8 — 11), и богачъ, который презиралъ Лазаря (Лук. XVI, 24—25), когда послѣ того просили благопріятнаго времени, то не нашли. Благопріятное время—тогда, когда мы вращаемся еще въ этомъ мірѣ; когда же мы отсюда отправимся, то мы не можемъ болѣе получить пользы и собрать плода покаянія,
346 подобно тому, какъ борецъ, который далъ связать себя по рукамъ въ то время, когда присутствовали зрители, послѣ удаленія зрителей уже не можетъ измѣнить своего пораженія на побѣду, такъ какъ только тогда, когда сидятъ зрители, и присутствуетъ руководитель, можно связать и быть связаннымъ; когда же исполнится опредѣленное время, тогда игра бываетъ брошена, и всѣ попытки являются напрасными.

И сотворихъ тя и дахъ тя въ завѣтъ языковъ. Акила и Симмахъ говорятъ: сохранилъ тебя. *Еже устроити землю и наслѣдити наслѣдіе пустыни.* Акила и Симмахъ говорятъ: дать во владѣніе разсѣянныя наслѣдія. Это можно понимать и относительно Христа послѣ воплощенія, Который, какъ человѣкъ, говорилъ: *Боже Мой, Боже мой, вскую мя оставилъ еси* (Мѳ. xxvii, 46)?

Во время пріятно послушахъ тебе, и въ день спасенія помогохъ ти, и дахъ тя въ завѣтъ языковъ. Видишь ли: пришествіе Христа къ языкамъ, для того, чтобы утвердилась земля, всегда возвѣщаемо было пророками? До Его пришествія земля была исполнена великаго смятенія. Она не была такъ безобразна и такъ неудобна, какъ тогда, когда илъ и многія воды ее покрывали. Но она была безобразна потому, что множество преступленій, беззаконія и возмущенія привели въ замѣшательство и погубили выработанный порядокъ. Постоянно были ежедневныя войны и сраженія, смятеніе, пролитіе братской крови, стоны и крики, плачъ, вздохи и вопли. Такимъ образомъ земля не была устроена твердо. Потому пришелъ Богъ, обновилъ ее и даровалъ ей, какъ смятенному и возмущенному городу, миръ. Удивительно то, что Онъ не изгналъ невѣрныхъ и не помѣстилъ на мѣсто ихъ другихъ, но ихъ же обратилъ въ вѣрующихъ. Начальники, видя рабовъ удаляющимися отъ своихъ господъ, преслѣдуютъ ихъ и призываютъ къ себѣ. Богъ же желалъ показать Свое милосердіе, возвращая ихъ отъ неразумія къ добродѣтели. Между тѣми, ко- 847
торые не были годными и казались лишенными всякой надежды, отъ которыхъ ничего нельзя было ожидать добраго, Онъ избралъ Своихъ учителей, какъ Павла, который былъ богохульникомъ, возмутителемъ и гонителемъ (1 Тим. i, 13), который говорилъ: *да покажетъ во мнѣ все долготерпѣніе* Свое *за образъ хотящихъ вѣровати Ему въ жизнь вѣчную* (1 Тим. i, 16); какъ мытаря Матѳея, волхвовъ и преступнаго и нечистаго вора, который нашелъ путь ко Христу даже на крестѣ. Такъ какъ не приносило никакой пользы ни ученіе, ни страхъ геенны, ни угроза огнемъ, ни муки, то потому Онъ весьма часто говорилъ: *не пріидохъ призвати праведники, но грѣшники на покаяніе* (Марк. ii, 17); *не пріидохъ, да сужду мірови, но да спасу міръ* (Іоан. xii, 47). Почему вы ищете бѣгства, почему вы бѣжите? Развѣ Я пришелъ для совершенія наказаній, развѣ сурова проповѣдь Моя, развѣ обременителенъ вамъ приходъ Мой? Кто убѣгаетъ отъ врача? Развѣ горько лѣкарство? Я говорилъ не только: плачьте, вопите, вздыхайте; но: *пріидите ко Мнѣ и Азъ упокою вы* (Матѳ. xi, 28). Почему же вы медлите придти ко Мнѣ? Когда Онъ увидѣлъ ихъ нежелающими придти, то Самъ обходилъ города и веси, проповѣдуя и говоря:

покайтеся (Марк. I, 15). Они же думали о ссорѣ, о зависти и о беззаконіяхъ. Кто завидуетъ своему благодѣтелю? Посмотримъ теперь, искоренялъ ли Онъ корень болѣзней такого рода. Но развѣ Онъ не сдѣлалъ прокаженнаго здоровымъ и не послалъ его къ священнику,—изслѣдователю выздоровленія (Марк. I, 44). Не пришелъ ли Я, по Моисееву закону, чтобы собрать, а не расточить васъ? Противился ли Я священникамъ и желалъ ли правленія надъ вами? Не приносилъ ли Я жертвы сообразно закону? Не сохранилъ ли Я послушанія,—Я, Который самъ—Владыка и Законодатель? Въ чемъ Я сдѣлалъ васъ смѣшными и скрытными? Старался ли Я когда-либо обмануть васъ вашею славою, или же скорѣе утвердилъ ее? Не повелѣвалъ ли Я тѣмъ среди васъ, которые впали въ заблужденіе, слѣдующаго: *вся, елика рекутъ вамъ, творите, по дѣломъ же ихъ не творите* (Матѳ. XXIII, 3)? Если бы они
848 поступали по дѣламъ ихъ, то они не повиновались бы словамъ ихъ. Ужели Я отдалялъ отъ Бога? Не принесъ ли Я всего Богу? Не сказалъ ли освобожденному отъ легіона демоновъ: прослави Бога (ср. Лук. VIII, 39); а другому: *шедъ покажися іереови, и принеси за очищеніе твое* (Марк. I, 44)?

Наслѣдити наслѣдія пустыни: это относится къ тѣмъ, которые имѣютъ твердое наслѣдство и будутъ управлять имъ, по написанному: *и господствуй посредѣ враговъ твоихъ* (Пс. CIX, 2). Иначе пророкъ называетъ пустынею человѣческую природу: пустынею было то, что не приносило никакого плода,—не древеснаго, земного, но—плода душевнаго. Но пріидетъ Господь и сдѣлаетъ ихъ плодоносными.

Глаголати *сущимъ во узахъ: изыдите, и сущимъ во тмѣ: открыйтеся*. Видишь ли, онъ возвѣщаетъ форму утвержденія, которая относится не къ человѣческой, но къ Божеской, безсмертной, блаженной и дивной природѣ, которая не трудомъ или стараніями, но только словомъ могла освободить заключенныхъ въ грѣховныхъ узахъ и открыть сидящихъ во мракѣ заблужденія. Онъ говорилъ: *чадо, отпущаются тебѣ грѣси твои* (Марк. II, 5); а Лазарю: *гряди вонъ* (Іоан. XI, 43). Если находятся въ узахъ и во мракѣ содержащіеся по повелѣнію людей, то ихъ узы и мракъ не таковы, какъ узы и мракъ грѣшниковъ: тѣ связаны невольно, а эти по своей волѣ; можетъ случиться, что тѣ когда-либо разрѣшатся отъ своихъ узъ, эти же никогда не могутъ разрѣшиться, даже когда они, какъ таковые, будутъ брошены въ огонь, такъ что даже геенна не сможетъ разрѣшить ихъ, если они связанными придутъ туда. Если бы они могли разрѣшиться, то тогда не было бы безсмертныхъ мученій и вѣчныхъ наказаній.

10—17. *На всѣхъ путехъ пастися будутъ, и на всѣхъ стезяхъ пажить ихъ.* Прочіе же говорятъ: на поляхъ, на равнинахъ,—т. е. во всякое время ихъ жизни имъ будетъ все потребное: вездѣ они будутъ находить пищу, такъ какъ Я предъ ними распростру вселенную. Хотя бы они были преданы рабству, бѣдности, скорбямъ, или 849
инымъ мученіямъ, однако они (легко) перенесутъ ихъ. *Ни вжаждутъ, ниже взалчутъ, ниже поразитъ ихъ зной.* Акила говоритъ: не поразитъ ихъ зной и солнце. Иные понимаютъ это относительно будущей жизни; мнѣ же кажется, что онъ здѣсь сказалъ и относительно настоящей: если имъ не повредитъ ничто прочее, то конечно не повредитъ и зной. И теперь Богъ распростираетъ облака; но Онъ даровалъ намъ не только ихъ, а также и утѣшенія святого Духа и всякіе дары, такъ что никакая страсть со своимъ зноемъ не имѣетъ силы.

Но милуяй ихъ утѣшитъ ихъ. Акила же говоритъ: милующій помилуетъ ихъ. Симмахъ: поведетъ. Θеодотіонъ: понесетъ ихъ. Смотри: утѣшеніе происходитъ отъ благоволенія. *И сквозѣ источники водныя проведетъ ихъ.* Акила: направитъ. Симмахъ: поведетъ. *И положу всяку гору въ путь, и всяку стезю въ паству имъ.* Акила и Θеодотіонъ говорятъ: пути Мои будутъ безъ препятствій. Симмахъ: и пути Мои поднимутся,—т. е., вся жизнь ихъ.

И какъ ровная стезя, они будутъ легки. *Се сіи издалеча пріидутъ, сіи отъ сѣвера и отъ моря, иніи же отъ земли Перскія.* Прочіе же и еврейскій текстъ говорятъ: Sinim. *Радуйтеся небеса и веселися земля*; Акила: благословляйте. Иные говорятъ: радуйтесь. Θеодотіонъ и Симмахъ: веселитесь. *И веселися земле, яко помилова Богъ люди своя.* Акила и Θеодотіонъ говорятъ: потому что утѣшилъ. Симмахъ говоритъ: потому что утвердилъ. *И смиренныя людей своихъ утѣши.* Прочіе говорятъ: помиловалъ. Видишь ли, къ кому простирается утѣшеніе? Не къ гордымъ и напыщеннымъ, но къ смиреннымъ? Они принимаютъ слово Божіе, но не тѣ.

Рече же Сіонъ: остави мя Господь, и забы мя. Еда забудетъ жена отроча свое, еже не помиловати исчадія чрева своего? Аще же и забудетъ сихъ жена, но Азъ не забуду тебе, глаголетъ Господь. Видишь ли: благость Божія превышаетъ любовь естественную и попеченіе родителей.

Се на рукахъ Моихъ написахъ стѣны твоя. Акила говоритъ: вотъ, Я поставилъ тебя на рукахъ Моихъ, а стѣны твои всегда предо Мною. Симмахъ: на рукахъ Моихъ Я видѣлъ тебя, и стѣны 850
твои всегда предо Мною. Θеодотіонъ же говоритъ: на рукахъ Моихъ Я напишу тебя и ты предо Мною всегда. Богъ показываетъ, что Его попеченіе постоянно, и никто ничего не можетъ

противъ Него, по сказанному: *никтоже может восхитити ихъ отъ руки Отца Моего* (Іоан. x, 29); а въ другомъ мѣстѣ: *аще будетъ Іехонія перстень на руцѣ деснѣй Моей, оттуду исторгну и предамъ* его (Іер. xxii, 24).

И вскорѣ воградишися, отъ нихже разорился еси. Акила говоритъ: но созидатели твои будутъ изъ тѣхъ, которыми ты былъ разрушенъ. Θеодотіонъ: придутъ созидатели, которые разрушили тебя. Симмахъ говоритъ: придутъ сыны твои, которые разрушили тебя. Можно ли, говоритъ, придти спустя такое время? Конечно, говоритъ, и гораздо раньше, такъ какъ это полезно для искорененія грѣховъ. *И вскорѣ воградишися, отъ нихже разорился еси.* Удивительно то, что происходили такого рода перемѣны. Когда ты видишь, что руки непріятелей созидаютъ то же самое, что они прежде разрушили, то ты поймешь, что Богъ предалъ ихъ плѣну, и Онъ же совершилъ созиданіе города послѣ того, и какъ Онъ желаетъ, такъ и направляетъ человѣческій умъ. Что болѣе такой силы? Если кто утверждаетъ, что не по причинѣ божественной воли такъ случилось, но какъ будто бы непріятели пришли сами и завоевали городъ, то мы скажемъ: почему же онъ ими возстановленъ вновь? Кто побуждалъ ихъ къ тому? Никакъ не должно было имъ созидать города, воинственнаго съ самаго начала, какимъ они признавали его, что онъ дѣйствительно таковъ. Кто пожелаетъ поднимать своего простертаго непріятеля и воздвигать вновь своего недруга и врага? Тотъ, кто создалъ городъ и окончилъ войну, былъ Киръ, который тѣхъ, которыхъ онъ прежде держалъ плѣнниками, потомъ прославилъ, какъ бы принадлежавшихъ къ славному роду. Развѣ недостаточно было освободить ихъ изъ плѣна? Но онъ даже почтилъ ихъ, чтобы они стали извѣстными и прочимъ. *И опустошившіи тя изыдутъ изъ тебе.* Непріятели и варвары удалятся отъ него.

18—20. *Возведи окрестъ очи твои, и виждь вся сыны твоя, се*
851 *собрашася и пріидоша вси.* Сошедшіеся вокругъ тебя, безчисленные, не какъ разсѣянные во время плѣна, но совокупленные, собравшіеся вмѣстѣ и соединенные, они будутъ ведены Богомъ, какъ вождемъ. Смотри, съ какимъ промышленіемъ, съ какимъ разнообразіемъ и разновременностію совершалось возвращеніе. Возвращеніе однихъ и пребываніе другихъ было признакомъ силы Божіей. Я, говоритъ, освободилъ тебя отъ твоего плѣна, но ты не повѣрилъ, что Я намѣревался тебя освободить. Теперь вновь Я отнимаю Свою помощь, и ты возвратишься къ прежнему состоянію, вновь будешь связанъ въ узахъ и задержанъ, пока ты не узнаешь, что только Я совершалъ какъ освобожденіе, такъ и удержаніе.

Чтобы показать возвращеніе всѣхъ вмѣстѣ, Онъ утверждаетъ это клятвою: *живу Азъ, глаголетъ Господь, яко всѣми ими облечешися, аки въ красоту и обложиши себе ими, яко утварію невѣста.* Этими словами пророкъ показываетъ, отъ какого жалкаго состоянія они избавились и къ какой пришли славѣ. Они освободились изъ плѣна, ихъ городъ воздвигнутъ, всѣ порядки, разрушенные прежде, возстановлены вновь; не такъ, какъ въ то время, когда они въ пятомъ поколѣніи выходили изъ Египта, въ количествѣ шестисотъ тысячъ. Что же мы скажемъ? Ужели Богъ сотворилъ людей для того, чтобы они, долго оставаясь живыми, распространились и наполнили вселенную? Не это причина; Богъ можетъ размножить людей и въ маломъ мѣстѣ, когда они—истинные люди. Кромѣ того, пророкъ прибавляетъ: *понеже пустая твоя и разсыпаная и падшая нынѣ утѣснѣютъ тебѣ отъ обитающихъ, и удалятся отъ тебе поглощающіи тя. Рекутъ бо во уши твои сынове твои, ихже былъ погубилъ еси: тѣсно намъ мѣсто, сотвори намъ мѣсто, да* вселимся. Смотри, какія блага имѣютъ быть по возвращеніи изъ плѣна. Пустыя мѣста такъ наполнятся сынами и потомками, что они скажутъ, что *тѣсно* намъ *мѣсто, сотвори* намъ *мѣсто, да вселимся.* Въ пустынныхъ мѣстахъ будетъ такое чрезвычайное множество сыновъ, они почувствуютъ тѣсноту, вслѣдствіе множества, надъ ними исполнится древнее благословеніе: *не будетъ въ васъ безчадный, ниже неплоды* (Втор. VII, 14). Когда же это произошло? Когда, послѣ изгнанія непріятелей, они достигли покоя, такъ что стали жить и размножаться.

21—23. *И речеши въ сердцы своемъ: кто мнѣ породи сихъ?* 352
Іерусалимъ думалъ объ этомъ съ удивленіемъ, спрашивая какъ бы во снѣ: *кто мнѣ породи сихъ? Азъ же безчадна.* Другіе говорятъ: я пустынна и вдова. Симмахъ говоритъ: безплодна. Акила: неплодна. Видишь ли чудеса Божіи въ безнадежныхъ вещахъ? Пришельствующая и заключенная. Акила: блуждающая и отдаленная. Симмахъ говоритъ: плѣнная и пришельствующая. Препятствіемъ для Іерусалима служили два обстоятельства: во-первыхъ то, что онъ находился подъ властью чужихъ, а потомъ то, что онъ, будучи низверженъ со своей ступени, сошелъ съ твердыни. *Сихъ же кто воспита мнѣ? Азъ же остахся едина, сіи же мнѣ гдѣ быша?* Такое повтореніе служитъ знакомъ несказаннаго изумленія, соединеннаго съ сомнѣніемъ и безумной радостью.

Тако глаголетъ Господь: се, воздвигаю на языки руку Мою, и на островы воздвигну знаменіе Мое, и приведутъ сыны твоя въ лонѣ. Чтобы они не надѣялись на свою праведность, Онъ говоритъ: возвращеніе произойдетъ подъ Моимъ водительствомъ и Моею силою. Чтобы показать любовь, по которой совершится возвраще-

ніе, Онъ говоритъ то: „изыдутъ", то: *приведутъ сыны твоя въ лонѣ и дщери твоя на плещахъ возмутъ. И будутъ царіе кормители твои и княгини ихъ кормилицы твои.* Эти слова исполнились во время царя Кира: царскіе вельможи кланялись евреямъ. Смотри многоразличныя чудеса: они вышли не обманывая, какъ они вышли изъ Египта, но снабженные великими почестями.

24. *Еда возметъ кто отъ исполина корысти?* Имъ настоящія слова казались невѣроятными, потому Онъ подтверждаетъ ихъ доказательствами. Не грабили ли ихъ непріятели? Конечно, но къ своему же собственному вреду. Хотя они ихъ грабили, но дѣлали это не своею силою. Я предалъ ихъ въ ихъ руки. Почему же говорится: *отъ исполина?* Если кто приведенъ неправедно въ плѣнъ, то ужели Я не могу его освободить? *Аще кто плѣнитъ* исполина, *возметъ корысти; вземляй же отъ крѣпкаго не можетъ спастися,*—такъ какъ крѣпкій можетъ отомстить. *И снѣдятъ плоть свою оскорбившіи и испіютъ яко вино кровь свою,*—съ большою жадностью и съ весьма великимъ желаніемъ. Видишь ли: они напрасно налагали на нихъ руки. То, что они взяли, имъ не принесло никакой пользы. *И* увѣдятъ *вси,* что Я совершилъ это, а не они.

ГЛАВА L.

358 Ст. 1. *Тако глаголетъ Господь: кая книга отпущенія матере вашея, еюже отпустихъ ю? Или* гдѣ залогъ, имже *продахъ вы?* Я полагаю, что Богомъ не только даны здѣсь предсказанія о благахъ, а также дано основаніе относительно прошедшихъ несчастій, чтобы показать, что они (іудеи) были причиною плѣна; иначе почему бы Онъ указалъ на книгу отпущенія? Жены, отпускаемыя мужьями, по надлежащему, обыкновенно получаютъ книгу отпущенія, какъ это дѣлается и теперь. Я, говоритъ, не давалъ такой книги, и никто не можетъ обвинять Меня въ томъ, что Я далъ ее первый. Но она прежде пожелала уйти, и Я позволилъ. Точно также не Я продалъ васъ; иначе покажите залогъ. Здѣсь Онъ говоритъ по человѣческому обычаю, чтобы отстранить обвиненіе, что Онъ былъ причиною плѣна. Какая же это причина? *Грѣхми вашими продастеся, и беззаконій ради вашихъ отпустихъ матерь вашу. Что яко пріидохъ, и не бяше человѣка, звахъ, и не бѣ послушающаго?* Таковы во время Христа были тѣ, которые не повиновались. То же говорилъ Моисей: *вонми небо, и возглаголю* (Втор. xxxii, 1). То же говорилъ

этотъ самый пророкъ съ самаго начала: *слыши небо, и внуши земле* (Ис. I, 2). Что иное значитъ „*пріидохъ*", какъ не то, что Я всегда присутствую, всегда защищаю. Защита Божія никогда не оставляла ихъ. *Пріидохъ,* говоритъ, для увѣщанія, для исправленія, для созиданія, а вы не послушали. *Еда не можетъ рука Моя избавити, или не могу изъяти*: ужели Я безсиленъ?

2—5. *Се запрещеніемъ Моимъ покажу гнѣвъ мой.* А другіе говорятъ: опустошу море. Акила говоритъ: изсушилъ. Откуда это открывается? Изъ тѣхъ событій, которыя прежде совершились 854
въ Египтѣ. *И положу рѣки пусты, и изсхнутъ рыбы ихъ.* Акила говоритъ: возгніютъ рыбы ихъ; Симмахъ: умрутъ рыбы ихъ. Знаменіе этого далъ Іорданъ.

Облеку небо во тму, и положу аки вретище одежду его. А это произошло ночью въ Египтѣ. Если бы не было ничего иного, то одно это развѣ не могло погубить всѣхъ? Показывая, что это слова не человѣческаго ума, и чтобы кто не сказалъ: я знаю, что Богъ всемогущъ, но откуда извѣстно, что ты говорилъ отъ Его имени? — пророкъ говоритъ: *Господь Господь даетъ мнѣ языкъ наученія, еже разумѣти, егда подобаетъ рещи слово, приложи ухо, еже слышати, и наказаніе Господне отверзаетъ уши мои.* Подобно этому говорятъ другіе пророки: *азъ исполненъ силы Духомъ Господнимъ* (Мих. III, 8); *не бѣхъ пророкъ азъ, ниже сынъ пророчь, но пастырь бѣхъ и ягодичія обирая* (Амос. VII, 14), а потомъ: *и избра Господь Давида раба Своего и воспріятъ его отъ стадъ овчихъ* (Пс. LXXVII, 70). Подобно этому говорится и здѣсь: *дахъ ми языкъ наученія, еже разумѣти, егда подобаетъ рещи слово.* Языкомъ онъ называетъ пророчества, и призываетъ къ суду тѣхъ, которые слушали ихъ съ скорбнымъ духомъ, чтобы они не думали, что это слова человѣческой мудрости, но поистинѣ слова Господни. *Приложи ми,* говоритъ, *утро ухо, еже слышати.* Такимъ образомъ онъ показываетъ свое желаніе и многочисленные дары Божіи. *И наказаніе Господне,* говоритъ, *отверзаетъ уши мои,* — показывая, что отъ Него происходитъ наученіе и премудрость. Справедливо говорится: *приложи ми ухо, еже слышати,* такъ какъ эти слова не могутъ быть слышимы человѣческими ушами, если уши не будутъ прежде приноровлены для таковыхъ словъ. Не занятіемъ, но благодатью пріобрѣтается небесная мудрость, по мѣрѣ вѣры каждаго.

Азъ же не противлюся, ни противоглаголю. Видишь ли, онъ показываетъ здѣсь свободу и свободное изволеніе. *Азъ,* говоритъ, *не противлюсь,*—показывая, что онъ можетъ и противиться, подобно тому, какъ противился Іеремія, который говоритъ: *и бысть въ сердцы моемъ яко огнь горящъ, палящъ въ костехъ моихъ* (Іер. XX, 9), пока- 855

зывая, что онъ говоритъ не отъ себя, но что это было пророчество.

6—11. *Плещи Моя вдахъ на раны.* Акила говоритъ: наносящимъ раны; а другіе: біющимъ. *И ланитѣ мои на заушенія.* Другіе говорятъ: грабителямъ. Смотри, каково было Его послушаніе: *не противоглаголю*, говоритъ, хотя противорѣчіе было возможно, и Онъ самъ могъ подтвердить, что такое слово сурово и невыносимо. Если кто не можетъ терпѣливо переносить оскорбленій, то какимъ образомъ Я могу перенести такія наказанія? Но этимъ пророкъ желаетъ показать всѣмъ, что говоритъ не по своей волѣ и не по человѣческому уму. Да и какимъ образомъ онъ могъ говорить что-либо по своему уму, когда его постигло столько наказаній?

Лица же Моего не отвращу *отъ студа заплеваній.* Что ты говоришь? Конечно, говоритъ, Я всегда остаюсь въ этомъ жалкомъ состояніи; не разъ и не два и не три, но всегда, такъ какъ всѣ роды бѣшенства и гнѣва были обнаружены и терзали Меня, а Я не противоглаголю.

Подверженный столькимъ и таковымъ безчестіямъ и наказаніямъ, что Онъ говоритъ? *И Господь самъ помощникъ Мой бысть.* Вотъ иное знаменіе того, что эти слова происходятъ отъ Бога, и эти повелѣнія даны съ неба. Когда устремилось на Него столько нечестивыхъ людей, которые, ударяя рукою, постоянно плевали въ Его лицо, прилагали язвы къ язвамъ, и не желали быстро убить Его, для того, чтобы Онъ испытывалъ бо́льшія и бо́льшія мученія, тогда Онъ переносилъ терпѣливо, приводилъ себѣ на память слова и говорилъ: *Господь самъ бысть помощникъ Мой.* Подобно этому, во время апостоловъ не только было показано то, что они преданы мученіямъ Богомъ, но также и то, что они получили отъ Него помощь, такъ какъ они говорили: *аще животомъ, аще ли смертію* (Фил. I, 20); когда говорили „*смертію*", то показывали свое терпѣніе, „*животомъ*"—помощь Христову. *Да возвеличится*, говоритъ, въ насъ Богъ (сравн. Филип. I, 20); а во второмъ посланіи къ Коринѳянамъ онъ пишетъ: *смерть въ насъ*
356 *дѣйствуетъ, а животъ въ васъ* (2 Кор. IV, 12): хотя, говоритъ, мы подвергаемся мученіямъ, но вы должны помогать намъ.

Не усрамихся, говоритъ, яко *Господь помощникъ ми* есть. Смотри, эти слова подобны словамъ апостола: *во всемъ скорбяще, но не стужающе си; гоними, но не оставляеми; низлагаеми, но не погибающе* (2 Кор. IV, 8—9). *Положихъ лице свое, аки твердый камень.* Ясно, что это происходило свободно, а не по необходимости. Смотри, какимъ образомъ слово Божіе украшаетъ помощью и своимъ благоволеніемъ. *Разумѣхъ*, говоритъ, *зане приближается*

оправдавый Мя. Вмѣстѣ съ тѣмъ Онъ увѣренъ относительно будущаго: если Я, который подвергаюсь столькимъ мученіямъ, не посрамился, то тѣмъ болѣе не должно оставлять надежды вамъ, хотя бы васъ и удерживали отъ возвращенія изъ плѣна; если Я невинно подвергаюсь мученіямъ ради васъ, то тѣмъ болѣе вамъ должно переносить таковыя скорби.

Не усрамихся: Онъ имѣетъ увѣренность относительно будущихъ событій. *Зане приближается оправдавый Мя,*—Онъ даже находится во Мнѣ. Этимъ Онъ обозначаетъ не то, что Онъ пребываетъ въ тебѣ, но это значитъ то, что Онъ (оправдавый) пребываетъ во Мнѣ. Такъ, дозволяя Мнѣ подвергаться мученіямъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ не дозволяя постыдиться, Онъ указываетъ на то, что Онъ пребываетъ во Мнѣ. То же самое совершалось во времена апостоловъ. Если кто не вѣритъ воскресенію, то онъ долженъ вѣрить, что есть воскресеніе и разрѣшеніе отъ смерти, отъ мученій, перенесенныхъ апостолами, не только потому, что Богъ всегда освобождалъ ихъ отъ мученій, но лучше потому, что они никогда не были посрамлены.

Кто пряйся со Мною? Да противостанетъ Мнѣ купно. И кто судяйся со Мною? Да приближится ко Мнѣ. Кто, говоритъ, не вѣритъ, пусть придетъ, покажется; если кто хочетъ изслѣдовать, пусть придетъ сюда и, если можетъ, обличитъ Меня во лжи; кто хочетъ приготовить себѣ побѣду, пусть придетъ, воспротивится Мнѣ. Я же готовъ для произнесенія рѣшенія.

Се вси вы яко риза обетшаете, и яко молiе изъястъ вы. Акила говоритъ: ржавчина; Симмахъ: плѣсень. Этимъ обозначается или гнѣвъ Божій, или же свойство тѣла. Богъ вѣченъ, и потому мы 357
не будемъ бояться. Человѣческія мученія преходятъ, какъ вода, и никогда не бываютъ твердыми. Потому пророкъ говоритъ: *кто въ васъ бояйся Господа? Да послушаетъ гласа отрока Его.* Свойство боящихся Бога слушать пророковъ, какъ и Христосъ говорилъ: *слушаяй васъ, Мене слушаетъ* (Лук. x, 16). Это—велико и удивительно.

Ходящiи во тмѣ и нѣсть имъ свѣта, по причинѣ, говоритъ, невѣдѣнія и неправыхъ дѣлъ, о чемъ говорилъ и Соломонъ: *путіе же нечестивыхъ темни, не вѣдятъ, како претыкаются* (Притч. iv, 19); *путіе же праведныхъ подобнѣ свѣту свѣтятся* (Притч. iv, 18). Почему пророкъ прибавляетъ: *нѣсть имъ свѣта?* Ясно, что тѣ, которые ходятъ во тьмѣ, не находятся во свѣтѣ. Однако, иногда можетъ быть видѣнъ свѣтъ ходящимъ и во тьмѣ, если кто зажжетъ свѣтъ, лампаду или факелъ. Но они, ходя во тьмѣ, не имѣютъ никакого свѣта, для того, чтобы отогнать тьму. И пророкъ сказалъ не только, что они не отгонятъ тьму,

но что они никогда не сдѣлаютъ этого: угрызеніе совѣсти можетъ омрачить свѣтъ сердца. *Надѣйтеся на имя Господне.* Симмахъ и Θеодотіонъ говорятъ: будьте увѣрены. *И утвердитеся о Бозѣ* вашемъ: велика помощь у того, кто надѣется на Бога. Какимъ же образомъ возможно кому-либо надѣяться и полагаться на имя Господне, когда существуетъ столько препятствій? Устраняя всякія препятствія, мы будемъ надѣятся только на Него.

Се вси вы яко огнь разженный. Акила говоритъ: огонь разжигаете. Разженный *огнь и* укрѣпленный *пламень. Ходите свѣтомъ огня вашего и пламенемъ* укрѣпленнымъ. Совершающіе грѣхи возжигаютъ огонь, но они всегда пребываютъ во мракѣ и никогда—во свѣтѣ. Этого рода огонь не имѣетъ свѣта, но только горитъ и пожираетъ. Такова именно природа этого огня. Если вы желаете огня, то берите тотъ, при свѣтѣ котораго вы можете ходить, а не тотъ, который опаляетъ, не давая свѣта.

Мене ради быша сія вся вамъ, въ печали успнете. Акила
858 говоритъ: въ нуждѣ. Симмахъ: въ скорбяхъ. Что ты говоришь? Конечно, говоритъ, такъ какъ и Іеремія говоритъ то же самое: *Мене ради разореніемъ разорена есть вся земля* (Іер. XII, 11). Не напрасно Онъ мстилъ людямъ, но потому, что они презрѣли и пренебрегли Его слова. *Въ печали успнете*, т. е., даже и сонъ не будетъ у васъ пріятнымъ. Подобно этому, выше говоритъ: *ходите во свѣтѣ*, показывая, что въ ихъ дѣлахъ нѣтъ свѣта.

ГЛАВА LI.

359 Ст. 1. *Послушайте Мене, гонящіи правду и взыскающіи Господа.* Тѣмъ Онъ говоритъ: *кто пряйся со Мною? Да сопротивостанетъ Мнѣ купно* (L, 8); а этимъ: *послушайте Мене, гонящіи правду и взыскающіи Господа.* Тѣмъ говоритъ: судите, а этихъ Онъ научаетъ. Всѣ ищущіе Господа и гонящіе правду будутъ научены. Но къ тѣмъ, хотя бы и пришелъ кто-либо и сталъ кричать въ уши, однако трудъ его будетъ напрасенъ. Кто же *ищущій* Господа? Тотъ, кто стремится къ справедливости и одобряетъ правду. Праведнымъ же называется не только тотъ, кто не служитъ жадности, но и тотъ, кто неповиненъ ни въ какой дурной страсти. Не напрасно говорится: ищите то, что справедливо и хорошо, такъ какъ Онъ часто говоритъ о тѣхъ, которые слѣдуютъ жадности и служатъ инымъ дурнымъ страстямъ. Итакъ, намъ необходимо слѣдовать справедливости и искать правду,—такимъ образомъ человѣкъ мо-

жетъ находить Бога, потому что когда кто-либо ищетъ чего, то ему предстоитъ это найти. Пусть слушатель будетъ весьма доблестнымъ и одареннымъ добродѣтелью, однако, ему необходима премудрость, такъ какъ сила и крѣпость однѣ не въ состояніи убѣдить слушателя, если ему не будетъ присуща премудрость. Писаніе превозноситъ похвалами мудраго слушателя, говоря: *ей же Господь отверзе сердце внимати глаголемымъ отъ Павла* (Дѣян. XVI, 14), а въ другомъ мѣстѣ: *и будутъ вси научени Богомъ* (Іоан. VI, 45), да и въ настоящей книгѣ выше говорится: *приложи ми ухо, еже слышати* (L, 4). А премудрый говоритъ: *Богъ даетъ премудрость и отъ лица Его познаніе и разумъ* (Притч. II, 6). 360

Воззрите на твердый камень, изъ негоже изсѣчени быстe. Справедливо сказалъ: *твердый камень*, сравнивая естественное неплодіе съ твердостью камня, такъ какъ утроба Сарры была пуста и безплодна,—и вмѣстѣ съ тѣмъ показывая, что наше рожденіе есть дѣло рукъ Божіихъ. Не одна только природа нужна для этого, но Богъ творитъ и образуетъ,—не такъ, какъ перваго человѣка, но способомъ однакожъ не особенно отличнымъ. Подобно тому, какъ человѣкъ былъ сотворенъ, такъ теперь, хотя и воспринимаетъ нѣчто изъ утробы, самъ творитъ. Справедливо пророкъ сказалъ не только: *камень*, но: *твердый камень*. Здѣсь было не одно неплодіе, а также старость. Сарру онъ сравниваетъ съ глубокимъ рвомъ, что Акила называетъ дномъ потока, Симмахъ—пещерой, Ѳеодотіонъ—отверстіемъ. Ровъ также бываетъ безплоднымъ, потому что онъ не бьетъ, наподобіе источника, а только сохраняетъ собранную воду, не умножая обиліе воды. Прочіе переводчики говорятъ: бейте ключемъ; LXX же говорятъ не: *ископасте*, но: *изъ нея же ископани быстe*, такъ что становится совершенно извѣстнымъ, что Богъ совершаетъ все. *Воззрите на Авраама, отца вашего, и на Сарру, породившую вы.* Эти слова пророкъ говоритъ тѣмъ, которые утверждаютъ, что тѣ трудныя событія не могутъ совершиться. Изъ прошедшихъ событій онъ убѣждаетъ ихъ въ этомъ: вамъ должно вѣрить Моимъ словамъ. Если вы не вѣрите, то Я буду убѣждать васъ прошедшимъ. Если Я только отъ одной женщины произвелъ множество народа, и она породила всѣхъ васъ, хотя родила одного Исаака, ради котораго была измѣнена безплодная природа утробы, — такимъ образомъ, если Я именно совершилъ это, то ужели Я не выведу васъ изъ плѣна? Для Меня совершенно легко сдѣлать возможнымъ то, что ни для кого невозможно. Для того, чтобы вы имѣли такое убѣжденіе, вамъ достаточно обѣтованій предковъ.

Яко единъ бѣ и призвахъ его. Скорѣе ихъ было двое. Другіе же говорятъ яснѣе: Я призвалъ его одного; именно, онъ былъ

одинъ по природѣ. *Сотвори*, говоритъ, *Богъ человѣка, мужа и жену сотвори ихъ* (Быт. I, 27), Такимъ образомъ, человѣкъ есть
361 мужчина и женщина, одинъ глава, а другая тѣло. Но Я совершаю что-либо не со множествомъ работниковъ, и при маломъ количествѣ ихъ не теряю присутствія духа, но всегда и вездѣ ищу добродѣтели. *Яко единъ бѣ и призвахъ его и умножихъ его*. Я умножилъ его не въ своей странѣ, но въ чужой землѣ, для того, чтобы было яснымъ, что для Меня все весьма легко. Почему же Онъ не упомянулъ объ Адамѣ, обстоятельства жизни котораго могли удобнѣе убѣдить ихъ? Потому что они всегда думали объ Авраамѣ. Присоедини сюда также и то, что этотъ былъ извѣстенъ имъ болѣе: онъ не былъ лишенъ никакой добродѣтели, и былъ одаренъ весьма многими обѣтованіями.

Возлюбихъ, говоритъ, *его и умножихъ его*. Онъ не говоритъ о причинѣ, чтобы они не подвергались отчаянію, полагая, что Авраамъ названъ возлюбленнымъ и былъ умноженъ ради своихъ добродѣтелей. Именно, они могли говорить: но мы, лишенные всякихъ добродѣтелей, какимъ образомъ будемъ ожидать спасенія?

Равнымъ образомъ Онъ прибавляетъ: *и тебе нынѣ утѣшу, Сіоне, и* утѣшу *вся пустыни его*; Симмахъ говоритъ: вовсозижду. Богъ призвалъ Авраама не ради юношескихъ добродѣтелей, хотя Писанія говорятъ о добрыхъ его нравахъ, но потому, что Онъ предвидѣлъ будущее. Подобнымъ образомъ Онъ говоритъ: вы нуждаетесь въ великихъ примѣрахъ, для того, чтобы не сомнѣвались болѣе. Вѣдь и утроба Сарры была безплодна,—здѣсь Онъ называетъ ее пустынною землею. Но сравненіе этихъ двухъ предметовъ, именно дѣланіе пустынной земли плодородною и наполненіе безплодной утробы не совпадаетъ одно съ другимъ: руки земледѣльцевъ могутъ слѣлать землю плодородною, но наполненіе безплодной утробы зависитъ совершенно отъ Божественной силы. Потомъ, нѣтъ никакого сравненія между слѣдующими двумя предметами: призвать одного и размножить его и сдѣлать множество чрезъ призваніе многихъ. Далѣе, освободить отъ непріятелей и противъ ихъ воли возвратить плѣнника домой — не одно и то же, что привести (человѣка) изъ своей страны въ чужую, такъ какъ освобожденные были возвращены тотчасъ. Такимъ образомъ, имъ должно было убѣдиться, что Онъ легко совершитъ то, что было малымъ, послѣ того, какъ Имъ было сдѣлано великое.

И утѣшу *пустыни его и* положу *яко рай*. Акила и Симмахъ говорятъ: какъ предметъ удовольствія; Ѳеодотіонъ: какъ садъ.
362 *И яже къ западомъ его, аки рай Господень*. Акила: поля его; Симмахъ: листья его; Ѳеодотіонъ: Аравію его. *Радость и веселіе обря-*

щутъ въ немъ. Акила: гласъ хвалы; Симмахъ: гласъ пѣсней; Θеодотіонъ: гласъ псалмовъ и благословеній. Событія будутъ таковы, что они (опять) могутъ благословлять Бога, хвалить Его, и вмѣстѣ съ тѣмъ извлекать (отсюда) весьма большую пользу для своихъ нравовъ.

4. *Послушайте Мене, послушайте* Мене, *людіе Мои, и царіе ко Мнѣ внушите: яко законъ отъ Мене изыдетъ и судъ Мой во свѣтъ языковъ*. Почему Онъ повторяетъ первыя слова? Потому что Онъ говоритъ о великихъ вещахъ, которыя совершатся: *яко законъ отъ Мене изыдетъ*. Онъ опять слегка касается будущаго. Полагать законы есть дѣло болѣе прочаго необходимое, и это отличаетъ насъ отъ лишенныхъ разума. Что пользы имѣть даръ слова, когда мы лишены правильнаго разума? Страсти, которымъ мы подвергаемся, дѣлаютъ умъ пустымъ, и потому происходитъ то, что способность говорить, которою намъ слѣдовало отличаться среди прочихъ, мы измѣняемъ въ болтливый нравъ неразумныхъ животныхъ. Но у тѣхъ гнѣвъ тотчасъ успокоивается, у насъ же упорствуетъ ненависть. У нихъ не бываетъ зависти, у насъ же она всегда воспламенена. Такимъ образомъ, законодатель и законъ — это первая и великая помощь. Потому иноплеменники, а также завоеватели городовъ считали законодателей бóльшими благодѣтелями, чѣмъ своихъ родителей. Это справедливо и заслуженно, такъ какъ послѣдніе даютъ жизнь, а тѣ учатъ, какъ проводить честную жизнь,—вслѣдствіе чего происходятъ защита и твердость. Не стѣны, не войска, но справедливые законы дѣлаютъ государства безопасными. Такъ точно и человѣка освобождаютъ отъ болѣзни не крѣпость и здоровье тѣла, но добродѣтели духа и правильный порядокъ жизни. По этой причинѣ одинъ мудрецъ говоритъ: *лучше мудрый крѣпкаго, и мужъ разумъ имѣяй земледѣльца великаго* (Притч. XXIV, 5), и помощь его выше десяти князей въ государствѣ; а также: *оружіе же чувствія устнѣ премудрости* (Притч. XIV, 7). Мы постоянно видимъ, что выдающимися людьми становятся не крѣпкіе тѣлесною силою, но великіе душевною добродѣтелію, такъ какъ и корабль разсѣкаетъ волны не потому, что онъ великъ, окованъ мѣдью, и имѣетъ несокрушимые борты, но потому, что имѣетъ управителя, который направляетъ его по своей волѣ.

И судъ Мой во свѣтъ языковъ. Поистинѣ ихъ просвѣтило знаніе судовъ и пониманіе законовъ Его. Видишь ли пользу суда? Мракъ удаленъ, страхъ отогнанъ, страсти изъяты. Подобно тому, какъ появленіе судьи обращаетъ въ бѣгство воровъ, грабителей труповъ и разбойниковъ и всякаго рода злодѣевъ, такъ точно, когда разсудокъ получаетъ свою силу, и садится на пре-

столъ суда, онъ удаляетъ все вредное, а усвояетъ и дѣлаетъ пріятнымъ все полезное. Не видѣлъ ли ты въ городѣ, какимъ страхомъ охватываются, когда садится на судѣ судья, не только виновные, но также и невинные? Такимъ же образомъ, когда умъ бываетъ здравъ, и подобно судьѣ садится на тронъ суда, страхъ и трепетъ превращаютъ въ бѣгство то, что было прежде сдѣлано незаконнаго: не только обличаются неправыя мысли, но и невинныя движенія ума боятся и охватываются страхомъ. Подобно этому, когда судитъ Богъ, то даже звѣзды не объявляются предъ Нимъ чистыми, и не оправдывается самъ Павелъ: *ничесоже бо въ себѣ свѣмъ, но ни о семъ оправдаюся* (1 Кор. IV, 4). Такимъ образомъ, когда умъ произноситъ себѣ судъ и надлежащими обличеніями изслѣдуетъ изъяны, то ничто не пригодно для оправданія его, по сказанному: *кто похвалится чисто имѣти сердце или кто дерзнетъ рещи чиста себе быти отъ грѣховъ* (Притч. XX, 9)? Кромѣ того, написано: *яко нѣсть человѣкъ праведенъ на земли, иже сотворитъ благое и не согрѣшитъ* (Екклез. VII, 21); а также: *яже глаголете въ сердцахъ вашихъ, на ложахъ вашихъ умилитеся* (Пс. IV, 5); и самъ Павелъ говоритъ: *да искушаетъ человѣкъ себе* (1 Кор. XI, 28), и опять: *аще быхомъ себе разсуждали, не быхомъ осуждени были* (1 Кор. XI, 31). Не безъ причины Онъ повелѣваетъ намъ разсуждать о себѣ самихъ. Ты не осмѣливаешься и не желаешь возмущать свою совѣсть, изслѣдуя свою жизнь, для того, чтобы не имѣть побужденія изгнать найденные весьма многочисленные
364 грѣхи. Мы знаемъ, что многіе одержимы этимъ порокомъ. Изъ того, что случалось со мною, я считаю за изслѣдованное и достовѣрное то, что происходитъ съ остальными. Я самъ хотя часто желалъ спокойно взвѣсить всю свою жизнь и тщательно изслѣдовать, но никогда не рѣшался, чтобы не угнетать своего ума чрезмѣрною скорбью и печалью. Если бы мы пожелали тщательно и внимательно испытать всѣ наши грѣхи и привести ихъ себѣ на память, то конечно тогда наши старанія были бы истинными и чистыми. Если же мы тщательно безпокоимъ умъ, и предаемся бездѣйствію, въ такомъ случаѣ какая намъ отъ этого будетъ польза? Да и что, скажутъ, за пріятность изслѣдовать свою жизнь только затѣмъ, чтобы подвергаться величайшей скорби? Здѣсь мы терзаемся духомъ, а тамъ будемъ подвержены наказанію. Но я утверждаю, что такая печаль весьма полезна: если тебѣ досадно изслѣдовать себя, то ты потомъ ревностно будешь остерегаться думать о грѣхахъ. И не въ этомъ только будетъ польза для тебя, но ты будешь имѣть клятву Бога относительно того, что Онъ къ тебѣ будетъ снисходителенъ по написанному: *глаголи ты беззаконія твоя прежде, да оправдишися* (Ис. XLIII, 26). Если только сказаніе своихъ

беззаконій оправдываетъ, то тѣмъ болѣе,—когда у тебя будетъ такое великое исповѣданіе ихъ. Для грѣшника нѣтъ большей пользы, какъ всегда имѣть въ умѣ и предъ глазами свои грѣхи и какъ можно чаще сокрушаться и испытывать себя. Ничто скорѣе этого не умилостивляетъ гнѣвъ Божій: ни посты, ни лежаніе на землѣ, ни бдѣніе, ни иное прочее въ этомъ родѣ. Я покажу тебѣ это изъ священнаго Писанія: *рѣхъ: исповѣмъ на мя беззаконіе мое Господеви, и ты оставилъ еси нечестіе серца моего* (Пс. XXXI, 5). Говоритъ: *рѣхъ*. Не видишь ли, какая сила заключается въ этихъ словахъ: *глаголи ты беззаконія твоя прежде, да оправдишися* (Ис. XLIII, 26)? Потомъ: *беззаконіе мое познахъ и грѣха моего не покрыхъ* (Пс. XXXI, 5). Ужели Богъ не знаетъ, если ты не пожелаешь объявить объ этомъ? Развѣ Онъ не имѣетъ въ Себѣ всевѣдущаго знанія, благодаря которому все, что совершается, является какъ бы написаннымъ въ Его умѣ. Но говорятъ: по крайней мѣрѣ мы не подвергаемся мірскому позору, и никто насъ не осмѣиваетъ и не презираетъ. Съ такими соображеніями ты не можешь избѣжать и здѣсь насмѣшекъ и достичь будущихъ благъ. Если ты скажешь: какимъ образомъ это можетъ быть? то 365
я тебѣ отвѣчу: пользуясь такимъ утѣшеніемъ, мы будемъ совершать здѣсь все большія преступленія, а тамъ будемъ преданы вѣчнымъ наказаніямъ и мученіямъ.

5. *Приближается скоро правда Моя, и изыдетъ яко свѣтъ спасеніе Мое.* Онъ говоритъ о Своей праведности, которою Онъ пользуется какъ здѣсь, такъ и тамъ. Не только говоритъ: *приближается*, но: *приближается скоро правда Моя*, т. е., *Мой судъ*, но не милосердіе. *Изыдетъ яко свѣтъ спасеніе Мое. Яко свѣтъ*: что иное означаетъ это выраженіе, какъ не—явно и внезапно? *Мене острови ожидати будутъ, и на мышцу Мою* языцы *уповати будутъ*. Симмахъ говоритъ: и Мои мышцы будутъ судить народы. А прочіе говорятъ: язычниковъ. *Надѣятися будутъ*: они обсудятъ тщательно и со страхомъ соберутъ плоды спасенія, или, какъ говорятъ LXX, *на мышцу Мою уповати будутъ*, т. е., на Мою силу. Во всѣхъ этихъ выраженіяхъ одно и то же значеніе.

6. *Воздвигните на небо очи ваши и воззрите на землю долу, понеже небо яко дымъ утвердися, и земля яко риза обетшаетъ*. Смотри, какъ пророкъ приводитъ примѣры для того, чтобы показать легкость возвращенія, подобно тому, что совершилось въ Египтѣ и что случилось съ Авраамомъ. Теперь опять возвращаясь къ твореніямъ, онъ говоритъ о силѣ Божіей: *небо яко дымъ утвердися*. Акила говоритъ: небо свернулось какъ дымъ; Ѳеодотіонъ говоритъ: небо будетъ, какъ твердая соль. Темносиній и хрустальный цвѣтъ неба пророкъ сравнивалъ съ формою про-

врачной соли. LXX толковниковъ говорятъ: *яко дымъ*. Ясно, что никто не можетъ сдѣлать дымъ твердымъ, только Божіе всемогущество. *Земля же яко риза обетшаетъ*. Пророкъ представляетъ двѣ взаимно противоположныя вещи: Богъ сдѣлалъ твердымъ то, что было нѣжнымъ, и сдѣлалъ мягкимъ то, что было твердымъ, показывая, что Ему легко все дѣлать.

Живущіи же на ней [1]) *яко сія изомрутъ*, т. е. тѣ, которые обитаютъ на этой землѣ. Мнѣ кажется, что здѣсь пророкъ своими словами желалъ обозначить также небо, потому что онъ не сказалъ: *какъ сія* (αὕτη, земля), но: *какъ сія* (ταῦτα, т. е. небо и земля)
866 *изомрутъ*. Богъ можетъ разрушить то, что есть не что иное, какъ дымъ. И конечно, если Богъ желаетъ, то Онъ можетъ разсѣять небо, какъ дымъ, такъ какъ оно имѣетъ твердость не по своей природѣ, но по волѣ Творца. Для того, чтобы оно было прекраснымъ и блестящимъ, Онъ сдѣлалъ его нѣжнымъ и легкимъ, сохраняя его Своею силою. Если, говоритъ, Я могу разрушить небо, то тѣмъ болѣе Я могу уничтожить людей — вашихъ враговъ, когда пожелаю. Такимъ образомъ, для посрамленія людей развращенныхъ, Онъ прибавляетъ такія слова: *послушайте Мене, вѣдящіи судъ*. Другіе же говорятъ: правду, т. е., законы.

7. *Людіе Мои, имже законъ Мой въ сердцы вашемъ, не бойтеся укоренія человѣча, и похуленію ихъ не покаряйтеся*. А прочіе говорятъ: не бойтесь укоровъ, какъ и Самъ Христосъ говоритъ: *блаженни есте, егда поносятъ вамъ и рекутъ всякъ золъ глаголъ, на вы лжуще*; *радуйтеся и веселитеся* (Мѳ. v, 11).

8. *И якоже риза снѣдена будетъ временемъ*. Акила говоритъ: какъ ризы, которыя поѣдаетъ ржавчина. Симмахъ говоритъ: червь; Ѳеодотіонъ: моль. *И яко сукно изъястся мольми*. Итакъ, ужели никого не уязвляютъ безчестіе и клеветы? Потому Езекія говорилъ: *да услышитъ Господь Богъ твой словеса (Рапсакова), укоряти Бога живаго* (срав. Ис. xxxvii, 4). И самъ Давидъ говорилъ: *избави мя отъ клеветы человѣческія* (Пс. cxviii, 134)). За порицаніе Бога въ скоромъ времени сошелъ гнѣвъ. Пророкъ же (здѣсь) говоритъ о клеветническомъ порицаніи людей. Давидъ, дѣйствительно, отомстилъ своему врагу Семею, но онъ не самъ убилъ его, а повелѣлъ убить своему сыну, хотя Семей никогда не сдѣлалъ вреда послѣднему, — для того, чтобы и другихъ подобныхъ ему удержать. Потому пророкъ выше говоритъ праведникамъ: *послушайте мене, вѣдящіе судъ, людіе Мои, имже законъ мой въ сердцы вашемъ*; и потомъ: *и яко сукно изъястся мольми*. Эти слова онъ говоритъ или о порицаніяхъ, или о порицателяхъ, — почему и прибавляетъ: *правда Моя въ вѣки бу-*

[1]) Въ церк.-славянскомъ, *на земли*.

детъ и спасеніе Мое въ роды родовъ,—что и Самъ Христосъ сказалъ: *радуйтеся и веселитеся, яко мзда ваша многа на небесѣхъ* (Мѳ. v, 12). Если прейдетъ небо, т. е., форма небесъ, которая теперь необходима, а также и человѣческая природа измѣнитъ свою форму, тогда что останется твердаго и устойчиваго? *Спасеніе Мое въ роды родовъ*. Что ты говоришь? Ужели спасеніе будетъ и тогда, когда ты подвергнешь наказаніямъ и поразишь? Конечно: хотя для погибшихъ это не спасеніе, а правда, но для искупленныхъ—спасеніе. Вѣки вѣчные не могутъ воспрепятствовать спасенію и правдѣ. Подобно тому, какъ невозможно не быть Богу, а напротивъ необходимо Ему быть всегда и жить во вѣкъ, такъ же необходимо, чтобы всегда и постоянно царствовали правда и спасеніе. Если же кто скажетъ: почему люди не разумѣютъ этого?—то я отвѣчу словами священнаго Писанія: *помилуй мя Боже*, говоритъ, *по велицѣй милости Твоей* (Пс. L, 1). Псалмопѣвецъ назвалъ милость только великой, но какова она, онъ самъ не знаетъ. *И по множеству щедротъ Твоихъ* (тамъ же). Здѣсь онъ утверждаетъ, что щедроты многочисленны; но какъ велики щедроты Его, онъ совершенно не знаетъ. И самъ Павелъ говоритъ: *преспѣющее величество силы Его* (Ефес. I, 19); но каково *оно*, онъ не можетъ знать, и потому онъ называетъ его величествомъ и даже преспѣющимъ величествомъ, чтобы ты не осмѣлился его никогда изслѣдовать. Чѣмъ болѣе ты будешь изслѣдовать, тѣмъ болѣе оно будетъ превосходить твои размышленія. Если бы ты могъ когда-либо обнять его умомъ, то тогда было ли бы величество преспѣющимъ? Потомъ въ иномъ мѣстѣ онъ же говоритъ: *благодареніе Богови о неисповѣдимѣмъ Его даръ* (2 Кор. IX, 15). Никто не можетъ исповѣдать Его. 867

Но посмотримъ: ужели невозможно какимъ-либо образомъ уразумѣть то, что невозможно исповѣдать? Не всегда бываетъ такъ, чтобы мы не могли даже понимать того, что мы не можемъ исповѣдать. Конечно, говоритъ, миръ превышаетъ всякій разумъ; потому говорится: *миръ Божій, превосходяй всякъ умъ* (Филип. IV, 7). 868
Здѣсь говорится, скажутъ, о мирѣ, мы же изслѣдуемъ о милосердіи и о величайшихъ дарахъ. Что же, скажи, находится болѣе превосходнаго, чѣмъ миръ съ милосердіемъ? Миръ есть великій и особенный даръ милосердія. Но обратимся умомъ къ тому, гдѣ особенно находится преспѣющее милосердіе Божіе: *око не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыдоша, яже уготова Богъ любящимъ Его* (1 Кор. II, 9)). Если же иногда бываетъ рѣчь относительно мѣры, то ты остерегись думать, что милосердіе Божіе имѣетъ такую мѣру. Вотъ я разъясню сказанное: *якоже щедритъ отецъ сыны, ущедри Господь боящихся Его* (Пс. CII, 13); въ

евангеліи же читается такъ: *вы, лукави суще, умѣете даянія блага даяти чадомъ вашимъ* (Мѳ. VII, 11). И самъ пророкъ говоритъ: *аще же и забудетъ* (исчадій своихъ) *жена, но Азъ не забуду тебе* (Ис. XLIX, 15). Эти примѣры приведены здѣсь не для того, чтобы показать, что мѣра милосердія Его одинакова съ тѣми, но потому, что мы не знаемъ милосердія больше отеческаго, оно является самымъ великимъ въ нашихъ мысляхъ. Чтобы ты такимъ образомъ вѣрилъ въ сказанное, выслушай, что говорится: *аще забудетъ сихъ жена, но Азъ не забуду тебе, глаголетъ Господь* (Ис. XLIX, 15). Такимъ образомъ, когда ты слышишь: *елико отстоятъ востоцы отъ западъ, удалилъ есть отъ насъ беззаконія наша* (Пс. CII, 12), то ты остерегись думать, что таково только разстояніе, но считай его гораздо большимъ. Такъ какъ ты не знаешь иной мѣры больше той, то псалмопѣвецъ и воспользовался извѣстнымъ тебѣ примѣромъ. Но что это разстояніе гораздо больше, ясно изъ слѣдующихъ словъ: *Азъ есмь заглаждаяй грѣхи* (Ис. XLIII, 25), *истребивъ* (Колос. II, 13—14). Здѣсь, такимъ образомъ, больше, чѣмъ отдаленіе грѣховъ: то, что отдалилось, можетъ придти вновь; но то, что однажды уничтожено, больше уже не пишется. Потомъ въ иномъ мѣстѣ говорится: *Отецъ щедротъ и Богъ всякія утѣхи* (2 Кор. I, 3). Что онъ желаетъ показать этими словами? Мнѣ кажется, что онъ показываетъ этимъ, что милосердіе Его непо-
369 стижимо, подобно тому, какъ непостижимъ Онъ Самъ. Такъ какъ непостижима Его сила, то таково же и все то, что относится къ этой силѣ, по сказанному: *вся, елика восхотѣ, сотвори* (Пс. CXXXIV, 6); а потомъ: *у Бога же вся возможна* (Мат. XIX, 26). Тотъ, Кому принадлежитъ неизмѣримая сила, необходимо одаренъ неизмѣримою также премудростью. Такимъ образомъ, если нѣтъ мѣры Его премудрости, то ужели мы можемъ измѣрить Его милосердіе? Никоимъ образомъ; мы всегда должны мыслить, что то милосердіе, которымъ все установлено, неизмѣримо. Сверхъ того, о Его любви также говорится: *тако бо возлюби Богъ міръ, яко и Сына Своего единороднаго далъ есть* (Іоан. III, 16); о судахъ же Его говорится: *судьбы Его бездна многа* (Пс. XXXV, 7); а о милосердіи: *творяй милость въ тысящи* (Іер. XXXII, 18).

Этими словами мы не желаемъ побуждать васъ къ лѣности, но оживляемъ доброю надеждою и милосердіемъ Божіимъ тѣхъ, которые находятся безъ надежды. Поистинѣ, какъ велико милосердіе Его, такъ великъ гнѣвъ Его. Такъ и Христосъ говоритъ: *радость будетъ на небеси и* на земли (Лук. XV, 7). Но, увы, что такое человѣкъ? Если говорится: *вси языцы, аки капля отъ кади и аки плюновеніе и яко притяженіе вѣса вмѣнишася* (Ис. XL, 15), если, говорю, всѣ люди вмѣняются такимъ

образомъ, то какъ будетъ только одинъ достоинъ явиться
предъ лицемъ Господа, особенно когда онъ грѣшникъ? Но спасе-
ніе человѣческое служитъ для Бога предметомъ такой заботли-
вости, что Онъ ради одного кающагося грѣшника подвергаетъ
радости небо и землю. Что иное можетъ сравниться съ такимъ
попеченіемъ? Но ты не думай, что Сынъ посланъ Богомъ Отцомъ
только для спасенія всего міра. Если бы только одинъ человѣкъ
нуждался въ искупленіи, то тѣмъ не менѣе Богъ не нашелъ бы
недостойнымъ послать Своего Сына. Скажутъ: какими соображе-
ніями ты можешь это подтвердить? Выслушай говорящаго Павла:
за насъ всѣхъ предалъ есть Его (Рим. VIII, 32). Это есть также
признакъ справедливости, потому что не сказано: за богатыхъ и
сильныхъ, а не за бѣдныхъ; или: за мудрыхъ только, а не за 370
немудрыхъ, за неимущихъ, а не рабовъ,—но за всѣхъ, такъ что
Онъ всѣхъ цѣнилъ одинаково. Но въ иныхъ словахъ апостолъ
говоритъ, что Онъ предалъ Себя за него: *а еже живу нынѣ во
плоти, вѣрою живу Сына Божія, возлюбившаго мене и предавшаго
Себе по мнѣ* (Гал. II, 20). Что ты говоришь, Павелъ? Ужели ты
желаешь ограничить дары Божіи? Не ты ли недавно сказалъ:
*иже убо Своего Сына не пощадѣ, но за насъ всѣхъ предалъ есть
Его* (Римл. VIII, 32)? Почему же теперь говоришь: *предавшаго Себе
по мнѣ* (Гал. II, 20)? Конечно, говоритъ, для того, чтобы показать
тебѣ, что хотя бы нужно было предать Сына ради одного, и тогда
Богъ ни подъ какимъ условіемъ не отказался бы исполнить это.
Желаешь ли, чтобы я показалъ тебѣ это съ помощію какого-либо
сравненія? Но развѣ не одна только погибла овца, а девяносто де-
вять уцѣлѣли? Однако, медлилъ ли Онъ, не предпочелъ ли Онъ
оставить тѣхъ и пойти по горамъ, равнинамъ и долинамъ? Пре-
кратилъ ли Онъ Свое хожденіе прежде, чѣмъ нашелъ ее? Развѣ
остальныя не могли бы быть для Него утѣшеніемъ, когда отсут-
ствовала одна только? Подобнаго рода вещи проявляются тамъ,
гдѣ, конечно, существуетъ горячая любовь. Также и жадный къ
золоту, хотя онъ имѣетъ много денегъ, если потеряетъ одну мо-
нету, подвергается сильной скорби, потому что онъ любитъ всю
силу своихъ денегъ. Посмотри, пожалуйста, на любовь Его послѣ
того, какъ найдена одна овца: съ какимъ попеченіемъ и лю-
бовью Онъ полагаетъ ее на Свои плечи; Онъ не наносилъ ей уда-
ровъ, не подвергалъ ее какому-либо иному наказанію. Конечно,
таково свойство любящихъ и расположенныхъ людей, что даже
когда ихъ оставляютъ друзья, когда они удаляются, даже вредятъ
имъ, они ни подъ какимъ видомъ не гнѣваются на обиду, но
только желаютъ возвращенія и примиренія. Какія обиды мы на-
носили Богу, или какъ возбуждали гнѣвъ Его! Но Богъ мстилъ

ли намъ послѣ этого? Никакъ, но Онъ даже говорилъ: *не пріидохъ, да сужду мірови, но да спасу міръ* (Іоан. XII, 47). Почему же вы бѣжите, почему удаляетесь? *По Христѣ посольствуемъ*, говоритъ апостолъ, *яко Богу молящу нами: молимъ по Христѣ, примирите-*
371 *теся съ Богомъ* (2 Кор. V, 20). Но ужели это — послѣ оскорбленій и безславія? Конечно, говоритъ, и тогда примиритеся. Итакъ поспѣшимъ и мы, чтобы Онъ примирился также съ нами.

9. *Востани, востани, Іерусалиме, и облецыся въ крѣпость мышцы твоея.* По LXX ясно, что это повелѣніе дано было городу. Если всячески должно повиноваться царю, повелѣвающему что-либо, то тѣмъ болѣе Богу, когда Онъ кому-либо что повелѣваетъ. Но всѣ переводчики и еврейскій текстъ излагаютъ здѣсь такъ, какъ будто пророкъ говоритъ съ Богомъ. Такъ въ еврейскомъ текстѣ читается: Ouri, ouri, labsoi os srou; послѣ этого ближайшимъ образомъ читается слово, состоящее изъ 4 буквъ: (יְהוָֹה Iehovah), а у нѣкоторыхъ мы находимъ написаннымъ: Adonai, у иныхъ: Ahiah. Какъ то слово, которое, какъ мы сказали, состоитъ изъ 4-хъ буквъ, такъ и эти два послѣднія по еврейски обозначаютъ имя Божіе. Акила же говоритъ: возстань, возстань, и крѣпость облеки въ мышцу твою; здѣсь у него непосредственно читается то слово, которое обозначаетъ имя Господа. Но LXX выраженіе: *востани, востани*, относятъ къ Іерусалиму, какъ ясно изъ послѣдующихъ словъ, потому что прибавляютъ: *не ты ли еси опустошаяй море?* Акила говоритъ: можетъ быть, ты, опустошившій море. Ничто не препятствуетъ понимать эти слова объ Іерусалимѣ: всѣ бывшія чудеса совершались ради народа, какъ онъ называетъ Іерусалимъ: Богъ, говоритъ, дѣйствовалъ, но все это совершалось для народа. По этой причинѣ пророкъ обращаетъ рѣчь къ Богу, чтобы показать, что тѣ чудеса совершались Имъ ради народа, т. е., ради Іерусалима. Итакъ, оставивъ кажущееся сомнѣніе, которое въ дѣйствительности не есть сомнѣніе, и возвращаясь къ начатому нами, мы будемъ объяснять по переводу LXX.

И облецыся въ крѣпость мышцы твоея. Этимъ пророкъ обозначаетъ отверженіе грѣшниковъ. Подобно тому, какъ по окончаніи болѣзни больной выздоравливаетъ и крѣпнетъ, такъ и послѣ удаленія грѣховъ выздоравливаютъ души. Грѣховная грязь уменьшаетъ душевныя силы и часто развиваетъ болѣзнь. Разслабленная и согбенная жена, а также коринѳяне, которые были немощными за грѣхи (1 Кор. XI, 30), пусть выскажутъ свидѣтельства относительно этого. Не говори, что форма тѣла не
372 уродуется вслѣдствіе грѣховъ. Подобно тому, какъ вслѣдствіе болѣзни тѣла уменьшается острота души, такъ и тѣло бываетъ

участникомъ въ болѣзни души. И все это есть даже дѣло милосердія Божія: духъ съ трудомъ узнаетъ о своей болѣзни и казняхъ грѣшниковъ, а потому Богъ установилъ, чтобы тѣло также чувствовало таковые труды, такъ чтобы мы побуждались къ исправленію золъ, которыми мы связаны, чрезъ тѣлесныя болѣзни. Если желаешь, то прежде всего изслѣдуемъ гнѣвъ. Не видишь ли ты, какимъ образомъ гнѣвъ обезображиваетъ тѣло? Потому и премудрый говоритъ: *мужъ ярый неблагообразенъ* (Притч. xi, 25). То, что гнѣвъ губитъ и душу, ясно изъ слѣдующаго: *гнѣвъ губитъ и разумныя* (Притч. xv, 1). Такимъ образомъ по тѣлу замѣтно, когда оно бываетъ угнетено бременемъ золъ, что и душа также подвержена такимъ же тягостямъ. Такимъ же образомъ, когда духъ находится подъ бременемъ, то и тѣло принимаетъ въ томъ же участіе. Добродѣтель дѣлаетъ здоровыми не только души, но также и тѣла, сохраняя ихъ отъ разложенія, на подобіе острой и холодной зимы.

Востани, востани, Іерусалиме. Послѣ опустошенія, онъ былъ громадной развалиной: онъ не только былъ ниспровергнутъ до основанія, не только были разрушены зданія, но отверженный городъ сидѣлъ во прахѣ и горѣлъ отъ огня грѣшниковъ. Благочестіе было на словахъ, такъ какъ онъ былъ сильно поврежденъ грѣхами и беззаконіями, плѣнъ же принесъ ему весьма большую пользу. Кѣмъ было это совершено, по какой причинѣ Іерусалимъ подвергся наказаніямъ и какимъ образомъ онъ могъ освободиться отъ жестокихъ узъ, — относительно этого учитъ этотъ самый пророкъ. Онъ учитъ, что какъ паденіе Іерусалима произошло отъ него самого, такъ отъ него же самого произойдетъ воскресеніе и возстановленіе прежней добродѣтели. Потому онъ увѣщеваетъ Іерусалимъ только къ этому. То, что отъ него самого произошло паденіе и возстановленіе, ясно изъ слѣдующаго.

Востани, яко въ началѣ дне, яко родъ вѣка. Пророкъ утверждаетъ и убѣждаетъ Іерусалимъ къ такой перемѣнѣ. *Не ты ли еси опустошаяй море, воду бездны многу? Положивый глубины морскія путь прохода изъятымъ и избавленнымъ?* Здѣсь говорится объ египтянахъ и о переходѣ чрезъ море. Твоею ли силою совершилось все это? Ты не могъ совершить этого самъ собою, но все это совер- 378
шила и довела до конца рука Божія. Эти слова пророкъ говоритъ для того, чтобы ты зналъ, что все совершено ради тебя, чтобы и ты не думалъ, что Богъ дѣлаетъ что-либо напрасно и необдуманно: Онъ дѣлаетъ не прежде, чѣмъ ты подалъ поводъ къ этому. На что, говоритъ, мнѣ показывать великое и удивительное? Народъ кричалъ и стоналъ вслѣдствіе своихъ притѣсненій: *видя видѣхъ озлобленіе людей Моихъ, и вопль ихъ услышахъ* (Исх. III, 7). То, что

Богъ сдѣлалъ чрезъ Моисея, пророкъ приписываетъ народу. Видишь ли, какъ могуществень тотъ, кто повинуется Богу, и какъ безсиленъ противящійся Богу? Не отъ тебя самого тогда была сила и не вслѣдствіе твоей слабости пришли настоящія бѣдствія, но первую ты получилъ ради своей добродѣтели, а послѣднія пришли на тебя ради твоихъ грѣховъ. Обрати вниманіе на то, что онъ говоритъ: они подверглись разрушенію вслѣдствіе гордости и вслѣдствіе какой-то надежды, которая не принесла имъ никакой пользы. Если, такимъ образомъ, тѣ погибли по причинѣ своей гордости, то эти, также пребывающіе въ безуміи, какимъ образомъ могли освободиться? Богъ не только истребилъ ихъ, но подвергъ также осмѣянію и позорищу. Такъ какъ паденіе на землю показываетъ слабость падающихъ, то поэтому и они (египтяне) за то, что топили мальчиковъ въ водахъ, сами потонули въ водахъ подобнымъ же образомъ. Вспомни, говоритъ, о прежней славѣ твоей, научись, если желаешь, тому, что тебѣ присуща великая добродѣтель. *Не ты ли еси опустошаяй море?* Не говори, что ты побѣдилъ равныхъ себѣ народовъ,—когда ты побѣдилъ какъ бы самую природу: была измѣнена природа, ты почти господствовалъ надъ твореніями, когда благоволилъ къ тебѣ Господь твореній, Который никогда не завидовалъ тебѣ, ты же, какъ искренній другъ, повелѣвалъ твореніемъ друга. *Положивый путь прохода изъятымъ и избавленнымъ.* Ты подвергъ мученіямъ своихъ непріятелей, самъ же имѣлъ новый путь. Пророкъ потому исчисляетъ чудесныя благодѣянія, чтобы напоминаніемъ древнихъ добродѣтелей убѣдить ихъ любить Бога, побудить ихъ къ тому, чтобы они и теперь, какъ прежде, обратились къ Господу.

Онъ есть, говоритъ, Богъ твой. *И пріидутъ въ Сіонъ съ радостью и съ веселіемъ вѣчнымъ: на главѣ бо ихъ веселіе и хвала и радость пріиметъ я: отбѣже болѣзнь и печаль и воздыханіе.* На главѣ ихъ
371 будетъ радость, какъ бы нѣкоторый вѣнецъ или трофей. *Отбѣже болѣзнь, и печаль и воздыханіе:* хотя это было тогда сказано относительно ихъ образно, но впослѣдствіи это должно было совершиться въ дѣйствительности. *Отбѣже болѣзнь, и печаль, и воздыханіе.* Такъ какъ множествомъ грѣховъ мы навлекли скорби, печали и воздыханія, то поэтому пророкъ говоритъ: если ты исторгнешь корень, то тогда изсохнетъ и то, что произошло отъ того корня. Такъ какъ ты избралъ себѣ тяжелую жизнь, то, когда начнешь говорить: почему Богъ далъ намъ тяжелую жизнь, тогда вспомни о началѣ ея, вспомни, что мы сами были причиною нашихъ притѣсненій. Богъ не желалъ, чтобы въ нашу природу вторгались печали, такъ какъ, сотворивъ ее, Онъ даровалъ ей величайшія блага. Если ты не вѣришь этому, то выслушай

Священное Писаніе, которое говоритъ: *сотвори Богъ человѣка праваго: и сіи взыскаша помысловъ многихъ* (Екклез. VII, 30). Выслушай же, какимъ Адамъ былъ сначала: не было ни печали, ни заботы, которыя присоединились потомъ, какъ наказанія; ему слѣдовало воздерживаться отъ золъ, о которыхъ онъ и не помышлялъ прежде. Подобнымъ же образомъ, когда говорится: *въ печалѣхъ снѣси тую* (Быт. III, 17), то ясно, что человѣкъ прежде былъ подверженъ радости; а также, когда говорится: *въ потѣ лица твоего* (Быт. III, 19), то ясно, что прежде онъ проводилъ жизнь безъ пота и труда; когда говорится: *въ оньже аще день снѣсте отъ него, смертію умрете* (Быт. II, 17), то отсюда слѣдуетъ, что прежде Адамъ былъ безсмертнымъ. Потому Христосъ, желая показать намъ, что Онъ возстановилъ насъ въ прежнее состояніе, увидѣвши послѣ Своего воскресенія женъ, которыя были матерями печали, прежде всего произнесъ имъ слово, которое совершенно было противоположно печали, говоря: *радуйтеся* (Матѳ. XXVIII, 9); если по вашей винѣ пришла печаль сначала, то теперь ради Меня приходитъ наконецъ радость. Точно также и Павелъ часто говорилъ: *радуйтеся всегда о Господѣ* (Филип. IV, 4). *Древняя мимоидоша* (2 Кор. V, 17). Если смерть не есть болѣе смерть, то и печаль не есть болѣе печаль. Итакъ, если сокрушено жало смерти, то разрушены также и дѣйствія грѣховъ, потому что печаль входитъ въ душу вмѣстѣ съ грѣхами. Тогда, 375
говоритъ, отбѣжатъ скорби и печали и воздыханія; отбѣжатъ же означаетъ не что иное, какъ удалиться.

12. *Азъ есмь, Азъ есмь утѣшаяй тя*. Я всегда одинъ и тотъ же; хотя измѣнилось положеніе вещей, однако Я не измѣнился, но Тотъ же, Который былъ. Справедливо сказано: *Азъ есмь утѣшаяй тя*, потому что всѣ блага бываютъ ничѣмъ, когда нѣтъ Того, Кто утѣшаетъ; поэтому и Павелъ говоритъ: *утѣшаяй насъ о всякой скорби нашей* (2 Кор. I, 4). Будемъ же всегда молиться Тому, Кто причиняетъ печаль и даетъ долготерпѣніе для нетерпѣливыхъ; никогда не будемъ стремиться къ тому, чтобы быть богатыми, но къ тому, чтобы только Богъ благоволилъ къ намъ. При Божіемъ благоволеніи, мы, будучи и бѣдными, можемъ быть радостны; когда же Богъ гнѣвается, то хотя бы мы были богатыми и состоятельными, мы все будемъ томиться отъ печали. Когда Богъ намъ врагъ, то хотя бы у насъ были и блага и друзья, отъ нихъ не будетъ никакой пользы; когда же Богъ къ намъ благорасположенъ, то ничто враждебное не можетъ повредить намъ.

Разумѣй кто былъ, *и* почему *убоялся еси человѣка смертна и сына человѣча, иже яко* сѣно *изсхоша*. Справедливо пророкъ

приводитъ на умъ знатность его (Іерусалима), какъ бы какой-либо царской дочери, которая боится своихъ слугъ. Скажи, пожалуйста, кѣмъ ты былъ? Эти слова: „*кѣмъ ты былъ*" обозначаютъ многое: во-первыхъ, то, что онъ (народъ еврейскій) прежде прочихъ людей познадъ Бога; потомъ, ты одинъ былъ освобожденъ отъ заблужденій, ты одинъ почиталъ добродѣтели, тебѣ одному Я открылъ сокровенное и невидимое Своей премудрости, по сказанному: *не сотвори тако всякому языку и судьбы Своя не яви имъ* (Пс. CXLVII, 9). Какой народъ Богъ избралъ такимъ образомъ, или кто когда-либо слышалъ голосъ Божій, какъ слышали они? Кѣмъ ты былъ? Что болѣе привлекаетъ тебя: тѣлесная доблесть, или душевная мудрость? Блага, которыя пришли издалека, или блага, которыми ты пользовался дома? Кто *былъ* и почему *убоялся еси человѣка смертна*: развѣ Я не даровалъ тебѣ жить жизнью безплотныхъ силъ? Если не открыто, то какъ бы прикровенно Я даровалъ тебѣ таковую жизнь. Въ теченіе сорока лѣтъ ты не обрабатывалъ земли и не собиралъ жатвы, и тѣмъ не менѣе ты
376 пользовался всѣми благами. *Хлѣбъ небесный дадѐ имъ, хлѣбъ ангельскій яде человѣкъ* (Пс. LXXVII, 24—25). Ничего человѣку не дается безъ труда. Кѣмъ ты былъ и почему убоялся? Ты господствовалъ надъ самою смертью. Богъ прежде явилъ будущее и весьма часто освобождалъ ихъ отъ бѣдствій. Онъ былъ безсмертнымъ—потому, что имѣлъ Бога какъ бы своимъ вождемъ; онъ могъ столько, сколько самъ желалъ.

Иже яко трава изсхоша. Видишь ли безсиліе природы? Хотя она внушила тебѣ страхъ, но не своею силою, а по причинѣ твоего бездѣйствія. Кто боится сѣна? Или, какъ если бы кто сказалъ намъ: кто ты таковъ и почему боишься діавола? Онъ повелѣлъ тебѣ попирать змія, почему же ты боишься его? Самъ Христосъ съ тобою, почему же ты боишься врага?

13—16. *И забылъ еси Бога, создавшаго тя, сотворшаго небо и землю*. Одно дѣло твореніе и промышленіе, а другое—могущество и попеченіе. Не одно и то же забыть отца и Бога, Который есть первая и истинная причина. Ты не увидѣлъ Бога, сотворившаго тебя, но развѣ ты не видишь небо, которое всегда приводитъ тебѣ на умъ твореніе? Куда бы ты ни пошелъ, небо представляется тебѣ, какъ какая-либо твердая и устойчивая статуя. Оно окружаетъ тебя, говоритъ и проповѣдуетъ о Творцѣ, и куда бы ты ни пошелъ, вездѣ ты найдешь небо учителемъ.

И боялся еси присно во вся дни лица ярости стужающаго тебѣ. Акила говоритъ: мучающаго тебя. *Како бо восхотѣ взяти тя?* Прочіе же говорятъ: призвать тебя. *И нынѣ гдѣ ярость стужающаго тебѣ? Внегда бо спастися тебѣ не станетъ, ниже умедлитъ*.

И теперь желаешь ли ты узнать, кто это такой? Обрати внимание: *яко Азъ Богъ твой, возмущаяй море, и творяй шумъ волнамъ его: Господь Саваоѳъ имя Мнѣ.* Итакъ, Онъ есть господствующій надъ всѣмъ этимъ. *Положу словеса Моя во уста твоя.* Подвергшись многимъ бѣдствіямъ, они лишились также утѣшенія возвѣщать опредѣленія Божіи. Потому и говорится: *положу словеса Моя во уста твои.* А одинъ изъ переводчиковъ говоритъ: сдѣлаю то, что ты всегда будешь размышлять о законахъ Божіихъ, чтобы такимъ образомъ возбудить попеченіе твое и желаніе. *И подъ* 377
сѣнію руки Моея покрыю тя, вю же поставихъ небо и основахъ землю А Симмахъ говоритъ: на которой насадилъ тебя, подъ этими силами, и охранялъ тебя различными стражами.

17—23. *Востани, востани, воскресни, Іерусалиме, испивый отъ руки Господни* короткую *чашу ярости Его: чашу бо паденія, фіалъ ярости испилъ и истощилъ еси.* Такъ какъ пророкъ выше сказалъ: кѣмъ ты былъ и почему *убоялся* гнѣва *ярости стужающаго тебѣ?*— то для того, чтобы Іерусалимъ не думалъ, что онъ подвергся наказаніямъ отъ людей, онъ прибавляетъ: *отъ руки Господни* испилъ *еси* короткую *чашу ярости Его.* Писанія всегда называютъ наказанія чашею; пророкъ прибавляетъ: „короткую", чтобы показать угрожающее наказаніе Божіе. А такъ какъ таковое наказаніе сходитъ глубоко, въ самое сердце, то пророкъ говоритъ: яко *испилъ и истощилъ еси.* Онъ приводитъ справедливую причину, и такъ какъ гнѣвъ слѣдовало умилостивить, то говоритъ: ты исполнилъ мѣру наказаній, испилъ, опустошилъ чашу, такъ что отъ наказаній не осталось ничего.

Но чтобы показать, что никто не могъ помочь ему (Іерусалиму), пророкъ говоритъ: *и не бысть утѣшаяй тебе отъ всѣхъ чадъ твоихъ, яже родилъ еси.* Онъ напоминаетъ имъ о великихъ и горькихъ наказаніяхъ, говоря, что они не только подверглись скорби, но такъ измучились отъ несчастія, что въ ихъ бѣдствіяхъ не нашлось утѣшителя. Говоря: *не бысть утѣшаяй,* пророкъ не обвиняетъ сыновъ его, но этимъ старается научить, что наказанія произошли съ неба, такъ что даже и самые сыны не желали утѣшить своей матери. Почему ты бѣжишь къ чужимъ, когда даже среди твоихъ домашнихъ не было тебѣ никакой надежды? Когда наказываетъ Богъ, то не должно полагать надежды ни въ обиліи войскъ, ни въ крѣпости городовъ.

Два сія противна тебѣ: кто сожалѣетъ тебѣ? Съ тобою паденіе и сокрушеніе, гладъ и мечъ: кто утѣшитъ тя? Ужели сыны твои, которые и сами нуждаются въ утѣшеніи? Кромѣ того, кто въ состояніи переносить голодъ? Итакъ, чтобы научить тебя, что война происходитъ также съ неба, Онъ послалъ также голодъ.

Еда *сынове твои, обнищавшіи, сѣдяще на краи всякаго исхода,* уготованніи въ бѣгство, *яко свекла недовареная, исполнени ярости*
378 *Господни*, т. е. они были полумертвыми вслѣдствіе опустошительнаго голода. Симмахъ говоритъ: какъ сѣть, потому что, какъ сѣтью они не могутъ удержать воды, такъ ихъ старанія не могутъ утолить гнѣвъ Божій. Пророкъ говоритъ: быша *исполнени ярости Господни, разслаблени Господемъ Богомъ.*

Сего ради слыши смиренный и упившійся не виномъ: тако глаголетъ Господь Богъ, судяй людемъ Своимъ: се взяхъ отъ руки твоея чашу паденія, фіалъ ярости Моея, и не приложиши къ сему пити ея; и дамъ ю въ руцѣ преобидѣвшихъ тя и смиривших тя, иже рекоша души твоей: преклонися, да минемъ: и положилъ еси равно земли средняя *твоя.* Акила говоритъ: плечи твои; Симмахъ же: хребетъ твой. *Отвнѣ мимоходящимъ.* Смотри, когда Онъ былъ уже готовъ освободить ихъ, Онъ показываетъ угрожающія имъ великія наказанія, и что никто не можетъ отвратить таковыхъ бѣдствій, такъ чтобы и послѣ благодѣяній они не забывали о благахъ или о грѣхахъ, ради которыхъ они подверглись наказанію. Воспоминаніе то о грѣхахъ, то о наказаніяхъ и благодѣяніяхъ полезно людямъ. Богъ измышляетъ многое подобное, чтобы побудить насъ къ смиренію и пользѣ другимъ,—приводилъ Онъ на умъ ихъ воспоминаніе не только о благодѣяніяхъ, но также и о наказаніяхъ послѣ благодѣянія, именно, обо всемъ, что совершилось въ Египтѣ и что во время потопа. Знаменіемъ потопа была радуга. Грѣхъ содомитянъ показываетъ попаленная земля. Радуга видима по всему земному кругу, знаменіе же грѣха содомскаго не повсюду видимо. Смотри, такимъ образомъ небо и земля представляютъ знаменіе гнѣва Божія: одно усматривается очами, другое же возвѣщается прочимъ людямъ по слуху. Мѣдный змѣй былъ знаменіемъ относительно іудеевъ, листы жертвенника были также знаменіемъ. Мы имѣемъ много знаменій ада въ слабостяхъ, болѣзняхъ, тяжкихъ наказаніяхъ, такъ что изъ этого мы можемъ гадать о будущемъ. Кто не слыхалъ о гнѣвѣ, излившемся на содомитянъ? Гдѣ среди языковъ не было слышно объ этомъ? А наказанія іудеевъ развѣ недостаточны для того, чтобы мы познали будущія наказанія? Городъ разрушенъ, храмъ сожженъ, скорби, притѣсненія, разсѣяніе тѣхъ, которые распяли (Христа); всѣ они безъ полей, безъ городовъ, въ дырявыхъ платьяхъ блуждаютъ по вселенной. То, что они разсѣяны не силою человѣческою, ясно
379 изъ того, что иногда при помощи Божіей они побѣждали македонянъ, персовъ и мидянъ, но великая сила Распятаго ихъ разсѣяла и разбросала такимъ образомъ. Когда Финеесъ убилъ одного человѣка, то онъ получилъ великія блага. Когда самъ Моисей

сдѣлалъ то же, то и ему были величайшіе дары. Теперь же, если они убили дѣйствительно противника Божія, то почему же они подверглись мученіямъ, почему они разсѣяны и разбросаны по вселенной? Кто не вѣритъ въ адскія наказанія, тотъ пусть обратитъ свой умъ на наказанія, происходящія съ іудеями, или на наказанія Сапфиры и Ананіи, которые, посвятивъ прежде свое имущество Богу, потомъ погибли, какъ грабители храма.

ГЛАВА LII.

1—5. *Востани, востани Сіоне, облецыся въ крѣпость твою Сіоне,* 880
и ты облецыся въ славу твою Іерусалиме, граде святый, къ тому не приложитъ проити сквозѣ тя необрѣзанный и нечистый. Истряси прахъ и востани, сяди Іерусалиме, яко тогда. Многіе тогда радовались вслѣдствіе такого обѣтованія. Почему же они желали обитать въ землѣ непріятельской, когда они прежде вышли изъ своей страны? Чтобы они не были невѣрующими, пророкъ говоритъ: *истряси прахъ твой* отъ тебя, *востани и сяди Іерусалиме.* Востани отъ земли и отъ печалей, *и сяди* на тронъ славы. *Совлецы узу выи твоея, плѣненая дщи Сіоня,* какъ вдова, посыпающаяся пепломъ. *Тако глаголетъ Господь: туне продани бысте и не сребромъ избавитеся.* Что значитъ это выраженіе — *туне?* Не напрасно и не тщетно, но какъ мы сказали выше: *гдѣ залогъ вашъ за который Я* продалъ *васъ* (Ис. L, 1). Получилъ ли Я блага, принужденъ ли Я вознаграждать, какъ должникъ? Если Я васъ предалъ безъ сребра, то тѣмъ болѣе Я возвращу васъ безъ сребра. *Тако глаголетъ Господь: во Египетъ снидоша людіе Мои прежде, еже пришельцамъ быти тамо, и во Ассирію нуждею отведошася. И нынѣ что здѣ* бысте? Онъ вспоминаетъ прошедшее, именно, то, какимъ образомъ Онъ ихъ освободилъ. Онъ часто указываетъ на плѣнъ, какъ бы на обвиненіе. Почему же? Чтобы показать, что они сами были причиною плѣна. Такъ какъ ни первый, ни второй плѣнъ не могъ исправить ихъ, то поэтому пророкъ говоритъ: *взяшася людіе туне, чудитеся и плачитеся,* не потому, что они были безсильными, но потому, что пошли *туне,* т. е., въ то
время, когда ихъ Господь былъ всемогущъ. Такъ какъ они обви- 381
няли Его въ томъ, что Онъ не пришелъ къ нимъ на помощь, то пророкъ прибавляетъ: *васъ ради присно имя Мое хулится во языцѣхъ.* Они сами были виновниками переселенія въ Египетъ и плѣненія между ассиріянами и вавилонянами; по своей винѣ они были взяты непріятелями которые овладѣли ими легко. Онъ имъ при-

писываетъ вину: *васъ ради*, говоритъ, хулятъ Бога тѣ, которые говорятъ, что Я слабъ, и безсиленъ, и жестокъ, и немилосердъ. *Васъ ради хулится имя Мое во языцѣхъ*, когда Я васъ охраняю и когда даже васъ наказываю. Когда Я являюсь охранителемъ, то говорятъ: что это за народъ такой, ради котораго мы всѣ умираемъ? Когда же Я васъ подвергаю наказаніямъ, то говорятъ: развѣ Онъ не могъ спасти ихъ? *Сего ради*, прибавляетъ, *познаютъ людіе Мои имя Мое*,—потому что, говоритъ, *Азъ есмь Самъ глаголяй, ту есмь*. Почему же говорится: *сего ради*? Потому что *имя Мое хулится во языцѣхъ*. То же говорилъ и Павелъ, показывая ихъ ежедневныя беззаконія, отъ которыхъ они никогда не отступали.

6—14. *Азъ есмь Самъ глаголяй, ту есмь*. Христосъ, говорившій чрезъ пророковъ, потомъ показалъ Себя во плоти и говорилъ съ нами. Потому также прибавляется: *коль красны на горахъ ноги благовѣствующихъ* миръ, *благая*. Акила говоритъ: какъ прекрасны на горахъ ноги благовѣствующаго миръ, благовѣствующаго благое; Симмахъ: какъ пріятны, а Ѳеодотіонъ: какъ прекрасны. По справедливости здѣсь усматриваются ноги, попирающія змѣй и скорпіоновъ. Прекрасны эти ноги: онѣ превосходятъ по красотѣ лучи солнечные, онѣ приносятъ намъ весьма многія блага. Что можетъ сравниться съ миромъ? Что можетъ быть пріятнѣе примиренія съ Богомъ, съ самимъ собою и съ своимъ ближнимъ? Смотри, какъ велась троякая и различная борьба: мы боролись съ Богомъ, съ самими собою, а также съ другими. Богъ же прекращаетъ эту борьбу, нисходя свыше и говоря: *миръ вамъ*. Не мы ли сами просили обѣтованія мира? Онъ Самъ пришелъ, чтобы мы примирились съ Нимъ, убѣждалъ насъ и далъ такія блага, какихъ никто не могъ знать или измыслить. *Яко слышано* сотворихъ *спасеніе твое*: Я, говоритъ, покажу всѣмъ. Глаголати Сіону:
882 *воцарится въ тебѣ Богъ*. А другіе говорятъ: воцарился. *Яко гласъ хранящихъ тя вознесеся*. Прочіе говорятъ: зрителей, т. е., прославляющихъ Бога. *И гласомъ вкупѣ возрадуются: яко очи ко очесемъ воззрятъ, егда помилуетъ Господь Сіона. Да отрыгнутъ веселіе вкупѣ пустыни іерусалимскія, яко помилова Господь его, и избави Іерусалима; и открыетъ Господь* мышцу *Свою святую предъ всѣми языки и узрятъ вси концы земли спасеніе, еже отъ Бога нашего*. Все это совершилось среди народа послѣ возвращенія изъ плѣна.

Отступите, отступите, изыдите отсюду и нечистыхъ *не прикасайтеся*. Павелъ, говоря о своихъ временахъ, какъ на свидѣтельство, указываетъ на этого пророка. Какое основаніе для жизни люди того времени считали болѣе превосходнымъ, чѣмъ жизнь вавилонянъ? Справедливо же пророкъ убѣждаетъ ихъ,

такъ какъ многіе были въ нерѣшимости относительно того, оставаться имъ (въ Вавилонѣ) или нѣтъ, и побуждаетъ ихъ (къ исходу), указывая вмѣстѣ съ тѣмъ и причину: *изыдите* и нечистыхъ *не прикасайтеся*. Акила и Симмахъ говорятъ: мерзостей. Смотри на извращенность! Когда они вышли изъ Египта, то желали вернуться туда. Когда ихъ призывали (выходить) изъ Вавилона, то они были нерѣшительны и скорбны. Такое возвращеніе они переносили съ болѣзненнымъ настроеніемъ, такъ что не желали уходить даже и послѣ обѣщаній столькихъ благъ. Пророкъ помышляетъ о чемъ-то новомъ, когда говоритъ: *изыдите отъ среды его, отлучитеся носящіи сосуды Господни*. Если вамъ не достаточно только выйти, то по крайней мѣрѣ подумайте о слѣдующемъ: вамъ, которые были служителями священныхъ сосудовъ, совершенно неприлично обитать между нечистыми.

Яко не съ мятежемъ изыдете, ниже убѣжаніемъ пойдете Вамъ будетъ такое знаменіе: *пойдетъ бо предъ вами Господь, и собираяй вы Богъ Израилевъ*,—такъ что вы не выдумывайте причины, что вы будете подвергаться бѣдствіямъ, подобно тому времени, когда вы вышли изъ Египта. Не такъ, но напротивъ,—съ великимъ почетомъ, безъ замѣшательства и въ спокойствіи вы выйдете, потому что съ вами пребываетъ Самъ Господь.

Се уразумѣетъ Отрокъ Мой, и вознесется и прославится зѣло. Якоже ужаснутся о тебѣ мнози, тако обезславится отъ человѣкъ видъ твой. Къ чудесамъ присоединяются чудеса, какъ и во время Авраама. Не будемъ спрашивать о порядкѣ, потому что таковъ обычай пророковъ, которые, когда говорятъ о чемъ-либо, то обращаются и къ другимъ предметамъ. Такимъ образомъ и здѣсь, 383
сказавши о плѣнѣ и о возвращеніи, пророкъ обращаетъ рѣчь къ иному предмету: *се уразумѣетъ Отрокъ Мой*. О комъ, думаютъ іудеи, сказано это: о Зоровавелѣ, о Даніилѣ, или о народѣ? Мы, напротивъ, говоримъ, что это утверждается о Христѣ. Пусть не указываютъ намъ на порядокъ. Изъ многихъ мѣстъ пророковъ мы можемъ показать, что порядокъ не сохраняется, и разные предметы связываются вмѣстѣ. Теперь же мы сопоставимъ со Христомъ одного изъ тѣхъ, къ которому думаютъ относить сказанное, и посмотримъ: къ кому изъ нихъ все это болѣе примѣнимо, того мы и возьмемъ; вы же будьте судьями по данному вопросу. Что значитъ: уразумѣть, т. е., постичь? Уразумѣть писаніе: таково, мнѣ кажется, значеніе даннаго слова; это говоритъ и Акила: се уразумѣетъ отрокъ Мой; еврейскій же текстъ полагаетъ: Henne ieschi apti—то же, что и Акила. Я утверждаю, что пророкъ сказалъ это во всякомъ случаѣ о Христѣ, чтобы показать, что все совершалось по Его желанію, такъ какъ Христосъ

говоритъ: *желаніемъ возжелѣхъ сію пасху ясти съ вами* (Лук. XXII, 15). Хотя это было и тяжело, однако было желаемымъ ради того, что должно было совершиться. Чтобы показать, что Онъ добровольно и по любви, а не по необходимости или противъ воли взошелъ на него (крестъ), и что этотъ былъ для Него желательнымъ, и весьма пріятнымъ, Христосъ говоритъ: *больши сея любве никтоже имать, да кто душу свою положитъ за други своя* (Іоан. XV, 13). Видишь ли, какъ Онъ открываетъ Свое желаніе, по которому Онъ желалъ креста, который Онъ называетъ даже славою (Іоан. XII, 28, 32). *И вознесется и прославится.* Прочіе же говорятъ: и подымется. Не со всѣми поднятыми, т. е., распятыми, пребываетъ слава, но напротивъ имъ принадлежитъ презрѣніе. Свое вознощеніе Онъ отдѣляетъ отъ прочихъ, говоря: *егда вознесете Сына человѣческаго, тогда уразумѣете, яко Азъ есмь* (Іоан. VIII, 28); потомъ: *егда Азъ вознесенъ буду, тогда вся привлеку къ Себѣ* (Іоан. XII, 32). То, что для остальныхъ было причиною проклятія, разрѣшало всѣ проклятія.

И вознесется *зѣло*: это указываетъ великое вознощеніе; потомъ говоритъ: *прославится.* Итакъ, кто вознесся и кто прослав-
384 вился, когда былъ вознесенъ? Къ кому желаютъ іудеи примѣнить всѣ эти слова: къ Зоровавелю, или къ Даніилу, или къ народу, или къ Богу, Котораго почитаетъ весь міръ? *Якоже ужаснутся о тебѣ мнози.* Акила говоритъ: удивились. Симмахъ: изумились. *Тако обезславится отъ человѣкъ видъ твой.* А другіе говорятъ: такъ поврежденъ. *И слава твоя отъ сыновъ человѣческихъ.* Акила называетъ видъ его лицомъ. Кто удивлялся Зоровавелю или народу? Хотя многіе удивлялись Даніилу, но видъ его, который всегда считали прекраснымъ, не былъ безславнымъ. Во Христѣ же совершились оба эти чуда, потому что одни удивлялись Ему, а другіе имѣли къ Нему презрѣніе. Справедливо также говорится: *видъ твой*, потому что ради него, т. е., вида, они пренебрегали Его, говоря: *не сей ли есть тектоновъ* сынъ? Не называется ли мати Его Марія (ср. Марк. VI, 3)? То, что они удивлялись Ему, ясно изъ слѣдующихъ словъ: *николиже явися тако во Израили* (Мат. IX, 33), а потомъ: *воистинну Божій Сынъ бѣ сей* (Мат. XXVII, 54). Для того, чтобы все это не считалось за невѣроятное нами, имѣющими впослѣдствіи говорить объ этомъ, пророкъ напередъ сказалъ объ этомъ: *обезславится*, говоритъ. Его считали имѣющимъ демоновъ, неистовымъ, считали соблазнителемъ народа, однако, Онъ никогда не показывалъ имъ лица Своего страшнымъ. Справедливо также сказано: *обезславится отъ человѣкъ видъ* твой,—такъ какъ Богомъ Онъ не былъ презрѣнъ, но былъ прославленъ. Свидѣтельствуетъ объ этомъ голосъ съ неба:

сей есть Сынъ Мой возлюбленный, Того послушайте (Марк. IX, 7). Не былъ презрѣнъ Богомъ тотъ, Кто все знаетъ ясно. Не былъ презрѣнъ и людьми, почитателями благочестія, но презрѣнъ тѣми, которые были только людьми, людьми, живущими не религіозною жизнью. Таковые въ Его безславномъ лицѣ встрѣтили претковеніе, — безславномъ, говорю, по человѣчеству, но не по божеству. Видъ Христа не былъ безобразнымъ болѣе, чѣмъ видъ всѣхъ людей. Но слава Его божества не настолько являлась въ Его видѣ, насколько онъ (видъ Его) былъ прекрасенъ по человѣчеству. Какое большее безславіе, какъ Богу показывать Себя человѣкомъ, Владыкѣ облекаться въ образъ раба? То и другое не исполнилось на Даніилѣ, потому что всѣ ему удивлялись, никто его не пренебрегалъ. Смотри теперь сперва 385
на чудеса, потомъ на безславіе. Справедливо говоритъ пророкъ: *видъ Его,* потому что видъ креста былъ безславенъ и позоренъ. Когда видишь Его подверженнымъ оплеванію и заушенію, связаннымъ въ узахъ, терпящимъ безславіе креста и презрѣннымъ, то и тогда обращай вниманіе сперва на чудеса, а потомъ на безславіе. Самыя творенія познали распятаго Господа, такъ какъ они подвиглись и пришли въ смущеніе. Теперь же уразумѣй Его могущество: если Онъ, бывшій въ такомъ безславіи, привелъ въ такое замѣшательство твари, то тѣмъ болѣе это совершится тогда, когда Онъ придетъ въ величіи Своемъ, со славою Отца и съ ангелами.

15. *Тако удивятся языцы мнози о немъ.* Хотя иные переводчики сказали иначе, однако, слѣдующія слова по LXX обозначаютъ, что народы удивятся настолько, что не произнесутъ слова, потому что здѣсь читаемъ: *и заградятъ царіе уста своя.* Всѣ читаютъ здѣсь тѣ же слова. Но Акила говоритъ: „цари закроютъ свои уста“, что̀ значитъ то же самое. Пророкъ говоритъ не только о безславіи, но также и о томъ, что будетъ послѣ безславія. *Удивятся языцы мнози о Немъ.* Эти слова нуждаются въ истолкованіи. *И заградятъ,* говоритъ, *царіе уста свои,* т. е., они удивятся, придутъ въ изумленіе, будутъ держать уста вытянутыми. Кто изъ невѣрныхъ не будетъ объятъ удивленіемъ? Прославленіе не препятствуетъ. Потому послѣ безславія и презрѣнія являются чудеса, чтобы обнаружилась сила креста.

Имъ же не возвѣстися о немъ, узрятъ, и иже не слышаша, уразумѣютъ. Когда это совершилось въ народѣ іудейскомъ? Но ко Христу все это примѣнимо какъ тогда, такъ и теперь. Гдѣ тѣ пророки, которые возвѣщаютъ о немъ (народѣ іудейскомъ), такъ чтобы всѣ впослѣдствіи увѣровали? Слова: *имъ же не возвѣстися о немъ, узрятъ*—означаютъ то же, что говоритъ Павелъ: *имже*

предъ очима Іисусъ Христосъ преднаписанъ бысть, распятъ (Галат. III, 1). Велика сила Распятаго, но велико и обвиненіе іудеевъ. Если уразумѣютъ тѣ, которые никогда не слушали пророковъ, говорившихъ о Христѣ, то что должно отвѣчать тѣмъ, предъ которыми совершилось столько чудесъ, каковыя даже и безъ пророчествъ могли привлечь созерцавшихъ? Они слышали слова
386 пророковъ, глазами своими видѣли Его (т. е. Христа) и Его чудеса, и однако не увѣровали. Напротивъ тѣ, хотя не видѣли Христа, и не слышали словъ пророковъ, увѣровали. Это удивительно, это—великое дѣло. Ужели все это ложно? Никакъ, но изъ самаго происшествія мы научаемся тому, что не ложно то, что предсказано было прежде многаго времени. *И иже не слышаша*, говорится, *уразумѣютъ*. Уразумѣть—то же самое, что и вѣровать. Почему же они не увѣровали? Потому, что они впали въ гордость: гордость есть начало всѣхъ золъ.

ГЛАВА LIII.

387 1—2. *Господи, кто вѣрова слуху нашему, и мышца Господня кому открыся? Мышца Господня*, т. е., знаменіе божественной силы. Кто, говоритъ, вѣровалъ намъ? Пророкъ сказалъ это справедливо, потому что іудеи не вѣровали даже евангелистамъ. *Господи, кто вѣрова слуху нашему?* То, что мы говорили, мы говорили не отъ себя, но возвѣщали слышанное. Справедливо сказано: *кто вѣрова:* необходима была вѣра, а не изслѣдованіе. Кто будетъ спрашивать у насъ объ основаніи? Ничего не должно говорить и возвѣщать, потому что сказанное удивительно, оно превышаетъ умъ. Пророкъ не говоритъ: никто не согласился, но: никто не вѣровалъ.

И мышца Господня кому открыся? Не думай, что это были только слова, такъ какъ тотчасъ послѣдовалъ свидѣтель происшествія. Однако они не видѣли и не слушали. Чудеса были недостаточны для того, чтобы они увѣровали, поэтому необходимо было откровеніе, такъ какъ нѣкоторые могли, а иные не могли видѣть предложенное зрѣлище. *Блажени очи видящіи, яже видите* (Лук. X, 23); а также: *на судъ Азъ въ міръ сей пріидохъ, да невидящіи видятъ и видящіи слѣпи будутъ* (Іоан. IX, 39). Ясно, что всегда необходимо разумѣніе, иначе, когда нѣтъ силы словъ, то ни прочное свидѣтельство событій и ничто иное не можетъ убѣдить невѣрующаго человѣка. Смотри, какъ давно пророкъ предсказалъ то чудо, что іудеи не вѣровали! *Возвѣстихомъ, яко отроча предъ*

нимъ, яко корень въ земли жаждущей. Акила говоритъ: онъ воз- 888
станетъ, какъ молодой питомецъ предъ лицомъ его; Симмахъ: онъ возсталъ, какъ красота предъ нимъ; Θеодотіонъ: возстанетъ предъ лицомъ его, какъ младенецъ. Пророкъ у нихъ отнимаетъ всякую оборону и того, что онъ сказалъ, было достаточно для того, чтобы ихъ не щадить. *Мышца Господня*: чтобы уразумѣли, что всѣ творенія суть дѣла Его крѣпкой мышцы. Кромѣ того, пророкъ говоритъ: *мышца*, чтобы показать, что Онъ есть сосущественъ съ Отцомъ и творитъ добродѣтель отъ Себя Самого: Онъ творитъ, что ни пожелаетъ, не потому, что имѣетъ повелѣніе, подобно рабу, но потому, что обладаетъ равною силою, какъ Отецъ. *Яко отроча, яко корень въ земли жаждущей.* Акила говоритъ: какъ корень изъ невоздѣланной земли. Онъ былъ младенцемъ, но не такъ, какъ прочіе младенцы; *корнемъ*, — но *въ земли жаждущей*. Жаждущей землей пророкъ называетъ неискусобрачную Дѣву, чуждую всякаго супружескаго смѣшенія и росы сѣмени. Этого одного было достаточно, чтобы привлечь ихъ къ Себѣ. Въ божествѣ ли только Своемъ Онъ пришелъ, или явился вмѣстѣ и какъ совершенный человѣкъ? Не ѣлъ ли Онъ съ ними, и не возрасталъ ли среди нихъ? Не жилъ ли Онъ съ ними тридцать лѣтъ? Онъ никогда не отдѣлялся отъ общества людей, чтобы не приводить ихъ въ недоумѣніе, и въ то же время не былъ ниже прочихъ, чтобы не подумали, что Онъ одинаковъ и подобенъ большинству. Какъ отрокъ, Онъ былъ равенъ прочимъ, но какъ *корень въ земли жаждущей*, Онъ превосходилъ прочихъ. *Нѣсть вида Ему, ниже славы.* Акила говоритъ: нѣтъ Ему вида, ни великолѣпія. Симмахъ: у Него нѣтъ ничего достойнаго почести. *И видѣхомъ его, и не имяше вида, ни доброты.* Что ты говоришь? Ужели Онъ былъ такъ безобразенъ? Не должно говорить этого, говоритъ пророкъ. И я покажу это тебѣ ясно изъ послѣдующаго. *Ниже славы:* лишеніе славы я назвалъ безобразнымъ видомъ, потому что Онъ не отказался явиться въ низменномъ образѣ. Онъ родился отъ бѣдной Дѣвы, потомъ предалъ Себя мученіямъ, терпѣлъ, что Его называли имѣющимъ демона и соблазнителемъ, и не желалъ мстить Своимъ врагамъ. Иногда, удаляясь, Онъ обходилъ многія мѣста, сопровождалъ на пути спутниковъ, для того, чтобы показать Свое смиреніе, а не хвастовство. Не только должно искать славы, но также должно принимать и безчестіе, изъ котораго происходитъ слава. Какой вредъ принесло Ему безчестіе или, лучше, какъ полезно было смиреніе для Его превосходства? Если ты желаешь видѣть Его, какъ Бога, то изслѣдуй. Но ко 889
всему этому прибавь многое другое, и такимъ образомъ ты найдешь Его силу равною Отцу. Когда пророкъ сказалъ: *нѣсть вида,*

ниже славы, то, чтобы кто не подумалъ, что Онъ лишенъ всякой славы, онъ прибавилъ: *видѣхомъ, и не имяше вида, ни доброты*,—показывая, что Ему былъ присущъ видъ не по нашему разуму, и что мы не можемъ созерцать Его такъ, какъ достоинъ созерцаемый. Но что Онъ былъ славенъ, это подтвердилъ Самъ Христосъ, говоря: *Отче, прослави Мя славою, юже имѣхъ у Тебе прежде міръ не быти* (Іоан. XVII, 5). Иначе, пророкъ назвалъ безобразною славою видъ креста.

8—6. *Яко видъ Его умаленъ паче сыновъ человѣческихъ*. Видишь ли, какому безчестію Онъ подвергся? *Паче сыновъ человѣческихъ:* не только вслѣдствіе воплощенія, но также и потому, что Онъ потерпѣлъ смерть, безчестіе и проклятіе. Онъ былъ объявленъ виновнымъ въ нарушеніи закона, былъ осужденъ, какъ злодѣй, потому *видъ Его умаленъ паче сыновъ человѣческихъ*. И Онъ былъ умаленнымъ не только по причинѣ способа осужденія, но также и по причинѣ обычныхъ наказаній.

Съ беззаконными вмѣнися. Видишь ли, пророку часто предносится предъ глазами не славное, но исполненное безчестія? Какимъ образомъ Онъ не поколебался? Пророкъ говорилъ о безчестіи, какъ будто бы оно было исполнено славы. (При этомъ пророкъ является) не ниже апостоловъ, потому что всѣ они единодушно возвѣщали крестъ, ничего не уменьшали. Если они говорили о чемъ болѣе пространно, то это о безчестіи, узахъ, о бичеваніяхъ, о посмѣяніяхъ и поношеніяхъ; объ этомъ они возвѣщали преимущественнѣйшимъ образомъ. Кромѣ того, апостолы вѣровали, что сила Распятаго божественна, такъ что не пренебрегали возвѣщать ни о какомъ безчестіи. Исполненное славы и чести не могло совершить добродѣтели столь всеобщей. Если бы дѣло совершилось не такимъ образомъ, то было бы нисколько не удивительно совершить славное посредствомъ славнаго. Но удивительно то, что въ то время, какъ одна противоположность противополагается другой противоположности, въ данномъ случаѣ (одна) противоположность имѣетъ большую силу, чѣмъ другая (соотвѣтствующая) противоположность.

Человѣкъ въ язвѣ сый и вѣдый терпѣти болѣзни. Такъ какъ
330 пророкъ нѣсколько разъ сказалъ, что у Него нѣтъ вида, ни доброты, то чтобы не подумали, что это сказано по причинѣ Его безобразія, онъ прибавляетъ: *человѣкъ въ язвѣ сый и вѣдый терпѣти болѣзни*, т. е., преслѣдованія, притѣсненія, коварство. Поистинѣ, велика премудрость переносить болѣзни и велика сила. Болѣзнями здѣсь пророкъ называетъ слабости, грѣхи, лукавство. *Вѣдый*, говоритъ, *терпѣти болѣзни*,—слабости и грѣхи учениковъ, такъ какъ одинъ называлъ Его имѣющимъ демона, другой соб-

лазнителемъ, а остальные—врагомъ Божіимъ; Онъ же переносилъ терпѣливо такую слабость умовъ. Язвами, мнѣ кажется, пророкъ называетъ или печаль, или скорби отъ наказаній. Если кто-либо здоровый переноситъ пороки другихъ, то это весьма удивительно; тѣмъ болѣе удивительно, когда такой человѣкъ, обремененный какою-либо болѣзнью, переноситъ безчинства другихъ, въ то время, какъ они огорчаютъ его, нападая на него. Іовъ не могъ переносить насмѣшекъ друзей. Объ Немъ же (о Христѣ) пророкъ говоритъ: *человѣкъ въ язвѣ сый и вѣдый терпѣти болѣзни*. Іудеи, когда находились въ притѣсненіяхъ, то не призывали даже имени Божія, а Онъ (Христосъ) показываетъ двоякое дѣйствіе силы: Самъ будучи пригвожденъ ко кресту, Онъ переносилъ Свои скорби и вмѣстѣ съ тѣмъ искуплялъ наказанія другихъ. Для того, чтобы кто-либо переносилъ скорби другихъ, необходимо, чтобы онъ самъ не имѣлъ скорби. Но не такъ, говоритъ пророкъ, Онъ (Христосъ): *въ язвѣ сый*, переносилъ слабость другихъ. Его ударяли кулаками, огорчали, мучили, но Онъ понесъ грѣхи другихъ; Онъ умиралъ, и разрѣшалъ смерть другихъ. Нисколько не удивительно было бы, если бы такія чудеса совершилъ чистый безтѣлесный Богъ; а потому пророкъ говоритъ: *человѣкъ въ язвѣ сый и вѣдый терпѣти болѣзни*. Онъ не только человѣкъ, и не только Богъ, и это мы познаемъ изъ этихъ самыхъ словъ; пророкъ не сказалъ: „терпитъ“, но: *вѣдый терпѣти:* Онъ вѣдаетъ это по Своей природѣ и отъ начала. *Яко отвратися лице Его, безчестно бысть*, говоритъ, *и не вмѣнися*. Другіе говорятъ: Онъ былъ обезображенъ, мы не вмѣнили Его, т. е.: Онъ былъ презрѣнъ, ненавидимъ, презираемъ и ни во что вмѣняемъ всѣми. Говоря: *въ язвѣ сый*, пророкъ говоритъ о Его безчестіи. Однако, Онъ Самъ думалъ, что безчестіе не есть безчестіе, и презрѣніе не есть презрѣніе. Или, какъ говорятъ другіе переводчики: по причинѣ безчестія мы не вмѣнили Его.

Сей грѣхи наша носитъ и о насъ болѣзнуетъ. Подверженный 391
многимъ мученіямъ, Онъ, однако, всѣ ихъ претерпѣлъ ради насъ. Смотри, Онъ оплакалъ Іерусалимъ и, возмутившись духомъ, глубоко вздохнулъ и потомъ вызвалъ изъ гроба Лазаря, а также пришелъ въ возбужденіе по причинѣ Іуды: *единъ*, говоритъ, *отъ васъ предастъ Мя* (Мат. XXVI, 21). Онъ возмутился духомъ не потому, что Іуда намѣренъ былъп редать Его,—иначе, какъ же Онъ могъ сказать Отцу: *пріиде часъ, прослави Сына Твоего* (Іоан. XVII, 1)?—но потому, что видѣлъ предателя имѣющимъ оставить собраніе двѣнадцати апостоловъ, и видѣлъ іудеевъ имѣющими быть разсѣянными по вселенной. Онъ скорбѣлъ не о Своихъ скорбяхъ, но объ ихъ обстоятельствахъ; и вмѣстѣ съ тѣмъ насъ научаетъ

горевать о несчастіяхъ другихъ. Не потому Онъ мучается, что былъ преданъ наказаніямъ, но затѣмъ, чтобы показать, что тѣ, ради которыхъ Онъ претерпѣвалъ такія наказанія, не будутъ имѣть въ Него вѣры, что ясно показываетъ, говоря: *Іерусалиме, Іерусалиме, колькраты восхотѣхъ собрати чада твоя, и не восхотѣсте; се оставляется вамъ домъ вашъ пустъ* (Мат. XXIII, 37, 38).

И мы вмѣнихомъ Его быти въ скорбѣхъ, *въ язвѣ и во озлобленіи*, какъ бы *отъ Бога*. Справедливо сказано, что мы вмѣнили Его „какъ бы *отъ Бога*", потому что Богъ не принуждалъ Его къ тому ни необходимостью, ни силою, но Онъ Самъ предалъ Себя добровольно за наши грѣхи. *Аще Сынъ еси Божій, сниди со креста* (Мат. XXVII, 40), говорили іудеи. Но все это ради васъ, чтобы исполнилось сказанное: и мы не вмѣнихомъ Его. Рѣчь шла не о страданіи и скорбяхъ, но напротивъ, объ исцѣленіи и спасеніи, потому что говоритъ пророкъ: *той же язвенъ бысть за грѣхи наша и мученъ бысть за беззаконія наша. Той*, говоритъ, *мученъ бысть*. Справедливо во многихъ мѣстахъ Онъ показываетъ язвы рукъ и тѣла, причиненныя крестомъ. Было ли это язвами и скорбями для Него? Никакъ, говоритъ, — Онъ пришелъ для этого добровольно, Онъ желаніемъ возжелалъ этого. *Наказаніе мира нашего на Немъ, язвою Его мы исцѣлѣхомъ*, т. е.: Его ученіе и страданіе дали намъ миръ. *Язвою Его мы исцѣлѣхомъ*. О какомъ исцѣленіи говоришь ты? Объ исцѣленіи тѣла? Никакъ, но объ исцѣленіи душъ.

392 *Вси яко овцы заблудихомъ*. Онъ говоритъ о томъ исцѣленіи, которое отвращаетъ отъ заблужденія. Мы блуждали не одинъ или два, но всѣ. Если ты скажешь, что іудеи не были въ заблужденіи, то Самъ Христосъ говоритъ: *нѣсмь посланъ, токмо ко овцамъ погибшимъ дома Израилева* (Мат. XV, 24). Видишь ли: исцѣленіе креста совершилось какъ за нихъ, такъ и за языковъ. О какомъ исцѣленіи говоритъ пророкъ? О возвращеніи ли изъ вавилонскаго плѣна? Никакъ, но объ обращеніи душъ отъ заблужденія къ истинѣ. *Человѣкъ отъ пути своего заблуди*. Велико и несказанно было заблужденіе: каждый безъ принужденія заблудился отъ своего пути; не только блуждали въ чужой землѣ, но и въ своей странѣ, и въ своемъ городѣ заблудились отъ истины. *И Господь предаде Его грѣхъ ради нашихъ. И той, зане озлобленъ бысть, не отверзаетъ устъ своихъ*. Чтобы ты не думалъ, что все это пришло на Него ради Его грѣховъ, пророкъ говоритъ: *Господь предаде Его грѣхъ ради нашихъ*. Ради насъ, говоритъ, а не ради своихъ грѣховъ Онъ оказался какъ злодѣй. *И той, зане озлобленъ бысть, не отверзаетъ устъ своихъ*. Почему же Онъ молчалъ и не давалъ отвѣта? Если свидѣтельство Его дѣлъ не могло

склонить ихъ, то тѣмъ менѣе могли сдѣлать это слова. Даже судъ не могъ убѣдить ихъ (іудеевъ), но они, какъ господа, противъ закона приготовили Его смерть, будучи настолько яростными, что, хотя бы Онъ и отвѣчалъ, они однако не послушали бы. Молчаніе могло освободить Его отъ креста. Но Онъ молчалъ также и потому, что они сдѣлались совершенно недостойными Его отвѣта: ни сонъ жены Пилата, ни удавленіе предателя, ни краска стыда лжесвидѣтелей, ничто иное не могло преклонить ихъ ума. Вы распинаете Его,—почему же вы взываете къ кесарю?

6—8. *Яко овча на заколеніе ведеся*, показывая Свою кротость не только всѣмъ прочимъ, но и самою смертью. Мнѣ кажется, что пророкъ назвалъ Его овцой не только потому, что Онъ молчалъ, но и потому, что Онъ былъ жертвою; и Симмахъ говоритъ: и жертва пришла для жертвоприношенія. Молчаніе тѣхъ, которыхъ ведутъ на смерть, должно имѣть малое дѣйствіе, такъ какъ они молчатъ вслѣдствіе страха. Но молчаніе Того, отъ однихъ словъ Котораго державшіе Его пали на землю, было велико. *Кого ищете*, *рече имъ*, и всѣ *идоша вспять и падоша на земли* (Іоан. XVIII, 4—7). Какой отвѣтъ былъ больше этого? Какія слова—болѣе сильными? Ты видѣлъ силу, смотри также и на кротость. Какъ Онъ силенъ, какъ кротокъ! Не только отъ силы, но и отъ самой кротости намъ можно познать Его божество. *Яко агнецъ предъ стригущимъ* связанный, говоритъ, *тако не отверзаетъ устъ*. Однако, Онъ отверзалъ Свои уста и говорилъ. Но чтобы показать Свое смиреніе, Онъ никогда не употреблялъ жестокихъ и суровыхъ выраженій. *Аще злѣ глаголахъ*, *свидѣтельствуй о злѣ*, говоритъ, *аще ли добрѣ*, *что Мя біеши* (Іоан. XVIII, 23)? Такой отвѣтъ былъ кротче самаго молчанія. И мы или ничего не будемъ отвѣчать, или же будемъ отвѣчать смиренно. 398

Во смиреніи судъ Его взятся,—такъ какъ Онъ предался такому смиренію, что не позволяли Ему говорить, чтобы совершенно отдалить отъ Него судъ. Вы знаете, что даже у незначительныхъ и у людей самыхъ преступныхъ не отнимается право защиты и право говорить по законамъ, такъ чтобы они были совершенно лишены помощи права. Онъ же, по причинѣ Своего великаго смиренія, ничего не говорилъ на судѣ. Смотри: пророкъ, кромѣ того, прибавляетъ и нѣчто пріятное, относительно слова крестнаго, именно, возвѣщеніе о чудесахъ: *родъ же Его кто исповѣсть? Яко вземлется отъ земли животъ Его*. Что ты говоришь? Не о человѣкѣ ли ты говоришь? Если Онъ только человѣкъ, то почему никто не могъ повѣдать о Его рожденіи? Невозможно, говоритъ. Но чтобы не было преткновенія, вслѣдствіе того, что такое величайшее смиреніе совершалось на крестѣ, смотри, какимъ обра-

зомъ пророкъ снова поднимаетъ насъ и показываетъ намъ Его силу, именно: хотя Онъ подверженъ былъ этимъ мученіямъ, однако *взятся отъ земли животъ Его*; Онъ Самъ живетъ въ Богѣ, по сказанному: *животъ нашъ сокровенъ въ Бозѣ со Христомъ* (Колос. III, 3).

Яко взятся отъ земли животъ Его. Кто былъ человѣкомъ безъ того, чтобы не родиться? Пусть постыдятся еретики, хулящіе слова пророка. Пусть никто не говоритъ о вѣчномъ рожденіи, потому что оно сокровенно; я же говорю о томъ рожденіи которое совершается въ мірѣ. Какимъ образомъ человѣкъ рож-
891 дается отъ Дѣвы? Какимъ образомъ безъ плотскаго соитія возможно зачатіе? Какимъ образомъ безъ мужа—отрокъ, и безъ супружескаго сношенія—потомство? Кто изъяснитъ? *Обрѣтеся*, говорится, *имущи во чревѣ* (Мат. I, 18). Не показанъ образъ зачатія, но сказано: *Духъ Святый найдетъ на тя, и сила Вышняго осѣнитъ тя, тѣмъ же и раждаемое свято, наречется Сынъ Божій* (Лук. I, 35). Но развѣ, скажутъ, это тебѣ не кажется извѣстнымъ, и развѣ не знаютъ всѣ этого? Итакъ, когда обратятся къ такому возраженію, мы изслѣдуемъ слѣдующее: *Духъ Святый найдетъ* (Лук. I, 35). Духъ Святый, говорятъ, совершилъ это. Но скажи: какимъ образомъ Онъ это совершилъ? Такъ ли, какъ Богъ сотворилъ Адама? Но это является несообразнымъ. Изъ сѣмени человѣка? Да не будетъ, и говорить это есть великое нечестіе. Такъ ли, какъ Еву—изъ ребра? Конечно не такъ. Извлекъ ли Онъ что-либо изъ утробы и образовалъ ли? Я не допускаю и этого. Но ужели безъ Дѣвы? И это не прилично; тогда невозможно говорить, что Онъ принялъ отъ Нея плоть. Итакъ, какимъ же образомъ? Я прежде другихъ исповѣдую свое незнаніе: я говорю, что я не знаю. Не изслѣдуй неиспытуемаго, что сокрыто. Я говорю, что Онъ принялъ плоть отъ Дѣвы, и исповѣдую, что это была истинная плоть. А какимъ образомъ Онъ принялъ отъ Нея, я этого знать не могу. Я не мудрѣе пророковъ и не разумнѣе Святого Духа, Который говорилъ устами пророка. Духъ, знающій, *яже суть Божія*, какъ духъ человѣка, знающій, *яже въ человѣцѣ* (ср. 1 Кор. II, 11), не сказалъ ничего болѣе, какъ только: *родъ же Его кто исповѣсть*? Я и ты — кто такіе, чтобы изслѣдовать неизслѣдуемое и спрашивать о несказанномъ? Если человѣкъ не можетъ изъяснить Его временнаго рожденія, которому свидѣтелями безчисленные ангелы, пророки и всѣ творенія, которое было почти подобнымъ нашему, такъ какъ Онъ былъ по человѣчеству во всемъ подобенъ намъ, за исключеніемъ грѣха, то кто настолько безуменъ и безразсуденъ, чтобы осмѣлиться изслѣдовать непосредственное, несказанное и вѣчное рожденіе?

Онъ не отъ этой жизни: *яко вземлется отъ земли животъ Его.* Какимъ же образомъ *вземлется отъ земли животъ Его?* Конечно, говоритъ, смерть Его была не по подобію нашей природы, такъ 395
какъ Его тѣло не было подвержено грѣховному закону, чтобы понести смертное наказаніе ради грѣха, но Онъ былъ мученъ ради грѣховъ другихъ: *тѣмъ же и Богъ Его превознесе* (Филип. II, 9). Видишь ли, какое благо быть мучимымъ за другихъ? Но мы, скажутъ, какимъ образомъ удостовѣримся, если рожденіе Его неизреченно, *животъ Его вземлется отъ земли*, мы Его не видимъ и не понимаемъ Его рожденія? Пророкъ говоритъ это, чтобы жестоковыйные и неразумные научились, что Онъ умеръ по плоти, но не по божеству. Онъ не оставался между мертвыми, но жилъ у Бога, по сказанному: *яко не оставися душа Его во адѣ, ни плоть Его видѣ истлѣнія* (Дѣян. II, 31),—такъ что ясно, что это относится къ божеству. Онъ умеръ не за свои грѣхи, но за грѣхи другихъ,—смертною природою, но не живою. Отъ *беззаконія людей Моихъ ведеся на смерть.* Симмахъ говоритъ: ради беззаконій людей Моихъ.

9—12. *И дамъ* злѣйшихъ *вмѣсто погребенія Его, и богатыя вмѣсто смерти Его.* Этими словами пророкъ обозначаетъ опустошеніе города, который справедливо былъ разрушенъ римлянами. Богъ предалъ его вмѣсто *погребенія Его.* Вмѣсто погребенія кого, іудеи? За чью смерть? Эздра, Зоровавель, Іисусъ Іоседекъ и другіе равные имъ умерли и были погребены; и ты не можешь говорить, что городъ разрушенъ ради погребенія и смерти ихъ. Справедливо сказалъ пророкъ: *дамъ* злѣйшихъ; нѣтъ ничего злѣе народа іудейскаго. *Вмѣсто погребенія Его*,—такъ какъ они по причинѣ погребенія достойны были великихъ наказаній, не потому, что Онъ былъ погребенъ, но потому, что они не желали и не позволяли Его погребенія. Если бы не случилось ничего иного, то только ради погребенія Его они не были достойны прощенія. Ихъ осудилъ не только крестъ, но и погребеніе, хотя самый крестъ былъ достаточенъ для ихъ осужденія. Если бы не случилось никакого иного чуда, то только исповѣданіе разбойника могло побудить ихъ къ раскаянію. Впрочемъ, можетъ быть, они скажутъ, что они не слышали такого исповѣданія и не видѣли послѣднихъ чудесъ? Но умирающій воскликнулъ *веліимъ гласомъ и испусти духъ* (Мат. XXVII, 50). Не такъ ведутъ себя прочіе, ко- 396
торые близки къ смерти: ихъ сила оставляетъ ихъ мало-по-малу, потомъ исходитъ духъ, такъ что они не знаютъ напередъ конца жизни. Можетъ быть (іудеи) скажутъ: мы не слышали даже голоса. Почему же они опускаютъ разодранную завѣсу, распавшіяся скалы, землетрясеніе и помраченные лучи солнца? Но тогда, ска-

жутъ, Онъ былъ еще живъ. Если бы ты видѣлъ кого-либо по смерти творящимъ таковое, то не поразился ли бы ты удивленіемъ и вмѣстѣ страхомъ? Но развѣ ты, іудей, самъ не просилъ судью, чтобы поставилъ воиновъ для бдительной охраны? Вѣдь, ты самъ оградилъ стражами умершаго,—скажи же теперь свое мнѣніе. Не было никого изъ учениковъ, никакого евангелиста; ты самъ, іудей, своею рукою запечаталъ гробъ, самъ поставилъ стражей, которые не благоволили къ Нему, но были противниками и невѣрующими, которые не видѣли чудесъ и не знали пророковъ. Если же Онъ убѣдилъ разбойника, то тѣмъ болѣе могъ убѣдить васъ, у которыхъ были въ рукахъ пророчества. Если Онъ привлекъ къ Себѣ воиновъ, то тѣмъ болѣе могъ привлечь къ Себѣ васъ, всегда слушающихъ Моисеевы законы. Но скажи: развѣ вы не видѣли никакого чуда во время распятія? Развѣ мало того, что увѣровалъ разбойникъ? Воины били себя въ грудь, сотникъ былъ удивленъ. Но однако они, іудеи, отвергли все таковое. *Дамъ* злѣйшихъ*вмѣсто погребенія* Его,—не только потому, что они убили, но и потому, что, хотя они могли уразумѣть всѣ эти чудеса, они не захотѣли. *И богатыя вмѣсто смерти Его.* Пророкъ называетъ ихъ (іудеевъ) богатыми, потому что въ то время они были богаче прочихъ людей, по причинѣ великаго обилія плодовъ; кромѣ того, они были богаты духовно, прежде чѣмъ совершили зло, потому что Богъ имѣлъ о нихъ бо́льшее попеченіе, чѣмъ о прочихъ.

Яко беззаконія не сотвори. Слѣдуетъ ли думать, что это сказано относительно народа, какъ и тѣ слова: *дамъ* злѣйшихъ *вмѣсто погребенія Его?* Здѣсь имъ также должно уступить. *Ниже обрѣтеся лесть во устѣхъ Его.* Но вотъ говорится: *нѣсть человѣкъ праведенъ на земли, иже сотворитъ благое и не согрѣшитъ* (Екклез. VII, 21); а потомъ: *нѣсть человѣкъ, иже не согрѣши языкомъ своимъ* (Іис. сын. Сир. XIX, 17). Что должно сказать объ этихъ словахъ: *вси, яко овцы, заблудихомъ, человѣкъ отъ пути своего заблуди?* Чтобы ты не думалъ, что пророкъ, говоря „*вси*", сказалъ это слово о большинствѣ, а не о всѣхъ, онъ говоритъ: *кійждо отъ пути своего*
897 *заблуди,*—всѣ вмѣстѣ и каждый въ отдѣльности, чтобы понимали, что все это совершилось относительно Его. Онъ Самъ предсказалъ, что это будетъ относительно Его: такъ это было и исполнилось. Если же не такъ, то скажи, іудей, ты, который съ такимъ прилежаніемъ убилъ беззаконнаго человѣка: почему же ты подвергся такимъ наказаніямъ? Во время Моисея виновные въ идолослуженіи подвергались смерти по причинѣ ревности Божіей, и такимъ образомъ былъ умилостивляемъ гнѣвъ Божій. Теперь же, если ты не былъ виновенъ, если ты, почитая добродѣтель,

по закону справедливости, убилъ человѣка, противнаго Богу, пренебрегающаго законы, то почему ты подвергся наказанію? Финеесъ убилъ и былъ оправданъ. Надлежало и тебѣ быть оправданнымъ. Ты также заботился о славѣ Божіей. Развѣ не слѣдовало получить тебѣ награду за твое стараніе и за твою заботу? Но, говоритъ онъ, мы наказаны теперь за грѣхи. За какіе же грѣхи? Развѣ за грѣхъ золотого тельца? За золотыхъ телицъ? Развѣ за убитыхъ мальчиковъ и за принесенныхъ въ жертву дочерей? Не преслѣдовали ли вы обольстителей и обманщиковъ Іуду и Θевду? Почему же вы не получили великихъ наградъ, какъ заботившіеся о законахъ? Никто не можетъ сказать, что вы обнаружили попеченіе только относительно Его; но (вы обнаружили его) также и относительно учениковъ, которые послѣдовали за Нимъ: вы побили камнями Стефана, убили Іакова, подвергли многимъ мученіямъ Павла. Между тѣмъ, въ то время, когда вы это дѣлали, среди васъ не было ни одного идолослужителя.

И Господь хощетъ очистити Его отъ язвы Его. Чтобы ты, услышавъ о смерти Его и о погребеніи во гробѣ, не прилѣплялся своимъ умомъ только къ этому, пророкъ прибавляетъ прикровенное слово о „воскресеніи“, касаясь котораго выше, онъ сказалъ: *вземлется отъ земли животъ Его*; здѣсь же говоритъ: *Господь хощетъ очистити Его отъ язвы* Его, такъ что показываетъ тѣло Его свободнымъ отъ истлѣнія, по сказанному: тѣло *Его не видѣло истлѣнія* (Дѣян. II, 31), такъ какъ Онъ не былъ виновенъ. Если же Онъ удержалъ знаки язвъ, то ты не думай, что Онъ отъ этого былъ ниже, такъ какъ это было для утвержденія твоей вѣры: *осяжите*, сказалъ, *и видите, яко духъ плоти и кости не иматъ, якоже Мене видите имуща* (тѣло и кости) (Лук. XXIV, 39). Такимъ образомъ Онъ показалъ, что Онъ воззвалъ Свое тѣло къ жизни прежде, чѣмъ оно подверглось тлѣнію и разложенію. Кромѣ руб- 398
цовъ ранъ, которые оно удержало для утвержденія учениковъ въ вѣрѣ въ воскресеніе, на святомъ Его тѣлѣ не обрѣталось никакого порока.

Аще дадите о грѣсѣ, душа ваша узритъ сѣмя долгоживотное. Подтвердивъ то, что Онъ, Христосъ, умеръ за нихъ, а не за Свои грѣхи, и что они понесутъ наказаніе, пророкъ также указалъ и на ихъ признаніе: что если они только пожелаютъ, то можетъ совершиться ихъ освобожденіе отъ наказанія. Что означаютъ эти слова: дать о грѣсѣ? Онъ не спрашиваетъ ни золота, ни серебра, а ищетъ только одного: *вѣруйте, да очистятся отъ грѣхъ вашихъ* (ср. Дѣян. III, 19).

И хощетъ Господь рукою Своею отъяти болѣзнь отъ души Его,

явити Ему свѣтъ и создати разумомъ, благо служити *многимъ*. Все это свойственно мудрости и разумѣнію, но отъяти болѣзнь означаетъ воскресеніе. *Оправдати праведнаго*—явить правду Его. Такъ какъ сказано: *оправдати* не его, но *праведнаго*, то ясно, что Онъ показалъ праведнымъ для всѣхъ неизвѣстнаго многимъ. *Благо служити*, т. е.: Онъ послѣдовалъ закону обрѣзанія. Далъ знаменіе Своего обрѣзанія Самъ Господь всяческихъ, Который принялъ служеніе раба, умылъ ноги учениковъ и отеръ лентіемъ. Онъ былъ Господомъ и Творцомъ тѣхъ, которымъ Онъ хорошо служилъ. *Не пріиде*, говорится, *да послужатъ Ему, но послужити* (Мат. xx, 28); а также: *кто болій: возлежай ли или служай? Азъ же посредѣ васъ есмь яко служай* (Лук. xxii, 27). Почему Онъ и принялъ видъ раба, въ которомъ Онъ хорошо служилъ многимъ. Что означаютъ эти слова: *рукою Его*? Нѣкоторые говорятъ: въ рукѣ Христа пребываетъ сила, чтобы о Немъ не думали, что Онъ силенъ отъ кого-либо иного; что Онъ ни желалъ, все дѣлалъ Своею силою. *Отъяти скорби отъ души Его*: вѣра многихъ нѣсколько отнимаетъ отъ скорби Его. Хотя Онъ страдалъ по человѣчеству, однако Онъ многихъ привлекъ къ Себѣ. *И грѣхи ихъ той понесетъ*: праведникъ никогда не наказывается за грѣхи. *Сего ради*
399 *той наслѣдитъ многихъ*: *яко*, говорится, *аще единъ за всѣхъ умре, то убо вси умроша; Христосъ же за всѣхъ умре, да живущіи не ктому себѣ живутъ* (2 Кор. v, 14—15); потомъ: *не себѣ будете* жить (ср. Рим. xiv, 7—8); а также: *нѣсте свои, куплени есте цѣною* (1 Кор. vi, 19, 20); *аще бо живемъ, аще умираемъ, Господни есмы* (Рим. xiv, 8); *да живущіи не ктому себѣ живутъ, но умершему за нихъ и воскресшему* (2 Кор. v, 15). Для того, чтобы ты не думалъ, что пророкъ сказалъ только о будущемъ, а не о прошедшемъ, онъ прибавляетъ: *и грѣхи ихъ Той понесетъ*. Акила говоритъ: подыметъ. Симмахъ говоритъ: поведетъ.

Сего ради той наслѣдитъ многихъ и крѣпкихъ раздѣлитъ корысти, т. е., корысти сатаны. Онъ побѣдилъ и принялъ доспѣхи сильнаго. Хорошо сказано: *раздѣлитъ*. Онъ раздѣлилъ, потому что нѣкоторымъ изъ Своихъ апостоловъ далъ языковъ, а инымъ обрѣзанныхъ. *Зане предана бысть на смерть душа Его и со беззаконными вмѣнися*. Одинъ изъ переводчиковъ говоритъ: Онъ вмѣненъ былъ между вредными. (Онъ былъ преданъ) *на смерть*, не безъ пользы, но для того, чтобы поднять ихъ. Видишь ли пользу смерти, видишь ли плоды креста? Смерть, говорятъ, не была сообразною. Она была совершенно сообразною для Него, потому что Своею смертью Онъ становится Владыкою всѣхъ живыхъ. Эта смерть была исполнена безчестія. *Помянухомъ*, говорятъ іудеи, *яко льстецъ онъ рече еще сый живъ: по тріехъ днехъ востану* (Мат.

XXVII, 63). Хорошо сказано: *со беззаконными вмѣнися*, такъ какъ Онъ Самъ не былъ беззаконникомъ.

И той грѣхи многихъ вознесе. А прочіе говорятъ: принялъ. *И за беззаконія ихъ преданъ бысть.* Акила говоритъ: пошелъ навстрѣчу осмѣивающимъ Его; Симмахъ: противорѣчащимъ. Θеодотіонъ: и Онъ будетъ мучить нечестивыхъ. Смотри, какъ часто пророкъ предостерегаетъ, чтобы не было у кого-либо преткновенія. Какимъ образомъ какой-либо беззаконникъ можетъ понести и изгладить грѣхи другихъ? Не по той ли причинѣ Онъ преданъ былъ смерти, что ненавидѣлъ грѣхи? Для того, чтобы изгладить ихъ, Онъ добровольно умеръ. Почему, однако, сказано: поднялъ, или вознесетъ? Для того, чтобы обозначить крестъ, потому что на немъ былъ пригвожденъ ко кресту грѣхъ; крестомъ были разрѣшены грѣхи.

ГЛАВА LIV.

1—3. *Возвеселися неплоды нераждающая.* Акила говоритъ: 400
хорошо пой благословеніе, громко кричи. *Возгласи и возопій, неболѣвшая:* не стыдись своего безчестія. *Яко многа чада пустыя, паче нежели имущія мужа. Рече бо Господь тако: разшири мѣсто кущи твоея и дворовъ твоихъ.* Другіе говорятъ: дворы палатокъ твоихъ. *Водрузи, не пощади.* Акила говоритъ: они распространятся и не разрушатся. *Продолжи ужя твоя.* Акила говоритъ: соедини веревки твои. *И колія твоя укрѣпи. Еще на десно и на лѣво простри: и сѣмя твое языки наслѣдятъ, и грады опустѣвшія населиши.* Этими словами обозначается возвращеніе. Это въ дѣйствительности исполнилось въ церкви, потому что она была лишена добродѣтели и не могла давать никакого плода. Видишь ли, какой оборотъ приняло дѣло? Она стала иною, чѣмъ была.

Не бойся, яко посрамлена еси, ниже устыдися, яко укорена еси. Я не въ вѣкъ гнѣваюсь, Я могу сотворить то, что не существуетъ, потому что Я сотворилъ то, что существуетъ. Ты была въ безчестіи, но потомъ ты не будешь находиться во власти кого-либо, освободишься отъ позора, и Я сдѣлаю тебя подобною тому, который никогда не подвергался мученіямъ.

Срамоту вѣчную забудеши, и укоризны вдовства твоего не помянеши ктому. Богъ даруетъ такія благодѣянія, что они не только удаляютъ скорби, но и самую память о скорбяхъ. Таково именно превосходство даровъ Божіихъ. *Яко Господь творяй* ти сіе, *Господь*

Саваоѳъ имя Ему; Самъ *Богъ всей земли прозовется*. Велико обѣщаніе и дивенъ вѣстникъ. Не удивляйся этому, потому что тотъ, кто
401 совершаетъ все это, есть Господь, Которому все легко, и тотъ, кто будетъ сохранять тебя, *Самъ Господь Богъ всей земли прозовется;* прозовется, т. е., когда это исполнится. Итакъ, пророкъ говоритъ о церкви, потому что все это исполнилось въ церкви. Когда Богъ языковъ прозвался Богомъ всей земли, если не во время Своего пришествія? Имя идолослуженія совершенно изглажено и всѣ призваны во имя Христово.

6—7. *Не яко жену оставлену и малодушну призва тя Господь*. Симмахъ и Ѳеодотіонъ говорятъ: притѣсненную. Хотя отъ начальнаго возраста ты была такою, что ненавидѣла миръ, но, говоритъ, не будетъ того, чтобы Я всегда имѣлъ къ тебѣ ненависть; ты была ненавидима лишь на время. Любовь бываетъ трудной относительно женщинъ, ненавидимыхъ въ цвѣтущемъ возрастѣ, потому что каждая женщина, какова она ни есть, подходяща для того, чтобы ее любили отъ юности; потому пророкъ здѣсь говоритъ: *на время мало оставихъ тя, а съ милостью великою помилую тя*. Акила говоритъ: совокуплю тебя; Ѳеодотіонъ говоритъ: соберу тебя. Такая женщина, вмѣсто того, чтобы быть любимою, скорѣе пребываетъ въ забвеніи. Но ты будешь пользоваться Моимъ великимъ милосердіемъ. То, что Я оставилъ тебя на нѣкоторое время, есть знакъ любви и причина великой милости. Часто бываетъ милосердіе тогда, когда прогнѣвавшійся отлагаетъ свой гнѣвъ.

8. Во время *мало отвратихъ лице Мое отъ тебе*. Симмахъ говоритъ: во время мало была ярость твоя. *И въ милости вѣчной помилую тя, рече избавивый тя Господь отъ воды, яже при Нои*. А другіе говорятъ: какъ во дни Ноя,— потому что Онъ сохранилъ всю человѣческую породу, сохранивши немногихъ отъ гнѣва. Какимъ же образомъ Онъ освободилъ ее? Потопъ истребилъ всѣхъ, но праотцы были освобождены. Богъ дѣлаетъ извѣстнымъ для всѣхъ, что, подобно тому, какъ Онъ освободилъ тѣхъ отъ потопа, такъ и этихъ освободитъ отъ плѣна. Не измѣнилъ ли Я гнѣва на милость? Какъ было тогда съ тѣми, такъ будетъ теперь съ вами.

9. *Сіе Ми есть, якоже кляхся ему во время оно на землю, не разгнѣватися о тебѣ ктому*. Однако Онъ не поклялся, но, чтобы убѣ-
402 дить ихъ, говоритъ: *ниже въ прещеніи* Моемъ *горы преставити, и холми твои не предвигнутся*. Однако, горы не переставлены и холмы не передвинуты со своихъ основаній; но этими словами пророкъ обозначаетъ смятеніе и замѣшательство. *Кляхся*, говоритъ, въ томъ, что Я не попущу не только потопа, но также

никакого иного замѣшательства или движенія на всемъ кругѣ земномъ, но что онъ всегда будетъ пребывать твердо. Теперь Я клянусь относительно твоего плѣна, что Я не потерплю болѣе быть тебѣ мучимымъ твоими непріятелями. Хотя и было совершено столько беззаконій прежде потопа, однако милость Моя оставила сѣмя человѣческое (для продолженія рода). *Тако ниже, яже отъ Мене, къ тебѣ милость оскудѣетъ, ниже завѣтъ мира твоего преставится.* Акила говоритъ: союзъ.

11. Тако *бо рече Господь: милостивъ* Азъ есмь *къ тебѣ, смиренной и колеблемой*, и не будешь *утѣшена. Се Азъ уготовляю тебѣ анеракеъ камень твой.* Акила говоритъ, вмѣсто анеракса: enesdim [1]), который также есть видъ драгоцѣннаго камня. Симмахъ говоритъ: selbite esdemn [2]), а еврейскій текстъ: pappoch. *И на основаніе твое сапфиръ;* еврейскій текстъ говоритъ: usamti colcol vamtouta. Акила говоритъ: сдѣлаю colcol защитою твоею. Θеодотіонъ: сдѣлаю изъ анеракса дворецъ твой. *И положу забрала твоя іасписъ, и врата твоя каменіе кристалла.* Акила говоритъ: просверленные драгоцѣнные [3]) камни; Симмахъ и Θеодотіонъ говорятъ: вырѣзанными драгоцѣнными камнями [4]).

12. Стѣною огражду тя изъ каменій избранныхъ. Смотри, намъ, опечаленнымъ, даются великія благодѣянія и великія блага для нашего утѣшенія. *И врата твоя каменіе кристалла.* Пророкъ говоритъ возвышенно, намѣреваясь убѣдить ихъ выйти изъ плѣна. Когда говорится: *крилѣ голубинѣ посребренѣ и междораменія ея въ блещаніи злата* (Пс. LXVII 14), то никто, конечно, не видѣлъ такого голубя: здѣсь этими словами обозначаются будущія блага, подобно тому, какъ выше у самого пророка говорится: *и будутъ оставшіи честніи паче, нежели злато* изъ Суфира, *и славніи, якоже злато жженое* (Ис. XIII, 12). Какъ тамъ то, что̀ драгоцѣнно, сравнивается съ золотомъ, такъ здѣсь — съ драгоцѣнными камнями. Что за польза строить городъ изъ такихъ драгоцѣнныхъ каменей? Эти камни совсѣмъ не были нужны для созиданія стѣны,
и стѣна потому не считалась болѣе драгоцѣнною. Если ты гово- 403
ришь относительно этой жизни, то все это получили бы другіе, тогда какъ они должны были быть преданными наказаніямъ и недо-

[1]) Въ Экзаплахъ Оригена, изданныхъ Фильдомъ, Акила здѣсь читаетъ: ἐν στίμμει = сюрьмою.

[2]) Въ Экзаплахъ Оригена, изданныхъ Фильдомъ, Симмахъ здѣсь читаетъ: συντίθημι στίμμει = слагаю сюрьмой.

[3]) Въ Экзаплахъ Оригена, изданныхъ Фильдомъ, Акила здѣсь читаетъ: λίθους τρυπανισμούς.

[4]) Въ Экзаплахъ Оригена, изданныхъ Фильдомъ, Симмахъ и Θеодотіонъ здѣсь читаютъ = λίθους γλαφυρούς.

стойными утѣшенія. А если бы они получили что-либо въ воскресеніи, то тогда и бѣдные пользовались бы такими благами, да въ той жизни ни въ чемъ подобномъ не будетъ необходимости. Что пользы въ воскресеніи, если мы воскреснемъ къ жизни, одинаковой съ настоящей? Для того, чтобы кто-либо упавшій назывался возстановленнымъ, необходимо, чтобы онъ при этомъ получилъ бо́льшую славу. *И вся сыны твоя научены Богомъ*: видишь ли, онъ показываетъ добродѣтели? *И во мнозѣ миръ чада твоя.* Ученики Бога и *во мнозѣмъ миръ чада твоя*, т. е.: они будутъ управляемы по законамъ и установленіямъ. *И правдою возградишися.* Акила говоритъ: утвердишься. Симмахъ и Ѳеодотіонъ: будешь уготованъ.

14—17. *Удалися отъ неправеднаго, и не убоишися, и трепетъ не приближится къ тебѣ.* Послушай: почему ты боишься? Ничья жизнь такъ не печальна, такъ не смѣшна, такъ не слаба и шатка, какъ жизнь того, кто живетъ во грѣхахъ, потому что его жизнь есть какъ бы пыль вѣтра, какъ бы трава и тростникъ. Если угодно, мы изслѣдуемъ этотъ предметъ. Хотя и никто не обвиняетъ какого-либо беззаконника, тѣмъ не менѣе таковой всегда живетъ во страхѣ, и трепетѣ и сомнѣніи; праведникъ же пребываетъ безбоязненнымъ и твердымъ. Хотя бы его во многомъ обвиняли многочисленные лжесвидѣтели, однако ему никто не можетъ повредить. Что бы противное ему ни приключилось, хотя бы его удерживали и мучили многіе, тѣмъ не менѣе онъ не получитъ никакого вреда. Если же онъ и получаетъ какой-либо вредъ, то, умирая невиннымъ, онъ все же въ концѣ проводитъ добрую жизнь. Но скажутъ: онъ подвергается смерти. Да развѣ онъ не умретъ наконецъ, если не умретъ теперь такимъ образомъ? Но въ дѣйствительности онъ не умираетъ. Не знаешь ли ты, что часто смерть бываетъ гораздо лучше жизни, а у многихъ жизнь бываетъ весьма жалкою, не лучше, чѣмъ у иныхъ смерть. Не всегда должно презирать жизнь, и не всегда должно избѣгать конца жизни. Напротивъ — всегда должно избѣгать злого конца. То и другое (жизнь и смерть) само по себѣ не есть ни зло, ни добро, но быть ему тѣмъ или другимъ — будетъ зависѣть отъ конца. Что блаженнѣе смерти Іоанна и что жалче Иродовой? Тотъ и по смерти возбуждалъ страхъ въ живомъ: *услышавъ*, говорится, *Иродъ слухъ Іисусовъ и рече: Іоаннъ воскресе изъ мертвыхъ* (Мат. XIV, 1, 2) — Іоаннъ, котораго я предалъ смерти. Теперь взвѣсимъ, что́ лучше: только ли жить, или хорошо жить?
404 Ясно, что лучше — вести хорошую жизнь. Іисусъ зналъ живущихъ во грѣхахъ и говорилъ о томъ, чего не было, какъ бы о существующемъ: *добрѣе было бы ему, аще не бы родился человѣкъ*

той (Марк. XIV, 21), показывая, что для него было бы лучше не существовать, чѣмъ проводить жизнь во грѣхахъ. А въ другомъ мѣстѣ говорится: блажени умершіи, которые уже умерли, болѣе, чѣмъ живые (ср. Еккл. IV, 2), такъ что благо составляетъ не жить, но хорошо жить. Если же не такъ, то развѣ не всякая смерть лучше, чѣмъ жизнь? Итакъ, теперь вы, живущіе, желаете какой смерти? Я говорю—смерти Іоанна. У одного было очень много обвинителей, въ особенности же его совѣсть, такъ какъ, поражаемый ея уколами, онъ боялся и трепеталъ и здѣсь уже пребывалъ въ мученіяхъ, и тамъ также его ожидали казни и мученія; другой же беззаботно, подобно атлету, увѣнчанному побѣдой, о доблести котораго возвѣщается вездѣ, заканчивая свои труды, возложилъ на свою главу вѣнецъ, дивный по своимъ добродѣтелямъ, прославляемый, хвалимый не только людьми, но также и ангельскими силами, которыя видѣли побѣду мученика,—ангелами, имя которыхъ онъ имѣлъ, потому что и онъ назывался ангеломъ, какъ показавшій ангельскую добродѣтель. Кому ты теперь будешь удивляться? Кого ты будешь хвалить: Нерона или Павла? Одинъ пребывалъ во дворцѣ, а другой въ темницѣ; одинъ убивалъ, а другой умеръ. Каждый изъ васъ кѣмъ желаетъ быть: Нерономъ, который убивалъ, или Павломъ, который преданъ былъ смерти? Но зачѣмъ я вспоминаю древнія исторіи? Желаете ли вы быть подобными тиранамъ, которые убивали, или подобными мученикамъ, которые были ими убиваемы? Продолжать этотъ вопросъ безполезно. Самыя дѣла не отвѣчаютъ ли вмѣсто васъ? Вы часто проклинаете тѣхъ, и считаете ихъ жалкими; напротивъ, память этихъ вы прославляете ежегодно съ радостью. Итакъ не только будемъ желать жизни, но жизни доброй; тогда, приключится ли съ нами смерть или жизнь, — безразлично. Я, говоритъ пророкъ, отрицаю, что ты потерпишь какой-либо вредъ, и даже не придется тебѣ бояться, по написанному: *праведный яко левъ уповая* (Притч. XXVIII, 1). Духъ можетъ быть спокойнымъ только тогда, когда онъ не терзается уколами совѣсти. Напротивъ духъ 405
подвергается мученію, когда онъ угнетается дурными помыслами и мученіями совѣсти. Не видишь ли, какъ былъ великъ, славенъ и разуменъ Давидъ? Однако, когда онъ подвергался наказанію, и былъ обличенъ деревенскимъ и бѣднымъ человѣкомъ, то обнаружилъ великое смиреніе: *согрѣшихъ*, сказалъ онъ, *ко Господу* (2 Цар. XII, 13), почему въ скоромъ времени и были прощены его грѣхи.

Се пришельцы пріидутъ къ тебѣ Мною, и вселятся у тебе, и къ тебѣ прибѣгнутъ. Тогда они будутъ соревновать твоему благочестію, и многіе пожелаютъ тебѣ правильнаго порядка. Не ма-

лымъ даромъ было то, что іудеи послѣ плѣна были достойными того, что имъ ревновали тѣ, т. е. язычники. *И къ тебѣ прибѣгнутъ Мною*, т. е., не ради твоей праведности, но ради милосердія Божія. *Се Азъ утверждаю тя, не якоже кузнецъ, раздуваяй угліе, и износя сосудъ на дѣло*. Онъ вновь утверждаетъ ихъ вѣру: какъ кузнецъ исправляетъ поврежденный сосудъ, раздувая угли, такъ, говоритъ, вновь будетъ отстроенъ вашъ городъ. Какъ новый сосудъ, произведенный съ помощію поддувала, бываетъ блестящимъ, такъ будетъ блестѣть по возвращеніи и городъ. *Азъ же создахъ* васъ *не на пагубу, еже истлити. Всякъ сосудъ, содѣланъ на тя, не благопоспѣшу*. Другіе же говорятъ: вотъ, Я поставлю васъ не на погибель, сокрушу всякій уготованный сосудъ. Я сотворилъ тебя не для того, чтобы предать тебя гибели. Откуда это ясно? Если бы Я сотворилъ тебя для погибели, то Я и не творилъ бы тебя. Что дѣйствительно такъ, ясно, изъ слѣдующихъ словъ: *яко Всемогущій не веселится о погибели живыхъ; Богъ созда во еже быти всѣмъ и спасительны бытія міра* (Прем. Сол. I, 13—14).

И всякъ гласъ, иже востанетъ на тя на прю, одолѣеши имъ всѣмъ, повинніи же твои будутъ въ немъ. А прочіе переводчики говорятъ: всѣ погибнутъ. *Есть наслѣдіе служащимъ Господеви; и вы будете мнѣ праведни, глаголетъ Господь*, т. е., хотя праведникъ падетъ семь разъ, однако онъ возстанетъ. *Наслѣдіе служащимъ Господеви*, т. е., вѣра, надежда и устойчивыя блага, которыя предстоятъ имъ послѣ плѣна.

ГЛАВА LV.

406 1—5. *Жаждущіи, идите на воду, и елицы не имате сребра, шедше купите безъ сребра и піите*. Пророкъ показываетъ будущее изобиліе. Говорится: *купите*. Какимъ же образомъ купить, — на деньги? Но вы получите даромъ и свободно, подобно тѣмъ, которые покупаютъ за свои деньги. И какъ вода, которая покупается за малую плату, такъ будутъ для васъ всѣ блага. Вездѣ земля произведетъ вамъ свой тукъ. Какая важность говорить объ остальныхъ благахъ, когда безъ денегъ покупается и мясо и вино. И *труды ваша не бѣша въ сытость*. Пророкъ говоритъ о первыхъ трудахъ, которыми вы занимались, когда вы подвергались большимъ скорбямъ, собирая сокровища, и однако ваша бѣдность увеличивалась все болѣе и болѣе. Такъ какъ сокровища, собранныя несправедливо, хотя бы были весьма многочисленны, тѣмъ

не менѣе становятся малыми, то и вы, трудившіеся прежде, не сдѣлали ничего полезнаго. Теперь же вы будете богатыми и будете болѣе радоваться.

Послушайте Мене, и снѣсте благая, и насладится во благихъ душа ваша. Видишь ли, какою цѣною Богъ покупаетъ послушаніе? *Внемлите ушима вашима, и послѣдуйте путемъ Моимъ: послушайте Мене, и жива будетъ во благихъ душа ваша.* Не такъ, какъ говоримъ мы: тебѣ должно повиноваться всѣмъ моимъ словамъ; Богъ же обѣщаетъ, что за повиновеніе Онъ воздастъ благодарность: *жива будетъ, во благихъ душа ваша.* Какова жизнь души, это ни отъ кого не скрывается, такъ какъ пророкъ говоритъ не о тѣлесной, но о душевной жизни. *И завѣщаю вамъ завѣтъ вѣченъ, преподобная Давидова вѣрная.* Какъ вѣрно было это Давиду обѣщаніе Его, такъ будетъ твердо и то, что Онъ обѣщалъ. *Преподобная Давидова:* что же это такое? Правильный порядокъ, добрая жизнь, благопоспѣшество. Другіе же говорятъ: милость Его. Кромѣ того, это — *преподобная*, потому что власть его пребыла твердою до конца. *Се свидѣтельство во языцѣхъ дахъ его, князя и повелителя языковъ.* Свидѣтельство іудеевъ во языцѣхъ, 407
по написанному: *егда языцы, закона не имуще, естествомъ законная творятъ; сіи, закона не имуще, сами себѣ суть законъ* (Рим. II, 14). *Языцы, иже не вѣдяху тебе, призовутъ тя, и людіе, иже не познаша тебе, къ тебѣ прибѣгнутъ:* обличается упорство іудеевъ тѣми, которые почитали Господа, не зная Его. *Къ тебѣ прибѣгнутъ.* Видишь ли благодѣянія Божіи? Хотя они (языки) были очень неблагодарны, однако Богъ почтилъ ихъ и благоволилъ къ нимъ, такъ что они прибѣгли къ Нему, какъ къ Спасителю и Благодѣтелю, по написанному: *и рекутъ: пріидите, и взыдемъ на гору Господню и въ домъ Бога Іаковля* (Ис. II, 3). Именно, Богъ былъ искупителемъ и дарователемъ благъ для всѣхъ языковъ чрезъ Свой народъ, не въ явныхъ и видимыхъ войнахъ, но въ невидимыхъ, потому что Онъ многимъ открылъ Себя истиннымъ Богомъ. Для того, чтобы они не полагались на свою добродѣтель и не приписывали себѣ добродѣтели, пророкъ говоритъ: *ради Господа Бога Израилева, яко прослави тя.*

6—13. *Взыщите Господа, и внегда обрѣсти вамъ Того, призовите.* Не призывайте Его какъ бы мимоходомъ, но всѣмъ умомъ и всѣмъ сердцемъ взыщите Господа. Развѣ мы не знаемъ Его? Конечно, говоритъ, вы знаете. Но когда вы покажете правильный порядокъ и душевную простоту, тогда вы будете познавать Его болѣе и болѣе. *Егда же приближится къ вамъ, да оставитъ нечестивый пути своя.* Когда Онъ даруетъ блага, тогда, по крайней мѣрѣ, отступите отъ беззаконій; но для многихъ—о, ужасъ—

дары Божіи служатъ причиною золъ. *И мужъ беззаконенъ совѣты своя*,—не только дѣла, но также и помышленія, которыя служатъ корнями и источниками дѣлъ. Вы, говоритъ, очистите не только тѣло, но и душу, которая есть царица и госпожа. Когда госпожа, находящаяся въ васъ, здрава, тогда и помышленія, зависимыя отъ нея, пользуются даромъ благочестія, по написанному: *якоже владыка града, тако и слуги его* (Іис. Сын. Сир. х, 2). Это можно сказать не только о городахъ, но даже о помышленіяхъ нашихъ.

408 *И да обратится ко Господу и помилованъ будетъ*. Обращеніе можетъ совершиться не прежде, чѣмъ обращающійся отступитъ отъ беззаконій, и помилованіе—не прежде, чѣмъ онъ изгладитъ порочныя мысли. *Попремногу оставитъ грѣхи ваша*, когда, обратившись и живя по Его волѣ, вы будете очищены? *Не суть бо совѣти Мои, якоже совѣти ваши, ниже путіе Мои, якоже путіе ваши, глаголетъ Господь*: развѣ Я буду помнить объ обидахъ, на подобіе людей, или Я мало милосердъ, на подобіе человѣка. *Но якоже отстоитъ небо отъ земли*. Что ты говоришь? Ужели они отстоятъ такимъ образомъ? Такъ какъ вы знаете, что это самая большая мѣра, то поэтому Я сравниваю Свое милосердіе съ этой мѣрой, хотя оно гораздо больше; какъ отстоитъ небо отъ земли, такъ, и гораздо больше, благость Божія отстоитъ отъ человѣческой злобы.

Якоже бо снидетъ дождь или снѣгъ съ небесе, и не возвратится, дондеже напоитъ землю и родитъ, и прозябнетъ, и дастъ сѣмя сѣющему и хлѣбъ въ снѣдь: тако будетъ глаголъ, иже изыдетъ изъ устъ Моихъ, не возвратится, дондеже совершитъ, елика восхотѣхъ. Пророкъ показываетъ, что повелѣнія Его неизмѣнны. Какъ дождь или снѣгъ не возвращаются на небо, но совершаютъ дѣло, ради котораго они посланы, такъ и Мои повелѣнія совершатъ то, что Я желаю. Но чтобы они не подверглись небрежности, пророкъ въ виду того, что раньше сказалъ, что Онъ не тотчасъ совершитъ, говоритъ: *не возвратится*. А чтобы мы не считали Его угрозъ и обѣщаній ложными, и такимъ образомъ не вредили себѣ самимъ, пророкъ прибавляетъ: не суть бо путіе Мои, якоже путіе ваши.

И благопоспѣшу путіе Мои и повелѣнія Мои. Другіе же говорятъ: вы будете сохранять повелѣнія Мои. *Съ веселіемъ бо изыдете и съ радостью научитеся: горы бо и холми возскачутъ, ждуще васъ съ радостью, и вся древеса сельная восплещутъ вѣтьми своими, и вмѣсто драчія взыдетъ кипарисъ*. Симмахъ говоритъ: вмѣсто крапивы. Здѣсь пророкъ показываетъ или будущее счастіе, послѣ возвращенія изъ плѣна, или же строгость законовъ и легкость благодати. *И будетъ Господь во имя, и въ знаменіе вѣчное, и не оскудѣетъ*,—т. е.: совершится и исполнится то, что Я

обѣщалъ. Если же какимъ образомъ это не исполнится, то будетъ ясно, что они сами были недостойны таковыхъ даровъ.

ГЛАВА LVI.

1—4. *Сія глаголетъ Господь: сохраните судъ и сотворите* 409
правду, приближися бо спасеніе Мое и милость Моя открытися. Подобно тому, какъ, намѣреваясь освободить ихъ отъ бѣдствій, Онъ убѣждаетъ ихъ къ сохраненію доброй жизни и правильнаго порядка, чтобы они могли освободиться отъ наказаній, такъ и теперь, намѣреваясь вести ихъ ко благу, Онъ увѣщеваетъ ихъ не быть небрежными, не отрекаться отъ благъ и въ великомъ изобиліи благъ не забывать объ этомъ, по написанному: *уты, утолстѣ, расширѣ* (Втор. XXXII, 15). Богъ, говоритъ, готовъ благодѣтельствовать вамъ. Итакъ вы не дѣлайте себя недостойными Его даровъ. Хотя все происходитъ отъ Его милосердія, однако Онъ не желаетъ, чтобы это милосердіе было причиной вашей небрежности. *И милость Моя открытися.* Не говоритъ: совершитися,— чтобы показать, что милость Его, которую вы скрываете множествомъ грѣховъ вашихъ, какъ бы всегда наготовѣ.

Блаженъ мужъ творяй сія, и человѣкъ держайся ихъ, и храняй субботы не оскверняти, и блюдый руцѣ свои не творити неправды. Человѣкъ бываетъ блаженнымъ прежде всего ради своей добродѣтели: только добродѣтель доставляетъ награду, а потому онъ оберегается осквернять субботы. По законамъ соблюденіе субботъ было началомъ правильнаго порядка. Если ты желаешь знать, что такое суббота, то мы покажемъ законное опредѣленіе относительно этого дня. Богъ даровалъ таковыя постановленія относительно субботы не напрасно. Во время субботы іудеи не заботятся о тѣлесномъ, не приготовляютъ пищи, не дѣлаютъ ничего, за исключеніемъ самаго необходимаго, чѣмъ должно пользоваться. Только это было позволено, остальное же возбранено и совершенно запрещено.
Если бы они воздерживались отъ трудовъ во всѣ дни, прилагая 410
стараніе только къ духовному, то человѣческая природа ничѣмъ не отличалась бы отъ ангеловъ: тогда не нужно было бы заниматься торговлей, обмѣниваться платой, не нужно было бы вращаться ни въ лавкахъ, ни въ палаткахъ, тогда не было бы никакой тѣлесной заботы, и такимъ образомъ іудей оставался бы съ связанными руками и въ жалкомъ положеніи; были бы запрещены всѣ заботы, и всякія дѣла, и вмѣстѣ съ тѣмъ прекратились бы зло и грѣхи; никто не пашетъ, никто не жнетъ, только обрѣзываютъ, даже животнаго, упавшаго въ ровъ, не поднимаютъ.

И блюдый руцѣ свои не творити неправды. Въ седьмой день повелѣвалось помнить о добродѣтеляхъ, слушать божественный законъ, заботиться о вѣчной жизни. Хотя они дѣлали это, побуждаемые необходимостью, однако законы связывали ихъ руки такъ, что они не грѣшили ни добровольно, ни непроизвольно. Если бы они такимъ образомъ всегда воздерживались отъ зла, то они подражали бы жизни ангельской, и тогда не должно было бы отдавать отчета ни въ крови пророковъ, ни въ убійствѣ праведниковъ, ни въ томъ величайшемъ безуміи, что они осмѣлились наложить руки даже на Христа Божія. Видишь ли, какія добродѣтели происходили отъ субботы? Богъ, зная, что они никогда не отстанутъ отъ грѣховъ, повелѣлъ соблюдать субботу, чтобы по крайней мѣрѣ въ седьмой день они воздерживались отъ грѣховъ. *Блюдый руцѣ свои не творити неправды.* Справедливо говоритъ: *блюдый,* потому что рукамъ не такъ вредятъ терновникъ и острія колючки, какъ грѣховные уколы, которые уязвляютъ и ослабляютъ душу. Велика сила рукъ для изліянія молитвъ и для щедродаренія бѣднымъ; онѣ также уязвляютъ сатану, когда святыя поднимаются къ Богу. Если ты желаешь уразумѣть силу рукъ, то посмотри на мужей и женъ, цѣлующихъ руки священника. Почему они не цѣлуютъ голову или иной членъ? Потому, что имъ (рукамъ) придана великая сила, онѣ—служительницы неизреченныхъ тайнъ, ими каждый возрождается къ новой жизни. Смотри на апостоловъ: сколько и каковыя дѣла они совершили своими пречистыми руками: *тогда возложиша руцѣ на ня, и пріяша Духа Святаго* (Дѣян. VIII, 17). И теперь какую помощь и какія блага даруютъ намъ святыя руки священниковъ!

411 *Да не глаголетъ иноплеменникъ, приложивыйся къ Господеви: еда отлучитъ мя Господь отъ людей своихъ.* Смотри, эти слова подобны словамъ апостола: *егда языцы,* говоритъ, *закона не имуще, естествомъ законная творятъ, сіи сами себѣ законъ* (Рим. II, 14); а также: *обрѣзаніе пользуетъ, аще законъ твориши; аще убо необрѣзаніе оправданіе закона сохранитъ, не необрѣзаніе ли его во обрѣзаніе вмѣнится* (Рим. II, 25—26)? Хотя у тебя нѣтъ сродства съ Авраамомъ, но по причинѣ добродѣтели ты соединишься съ нимъ болѣе близкимъ сродствомъ, чѣмъ его дѣти. Не думай, что оно для тебя меньше, чѣмъ для іудеевъ, которые славятся своими праотцами—Авраамомъ, Исаакомъ и Іаковомъ. *И да не глаголетъ каженикъ, яко азъ есмь древо сухо.* Многіе иноплеменники желали выйти съ іудеями. Чтобы они не тяготились суровыми законами, или тѣмъ, что они лишались отечества, пророкъ отнимаетъ причину. Онъ говоритъ, что необходимы духовныя добродѣтели, а не только повиновеніе суровымъ законамъ. *Сія бо глаголетъ Господь*

каженикомъ: елицы сохранятъ субботы Моя, и изберутъ, яже Азъ хощу. Справедливо сказано: *изберутъ, яже Азъ хощу*,—чтобы они не думали, что только жертвоприношенія и тѣлесное обрѣзаніе достаточны для спасенія, но чтобы они занимались духовными добробѣтелями, не заботясь особенно объ одномъ тѣлесномъ очищеніи. *И содержатъ завѣтъ Мой.* Хорошо сказано: *„содержатъ"*, потому что съ великимъ прилежаніемъ надлежало повиноваться законамъ, которые относились къ душѣ; прочими же законами, какъ пустыми, слѣдовало пренебречь.

5—8. *И дамъ имъ въ дому Моемъ и во оградѣ Моей мѣсто имениmo, лучшее отъ сыновъ и дщерей, имя вѣчно дамъ имъ.* Потому желательны дѣла, что они сохраняютъ нашу память безсмертною, не дозволяютъ ей быть преданною забвенію. *И имя вѣчно лучшее отъ сыновъ и дщерей*: это по природѣ, а то по изволенію; это по необходимости, а то по добродѣтели. Имя добродѣтели лучше, чѣмъ имя сыновъ и дщерей, не только потому, что сохраняется память о насъ, но и потому, что мы славимся добрыми дѣлами и не подвергаемся наказаніямъ по причинѣ ложнаго мнѣнія. Если кто пріобрѣтаетъ имя чрезъ дурныя дѣла, то память о таковомъ погибнетъ, вслѣдствіе забвенія о злыхъ дѣлахъ. Іуда извѣстенъ во вселенной, но на зло и на гибель ему 412
самому; славенъ также и Павелъ, но къ добру и пользѣ вспоминающихъ. Не напрасно я сказалъ объ этомъ,—я вижу многихъ созидателей величественныхъ дворцовъ, поставляющихъ себѣ прекрасные погребальные памятники, не ради чего иного, какъ только затѣмъ, чтобы посредствомъ сооруженій оставить себѣ имя и память въ этомъ мірѣ послѣ смерти. Но таковыми дѣлами они пріобрѣтаютъ себѣ безполезное и ложное утѣшеніе. Какую пользу принесутъ умершему украшенныя зданія? Хотя бы многіе говорили: этотъ дворецъ или эта гробница принадлежитъ такому-то, однако въ этомъ нѣтъ никакой пользы, а даже великій вредъ. Таковой (человѣкъ) подвергается обвиненію, какъ скупой, неимущій, малодушный, хищникъ, грабившій сиротъ и вдовъ, чтобы соорудить себѣ гробницу, или поставить памятникъ. А этотъ памятникъ стоитъ, какъ безполезное изображеніе, являясь обвинителемъ зла его самого, памятникомъ о его преступленіяхъ. Даже тѣ, которые охотно пожалѣли бы умершаго, теперь не пожалѣютъ; онъ сдѣлалъ не иное что, какъ оставилъ для живыхъ безсмертное обвиненіе, оставивъ памятникъ, безполезный для имени и славы. Позаботься, человѣкъ, оставить себѣ имя и память въ лицѣ помнящихъ людей, которые бы иногда возвѣщали о твоихъ добродѣтеляхъ, которые бы говорили: мы жили чрезъ тебя, чрезъ тебя мы освободились отъ бѣдствій, чрезъ тебя мы

приняли утѣшенія и избавились отъ несчастій. Вотъ это память, это имя, — когда пользуются благами люди, понявщіе и мудрые, а не камень, не известь, не земля, т. е., люди, которые ради тебя воздаютъ благодарность Богу.

И иноплеменникомъ пришедшимъ *и приложившимся Господеви, работати Ему и любити имя Господне, еже быти ему въ рабы и рабыни*, глаголетъ Господь; *и вся, снабдящія субботы Моя, не оскверняти, и держащія завѣтъ Мой, введу я въ гору святую Мою, и возвеселю я въ дому молитвы Моея: всесожженія ихъ и жертвы ихъ будутъ пріятны.* Видишь ли рядъ жертвоприношеній, которыя освящаютъ жизнь не сами собой, но когда жизнь бываетъ свята по другимъ основаніямъ, тогда и они бываютъ святыми и пріемлемыми.

413 *Домъ бо Мой домъ молитвы наречется всѣмъ языкомъ.* Видишь ли, какъ давно можно было языкамъ входить въ домъ Божій, какъ давно отверсты были врата? Итакъ, почему же ты, іудей, обвиняешь теперь Христа, когда слышишь Исаію, говорящаго тоже? Обрати вниманіе, что законъ желаетъ того же. Но однако они не могли слѣдовать тому, чего желалъ законъ; они думали, что жертвоприношеній было достаточно для всего. *Домъ Мой домъ молитвы наречется всѣмъ языкомъ, глаголетъ Господь, собираяй разсѣяныя Исраилевы: соберу къ нимъ соборъ. И вся звѣри дивія, пріидите, ядите*, вся звѣри дубравныя, пріидите, видите. Чтобы евреи не печалились изъ-за общенія съ языками, думая, что они лучше, Богъ напоминаетъ о Своихъ благодѣяніяхъ имъ, именно: Я васъ разсѣялъ и соберу. Это означаютъ слова: *соберу* сверхъ его *вся звѣри дивія; пріидите, ядите, вся звѣри дивія.* Такъ какъ Онъ говорилъ съ язычниками, то Онъ совершенно свободно открываетъ, почему Онъ позволилъ имъ придти въ чужую землю и почему тѣхъ (іудеевъ) отвергъ отъ Своего лица, по апостольскому выраженію: *аще естественныхъ вѣтвей не пощадѣ, да не како и тебе не пощадитъ* (Рим. XI, 21). Я, говоритъ, сказалъ: *пріидите, ядите, вся звѣри дубравныя.* Языки Онъ называетъ звѣрями, ради ихъ дикихъ нравовъ, такъ какъ звѣри отличаются отъ людей такими нравами. Если человѣкъ не измѣняетъ нравовъ своей жизни, то онъ ничѣмъ не отличается отъ дикихъ звѣрей. Мы иногда называемъ дикими звѣрями людей неправыхъ и злыхъ, думая, что недостаточно ихъ называть только звѣрями, и для того, чтобы показать совершенно жестокое умственное настроеніе ихъ, мы называемъ ихъ дикими звѣрями; кромѣ того, если мы думаемъ, что недостаточно даже и этого, то мы называемъ ихъ демонами и демонами злыми и вредными. Того, что человѣкъ одаренъ тѣломъ, еще не достаточно для обнаруженія мѣры его человѣчности; но

нужно, чтобы душа его открыла, что онъ дѣйствительно человѣкъ. Тѣло образовано для того, чтобы быть служителемъ и рабомъ души. Но когда умъ принимаетъ нравы звѣрей, то что пользы отъ цитры, когда бываетъ боленъ самъ цитристъ? У Навуходоносора было нѣкогда тѣло человѣка, но пища, образъ жизни и остальные нравы звѣриные. И сколько есть подобныхъ ему по нравамъ! О, если бы они, удалившись, питались вмѣстѣ со звѣ-
рями травами, а не терзали тѣлъ людей, не пили ихъ крови, и 414
не расхищали имущества и достоянія другихъ, такъ какъ даже и у звѣрей нѣтъ такого нрава, чтобы одинъ звѣрь терзалъ другого.

9—12. *Видите, яко вси ослѣпоша, не разумѣша смыслити, вси пси нѣміи.* А прочіе говорятъ: не возмогутъ лаяти. Теперь онъ продолжаетъ обличать злобу іудеевъ, повѣдаетъ о наказаніи и причинѣ наказанія, о томъ, что они—безумны, что они ослѣпли, но не слѣпотою тѣла, а слѣпотою ума. Говоритъ „вси": это поистинѣ бѣдствіе, что они всѣ были нѣмыми псами, неспособными лаять. Между звѣрями псы самые ручные. Греческіе мудрецы имъ удивлялись и нравы этого кроткаго животнаго брали за образецъ мудрости. Песъ очень хорошо признаетъ своихъ, и отказывается отъ чужихъ. Онъ, претерпѣвая многіе труды и голодъ, не оставляетъ своего господина. Но самое главное это то, что онъ можетъ отличать домашнихъ отъ чужихъ. Напротивъ, они (іудеи), такъ какъ не лаяли на чужихъ, потеряли хорошій нравъ подобныхъ животныхъ. Они не боролись противъ вредныхъ демоновъ, не отступали отъ пороковъ, но предавались имъ, какъ бы полусонные, тупые и оцѣпенѣлые, какъ бы принявшіе дурманъ, давали всѣмъ свободный путь для ихъ беззаконій, только радуясь этому. Если бы они не могли дѣлать должнаго, то конечно на нихъ не простиралось бы обвиненіе. Но они могли и не желали. А такъ какъ они не желали, то они потеряли къ тому способность. *Не можетъ*, сказано, *міръ васъ ненавидѣти* (Іоан. VII, 7), не потому, что онъ не могъ ненавидѣть, но потому, что не желалъ. Отсюда ясно: не мочь—тоже что не желать,—подобно тому, какъ мы часто говоримъ: этотъ рабъ не можетъ быть хорошимъ, каковыми словами мы указываемъ на то, что онъ не желаетъ; если бы онъ не могъ, то никто бы его не обвинялъ. Никто не обвиняетъ говорящаго: я не могу летѣть на небо, потому что хотя бы онъ и желалъ этого, онъ не можетъ.

Видяще сны на ложи, любяще дремати. Мнѣ кажется, это сказано о лжепророкахъ, а также о тѣхъ, которые любятъ глубокій сонъ. Потомъ указывается иное зло: *яко псы безстудніи душею,
не вѣдяще сытости: и суть лукави, не вѣдяще смысла.* Преданные 415
чревоугодію, безсильные, ябедники, они показывали свое ничто-

жество и небрежность тамъ, гдѣ слѣдовало показывать доброту и мужество, свою строптивость и безстыдство тамъ, гдѣ нужно было показывать кротость и миръ. Смотри, они изобиловали добродѣтелью, но обращали ее въ неправду; они не занимались ею даже и въ благопріятное время. Я утверждаю, что кротость хороша, но въ свое время. Хороша и свобода, но когда она не лицепріятна. Та и другая по своей природѣ не есть ни благо, ни зло. *Есть*, говорится, *стыдъ наводяй грѣхъ, и есть стыдъ, слава и благодать* (Іис. Сын. Сир. IV, 25); *есть обличеніе, еже нѣсть красно, и есть молчай и той мудръ* (Іис. Сын. Сир. XIX, 28); *умножаяй словеса мерзокъ будетъ* (Іис. Сын. Сир. XX, 8). Видишь ли, что все бываетъ цѣлесообразно или нецѣлесообразно по способу дѣйствія. Если бы это было таково по природѣ, то тогда нужно было бы обвинять и природу. Но они (іудеи) были таковыми не по природѣ, а по небрежности. Такъ какъ они вели себя не хорошо сами, то поэтому и молчали; имъ, конечно, и нужно было молчать. *Суть лукави, не вѣдяще смысла.* Видишь ли, какое безуміе пораждается зломъ и великимъ заблужденіемъ,—бо́льшее, нежели безуміе глупцовъ, которые раждаются одаренными малымъ разумомъ. Я говорю это о тѣхъ безумцахъ, которые болѣе, чѣмъ раждающіеся таковыми, презрѣнны, жалки, несчастны и болѣе достойны слезъ. Тѣхъ освобождаетъ отъ обвиненій ихъ несовершенная природа, а эти, сами себя сдѣлавшіе безумными и глупыми, куда убѣгутъ, чтобы избѣгнуть обвиненія?

Вси путемъ своимъ послѣдоваша, кійждо вкупѣ, т. е., за своими удобствами, за своими страстями. Откуда происходятъ страсти? Онѣ происходятъ не отъ природы, но отъ желанія. *Желаніе праведныхъ*, сказано, *все благое* (Притч. XI, 23), и: *желанія благочестивыхъ наслаждаютъ душу* (Притч. XIII, 20). Итакъ, ясно, что желаніе зла происходитъ не отъ природы, но отъ развращенной воли. Напримѣръ: одно желаніе у людей здоровыхъ и другое у людей слабыхъ. Корни послѣдняго исходятъ изъ болѣзни, а корни перваго изъ здоровья. Точно также и здѣсь. Посмотримъ, чего же-
416 лаетъ праведникъ: *имъ же образомъ желаетъ елень на источники водныя, сице желаетъ душа моя къ Тебѣ, Боже. Возжада душа моя къ Богу крѣпкому, живому* (Пс. XLI, 2—3); потомъ: *сердце мое и плоть моя, Боже сердца моего* (Пс. LXII, 26); потомъ: *желаетъ и скончавается душа моя во дворы Господни* (Пс. LXXXIII, 3). Посмотримъ, чего желаетъ злой: онъ *желаетъ весь день похоти* злыя (Притч. XXI, 26); въ нихъ всегда пребываетъ душа и умъ его. О праведномъ же говорится: *мнози пророцы и праведницы вожделѣша видѣти, яже видите, и не видѣша* (Мат. XIII, 17). Что желаніе добра сообразно съ природой, а желаніе зла несообразно съ природой,

ясно изъ словъ Павла: *и что изволю не вѣмъ; обдержимь же есмь отъ обою, желаніе имый разрѣшитися, и со Христомъ быти, много паче лучше; а еже пребывати во плоти, нужнѣйше есть васъ ради* (Филип. I, 23—24). Онъ считалъ легкими временныя бѣдствія. Если бы онъ былъ противъ нихъ вслѣдствіе ихъ природы, то онъ не долженъ былъ бы называть ихъ легкими. Не дѣлай какого-либо возраженія относительно больныхъ; я возьму примѣръ отъ тебя самого. Я не говорю о Павлѣ, но о васъ, которые желаете звѣрскихъ нравовъ. Что значитъ пользоваться добрымъ здоровьемъ? Заключается ли оно въ (самой) природѣ, или же есть нѣчто внѣ природы? Нѣкоторые думаютъ, что оно заключается въ (самой) природѣ. Будемъ ли мы презирать природу? Никакъ. Но постыдныя совокупленія съ мальчиками, пренебрегающія законами природы, считаешь ли ты естественными или нѣтъ? Ясно, что они противоестественны, самое безплодіе есть уже знакъ неправильности совокупленія. Потому всѣ законодатели и прочіе опредѣляли за это смертную казнь. Итакъ, теперь, когда многимъ это кажется естественнымъ, то есть ли это поистинѣ сообразно съ природой, или противно природѣ? А также женщины, презирающія законы чрезъ совокупленіе въ незаконной любви, любящія чужого, а не своего мужа,—не ясно ли, что поступаютъ противъ природы? Желать жены своего ближняго развѣ не противно природѣ? Думать, что достаточно одной своей жены, вотъ это сообразно съ природой. А желаніе богатствъ развѣ не противно природѣ? Конечно,—хотя мы не желаемъ въ этомъ уступить, подобно 417
тому, какъ тѣмъ не кажутся противными природѣ даже звѣриныя совокупленія. Не будешь ли ты казаться самому себѣ болѣе цѣломудреннымъ, когда воздержишься отъ пожеланій? Не кажется ли тебѣ желаніе богатствъ противнымъ природѣ, когда ты видишь, что жадно прилѣпляющіеся къ богатствамъ никогда не отстаютъ отъ пороковъ? Когда ты придешь къ людямъ здоровымъ, то тогда уразумѣешь, что какъ желаніе богатствъ, такъ и преданность скупости противны природѣ, подобно тому, какъ и мудрый Павелъ говоритъ: *умерщвляю тѣло мое и порабощаю, да не како инымъ проповѣдуя, самъ неключимъ буду* (I Кор. IX, 27); и Господь нашъ сказалъ въ евангеліи, что *узкая врата и тѣсный путь вводяй въ животъ* (Мат. VII, 14). Ясно, что не сообразное съ природой, а противное природѣ требуетъ величайшихъ трудовъ. Не иначе, какъ если бы кто-либо заставилъ кого ходить на рукахъ. На ногахъ ходить легко и не требуетъ никакого труда; ходить же на головѣ, совершенно невозможно. Равнымъ образомъ я говорю: если бы добродѣтели были сообразны съ природой, то онѣ не требовали бы никакого усердія; если же сообразно съ природой не

слѣдовать добродѣтели, то тогда ничего болѣе не остается и говорить. Но вотъ, присутствуетъ Христосъ, произносящій рѣшеніе, а также Павелъ является законодателемъ: *умерщвляю*, говоритъ, *тѣло мое и порабощаю* (1 Кор. IX, 27), измѣняя его изъ одного рабства въ другое; Христосъ же сказалъ: *узкій и тѣсный путь* (Мат. VII, 14). Но то, что естественно, не требуетъ труда, такъ какъ са́ма природа можетъ заботиться о своемъ. Потому Богъ не наложилъ (на насъ) всего труднаго, чтобы не обременять насъ излишними трудами: иное совершается противъ природы, иное же сообразно съ природой. То, что сообразно съ природой, легко до такой степени, что мы не воспринимаемъ даже, какимъ образомъ это совершается. Христосъ говорилъ слабымъ и лѣнивымъ, что *узкій и тѣсный путь, вводяй въ животъ* (Мат. VII, 14). Бываетъ такое время, когда здоровое состояніе становится болѣзнью, когда болѣзнь кроется внутри тѣла. Не слыхалъ ли ты когда-либо, какъ народная толпа говоритъ, что привычка есть вторая природа? Такъ какъ Христосъ видѣлъ большую часть людей погруженными въ беззаконіе, то Онъ сказалъ, что *узокъ и тѣсенъ путь вводяй въ*
418 *животъ* (Мат. VII, 14). Когда же Онъ проповѣдуетъ только о добродѣтели, то посмотримъ, что Онъ говоритъ: *иго Мое благо и бремя Мое легко есть, и обрящете покой душамъ вашимъ* (Мат. XI, 30, 29). Какимъ же образомъ обрящется покой на тѣсномъ пути? Какимъ образомъ этотъ путь можно назвать и тѣснымъ и дающимъ покой? Основаніе этого тоже самое, какое я привелъ выше: когда Онъ говоритъ къ слабымъ, то Онъ называетъ этотъ путь тѣснымъ и узкимъ; когда же говоритъ это къ здоровымъ, Онъ называетъ его пріятнымъ и легкимъ. А Павелъ былъ здоровъ или слабъ, когда говорилъ: боюся, *да не како инымъ проповѣдуя, самъ неключимъ буду* (I Кор. IX, 27)? А также: *мняйся стояти, да блюдется да не падетъ* (1 Кор. X, 12)? Если и ты раздѣляешь также такое мнѣніе, то какимъ же образомъ ты говоришь: *еже бо нынѣ легкое печали нашея, по преумноженію въ преспѣяніе въ тяготу вѣчныя славы содѣловаетъ намъ, не смотрящимъ намъ видимыхъ, но невидимыхъ* (2 Кор. IV, 17). Если тѣлесныя скорби легки, какимъ же образомъ онѣ будутъ легче тѣхъ, которыя внѣ человѣческой природы? Не столько страсти душевныя терзаютъ нашъ умъ, сколько мученія и узы, гоненіе, безчестіе и голодъ. Какимъ же образомъ происходитъ, что тѣ легки, а эти тяжелы? Онъ увѣщеваетъ насъ къ тому, чтобы мы были осторожны и не слишкомъ самоувѣренны. Когда онъ сказалъ: боюся, *да не како инымъ проповѣдуя, самъ неключимъ буду* (1 Кор. IX, 27), то онъ показалъ свободу. Если онъ боялся, то онъ не могъ стоять такимъ образомъ. Но такъ какъ онъ былъ увѣренъ, то и говорилъ такія слова,

чтобы кто-либо не пренебрегъ его. А приводя иныхъ къ доброму плоду, онъ полагалъ, что самъ обрѣтаетъ спасеніе. Нѣтъ никакой пользы, говоритъ онъ, проповѣдывать другимъ, если мы относимся къ себѣ пренебрежительно. Когда онъ говоритъ: *и за премногая откровенія, да не превозношуся* (2 Кор. xII, 7), то говоритъ по смиренію, а не по гордости, потому что онъ могъ славиться. Но опуская великое, чѣмъ онъ могъ славиться, онъ напротивъ славится слѣдующимъ: *дадеся ми пакостникъ плоти, аггелъ сатанинъ* (2 Кор. xII, 7), т. е., соблазнитель; *аще хвалитися ми подобаетъ* (2 Кор. xI, 30), *похвалюся токмо о немощехъ*; *не буду безуменъ* (2 Кор. xII, 5—6). Какъ же иному не возгордиться тѣмъ, чѣмъ онъ славится? Такъ какъ онъ говорилъ съ тѣми, которые пренебрегали дѣла, 419
полагаясь только на свою вѣру, то онъ сказалъ: *азъ убо тако теку, не яко безвѣстно: тако подвизаюся, не яко воздухъ біяй* (1 Кор. Ix, 26), т. е., не напрасно и не попусту. Почему же чаще бываетъ противное природѣ, чѣмъ сообразное съ природой? Потому, что мы не прилагаемъ никакого старанія. Подобно тому, какъ здравіе сообразно съ природой, но если мы относимся къ нему небрежно, то впадаемъ въ различныя болѣзни, такимъ же образомъ, хотя желаніе блага и коренится въ природѣ, однако Богъ пожелалъ, чтобы оно нуждалось въ нашемъ изволеніи. То, что совершается сообразно съ природой, совершается легко, но волѣ свойственно противиться природѣ; потому мы не принуждаемся какой-либо необходимостью. Если бы добродѣтель была сообразна съ природой, то Богъ не убѣждалъ бы насъ къ ней; но добродѣтель совершается не только природой, но и желаніемъ (самого человѣка). Врачъ приходитъ затѣмъ, чтобы тѣло, вышедшее за предѣлы природы, возвратить къ его природѣ, и кость, отпавшую отъ своей твердыни, вновь прикрѣпить. То, что сообразно съ природой, можетъ быть возстановлено искусствомъ. Но если искусство отсутствуетъ, тогда и то, что было сообразнымъ съ природой, становится противнымъ природѣ. Такимъ же образомъ, когда ты въ своихъ нравахъ ходишь не по волѣ Божіей, то ты вышелъ за предѣлы природы. Но такъ какъ добродѣтель сообразна съ природой и совершается по желанію, то поэтому Христосъ сказалъ: *вся, елика хощете, да творятъ человѣцы, тако и вы творите имъ* (Мат. vII, 12). Тому, что сообразно съ природой, человѣкъ научается не отъ другого, но отъ самого себя, такъ какъ Онъ опять говоритъ: *возлюби искренняго твоего, яко самъ себе* (Мат. xxII, 39). Онъ на долгое время оставилъ людей безъ закона. Откуда же ясно, скажутъ, что это сообразно съ природой? Изъ того, что сказалъ Христосъ и что было сказано до него и наконецъ изъ весьма многаго иного. Напримѣръ, мы называемъ сообразной съ приро-

дой ту пищу, которая соотвѣтствуетъ нашей природѣ; ту же пищу, которая разрушаетъ ее, мы называемъ противной природѣ. И опять: сообразно съ природой то, что относится къ міру и сохраняетъ его устойчивость; то же, что можетъ разрушить міръ, противно природѣ. Добродѣтели мы называемъ естественными, такъ какъ онѣ сохраняютъ нашу жизнь твердою; грѣхи же мы назы-
420 ваемъ противными природѣ, потому что они разрушаютъ ее. Если угодно, приди, дай намъ построить домъ или городъ! Нѣкоторымъ кажется, что знаніе добра у варваровъ и у грековъ было не одинаково. Мы знаемъ, говорятъ они, что должно и не должно дѣлать, такъ какъ мы научены законами, законодателями, судами; а тѣ гдѣ научились? Я скажу, что тому, чему ты научился изъ законовъ и законодателей, они научились отъ естественнаго закона. Представь два города: одинъ, созданный грѣхами, а другой—правдою, и посмотримъ, который изъ нихъ будетъ долговѣченъ и крѣпокъ. Изъ этого мы можемъ открыть, чтó сообразно съ природой и чтó противно природѣ. Если тебѣ угодно, то мы разсмотримъ тоже и на людяхъ. Пьяный поступаетъ сообразно съ природой, или противъ природы? Тѣ болѣзни, которыя происходятъ отъ пьянства, обличаютъ пьянаго, что онъ поступаетъ не сообразно съ природой, но противно природѣ.

Кійждо, сказалъ пророкъ, *путемъ своимъ послѣдуетъ*. Велико несчастіе, когда больные слѣдуютъ своему желанію и не повинуются предписаніямъ врача. Смотри же на предразсудокъ: богатый ходитъ за своимъ богатствомъ, расточительный проводитъ время только въ прелюбодѣяніи. Какъ на причину всѣхъ пороковъ, мы укажемъ на пьянство, на которое многіе смотрятъ совершенно какъ на ничто. Оно прежде всего повреждаетъ умъ, потомъ приводитъ къ скупости, такъ какъ тому, кто не имѣетъ ничего, чтобы уплатить, нужно предаваться скупости. А узы скупости желѣзны,—подобно тому, какъ если ты свяжешь какой-либо членъ узами, то вмѣстѣ съ нимъ влачится и все тѣло, куда бы ни влачились узы. Не достаточно и этого: пьяница теряетъ силу, становится скупымъ, грабителемъ, гнѣвливымъ, ревнивцемъ, жестокимъ и безумнымъ.

ГЛАВА LVII.

421 1—9. Теперь смотри: *праведный*, говорятъ, *погибе*. Одинъ здоровый скоро погибаетъ между многими больными. Это и есть признакъ болѣзни, что сильные, которые могутъ исправить ихъ жизнь и нравы, исторгаются изъ ихъ среды. *Отъ лица бо неправды*

взяся праведный: такова была польза отъ его праведности. *Будетъ съ миромъ погребеніе его, взяся отъ среды*, т. е., отъ беззаконія злыхъ. И это не малое, а даже весьма большое зло, когда полагаютъ свѣтильникъ въ скрытомъ мѣстѣ и уносятъ свѣтъ „отъ среды“. *Будетъ съ миромъ погребеніе его*. Что означаетъ это? Жизнь ихъ была въ замѣшательствѣ, а самая смерть его пріятна, потому что Богъ освободилъ его отъ зла, прежде чѣмъ пришло такое зло. То же, что казалось противнымъ ему, стало совершенно благопріятнымъ, потому что онъ не увидѣлъ ни войны, ни битвы. Нѣкоторые же думаютъ, что это сказано объ Іосіи, котораго помиловалъ Богъ, дабы не видѣть ему плѣна народа.

Вы же пріидите сѣмо. Для васъ не было никакой пользы исторгать вашего обвинителя изъ среды, потому что Я Самъ буду судить васъ. *Пріидите сѣмо*. Законно и праведно онъ называетъ вѣроломныхъ и мятежныхъ сѣменемъ *прелюбодѣевъ и блудницы*. Но почему они подвергаются порицанію, когда таковы были ихъ отцы? А они сами мало дѣлали беззаконій отцовъ? Они не почитали родовъ праведныхъ, почему же неприлично было называть ихъ такимъ образомъ? Если кто называется сыномъ прелюбодѣя, и это названіе ему приноситъ пользу, потому что приписываетъ способность воздерживаться отъ зла и считать его безславнымъ, то таковое безчестіе приноситъ малый, скорѣе даже никакого вреда. Но если ты предаешься позору, то что пользы гнѣваться? Ты гнѣваешься, когда тебя называютъ сыномъ пре- 428
любодѣя, почему же ты не гнѣваешься, когда совершаешь таковое преступленіе?

Въ чемъ услаждастеся, и на кого отверзосте уста ваша? Мнѣ кажется, здѣсь пророкъ порицаетъ злохуленія ихъ, которыми они упрекали Бога. *И исунусте языкъ вашъ*. Здѣсь, мнѣ кажется, они обвиняли Бога въ томъ, что пути Его были неправедны.

Не вы ли есте чада пагубы, сѣмя беззаконно, молящіися кумиромъ? Чтобы показать, вслѣдствіе чего они были сынами пагубы, пророкъ говоритъ: *подъ древіемъ частымъ закалающе чада своя въ дебрехъ посреди каменія*. Онъ вновь обвиняетъ ихъ какъ бы такъ: вы не познали даже природы. Развѣ вы не знали, что закалать сыновъ противно природѣ? *Посреди каменія*. Вы не считали ихъ достойными гробницы, говоритъ, и вамъ недостаточно было закалать ихъ предъ идолами, но вы закалали ихъ въ отдаленныхъ мѣстахъ: *подъ древіемъ частымъ*. Если не достоинъ прощенія тотъ, кто почитаетъ идоловъ, то тѣмъ болѣе тотъ, кто приноситъ жертву деревьямъ. Идолы могли прельщать ихъ, какъ имѣющіе нѣкоторую форму, но какимъ образомъ они прельщались деревьями, не имѣющими такой формы? *Тамъ была часть*

твоя, тамъ *жребій твой*: *и тѣмъ проліялъ еси возліянія твоя, и тѣмъ принеслъ еси жертвы твоя. О сихъ убо не разгнѣваюся ли, глаголетъ Господь*. Я дѣлаю тебя судьею. Развѣ не должно гнѣваться Мнѣ, вслѣдствіе оскорбленія твоей природы и вслѣдствіе поврежденія законовъ твоихъ, говоритъ Господь? *На горѣ высоцѣ и превознесеннѣ, тамо твое ложе, и тамо принеслъ еси требы твоя, и за подвоями дверей твоихъ положилъ еси память твою*: не только въ горахъ и пустыняхъ ты совершалъ беззаконія, но *и за подвоями дверей твоихъ* ты полагалъ беззаконные знаки. *Мыслилъ еси, яко аще отъ Мене отступиши, болѣе нѣчто возъимѣеши*, т. е., будешь болѣе сильнымъ. Отсюда ясно, что и плѣнъ былъ необходимъ, и ты самъ доставилъ причину бѣдствій.

Простерлъ еси ложа твоя. Пророкъ говоритъ объ умноженіи золъ. *Возлюбилъ еси спящія съ тобою*. Это еще хуже: безъ принужденія, а по своей волѣ и распутству ты совершалъ прелюбодѣянія.

Умножилъ еси блуженіе твое съ ними, и многи сотворилъ, иже далече отъ тебе, и послалъ еси послы за предѣлы твоя. Этими
428 словами пророкъ обличаетъ многообразіе ихъ извращенныхъ желаній. За это же порицаетъ народъ іудейскій и Іезекіиль.

10—19. *И смирился еси даже до ада. Многими путьми твоими трудился еси*,—подобно блудницѣ, которая обходитъ вселенную, чтобы искать спящихъ съ нею, хотя и такимъ образомъ она не насыщается. *И не реклъ еси*: *престану*, *крѣпящійся*. Крѣпящійся, ты продолжалъ, яко крѣпящійся *сотворилъ еси злая; сего ради не помолился Ми еси ты*. Акила говоритъ: не искалъ. Симмахъ: не заботился. Сказалъ: *сего ради*. Видишь ли, все совершалось ради того, чтобы мы просили Бога? Смотри опять, почему Онъ отрицаетъ прощеніе. *Кого благопочетши, убоялся еси, и солгалъ Ми и не помянулъ еси Мене*. Здѣсь не было мѣста страху, потому что ты не зналъ величія Моей силы и ихъ слабости. Ясно, что это послужило тебѣ только безчестіемъ. *И Азъ, тя видя, презираю, и не убоялся еси Мене, и Азъ возвѣщу правду* Мою. Здѣсь пророкъ называетъ наказаніе правдою, потому что Богъ наказалъ ихъ по праведному суду.

И идоли твои *не помогутъ ти*, т. е., тебя не защитятъ идолы, на которыхъ ты надѣялся. *Сія бо вся вѣтръ возметъ и отнесетъ буря; а держащіися Мене стяжутъ землю, и наслѣдятъ гору святую Мою, и рекутъ*: *очистите предъ лицемъ Его пути, и отъимите претыканія отъ пути людей Моихъ*. Акила говоритъ: соблазнъ; Симмахъ сказалъ: Setacoim [1]) отъ пути народа Моего.

---

[1]) Въ Экзаплахъ Оригена, изданныхъ Фильдомъ, Симмахъ здѣсь читаетъ: πρόσκομμα = претыканіе.

Смотри опять на силу Его,—Онъ многое обличалъ въ нихъ. Здѣсь Онъ опять напоминаетъ имъ нѣкоторыя противныя явленія отъ мѣстъ, гдѣ совершались откровенія, и старается привести ихъ къ вѣрѣ, говоря: *сія глаголетъ Господь Вышній, иже живетъ въ высокихъ во вѣкъ, Святый во святыхъ*. Этими словами пророкъ показываетъ силу и вѣчность. Хотя эти слова намъ кажутся великими, однако пророкъ говоритъ съ нами по человѣческому образу, потому что Богъ не содержится въ какомъ-либо опредѣленномъ мѣстѣ. Но такъ какъ онъ выше сказалъ о лѣсахъ, то здѣсь говоритъ: *Вышній, иже живетъ въ высокихъ*. А такъ какъ они думали, что Богъ пребываетъ только въ храмѣ, то пророкъ говоритъ: *Святый во святыхъ почиваяй*. Видишь ли, какимъ обра- 424
зомъ Онъ предсказалъ будущее? *Малодушнымъ* даетъ *долготерпѣніе, и животъ сокрушеннымъ сердцемъ*. Если это можетъ происходить, то ясно, что можетъ произойти и нѣчто иное, болѣе легкое: если Богъ можетъ измѣнять душевные нравы, то тѣмъ болѣе—остальное. *И животъ сокрушеннымъ сердцемъ*: Богъ скоро оживотворяетъ тѣхъ, у кого отнята надежда на жизнь.

Не въ вѣкъ отмщу вамъ. Другіе же говорятъ: не во вѣкъ буду судить васъ. Видишь ли, Богъ никогда не гнѣвается до смерти? Нѣкоторые, можетъ быть, по поводу этихъ словъ утѣшаются, понимая ихъ объ адскихъ наказаніяхъ. Но говоря здѣсь: *вамъ*, пророкъ обозначаетъ нѣкоторыхъ, но не утверждаетъ, что Богъ не будетъ гнѣваться во вѣкъ на всѣхъ. Онъ прибавляетъ также и соотвѣтственную причину: *Духъ отъ Мене* послахъ, *и всякое дыханіе Азъ сотворихъ*. Развѣ чужіе для Меня тѣ, которыхъ Я подвергъ наказанію? Они—творенія рукъ Моихъ.

За грѣхъ мало что опечалихъ его, поразихъ его, и отвратихъ лице Мое отъ него: и опечалися, и пойде дряхлъ въ путехъ своихъ. Пути его видѣхъ и исцѣлихъ его, и утѣшихъ его. Видишь ли, Онъ утѣшаетъ печальнаго и пораженнаго скорбію. За какіе же грѣхи Онъ мстилъ? Почему ты говоришь: *мало что опечалихъ его*, когда они подверглись наказаніямъ въ теченіе семидесяти лѣтъ? Не считай семьдесятъ лѣтъ, а думай о томъ, что было тяжкимъ только начало плѣна, а послѣ того они пользовались такимъ удобствомъ, что, когда имъ объявлено было о возвращеніи, то не хотѣли возвратиться домой,—до того они пользовались благами и всѣми удобствами. Самъ Іезекіиль учитъ насъ, какую легкую жизнь они проводили въ плѣну (вавилонскомъ). Итакъ, не думай, что все время плѣна было временемъ наказанія. Богъ незамѣтно утѣшаетъ и среди притѣсненія. *И дахъ*, говоритъ, *ему утѣшеніе истинно*, печальнымъ же его поставихъ плодъ устъ, т. е., утѣшеніе, радость и похвалу. *Миръ на миръ далече и близъ*

сущимъ, глаголетъ *Господь. Неправедніи же возволнуются и почити не возмогутъ*, т. е.: *неправедніи возволнуются* подобно тому, какъ море, движимое бурями.

ГЛАВА LVIII.

425 1—6. *Возопій крѣпостію и не пощади, яко трубу возвыси гласъ твой*, такъ какъ то, что онъ намѣренъ былъ говорить, было трудно. *Возвѣсти людемъ Моимъ грѣхи ихъ*,—ради чего Онъ и придалъ ему храбрости, чтобы тотъ не боялся. *Мене день отъ дне ищутъ и разумѣти пути Моя желаютъ, яко людіе, правду сотворившіи, и суда Бога своего не оставившіи.* Первымъ грѣхомъ было то, что, когда они находились въ плѣну по волѣ Божіей, то даже тогда противились Ему, повторяя осужденіе того, что произошло, по своей дерзости и безстыдству. Это самое и было знакомъ грѣха, что они, отступивъ нѣкогда отъ законовъ и религіи, обвиняли промыслъ Божій. Имъ слѣдовало молчать по крайней мѣрѣ въ виду своего жалкаго состоянія, потому что, когда они были свободны, то не дѣлали ничего добраго. Ищутъ *нынѣ суда праведна*, т. е., указывая Мнѣ день, они ищутъ праведнаго суда.

И приближитися ко Господу желаютъ, глаголюще: что яко постихомся, и не увидѣлъ еси? Смирихомъ души наша и не увѣдѣлъ еси? Т. е.: тѣ, которые совершили весьма многія преступленія, желали освободиться отъ наказаній только посредствомъ постовъ,—они говорили Богу: вотъ мы постились, почему же мы не освобождены? Итакъ, что же? Онъ не считалъ ихъ недостойными даже тогда, когда они постились, и нисколько не скрывалъ отъ нихъ основаніе Своего дѣйствія. *Во дни пощеній вашихъ обрѣтаете воли ваша, и вся подручныя ваша томите.* Теперь, что же для Меня такое—ваше смиреніе? Если кто постится затѣмъ, чтобы мстить своему должнику, то какую пользу ему приносятъ посты? Подобно тому, какъ кто, будучи связаннымъ, содержится въ темницѣ и своими узами ударяетъ своихъ ближнихъ, точно также и постъ бываетъ обвиненіемъ постящихся, когда они причиняютъ бѣднымъ вредъ. Если они, постясь, оказываются столь жестокими, то тѣмъ болѣе—не постясь. *Аще въ судѣхъ и сварѣхъ поститеся, и біете пястьми смиреннаго.* Симмахъ говоритъ: мучаете. Обрати вниманіе на различныя повелѣнія. Постъ и дѣвство ничто, когда отсутствуютъ плоды, которые изъ нихъ происходятъ. Нѣкоторыя повелѣнія таковы, что они ни въ чемъ не нуждаются, а нѣкоторыя требуютъ помощи иныхъ, подобно тому, какъ и самыя вещи,

относящіяся къ жизни, нѣкоторыя совершаются только сами отъ себя, другія же — отъ другихъ вещей. Какъ земледѣліе нуждается въ сѣмени, въ обработкѣ земли и въ иномъ прочемъ, или какъ борцы — въ кулакахъ, маслѣ, упражненіи, точно также и здѣсь. Зачѣмъ бываютъ посты? Затѣмъ, чтобы разсѣивать раздоры. Откуда происходятъ раздоры? Изъ того, что они предали свой умъ безразсудству.

Вскую Мнѣ поститеся якоже днесь? Вскую вы приходите призывати Мя, егда не услышу васъ? *Не сицеваго поста Азъ избрахъ, и дне, еже смирити человѣку душу свою; но разрѣшай всякъ союзъ неправды.* О какомъ постѣ здѣсь говорится? Пророкъ показываетъ не постъ, но воздержаніе отъ грѣховъ. Смотри на Бога, считающаго достойнымъ пріятія постъ дѣлъ, который приноситъ пользу не только совершающимъ постъ, но и ближнимъ. Даніилъ исполнялъ постъ, но этотъ постъ былъ пріятенъ Богу, такъ какъ онъ постился за другихъ. Моисей также постился за другихъ. Пророкъ показываетъ и порядокъ поста. Если не исполняется то, что соотвѣтствуетъ посту, то постъ не приноситъ никакой пользы. Точно также и дѣвство безъ любви пренебрегается. Хотя оно и тяжко, хотя постъ и великъ, однако Богъ не требуетъ такого труда; но то и другое угодно Ему тогда, когда приноситъ плодъ. Нѣкто когда-то говорилъ: *пощуся двакраты въ субботу* (Лук. XVIII, 12), и тѣмъ не менѣе не имѣлъ никакой пользы. Посты установлены ради того, чтобы мы воздерживались отъ изнѣженности и обрѣтались готовыми для милосердія; если кто не дѣлаетъ этого, то труды его тщетны.

Но разрѣшай всякъ союзъ неправды, говоритъ. Справедливо называетъ „союзомъ“, потому что союзъ труденъ для разрѣшенія, почему мудрый называетъ его петлею. Симмахъ и Өеодотіонъ, говорятъ: 427
тайну. Остерегись думать, что это сказано только о богатствахъ: въ насъ есть и другія беззаконія, которыя мы совершаемъ словами и дѣлами. *Разрушай обдолженія насильныхъ писаній, отпусти сокрушенныя въ свободу, и всякое писаніе неправедное раздери.* Онъ не только повелѣваетъ намъ воздерживаться отъ зла, но и увѣщеваетъ насъ къ добру. *Отпусти*, говоритъ, *сокрушенныя въ свободу*. Не показывай относительно ихъ праведнаго суда. Здѣсь болѣе, чѣмъ тамъ: тамъ Онъ повелѣлъ разрѣшеніе обидъ, а здѣсь увѣщеваетъ къ тому, чтобы ты не совершалъ даже своего суда. Если человѣкъ имѣетъ, то ты требуй по праву; а если онъ не имѣетъ, то откуда онъ тебѣ отдастъ? *И всякое писаніе неправедное раздери:* здѣсь Онъ повелѣваетъ не только отпустить, но также и разодрать. Это и сдѣлалъ Христосъ: хотя писаніе было справедливымъ, по причинѣ нашихъ грѣховъ, однако Онъ разо-

дралъ его и пригвоздилъ ко кресту. Вѣдь не для нихъ, но для тебя послужитъ ущербомъ, если ты будешь сохранять писаніе и не раздерешь его: когда ты придешь въ такое же состояніе, и съ тебя точно также взыщутъ.

7. *Раздробляй алчущимъ хлѣбъ твой*. Не сказалъ: дай, но: *раздробляй*,—повелѣваетъ давать человѣколюбиво, какъ говорилъ и Павелъ: *аще раздамъ и вся имѣнія моя* (1 Кор. XIII, 3), въ пищу бѣднымъ. Хлѣбъ твой, сказано, а не чужой. *Нищія безкровныя введи въ домъ твой, и свойственныхъ племени твоего не презри*, по сказанному: *аще же кто о присныхъ не промышляетъ, вѣры отвергся есть и невѣрнаго горшій есть* (1 Тим. V, 8). Таковы посты безъ насилія и обремененія, когда мы дѣлаемъ своимъ домашнимъ человѣкомъ, въ отношеніи хлѣба, дома и одежды, того, кто лишенъ крова, и утѣшаемъ угнетенныхъ. Ясно, что состояніе суровости, жестокости и немилосердія противны этому. Богъ мудро постановилъ, чтобы мы взаимно другъ другу соболѣзновали, по написанному: *всяко животное любитъ подобное себѣ, и всякъ человѣкъ искренняго своего* (Іис. Сын. Сир. XIII, 19). Ты пользуешься многою пищею, а тотъ погибаетъ отъ голода; ты одѣваешься въ тонкія полотна, а онъ ходитъ постыдно нагимъ. Почему Богъ повелѣваетъ, чтобы ты не презиралъ ближнихъ по крови? Потому
428 что и они имѣютъ право пріобрѣтать блага отъ богатаго родителя. Однако, многіе глупцы мучаются при этомъ, разсуждая такъ: почему тотъ богатъ, а мы бѣдны? Тѣ изобилуютъ благами, а мы—притѣсненіями? Почему, подобно тому, какъ Онъ сдѣлалъ общимъ для всѣхъ солнце и не сдѣлалъ свѣта малымъ для бѣдняковъ и великимъ для богача, почему такимъ же образомъ Онъ не сдѣлалъ всѣхъ благъ общими? Но Богъ сдѣлалъ богатства также общими, потому что Онъ повелѣлъ богачамъ выдавать отъ нихъ бѣднякамъ. Если бы Онъ не сдѣлалъ богатства общими, то Онъ не далъ бы такого повелѣнія. Если бы то, что необходимо для нашей жизни, Богъ не сдѣлалъ общимъ, то человѣческій родъ былъ бы погубленъ и уничтоженъ. Если же бы Онъ даровалъ каждому богатство, то этимъ самымъ Онъ отнялъ бы средства къ добродѣтели, а потому Онъ распредѣлилъ блага всѣмъ не поровну, для того, чтобы грѣхи, которые происходятъ отъ любви къ богатству, не распространились на всѣхъ и не повреждали всѣхъ. Если бы Онъ не сдѣлалъ солнца общимъ, а только для нѣкоторыхъ, подобно тому, какъ богатства, то многіе ходили бы во тьмѣ. Но Богъ далъ богатство богачу затѣмъ, чтобы онъ утѣшалъ скорби бѣдности.

8—10. *Тогда разверзется свѣтъ твой* яко утренній, т. е., скоро явится помощь. Что означаетъ: „разверзется“? Этимъ показы-

вается изобиліе и превосходство. Видишь ли: то, что ты даешь, это самое и получаешь.

И исцѣленіе твое скоро возсіяетъ. Итакъ, въ нашей власти находится, чтобы скоро или поздно явилось наше спасеніе. Каково было здоровье, когда у насъ были многія язвы! Потому пророкъ говоритъ: *скоро исцѣлечіе твое возсіяетъ*, для разрѣшенія и прогнанія грѣховъ. *И предъидетъ предъ тобою правда твоя*, подобно тому, какъ впереди царя идутъ слуги, скороходы, и свита, кричащіе громкимъ голосомъ, которыхъ изъ-за этого мы считаемъ счастливыми. Смотри, какіе идутъ впереди слуги, вмѣсто рабовъ: *правда твоя* велика. Всѣ далеко отступаютъ отъ нея, никто не осмѣливается взирать на нее. Теперь посмотримъ, каковы одежды ея: ужели поясъ или понтійская мышь? Никакъ, но *слава Божія обыметъ тя*. Какой вѣнецъ или одежда подобны этому украшенію? Именно, какъ Богъ милосердъ, благодѣтеленъ и животворящъ, такими же Онъ желаетъ, чтобы были и рабы Его, сообразно тому, что говорилъ подвергшійся великимъ несчастіямъ Іовъ: *око бѣхъ слѣпымъ, нога же хромымъ* (Іов. XXIX, 15).

Украситъ тебя, говоритъ, *слава Божія. Тогда воззовеши, и Богъ* 429
услышитъ тя, и еще глаголющу ти речетъ: се пріидохъ. Что больше этого, когда Онъ не ожидаетъ ни молитвъ, ни требованій просителей, чтобы услышать ихъ? Прежде чѣмъ ты попросишь, Онъ даруетъ просимое. Какой отецъ, называемый милосердымъ, или какой другъ, называемый искреннимъ, такъ скоро отзывается? Смотри, что ты купилъ за малый хлѣбъ или лоскутокъ: у людей славу, а у Бога любовь. И все это тебѣ такъ легко. Ты сдѣлалъ это однажды или дважды, но этого не достаточно: тебѣ нужно дѣлать это какъ можно чаще, по написанному: *милостыни и вѣра да не оскудѣваютъ тебѣ* (Притч. III, 3); и опять: *не отрецыся благотворити требующему, егда иматъ рука твоя помогати* (тамъ же, 27). Богъ повелѣваетъ, чтобы ты всегда раздроблялъ хлѣбъ.

Аще отъимеши отъ себе соузъ и рукобіеніе. Акила говоритъ: если отнимешь отъ страны твоей, чтобы простирать перстъ твой во вредъ другихъ. Симмахъ говоритъ: отнять перстъ и оковы. Θеодотіонъ употребляетъ подобныя же слова. Пророкъ называетъ *соузомъ* грѣхъ, у котораго есть много сплетеній, въ которомъ нѣтъ правильности и законности. *Рукобіеніемъ* пророкъ называетъ хищничества, или же объясненія посредствомъ рукъ, по обычаю разбойниковъ. *И глаголъ роптанія*, по написанному: *вся творите безъ роптанія* (Филип. II, 14). Роптаніе есть знакъ лѣниваго и бездѣятельнаго ума. Пророкъ увѣщеваетъ насъ не только къ дѣятельности, но также къ тому, чтобы мы дѣлали съ большимъ

прилежаніемъ, такъ чтобы своимъ роптаніемъ не повреждали дѣла. Когда рука выдаетъ милостыню бѣднымъ, то уста да молчатъ, такъ чтобы мы не упускали плода, и сладкое не становилось бы горькимъ. Зачѣмъ ты, человѣкъ, ропщешь по поводу просьбъ бѣднаго? Если бы онъ не былъ бѣднымъ, то онъ и не просилъ бы, а потому тебѣ нужно пожалѣть его, что онъ у тебя проситъ куска хлѣба и одежды, побуждаемый къ тому необходимостью. Но, говорятъ, онъ всегда надоѣдаетъ мнѣ: я много разъ бранился и никоимъ образомъ не могъ освободиться отъ такой тягости. Но развѣ тебѣ не извѣстно, что бѣдность и наглое требованіе желудка не избавляютъ отъ необходимости просить? Ругань не побѣждаетъ необходимости и страхъ не побѣждаетъ
480 нужды, которая гложетъ желудокъ. Когда мы требуемъ чего-либо у Бога, то Онъ не гнѣвается на насъ, но гнѣвается тогда, когда не просимъ. Твой Господь пылаетъ гнѣвомъ ради того, что ты ничего не просишь у Него; а ты гнѣваешься, когда у тебя просятъ.

И даси алчущимъ хлѣбъ твой отъ души, т. е.: *доброхотна дателя любитъ Богъ* (2 Кор. IX, 7). Кто даетъ такимъ образомъ, тотъ пусть думаетъ, что получилъ; и дѣйствительно получаетъ, потому что даетъ малое, а получаетъ отъ Бога великіе дары. *И душу смиренную насытиши.*

Тогда возсіяетъ во тьмѣ свѣтъ твой. Что означаютъ эти слова: возсіяетъ свѣтъ во тьмѣ? Хотя бы мы были окружены, какъ бы мракомъ, бѣдствіями и искушеніями и прочимъ подобнымъ, однако, добродѣтель милостыни въ состояніи разогнать весь этотъ мракъ; подобно тому, какъ когда является солнце, то оно разгоняетъ густой воздухъ, такъ точно и милостыня удаляетъ мракъ притѣсненій и печалей. Но что я говорю о мракѣ? Она погашаетъ даже пламя огня, по написанному: *огнь горящъ угаситъ вода, и милостыня очиститъ грѣхи* (Іис. Сир. III, 30).

11—14. *И будетъ Богъ твой съ тобою присно: и насытишися, якоже желаетъ душа твоя, и кости твоя утучнѣютъ.* Видишь ли разрѣшеніе и награду? Отпускаются даже грѣхи и умножаются блага. Мы получаемъ то, чего желаемъ. По справедливости Богъ назвалъ милостыню сѣменемъ, потому что она какъ сѣмя посѣвается въ землю и приноситъ многочисленный плодъ. Но почему, скажутъ, мы часто видимъ многіе дома, которые были милосердыми, а потомъ разрушились и подверглись великому ущербу? Не указывай на нѣкоторыя малыя и случайныя явленія, но разсуждай о томъ, что бываетъ вообще. Если ты не желаешь слушать это, то я покажу тебѣ Іова, чтобы ты позналъ, что Богъ таковыхъ людей возводитъ до величайшей высоты. Нѣкоторыхъ

Онъ испытываетъ искушеніями, чтобы они были достойными величайшихъ похвалъ; а тѣмъ, которые не обладаютъ совершеннымъ умомъ, Богъ скоро здѣсь же даетъ награду. Мальчики, если кто-либо у нихъ что выхватитъ, тотчасъ плачутъ и поднимаютъ большія вопли. Но не такъ поступаютъ мудрые и опытные: они на время питаютъ свои души надеждою, и такъ какъ они положили собирать себѣ сокровища на небѣ, то поэтому считаютъ за ничто здѣсь потерянное.

И будутъ яко вертоградъ напоеный, и якоже источникъ, емуже 481
не оскудѣ вода. Видишь ли, какъ хороша милостыня? Таковымъ былъ и Іовъ, который говорилъ: *горы мои обливахуся млекомъ*, (Іов. XXIX, 6), которому отовсюду были великія блага: *и дѣла велія бяху его на земли* (Іов. I, 8), зданія и все. Развѣ по причинѣ скупости и глупости дарованы ему эти блага, или же скорѣе по причинѣ широты сердца и милосердія? Такъ какъ Богъ намѣренъ былъ возстановить ихъ (іудеевъ) въ прежнихъ благахъ, и вновь даровать имъ городъ, то, чтобы они, полагаясь на милосердіе Божіе, не пренебрегали добрыми дѣлами, въ особенности, когда слышали: *созиждутся пустыни твоя вѣчная и будутъ основанія твоя вѣчная*, — для этого Онъ присоединяетъ многочисленныя повелѣнія, *аще отвратиши ногу твою*, говоритъ: *отъ субботъ, еже не творити хотѣній твоихъ въ день святый: не воздвигнеши ноги своея на дѣло, ниже возглаголеши словесе во гнѣвѣ изъ устъ твоихъ*. Видишь ли, это есть также зло, и даже хуже всякаго зла? Гдѣ теперь іудеи, которые хвалились субботою, что они ничего въ нее не дѣлали, хотя оскверняли уста и языки?

И возведетъ тя на благоты земныя, и ухлѣбитъ тя наслѣдіемъ Іакова отца твоего. Пророкъ показываетъ будущія добродѣтели. Но чтобы они не сомнѣвались, что все твердо пребываетъ, онъ сказалъ: *уста бо Господня глаголаша сія*.

ГЛАВА LIX.

1—11. *Еда не можетъ рука Господня спасти? Или* отягчитъ 482
слухъ Свой, *еже не услышати? Но грѣси ваши разлучаютъ между вами и между Богомъ*. Смотри: пророкъ не только желаетъ увѣрить ихъ, ищущихъ спасенія, въ силѣ Его (Бога), но также требуетъ прилежанія въ дѣлахъ и въ соблюденіи законовъ. По причинѣ ли слабости Моей все это? Никакъ, потому что Я могъ и тогда освободить васъ отъ притѣсненій. Но васъ предали ваши беззаконія, и все это пришло на васъ по причинѣ вашихъ грѣховъ,—почему, говоритъ, Я повелѣваю вамъ стараться воздержи-

ваться отъ грѣховъ. Потомъ пророкъ перечисляетъ грѣхи: *руцѣ бо ваши осквернени кровью.* Всѣ пророки обличаютъ ихъ въ томъ, что ихъ руки исполнены убійства. Мнѣ кажется, что онъ побуждаетъ ихъ умъ къ покаянію въ прежнихъ грѣхахъ и желаетъ предотвратить будущія преступленія, такъ какъ впереди предстояло имъ совершить такое убійство, которое тяжелѣе и беззаконнѣе всѣхъ прочихъ убійствъ. Пророки всегда желали сдѣлать ихъ кроткими. Потому пророкъ прежде сказалъ: *руцѣ ваши осквернены кровью.* Самъ Богъ уже прежде того далъ такое повелѣніе, такъ какъ они были склонны къ убійству, которое было причиною гибели ихъ болѣе, чѣмъ остальные грѣхи, говоря: *не убій* (Исх. xx, 13). Чтобы они не думали, что какое-либо убійство бываетъ совершенно непроизвольнымъ, Богъ сказалъ яснѣе: *неповинна и праведна да не убіеши* (Исх. xxiii, 7). Потому Онъ запрещаетъ желѣзо и употребленіе его, чтобы удержать ихъ отъ убійства, говоря:
483 *желѣзо* никогда да не касается сооруженія храма (срав. Втор. xxvii, 5; 3 Цар. vi, 7). Хотя впослѣдствіи священники закалали въ жертву овецъ и воловъ, однако они приносили кровь Богу. Если слѣдовало воздерживаться отъ крови животныхъ, которыя приносились Богу, то тѣмъ болѣе — отъ крови людей. Воздерживаться отъ нея слѣдовало тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе цѣнности имѣетъ и чѣмъ ближе тебѣ человѣкъ, по сравненію съ безсловесными животными.

Персты ваши во грѣсѣхъ, устнѣ же ваши возглаголаша беззаконіе, и языкъ вашъ неправдѣ поучается. Пророкъ перечисляетъ отдѣльныя беззаконія рукъ, пальцевъ, устъ, языка и каждаго члена, и такимъ образомъ легко отвращаетъ ихъ отъ грѣховъ. И смотри: означенныя дѣла и убійства они совершаютъ по кознямъ, не побуждаемые гнѣвомъ и не движимые порывомъ сердца, хотя они знали, что это грѣхъ, — до того они привыкли къ убійствамъ.

Никтоже глаголетъ правды. Этими словами пророкъ уже и раньше обличалъ ихъ въ томъ, что они все дѣлали съ тщеславіемъ или дерзостью. Здѣсь Онъ вновь обличаетъ ихъ, говоря: *никтоже глаголетъ правды, ниже есть судъ истиненъ: уповаютъ на суетная,* т. е. на идоловъ, *и глаголютъ тщетная.* Все, что безполезно и тщетно, или совращеніе, или порицаніе. *Яко зачинаютъ* скорбь *и раждаютъ беззаконіе.*

Яица аспидска разбиша и поставъ паучинный ткутъ, и хотяй отъ яицъ ихъ ясти, разбивъ откры, *и обрѣте воду и въ немъ василиска.* Этими словами: *яица аспидска разбиша и поставъ паучинный ткутъ* пророкъ указываетъ на ихъ обманы и совѣты, которые они замышляютъ, дѣла безразсудства и коварства, которыя

уготовляютъ, такъ какъ преступленія беззаконныхъ таковы, что они служатъ въ ущербъ и во вредъ для самихъ дѣлающихъ. *Поставъ ихъ не будетъ на ризу, и не одеждутся отъ дѣлъ своихъ*, т. е.: ихъ дѣла не совершатся. Послѣдующія слова показываютъ, что дѣло обстоитъ такимъ образомъ: *дѣла бо ихъ дѣла беззаконія*. Слѣдовало дѣлать то, что полезно было и имъ самимъ и ближнимъ; напротивъ, ихъ дѣла были безполезными и вредными.

Нозѣ ихъ на зло текутъ, скори проліяти кровь неповинную. 434
Видишь ли злобу? Они проливаютъ не только кровь, но кровь неповинную. Если бы кровь даже не была невинною, то и тогда съ большимъ ужасомъ нужно было бы имъ остерегаться отъ убійства, такъ какъ Богъ насадилъ миръ въ нашей природѣ. Ему чуждо не только допускать беззаконіе, но даже и видѣть охотно таковое. Богъ, зная слабость нашего ума, далъ намъ помощь въ самой природѣ.

Мысли ихъ мысли о неправдахъ, *сокрушеніе и бѣдность въ путехъ ихъ, и пути мирнаго не познаша, и нѣсть суда въ путехъ ихъ: стези бо ихъ развращены, по нихже ходятъ и не вѣдятъ мира*,— почему также Давидъ обличаетъ ихъ. *Того ради отступи отъ нихъ судъ, и не постигнетъ ихъ правда: и ждущимъ имъ свѣта, бысть имъ тма*. Видишь ли исцѣленіе Божіе? Онъ не только отпустилъ ихъ вины безъ отмщенія, но показываетъ, что грѣхи совершенно отдѣляютъ людей отъ Бога. Увы! Какой мракъ окуталъ сердце тѣхъ, которые совершали такое зло! Какой мракъ или тѣнь окружали ихъ! *И падутся въ полудни, яко въ полунощи*, — такъ какъ души ихъ будутъ покрыты неправдами болѣе, чѣмъ мракомъ. А поелику они не чувствовали густого мрака бѣдствій, то пророкъ присоединяетъ: *ждахомъ суда, и нѣсть, спасеніе далече отступи отъ насъ*.

Пророкъ за нихъ проситъ Господа и приноситъ покаяніе, говоря: *много бо беззаконіе наше предъ тобою, и грѣси наши противу сташа намъ*. Видишь ли: не малые, но великіе грѣхи возбуждаютъ Бога. Онъ умѣетъ давать прощеніе согрѣшающимъ простительно, подобно тому, какъ Онъ говорилъ о хананеяхъ: *не бо исполнишася грѣси* (Быт. XV, 16), и о фараонѣ: *сего ради* положихъ тя, *да покажу на тебѣ крѣпость Мою* (Исх. IX, 16). Равнымъ образомъ и Павелъ говорилъ объ іудеяхъ: *боюся же, да не паки пришедшая смиритъ Богъ у васъ, и восплачуся многихъ прежде согрѣшшихъ и не покаявшихся* (2 Кор. XII, 21); такимъ же образомъ и многое иное. Почему же, говорятъ, Богъ предалъ смерти Ананію и Сапфиру тот- 435
часъ, какъ они согрѣшили? Такимъ образомъ Богъ часто поступаетъ для пользы и благополучія. Теперь мы поразмыслимъ о томъ: пощадилъ ли Онъ, или не пощадилъ ихъ? Прежде всего,

они солгали, потомъ испытывали Духа Святаго; они согрѣшили не только потому, что утаили священныя вещи, но и потому, что искушали Святаго Духа. Когда Петръ спросилъ: *аще на толицѣ село отдаста* (Дѣян. v, 8), то жена не постыдилась. Почему тотъ спросилъ? Развѣ не затѣмъ, чтобы они исповѣдали и принесли покаяніе? Такимъ же образомъ Богъ спросилъ Адама, чтобы побудить его къ покаянію; говорилъ также и Каину: *гдѣ есть Авель, братъ твой* (Быт. iv, 9), чтобы тотъ искупилъ свой грѣхъ. Развѣ Онъ не могъ въ самомъ началѣ обличить его? Если Онъ обличалъ, то дѣлалъ это не для чего иного, какъ только для того, чтобы тотъ своимъ исповѣданіемъ пришелъ къ выздоровленію. Не потому ли Онъ сказалъ: *глаголи ты беззаконія твоя прежде, да оправдишися* (Ис. LIII, 26)? Они властны не грѣшить. Если грѣшатъ, то Онъ не отвергаетъ, но вновь посѣщаетъ, чтобы освободить ихъ отъ грѣховъ.

12—21. *Много бо беззаконіе наше предъ Тобою.* Когда беззаконіе многочисленно предъ Богомъ, то развѣ не достаточна скорбь кающагося предъ лицомъ Бога, милостиво выслушивающаго и не изслѣдующаго нашихъ проступковъ съ тщательнымъ прилежаніемъ? Если сыны возвѣщаютъ о своихъ грѣхахъ отцу, то онъ старается скрыть ихъ, а не изслѣдовать тщательнымъ образомъ. Тѣмъ болѣе сдѣлаетъ это Богъ, Которому, какъ всемилосердому, жаль поступковъ грѣшника.

Грѣси ваши, сказано, *разлучаютъ между вами и между Богомъ* вашимъ. Потому пророкъ молитъ за нихъ смиренно, говоря: *грѣси наши противу сташа намъ: беззаконія бо наша въ насъ.* Нѣтъ ничего хуже грѣшника, который попускаетъ и желаетъ скрыть свои проступки. Можетъ случиться, что имъ совершаются такіе проступки, которые потомъ изглаждаются покаяніемъ. Скрывать же ихъ есть величайшее зло. Когда грѣхъ содомитянъ былъ слишкомъ великъ, то Богъ сказалъ: *вопль содомскій умножися ко Мнѣ* (Быт. xviii, 20). Видишь ли: послѣ того, какъ умножилось
436 зло, Онъ сошелъ для мщенія. Точно также Онъ говоритъ, видя грѣхи египтянъ: *видѣхъ озлобленіе людей Моихъ, иже во Египтѣ, и вопль ихъ услышахъ* (Исх. iii, 7), а во время Ноя говоритъ: *яко растли всяка плоть путь свой на земли* (Быт. vi, 12). Но Онъ не тотчасъ разсѣкаетъ рану, если не видитъ ея вновь открывшеюся, или для того, чтобы побудить къ покаянію, или для того, чтобы исполнилось зло. Подобно тому, какъ опытный врачъ, знающій время сѣченія раны, выжидаетъ терпѣливо удобнаго момента сѣченія, чтобы посредствомъ подходящихъ лѣкарствъ поправить больного, такимъ же образомъ и Богъ, хотя знаетъ, что мы достойны многихъ наказаній, однако желаетъ освободить насъ чрезъ покаяніе, хотя бы грѣхи наши были безчисленны.

Зло обострилось настолько, что даже невинные подвергались мученіямъ отъ неправедныхъ, почему и сказано: *видѣ Господь и негодова, яко не бяше суда; и видѣ, и не бяше мужа, и не бяше избавляющаго.* Такъ какъ ничей умъ не былъ склоненъ къ суду, Богъ же не желалъ, чтобы тѣ люди терпѣли неправду, вслѣдствіе безчисленнаго зла, то поэтому Онъ посѣтилъ, спрашивалъ ихъ, говорилъ имъ: *и мсти имъ мышцею Своею, помилованіемъ утверди.* Развѣ это не кажется тебѣ также великимъ даромъ милосердія? Двоякое милосердіе — удалять такую страсть, милосердіе — какъ къ терпящимъ, такъ и къ мучающимъ: тѣхъ Онъ освобождаетъ отъ зла, а этихъ удерживаетъ отъ мучительства. Таковое благодѣяніе даровано не только терпящимъ, но и мучающимъ. Человѣческій законъ часто проступокъ одного считаетъ общественнымъ, и недозволяетъ жить тому, кто изнасиловалъ жену ближняго своего, хотя бы онъ намѣренъ былъ дать удовлетвореніе за такую обиду, — не даетъ права извѣстному судьѣ сдѣлать снисхожденіе при наказаніи такого лица, но считаетъ безчестіе какъ бы нанесеннымъ себѣ самому и такимъ образомъ заботится объ ея чести.

Потомъ пророкъ снабжаетъ Бога соотвѣтствующимъ оружіемъ, говоря: *и одѣяся правдою, яко щитомъ и возложи спасеніе на главу*, яко шлемъ. И мы облечемся въ твердѣйшія оружія правды, чтобы ихъ не могъ побѣдить врагъ, — сдѣланныя не изъ желѣза и мѣди, но происшедшія изъ добродѣтелей. *И убоятся иже отъ* 487
западъ имене Господня, и иже отъ востокъ солнца имене Его славнаго: пріидетъ бо, яко рѣка насильная, гнѣвъ отъ Господа, пріидетъ съ яростью. И пріидетъ отъ Сіона *избавляяй, и отвратитъ нечестіе отъ Іакова. И сей имъ иже отъ Мене завѣтъ съ ними, рече Господь: духъ Мой, иже есть въ тебѣ, и глаголы Моя, яже дахъ во уста твоя, не оскудѣютъ отъ устъ твоихъ, и отъ устъ сѣмене твоего: рече Господь отнынѣ и во вѣкъ,* т. е.: истинны и тверды будутъ возвѣщенія и обѣтованія Мои, и пребудутъ всегда.

ГЛАВА LX.

Свѣтися, свѣтися Іерусалиме, пріиде бо твой свѣтъ. Акила 488
и другіе говорятъ: возстань и просвѣтись. Какую благодать показываетъ это повелѣніе? Если свѣтъ уже пришелъ, то нужно ли, чтобы просвѣщались всѣ, — желаютъ они или не желаютъ? Не такъ: подобно тому, какъ солнечный свѣтъ освѣщаетъ не только вслѣдствіе своихъ лучей, но и вслѣдствіе здороваго состоянія глазъ, такъ необходимо, чтобы находились люди, кото-

рые бы получали благодать того свѣта, и не удаляли ея отъ себя. При обиліи благъ, мы предаемся лѣности и дѣлаемся недостойными даровъ. Чтобы этого не происходило, пророкъ прежде увѣщеваетъ насъ къ тому, чтобы мы сдѣлались достойными принять таковой свѣтъ, потому онъ и повторяетъ: *свѣтися, свѣтися, яко пріиде твой свѣтъ*. Здѣсь пророкъ говоритъ о свѣтѣ знанія, и нѣтъ ничего драгоцѣннѣе того свѣта, который даетъ радость и удерживаетъ отъ печали. *И слава Господня на тебѣ* возсіяетъ. Смотри, о какомъ свѣтѣ говоритъ пророкъ: онъ говоритъ о томъ свѣтѣ, съ которымъ соединяется слава Божія. Славою Божіею пользуется именно тотъ, кто ведетъ жизнь въ правильномъ порядкѣ, одаренную добродѣтелями. Зачѣмъ онъ не сказалъ: происходитъ, но: возсіяетъ? Затѣмъ, чтобы показать будущее обновленіе ихъ. Слава Господня, которая была у нихъ и прежде, отступила; теперь же она должна явиться вновь, такъ чтобы они подверглись или наказаніямъ, или наградамъ.

Се бо тма покрыетъ землю, мракъ на языки, на тебѣ же явится Господь. Когда возсіяетъ этотъ свѣтъ, то нужно, чтобы имъ просвѣтились всѣ и повсюду. А тѣ явленія (тьма и мракъ) будутъ происходить не по необходимости, или насилію, но будутъ
489 добровольными. *И пойдутъ царіе свѣтомъ твоимъ и языцы свѣтлостью твоею*. Видишь ли превосходное дѣйствіе свѣта? Онъ прекрасенъ и просвѣщаетъ царей. *Возведи окрестъ очи твои и виждь вся* сыны *твоя* собранныя. Все, что возвѣщено въ этой главѣ, было обѣтованіями, которыя должны были исполниться послѣ возвращенія изъ плѣна; если же что не исполнилось, то это совершилось по причинѣ ихъ недостоинства. Нѣкоторые понимаютъ это относительно Церкви, а прочіе относительно воскресенія. *За гнѣвъ бо Мой поразихъ тя*, т. е.: ты былъ плѣнникомъ не по причинѣ Моей слабости. Потому, если дѣло обстоитъ такимъ образомъ, Онъ можетъ освободить тебя, какъ и сказалъ: *за милость Мою возлюбихъ тя*, но не за твою добродѣтель. Ты подвергся наказаніямъ за твои грѣхи, и милость произошла не изъ твоей добродѣтели. *И отверзутся врата твоя присно, день и нощь не затворятся*. Это сказано относительно народа, остававшагося внѣ вѣры, чтобы такими словами увѣщевать его къ возвращенію. На самомъ же дѣлѣ это исполнилось въ Церкви, такъ какъ врата ея открыты всегда, и никогда не затворяются.

19—22. *И не будетъ тебѣ ктому солнце во свѣтъ дне, ниже восходъ луны просвѣтитъ твою нощь, но будетъ тебѣ Господь свѣтъ вѣчный, и Богъ слава твоя. Не зайдетъ бо солнце тебѣ, и луна не оскудѣетъ тебѣ*. Какимъ же образомъ *не будетъ тебѣ солнце во свѣтъ дне* и вмѣстѣ съ тѣмъ *не зайдетъ солнце?* Какимъ образомъ

ниже восходъ луны просвѣтитъ твою нощь, а потомъ: *луна не оскудѣетъ тебѣ?* Не оскудѣетъ свѣтъ свѣтилъ, но онъ будетъ свѣтить не такъ, какъ будетъ свѣтить Господь; свѣтъ свѣтилъ освѣщаетъ на время только тѣло, а свѣтъ Бога освѣщаетъ какъ тѣло, такъ и душу. Видишь ли чудеса? Богъ показываетъ благодѣянія, которыя Онъ намѣренъ даровать народу послѣ возвращенія изъ плѣна, и вмѣстѣ съ тѣмъ предсказываетъ, что Онъ даруетъ въ новомъ завѣтѣ великую благодать, потому что не только будетъ свѣтить свѣтъ свѣтилъ, но гораздо лучше: свѣтъ Божій будетъ просвѣщать умы и помышленія, — тотъ свѣтъ, отъ котораго народъ намѣренъ былъ отступить. Отсюда же открывается и то, что Онъ обѣщаетъ имъ (іудеямъ) не духовные дары, но золото, серебро, мѣдь, желѣзо, овновъ наваіоескихъ, кипарисы, лавры. Итакъ, іудей, обрати вниманіе и не надѣйся ни на что иное, кромѣ благъ тѣлесныхъ. Хотя свѣтъ луны или солнца иногда изсякаетъ, однако это происходитъ не отъ ихъ природы, но отъ грѣховъ, которые народъ навлекъ на нихъ. Потому Богъ и говоритъ: будете ходить во свѣтѣ свѣтилъ безъ страха; а потомъ: 440
всяка печаль отнимется отъ тебя. *Исполнятся дніе рыданія твоего.*

Здѣсь пророкъ говоритъ также о внезапной смерти, которой больше не будетъ. *Людіе твои вси праведніи въ вѣкъ наслѣдятъ землю.* А это не Богъ совершилъ, а совершили они сами,—Богъ привлекалъ ихъ на небо, а они отпали, по своей негодности. *Хранящe садъ, дѣла рукъ Моихъ во славу.* Мнѣ, говоритъ, угодно, чтобы то, что Я насадилъ, пребывало для Моей славы. *Малый будетъ въ тысящи, а малѣйшій во языкъ великъ.*

ГЛАВА LXI.

Духъ Господень на Мнѣ, егоже ради помаза Мя: такова, можетъ быть, причина помазанія Его. Въ иномъ мѣстѣ показывается иная причина, когда говорится: *надъ Негоже узриши Духа сходяща и пребывающа на Немъ, Той есть крестяй Духомъ Святымъ* (Іоан. I, 33). Видишь ли: здѣсь пророкъ сказалъ безъ члена: Πνεῦμα Κυρίου *(Духъ Господень) на Мнѣ*, но не: τὸ Πνεῦμα Κυρίου; такъ же мы читаемъ въ другомъ мѣстѣ: *аще же кто Духа Христова не имать* (εἰ δέ τις πνεῦμα), *сей нѣсть Еговъ* (Рим. VIII, 9). Ясно, что Іисусъ принялъ Святаго Духа не потому, что Онъ въ Немъ нуждался, но только во свидѣтельство, — никто вѣдь не получаетъ того, что есть его. Какъ Своимъ божествомъ Онъ показываетъ силу, такъ и Своимъ Духомъ, являя, что Духъ есть той же природы, какой Онъ Самъ. Онъ сказалъ: *совершишася* (Іоан. XIX,

30). Гдѣ—іудеи, гдѣ — еретики? Когда Богъ говоритъ: *совершишася*, то никто не можетъ противорѣчить. Здѣсь говорится: *Духъ Господень на Мнѣ, егоже ради помаза Мя*, а въ другомъ мѣстѣ: *помаза Его Богъ Духомъ Святымъ и силою* (Дѣян. x, 38). Сказано: Богъ, — не человѣкъ; не елеемъ, но Духомъ Святымъ и силою. Если бы Онъ помазанъ былъ людьми елеемъ, то Онъ не былъ бы выше остальныхъ помазанниковъ. Подобно тому, какъ Онъ былъ крещенъ, не нуждаясь въ крещеніи, такъ какъ Духъ въ Немъ пребывалъ до крещенія, по сказанному: *Духъ Святый найдетъ на Тя и сила Вышняго осѣнитъ Тя* (Лук. I, 35), такимъ же образомъ во время крещенія на Него сошелъ Святый Духъ не ради освя-
442 щенія, потому что Онъ былъ святъ и есть Освятитель всѣхъ, и не для того, чтобы совершить дивное, что Онъ могъ совершить Своимъ божествомъ, но только для того, чтобы представить свидѣтельство, почему Іоаннъ и говорилъ: *и азъ не вѣдѣхъ Его, но пославый мя крестити водою, Той мнѣ рече: надъ Негоже узриши Духа сходяща и пребывающа* на Немъ, *Той есть* (Іоан. I, 33). Для того, чтобы показать, что явленіе Святаго Духа было только для свидѣтельства, а не потому, что Онъ не имѣлъ Его, Іоаннъ сказалъ: *и азъ видѣхъ и свидѣтельствовахъ, яко Сей есть Сынъ Божій* (Іоан. I, 34). Ясно, что Сынъ Божій есть Богъ, такъ какъ Отецъ Самъ представилъ свидѣтельство, говоря: *Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, Того послушайте* (Марк. IX, 7); потомъ Самъ Христосъ говорилъ: *аще же Азъ о Дусѣ Божіи изгоню бѣсы* (Мат. XII, 28), а также въ иномъ мѣстѣ: *тогда Іисусъ возведенъ бысть Духомъ въ пустыню искуситися отъ діавола* (Мат. IV, 1). Этими словами Онъ выражаетъ одну и ту же волю и свое равенство съ Духомъ Святымъ, даже во плоти. Мы изслѣдуемъ: говорилъ ли Онъ о благодати, или о Святомъ Духѣ? Сказано: *Духъ Господень на Мнѣ*, а не благодать Господня. Но удивительно то, что Духъ Господень явился надъ Богомъ. Было необходимо, чтобы Святый Духъ явился надъ воплощеніемъ Бога, чтобы благодать Духа чрезъ плоть Его, Христа, утвердилась въ насъ. Какъ надъ Нимъ Духъ явился во свидѣтельство, не потому, что Онъ въ Немъ нуждался, такъ надъ нами Онъ является не во свидѣтельство, но для отнятія нашей скудости, по написанному: *самый Духъ спослушествуетъ духови нашему, яко есмы чада Божія* (Рим. VIII, 16). Онъ показываетъ намъ, что Сынъ по божеству есть одной и той же природы съ Отцомъ; а насъ, хотя мы и не сыны по природѣ, Онъ освящаетъ и дѣлаетъ сынами по благодати. *Благовѣстити нищимъ посла:* Здѣсь посланіе есть то же, что и откровеніе. Откуда и куда посылается Тотъ, Который по божеству Своею природою пребываетъ во всѣхъ? *Нищимъ*, говоритъ. Развѣ не ни-

щими были князья, начальники и богачи, которымъ Ему нужно было возвѣщать? Конечно, говоритъ, были поистинѣ нищіе: они 443
были великими въ этой жизни, но нищими для будущей жизни. Потомъ, инымъ образомъ, пророкъ называетъ нищими людей, которые первые получили благовѣстіе.

Исцѣлити сокрушенныя сердцемъ,—тѣхъ, сердца которыхъ часто оскудѣвали по причинѣ грѣховъ. Іудеи и прочіе, которые приняли благовѣстіе, были недостойными. Самъ Господь нашъ въ нагорной проповѣди въ началѣ говорилъ: *блажени нищіи духомъ, яко тѣхъ есть царствіе небесное* (Мат. v, 3). Нищимъ открыта дверь небесная; смиреніе — причина всѣхъ благъ, а гордость — причина всѣхъ золъ.

Помаза Мя Духомъ, т. е., далъ свидѣтельство. Для того, чтобы того Помазанника не считали подобнымъ прочимъ пророкамъ, не считали посланнымъ только для благовѣствованія, пророкъ прибавляетъ: *исцѣлити сокрушенныя сердцемъ*, или по причинѣ грѣховъ, или по причинѣ печали. А для того чтобы показать, что исцѣленіе принадлежитъ собственно Ему, и что Онъ не есть слабый пророкъ, который даруетъ инымъ то, что прежде получилъ самъ, Онъ въ евангеліи говоритъ: *пріидите ко Мнѣ труждающіися и обремененніи и Азъ упокою вы* (Мат. xi, 28). Говоря: „Азъ“, Онъ объявляетъ о Своей безусловной и высшей свободѣ. Видишь ли: прежвія благодѣянія были видимы, а настоящія невидимы, тѣ—тѣлесны, а эти обновляютъ души. Въ данномъ случаѣ говорится не о настоящемъ и земномъ, но о будущемъ и небесномъ. Справедливо Онъ называетъ ихъ нищими, потому что они лишились такихъ благъ. Онъ также показываетъ, что недостаточно только намъ принять благовѣстіе, но что слѣдуетъ намъ и согласиться съ принятымъ благовѣстіемъ.

Исцѣлити сокрушенныя сердцемъ. Нѣкоторые были сокрушенными по причинѣ скорбей, иные по причинѣ грѣховъ, иные по причинѣ того и другого, — подобно тому, какъ Господь нашъ сказалъ разслабленному: *се здравъ еси, ктому не согрѣшай* (Іоан. v, 14). Иные сокрушаются по причинѣ праведности или грѣховъ; по причинѣ праведности, какъ написано: *сердце сокрушенно и смиренно Богъ не уничижитъ* (Пс. L, 19); по причинѣ грѣховъ, какъ написано: *исцѣли сокрушеніе ея, яко подвижеся* (Пс. LIX, 4). Нѣкоторые сокрушаются 444
по причинѣ діавола, какъ согбенная женщина, по причинѣ грѣховъ, какъ написано: *яко беззаконія моя превзыдоша главу мою, возсмердѣша и согниша раны моя* (Пс. xxxvii, 5—6), потому что, когда мы не обращаемъ вниманія на то, что гніетъ, то происходитъ смрадъ. Потомъ говорится: *сокрушеніе и бѣдность въ путехъ ихъ* (Ис. LIX, 7). Не такъ тѣлесныя скорби уменьшаютъ силу тѣла, какъ грѣхи разрушаютъ силу духа.

Потомъ пророкъ показываетъ иное благодѣяніе для души: *проповѣдати плѣнникомъ отпущеніе*, т. е., тѣмъ, души которыхъ были въ плѣну. Откуда это ясно? Изъ того, что Онъ сказалъ не: „даровать“, но: проповѣдать отпущеніе, показывая этимъ, что благодѣяніе зависитъ отъ воли принимающихъ. Онъ пришелъ для благовѣстія, для того, чтобы желаніе добра было имъ пріятно. *И слѣпымъ прозрѣніе*. Какіе слѣпцы вышли изъ Вавилона? Хотя они были слѣпыми, прежде чѣмъ пришли, однако они не были таковыми послѣ возвращенія.

2—9. *Нарещи лѣто Господне пріятно*. Акила и Симмахъ говорятъ: годъ пріятный. *И день воздаянія Богу нашему*. Справедливо говоритъ: *день воздаянія*, чтобы они не надѣялись только на возвѣщенныя блага, и не были безпечными. Вотъ приходитъ судъ, такъ что Онъ каждому воздастъ по его дѣламъ. Онъ не затѣмъ только пришелъ, чтобы отпустить грѣхи, и даровать дары. А ты получаешь таковые дары для умноженія грѣховъ!

Призвать *всѣхъ плачущихъ*, — какъ тѣхъ, которые скорбѣли по причинѣ тѣлесныхъ, такъ и тѣхъ, которые скорбѣли по причинѣ духовныхъ немощей. Симмахъ говоритъ: утѣшить. *Дати плачущимъ Сіона славу вмѣсто пепела, помазаніе веселія плачущимъ, украшеніе славы вмѣсто духа унынія*. Другіе говорятъ: вмѣсто духа притупленія. Видишь ли Бога радости, пришедшаго для отъятія печали? Не человѣкъ является между людьми и не ангелъ между ангелами; здѣсь нѣтъ ничего тѣлеснаго, но все духовное. *И нарекутся*, говоритъ, *родове правды, насажденіе Господне въ славу*. Итакъ, смотри, это было насажденіе Господа, а не человѣка, и Онъ говоритъ не только: „*родове*“, но: *родове правды*. На комъ же это совершится: на насъ ли, или на другихъ? Ясно, что насажденіе Господне въ славу есть Церковь.

445 *И созиждутъ пустыни вѣчныя*. Поистинѣ, пустынны были города, не потому, что были разрушены стѣны, и не потому, что были пустыми дома, но потому, что они были лишены людей, которые должны были знать Господа и однако не знали Его. Теперь же возстановлены города, въ которыхъ дѣйствительно обрѣтаются люди, вѣдящіе Господа. Итакъ, хорошо сказано: *пустыни вѣчныя*.

И обновятъ грады пустыя, опустошенныя въ роды. И пріидутъ инородніи, пасущіи овцы твоя, и иноплеменницы оратели, и виноградари. Удивляться должно тому, что пророкъ открыто говоритъ о правителяхъ Церкви, въ словахъ: *вы же священницы Господни наречетеся, служителіе Бога*. Называя ихъ царствомъ священниковъ и Своимъ народомъ святымъ, Богъ говоритъ это о всѣхъ христіанахъ. Видишь ли: все это совершается въ источ-

никѣ спасительной купѣли и всѣ тамъ помазуются. *Крѣпость языкъ снѣсте, и въ богатствѣ ихъ чудни будете. Сице землю свою вторицею наслѣдятъ*. Посмотримъ, гдѣ исполняются эти слова и въ какое время *вторицею наслѣдятъ*. Они тогда (по возвращеніи изъ плѣна) владѣли вторично, но это не исполнилось. Пророкъ, однако, здѣсь говоритъ: *вторицею наслѣдятъ*. Ясно, что будетъ другой народъ, который наслѣдитъ землю вторицею. Это открывается изъ послѣдующихъ словъ: *веселіе вѣчное будетъ надъ главою ихъ*. Когда веселіе вѣчное было у евреевъ въ ихъ землѣ? *Азъ бо есмь Господь любяй правду, и ненавидяй грабленія отъ неправды: и дамъ трудъ ихъ праведникомъ, и завѣтъ вѣченъ завѣщаю имъ. И познается во языцѣхъ сѣмя ихъ, и внуцы ихъ посреди* языкъ. Это совершилось на апостолахъ, съ которыми онъ вступилъ въ вѣчный союзъ; сыны ихъ извѣстны даже и среди языковъ. *Всякъ видяй я познаетъ я*. Какой народъ не знаетъ ихъ? *Яко сіи* сынове благословенніи *отъ Господа нарекутся, и радостью возрадуются о Господѣ*,— вслѣдствіе множества учениковъ и будущихъ даровъ.

10—11. *Да возрадуется душа моя о Господѣ, облече бо мя въ ризу спасенія и одеждою веселія*. Не видишь ли ты, что здѣсь пророкъ сказалъ только о радости духовной? Здѣсь нѣтъ ничего вещественнаго, но все духовное, потому что онъ говоритъ: *да возрадуется душа моя о Господѣ*. Когда мы получаемъ какую-либо духовную благость, то мы радуемся о Господѣ. Всякій, кто ра- 446
дуется о своихъ благахъ и дѣтяхъ, хотя бы потомъ подвергался печали, однако, видя пріятную жену или любимыхъ сыновъ, затѣмъ не считаетъ бѣдствій болѣе бѣдствіями. Равнымъ образомъ это случается и съ тѣмъ, кто радуется о Господѣ,—особенно, когда онъ навѣрное знаетъ, что Богъ не прогнѣвался на него; тогда онъ болѣе не скорбитъ и не печалится, подобно тому, какъ апостолы всегда радовались о Богѣ и другихъ увѣщевали къ тому же, говоря: *радуйтеся всегда о Господѣ* (Филип. IV, 4). Эта радость непреходяща и безсмертна. Если кто радуется о благахъ, то радость его бываетъ временна: когда богатство его истощится, то вмѣстѣ съ нимъ исчезнетъ и радость. Подобно тому, какъ свѣжіе весенніе цвѣты бываютъ пріятны для глазъ, а поблекшіе непріятны, такимъ же образомъ и богатство отнимаетъ радость отъ ума и, можетъ быть, само первое отойдетъ отъ насъ, или мы отъ него. Иной, можетъ быть, будетъ радоваться изъ-за прекрасной жены, но и она—владѣніе непрочное, радость временная, веселіе преходящее, соединенное со многими огорченіями и подозрѣніями: потому-то эта радость временна. Но если ты полюбишь Господа, то милосердіе Его будетъ вѣчнымъ; любовь постоянно обновляется, желаніе возжигается, никогда не

дряхлѣетъ и не старѣетъ. Тотъ, кто любимъ тобою, всегда новъ, желателенъ и достоинъ любви. Если же ты скажешь, что ты не видишь Его, то посмотри на небеса: какъ они прекрасны, какъ величественны! Какъ небо пріятно, усладительно для зрѣнія и полезно для всего! А это небо есть дѣло Того, Котораго ты любишь, тонкое и нѣжное дѣло перстъ Его. Отсюда ты уразумѣешь красоту Его Самого, насколько это возможно. Развѣ ты не видишь Его? Если желаешь, то ты Его узришь, — очисти только умъ, очисти сердце, потому что говорится: *блажени чистіи сердцемъ, яко тіи Бога узрятъ* (Мат. v, 8) [1])...

Облече бо мя въ ризу спасенія. О какой ризѣ говоритъ пророкъ? Та риза, въ которую мы облекаемся, не есть риза спасе-
447 нія. Но я знаю, что вамъ, вѣдящимъ таинство, это извѣстно. Однако, пусть говоритъ Павелъ: *елицы во Христа крестистеся, во Христа облекостеся* (Гал. ш, 27). Христосъ есть одежда спасенія. Ты облекся въ ризу не затѣмъ, чтобы покрыть наготу тѣлесную, но затѣмъ, чтобы быть неприкосновеннымъ для насилія смерти. Справедливо пророкъ говоритъ: *ризу*, — потому что мы были нагими, безславными, непослушными, глупыми, блуждающими, служащими многимъ страстямъ; грѣхи сдѣлали насъ нагими, и сатана, которому мы дали у себя мѣсто, сдѣлалъ насъ безславными. Потому пришелъ Христосъ, облачилъ насъ, и показалъ намъ разумъ, которымъ мы можемъ легко совлечь съ себя ветхаго человѣка съ дѣяньми его и облечься въ новаго, созданнаго по Богу. И такъ какъ въ нашей власти — совлечь его, то потому Онъ и повелѣваетъ, говоря: *облецытеся*, такъ чтобы одежда всегда пребывала съ нами. *И одеждою веселія.* Есть здоровье, котораго мы можемъ достигнуть послѣ болѣзней, благодаря врачамъ и наставленіямъ совѣтниковъ; это же здоровье пріобрѣтается вмѣстѣ съ радостью и величайшими благами и никогда не подвергаетъ насъ безчестію. *Яко на жениха возложи на мя* митру. Акила говоритъ: какъ жениху, украшенному вѣнцомъ. *И яко невѣсту украси мя.* Митра — это вѣнецъ, украшенный ожерельями и драгоцѣнными камнями, который женихи надѣваютъ себѣ на голову во время бракосочетанія. *Яко невѣсту*, говоритъ, *украси мя.* Поистинѣ, было брачное торжество, но только духовное, въ которомъ души сдѣлались причастницами Бога. Смотри на бѣдность невѣсты, которая получаетъ отъ жениха одежду и украшеніе; никто другой не могъ украсить ея этими одеждами. Подобно тому, какъ какой-либо мужъ — царь, когда желаетъ взять себѣ

[1]) Слѣдующая затѣмъ строка, вслѣдствіе поврежденности текста въ армянскомъ кодексѣ, оставлена безъ перевода.

въ жены понравившуюся служанку, не имѣющую одежды, достойной брачнаго торжества, и не имѣющую средствъ самой отъ себя приготовить таковыя одежды, даритъ ей все это и украшаетъ,—такимъ же образомъ и Христосъ даровалъ всѣ украшенія Церкви и украсилъ ее. *И яко землю растящую цвѣты своя.* Этими словами показывается многочисленный плодъ добродѣтели. *Тако возраститъ Господь Богъ правду и веселіе предъ всѣми языки.* Справедливо сказано: *предъ всѣми языки*, чтобы видѣли, свидѣтельствовали и подражали ей.

ГЛАВА LXII.

1—10. *Сіона ради не умолчу и Іерусалима ради не попущу.* 448
Это, мнѣ кажется, сказано для того, чтобы они не гордились. *Дондеже изыдетъ яко свѣтъ, правда Моя, и спасеніе Мое яко свѣтило разжжется. И узрятъ правду* Мою *и царіе славу* Мою, и прозоветъ *тя именемъ новымъ, имже Господь наименуетъ. И будеши вѣнецъ славы въ руцѣ Господни, и діадима царствія въ руцѣ Бога твоего, и земля твоя населится.* Т. е., она будетъ защищена и будетъ пребывать въ безопасности. *И прозовешися воля Моя.* Но когда городъ назывался такимъ именемъ: „воля Божія“?

Якоже радуется женихъ о невѣстѣ, тако возрадуется Господь о тебѣ. Видишь ли вновь воспламененную любовь и возбужденное желаніе? *На стѣнахъ* Іерусалима поставлю всегда стражи. Но развѣ не были поставлены стражи на стѣнахъ Іерусалима? Конечно, были поставлены и даже весьма часто. Какую же они принесли пользу? Они сами подверглись мученію. Здѣсь стражами называются или правители, или священники.

Нѣсть бо вамъ подобенъ: аще исправитъ *и* сотворитъ Іерусалима *радованіе на земли.* Видишь или нѣтъ, какъ Онъ всегда утверждаетъ, что добродѣтели происходятъ отъ нихъ? А для того, чтобы они не полагались на то, что было предсказано, и не вели себя такъ, какъ будто они были достойны этого, пророкъ сказалъ: *нѣсть вамъ подобенъ, иже* исправитъ и сотворитъ *радованіе.* Если вы будете вести правильную жизнь, то будете радостью Іерусалима и славою земли; если же нѣтъ, то, что предсказано вашимъ сынамъ, совершится въ апостолахъ, которые будутъ ра- 449
достью небеснаго Іерусалима и славою во всей вселенной.

Клятся Господь славою *Своею и крѣпостью мышцы Своея.* Смотри на двоякую клятву: славою и *крѣпостью мышцы Своею* клялся Господь. *Аще ктому отдамъ пшеницу твою, и пищу твою врагомъ твоимъ.* Но развѣ Онъ не отдавалъ? Конечно, отдавалъ. Итакъ,

развѣ Онъ нарушилъ клятву? Когда говорится о наказаніяхъ, то Онъ измѣняетъ клятву: почему же Онъ измѣняетъ клятву и относительно благъ? Не Онъ измѣнилъ, но они измѣнили, не повинуясь Его повелѣніямъ: Онъ не возвратилъ ихъ домой потому, что они могли совершить бóльшія преступленія.

И не испіютъ *вино твое сынове чуждіи, но* милосердніи *снѣдятъ и испіютъ во дворѣхъ святыхъ Моихъ*. Видишь ли, что всѣ блага ихъ—видимыя. Обрати кромѣ того вниманіе на то, что когда Онъ обѣщаетъ духовный даръ, то евреямъ въ немъ отказываетъ.

Идите, внидите *враты Моими, путь сотворите людемъ Моимъ, каменіе еже на пути размещите: воздвигните знаменіе на языки. Се бо Господь слышано сотвори до послѣднихъ земли*. Это мнѣ представляется въ духовномъ смыслѣ. *Путь сотворите* народу Господню. Смотри, какими именами Онъ называетъ ихъ: называетъ „камнями избранными"; именемъ ихъ будетъ „воля Моя", „ознаменованныя стѣны". Когда они (іудеи) назывались такими именами? Развѣ они не понимаютъ, что этими именами Онъ показываетъ нѣчто совершенно иное? Онъ ищетъ скромной жизни; если таковой Онъ не находитъ въ нихъ, то это происходитъ отъ ихъ лѣности.

ГЛАВА LXIII.

450 1—2. *Кто Сей пришедый отъ Эдома, червлены ризы Его отъ Восора?* Пророкъ, говоря о дивныхъ вещахъ, обыкновенно употребляетъ форму вопроса, показывая, что не только онъ, но и другіе объяты удивленіемъ. Выше онъ сказалъ: *кіи суть, иже яко облацы летятъ* (Ис. LX, 8)? А когда Господь уготовляетъ вѣру Своимъ откровеніямъ, то Онъ не только показываетъ пророкамъ то, что должно совершиться, но старается показать это и новымъ способомъ,—подобно тому, какъ Амосъ говорилъ о Богѣ: видѣхъ Господа, стояща на стѣнѣ адамантовой (ср. Амос. VII, 7); Даніилъ—инымъ способомъ; Михей говорилъ: *видѣхъ Исраиля разсѣянна* (3 Цар. XXII, 17). Смотри здѣсь: *кто есть сей пришедый отъ Эдома?* Пророкъ говоритъ о тѣхъ, которые должны были подвергнуться избіенію, и о тѣхъ, которые намѣревались сильно мучить народъ Его.

Я увидѣлъ человѣка въ оскверненной одеждѣ, препоясаннаго поясомъ, какъ бы мужа, топчущаго въ точилѣ, въ красныхъ одеждахъ, изъ Босры". Онъ виденъ былъ въ этомъ мѣстѣ, чтобы тѣмъ самымъ показать мученія, которымъ Онъ подвергся, подобно тому, какъ въ иномъ мѣстѣ говорится: *конобъ поджигаемый*

азъ вижду, и лице его отъ лица сѣвера (Іер. I, 13); подобно тому, какъ и Захарія видѣлъ также коней. *Сей красенъ во утвари* своей. Какимъ образомъ можетъ быть прекрасенъ тотъ, кто облеченъ въ оскверненныя одежды? Одежда поистинѣ бываетъ прекрасна тогда, когда она выкрашена въ цвѣтъ. Однако, удивительно то, что если бы тотъ не былъ таковымъ, то пророкъ не былъ бы объятъ удивленіемъ. Когда Богъ творитъ дивное, то непозволительно требовать отъ Него причины.

Насильство *съ крѣпостію*, т. е.: Онъ крѣпокъ и скроменъ; 451
таковъ именно былъ образъ лица Его. Теперь Онъ отвѣчаетъ вопрошающему, говоря: *Азъ глаголю правду и судъ спасенія*, т. е., творю. Говоря: *глаголю*, Онъ показываетъ самое дѣло: *крѣпка дѣла словесъ Его* (Іоиль II, 11), говоритъ Іоиль. *Почто червлены ризы твоя, яко отъ истоптанія точила?* У нея не былъ цвѣтъ вина или крови, но среднее между тѣмъ и другимъ. Образъ топчущаго точило означаетъ легкость битвы; а цвѣтъ крови показываетъ, что здѣсь рѣчь идетъ не о винѣ, но о крови. Онъ топталъ точило, не порожнее внутри, но наполненное, и былъ забрызганъ не мало, но замаранъ совершенно.

8—10. Истоптахъ точило единъ, *и отъ языкъ не бѣ мужа со Мною*, т. е.: Я не нуждался ни въ чьей помощи и не требовалъ никого въ помощники. Здѣсь говорится не о тѣлесномъ точилѣ, и это ясно изъ послѣдующихъ словъ: *и отъ языкъ не бѣ мужа со Мною*.

Истоптахъ *я яростію Моею, и сотрохъ я, и сведохъ кровь ихъ въ землю*. Почему же? *День бо воздаянія пріиде на нихъ и лѣто избавленія*. Относительно ихъ Онъ примѣнилъ воздаяніе, и спасъ тѣхъ, которые были ими мучимы. Видишь ли: они были причиною наказанія для самихъ себя. Но чтобы ты, слыша о гнѣвѣ, не подумалъ, что въ Богѣ есть какія-то противоразумныя движенія, пророкъ приписываетъ Ему правильный и справедливый судъ, и утверждаетъ, что Онъ отдалилъ время Своего наказанія: *день бо воздаянія пріиде*. Для того, чтобы показать, что онъ говоритъ здѣсь о наказаніяхъ іудеевъ, пророкъ прибавляетъ: *лѣто избавленія*. Подобно тому, какъ во время суда открываются обиды враговъ и вмѣстѣ съ тѣмъ наши права, такимъ же образомъ и тогда нѣкоторыхъ Онъ наказывалъ, а иныхъ спасалъ, чтобы они познали, что Онъ можетъ совершать то и другое; а не такъ, какъ говорятъ греческіе лжемудрецы, будто есть демоны, изъ которыхъ нѣкоторые не совершаютъ зла, а только добро, иные же совершаютъ только зло, а не добро, такъ что у тѣхъ и у другихъ нѣтъ цѣльной власти, а только наполовину, да и той лишены.
Азъ же, говоритъ, истоптахъ точило единъ, и истоптахъ съ яро- 452

стію и съ гнѣвомъ. Справедливо сказано: *съ яростію и съ гнѣвомъ*. Онъ показываетъ тотъ гнѣвъ, которымъ преслѣдовалъ евреевъ, и это было самое полезное для увѣщанія ихъ, какъ говоритъ и апостолъ: *не высокомудрствуй, но бойся* (Рим. XI, 20), чтобы они, вслѣдствіе чужихъ бѣдствій, пришли къ покаянію. Блага обыкновенно дѣлаютъ безпечными тѣхъ, которые пользуются ими, и приводятъ къ безпорядочной жизни. Бѣдствія ближнихъ Онъ наложилъ на уста ихъ, какъ бы нѣкую узду, такъ какъ эти бѣдствія отвращаютъ отъ зла тѣхъ, которые живутъ богато. Вообще здѣсь сказано слѣдующее: видя бѣдствія ближнихъ, ты бойся.

Обратимъ теперь вниманіе на то, что здѣсь сказано аллегорически. *Кто есть Сей пришедый отъ Эдома?* Это пророчество двояко: Христосъ явился имъ обагренный кровью, потому что Онъ говоритъ: никтоже можетъ внедъ *въ домъ крѣпкаго, сосуды его расхитити, аще не прежде свяжетъ крѣпкаго* (Мат. XII, 29); и потомъ: *но дерзайте, яко Азъ побѣдихъ міръ* (Іоан. XVI, 33); а въ другомъ мѣстѣ: *проповѣдати плѣнникомъ отпущеніе*, освободить содержимыхъ въ темницѣ (сравни Ис. LXI, 1); въ другомъ же мѣстѣ: потому что Онъ сокрушилъ врата мѣдяная и сломилъ вереи желѣзныя (сравни Ис. XLV, 2), — и иное подобнаго рода, что указываетъ на Его побѣду, и объясняетъ, что Онъ былъ обагренъ кровью, какъ и Іаковъ пророчески говоритъ: *исперетъ виномъ одежду свою и кровію гроздія одѣяніе свое* (Быт. XLIX, 11); а также Симеонъ, великій священникъ, указываетъ на многія битвы слѣдующими словами: *се лежитъ Сей на паденіе и на востаніе многимъ* (Лук. II, 34). Здѣсь Онъ кажется пришедшимъ отъ Эдома послѣ умерщвленія многихъ, Виѳлеемъ же былъ расположенъ въ странѣ идумеевъ. Кромѣ того, Давидъ показываетъ Его какъ бы снабженнымъ оружіемъ: *препояши мечъ Твой по бедрѣ Твоей, сильне* (Пс. XLIV, 4). Это говоритъ затѣмъ, чтобы ты не считалъ Его слабымъ,—подобно тому, какъ выше сказалъ пророкъ: *видъ Его безчестенъ, умаленъ паче сыновъ человѣческихъ* (Ис. LIII, 3). Онъ открывался всѣмъ не однимъ и тѣмъ же образомъ: однимъ образомъ явился іудеямъ, инымъ — апостоламъ, инымъ — пророкамъ, инымъ — на горѣ бывшимъ съ Іаковомъ, инымъ—бывшимъ съ Клеопою, инымъ—союзникамъ Петра, когда
453 Іоаннъ сказалъ: *Господь есть* (Іоан. XXI, 7), инымъ—Ѳомѣ, инымъ—Маріи до и послѣ воскресенія, потому что она то считала Его вертоградаремъ, то называла „равви“, а Онъ сказалъ: *не прикасайся Мнѣ* (Іоан. XX, 17). Каждому Онъ удѣлялъ по мѣрѣ вѣры. Подобно тому, какъ и Отецъ Его являлся то въ огнѣ, то подъ видомъ старца, примѣнительно къ обстоятельствамъ, не измѣняя

Своей природы,—избави Богъ,—но всегда оставаясь тѣмъ же. Видъ же Господа не всегда являлся подъ однимъ и тѣмъ же образомъ. Точно такъ и здѣсь Онъ мѣнялъ Свой образъ, примѣнительно къ расположеніямъ вѣрующихъ. *Сей красенъ во утвари* Своей. Мы можемъ сказать, что эта утварь есть Церковь, которая по Его благодати стала прекрасною, по написанному: *яко всѣми ими аки въ красоту облечешися* (Ис. XLIX, 18). Мы—*утварь* Его, а Онъ—наша. Онъ не считаетъ достаточнымъ одного примѣра, но желаетъ, чтобы то, что принадлежитъ Ему, было также и нашимъ, подобно тому, какъ Онъ желаетъ, чтобы мы стали Его. Азъ есмь одежда ваша, говоритъ, а вы Моя (ср. Іерем. XIII, 11). Я, говоритъ, облачу васъ, подобно тому, кто препоясанъ по чресламъ поясомъ. Потомъ говоритъ: *зане уди есмы тѣла Его отъ плоти Его и отъ костей Его* (Ефес. V, 30). Я, говоритъ, глава, а вы—члены. Въ другомъ мѣстѣ сказано: Я есмь домъ вашъ, а, вы—храмъ Мой (ср. 1 Кор. III, 16; VI, 19). Опять: кто *пребываетъ во Мнѣ, и Азъ въ немъ* (Іоан. VI, 56); Я вкушаю васъ, а вы вкушаете Меня. Еще: Мое *брашно есть*, говоритъ, *да сотворю волю Пославшаго Мя, да совершу дѣло* Отца Моего (Іоан. IV, 34), и: *ходатайствуетъ о насъ* (Римл. VIII, 34).

Насильство *съ крѣпостью*: пророкъ здѣсь обозначаетъ не насиліе, но крѣпость. Этими словами онъ открываетъ правильный порядокъ вещей. Если кто взвѣшиваетъ эти слова, то онъ открываетъ нѣкоторую силу. Но крѣпость совершающаго никоимъ образомъ не должно назвать насиліе.

Азъ, говоритъ, *глаголю правду и судъ спасенія*. Но кто это таковъ,—пророкъ не сказалъ. Да постыдятся еретики, изслѣдующіе сущность. *Азъ*, говоритъ, *глаголю правду* и *судъ*, показывая этими словами непостижимость существа. *Азъ глаголю правду*, т. е. Я 454
сужу судомъ спасительнымъ. Судъ Его не для осужденія, а для спасенія. Грѣшниковъ, говоритъ, Я дѣлаю праведными; судъ нѣкоторыхъ направляется къ спасенію, а судъ другихъ къ осужденію.

Почто червлены ризы твоя? Азъ топтахъ, говоритъ, *точило*. Вы, которые научились таинству, знаете это совершенно. Азъ топтахъ, говоритъ, точило единъ. И поистинѣ, только Богъ одинъ могъ совершить это, а не кто другой, не человѣкъ и не ангелъ. *Съ яростію Моею*, говоритъ. Ярость Его простирается на враговъ,—на сатану и на смерть. Теперь смотри на пророка, какъ онъ радуется при наказаніи враговъ, котораго они были достойны, и молится о томъ, чтобы наказаніе было отъято отъ народа, подобно тому, какъ дѣлали Іеремія, Даніилъ и всѣ другіе.

Милость Господню помянухъ, говоритъ. Ужели пророкъ за-

былъ? Нисколько; но онъ приводитъ на умъ то, что они забыли, утверждая, что настоящее было въ связи съ прошедшимъ. Такимъ образомъ поступаютъ всегда пророки, напоминая людямъ о древнихъ и новыхъ благодѣяніяхъ. Онъ, говоритъ, далъ мнѣ способность и силу повѣдать о чудесахъ Его. Помяну *добродѣтели Господни*, хвалу Господа *во всѣхъ, имиже воздаетъ намъ. Господь судія благъ дому Исраилеву*. Ужели только судья благой? Не только благой, но также обладающій и другими дарами. Это пророкъ говоритъ затѣмъ, чтобы показать тотъ даръ прежде остальныхъ, потому что, пользуясь имъ, Онъ часто судитъ по Своему милосердію, воздаетъ *намъ по милости Своей* и по любви Своей *наводитъ* добро и зло, не по причинѣ злобы, но то и другое по причинѣ Своего милосердія. Какъ въ раю является милосердіе, такъ и въ аду: куда ты ни обращаешься съ изслѣдованіемъ, вездѣ находишь милосердіе Господне. Какъ тебѣ кажется,—развѣ не по милосердію Онъ сотворилъ Адама, даровалъ ему рай, сдѣлалъ его достойнымъ того, что говорилъ съ нимъ? И не въ этомъ только сіяетъ милосердіе Божіе; но даже и тогда, когда Онъ отвергъ его и изгналъ изъ рая, Онъ показалъ Свое милосердіе. Хотя эти вещи кажутся весьма несогласными между собою, однако то и другое (милосердіе) независимы относительно своего
455 конца. Не только возвращеніе іудеевъ изъ плѣна, но и отправленіе ихъ туда произошло по Его милосердію. Мы бываемъ то добры, то злы, такъ что, подверженные измѣненіямъ, мы не все совершаемъ правильно. Онъ же всегда бываетъ благодѣтеленъ, потому что милосердіе происходитъ отъ Его природы, такъ что, какъ наказывая, такъ и даруя награды, Онъ всегда являетъ одно и то же благоволеніе. Если когда-либо происходятъ противоположныя дѣйствія, то это бываетъ не отъ Его благоволенія, но отъ супротивниковъ, которые дѣлаютъ себя недостойными его. Подобно тому, какъ солнце увеселяетъ своимъ свѣтомъ многихъ, а больнымъ глазами причиняетъ мученія, подобно тому, какъ огонь влажное и мягкое вещество дѣлаетъ и жесткимъ и сплоченнымъ, такимъ образомъ одно дѣлаетъ жесткимъ, иное сплоченнымъ, иное размягчаетъ, золото расплавляетъ, а глину дѣлаетъ жесткою, но то и другое производитъ своимъ жаромъ,—точно такъ же и Господь единымъ Своимъ милосердіемъ сотворилъ рай и адъ. Что я говорю? Легче огню лишиться своего жара, чѣмъ Богу Своей благости. О всѣхъ твореніяхъ мы можемъ разсуждать при Божіемъ попеченіи, но о божественныхъ свойствахъ не можемъ этого,—ни словомъ, ни даже умомъ. А потому истинно сказано: *Азъ есмь тойжде* (ср. Ис. XLI, 4; XLIII, 10), гдѣ Онъ говоритъ не относительно Своей природы, но относительно милосердія и про-

мышленія. Съ чѣмъ должно сравнить эту любовь? *Якоже радуется женихъ о невѣстѣ, тако возрадуется Господь о тебѣ* (Ис. LXII, 5). Сравнить ли ее съ любовью отца и матери? Такое сравненіе невозможно: вы, говоритъ, плоть отъ плоти Моей, и кость отъ костей Моихъ.

И рече: не людіе ли Мои? Чада Мои суть и не отвергнутся. А другіе говорятъ: не отвергну, т. е.: какъ чада, они могли ожидать отъ Меня благъ, пока не отвергали Меня. Я не говорю, что они не получили отъ Меня благъ; но такъ какъ они чада, то имъ неприлично было оставлять отца. *И быхъ имъ во спасеніе отъ всякія скорби ихъ.* Онъ не отнимаетъ наказанія въ половину, и не попускаетъ его въ половину. Когда соединены сила и желаніе, то ничто не можетъ противостоять (имъ). Теперь же смотри, какимъ образомъ Онъ напоминаетъ имъ о Своей любви: *не ходатай* (какой-либо) *ниже ангелъ, но Самъ Господь спасе я.* Великое дѣло охранять, но еще больше, когда Онъ Самъ хранитъ, какъ 456
и Павелъ говоритъ: *не точію же, но и хвалимся Господемъ* (Рим. V, 11). Не одинъ Павелъ, но и Моисей также сказалъ: *аще самъ ты не идеши съ нами, да не изведеши ны отсюду* (Исх. XXXIII, 15). Но если Онъ обѣщалъ всѣмъ спасеніе, то однако не славу. Смотри, какой славы Онъ сдѣлалъ достойными ихъ: *Самъ Господь*, говоритъ, *спасе ихъ*; а потомъ приводитъ и причину: *зане любляше ихъ* и щадяше *ихъ*. Чтобы показать, что они были недостойны этого, Онъ говоритъ: *Самъ избави ихъ, и воспріятъ ихъ, и вознесе.* Не только избавилъ, что указываетъ на милосердіе, но и *вознесе*, т. е., прославилъ ихъ во всѣ дни вѣка.

Что же сдѣлали тѣ, которымъ и безъ всего этого надлежало, какъ сынамъ, почитать Отца? *Тіи же* не вѣроваша *и разгнѣваша Духа Святаго Его.* Говоритъ ли онъ о Духѣ Святомъ, или о какомъ-либо служителѣ, какъ кощунствуютъ еретики? По справедливости пророкъ называетъ Святаго Духа, такъ какъ все совершено святымъ Духомъ; объ Немъ говорятъ пророки и Моисей. *И обратися имъ на вражду.* Видишь ли, что они сами были причиною вражды? Самъ Господь *воева на ня.* Это служитъ знакомъ любви и великаго милосердія: Онъ ихъ щадилъ, когда они были злы, для того, чтобы они достигли лучшаго плода. Если же бы Онъ не щадилъ, то они давно уже превратились бы въ ничто. Отсюда ясно, что Богъ враждебенъ къ нимъ въ томъ смыслѣ, что Онъ преслѣдовалъ ихъ любовью для ихъ спасенія. Онъ былъ врагомъ, чтобы не быть врагомъ навсегда: Онъ удалилъ, чтобы воспринять.

И помяне дни древнія. Днями древними онъ называетъ дни

Моисея и своего народа. Въ послѣдующихъ словахъ онъ особенно вызываетъ ихъ на вражду и битву. Именно: гдѣ благодѣянія, бывшія отцамъ вашимъ и вамъ самимъ? *Гдѣ изведый ихъ отъ* страны, *пастыря овцамъ? Гдѣ есть вложивый въ нихъ Духа Святаго*, т. е. въ Моисея и въ семьдесятъ старѣйшинъ? Этими словами пророкъ также обозначаетъ тѣ духовныя чудеса, которыя они совершили въ народѣ. Справедливо говоритъ: изведый *пастыря*, такъ какъ чрезъ него онъ извелъ всѣхъ; а такъ какъ тотъ, во время бѣгства, ушелъ въ Мадіамскую землю, то Богъ говоритъ, что Онъ извелъ его оттуда. Но такъ какъ они вѣровали, что Моисей, а не Богъ, извелъ ихъ, потому что говорили:
457 гдѣ есть Моисей, изведшій насъ изъ Египта (ср. Исх. XXXII, 23)? то для того, чтобы они не оставались при своемъ мнѣніи, полагая, что Моисей вывелъ ихъ изъ Египта, а Іисусъ Іоседековъ изъ Вавилона, пророкъ показываетъ только, что не Моисей извелъ ихъ изъ Египта, такъ какъ самъ Моисей изведенъ былъ оттуда только силою Божіею. *Вложивый въ нихъ Духа*: мы знаемъ, что имъ не было возвѣщено о Духѣ Святомъ; но въ нихъ Онъ былъ, такъ какъ былъ въ ихъ вождяхъ—Моисеѣ и въ семидесяти старѣйшинахъ [1].... Иже изведе *десницею Моисея*. Не напрасно Онъ повторяетъ, что Моисей былъ изведенъ, но для того, чтобы удержать нечестивыя слова ихъ, постоянно говоритъ: „Я извелъ ихъ". Повѣствуетъ (пророкъ) также и о томъ, что было совершено въ пустынѣ. *Мышца славы его раздѣли воду предъ лицемъ его и сотвори Ему имя вѣчное. Проведе ихъ сквозѣ бездну, якоже коня сквозѣ пустыни. Сниде духъ отъ Господа и настави ихъ*. Онъ говоритъ о Моисеѣ, какъ бы о духѣ. *Тако*, говоритъ, *провелъ еси люди твоя, сотворити тебѣ самому имя славно*. Хотя они были недостойны, однако, говоритъ, Я ради тебя совершу это (ср. Исх. XXXIII, 17). Они поистинѣ были спасены чрезъ него (Моисея). *Обратися отъ небесе и виждь отъ дому святаго твоего*. Мы обращаемся не къ храму, приходимъ не на мѣсто откровенія, но призываемъ Тебя съ неба, потому что это Твой храмъ, это Твое обиталище. Пророки говорили о небѣ, чтобы показать, что земной храмъ не можетъ обнимать Бога. *Гдѣ есть ревность Твоя и крѣпость Твоя, и великая милость Твоя*. То же самое говорилъ и Давидъ: *гдѣ суть милости Твоя древнія, Господи* (Пс. LXXXVIII, 50),—чтобы они прибѣгали не къ своимъ добродѣтелямъ, но къ милости Божіей. Но нужно знать: хотя велика милость Господня, однако, въ ней при-

[1]) Здѣсь одна строка осталась безъ перевода, вслѣдствіе поврежденія въ армянскомъ кодексѣ.

сутствуетъ избраніе... [1]). Я терпѣлъ доселѣ, но теперь не попущу; доселѣ Я попускалъ, но вы пренебрегли. Во время благопріятно *терпѣлъ еси намъ*, но мы не получили отъ этого никакого плода. *Ты бо еси Господь и отецъ нашъ, понеже Авраамъ не увѣдѣ насъ и Израиль не позна насъ*. Видишь ли, какъ полезно было имъ славиться не собою, а родомъ своимъ? Мы происходимъ, говоритъ, отъ того (Авраама), но онъ не зналъ насъ. *Ты*, говоритъ, еси Господь и *отецъ нашъ, избави насъ. Исперва имя Твое на насъ* 458
есть,—подобно тому, какъ рабъ, купленный кѣмъ-либо, называется именемъ своего господина. Пророкъ не сказалъ: *имя* Твое призываемъ, но: *имя Твое на насъ есть*. А это и было причиною наказанія ихъ, потому что, хотя на нихъ было имя Божіе, однако они Имъ пренебрегали.

Что уклонилъ еси насъ, Господи, отъ пути Твоего, ожесточилъ еси сердце наше, еже не боятися Тебе? Они, по словамъ пророка, говорили это или потому, что нѣсколько сомнѣвались относительно этого предмета, или по причинѣ наказаній, какъ они утверждали въ иномъ мѣстѣ: *уклонилъ еси стези наша отъ пути Твоего* (Пс. XLIII, 19), т. е.: Ты отогналъ насъ, оставилъ насъ въ чужой землѣ, исключилъ насъ отъ законовъ и полезныхъ повелѣній, ни во что вмѣнилъ служеніе наше, и пренебрегъ послушанія наши. *Обратися ради рабъ Твоихъ*, т. е., ради праведныхъ и смиренныхъ. *Да наслѣдимъ мало горы святыя Твоея*. Смотри: мѣсто Его, Іерусалимъ, такъ близко сердцу ихъ, что если они не могли удержать всей земли, то старались по крайней мѣрѣ овладѣть частью ея.

Противницы наши мучиша насъ, *попраша святыню Твою*. Хотя мы не достойны, однако, яви милосердіе по причинѣ гордости ихъ. *Быхомъ яко исперва, егда не владѣлъ еси нами, ниже бѣ наречено имя Твое на насъ*. Они говорятъ это не только по причинѣ грѣховъ, но и потому, что были оставлены.

ГЛАВА LXIV.

Аще отверзеши небо и *трепетъ пріиметъ отъ Тебе* землю. 459
Смотри, какъ Онъ вездѣ проповѣдуетъ о Своей силѣ, что Онъ великъ и можетъ совершить то, чего желаетъ. *Аще отверзеши небо, трепетъ* пріиметъ *отъ Тебе горы, и растаютъ, яко таетъ воскъ отъ лица огня. Отъ вѣка не слышахомъ, ниже видѣша очи*

---

[1]) Двѣ строки оставлены безъ перевода, по причинѣ поврежденія текста въ армянскомъ кодексѣ.

наша Бога развѣ Тебе. Ужели видѣли? Никакъ, говоритъ; хотя мы блуждали и почитали иныхъ боговъ, однако никогда не видѣли Бога, равнаго Тебѣ. *Дѣла Твоя, яже сотвориши ждущимъ* Тя. Милосердіе бываетъ истинною помощію, особенно имѣющимъ терпѣніе,—если не тотчасъ, то, навѣрно, въ послѣдующее время. *Срящетъ бо творящихъ правду и пути твоя помянутся.* Видишь ли, Онъ не безразлично идетъ навстрѣчу ко всѣмъ, но только къ творящимъ правду.

Се Ты разгнѣвался еси, и мы согрѣшихомъ; сего ради заблудихомъ, т. е.: когда Ты на насъ прогнѣвался, мы преданы были въ плѣнъ [1]).

Ты разгнѣвался еси и мы согрѣшихомъ. Если по причинѣ нашихъ грѣховъ ты желаешь воздавать намъ наказанія, то мы и заслуживаемъ этого. *Нѣсть* помогаяй намъ, да призовемъ Тя, *и нѣсть призываяй имя твое и помянувый удержати Тя, яко отвратилъ еси лице* Твое *отъ насъ,* т. е.: прогнѣвавшись, Ты устрашилъ насъ и такъ отогналъ, что мы не осмѣливаемся болѣе приступать къ Тебѣ. *Предалъ ны еси беззаконій ради нашихъ.* Это сказано не ради пророка, но ради народа. Слѣдовало бы сказать
460 лучше такъ: такъ какъ Онъ прогнѣвался на насъ, то мы совершили еще величайшія преступленія; а потому Онъ презрѣлъ насъ, и не заботился о насъ.

И нынѣ, Господи, Отецъ нашъ еси Ты, мы же бреніе. То, что должно было сказать, пророкъ не осмѣлился утверждать, т. е.: *Отецъ нашъ еси* Ты, а мы сыны. Для того, чтобы мудрою тщательностію обратить къ себѣ попеченіе Его, пророкъ сказалъ: *Господи, Отецъ нашъ еси ты*; а для того, чтобы показать повиновеніе и почтеніе, онъ говоритъ: *мы же бреніе, дѣла руку Твоею вси.* Дѣлай такъ, какъ ты желаешь. *Не прогнѣвайся на ны зѣло и не помяни во время беззаконій нашихъ.*

Потомъ слова обращаются къ храму и къ святому мѣсту: *вся бо славная*, говоритъ, *наша купно падоша*; Ты же нѣтъ *).

[1]) Далѣе одна строка оставлена безъ перевода, вслѣдствіе поврежденія текста въ армянскомъ кодексѣ.

*) Здѣсь оканчивается вставка перевода съ новооткрытой въ армянскомъ текстѣ части творенія Златоуста и далѣе идетъ опять переводъ съ изданія Миня, къ которому относится и боковая пагинація (стр. 97 и сл.)

Ред.

ВЕСѢДЫ НА СЛОВА ПРОРОКА ИСАІИ [1].

БЕСѢДА I.

Похвала тѣмъ, которые пришли въ церковь; о благочиніи при славословіяхъ, и на слова пророка Исаіи: видѣхъ Господа сѣдяща на престолѣ высоцѣ и превознесеннѣ (Иса. VI, 1).

1. Вижу, что вы съ великимъ усердіемъ стараетесь прила- 97
гать къ дѣлу сказанное вамъ прежде. Потому и я безъ лѣности бросаю сѣмена ученія, питаясь отъ того доброй надеждой. Земледѣлецъ, хотя бы съ трудомъ бросалъ сѣмена, — когда видитъ землю плодоносною и жатву обильною, забываетъ о прежнихъ трудахъ и ободряется къ дальнѣйшему обработыванію и сохраненію (плодовъ) ожидаемою пользою. Но сколько плодоноснѣе и полезнѣе того это земледѣліе! То, производя изобиліе чувственныхъ плодовъ, доставляетъ пищу тѣламъ; а это, сѣя словесное ученіе и умножая дары Духа, собираетъ богатство душевное, пищу не истребляемую, не истлѣвающую, не уничтожающуюся, не портящуюся отъ времени, но сохраняемую неизреченнымъ Промысломъ и заключающую въ себѣ духовное наслажденіе. Это — плодъ моихъ трудовъ; это — богатство, соблюдаемое для вашей любви. Видя его умножающимся въ васъ, я постоянно радуюсь, какъ не напрасно бросающій сѣмена, какъ не безъ пользы понесшій труды, какъ сѣющій на землю плодоносную, тучную, способную къ принесенію плодовъ. Изъ чего же я заключаю о такой пользѣ? Откуда вижу, что слова мои прилагаются къ дѣлу? Изъ самаго настоящаго собранія, изъ того, что вы съ усердіемъ посѣщаете мать всѣхъ — церковь, изъ этого всенощ-

---

[1] Счетъ страницъ на поляхъ ведется далѣе по изданію Минья, т. VI.

наго и непрерывнаго стоянія, изъ того, что вы, подражая ликамъ ангельскимъ, приносите непрестанное славословіе Создателю. О, дарованія Христовы! На небѣ славословятъ ангельскія воинства; на землѣ люди, въ церквахъ составляя лики, подражаютъ такому ихъ славословію; на небѣ серафимы взываютъ трисвятую пѣснь; на землѣ множество людей возноситъ ту же пѣснь; составляется общее торжество небесныхъ и земныхъ существъ, одна благодарность, одинъ восторгъ, одно радостное ликостояніе. Оно устроено неизреченнымъ снисхожденіемъ Господа; оно составлено Духомъ Святымъ; гармонія звуковъ его согласована благоволеніемъ Отца;
98 свыше оно имѣетъ ритмичность членовъ и, движимое Троицею, какъ бы нѣкоторымъ плектромъ [1]), производитъ усладительную и блаженную мелодію, ангельскую пѣснь, непрестанную гармонію. Вотъ — слѣдствіе здѣшняго усердія; вотъ — плодъ нашего собранія! Вотъ почему я радуюсь, видя такое благолѣпіе; радуюсь, видя радость въ душахъ вашихъ, радость духовную, веселіе по Богѣ. Ничто такъ не дѣлаетъ нашей жизни радостною, какъ веселіе въ церкви. Въ церкви сохраняется радость радующихся, въ церкви утѣшеніе для унывающихъ, въ церкви веселіе для скорбящихъ, въ церкви успокоеніе для изнуренныхъ, въ церкви отдохновеніе для утружденныхъ. *Пріидите ко Мнѣ*, сказалъ Господь, *вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы* (Матѳ. XI, 28). Что можетъ быть вожделѣннѣе этого воззванія? Что пріятнѣе этого приглашенія? На пиръ зоветъ тебя зовущій тебя въ церкви Господь, приглашаетъ къ отдохновенію вмѣсто трудовъ, возвращаетъ къ успокоенію послѣ скорбей, облегчая бремя грѣховъ, врачуя уныніе наслажденіемъ и печаль радостію. О, неизреченное попеченіе, небесное призваніе! Поспѣшимъ же, возлюбленные, какъ показать ревностное усердіе, такъ и съ надлежащимъ благочиніемъ и съ должнымъ расположеніемъ исполнять его. Объ этомъ я хочу теперь сказать вамъ слово, по видимому тяжкое, но поистинѣ не тяжкое и полезное. Такъ поступаютъ и чадолюбивые отцы: они предлагаютъ дѣтямъ не только тó, чтó доставляетъ радость на краткое время, но и тó, чтó причиняетъ скорбь, и внушаютъ имъ не только тó, чтó тотчасъ оказываетъ пользу, но и тó, чтó кажется тяжкимъ, но бываетъ спасительнымъ по исполненіи, и этому послѣднему научаютъ съ особеннымъ усердіемъ и настойчиво требуютъ отъ нихъ соблюденія. Мы предлагаемъ такое слово для того, чтобы намъ не трудиться здѣсь

---

[1]) Плектромъ (πλῆκτρον) называлось орудіе изъ золота, серебра или слоновой кости, которымъ, во время игры на струнномъ музыкальномъ инструментѣ, игравшій ударялъ по струнамъ.

напрасно, чтобы, принявъ на себя необходимость бдѣнія, намъ не подвизаться безъ разсудка, чтобы звуки, разсѣевающіеся въ воздухѣ, не гласили болѣе ко вреду, нежели къ пользѣ. И купецъ, производя отдаленную торговлю и подвергаясь сильному теченію вѣтровъ и возмущенію волнъ, не сталъ бы напрасно и 99
безъ пользы переносить такія трудности; но для того онъ и разсѣкаетъ моря, и рѣшается на опасности, и переходитъ съ мѣста на мѣсто, и цѣлыя ночи проводитъ безъ сна, чтобы получить себѣ прибыль отъ своей торговли. А если бы этого не было, но вмѣсто прибыли у него истрачивался бы и капиталъ, то онъ не сталъ бы ни сходить съ своего мѣста, ни подвергать себя такимъ разнообразнымъ опасностямъ.

2. Зная это, будемъ приходить сюда съ надлежащимъ благоговѣніемъ, чтобы вмѣсто отпущенія грѣховъ не умножить ихъ и съ тѣмъ не возвратиться домой. Чего же мы желаемъ и требуемъ? Того, чтобы, вознося божественныя пѣснопѣнія, вы были проникнуты великимъ страхомъ и украшены благоговѣніемъ, и такимъ образомъ возносили ихъ. Изъ присутствующихъ здѣсь есть люди, которыхъ, я думаю, не знаетъ и ваша любовь, которые, не почитая Бога и считая изреченія Духа обыкновенными, издаютъ нестройные звуки и ведутъ себя нисколько не лучше бѣснующихся, колеблясь и двигаясь всѣмъ тѣломъ и показывая нравы, чуждые духовному бдѣнію. Жалкій и несчастный! Тебѣ должно съ изумленіемъ и трепетомъ возносить ангельское славословіе, со страхомъ совершать исповѣданіе предъ Создателемъ и чрезъ это испрашивать прощеніе грѣховъ; а ты переносишь сюда обычаи шутовъ и плясуновъ, безобразно протягивая руки, припрыгивая ногами и кривляясь всѣмъ тѣломъ. Какъ ты не боишься и не трепещешь, дерзко слушая такія изреченія? Развѣ ты не знаешь, что здѣсь невидимо присутствуетъ самъ Господь, измѣряя движеніе каждаго и испытывая совѣсть? Развѣ ты не знаешь, что ангелы предстоятъ этой страшной трапезѣ и окружаютъ ее со страхомъ? Но ты не разумѣешь этого, потому что слышанное и видѣнное тобою на зрѣлищахъ помрачило твой умъ, и совершаемое тамъ ты вносишь въ церковные обряды, обнаруживая безсмысленными криками безпорядочность своей души. Какъ же ты испросишь прощеніе своихъ грѣховъ? Какъ преклонишь на милость Господа, принося моленіе столь небрежно? Ты говоришь: *помилуй мя, Боже*, а самъ обнаруживаешь нравъ, противный помилованію. Взываешь: *спаси мя*, а самъ принимаешь видъ, чуждый спасенія. Помогутъ ли сколько-нибудь молитвѣ руки, непрестанно поднимаемыя кверху и движимыя безпорядочно, и сильный крикъ, производимый напряженнымъ дуновеніемъ

воздуха, но не имѣющій смысла? Не свойственны ли такія дѣйствія безпутнымъ женщинамъ, встрѣчающимся на перекресткахъ, или кричащимъ на зрѣлищахъ? Какъ же ты осмѣливаешься къ ангельскому славословію примѣшивать бѣсовскія шутки? Какъ ты не стыдишься того изреченія, которое здѣсь произносишь:
100 *работайте Господеви со страхомъ и радуйтеся Ему съ трепетомъ* (Пс. II, 11)? Это ли значитъ: *работать со страхомъ*, чтобы дѣйствовать необузданно и съ напряженіемъ и самому не знать, о чемъ говоришь безпорядочными звуками голоса? Это — знакъ презрѣнія, а не страха, дерзости, а не смиренія; это свойственно болѣе произносящимъ шутки, нежели славословящимъ. Что же значитъ: *работать Господеви со страхомъ?* Значитъ: исполняя всякую заповѣдь, совершать это со страхомъ и трепетомъ, возносить молитвы съ сокрушеннымъ сердцемъ и смиреннымъ умомъ. И не только *работать со страхомъ*, но и *радоваться съ трепетомъ* повелѣваетъ Духъ Святый чрезъ пророка. Такъ какъ исполненіе заповѣди обыкновенно доставляетъ радость упражняющемуся въ добродѣтели, то и ей, говоритъ онъ, надобно предаваться со страхомъ и трепетомъ, чтобы намъ, забывшись отъ безстрашія, не погубить трудовъ и не оскорбить Бога. Но какъ возможно, скажешь, радоваться съ трепетомъ? Эти два чувства не могутъ быть вмѣстѣ въ одно и тоже время, будучи весьма различны между собою. Радость есть удовлетвореніе желаній, наслажденіе пріятнымъ, забвеніе непріятнаго; а страхъ есть преувеличеніе ожидаемыхъ бѣдствій и происходитъ въ отчаивающейся совѣсти. Какъ же можно *радоваться со страхомъ*, и не просто со страхомъ, но и *съ трепетомъ*, который есть усиленный страхъ и знакъ великаго безпокойства?

Какъ, скажешь, это можетъ быть? Этому научаютъ тебя серафимы, которые самымъ дѣломъ исполняютъ такое служеніе. Они наслаждаются неизреченною славою Создателя и созерцаютъ непостижимую красоту, — не говорю, какова она по самому существу своему (потому что она непостижима, незрима, невообразима, и нелѣпо было бы такъ думать о ней), но сколько они могутъ, сколько они въ состояніи просвѣщаться этими лучами. Они постоянно служатъ вокругъ царскаго престола, пребываютъ въ постоянной радости, въ вѣчномъ веселіи, въ непрестанномъ удовольствіи, восхищаясь, ликуя, неумолчно славословя. Стоять предъ лицемъ этой славы и просвѣщаться происходящимъ отъ нея свѣтомъ, это — ихъ радость, восторгъ, веселіе, слава. Можетъ быть, и вы нѣсколько почувствовали удовольствіе и въ васъ пробудилось желаніе этой славы.

3. Если вы захотите послушаться увѣщаній и совершать

настоящее славословіе съ благоговѣніемъ, то и вы не лишитесь этой радости, потому что одинъ и тотъ же Господь, прославляемый на небесахъ и на землѣ. *Исполнь*, говоритъ пророкъ, небо и *земля* [1]) *славы Его* (Иса. VI, 3). Какъ же серафимы, наслаждаясь такою радостію, соединяютъ ее со страхомъ? Послушай, что говоритъ пророкъ: *видѣхъ Господа сѣдяща на престолѣ высоцѣ и превознесеннѣ*. Почему онъ, сказавъ: *высоцѣ*, прибавилъ: *и превознесеннѣ*? Развѣ не достаточно было словомъ: *высоцѣ* — объяснить все и показать превосходство достоинства? Для чего же онъ при- 101
бавилъ: *и превознесеннѣ*? Для того, чтобы показать непостижимость сѣдалища. Такъ какъ у насъ слово: *высокій* внушаетъ мысль о сравненіи чего-нибудь съ предметами дольними и низкими,—напр. горы называются высокими по отношенію къ равнинамъ и долинамъ земли, и небо называется высокимъ, потому что превышаетъ все земное,—а слово: *превознесенный* и возвышенный относится только къ одному непостижимому Существу, котораго невозможно ни постигнуть, ни изъяснить, то онъ и сказалъ: *видѣхъ Господа сѣдяща на престолѣ высоцѣ и превознесеннѣ*. И что еще видѣлъ ты, пророкъ? Что созерцалъ ты вокругъ Его? *И серафими*, говоритъ, *стояху окрестъ Его* (ст. 2). Что дѣлали они, и что говорили? Какое имѣли они дерзновеніе? Они не имѣли, говоритъ, никакого дерзновенія, но были исполнены страха и изумленія и самымъ видомъ своимъ показывали неизреченный трепетъ. *Они двѣма крылами покрываху лица своя*, какъ для огражденія себя отъ свѣта, исходящаго отъ престола, потому что не могли снести невыносимой славы его, такъ и для выраженія своего благоговѣнія, которое они имѣли къ Господу.

Такою радуются они радостію, такимъ восхищаются веселіемъ, и однако закрываютъ не только лица, но и ноги свои. Почему же они дѣлаютъ это? Лица они справедливо закрываютъ по причинѣ страшнаго зрѣлища, потому что они не могутъ взирать на неприступную славу; но почему закрываютъ ноги? Я желалъ бы предоставить вамъ, чтобы вы сами потрудились рѣшить это и пробудились для изслѣдованія предметовъ духовныхъ; но чтобы, оставивъ вашъ умъ занятымъ такимъ изслѣдованіемъ, не произвести въ васъ невнимательности къ увѣщанію, я считаю необходимымъ самому объяснить это. Почему же они закрываютъ ноги? Они стараются выразить свое безпредѣльное благоговѣніе къ Создателю, желая показать великое смущеніе и видомъ сво-

---

[1]) Въ объясненіи этого мѣста, въ своемъ толк. на книгу пр. Ис., св. І. Зл. читаетъ: πλήρης πᾶσα ἡ γῆ τῆς δόξης αὐτοῦ = ц.-сл.: *исполнь вся земля славы Его*.

имъ, и голосомъ, и взоромъ, и самымъ положеніемъ. Но такъ какъ они и такимъ образомъ не достигаютъ желаемаго и должнаго, то, закрываясь со всѣхъ сторонъ, остальное прикрываютъ. Поняли ли вы сказанное, или нужно опять повторить это? Впрочемъ, для большей ясности, постараюсь раскрыть это примѣрами, случающимися у насъ. Кто предстоитъ земному царю, тотъ всѣми мѣрами старается выразить предъ нимъ свое великое уваженіе, чтобы этимъ снискать себѣ отъ него большее благоволеніе. Для того онъ и видомъ головы, и голосомъ, и сложеніемъ рукъ, и постановкою ногъ, и положеніемъ всего тѣла старается показать такое уваженіе. То же происходитъ и съ тѣми безплотными силами. Питая великое благоговѣніе къ Создателю и стараясь во всемъ выразить его, но не достигая желаемаго, не соотвѣтствую-
102 щее ихъ желанію они закрываютъ покрываломъ. Потому и говорится, что они закрываютъ лица и ноги свои. Можетъ быть представлено и другое болѣе таинственное воззрѣніе касательно этого: такъ говорится не потому, чтобы они дѣйствительно имѣли ноги и лица (они безтѣлесны, подобно Божеству), но дабы этимъ показать, что они со всѣмъ смиреніемъ, со страхомъ и благоговѣніемъ служатъ Господу. Такъ должно предстоять и намъ, принося Ему славословіе со страхомъ и трепетомъ и какъ бы созерцая Его самого очами ума. Подлинно, здѣсь присутствуетъ самъ Онъ, неописуемый никакимъ мѣстомъ, и отмѣчаетъ голоса всѣхъ. Потомъ, возсылая Ему хвалу съ сердцемъ сокрушеннымъ и смиреннымъ, сдѣлаемъ ее благопріятною и вознесемъ на небо, какъ благовонный ѳиміамъ. *Сердце сокрушенно и смиренно*, говоритъ Писаніе, *Богъ не уничижитъ* (Пс. L, 19). Но, скажешь, пророкъ заповѣдуетъ совершать славословіе съ восклицаніемъ: *воскликните*, говоритъ, *Господеви вся земля* (Пс. LXV, 1). И мы запрещаемъ не такое восклицаніе, а безсмысленный вопль, не голосъ хвалы, а голосъ безчинства, усиленные крики другъ предъ другомъ, напрасное и тщетное поднятіе рукъ на воздухъ, топаніе ногами, безобразные и непристойные обычаи, которые свойственны занимающимся шутками на зрѣлищахъ и ристалищахъ. Оттуда приносятся къ намъ эти вредныя привычки, оттуда эти неблагоговѣйные и простонародные крики, оттуда непристойныя движенія рукъ, ссоры, состязанія, безпорядочные нравы.

4. Дѣйствительно, ничто такъ не производитъ невнимательности къ изреченіямъ Божіимъ, какъ восхищеніе тамошними представленіями. Потому я часто внушалъ, чтобы никто изъ приходящихъ сюда, слушающихъ божественное ученіе и причащающихся страшной и таинственной жертвы, не ходилъ на

тѣ зрѣлища и не смѣшивалъ божественныхъ таинствъ съ бѣсовскими. Но нѣкоторые такъ обезумѣли, что, имѣя даже благоговѣйный видъ и доживъ до глубокой сѣдины, всетаки бѣгутъ туда, не обращая вниманія на наши слова и не стыдясь собственнаго возраста. И когда мы поставляемъ имъ это на видъ и убѣждаемъ постыдиться сѣдины и благоговѣйности, то какой пустой и смѣшной отвѣтъ даютъ они? Тамъ, говорятъ они, находится примѣръ будущей побѣды и вѣнцовъ, и мы оттуда получаемъ весьма великую пользу. Что говоришь ты, человѣкъ? Это—старая и обманчивая рѣчь. Отъ чего ты получаешь тамъ пользу? Отъ безчисленныхъ ли ссоръ и напрасныхъ и безполезныхъ проклятій, обращающихся во вредъ говорящимъ, или отъ обидъ, злословій и насмѣшекъ, которыми осыпаютъ другъ друга зрители этихъ представленій? Но, конечно, не отъ нихъ. Или извлекаешь пользу изъ безчинныхъ криковъ, безсмысленнаго вопля, поднимающейся пыли и людей толкающихся, тѣснящихся и лицемѣрящихъ предъ женщинами? Но здѣсь всѣ пророки и учители представляютъ самого Владыку ангеловъ сѣдящимъ на престолѣ высокомъ и превознесенномъ, раздѣляющимъ награды и вѣнцы достойнымъ и назначающимъ геенну и огонь недостойнымъ; и самъ Господь подтверждаетъ это. Какъ же ты презираешь то, въ чемъ страхъ для совѣсти, обличеніе дѣлъ, истязаніе суда и неизбѣжность наказанія, и между тѣмъ для безразсуднаго оправданія своихъ зрѣлищъ указываешь на пользу отъ того, отъ чего ты терпишь неисправимый вредъ? Нѣтъ, прошу и умоляю, не будемъ представлять оправданій во грѣхахъ; это — предлогъ и обольщеніе, причиняющее вредъ намъ самимъ. Впрочемъ довольно объ этомъ; время уже обратиться къ прежнему увѣщанію и, изложивъ его кратко, положить приличный конецъ слову. Подлинно, здѣсь не только безчинство, но господствуетъ еще нѣкоторая другая тяжкая болѣзнь. Какая же именно? Предполагающіе бесѣдовать съ Богомъ и возносящіе Ему славословіе, потомъ, оставивъ Его, каждый выбираетъ сосѣда, и начинаетъ разговаравать о дѣлахъ, происходящихъ дома, на торжищахъ, въ народѣ, на зрѣлищахъ, въ войскѣ, какъ устроено то и какъ опущено это, что излишне въ распоряженіяхъ и чего не достаетъ въ нихъ, и вообще разговариваетъ здѣсь о всѣхъ дѣлахъ общественныхъ и частныхъ. Заслуживаетъ ли это прощенія? Бесѣдующій и съ земнымъ царемъ говоритъ только о томъ, о чемъ тотъ хотѣлъ бы слышать и о чемъ онъ самъ предлагаетъ вопросы, если же осмѣлится упомянуть о чемъ-нибудь другомъ противъ его желанія, то подвергается тяжкому наказанію; а ты, бесѣдуя съ Царемъ царствующихъ,

108

Которому съ трепетомъ служатъ ангелы, оставивъ бесѣду съ Нимъ, разговариваешь о грязи, о пыли, о паутинѣ? Таковы вѣдь настоящія дѣла. Какъ ты перенесешь наказаніе за такое пренебреженіе? Кто избавитъ тебя отъ этого наказанія?

Но, скажешь, дѣла и управленіе находятся въ худомъ положеніи; объ нихъ мы и говоримъ много и безпокоимся много. Какая же причина? Неблагоразуміе, скажешь, правителей? Не неблагоразуміе правителей, а наша грѣховность, послѣдствіе преступленія. Она низвратила дѣла, она привлекла всѣ бѣдствія, она вооружила враговъ, она доставила намъ пораженіе. Не отъ чего-нибудь другого постигъ насъ рядъ бѣдствій, какъ только отъ этой причины. Хотя бы правителемъ нашимъ былъ какой-либо Авраамъ, хотя бы Моисей, хотя бы Давидъ, хотя бы мудрѣйшій Соломонъ, хотя бы праведнѣйшій изъ всѣхъ людей, но если мы живемъ худо, это безразлично въ отношеніи къ причинѣ золъ. Какъ и какимъ образомъ? Если бы онъ былъ изъ числа людей беззаконнѣйшихъ и поступающихъ безразсудно и безчинно, то вѣдь наше собственное безразсудство и безчинство произвели такого правителя, наши грѣхи навлекли на васъ такой ударъ. Получать правителей по сердцу своему значитъ не что иное, какъ то, что мы, согрѣшивъ напередъ, получаемъ такого и предстоя-
104 теля, будетъ ли онъ изъ лицъ церковныхъ, или изъ мірскаго званія. А съ другой стороны, хотя бы онъ былъ весьма праведенъ, и такъ праведенъ, что равнялся бы съ добродѣтелію Моисея, праведность его одного не можетъ покрыть безмѣрныхъ грѣховъ подчиненныхъ. Это можно ясно видѣть въ примѣрѣ самого Моисея, который много страдалъ за израильтянъ и усердно молилъ за нихъ Бога, чтобы наслѣдовали обѣтованную землю; но такъ какъ они собственными грѣхами сдѣлали себя недостойными этого обѣтованія, то молитва его не могла измѣнить праведнаго опредѣленія Божія, по которому весь народъ погибъ въ пустынѣ. Между тѣмъ кто праведнѣе Моисея? Или кто имѣетъ болѣе дерзновенія предъ Богомъ? Хотя и говорится въ Писаніи, что *много можетъ молитва праведнаго* (Іак. v, 16), но *поспѣшествуема*, т. е. воспомоществуемая раскаяніемъ и исправленіемъ тѣхъ, за кого она возносится. А у кого образъ жизни нераскаянный и неисправимый, тѣмъ какъ можетъ она принести помощь, когда они сами препятствуютъ этому своими дѣлами?

5. Но что мы говоримъ о томъ, что такъ бываетъ при грѣхахъ цѣлаго народа, когда грѣхъ немногихъ подчиненныхъ и часто даже одного превышаетъ заслуги справедливыхъ правителей? Это можно видѣть также на народѣ израильскомъ, который, подъ предводительствомъ Моисея вступивъ въ землю ино-

племенниковъ и начавъ съ ними войну, подвергался всеобщему пораженію и истребленію, когда нѣкоторые изъ него прельстились женами тѣхъ.

А примѣръ того, какъ это случилось по поводу одного, видимъ на Ахарѣ, который, утаивъ красивую одежду изъ посвященнаго Богу, навлекъ гнѣвъ Божій на народъ. Впрочемъ, можетъ быть, нѣкоторые изъ присутствующихъ не знаютъ этого событія, потому нужно кратко сказать о немъ, чтобы напомнить знающимъ и научить незнающихъ. Этотъ Ахаръ былъ однимъ изъ мужей, перешедшихъ черезъ Іорданъ вмѣстѣ съ Іисусомъ Навиномъ, съ тѣмъ Іисусомъ, который по опредѣленію Божію былъ избранъ въ преемника Моисею и былъ подобіемъ и прообразомъ истиннаго Спасителя нашего Іисуса Христа: какъ онъ провелъ народъ израильскій чрезъ Іорданъ изъ пустыни въ землю обѣтованную, такъ и Спаситель нашъ провелъ чрезъ святое и спасительное крещеніе изъ пустыни невѣдѣнія и идолослуженія въ горній Іерусалимъ, къ матери перворechоднныхъ, гдѣ уготованы обители истиннаго покоя, гдѣ безмятежная и мирная жизнь. Такимъ образомъ, проведши народъ силою Повелѣвшаго, онъ двинулся къ Іерихону и, совершая эту дивную осаду, когда стѣны готовы были пасть, что̀ говорилъ онъ къ народу? *И будетъ градъ сей проклятъ, и вся, елика суть въ немъ, Господу силъ: токмо Раавъ блудницу снабдите ю; но вы соблюдитеся отъ клятвы, да не когда помысливше вы возмете отъ клятвы и потребите ны* (Іис. Нав. VI, 16, 17). Все, находящееся въ городѣ, говоритъ, посвящается Богу, — это именно значитъ: *проклятъ,* — и потому никто пусть не похищаетъ себѣ изъ назначеннаго Господу Богу и не губитъ насъ на землѣ. Опасна была такая заповѣдь; велика 105
строгость повелѣвшаго Бога и предписавшаго Іисуса. Какъ могъ быть не нарушенъ этотъ законъ въ такомъ множествѣ народа, когда многія обстоятельства располагали къ тому? Непостоянство и корыстолюбіе народа, или то, что не всѣ слышали о предписанной заповѣди, или драгоцѣнность добычи, служащей какъ бы приманкою и прельщающей корыстолюбцевъ, легко могли побудить къ нарушенію закона. И однако такой законъ былъ данъ, и опасность нарушенія его висѣла надъ головой. Что же потомъ? Стѣны пали, и все, что было въ городѣ, досталось въ руки осаждавшихъ. Но, тогда какъ весь народъ соблюдалъ эту заповѣдь, преступленіе одного навлекло гнѣвъ Божій на весь народъ. *И прегрѣшиша,* говоритъ Писаніе, *сыны Израилевы прегрѣшеніемъ великимъ и* утаиша [1]) *и взяша отъ клятвы: взя бо Ахаръ.*

[1]) καὶ ἐνοσφίσαντο ἀπὸ τοῦ ἀναθέματος въ изв. греч. сп. пер. LXX, но у св. I. Зл. прибавляется еще слово: καὶ ἔλαβον = *и взяша.*

сынъ Харміи, отъ клятвы, и разгнѣвася Господь яростію на сыны израилевы (Іис. Нав. VII, 1). Согрѣшившій былъ одинъ: какъ же согрѣшили сыны израильскіе и разгнѣвался Господь на сыновъ израилевыхъ? Видишь ли, какъ грѣхъ одного навлекъ наказаніе на весь народъ, какъ онъ возстановилъ Бога противъ всего множества ихъ? Итакъ, когда преступленіе было совершено и никто не зналъ о немъ, кромѣ одного Бога, знающаго сокровенное, то наказаніе должно было послѣдовать, а совершившій преступленіе, хотя казалось, скрывался, но совѣстію сожигался, какъ огнемъ. Наконецъ наступило время мщенія и обнаруженія грѣха. *И посла*, говоритъ Писаніе, *Іисусъ мужы отъ Іерихона въ Гай, и идоша отъ людей тамо яко три тысящы мужей, и побѣгоша отъ лица мужей Гайскихъ, и убиша отъ нихъ* [1]) *тридесять шесть мужей, и отгнаша ихъ и сокрушиша ихъ, и ужасеся сердце людей, и бысть яко вода* (Іис. Нав. VII, 2, 4, 5).

6. Посмотри на послѣдствіе одного грѣха, посмотри на неисцѣльную рану. Согрѣшилъ одинъ, а смерть и ужасъ поражаютъ весь народъ. Что же это, благій Господи? Ты одинъ праведенъ и праведны суды Твои; Ты воздаешь каждому по собственнымъ дѣламъ его; Ты сказалъ, человѣколюбецъ, что каждый умретъ за свой грѣхъ, и другой вмѣсто одного не будетъ наказанъ. Что же значитъ это Твое праведное опредѣленіе? Всѣ дѣла Твои, Господи, добры и весьма добры и устрояются намъ на пользу. Грѣхъ, отвѣчаетъ Онъ, есть нѣкоторая зараза; потому пусть онъ будетъ преданъ позору чрезъ наказаніе всѣхъ, чтобы они, узнавъ, какой вредъ произвело одно преступленіе, избѣгли вѣчнаго наказанія за грѣхи бóльшіе. Итакъ Іисусъ, увидѣвъ непонятное бѣгство, разорвалъ одежды свои, палъ на землю и произнесъ тѣ скорбныя слова, которыя излагаетъ божественное Писаніе. Что же говоритъ ему Господь? *Востани, вскую ты палъ еси* [2])? *Согрѣшиша людіе, и преступиша завѣтъ Мой: сего ради не могутъ сынове Израилевы стати предъ лицемъ враговъ своихъ, аще*
106 *не измете клятвы отъ себѣ самихъ* (Іис. Нав. VII, 10, 12). Это объявлено народу; преступникъ указывается Богомъ и сознается. *И отвѣща*, говоритъ Писаніе, *Ахаръ Іисусу, и рече: по истинѣ азъ согрѣшихъ предъ Господомъ Богомъ Израилевымъ: сице и сице сотворихъ. Видѣхъ въ плѣнѣ ризу* тонку [3]) *красну*, зѣло [4]), *добру и двѣсти дидрахмъ*

---

[1]) Слова: *мужи Гайстіи* = οἱ ἄνδρες Γαΐ, читаемыя въ изв. греч. сп. перев. LXX, у св. І. Зл. не читаются.

[2]) Слова: *на лице твое* = ἐπὶ πρόσωπόν σου, читаемыя въ изв. гр. сп. пер. LXX, а потому и въ ц. слав., здѣсь у св. І. Зл. не читаются.

[3]) ψιλὴν = *тонку* въ ц. сл. сп. оставлено безъ перевода.

[4]) χιαν = *зѣло*, но въ изв. греч. сп. пер. LXX—μίαν = едину.

сребра, и сосудъ единъ златъ, пятидесятъ дидрахмъ вѣсъ его: и помыслиевъ[1]) *взяхъ и се сія сокровенно суть въ земли въ кущи моей* (ст. 20). Такъ онъ открылъ все, когда увидѣлъ, что неложенъ указавшій это и силенъ обличившій Свидѣтель; потомъ смотри — его позорную и страшную смерть. Возведе его, говоритъ Писаніе, *Іисусъ въ дебрь Ахоръ, и сыны его, и дщери его, и тельцы его, и ослята его и вся овцы его, и кущу его, и вся имѣнія его: и побиша его каменіемъ весь Исраиль* (ст. 24, 25). Таково наказаніе за преступленіе; таковъ неумолимый судъ Божій. Зная это, будемъ считать наступленіе скорбей послѣдствіемъ нашихъ грѣховъ, и, ежедневно разсматривая свои проступки, будемъ обвинять въ томъ не другихъ, но самихъ себя. Не только невнимательность правителей, но гораздо болѣе наши проступки навлекаютъ на насъ бѣдствія. Итакъ каждый, приходящій сюда, пусть помышляетъ о собственныхъ грѣхахъ, а не обвиняетъ другихъ, и такимъ образомъ съ надлежащимъ благочиніемъ пусть возноситъ настоящее славословіе. А требуемое отъ насъ благочиніе состоитъ въ томъ, чтобы, вопервыхъ, приступать къ Богу съ сердцемъ сокрушеннымъ, потомъ выражать такое расположеніе сердца и внѣшнимъ видомъ, стояніемъ, благопристойнымъ положеніемъ рукъ, кроткимъ и сдержаннымъ голосомъ. Это легко и возможно для всякаго желающаго. Какъ же это можетъ быть исполнено всѣми? Поставимъ для себя закономъ и скажемъ: предписана общеполезная заповѣдь, и всѣ мы должны участвовать въ этой пользѣ. Потому прекратимъ безпорядочные вопли и исправимъ положеніе рукъ, слагая ихъ при возношеніи къ Богу, а не поднимая непристойными движеніями. Этого не любитъ и отвращается Богъ, какъ Онъ любитъ и пріемлетъ человѣка кроткаго. *На кого воззрю*, говоритъ Онъ, *токмо на кроткаго и молчаливаго и трепещущаго словесъ моихъ* (Иса. LXVI, 2)? Скажемъ другъ другу: Богъ не хочетъ, чтобы мы бесѣдовали съ Нимъ и вмѣстѣ разговаривали между собою, чтобы, оставивъ бесѣду съ Нимъ, вели разговоры о предметахъ настоящихъ и грязью оскверняли жемчужины. Онъ считаетъ это обидою для Себя, а не славословіемъ. Если же кто станетъ нарушать эту заповѣдь, то мы будемъ заграждать ему уста, преслѣдовать его, какъ врага нашего спасенія, и выгонять его вонъ изъ ограды святой церкви. Поступая такимъ образомъ, мы легко загладимъ прежніе грѣхи свои, и самъ Господь будетъ ликовать среди насъ со святыми ангелами и раздавать каждому 107
вѣнцы за благочиніе. Онъ человѣколюбивъ и щедръ и радуется нашему спасенію; потому, услаждаясь нашими добрыми дѣлами,

[1]) *На ня* = αὐτῶν не читается у св. I. Зл.

Онъ обѣщалъ царство небесное и участіе въ жизни вѣчной и уготовалъ всѣ блага, желая, чтобы мы наслѣдовали ихъ; чего да способимся всѣ мы благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу и Святому Духу подобаетъ слава, держава, честь и поклоненіе, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА II.

На слова пророка Исаіи: И бысть въ лѣто, въ неже умре Озіа царь, видѣхъ Господа сѣдяща на престолѣ высоцѣ и превознесеннѣ (Иса. VI, 1). И о томъ, что не должно оставлять безъ вниманія ни времени, ни даже единой буквы божественныхъ Писаній.

1. Радуюсь, видя васъ собравшимися слушать божественныя изреченія, и считаю это величайшимъ свидѣтельствомъ вашего преспѣянія по Богѣ. Какъ аппетитъ служитъ знакомъ здоровья тѣлеснаго, такъ любовь къ духовнымъ изреченіямъ служитъ знакомъ здоровья душевнаго. Поэтому радуюсь; но вмѣстѣ и боюсь, что я не буду въ состояніи доставить вамъ ничего достойнаго этого желанія. Такъ и любящая мать скорбитъ, когда, имѣя груднаго младенца, не можетъ доставить ему источниковъ молока въ изобиліи; но, хотя она имѣетъ его и недостаточно, однако даетъ грудь, а младенецъ, взявъ тянетъ и вытягиваетъ ее, и, согрѣвая устами охладѣвшіе сосцы, старается извлечь себѣ пищи больше, нежели есть въ нихъ. Мать чувствуетъ боль отъ терзанія сосцевъ, но не отталкиваетъ младенца, потому что она — мать и готова лучше перенести все, нежели огорчить дитя свое. Если же матери имѣютъ такую любовь къ своимъ дѣтямъ, то тѣмъ болѣе намъ нужно имѣть такое расположеніе относительно вашей любви. Скорби рожденія духовнаго пламеннѣе скорбей рожденія естественнаго. Итакъ, хотя наша трапеза очень скудна, но мы не скроемъ и ея, но вынесемъ все, чтó есть у насъ, на средину и предложимъ вамъ. Хотя ея мало и скудно, но мы предлагаемъ. Такъ и тотъ, которому ввѣренъ былъ талантъ, не за то былъ осужденъ, что не представилъ пяти талантовъ, но за то, что и одинъ, полученный имъ, зарылъ въ землю,—за это онъ и былъ наказанъ. И Богъ и люди требуютъ не малаго или многаго, но того, чтобы приношеніе было никакъ не меньше настоящей силы. Вы слышали прежде, когда мы удостоились бесѣдовать съ вашей

любовію, когда мы читали тотъ псаломъ, который, извергая грѣшника изъ священной ограды, призывалъ ангеловъ и горнія силы славословить Бога всѣхъ. Хотите ли и сегодня слышать самую ангельскую пѣснь, ставъ тамъ гдѣ-нибудь близко? Я думаю, хотите. Если негодные люди, составляя хоры на площади и среди 108
глубокой тьмы и безвременно по ночамъ воспѣвая блудныя пѣсни и соблазнительныя стихотворенія, поднимаютъ и привлекаютъ къ себѣ весь нашъ городъ, то, когда небесные сонмы, горніе лики воспѣваютъ Царя вселенной, неужели мы не соберемся слушать ихъ божественнаго и блаженнаго пѣснопѣнія? Иначе какое можетъ быть намъ прощеніе? Но какъ можно, скажешь, слушать ихъ? Вошедши на самое небо, если не тѣломъ, то умомъ, если не видимымъ присутствіемъ, то мыслію. Наше тѣло будучи землянымъ и тяжелымъ, естественно остается внизу; но душа свободна отъ такой необходимости и легко возлетаетъ въ высочайшія и возвышеннѣйшія области; она, захочетъ ли достигнуть самыхъ крайнихъ предѣловъ вселенной, или взойти на небо, не встрѣчаетъ никакого препятствія: столь легкія крылья мыслей далъ ей Богъ! И не только легкія крылья Онъ далъ ей, но надѣлилъ ее и очами, которыя смотрятъ гораздо острѣе очей тѣлесныхъ. Зрѣніе тѣлесное, когда устремляется сквозь пустой воздухъ, проникаетъ на большое разстояніе; но когда встрѣчаетъ малое тѣло, тогда, подобно потоку, задержанному въ своемъ теченіи, обращается назадъ. А зрѣніе души, хотя бы встрѣчало стѣны, крѣпости, громады горъ и самыя тѣла небесныя, легко проникаетъ все. Впрочемъ при всей своей быстротѣ и остротѣ зрѣнія, душа сама по себѣ не въ состояніи постигать предметовъ небесныхъ, но имѣетъ нужду въ руководителѣ. Сдѣлаемъ же то, что дѣлаютъ желающіе посмотрѣть на царскіе чертоги. Что же они дѣлаютъ? Они, отыскавъ того, кому ввѣрены ключи отъ тамошнихъ дверей, приступаютъ къ нему, бесѣдуютъ съ нимъ, упрашиваютъ его, а часто даютъ и серебра, чтобы расположить его къ себѣ. Приступимъ же и мы къ кому-нибудь изъ тѣхъ, которые приставлены къ вратамъ небеснымъ, будемъ бесѣдовать съ нимъ, будемъ просить его, покажемъ вмѣсто серебра (добрую) волю и искреннее расположеніе. Если онъ приметъ это вознагражденіе, то, взявъ насъ за руку, проведетъ вездѣ, покажетъ не царскіе чертоги, но самаго Царя сѣдящаго, окруженнаго воинствами и военачальниками, тьмами ангеловъ и тысячами архангеловъ; все онъ покажетъ намъ подробно, сколько намъ возможно видѣть. Кто же это? Кому ввѣрено такое служеніе, при помощи котораго мы хотимъ теперь войти? Исаія, громогласнѣй-

шій изъ пророковъ. Итакъ необходимо вступить въ бесѣду съ нимъ.

Слѣдуйте же тихими шагами, въ совершенномъ молчаніи. Никто не входи сюда съ житейскими заботами, никто — съ разсѣянностію и смущеніемъ, но оставимъ все это за первыми две-
109 рями, и такимъ образомъ всѣ войдемъ сюда. Мы входимъ въ царскіе чертоги небесные, вступаемъ въ свѣтлыя области; внутри онѣ исполнены великаго молчанія и неизреченныхъ тайнъ.

2. Но слушайте внимательно: чтеніе Писаній есть откровеніе неба. *И бысть*, говоритъ пророкъ, *въ лѣто, въ неже умре Озіа царь, видѣхъ Господа сѣдяща на престолѣ высоцѣ и превознесеннѣ* (Ис. vi, 1). Видишь ли услужливость благосклоннаго слуги? Онъ тотчасъ привелъ насъ предъ царскій престолъ, не проводя напередъ длинными обходами, но какъ только отворилъ двери, уже и показалъ прямо сѣдящаго Царя. *И серафими*, говоритъ, *стояху окрестъ Его, шесть крилъ единому, и шесть крилъ другому; и двѣма убо покрываху* лице [1]), *двѣма же покрываху ноги своя, и двѣма летаху. И взываху другъ ко другу и глаголаху: святъ, святъ, святъ Господь Саваоѳъ* (ст. 2, 3).

Поистинѣ святъ Тотъ, Кто удостоилъ наше естество столь многихъ и столь великихъ таинствъ, Кто сдѣлалъ насъ участниками въ предметахъ столь непостижимыхъ. Страхъ и трепетъ объемлетъ меня при этой пѣсни. И удивительно ли, что чувствую это я—бренный и происшедшій изъ земли, если и самыя горнія силы постоянно объемлетъ величайшій ужасъ? Потому онѣ и отвращаютъ лица свои и употребляютъ крылья вмѣсто ограды, не вынося исходящихъ оттуда лучей. Но, скажешь, являемое было снисхожденіемъ: какъ же онѣ не выносили его? Мнѣ ли ты говоришь это? Скажи тѣмъ, которые изслѣдуютъ непостижимое и блаженное естество, которые дерзаютъ на то, на что дерзать не должно. Серафимы не смѣли смотрѣть даже на снисхожденіе Божіе: какъ же человѣкъ дерзнулъ сказать, или лучше, какъ человѣкъ дерзнулъ подумать, что онъ можетъ точно и ясно познать то чистое естество, которое недоступно созерцанію даже херувимовъ? Трепещи небо, ужасайся земля; эта дерзость больше дерзости ихъ (іудеевъ). Какъ нечестиво поступали тогда тѣ, такъ нечестиво поступаютъ теперь и эти. Они одинаково покланяются твари; но что выдумали теперь эти, того никто изъ тогдашнихъ людей не смѣлъ ни сказать, ни слушать. Что говоришь ты? Явленіе было снисхожденіемъ? Да, но снисхожденіемъ Божіимъ.

---

[1]) τὸ πρόσωπον; но въ другомъ мѣстѣ, въ толков. на Ис. vi, 2: τὰ πρόσωπα ἑαυτῶν.

Если Даніилъ, имѣвшій великое дерзновеніе предъ Богомъ, не могъ смотрѣть на ангела, нисшедшаго къ нему, но палъ и лежалъ преклоненнымъ, такъ какъ связи зрѣнія его ослабѣли отъ этой славы, то удивительно ли, что ужасались серафимы, не вынося созерцанія той славы? Не столько разстоянія между Даніиломъ и ангеломъ, сколько между Богомъ и этими силами. Впрочемъ, чтобы и намъ, останавливаясь слишкомъ долго на этихъ чудесахъ, не навести ужаса на ваши души, обратимся къ началу разсказа и будемъ назидать душу менѣе высокими предметами. *И бысть въ лѣто, въ неже умре Озіа царь.* Прежде всего нужно узнать, для чего пророкъ означаетъ намъ время, такъ какъ не безъ 110
причины и не напрасно онъ дѣлаетъ это. Уста пророковъ суть уста Божіи; а эти уста не говорятъ ничего напрасно. Не будемъ же и мы слушать безъ вниманія. Если тѣ, которые выкапываютъ металлы, не пренебрегаютъ и малыми частицами, но, когда нападаютъ на золотую жилу, тщательно осматриваютъ ея вѣтви, то не гораздо ли болѣе мы должны дѣлать это съ Писаніями? Въ металлическихъ рудахъ бываетъ весьма трудно найти желаемое, потому что металлы — земля, и золото есть не что иное, какъ земля; общность природы искомыхъ веществъ обманываетъ зрѣніе, и однако при всемъ томъ золотопромышленники не оставляютъ дѣла, но обнаруживаютъ всякую тщательность, и, всматриваясь, узнаютъ, что дѣйствительно земля, и что дѣйствительно золото. А съ Писаніемъ не бываетъ такъ. Здѣсь предлагается не смѣшанное съ землею золото, но чистое золото. *Словеса Господни*, говоритъ псалмопѣвецъ, *словеса чиста, сребро разжжено, искушено земли* (Пс. xi, 7). Писанія — не металлы, требующіе обработки; но они доставляютъ готовое сокровище тѣмъ, которые ищутъ богатства, заключающагося въ нихъ. Достаточно только приникнуть къ нимъ, чтобы отойти, исполнившись всякой пользы; достаточно только открыть ихъ, чтобы тотчасъ увидѣть блескъ этихъ дорогихъ камней.

Не напрасно я сказалъ это и не безъ причины распространился объ этомъ, но потому, что есть коварные люди, которые, взявъ въ руки божественныя книги и увидѣвъ счетъ времени или перечисленіе именъ, тотчасъ оставляютъ ихъ и укоряющимъ ихъ говорятъ: здѣсь одни только имена, и нѣтъ ничего полезнаго. Что говоришь ты? Богъ вѣщаетъ, а ты смѣешь говорить, что въ сказанномъ нѣтъ ничего полезнаго? Если ты увидишь одну только простую надпись, то, скажи мнѣ, не остановишься ли ты на ней со вниманіемъ и не станешь ли изслѣдовать заключающагося въ ней богатства? Но что я говорю о временахъ, именахъ и надписяхъ? Посмотри, какую силу имѣетъ прибавленіе

одной только буквы, и перестань пренебрегать цѣлыми именами. Патріархъ нашъ Авраамъ (дѣйствительно онъ принадлежитъ намъ, нежели іудеямъ) сперва назывался Аврамомъ, что въ переводѣ значитъ: *странникъ* [1]); а потомъ, будучи переименованъ въ Авраама, сталъ *отцемъ всѣхъ народовъ;* прибавленіе одной буквы доставило праведнику такое преимущество. Какъ цари своимъ намѣстникамъ даютъ золотыя таблицы въ знакъ власти, такъ и Богъ тогда придалъ праведнику эту букву въ знакъ чести.

8. Впрочемъ объ именахъ я скажу въ другое время; а теперь нужно сказать о томъ, какъ полезно знать времена событій. и какъ вредно не знать ихъ. И, во-первыхъ, докажу это житейскими дѣлами. Договоры и записи о бракахъ, о долгахъ и о другихъ обязательствахъ не имѣютъ никакой силы, если въ нихъ не будетъ написано вверху времени консульства. Оно даетъ имъ силу; оно предотвращаетъ споры; оно избавляетъ отъ судилищъ и дѣлаетъ враговъ друзьями. Потому тѣ, которые пишутъ ихъ,
111 въ заглавіи бумагъ, выставляютъ консульство, какъ свѣчу на свѣтильникѣ, чтобы оно было видно всѣмъ подчиненнымъ. Если ты уничтожишь это, то отнимешь свѣтъ, и исполнишь все мрака и великаго смятенія. Потому всякое дѣло объ отдачѣ и полученіи, и съ друзьями, и со врагами, и съ рабами, и съ попечителями, и съ управителями, требуетъ этого удостовѣренія, и всегда мы прописываемъ внизу и мѣсяцы, и годы, и дни. Если же въ дѣлахъ житейскихъ эта замѣтка имѣетъ такую силу, то въ дѣлахъ духовныхъ она гораздо важнѣе и полезнѣе. Въ пророчествахъ она показываетъ, что они—пророчества. Пророчество есть не что иное, какъ предсказаніе будущихъ событій. Поэтому кто не знаетъ времени, къ которому относится сказанное или случившееся, тотъ какъ можетъ доказать спорящему достоинство пророчества? Отсюда у насъ борьба и побѣда надъ язычниками, когда мы доказываемъ, что наше ученіе древнѣе того, которое у нихъ. Отсюда у насъ доказательства истины и противъ іудеевъ,—противъ жалкихъ и несчастныхъ іудеевъ, которые по незнанію времени впали въ величайшее заблужденіе. Если бы они слушали слова патріарха: *не оскудѣетъ князь отъ Іуды, и вождь отъ чреслъ его, дондеже пріидутъ отложенная ему* (Быт. XLIX, 10), и если бы внимательно изслѣдовали времена Его пришествія, то не отпали бы отъ Христа и не предались бы антихристу, какъ и

---

[1]) περάτης. Здѣсь св. І. Зл. имѣетъ въ виду, очевидно, Быт. XIV, 13, гдѣ еврейское *ибри* = еврей, приложенное къ имени Ἀβράμ, у LXX переведено не ἑβραῖος = *еврей*, а περάτης = ц.-сл. *пришлецъ*.

самъ Христосъ, внушая имъ это, сказалъ: *Азъ пріидохъ во имя Отца моего, и не пріемлете Мене: аще инъ пріидетъ во имя свое, того пріемлете* (Іоан. v, 43). Видишь ли, какое произошло паденіе отъ незнанія временъ? Не пренебрегай же такою пользою. Какъ на поляхъ межи и столбы не позволяютъ смѣшивать пашни, такъ времена и годы не позволяютъ смѣшивать одни событія съ другими, но, отдѣляя ихъ другъ отъ друга и располагая въ надлежащемъ порядкѣ, избавляютъ насъ отъ великой запутанности. Итакъ нужно сказать вамъ, кто былъ этотъ Озія, когда онъ царствовалъ, надъ кѣмъ царствовалъ, сколько времени продолжалось его царствованіе и какъ онъ кончилъ жизнь. Лучше было бы замолчать, потому что необходимо пуститься въ безпредѣльное море историческихъ повѣствованій. Но тѣмъ, которые намѣрены отправиться въ это море, нужно отправляться въ путь съ пловцами, не съ утомленными, а свѣжими силами. Для того вездѣ на морѣ и существуютъ пристани и острова, чтобы отдохнулъ и кормчій и гребецъ, одинъ отложивъ весло, другой оставивъ руль. Для того вездѣ на дорогахъ и придуманы гостинницы и постоялые дворы, чтобы и вьючныя животныя и путники отдохнули отъ трудовъ. Для того и слову ученія положено время молчанія, чтобы намъ и себя не изнурить, и васъ не утомить продолжительностію рѣчи. Эти времена зналъ и Соломонъ, который говоритъ: *время молчати, и время глаголати* (Еккл. ш, 7). Итакъ пусть будетъ для насъ время молчанія, чтобы для учителя было время глаголанія [1]).
Наши слова подобны вину, недавно почерпнутому изъ точила; а 112
его слова подобны вину старому и долго стоявшему, которое доставляетъ нуждающимся великую пользу и крѣпость,—такъ что сегодня повторилось извѣстное евангельское событіе: послѣ худшаго вина приносится лучшее (Іоан. п, 10). И какъ то вино произошло не изъ винограда, но произвела его сила Христова,—такъ и его рѣчь изливаетъ не человѣческій умъ, а благодать Духа. Если же потоки ея обильны и духовны, то будемъ принимать ихъ тщательно и хранить бережливо, чтобы, постоянно орошаясь ими, мы могли приносить зрѣлые плоды дарующему ихъ Богу, которому подобаетъ всякая слава и честь съ Единороднымъ Его Сыномъ и Всесвятымъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

---

[1]) Т. е. для епископа Флавіана, который говорилъ поученія иногда прежде, а иногда и послѣ св. Златоуста въ антіохійской церкви.

БЕСѢДА III.

На первую [1]) (чит. вторую) Паралипоменонъ, гдѣ говорится: вознесеся сердце Озіи (2 Пар. XXVI, 16), также о смиренномудріи, о томъ, что добродѣтельному не слѣдуетъ быть самонадѣяннымъ, и о томъ, сколь великое зло — гордость.

1. Благословенъ Богъ: и въ нашъ вѣкъ произрасли мученики и мы удостоились видѣть людей, закалаемыхъ за Христа,— людей, проливающихъ святую кровь, которая орошаетъ всю Церковь, проливающихъ кровь, страшную для бѣсовъ, вожделѣнную для ангеловъ, спасительную для насъ. Мы удостоились видѣть людей, ратующихъ за благочестіе, побѣждающихъ, увѣнчиваемыхъ; и удостоились не только видѣть, но и принять самыя тѣла этихъ подвижниковъ; и мы теперь имѣемъ у себя этихъ вѣнценосцевъ. Впрочемъ рѣчь о мученикахъ теперь мы предоставляемъ ревнителю мучениковъ, нашему общему учителю; а сами будемъ говорить вамъ теперь объ Озіи, чтобы уплатить нашъ старый долгъ и удовлетворить давнему томительному желанію—слышать объ этомъ. Я хорошо знаю, что каждый изъ васъ томится желаніемъ слышать о тѣхъ событіяхъ; и мы продлили это томленіе, не изъ желанія увеличить вашу скорбь, но стараясь усилить желаніе, чтобы наше угощеніе показалось вамъ пріятнѣе. Когда богатые предлагаютъ угощеніе и принимаютъ сытыхъ гостей, то они могутъ возбудить въ нихъ аппетитъ драгоцѣнностію приготовленнаго; а трапеза бѣдныхъ ни отъ чего такъ не оказывается блистательною, какъ если приступающіе къ ней будутъ голодными. Кто же былъ Озія, чей онъ потомокъ, чей царь, сколько времени царствовалъ, что сдѣлалъ хорошаго, въ чемъ погрѣшилъ и какъ окончилъ жизнь? Обо всемъ этомъ мы скажемъ вамъ теперь, или лучше, сколько можно сказать, чтобы множествомъ сказаннаго не обременить вашей памяти, какъ бываетъ съ огнемъ свѣтильника. Если въ него будешь подливать масла къ свѣтильнѣ понемногу, то доставишь достаточную пищу огню, а если нальешь вдругъ, то погасишь и бывшій огонь. Итакъ, этотъ Озія былъ потомокъ Давида и царь іудейскій; цар-

---

[1]) Почти во всѣхъ рукописяхъ имѣется: εἰς τὴν πρώτην τῶν Παραλειπομένων = *на первую Паралипоменонъ*, но здѣсь, несомнѣнно, разумѣется 2 Паралипоменонъ, гдѣ излагается исторія Озіи.

ствовалъ онъ пятьдесятъ два года, и сначала былъ добродѣтельнымъ, а потомъ впалъ въ грѣхъ. Возмечтавъ о себѣ выше соб- 113
ственнаго достоинства, онъ хотѣлъ присвоить власть священства.

Таково зло—гордость; она въ каждомъ производитъ то, что онъ не знаетъ самого себя, и послѣ многихъ трудовъ уничтожаетъ все сокровище добродѣтели. Прочіе грѣхи обыкновенно происходятъ отъ нашей безпечности; а она зарождается въ насъ, когда мы поступаемъ правильно. Обыкновенно ничто такъ не производитъ гордости, какъ добрая совѣсть, если мы не будемъ внимательны. Потому и Христосъ, зная, что эта страсть приходитъ къ намъ послѣ добрыхъ дѣлъ, говорилъ ученикамъ: *егда сотворите вся, глаголите, яко раби неключими есмы* (Лук. XVII, 10). Когда будетъ приступать къ вамъ этотъ звѣрь, тогда этими словами, говоритъ, заприте отъ него двери. Не сказалъ: когда исполните все, тогда вы ничего не стбите; но сами вы *глаголите, яко неключими есмы*; говори, не бойся, не по твоему суду произношу Я приговоръ. Если ты самъ назовешь себя непотребнымъ, то Я увѣнчаю тебя, какъ благопотребнаго. Такъ и въ другомъ мѣстѣ Богъ говоритъ: *глаголи ты беззаконія твоя прежде, да оправдишися* (Ис. XLIII, 26). Въ судилищахъ внѣшнихъ послѣ обвиненія и признанія въ преступленіяхъ назначается смерть; а въ судилищѣ божественномъ послѣ признанія—вѣнецъ. Потому и Соломонъ говорилъ: *не оправдай себе предъ Богомъ* (Сир. VII, 5). Ничего такого не слушалъ Озія, но вошелъ въ храмъ, хотѣлъ кадить, и священника, который останавливалъ его, не послушалъ. Что же Богъ? Онъ поразилъ Озію проказою на челѣ, дабы наказать безстыдное лицо его и научить его, что это было судилище божественное и что не противъ людей возставалъ онъ. Вотъ что извѣстно объ Озіи. Теперь прослѣдимъ это сказаніе сначала. Я для того предварительно и разсказалъ вамъ кратко все случившееся, чтобы вы, слушая сказаніе Писанія объ этомъ, въ точности слѣдили за нимъ. Будьте же внимательны. *И сотвори*, говоритъ Писаніе, Озіа *праввое предъ Господамъ* (2 Парал. XXVI, 4). Этимъ оно засвидѣтельствовало о великой его добродѣтели. Онъ не только *творилъ правое*, но и *предъ Господемъ*, а не на показъ людямъ, какъ тѣ, которые у іудеевъ трубили о своей милостынѣ, искажали во время постовъ свои лица, совершали молитвы на перекресткахъ. Что можетъ быть несчастнѣе такихъ людей, когда они труды переносятъ, а всякаго воздаянія лишаютъ себя?

2. Что дѣлаешь ты, человѣкъ? Одному ты будешь отдавать отчетъ въ дѣлахъ своихъ, а другого призываешь въ свидѣтели дѣлъ? Одного имѣешь судьею, а другого сажаешь зрителемъ? Не видишь ли, какъ возницы, — когда весь городъ сидитъ вверху

на конскихъ ристалищахъ, — проѣзжая все пространство поприща, стараются ниспровергнуть колесницы соперниковъ тамъ, гдѣ видятъ сидящаго царя, и одинъ глазъ его считаютъ важнѣе столь
114 многихъ глазъ? А ты видишь самого Царя ангеловъ наблюдающимъ за твоимъ теченіемъ и, оставивъ Его, стараешься привлечь взоры подобныхъ тебѣ рабовъ? Не потому ли и отходишь ты послѣ тысячи состязаній безъ вѣнца, послѣ многихъ подвиговъ приходишь къ Распорядителю подвиговъ безъ наградъ? Но Озія былъ не таковъ, *творилъ правое предъ Господемъ*.

Какъ же онъ послѣ такой праведной жизни поколебался и палъ? Этому и я удивляюсь и недоумѣваю, или лучше, при этомъ нѣтъ мѣста недоумѣнію, потому что онъ былъ человѣкъ, существо удобопреклонное къ грѣху и скорое на пороки. И не только это бѣдственно, но и то, что мы должны проходить путемъ тѣснымъ и узкимъ, подъ угрожающими съ обѣихъ сторонъ утесами. Если же и удобопреклонность воли и трудность пути содѣйствуютъ одному и тому же, то не удивляйся паденіямъ. Какъ на зрѣлищахъ тѣ, которые стараются восходить и нисходить по натянутому снизу вверхъ канату, если немного засмотрятся, то, потерявъ равновѣсіе, падаютъ на подмостки и погибаютъ, такъ и идущіе этимъ путемъ, если немного будутъ нерадивы, низвергаются въ пропасть. Подлинно, этотъ путь гораздо болѣе того каната и узокъ, и крутъ, и опасенъ, и гораздо болѣе высокъ; онъ оканчивается вверху у самаго неба, и тогда шествіе становится для насъ особенно опаснымъ, когда мы бываемъ вверху, при самой вершинѣ; стоящіе на высотѣ чувствуютъ великій страхъ и для нихъ остается только одно средство спасенія — не обращать взоровъ внизъ, не смотрѣть на землю; иначе дѣлается сильное головокруженіе. Потому пророкъ непрестанно и взываетъ къ намъ: *въ конецъ, да не растлиши* (Псал. LVI, 1), возбуждая нашу душу, предающуюся нерадѣнію, предохраняя и удерживая ее, готовую упасть. Вначалѣ намъ нужно небольшое вразумленіе. Почему? Потому, что каждый человѣкъ, даже лѣнивѣйшій изъ всѣхъ, приступая къ дѣлу, показываетъ сначала великое стараніе и, съ живымъ усердіемъ и свѣжими силами, легко принимается за предположенное; но когда мы пройдемъ большую часть пути, когда усердіе наше охладѣетъ, силы наши ослабѣютъ и мы готовы будемъ пасть, — тогда благовременно является къ намъ пророкъ, предлагаетъ намъ свое изреченіе, какъ бы трость, и говоритъ: *въ конецъ, да не растлиши*.

И діаволъ тогда нападаетъ на насъ сильнѣе. Какъ плавающіе по морю разбойники не тогда нападаютъ на корабли, когда видятъ ихъ выходящими изъ пристани (какая имъ польза пото-

пить пустое судно?), но когда корабли возвращаются съ полнымъ грузомъ, тогда они и употребляютъ всѣ свои хитрости, такъ и злой бѣсъ, когда видитъ людей, собравшихъ многое, постъ, молитвы, милостыню, цѣломудріе, и всѣ прочія добродѣтели, когда видитъ нашъ корабль наполненнымъ драгоцѣнными камнями благочестія, тогда и нападаетъ, со всѣхъ сторонъ подкапываясь подъ сокровище, чтобы потопить судно въ самомъ устьѣ при-
стани и отпустить насъ въ ту пристань ни съ чѣмъ. Потому 115
пророкъ увѣщеваетъ всѣхъ и говоритъ: *въ конецъ, да не растлиши*. Послѣ такого паденія уже трудно снова встать: *егда человѣкъ приходитъ во глубину золъ, нерадитъ* (Притч. XVIII, 3). Падшаго въ началѣ мы всѣ прощаемъ по его неопытности, но тотъ, кто упалъ послѣ многихъ переходовъ, не легко удостоится прощенія или оправданія; такое паденіе его приписывается нерадѣнію. И не только это бѣдственно, но и то, что многіе соблазняются такими паденіями, и поэтому также грѣхъ становится непростительнымъ. Зная это, будемъ слушать пророка и не станемъ растлѣвать (жизнь свою) *въ конецъ*. Потому и Іезекіиль говоритъ: аще будетъ кто праведенъ, послѣди же падъ согрѣшитъ, не помянутся ему правды его, но во грѣсѣ своемъ умретъ (ср. Іезек. III, 20; XVIII, 24) [1]. И онъ боялся за конецъ. И не только этимъ, но и противнымъ тому онъ доказываетъ великую силу. Аще будетъ, говоритъ онъ, кто грѣшенъ, послѣди же обратився будетъ праведенъ, *не помянутся согрѣшенія его, но въ правдѣ своей живъ будетъ* (Іезек. XVIII, 21, 22) [2]. Видишь, какъ и здѣсь показываетъ онъ великую заботливость о концѣ. Чтобы и праведникъ, надѣясь на свою праведность и предавшись беспечности, не погибъ, пророкъ устрашаетъ его концемъ; чтобы и грѣшникъ, отчаявшись послѣ паденій, не остался навсегда въ своемъ падшемъ состояніи, онъ возстановляетъ его указаніемъ на конецъ. Ты, говоритъ, много согрѣшилъ, но не теряй надежды; есть выходъ, если ты покажешь конецъ, противоположный началу. Ты, говоритъ онъ праведнику, сдѣлалъ много добраго, но не полагайся на это; случается и падать, если до конца не сохранишь одинаковаго усердія. Видишь ли, какъ онъ истребляетъ и нерадѣніе въ одномъ, и отчаяніе въ другомъ?

8. Ничего такого не слушалъ Озія, и потому, слишкомъ положившись на себя, палъ паденіемъ тяжкимъ и неисправимымъ.

---

[1]) Св. І. Зл., цитируя здѣсь прор. Іезекіиля, приводитъ его слова изъ III, 20 и XVIII, 24 не буквально, а въ перифразѣ.

[2]) И здѣсь св. І. Зл., цитируя пр. Іезекіиля, приводитъ его слова изъ XVIII, 21—22 не буквально, а въ перифразѣ.

Не всякое паденіе производитъ въ насъ одинаковую рану, но одни изъ грѣховъ заслуживаютъ только порицанія, а другіе навлекаютъ тягчайшее наказаніе. Такъ Павелъ, укоряя тѣхъ, которые на общихъ вечеряхъ не ожидали братій, говоритъ: *сіе же завѣщавая не хвалю* (1 Кор. xi, 17). Видишь: этотъ грѣхъ подлежитъ только порицанію, и укоризна служитъ для него наказаніемъ. Но не такъ поступаетъ онъ, когда говоритъ о блудѣ, а какъ? *Аще,* говоритъ, *кто храмъ Божій растлитъ, растлитъ сего Богъ* (1 Кор. III, 17). Здѣсь уже не укоризна или порицаніе, а тягчайшее наказаніе. Также и Соломонъ зналъ различіе между грѣхами; онъ, сравнивая воровство съ прелюбодѣяніемъ, говоритъ такъ; *не дивно, аще кто ятъ будетъ крадый: крадетъ бо, да насытитъ душу свою алчущую. Прелюбодѣй же за скудость ума погибель души своей содѣваетъ* (Притч. vi, 30, 32). И то и другое, говоритъ, есть грѣхъ; но одинъ грѣхъ меньше, другой больше; тотъ находитъ предлогъ въ бѣдности, а этотъ не имѣетъ ника-
116 кого оправданія. И этотъ, скажешь, вынуждается естественною потребностію? Но не допускаетъ этого данная человѣку жена; она лишаетъ его оправданія. Для того и учрежденъ бракъ и законное пользованіе, чтобы мужъ не могъ говорить ничего подобнаго. Для того и дана ему помощница жена, чтобы обуздывать бѣснующуюся природу, чтобы укрощать волны похоти. Потому, какъ кормчій, допустившій кораблекрушеніе въ пристани, не можетъ имѣть никакого оправданія,—такъ и человѣкъ, достигшій безопасности чрезъ бракъ, и оскорбляющій чужіе браки, или похотливо взирающій на какую-нибудь жену, не можетъ имѣть никакого оправданія ни предъ людьми, ни предъ Богомъ, хотя бы онъ тысячу разъ ссылался на естественное удовольствіе. Впрочемъ какое можетъ быть удовольствіе тамъ, гдѣ—страхъ, безпокойство, опасность и ожиданіе столь многихъ бѣдствій, гдѣ предстоятъ судилища, слѣдствія, гнѣвъ судьи, мечъ, палачъ, пропасть и казнь? Такой человѣкъ трепещетъ и боится всего: тѣней, стѣнъ и самыхъ камней, какъ будто они издаютъ звукъ; онъ подозрѣваетъ и опасается всѣхъ—слугъ, сосѣдей, друзей, враговъ, знающихъ все и не знающихъ ничего. Но, если угодно, пусть не будетъ ничего такого, пусть никто не знаетъ о дерзкихъ дѣлахъ его, кромѣ его одного и оскорбляемой имъ женщины; какъ онъ перенесетъ обличенія совѣсти, имѣя всегда при себѣ этого сильнаго обличителя? Вѣдь какъ отъ самого себя никто убѣжать не можетъ, такъ и отъ приговора этого суда. Этотъ судъ не подкупается деньгами, не увлекается лестію, потому что онъ есть судъ божественный, внѣдренный Богомъ въ наши души. Подлинно, *прелюбодѣй за скудость ума погибель души своей содѣваетъ*

(Притч. VI, 32). Конечно, и воръ не освобождается отъ наказанія и получаетъ воздаяніе, но меньшее. Сравненія показываютъ не противоположность сравниваемыхъ предметовъ, но, оставляя каждый изъ нихъ на своемъ мѣстѣ, представляютъ, который изъ нихъ меньше и который больше. Можетъ быть, вы не поняли сказаннаго; потому необходимо сказать яснѣе. Хорошее дѣло — бракъ, но лучше его—дѣвство; однако потому, что дѣвство лучше, бракъ не есть худое дѣло; онъ ниже дѣвства, но самъ по себѣ — хорошее дѣло. Такъ и здѣсь: худое дѣло—воровство, но меньше прелюбодѣянія, хотя и само по себѣ худо. Видишь ли различіе между грѣхами? Посмотримъ же, какой грѣхъ допустилъ Озія. *Вознесеся*, говоритъ Писаніе, *сердце его* (2 Парал. XXVI, 16). Тяжкая рана; это—гордость, гордость, которая есть источникъ всѣхъ золъ. А чтобы тебѣ скорѣе понять, какъ зла эта болѣзнь, выслушай слѣдующее: прочіе грѣхи ограничиваются нашимъ естествомъ, а гордость увлекла и низвергла съ неба силу безтѣлесную; діавола, который прежде не былъ діаволомъ, она сдѣлала діаволомъ. Мы привели бы во свидѣтели Исаію, который говоритъ о немъ такъ: *на небо взыду, и буду подобенъ вышнему* (Ис. XIV, 13, 14); но не любящіе иносказательныхъ выраженій не примутъ нашего свидѣтельства; если же мы вмѣстѣ съ нимъ представимъ обличителемъ Павла, то уже никто не станетъ противорѣчить. Что же говоритъ Павелъ въ посланіи къ Тимоѳею? То, что недавно принявшаго проповѣдь не должно возводить въ высокое званіе епископства: *не новокрещену*, говоритъ, *да не разгор-* 117
дѣвся въ судъ впадетъ и въ сѣть *діавола* [1]) (1 Тим. III, 6),—чтобы онъ, говоритъ, согрѣшивъ такъ же, какъ діаволъ, не подвергся одному и тому же съ нимъ.

4. И не отсюда только это очевидно, но и изъ того, что́ посовѣтовалъ злой бѣсъ первому изъ всѣхъ людей. Какъ добры имѣютъ обычай—совѣтовать ближнимъ то, чрезъ что сами сдѣлались добрыми, такъ и злые имѣютъ обычай — внушать ближенимъ то, чрезъ что сами сдѣлались злыми. Это—одинъ изъ видовъ злобы, и утѣшеніемъ въ собственномъ наказаніи злые считаютъ погибель другихъ. Что же діаволъ посовѣтовалъ Адаму? Допустить мысль, которая превышала собственную природу,— надѣяться стать равнымъ Богу. Если это, говоритъ діаволъ, низвергло меня съ неба, то тѣмъ болѣе тоже самое извергнетъ его

---

[1]) Въ ц.-сл. т. эти слова читаются: *да не разгордѣвся въ судъ впадетъ діаволь* = Св. І. Зл. послѣ слова ἐμπέσῃ = *впадетъ* читалъ: καὶ παγίδα τοῦ διαβόλου—и *въ сѣть діавола*, какъ читается въ многихъ древнихъ греч. спискахъ Нов. Зав.

изъ рая Потому и Соломонъ говоритъ: *Богъ гордымъ противится* (Притч. III, 34; 1 Петр. V, 5). Не сказалъ: Богъ гордыхъ оставляетъ, предоставляетъ самимъ себѣ, лишаетъ Своей помощи, но говоритъ: *противится*, — впрочемъ не въ томъ смыслѣ, будто Богу нужно ополчаться и бороться противъ гордаго. Что можетъ быть слабѣе гордаго? Какъ лишившійся зрѣнія беззащитенъ отъ всякой обиды, такъ и гордый, который не знаетъ Господа (а *начало гордыни*, говоритъ Премудрый, незнаніе [1]) *Господа* (Сирах. X, 14), лишившись этого свѣта, легко преодолѣвается и людьми. Если бы даже онъ былъ силенъ, и тогда Богу не нужно было бы ополчаться противъ него; Тому, для котораго было достаточно одного хотѣнія, чтобы произвесть все, гораздо легче уничтожить все. Для чего же сказано: *противится?* Для того, чтобы показать сильное отвращеніе Его къ гордому. Итакъ, что гордость есть тяжкая рана, видно какъ отсюда, такъ и съ другихъ сторонъ. Если хотите, то съ другой стороны мы раскроемъ и причину, отъ которой происходитъ эта рана. Писаніе, начиная обличать кого-либо, обыкновенно не только высказываетъ грѣхъ его, но показываетъ намъ и причину грѣха; оно дѣлаетъ это для того, чтобы предостеречь здоровыхъ отъ впаденія въ тѣ же грѣхи. И врачи, приходя къ больнымъ, еще прежде болѣзней изслѣдуютъ причины ихъ, чтобы уничтожить зло въ самомъ источникѣ, такъ какъ кто, оставляя корень, подрѣзываетъ одни вѣтви, тотъ не дѣлаетъ ничего иного, какъ только трудится напрасно. Гдѣ же Писаніе указываетъ и на грѣхъ и на причину грѣха? Такъ, оно обличаетъ жившихъ предъ потопомъ за непристойныя связи, и послушай, какую представляетъ причину: *видѣвше*, говоритъ, *сынове Божіи дщери человѣчи, яко добры суть, пояша себѣ жены отъ нихъ* (Быт. VI, 2). Что же? Не красота ли причиною грѣха? Нѣтъ; она—дѣло премудрости Божіей; а дѣло Божіе никогда не можетъ быть причиною порока. Или зрѣніе? Нѣтъ; и оно—дѣло природы. Что же? Взглядъ порочный, потому что онъ происходитъ отъ развращенной воли. Потому и одинъ премудрый, увѣщевая, говоритъ: *не назирай чуждыя доброты* (Сирах. IX, 8). Не сказалъ: не
118 смотри,—это случается и само собою,—но: *не назирай*, говоритъ, запрещая намѣренный взглядъ, пытливое зрѣніе, продолжительно-порочное разсматриваніе, происходящее отъ развращенной и похотливой души. Но какой, скажешь, отсюда можетъ быть вредъ? *Отъ сея*, говоритъ онъ, *похоть яко огнь разгарается* (Сир. IX, 9). Какъ огонь, касаясь сѣна или соломы, не медлитъ, но какъ скоро коснулся этого вещества, тотчасъ обращается въ

[1]) τὸ μὴ εἰδέναι τὸν Κύριον, но въ ц.-сл. пер: *отступленіе отъ Господа.*

яркій пламень, такъ и огонь похоти, находящейся въ насъ, когда посредствомъ взгляда очей коснется благовидной и блестящей красоты, тотчасъ воспламеняетъ душу. Потому не смотри на временное удовольствіе, доставляемое зрѣніемъ, но взирай на непрестанное мученіе, происходящее отъ похоти. Удовольствіе, нанесши рану, обыкновенно прекращается; а рана не прекращается, но часто остается и губитъ. Какъ олень, смертельно раненный стрѣлою, хотя бы убѣжалъ отъ рукъ охотниковъ, не получаетъ отъ этого уже никакой пользы,—такъ и душа, пораженная стрѣлою похоти, отъ непристойнаго и любопытнаго взгляда, хотя бы бросивши стрѣлу и ушла, растлѣвается и погибаетъ, видя вездѣ этого врага, ее преслѣдующаго. Впрочемъ я говорилъ о томъ (не нужно позволять слову дѣлать длинныя отступленія), что Писаніе обыкновенно показываетъ и грѣхи и причины ихъ. Такъ и здѣсь, послушай, что говоритъ оно объ Озіи. Оно сообщаетъ намъ не только то, что *вознесеся сердце его*, но прибавило и то, отъ чего оно *вознесеся*. Отъ чего же оно превознеслось? *Егда укрѣпися*, говоритъ, *вознесеся сердце его* (2 Пар. xxvi, 16). Онъ не вынесъ величія власти, но какъ отъ пресыщенія бываетъ воспаленіе, а отъ воспаленія происходитъ горячка, и потомъ нерѣдко отсюда приключается смерть, такъ и здѣсь отъ великаго изобилія счастливыхъ обстоятельствъ произошла гордость. Чтó въ тѣлахъ воспаленіе, то въ душахъ гордость. Потомъ отъ гордости явилось въ немъ и желаніе того, что не принадлежало ему.

5. Объ этомъ мы распространяемся не напрасно, но для того, чтобы вы никогда не завидовали и не приписывали блаженства людямъ, облеченнымъ властію, зная, какъ опасно ихъ положеніе, и чтобы никогда не считали несчастными живущихъ въ бѣдности и угнетеніи, зная, что это доставляетъ бóльшую безопасность. Потому и пророкъ восклицалъ: *благо мнѣ, Господи, яко смирилъ мя еси* (Пс. cxviii, 71). Посмотри, какое зло произошло отъ высокаго положенія. *Вознесеся*, говоритъ Писаніе, *сердце его на пагубу* (2 Пар. xxvi, 16). Что значитъ: *на пагубу?* Изъ порочныхъ помысловъ одни совершенно не входятъ въ нашу душу, если мы оградимъ себя великою предосторожностію; другіе зараждаются внутри и, если мы будемъ безпечны, разрастаются; если же противъ нихъ будутъ приняты мѣры, то скоро заглушаются и пропадаютъ; а иные и раждаются, и размножаются, и обращаются въ порочныя дѣйствія, и разстраиваютъ все здоровье нашей души, если мы предадимся великой безпечности. Такимъ образомъ слова: *вознесеся сердце его* означаютъ, что гордость его не осталась внутри и не была потушена, но вышла наружу и, обра- 119
тившись въ порочное дѣйствіе, погубила всѣ его добродѣтели.

Блаженное дѣло — совершенно не допускать порочнаго помысла, какъ и пророкъ говорилъ: *Господи, не вознесеся сердце мое* (Пс. cxxx, 1); не сказалъ: оно вознеслось, но я обуздалъ его, а даже и не начинало возноситься, т. е. я постоянно соблюдалъ душу недоступною для порока. Это — блаженное дѣло; близко къ нему и то, чтобы вошедшіе помыслы тотчасъ прогонять и не позволять имъ оставаться долго, дабы не образовалась въ насъ нива для пороковъ. Если же и до такой степени мы будемъ безпечными, то есть средство избавленія и отъ этой безпечности, по человѣколюбію Божію, и много врачебныхъ средствъ противъ такихъ ранъ приготовлено неизреченною и великою Его благостію. Впрочемъ окончимъ слово, чтобы не случилось теперь того, чего мы боялись въ началѣ, чтобы обиліе предметовъ не обременило вашей памяти. Поэтому же необходимо кратко перечислить сказанное. Такъ поступаютъ матери: когда онѣ положатъ за пазуху дѣтямъ плодовъ, или сластей, или чего-нибудь подобнаго, то, чтобы по разсѣянности дѣтей что-нибудь изъ даннаго имъ не выпало, крѣпко стягиваютъ одежду ихъ поясомъ, чтобы со всѣхъ сторонъ сдѣлать преграду. Сдѣлаемъ тоже и мы; широко распустившееся слово стянемъ и отдадимъ на сохраненіе памяти. Вы слышали, что не должно дѣлать ничего на показъ, сколь великое зло — безпечность, какъ она легко низвергаетъ и ведущаго безукоризненную жизнь. Вы узнали, какая намъ нужна заботливость особенно при самомъ концѣ жизни, и что не должно ни отчаиваться впавшему въ грѣхъ, если онъ исправляется, ни полагаться на себя добродѣтельному, если онъ предается безпечности. Говорили мы вамъ о различіи грѣховъ и о томъ, что не должно засматриваться на красоту тѣлесную, и показали, какое происходитъ отъ этого зло. Вы помните сказанное вамъ о гордости, равно какъ и о порочныхъ помыслахъ. Сохраняя это, отправимся домой; или лучше, сохраняя это, послушаемъ и совершеннѣйшаго наставленія отличнаго учителя [1]). Наши слова, каковы бы они ни были, носятъ на себѣ признаки молодости; а его слова, каковы бы они ни были, украшаются старческою мудростію. Наши слова подобны потоку, несущемуся стремительно; а его слова подобны источнику, изливающему рѣки съ великимъ спокойствіемъ, и уподобляющемуся болѣе теченію елея, нежели воды. Примемъ же эти потоки, чтобы образовался въ насъ *источникъ воды, текущія въ животъ вѣчный* (Іоан. iv, 14), который да сподобимся всѣ мы получить благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со святымъ и благимъ Духомъ, честь, слава и держава, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

[1]) Т. е. епископа Флавіана.

БЕСѢДА IV.

На слова пророка Исаіи: и бысть въ лѣто, въ неже умре Озіа царь, видѣхъ Господа сѣдяща на престолѣ высоцѣ и превознесеннѣ; похвала городу Антіохіи и вдохновенное обличеніе запрещающихъ бракъ.

1. Прекрасное у насъ сегодня зрѣлище и блистательное со-
браніе. Какая же причина этому? Сегодняшняя жатва — плодъ 120
вчерашняго посѣва. Вчера мы насаждали, а сегодня собираемъ
плоды. Мы воздѣлываемъ не бездушную землю, чтобы ей ме-
длить плодами, но разумныя души. Здѣсь не природа медлитель-
ная, но благодать споспѣшествующая. Благоустроенный у насъ
народъ, послушные люди. Вчера они призваны, а сегодня полу-
чаютъ вѣнцы. Сегодняшнее послушаніе — плодъ вчерашняго увѣ-
щанія. Потому и мы охотно бросаемъ сѣмена, что видимъ чистую
ниву, не терніе заглушающее, не дорогу утаптываемую, не ка-
мень безплодный, но глубокую и тучную почву, которая, прини-
мая сѣмена, тотчасъ приноситъ намъ и колосъ. Я постоянно го-
ворю и не перестану говорить: хвала нашему городу не за то,
что онъ имѣетъ сенатъ, — и мы можемъ перечислять консуловъ,
имѣетъ много статуй, обширную торговлю и выгодное мѣстополо-
женіе, — но за то, что въ немъ живетъ народъ, любящій слушать,
храмы Божіи наполнены, церковь болѣе и болѣе находитъ себѣ
отрады въ словѣ, которое льется каждый день и никогда не на-
сыщаетъ жажды слушателей. Городъ дѣлается достойнымъ удив-
ленія не по зданіямъ, а по своимъ жителямъ. Не говори мнѣ,
что городъ римлянъ великъ по своей огромности, а покажи мнѣ
тамъ народъ, любящій слушать. И Содомъ имѣлъ башни, а ша-
теръ былъ жилищемъ Авраама; но приходившіе ангелы мино-
вали Содомъ и зашли къ шатру, потому что они искали не вели-
колѣпія домовъ, но ходили и искали добродѣтели и красоты души.
И еще: пустыня имѣла Іоанна, а городъ — Ирода; и пустыня была
превосходнѣе города. Почему? Потому, что пророчество — не въ
зданіяхъ. Говорю это для того, чтобы мы никогда не превозно-
сили города, въ которомъ развращены нравы. Для чего говоришь
ты мнѣ о зданіяхъ и столбахъ? Они разрушаются съ настоящею
жизнію. Войди въ церковь, и здѣсь посмотри на благородство
города. Войди, посмотри на бѣдныхъ, остающихся здѣсь съ полу-
ночи до разсвѣта, посмотри на всенощныя священныя бдѣнія,
соединяющія день съ ночью, на этихъ людей, не боящихся ни

насилія сна и днемъ и ночью, ни нуждъ бѣдности. Это—великій городъ и столица вселенной. Сколько епископовъ, сколько учителей приходятъ сюда и, получивъ назиданіе отъ народа, уходятъ, чтобы правила, здѣсь вкоренившіяся, пересадить въ другія мѣста? Если ты будешь говорить мнѣ о внѣшнихъ достоинствахъ и обиліи богатства, то станешь хвалить дерево по листьямъ, а не по плодамъ. Говорю это, желая не льстить вашей любви, но возвѣстить о вашей добродѣтели. Блаженъ я вами; блаженны вы сами собою. *Блаженъ*, говоритъ Писаніе, *повѣдаяй во ушы послушающихъ* (Сирах. xxv, 12); потому я и сталъ блаженнымъ. *Блажени алчущіи и жаждущіи правды* (Матѳ. v, 6). Видите ли, какъ стали блаженны вы сами собою? Блаженъ мужъ, любящій духовныя изреченія. Это отличаетъ насъ отъ безсловесныхъ. Насъ отличаютъ отъ нихъ не свойства тѣлесныя, не пища, ни питіе,
121 не жилище, не жизнь: все это у насъ общее съ безсловесными; но чѣмъ отличается человѣкъ отъ безсловесныхъ? Словомъ. Потому человѣкъ и называется животнымъ словеснымъ (λογικὸς). Какъ питается тѣло, такъ питается и душа: тѣло хлѣбомъ, а душа словомъ. Если бы увидѣлъ человѣка, вкушающаго камень, то сказалъ ли бы ты, что это — человѣкъ? Такъ точно, если ты увидишь кого-нибудь питающагося не словомъ, а предметами чуждыми слова, то скажешь: онъ пересталъ даже быть человѣкомъ, потому что благородство человѣка доказывается тѣмъ, чѣмъ онъ выкармливается. Итакъ, когда наше зрѣлище полно, когда волновавшееся море успокоилось и бушевавшія волны улеглись, теперь выдвинемъ корабль, распустивъ вмѣсто паруса языкъ, вмѣсто вѣтра призвавъ благодать Духа, вмѣсто руля и кормила употребивъ правителемъ крестъ. Въ морѣ соленыя воды, а здѣсь живая вода; тамъ безсловесныя животныя, а здѣсь разумныя души; тамъ плывущіе стремятся съ моря на землю, а здѣсь плывущіе—съ земли на небо; тамъ корабли, а здѣсь духовныя рѣчи; тамъ корабельныя доски, а здѣсь словесныя сочетанія; тамъ парусъ, а здѣсь языкъ; тамъ вѣяніе вѣтра, а здѣсь наитіе Духа; тамъ кормчій — человѣкъ, а здѣсь кормчій — Христосъ Потому этотъ корабль, хотя колеблется волнами, но не потопляется. Онъ могъ бы плыть въ спокойствіи, но не допускаетъ этого Кормчій, чтобы ты видѣлъ и терпѣніе плывущихъ и вполнѣ позналъ мудрость Кормчаго.

2. Пусть услышатъ эллины, пусть услышатъ іудеи о нашихъ дѣлахъ и превосходствѣ Церкви. Сколько враговъ возставало противъ Церкви, и однако она никогда не была побѣждена? Сколько властителей? Сколько военачальниковъ? Сколько царей? Августъ, Тиверій, Кай, Клавдій, Неронъ, люди образованные,

сильные, столько возставали противъ нея, еще младенчествовавшей, и однако не искоренили ея; но возстававшіе уже не воспоминаются и преданы забвенію, а та, противъ которой возставали, превозносится выше неба. Ты не смотри на то, что Церковь находится на землѣ, но на то, что она жительствуетъ на небѣ. Откуда это видно? Показываютъ самыя дѣла. Была война противъ одиннадцати учениковъ; вся вселенная воевала противъ нихъ; но тѣ, противъ кого воевали, побѣдили, а воевавшіе побѣждены; овцы преодолѣли волковъ. Видишь ли пастыря, посылающаго овецъ посреди волковъ, чтобы онѣ и въ бѣгствѣ не искали спасенія? Какой пастырь дѣлаетъ это? А Христосъ сдѣлалъ это, чтобы показать тебѣ, что не по естественному порядку вещей, а сверхъестественно и выше обыкновеннаго порядка вещей совершаются эти дѣла. Церковь утверждена больше неба. Язычникъ, можетъ быть, обвинитъ меня въ надменности; но пусть онъ подождетъ доказательства, и познаетъ силу истины, что легче погаснуть солнцу, чѣмъ уничтожиться Церкви. Кто, скажешь, 122
возвѣщаетъ объ этомъ? Тотъ, Кто основалъ ее. *Небо и земля мимоидутъ*, говоритъ Онъ, *словеса же моя не мимоидутъ* (Мѳ. XXIV, 35). Это Онъ не только сказалъ, но и исполнилъ. Почему же Онъ основалъ Церковь тверже неба? Потому, что Церковь драгоцѣннѣе неба. Для чего небо? Для Церкви, а не Церковь для неба. Небо для человѣка, а не человѣкъ для неба. Это видно и изъ того, что Онъ самъ сдѣлалъ. Христосъ принялъ не небесное тѣло. Впрочемъ, чтобы, распространяя рѣчь, намъ сегодня опять не остаться у васъ въ долгу (вы знаете, сколько вчера мы обѣщали вамъ), мы готовы заплатить долгъ. Я отложилъ рѣчь ради отсутствовавшихъ. Но такъ какъ отсутствовавшіе исполнили свою обязанность и своимъ присутствіемъ доставили намъ полную трапезу, то теперь и мы предложимъ яства, яства не устарѣвшія; вѣдь, хотя бы они были и вчерашними, они не дѣлаются устарѣвшими. Почему? Потому, что они — не мясо, которое можетъ испортиться, а мысли, постоянно цвѣтущія. Мясо портится, потому что оно тѣло; а мысли, оставаясь, дѣлаются болѣе благовонными. О чемъ же мы говорили вчера? Вчера и мы наслаждались трапезою, и отсутствовавшіе не потерпѣли потери. *И бысть въ лѣто, въ неже умре Озіа царь, видѣхъ Господа, сѣдяща на престолѣ высоцѣ и превознесеннѣ*. Кто говоритъ это? Исаія, созерцатель серафимовъ, бывшій въ бракѣ, и однако не погасившій въ себѣ благодати. Вы внимали пророку и слышали сегодня отъ пророка: *изыди ты и Іасувъ, сынъ твой* (Иса. VII, 3). Не нужно оставлять безъ вниманія и этого. *Изыди ты и сынъ твой*. Итакъ пророкъ имѣлъ сына. Если же

онъ имѣлъ сына, то имѣлъ и жену, чтобы ты зналъ, что бракъ — не зло, а прелюбодѣяніе — зло. Между тѣмъ, когда мы бесѣдуемъ со многими и говоримъ: почему ты не хорошо живешь, почему не ведешь строгой жизни?—то отвѣчаютъ: какъ я могу, если не оставлю жены, если не оставлю дѣтей? Почему же? Развѣ бракъ служитъ препятствіемъ? Жена дана тебѣ помощницею, а не вредительницею. Развѣ не имѣлъ жены пророкъ? И однако бракъ не былъ препятствіемъ для Духа; онъ и жилъ съ женою и былъ пророкомъ. Развѣ не имѣлъ жены Моисей? И однако онъ и разсѣкалъ камни, и измѣнялъ воздухъ, и бесѣдовалъ съ Богомъ, и умилостивлялъ божественный гнѣвъ. Развѣ не имѣлъ жены Авраамъ? И однако онъ сталъ отцомъ народовъ и Церкви; онъ имѣлъ сына Исаака, который также былъ для него поводомъ къ добрымъ дѣламъ. Не вознесъ ли онъ (въ жертву) сына, плодъ брака? Не былъ ли онъ и отцемъ и боголюбцемъ? Не оказался ли священникомъ, принесшимъ въ жертву собственную утробу, — священникомъ и отцомъ? Не показалъ ли въ себѣ природу побѣждаемую и благочестіе побѣждающее, естественную привязанность покоряемую и благочестивыя дѣйствія покорающія, отца устраняемаго и боголюбца увѣнчиваемаго? Не видишь ли ты его всецѣло и любящимъ сына и любящимъ Бога? И попрепятствовалъ ли ему бракъ? А что мать Маккавеевъ?
123 Не была ли она женою? Не присоединила ли семерыхъ сыновей къ лику святыхъ? Не видѣла ли ихъ мучениками? Не стояла ли она при этомъ непоколебимая, какъ гора? Не стояла ли она, перенося мученичество съ каждымъ изъ нихъ и, какъ мать мучениковъ, не вытерпѣла ли седмикратное мученичество? Вѣдь когда они были подвергаемы пыткамъ, она сама принимала ударъ. Не безъ боли она принимала это, потому что была мать, и терзаніе природы оказывало свою силу; и однако она не была побѣждена. Было море и волны, и однако, какъ бушующее море укрощается, такъ и возмущаемая природа была покоряема страхомъ Божіимъ. Какъ она намастила ихъ? Какъ воспитала ихъ? Какъ представляла Богу семъ храмовъ, статуй золотыхъ, или лучше, драгоцѣннѣйшихъ золота?

8. А что дѣйствительно золото не такъ драгоцѣнно, какъ душа мучениковъ, послушай. Явился тиранъ, но, будучи побѣжденъ одною женщиною, удалился. Онъ поражалъ оружіемъ, а она побѣждала твердостію духа; онъ разжигалъ пещь, а она пламенѣла добродѣтелію духа; онъ двигалъ войско, а она устремлялась къ ангеламъ; видѣла тирана внизу, и помышляла о Царствующемъ горѣ; видѣла пытки на землѣ, и исчисляла награды на небѣ; видѣла настоящее мученіе, и представляла

будущее безсмертіе (2 Макк. гл. VII). Потому и Павелъ говорилъ: *не смотрящимъ намъ видимыхъ, но невидимыхъ* (2 Кор. IV, 18). Былъ ли для нея какимъ-нибудь препятствіемъ бракъ? А Петръ, основаніе Церкви, чрезвычайный ревнитель Христа, не учившійся краснорѣчію и побѣждавшій риторовъ, неученый и заграждавшій уста философовъ, расторгавшій языческую мудрость, какъ паутину, прошедшій вселенную, не имѣлъ ли и онъ жены? Да, имѣлъ; а что дѣйствительно имѣлъ, послушай евангелиста. Что же говоритъ онъ? Іисусъ приходилъ къ *тещѣ Петра огнемъ жегомой* (ср. Мѳ. VIII, 14). Гдѣ теща, тамъ и жена; гдѣ жена, тамъ и бракъ. А Филиппъ? Не имѣлъ ли онъ четырехъ дочерей (Дѣян. XXI, 9)? Гдѣ четыре дочери, тамъ и жена и бракъ. А Христосъ? Хотя Онъ родился отъ Дѣвы, но приходилъ на бракъ и принесъ даръ. *Вина не имутъ*, сказали Ему, и Онъ обратилъ воду въ вино (Іоан. II, 1—11), почтивъ своею дѣвственностію бракъ и своимъ даромъ одобривъ дѣло, чтобы ты не отвращался брака, а ненавидѣлъ прелюбодѣяніе. Я, хотя и съ опасностію, но обѣщаю тебѣ спасеніе, если ты и будешь имѣть жену.

Будь внимателенъ къ самому себѣ. Жена, если она добрая, бываетъ твоею помощницею. А что, если она недобрая? Сдѣлай ее доброю. Развѣ у другихъ не были жены и добрыя и злыя, чтобы ты не имѣлъ предлога къ оправданію? Какова была жена Іова? Напротивъ Сарра была доброю. Укажу тебѣ на жену худую и злую. Не повредила мужу жена Іова. Она была худа и зла и совѣтовала ему богохульствовать. Что же? Поколебала ли она 121
эту крѣпость? Сокрушила ли этотъ адамантъ? Преодолѣла ли эту скалу? Поразила ли она этого воина? Ниспровергла ли этотъ корабль? Исторгла ли это дерево? Нисколько. Она нападала, а крѣпость дѣлалась болѣе твердою; она воздвигала волны, а корабль не утопалъ, но плылъ спокойно; плоды дерева были обрываемы, а само дерево не колебалось; листья падали, а корень оставался твердымъ. Говорю это для того, чтобы никто не ссылался на злобу жены. Худа она? Исправь ее. Она, скажешь, лишила меня рая. Но она возвела тебя и на небо. Природа одна и таже, но душевное настроеніе различно. Худа жена Іова? Но хороша Сусанна. Безстыдна египтянка? Но скромна Сарра. Ты видишь ту? Посмотри и на эту. И изъ мужей одни злы, а другіе добры. Іосифъ былъ прекрасенъ, но старшіе его (братья) безстыдны. Видишь ли вездѣ зло и добродѣтель, происходящія не отъ природы, а получающія отличительныя свойства свои отъ душевнаго настроенія? Не представляй мнѣ предлоговъ къ своему оправданію. Впрочемъ поспѣшимъ къ долгу и его уплатѣ. *И*

бысть въ лѣто, въ неже умре Озіа царь. Я намѣреваюсь сказать о томъ, для чего пророкъ означаетъ время событія. Вчера мы спрашивали, почему, тогда какъ всѣ пророки и даже этотъ самый пророкъ въ другихъ мѣстахъ говоритъ о времени жизни царей, здѣсь этотъ обычай нарушенъ, и не говоритъ онъ: во дни Озіи, но: въ лѣто смерти Озіи? Сегодня я хочу рѣшить это. Хотя теперь большой жаръ, но еще больше роса слова; хотя утомляется изнемогающее тѣло, но радуется бодрствующая душа. Не говори мнѣ о жарѣ и потѣ. Если ты потѣешь тѣломъ, то омываешь свою душу. Три отрока были въ пещи, и не потерпѣли никакого вреда, но пещь была для нихъ росою. Когда ты думаешь о потѣ, то думай и о наградѣ и о воздаяніи. Водолазъ осмѣливается бросаться въ глубину водъ не для чего иного, какъ для жемчужинъ, которыя бываютъ причиною войны. Впрочемъ, я порицаю не вещество, а развращеніе души. А ты для того, чтобы получить сокровище неоскудѣвающее и возрастить виноградъ въ душѣ своей, не хочешь переносить жара и пота? Не видишь ли, какъ сидящіе на зрѣлищѣ потѣютъ и на обнаженную голову принимаютъ лучи солнца, чтобы сдѣлаться плѣнниками смерти, рабами блудницы? Они трудятся для своей погибели, а ты не хочешь трудиться для своего спасенія? Ты—ратоборецъ и воинъ. Итакъ кто этотъ Озія, и для чего пророкъ сказалъ объ его смерти? Этотъ Озія былъ царь, мужъ праведный и украшавшійся многими добрыми дѣлами; но потомъ впалъ въ гордость, въ гордость, мать пороковъ, въ надменность, исполненную смятеній, въ высокомѣріе, погубившее діавола. Подлинно,
125 нѣтъ ничего хуже гордости; потому вчера мы и вели всю рѣчь объ этомъ, истребляя гордость и научая смиренномудрію.

4. Сказать ли тебѣ, сколь великое благо — смиренномудріе и сколь великое зло—гордость? Грѣшникъ побѣдилъ праведнаго, мытарь—фарисея, слова оказались выше дѣлъ. Какъ слова? Мытарь говорилъ: *Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшнику*; а фарисей говорилъ: *нѣсмь, якоже прочіи человѣцы*, хищникъ или неправедникъ, но что? *Пощуся двакраты въ субботу, десятину даю всего, елико притяжу* (Лук. XVIII, 11—13). Фарисей выставлялъ праведныя дѣла; мытарь произносилъ слова смиренія,— и слова оказались выше дѣлъ, и такое сокровище развѣялось, и такая бѣдность обратилась въ богатство! Пришли два корабля съ грузомъ; оба подошли къ пристани, но мытарь вступилъ въ пристань благополучно, а фарисей потерпѣлъ кораблекрушеніе, чтобы ты зналъ, сколь великое зло—гордость. Ты праведенъ? Не унижай брата своего. Ты украшаешься добрыми дѣлами? Не поноси ближняго и удержись отъ похвалы себѣ. Насколько ты вы-

сокъ, настолько смиряй себя. Слушай внимательно слова мои, возлюбленный. Праведникъ долженъ бояться гордости больше, нежели грѣшникъ, — это я и вчера говорилъ и сегодня повторяю для тѣхъ, которые вчера не были, — потому что грѣшникъ по необходимости имѣетъ смиренную совѣсть, а праведникъ можетъ гордиться своими добрыми дѣлами. Какъ между мореплавателями имѣющіе пустой корабль не боятся шайки разбойниковъ, потому что они не нападаютъ на пустой корабль, а имѣющіе корабль, наполненный грузомъ, боятся разбойниковъ, потому что разбойникъ обыкновенно является тамъ, гдѣ золото, гдѣ серебро, гдѣ драгоцѣнные камни,—такъ и діаволъ не скоро нападаетъ на грѣшника, но на праведника, гдѣ много богатства. Гордость часто происходитъ отъ навѣтовъ діавола; потому нужно бодрствовать. Насколько ты высокъ, настолько смиряй себя. Когда восходишь на высоту, тогда тебѣ нужно остерегаться, чтобы не упасть. Потому и Господь нашъ говоритъ: *егда сотворите вся, глаголите, яко раби неключимии есмы* (Лук. xvii, 10). Что ты много думаешь о себѣ, будучи человѣкомъ, сроднымъ землѣ, единосущнымъ съ пепломъ, и по природѣ, и по мыслямъ, и по произволенію въ дѣлахъ? Сегодня ты богатъ, завтра бѣденъ; сегодня здоровъ, завтра боленъ; сегодня веселъ, завтра печаленъ; сегодня въ славѣ, завтра въ безчестіи; сегодня молодъ, завтра старъ. Прочно ли что-нибудь человѣческое, и не течетъ ли оно подобно рѣчнымъ потокамъ? Оно лишь только явилось, и уже оставляетъ насъ быстрѣе тѣни. Что же превозносишься ты, человѣкъ, дымъ, суета? *Человѣкъ суетѣ уподобися: дніе его, яко сѣнь преходятъ* (Пс. cxliii, 4). *Изсше трава и цвѣтъ отпаде* (Иса. xl, 7).

Говорю это не для того, чтобы унизить существо человѣка,
но чтобы обуздать гордость. Великое созданіе—человѣкъ, и почтенное существо—мужъ милосердый. Но этотъ Озія, будучи царемъ и облеченнымъ въ діадему, сталъ превозноситься потому, что былъ праведнымъ, и возгордившись больше собственнаго до-
стоинства, вошелъ во святилище. И что говоритъ Писаніе? Вниде 126
во святая святыхъ [1]) и глаголетъ: хощу покадити еиміамомъ (ср. Пар. xxvi, 16). Будучи царемъ, онъ похищаетъ преимущество священства; хочу, говоритъ, *покадити еиміамомъ*, потому что я — праведенъ. Но остановись въ своихъ предѣлахъ; иные предѣлы царской власти, и иные предѣлы священства; послѣднее больше

---

[1]) Ἐισῆλθεν εἰς τὰ ἅγια τῶν ἁγίων, καὶ λέγει, βούλομαι θυμιᾶσαι. Во 2 Парал. xxvi, 16: *и вниде въ церковь Господню покадити надъ алтаремъ еиміамовъ* εἰσῆλθε εἰς τὸν ναὸν Κυρίου θυμιᾶσαι ἐπὶ τὸ θυσιαστήριον τῶν θυμιαμάτων, какъ въ 5-й бесѣдѣ читаетъ эти слова 2 Парал. и св. I. Зл.

первой. Не видимыми вещами отличается царь; не по камнямъ, прикрѣпленнымъ къ нему, и золоту, которымъ онъ облеченъ, должно судить о царѣ. Онъ получилъ власть распоряжаться дѣлами земными; а постановленіе священства занимаетъ мѣсто горѣ. *Елика аще свяжете на земли, будутъ связана на небеси* (Матѳ. XVIII, 18). Царю ввѣрено здѣшнее, а мнѣ — небесное; когда я говорю: мнѣ, то разумѣю священника. Потому, когда ты увидишь недостойнаго священника, не порицай священства, потому что не предметъ нужно осуждать, но того, кто худо пользуется хорошимъ предметомъ. И Іуда сдѣлался предателемъ; но это—позоръ не апостольству, а его душевному настроенію; не вина священства, а зло душевнаго настроенія.

5. Итакъ осуждай не священство, а священника, худо пользующагося хорошимъ предметомъ. Потому, когда кто-нибудь, бесѣдуя съ тобою, скажетъ: видѣлъ ли ты такого-то (священника) христіаниномъ? — отвѣчай: я говорю съ тобою не о лицахъ, а о предметахъ. Сколь многіе врачи дѣлались палачами и давали ядъ вмѣсто лѣкарства? Но я осуждаю не искусство, а того, кто худо пользуется искусствомъ. Сколь многіе кормчіе затопили корабли? Но худо не искусство мореплаванія, а ихъ душевное настроеніе. Если онъ и былъ дурнымъ христіаниномъ, то осуждай не ученіе и священство, а того, кто худо пользуется хорошимъ предметомъ. Царю ввѣрены тѣла, а священнику — души; царь прощаетъ недоимки денежныя, а священникъ—недоимки грѣховныя; тотъ заставляетъ, этотъ убѣждаетъ; тотъ дѣйствуетъ повелѣніемъ, этотъ — совѣтомъ; тотъ имѣетъ оружіе чувственное' этотъ — оружіе духовное; тотъ ведетъ войну съ варварами, а я веду войну съ бѣсами. Послѣдняя власть больше; потому царь и преклоняетъ голову подъ руки священника, и всегда въ ветхомъ завѣтѣ священники помазывали царей. Но царь Озія, вышедши изъ своихъ предѣловъ и преступивъ мѣру царской власти, рѣшился присвоить себѣ лишнее и съ дерзостію вошелъ во святилище, желая кадить ѳиміамомъ. Что же священникъ? Непозволительно тебѣ, Озія, сказалъ онъ, кадить ѳиміамомъ. Посмотри на дерзновеніе, на нераболѣпный образъ мыслей, на языкъ, касающійся неба, на свободу, ничѣмъ нестѣсняющуюся, на тѣло человѣка и умъ ангела, на ходящаго по землѣ и обитающаго на небѣ. Онъ видѣлъ царя, и не смотрѣлъ на порфиру; видѣлъ царя, и не смотрѣлъ на діадему. Не говори мнѣ о царской власти тамъ, гдѣ беззаконіе. *Нѣсть твое*, царь, *да кадиши ѳиміамомъ*, во святомъ святыхъ; ты преступаешь предѣлы, присвояешь не данное тебѣ; потому ты потеряешь и то, что получилъ. *Нѣсть твое кадити, но священникомъ*; это не твое, а мое. Похитилъ ли я

твою порфиру? Не похищай же ты моего священства. *Нѣсть тебе, да кадиши виміамомъ, но токмо священникомъ, сыномъ Аароnимъ* (2 Пар. xxvi, 18). Это происходило спустя много времени послѣ смерти Аарона. Почему же онъ не сказалъ только: *священникомъ*, но упомянулъ и о праотцѣ? Въ то время случилось нѣчто подобное. Даѳанъ, Авиронъ и Корей возстали противъ Аарона; но разверзлась земля и поглотила ихъ; сошелъ огонь съ неба и попалилъ ихъ (Числ. гл. Пс. xvi, ст. 17, 18). Потому священ- 127
никъ, желая напомнить царю изъ тогдашней исторіи, что и прежде нападали на священство, но оно не было унижено, и возставало множество людей, но Богъ отмстилъ за него, сказалъ: *нѣсть тебе, да кадиши виміамомъ, но токмо священникомъ, сыномъ Аароnимъ*. Не сказалъ: вспомни, что потерпѣли тогда сдѣлавшіе это; не сказалъ: подумай, что возставшіе были сожжены; но назвалъ Аарона, за котораго было отмщено, и привелъ царю на память это событіе, какъ бы такъ сказавъ: не дерзай на дѣла Даѳана, чтобы тебѣ не потерпѣть того же, что было при Ааронѣ. Но царь Озія не послушался, а надмеваясь гордостію, вошелъ во святилище открылъ святое святыхъ и хотѣлъ кадить ѳиміамомъ. Чтоже Богъ? Когда такимъ образомъ священникъ былъ презрѣнъ и достоинство священства попрано, и уже священникъ не могъ сдѣлать ничего, — вѣдь дѣло священника только обличать и показывать дерзновеніе, а не употреблять оружіе, не браться за щиты, не потрясать копьемъ, не натягивать лукъ, не бросать стрѣлы, но только обличать и показывать дерзновеніе, — когда священникъ обличалъ, а царь не слушался, но взялся за оружіе, щиты и копья, и воспользовался своею властію, тогда священникъ сказалъ къ Богу: я сдѣлалъ свое дѣло, больше не могу сдѣлать ничего; помоги попираемому священству; законы нарушаются, правила ниспровергаются. Что же Человѣколюбецъ? Онъ наказалъ дерзкаго. *И* тотчасъ *проказа взыде на чело его* (2 Пар. xxvi, 19). Гдѣ безстыдство, тамъ и наказаніе.

Но видишь ли человѣколюбіе въ самомъ наказаніи Божіемъ? Онъ не послалъ молніи, не потрясъ земли, не подвигъ неба, но *взыде проказа*, не на другомъ какомъ-нибудь мѣстѣ, а на *челѣ*, чтобы лице носило слѣды наказанія, какъ письмена, начертанныя на столбѣ; это сдѣлано было нетолько для него, но и для тѣхъ, которые будутъ послѣ него. Имѣя силу послать другое достойное наказаніе, Онъ не послалъ, но какъ бы начерталъ на какомъ-нибудь высокомъ мѣстѣ законъ, который говорилъ: не дѣлайте этого, чтобы не потерпѣть того же. Вышелъ одушевленный законъ, и чело издавало голосъ громче трубы. Письмена были начертаны на челѣ, письмена, которыя не могли быть из-

глажены, потому что они были написаны не чернилами, чтобы можно было изгладить ихъ, но были естественною проказою, которая сдѣлала царя нечистымъ, чтобы другихъ сдѣлать чистыми. И какъ осужденныхъ на казнь, когда дадутъ имъ веревку, выводятъ съ веревкою въ устахъ, такъ и этотъ ходилъ, имѣя вмѣсто веревки проказу на челѣ, за то, что поругался надъ священствомъ. Говорю это, осуждая не царей, но безумствующихъ отъ гордости и гнѣва, чтобы вы знали, что священство больше царской власти.

128 6. Такъ всегда, когда согрѣшитъ душа, Богъ наказываетъ тѣло. Такъ Онъ поступилъ и съ Каиномъ. Согрѣшила душа его, совершившая убійство, а тѣло его подверглось разслабленію; и весьма справедливо. Почему? *Стеня и трясыйся*, сказалъ Богъ, *будеши на земли* (Быт. IV, 12). И ходилъ Каинъ, возвѣщая объ этомъ всѣмъ, разсказывая молча, научая безъ словъ. Языкъ молчалъ, а члены взывали и говорили всѣмъ, почему онъ стенаетъ, почему трясется: я убилъ брата, я совершилъ убійство. Моисей послѣ говорилъ письменно, а этотъ ходилъ и самымъ дѣломъ говорилъ всѣмъ: *не убій*. Видишь ли уста, которыя молчали, и дѣло, которое взывало? Видишь ли одушевленный законъ, носимый вездѣ? Видишь ли столбъ, переходившій съ одного мѣста на другое? Видишь ли мщеніе за мщеніе? Видишь ли наказаніе, послужившее основаніемъ назиданія? Видишь ли душу согрѣшившую и плоть наказываемую? И весьма справедливо. Такъ было и съ Захаріею: душа его согрѣшила, а языкъ былъ связанъ. Захарія, родившій гласъ (вопіющаго въ пустынѣ), дѣйствительно былъ наказанъ, когда у него орудіе слова сдѣлалось неспособнымъ къ употребленію. И Озія, когда согрѣшилъ, былъ пораженъ проказою на челѣ, чтобы онъ вразумился. Такимъ образомъ царь вышелъ, сдѣлавшись примѣромъ для всѣхъ, и храмъ очистился; онъ былъ изгнанъ, хотя никто не изгонялъ его, и, желая присвоить себѣ священство, потерялъ и тó, чтó имѣлъ. И вышелъ онъ изъ храма. Въ древности былъ законъ — всякаго прокаженнаго изгонять изъ города; а нынѣ уже нѣтъ. Почему? Потому, что тогда Богъ обращался съ людьми, какъ съ дѣтьми; тогда была проказа тѣлесная, а теперь наблюдается проказа душевная. Итакъ вышелъ царь въ проказѣ, а они не изгнали его изъ города, боясь его порфиры и царской власти, и опять онъ занялъ свое мѣсто вопреки закону? Что же Богъ? Прогнѣвавшись на іудеевъ, Онъ прекратилъ пророчество. Все это я сказалъ по поводу изреченія пророка, чтобы уплатить долгъ. Но возвратимся къ предмету. Царь вышелъ изъ храма прокаженнымъ. По обычаю должно было бы изгнать его и

изъ города, какъ нечистаго; но народъ дозволилъ ему оставаться внутри города, и не осмѣлился сдѣлать ничего должнаго, ни малаго, ни великаго. И потому, такъ какъ они оставили царя въ городѣ, Богъ отвратился отъ нихъ и прекратилъ благодать пророчества; и весьма справедливо. За то, что они нарушили законъ Его и боялись изгнать нечистаго, Онъ прекратилъ даръ пророчества. *И глаголъ бѣ честенъ въ тыя дни, не бѣ видѣніе посылаемо* (1 Цар. III, 1), т. е. Богъ не говорилъ съ ними чрезъ 129
пророковъ; не было имъ вдохновенія отъ Духа, которымъ они говорили, потому что между ними былъ нечистый, а благодать Духа не дѣйствовала между нечистыми. Потому она и не была присуща, не являлась пророкамъ, но молчала и скрывалась. Чтобы сказанное было для васъ понятнымъ, объясню примѣромъ. Какъ человѣкъ, питающій къ кому-нибудь любовь, жестоко обиженный имъ въ чемъ-нибудь, говоритъ ему: я больше не покажусь тебѣ, не стану говорить съ тобою, — такъ поступилъ тогда и Богъ. Когда не изгнавшіе Озіи прогнѣвали Его, то Онъ сказалъ: Я больше не стану говорить пророкамъ вашимъ, не буду ниспосылать благодати Духа. Посмотри на наказаніе, исполненное милосердія. Онъ не послалъ молніи и не потрясъ города въ самомъ основаніи; но что? Вы, говоритъ, не хотите отмстить за Меня? И Я не буду бесѣдовать съ вами. Не могъ ли Я изгнать его? Но Я хотѣлъ предоставить остальное вамъ. Вы не хотите? И Я не буду бесѣдовать съ вами и не стану вдохновлять пророковъ. И благодать Духа не дѣйствовала, было молчаніе, вражда между Богомъ и людьми. Когда же потомъ царь умеръ, то уничтожилась и причина нечистоты. Такимъ образомъ пророкъ долго не пророчествовалъ, но, между тѣмъ какъ онъ не пророчествовалъ, гнѣвъ Божій прекратился, и пророчество возвратилось. По этой необходимости пророкъ означаетъ время и говоритъ: *и бысть въ лѣто, въ неже умре Озіа царь, видѣхъ Господа сѣдяща на престолѣ высоцѣ и превознесеннѣ*. Когда онъ умеръ, тогда я увидѣлъ Господа; прежде я не видѣлъ Бога, гнѣвавшагося на насъ. Пришла смерть нечистаго и прекратила этотъ гнѣвъ. Потому онъ, вездѣ упоминая о жизни царей, здѣсь сказалъ о смерти Озіи. *И бысть въ лѣто*, говоритъ, *въ неже умре Озіа царь, видѣхъ Господа сѣдяща на престолѣ высоцѣ и превознесеннѣ*. Но здѣсь опять можно видѣть человѣколюбіе Божіе. Умеръ нечистый, и примирился Богъ съ людьми. Почему это произошло, тогда какъ съ ихъ стороны не было никакихъ добрыхъ дѣлъ, но только умеръ царь? Потому, что Богъ человѣколюбивъ и не бываетъ строгъ къ такимъ людямъ. Человѣколюбивый и благій Богъ требовалъ только одного, чтобы удалился нечистый.

Итакъ, зная это, отгонимъ гордость, возлюбимъ смиренномудріе и будемъ воздавать обычную славу Отцу и Сыну и Святому Духу, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА V.

На слова пророка Исаіи: „и бысть въ лѣто, въ неже умре Озіа царь, видѣхъ Господа", и доказательство того, что справедливо наказанъ былъ проказою Озіа, недостойно кадившій, что позволительно не царямъ, а священникамъ.

1. Сегодня мы окончимъ бесѣды объ Озіи и завершимъ рѣчь, чтобы и намъ не подвергнуться осмѣянію, подобно тому человѣку, упоминаемому въ Евангеліи, который рѣшился построить башню и не могъ, чтобы кто-нибудь изъ проходящихъ и объ насъ не сказалъ: *сей человѣкъ начатъ здати и не može совершити*
180 (Лук. XIV, 30). Но чтобы сказанное было для васъ болѣе яснымъ, нужно повторить немногое изъ прежде сказаннаго, дабы наша бесѣда не вышла на духовное зрѣлище безъ головы, но дабы, принявъ свой видъ, была узнана зрителями. Это будетъ для слышавшихъ уже напоминаніемъ, а для не слышавшихъ наставленіемъ. Итакъ прежде мы говорили о томъ, какъ благочестивъ былъ Озія, какъ онъ сдѣлался дурнымъ, отчего и до какой степени онъ впалъ въ гордость; а сегодня нужно сказать, какъ онъ вошелъ во святилище, какъ рѣшился кадить еиміамомъ, какъ священникъ не дозволялъ, какъ тотъ не послушался, какъ навлекъ на себя гнѣвъ Божій, какъ окончилъ жизнь въ проказѣ, и почему пророкъ, оставивъ дни жизни его, упомянулъ о смерти, сказавъ такъ: *въ лѣто, въ неже умре Озіа царь*. Для того мы и разсказали все событіе съ начала. Слушайте же со вниманіемъ.

И бысть, говоритъ Писаніе, *егда укрѣпися Озіа царь, вознесеся сердце его на пагубу, и обидѣ Господа Бога своего*. Какимъ образомъ обидѣлъ? *Вниде* говоритъ, *въ церковь Господню покадити надъ алтаремъ* еиміама [1]) (2 Цар. XXVI, 16). О, дерзость! О, безстыдство! Осмѣлился вступить въ самое сокровенное святилище, вторгся во святое святыхъ, которое было мѣстомъ, недоступнымъ ни для кого, кромѣ первосвященника, рѣшился осквернить его. Такова душа, зараженная гордостію. Однажды оставивъ попеченіе о сво-

---

[1]) Въ Алекс. и ват. код.: τῶν θυμιαμάτων, почему въ ц.-сл.: *еиміамовъ*.

емъ спасеніи, она никогда не перестаетъ безумствовать, но, передавъ бразды своего спасенія безумнымъ пожеланіямъ, носится вездѣ. Какъ необузданный конь, сбросивъ узду съ своихъ устъ и свергнувъ всадника съ своего хребта, несется быстрѣе всякаго вѣтра и бываетъ неприступнымъ для встрѣчающихся, когда всѣ разбѣгаются и никто не осмѣливается удержать его, такъ и душа, отвергнувъ обуздывающій ее страхъ Божій и отбросивъ управляющій ею разумъ, бѣгаетъ по странамъ нечестія до тѣхъ поръ, пока, стремясь въ бездну погибели, свергнетъ въ пропасть собственное спасеніе. Потому, нужно постоянно удерживать ее и, какъ бы нѣкоторою уздою, благочестивыми помыслами обуздывать безумное ея стремленіе; этого Озія не сдѣлалъ, но рѣшился на преступленіе противъ власти самой высшей изъ всѣхъ, — потому что священство важнѣе самой царской власти и есть высшая власть. Не говори мнѣ о багряницѣ, о діадемѣ и золотыхъ одеждахъ; все это — тѣнь и маловажнѣе весеннихъ цвѣтовъ. *Всяка слава человѣча*, говоритъ пророкъ, *яко цвѣтъ травный*, хотя бы ты указалъ на самую славу царскую (Иса. XL, 6). Не говори же мнѣ объ этомъ; но если хочешь видѣть различіе между священникомъ и царемъ, изслѣдуй мѣру власти, данной каждому изъ нихъ, и увидишь, что священникъ сидитъ гораздо выше царя. Хотя царскій престолъ кажется намъ важнымъ по прикрѣпленнымъ къ нему камнямъ и облекающему его золоту, но царь получилъ власть распоряжаться дѣлами земными и больше этой власти не имѣетъ ничего, а престолъ священства утвержденъ 181
на небесахъ, и священнику ввѣрено устроять тамошнія дѣла. Кто говоритъ это? Самъ Царь небесъ. *Елика аще свяжете на земли*, говоритъ Онъ, *будутъ связана на* небесѣхъ [1]), *и елика аще разрѣшите на земли, будутъ разрѣшена* на небесѣхъ (Мат. XVIII, 18). Чтó можетъ сравниться съ такою честію? Небо получаетъ начало суда съ земли. Судія сидитъ на землѣ, и Владыка слѣдуетъ за рабомъ; и чтó послѣдній присуждаетъ внизу, тó Онъ утверждаетъ горѣ. Священникъ стоитъ посредникомъ между Богомъ и родомъ человѣческимъ, низводя на насъ оттуда благодѣянія и вознося туда наши прошенія, примиряя со всею природою разгнѣваннаго Бога, и насъ, разгнѣвавшихъ Его, избавляя отъ рукъ Его. Посему Богъ преклоняетъ и самую царскую главу подъ руки священника, научая насъ, что послѣдній по власти больше перваго: меньшее благословляется отъ лучшаго. Впрочемъ о священствѣ и о томъ, какъ велико это достоинство, мы

[1]) ἐν τοῖς οὐρανοῖς, но въ изв. греч. сп. нов. зав.: ἐν τῷ οὐρανῷ, почему въ ц.-сл.: *на небеси*.

скажемъ въ другое время; а теперь посмотримъ, какъ велико было беззаконіе Озіи царя, или лучше тирана. Онъ вошелъ въ храмъ Господень; за нимъ вошелъ и священникъ Азарія. Напрасно ли я говорилъ, что священникъ больше царя? Намѣреваясь изгнать его, не какъ царя, но какъ бѣглеца и неблагодарнаго слугу, священникъ вошелъ съ рѣшительностію, подобно тому, какъ благородный песъ нападаетъ на нечистаго звѣря, чтобы выгнать его изъ дома господина.

2. Видишь ли душу священника, исполненную великаго дерзновенія и высокихъ мыслей? Онъ не посмотрѣлъ на величіе власти, не подумалъ, какъ опасно останавливать душу, одержимую страстію, не внялъ словамъ Соломона: *царево прещеніе подобно рыканію львову* (Прит. XIX, 12); но взирая на истиннаго Царя небесъ, представляя то судилище и тѣ воздаянія и оградивъ себя этими мыслями, такимъ образомъ обратился къ тирану. Онъ зналъ, вѣрно зналъ, что угроза царя подобна гнѣву льва для тѣхъ, которыхъ взоры устремлены къ землѣ; а для человѣка, который имѣетъ въ виду небо и готовъ лучше положить душу свою внутри святилища, нежели спокойно взирать на оскорбленіе священныхъ законовъ, онъ маловажнѣе всякаго пса. Подлинно, нѣтъ ничего безсильнѣе преступающаго божественные законы, равно какъ нѣтъ ничего сильнѣе защищающаго божественные законы. *Яко всякъ, творяй грѣхъ, рабъ есть грѣха* (Іоан. VIII, 34), хотя бы онъ имѣлъ на головѣ безчисленное множество вѣнцовъ; а творящій правду царственнѣе самого царя, хотя бы онъ былъ послѣднимъ изъ всѣхъ. Такъ размышляя въ самомъ себѣ, этотъ благородный мужъ приступилъ къ царю. Войдемъ же и мы вмѣстѣ съ нимъ, если угодно, чтобы слышать, что̀ онъ говоритъ царю. Это возможно; и не мало пользы — видѣть, какъ царь обличается священникомъ. Что же говоритъ священникъ? *Нѣсть твое, Озіе, да кадиши виміамомъ Господеви* (2 Пар. XXVI, 18). Не назвалъ его царемъ, не назвалъ именемъ власти, потому что предварительно тотъ самъ себя лишилъ чести. Видишь ли дерзновеніе священника? Теперь посмотри и на кротость его. Намъ нужно не только дерзновеніе, когда мы намѣреваемся обличать, но еще больше
132 кротость, нежели дерзновеніе, потому что грѣшники никого изъ людей такъ не отвращаются и не ненавидятъ, какъ того, кто намѣревается обличать ихъ; они стараются найти предлогъ — уклониться и избѣжать обличенія; поэтому нужно удерживать ихъ кротостію и снисходительностію. Обличитель несносенъ для грѣшниковъ не только тогда, когда они слышатъ его голосъ, но и тогда, когда только видятъ его. *Тяжекъ есть намъ*, говорятъ они, *и къ видѣнію* (Прем. II, 15); поэтому нужно оказывать къ нимъ

великую кротость. Для того и пророческое слово представило намъ какъ грѣшника, такъ и того, кто намѣревается исправить его. Такъ мудрые врачи, намѣреваясь отсѣчь загнившіе члены, или вынуть камни, образовавшіеся въ проходахъ, или исправить другой какой-нибудь естественный недостатокъ, дѣлаютъ это, не отводя больного въ уголъ, но полагая его среди площади, и, составивъ зрѣлище изъ мимоходящихъ, такимъ образомъ производятъ отсѣченіе. Они дѣлаютъ это не для того, чтобы выставить на позоръ человѣческія бѣдствія, но чтобы каждый имѣлъ великое попеченіе о собственномъ здоровьѣ. Такъ поступаетъ и Писаніе. Когда оно беретъ кого-нибудь изъ грѣшниковъ, то громогласно выставляетъ его на видъ не среди площади, а среди всей земли, и, составивъ зрѣлище изъ вселенной, такимъ образомъ прилагаетъ врачество, научая насъ болѣе заботиться о собственномъ спасеніи. Посмотримъ же, какъ священникъ началъ тогда исправлять царя. Онъ не сказалъ: „о, нечестивый и пренечестивый, ты все низвратилъ и привелъ въ безпорядокъ, ты дошелъ до крайней степени нечестія"; и не распространился въ продолжительныхъ обличеніяхъ, но какъ отсѣкающіе стараются дѣлать это быстро, чтобы скоростію сѣченія уменьшить чувство боли, такъ и онъ краткостію обличенія остановилъ гнѣвъ царя. Дѣйствительно, что̀—отсѣченіе для больныхъ, то— обличеніе для грѣшниковъ. Кротость онъ показалъ намъ между прочимъ и краткостію рѣчи. А если хочешь видѣть и сѣченіе въ словахъ его, и то, гдѣ онъ скрылъ желѣзо, послушай. *Нѣсть твое*, говорилъ онъ, *да кадиши виміамомъ Господеви, но токмо священникомъ сыномъ Ааронимъ освященнымъ* (2 Парал. XXVI, 18). Этимъ онъ нанесъ ударъ; а какъ, я скажу. Почему онъ не сказалъ просто: *священникомъ*, но упомянулъ притомъ и объ Ааронѣ? Ааронъ былъ первымъ первосвященникомъ, и въ его времена была сдѣлана такая же дерзость. Даѳанъ, Корей и Авиронъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими возставши противъ него, хотѣли сами священствовать; но однихъ изъ нихъ поглотила разступившаяся земля, другихъ сожегъ нисшедшій съ неба огонь (Числ. XVI; Пс. CV, 17, 18). Итакъ, желая напомнить царю объ этомъ событіи священникъ напомнилъ ему объ Ааронѣ, который былъ оскорбленъ тогда, — чтобы обратить мысли его на несчастіе оскорбившихъ. Впрочемъ отъ этого не было никакого успѣха, не по винѣ священника, но по дерзости царя. Слѣдовало бы похвалить священника и выразить благодарность за совѣтъ; а онъ, говоритъ Писаніе, *прогнѣвася* и сдѣлалъ рану свою болѣе тяжкою (2 Пар. XXVI, 19). Не столь великое зло—грѣхъ, какъ безстыдство послѣ грѣха. Но Давидъ поступилъ не такъ, а какъ? Будучи обличенъ 133

Наѳаномъ за Вирсавію, онъ сказалъ: *согрѣшихъ ко Господу* (Цар. XII, 13).

3. Видишь ли сердце сокрушенное? Видишь ли душу смиренную? Видишь ли, какъ и самыя паденія святыхъ славны? Какъ прекрасныя тѣла и въ болѣзни своей показываютъ намъ много слѣдовъ благообразія, такъ и души святыхъ въ самыхъ паденіяхъ носятъ знаки своей добродѣтели. Притомъ Давидъ былъ обличаемъ пророкомъ среди царскаго дворца, въ присутствіи многихъ; а этотъ получилъ обличеніе внутри святилища безъ свидѣтелей, и однако не перенесъ обличенія. Что же? Остался безъ исцѣленія? Нѣтъ, по человѣколюбію Божію; но какъ о бѣсноватомъ, когда ученики не могли изгнать изъ него бѣса, Христосъ сказалъ: *приведите Ми его сѣмо* (Мат. XVII, 16), такъ и здѣсь, когда священникъ не могъ отгнать болѣзнь, худшую всякаго бѣса, т. е. грѣхъ, то наконецъ самъ Богъ принимается за больного. И что Онъ дѣлаетъ? Поражаетъ его проказою на челѣ. *И бысть*, говоритъ Писаніе, *егда разъярися онъ на жерца* [1]), *проказа взыде на чело его* (2 Пар. XXVI, 19), и онъ вышелъ, подобно тому, какъ отводимые на смерть имѣютъ на устахъ веревку, знакъ осужденія, такъ и онъ, имѣя знакъ безчестія на челѣ; но не палачи влекли его, а самая проказа вмѣсто палачей толкала его въ голову. Онъ вошелъ, чтобы присвоить священство, но потерялъ и царство; вошелъ, чтобы сдѣлаться болѣе почтеннымъ, но сдѣлался презрѣннѣйшимъ; какъ нечистый, онъ сталъ ниже всякаго простолюдина. Таково зло — не оставаться въ предѣлахъ, назначенныхъ намъ Богомъ, какъ въ отношеніи къ чести, такъ и въ отношеніи къ знанію. Не видишь ли ты, какъ это море бываетъ непреодолимо во время бури, какими оно поднимается волнами? Но поднявшись до великой высоты и стремясь съ великою яростію, когда оно достигнетъ предѣла, назначеннаго ему Богомъ, то, обративъ волны въ пѣну, принимаетъ опять свой прежній видъ. Между тѣмъ что̀ можетъ быть слабѣе песка? Впрочемъ не песокъ полагаетъ ему препятствіе, а страхъ предъ Тѣмъ, Кто назначилъ ему предѣлы. Если же тебя не вразумляетъ этотъ примѣръ, то пусть научитъ тебя событіе съ Озіею, теперь изложенное нами.

Но такъ какъ мы уже видѣли гнѣвъ Божій и достойное воздаяніе, то теперь покажемъ и человѣколюбіе и великое снисхожденіе Его. Нужно говорить не только о гнѣвѣ, но и о благости Божіей, чтобы не привести слушателей ни въ отчаяніе, ни

---

[1]) τῷ ἱερεῖ, но въ алекс. и ват. код.: πρὸς τοὺς ἱερεῖς, почему въ ц.-слав: *на жерцы*.

въ безпечность. Такъ и Павелъ поступаетъ, употребляя въ увѣщаніи и то и другое: *виждь убо благость и непощадѣніе Божіе* (Рим. XI, 22), говоритъ онъ, чтобы и страхомъ и благими надеждами возстановить падшаго. Видишь ли строгость Божію? Посмотри и на благость Его. Какъ же можемъ мы увидѣть эту благость? Если узнаемъ, чего достоинъ былъ Озія. Чего же онъ 184
былъ достоинъ? Какъ только онъ вошелъ въ священный притворъ съ такимъ безстыдствомъ, то сталъ достоинъ тысячи молній и крайняго наказанія и мученія. Если прежде дерзнувшіе на тоже, сообщники Даѳана, Корея и Авирона, подверглись такому наказанію, то гораздо больше долженъ былъ подвергнуться такому же наказанію онъ, не вразумившійся и ихъ несчастіемъ. Но Богъ не сдѣлалъ этого, а напередъ чрезъ священника предложилъ ему увѣщаніе, исполненное великой снисходительности, и какъ Христосъ заповѣдалъ дѣлать людямъ, когда они согрѣшаютъ другъ противъ друга, такъ Богъ поступилъ и съ этимъ человѣкомъ. *Аще*, говоритъ онъ, *согрѣшитъ къ тебѣ братъ твой, иди и обличи его между тобою и тѣмъ единѣмъ* (Мат. XVIII, 15). Такъ обличилъ Богъ и этого царя. Христосъ продолжаетъ: *аще ли тебе не послушаетъ, буди тебѣ якоже язычникъ и мытарь* (ст. 16, 17). Но Богъ, по своему человѣколюбію превышая собственные законы, и тогда не поразилъ его, не отвергъ его, ослушавшагося и вознегодовавшаго, но опять обратился къ нему и научилъ такимъ способомъ, который служилъ болѣе къ исправленію, нежели къ наказанію. Онъ не послалъ молніи свыше, не сжегъ безстыдной головы, а только вразумилъ проказою. Такъ было съ Озіею; но я прибавлю еще одно только и окончу слово. Что же именно? То, о чемъ мы спрашивали выше, въ началѣ: почему тогда какъ во внѣшнихъ дѣлахъ и въ пророчествахъ всѣ обыкновенно означаютъ время жизни царей, здѣсь пророкъ, опустивъ это, упомянулъ о времени смерти Озіи, говоря такъ: *и бысть въ лѣто, въ неже умре Озіа царь?* Тогда какъ можно было означить время царствовавшаго тогда государя, какъ было въ обыкновеніи у всѣхъ пророковъ, онъ не сдѣлалъ этого. Почему же не сдѣлалъ? Былъ древній законъ—изгонять прокаженнаго изъ города, чтобы и живущіе въ городѣ сдѣлались лучшими, и самъ онъ не былъ предметомъ шутокъ и посмѣянія для желающихъ оскорблять его, но чтобы, оставаясь внѣ города, онъ имѣлъ уединеніе завѣсою несчастія. Тому же долженъ былъ подвергнуться и этотъ царь послѣ проказы; но онъ не подвергся, такъ какъ жители города боялись его по причинѣ власти его, а жилъ тайно въ своемъ домѣ. Это прогнѣвало Бога и прекратило пророчества, какъ случилось и при Иліи: *глаголъ Господень бѣ честенъ въ тыя дни, не*

въ видѣніе посылаемо (1 Цар. III, 1). Но ты посмотри и здѣсь на человѣколюбіе Божіе. Онъ не разрушилъ города и не погубилъ жителей, но какъ друзья поступаютъ съ равными имъ, оставаясь въ молчаніи, когда имѣютъ право укорять ихъ въ чемъ-нибудь, такъ и Богъ поступилъ съ народомъ, который достоинъ былъ бóльшаго наказанія и мученія. Я, говоритъ Онъ, изгналъ его изъ святилища, а вы не изгнали его изъ города; Я, связавъ его проказою, сдѣлалъ его частнымъ человѣкомъ, а вы и тогда не ободрились, но осужденнаго Мною не рѣшились выгнать изъ города. Какой царь могъ бы спокойно перенесть это, и не разрушилъ бы города до основанія, видя, что тотъ, кому повелѣно переселиться за предѣлы, остается въ городѣ? Но Богъ не сдѣлалъ этого, потому что Онъ — Богъ, а не человѣкъ. Когда же царь умеръ, то съ его жизнію Богъ прекратилъ и гнѣвъ свой на нихъ, отверзъ двери пророчества, и оно опять возвратилось къ нимъ. Но ты
135 изъ этого способа примиренія усматривай человѣколюбіе Божіе. Если кто станетъ изслѣдовать дѣло по справедливости, то выходитъ, что ему тогда не слѣдовало примиряться. Почему? Потому, что не ихъ заслугою было изгнаніе Озіи. Не они взявъ изгнали его, но смерть, наступившая по закону природы, извергла его тогда изъ города. Но Богъ не взыскателенъ къ намъ до такой степени, а желаетъ только одного, — какъ бы примириться съ нами. За все это будемъ благодарить Его и прославлять неизреченно Его человѣколюбіе, котораго да окажемся достойными всѣ мы, благодатію и щедротами Единороднаго Сына Его, Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА VI.

О серафимахъ.

1. Едва только мы переплыли море собесѣдованія объ Озіи, едва переплыли не вслѣдствіе длинноты пути, но вслѣдствіе вашей плывущихъ вмѣстѣ съ нами, любознательности. Такъ и кормчій, имѣя спутниковъ любознательныхъ и желающихъ видѣть чужіе города, совершаетъ путь не въ одинъ день, хотя бы разстояніе было только на одинъ день, но принужденъ бываетъ употреблять на это больше времени, подплывая къ каждой пристани, позволяя заходить въ каждый городъ, чтобы сколько нибудь удовле-

творить желанію плывущихъ вмѣстѣ съ нимъ. Тоже сдѣлали и мы, плавая не около острововъ, показывая не берега, пристани и города, но добродѣтели мужей праведныхъ и безпечность грѣшниковъ, безстыдство царя и дерзновеніе священника, гнѣвъ Божій и человѣколюбіе Его, изъ которыхъ то и другое послужило къ исправленію. Но такъ какъ наконецъ мы дошли до царскаго города, то уже не будемъ медлить, а устроивъ себя, какъ намѣревающіеся войти въ городъ, такимъ образомъ взойдемъ въ горнюю столицу, Іерусалимъ, матерь всѣхъ насъ, городъ свободный, гдѣ серафимы, гдѣ херувимы, гдѣ тысячи архангеловъ, гдѣ тысячи тысячъ ангеловъ, гдѣ престолъ царскій. Пусть же не присутствуетъ здѣсь никто изъ непосвященныхъ и нечестивыхъ,— потому что мы намѣреваемся приступить къ таинственнымъ повѣствованіямъ, — никто изъ нечистыхъ и недостойныхъ слушать объ этомъ; или лучше—пусть присутствуетъ всякій, и непосвященный и нечестивый, только пусть оставитъ внѣ всякую нечистоту и порочность и такимъ образомъ входитъ сюда. Такъ и того человѣка, который имѣлъ нечистыя одежды, отецъ жениха выгналъ изъ брачнаго дома и священнаго чертога не за то, что онъ имѣлъ нечистыя одежды, но за то, что вошелъ, имѣя ихъ не сказалъ ему: почему ты не имѣешь одежды брачной, но: *како не имый одѣянія брачна, вшелъ еси сѣмо* (Мат. XXII, 12)? Ты стоялъ говоритъ, на распутіяхъ, прося милостыни, и я не постыдился твоей бѣдности и не отвратился отъ твоего презрѣннаго состоянія, но, избавивъ тебя отъ всякаго униженія, ввелъ въ священный чертогъ, удостоилъ царской вечери и оказалъ высшую честь тебѣ, достойному крайняго наказанія; а ты и отъ благодѣяній не сдѣлался лучшимъ, но остался при обычномъ порокѣ, обезчестивъ 186
бракъ, оскорбивъ и жениха; отойди же теперь и понеси должное наказаніе за такую безчувственность. Такъ и каждый изъ насъ пусть смотритъ, чтобы не услышать такихъ же словъ, и, оставивъ всякіе помыслы, недостойные духовнаго ученія, пусть такимъ образомъ участвуетъ въ священной трапезѣ. *И бысть*, говоритъ пророкъ, *въ лѣто, въ неже умре Озія царь, видѣхъ Господа сѣдяща на престолѣ высоцѣ и превознесеннѣ*. Какъ онъ видѣлъ, я не знаю; о томъ, что онъ видѣлъ, онъ сказалъ; а какъ видѣлъ, о томъ умолчалъ; я принимаю сказанное, но не любопытствую знать умолчанное; разумѣю открытое, но не изслѣдую сокрытаго; для того оно и сокрыто. Объясненіе Писаній есть золотая ткань, основа ея—золото, нить ея—золото; не примѣшиваю тканей паутинныхъ; знаю слабость моихъ мыслей. *Не прелагай*, говоритъ Премудрый, *предѣлъ вѣчныхъ, яже положиша отцы твои* (Притч. XXII, 28). Переставлять предѣлы не безопасно; и какъ мы переставимъ то,

что назначилъ намъ Богъ? Ты хочешь знать, какъ пророкъ видѣлъ Бога? Будь и самъ пророкомъ. Но какъ, скажешь, это возможно для меня, имѣющаго жену и заботящагося о воспитаніи дѣтей? Возможно, если захочешь, возлюбленный. И этотъ пророкъ имѣлъ жену и былъ отцемъ двоихъ дѣтей, но ничто такое не было для него препятствіемъ. Подлинно, бракъ не служитъ препятствіемъ для шествія къ небу. Если бы онъ былъ препятствіемъ и жена была бы причиною нашихъ бѣдствій, то Богъ, вначалѣ сотворивъ ее, не назвалъ бы ея помощницею. Я хотѣлъ сказать, что значитъ *сѣдѣніе* Божіе. Богъ не сидитъ, потому что это—положеніе тѣла, а Божество безтѣлесно.

2. Я хотѣлъ сказать, что значитъ *престолъ* Божій. Богъ не объемлется престоломъ, потому что Божество неограниченно. Но боюсь, чтобы, распространяясь въ бесѣдѣ объ этомъ, мнѣ не замедлить уплатою долга. Я вижу, что всѣ хотятъ слышать о серафимахъ, и не сегодня только, но еще съ перваго дня; потому мое слово, проходя, какъ бы чрезъ толпу людей, чрезъ множество мыслей, встрѣчающихся ему съ великимъ стремленіемъ, спѣшитъ къ этому повѣствованію. *И серафимы стояху окрестъ Его*, говоритъ пророкъ (Ис. VI, 2). Вотъ серафимы, которыхъ давно всѣ вы желали видѣть. Посмотрите же, насытьте ваше желаніе, но безъ смятенія и безъ поспѣшности, какъ бываетъ при царскихъ выходахъ. Тамъ это бываетъ по необходимости; копьеносцы не ожидаютъ, пока зрители насмотрятся, но прежде, нежели они хорошо разсмотрятъ все, заставляютъ удалиться; а здѣсь не такъ, но слово представляетъ намъ зрѣлище до тѣхъ поръ, пока вы не разсмотрите всего, сколько можно разсмотрѣть. *И серафими стояху окрестъ Его*. Прежде достоинства естества ихъ пророкъ показалъ намъ достоинство ихъ по близости ихъ мѣстопребыванія. Онъ не сказалъ прежде, каковы серафимы, но сказалъ, гдѣ они стояли. Послѣднее показываетъ достоинство ихъ больше перваго. Почему? Потому, что величіе этихъ силъ не столько доказывается тѣмъ, что они серафимы, сколько тѣмъ, что они стоятъ
137 близъ Царскаго престола. И мы тѣхъ изъ копьеносцевъ считаемъ знаменитѣйшими, которыхъ видимъ идущими близъ самой царской колесницы. Такъ и изъ безтѣлесныхъ силъ тѣ—свѣтлѣе, которыя находятся близъ самаго престола. Потому и пророкъ, не говоря о достоинствѣ естества ихъ, напередъ говоритъ намъ о преимуществѣ ихъ по мѣстопребыванію, зная, что въ этомъ—высшее ихъ украшеніе, что въ этомъ — красота тѣхъ существъ. Подлинно, въ томъ слава, и честь, и всякая безопасность, чтобы являться около этого престола. Тоже можно видѣть и касательно ангеловъ. Христосъ, желая показать величіе ихъ, не сказалъ,

что они ангелы, и потомъ замолчалъ, но сказалъ: *яко ангели ихъ выну видятъ лице Отца моего небеснаго* (Мат. XVIII, 10). Какъ тамъ высшимъ знакомъ достоинства ангельскаго служитъ то, что они видятъ лице Отца небеснаго, такъ и здѣсь высшимъ знакомъ достоинства серафимовъ служитъ то, что они стоятъ вокругъ престола, а онъ находится посреди ихъ. Но это великое достоинство и тебѣ можно получить, если захочешь. Господь находится посреди не только серафимовъ, но и насъ самихъ, если мы захочемъ. *Идѣже бо еста два или тріе*, говоритъ Онъ, *собрани во имя мое, ту есмь посредѣ ихъ* (Мат. XVIII, 20); и еще сказано: *близь Господь сокрушенныхъ сердцемъ, и смиренныя духомъ спасетъ* (Псал. XXXIII, 19). Потому и Павелъ взываетъ: *горняя мудрствуйте, идѣже есть Христосъ одесную Бога сѣдя* (Кол. III, 1, 2). Видишь ли, какъ онъ поставилъ насъ вмѣстѣ съ серафимами, приведши близко къ Царскому престолу? Далѣе пророкъ говоритъ: *шесть крилъ единому, и шесть крилъ другому*. Что показываютъ намъ эти шесть крыльевъ? Высоту, возвышенность, легкость и быстроту этихъ существъ. Потому и Гавріилъ нисходитъ съ крыльями,—не потому, чтобы были крылья у этой безтѣлесной силы, но въ знакъ того, что онъ сошелъ съ высочайшихъ областей, оставивъ горнія обители. А что значитъ число крыльевъ? Здѣсь нѣтъ и нужды въ нашемъ толкованіи, потому что само слово объяснило себя, описавъ намъ ихъ употребленіе. *Двѣма убо*, говоритъ, *покрываху лица своя*,—и справедливо: ими, какъ бы нѣкоторою двойною оградою, они заграждали свои взоры, потому что не переносили блеска, исходящаго отъ этой славы. *Двѣма же покрываху ноги своя*, можетъ быть, по причинѣ тойже поразительности. Такъ и мы обыкновенно, будучи объяты какимъ-нибудь ужасомъ, со всѣхъ сторонъ закрываемъ свое тѣло. Что я говорю о тѣлѣ, когда и самая душа, почувствовавъ тоже при чрезвычайныхъ явленіяхъ и сосредоточивъ свою дѣятельность, убѣгаетъ въ глубину, со всѣхъ сторонъ ограждая себя тѣломъ, какъ бы нѣкоторымъ покровомъ? Впрочемъ, слыша объ изумленіи и ужасѣ, да не подумаетъ кто-нибудь, что они находятся въ нѣкоторомъ непріятномъ страхѣ; съ этимъ изумленіемъ соединено и нѣкоторое безмѣрное удовольствіе. *И двѣма летаху*. И это служитъ знакомъ того, что они постоянно стремятся къ высокому и никогда не смотрятъ внизъ. *И взываху другъ ко другу, и глаголаху: святъ, святъ, святъ*
(ст. 3). И воззваніе ихъ также служитъ для насъ величайшимъ 188
знакомъ ихъ удивленія; они не просто воспѣваютъ, но весьма громко, и не только громко, но и постоянно дѣлаютъ это. Тѣла свѣтлыя, хотя бы они были даже чрезвычайно свѣтлыми, обыкно-

венно поражаютъ насъ только тогда, когда мы въ первый разъ обращаемъ на нихъ взоры; а когда мы посмотримъ на нихъ дольше, то отъ привычки перестаемъ удивляться, такъ какъ глаза наши присматриваются къ этимъ тѣламъ. Потому видя и царское изображеніе, лишь только выставленное и свѣтло блистающее красками, мы удивляемся; но чрезъ одинъ или два дня уже не удивляемся. Что я говорю о царскомъ изображеніи, когда мы испытываемъ тоже самое и въ отношеніи къ солнечнымъ лучамъ, свѣтлѣе которыхъ нѣтъ никакого тѣла? Такимъ образомъ привычка уничтожаетъ удивленіе ко всѣмъ тѣламъ; но въ отношеніи къ славѣ Божіей бываетъ не такъ, а совершенно напротивъ. Чѣмъ болѣе тѣ силы созерцаютъ эту славу, тѣмъ болѣе они изумляются и больше удивляются; потому онѣ съ того самаго времени, какъ начали существовать, донынѣ созерцая эту славу, никогда не переставали восклицать съ изумленіемъ; то, что испытываемъ мы въ теченіе короткаго времени, когда молнія проносится предъ нашими глазами, это онѣ испытываютъ постоянно, и непрестанно съ нѣкоторымъ удовольствіемъ чувствуютъ удивленіе. Притомъ онѣ не только взываютъ, но дѣлаютъ это взаимно другъ къ другу, что служитъ знакомъ сильнѣйшаго изумленія. Такъ и мы, когда гремитъ громъ или трясется земля, не только вскакиваемъ и восклицаемъ, но и сбѣгаемся въ домахъ другъ къ другу. Тоже дѣлаютъ и серафимы; потому они и взываютъ другъ къ другу: *святъ, святъ, святъ*.

8. Узнали ли вы это воззваніе? Наше ли оно, или серафимское? И наше, и серафимское, потому что Христосъ разрушилъ средостѣніе ограды, примирилъ небесное и земное, и *сотворилъ обоя едино* (Ефес. II, 14). Прежде эта пѣснь была воспѣваема только на небесахъ; но когда Владыка благоволилъ сойти на землю, то принесъ къ намъ и это пѣснопѣніе. Потому и этотъ великій первосвященникъ, представъ предъ святою трапезою, совершая словесное служеніе, принося безкровную жертву, не просто призываетъ насъ къ этому славословію, но напередъ сказавъ херувимскую пѣснь и упомянувъ о серафимахъ, такимъ образомъ повелѣваетъ всѣмъ возносить это страшное воззваніе, чтобы напоминаніемъ о существахъ, поющихъ вмѣстѣ съ нами, возвысить умъ нашъ отъ земли, и какъ бы такъ взываетъ къ каждому изъ насъ: ты поешь вмѣстѣ съ серафимами; стань же вмѣстѣ съ серафимами, распростирай крылья вмѣстѣ съ ними, летай вмѣстѣ съ ними около Царскаго престола.

И удивительно ли, что ты становишься вмѣстѣ съ серафимами, когда къ тому, чего не смѣютъ касаться серафимы, тебѣ

Богъ дозволилъ приступать безопасно? *И посланъ бысть ко мнѣ*, говоритъ пророкъ, *единъ отъ Серафимовъ и*[1]), *имяше угль горящъ, егоже клещами взятъ отъ олтаря* (Ис. VI, 6). Тотъ алтарь есть 189
образъ и подобіе этого алтаря, тотъ огонь—этого духовнаго огня. Но серафимъ не смѣлъ коснуться его рукою, а коснулся клещами; ты же принимаешь рукою. Итакъ, если посмотришь на достоинство предложенныхъ даровъ, то они гораздо выше прикосновенія серафимовъ; а если представишь человѣколюбіе твоего Владыки, то благодать предложеннаго не стыдится низойти до нашего уничиженнаго состоянія. Потому, представляя это и помышляя о величіи дара, человѣкъ, возстань когда-нибудь, отступи отъ земли, взойди на небо. Но, скажешь, тѣло влечетъ и притягиваетъ внизъ? А вотъ наступаютъ дни поста, которые придаютъ легкія крылья душѣ и бремя плоти дѣлаютъ легкимъ, хотя бы они нашли тѣло тяжелѣе всякаго свинца. Впрочемъ рѣчь о постѣ пусть будетъ послѣ, а теперь станемъ говорить о таинствахъ, для которыхъ и установлены посты. Какъ на олимпійскихъ играхъ цѣль борьбы—вѣнецъ, такъ и цѣль поста — чистое пріобщеніе; а если мы въ продолженіе такихъ дней не исполнимъ этого, то, тщетно и напрасно изнуривъ себя, безъ вѣнцовъ и наградъ сойдемъ съ поприща поста. Для того отцы и распространили поприще поста и дали намъ время покаянія, чтобы мы, очистивъ и омывъ себя, такимъ образомъ приступали къ таинству. Потому и я уже теперь громкимъ голосомъ взываю, свидѣтельствую, прошу и умоляю—не съ нечистотою, не съ порочною совѣстію приступать къ этой священной трапезѣ, потому что иначе это не будетъ приступленіемъ и пріобщеніемъ, хотя бы мы тысячу разъ прикасались къ святому Тѣлу, но осужденіемъ, мученіемъ и увеличеніемъ наказанія. Итакъ, никакой грѣшникъ пусть не приступаетъ, или лучше, я не скажу: никакой грѣшникъ, — потому что въ такомъ случаѣ я себя прежде всѣхъ отлучаю отъ божественной трапезы,—но пусть не приступаетъ никто, оставаясь грѣшникомъ. Для того я уже теперь напередъ и говорю это, чтобы, когда наступитъ царское пиршество и настанетъ та священная вечеря никто не могъ сказать: я пришелъ неприготовленнымъ и нагимъ; нужно было прежде сказать объ этомъ; если бы я услышалъ объ этомъ прежде, то конечно перемѣнился бы, конечно очистился бы, и такимъ образомъ приступилъ бы. Потому, чтобы никто не могъ ссылаться на такой предлогъ, я уже теперь напередъ свидѣтельствую и убѣждаю показать великое раскаяніе. Знаю, что всѣ мы

---

[1]) Далѣе пропущены слова: ἐν τῇ χειρὶ αὐτοῦ = *въ руцѣ своей*, читаемыя у св. І. Зл. въ толк. этого мѣста.

виновны, и никто не можетъ похвалиться, что онъ имѣетъ чистое сердце. Но не то тяжело, что мы не имѣемъ чистаго сердца, но что, не имѣя чистаго сердца, не прибѣгаемъ къ Тому, Кто можетъ сдѣлать его чистымъ. Онъ можетъ, если захочетъ, или лучше, Онъ гораздо больше насъ хочетъ, чтобы мы были чистыми, но ожидаетъ хотя малаго повода отъ насъ, чтобы надежнѣе увѣнчать насъ. Кто былъ грѣшнѣе мытаря? Но только за то, что сказалъ: *Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному*, онъ вышелъ оправданнымъ больше фарисея (Лук. xviii, 13). Какую силу могли имѣть эти слова? Но не слова очистили его, а то расположеніе,
140 съ какимъ онъ сказалъ эти слова, или лучше, не одно только расположеніе, но еще прежде того человѣколюбіе Божіе.

4. Какое великое дѣло, скажи мнѣ, какой трудъ, какой подвигъ для грѣшника убѣдить себя, что онъ грѣшникъ, и сказать это предъ Богомъ? Видишь ли, какъ не напрасно я говорилъ, что Богъ хочетъ получить хотя малый поводъ отъ насъ, и потомъ уже Самъ дѣлаетъ все для нашего спасенія? Покаемся же, будемъ скорбѣть, будемъ плакать. Когда кто-нибудь лишится дочери, то часто проводитъ большую часть своей жизни въ слезахъ и рыданіяхъ; а мы погубили душу, и не плачемъ; лишились спасенія, и не сокрушаемся? Что я говорю о душѣ и спасеніи? Мы раздражили Владыку столь кроткаго и благаго, и не скрываемся въ землю? Подлинно, попеченіемъ Своимъ объ насъ Онъ превосходитъ всякое благорасположеніе не только попечительнаго владыки, но и любвеобильнаго отца и чадолюбивой матери. *Еда забудетъ*, говоритъ пророкъ, *жена отроча свое, еже не помиловати исчадія чрева своего? Аще же и забудетъ* [1]) *жена, но Азъ не забуду тебе, глаголетъ Господь* (Ис. xlix, 15). Это изреченіе вѣрно и безъ доказательства, потому что оно—Божіе; однако мы представимъ теперь и доказательство отъ дѣлъ. Нѣкогда Ревекка велѣла сыну своему притворнымъ образомъ предвосхитить благословеніе, одѣла его хорошо со всѣхъ сторонъ и дала ему видъ брата; но увидѣвъ, что онъ и при этомъ не ободряется, и желая уничтожить въ сынѣ всякій страхъ, сказала: *на мнѣ клятва твоя, чадо* (Быт. xxvii, 13); слова — истинно свойственныя матери, пламенѣющей любовію къ сыну. Но Христосъ не сказалъ только, но и сдѣлалъ это, не обѣщалъ только, но и показалъ на дѣлѣ, какъ Павелъ ясно говоритъ: *Христосъ ны искупилъ есть отъ клятвы законныя, бывъ по насъ клятва* (Гал. iii, 13). И Его мы раздражаемъ? Не несноснѣе ли это, скажи мнѣ, самой геенны, неумирающаго червя и неугасимаго огня?

---

[1]) Слова: *сихъ* = ταῦτα здѣсь св. І. Зл. не читалъ.

Итакъ, когда ты намѣреваешься приступить къ священной трапезѣ, то имѣй въ умѣ, что тамъ присутствуетъ и Царь всего, потому что Онъ дѣйствительно присутствуетъ, зная мысли каждаго, и видитъ, кто приступаетъ съ надлежащею святостію и кто съ порочною совѣстію, съ нечистыми и скверными помыслами, съ беззаконными дѣлами. Если Онъ найдетъ кого-нибудь такимъ, то сначала предаетъ его суду совѣсти; потомъ, если тотъ вразумится собственными размышленіями и сдѣлается лучшимъ, Онъ опять принимаетъ его; если же остается неисправимымъ, то впадаетъ наконецъ въ Его руки, какъ неблагодарный и непризнательный. А каково — это, послушай Павла, который говоритъ: *страшно есть, еже впасти въ руцѣ Бога живаго* (Евр. x, 31). Знаю, что эти слова непріятны; но что мнѣ дѣлать? Если не стану прилагать горькихъ лѣкарствъ, то не истребятся раны; а когда прилагаю горькое, то вы не переносите боли. Тѣсно мнѣ со
всѣхъ сторонъ. Впрочемъ, необходимо уже удержать руку; ска- 141
заннаго достаточно для исправленія внимательныхъ. А чтобы оно принесло пользу не только однимъ вамъ, но и другимъ чрезъ васъ, теперь еще повторимъ это кратко. Мы говорили о серафимахъ; показали, какъ велико достоинство—стоять близь Царскаго престола; также и то, что и люди могутъ пріобрѣсть это достоинство; говорили объ ихъ крыльяхъ, о неприступной силѣ Божіей и о снисхожденіи Его къ намъ; еще говорили о причинѣ ихъ возглашенія и постояннаго удивленія и о томъ, какъ при непрестанномъ созерцаніи непрестанно и славословіе серафимовъ; напомнили вамъ, въ какой мы включены хоръ и съ кѣмъ вмѣстѣ воспѣваемъ общаго Владыку; прибавили нѣсколько словъ о покаяніи, и наконецъ показали, сколь великое зло—приступать
къ таинствамъ съ порочною совѣстію, и какъ невозможно избѣ- 142
жать наказанія тому, кто остается неисправимымъ. Этому пусть научится и жена отъ мужа, и сынъ отъ отца, и слуга отъ господина, и сосѣдъ отъ сосѣда, и другъ отъ друга, и даже съ врагами будемъ бесѣдовать объ этомъ, потому что мы должны будемъ отдать отчетъ и за ихъ спасеніе. Если намъ заповѣдано даже ихъ подъяремныхъ животныхъ упадшихъ поднимать и заблудившихся спасать и возвращать (Исх. xiii, 5), то тѣмъ болѣе должно заблуждающуюся душу ихъ обращать и падшую возстановлять. Если такимъ образомъ мы будемъ устроять дѣла свои и нашихъ ближнихъ, то будемъ въ состояніи стать съ дерзновеніемъ предъ судилищемъ Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ и Животворящимъ Духомъ, слава, честь, держава, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

НА СЛОВА ПРОРОКА:

„Азъ Господь Богъ, сотворихъ свѣтъ и тму, творяй миръ и зиждяй злая“ (Ис. XLV, 7) [1].

141 1. Немного словъ, но сладкій въ нихъ источникъ меда,—меда, который не производитъ пресыщенія. Медъ вещественный доставляетъ удовольствіе только языку и портится; а медъ ученія проникаетъ въ совѣсть, доставляя постоянную радость и руководя насъ къ безсмертію. Тотъ собирается съ растеній, а этотъ составляется изъ божественныхъ Писаній. Этимъ сегодня насытилъ васъ говорившій прекрасно, получившій въ награду послушаніе и показавшій силу любви и благородство вѣры [2]. А теперь и мы опять предложимъ вамъ обычную трапезу съ великимъ усердіемъ; мы весьма радуемся, что, тогда какъ на конскомъ ристалищѣ происходятъ блистательныя упражненія, сюда стеклось такое множество, презрѣвъ тамошнее препровожденіе времени. Потому и мы ставимъ чашу, наполненную съ великимъ изобиліемъ, чашу, производящую не опьяненіе, но доставляющую цѣломудріе. Таково вино Писаній, таковы яства этой трапезы;
142 они не утучняютъ плоти. Впрочемъ, мы говоримъ это, не унижая естества плоти, но предпочитая ей благородство души, не отвергая употребленія, но обуздывая неумѣренность. Когда мы любомудрствуемъ, то надобно любомудрствовать такъ, чтобы не подать повода устамъ еретиковъ. Это тѣло, хотя ниже души, но оно не противно душѣ; и душа, хотя и проста, но она служитъ потребностямъ тѣла. Превосходный Художникъ—Богъ составилъ эту вселенную не изъ одного, двухъ или трехъ веществъ, но вложилъ въ нее различныя и разнообразныя сущности, показывая въ разнообразіи тварей обиліе Своей премудрости. Онъ создалъ не небо только, но и землю; не землю только, но и солнце; не солнце только, но и луну; не луну только, но и звѣзды; не звѣзды только, но и воздухъ; не воздухъ только, но и облака; не облака только, но и эѳиръ; не эѳиръ только, но и озера, источники, рѣки, горы,

---

[1]) Ἐγὼ Κύριος ὁ Θεὸς ἐποίησα φῶς καὶ σκότος, ποιῶν εἰρήνην, καὶ κτίζων κακά. Въ извѣстн. греч. сп. пер. LXX этотъ стихъ читается: Ἐγὼ ὁ κατασκευάσας φῶς καὶ ποιήσας σκότος, ὁ ποιῶν εἰρήνην καὶ κτίζων κακά. Ἐγὼ Κύριος ὁ Θεὸς ὁ ποιῶν ταῦτα πάντα.

[2]) Разумѣется епископъ Флавіанъ, или какой-либо другой проповѣдникъ, говорившій прежде св. Златоуста.

рощи, холмы, луга, сады, сѣмена, растенія, разные роды травъ, 148
различные виды, различныя силы и различныя сущности, которыя каждый можетъ видѣть вездѣ, обозрѣвая міръ; и когда онъ пробѣжитъ мыслію составъ вселенной, то скажетъ вмѣстѣ съ пророкомъ: *яко возвеличишася дѣла твоя, Господи: вся премудростію сотворилъ еси* (Пс. сш, 24). Такъ, если ты хочешь видѣть зрѣлище, то, оставивъ тамошнее сатанинское, приходи на это духовное; если хочешь слушать лиру, то, оставивъ тамошнее пѣніе и напрягши силу своего ума, приходи слушать это, пробуждающее твои мысли, укрѣпляющее твой умъ. Посмотри, какъ различные звуки и отдѣльныя струны со всѣхъ сторонъ возносятъ одно и совершенно согласное пѣніе превосходному Художнику—Богу. Какъ нѣкоторый духовный звукъ, состоящій изъ различныхъ звуковъ, издаетъ одно стройное пѣніе, славословіе Создателю, такъ и эти струны звучатъ и сами по себѣ, звучатъ и одна съ другой вмѣстѣ. А чтобы тебѣ узнать, какъ звучатъ онѣ сами по себѣ, ударь мыслію въ струну неба, и ты услышишь, какъ она издаетъ великіе звуки и возсылаетъ славу Богу. Это уразумѣлъ пророкъ и сказалъ: *небеса повѣдаютъ славу Божію, твореніе же руку Его возвѣщаетъ твердь* (Пс. xvIII, 2). Отъ этой струны перейди къ струнѣ дня и ночи, и ты увидишь, какъ и онѣ издаютъ звуки пріятнѣе всякой лиры и гуслей, особенно тогда, когда будетъ ударять въ эти струны кто-нибудь умѣющій. Но какъ, скажешь, онѣ издаютъ звукъ? Небо не имѣетъ ни устъ, ни языка, ни неба во рту, ни зубовъ, ни губъ; какъ же оно издаетъ звуки? Какъ говоритъ и день? Здѣсь нѣтъ органовъ, произносящихъ звуки, но теченіе солнца и луны, день и ночь, смѣна времени. Чтобы кто-нибудь изъ людей, болѣе грубыхъ, слыша это, не усумнился и не смутился, послушай, какъ пророкъ самъ старается объяснить сказанное. Сказавъ, что *небеса повѣдаютъ славу Божію*, и что *день дни отрыгаетъ глаголъ, и нощь нощи возвѣщаетъ разумъ* (Пс. xvIII, 4), онъ не остановился на этомъ, но прибавилъ: *не суть рѣчи, ниже словеса, ихже не слышатся гласи ихъ* (ст. 3, 4). Смыслъ словъ его слѣдующій: день и ночь и небо не только имѣютъ голосъ, но и такой голосъ, который звучнѣе, яснѣе и сильнѣе голоса человѣческаго. Какъ и какимъ образомъ? Послушай самыя слова его: *не суть рѣчи, ниже словеса, ихже не слышатся гласи ихъ*. Что же это такое? Одобреніе голоса, похвала звука. Мой голосъ понятенъ для говорящаго на одномъ со мною языкѣ, а для говорящаго на другомъ языкѣ—нѣтъ; напр.: когда я говорю на греческомъ языкѣ, тогда, кто знаетъ этотъ языкъ, пойметъ меня; а скиѳъ, ѳракіянинъ, мавръ, индіецъ — нѣтъ, потому что различіе языка не позволяетъ моей рѣчи быть для него понятною.

144 2. Также, когда говоритъ скиѳъ или ѳракіянинъ, я не могу понимать его, а другой—языка другого. У неба же, дня и ночи—не то, но голосъ ихъ таковъ, что онъ слышенъ, понятенъ и ясенъ для всякаго языка, всякаго нарѣчія, всякаго народа. Потому пророкъ, сказавъ, что *небеса повѣдаютъ славу Божію, и день дни отрыгаетъ глаголъ*, прибавилъ: *не суть рѣчи, ниже словеса, ихже не слышатся гласи ихъ*. Смыслъ этихъ словъ слѣдующій: такое имѣютъ нарѣчіе, такой имѣютъ голосъ день, ночь, небо и всѣ твари, что всѣмъ *рѣчамъ*, т. е. всѣмъ языкамъ, всѣмъ народамъ понятенъ голосъ ихъ. Нѣтъ *рѣчи*, говоритъ, т. е. нѣтъ народа, нѣтъ языка, гдѣ бы не слышенъ былъ голосъ неба; но и скиѳъ, и ѳракіянинъ, и мавръ, и индіецъ, и савроматъ, и всякое нарѣчіе, всякій языкъ, всякій народъ можетъ понимать этотъ голосъ. Какъ и какимъ образомъ? Теперь выслушай это, чтобы тебѣ узнать, какъ небо говоритъ молча. Когда ты увидишь эту красоту, величіе, положеніе, постоянство, блескъ, и, размысливъ о всемъ этомъ въ самомъ себѣ, прославишь Создателя, восхвалишь Творца, тогда небо издало голосъ и вознесло славу Богу посредствомъ твоего языка. Таковъ смыслъ словъ: *небеса повѣдаютъ славу Божію*. Какъ и какимъ образомъ? Располагая зрителя красотою своего блеска—удивляться Создателю. Когда ты, увидѣвъ такое созданіе, скажешь: слава Тебѣ, Боже, какое великое тѣло Ты создалъ и поставилъ въ срединѣ!—тогда небеса воздали эту славу, пользуясь твоимъ языкомъ и возбуждая удивленіе посредствомъ зрѣнія. Такъ они молча возносятъ славу Богу и этотъ голосъ слышатъ всѣ. Такъ какъ не посредствомъ слуха можно познавать это, а посредствомъ зрѣнія и созерцанія, зрѣніе же у всѣхъ одно, хотя языкъ и различный, то и варваръ, и скиѳы, и ѳракіяне, и мавры, и индійцы слышатъ этотъ голосъ, т. е., взирая на такое чудо, поражаясь красотою, блескомъ, величіемъ и всѣмъ прочимъ, что̀ есть на небѣ, возносятъ славу Создателю, если они здраво мыслятъ. Тоже надобно сказать и о днѣ и о ночи. Какъ небо, возбуждая въ зрителѣ удивленіе своею красотою, положеніемъ, величіемъ, блескомъ, постоянствомъ времени, пользою, дѣятельностію и всѣмъ прочимъ, располагаетъ его прославлять Спасителя, такъ и ночь и день. Когда ты замѣтишь стройный порядокъ этихъ временъ, какъ день, исполнивъ свою мѣру, не усиливается изгнать ночь изъ собственныхъ ея предѣловъ, не показываетъ никакого любостяжанія и, хотя онъ свѣтлѣе ея, не старается занять все время, но отступаетъ; равнымъ образомъ и ночь, совершивъ свое теченіе, уступаетъ мѣсто дню, и это совершается въ продолженіе столь многихъ лѣтъ, безъ всякаго смѣшенія и смятенія, и послѣдняя не прогнала

перваго и первый не отнялъ ничего у послѣдней, хотя одинъ свѣтлѣе, другая темнѣе,—тогда опять, удивляясь стройному порядку, не воздашь-ли ты славы Богу? Какъ сестры, любящія одна другую, раздѣляя отцовское наслѣдство мѣрою и вѣсомъ, ни малѣйшей части не отнимаютъ одна отъ другой,—такъ точно 145
ночь и день, раздѣливъ между собою все время, соблюдаютъ такое равенство, не отнимая другъ отъ друга ни малѣйшей части, какъ вы знаете по самому опыту. Пусть выслушаютъ это любостяжатели и лишающіе братьевъ наслѣдства; пусть они постыдятся стройнаго порядка временъ, согласія ночи и дня, и исцѣлятся отъ своей болѣзни. Такимъ образомъ *день дни отрыгаетъ глаголъ, и нощь нощи возвѣщаетъ разумъ*, не издавая голоса, но своимъ порядкомъ, стройностію, равенствомъ и безпрепятственною соразмѣрностію громче трубы возвѣщая Создателя не въ одномъ какомъ-нибудь углу вселенной, но вездѣ, гдѣ только солнце освѣщаетъ землю. Эти звуки раздаются по всей вселенной, такъ какъ вездѣ небо, вездѣ день, вездѣ ночь; и наставленіе свое простираютъ они по землѣ и по морю. Потому пророкъ не сказалъ просто: небеса возвѣщаютъ славу Божію, но: *повѣдаютъ*, т. е. научаютъ и другихъ, имѣютъ учениками своими родъ человѣческій и распростерты на виду, какъ величайшее училище, вмѣсто книгъ и буквъ предлагая и простымъ и мудрымъ и всѣмъ созерцать красоту ихъ природы, преподавая заключающееся въ нихъ самихъ, какъ бы въ книгѣ, ученіе о премудрости и силѣ Божіей. Такъ и люди не только словами, но и молча прославляютъ Бога чрезъ другихъ: потому и Христосъ говорилъ: *да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла, и прославятъ Отца вашего, иже на небесѣхъ* (Мат. v, 16). Какъ кто-нибудь, видя свѣтлую жизнь другого, хотя бы самъ живущій и молчалъ, воздаетъ славу Богу, такъ точно и взирая на красоту неба прославляютъ Творца. Потому пророкъ и сказалъ: *небеса повѣдаютъ славу Божію, день дни отрыгаетъ глаголъ, и нощь нощи возвѣщаетъ разумъ*. Какой *разумъ?* Разумѣніе о св. Творцѣ. Какъ день выводитъ человѣка на дѣла, такъ послѣдующая ночь доставляетъ ему отдыхъ отъ множества трудовъ, избавляетъ отъ заботъ и, успокоивая утомленныя вѣжди и сжимая рѣсницы, приготовляетъ его опять встрѣтить солнечные лучи съ свѣжими силами. Такъ и ночь доставляетъ человѣку не малую, но весьма великую пользу. Если бы она не доставляла человѣку отдыха отъ множества трудовъ, преемствуя дню, то не доставлялъ бы ему никакой пользы и день, который выводитъ его на дѣла, — потому что, при изнеможеніи естества его отъ постояннаго труда, это живое существо заболѣло бы и погибло бы и не было бы ему ни-

какой пользы отъ солнечныхъ лучей. Потому, дѣлая день полезнымъ для человѣка, она своимъ служеніемъ особенно и руководитъ пользующагося ея теченіемъ къ познанію Бога. Такимъ образомъ, когда кто размыслитъ, какая польза отъ дня и какая—отъ ночи, какъ они смѣняютъ другъ друга, чередуясь, какъ бы въ хороводѣ, и попеременно сохраняютъ родъ нашъ, тогда, хотя бы онъ былъ тупѣйшимъ изъ всѣхъ людей, можетъ собственнымъ размышленіемъ познать премудрость превосходнаго Художника—Бога, куторую Онъ явилъ посредствомъ дня и ночи, назначивъ намъ первый для дѣятельности, а послѣднюю для отдыха отъ трудовъ.

3. О всемъ этомъ мы стали говорить съ самаго начала; но такъ какъ, можетъ быть, нѣчто изъ читаннаго намъ сегодня сму-
146 щаетъ многихъ изъ невнимательныхъ и неопытныхъ въ Писаніяхъ, то теперь съ великою поспѣшностію обратимся и къ этому. Читано было о кровоточивой женѣ, которая прикосновеніемъ (къ одеждѣ Христовой) остановила потоки крови и силою вѣры похитила такое сокровище. Подлинно, дѣйствіе ея было похищеніемъ, но похищеніемъ похвальнымъ, и похитившая послѣ обличенія была одобрена; самъ Іисусъ, у котораго было похищено, похвалилъ эту жену (Мат. IX, 20—22). Также читано было о страданіяхъ Павла, о ранахъ, темницахъ, преданіяхъ на судъ, кораблекрушеніяхъ, узахъ, цѣпяхъ, разнообразныхъ и постоянныхъ козняхъ противъ него, ежедневныхъ смертельныхъ опасностяхъ, голодѣ, жаждѣ, наготѣ, заговорахъ на него ежедневныхъ. Но что я дѣлаю? Нужно бѣжать съ великою поспѣшностію, чтобы опять Павелъ не задержалъ и не отклонилъ меня отъ предмета. Вы знаете, какъ часто меня, идущаго и обратившагося въ другую сторону, онъ удерживалъ среди рѣчи, и удерживалъ такъ, что я принужденъ былъ оканчивать на немъ свою бесѣду. Потому, чтобы и сегодня не случилось съ нами того же, съ великою поспѣшностію набросимъ какъ бы узду на увлекаемое туда слово, и такимъ образомъ отвлечемъ его и приведемъ къ пророческому изреченію. Какое же это изреченіе? *Азъ Господь сотворивый свѣтъ и тму, творяй миръ и зиждяй злая.* Видите, какъ не напрасно и не безъ причины мы обратились къ этому мѣсту и, оставивъ все другое, стремились придти сюда. Эти слова могутъ произвести великое смущеніе въ человѣкѣ невнимательномъ. Пробудитесь же, напрягайте слухъ и, оставивъ всѣ житейскія заботы, внимайте словамъ моимъ. Сегодня я хочу вознаградить васъ за ваше присутствіе здѣсь, и отпустить, насытивъ духовною пищею, такъ чтобы отсутствовавшіе на самомъ дѣлѣ узнали, какую понесли они потерю; а узнаютъ они тогда, когда вы, со вниманіемъ при-

нявъ сказанное, будете въ состояніи передать и имъ. *Азъ Господь Богъ, сотворивый свѣтъ и тму, творяй миръ и зиждяй злая.* Я постоянно повторяю одно и тоже, чтобы напечатлѣть это въ вашемъ умѣ и потомъ предложить разрѣшеніе. Не одинъ этотъ пророкъ говоритъ такъ, но и другой, выражаясь согласно съ нимъ, сказалъ: *или будетъ зло во градѣ, еже Господь не сотвори* (Амос. ш, 3)? Что же значатъ эти слова? На всѣ подобныя мѣста нужно предложить одно разрѣшеніе. Какое же разрѣшеніе? Мы получимъ его, если вникнемъ въ силу этихъ изреченій. Но слушайте со вниманіемъ; мы не напрасно и не безъ причины постоянно напоминаемъ вамъ объ этомъ, но потому, что наконецъ приближаемся къ глубокимъ мыслямъ. Изъ всѣхъ предметовъ одни — добро, другіе—зло, а третьи—нѣчто среднее; изъ нихъ нѣкоторые многимъ кажутся зломъ, а на самомъ дѣлѣ не таковы, но только такъ называются и считаются.

Впрочемъ, чтобы яснѣе представить то, о чемъ я говорю, объяснимъ сказанное примѣрами. Бѣдность для многихъ кажется зломъ, но на самомъ дѣлѣ она не такова, а напротивъ, если кто внимателенъ и любомудръ, она служитъ даже къ истребленію
зла. Богатство для многихъ кажется добромъ, но на самомъ дѣлѣ 147
оно не прямо добро, если кто не будетъ пользоваться имъ, какъ должно. Если бы богатство было прямо добромъ, то и владѣющіе имъ должны бы быть добрыми; но если не всѣ богатые добродѣтельны, а только тѣ, которые хорошо пользуются богатствомъ, то очевидно, что богатство само по себѣ есть не прямо добро, но нѣкоторое средство къ добродѣтели, занимающее среднее мѣсто. Посмотри: въ тѣлѣ бываютъ свойства, по которымъ и называются тѣ, кто имѣетъ ихъ; напримѣръ, бѣлизна есть не сущность, но свойство и случайная принадлежность сущности; и кому она принадлежитъ, того мы называемъ бѣлымъ. Также болѣзнь есть нѣкоторое свойство и случайная принадлежность; и кому принадлежитъ она, того мы называемъ больнымъ. Потому, если бы и богатство было добродѣтелію, то владѣющій богатствомъ долженъ бы быть и называться добродѣтельнымъ; если же богатый не всегда бываетъ добродѣтельнымъ, то и богатство не есть добродѣтель или прямо добро, а бываетъ такимъ по душевному настроенію того, кто пользуется имъ. Также, если бы бѣдность была зломъ, то всѣ бѣдные должны бы быть злыми; если же многіе изъ бѣдныхъ достигли небесъ, то слѣдовательно бѣдность — не зло.

4. А что́, скажетъ иной, если многіе богохульствуютъ отъ бѣдности? Не отъ бѣдности, но отъ собственнаго безумія и малодушія они дѣлаютъ это. Доказательствомъ тому служитъ бла-

женный Іовъ, который, находясь въ крайней бѣдности, будучи низверженъ въ самую пропасть бѣдности, не только не богохульствовалъ, но продолжалъ благословлять Бога и говорилъ: *Господь даде, Господь отъятъ: яко Господеви изволися, тако бысть: буди имя Господне благословено во вѣки* (Іов. I, 21). Но ради богатства, скажешь, многіе дѣлаются хищниками и любостяжателями? Не ради богатства, а ради собственнаго безумія; и свидѣтелемъ этому служитъ тотъ же мужъ, который при такомъ богатствѣ не только не похищалъ чужого, но и свое раздавалъ, и сдѣлалъ у себя пристанище для странниковъ: *дверь моя*, говорилъ онъ, *всякому приходящему отверзта бѣ* (Іов. XXXI, 32). И Авраамъ, имѣя такое богатство, не жалѣлъ ничего для приходящихъ; и ни этого ни того богатство не сдѣлало корыстолюбцемъ, равно какъ и бѣдность не сдѣлала ни Іова, ни Лазаря богохульникомъ; но оба, они, не имѣя даже необходимаго пропитанія, такъ прославились, что одинъ получилъ свидѣтельство отъ Бога, вѣрно знающаго откровенное, а другой несенъ былъ отсюда предшествующими ангелами, сдѣлался сожителемъ праотца и удостоился такихъ же благъ, какъ и онъ. Слѣдовательно, къ предметамъ среднимъ принадлежатъ бѣдность и богатство, здоровье и болѣзнь, жизнь и смерть, слава и честь, рабство и свобода, и тому подобное. Нѣтъ нужды перечислять все, чтобы слишкомъ не распространить бесѣды, но, подавъ вамъ поводъ къ собственному размышленію, слѣдуетъ перейти къ нужнѣйшему. *Даждь премудрому вину*, говоритъ Писаніе, *и премудрѣйшій будетъ* (Притч. IX, 9). Итакъ всѣ эти предметы суть средніе, такъ что пользующіеся могутъ употреблять ихъ и на добро и на зло. А что они дѣйствительно средніе, какъ напр. богатство, это доказалъ Авраамъ, который пользовался имъ
148 по надлежащему; доказалъ и жившій при Лазарѣ богачъ, который расточалъ свое имѣніе на погибель своей головы. Такимъ образомъ богатство прямо не есть ни добро, ни зло. Если бы оно было прямо добромъ, а не чѣмъ-либо среднимъ, то жившій при Лазарѣ богачъ не былъ бы такъ наказанъ; если бы оно было зломъ, то Авраамъ не прославился бы такъ, бывши богатымъ. Нѣчто подобное есть и болѣзнь. Если бы болѣзнь была зломъ, то слѣдовало бы и имѣющему ее быть злымъ; слѣдовало бы поэтому быть злымъ и Тимоѳею, который страдалъ тяжкою болѣзнію: *мало вина пріемли*, говорилъ ему апостолъ, *стомаха ради своего и частыхъ твоихъ недуговъ* (1 Тим. V, 23). Если же онъ не только не былъ отъ этого злымъ, но и сдѣлалъ болѣзнь свою средствомъ къ увеличенію своей награды, мужественно перенося ее, то очевидно, что болѣзнь — не зло. И другой пророкъ постоянно былъ боленъ глазами, и однако отъ этого не былъ злымъ,

но и пророчествовалъ, и предвидѣлъ будущее, и болѣзнь не служила ни малѣйшимъ препятствіемъ къ добродѣтели. И здоровье не есть прямое добро, если кто употребляетъ его не по надлежащему, а на худыя дѣла, или на безумное дѣйствіе, что тоже не безвинно. Потому и Павелъ говорилъ: *аще кто не хощетъ дѣлати, ниже да ястъ* (2 Сол. III, 10). Все это—среднее, и, смотря по людямъ пользующимся бываетъ, иногда тѣмъ, а иногда другимъ. Но для чего говорить о здоровьѣ и болѣзни, богатствѣ и бѣдности? Даже то самое, что для многихъ представляется главою благъ и верхомъ золъ, именно, жизнь и смерть, и онѣ не прямо таковы; но также принадлежатъ къ предметамъ среднимъ, которые могутъ быть и тѣмъ и другимъ по душевному настроенію пользующихся ими. Напримѣръ, жизнь — добро, когда пользующійся ею употребляетъ ее по надлежащему, а когда онъ употребляетъ ее на грѣхи и беззаконія, то она уже не добро, но лучше такому умереть. И наоборотъ то, чего по мнѣнію многихъ нужно избѣгать, можетъ доставить безчисленныя блага, когда будетъ къ тому надлежащая причина. Это доказываютъ мученики, которые за смерть сдѣлались блаженнѣе всѣхъ. Потому и Павелъ желалъ не просто жить со Христомъ, но потому, что это было для него *плодомъ дѣла. Что изволю*, говорилъ онъ, *не вѣмъ: обдержимъ же есмь отъ обою, желаніе имый разрѣшитися и со Христомъ быти, много паче лучше: а еже пребывати во плоти, нужнѣйше есть васъ ради* (Фил. I, 22—24). Потому и пророкъ говоритъ: *честна предъ Господемъ смерть преподобныхъ Его*, не просто смерть, но такая именно смерть (Псал. CXV, 6); и въ другомъ мѣстѣ: *смерть грѣшниковъ люта* (Пс. XXXIII, 22). Видишь ли, что и это есть нѣчто среднее, не прямо добро и не прямо зло, а смотря по настроенію испытывающихъ это. Потому и премудрый Соломонъ, считая полезнымъ среднее между тѣмъ и другимъ, любомудрствуя объ нихъ и показывая, что не прямо первая есть добро, а послѣдняя зло, но и она бываетъ добромъ въ надлежащее время, хотя и кажется тяжкою, когда бываетъ не въ надлежащее время, говоритъ: *время плакати, и время смѣятися: время жити* [1]), *и время умирати* (Екк. III, 2). И радоваться не всегда полезно, но иногда бываетъ вредно; и скорбѣть не всегда хорошо, 149
а бываетъ иногда смертоносно и гибельно. Доказывая это самое, опять Павелъ говоритъ: *печаль бо, яже по Бозѣ, покаяніе нераскаянно во спасеніе содѣловаетъ: а сего міра печаль смерть содѣловаетъ* (2 Кор. VII, 10).

---

[1]) Καιρὸς τοῦ ζῆσαι, но въ ал. и ват. код.: καιρὸς τοῦ τεκεῖν, потому, въ ц.-сл *рождати* (а въ исправленномъ согласно евр. сл.: „*рождатися*“).

5. Видишь ли, что и это принадлежитъ къ предметамъ среднимъ? Слѣдовательно и противоположное этому принадлежитъ къ предметамъ среднимъ, т. е. радость. Поэтому апостолъ и заповѣдалъ не просто радоваться, но радоваться о *Господѣ* (Фил. IV, 4). Впрочемъ уже довольно мы объяснили предметы средніе, если только слушатели были внимательны; теперь нужно перейти не къ среднимъ, но къ добрымъ, которые не могутъ быть злыми, и къ злымъ, которые не могутъ быть добрыми. Всѣ вышесказанные предметы бываютъ иногда тѣмъ, а иногда другимъ, какъ напр. богатство бываетъ иногда зломъ, когда служитъ къ любостяжанію, а иногда добромъ, когда употребляется на милостыню, и все прочее такимъ же образомъ. Но есть предметы, которые иногда не могутъ быть зломъ, а противоположные имъ всегда бываютъ зломъ, и никогда не могутъ быть добромъ; таковы: нечестіе, богохульство, развратъ, жестокость, безчеловѣчіе, чревоугодіе, и тому подобное.

Я говорю не то, будто человѣкъ злой никогда не можетъ сдѣлаться добрымъ, и добрый никогда не можетъ сдѣлаться злымъ, — но то, что самые эти предметы не могутъ быть таковыми. Они всегда остаются одинаковыми, одни добрыми, другіе злыми; а человѣкъ, когда избираетъ первые, то бываетъ добрымъ а когда—противоположные имъ, то—злымъ. Итакъ, предметы трояваго рода: одни—добро и не могутъ быть зломъ, какъ напр. цѣломудріе, милостыня и тому подобное; другіе—зло и никогда не могутъ быть добромъ, какъ напр. развратъ, безчеловѣчіе, жестокость; третьи бываютъ иногда тѣмъ, иногда другимъ, смотря по настроенію пользующихся ими. Богатство иногда служитъ къ любостяженію, иногда употребляется на милостыню; но это зависитъ отъ настроенія пользующагося имъ. Бѣдность бываетъ поводомъ иногда къ богохульству, иногда къ славословію и любомудрію. Потому и надобно теперь же приступить къ разрѣшенію, такъ какъ многіе изъ безразсудныхъ называютъ зломъ не только дѣйствительное зло, которое никогда не можетъ быть добромъ, но и нѣкоторые изъ среднихъ предметовъ, напр. бѣдность, плѣнъ, рабство, которые составляютъ, какъ мы показали, не зло, а нѣчто среднее; такъ какъ многіе, какъ я выше сказалъ, называютъ это зломъ, тогда какъ оно не есть зло, то пророкъ и говоритъ объ этихъ предметахъ, которые многими считаются и называются зломъ, но на самомъ дѣлѣ не зло, — о плѣнѣ, о рабствѣ, о голодѣ и тому подобномъ. А что они дѣйствительно не зло, но еще служатъ къ истребленію зла, мы напередъ представимъ голодъ, который для всѣхъ кажется страшнымъ и ужаснымъ. Узнай же, какъ онъ не есть зло, и научись любомудрствовать. Когда

еврейскій народъ дошелъ до крайней степени нечестія, тогда Илія, поистинѣ великій и достойный небесъ, желая истребить болѣзнь нерадѣнія и излѣчить ее, сказалъ: *живъ Господь, Ему же предстою предъ Нимъ, аще будетъ дождь, точію отъ устъ словесе моего* (3 Цар. XVII, 1),—и тотъ, кто имѣлъ одну только милоть, заключилъ небо: такое онъ имѣлъ дерзновеніе предъ Богомъ! Видишь ли, что бѣдность не зло? Иначе бѣднѣйшій изъ всѣхъ людей, живя на землѣ, не имѣлъ бы дерзновенія — показывать такую силу однимъ только словомъ. Сказавъ это, онъ 150
навелъ голодъ, какъ превосходнаго учителя и истребителя бывшихъ золъ; и подобно тому какъ бываетъ съ тѣломъ, подвергшимся сильной горячкѣ, самыя жилы земли высохли, источники и растенія оскудѣли, и нѣдра земли сдѣлались безплодными. Тогда народъ получилъ немалую пользу: былъ удержанъ отъ стремленія къ беззаконію, былъ обузданъ и сталъ болѣе послушнымъ и покорнымъ пророку. Тѣ, которые прибѣгали къ идоламъ и дѣтей своихъ закалали въ жертву бѣсамъ, при избіеніи столь многихъ жрецовъ вааловыхъ не негодовали и не роптали, но переносили бывшее въ молчаніи и страхѣ, сдѣлавшись лучшими отъ голода.

6. Видишь ли, что голодъ не только не есть зло, но еще истребляетъ зло, исцѣляя болѣзни подобно лѣкарству? Если хочешь видѣть, что и самый плѣнъ не есть зло, то представь, каковы были іудеи прежде плѣна, и какими были во время плѣна, и узнаешь, что ни свобода не есть прямо добро, ни плѣнъ—зло; когда они пользовались свободою и имѣли собственное отечество, то дѣлали такія дѣла, что пророки каждый день обличали ихъ за преступленіе законовъ, за поклоненіе идоламъ, за нарушеніе заповѣдей Божіихъ; а когда они были отведены въ чужую землю и жили въ странѣ иноплеменниковъ, тогда смирились, сдѣлались лучшими и соблюдали законъ, какъ можно видѣть изъ псалма, который необходимо теперь привести, чтобы вы узнали плоды плѣна. Какой же этотъ псаломъ? *На рѣкахъ Вавилонскихъ, тамо сѣдохомъ и плакахомъ, внегда помянути намъ Сіона. На вербіихъ посредѣ его обѣсихомъ органы наша. Яко тамо вопросиша ны плѣншіи насъ о словесѣхъ пѣсней*, глаголющe [1]): *воспойте намъ отъ пѣсней Сіонскихъ. Како воспоемъ пѣснь Господню на земли чуждей* (Псал. CXXXVI, 1—4)? Видишь ли, какъ плѣнъ смирилъ ихъ? До него они не слушались и пророковъ, внушавшихъ не преступать закона; а послѣ него, не смотря на требованіе иноплеменниковъ,

---

[1]) λέγοντες не читается въ др. гр. сп. пер. LXX, а потому не имѣетъ соотв. и въ ц.-сл.

на побужденіе и принужденіе властителей — преступить законъ, они не соглашались, но говорили: не воспоемъ *пѣснь Господню на земли чуждей*, когда законъ не позволяетъ этого. Посмотри и на трехъ отроковъ: они не только не потерпѣли никакого вреда отъ плѣна, но еще сдѣлались отъ него болѣе славными, равно какъ и Даніилъ. А Іосифъ? Какое потерпѣлъ онъ зло, сдѣлавшись странникомъ, рабомъ и узникомъ? Не поэтому ли только онъ возвысился и прославился? А та иноплеменная жена, жившая въ богатствѣ, великолѣпіи и свободѣ, какую получила отъ этого пользу? Не была ли она несчастнѣе всѣхъ потому, что не хотѣла пользоваться этимъ, какъ должно? Итакъ мы ясно показали, чтó — добро, чтó — зло, и чтó — среднее между ними; также объяснили, что пророкъ говоритъ о предметахъ среднихъ, кото-
151 рые—не дѣйствительно зло, а только кажутся такимъ для многихъ, о плѣнѣ, рабствѣ, ссылкѣ. А для чего это сказано, нужно показать.

Человѣколюбивый Богъ, скорый на милость и медленный на наказаніе и мученіе, чтобы не предавать іудеевъ наказаніямъ, посылалъ къ нимъ пророковъ, устрашая ихъ словами, дабы не наказывать самымъ дѣломъ, какъ Онъ поступилъ и съ ниневитянами. Тамъ Онъ угрожалъ тогда истребить городъ не для того, чтобы истребить его, но чтобы не истребить его, какъ дѣйствительно и случилось. Тоже Онъ дѣлалъ тогда и съ іудеями, посылалъ пророковъ, угрожая нашествіемъ иноплеменниковъ, войнами, плѣномъ, рабствомъ, ссылкою, жизнію въ чужой землѣ. Какъ чадолюбивый отецъ, имѣющій упрямаго и нерадиваго сына, желая вразумить его, ищетъ ремней, грозитъ веревками, говоря: свяжу, высѣку, убью, и бываетъ страшнымъ на словахъ, чтобы такимъ образомъ обуздать пороки юноши, такъ точно и Богъ постоянно угрожалъ, желая страхомъ сдѣлать іудеевъ лучшими. Діаволъ, видя это и желая воспрепятствовать исправленію, происходившему отъ такой угрозы, посылалъ лжепророковъ, и тогда какъ пророки угрожали плѣномъ, рабствомъ, голодомъ, тѣ предсказывали противное, миръ, плодородіе, наслажденіе безчисленными благами. Потому, осуждая ихъ, пророки говорили: *миръ, миръ: и гдѣ есть миръ* (Іерем. VI, 14)? Кто занимается Священнымъ Писаніемъ, тотъ знаетъ, какъ происходило все, что было у пророковъ съ лжепророками, ослаблявшими усердіе народа. Когда такимъ образомъ они разслабляли и развращали народъ, то Богъ говорилъ чрезъ пророковъ: *Азъ Богъ, творяй миръ и зиждяй злая* (Исаі. XLV, 7). Какое же зло? То, о которомъ выше сказано: плѣнъ, рабство, и тому подобное, а не прелюбодѣяніе, распутство, любостяжаніе и что-нибудь подобное.

Потому и другой пророкъ, когда говоритъ: *или будетъ зло во градѣ, еже Господь не сотвори*, разумѣетъ такое же зло, голодъ, болѣзни, посылаемыя отъ Бога раны (Амос. III, 6). Такъ и Христосъ, когда говоритъ: *довлѣетъ дневи злоба его*, разумѣетъ труды, утомленіе, изнуреніе (Мат. VI, 34).

7. Итакъ пророкъ говоритъ слѣдующее: пусть не развращаютъ васъ лжепророки; Богъ можетъ даровать вамъ миръ и отдать васъ въ плѣнъ. Это и значитъ: *творяй миръ и зиждяй злая*. Но дабы ты убѣдился, что это справедливо, разсмотримъ обстоятельно самыя выраженія. Сказавъ выше: *Азъ есмь сотворивый свѣтъ и тму*, Онъ потомъ прибавилъ: *творяй миръ и зиждяй злая*. И выше Онъ представилъ два противоположные предмета, и затѣмъ — два противоположные предмета, дабы ты зналъ, что Онъ говоритъ не о прелюбодѣяніи, но о несчастіяхъ. Что противоположно миру? Очевидно — плѣнъ, а не распутство, не прелюбодѣяніе, не любостяжаніе. Какъ выше онъ представилъ два противоположные 153
предмета, такъ точно и здѣсь; а миру противоположны не прелюбодѣяніе, не блудъ, не распутство и прочіе пороки, а плѣнъ и рабство. Но на людей какое впечатлѣніе производятъ стихіи, такое же и обстоятельства. Напримѣръ: Богъ сотворилъ какъ свѣтъ, такъ и тьму; и однако для многихъ свѣтъ кажется пріятнымъ, а тьма непріятною, и они порицаютъ ночь, какъ нѣчто дурное; такъ точно поступаютъ они и съ обстоятельствами. Между тѣмъ не должно порицать ни ночи, ни тьмы, ни рабства одного, ни плѣна. Скажи мнѣ, что худого заключаетъ въ себѣ тьма? Не доставляетъ ли она отдыха отъ трудовъ, успокоенія отъ заботъ, утоленія печали, возстановленія силъ? Если бы не было тьмы и ночи, то наслаждались ли бы мы когда-нибудь свѣтомъ? Не разстроилось ли бы и не погибло ли бы это живое существо—человѣкъ? И какъ тьма для неразумныхъ кажется зломъ, и однако не есть зло но доставляетъ намъ пользу относительно самого дня, дѣлая насъ болѣе способными послѣ отдыха къ дневнымъ трудамъ, такъ не есть зло и плѣнъ, о которомъ пророкъ говоритъ въ словахъ: *творяй миръ и зиждяй злая*, но онъ весьма полезенъ для тѣхъ, кто пользуется имъ, какъ должно; онъ дѣлаетъ ихъ болѣе благоразумными и послушными, истребляя гордость.

Добродѣтель не подвергается рабству и ничто не можетъ преодолѣть ея, ни рабство, ни плѣнъ, ни бѣдность, ни болѣзнь, ни самая смерть, которая сильнѣе всего. Доказательствомъ служатъ всѣ тѣ, которые перенесли все это и сдѣлались отъ того болѣе славными. Какой вредъ потерпѣлъ Іосифъ отъ рабства (ничто не препятствуетъ опять указать на того же мужа), какой отъ заключенія, какой отъ узъ, какой отъ клеветы, какой отъ

козней, какой отъ жизни въ чужой землѣ? Какой вредъ потерпѣлъ Іовъ отъ истребленія воловъ и стадъ, отъ насильственной и преждевременной смерти дѣтей, отъ пораженія тѣла, отъ скопища червей, отъ невыносимой скорби, отъ сидѣнія на гноищѣ, отъ навѣтовъ жены, отъ укоризнъ друзей, отъ порицанія рабовъ? Какой вредъ потерпѣлъ Лазарь отъ того, что лежалъ при воротахъ, былъ облизываемъ языками собакъ, отъ постояннаго голода, отъ презрѣнія богача, отъ ранъ, отъ невыносимой боли, отъ недостатка покровителей, отъ презрѣнія со стороны тѣхъ, которые могли бы подать ему помощь? Или какой вредъ потерпѣлъ Павелъ отъ множества темницъ, истязаній, смертей, потопленій и прочихъ искушеній, которыхъ невозможно исчислить словомъ? Размышляя обо всемъ этомъ, будемъ избѣгать порока и слѣдовать добродѣтели; будемъ молиться, чтобы намъ не впасть въ искушеніе; а если когда впадемъ, то не будемъ падать духомъ и унывать, потому что это — оружіе добродѣтели для тѣхъ, которые пользуются имъ, какъ должно, и мы будемъ въ состояніи чрезъ все прославиться, если будемъ внимательны, и достигнемъ вѣчныхъ благъ, которыхъ да сподобимся всѣ мы о Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ, Которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

НА СЛОВА ПРОРОКА ІЕРЕМІИ:

Господи, нѣсть человѣку путь его, ниже мужъ пойдетъ, и исправитъ шествіе свое (Іер. x, 23).

158 1. Какъ на вещественномъ и общедоступномъ пути одни мѣста бываютъ ровны и удобны, а другія трудны и неудобны, такъ и въ божественныхъ Писаніяхъ одни мѣста сами по себѣ удобопонятны для всѣхъ, а другія требуютъ бо́льшаго изслѣдованія и труда. Когда мы идемъ по пути ровному и удобному, тогда намъ не нужна великая осторожность, а когда идемъ по пути наклонному, узкому, простирающемуся до самой вершины горы и съ обѣихъ сторонъ ограниченному пропастями, тогда намъ нужна душа бодрая и осторожная, потому что трудность мѣстности не позволяетъ быть безпечнымъ; здѣсь, если кто хотя и немного засмотрится и только одна нога поскользнется, все тѣло падаетъ въ пропасть, и если онъ посмотритъ внизъ въ пропасть, то испытываетъ головокруженіе и низвергается. Такъ и въ божественныхъ Писаніяхъ одни мѣста легки и удобны для разумѣнія и могутъ быть проходимы безъ труда, а другія трудны, неудобны и не такъ легко могутъ быть проходимы. Потому

всѣмъ должно бодрствовать и быть внимательными, когда мы проходимъ такія мѣста, чтобы намъ не подвергнуться крайней опасности. Для того и мы иногда упражняемъ васъ мѣстами легкими, а иногда ведемъ къ труднѣйшимъ, чтобы и дать вамъ отдыхъ отъ труда и истребить безпечность. Какъ занимающіеся постоянно легкими дѣлами становятся лѣнивыми, такъ принуждаемые постоянно къ дѣламъ тяжелымъ изнуряются отъ труда;
потому нужно разнообразить виды ученія и сообщать иногда то, 154
иногда другое, чтобы умъ нашъ не разслабѣлъ чрезмѣрно, а съ другой стороны отъ излишняго напряженія не расторгся и не отказался отъ труда. Потому мы, недавно бесѣдуя съ вами о Павлѣ и Петрѣ и бывшемъ между ними преніи въ Антіохіи, и показавъ вамъ, что кажущееся несогласіе ихъ было полезнѣе всякаго мира, вели васъ по пути наклонному и трудному; но когда замѣтили вашу усталость, то въ слѣдующій день перешли къ другому, легчайшему предмету, говорили въ похвалу блаженнаго Евстаѳія, а послѣ него воздавали хвалу славному мученику Роману, при чемъ было у насъ блистательнее зрѣлище, великое рукоплесканіе и много восклицаній. Какъ человѣкъ утомленный, пришедши на лугъ, радуется и восторгается, не видя здѣсь никакого труда и изнуренія, но отдыхъ, удовольствіе и великое душевное спокойствіе, такъ и вы у меня были тогда въ подобномъ состояніи; послѣ трудовъ и затрудненій при слушаніи о томъ предметѣ перешедши къ похваламъ мученикамъ, какъ бы на лугъ; вы съ великимъ спокойствіемъ исполнились радости. Тогда не было ни возраженій, ни опроверженій, ни нападеній, ни отступленій, но безъ всякаго препятствія рѣчь
текла сама собою легко, непринужденно и свободно. Потому она 155
и была блистательна и торжественна и удостоилась многихъ похвалъ. Когда умъ слушателей легко слѣдуетъ за бесѣдою, тогда онъ, исполняясь великаго удовольствія, скорѣе располагается къ похвалѣ говорящему. Потому, такъ какъ мы дали вамъ достаточно отдохнуть въ эти дни, не предлагая вашей любви ничего труднаго и тяжелаго, то сегодня опять обратимъ васъ къ прежнему упражненію, поведемъ васъ къ мѣстамъ Писаній труднѣйшимъ и требующимъ великаго вниманія, не для того, чтобы утомить васъ трудомъ, но чтобы упражненіемъ сдѣлать васъ способными проходить и эти мѣста съ безопасностію. И какъ тогда сначала представлялось нѣкоторое несогласіе и прѣніе между апостолами, а когда мы поднялись выше этихъ скалъ, то вверху увидѣли плоды Духа: любовь, радость, миръ (Гал. v, 22), и трудъ нашъ не былъ напрасенъ и излишенъ, но окончился радостію, такъ и сегодня по молитвамъ вашимъ я надѣюсь,

что, если съ усердіемъ и великимъ терпѣніемъ мы совершимъ предстоящій намъ путь и будемъ въ состояніи достигнуть самой вершины, то найдемъ тамъ все ровнымъ, легкимъ и удобнымъ. Что же предстоитъ намъ теперь? Читанное сегодня изъ пророка: *Господи, нѣсть человѣку путь его, ниже мужъ пойдетъ, и исправитъ шествіе свое.* Вотъ предметъ для изслѣдованія; вы же, какъ тогда показали усердіе, такъ и теперь будьте внимательны; этотъ предметъ не меньше того, но требуетъ еще бо́льшаго вниманія. Почему? Потому, что кажущееся несогласіе между Павломъ и Петромъ, которое впрочемъ не есть несогласіе, было извѣстно немногимъ, и потому отъ незнанія о немъ не могло произойти великаго вреда; а это изреченіе повторяется вездѣ, въ домахъ, на площадяхъ, въ селахъ, въ городахъ, на сушѣ, на морѣ, на островахъ, и куда ни пойдешь, вездѣ услышишь многихъ, которые говорятъ: написано: *нѣсть человѣку путь его;* и не только повторяютъ это изреченіе, но прибавляютъ къ нему и другія подобныя, именно: *ни хотящаго, ни текущаго* (Римл. IX, 16), и кромѣ того еще: *аще не Господь созиждетъ домъ, всуе трудишася зиждущіи* его [1]) (Пс. CXXVI, 1). Это дѣлаютъ они для того, чтобы прикрыть божественными Писаніями собственное нерадѣніе и чтобы такими словами лишить насъ спасенія и надежды. Этимъ они хотятъ доказать не что иное, какъ то, что нѣтъ ничего въ нашей власти. Все наше погибаетъ; напрасно обѣщаніе царства, напрасна угроза геенною, напрасны законы, наказанія, воздаянія, совѣты.

2. Для чего увѣщевать того, кто ни въ чемъ не властенъ? Для чего обѣщать тому, кто лишенъ всякой власти? Какъ совершившій добрыя дѣла не достоинъ похвалы, такъ и согрѣшившій не подлежитъ наказанію и мученію, если дѣла не зависятъ
156 отъ насъ. Но когда люди будутъ имѣть такое убѣжденіе, то послѣ этого уже никто не станетъ ни держаться добродѣтели, ни удаляться отъ порока. Если теперь, когда мы каждый день возвѣщаемъ о гееннѣ, бесѣдуемъ о царствѣ, представляемъ невыносимыя мученія, превышающія умъ человѣческій награды, совѣтуемъ, увѣщеваемъ, употребляемъ всѣ способы убѣжденія,— едва только нѣкоторые рѣшаются на подвиги добродѣтели, едва отстаютъ отъ грѣховныхъ удовольствій, то, когда отсѣчешь и этотъ священный якорь, не потонетъ ли весь корабль, и не погибнутъ ли всѣ, совершенно погрузившись въ волнахъ, не будетъ ли ежедневно множества кораблекрушеній? Ни о чемъ, подлинно ни о чемъ такъ не старается діаволъ, какъ убѣдить

---

[1]) αὐτὸν = *его* въ Ват. код. не читается, а потому не перев. и въ церк.-слав.

душу человѣческую въ томъ, что она ни за грѣхи не подлежитъ наказанію, ни за добрыя дѣла не достойна похвалъ и вѣнцовъ, чтобы и у ревностныхъ ослабить руки и охладить усердіе, и въ безпечныхъ усилить малодушіе и увеличить нерадѣніе.

Потому нужно внимательно слушать то, что говорится; будетъ пропасть и бездна съ обѣихъ сторонъ, если мы станемъ читать это изреченіе безъ вниманія. Что же намъ сказать? Неужели пророкъ сказалъ неправду? Но это не безопасно; пророкъ не говоритъ неправды; потому что онъ изрекаетъ глаголы Божіи. Итакъ пророкъ не сказалъ неправды, и слѣдовательно дѣло не въ нашей власти? И дѣла наши—въ нашей власти, и пророкъ не сказалъ неправды; мы докажемъ и то и другое, если будете внимательны. Я для того и показалъ пропасть съ обѣихъ сторонъ, чтобы мы со вниманіемъ проходили предстоящій намъ путь. Мы изслѣдуемъ не только это изреченіе: *нѣсть человѣку путь его*, но и весь ходъ рѣчи, — о комъ оно сказано, кѣмъ, кому, для чего, когда и какъ. Не достаточно сказать о чемъ-нибудь, что оно написано въ Писаніяхъ, и не должно прямо, выхватывая слова и отрывая члены отъ тѣла богодухновенныхъ Писаній, брать ихъ отдѣльно и безъ взаимной ихъ связи и произвольно и безотчетно искажать ихъ. Такимъ образомъ вошли въ нашу жизнь многія неправыя мнѣнія, по дѣйствію діавола, который научаетъ людей безпечныхъ превратно толковать заключающееся въ Писаніяхъ и, прибавляя или убавляя, помрачать истину. Потому недостаточно сказать о чемъ-нибудь, что это написано въ Писаніи, но должно читать въ цѣлой связи рѣчи, потому что, если мы будемъ разрывать совокупность и связь изреченій между собою, то произойдутъ многія дурныя мнѣнія. Напр. въ Писаніи сказано: *нѣсть Богъ* (Пс. XIII, 1); еще: *отврати лице свое, да не видитъ до конца* (Пс. IX, 32); и еще: *Богъ не взыщетъ* (Пс. IX, 34). Что же, скажи мнѣ, развѣ нѣтъ Бога? Развѣ онъ не видитъ земныхъ дѣлъ? Кто дерзнетъ сказать это, или выслушать? Между тѣмъ это написано въ Писаніи; но узнай, какъ написано. *Рече безуменъ*, говоритъ оно, *въ сердцѣ своемъ: нѣсть Богъ*. Это—мысль и сужденіе не Писанія, но ума безумца; Писаніе высказало не свое мнѣніе, а передало мнѣніе другого. И еще: *чесо ради*, говоритъ оно, *прогнѣва нечестивый Бога? Рече бо въ сердцѣ своемъ: не взыщетъ: отврати лице свое, да не видитъ до конца*. И здѣсь опять оно излагаетъ мысль и сужденіе человѣка нечестиваго и развращеннаго. Такъ и врачи имѣютъ обыкновеніе, бесѣдуя съ здоровыми, говорить о проступкахъ людей больныхъ и безумныхъ, чтобы сдѣлать первыхъ болѣе осторожными. Такъ какъ здоровье души есть благочестіе, а болѣзнь и крайній недугъ ея — невѣдѣніе о

157

Богѣ, то Писаніе излагаетъ слова нечестивыхъ для того, чтобы мы не просто слушали, но и сами воздерживались. Оно говоритъ о томъ, что̀ сказалъ безумный, чтобы ты сдѣлался благоразумнымъ и не допускалъ такихъ словъ; говоритъ о томъ, что сказалъ нечестивый, чтобы ты убѣгалъ нечестія. Притомъ не только должно не разрывать связи рѣчи, но и приводить изреченія Писаній въ цѣлости и ничего не прибавлять къ нимъ.

Многіе повторяютъ и нѣкоторыя другія мѣста изъ Писаній, превратно толкуя ихъ. Написано, говорятъ: если ты разжигаешься, то женись. Но нигдѣ этого не написано такимъ образомъ; а какъ именно сказано, посмотри. *Глаголю же безбрачнымъ и вдовицамъ: добро имъ есть, аще пребудутъ, якоже и азъ. Аще ли не удержатся, да посягаютъ: лучше бо есть женитися, нежели разжизатися* (1 Кор. VII, 8, 9). Развѣ не тоже самое, говорятъ, заключается въ словахъ: если ты разжигаешься, то женись? Если бы даже тоже самое значили слова: если ты разжигаешься, то женись,— и тогда не слѣдовало бы, отрывая ихъ, искажать цѣлое изреченіе Писанія и передавать мысли Писанія собственными словами; но здѣсь мы найдемъ и великое различіе. Когда ты просто говоришь: если разжигаешься, то женись, тогда даешь позволеніе всѣмъ рѣшившимся пребывать въ дѣвствѣ, въ случаѣ пробужденія похоти, нарушать завѣтъ съ Богомъ, перебѣгать въ брачное состояніе и забывать прежній обѣтъ.

8. Но когда ты узнаешь, кому говоритъ это Павелъ, именно, не всѣмъ вообще, но тѣмъ, которые еще не дали обѣтовъ, тогда ты можешь уничтожить такое вредное и гибельное позволеніе. *Глаголю*, говоритъ апостолъ, *безбрачнымъ и вдовицамъ*, не давшимъ обѣтъ вдовства, но еще не рѣшившимся ни на то, ни на другое, а находящимся въ нѣкоторомъ среднемъ состояніи между тѣмъ и другимъ намѣреніемъ. Напримѣръ: если какая-нибудь жена лишилась мужа и еще не разсудила въ самой себѣ и не рѣшила, остаться ли ей во вдовствѣ, или вступить во второй бракъ,— такой, говоритъ онъ, я внушаю, что лучше оставаться такъ; если же она не можетъ переносить этого бремени, то пусть вступаетъ въ бракъ; но тѣ, которыя уже опредѣлили себя и записались въ званіе вдовицъ и заключили завѣтъ съ Богомъ, уже не властны, говоритъ, вступать во второй бракъ. Потому пиша о нихъ въ посланіи къ Тимоѳею, онъ говоритъ такъ: *юныхъ же вдовицъ отрицайся: егда бо разсвирѣпѣютъ противу Христа, посягати хотятъ, имущыя грѣхъ, яко первыя вѣры отвергошася* (1 Тим. V 11, 12). Видишь ли, какъ здѣсь онъ укоряетъ и наказываетъ ихъ и признаетъ достойными суда и осужденія за то, что онѣ нарушали завѣтъ съ Богомъ и измѣняли обѣту? Такимъ обра-

зомъ отсюда видно, что приведенное изреченіе относится не къ давшимъ обѣтъ. Потому должно не просто произносить его, но знать и тѣ лица, къ которымъ обращаются Писанія.

Подобнымъ образомъ повторяютъ другое изреченіе, не иска- 158
жая состава его, но прибавляя къ нему еще нѣчто не написанное. Такова злоба діавола, что онъ или прибавленіемъ, или убавленіемъ, или извращеніемъ, или перетолкованіемъ предмета вводитъ пагубныя мнѣнія. Какое же это изреченіе? *Мое сребро*, говоритъ Богъ, *и мое злато*, и, кому хочу, дамъ его (Агг. II, 9). Здѣсь одно сказано, а другое не сказано въ Писаніи, но прибавлено отвнѣ. Слова: *мое серебро и мое злато*, сказалъ пророкъ; а словъ: и, кому хочу, дамъ его, — не находится, но они повторяются по невѣжеству многихъ. Какой же и отъ этого происходитъ вредъ? Многіе злодѣи, обманщики, развратники и такіе люди, которые недостойны даже видѣть это солнце, ни жить, ни дышать, наслаждаются великимъ благоденствіемъ, извращая все, расхищая домы вдовицъ, грабя сиротъ, обижая низшихъ. Потому діаволъ, желая убѣдить людей, что всякое богатство происходитъ свыше и дается отъ Бога, дабы чрезъ это произнести великую хулу на Господа, взявъ изъ Писанія изреченіе: *мое сребро и мое злато*, прибавилъ къ нему другое, котораго нѣтъ въ Писаніи: и, кому хочу, дамъ его. Не такъ говоритъ пророкъ Аггей. Когда іудеи возвратились изъ земли иноплеменниковъ и хотѣли возстановить храмъ и привести его въ прежнее благолѣпіе, но затруднялись, потому что были окружены врагами, находились въ великой бѣдности и не видѣли ни откуда никакой помощи,—тогда пророкъ, желая возбудить въ нихъ добрыя надежды и убѣдить, чтобы они не сомнѣвались въ окончаніи, говоритъ отъ лица Божія: *мое сребро и мое злато, и будетъ слава дому сего послѣдняя паче первыя* (Агг. II, 9—10).

Но, скажешь, какъ это относится къ предмету? Отсюда слѣдуетъ, что не должно приводить изреченія Писаній просто, не должно разстраивать послѣдовательность и разрывать связь рѣчи и, выхватывая изреченія отдѣльно и безъ связи съ послѣдующими или предъидущими. Не безразсудно перетолковывать и извращать ихъ. Подлинно не безразсудно ли—въ судилищѣ, разсуждая о предметахъ житейскихъ, представлять всѣ основанія, указывать и на мѣсто, и на время, и на лица, и на причины, и на многое другое, а, когда у насъ идетъ дѣло о жизни вѣчной, приводить мѣста изъ Писаній просто и какъ случится? И царскій законъ никто не станетъ читать просто и какъ случится, но, если не скажетъ о времени, не укажетъ на законодателя, не произнесетъ его въ подлинникѣ и въ цѣлости, то осуждается и

подвергается крайнему наказанію; а мы, читая не человѣческій законъ, но принесенный свыше съ небесъ, будемъ позволять такую безпечность, чтобы разрывать его члены и части? Достойно ли это какого-нибудь оправданія и прощенія? Можетъ быть, я чрезмѣрно распространилъ рѣчь, но не напрасно, а для того, чтобы отклонить васъ отъ дурной привычки. Не будемъ же тяготиться, пока не дойдемъ до конца; мы созданы не для того,
159 чтобы только ѣсть, пить и одѣваться, а чтобы избѣгать порока и держаться добродѣтели, руководясь божественнымъ любомудріемъ. А что дѣйствительно мы созданы не для того, чтобы ѣсть и пить, но для другихъ, гораздо высшихъ и лучшихъ цѣлей, послушай самого Бога, Который представляетъ и причину, почему Онъ создалъ человѣка. Создавая его, Онъ сказалъ такъ: *сотворимъ человѣка по образу нашему и по подобію* (Быт. I, 26).

4. Но мы уподобляемся Богу не тогда, когда ѣдимъ, пьемъ и одѣваемся, — потому что Богъ ни ѣстъ, ни пьетъ, ни одѣвается,—а тогда, когда дѣлаемъ правду, показываемъ человѣколюбіе, бываемъ добрыми и кроткими, оказываемъ милосердіе къ ближнимъ, упражняемся во всякой добродѣтели. Ѣсть и пить—. это у насъ общее съ природою безсловесныхъ и этимъ мы нисколько не лучше ихъ. Въ чемъ же наше преимущество? Въ томъ, что мы созданы по образу и по подобію Божію. Итакъ, не будемъ тяготиться, бесѣдуя о добродѣтели, но, предложивъ пророческое изреченіе, тщательно изслѣдуемъ его и посмотримъ, кто высказалъ его, о комъ, когда, кому, въ какихъ обстоятельствахъ, и вообще разберемъ все, что можетъ послужить къ его объясненію. Высказалъ это пророкъ Іеремія, но не о себѣ, а молясь о другихъ, объ іудеяхъ неблагодарныхъ, безчувственныхъ, неисправимыхъ, достойныхъ осужденія и крайняго наказанія, о которыхъ Богъ говорилъ ему: *не молись о людехъ сихъ, яко не услышу тя* (Іер. VII, 16). Нѣкоторые утверждаютъ, что это сказано о Навуходоносорѣ. Когда этотъ иноплеменникъ вознамѣрился напасть на іудеевъ, уничтожить ихъ городъ, взять ихъ и отвести въ плѣнъ, тогда пророкъ, желая убѣдить всѣхъ, что онъ овладѣетъ городомъ не собственною силою и могуществомъ, но за ихъ грѣхи, по попущенію Бога, Который управляетъ войною и ведетъ его въ свой городъ, сказалъ: *вѣмъ Господи, яко нѣсть человѣку путь его, ниже мужъ пойдетъ, и исправитъ шествіе свое.* Смыслъ словъ его слѣдующій: этотъ путь, по которому идетъ теперь непріятель, чтобы напасть на насъ, не отъ него, и не отъ него зависитъ эта война и побѣда, но, если бы Ты не предалъ насъ въ руки его, то онъ не одолѣлъ бы насъ, не побѣдилъ бы. Потому, говоритъ, прошу и умоляю,—когда уже угодно

Тебѣ,—совершить наказаніе не безъ мѣры: *накажи насъ, обаче въ судѣ, а не въ ярости* (Іер. x, 24). Но такъ какъ нѣкоторые не соглашаются на это и утверждаютъ, что здѣсь говорится не объ иноплеменникѣ, а вообще о природѣ человѣческой, то необходимо отвѣчать и имъ. Что же сказать имъ? То, что пророкъ молился за людей грѣшныхъ, за которыхъ молиться было часто запрещаемо; потому онъ напередъ заставляетъ плакать самый городъ. Такъ какъ Богъ постоянно говорилъ: *не молись о нихъ*, то онъ напередъ представляетъ городъ просящимъ о человѣколюбіи, чтобы отсюда получить нѣкоторый предлогъ и справедливый поводъ къ молитвѣ за нихъ предъ Богомъ, обращаетъ рѣчь къ городу и говоритъ: *горе въ сокрушеніи твоемъ, болѣзненная язва твоя;* потомъ и тотъ говоритъ: *воистину, сія болѣзнь моя есть,* 160
жилище мое погибе, кожи моя разтерзашася, сынове мои и овцы моя отъидоша отъ мене, и не суть [1]), *пастыри мои обуяша и Господа не взыскаша, гласъ слышанія грядетъ, и* труса велія *отъ* сѣвера [2]), *да положитъ грады Іудины въ запустѣніе и во обитаніе струфомъ* (Іерем. x, 19—22). Далѣе, когда тотъ (т. е. городъ) оплакалъ собственное несчастіе, онъ (пророкъ) говоритъ: *Господи нѣсть человѣку путь его.* Что же? Вслѣдствіе плача, скажешь, онъ ввелъ пагубное мнѣніе во вселенную, отнимая у насъ свободу и утверждая, что дѣла не засисятъ отъ насъ? Нѣтъ; и среди плача онъ внѣ такой опасности. Сказавъ: *нѣсть человѣку путь его,* онъ не замолчалъ, но прибавилъ: *ниже мужъ пойдетъ, и исправитъ шествіе свое.* Смыслъ словъ его слѣдующій: не все зависитъ отъ насъ, но иное — отъ насъ, а иное—отъ Бога. Избирать лучшее, желать, стараться, предпринимать всякій трудъ,—это зависитъ отъ нашей воли; а доводить свои желанія до конца, не допускать паденій и достигать успѣха въ дѣлахъ, — это зависитъ отъ вышней благодати. Богъ раздѣлилъ съ нами добродѣтель, не все предоставилъ намъ, чтобы мы не возгордились, и не все взялъ на Себя, чтобы мы не впали въ безпечность, но, оставивъ немногое нашимъ трудамъ, большую часть совершаетъ Самъ. А что дѣйствительно, если бы все зависѣло отъ насъ, тогда многіе возгордились бы и предались бы высокомѣрію, послушаемъ, что̀ говорилъ фарисей, въ какую впалъ онъ гордость, какъ превозносился и ставилъ себя выше всей вселенной (Лук. xviii, 10 — 14). Потому Богъ сдѣлалъ, что не все зависитъ отъ

[1]) οἱ υἱοί μου καὶ τὰ πρόβατά μου ἐξῆλθεν ἀπ' ἐμοῦ; но ал. и ват. код: οἱ υἱοί μου καὶ τὰ πρόβατά μου οὐκ εἰσίν, потому въ ц.-сл.: *сыновъ моихъ и овецъ моихъ нѣсть.*

[2]) Т. ал. ват. код.: φωνὴ ἀκοῆς ἰδοὺ ἔρχεται καὶ σεισμὸς μέγας ἐκ γῆς βορρᾶ. почему въ ц.-сл.: *гласъ слышанія се грядетъ, и трусъ велій отъ земли сѣверныя.*

насъ, но предоставилъ нѣчто и намъ, чтобы имѣть благовидный поводъ справедливо увѣнчать насъ. Тоже Онъ объяснилъ и тою притчею, въ которой говоритъ, что господинъ, нашедши людей въ одиннадцатый часъ, послалъ ихъ работать въ виноградникѣ (Матѳ. XX). Что могли они сдѣлать въ одиннадцатомъ часу? Но для Бога достаточно было и этого краткаго времени, чтобы дать имъ полную награду.

А чтобы ты убѣдился, что пророкъ говоритъ истину и не отнимаетъ у насъ свободы, но любомудрствуетъ здѣсь объ окончаніи дѣлъ, выслушай дальнѣйшія слова его. Сказавъ: *нѣсть человѣку путь его*, онъ тотчасъ прибавляетъ: *накажи насъ Господи, обаче въ судѣ, а не въ ярости*. Если бы совершенно ничто не зависѣло отъ насъ, то напрасно онъ говорилъ бы: *накажи насъ Господи, обаче въ судѣ*.

5. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть несправедливѣе того, чтобы наказывались тѣ, которые не властны въ дѣлахъ своихъ, и чтобы подвергались осужденію люди, которыхъ путь и жизнь находятся не въ ихъ власти? Такимъ образомъ, когда онъ является молящимъ Бога о томъ, чтобы наказаніе ихъ не было слишкомъ жестоко, то выражаетъ не что иное, какъ то, что они достойны осужденія и наказанія; а это показываетъ не что иное,
161 какъ свободу ихъ воли. Если бы они не были властны въ дѣлахъ своихъ, то не нужно было бы и просить, чтобы они подверглись болѣе легкому наказанію, и даже совершенно наказывать ихъ; или, лучше, не нужна была бы и просьба, потому что Богъ не имѣетъ нужды въ чьей-нибудь просьбѣ о томъ, чтобы Онъ не наказывалъ невинныхъ. Но что я говорю: Богъ,— когда не дѣлаетъ этого и человѣкъ благоразумный? Итакъ, когда пророкъ является просящимъ за іудеевъ, то очевидно, что онъ проситъ за грѣшниковъ; а грѣхъ бываетъ тогда, когда мы, имѣя власть не преступать закона, преступаемъ его. Изъ всего этого видно, что наши добрыя дѣла зависятъ и отъ насъ и отъ Бога. Таково и слѣдующее изреченіе: *ни хотящаго, ни текущаго, но милующаго Бога* (Римл. IX, 16). Для чего же, скажешь, мнѣ и стремиться, для чего хотѣть, если не все зависитъ отъ меня? Для того, чтобы хотѣніемъ и стремленіемъ привлечь помощь и благословеніе Божіе, чтобы Онъ оказалъ содѣйствіе, простеръ Свою руку и довелъ до конца. А если ты оставишь это и перестанешь хотѣть и стремиться, то и Богъ не простретъ Своей руки, но отступитъ и Онъ. Откуда это извѣстно? Послушай, что говоритъ Онъ Іерусалиму: *колькраты восхотѣхъ собрати чада твоя, и не восхотѣсте? Се, оставляется вамъ домъ вашъ пустъ* (Матѳ. XXIII, 37, 38). Видишь ли, какъ и Богъ отступилъ за то,

что они не хотѣли? Потому намъ нужно и хотѣть и стремиться, чтобы пріобрѣсть благоволеніе Божіе. Это и пророкъ говоритъ, т. е., что успѣшное окончаніе дѣлъ зависитъ не отъ насъ, а отъ помощи Божіей, но избраніе зависитъ отъ насъ и отъ нашей воли. Итакъ, скажешь, если окончаніе дѣла зависитъ отъ помощи Божіей, то я, не окончивъ дѣла, не долженъ подлежать никакому обвиненію; когда я сдѣлаю все съ своей стороны, и покажу желаніе, и изберу, и приступлю къ дѣлу, но Тотъ, отъ Кого зависитъ окончаніе, не поможетъ мнѣ и не простретъ Своей руки, то я свободенъ отъ всякаго осужденія. Нѣтъ, не такъ; быть не можетъ, чтобы Богъ оставилъ насъ, когда мы хотимъ, избираемъ и рѣшаемся. Если Онъ внушаетъ и совѣтуетъ не желающимъ, чтобы они пожелали и захотѣли, то тѣмъ больше Онъ не оставляетъ рѣшающихся. *Воззрите на древнія роды*, говоритъ Премудрый, *и видите, кто вѣрова Господеви, и постыдѣся? Или кто пребысть въ страсѣ Его, и оставися* (Сирах. II, 10)? Также и Павелъ говоритъ: *упованіе же не посрамитъ* (Римл. V, 5), т. е. упованіе на Бога. Невозможно, чтобы не достигъ конца тотъ, кто надѣется на Бога всею душею и исполняетъ все съ своей стороны. И еще: *вѣренъ же Богъ, иже не оставитъ васъ искуситися паче, еже можете, но сотворитъ со искушеніемъ и избытіе, яко возмощи вамъ понести* (1 Кор. X, 13). Потому и предлагаетъ одинъ 162
мудрый мужъ такія увѣщанія: *чадо, аще приступаеши работати Господеви, уготови душу твою во искушеніе: управи сердце твое и потерпи, и не скоръ буди во время наведенія: прилѣпися ему и не отступи* (Сир. II, 1—3). И въ другомъ мѣстѣ предлагается увѣщаніе: *претерпѣвый же до конца, той спасенъ будетъ* (Мѳ. X, 22).

Все это — правила, законы и неизмѣнныя опредѣленія; въ душѣ нашей должно быть твердо внѣдрено, что невозможно, чтобы кто-нибудь прилагающій стараніе, пекущійся о своемъ спасеніи и исполняющій все съ своей стороны, былъ когда-нибудь оставленъ Богомъ. Не слышишь ли, что говоритъ Господь Петру? *Симоне, Симоне*, коль краты проси сатана сѣяти васъ [1]), *яко пшеницу: Азъ же молихся о тебѣ, да не оскудѣетъ вѣра твоя* (Лук. XXII, 31, 32). Когда Онъ видитъ, что бремя превышаетъ наши силы, тогда простираетъ Свою руку и облегчаетъ искушеніе; но когда видитъ, что мы, по собственной безпечности и лѣности, теряемъ собственное спасеніе и не хотимъ спастись, тогда Онъ отступаетъ и оставляетъ насъ, потому что Онъ не употребляетъ наси-

---

[1]) Ποσάκις ἠτήσατο ὁ Σατανᾶς συνιάσαι ὑμᾶς, но въ t. rec. Нов. Зав.: ἰδοὺ ὁ Σατανᾶς ἐξητήσατο ὑμᾶς, τοῦ συνιάσαι ὡς τὸν σῖτον, почему въ ц.-сл.: *се сатана проситъ васъ, дабы сѣялъ яко пшеницу.*

лія и не принуждаетъ, и какъ поступалъ въ ученіи, такъ поступаетъ и здѣсь. Какъ тамъ нежелающихъ слушать и отходящихъ Онъ не принуждалъ и не заставлялъ, а внимательнымъ разрѣшалъ неясное и притчи дѣлалъ понятными, такъ точно и въ дѣлахъ: людей безпечныхъ и нежелающихъ Онъ не принуждаетъ и не заставляетъ, а добровольно рѣшающихся привлекаетъ съ великою силою. Потому и Петръ говоритъ: *по истинѣ разумѣваю, яко во всякомъ языцѣ боящся Бога и дѣлаяй правду, пріятенъ Ему есть* (Дѣян. x, 34, 35). И пророкъ внушаетъ тоже самое, когда говоритъ: *аще хощете и послушаете Мене, благая земли снѣсте: аще же не хощете, ниже послушаете Мене, мечъ вы поястъ* (Иса. I, 19, 20). Итакъ, зная это, зная, что отъ насъ зависитъ хотѣть и стремиться, и что хотѣніемъ и стремленіемъ мы привлекаемъ къ себѣ Бога на помощь, а привлекши Его, достигаемъ до конца дѣлъ, — возстанемъ, возлюбленные, и покажемъ всю ревность ко спасенію нашей души, чтобы, потрудившись здѣсь малое время, въ нескончаемой и безсмертной жизни достигнуть намъ вѣчныхъ благъ, которыхъ да сподобимся всѣ мы, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

ОБЪЯСНЕНІЕ ТОГО,

что неясность пророчествъ о Христѣ, язычникахъ и отпаденіи Іудеевъ — полезна.

163 1. Сегодня хочу предложить вамъ пророческую трапезу и приготовляюсь вывесть слово въ море мудрости Исаіи. Но что будетъ со мною? Я недоумѣваю и боюсь, чтобы, вышедши изъ пристани и вступивъ въ глубину пророческихъ мыслей, мы не потерпѣли головокруженія, какое испытываютъ неопытные мореплаватели. Тѣ, когда покинутъ землю, по ту и другую сторону корабля увидятъ морскую бездну и ничего болѣе кромѣ моря и неба, впадаютъ въ болѣзненное помраченіе и думаютъ, что корабль ихъ кружится вмѣстѣ съ моремъ. Но такое головокруженіе происходитъ не отъ свойствъ моря, а отъ неопытности плавателей,
164 потому что другіе плаватели даже съ обнаженнымъ тѣломъ прямо бросаются въ волны и не испытываютъ ничего подобнаго, но, погрузившись въ самую глубину, пребываютъ тамъ въ большей безопасности, нежели въ какой находящіеся на сушѣ, и хотя соленая вода проникаетъ и въ уста ихъ, и въ глаза, и во все тѣло,

они не безпокоятся. Таково благо—упражненіе; таково зло—неопытность; такъ первое научаетъ презирать и страшное, а послѣдняя заставляетъ бояться и подозрѣвать опасность и въ безопасномъ. Одни, сидя на высокихъ скамьяхъ корабля, испытываютъ головокруженіе и отъ одного зрѣлища моря, а другіе не смущаются и среди самыхъ волнъ. Тоже бываетъ и съ нашею душею. И на нее часто нападаютъ волны страстей, которыя свирѣпѣе морскихъ волнъ, какъ напримѣръ буря гнѣва, ниспровергающая сердце, и вѣтры злой похоти, производящіе въ душѣ великое 165
смятеніе. Когда начинается буря гнѣва, то неопытный и неискусный тотчасъ смущается, теряется, приходитъ въ замѣшательство и оставляетъ душу утопать въ страстяхъ и подвергаться кораблекрушенію; а опытный и научившійся мужественно переносить это, поставивъ свой разумъ надъ страстями, какъ бы кормчаго при рулѣ, не прежде перестаетъ употреблять всѣ усилія, какъ когда приведетъ ладью въ спокойную пристань любомудрія. Что бываетъ на морѣ и что происходитъ въ душѣ, тоже случается и при изъясненіи Писаній: неизбѣжно смущеніе и тревога, когда мы войдемъ въ это море, не потому, чтобы самое море было страшно, но потому, что мы—пловцы неопытные. А что дѣйствительно рѣчь, по свойству своему легкая, бываетъ трудною по неопытности слушателей, свидѣтелемъ этого представлю вамъ Павла. Онъ, сказавъ, что Христосъ былъ первосвященникомъ по чину Мелхиседекову, и изслѣдуя, кто этотъ Мелхиседекъ, присовокупилъ: *о немже многое намъ слово и неудобьсказаемо* (Евр. v, 11). Что говоришь ты, блаженный Павелъ? Неужели оно неудобоизъяснимо для тебя, обладающаго духовною мудростію, слышавшаго неизреченные глаголы, восхищеннаго до третьяго неба? Если оно неудобоизъяснимо для тебя, то кому же оно понятно? Для меня, говоритъ, оно *неудобьсказаемо*, не по своей трудности, но по немощи слушателей. Потому, сказавъ: *неудобьсказаемо*, онъ присовокупилъ: *понеже немощни бысте слухи*. Видишь ли, что не отъ свойствъ слова, но отъ неопытности слушателей нетрудное дѣлалось труднымъ? И не только труднымъ, но и обширнымъ краткое слово дѣлается отъ той же причины; поэтому онъ и сказалъ, что оно не только *неудобьсказаемо*, но и *многое*, указывая причину и обширности и трудности его въ немощи слушателей. Какъ больнымъ не надобно предлагать скудной и наскоро приготовленной трапезы, но нужно приготовлять разныя кушанья, чтобы больной, если не захочетъ взять одного, взялъ другое, и если не понравится ему то, принялъ бы иное, и если отвергнетъ и это, взялся бы за прочее, и чтобы такимъ различіемъ яствъ намъ побѣдить его недовольство и разнообразіемъ трапезы увра-

чевать мрачное его настроеніе, такъ часто нужно поступать и въ отношеніи къ духовной пищѣ. Когда мы немощны, то нужно приготовлять рѣчь обширную и разнообразную, въ которой были бы и сравненія, и примѣры, и доказательства, и описанія, и многое другое подобное, чтобы изъ всего этого намъ легче было выбрать полезное. Впрочемъ, хотя апостолу предстояло слово и обширное и неудобоизъяснимое, онъ не лишилъ своихъ слушателей ученія о Мелхиседекѣ, но, сказавъ слова: *многое и неудобьсказаемо*, онъ возбудилъ ихъ ревность, чтобы они сдѣлались болѣе усердными къ слушанію, а предложивъ трапезу, удовлетворилъ ихъ желанію.

2. Такъ поступимъ и мы. Хотя море пророковъ безпредѣльно
166 и много тамъ пучинъ, однако съ опасностію жизни пустимся въ это море по мѣрѣ нашихъ силъ; лучше же—по мѣрѣ не нашихъ силъ, но дарованной намъ свыше благодати; осмѣлимся войти въ это море не по нашему дерзновенію, но для вашей пользы, подражая и въ этомъ Павлу. А что онъ не лишилъ ихъ слова о Мелхиседекѣ, выслушай слѣдующее. Сказавъ: *о немже многое слово и неудобьсказаемо*, онъ присовокупилъ: *сей бо Мелхиседекъ, царь правды, потомъ же и царь салимскій, еже есть, царь мира, безъ отца, безъ матере, безъ причта рода, ни начала днемъ, ни животу конца имѣя: уподобленъ же Сыну Божію, пребываетъ священникъ вину* (Евр. VII, 1—3). Не смутилъ ли слуха вашего Павелъ, бесѣдуя о человѣкѣ и говоря: *безъ отца, безъ матере*? Но что я говорю: о человѣкѣ? Если бы это было говорено и о Христѣ, то и тогда не подало ли бы намъ повода ко многимъ вопросамъ? Вѣдь, если онъ безъ отца, то какъ Онъ—сынъ? Если безъ отца, то какъ—Единородный? Сынъ долженъ имѣть отца; иначе онъ не былъ бы сыномъ. Но Сынъ Божій и безъ отца, и безъ матери. Какимъ образомъ? Безъ отца — по земному рожденію, безъ матери — по небесному, потому что ни на землѣ Онъ не имѣлъ отца, ни на небѣ—матери. *Безъ причта рода.* Пусть выслушаютъ это тѣ, которые производятъ изслѣдованія о существѣ Его. Нѣкоторые думаютъ, что слова: *безъ причта рода* сказаны о небесномъ Его рожденіи. Впрочемъ одни изъ еретиковъ не допускаютъ даже и этого, и о томъ рожденіи они производятъ разысканія и изслѣдованія; а другіе, болѣе скромные, соглашаются относить эти слова къ тому рожденію, но не думаютъ, чтобы выраженіе: *безъ причта рода* сказано было и о земномъ рожденіи. Докажемъ же, что Павелъ сказалъ это о томъ и другомъ рожденіи,—и о небесномъ, и о земномъ. Подлинно, и то изумительно, и это таинственно. Потому и Исаія говоритъ: *родъ же Его кто исповѣсть* (Ис. LIII, 8)? Но это, говорятъ, сказано о томъ, о небесномъ рожденіи. Что же мы отвѣтимъ Павлу, который сказалъ объ обоихъ рожденіяхъ и

потомъ уже присовокупилъ: *безъ причта рода*? Сказавъ сначала: *безъ отца*, *безъ матере*, онъ потомъ прибавилъ: *безъ причта рода*, чтобы ты увѣровалъ, что Христосъ не имѣетъ родословія не только по тому рожденію, по которому Онъ—безъ матери, но и по тому, по которому Онъ—безъ отца, т. е. по земному. Поэтому апостолъ, упомянувъ о томъ и другомъ рожденіи, потомъ и сказалъ: *безъ причта рода*. Вѣдь и это земное рожденіе Его непостижимо, для того, чтобы на то мы не смѣли даже и взирать. Если преддверіе храма такъ страшно и недоступно, то какъ покусится кто-нибудь войти во святилище? То, что Сынъ Божій родился отъ Отца, я знаю; но какъ—не знаю. То, что Онъ родился отъ Дѣвы, я знаю; но образа рожденія даже и здѣсь не постигаю. Рожденіе Его по тому и другому естеству исповѣдуется; но относительно образа того и другого рожденія умолчано. И какъ здѣсь, въ отношніи къ Дѣвѣ, хотя я не знаю, какъ Онъ родился отъ Дѣвы, однако исповѣдую, что Онъ родился, и не отвергаю самаго событія по незнанію способа рожденія, такъ поступи и ты въ отношеніи къ Отцу: хотя ты и не знаешь, какъ Онъ родился, но исповѣдуй, что—родился. И если еретикъ будетъ говорить 167
тебѣ: какъ Сынъ родился отъ Отца?—ты низведи мысль его на землю и скажи ему: сойди съ небесъ и покажи, какъ Онъ родился отъ Дѣвы, и тогда спрашивай о томъ. Удержи его, и обуздай, и не позволяй ему ни убѣжать, ни уклониться въ лабиринтъ умозаключеній, но удержи и порази не рукою, а словомъ, и не давай ему дѣлать риторическихъ различеній и изворотовъ, какихъ онъ желаетъ. Оттого еретики и приводятъ въ смущеніе тѣхъ, съ кѣмъ разсуждаютъ, что мы слѣдуемъ за ними, а не подводимъ ихъ подъ законы божественныхъ Писаній. Итакъ, окружи его со всѣхъ сторонъ стѣною,—свидѣтельствами изъ Писаній, и онъ не въ въ состояніи будетъ и устъ открыть. Скажи ему: какъ (Христосъ) родился отъ Дѣвы?—я не отступлю и не отстану. Онъ не могъ бы выяснить способа этого рожденія, хотя бы употреблялъ тысячи усилій, потому что, когда Богъ заключитъ, кто отверзетъ? Такія дѣла пріемлются только одною вѣрою. Если же ты не удерживаешься, но требуешь умственныхъ доказательствъ, то скажу тебѣ то, что Христосъ сказалъ Никодиму: *аще земная рекохъ вамъ, и не вѣруете: како, аще реку небесная, увѣруете* (Іоан. III, 12)? Я сказалъ о рожденіи отъ Дѣвы, и ты не знаешь и не смѣешь устъ открыть; какъ же ты хочешь изслѣдовать небо? Впрочемъ, о, если бы ты усиливался постигнуть (только) небо, а не Владыку небесъ! *Аще земная рекохъ вамъ, и не вѣруете.* Не сказалъ: не убѣждаетесь, но: *не вѣруете*, показывая намъ, что и земное требуетъ вѣры. Если же земное требуетъ вѣры, то гораздо болѣе небесное.

Между тѣмъ тогда Онъ бесѣдовалъ съ Никодимомъ о рожденіи гораздо меньшемъ,—именно рѣчь была о крещеніи и духовномъ возрожденіи,—и однако говорилъ, что и это можетъ быть принимаемо (только) вѣрою. Земнымъ же Онъ назвалъ это не потому, чтобы оно было земное, но потому, что оно совершается на землѣ и, въ сравненіи съ небеснымъ рожденіемъ, неизреченнымъ и превосходящимъ всякій умъ, оно земное. Итакъ, если невозможно знать, какъ я возрождаюсь отъ воды, но должно принимать это одною вѣрою и не изслѣдовать способа, то какое было бы безуміе—усиливаться человѣческими соображеніями постигнуть небесное рожденіе Единороднаго Сына и требовать объясненій способа, какимъ совершилось это рожденіе?

8. Впрочемъ уже достаточно показано, какимъ образомъ Единородный Сынъ Божій—безъ отца и безъ матери, и какъ Онъ не имѣетъ родословія по тому и другому рожденію; теперь возвратимся къ своему предмету, отложивъ бесѣду о Мелхиседекѣ до другого дня, и усилимъ вниманіе, намѣреваясь слушать пророческія притчи. Пророческія изреченія подобны притчамъ, много труднаго въ ветхомъ завѣтѣ и неудобопонятны эти книги; а новый завѣтъ яснѣе и удобопонятнѣе. Почему же, скажешь, это такъ устроено, хотя въ новомъ завѣтѣ говорится о предметахъ болѣе важныхъ—о царствѣ небесномъ, о воскресеніи тѣлъ и о неизъяснимыхъ благахъ, которые даже выше ума человѣческаго? Итакъ, какая причина того, что пророчества неясны? Въ нихъ предсказывается іудеямъ много бѣдствій: и то, что они будутъ
168 отвергнуты, а мы будемъ приняты, и то, что храмъ ихъ будетъ разрушенъ и болѣе уже не возстановится, а Іерусалимъ падетъ и будетъ доступенъ для всѣхъ, и то, что іудеи, сдѣлавшись скитальцами, разсѣются по всей вселенной и, лишившись города, не будутъ болѣе имѣть и древняго гражданскаго устройства, но все прежнее будетъ у нихъ отнято—и пророчества, и жертвы, и священство, и царство. И не только объ этомъ, но и о многомъ другомъ подобномъ предсказывали пророки, помѣщая въ своихъ книгахъ множество прискорбныхъ сказаній. Потому, чтобы іудеи, ясно услышавъ объ этомъ въ началѣ, не умертвили говорившихъ, эти прикрыли свои предсказанія неудобовразумительностію и оставили событія въ великой темнотѣ, чтобы неясность сказаннаго доставила безопасность имъ—говорившимъ. А откуда это извѣстно? Вѣдь мы должны представить и доказательства, хотя бесѣдуемъ и среди друзей, потому что, можетъ быть, здѣсь есть много и не изъ числа друзей. Пусть же и они узнаютъ это, чтобы и они сдѣлались друзьями. Я сказалъ, что, если бы іудеи услышали о бѣдствіяхъ, которыя имѣли постигнуть ихъ, и о

томъ, что Іерусалимъ будетъ разрушенъ за Христа и разрушенъ навсегда и безвозвратно, если бы они ясно услышали объ этомъ отъ пророковъ, то тотчасъ умертвили бы говорившихъ объ этомъ. Откуда же это извѣстно? Прежде всего изъ самыхъ нравовъ іудеевъ,—потому что они были неистовы и звѣроподобны. Это—народъ, всегда жаждавшій крови пророковъ; руки ихъ навыкли къ убіенію святыхъ. Въ этомъ укоряетъ ихъ великій Илія, когда говоритъ: *Господи, пророки твоя избиша, олтари твоя раскопаша* (3 Цар. XIX, 10). Также и Христосъ говоритъ: *Іерусалиме, Іерусалиме, избивый пророки и каменіемъ побиваяй посланныя къ* нему (Матѳ. XXIII, 37). Согласно съ этимъ и Исаія, обличая ихъ, взывалъ: *руки ваши исполнены крове* (Ис. I, 15). И въ свою очередь Христосъ говорилъ: *отцы ваши избиша пророки*, а вы *зиждите гробы пророческія: исполните мѣру отцевъ вашихъ* (Матѳ. XXIII, 29—32). Видишь, какъ и Господь, и рабы свидѣтельствуютъ о склонности іудеевъ къ убійству? Что же значитъ: *исполните мѣру отцевъ вашихъ?* Убейте, говоритъ, и Меня; прибавьте къ крови рабовъ и убіеніе Господа. Хотя они убили множество людей, но все это были подобные имъ рабы; когда же простерли руки на Владыку, мѣра исполнилась,—и справедливо. Пока они не умертвили Господа, то еще имѣли надежду на спасеніе и могли ожидать, что Агнецъ Божій придетъ и вземлетъ грѣхъ міра; но когда убили врача, попрали самую жертву умилостивительную и отвратились отъ пришедшаго отпустить грѣхи, тогда уже потеряли всякую надежду. Потому Онъ и говоритъ: *исполните мѣру отцевъ вашихъ*. Такъ, скажешь, многими свидѣтельствами доказано, что они убійцы и нечестивцы; но откуда видно, что они не пощадили бы пророковъ, если бы услышали, что Іерусалимъ будетъ разрушенъ, что законъ прекратится, что ветхій завѣтъ отмѣнится? Хотя это весьма ясно и изъ сказаннаго, но я представлю еще болѣе очевидное доказательство изъ самыхъ Писаній. Если когда они слышали пророка, который говорилъ, что Іерусалимъ подвергнется временному разрушенію, то, вмѣсто того, чтобы раскаяться и отклонить отъ себя гнѣвъ Божій, они изливали ярость свою на такого пророка. А что это правда, выслушайте самыя исторіи. Нѣкогда персы осаждали ихъ городъ, и войско иноплеменниковъ окружало его; опасность не была неизвѣстною, но городъ Іерусалимъ находился тогда уже среди сѣти, такъ какъ враги всѣ были вооружены и стояли кругомъ; однако, не смотря на столь явную опасность, когда Іеремія пришелъ и сказалъ имъ, что городъ будетъ преданъ въ руки халдеевъ, и тогда какъ это не было даже пророчествомъ — потому что они собственными глазами видѣли имѣвшее случиться, —

169

тогда какъ онъ сказалъ явное и очевидное, эти нечестивые, безчувственные и неблагодарные къ благодѣтелямъ пришли въ такое неистовство, что сочли его за предателя и губителя города, и сказали, что онъ *разслабляетъ руцѣ* народа сего (Іер. XXXVIII, 4). Между тѣмъ онъ ободрялъ, возбуждалъ въ нихъ ревность и обращалъ къ Богу, ограждая ихъ несокрушимою и непреодолимою стѣною. Но они, не подумавъ ни о чемъ этомъ, требовали его смерти. И такія награды всегда воздавали они своимъ благодѣтелямъ. И хотя царь простилъ, они не перестали неистовствовать, но, не имѣя власти умертвить пророка, ввергли его въ грязный ровъ.

4. Если же они не выносили извѣстія о временномъ плѣненіи, то какъ выслушали бы предсказаніе о всегдашнемъ рабствѣ? Если когда Іеремія сказалъ: вы будете отведены въ Вавилонъ, они не могли терпѣливо слышать это, но наказали говорившаго, то, когда бы услышали отъ пророковъ: не въ Вавилонъ вы будете отведены, а будете разсѣяны по всей вселенной и уже впредь не возвратитесь, — не выпили ли бы они даже и кровь говорящихъ? Если же и это еще кажется догадкою, то я представлю вамъ ясное доказательство, что не безопасно было говорить имъ о будущемъ, т. е., о нашей чести и объ ихъ отпаденіи. За что, скажи мнѣ, побили камнями Стефана — начатокъ мучениковъ? Не это ли они поставляли ему въ вину и не говорили ли: *человѣкъ сей глаголетъ хульныя глаголы?* Онъ сказалъ, говорили, *яко Іисусъ разоритъ храмъ сей и измѣнитъ обычаи, яже предаде Моисей* (Дѣян. VI, 11—14), — и за то побили его камнями. Если же тогда они не могли терпѣливо слышать этого, когда уже обстоятельства удостовѣряли ихъ въ томъ, то какъ они стерпѣли бы пророковъ, предсказывавшихъ объ этомъ? Ты слышалъ, возлюбленный, что за слова о храмѣ и измѣненіи обычаевъ они побили камнями Стефана, — послушай, какъ тоже они поставляли въ вину и Христу. *Сей*, говорили они, *рече: разорите церковь сію, и треми денми воздвигну ю* (Матѳ. XXVI, 61; Іоан. II, 19). Видишь ли, какъ всегда раз-
170 рушеніе храма и измѣненіе обычаевъ возбуждало въ нихъ гнѣвъ? Потому пророки, хотя говорили объ этомъ, но не говорили ясно. За то они хотѣли убить и Павла, что онъ убѣждалъ ихъ перемѣнить обычаи. Откуда это извѣстно? *Видиши ли, брате*, говорили ему, *колико темъ есть іудей вѣровавшихъ, и вси увѣстишася о тебѣ, яко отступленію учиши отъ закона* (Дѣян. XXI, 20, 21). Вѣрующіе не могли терпѣливо слушать ученіе объ отступленіи закона: какъ же еще не увѣровавшіе могли бы терпѣливо слышать, что законъ прекратится? Такимъ образомъ то, что іудеи умертвили бы пророковъ, если бы они ясно предсказали что-нибудь подобное, мы доказали свидѣ-

тельствами и блаженнаго Іереміи, и первомученика Стефана, самого Христа и апостола Павла. Всѣмъ они ставили въ вину одно и то же, и за это умерщвляли ихъ. А что они сожгли бы и самыя книги пророческія, если бы знали говоримое въ нихъ, и это я постараюсь доказать однимъ историческимъ событіемъ, которое сокровенно для васъ, но тотчасъ будетъ весьма ясно, потому что такъ я постараюсь изложить его. Какое же это событіе,—послушайте.

И бысть въ лѣто четвертое Іоакима, сына Іосіина, царя Іудина, рече Господь ко Іереміи: напиши вся словеса, яже соглаголахъ къ тебѣ отъ дне Іосіи и до сего дне (Іер. XXXVI, 1, 2), т. е., всѣ бѣдствія, которыя Я думаю причинить имъ. Посмотри, какъ человѣколюбивъ и попечителенъ Богъ. Такъ какъ они не хотѣли терпѣливо слушать (Моихъ угрозъ) по частямъ, то собери, говоритъ, все это и увеличь страхъ, чтобы хотя такимъ образомъ они исправились. Припомните обѣщаніе: мы предположили доказать, что они истребили бы и самыя книги, если бы сознавали все, что сбылось нынѣ. *Негли услышатъ злая*,—вѣдь надобно держаться исторіи, —*яже Азъ помышляю сотворити имъ, да отвратятся отъ пути своего злаго* (Іерем. XXXVI, 3). *Негли*—говоритъ Богъ. Неужели, скажи мнѣ, Онъ не знаетъ будущаго? Развѣ не зналъ, послушаютъ ли они, Тотъ, Кто знаетъ все прежде бытія, испытываетъ сердца и утробы, судитъ желанія и помышленія, предъ очами Котораго все обнажено и открыто? Почему же онъ говорилъ: *негли услышатъ?* И это нужно вамъ знать ради тѣхъ, которые обвиняютъ Единороднаго въ незнаніи. Вотъ и Отецъ употребляетъ выраженія, свойственныя незнающему,—потому что слово: *негли* свойственно незнающему; между тѣмъ Онъ не знаетъ. Поэтому, когда ты услышишь и Сына говорящаго что-нибудь подобное, то разумѣй въ томъ же смыслѣ, потому что, какъ Сынъ, Онъ во всемъ подражаетъ Отцу.

Но отложимъ до времени эти споры, чтобы намъ не уклониться отъ настоящаго предмета; теперь же скажемъ: для чего Онъ говоритъ: *негли услышатъ?* Если бы онъ сказалъ, что они послушаютъ, безъ *негли*, то это было бы ложно, потому что они не хотѣли послушать. Если же Онъ сказалъ бы правду, что они не послушаютъ, то напрасно и посылалъ бы пророка къ тѣмъ, которые не послушаютъ. И не поэтому только, но и для того, чтобы предвѣдѣніе Его не было сочтено какою-либо необходимою 171
причиною непослушанія, употребилъ Онъ неопредѣленныя выраженія, чтобы кто-нибудь не сказалъ: Богъ предрекъ, и непремѣнно такъ должно было исполниться, какъ говорятъ и объ Іудѣ. Господь предсказалъ, говорятъ, что онъ будетъ предателемъ, и по-

тому онъ сдѣлался предателемъ. О, безуміе! О, безстыдство! Нѣтъ, человѣкъ, не предвѣдѣніе Божіе бываетъ причиною зла,—да не будетъ,—оно не бываетъ необходимою причиною имѣющаго случиться, но есть только предвѣдѣніе. Не потому Іуда сдѣлался предателемъ, что Христосъ предсказалъ объ этомъ, но потому Христосъ и предсказалъ, что онъ имѣлъ стать предателемъ. Потому и здѣсь, чтобы не говорили, будто Богъ, сказавъ, что они не послушаютъ, заградилъ имъ путь къ покаянію, Онъ предварительно отклонилъ этотъ предлогъ ихъ и сказалъ пророку: *негли услышатъ*.

5. Припомните обѣщаніе; я для того часто напоминаю вамъ объ этомъ, чтобы вы, между тѣмъ какъ я говорю о соприкосновенныхъ предметахъ, не забыли предложеннаго нами въ началѣ главнаго предмета. Какой же былъ этотъ предметъ? Тотъ, что если бы іудеи знали, что съ ними случатся постигшія ихъ бѣдствія, т. е., тѣ бѣдствія, которыя терпятъ они теперь, то истребили бы самыя книги и не пощадили бы даже и божественныхъ Писаній. Но возвратимся къ исторіи. Іеремія, выслушавъ это, призываетъ ученика своего Варуха, сына Ниріина, и говоритъ ему; впиши въ книгу всѣ, имѣющія постигнуть ихъ, бѣдствія (Іерем. xxxvi, 4). Что это значитъ? Богъ повелѣлъ тебѣ, а ты посылаешь ученика? Не робѣешь ли ты? Не безпокоишься ли? Не боишься ли? Если ты боишься, то какъ осмѣлится ученикъ? Но ничего такого не было, здѣсь же приводится и причина. Сказавъ: напиши и прочитай, Іеремія прибавилъ: потому что я содержусь въ темницѣ (Іер. xxxvi, 4, 5). О, великодушіе! Онъ былъ въ темницѣ и не оставлялъ пророчества! Обратимъ вниманіе на мужество праведника и любомудріе души его. Онъ не сказалъ себѣ: столько огорченій постигло меня за эти смѣлыя рѣчи. Безчисленное множество словъ истратилъ я и не имѣлъ никакого успѣха, и не пріобрѣлъ себѣ ничего, кромѣ того только, что меня заключили въ узы, и еще не избавилъ меня Богъ отъ этихъ узъ, какъ опять посылаетъ меня къ тѣмъ же звѣрямъ. Ничего такого онъ не сказалъ и даже не подумалъ, но имѣлъ въ виду только одно, какъ бы исполнить повелѣніе Владычне; и такъ какъ самъ не могъ, то исполнилъ его чрезъ ученика. Говоритъ: прочти имъ и объяви всѣ бѣдствія, потому что *я содержусь въ темницѣ*. Такимъ образомъ говорилъ Іеремія, а писалъ въ книгѣ Варухъ. Было время поста, когда происходило это, наступалъ праздникъ, призывавшій всѣхъ въ столицу; слѣдовало быть общему собранію, такъ какъ о необходимыхъ предметахъ надлежало разсуждать въ собраніи. Варухъ пришелъ къ начальникамъ и прочиталъ въ слухъ начальниковъ *вся словеса сія*; ска-

залъ и причину: *негли*, говоритъ, *падетъ молитва ваша предъ лицемъ Господнимъ* (Іер. XXXVI, 7, 16), — чтобы они не подумали, что онъ говорилъ, какъ обвинитель, но, узнавъ, что онъ пришелъ уврачевать ихъ, сдѣлались болѣе кроткими. Что же они? Тогда какъ слѣдовало изъявить благодарность, похвалить и подивиться, они ничего такого не сдѣлали, но пошли и донесли царю о написан- 172
номъ въ книгѣ, а книгу положили въ домѣ Елисама. *И посла*, говоритъ Іеремія, *царь Іудина*, одного изъ предстоявшихъ ему, приказалъ принесть книгу. *Сѣдяше же царь въ храминѣ зимней*, потому что былъ *девятый мѣсяцъ*, т. е., ноябрь. Называетъ его девятымъ, считая отъ марта; это надобно знать въ точности потому, что если бы онъ считалъ съ сентября, то не могла бы тогда быть зима. Для чего же и объ этомъ присоединено? Это ясно узнаешь изъ послѣдующаго. *И огнище съ огнемъ предъ нимъ;* горячіе, говоритъ, уголья были, потому что было холодно. Видите ли, какъ ничто не опускается въ божественномъ Писаніи? И огненные горящіе уголья были предъ нимъ; и вельможи стояли около него. Принесена была книга, исполненная предсказаній о безчисленныхъ благахъ (потому что предсказаніе о бѣдствіяхъ было избавленіемъ отъ бѣдствій), и была читана. Припомните, прошу васъ, обѣщаніе. *И бысть чтущу* ему три листа, взявъ бритву, *раздроби и возметаше на огненное огнище, дондеже скончася весь свитокъ* (Іер. XXXVI, 23). Видишь ли, какъ они не щадятъ даже и книгъ? Какъ не воздерживаются даже и предъ божественными Писаніями? Такъ какъ въ книгѣ говорилось о плѣненіи Іерусалима, то онъ изрѣзалъ ее, и, не нашедши пророка, излилъ свой гнѣвъ на книгу. А кто такъ неистовствуетъ противъ неодушевленныхъ вещей, тотъ чего не сдѣлалъ бы, если бы нашелъ одареннаго душею? Какъ дикіе звѣри, поймавъ сражающихся съ ними, — послѣ того, какъ эти убѣгутъ, оставивъ въ устахъ звѣрей свои кожанныя одежды, — терзаютъ самыя кожи, чтобы удовлетворить своему гнѣву, такъ точно поступилъ и царь. Не нашелъ онъ того, кому принадлежалъ свитокъ, и изрѣзалъ самый свитокъ, и не только изрѣзалъ, но и бросилъ въ *огненное огнище*, чтобы не осталось и слѣдовъ тѣхъ письменъ. Но еще не всю узнали вы ярость его; вполнѣ же узнаете ее, если тщательно вникнете въ повѣствованіе. Не сказано, что онъ прочиталъ всю книгу и затѣмъ сжегъ; но: *чтущу* ему три листа или четыре, *раздроби я*. Не дождался даже и окончанія чтенія, но въ самомъ началѣ тотчасъ ожесточился. Потому не безопасно было для пророковъ ясно предсказывать іудеямъ всѣ будущія бѣдствія. Если царь не могъ терпѣливо слушать о временномъ плѣнѣ, то какъ онъ перенесъ бы, узнавъ о плѣнѣ постоянномъ? Но и на этомъ онъ не остановился,

а послалъ, говорится, вездѣ искать пророка; однакожъ, не нашелъ его, потому что Богъ скрылъ его. Этого Богъ прикрылъ тогда мѣстомъ, а прочихъ пророковъ—неясностію ихъ сказаній.

6. И не изъ этого только намъ будетъ видно, что говорить іудеямъ о будущей чести и славѣ язычниковъ и объ ожидающемъ ихъ самихъ безчестіи было дѣломъ слишкомъ смѣлымъ и свойственнымъ душѣ, явно бросающейся на опасность, — но и изъ словъ Павла. Онъ, видя одного изъ пророковъ, открывшаго коечто немногое изъ этихъ пророчествъ и сказавшаго яснѣе осталь-
178 ныхъ какъ о нашихъ благахъ, такъ и о бѣдствіяхъ іудеевъ, изумился и удивился его смѣлости, и сказалъ такъ: *Исаія же дерзаетъ и глаголетъ: обрѣтохся не ищущымъ Мене, явленъ быхъ не вопрошающымъ о Мнѣ* (Рим. x, 20). *Рекохъ: се есмь, языку, иже не призваша имени моего* (Ис. LXV, 1). А если бы предсказаніе не сопряжено было съ опасностію, то для чего Павелъ сказалъ: *Исаія же дерзаетъ и глаголетъ: обрѣтохся не ищущымъ Мене?* Это, поистинѣ, величайшее обвиненіе противъ іудеевъ. Не искавшіе нашли, а искавшіе не получили; не слышавшіе увѣровали, а слышавшіе распяли (Христа). Потому онъ и назвалъ Исаію смѣлымъ. Дѣйствительно, величайшею было смѣлостію — стать среди обличаемыхъ и произносить обличенія безъ пощады, явно въ пророчествѣ своемъ лишая ихъ чести, а другимъ предоставляя подобавшую тѣмъ славу. Судилище слушателей его все состояло изъ его обвинителей; а при враждебныхъ судьяхъ, кто можетъ избѣжать опасности? Потому апостолъ и говоритъ: *дерзаетъ и глаголетъ*.

Впрочемъ я хочу доказать вамъ это еще яснѣе. Въ Писаніяхъ неясно сказано объ іудеяхъ и объ насъ для того, чтобы іудеи прежде времени не поняли говоримаго. Свидѣтелемъ и этого я представляю велегласнѣйшаго Павла, говорившаго свыше, трубу небесную, сосудъ избранный, друга Жениха — Христа. *Обручихъ бо васъ*, говоритъ онъ, *единому мужу дѣву чисту представити Христови* (2 Кор. xi, 2). Такого представляю вамъ свидѣтеля, ясно утверждающаго, что именно для этого въ ветхозавѣтномъ Писаніи прикрыто нѣчто, но не все. Если бы всему надлежало быть неяснымъ, то напрасно было бы и возвѣщать тогдашнимъ людямъ. Но въ пророчествахъ говорится и о временныхъ тогдашнихъ войнахъ, моровыхъ язвахъ, голодѣ; говорится и о томъ, что происходитъ нынѣ, о призваніи Церкви, отверженіи синагоги, отмѣненіи закона. Богу угодно было, чтобы о послѣднемъ іудеи не знали; а о первомъ, происходившемъ въ ихъ времена, знали. Это самое я и постараюсь доказать, т. е., что Богъ оставилъ неяснымъ только обстоятельства, касающіяся насъ и синагоги, со-

бытія настоящія и отмѣненіе закона; этого имъ не слѣдовало знать съ тогдашняго времени. Если бы они сначала знали, что законъ данъ на время, то конечно презрѣли бы его; для того-то Богъ и сдѣлалъ его прикровеннымъ. А что не всякое пророчество было неяснымъ, но только эта часть была прикрыта, послушай Павла, который ясно показываетъ намъ то и другое, т. е., что законъ былъ прикровенъ, и только въ этой части. Въ посланіи къ Коринѳянамъ онъ говоритъ такъ: *имуще убо таково упованіе, многимъ дерзновеніемъ дѣйствуемъ: и не якоже Моисей полагаше покрывало на лицѣ своемъ, за еже не мощи взирати сыномъ Исраилевымъ на конецъ престающаго: но ослѣпишася помышленія ихъ: даже бо до сего дне тожде покрывало во чтеніи ветхаго завѣта пребываетъ не откровено, зане о Христѣ престаетъ* (2 Кор. III, 12—14). Слова эти, можетъ быть, неясны; потому нужно пояснить ихъ, напомнивъ вамъ самую исторію. Когда Моисей, принявъ на горѣ скрижали, намѣревался сойти оттуда, то отъ святого лица его возсіяла такая неизреченная и дивная слава, что никто 174
изъ народа не могъ подходить къ нему и бесѣдовать съ нимъ. Потому, чтобы не быть совершенно недоступнымъ для народа, онъ налагалъ на лице свое покрывало и такимъ образомъ доставлялъ іудеямъ возможность безбоязненно обращаться съ нимъ. Онъ имѣлъ это покрывало, бесѣдуя съ народомъ, а обращаясь къ Богу, опять снималъ его. Это происходило какъ для того, чтобы законодатель пріобрѣлъ довѣріе отъ тѣхъ, которые имѣли получить приносимый имъ законъ, такъ вмѣстѣ съ тѣмъ и для того, чтобы въ немъ предначертанъ былъ образъ истины и предначертана была причина домостроительства Христова. Такъ какъ нѣкоторые имѣли сказать: почему Христосъ пришелъ не съ обнаженнымъ Божествомъ, но облекся плотію? — то задолго прежде посредствомъ лица раба были предупреждены всѣ такія возраженія. Если славу раба, впослѣдствіи времени приданную ему, іудеи не въ силахъ были видѣть, то какъ могли бы они потомъ смотрѣть на обнаженное Божество?

7. И не только на это указываетъ намъ Моисеево покрывало, но и на то, что и іудеи испытываютъ тоже въ отношеніи къ закону, что̀ испытывали они тогда въ отношеніи къ лицу Моисея. Какъ не созерцали они славы лица законодателя оттого, что препятствовала лежавшая завѣса, такъ не могутъ они теперь видѣть и славу закона. Это нужно намъ и противъ еретиковъ. Подумавъ, что сказанное служитъ къ осужденію закона, они ухватились за это мѣсто посланія; услышавъ, что законъ имѣетъ *покрывало* и что онъ *престаетъ*, и принявъ это за порицаніе, они оставили Писанія, чтобы водиться собственными умствованіями.

Между тѣмъ это самое и свидѣтельствуетъ о величіи закона. Какъ тогда не служило къ осужденію Моисея то, что онъ имѣлъ покрывало на лицѣ, а показывало слабость іудеевъ, для Моисея же было даже величайшею похвалою, когда лице его блистало такою славою, что ему нужна была завѣса для подобныхъ ему рабовъ, такъ—случилось и съ закономъ. Если бы законъ не имѣлъ неприступной славы, то не было бы нужды и въ покрывалѣ. Потому, когда апостолъ говоритъ, что *покрывало во чтеніи ветхаго завѣта пребываетъ*, то выражаетъ его неясность. Когда же говоритъ: *не откровено, зане о Христѣ престаетъ*, то указываетъ намъ на ту часть закона, которая неясна. Та часть закона, которая учила насъ жизни и поведенію, не была неясна, — иначе онъ былъ бы данъ напрасно, — а только тѣ части его были прикровенны, изъ которыхъ мы могли узнать, что законъ чрезъ Христа упраздняется. Подлинно, и это было дѣломъ премудрости Божіей — ввести законъ, говорящій о себѣ самомъ, что Христосъ, пришедши, упразднитъ его, и что во Христѣ онъ прекратится. Итакъ, та часть закона, которая говоритъ, что во Христѣ законъ прекратится,—эта только и неясна. И это самое выясняя, великій Павелъ прибавилъ: *не откровено, зане о Христѣ престаетъ*. Чтобы ты, услышавъ, что *покрывало во чтеніи ветхаго завѣта пребы-*
175 *ваетъ,* не подумалъ, будто весь онъ неясенъ и прикровенъ, апостолъ этимъ прибавленіемъ исправляетъ такое недоумѣніе. Сказавъ: *покрывало во чтеніи ветхаго завѣта пребываетъ*, онъ присовокупилъ: *не откровено, зане о Христѣ престаетъ*. То самое, говоритъ онъ, не открыто, что имѣло упраздниться во Христѣ; впрочемъ не открыто для тѣхъ, кто не приступилъ къ вѣрѣ; а приступившій и получившій благодать Святаго Духа видитъ законъ уже не подъ покрываломъ, но созерцаетъ открытую его славу. Слава же закона состоитъ въ томъ, что онъ могъ научить, что во Христѣ онъ упраздняется, чтобы ты зналъ и это. Видишь ли славу закона? Истинная слава его въ томъ, когда онъ можетъ руководить тебя ко Христу; а руководитъ онъ тогда, когда разъясняетъ, что самъ онъ упразднится. Слѣдовательно, и отсюда наносится еретикамъ смертельная рана. Если бы законъ былъ противенъ и враждебенъ Христу и не Имъ данъ, то Павлу не слѣдовало бы назвать славою закона то, что онъ можетъ научить приступающихъ къ нему, что чрезъ Христа онъ упраздняется. Съ другой стороны, если бы законъ былъ худъ, то не слѣдовало бы снимать съ него покрывало, но надлежало бы оставаться ему прикровеннымъ и послѣ благодати. Если благодать дѣлаетъ приступающихъ къ ней болѣе проницательными въ дѣлѣ разумѣнія закона, такъ что отсюда они получаютъ начала и всѣ побужденія

къ вѣрѣ во Христа, то какое кто-либо могъ бы привести лучшее доказательство сродства закона съ благодатію, какъ не то, что Христосъ открываетъ очи приступающихъ къ Нему, чтобы они могли видѣть руководство закона, а законъ, открывшись и сдѣлавшись яснымъ, возможетъ съ большою легкостію руководить разумѣющихъ дѣла Христовы? Такъ, это показываетъ, что ни Христосъ не враждуетъ противъ закона, ни законъ противъ Іисуса, но совсѣмъ напротивъ: законъ предуготовляетъ людей къ этому великому любомудрію, а Христосъ принимаетъ ихъ оттуда и возводитъ на верхъ совершенства. За все это возблагодаримъ человѣколюбиваго Бога, устрояющаго все въ надлежащее время и многоразлично содѣлывающаго наше спасеніе, и будемъ посильно вести жизнь, достойную Его человѣколюбія и такого промышленія, чтобы намъ получить и будущія блага, которыхъ да сподобимся всѣ мы благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, честь, держава, во вѣки вѣковъ. Аминь.

ЕЩЕ О НЕЯСНОСТИ

Ветхаго Завѣта, и о человѣколюбіи Божіимъ, и о томъ, что не должно осуждать другъ друга.

1. Радуется пастухъ, когда видитъ стадо воловъ своихъ здоровымъ и тучнымъ; радуется и земледѣлецъ, когда видитъ нивы свои цвѣтущими; но не такъ радуется земледѣлецъ на нивы, и пастухъ на воловъ, какъ я радуюсь теперь и восхищаюсь, взирая на это прекрасное гумно, наполненное этими духовными снопами. Когда слово благочестія сѣется въ столь многихъ и такихъ слушателяхъ, то необходимо должны скоро произрасти обильные 176
и зрѣлые колосья послушанія. Когда кто-либо проводитъ борозды въ глубокой и тучной почвѣ, то онъ, хотя бы и не щедрою рукою бросалъ сѣмена, получитъ обильные плоды, потому что свойство мѣстности собственною силою восполняетъ скудость сѣмянъ. Такъ точно и тотъ, кто сѣетъ въ души послушныя и исполненныя благочестія, хотя бы бросалъ скудныя сѣмена ученія, увидитъ богатую жатву, потому что мудрость слушателей прикрываетъ скудость говорящаго. Тоже бываетъ и въ рыбной ловлѣ. Хотя бы рыболовы были и неопытны, но, если они закидываютъ сѣти въ заливъ, богатый рыбою, то легко извлекаютъ добычу, потому что множество стекшейся рыбы прикрываетъ ихъ

неопытность. Если же въ такой ловлѣ множество имѣющихъ быть уловленными часто вознаграждаетъ неопытность ловца, то тѣмъ болѣе такъ случится въ этой ловлѣ духовной. Тѣ рыбы, какъ скоро увидятъ закидываемыя сѣти, тотчасъ отклоняются и отбѣгаютъ; а вы поступаете напротивъ: когда увидите ставшаго и распростершаго неводъ ученія, то не только не уклоняетесь и не убѣгаете, но идете далѣе внутрь, стекаясь со всѣхъ сторонъ, и каждый, толкая и тѣсня ближняго, старается самъ первымъ подойти и попасть въ сѣть. Поэтому мы никогда не извлекали невода пустымъ, не по причинѣ нашей опытности, а—вашего усердія. Итакъ, довольно услаждалъ насъ и прежде языкъ, источающій неподдѣльное и чистое золото и имѣющій источники меда на устахъ, или лучше, сладостію духовнаго ученія превосходящій пріятность всякаго сота,—разумѣю языкъ блаженнаго Павла.

Но такъ какъ вы, по свойственному вамъ любомудрію, не уничижаете и того, что есть у меня, бѣднаго и скуднаго, а удивляясь превосходнѣйшему, приходите слушать слова и нашей скудости, то я и вышелъ съ усердіемъ отдать вамъ долгъ, который я обѣщалъ прежде, но не выполнилъ, потому что обширность ученія воспрепятствовала намъ дойти до конца. Какой же это долгъ? Необходимо напомнить вамъ о началѣ займа, чтобы, зная предметъ, яснѣе, было вамъ изслѣдованіе его. Мы изслѣдовали тогда, почему Ветхій Завѣтъ темнѣе Новаго,—вы, конечно, помните это,—и высказали только одну причину—грубость слушателей, и привели во свидѣтели Павла, который говоритъ: *тожде покрывало во чтеніи ветхаго завѣта пребываетъ не откровено, зане о Христѣ престаетъ* (2 Кор. III, 14). Мы показали, что какъ законодатель Моисей имѣлъ покрывало, такъ и законъ имѣлъ покрывало—неясность; но это покрывало не служило ни къ укоризнѣ законодателя, ни къ осужденію закона, а обличало немощь слушателей, потому что Моисей имѣлъ покрывало не для себя, а для тѣхъ, которые не могли выносить славы лица его, когда же онъ обращался къ Господу, тогда снималъ съ себя покрывало. Такъ и законъ, еще не будучи въ состояніи преподать ученія совершеннаго и исполненнаго любомудріемъ, ученія о Христѣ и Новомъ Завѣтѣ, —все то заключалось въ ветхозавѣтномъ Писаніи какъ бы въ сокровищницѣ,—имѣлъ покрывало,
177 снисходя къ іудеямъ, а для насъ соблюдая все богатство, чтобы это покрывало было снято, когда придетъ Христосъ и мы къ Нему обратимся. Итакъ, видите, до какого достоинства довело насъ пришествіе Христово,—возвело на степень Моисея. Но, можетъ быть, кто-нибудь скажетъ: для чего же тогда и возвѣщаемо

было то, что не могло быть для нихъ яснымъ? Для того, чтобы оно принесло пользу людямъ послѣдующимъ. Достоинство пророчества состоитъ не въ томъ, чтобы возвѣщать о настоящихъ событіяхъ, но чтобы предсказывать будущія. Когда пророчество высказывается прикровенно, то по исполненіи событія становится болѣе яснымъ, а до исполненія—отнюдь нѣтъ. Такимъ образомъ, будучи высказано прикровенно, оно было темно, а когда событія исполнились, то сказанное сдѣлалось болѣе яснымъ. А чтобъ вы убѣдились, что пророчество, высказываемое хотя бы и за долгое время, но высказываемое прикровенно, бываетъ неяснымъ въ ожиданіи исполненія событій, я покажу вамъ это изъ примѣра самихъ учениковъ (Христовыхъ). *Разорите церковь сію,* говорилъ Христосъ іудеямъ (Іоан. II, 19). Именно, когда Онъ изгонялъ осквернявшихъ храмъ торговлею, то они говорили: *кое знаменіе являеши намъ, яко сія твориши?* На это онъ отвѣчалъ: *разорите церковь сію, и треми денми воздвигну ю. Онъ же глаголаше о церкви тѣла своего* (Іоан. II, 21). Это было нѣкоторымъ пророчествомъ, потому что еще не было ни креста, ни разрушенія церкви, ни тридневнаго воскресенія, которое Онъ самъ совершилъ. И посмотри, съ какою точностію выразилъ Онъ то и другое,—и дерзость іудеевъ, и собственную свою силу. Но, однако, они не поняли говоримаго. И вовсе не удивительно, что не поняли іудеи, когда даже ученики Его, какъ говоритъ Писаніе, не поняли, пока Онъ не воскресъ изъ мертвыхъ; а тогда *вѣроваша Писанію и словеси, еже рече Іисусъ* (Іоан. II, 22).

2. Видишь ли, что они имѣли нужду въ исполненіи событій, чтобы пророчество сдѣлалось яснымъ, и что іудеи не были виновны, не понимая тѣхъ пророчествъ о Христѣ до пришествія Христова, потому что съ пришествіемъ Его пророчества имѣли сдѣлаться понятными и ясными. Послушай, что говоритъ Самъ Христосъ: *аще не быхъ пришелъ и глаголалъ имъ, грѣха не быша имѣли* (Іоан. XV, 22). Почему не имѣли бы грѣха, когда пророчества предвозвѣщали? Потому, что хотя и предвозвѣщали, но до пришествія Того, о Комъ предсказывалось, не были ясными и понятными. Еслибъ и тогда пророчества были ясными и понятными для іудеевъ, то очевидно, что и до пришествія Его они имѣли бы грѣхъ; если же они не имѣли грѣха, то очевидно по неясности и прикровенности того, что говорилось. Притомъ до пришествія Христова отъ нихъ и не требовалась вѣра во Христа. Для чего же предсказываемо было тогда? Для того, чтобы, когда Онъ придетъ, они имѣли домашнихъ учителей, которые руководили бы ихъ, и знали, что эти событія не новость и это домостроительство не недавнее, но что о немъ предвозвѣщено

было издавна, за долгое время; а это не мало могло привлекать ихъ къ вѣрѣ. Итакъ, вотъ одна причина неясности (пророчествъ), которую мы подтвердили и многими свидѣтельствами въ прежней бесѣдѣ. Но, чтобы не наскучить вамъ, говоря опять одно и тоже, нужно оставить ее и сказать о другой причинѣ, которая дѣлаетъ Ветхій Завѣтъ не темнымъ и не непонятнымъ, а болѣе труднымъ для насъ,—вѣдь иное дѣло—вовсе не понимать ничего
178 изъ предлагаемаго и видѣть лежащее покрывало, а иное—постигать говоримое, но только постигать съ трудомъ.

Итакъ, въ чемъ состоитъ вторая причина, по которой Ветхій Завѣтъ труднѣе Новаго? Ветхій Завѣтъ, который мы имѣемъ, написанъ не на нашемъ природномъ нарѣчіи: онъ написанъ на одномъ языкѣ, а мы читаемъ его на другомъ; вначалѣ онъ былъ написанъ на языкѣ еврейскомъ, а мы приняли его на языкѣ греческомъ. Но когда съ одного языка переводятъ на другой, тогда встрѣчаютъ много трудностей. Свѣдущіе во многихъ языкахъ хорошо знаютъ, до какой степени не возможно передавать со всею ясностію рѣчь природнаго своего языка при переводѣ на другой языкъ. Это и было причиною трудности Ветхаго Завѣта. Еще за триста лѣтъ до пришествія Христова, при египетскомъ царѣ Птоломеѣ, Ветхій Завѣтъ былъ переведенъ на греческій языкъ; и это было весьма полезно и необходимо. Пока онъ относился къ одному народу еврейскому, дотолѣ оставался на еврейскомъ языкѣ, потому что никто другой не сталъ бы тогда внимать ему, такъ какъ остальная часть рода человѣческаго находилась въ крайней грубости. Когда же долженъ былъ явиться Христосъ и призвать къ Себѣ всю вселенную не только чрезъ апостоловъ, но и чрезъ пророковъ,—вѣдь и они руководятъ насъ къ вѣрѣ и познанію Христа,—тогда наконецъ пророчества, какъ бы нѣкоторые входы и пути, прежде загражденные неясностію языка, Богъ сдѣлалъ открытыми со всѣхъ сторонъ посредствомъ перевода, чтобы всѣ, стекаясь отвсюду изъ среды язычниковъ и съ великимъ удобствомъ проходя этими путями, могли по нимъ придти къ Царю пророковъ и поклониться Единородному Сыну Божію. Потому еще до времени пришествія Христова всѣ они были переведены; если бы они оставались только на еврейскомъ нарѣчіи, а между тѣмъ Давидъ говорилъ бы: *проси отъ Мене, и дамъ ти языки достояніе твое и одержаніе твое концы земли* (Пс. II, 8), то какъ могъ бы узнать говоримое сиріянинъ, или галатіецъ, или македонянинъ, или аѳинянинъ, при неясности Писанія? Также,—когда Исаія взывалъ: *яко овча на заколеніе ведеся и яко агнецъ предъ стригущимъ его безгласенъ* (Иса. LIII, 7); и еще: *будетъ корень Іессеовъ, и возстаяй владѣти языки, на того языцы*

уповати будутъ (Ис. XI, 10); и еще: *наполнися земля вѣдѣнія Господня, аки вода многа покры море* (Ис. XI, 9). Также,—когда Давидъ опять говорилъ: *взыде Богъ въ воскликновеніи, Господь во гласѣ трубнѣ* (Ис. XLVI, 6); и еще: *рече Господь Господеви моему: сѣди одесную Мене, дондеже положу враги твоя подножіе ногъ твоихъ* (Пс. CIX, 1).

3. Потому, такъ какъ въ Ветхомъ Завѣтѣ предсказано и о страданіи, и о воскресеніи, и о вознесеніи, и о сидѣніи одесную, и о второмъ пришествіи Христовомъ, и обо всемъ томъ вообще, что содержится въ Новомъ Завѣтѣ, то чтобы это не осталось неизвѣ- 179
стнымъ для послѣдующихъ народовъ и чтобы они не были въ невѣдѣніи о силѣ пророчества, благодать Божія еще до пришествія Христова предъуготовила переводъ Писаній и сдѣлала ихъ полезными не только обратившимся изъ язычниковъ, но и тѣмъ іудеямъ, которые были разсѣяны по всей вселенной и уже не употребляли еврейскаго языка. Такимъ образомъ вотъ увѣровалъ и язычникъ, взирая на знаменія іудеевъ. Въ свою очередь, какъ могли бы апостолы обратить и іудея, если бы не представили ему домашняго учителя-пророка? Если Павелъ, пришедши въ Аѳины, имѣлъ нужду въ надписи, начертанной на жертвенникѣ, и изъ ней извлекъ поученіе аѳинянамъ, надѣясь легче побудить ихъ собственнымъ ихъ оружіемъ, что и случилось, то тѣмъ болѣе, бесѣдуя съ іудеями, онъ имѣлъ нужду въ помощи со стороны пророковъ, чтобы тѣ не обвиняли его, будто онъ предлагалъ слуху ихъ нѣчто новое и странное. Но почему, скажешь, не быть бы одному языку, чтобы мы не встрѣчали никакого затрудненія? Да, человѣкъ, былъ въ древности одинъ языкъ, и какъ одна у людей природа, такъ былъ одинъ у всѣхъ и языкъ. Въ началѣ не было иноязычнаго, не было разнорѣчиваго, не было ни индійца, ни ѳракіянина, ни скиѳа, но всѣ говорили однимъ языкомъ. Какая же, скажешь, была причина (различія языковъ)? Мы, всегда непризнательные къ Благодѣтелю, оказались недостойными этого одного языка. Что говоришь ты? Оказались недостойными языка? И животныя безсловесныя всѣ имѣютъ свой собственный языкъ; овцы блеятъ, козы блеятъ, быкъ мычитъ, конь ржетъ, левъ рыкаетъ, волкъ воетъ, драконъ свиститъ; каждое изъ безсловесныхъ сохранило собственный свой звукъ, а я одинъ лишился своего языка? Дикія и кроткія, ручныя и неукротимыя животныя остались каждое при своемъ, въ началѣ доставшемся имъ языкѣ, а я, владыка ихъ, лишенъ этой чести? Ихъ честь не измѣнна, а я лишился даровъ Божіихъ? Какой, столь великій, совершилъ я грѣхъ? Ужели не довольно было прежнихъ наказаній? Богъ далъ мнѣ рай,—и изгналъ меня изъ рая; я велъ жизнь свободную отъ

скорбей и трудовъ, — Онъ осудилъ меня на потъ и изнуреніе; земля доставляла мнѣ все безъ посѣва и безъ плуга, — Онъ повелѣлъ ей произращать терніе и волчцы, и меня обратилъ опять въ нее; Онъ наказалъ меня смертію, и женскій полъ въ наказаніе подвергъ болѣзнямъ рожденія и трудамъ. Не довольно было этихъ наказаній,—Онъ отнялъ у меня языкъ, лишилъ меня и этой чести, чтобы я отвращался отъ единоплеменныхъ и единородныхъ, какъ отъ дикихъ звѣрей, отдѣляясь языкомъ отъ общенія съ ними. Я распространилъ это возраженіе для того, чтобы, когда приведу разрѣшеніе, побѣда была тѣмъ блистательнѣе. Если Богъ хотѣлъ, скажешь, лишить меня всего этого, то для чего и давалъ мнѣ это въ началѣ? Хотите ли, я извлеку отсюда же и разрѣшеніе, — изъ этого самаго возраженія? Такъ много оправданій для Бога, что и самаго возраженія противника, безъ всякаго
180 прибавленія съ нашей стороны, достаточно для опроверженія обвиненій. Если онъ хотѣлъ лишить меня всего этого,то для чего и давалъ мнѣ это въ началѣ? И я скажу тоже самое: если Онъ хотѣлъ лишить тебя всего этого, то для чего и давалъ? Значитъ, Онъ потому далъ тебѣ это въ началѣ, что не хотѣлъ отнимать у тебя. Что же вышло? Не Богъ отнялъ у тебя, а ты самъ потерялъ данное тебѣ. Удивляйся же Его человѣколюбію, по которому Онъ даровалъ, и обвиняй самого себя за легкомысліе, по которому ты не сохранилъ дара. Такимъ образомъ очевидно, что не тотъ виноватъ, кто вручилъ залогъ; а тотъ подлежитъ обвиненію, кто утратилъ залогъ. Богъ доказалъ, что Онъ любилъ, былъ человѣколюбивъ и хотѣлъ одарить, тогда какъ никто не принуждалъ Его и не заставлялъ, — не по удивленію къ заслугамъ твоимъ, и не имѣя надобности воздавать тебѣ за какіе-нибудь труды, но тотчасъ по сотвореніи тебя, тотчасъ Онъ далъ тебѣ это преимущество, чтобы показать, что этотъ даръ былъ не воздаяніемъ за заслугу, но одною только благодатію. Если же ты не сохранилъ даннаго, то обвиняй самого себя, а не Того, Кто далъ тебѣ даръ.

Но развѣ это только можемъ мы сказать за Владыку? Достаточно, конечно, и этого оправданія; но безконечная Его благость и неизреченное человѣколюбіе представляетъ намъ множество и другихъ оправданій. Не то одно можно сказать, что Онъ даровалъ, а ты потерялъ, хотя даровавшій и такимъ образомъ освобождается отъ обвиненій, или, лучше сказать, еще достоинъ величайшаго удивленія за то, что, и предвидя, какъ ты потеряешь, не лишилъ тебя дара; но я могу сказать и другое, гораздо большее. Что же такое? То, что и послѣ того, какъ ты потерялъ по собственному легкомыслію, Онъ снова возвратилъ тебѣ потерянное,

лучше же сказать—не одно только потерянное, но еще гораздо большее того. Ты потерялъ рай, а Онъ далъ тебѣ небо. Видишь ли, какъ пріобрѣтеніе выше потери, во сколько изобильнѣе это богатство? Онъ далъ тебѣ небо, чтобы явить Свое человѣколюбіе, и уязвить діавола, показывая, что, хотя бы діаволъ дѣлалъ тысячи козней человѣческому роду, онъ не достигнетъ никакого успѣха, такъ какъ Богъ всегда ведетъ насъ къ высшей почести. Итакъ, ты потерялъ рай, а Богъ отверзъ тебѣ небо; ты осужденъ на трудъ временный, — и удостоенъ жизни вѣчной; Онъ повелѣлъ землѣ произращать терніе и волчцы, а душа произрастила тебѣ плодъ Духа.

4. И посмотри, до чего снизошло человѣколюбіе Божіе. Потерявшіе что-нибудь изъ своихъ стяжаній, хотя бы пріобрѣли большее и драгоцѣннѣйшее, однако стараются найти и то потерянное, и не прежде удовлетворяются, какъ возвративъ его. Такъ и тебѣ, когда ты потерялъ рай, Богъ далъ не только небо, но и рай, и небо. *Днесь со мною будеши въ раи*, говоритъ Онъ (Лук. XXIII, 43), чтобы утѣшить скорбящую душу не только прибавленіемъ большаго, но и возвращеніемъ потеряннаго. Впрочемъ, если угодно, обратимся къ самому предмету нашей рѣчи, и посмотримъ, какъ мы потеряли языкъ. Исторія не мало способствуетъ безопасности; кто знаетъ состояніе прежней безопасности, тотъ будетъ осторожнѣе и въ остальномъ. Необходимо сказать вамъ все, именно, что въ древности у всѣхъ людей былъ одинъ языкъ и что впослѣдствіи онъ распался на многіе. Доколѣ онъ былъ одинъ и когда распался на многіе? И исчезъ ли тотъ самый языкъ, когда вошли въ употребленіе другіе, или онъ оставался, когда вошли въ употребленіе прочіе? Для чего онъ былъ смѣ- 181
шанъ и по какой причинѣ? Потомъ на какомъ изъ этихъ многихъ языковъ написанъ Ветхій Завѣтъ, — изъ-за котораго мы и коснулись всего этого, — на древнемъ ли и первобытномъ, или на тѣхъ, которые вошли впослѣдствіи? Но не бойтесь; хотя всего этого сегодня мы не можемъ сообщить, но, конечно, сообщимъ вамъ послѣ. Для чего же, не намѣреваясь сообщить всего сегодня, мы перечислили вамъ содержаніе всѣхъ долговъ своихъ? Для того, чтобы вы, ожидая уплаты, всегда имѣли насъ въ умѣ своемъ. Вѣдь кто далъ кому-нибудь въ займы денегъ и имѣетъ должника, еще неуплатившаго долгъ, тотъ и за трапезою, и дома, и на площади, и на постели, вездѣ думаетъ, и во снѣ бредитъ о своемъ должникѣ; любовь къ деньгамъ дѣлаетъ то, что и должникъ вмѣстѣ съ деньгами постоянно присущъ душѣ заимодавца. Поэтому и мы объявили свои долги, чтобы отъ надежды уплаты намъ всегда быть въ вашихъ душахъ, и дома, и на площади, и гдѣ бы вы ни находились; но всѣхъ долговъ сегодня мы

не уплатимъ, чтобы чрезъ ожиданіе остающагося оставить въ васъ поводъ къ воспоминанію о насъ. Подлинно, крѣпкая опора для насъ — постоянно пользоваться вашею любовію, — любовію такого и столь великаго народа. Кто пользуется любовію, тотъ, конечно, будетъ пользоваться и молитвою; а какъ велико это благо, видно изъ слѣдующаго. Тотъ Павелъ, который былъ восхищенъ до третьяго неба, слышалъ неизреченные глаголы, побѣдилъ всѣ потребности природы, будучи наконецъ въ совершенной безопасности, имѣлъ еще нужду въ молитвѣ учениковъ и говорилъ: *молитеся о мнѣ, да избавлюся отъ противляющихся* (Рим. XV, 30, 31); и еще: *молитеся, да дастся ми слово во отверзеніе устъ моихъ* (Ефес. VI, 19). И вездѣ видите вы, что онъ то проситъ молитвъ у своихъ учениковъ, то благодаритъ ихъ по полученіи. А чтобы не говорилъ кто-нибудь, что Павелъ прибѣгаетъ къ молитвамъ учениковъ по смиренію, онъ показываетъ и силу ихъ, когда говоритъ такъ: *иже отъ толикія смерти избавилъ ны есть: нань же и уповахомъ, яко и еще избавитъ, споспѣшествующымъ, и вамъ по насъ молитвою, да еже въ насъ дарованіе многими благодарится о насъ* (2 Кор. I, 10, 11).

Если же молитва народа избавляла отъ опасности Павла, то какъ же не слѣдуетъ ожидать и намъ великихъ плодовъ отъ такого предстательства? Молясь сами по себѣ, мы бываемъ слабы, а когда соберемся, становимся болѣе сильными; потому мы и молимъ Бога всенародно и со взаимною помощью. Такъ и царь часто, осудивъ кого-нибудь на смерть, не склоняется на просьбу кого-нибудь одного объ осужденномъ; но если умоляетъ цѣлый городъ, то смягчается и по многочисленности умоляющихъ освобождаетъ ведомаго въ пропасть отъ осужденія и возвращаетъ къ жизни. Такова сила всенародной молитвы. Для того всѣ мы и собираемся сюда, чтобы успѣшнѣе преклонить Бога на милость; молясь сами по себѣ, мы, какъ я выше сказалъ, бываемъ слабы, а вознося молитву въ союзѣ любви, умоляемъ Бога даровать намъ просимое. Говорю это не напрасно и не для себя только, а для того, чтобы вы всегда спѣшили въ собранія, чтобы вы не говорили: что же, развѣ я не могу молиться дома? Можешь молиться, но эта молитва имѣетъ не столь великую
182 силу, какъ та, которая совершается вмѣстѣ съ сочленами, когда все тѣло Церкви единодушно и единогласно возсылаетъ прошеніе, въ присутствіи священниковъ, возносящихъ молитвы всего народа.

5. Хочешь ли знать, какова сила молитвы, совершаемой въ Церкви? Нѣкогда Петръ былъ заключенъ въ темницу и связанъ многими цѣпями. *Молитва же бѣ прилежна бываемая отъ церкве*

о немъ (Дѣян. XII, 5), и тотчасъ освободила его изъ темницы. Что же можетъ быть сильнѣе этой молитвы, которая приносила пользу столпамъ и твердынямъ Церкви? Павелъ и Петръ — твердыни и столпы Церкви: и на одномъ изъ нихъ она расторгла узы, другому отверзла уста. Но, чтобы показать сугубую ея силу не только изъ тогдашнихъ событій, но изъ совершающихся ежедневно, мы напомнимъ вамъ о самой молитвѣ, совершаемой народомъ. Если бы кто-нибудь изъ простыхъ людей велѣлъ вамъ, каждому по себѣ, молиться о спасеніи епископа, то каждый, конечно, отказался бы, какъ отъ бремени, превышающаго его силу. Когда же вы всѣ вмѣстѣ слышите діакона, повелѣвающаго это въ словахъ: помолимся о епископѣ, и о старости, и о заступленіи, да право правитъ слово истины, и о сущихъ здѣсь и повсюду,—тогда не отказываетесь исполнить повелѣніе, но, сознавая силу вашего собранія, усердно возносите молитву. Посвященные въ тайны знаютъ, о чемъ я говорю; молитвѣ оглашенныхъ это еще не предоставлено, такъ какъ они не достигли до такого дерзновенія, а вамъ служащій при молитвахъ повелѣваетъ приносить ихъ и о вселенной, и о Церкви, простирающейся до концовъ земли, и о всѣхъ, управляющихъ ею епископахъ,—и вы повинуетесь съ готовностью, свидѣтельствуя самымъ дѣломъ, что велика сила молитвы, согласно возносимой въ церкви народомъ. Впрочемъ, возвратимся къ своему предмету, къ тому, что въ древности былъ одинъ языкъ. Итакъ, откуда извѣстно, что былъ одинъ языкъ? *И бѣ*, говорится, *вся земля устнѣ единѣ*(Быт. XI, 1). Неясны эти слова. Развѣ земля имѣетъ уста? Нѣтъ; что же и о чемъ здѣсь говорится? Не объ этой безчувственной и неподвижной землѣ говорится здѣсь, но такъ назвало Писаніе весь вообще родъ людей, напоминая имъ о собственной ихъ природѣ, напоминая о матери, изъ которой они произошли. Это живое существо, т. е. человѣкъ, двойственно, состоитъ изъ двухъ естествъ, чувственнаго и духовнаго, т. е., изъ души и тѣла, и имѣетъ сродство какъ съ небомъ, такъ и съ землею. Духовнымъ естествомъ своимъ онъ имѣетъ общеніе съ высшими силами, а чувственнымъ соприкасается съ земными предметами, составляя собою нѣкоторую тѣсную связь между тѣмъ и другимъ твореніемъ. Поэтому, когда онъ дѣлаетъ что-нибудь угодное Богу, то называется духовнымъ, получая это названіе не отъ души, а отъ другого высшаго достоинства, — отъ дѣйствія Духа, — такъ какъ для совершенія добрыхъ дѣлъ намъ недостаточно души, если не будемъ получать той помощи. А чтобы вы убѣдились, что для совершенія добрыхъ дѣлъ намъ недостаточно и души, — но что я 183
говорю: для совершенія добрыхъ дѣлъ? даже и для возможности

разумѣть глаголы (Божіи), — апостолъ говоритъ: *душевенъ человѣкъ не пріемлетъ яже Духа* (1 Кор. II, 14). Какъ плотскимъ онъ называетъ того, кто раболѣпствуетъ плоти, такъ и душевнымъ называетъ того, кто ввѣряетъ дѣла умствованіямъ человѣческимъ и не принимаетъ дѣйствія Духа. Но мы называемся, какъ я сказалъ, духовными, когда совершаемъ добрыя дѣла; а когда согрѣшимъ, падемъ и сдѣлаемъ что-нибудь недостойное нашего благородства, тогда Писаніе называетъ насъ по низшему нашему естеству — именуетъ насъ землею. Такъ и здѣсь, намѣреваясь осудить нѣкоторыхъ, именно тѣхъ, которые строили башню, превозносились гордостію, стали думать о себѣ выше своего достоинства,—намѣреваясь осудить ихъ гордость, оно назвало ихъ по низшему ихъ естеству, сказавъ: *и бѣ вся земля устнѣ единѣ*. А чтобъ вы убѣдились, что такъ называетъ оно насъ, когда мы согрѣшимъ, Богъ называлъ такъ Адама послѣ грѣха, сказавъ: *земля еси, и въ землю отъидеши* (Быт. III, 19), хотя Адамъ не землею только былъ, но имѣлъ и безсмертную душу. Почему же онъ названъ землею? Потому, что согрѣшилъ. А когда Богъ творилъ его, то не называлъ его такъ, но какъ? *Сотворимъ человѣка по образу нашему и по подобію*: *и да обладаютъ рыбами морскими и звѣрями земными, и страхъ и трепетъ* ихъ *будетъ* на всей землѣ (Быт. I, 26, 9, 2). Видишь ли, каковы преимущества природы (человѣческой), каковы почести, каковы похвалы? Но это до грѣха; а послѣ грѣха уже: *земля еси и въ землю отъидеши*. Послушай же, какъ и Малахія предвѣщаетъ тоже, или—лучше—Богъ чрезъ пророка: *се азъ послю вамъ*, говоритъ Онъ, *Илію Ѳесвитянина*. Для чего пошлетъ? *Иже устроитъ сердце отца къ сыну* (Мал. IV, 5, 6). Такъ какъ имѣетъ быть тотъ судъ страшный и ужасный, то, чтобы Судія не осудилъ нѣкоторыхъ безотвѣтныхъ на наказанія, и чтобы Илія, пришедши и предсказавъ, что близко—при дверяхъ наступленіе суда, сдѣлалъ людей благоразумными, — вѣдь сказанное за много лѣтъ обыкновенно пренебрегается, — то названный пророкъ и придетъ возобновить это въ нашей памяти. Впрочемъ, теперь надобно доказать, что землею называются согрѣшающіе.

6. Итакъ, сказавъ: *иже устроитъ сердце отца къ сыну*, Богъ присовокупилъ: *да не пришедъ, поражу землю въ конецъ*. А поражаетъ Онъ согрѣшающихъ. Видишь ли, что согрѣшающіе называются землею? И, въ свою очередь, въ другомъ мѣстѣ, проповѣдуя о Христѣ, пророкъ говорилъ такъ: *и будетъ препоясанъ правдою о чреслѣхъ своихъ, и истиною обвитъ по ребрамъ своимъ* (Иса. XI, 5). Не потому, чтобы у Бога были ребра и чресла,—вѣдь Божество безтѣлесно,—но этимъ онъ указываетъ намъ на неподкупность и непогрѣшимость приговора Судіи, на то, что у Него

нѣтъ мѣста ни клеветникамъ, ни обидчикамъ, ни подкупу деньгами, ни незнанію правды. Въ здѣшнихъ судилищахъ и невинный наказывается, и виновный избѣгаетъ наказанія, потому что правда часто извращается; а когда придетъ Судія праведный и непогрѣшимый, препоясанный правдою по чресламъ своимъ и обвитый истиною по ребрамъ своимъ,—тогда всѣ получатъ должное съ точностію. *И поразитъ землю словомъ устъ своихъ* (Ис. xi, 4). 184
А чтобы ты убѣдился, что онъ говоритъ не о землѣ, а о грѣшникахъ,—прибавилъ: *и духомъ устенъ убіетъ нечестивыхъ*. Видишь ли, что и здѣсь грѣшники названы землею? Зная это, когда услышишь, что *вся земля бѣ устнѣ единѣ*, разумѣй и ты, въ свою очередь, человѣческую природу. Этимъ Писаніе напоминаетъ намъ о собственномъ нашемъ ничтожествѣ, потому что великое благо—разсматривать свое сродство, и знать, изъ чего мы составлены. Разсматриваніе природы это,—достаточное ученіе о смиренномудріи; оно можетъ укротить всѣ страсти и произвести спокойствіе въ душѣ. Поэтому нѣкто предлагалъ такое увѣщаніе: *внемли себѣ*, размышляй о своей природѣ и ея устройствѣ, и этого довольно для тебя, чтобы постоянно смиряться (Втор. xv, 9). Потому праведный Авраамъ постоянно содержалъ въ себѣ эту мысль и никогда не высокомудрствовалъ. Бесѣдуя съ Богомъ, имѣя предъ Нимъ такое дерзновеніе и получивъ отъ Него свидѣтельство своей добродѣтели, онъ говорилъ: *азъ же есмь земля и пепелъ* (Быт. xviii, 27). И другой, желая усмирить человѣка надменнаго, не распространяется много, а только напоминаетъ ему объ его природѣ и сильно вразумляетъ его, такъ говоря: *почто гордится земля и пепелъ* (Сир. x, 9)? Но ты говоришь мнѣ о томъ, что оказывается послѣ смерти? Усмири его при жизни. Теперь онъ не знаетъ, что онъ земля и пепелъ. Онъ видитъ благообразіе тѣла, видитъ власть, услужливость льстецовъ, сопровождающихъ его тунеядцевъ, одѣвается въ драгоцѣнныя одежды, облекается великими знаками власти, и этотъ призракъ обольщаетъ его и располагаетъ забывать о природѣ. Знаемъ, что мы земля и пепелъ, но знаемъ мы, смиренномудрствующіе; а онъ не ожидаетъ доказательства на это при кончинѣ, не идетъ къ могиламъ и гробницамъ предковъ, но смотритъ на настоящее, нисколько не думая о будущемъ. Научи же его еще здѣсь, что онъ земля и пепелъ. Подожди, говоритъ; я научу его не этому, но другому, гораздо болѣе уничиженному, чтобы онъ, когда станетъ тщеславиться, позналъ свое ничтожество, чтобы еще при жизни получилъ врачество. Сказавъ: *почто гордится земля и пепелъ?*—онъ прибавилъ: *яко въ животѣ извергохъ утробу его* (Сир. x, 10). Что значитъ: *яко въ животѣ извергохъ утробу его*? Эти слова, мо-

жетъ быть, неясны. Утробою называетъ онъ внутренности, называетъ чрево, наполненное каломъ, множествомъ нечистоты и зловонія, не съ тѣмъ, чтобы осудить природу, но чтобы привести къ смиренномудрію. *Яко еще въ животѣ его* она *извергается*. Видишь ли уничиженность и тлѣнность существа? Не ожидай дня кончины, чтобы убѣдиться въ своей слабости; но разсмотри человѣка еще при жизни, вникай мыслію въ его внутренности—и ты увидишь все его ничтожество. Однако, не падай духомъ; не по ненависти къ намъ, а щадя насъ, Богъ устроилъ такъ, чтобы подать намъ великій поводъ къ смиренномудрію. Если человѣкъ, будучи землею и пепломъ, дерзнулъ сказать: *на небо взыду* (Ис. 13), то куда не увлекся бы онъ мыслію, если бы не имѣлъ узды отъ природы?
185 Итакъ, когда ты увидишь, что кто-нибудь надмевается, поднимаетъ голову, возвышаетъ брови, несется на колесницѣ, выражаетъ угрозу, ввергаетъ въ темницу, предаетъ смерти, причиняетъ обиды, то скажи ему: *почто гордится земля и пепелъ? Яко въ животѣ извержеся утроба его.* Это можно сказать не только о человѣкѣ частномъ, но и о самомъ сидящемъ на царскомъ престолѣ. Смотри не на багряницу, и не на діадему, и не на золотыя одежды, а изслѣдуй самую природу—и ты не увидишь въ ней ничего больше, чѣмъ у простыхъ людей; или—лучше—разсмотри, если хочешь, и порфиру, и діадему, и одежды, и всю эту пышность, и ты опять увидишь, что и это состоитъ изъ земли. *Вся слава человѣча яко цвѣтъ травный* (Ис. XL, 6). Вотъ, все это украшеніе оказывается даже ниже земли. Видишь ли, какъ укрощаетъ гордость, какъ низвергаетъ всякую надменность размышленіе о самой природѣ? Довольно только подумать, что мы такое, и изъ чего составлены—и тотчасъ исчезнетъ надменность помысловъ. Для того Богъ и сотворилъ насъ изъ двухъ естествъ, чтобы, когда ты будешь превозноситься гордостію, усмирила тебя низость плоти; а когда ты помыслишь что-нибудь неблагородное и недостойное дарованной тебѣ отъ Бога чести, благородство души возводило бы тебя къ соревнованію силамъ небеснымъ.

7. Не только для истребленія гордости полезно разсматриваніе природы, но, когда возмущаетъ насъ и какая-нибудь другая страсть, напримѣръ, страсть къ деньгамъ, или эта непристойная и доводящая до распутства страсть къ тѣлесной красотѣ, оно можетъ укрощать страсть. Поэтому, когда ты видишь женщину благообразную, съ свѣтлымъ взоромъ, веселую, съ блестящими щеками, съ необыкновенною красотою въ лицѣ, воспламеняющую твои помыслы и возбуждающую пожеланіе, то представь, что предметъ твоего удивленія—земля, что воспламеняетъ тебя

пепелъ—и душа твоя перестанетъ неистовствовать. Вскрой кожу лица ея, и тогда ты увидишь все ничтожество ея красоты; не останавливайся на поверхности, но проникай мыслію глубже,—и ты не найдешь ничего больше, кромѣ костей, нервовъ и жилъ. Но недостаточно этого? Представь, что она измѣнилась, состарѣлась, заболѣла, что глаза ея впали, щеки опустились, весь прежній цвѣтъ поблекъ; подумай, чему ты удивляешься, и устыдись своего сужденія. Ты удивляешься грязи и пеплу, тебя воспламеняетъ пыль и прахъ. Говорю это, не осуждая природы,—да не будетъ,—не унижая ея и не подвергая презрѣнію, но желая приготовить врачество для больныхъ. Богъ сотворилъ ее такою, столь уничиженною, для того, чтобы показать и собственную силу и Свое попеченіе о насъ, бренностію природы располагая насъ къ смиренномудрію и укрощая всякую нашу страсть, а вмѣстѣ съ тѣмъ являя Свою мудрость, по которой Онъ могъ и въ грязи образовать столь великую красоту. Поэтому, когда я уничижаю естество, то открываю искусство Творца. Какъ ваятелю мы болѣе удивляемся не тогда, когда онъ производитъ намъ прекрасную статую изъ золота, а тогда, когда выработываетъ точный и совершенный образъ изъ грязнаго вещества, такъ и высо- 186
чайшему Художнику — Богу мы удивляемся и воздаемъ хвалу потому, что въ пепелъ и грязь Онъ вложилъ необыкновенную красоту и въ тѣлахъ нашихъ явилъ нѣкоторую неизреченную мудрость. И это совершилъ Онъ не въ нашемъ только тѣлѣ, но и во всемъ твореніи. Создавъ твари большею частію изъ веществъ ничтожныхъ, Онъ вложилъ въ нихъ ясное доказательство собственнаго искусства, и вмѣстѣ напечатлѣлъ на нихъ нѣкоторые признаки бренности естества, чтобы ты по искусству и красотѣ удивлялся Творцу, а по бренности и ничтожности природы и естества не покланялся тварямъ. Блистательно солнце, когда оно свѣтитъ и озаряетъ всю вселенную; но съ наступленіемъ ночи оно затмѣвается. *Что,* говоритъ Премудрый, *свѣтлѣе солнца, и то исчезаетъ* (Сир. XVII, 30); и не только ночью, но и днемъ. Солнце часто исчезаетъ и днемъ для того, чтобы ты удивлялся Художнику за искусство и не покланялся твари по ея слабости. Видишь ли небо, какъ велико это тѣло, какъ оно прекрасно, какъ блистательно и по наружности превосходнѣе нашихъ тѣлъ? Но оно бездушно. Видишь ли и доказательство искусства, и обличеніе слабости? Видишь ли предостереженія, предложенныя тебѣ съ той и другой стороны? Чтобы ты не обвинялъ Творца въ слабости, Онъ создалъ твари прекрасными; а чтобы ты не покланялся тварямъ, какъ богамъ, Онъ создалъ ихъ отчасти слабыми. Помните это всегда.

Мы объясняемъ Писанія не для того только, чтобы вы поняли ихъ, но чтобы вы и исправляли свои нравы. Если не будетъ этого, то напрасно мы читаемъ, напрасно объясняемъ. Какъ борецъ, приходящій въ училище борьбы, намащающійся и пользующійся руководствомъ учителя, напрасно приходилъ бы въ это училище, если бы при наступленіи борьбы не воспользовался своимъ искусствомъ, такъ и вы, приходящіе сюда и изучающіе всѣ хитрости и козни діавола, напрасно приходили бы сюда, если бы при наступленіи времени подвиговъ падали, увидѣвъ благообразное лице, или превозносясь гордостію, или увлекшись какимъ-нибудь другимъ порочнымъ помысломъ. Помните же эти слова, сказанныя не противъ природы нашей, а противъ непотребныхъ пожеланій; не природу осуждаемъ мы своею рѣчью, а пожеланія. Такъ-то усмиряйте гнѣвъ, такъ укрощайте похоть, такъ обуздывайте гордость. *И бѣ вся земля устнѣ единѣ, и гласъ единъ всѣмъ* (Быт. xi, 1). Вотъ предметъ нашего изслѣдованія. Не о землѣ здѣсь говорится, но о томъ, что у всѣхъ людей былъ одинъ языкъ. Для чего же языкъ названъ *едиными устами?* Писанію обычно называть такъ рѣчи, т. е., языкомъ. И это необходимо знать ради еретиковъ, осуждающихъ твореніе Божіе и говорящихъ, что тѣло — зло. Такъ какъ злыя движенія сердца въ Писаніи означаются названіями тѣлесныхъ членовъ, напримѣръ: *изъостриша языкъ свой яко змiинъ* (Пс. cxxxix, 3), *языкъ ихъ мечь остръ* (Пс. lvi, 5), то, поэтому, нѣкоторые и думаютъ, что здѣсь говорится о языкѣ. Не о языкѣ здѣсь говорится,—да не будетъ, онъ вѣдь—твореніе Божіе,—а объ убійственныхъ словахъ, которыя умерщвляютъ людей и поражаютъ сильнѣе меча. *Языкъ ихъ*
187 *мечь остръ*; и еще: *устнѣ льстивыя въ сердцѣ, и въ сердцѣ глаголаша злая* (Пс. xi, 3),—говорится не о членѣ тѣлесномъ, а о лукавыхъ рѣчахъ. Такъ и здѣсь, въ словахъ: *и бѣ вся земля устнѣ единѣ*, Писаніе учитъ не тому, будто у всѣхъ людей были одни уста, но устами оно назвало языкъ; потому послѣ словъ: *бѣ вся земля устнѣ единѣ*, оно присоединило: *и гласъ единъ всѣмъ*. Точно такъ же, когда оно говоритъ: *гробъ отверзтъ гортань ихъ* (Пс. v, 11), то осуждаетъ не гортань, а исходящія изъ нея злыя рѣчи, мертвое ученіе; это вѣдь дѣйствительно—гробъ, вмѣстилище мертвыхъ костей и тѣлъ. Таковы уста и тѣхъ, которые порицаютъ Создателя; таковы уста тѣхъ людей, которые говорятъ срамное, злословятъ, изрыгаютъ изъ своей гортани слова зловонныя и непотребныя.

8. Наполни гортань свою, человѣкъ, благовоніемъ, а не зловоніемъ; сдѣлай ее царскою сокровищницею, а не гробомъ сатанинскимъ. Если же она уже гробъ, то, по крайней мѣрѣ, закрой

ее, чтобы не выходило изъ нея зловоніе. Ты имѣешь дурные помыслы? Не выноси ихъ посредствомъ словъ; пусть они лежатъ внизу, и скоро заглохнутъ. Мы—люди, часто питающіе въ себѣ много порочныхъ, непристойныхъ и постыдныхъ помысловъ; но не будемъ позволять этимъ помысламъ переходить въ слова, чтобы, сдавливаемые внизу, они ослабѣвали и погибали. Какъ тотъ, кто ввергнулъ въ яму различныхъ свирѣпыхъ звѣрей, если сверху закроетъ эту яму, то легко задушитъ ихъ, а если оставитъ хотя нѣкоторый выходъ и хотя малую возможность дышать, то дастъ имъ большое послабленіе и не только не задушитъ ихъ, но сдѣлаетъ еще болѣе свирѣпыми, такъ бываетъ и съ порочными помыслами, когда они зараждаются внутри. Если мы преграждаемъ имъ выходъ наружу, то скоро уничтожаемъ ихъ; а если выпускаемъ ихъ посредствомъ словъ, давая имъ перевесть дыханіе посредствомъ языка, то дѣлаемъ ихъ болѣе сильными и отъ занятія постыдными словами скоро впадаемъ въ бездну непристойныхъ дѣлъ. Поэтому пророкъ и назвалъ гортань не просто гробомъ, но *гробомъ отверзтымъ*, осуждая то самое, о чемъ я сказалъ; кто произноситъ постыдныя слова, тотъ не себя только срамитъ, но распространяетъ великую заразу и между ближними и обращающимися съ нимъ. И какъ, открывъ гробы, мы наполнили бы города заразою, такъ и скверныя уста, открываемыя съ безстыдствомъ, заражаютъ всѣхъ обращающихся съ ними тягчайшею болѣзнію. Потому на уста нужно наложить дверь, и запоръ, и узду. Такимъ образомъ мы достаточно доказали, что тогда былъ одинъ языкъ. Далѣе необходимо сказать, почему введены многіе языки. Впрочемъ займемся пока нравственною бесѣдою. Научимъ свой языкъ носить узду и не произносить просто все, что́ есть въ душѣ, не порицать братьевъ, не угрызать и не пожирать другъ друга. Гораздо хуже кусающихъ тѣло тѣ, которые дѣлаютъ это словами. Первые кусаютъ зубами тѣло, а послѣдній угрызаетъ словами душу, наноситъ 188
рану доброй славѣ, причиняетъ рану неисцѣльную. Поэтому онъ подвергнется тѣмъ большему наказанію и мученію, чѣмъ тягчайшее причиняетъ угрызеніе. И не поэтому только порицатель будетъ лишенъ прощенія, но и потому, что онъ не можетъ представить ни справедливаго ни несправедливаго предлога къ своему пороку. Другіе грѣхи, хотя и неосновательныя имѣютъ причины, однакожъ имѣютъ,—напримѣръ, блудникъ увлекается похотью, воръ хочетъ избавиться отъ бѣдности, человѣкоубійца удовлетворяетъ гнѣву; а порицатель не можетъ представить никакого предлога. Въ самомъ дѣлѣ, какой предлогъ, скажи мнѣ, въ обиліи денегъ? Какому удовлетворяетъ онъ пожеланію? У него нѣтъ никакого

другого повода, кромѣ зависти, не имѣющей ни справедливой, ни несправедливой причины. Поэтому онъ и лишится всякаго прощенія. Ты хочешь порицать? Предлагаю тебѣ для этого полезный предметъ. Ты хочешь злословить? Злословь свои грѣхи. *Глаголи ты*, говоритъ пророкъ, *беззаконія твоя прежде, да оправдишися* (Ис. XLIII, 26). Видишь ли порицаніе, доставляющее вѣнецъ, похвалу и оправданіе? И еще: *праведный себе самаго оглаголникъ въ первословіи* (Притч. XVIII, 17),—себя самого, а не другого. Если ты сдѣлаешься порицателемъ другого, то будешь наказанъ; а если — себя самого, то будешь увѣнчанъ. И чтобы ты узналъ, какъ велико благо—порицать свое грѣхопаденіе, для этого и говорится: *праведный себе самаго оглаголникъ въ первословіи*. Если же онъ праведникъ, то какъ будетъ порицателемъ? А если онъ порицатель, то какъ будетъ праведникомъ? Праведникъ не подлежитъ порицанію. А чтобы ты узналъ, что и грѣшникъ, порицая свои грѣхи, чрезъ самое порицаніе ихъ становится праведникомъ, для этого и говорится: *праведный себе самаго оглаголникъ въ первословіи*. Что значитъ: *въ первословіи*? Слушай внимательно. Въ судилищахъ бываютъ двѣ стороны: одна—доносчиковъ, другая—тѣхъ, на которыхъ доносятъ; одна—обвинителей, другая—обвиняемыхъ; одна — виновныхъ, другая — невинныхъ; и начало рѣчи предоставляется обвинителю, невинному. Но здѣсь—напротивъ. Ты, виновный, предвосхить начало рѣчи, чтобы тебѣ сдѣлаться невиновнымъ; не дожидайся обвинителя. Хотя бы ты принадлежалъ и къ виновнымъ, но прежде, нежели услышишь что-нибудь подобное отъ обвинителя, самъ обвини свои прегрѣшенія. Языкъ есть мечъ изощренный; но имъ мы не станемъ ранить другихъ, а будемъ вырѣзывать собственныя гнилыя язвы. Хочешь ли узнать, что праведники обыкновенно порицали не другихъ, а самихъ себя? Послушай Павла, который взываетъ: *благодарю укрѣпляющаго мя Христа, яко вѣрна мя непщева, положивъ мя въ службу, бывша мя иногда хулника и гонителя и досадителя* (1 Тим. I, 12, 13). Видишь ли, какъ онъ порицаетъ самого себя? И еще: *Христосъ пріиде въ міръ грѣшники спасти, отъ нихже первый есмь азъ* (1 Тим. I, 15). И еще въ другомъ мѣстѣ: *нѣсмь достоинъ*, говоритъ, *нарещися апостолъ, зане гонихъ Церковь Божію* (1 Кор. XV, 9).

9. Видишь ли, какъ вездѣ онъ порицаетъ самого себя? Онъ зналъ пользу этого порицанія, зналъ, что оно доставляетъ оправданіе. Такъ, когда нужно было ему порицать самого себя, онъ
189 порицалъ безпощадно; а когда видѣлъ, что кто-нибудь осуждалъ чужіе пороки, то, смотри, съ какою строгостію заграждалъ ему уста, говоря такъ: *тѣмже прежде времене ничтоже судите, дондеже пріидетъ Господь, иже во свѣтъ приведетъ тайная тмы и объявитъ*

совѣты сердечныя (1 Кор. IV, 5). Предоставь судъ Тому, Кто знаетъ тайны сердечныя. Хотя бы ты, по твоему мнѣнію, точно зналъ дѣла ближняго, судъ твой ошибоченъ: *кто бо вѣсть, яже въ человѣцѣхъ, точію духъ человѣка живущій въ немъ* (1 Кор. II, 11)? Сколь многіе изъ презираемыхъ и ничтожныхъ просіяютъ свѣтлѣе солнца? Сколь многіе изъ великихъ и славныхъ окажутся прахомъ и гробомъ повапленнымъ? Слышалъ ли ты, какъ Павелъ порицаетъ самого себя, съ силою и даже преувеличенно непрестанно вспоминая о грѣхахъ, за которые онъ не имѣлъ подвергнуться осужденію? Онъ былъ хульникомъ, и гонителемъ, и досадителемъ прежде своего крещенія, а крещеніе изгладило тѣ грѣхи; однако онъ вспоминаетъ о нихъ, не потому, чтобы долженъ былъ отдать за нихъ отчетъ, а чтобы показать человѣколюбіе Божіе, и какимъ его, бывшаго такимъ, устроилъ Богъ, сдѣлавъ изъ гонителя апостоломъ. Если же онъ вспоминаетъ о грѣхахъ, изглаженныхъ, то тѣмъ болѣе мы должны вспоминать о грѣхахъ, сдѣланныхъ нами послѣ крещенія. Какое намъ будетъ оправданіе, или какое прощеніе, когда тотъ непрестанно вспоминалъ о дѣлахъ, не подлежащихъ осужденію, а мы не вспоминаемъ даже и о тѣхъ, за которыя должны будемъ дать отчетъ, но, оставивъ собственные пороки, занимаемся чужими? Послушай, что говоритъ Петръ: *изыди отъ мене, яко мужъ грѣшенъ есмь* (Лук. V, 8). Послушай, какъ и Матѳей порицаетъ прежнюю свою жизнь, называетъ себя мытаремъ и не стыдится открыто осуждать прежнее свое поведеніе (Мат. X, 3). Не имѣя ничего, за что бы осуждать себя послѣ крещенія, они вспоминаютъ прежнее, научая насъ не составлять никакого сужденія о чужихъ порокахъ, а заботиться и непрестанно помышлять о своихъ собственныхъ.

Нѣтъ, подлинно нѣтъ другого такого врачества для исцѣленія отъ грѣховъ, какъ непрестанное воспоминаніе о нихъ и постоянное ихъ осужденіе. Такъ мытарь могъ избавиться отъ безчисленныхъ грѣховъ, сказавъ: *Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшнику* (Лук. XVIII, 13). Такъ фарисей лишился всякаго оправданія за то, что, оставивъ мысль о своихъ беззаконіяхъ, сталъ осуждать вселенную, говоря: *нѣсмь якоже прочіи человѣцы, хищницы, неправедницы, или якоже сей мытарь* (Лук. XVIII, 11). Поэтому и Павелъ увѣщевалъ такъ: *дѣло же свое да искушаетъ кійждо, и тогда въ себѣ точію хваленіе да иматъ, а не во иномъ* (Гал. VI, 4). Хочешь ли знать, какъ въ ветхомъ завѣтѣ праведники порицали самихъ себя? Послушай, и они говорили согласно съ тѣми. Такъ Давидъ говорилъ: *беззаконія моя превзыдоша главу мою; яко бремя тяжкое отяготѣша на мнѣ* (Пс. XXXVII, 5). А Исаія взывалъ: *о, окаянный азъ, яко человѣкъ*

сый и нечисты устнѣ имый (Ис. VI, 5). И три отрока, находясь въ печи и предавая за Бога тѣла свои на смерть, причисляли себя къ крайнимъ грѣшникамъ и говорили: *согрѣшихомъ, без-*
190 *законновахомъ* (Дан. III, 29), тогда какъ что́ было свѣтлѣе ихъ, что́ чище? Здѣсь, если они и совершили какіе-нибудь грѣхи, то естество того пламени изгладило всѣ ихъ. Однако они не смотрѣли на добрыя дѣла свои, а помышляли о грѣхахъ. Такъ и Даніилъ послѣ львинаго рва, послѣ безчисленныхъ страданій, которыя онъ претерпѣлъ,—и онъ осуждалъ самого себя, а ближняго никто. Почему? Потому, что порицающій самого себя умилостивляетъ Его и располагаетъ къ себѣ; это порицаніе дѣлаетъ праведника еще праведнѣе, а грѣшника избавляетъ отъ осужденія и дѣлаетъ достойнымъ прощенія. Итакъ, зная это, будемъ заботиться не о чужихъ, а о своихъ порокахъ; будемъ испытывать свою совѣсть, вспоминать всю свою жизнь, изслѣдывать каждый изъ нашихъ грѣховъ, и не будемъ не только порицать другихъ, но даже и слушать порицающихъ. Вѣдь и за это положено осужденіе и величайшее наказаніе. *Слуха суе́тна*, говоритъ Писаніе, *да не пріимеши* (Исх. XXIII, 1). Не сказано: слуху суетному не вѣрь; но: и не принимай его; загради свои уши, прегради входъ порицанію, покажи, что и ты—слушатель самъ не меньше чувствуешь непріязни и отвращенія къ порицателю, какъ и тотъ, кого онъ порицаетъ. Подражай пророку, который говоритъ: *оклеветающаго тай искренняго своего, сего изгонязъ* (Пс. C, 5). Не сказалъ: я не вѣрилъ, или не принималъ словъ его; но: и прогонялъ его, какъ врага и противника.

10. Но есть люди, которые, утѣшая себя суетнымъ утѣшеніемъ, говорятъ такъ: Господи, не поставь мнѣ этого въ грѣхъ, потому что я долженъ отвѣчать на слышанное! Къ чему это оправданіе? Къ чему такое извиненіе? Молчи, и ты будешь избавленъ отъ обвиненій; не говори ничего, и ты будешь свободенъ отъ опасенія. Для чего ты самъ на себя навлекаешь безпокойства и предъ Богомъ, и предъ людьми? Для чего дѣлаешь самъ себя подлежащимъ обвиненію? Для чего налагаешь на себя тягчайшее бремя? Развѣ не довольно для тебя давать отчетъ въ собственныхъ порокахъ, что ты наваливаешь на себя еще чужіе грѣхи? Напрасно это оправданіе; не за слышаніе только ты будешь отвѣчать, но и порицаніе вмѣнится тебѣ; если ты, услышавъ, не молчишь, то будешь отвѣчать не за слышаніе только, но и за порицаніе. *Отъ словесъ бо своихъ*, говоритъ Господь, *оправдишися и отъ словесъ своихъ осудишися* (Мат. XII, 37). Я говорю и объявляю это, боясь не за тѣхъ, которыхъ порицаютъ, а за тѣхъ, которые порицаютъ. Тотъ, кого порицаютъ, не терпитъ никакого

оскорбленія или вреда; напротивъ, если ложно то, что говорятъ о немъ, онъ получитъ еще награду; а если справедливо, и тогда онъ не терпитъ никакого вреда отъ твоего порицанія. Вѣдь Судія произнесетъ ему приговоръ не по твоему злословію. И, если должно сказать нѣчто удивительное, великодушно переносящій порицаніе получитъ даже величайшую пользу, подобно тому, какъ и мытарь; а порицающій, хотя бы и справедливо порицалъ ближняго, весьма много вредитъ себѣ. Не нужно и доказывать того, что онъ погибъ, если клевещетъ; но для всякаго, конечно, очевидно и то, что, хотя бы онъ говорилъ и правду, онъ самъ себѣ приготовляетъ строжайшій судъ, разглашая несчастія ближняго, дѣлаясь причиною соблазновъ, открывая всѣмъ то, что надлежало бы скрывать, и проповѣдуя о грѣхахъ ближняго. Если
соблазнившій одного неминуемо будетъ наказанъ, то соблазняющій 191
весьма многихъ худою молвою какому не подвергнется наказанію? И фарисей не лгалъ, а говорилъ правду, называя мытаря мытаремъ, однако, былъ осужденъ. Итакъ, зная это, возлюбленные, будемъ избѣгать порицанія. Нѣтъ грѣха тяжелѣе и вмѣстѣ легче этого грѣха. Почему? Потому, что онъ совершается быстрѣе всякаго беззаконія и скоро увлекаетъ человѣка невнимательнаго. Остальные грѣхи требуютъ и времени, и издержекъ, и ожиданія, и помощниковъ, и часто продолжительностью времени пресѣкаются. Напримѣръ, рѣшился ли кто убить, рѣшился ли похитить или обратить въ свою пользу чужое,—ему предстоитъ много хлопотъ, и отъ медленности часто онъ теряетъ свой гнѣвъ, отказывается отъ порочнаго стремленія, оставляетъ гибельную мысль, не прибавляетъ къ своему желанію самаго дѣла. А при порицаніи не такъ, но если мы не очень бдительны, то легко увлекаемся. Не нужно намъ ни времени, ни ожиданія, ни издержекъ и никакихъ хлопотъ, чтобы сказать худое, но довольно только рѣшиться, и желаніе тотчасъ переходитъ въ дѣло,—потому что здѣсь требуется къ услугамъ только языкъ. Потому, если это зло быстро, если этотъ грѣхъ легко приражается, если тяжко за него наказаніе и мученіе, а пользы никакой, ни великой, ни малой, то будемъ съ великимъ тщаніемъ избѣгать этой болѣзни, будемъ прикрывать чужіе пороки, а не разглашать, будемъ увѣщевать согрѣшающихъ, какъ и Господь говоритъ: *аще согрѣшитъ къ тебѣ братъ твой, иди и обличи его между тобою и тѣмъ единѣмъ* (Мат.
XVIII, 15). Негласность обличеній сдѣлаетъ болѣе легкимъ и 192
врачеваніе. Не будемъ терзать, не будемъ разъѣдать чужихъ ранъ; не будемъ подражать мухамъ, но будемъ соревновать пчеламъ. Мухи садятся на раны и разъѣдаютъ ихъ; а пчелы летаютъ по цвѣтамъ. Поэтому послѣднія дѣлаютъ соты, а первыя причиняютъ

боль тѣламъ, на которыя садятся; эти отвратительны, а тѣ вожделѣнны и достолюбезны. Будемъ же, поэтому, заставлять свою душу летать по лугу добродѣтели святыхъ и непрестанно распространять благоуханіе ихъ подвиговъ, а ранъ ближняго не будемъ разъѣдать. Но, если и увидимъ людей, дѣлающихъ это, будемъ заграждать имъ уста, удерживая ихъ страхомъ наказанія и напоминая имъ о сродствѣ ихъ съ братіями. Когда же они ничего такого не послушаются, то назовемъ ихъ мухами, чтобы хотя унизительность этого названія удержала ихъ отъ дурного занятія, чтобы, оставивъ это дурное занятіе, они употребляли весь свой досугъ на разсматриваніе собственныхъ пороковъ. Такимъ образомъ и падшіе возстанутъ, припоминая свои грѣхи не разглашенные, и, непрестанно помышляя о собственныхъ порокахъ, легко отстанутъ отъ нихъ, чрезъ воспоминаніе о прежнихъ грѣхахъ сдѣлавшись болѣе медленными къ совершенію остальныхъ, и постоянно представляющіе добродѣтель святыхъ получатъ величайшую ревность подражать имъ. А когда чрезъ все это будетъ исправлено цѣлое тѣло нашей Церкви, то мы будемъ въ состояніи всею полнотою ея войти въ царство небесное, котораго да сподобимся всѣ мы благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава нынѣ и присно и во вѣки вѣки вѣковъ. Аминь.

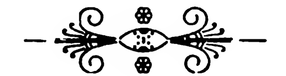
ОГЛАВЛЕНІЕ

І-й книги ШЕСТОГО ТОМА

ТОЛКОВАНІЕ НА ПРОРОКА ИСАІЮ.

СТРАН.

БЕСѢДЫ НА СЛОВА ПРОРОКА ИСАІИ.



ТВОРЕНІЯ

СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО

ІОАННА ЗЛАТОУСТА,

Архіепископа Константинопольскаго,

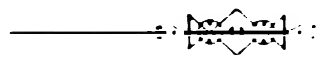
ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ.

Δόξα τῷ Θεῷ πάντων ἕνεκα. Ἀμήν.
Слава Богу за все. Аминь.
Св. Іоаннъ Златоустъ.

ТОМЪ ШЕСТОЙ

ВЪ ДВУХЪ КНИГАХЪ.

КНИГА ВТОРАЯ.

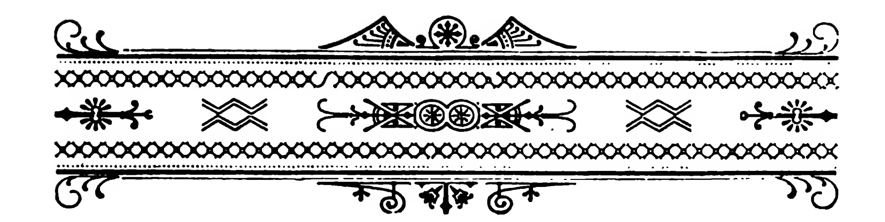


С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе С.-Петербургской Духовной Академіи.
1900.

Отъ Совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи печатать дозволяется С.-Петербургъ, 12 марта 1900 года.

Ректоръ Академіи *Борисъ*, Епископъ Ямбургскій.

Типографія А. П. Лопухина (Телѣжная ул., д. № 5).



ТОЛКОВАНІЕ
НА КНИГУ ПРОРОКА ДАНІИЛА [1]).

ГЛАВА I.

И рече царь Асфанезу, архіевнуху своему, *ввести отъ сыновъ* 193
плѣна сыновъ Израилевыхъ, *и отъ* сѣмене царства, *и отъ* фореонминъ [2]) (ст. 3). *Фореонминъ* означаетъ или народъ, или званіе, и скорѣе народъ, можетъ быть—иноплеменный. Это попускается для того, чтобы чрезъ сравненіе открылась сила Божія; и какъ бывало во многихъ другихъ случаяхъ, такъ было и съ мудростію. Чтобы кто-нибудь не приписалъ случившагося персидской мудрости, для опроверженія этого и другіе учатся вмѣстѣ съ ними (еврейскими юношами). Неразумные судятъ о дѣлахъ преимущественно по сравненію; потому и Богъ часто употребляетъ сравненіе, и когда говоритъ о Себѣ Самомъ, не гнушается сличать и сравнивать Себя съ языческими богами; и пророки говорятъ: *нѣсть подобенъ тебѣ въ бозѣхъ, Господи* (Пс. LXXXV, 8). (*Юноши*) *на нихже нѣсть порока, и добры зракомъ, и смыслены во всякой премудрости* (ст. 4). И красота служитъ препятствіемъ цѣломудрію и любомудрію. Для чего же онъ требуетъ такихъ, которые бы и стройностію членовъ и благовидностію лица превосходили всѣхъ другихъ? Выслушаемъ.

---

[1]) Толкованіе это во многихъ мѣстахъ является неполнымъ, неяснымъ и запутаннымъ, такъ что издатель „не безъ нѣкотораго сомнѣнія" помѣстилъ его въ числѣ подлинныхъ твореній св. I. Златоуста. Можетъ быть, недостатки эти объясняются неисправностью того единственнаго списка, съ котораго оно издано у Миня, или же мы имѣемъ здѣсь только черновыя записи св. отца, оставшіяся безъ дальнѣйшей обработки.

[2]) Въ слав. Библіи: *И рече царь ко Асфанезу, старѣйшинѣ евнуховъ своихъ, ввести отъ сыновъ плѣна Израилева и отъ племене царска и отъ князей.* Фореонминъ—слово еврейское, оставленное безъ перевода.

Если царь, и царь варварскій, требуетъ такихъ людей, то не гораздо ли болѣе Богъ любитъ красоту душевную? Если предъ тѣмъ предстоять недостойны были имѣвшіе недостатокъ на тѣлѣ, *на нихъ же*, говорится, *нѣсть порока*, то гораздо болѣе недостойны предстоять предъ Богомъ имѣющіе порокъ въ душѣ. Справедливо царь требуетъ и сильныхъ, способныхъ для домашняго служенія, какъ говоритъ пророкъ, или онъ указываетъ также и на силу душевную; это означаютъ слова: *еже предстояти предъ царемъ*. А для чего онъ требуетъ *и добрыхъ зракомъ?* Тѣ качества, т. е. мудрость и благоразуміе, служатъ въ пользу, а для
194 чего это? Какъ варваръ и человѣкъ житейскій, царь требуетъ этого по великому своему честолюбію; а человѣку мудрому нужно искать только душевныхъ качествъ. Какъ мы ищемъ красивыхъ одеждъ не для пользы, такъ и онъ требуетъ красивыхъ лицъ, какъ бы игрушекъ. Для чего же Богъ создалъ красоту? Послушай другого, который говоритъ: *отъ величества и красоты созданій сравнительно рододѣлатель ихъ познавается* (Прем. XIII, 5). Такъ можно видѣть, что и въ нашемъ тѣлѣ многое существуетъ не только для пользы, но и для красоты; цвѣта и краски существуютъ для красоты, а не для одной пользы; можно быть и чернымъ, и ничего не терять въ смыслѣ пользы. И волосы у насъ для красоты, какъ и Павелъ говоритъ: *мужъ убо, аще власы раститъ, безчестіе ему есть* (1 Кор. XI, 14). И шея прямая и имѣющая соразмѣрную величину, и все прочее дано намъ для благообразія, такъ что, если отнимешь что-нибудь малое отъ цѣлаго, испортишь красоту, а польза останется. Потому и для красоты особенно Создатель устроилъ у насъ это животное (тѣло), и не только это, но и всѣ прочія. Впрочемъ однимъ Онъ далъ красоты больше, другимъ меньше; а многимъ уже послѣ рожденія сообщаетъ пріятность, которой они прежде не имѣли. И въ самомъ положеніи членовъ ты можешь усматривать красоту, — напр. въ томъ, что глаза находятся на верху, подобно радугѣ, и имѣютъ
195 гладкую круглоту, разнообразіе цвѣтовъ, правильность, чистоту, бѣлизну. Но скажутъ: красота бывала соблазномъ? — Не по собственной своей природѣ, а по легкомыслію соблазняющихся. *Не назирай*, говоритъ Премудрый, *чуждыя доброты* (Сирах. IX, 8). Не сказалъ просто: *не назирай доброты*, но прибавилъ: *чуждыя*; слѣдовательно онъ одобряетъ наслажденіе собственною. Почему Іосифу красота не послужила во вредъ, не сдѣлала его изнѣженнымъ, не исполнила гордости и тщеславія? *Елень любве*, говоритъ Премудрый, *и жребя твоихъ благодатей да бесѣдуетъ тебѣ* (Притч. V, 19). И красота служитъ союзомъ брака, — потому что людей весьма привлекаетъ тѣло. Такъ какъ намъ дана трудная и тяже-

лая жизнь, то даровано и нѣкоторое утѣшеніе. Отсюда воспламеняется любовь, которая охватываетъ все. Господь предусмотрѣлъ и употребилъ много средствъ къ тому, чтобы союзъ брака оставался нерасторжимымъ. Но, скажешь, красота и въ началѣ была соблазномъ: *видѣвше*, говорится въ Писаніи, *сынове Божіи дщери* евреевъ [1]), *яко добры суть, пояша себѣ* (Быт. vi, 2). Не она была соблазномъ, а испорченность тѣхъ людей. Богъ создалъ дочерей красивыми не для того, чтобы онѣ были безстыдными, но чтобы каждый любилъ свою жену. *И смыслены*, говорится далѣе, *во всякой премудрости*, т. е. ревностныхъ, способныхъ ко всякой мудрости. *Научити я книгамъ и языку Халдейску*. Моисей, будучи частнымъ человѣкомъ, воспитанъ былъ, какъ царь; а они, происшедши отъ царскаго рода, воспитывались на ряду съ рабами властителя. Хорошо предустрояется то, чтобы они научились наукамъ и языку халдейскому, чтобы, когда Даніилъ станетъ бесѣдовать съ царемъ о великихъ предметахъ, никто не былъ посредникомъ и не исказилъ его словъ. А остальное для чего? Для того, чтобы ты позналъ мудрость Даніила и съ самаго начала видѣлъ, какъ онъ выше чрева. Другой сказалъ бы: я плѣнникъ, не имѣю ни откуда необходимой пищи, Богъ конечно проститъ меня. Не такъ поступалъ онъ, потому что не для награды какой-нибудь и не по страху только, но и по любви онъ служилъ Богу, съ великимъ усердіемъ и не мало времени. Три года они учились мудрости и три года постились. Видишь ли благоразуміе Даніила? Когда нужно было остерегаться, онъ былъ весьма твердъ и предусмотрителенъ, и онъ не подчинился, но просилъ, умолялъ; а когда не было никакого вреда, то онъ не отказывался изучать языкъ и мудрость иноплеменниковъ, потому что не учиться предосудительно, а слѣдовать ихъ ученію. Такъ онъ могъ лучше узнать свою собственную мудрость, узнать,—опять чрезъ сравненіе,—что нѣтъ другой такой мудрости, какъ еврейская, и сдѣлаться болѣе сильнымъ. А если бы это было преступно, то и 196
здѣсь онъ устоялъ бы и воспротивился бы. Видишь ли, что добродѣтели его происходили оттуда же, откуда (пороки) у чревоугодниковъ, предпочитающихъ чеснокъ маннѣ? Потому Даніилъ и явился мудрымъ. *И бысть въ нихъ отъ сыновъ Іудиныхъ Даніилъ, и Ананіа, и Азаріа, и Мисаилъ. И возложи имъ имена старѣйшина евнуховъ: Даніилу Валтасаръ, и Ананіи Седрахъ, и Мисаилу Мисахъ, Азаріи же Авденаго* (ст. 6, 7). Даніилу, говорится, онъ далъ имя Валтасара. И богъ ихъ такъ же назывался, или—лучше—такъ назывался сынъ царя. Потому не дерзко ли онъ поступилъ, на-

[1]) Сл. Б.: *человѣчи*.

звавъ плѣнника такимъ именемъ? Конечно, онъ поступилъ бы дерзко, если бы это же самое имя не имѣло здѣсь совсѣмъ другого значенія, какъ было и съ Іосифомъ, которому поклонился отецъ его [1]). И что великаго въ томъ, что онъ названъ былъ такимъ именемъ? Не видимъ ли мы, что и нынѣ многіе изъ частныхъ людей называются именами царей? Но, скажешь, не въ царскомъ домѣ. А для чего дѣлается перемѣна именъ? Посмотри, какъ устрояются всѣ эти обстоятельства. Царь видитъ сонъ не прежде, какъ по прошествіи трехъ лѣтъ. Видишь ли, что здѣсь устрояетъ Богъ? Для чего же? Для того, чтобы Даніилъ имѣлъ больше дерзновенія предъ царемъ. Но могутъ сказать, что онъ больше прославился бы, если бы царь увидѣлъ сонъ ранѣе трехъ лѣтъ. Но тогда не вышелъ бы указъ противъ юношей, а кромѣ того Даніилу и не повѣрили бы. Потому евнухъ на малыхъ и незначительныхъ вещахъ получаетъ доказательство благоволенія Божія къ нимъ, чтобы, когда они попросятъ его о болѣе важномъ, онъ по недовѣрію не отказался и чтобы имъ лучше изучить языкъ и сдѣлаться болѣе смѣлыми. Не видишь ли, какъ то же случилось и съ Давидомъ,—какъ царь, судя о дѣлахъ по возрасту, не повѣрилъ ему, когда онъ обѣщалъ побѣдить иноплеменника? Наконецъ, обрати вниманіе на то, что Даніилъ изучалъ основы ихъ жизни. Моисей и Даніилъ тщательно изучали иноплеменниковъ. Чтобы не показалось, будто они предпочитали свое чужому по невѣдѣнію, для этого Богъ дозволяетъ имъ вкусить и мудрости тѣхъ, чтобы ты, увидѣвъ, или лучше, услышавъ слова Моисея: нѣсть *премудрость якова наша* [2]) (Втор. IV, 6), не думалъ, что такой отзывъ происходилъ отъ любви или пристрастія, но приписывалъ его здравому сужденію, такъ какъ нельзя сказать, что онъ по ненависти къ учителямъ удалялся отъ ихъ ученія. Оба они пользовались великою честію, и однако предпочитали свое. Такъ и Павелъ съ удивленіемъ говорилъ о Моисеѣ: не изволи *имѣти временную грѣха сладость, болшее богатство вмѣнивъ Египетскихъ сокровищъ поношеніе Христово* (Евр. XI, 25). *И положи Даніилъ на сердцы своемъ, еже не осквернитися отъ трапезы царевы, и отъ вина питія его: и моли старѣйшину евнуховъ, яко да не осквернится. И вдаде Богъ Даніила въ милость и въ щедроты предъ старѣйшиною евнуховъ* (ст. 8, 9). Посмотри, какъ онъ начинаетъ съ добрыхъ дѣлъ. Такъ уже съ этого времени онъ показалъ, что онъ великъ былъ и чуденъ; потому онъ и называется славнымъ име-

197

[1]) Здѣсь, вѣроятно, опущены подробности сравненія Даніила съ Іосифомъ.

[2]) Сл. Б.: *сія премудрость ваша и смышленіе предъ всѣми языки.*

немъ. Въ чемъ можно было, въ томъ онъ соблюдалъ законъ. Кто другой, скажи мнѣ, сталъ бы считать мерзостью царскую трапезу? Видишь, какъ онъ съ самаго начала обнаружилъ мудрость. *И моли,* говорится, *старѣйшину евнуховъ, яко да не осквернится.* Видишь, какъ онъ былъ не честолюбивъ. Онъ не сказалъ: отдамъ лучше душу свою; но просилъ не выдавать его, если возможно. Для чего, говоритъ, мнѣ искать чести? Но не такъ поступили Іосифъ и Моисей. Чтоже? Осудимъ ли мы ихъ? Конечно нѣтъ, потому что они не знали того, что произошло впослѣдствіи: еще не было закона, запрещающаго нѣкоторыя яства. Посмотри, какъ онъ и обличаетъ и любомудрствуетъ, выказывая мудрость и въ маломъ. То же и апостолы говорили: *сія подобаше сотворити, и онѣхъ не оставляти* (Лук. XI, 42). Онъ поступалъ такъ не потому, чтобы яства были идоложертвенными, но потому, что были запрещены закономъ. Упросилъ ли онъ евнуха? Смотри, какъ Писаніе тотчасъ разрѣшило твое недоумѣніе. *И вдаде,* говоритъ оно, *Богъ Даніила въ милость и въ щедроты предъ старѣйшиною евнуховъ.* То же было и съ Іосифомъ; и тамъ Іосифъ пользовался милостію, *и обрѣте благодать предъ архимагиромъ* (Быт. XXXIX, 1—4). Между тѣмъ оба они были рабами и въ домахъ иноплеменниковъ. Слова Даніила по справедливости могли возбудить гнѣвъ царя. Что говоришь ты? Трапезу властелина ты называешь мерзкою? А самъ ты для насъ развѣ чище? Развѣ ты не знаешь, что вы для того изучаете языкъ и науки халдейскія, чтобы поступить въ нашу среду? Почему же евнухъ оказалъ ему уваженіе? Даніилъ былъ презрѣннымъ рабомъ, плѣнникомъ. Хотя бы онъ былъ и важнымъ и заслуживалъ уваженіе, но оказать ему уваженіе было опасно. Потому Писаніе, сказавъ, что *вдаде его въ милость,* передаетъ и слова евнуха, и его опасенія. Какъ же все устроилось? Это было бы невозможно, и не было бы позволено, если бы не устроила всего высшая благодать. *И рече Даніилъ къ Амелсару, егоже пристави старѣйшина евнуховъ къ Даніилу, и Ананіи, и Азаріи, и Мисаилу: искуси отроки твоя до десяти дней, и да дадятъ намъ* 198
отъ сѣменъ земныхъ, да ядимъ, и воду да піемъ. И да явятся предъ тобою лица наша, и лица отроковъ, ядущихъ отъ трапезы царевы, и якоже узриши, сотвори со отроки твоими. И послуша его, и искуси я до десяти дней. По скончаніи же десятихъ дней, явишася лица ихъ блага и сіи крѣпцы *плотію паче отроковъ, ядущихъ отъ трапезы царевы* (ст. 11—15). Великое дерзновеніе, величайшая рѣшимость, великое благоразуміе, великая вѣра! *Искуси отроки твоя до десяти дней.* А чтобы ты не подумалъ, что цвѣтущій видъ лица зависѣлъ отъ свойства сѣмянъ, обрати вниманіе на воду, которая не питательна. И не только здоровыми оказались они, но

еще здоровѣе пользовавшихся царскою трапезою; а всякому извѣстно, что мясо и вино обыкновенно питательны больше всего. Замѣть, какъ тотчасъ же получилось благое слѣдствіе отъ рѣшимости отроковъ и благодати Божіей. Рѣшимость ихъ выразилась въ томъ, что они не захотѣли, а благодать—въ томъ, что могли (воздержаться). *И да явятся*, говоритъ, *предъ тобою*. Тебѣ мы предоставляемъ судить. Легка и удобоисполнима эта милость: удостовѣрься на дѣлѣ; хотя самъ я хорошо знаю, но раньше срока не объявляю, для твоей же пользы. Смотри, какъ онъ этимъ научилъ и придворныхъ и показалъ, что онъ любитъ Бога. Притомъ не сказалъ просто: *сотвори съ нами*, но: *сотвори со отроки твоими*, и началъ словами: *искуси отроки твоя*. Они не отказывались воздавать честь людямъ, гдѣ это нисколько не вредило благочестію. И Павелъ дѣлалъ тоже самое. Начиная защитительную рѣчь, онъ прежде всего въ похвалу судіи говорилъ такъ: *многъ миръ улучающе тобою* (Дѣян. XXIV, 2); онъ пользуется здѣсь общественными дѣлами. Также Наѳанъ, пророчествуя, оказывалъ честь Давиду, Іаковъ—фараону, Авраамъ—сожителямъ. И Даніилъ говоритъ: *царю, во вѣки живи* (Дан. VI, 21). Видишь слово исполненное лести; но я назвалъ бы это не лестію, а благоразуміемъ и мудростію. Такъ и Павелъ говоритъ: *въ премудрости ходите ко внѣшнимъ, время искупующе* (Колосс. IV, 5). Такъ училъ и Христосъ: *воздадите, яже кесарева, кесареви, и яже Божія, Богови* (Лук. XX, 25). Чтоже? Развѣ сѣмена не были нечистыми? Нисколько, равно какъ и вода. Такъ они продолжали поступать три года. *И по скончаніи тѣхъ дней, въ няже рече царь привести я, введе я старѣйшина евнуховъ предъ Навуходоносора, и не обрѣтошася отъ всѣхъ ихъ подобни Даніилу, и Ананіи, и Мисаилу, и Азаріи: и сташа предъ царемъ. И во всякомъ глаголѣ премудрости и умѣнія,
199 о нихже вопрошаше отъ нихъ царь, обрѣте я десятерицею паче всѣхъ обаятелей и волхвовъ, сущихъ во всемъ царствѣ его* (ст. 18—20). *И по скончаніи дней тѣхъ*, говоритъ, *явишася лица ихъ блага*, и преуспѣли они и въ красотѣ и здоровьи. Посмотри, какъ все это сверхъестественно; посмотри, какъ Творецъ являетъ Свою дѣятельность. Какъ ваятелемъ оказывается не только тотъ, кто можетъ растопить мѣдь и дать ей форму, но не меньше его и тотъ, кто можетъ исправить уже сдѣланную статую, то же можно видѣть и по отношенію къ Богу и этимъ отрокамъ. Сохраненіе тѣлъ здоровыми послѣ такого питанія составляетъ не меньшее доказательство творческой силы, какъ и созданіе человѣка изъ земли. Откуда у нихъ здоровый видъ? Откуда блестящій цвѣтъ? Откуда сила? Вы знаете, что питье воды и ядѣніе сѣмянъ ослабляетъ силы. Они не хотѣли питаться даже хлѣбомъ; а не малое

различіе между пшеницею приготовленною и неприготовленною; силы укрѣпляются не только отъ яденія, но и отъ сваренія подаваемаго, а сѣменамъ вариться не свойственно. Замѣть, что просьба эта проистекала не изъ честолюбія просившихъ, но имѣла основаніемъ настоятельную нужду. Не просто, безъ всякой причины, они подвергли себя испытанію, но по требованію необходимости. Такъ далека была отъ честолюбія душа отроковъ. Между тѣмъ кто, имѣя такую вѣру и находясь среди иноплеменниковъ, не захотѣлъ бы показать властителямъ то благоволеніе, которое имѣетъ къ нему Богъ? А они не хотѣли этого. Посмотри также, какъ и обличеніе ими старшихъ вызывалось только необходимостью.

ГЛАВА II.

Въ лѣто второе царства Навуходоносорова, сонїе видѣ Навуходоносоръ, и ужасеся духъ его, и сонъ его отступи отъ него (ст. 1).
Но этотъ годъ—двѣнадцатый. Если прошло три года послѣ взятія города, а онъ былъ взятъ въ девятомъ году, то этотъ годъ—двѣнадцатый. Нѣкоторые говорятъ, что однимъ и тѣмъ же знакомъ у евреевъ обозначается какъ то такъ и другое число [1]).
Или это—ошибка писца, или здѣсь разумѣется второй годъ
послѣ того, такъ отроки были представлены. Но не о томъ рѣчь. 200
Обстоятельство здѣсь затруднительнѣе. Какое же? То, что царь не зналъ, какой былъ сонъ его. И это премудро устроилось, потому что, если бы этого не было, то не открылась бы мудрость Даніила. Представимъ, что и онъ былъ бы призванъ и сказалъ будущее, и другіе сказали бы; но, такъ какъ исполненія еще не было, то кто изъ нихъ говоритъ истину и кто лжетъ? Это нужно было бы изслѣдовать другими способами. Допустимъ, что самый сонъ былъ бы объявленъ; пусть Даніилъ сказалъ бы то, что онъ говорилъ; пусть и тѣ сказали бы противное: откуда было бы извѣстно, лжетъ ли онъ, или говоритъ правду? Потому онъ здѣсь же представляетъ доказательство. Съ Іосифомъ же было не такъ, но царь разсказываетъ сонъ, потому что время исполненія было близко. Достойно удивленія, что въ Египтѣ мудрецы египетскіе, будучи въ безопасности, не хотѣли выдумать что-нибудь, но сказали, что они не знаютъ. Если же они не могутъ объяснять сновъ, то въ чемъ другомъ можно вѣрить имъ? Здѣсь иначе и не должно было случиться; а въ пророчествѣ Іосифа исполненіе

---

[1]) Т. е. и два (*въ лѣто второе*) и двѣнадцать.

было ясно, особенно на случаѣ съ царедворцемъ. Замѣть, что халдейскіе мудрецы не приглашаютъ Даніила, но рѣшаются лучше умереть, нежели видѣть его прославившимся. Впрочемъ для того ли только былъ открытъ сонъ, чтобы Даніилъ прославился? Я не скажу этого. Если бы даже только для этого, и тогда было бы великое и удивительное дѣло явленія Божіей силы; но не для этого только. Для чего же? Для того, чтобы и царь вразумился, узнавъ, что родъ его не всегда будетъ господствовать,—вѣдь, если и послѣ того, какъ ему было сказано это, онъ не оставилъ гордости, то тѣмъ болѣе, если бы этого не было сказано,—и чтобы онъ призналъ Бога Господомъ всего. Такъ какъ они придавали большое значеніе снамъ, то и случилось все это. Потому Богъ и открываетъ имъ будущее; равно и потому, что боговъ они почитали особенно за предвѣдѣніе будущаго. Все волшебство ихъ было направлено къ этому. *И изыде повелѣніе и мудріи убиваахуся: и взыскаша Даніила, и друговъ его, убити я. Тогда Даніилъ отвѣща совѣтъ и разумъ Аріоху, архимагиру царску, иже изыде убити мудрыхъ Вавилонскихъ. И вопрошаше, и глаголя: княже царевъ, о чесомъ изыде изреченіе безстудное отъ лица царева* (ст. 13—15)? Видишь ли дерзновеніе? Видишь ли мужество? Онъ говоритъ это тому, кто имѣлъ власть умерщвлять! Притомъ онъ скорбитъ и о другихъ. Это повелѣніе, говоритъ онъ, не имѣетъ ни основанія, ни предлога, ни благовидности,—такихъ людей мы называемъ безстыдными. *Возвѣсти же Аріохъ слово Да-*
201 *ніилу. Даніилъ же вниде, и моли царя, яко да время дастъ ему и сказаніе сна возвѣститъ царю* (ст. 16). Удивительно, какъ царь позволилъ это. Замѣть, какъ всѣ во всемъ довѣряютъ Даніилу. На какомъ основаніи царь думалъ, что онъ говоритъ истину? Почему не сказалъ: всѣ обличены и признались, что это выше естества человѣческаго; а ты, иноплеменникъ, почему думаешь превзойти всѣхъ? Но когда Богъ устрояетъ и располагаетъ событія, то нисколько не сомнѣвайся. А съ другой стороны, было бы и безопаснѣе придти къ царю послѣ. Для чего же Богъ не тотчасъ открылъ ему? Во первыхъ, для того, чтобы событіе сдѣлалось извѣстнымъ, и чтобы мудрецы были поставлены въ великое затрудненіе. И онъ, хотя былъ пророкомъ, однако ранѣе не зналъ этого. Кромѣ того чрезъ праведниковъ Богъ оправдывается предъ тобою, показывая, что если имъ, подвергавшимся опасности, Онъ не давалъ ничего безъ усильной молитвы, то тѣмъ болѣе не дастъ тебѣ. Потому и Павелъ вездѣ требуетъ молитвъ: *въ молитвѣ пребывающе*, пишетъ онъ (Рим. xii, 12). Недостаточно чистой жизни, если нѣтъ и молитвы. Посмотри также на великую вѣру Даніила. Это—второй подвигъ, и снова Дані-

илъ является руководителемъ и испрашиваетъ времени, потребнаго для усиленнаго ожиданія и молитвы. Онъ не просилъ, чтобы царь выслушалъ его тотчасъ же. Царь сдѣлалъ ему эту милость, вмѣстѣ съ его друзьями. *Тогда Даніилу во снѣ нощію тайна открыся: и благослови Даніилъ Бога небеснаго, и рече: буди имя Бога благословено отъ вѣка и до вѣка: яко премудрость и смыслъ и крѣпость Его есть, и Той премѣняетъ времена и лѣта, поставляетъ цари и преставляетъ, даяй премудрость мудрымъ и разумъ вѣдущымъ смышленіе, Той открываетъ глубокая и сокровенная, свѣдый сущая во тмѣ и свѣтъ съ Нимъ есть. Тебѣ, Боже отецъ моихъ, исповѣдаюся и хвалю, яко премудрость и разумъ далъ ми еси и нынѣ возвѣстилъ ми еси, яже просихомъ у Тебе* (ст. 19—23). Еще не ясно было открыто ему, но въ видѣніи пророкъ подготовляется. Посмотри же на его дерзновеніе. *О чесомъ изыде*, говоритъ, *изреченіе безстудное?* Мнѣ кажется, что онъ еще прежде открытія сна остановилъ архимагира отъ убійства какъ осужденіемъ этого повелѣнія, такъ и обѣщаніемъ найти средство отъ бѣды. Почему же открыто было Даніилу? И между святыми есть степень преимущества; потому онъ и предпочитается. Какъ же онъ видѣлъ? Въ видѣніи, говоритъ Писаніе, а не при помощи человѣческой мудрости. Хорошо называется *тайною* то, что всѣмъ было неизвѣстно. *И благослови Бога небеснаго*, т. е. Вседержителя, Который силенъ и тамъ, въ странѣ иноплеменниковъ. Не было тамъ жертвы, храма и жертвенника, но было благое произволеніе,—и все совершилось. Смотри: по полученіи просимаго, онъ не поспѣшилъ тотчасъ же во дворецъ царя, а сначала воздалъ величайшую благодарность Подателю, не такъ какъ мы, часто забывающіе о благодарности отъ радости при успѣхѣ нашихъ дѣлъ. Но онъ не 202
таковъ; онъ благословилъ Бога и сказалъ: *буди имя Бога благословено отъ вѣка и до вѣка.* Мы, говоритъ онъ, временны и недолговѣчны, но возсылаемъ Ему благословеніе не только за это время, а и за все, не только за то, въ которое мы живемъ, но и за прежнее, и за будущее. Всегда должно благословлять Бога, является ли Онъ, или не является, потому что промыслъ Его простирается на все. Посмотри, какъ въ благодареніи онъ показываетъ, кому принадлежитъ и знаніе сновидѣній: *яко премудрость и смыслъ и крѣпость Его есть*, т. е. знаніе всего и предвѣдѣніе. Здѣсь онъ говоритъ слѣдующее: Богъ знаетъ все; ничего нѣтъ такого, чего бы Онъ не зналъ. Что же, это ли только, одно ли только предвѣдѣніе имѣетъ Онъ? Притомъ пророкъ не сказалъ: имѣетъ, но: *Его есть*, желая показать намъ, что это естественное совершенство Божіе, что это принадлежитъ Ему по естеству. Что же? Онъ только предвидитъ, а не дѣйствуетъ? Нѣтъ, и дѣй-

ствуетъ. *Премѣняетъ времена и лѣта*. Не о перемѣнахъ годовъ говоритъ онъ, а о перемѣнахъ дѣлъ. *Поставляетъ цари и преставляетъ*, потому что Онъ совершаетъ эти перемѣны. Но развѣ Онъ только предвидитъ и дѣйствуетъ? Не свойственно ли Ему и нѣчто другое, величайшее, именно—власть и другимъ сообщать вѣдѣніе? *Даяй премудрость мудрымъ*. Не тѣмъ, которые раньше были мудрыми, а тѣмъ, которымъ Онъ даруетъ мудрость. Если какой мудрецъ имѣетъ мудрость не отъ Него, то онъ не мудръ. Не подумайте, что мудрость есть искусство халдеевъ. *И разумъ*, говоритъ, *вѣдущымъ смышленіе*. Далѣе посмотримъ, отъ науки ли, или отъ природы Даніилъ получилъ мудрость. И объ этомъ говоритъ онъ: *Той открываетъ глубокая и сокровенная*. Не сказалъ: находитъ, но: *открываетъ* другимъ то, что для насъ глубоко и сокровенно, что отдѣлено отъ насъ долгимъ временемъ и сокрыто. *Свѣдый сущая во тмѣ, и свѣтъ съ Нимъ есть*. Посмотри, что говоритъ онъ? Такъ же говоритъ и Давидъ: *яко тма ея, тако и свѣтъ ея* (Псал. CXXXVIII, 12),—говоритъ о глубинѣ знанія, или потому, что хотя бы было темно, для Него нѣтъ тьмы, или потому, что Онъ самъ есть свѣтъ. Какимъ же образомъ Онъ знаетъ находящееся во тьмѣ? (Онъ знаетъ), какъ имѣющій при Себѣ свѣтъ. *Съ нимъ есть* всегда,—говоритъ человѣкообразно. Какъ нѣтъ ничего темнаго для того, кто имѣетъ зажженный свѣтильникъ, такъ и для Бога; или еще болѣе (для Него нѣтъ ничего темнаго): какъ для того, кто имѣетъ свѣтъ въ глазахъ, кто всегда носитъ его съ собою; Онъ Самъ—свѣтъ. *Тебѣ*, говоритъ, *Боже отцевъ моихъ, исповѣдаюся и хвалю, яко премудрость и разумъ далъ ми еси*. Благовременно онъ упомянулъ теперь объ отцахъ, желая чрезъ нихъ умолить Его, подобно тому, какъ сильно любящему человѣку напоминаютъ о любимыхъ лицахъ. *Исповѣдаюся*, говоритъ, благодарю, *и хвалю, яко премудрость и разумъ далъ ми еси*,—говоритъ о прежнемъ. И нынѣ
203 *возвѣстилъ ми еси, яже просихомъ у тебе*. Вѣроятно, онъ просилъ и еще о чемъ-нибудь, такъ что Богъ открылъ ему и это. *И видѣніе царево*, говоритъ, *возвѣстилъ ми еси. И тотчасъ пріиде Даніилъ ко Аріоху, его же постави царь погубити мудрыя Вавилонскія, и рече ему: мудрыхъ Вавилонскихъ не погубляй, но введи мя предъ царя и сказаніе сна возвѣщу ему* (ст. 24). Поспѣшно пришелъ къ нему и говоритъ: *мудрыхъ Вавилонскихъ не погубляй*. Кто позаботился бы о нихъ? Смотри, какъ человѣколюбивъ и кротокъ пророкъ. Но его не послушали бы, если бы онъ не присовокупилъ слѣдующаго: *введи мя, и сказаніе сна возвѣщу царю*. Тогда *Аріохъ*, говорится, *съ потщаніемъ введе Даніила предъ царя, и рече ему: обрѣтохъ мужа отъ* сыновъ плѣна жидовска, *иже ска-*

заніе царю возвѣстить (ст. 25). *Отъ сыновъ плѣна*, говоритъ, *обрѣтохъ мужа*. Не постыдился его происхожденія, потому что при затруднительныхъ обстоятельствахъ ни о чемъ подобномъ не спрашиваютъ, и всякая гордость, обычная въ счастіи, подавляется. Такъ больной никогда не станетъ спрашивать о происхожденіи врача, и находящійся въ какой-нибудь другой опасности не будетъ изслѣдовать, къ высшему ли или низшему сословію принадлежитъ тотъ, кто намѣренъ избавить его отъ опасностей, но желаетъ только одного—избавленія. Кто не постыдился бы, кто не посрамился бы, видя, что всѣхъ мудрецовъ отечества убиваютъ, а плѣнниковъ возвышаютъ и превозносятъ? Ничего такого онъ не подумалъ, но поспѣшно повелъ (къ царю), а тотъ спросилъ, уже не съ прежнею гордостію. Что же говоритъ царь, когда онъ опытомъ убѣдился, что его требованіе было безразсудно? *И отвѣща царь, и рече Даніилу, ему же имя Валтасаръ: можеши ли ми возвѣстити сонъ, его же видѣхъ, и сказаніе его* (ст. 26)? Онъ говоритъ уже съ бо́льшею кротостію; онъ не говоритъ: если не можешь, то подвергнешься участи другихъ. Что же Даніилъ? *И отвѣща Даніилъ предъ царемъ, и рече: тайны, ея же царь вопрошаетъ, нѣсть мудрыхъ, волхвовъ, обаятелей, Газариновъ сила возвѣстити царю: но есть Богъ на небеси, открываяй тайны, и возвѣсти царю Навуходоносору, имже подобаетъ быти въ послѣдняя дни* (ст. 27, 28). Посмотри на благоразуміе пророка. Онъ не сказалъ тотчасъ же: я могу возвѣстить тебѣ; но, что прежде всего нужно было знать царю, о томъ и говоритъ. *Тайны*, говоритъ, *ея же царь вопрошаетъ, нѣсть мудрыхъ, волхвовъ, обаятелей, Газариновъ сила возвѣстити царю: есть Богъ на небеси, открываяй тайны*. Защищаетъ тѣхъ, которые несправедливо были убиты, показывая, что и онъ говоритъ не самъ отъ себя. Я сказалъ, говоритъ онъ, что это не дѣло волхвовъ, вовсе не для того, чтобы представить себя самого славнѣе ихъ, но чтобы ты убѣдился, что и я говорю не по внушенію человѣческой природы. *Но есть Богъ на небеси*: не ограничиваетъ Его небомъ, но говоритъ такъ царю, какъ варвару, отвлекая его отъ земли; Богъ—не подобный вашимъ богамъ, которые вращаются около земли. *И возвѣсти царю Навуходоносору, имже подобаетъ быти въ послѣдняя* времена. Посмотри, какъ онъ говоритъ прикровенно; всю сущность видѣнія помѣщаетъ въ предисловіи и пробуждаетъ умъ царя, не вы- 204
сказывая ничего тяжелаго и непріятнаго. *Сонъ твой*, говоритъ, *и видѣніе главы твоея на ложи твоемъ, сіе есть: помышленія твоя на ложи твоемъ взыдоша, чесому подобаетъ быти по сихъ: и открываяй тайны яви тебѣ, имже подобаетъ быти* (ст. 29). Говоритъ согласно съ народнымъ мнѣніемъ, будто сны какъ бы висятъ надъ

головою, потому ли, что въ ней сосредоточена мыслительная способность, или потому, что подъ головою разумѣются глаза; а самыя слова его означаютъ: ты подалъ поводъ (къ откровенію). Не сказалъ просто: Богъ открылъ тебѣ; но сказалъ такъ: ты размышлялъ о томъ, *чесому подобаетъ быти по сихъ*. Такъ какъ онъ завладѣвалъ вселенною, то и размышлялъ, простретъ ли онъ свою царскую власть на всѣхъ, или умретъ. Величіе власти обыкновенно приводитъ насъ къ забвенію того, что природа наша смертна. Потому вѣроятно, что погрузился въ бездну собственныхъ подвиговъ, онъ не былъ твердо увѣренъ, что умретъ. Тоже случилось и съ другимъ царемъ. Потому нѣкто и сказалъ ему: *ты же человѣкъ еси, а не Богъ*,—разумѣя царя тирскаго (Іезек. XXVIII, 2). И посмотри, какъ онъ безъ оскорбленія обличаетъ царя. Онъ не сказалъ ему: ты думалъ именно объ этомъ,—но: *чесому подобаетъ быти по сихъ*. Объ этомъ ты думалъ, и размышлялъ, что будетъ впослѣдствіи. *На ложи твоемъ*, когда никто не тревожилъ, но была спокойна душа; когда особенно много рождается у насъ помысловъ, злоупотребляющихъ нашимъ покоемъ и досугомъ. Потому-то у многихъ есть обычай проводить это время въ молитвѣ, такъ какъ тогда душа бездѣйствуетъ и происходитъ великій вредъ, если мы безпечны. *И открываяй тайны яви тебѣ, имже подобаетъ быти*. Замѣть, что уже второй разъ онъ упоминаетъ о Богѣ и не какъ пришлось; тамъ онъ говоритъ: Тотъ, который *есть на небеси*, а здѣсь; *открываяй тайны*. *И мнѣ не премудростію, сущею во мнѣ паче всѣхъ живущихъ, тайна сія открыся, но ради того, яко да возвѣщу сказаніе царю, да уразумѣеши размышленія сердца твоего* (ст. 30). Онъ какъ бы говоритъ: откровеніе исходитъ не отъ меня, и то, что я одинъ изъ всѣхъ узналъ объ этомъ, не даетъ мнѣ преимущества предъ другими. Богъ сдѣлалъ такъ не потому, что видѣлъ мою мудрость. Если же и послѣ такихъ словъ царь поклонился ему, какъ Богу, то чтó если бы онъ не говорилъ этого? Но *ради тебя*, говоритъ. Не ты меня долженъ благодарить, а я тебя; я узналъ для того, чтобы ты узналъ. Посмотри, какъ онъ приближаетъ царя къ Богу, и предстоящее чудо и любовь къ нему заранѣе приписываетъ Богу. Когда царь узналъ, что это для его чести, то очевидно могъ прилѣпиться къ Богу. Тебя, говоритъ онъ, Богъ почтилъ болѣе, чѣмъ меня. Видишь ли, какъ нечестолюбивъ этотъ юноша, какъ онъ приступаетъ къ предмету рѣчи не прежде, чѣмъ отклонивъ царя отъ высокаго о немъ мнѣнія? Потому, могъ ли гоняться за славою тотъ, кто отвергаетъ ее и тогда, когда ему воздаютъ ее? И не сказалъ онъ: такъ какъ я почитаю Бога, какъ такъ служу Ему больше другихъ, то и открыто мнѣ; но—чтобы ты узналъ то, чтó весьма полез-

но. А первое и безъ его словъ должно было придти на мысль слушателямъ. *Ты, царю, видѣлъ еси: и се* образъ [1]) *единъ, велій образъ онъ, и обличіе его высоко, стоящее предъ лицемъ твоимъ,* и видъ *его страшенъ.* Образъ, *его же глава отъ злата чиста, руцѣ его и перси и мышцы его сребряны, чрево его и стегна мѣдяны, голени желѣзны, ноги часть убо нѣкая желѣзна, и часть нѣкая скудельна* (ст. 31—33). 205
Посмотри, какого видѣнія удостоился Навуходоносоръ. Такъ какъ проповѣдь (евангельская) должна была впослѣдствіи распространиться между язычниками, то она заранѣе вводится въ языческое преданіе, и въ языческой землѣ является подобное видѣніе, когда уже былъ разрушенъ храмъ и прекращены установленія закона. Но изъясняется оно чрезъ евреевъ,—потому что, хотя проповѣдь должна была распространиться среди язычниковъ, но чрезъ еврейскихъ мужей—апостоловъ. Такъ было и съ Корнеліемъ. Язычники идутъ впереди, а не позади. Такъ и здѣсь, Навуходоносоръ первый увидѣлъ видѣніе, но значеніе его первый узналъ Даніилъ. Видишь, что іудеи являются и первыми и послѣдними: они первые получили блага, но не поняли того, что получили, чтобы равенство было (у нихъ съ язычниками). Такъ и тогда (вѣрующіе) удостоивались Духа прежде крещенія. И при Авраамѣ сначала дано обѣтованіе о множествѣ народовъ, а потомъ обрѣзаніе; но спасеніе—чрезъ обрѣзаніе. Объ этомъ многократно говорили іудеямъ пророки, и если бы не велика была лѣность ваша, то я раскрылъ бы, гдѣ и когда. А такъ какъ іудеи не внимали, то проповѣдь переходитъ потомъ къ язычникамъ. Іудеи, слушая такія слова, показывали презрѣніе; а язычникъ, услышавъ, поклонился. Замѣть, что это прообразуетъ то, что случилось при Христѣ. Хананеянка поклоняется Ему; а они не только не дѣлаютъ этого, но изгоняютъ Его. Такъ и здѣсь, іудеи заключили Іеремію въ узы, а язычникъ поклонился Даніилу. Также іудеи изгоняютъ апостоловъ, а язычники говорятъ: *бози снидоша къ намъ* (Дѣян. XIV, 11). Когда сужденіе произносится безъ пристрастія, то оно бываетъ безукоризненно и чисто. Видишь ли, какъ ярки здѣсь образы? Въ Вавилонѣ слышится вѣсть о Христѣ, и слушателемъ является варваръ, дабы ты узналъ, что не только язычники, но и варвары услышатъ объ этомъ, какъ говоритъ Павелъ: *долженъ есмь* благовѣстити *еллиномъ же и варваромъ* (Рим. I, 14). И чтобы ты не отчаивался, подается надежда. И дѣйствительно, какъ все неблагопріятно! Царская гордость, варварская природа, незначительность говорящаго, — вѣдь онъ былъ плѣнникомъ,—возрастъ его,—вѣдь онъ былъ юношей,—иная вѣра.

---

[1]) Образъ—греч. εἰκών; Слав. Б.: *тѣло*.

Царь не сказалъ: тебѣ нужно было предвидѣть свои дѣла, плѣненіе города; тогда ты не зналъ, а теперь предсказываешь? Такъ впослѣдствіи говорили глупцы: Христу надлежало бы воскресить Себя Самого. Самымъ предметомъ рѣчи Даніила было разрушеніе царства Навуходоносора и конецъ всей вселенной,—и однако Навуходоносоръ повѣрилъ; если бы онъ не повѣрилъ, то не принесъ бы жертвы Даніилу. Навуходоносоръ вѣритъ, а нѣкоторые не вѣрятъ этому. Потому и дано много пророчествъ. Если бы тѣ не сбылись, то не вѣрь и этимъ. Впрочемъ, чтобы не затемнить рѣчи, будемъ толковать вамъ это пророчество. Навуходоносоръ видѣлъ пять веществъ: золото, серебро, мѣдь, желѣзо, глину. Весь образъ означаетъ время и послѣдовательность времени. Хорошо онъ назвалъ его образомъ, потому что всѣ наши дѣла подобны образу, неоду-
206 шевленному образу. И хорошо сказано: образъ *отъ злата*, потому что какъ золото, хотя оно и блеститъ, происходитъ отъ земли, такъ и наше естество и дѣла. И посмотри: оно обращается въ *прахъ*, какимъ было прежде (ст. 35). Между тѣмъ камень не могъ сдѣлать этого. Камень можетъ разбить, но сущности измѣнить не можетъ; а здѣсь было такъ. Видишь таинство воскресенія. Дѣйствительно, когда тѣла наши разлагаются на стихіи и возвращаются въ прежнее естество, т. е. въ землю, тогда происходитъ тлѣніе. А все это совершаетъ камень. Итакъ, когда ты представляешь этотъ образъ состоящимъ изъ различныхъ веществъ, голову его блестящею, грудь менѣе красивою, чрево еще болѣе простымъ, а ноги еще худшими, то считай это различіемъ только по виду,—потому что все это одной природы, какъ доказываетъ конецъ, обращающій все въ прахъ. Здѣсь не мало премудрости. Можно примѣнить эту премудрость и къ настоящимъ обстоятельствамъ, переходя отъ тогдашняго властителя къ нынѣ царствующему, потомъ къ начальнику, который за нимъ слѣдуетъ и соотвѣтствуетъ мѣди, затѣмъ низшимъ — желѣзнымъ и глинянымъ. Но если ты войдешь въ гробницу, то, хотя бы они употребляли тысячи усилій, устраивая себѣ и тамъ золотой гробъ, увидишь одно и тоже естество. Вспомни затѣмъ того богатаго, который былъ узникомъ (т. е. Павла), или того богатаго, который сталъ бѣднымъ подобно глинѣ (т. е. Іова), и увидишь, что все— прахъ. Но замѣть: все превратилось въ прахъ не прежде, чѣмъ упалъ камень. *Видѣлъ еси, дондеже отторжеся камень отъ горы безъ рукъ, и удари образъ и ногъ желѣзны и скудельны, и истни ихъ до конца. Тогда сотрошася вкупѣ скудель, желѣзо, мѣдь, сребро и злато, и быстъ яко прахъ отъ гумна лѣтня: и взятъ я премногій вѣтръ, и мѣсто не обрѣтеся имъ* (ст. 34, 35). Не прежде обнаружилась сущность вещей, какъ возсіяло Солнце правды (и по-

казало), что золото — не золото. Посмотри, и въ этомъ самомъ образѣ до его сокрушенія, когда вещества еще оставались на мѣстахъ, ни одно изъ нихъ нисколько не было лучше другого; но только по виду, по времени и по свойству одни казались лучше другихъ. Потому и золото Богъ творилъ изъ земли, чтобы ты не находилъ въ немъ ничего великаго. Почему же царство Навуходоносора называется золотымъ, персидское серебрянымъ, македонское мѣднымъ, а римское желѣзнымъ и глинянымъ? Посмотри, какъ хорошо расположены вещества. Золото представляетъ богатство, но оно слабо и служитъ болѣе къ обольщенію, украшенію и тщеславію. Таково и царство этого варвара. Много было золота у него и у (тѣхъ) варваровъ, потому что тамъ, говорятъ, страна металловъ. Отъ сиріянъ привозится много богатства, но безполезнаго. Занимаетъ же мѣсто головы, потому что явилось первымъ. Персидское не столь богато, равно какъ и македонское; римское полезнѣйшее и сильнѣйшее, а по времени позднѣйшее, и потому занимаетъ мѣсто ногъ. Впрочемъ въ немъ есть части слабыя и части болѣе сильныя. Такова измѣнчивость людей. И егда умножится беззаконіе [1]), сказалъ Господь, *изсякнетъ любы многихъ* (Мѳ. XXIV, 12). А 207
когда изсякаетъ любовь, то по необходимости происходятъ распри и войны; когда же есть злоумышленники и враги, то люди по необходимости относятся другъ къ другу такъ, какъ глина къ желѣзу. Какъ эти вещества по природѣ различны и никогда не могутъ соединяться между собою, такъ бываетъ и тогда. Объ этомъ говорятъ и пророки и апостолы. Затѣмъ настаетъ конецъ. Какъ при Ноѣ, когда усилилось зло, послѣдовалъ потопъ, такъ и теперь. И какъ больное тѣло, когда предается невоздержанію, погибаетъ, такъ и міръ. Если же Богъ щадитъ городъ, когда въ немъ есть пять праведниковъ, то тѣмъ болѣе пощадитъ Онъ міръ, когда въ немъ будетъ соотвѣтственное количество праведниковъ. *Камень же поразивый* образъ *бысть* въ гору велику, *и наполни всю землю* (ст. 35). *Камень*, говоритъ, *отторжеся отъ горы*. Посмотри, когда это случилось: не тогда, когда было золотое царство, или серебряное, или мѣдное, но когда явилось желѣзное; тогда, говоритъ, онъ *отторжеся отъ горы;* говоритъ,—*отъ горы*, подразумѣвая высоту. Но предъ царемъ онъ показалъ, что сонъ относится къ дѣламъ человѣческимъ. *Камень же*, говоритъ, *отторжеся отъ горы*. Указываетъ на свободное дѣйствіе безъ принужденія; не сказалъ: былъ брошенъ, но: *отторжеся отъ горы*; также указываетъ на неожиданность и на то, что никто не

[1]) Сл. В.: *и за умноженіе беззаконія.*

зналъ этого. *И отсѣчеся безъ рукъ* (ст. 45). Указываетъ на рожденіе (Христа) по плоти. Иногда Писаніе называетъ горою и женъ, напр., когда говоритъ: и изъ рова, *изъ него же изсѣчени бысте* [1]) (Ис. LI, 1). И Христосъ часто называется камнемъ, по твердости. *На немже падетъ*, говорится, *стрыетъ его* (Лук. XX, 18). *Яко прахъ отъ гумна лѣтня*. Здѣсь указывается на непостоянство. *И взятъ я премногій вѣтръ и мѣсто не обрѣтеся имъ*. Царства разрушаются такъ, какъ будто они не существовали. *Камень же бысть гора велика*. Апостольская проповѣдь наполнила всю вселенную. Такимъ образомъ этотъ камень иногда называется горою, иногда краеугольнымъ, а иногда основаніемъ, чтобы ты зналъ, что онъ наполняетъ все, — горою потому, что онъ содержитъ все, краеугольнымъ потому, что на немъ стоитъ все, потому же онъ называется и основаніемъ и корнемъ винограда. *Азъ есмь лоза, вы же рождіе* (Іоан. XV, 5). *Сей есть сонъ*, говорится далѣе, *а сказаніе его речемъ предъ царемъ. Ты царь царей; тебѣ Богъ небесный царство даде крѣпкое, и державно и честно, во всякомъ мѣстѣ, идѣже живутъ сынове человѣчи, и звѣріе польстіи, и птицы небесныя, далъ есть въ руку твою и поставилъ тя властелина всѣмъ* (ст. 36—38). Показавъ могущество Божіе, онъ потомъ смѣло преподаетъ ему и проповѣдь. И посмотри, съ какимъ уваженіемъ и почтительностію ведетъ рѣчь. *Ты*, говоритъ, *царь*
208 *царей*; тебѣ *Богъ небесный царство даде крѣпкое, и державно и честно, во всякомъ мѣстѣ, идѣже живутъ сынове человѣчи, и звѣріе польстіи, и птицы небесныя, далъ есть въ руку твою*. Ты господствуешь не только надъ подобными тебѣ людьми, но и надъ пустынею и надъ тѣмъ, что надъ головою. Замѣть, какъ онъ указалъ на тотъ даръ Божій, который данъ въ началѣ: *и обладайте рыбами морскими и птицами небесными* (Быт. I, 28), чтобы ты зналъ, что Богъ есть Творецъ и пустыни, что Онъ — Создатель не только кроткихъ, но и дикихъ животныхъ. *Во всякомъ мѣстѣ, идѣже живутъ сынове человѣчи, тебѣ далъ есть царство Богъ небесный*. Уже не говоритъ: *есть Богъ на небеси*. Посмотри, какъ онъ постепенно преподаетъ ученіе (о Богѣ). Сначала сказалъ, что Онъ обитаетъ на небѣ, чтобы не представляли Его около земли. Когда царь освоился съ этою мыслію, то переходитъ далѣе и показываетъ, что Богъ есть Творецъ самаго неба, и Владыка и Господь, и не заключается въ какомъ-либо мѣстѣ, но всякое мѣсто есть Его твореніе. Если же Онъ—Господь неба, то можетъ дать тебѣ землю. Самъ Онъ взялъ небо, а тебѣ далъ землю. Чѣмъ Онъ является тамъ, тѣмъ ты на землѣ: высшимъ всѣхъ, владыкою

---

[1]) Сл. Б.: *и въ юдоль потока, юже исконасте*.

всѣхъ, главою всѣхъ. Изъ земныхъ благъ Онъ далъ тебѣ больше другихъ, сдѣлавъ тебя главою и показавъ царство твое золотымъ, изъ чистаго золота. *Ты еси глава златая. И послѣди тебе возстанетъ царство другое, меньше тебе, еже есть сребро, царство, же третіе, еже есть мѣдь, еже соодолѣетъ всей земли* (ст. 39). Таково было македонское царство. *И царство четвертое, еже будетъ крѣпко, аки желѣзо: якоже желѣзо стончеваетъ и умягчаетъ вся, такожде и то истончитъ и истнитъ вся* (ст. 40). Подъ четвертымъ разумѣетъ римское. Но онъ не приводитъ названій. Почему? Ради того онъ не говоритъ яснѣе, чтобы многіе не уничтожили самыхъ книгъ. *А яко видѣлъ еси нозѣ, и персты, часть убо нѣкую желѣзну, часть же нѣкую глиняну, царство раздѣлено будетъ и отъ корене желѣзна будетъ въ немъ, якоже видѣлъ еси желѣзо смѣшено съ глиною. И персты ножніи, часть убо нѣкая желѣзна, часть же нѣкая глиняна, часть царства будетъ крѣпка, и отъ него будетъ сокрушенна. Яко видѣлъ еси желѣзо смѣшено съ глиною, смѣшены будутъ въ племени человѣчи, и не будутъ прилѣпляющеся, якоже желѣзо не смѣшается съ глиною* (ст. 41—43). Когда это было съ римлянами? Ты знаешь, какія перемѣны были въ ихъ царствѣ. И (цари) не всѣ были изъ царскаго рода; притомъ многіе были невѣрными. *И во днехъ царей тѣхъ возставитъ Богъ небесный царство, еже во вѣки не разсыплется и царство Его людемъ инѣмъ не останется, истнитъ и развѣетъ вся царства, тое же станетъ во вѣки* (ст. 44). Приведи ко мнѣ сюда іудеевъ. Что скажутъ они объ этомъ пророчествѣ? О человѣческомъ царствѣ 209
конечно, нельзя сказать, что оно будетъ безконечно; а между тѣмъ должно же быть такое, о которомъ это сказано. Если скажешь, что здѣсь говорится о Богѣ Отцѣ, то послушай, что говорится: *во днехъ царей тѣхъ*, т. е. римлянъ. Съ другой стороны, могутъ сказать: какимъ образомъ Онъ сокрушилъ золото—вавилонское царство, которое давно уже разрушено, и серебро—царство персидское, и мѣдь—македонское? Эти царства были давно и уже кончились. Но не удивляйся, возлюбленный. Если Павелъ не осмѣлился сказать ясно, но говоритъ: *дондеже держай отъ среды будетъ* (2 Сол. II, 7), — тѣмъ болѣе пророкъ. Но скажи мнѣ, какая была бы польза, если бы сказано было ясно? Если же спросятъ: какимъ образомъ Онъ сокрушилъ мѣдь и желѣзо,—то этотъ вопросъ будетъ одинаковъ съ прежнимъ: вѣдь и въ тѣхъ словахъ также высказывается сомнѣніе, — какимъ образомъ Онъ истребляетъ уже погибшія царства? Онъ дѣйствительно дѣлаетъ это, истребляя другія царства, въ которыя вошли прежнія. Притомъ и раньше Онъ сокровенно дѣлалъ это, потому что Онъ и прежде былъ Богомъ, хотя и не обнаруживалъ Своего дѣйствія,—

чѣмъ и вызывается ваше справедливое недоумѣніе. Если же кто захочетъ отнести это пророчество и къ настоящему времени, тотъ не погрѣшитъ. Дѣйствительно, и нынѣ Онъ разрушаетъ царства,—гордость македонянъ и владычество (римлянъ). Когда ты посмотришь на мучениковъ, которые дѣлаютъ это и для исполненія Его заповѣди охотно рѣшаются на смерть, то увидишь, какъ Его царство наполнило землю. Ты знаешь пророчества: если бы не исполнилось какое-нибудь изъ нихъ, то не вѣрь и концу. Далѣе пророкъ присовокупляетъ: *якоже видѣлъ еси, яко отсѣчеся отъ горы камень безъ рукъ, и истни глину, желѣзо, мѣдь, сребро, злато. Богъ возвѣсти царю, имже подобаетъ быти по сихъ: и истиненъ сонъ, и вѣрно сказаніе его* (ст. 45). Посмотри, какъ онъ доказываетъ сказанное, неясное посредствомъ яснаго, и какъ бы такъ говоритъ: кто сказалъ сонъ, тому должно вѣрить и въ толкованіи. Что же царь? *Тогда*, говоритъ, *царь Навуходоносоръ паде на лице, и поклонися Даніилу, и рече дары и благовонія возліяти ему* (ст. 46). Такъ скоро повѣрили пророку. И справедливо царь сказалъ: *дары и благовонія возліяти ему*. Видишь величайшее чудо. Видишь, какъ у язычниковъ было въ обычаѣ изъ людей дѣлать боговъ. Слѣдовательно, когда спросятъ: откуда идолопоклонство?—знай начало его. Такъ и апостоловъ изъ людей сдѣлали богами (Дѣян. xiv, 11). Такъ и діаволъ въ началѣ, стараясь посѣять нечестіе, сказалъ: *будете, яко бози* (Быт. iii, 5). Но такъ какъ тогда ему не удалось это, то онъ усиливается послѣ, ста-
210 раясь вездѣ ввести многобожіе. *И отвѣщавъ царь, рече Даніилу: по истинѣ вѣмъ яко Богъ вашъ, той есть Богъ живыхъ, и Господь царей* [1] (ст. 47). Послѣ одного только этого событія онъ такъ скоро повѣрилъ,—а іудеи, слыша многое подобное, не внимали. Видишь ли, какъ Богъ показываетъ тебѣ благоразуміе язычниковъ? Такъ какъ уже наступало время, въ которое надлежало преподать имъ проповѣдь, то Онъ заранѣе оправдывается предками ихъ, что не напрасно и не безъ причины Онъ предпочитаетъ ихъ іудеямъ.

ГЛАВА III.

Въ лѣто осмонадесятое Навуходоносоръ царь сотвори образъ *златъ: высота его лактей шестидесяти, и широта его лактей шести: и постави е на поли Деиръ, во странѣ Вавилонстѣй. И посла*

---

[1]) Сл. Б.: *по истинѣ Богъ вашъ, той есть Богъ боговъ, и Господь господей, и царь царей.*

Навуходоносоръ собрати вся ипаты, и воеводы, и мѣстоначальники, вожди же и мучители, и сущыя на властехъ, и вся князи странъ, пріити на обновленіе кумира, его же постави Навуходоносоръ царь (ст. 1. 2). Посмотри, какая правдивость повѣствованія: кто не постыдился бы объявить это? Что говоришь ты? Тотъ, который поклонился (Даніилу), совершилъ предъ нимъ возліяніе, почтилъ Бога, такъ удивлялся и изумлялся, тотъ самый, по прошествіи непродолжительнаго времени, снова возвращается къ прежнему заблужденію. И это случилось къ лучшему: его еще не поразили знаменія. Но (отроки) не думали ничего подобнаго, а имѣли въ виду только одно, какъ бы сохранить чистую истину. Навуходоносоръ, взявъ городъ, — тогда онъ завоевалъ его и овладѣлъ имъ, — поставилъ изображеніе, вѣроятно увлеченный гордостію. Нѣкоторые утверждаютъ, что онъ вспомнилъ о томъ образѣ, который показанъ былъ ему во снѣ; а другіе говорятъ, что онъ хотѣлъ возвести самого себя въ число боговъ. Древніе, подобно діаволу, имѣли наклонность считать себя богами. Посмотри же на послѣдствія. Не требуя поклоненія самому себѣ, онъ приказалъ покланяться изображенію, желая достигнуть этого великолѣпіемъ, стараясь поразить и величиною и тяжестію этого тѣла, а также и мѣстомъ. *На поли Деиръ*, говоритъ пророкъ. Можетъ быть, это было ровное поле. *Суть мужи Іудее, ихже поставилъ еси надъ дѣлы (страны) Вавилонскія, Седрахъ, Мисахъ, Авденаго*, мужи сіи *не послушаша заповѣди твоея, царю, и богомъ твоимъ не служатъ*, и образу *златому, егоже поставилъ еси, не покланяются. Тогда Навуходоносоръ въ ярости и гнѣвѣ рече привести Седраха, Мисаха и Авденаго* (ст. 12, 13). Почему здѣсь не видно Даніила? Мнѣ кажется, что доносчики изъ страха не называли его, или царь, по уваженію къ нему, не принуждалъ его, чтобы не имѣть въ немъ явнаго обличителя. Нѣкоторые видятъ причину этого въ томъ, что онъ назывался Валтасаромъ,—а это имя было у нихъ названіемъ идола,—и потому Богъ устроилъ, что Даніилъ не былъ брошенъ въ печь, чтобы не приписали избавленія его силѣ этого имени и не уклонились отъ обличенія. Что же три отрока? Конечно, и они могли обличить это дѣло. Но почему же Богъ не сдѣлалъ такъ, чтобы они напередъ предсказали (о своемъ избавленіи)? Халдеи клеветали на нихъ,—вѣдь зависть дѣлаетъ многое. Они не могли переносить, видя, что плѣнники властвуютъ надъ ними. Но посмотри: 211
какъ при (истолкованіи сна) Даніиломъ они сначала узнали образъ жизни и кротость его, а потомъ увидѣли знаменія, такъ и здѣсь сначала отроки дѣлаются извѣстными и Богъ открываетъ ихъ благочестіе, а сами они, будучи такъ приготовляемы, не вы-

ставлялись на видъ. Вы знаете, что человѣкъ, отчаявшійся остаться въ живыхъ и готовый на смерть, способенъ рѣшиться на все, и даже на то, что кажется весьма дерзкимъ. Но они, презирая смерть, были кроткими, не простирая смѣлости до дерзости, и дѣлали это не по честолюбію. *И мужи тіи тріе, Седрахъ, Мисахъ и Авденаго падоша посредѣ пещи огнемъ горящія окованы, и хождаху посредѣ пламене поюще Бога, и благословяще Господа* (ст. 23, 24). Посмотри: не удивительно ли и не чудно ли это—ходить и пѣть въ огненной печи, какъ бы въ водной купели? Ничто не препятствовало этому, потому что такъ хотѣлъ Богъ. Таковъ же, мнѣ кажется, былъ и тотъ огонь, который сжегъ находившихся внѣ; и то — огонь, и это—огонь, и то—тѣла и это—тѣла; и однако тѣхъ онъ коснулся, а этихъ не коснулся. Видишь ли, какъ велико было ихъ благочестіе? Ты удивляешься ему? Подивись и благоволенію Господа и чести, какую Онъ оказалъ имъ. *Прославляющыя Мя прославлю*, говоритъ Онъ (1 Цар. II, 30). Онъ сдѣлалъ ихъ зрѣлищемъ для всѣхъ. Сверхъестественно говорили они; сверхъестественно и прославляетъ Онъ ихъ. Посмотри на рабовъ, которые могутъ дѣлать то же, что и Господь. Зачѣмъ же дивиться, что они посмѣялись надъ царемъ, когда стихіи благоговѣютъ и удивляются имъ? Печь сдѣлалась церковію, уподобилась самому небу. Они уже здѣсь испытали нетлѣніе. Въ началѣ грѣхъ подвергъ наши тѣла страданію; когда же человѣкъ дѣлаетъ правду, они опять становятся свободными отъ страданій. *И хождаху*, говоритъ пророкъ. Но посмотримъ, что говорятъ они; послушаемъ ихъ таинственный голосъ, полный спокойствія. Ты слышалъ безпорядочные и нестройные звуки самвики, псалтири и гуслей? Послушай же голосъ изъ огня. Не казалось ли тебѣ удивительнымъ, что голосъ Божій былъ слышенъ изъ огня? Вотъ и рабамъ Своимъ Онъ даровалъ тоже. Какой воздухъ, сотрясаясь, производилъ этотъ голосъ? Не убѣждаютъ ли всегда тѣхъ, которые обрекаются на сожженіе, открывать уста для того, чтобы послѣ этого сила (души) не могла оставаться въ тѣлѣ и на малое время? Посмотри на музыкальное согласіе, какъ они всѣ славословятъ какъ бы одними устами. *И ставъ съ ними Азарія помолися сице, и отверзъ уста своя посредѣ огня, рече* (ст. 25). Чтобы ты не думалъ, что они благодарятъ только за настоящее, они взываютъ къ Богу о плѣнѣ и тѣхъ бѣдствіяхъ, которыя случились съ ними. Посмотри, какъ они начинаютъ. *Благословенъ еси Господи Боже отецъ нашихъ, хвально и прославлено имя твое во вѣки. Ангелъ же Господень сниде купно съ сущими со Азаріею въ пещь. И оттрясе пламень огненный отъ пещи, и сотвори*
212 *среднее пещи яко духъ росы шумящъ: и не прикоснуся ихъ отнюдъ огнь и не оскорби, ниже стужи имъ* (ст. 26, 49, 50). Итакъ, не слу-

чайно это сдѣлалось. Они не только не были сожжены, но и *не стужи имъ огнь и не оскорби*, не сдѣлалъ имъ ни малѣйшаго вреда, и даже они не чувствовали жара. Пламя поднялось такъ высоко, чтобы видно было и тѣмъ, которые находились внѣ. Удостовѣрить ихъ (въ истинѣ чуда) достаточно могли и ввергаемыя дрова, и непрерывность огня, и то, что онъ казался воспламеняющимся болѣе и болѣе, и то, что это происходило предъ всѣми. *Навуходоносоръ же слыша поющихъ ихъ, и почудися, и воста со тщаніемъ, и рече вельможамъ своимъ* (ст. 91). А какъ случилось, что Навуходоносоръ услышалъ? Можетъ быть, онъ сидѣлъ здѣсь все время. Богъ не попустилъ ему тотчасъ услышать для того, чтобы и самое время свидѣтельствовало о случившемся, т. е. что отроки, находясь тамъ и долгое время, не потерпѣли ничего худого. *Не трехъ ли мужей ввергохомъ средѣ огня связаныхъ? И рѣша цареви: воистину, царю. И рече царь: се азъ вижду мужи четыри разрѣшены, и ходящы средѣ огня, и истлѣнія нѣсть въ нихъ, и зракъ четвертаго подобенъ Сыну Божію* (ст. 91, 92). Онъ видѣлъ ихъ чрезъ отверстіе. *Тогда пріиде Навуходоносоръ ко устію пещи огненныя разжженныя, и рече: Седрахъ, Мисахъ, Авденаго, раби Бога вышняго, изыдите и пріидите сѣмо: и изыдоша Седрахъ, Мисахъ, Авденаго отъ среды огня* (ст. 93). Почему же они вышли не прежде, какъ онъ позвалъ ихъ? Хорошо и то, что онъ напередъ спросилъ вельможъ, чтобы послѣ своего отвѣта они не могли сдѣлать никакого возраженія, и чтобы они не имѣли времени одуматься. Какъ Моисею Богъ говорилъ: *что сіе есть въ руцѣ твоей* (Исх. IV, 2),—такъ и ихъ Навуходоносоръ предупреждаетъ этимъ вопросомъ. *Се азъ вижду*, говоритъ онъ, *мужы четыри разрѣшены и ходящы средѣ огня, и истлѣнія нѣсть въ нихъ, и зракъ четвертаго подобенъ Сыну Божію*. Вѣроятно, онъ явился въ великой красотѣ. Почему же ты, Навуходоносоръ, узналъ Сына Божія? Посмотри, какъ варваръ пророчествуетъ по одному виду. И *пріиде и рече* къ нимъ: *Седрахъ, Мисахъ, Авденаго, раби Бога вышняго, изыдите и пріидите*. Замѣть: онъ не приказалъ погасить печь, но сказалъ, чтобы они вышли. Видишь великое и дивное чудо. Онъ назвалъ ихъ тѣмъ названіемъ, которымъ надѣялся особенно угодить имъ. Нѣтъ ничего равнаго этому благородному званію. Въ самомъ дѣлѣ, послушай, что говоритъ самъ Богъ: *Моисей рабъ мой скончася* (Іис. Нав. I, 2). И *Исааку*, говорится, *рабу твоему* (Быт. XXIV, 14). Такимъ названіемъ восхищаются ангелы, и херувимы, и серафимы. Послѣ того отроки не медлили, какъ сдѣлалъ бы тщеславный человѣкъ, но тотчасъ послушались; и сошлись всѣ видѣть чудо.

ГЛАВА IV.

Азъ Навуходоносоръ обилуяй бѣхъ въ дому моемъ, и благоцвѣт-
321 *тый на престолѣ моемъ*, и тученъ въ народѣ моемъ (ст. 1) [1]. Почему пророкъ написалъ такъ, а не сказалъ: *Навуходоносоръ обилуяй бѣ*, — написалъ какъ бы отъ его лица? Мнѣ кажется, что это — слова самого Навуходоносора. Когда онъ исправился отъ прежняго заблужденія, то, можетъ быть, обнародовалъ такое посланіе. А Даніилъ приводитъ самый указъ, чтобы быть достовѣрнымъ. Здѣсь говоритъ роду человѣческому самъ испытавшій это. И посмотри, какое наставленіе дается здѣсь гордымъ. То, что онъ потерпѣлъ, — отъ гордости, и самъ и въ началѣ и въ концѣ указываетъ, что причиною всего была гордость. Въ концѣ онъ говоритъ: *и вся ходящыя въ гордости можетъ смирити* (ст. 34), а въ приступѣ, въ самомъ началѣ, показываетъ причину гордости: тамъ объясняетъ, что за это онъ былъ униженъ, а здѣсь говоритъ, отчего это произошло, — именно оттого, что онъ наслаждался великимъ благоденствіемъ; такъ и Давидъ говоритъ: *сего ради удержа я гордыня* (Пс. LXXII, 6). Такъ точно и здѣсь причиною этого является полное благоденствіе. Въ началѣ онъ говоритъ: *обилуяй бѣхъ въ дому моемъ, и благоцвѣтный на престолѣ моемъ, и тученъ въ народѣ моемъ*. Невозможно, чтобы соединились вмѣстѣ всѣ блага. Случается быть счастливымъ по должности и несчастливымъ въ своемъ домѣ, какъ было съ Иродомъ, или съ Давидомъ; случается быть несчастливымъ въ дѣлахъ общественныхъ, но не терпѣть ничего непріятнаго въ домѣ; случается пользоваться миромъ въ городѣ, но испытывать тревоги по должности. А этотъ человѣкъ благоденствовалъ во всѣхъ отношеніяхъ; ничто не огорчало его. Видишь ли, какое зло—безмятежность? Какъ для укрѣпленія тѣла, когда нѣтъ обязательныхъ трудовъ и занятій, мы занимаемся особыми упражненіями, такъ обыкновенно дѣлаетъ и Богъ, чтобы укротить излишнюю силу. *Сонъ видѣхъ, и устраши мя, и смятохся на ложи моемъ, и видѣнія главы моея смятоша мя. И мною положися повелѣніе, привести предъ мя вся мужи мудрыя Вавилонскія, да сказаніе сна возвѣстятъ мнѣ* (ст. 2, 3). Посмотри, какъ Богъ хочетъ смирить его не самымъ дѣломъ, но предсказаніемъ будущаго событія, и какъ страшенъ былъ сонъ. Почему же и теперь не отступилъ отъ него духъ его и онъ не забылъ сна, какъ прежде? Потому что Даніилъ уже прежде представилъ достаточное доказательство (своей мудрости), именно

[1]) Послѣднихъ словъ нѣтъ въ Славянской Библіи.

при объясненіи прежняго сновидѣнія, и не было никакой нужды прибѣгать ко вторичному испытанію. Богъ совершаетъ все ради нужды, а не изъ тщеславія. Съ другой стороны это дѣлается и для обличенія волхвовъ, чтобы они опять не сказали: царь *да повѣсть сонъ, и сказаніе его возвѣстимъ* (Дан. II, 7); они уличаются 214
въ томъ, что не могутъ сдѣлать ни того ни другого. Они не могли опять сказать: *слово, его же вопрошаетъ царь, тяжко и нѣсть* человѣкъ, *иже* возможетъ возвѣстити его [1]), *но точію бози, ихже нѣсть житіе со всякою плотію* (Дан. II, 11). Этимъ царь убѣждался, что и прежде Даніилъ говорилъ не по человѣческой мудрости; убѣждался, что и въ прежнія времена волхвы не говорили ничего здраваго, какъ самъ онъ сознался, но только некому было обличать ихъ. А когда явилось для нихъ обличеніе изъ Іудеи въ лицѣ Даніила, то они уже не смѣютъ и притворяться. Такимъ образомъ они опять приглашаются по внушенію (Божію). Достойно удивленія, почему царь, испытавъ силу Даніила въ такихъ дѣлахъ, не призвалъ его прежде всѣхъ? Самъ Богъ устроилъ такъ, чтобы побѣда Даніила произошла послѣ ихъ пораженія. *Устраши мя*, говоритъ царь; однако и при этомъ не сдѣлался лучшимъ, но захотѣлъ испытать на самомъ дѣлѣ. Такъ всегда Богъ невиновенъ. *И вхождаху обаятели, волсви, Газарини, Халдеи, и сонъ азъ рѣхъ предъ ними: и сказанія его не возвѣстиша ми, дондеже* другій *внидe предъ мя Даніилъ, ему же имя Валтасаръ, по имени Бога моего, иже Духа Божія имать въ себѣ, и сонъ предъ нимъ рѣхъ* (ст. 4, 5). *Дондеже*, говоритъ, *другій внидe предъ мя.* Говоритъ, какъ забывшій Даніила. Дѣйствительно, уже много лѣтъ прошло (послѣ перваго сна), а онъ скоро забывалъ, какъ имѣвшій столько заботъ и жившій въ такой роскоши. Названіе: *другій* показываетъ, что царь почти совсѣмъ забылъ его. *По имени*, говоритъ, *Бога моего.* Не хочетъ ли онъ этимъ сказать: я такъ почтилъ его, что именемъ бога назвалъ его? У нихъ былъ обычай называть дѣтей своихъ именами боговъ, потому что и людей они иногда признавали богами. Такъ и у насъ есть имена Вилъ и Велій [2]). Когда бѣсы увидѣли, что такимъ образомъ людямъ воздается почитаніе и приписывается названіе боговъ, то и сами стали содѣйствовать этому. Почему онъ говоритъ: *Даніилъ, ему же имя Валтасаръ?* Потому что Даніилъ имѣлъ силу Божію. Это имя было у нихъ величайшею честію. И Даніилъ позволялъ имъ называть его этимъ именемъ; но самъ

[1]) Сл. Б.: *и нѣсть другаго, иже возвѣститъ е предъ царемъ.*

[2]) По гречески: οὕτως ὁ ὄβελος, οὕτω καὶ ὁ βήλαιος ἐκλήθη τις παρ' ἡμῖν; издатели предлагаютъ чтеніе ὁ Βῆλος и ὁ Βελίας.

нигдѣ, упоминая о себѣ, не называетъ себя Валтасаромъ, но говоритъ: *азъ Даніилъ*. Какой чести удостоился сынъ царя, такой же и онъ, потому что и до испытанія онъ казался удивительнымъ по самому виду своему. Не собственною силою, говорится, онъ изрекалъ, но *Духа Божія святаго имать въ себѣ*; здѣсь говорится не о томъ Духѣ, котораго мы называемъ Утѣшителемъ, но о *вдохновеніи*; онъ былъ боговдохновеннымъ. *Валтасаре, княже*
215 *обаятелей*. Онъ былъ, говоритъ, первымъ изъ нихъ. Смотри, сколько знаковъ его превосходства предъ другими. *Валтасаре, княже обаятелей, егоже азъ разумѣхъ, яко Духъ Божій святый* въ тебѣ (ст. 6). Лучшій изъ всѣхъ, кого я знаю. Царь сказалъ это, чтобы опять не поставить его въ необходимость отвѣтить: *и азъ не премудростію сущею во мнѣ* (Дан. II, 30); царь своими словами надѣялся особенно расположить его къ себѣ, и потому сказалъ это прежде всего другого. Если я назвалъ тебя княземъ обаятелей, то не подумай, что я сказалъ это во свидѣтельство того, будто ты говоришь отъ человѣческой мудрости; ты *князь обаятелей*, но я знаю, что ты говоришь все, движимый силою божественною; это я узналъ по опыту. *И всякая тайна*, говоритъ, *не изнемогаетъ предъ тобою*. Таковы дѣла божественныя; человѣческія дѣла несовершенны, а Божіи не таковы. *Слыши видѣніе сна моего, еже видѣхъ, и сказаніе его повѣждь мнѣ, и видѣніе главы моея на ложи моемъ*. Что же говоритъ онъ? *Зрѣхъ, и се древо средѣ земли, и высота его велика. И возвеличися древо то, и укрѣпися, и высота его досязаше до небесе, и величина его до конецъ земли всея, листвіе его прекрасное, и плодъ его многъ, и пища всѣхъ въ немъ, и подъ нимъ вселяхуся звѣріе дивіи, и въ вѣтвехъ его живяху птицы небесныя, и отъ него питашеся всяка плоть* (ст. 6—9). Что значитъ это видѣніе? Имъ опять изображается непостоянство дѣлъ человѣческихъ. Птицы, говоритъ, и звѣри наслаждались тѣнію его, и обитали въ немъ, и пища была имъ отъ него. Говорится о власти его, простиравшейся на всю вселенную. Итакъ, прежде подъ видомъ кумира, а теперь подъ видомъ дерева открываются ему событія. Почему Богъ не послалъ Даніила возвѣстить это? Потому что, когда событія представляются наглядно, то рѣчь о нихъ является болѣе достовѣрною и страшною, чтобы доказать, что Возращающій растенія возвеличиваетъ и царство сокровенно и безъ нашего вѣдома. *Видѣхъ во снѣ нощію на ложи моемъ, и се Иръ* [1]) *и Святый отъ небесе сниде, и возгласи крѣпцѣ, и тако рече: посѣцыте древо, обійте вѣтви его, и отрясите листвіе его, и разсыплите плодъ его, да позыблются звѣріе подъ нимъ, и*

[1]) Сл. Б.: *бодрый*; греч. εἴρ—еврейское слово, оставленное безъ перевода.

птицы съ вѣтвей его. Точію отрасль коренія его въ земли оставите, и во узѣ желѣзнѣ и мѣднѣ, и въ злацѣ внѣшнѣмъ, и въ росѣ небеснѣй вселится, и со звѣрьми часть его въ травѣ земной. Сердце его 216
отъ человѣкъ измѣнится, и сердце звѣрино дастся ему и седмь временъ измѣнятся надъ нимъ. Изреченіемъ Ира слово, и глаголъ святыхъ прошеніе, да увѣдятъ живущіи, яко Господь есть *Вышній* царства [1]), *и емуже восхощетъ, дастъ е, и уничтоженное человѣковъ возставитъ надъ нимъ* (ст. 10—14). Посмотри: Иромъ онъ называетъ великій свѣтъ и сіяніе. *И святый отъ небесе сниде, и возгласи крѣпцѣ*, такъ что устрашилъ его. *И тако рече: посѣцыте древо: точію отрасль коренія его въ земли оставите.* Но такъ какъ эта отрасль легко повреждается, то *оставите*, говоритъ онъ, какъ бы *во узѣ желѣзнѣ и мѣднѣ. И седмь временъ*, говоритъ, *надъ нимъ измѣнятся, и со звѣрьми жизнь его.* А что это относилось къ человѣку, видно изъ послѣдующаго. *И сердце*, говоритъ, *звѣрино дастся ему. Изреченіемъ Ира слово*, т. е., само по себѣ слово не можетъ быть яснымъ, но имѣетъ нужду въ толкователѣ. *И глаголъ*, говоритъ, *святыхъ прошеніе*, т. е., и святые будутъ въ состояніи сказать такъ. Или это онъ разумѣетъ, или то, что они будутъ въ состояніи предложить вопросъ и показать причину, по которой это происходитъ и которая открылась изъ отвѣта. *Да увѣдятъ*, говоритъ, *живущіи, яко* Господь есть *Вышній* царства *человѣческаго.* Вотъ причина. Видишь ли, какъ Богъ промышляетъ о людяхъ, какъ власть Его не ограничивалась іудеями? *Сей сонъ видѣхъ азъ Навуходоносоръ царь: ты же, Валтасаре, сказаніе повѣждь, яко вси мудріи царства моего не могутъ сказанія его повѣдати мнѣ: ты же можеши, яко Духъ Божій святъ въ тебѣ* (ст. 15). *Яко вси мудріи царства моего не могутъ.* Онъ зналъ, что Даніилу будетъ пріятно, когда всѣ признаютъ себя побѣжденными не для его славы, но чтобы опять открылась сила Божія. *Ты же можеши*, говоритъ, *скажи.* Почему можешь? *Яко Духъ Божій въ тебѣ.* Посмотри: этимъ онъ началъ рѣчь, этимъ и кончилъ. *Древо, еже видѣлъ еси, возвеличившееся и укрѣпившееся, его же высота досязаше до небесе, и величина его на всю землю, и листвіе его благоцвѣтное, и плодъ его многъ, и пища всѣмъ въ немъ.*
Подъ нимъ живяху звѣріе дивіи, и въ вѣтвехъ его гнѣздяхуся 217
птицы небесныя, ты еси, царю, яко возвеличился еси и укрѣпѣлъ, и величество твое возвеличися, и досяже небесе, и власть твоя до конецъ земли. И яко видѣ царь Ира и Святаго, сходяща съ небесе, и рече: посѣцыте древо и разсыплите е, точію прониченіе коренія его въ земли оставите, и во узѣ желѣзнѣ и мѣдянѣ, и во

---

[1]) Сл. В.: *яко владѣетъ Вышній царствомъ человѣческимъ.*

злакъ внѣшнѣмъ, и въ росѣ небеснѣй водворится, и со звѣрми дивіими часть его, дондеже седмь временъ премѣнятся надъ нимъ. Сіе сказаніе его, царю, и изреченіе Вышняго есть, еже присп҄ѣ на господина моего царя: и *изженутъ тя отъ человѣкъ, и со (дивіими) звѣрми будетъ житіе твое, и травою, аки вола, напитаютъ тя, и отъ росы небесныя тѣло твое оросится, и седмь временъ измѣнятся надъ тобою, дондеже увѣси, яко владѣетъ Вышній царствомъ человѣческимъ, и емуже восхощетъ, дастъ е. А еже рече: оставите прозябеніе коренія древа, царство твое тебѣ будетъ, отнележе увѣси власть небесную* (ст. 17—23). Что же далѣе говоритъ онъ? Каковъ будетъ конецъ бѣдствія? *Сего ради, царю, совѣтъ мой да будетъ тебѣ угоденъ, и грѣхи твоя милостынями искупи, и неправды твоя щедротами убогихъ. Негли будетъ долготерпѣніе грѣхомъ твоимъ* (ст. 24). Для чего ты говоришь: *негли будетъ*, и силу врачества подвергаешь нѣкоторому сомнѣнію? Не потому я сказалъ: *негли*, что сомнѣваюсь,—нѣтъ, я желаю внушить ему страхъ и показать, что онъ согрѣшилъ выше всякаго врачества и всякаго прощенія. Если и послѣ такихъ словъ онъ не освободился отъ безумія, то тѣмъ больше, если бы не было высказано сомнѣнія. Ту же цѣль имѣетъ въ виду Богъ и въ другихъ мѣстахъ, когда напр. говоритъ чрезъ пророка: *аще умыешися нитромъ, порочен҄ъ еси предо Мною, рече Господь* (Іер. II, 22); и еще: *аще премѣнитъ Евіоплянинъ кожу свою, и рысь пестроты своя* (Іер. XIII, 23). Какъ тамъ онъ не допускаетъ отвергнуть покаянія не для того, чтобы болѣе устрашить, такъ и здѣсь Онъ сказалъ: *негли*, желая показать бездну грѣховъ. А почему не сказалъ: смирись, признай Бога? Если царь за это страдаетъ, какъ и самъ онъ говоритъ то для чего ты совѣтуешь другое? Онъ сказалъ: *да увѣдятъ, яко владѣетъ Вышній царствомъ человѣческимъ*. Чтоже, я наказываюсь для того, чтобы другіе вразумились? Нѣтъ, не желая открывать
218 ясно во снѣ, Богъ сказалъ: *да увѣдятъ живущіи*; а Даніилъ говоритъ: *дондеже увѣси, яко владѣетъ Вышній царствомъ человѣческимъ, и емуже восхощетъ, дастъ е*. Видишь ли, какъ здѣсь гововорится о смиренномудріи? Во снѣ, говоритъ, предложено такое врачество, а я укажу и другое. Такъ бываетъ, напримѣръ, когда гнѣвается начальникъ, самъ онъ ничего не говоритъ, а кто-нибудь изъ его приближенныхъ, подошедши къ виноватому, говоритъ: сдѣлай то и то, дай денегъ, и не разъ, и мы можемъ избавить тебя отъ угрожающихъ бѣдствій. *Еще слову сущу во устѣхъ царя, гласъ съ небесе бысть: тебѣ глаголется, Навуходоносоре царю: царство твое прейде отъ тебе, и отъ человѣкъ отженутъ тя, и со звѣрми дивіими житіе твое, и травою аки вола напитаютъ тя, и седмь временъ измѣнятся на тебѣ, дондеже увѣси, яко владѣетъ*

Вышній царствомъ человѣческимъ, и ему же восхощетъ, дастъ е. Въ той часъ слово скончася на Навуходоносорѣ, и отъ человѣкъ отгнася, и траву аки волъ ядяше, и отъ росы небесныя тѣло его оросися, дондеже власы ему яко льву возрастоша, и ногти ему аки птицамъ (ст. 28—30). Вотъ опредѣленіе свыше постигшее самого Навуходоносора. И все до конца исполнилось. Ты не цѣнилъ, говоритъ, человѣческаго благородства, поэтому палъ до низости звѣрей. Ничто не могло быть постыднѣе этого, ни то, если бы Богъ сдѣлалъ его бѣднымъ, или узникомъ, или кѣмъ-нибудь другимъ подобнымъ. Впрочемъ, Онъ не лишилъ его естественнаго благородства, не сдѣлалъ тѣла его звѣринымъ, но то, чѣмъ отличается человѣкъ отъ безсловесныхъ, Онъ довелъ до звѣрскаго состоянія. И сдѣлалъ это такъ, что и другіе могли узнать это по его пищѣ, по виду. Чему же мы научаемся изъ этого? Тому, что, хотя бы съ нами и не случилось ничего подобнаго, мы бываемъ нисколько не лучше безсловесныхъ, если впадаемъ въ гордость, или въ другую звѣрскую страсть. Многіе и нынѣ, подобно Навуходоносору, имѣютъ душу звѣря. Послушай Іоанна, который говоритъ: *змія, порожденія ехидновы* (Мѳ. XXIII, 33); и пророкъ говоритъ: *кони женонеистовни сотворишася, кійждо къ женѣ искренняго своего ржаше* (Іер. V, 8); другой говоритъ: *пси нѣміи не возмогутъ лаяти* (Ис. LV, 10); иной называетъ людей *лисицами* (Іезек. XIII, 4), иной — *аспидами и василисками* (Пс. XC, 13). Но гораздо хуже дойти до звѣрства въ обычной жизни, нежели испытать случившееся съ Навуходоносоромъ. 219
Въ немъ душа нисколько не пострадала; а мы, накопляя такъ много грѣховъ, сдѣлались гораздо худшими, какъ уже сказано. Мудрецы языческіе, говорятъ, превращали людей въ звѣрей. Но то—басня, а это—истина. Для чего они превращали ихъ? Безъ всякой цѣли; а Писаніе высказываетъ и причину: *да увѣдятъ вси, яко владѣетъ Вышній царствомъ человѣческимъ*. Видишь ли, какъ все возможно для Бога,—и изъ людей сдѣлать звѣрей, и измѣнить разумъ? Представь же, какъ поразительно было видѣть человѣка, жившаго прежде въ такомъ блескѣ, обитающимъ вмѣстѣ съ звѣрями, нагимъ. Онъ не перемѣнилъ своего вида; иначе здѣсь не было бы ничего страшнаго. Получить *сердце звѣря* не то значитъ, будто онъ лишился разума, но то, что, имѣя человѣческую душу, онъ чувствовалъ свое положеніе. Если бы онъ превратился въ звѣря, то не сознавалъ бы случившагося. Что же значитъ: *сердце звѣрино дано бысть ему?* Т. е. онъ одичалъ и не хотѣлъ быть вмѣстѣ съ людьми, или боялся быть съ людьми, или боялся людей, какъ звѣрей. Что было выше его, и что теперь ниже его? *И отъ человѣкъ отгнася*. Мо-

гущество нисколько не защитило его. Онъ не сдѣлался плотояд-
нымъ звѣремъ, но ѣлъ траву, и былъ подобенъ безсловесному
животному. *Да уѣси*, говоритъ: ты будешь употреблять траву,
какъ привычную пищу. Какъ звѣри не съѣли его? Какъ тѣло
его могло переносить такую пищу? Какъ онъ не погибъ? А
времени прошло не мало. Онъ ходилъ, представляя всѣмъ
образецъ униженія, нося на себѣ знаки наказанія, какъ заклей-
менный. Можетъ быть скажутъ, что ему лучше было бы терпѣть
это, оставаясь съ людьми; но это не было позволено для усиле-
нія его наказанія; а вразумленіе все-таки получалось, такъ
какъ всѣ разсказывали о случившемся съ нимъ, и, можетъ
быть, сами видѣли его внѣ (города); видѣть же это было гораздо
ужаснѣе. Притомъ времени прошло не мало, но цѣлая седьмица.
Седмь временъ, говоритъ, *измѣнятся*, три года съ половиною. *И
по скончаніи тѣхъ дней азъ Навуходоносоръ очи свои на небо воз-
двигъ, и умъ мой ко мнѣ возвратися, и Вышняго благословихъ, и
живущаго во вѣки похвалихъ, и прославихъ, яко власть Его власть
вѣчна, и царство Его въ роды и роды, и вси живущіи на земли ни
во что же вмѣнишася: и по воли своей творитъ въ силѣ небесней,*
220 *и въ селеніи земнѣмъ: и нѣсть, иже воспротивится руцѣ Его, и
речетъ Ему: что сотворилъ еси* (ст. 31, 32)? *Очи мои*, говоритъ,
на небо воздвигъ, т. е. онъ обратился къ Богу и молился Ему, и
у Него просилъ помощи. Хотя время вполнѣ прошло, но онъ
не полагался на это. Какъ самъ онъ былъ властенъ не допу-
стить исполненіе событія, такъ и теперь, если бы по истеченіи
опредѣленнаго времени онъ остался неисправимымъ, это опре-
дѣленіе не принесло бы ему никакой пользы, потому что опре-
дѣленіе Божіе исполняется не по необходимости, но примѣни-
тельно къ нашему состоянію. Такъ и Даніилъ, хотя время уже
исполнилось, не напрасно молится, чтобы съ продолженіемъ
нечестія и оно не продолжилось (Дан. IX, 4). Какъ бываетъ это
при помилованіи, напримѣръ Езекіи (4 Цар. гл. XX), такъ и при
наказаніи, напримѣръ іудеевъ: Богъ хотѣлъ скоро ввести ихъ въ
Палестину, а они своимъ нечестіемъ прибавили себѣ сорокъ
лѣтъ. Посмотри, какъ царь прибѣгаетъ къ Богу. Я возэрѣлъ,
говоритъ онъ, на небо, и сталъ опять человѣкомъ. *И зракъ мой
возвратися ко мнѣ*. Какъ человѣческій видъ его измѣнился, но
не превратился въ звѣриный, такъ и умъ. Что же далѣе? *По-
хвалихъ и прославихъ*. Въ какихъ выраженіяхъ? *Вышняго*, гово-
ритъ, *благословихъ, и живущаго во вѣки похвалихъ, и прославихъ*.
Ни что такъ не считается достойнымъ Бога, какъ постоянное
бытіе. *Яко власть Его*, говоритъ, *власть вѣчна, и царство Его въ
роды и роды*. Этимъ особенно человѣкъ отличается отъ Него, и

это считалось у людей высшимъ блаженствомъ. *Яко власть Его, власть вѣчна*, существуетъ во всякое время. Безъ пищи, говоритъ, Онъ питалъ меня; безъ одежды и безъ всего прочаго не погибло мое тѣло. Представь, какимъ онъ сталъ, возвратившись изъ пустыни на царство. *Въ то время*, говоритъ, *умъ мой возвратися и въ честь царства моего пріидохъ, и зракъ мой возвратися ко мнѣ, и начальницы мои, и вельможи мои искаху мене, и въ царствѣ моемъ утвердихся, и величество изобилнѣе приложися мнѣ* (ст. 33). *И искаху мене*, говоритъ, *вельможи мои*, прогнавшіе властителя и царя,—впрочемъ по распоряженію Божію. Для того и опредѣляется время, чтобы ты не подумалъ, будто что-нибудь происходитъ случайно. *И царство Его въ роды и роды, и вси живущіи на земли ни во что же вмѣнишася*. Если я, владычествующій надъ всѣми, вмѣненъ былъ ни во что, то тѣмъ болѣе всѣ прочіе. Тотъ, Кто лишилъ царства столь сильнаго мужа, тѣмъ болѣе (лишитъ всего) подвластныхъ. *И по воли своей творитъ въ силѣ небеснѣй и въ селеніи земнѣмъ*. Выраженіе: *ни во что же вмѣнишася* означаетъ не то, Богъ презираетъ ихъ,—совсѣмъ нѣтъ, оно значитъ то, что Онъ силенъ и какъ хочетъ, такъ и распоряжается ими. Тоже выражаютъ и слѣдующія слова: *и по воли своей творитъ въ силѣ небеснѣй и въ селеніи земнѣмъ*. Пусть такъ; о землѣ ты знаешь, а о небѣ откуда узналъ? Изъ сновидѣнія. Онъ повелѣлъ, и они повиновались. Изъ огня пещи. *И нѣсть, иже воспротивится руцѣ Его, и речетъ Ему: что сотворилъ еси?* Не только, говоритъ, не воспротивится, но даже не скажетъ ни слова. Онъ властвуетъ надъ всѣми; Онъ самъ—все. *Въ то время*, говоритъ, *умъ мой возвратися ко мнѣ. Въ то время*,—въ какое? Въ опредѣленное Богомъ. Почему они возвратили его на царство? Они низвергли его—столь сильнаго, какъ же они опять возвели его, сдѣлавшагося слабымъ? *И въ честь царства моего пріидохъ, и зракъ мой возвратися ко мнѣ, и начальницы мои и вельможи мои искаху мене, и въ царствѣ моемъ утвердихся, и величество изобилнѣе приложися мнѣ*. Видишь ли, какъ Богъ можетъ и утвердить и разрушить царство? Въ этомъ слѣдовало бы убѣдиться и изъ прежнихъ опытовъ, но такъ какъ онъ не убѣдился, то Богъ разрушилъ его царство, и опять возстановилъ. *Нынѣ убо азъ Навуходоносоръ хвалю, и превозношу, и славлю Царя небеснаго: яко вся дѣла Его истинна, и путіе Его судьбы, и вся ходящыя въ гордости можетъ смирити* (ст. 34). Нельзя сказать, что Онъ имѣетъ силу, но несправедливую; нѣтъ, и правда его велика. *И вся ходящыя въ гордости можетъ смирити*. Не сказалъ: *смиряетъ*, чтобы показать тебѣ долготерпѣніе Его, и чтобы ты зналъ, что не по слабости Онъ 221

поступаетъ такъ, но чрезъ одного вразумляетъ и другихъ. Видишь ли силу Его? Видишь ли правду? Видишь ли человѣколюбіе? Видишь ли, какъ произносятъ это уста варвара? Кто говорилъ такъ мудро? Воспитанные пророками не говорили ничего подобнаго; напротивъ, они говорили: *не иматъ блага сотворити Господь, ниже иматъ озлобити* (Соф. I, 12); и еще: *не крѣ-*
222 *постію ли нашею имамы роги* (Амос. VI, 13). И еще: *всякъ творяй зло добръ предъ Господемъ, и въ нихъ самъ благоволи* (Малах. II, 17); и еще: *что* пользы [1]), *яко работахомъ Ему* (Мал. III, 14)? Видишь ли въ Палестинѣ сатанинское ученіе? Видишь ли въ землѣ варварской пророческую мудрость? Это — прообразы благодати, которую имѣли получить язычники, прообразы того, что послѣдніе имѣли предварить первыхъ. Далѣе повѣствуется, какъ Валтасаръ, опьянѣвъ во время пиршества, повелѣваетъ принести сосуды (храма), какъ бы хвалясь побѣдою отца, или—вѣрнѣе—безумствуя отъ опьянѣнія; а можетъ быть и потому, что іудеи были зрителями происходившаго, чтобы искоренить въ нихъ благоговѣніе, какое они имѣли къ Богу. Это происходило отъ гордости и пьянства. Будемъ же остерегаться пьянства, возлюбленные. Отъ него происходитъ много безразсуднаго. Пьянство властвуетъ и надъ великими людьми; вѣдь Валтасаръ повелѣлъ это, напившись вина. Отецъ его, вывезши сосуды, пощадилъ ихъ, и, взявши городъ, не дерзнулъ употребить ихъ на человѣческое служеніе; а этотъ не только самъ употреблялъ, но отдалъ ихъ для употребленія и вельможамъ своимъ и наложницамъ и возлежавшимъ вмѣстѣ съ нимъ.

ГЛАВА V.

Валтасаръ царь сотвори вечерю велію вельможамъ своимъ тысящи мужемъ, предъ тысящею же вино, и піяй Валтасаръ царь *рече при вкушеніи вина, еже принести сосуды златы и сребряны, яже изнесе Навуходоносоръ отецъ его изъ храма, иже во Іерусалимѣ, и да піютъ въ нихъ царь и велможи его, и наложницы, и возлежащыя* (*окрестъ*) *его. И принесоша сосуды златыя и сребряныя, яже изнесе Навуходоносоръ изъ храма Бога, иже во Іерусалимѣ. И піяху ими царь, и велможи его, и наложницы его, и возлежащыя*

---

[1]) Сл. Б.: *болѣе.*

(*окрестъ*) *его. И піяху вино, и похвалиша боги златыя, и сребряныя, и мѣдяныя, и желѣзныя, и древяныя, и каменныя* (ст. 1—4). Видишь, что сосуды были взяты. Но посмотри на ихъ силу и послѣ того, какъ они были взяты и положены въ идольскомъ храмѣ. Царь поступаетъ съ ними по своему произволу. Почему это? Они взяты были за грѣхи (іудеевъ), которые были наказаны Чѣмъ же все кончилось послѣ знаменія? Почему не потерпѣли ничего вельможи, но одинъ царь? Потому, что онъ приказалъ, онъ былъ виновникомъ. *Похвалиша*, говоритъ, *боги златыя и* 223
сребряныя. Почему у нихъ было такое различіе боговъ? Діаволъ, желая лишить ихъ всякаго оправданія, часто внушалъ имъ дѣлать деревянныхъ боговъ, чтобы имъ не имѣть оправданія даже въ драгоцѣнности вещества. *Похвалиша* ихъ. Посмотри, Богъ никогда не начинаетъ, но дѣйствуетъ послѣ. Для чего судъ послѣдовалъ немедленно и въ тотъ же часъ? Для того, чтобы не уничтожилось то, что было сдѣлано прежними чудесами; оскорбляя Бога, употребленіемъ сосудовъ, царь хотѣлъ оскорбить и людей. И посмотри, что происходитъ. Онъ пожелалъ сосудовъ, и въ тотъ же часъ былъ наказанъ. Для чего не посылается пророкъ съ обличеніемъ, но персты руки? Для того, чтобы обличеніе было болѣе поразительно. *Въ той часъ изыдоша персты руки человѣчи, и писаху противу лампады на повапленіи стѣны дому царева, и царь видяше персты руки пишущія* (ст. 5). Замѣть, что былъ вечеръ. Нужно было укротить надменность, происшедшую отъ опьяненія, нужно было всѣмъ присутствовавшимъ узнать, что царь несетъ наказаніе. Зачѣмъ Богъ не послалъ тотчасъ молніи съ неба? Затѣмъ, чтобы опять прославился и рабъ его, чтобы выслушали отъ него, за что царь терпитъ это. Даніилъ, войдя, не только объясняетъ написанное, но говоритъ длинную рѣчь, и притомъ увѣщательную,—не съ тѣмъ, чтобы принесть пользу царю, но чтобы сдѣлать другихъ лучшими. *Тогда Даніилъ внидe предъ царя. И рече царь Даніилу: ты ли еси Даніилъ, отъ сыновъ плѣнникъ Іудейскихъ, иxже приведе Навуходоносоръ царь отецъ мой* изъ Іудеи (ст. 13)? Говоритъ это, какъ бы желая устрашить и притѣснить Даніила. Но сказавъ: *иже приведе царь отецъ мой отъ плѣнникъ Іудейскихъ*, онъ привелъ эти слова противъ себя самого: значитъ, онъ самъ нуждается въ этихъ плѣнникахъ! *Слышахъ о тебѣ, яко Духъ Божій святъ въ тебѣ, и бодрость, и смыслъ, и премудрость изобилна обрѣтеся въ тебѣ. И нынѣ внидоша предъ мя мудріи, волсви, Газарини, Халдеи, да писаніе сіе прочтутъ, и сказанія его возвѣстятъ ми, и не могоша сказанія словесе сего возвѣстити мнѣ. Азъ же слышахъ о тебѣ, яко можеши сказати* сказанія и разрѣшити свя-

занія [1]). *Нынѣ убо аще возможеши писаніе сіе прочести, и сказаніе его возвѣстити мнѣ, въ багряницу облечешися, и гривна златая на выи твоей будетъ, и третій въ царствѣ моемъ обладати будеши* (ст. 14—16). Онъ признаетъ своихъ мудрецовъ побѣжденными и говоритъ: скажи и получи это. Но посмотри на пророка: предъ отцемъ его онъ смутился духомъ (Дан. IV, 16), а теперь не чувствуетъ никакого смущенія. Что же онъ говоритъ? *Тогда отвѣща Даніилъ, и рече предъ царемъ: даянія твоя съ тобою да будутъ, и даръ дому твоего иному даждь, азъ же писаніе прочту царю, и сказаніе его возвѣщу тебѣ, царю* (ст. 17). Для чего онъ отказывается отъ подарковъ? Для того, чтобы ты зналъ, что онъ гово-
224 ритъ не для нихъ. Онъ говоритъ это безъ гнѣва и потому прибавляетъ: *азъ же писаніе прочту, и сказаніе его возвѣщу царю.* Видишь ли, какъ онъ выше богатства, выше почестей, не нуждается ни въ чемъ царскомъ? Таковыми должны быть возвѣщающіе дѣла Божіи. (Онъ отказывается) и для того, чтобы царь не подумалъ, будто онъ расположилъ его къ себѣ подарками или будто въ сказанномъ есть нѣчто человѣческое. Что же онъ говоритъ? Прежде чѣмъ объяснить написанное, онъ предлагаетъ совѣтъ, напоминая ему о случившемся съ отцемъ его, съ самаго начала. *Богъ Вышній царство и величество и честь и славу даде Навуходоносору отцу твоему, и отъ величества, еже ему даде, вси людіе, племена, языцы бяху трепещуще и бояхуся отъ лица его: и ихже хотяше, той убиваше, и ихже хотяше, біяше, и ихже хотяше, возвышаше, и ихже хотяше, той смиряше. И егда вознесеся сердце его, и утвердися духъ его, еже презорствовати, сведеся отъ престола царства его, и честь его отъяся отъ него, и отъ человѣкъ отгнася, и сердце его со звѣрми отдася, и житіе его съ дивіими ослы, и травою аки вола питаху его, и отъ росы небесныя оросися тѣло его, дондеже уразумѣ, яко владѣетъ Богъ Вышній царствомъ человѣческимъ, и емуже хощетъ, дастъ е* (ст. 18—21). Если онъ, говоритъ, не удостоился прощенія, то, скажи мнѣ, чего достоинъ ты, не исправившійся послѣ такого примѣра? И незнаніемъ ты не можешь оправдаться. Развѣ ты не зналъ всего этого? Кого и кому предпочитаешь ты? Ты предпочитаешь боговъ не слышащихъ и не видящихъ? *И ты убо, сыне его Валтасаре, не смирилъ еси сердца твоего предъ Господемъ. Не вся ли сія вѣдалъ еси? Но на Господа Бога небеснаго вознеслся еси, и сосуды храма его принесоша предъ тебе: ты же и вельможи твои, и наложницы твои, и возлежащыя (окрестъ) тебѣ, вино піясте ими:*

---

[1]) Сл. Б.: *и не могоша возвѣстити мнѣ. Азъ же слышахъ о тебѣ, яко можеши суды сказати.*

и боги златыя, и сребряныя, и мѣдяныя, и желѣзныя, и каменныя, и древяныя, иже ни видятъ, ни слышатъ, ни разумѣютъ, похвалилъ еси, а Бога, у негоже дыханіе твое въ руцѣ Его, и вси пути твои, того не прославилъ еси. Сего ради отъ лица его послани быша персты ручніи, и писаніе сіе вчиниша. Се же есть писаніе вчиненное: Мани, Θекелъ, Фаресъ. Се сказаніе глагола: Мани, измѣри Богъ царство твое, и скончà е. Θекелъ, поставися въ мѣрилѣхъ, и обрѣтеся лишаемо. Фаресъ, раздѣлися царство твое, и дадеся Мидомъ и Персомъ (ст. 22—28). *Сего ради*, говоритъ, *измѣри Богъ царство твое и раздѣлися.* И то, что оно раздѣлилось и не осталось цѣлымъ, сдѣлано въ наказаніе. Такъ было и съ Соломономъ. Не 225
только сынъ Валтасара не получилъ царства, но оно еще и раздѣлилось. Посмотри, какъ Богъ является правымъ предъ нимъ; посмотри, какъ самъ онъ виноватъ. У *Него же*, говоритъ, *дыханіе твое въ руцѣ Его.* Не могъ ли онъ тотчасъ же умертвить тебя? Но онъ долготерпѣливъ. Кого не устрашило бы такое наказаніе, и притомъ столь близкое? Видишь ли, что Богъ властенъ и въ томъ и другомъ? Чѣмъ, скажи мнѣ, ты заслуживаешь прощенія? Ты сынъ, не скажу даже—потомокъ, Навуходоносора,—какъ же ты не зналъ всего этого? Опредѣленіе пишется, какъ въ судилищѣ; а Даніилъ объясняетъ написанное. Какъ пришло царю на мысль почтить Даніила? Мнѣ кажется, онъ желалъ избѣжать осужденія присутствовавшихъ, можетъ быть, онъ надѣялся получить за это избавленіе.

ГЛАВА VI.

И царь постави его надъ всѣмъ царствомъ своимъ. Чиновницы же и князи искаху вины обрѣсти на Даніила отъ царства. *И всякія вины и грѣха не обрѣтоша на него, яко вѣренъ бяше* (ст. 3, 4), т. е. былъ благорасположенъ къ царю. А, можетъ быть, слова: *яко вѣренъ бяше* означаютъ: надѣялся на Бога, Который управляетъ всѣмъ; а когда Богъ управляетъ, то какая же можетъ быть опасность? Что же далѣе? *Рѣша чиновницы тіи: не обрящемъ на Даніила вины, аще не въ законѣхъ Бога его* (ст. 5). Невозможно, говорятъ, ничего найти. Почему? Развѣ онъ не человѣкъ? Развѣ онъ не погрѣшалъ ни въ чемъ? Будущее неизвѣстно; какъ же вы ручаетесь за будущее? Мы узнали объ этомъ, говорятъ, на опытѣ. *Аще не въ законѣхъ Бога его, не обрящемъ вины.* Но тамъ онъ еще болѣе безупреченъ. Богъ попускаетъ искушеніе для испытанія. Не могъ ли Онъ укротить ихъ злобу? Но чтобы научить тебя и вызвать твое удивленіе передъ подви-

гомъ, Онъ не лишаетъ вѣнца рабовъ своихъ. *Тогда чиновницы и князи предсташа царю, и рѣша ему: Даріе царю, во вѣки живи. Совѣщаша вси, иже въ царствѣ твоемъ воеводы и князи, ипаты и обладающіи странами, еже уставити уставъ царскій, и укрѣпити предѣлъ, яко аще кто попроситъ прошенія отъ всякаго бога и человѣка, до дней тридесяти, развѣ точію отъ тебе, царю, да ввержень
226 будетъ въ ровъ левскій. Нынѣ убо, царю, устави предѣлъ, и положи писаніе, яко да не измѣнится заповѣдь Мидска и Перееска, да никто же преступитъ ея. Тогда царь Дарій повелѣ вписати заповѣдь* (ст. 6—9). Посмотри, что они дѣлаютъ, какъ они стараются постановить безразсудный законъ, и усиленно просятъ этого. Разумно ли было сказать: *аще кто попроситъ отъ человѣка?* Оправданіе своей просьбы они стараются найти въ краткости времени. Но что же это за предлогъ? Почему вы просите объ этомъ? *Совѣщаша*, отвѣчаютъ они; всѣ мы, собравшіеся, порѣшили, чтобы въ продолженіе тридцати дней просить только у тебя одного. О, варварская просьба! О, угодливость, исполненная великаго безумія, безславящая того, кому повидимому оказываетъ честь! Вѣдь, если это хорошо, то и всегда такъ слѣдовало бы дѣлать; если же не хорошо, то не должно быть и въ теченіе тридцати дней. И затѣмъ, если это хорошо, то для чего указывать на множество (рѣшавшихъ)? И безъ этого царь долженъ былъ согласиться. А если это не хорошо, то хотя бы повелѣвала вся вселенная, не слѣдовало слушаться. Царь не замѣтилъ коварства, какъ видно изъ послѣдующаго. Онъ постановилъ, а они закрѣпили это постановленіе указомъ, чтобы царь не имѣлъ времени отмѣнить его, хотя бы потомъ и пожелалъ. Что же говоритъ Даніилъ, услышавъ объ этомъ? Онъ не смутился, и ни въ чемъ не измѣнилъ своей жизни. Посмотри, какъ добродѣтельный человѣкъ живетъ всегда ровно, взирая на все, какъ на какіе-нибудь скоропреходящіе цвѣты,—и на радости и на скорби, какъ на тѣни. Если онъ былъ непоколебимъ вначалѣ, то тѣмъ болѣе теперь, когда онъ получилъ побѣдные вѣнцы въ столькихъ подвигахъ. Почему же онъ не пришелъ (къ царю)? Почему не вознегодовалъ, пользуясь такимъ вліяніемъ у царя? Онъ хотѣлъ подѣйствовалъ не словомъ, а дѣломъ. Мы видимъ, что въ другихъ случаяхъ, когда было необходимо, онъ всегда спѣшилъ явиться. *Даніилъ же егда увѣдѣ, яко заповѣдь вчинися, вниде въ домъ свой: дверцы же отверсты ему въ горницѣ его противу Іерусалима: въ три же времена дне бяше преклоняя колѣна своя, моляся и исповѣдаяся предъ Богомъ своимъ, якоже бѣ творяй прежде* (ст. 10). Для чего Писаніе напоминаетъ намъ, что дверцы были отверсты къ Іерусалиму? Іудеи имѣли къ нему сильную любовь, и какъ тотъ, чья возлюбленная отсут-

ствуетъ, любитъ и путь, ведущій къ ней,—такъ точно было и съ Даніиломъ. Другіе любили Іерусалимъ ради чувственныхъ благъ а онъ ради славы Божіей. А что это такъ, видно изъ того, что онъ не хотѣлъ возвратиться въ Іерусалимъ, когда дождался желаннаго времени. Потому и мы, какъ заповѣдали намъ отцы, 227
молимся, взирая на востокъ; мы также стремимся къ древнему городу и отечеству; и оно вполнѣ достойно этого. Зачѣмъ же мы обращаемся къ востоку, если Богъ—вездѣ, и пророкъ говоритъ: *возшедшему на запады, Господь имя Ему* (Пс. LXVII, 5)? Тамъ, на востокѣ, была какъ бы лѣчебница въ древности. Но вѣдь ты не прибѣгалъ къ ней? Поразмысли; вѣдь и мы живемъ въ плѣну,—впрочемъ только до пришествія Христова. Почему же онъ только въ три времени дня преклонялъ колѣна свои? Чтоже? Развѣ и это не удивительно? Онъ былъ человѣкъ, обремененный столькими заботами, и не имѣвшій ни малаго отдыха. Посмотри, какъ исполнялось апостольское изреченіе: *на всякомъ мѣстѣ воздѣюще преподобныя руки* (1 Тим. II, 8). И то, что Христосъ повелѣлъ, они исполняли. *И затворивъ*, говорится, *двери твоя, помолися Отцу твоему* (Мѳ. VI, 6). *Тогда отвѣщаша предъ царемъ, и глаголаша: Даніилъ, иже отъ сыновъ плѣна Іудейска, не покорися заповѣди твоей, и (нерадѣ) о предѣлѣ, егоже вчинилъ еси: въ три бо времена дне проситъ у Бога своего прошеній своихъ. Тогда царь, яко слыша слово сіе, зѣло опечалися о немъ, и о Даніилѣ пряшеся, еже избавити его, и даже до* захожденія солнечнаго пряшеся, *еже избавити его*, и бѣ пряся о немъ. *Тогда мужи оніи* наблюдаша за царемъ и глаголятъ *царю: вѣждь, царю, яко заповѣдь Мидомъ и Персомъ, не лѣть есть премѣнити всякаго предѣла и устава, его же царь уставитъ. Тогда царь рече, и приведоша Даніила и ввергоша его въ ровъ львскъ* (ст. 13 — 16). Можетъ быть, нѣкоторые изъ васъ скажутъ: развѣ царь не могъ избавить его? Конечно, Богъ могъ сдѣлать царя болѣе твердымъ, но Онъ велъ борца на подвигъ. Онъ зналъ конецъ событій. И царь не спорилъ бы, если бы зналъ, чѣмъ все кончится; но онъ не могъ знать. Онъ достоинъ похвалы за усердіе, достоинъ прощенія за стараніе. Такъ любезенъ былъ ему Даніилъ! Но завистники не позволяютъ видѣть хорошее, или—лучше—позволяютъ видѣть, но не такими глазами. Не должно допускать, говорятъ они, чтобы рѣшенія твои были столь нетверды и законы наши столь слабы; весь народъ оскорбляется. Даніила ввергаютъ въ ровъ; налагаютъ камень. *И рече царь Даніилу; Богъ, Емуже ты служиши присно, той избавитъ тя. И принесоша камень единъ, и возложиша на устіе рва, и запечата царь перстнемъ своимъ, и перстнемъ вельможъ своихъ, да не измѣнится дѣяніе о Даніилѣ. И отъиде царь въ домъ*

свой, и ляже безъ вечери и яди не внесоша къ нему, и сонъ отступи отъ него (ст. 16—18). Вспомни о гробѣ Христовомъ, когда іудеи положили на немъ печать. Если бы не было этого, то сказали
228 бы, что дѣло совершилось волшебствомъ. Но все, что ни дѣлается врагами, бываетъ намъ на пользу. Это сдѣлано было для того, чтобы отнять у клеветниковъ всякій предлогъ къ оправданію: и царь налагаетъ печать, чтобы имъ не было возможности сдѣлать что-нибудь или вытащить Даніила и сослаться на львовъ, и они налагаютъ печать, чтобы царю невозможно было избавить его, и чтобы такимъ образомъ рѣшеніе дѣла было безпристрастно. И не ужиналъ царь, говорится, и не спалъ. Посмотри, какъ велика его любовь. Что же случилось? Сначала онъ ободрилъ Даніила, сказавъ: *Богъ, Емуже ты служиши присно*, возможе ли избавити тя (ст. 20). Опять онъ говоритъ то именно, что могло ободрить душу его. Можетъ быть, онъ уже слышалъ объ этомъ. Потомъ онъ приходитъ, произнося славословіе. *Тогда царь зельми возвеселися о немъ, и рече Даніила извести изъ рва: и изведенъ бысть Даніилъ изъ рва, и всякаго тлѣнія не обрѣтеся на немъ, яко вѣрова въ Бога своего. И рече царь, и приведоша мужы, оклеветавшыя Даніила, и въ ровъ левскъ ввергоша я, и сыны ихъ, и жены ихъ: и не доидоша дна рва, даже соодолѣша имъ львы, и вся кости ихъ источиша* (ст. 23, 24). За что истребляются дѣти и жены? Въ чемъ согрѣшили они? Можетъ быть, и они участвовали въ этомъ дѣлѣ. Видишь ли наказаніе нечестивыхъ? Видишь ли награду праведныхъ? Всѣмъ поучайся, всѣмъ назидайся. Видишь, какъ Богъ, если и оставляетъ человѣка, дѣлаетъ это на пользу? Онъ преодолѣлъ огонь, преодолѣлъ звѣрей. Послѣ этого уже не спрашивай, зачѣмъ существуютъ львы, леопарды и прочіе дикіе звѣри. Они, подобно какимъ-нибудь палачамъ, стояли по бокамъ Даніила, какъ бы на нѣкоторомъ божественномъ и страшномъ судилищѣ, и не осмѣлились растерзать ребра праведника, потому что не слышали повелѣнія Судіи. Но когда бросили къ нимъ другихъ, то они, по повелѣнію Божію, истребили ихъ. *И кости ихъ*, говорится, *источиша*. Кто обуздывалъ ихъ уста? Кто повелѣлъ воздержаться отъ предложенной пищи? Какой мудрецъ столь воздерженъ, что мучимый голодомъ и видя предъ собою средство утолить его, не захотѣлъ бы избавиться отъ него? Опять указы, опять божественная проповѣдь, опять доказательства на дѣлѣ.

ГЛАВА VII.

Въ первое лѣто Валтасара царя Халдейска, Даніилъ сонъ видѣ. И видѣнія главы его на ложи его, и сонъ вписа (ст. 1). Начало словесъ его. И отвѣщавъ рече: *азъ Даніилъ видѣхъ въ видѣніи моемъ нощію, и се четыри вѣтри небесніи налегоша на море великое, и четыри звѣри велицыи исхождаху изъ моря, различни между собою. Первый аки львица и крилѣ его аки орли. Зрѣхъ, дондеже исторжена быша крила его, и воздвижеся отъ земли, и на ногу человѣчу ста, и сердце человѣче дадеся ему. И се звѣрь вторый подобенъ медвѣдицѣ, и на странѣ единой ста, и три ребра во устѣхъ его, средѣ зубовъ его. И сице глаголаху ему: востани, яждь плоти многи. Созади сего видѣхъ: и се звѣрь инъ, аки рысь, тому же крила четыри птичія надъ нимъ, и четыри главы звѣрю, и власт дадеся ему. Созади сего видѣхъ* въ видѣніи нощію, *и се звѣрь четвертый, страшенъ и ужасенъ, и крѣпокъ излиха, зубы же его желѣзни и велій, ядый и истончевая, останки же ногами своими попираше, той же различаяся излиха паче всѣхъ звѣрей прежнихъ: и роговъ десять ему. Разсмотряхъ въ розѣхъ его, и се рогъ другій малъ взыде средѣ* его, *и три рози преднія его исторгнушася отъ лица его. И се очи аки очи человѣчи въ розѣ томъ, и уста глаголюща великая* (ст. 2—8). Почему не сказано, что онъ видѣлъ женщинъ? Когда нужно было представить наказаніе и проклятіе, тогда Писаніе употребляло образы женщинъ; а когда — царства, то—звѣрей. Здѣсь предметомъ рѣчи служитъ царство; ему и дается чувственный образъ. И это весьма хорошо. Такъ какъ свойства царствъ особенно ясно проявляются въ звѣряхъ, то они и нужны были для пророка. Онъ хотѣлъ показать роскошь, соединенную съ свирѣпостію, и представилъ львицу; хотѣлъ показать медленность, и представилъ медвѣдицу; хотѣлъ показать быстроту и легкость и уничтоженіе всѣхъ властей посредствомъ войнъ, и представилъ рысь. Посмотри, какъ хорошо, что онъ прежде всего созерцалъ море, т. е. всю вселенную. Она полна такого смятенія и такъ волнуется, какъ будто населена рыбами, а не людьми. Такъ и Христосъ объясняетъ, что настоящая жизнь есть море, когда говоритъ: *подобно есть царствіе небесное неводу, ввержену въ море, и отъ всякаго рода собравшу* (Матѳ, XIII, 47). *И се четыри вѣтри небесніи налегоша на море великое.* Объясняя, что звѣри вышли оттуда, онъ показываетъ быстроту промышленія Божія. Такъ и мы, говоря о быстротѣ, указываемъ на вѣтеръ. Вѣтры устремились, говоритъ, на море, и вышли звѣри изъ моря. И

229

начальники наши имѣютъ нашу же природу. Такъ часто Писаніе называетъ царя львомъ, желая показать царское достоинство, соединенное со звѣрскими нравами. О четырехъ вѣтрахъ сказано потому, что есть вѣтеръ восточный, есть сѣверный, есть и южный; это все равно, что сказать: они возмутили море, взволновали его до неба. *Различни между собою. Первый, аки львица,*—такимъ онъ явился въ сновидѣніи; въ дѣйствительности же это не было. Двумя образами означается царское достоинство. Нѣкоторые же
230 говорятъ, что (вавилонскій царь) одолѣлъ ассирійскаго, и потому употребляются два образа. *Зряхъ, дондеже исторжена быша крила его*, т. е. власть, *и воздвижеся отъ земли и на ногу человѣчу ста, и сердце человѣче дадеся ему.* Свирѣпое животное! Съ обѣихъ сторонъ оно имѣло органы для быстраго движенія: сверху—крылья, снизу—ноги; но то и другое было отнято: крылья были сокрушены и не были болѣе видны, а ноги обратились въ слабыя человѣческія. *И сердце человѣче дадеся ему.* Велика была надменность этого животнаго; но теперь, говоритъ, этотъ царь сдѣлался смиреннымъ, кроткимъ, ручнымъ. *И се звѣрь вторый подобенъ медвѣдицѣ и на странѣ единой ста, и три ребра во устѣхъ его, средѣ зубовъ его. И сице глаголаху ему: востани, яждь плоти многи.* Медленностью отличалось царство персидское. Подъ владычествомъ мидянъ и персовъ *три ребра*, т. е. страны или царства, которыя они соединили. *И глаголаху ему: востани, яждь плоти многи*, такъ какъ они взяли и Вавилонъ и причинили много бѣдствій. *Созади сего видѣхъ, и се звѣрь инъ, аки рысь: тому же крила четыри птичія надъ нимъ, и четыри главы звѣрю, и власть дадеся ему*, Потомъ, говоритъ, *рысь*, т. е. Александръ, царь македонскій, пробѣжавшій всю вселенную, такъ какъ не было никого стремительнѣе и быстрѣе его; онъ былъ силенъ и быстръ, какъ этотъ звѣрь. *Четыри*, говоритъ, *крила птичія надъ нимъ*, т. е. онъ захватилъ себѣ всю власть, такъ такъ, раздѣливъ персовъ на тринадцать областей, онъ подчинилъ себѣ всѣхъ. Видишь ли его быстроту? Она изображается и свойствами звѣря и крыльями. Онъ прошелъ всю вселенную. *И четыри главы звѣрю, и царство и власть дадеся ему.* Далѣе пророкъ говоритъ о явленіи звѣря съ разнообразными и разнородными свойствами, которому не можетъ дать образа: такъ измѣнчивъ былъ этотъ звѣрь. Онъ побѣдилъ всѣ тѣ царства. У прочихъ сила была въ быстротѣ, а у этого — въ зубахъ, потому что они были желѣзные. *Останки же ногами своими попираше.* Здѣсь говорится о множествѣ войнъ. Какіе же десять царей? Что значитъ малый рогъ? Я утверждаю, что это антихристъ является между нѣсколькими царями. *И се очи аки очи человѣчи въ розѣ томъ, и уста глаголюща великая.* Въ

самомъ дѣлѣ, что можетъ быть высокомѣрнѣе устъ того, кто превозносится *паче всякаго глаголемаго бога или чтилища, якоже ему сѣсти въ Церкви Божіей* (2 Сол. II, 4)? Не удивляйся, что у него *очи человѣчи*; вѣдь о немъ говорится и то, что онъ—*человѣкъ* (2 Сол. II, 3). Почему же онъ малъ, и не является великимъ съ самаго начала? Однако послѣ онъ выростетъ и побѣдитъ нѣсколько царей. Чтоже? За нимъ уже не слѣдуетъ другое царство, но самъ Богъ истребляетъ его. *Зряхъ, дондеже престоли поставишася, и Ветхій денми сѣде, и одежда Его бѣла аки снѣгъ, и власы главы Его аки волна чиста, престолъ Его пламень огненный, колеса Его огнь палящъ. Рѣка огненная течаше исходящи предъ Нимъ: тысяща тысящъ служаху Ему, и тмы* 231
темъ предстояху предъ Нимъ: *судище сѣде, и книги отверзошася* (ст. 9, 10). Усилимъ вниманіе, возлюбленные, потому что идетъ рѣчь не о маловажныхъ предметахъ. *Престоли*, говоритъ, *поставишася, и Ветхій денми сѣде.* Кто Онъ? Какъ, слыша о медвѣдицѣ, ты разумѣлъ не медвѣдицу, и слыша о львицѣ, разумѣлъ не ее, а царства, и слыша о морѣ, разумѣлъ не море, а вселенную, и прочее,—такъ и теперь. Кто этотъ *Ветхій денми?* Онъ былъ подобенъ нѣкоему старцу. Богъ принимаетъ на Себя образы по требованію обстоятельствъ, по которымъ является, и (здѣсь) показываетъ, что судъ долженъ быть ввѣряемъ старцамъ. Слыша о престолѣ, ты не будешь разумѣть сѣдалище; какъ же можно разумѣть кого-нибудь обыкновеннаго подъ сидѣвшимъ, когда въ одномъ мѣстѣ Онъ представляется вооруженнымъ (Прем. V, 18), въ другомъ—окровавленнымъ (Иса. LXIII, 3)? Здѣсь пророкъ хочетъ выразить, что (настало) время суда. *И одежда Его бѣла аки снѣгъ.* Почему? Потому, что настало время не только суда, но и воздаянія; потому, что всѣмъ нужно предстать предъ Нимъ; потому, что *судъ Его*, какъ говоритъ пророкъ, *яко свѣтъ изыдетъ* (Ос. VI, 5). Потомъ *престоли поставишася.* Не тѣ ли престолы, о которыхъ говоритъ Христосъ: *сядете и вы на дванадесяте престолу* (Матѳ. XIX, 28)? *И власы главы Его аки волна чиста.* Огонь ничего не истреблялъ, онъ былъ безвреденъ. Видишь ли здѣсь образъ государства и народа? Престолъ былъ страшенъ, потому что имѣлъ много огня, и не просто огня, но *палящаго.* Чтобы ты не думалъ, что онъ употребленъ для сравненія, пророкъ указалъ и дѣйствіе его, сказавъ, что онъ былъ не просто огонь, но *огнь палящъ. Рѣка огненная течаше предъ Нимъ: тысяща тысящъ служаху Ему, и тмы темъ предстояху предъ Нимъ: судище сѣде*, т. е., Онъ для того пришелъ, чтобы произвести судъ. *И книги отверзошася.* Что говоришь ты? Развѣ имѣетъ нужду въ книгахъ Богъ, *свѣдый вся прежде бытія ихъ* (Дан. XIII, 42), *создавый на единѣ сердца ихъ* (Пс. XXXII, 15)? Нѣтъ, это говорится

примѣнительно къ обычаю начальниковъ, подобно тому, какъ употребляются у насъ записи. Какъ у насъ записи читаются не для того, чтобы только начальникъ узналъ дѣло, но чтобы видна была справедливость суда, такъ и здѣсь: хотя и знаетъ праведный Судія, но открываетъ книги. Для чего? Что ты хочешь сказать? А почему онъ не говоритъ и о почестяхъ? Онъ сказалъ: *престоли поставишася*, въ знакъ того, что Богъ опредѣлилъ и почести; но такъ какъ мы не послушались, то Онъ назначилъ наказаніе и мученіе. Не такое ли воззваніе и къ намъ сдѣлалъ Христосъ? *Оттоль начать*, говоритъ евангелистъ, *проповѣдати царство небесное* (Мѳ. IV, 17). Не разумѣй здѣсь, возлюбленный, ничего тѣлеснаго, и не думай, что безпредѣльный Богъ объемлется престоломъ. Если *въ руцѣ Его вси концы земли* (Пс. XCIV, 4), если Онъ *постави горы въ мѣрилѣ*, если *вси языцы аки плюновеніе* предъ Нимъ вмѣнишася и аки прахъ предъ Нимъ вся, какъ Самъ Онъ говоритъ (Ис. XL, 12, 15), то какое мѣсто можетъ объять Его
232 всего? Нѣтъ, Онъ не былъ объемлемъ престоломъ. Если же Онъ имѣлъ одежду, то какъ огонь не истребилъ ея? Какъ называется *Ветхимъ денми* Тотъ, Кто существуетъ прежде всѣхъ вѣковъ? Какъ Онъ можетъ быть ветхимъ? *Ты же*, говоритъ Псалмопѣвецъ, *тойжде еси* (Пс. CI, 28). Какъ же Онъ можетъ быть ветхимъ? *И лѣта Твоя*, говорится, *не оскудѣютъ* (Пс. CI, 28). Какъ могла быть одежда у Безпредѣльнаго и Безтѣлеснаго? *И величію Его*, говоритъ Псалмопѣвецъ, *нѣсть конца* (Пс. CXLIV, 3); и еще: *аще взыду на небо, Ты тамо еси: аще сниду во адъ, тамо еси* (Пс. CXXXVIII, 8). Какъ же Онъ былъ облеченъ въ человѣческую одежду и огонь не истреблялъ ея? Впрочемъ пророкъ могъ видѣть и многое другое. Какъ волосы не сгорали въ огнѣ? Потому пророкъ и прибавилъ: *престолъ Его пламень огненный. И книги отверзошася*,—такъ, что кто осуждается, тотъ осуждается по собственной винѣ. *Видѣхъ тогда отъ гласа словесъ великихъ, яже рогъ оный глаголаше, зряй бѣхъ, дондеже убися звѣрь и погибе* (ст. 11) за высокомѣріе, хотя Александръ и поклонился Богу. *И тѣло его дадеся въ сожженіе огненное. И прочихъ звѣрей преставися власть, и продолженіе житія дадеся имъ до временъ и времене* [1]) (ст. 12). Хотя ихъ власть кончилась, но жизнь оставалась. *И погибе звѣрь, и тѣло его сожжеся*. Этимъ выражается совершенное истребленіе. *Видѣхъ во снѣ нощію, и се на облацѣхъ небесныхъ, яко Сынъ человѣчь идый бяше* (ст. 13). Кто не знаетъ этого? Кто можетъ не видѣть этого? Не то же ли—о, іудей—говоритъ Петръ или Павелъ? *И се, яко Сынъ человѣчь идый бяше, и*

---

[1]) Сл. Б.: *до времене и временъ*.

даже до Ветхаго денми дойде. Отсюда видно, что они имѣютъ равную честь. *И предъ Него приведеся* (ст. 13). Чтобы ты, когда увидишь, что Ему дается царство, не понималъ слова: *дадеся* по человѣчески, пророкъ говоритъ: *на облацѣхъ небесныхъ.* Облаками Писаніе обыкновенно обозначаетъ небо. *И тому дадеся власть и честь и царство, и вси людіе, племена и языцы тому поработаютъ: власть Его власть вѣчная, яже не прейдетъ, и царство Его не разсыплется* (ст. 14). Что́, скажи мнѣ, можетъ быть яснѣе этого? *И вси людіе,* говоритъ, *племена и языцы тому поработаютъ.* Посмотри, какъ пророкъ охватилъ всѣ народы вселенной. Посмотри, какъ (Сынъ человѣческій) получилъ и власть суда. А чтобы ты не подумалъ, что это только на время, онъ говоритъ: *яже не прейдетъ, и царство Его не разсыплется,* но стоитъ и пребываетъ. Если же ты не вѣришь этому, то убѣдись дѣлами. Видишь ли равночестность Его съ Отцемъ? Такъ какъ Онъ явился послѣ Отца, то пророкъ и говоритъ, что Онъ пришелъ вмѣстѣ съ облаками. А что Онъ былъ и прежде, это видно изъ того, что Онъ приходитъ *на облацѣхъ. И тому дадеся честь,* т. е. та, которую Онъ имѣлъ. *И людіе, племена и языцы тому поработаютъ.* Онъ имѣлъ власть и прежде и тогда принялъ ту самую, которую имѣлъ. Въ какомъ смыслѣ ты разумѣешь волосы у Отца и прочее, въ такомъ разумѣй и это. Слыша: *дадеся,* и тому подобное, ты не думай о Сынѣ ничего человѣче- 283
скаго, или низкаго. Какъ, видя *Ветхаго денми,* ты не разумѣешь старца, такъ понимай и прочее. Не ищи ясности въ пророчествахъ, гдѣ тѣни и гаданія, подобно тому, какъ въ молніи ты не ищешь постояннаго свѣта, но довольствуешься тѣмъ, что она только блеснетъ. *Вострепета духъ мой, азъ Даніилъ въ состояніи моемъ, и видѣнія главы моея смущаху мя* (ст. 15). Конечно, смущало его то, что онъ созерцалъ. Онъ первый и одинъ видѣлъ Отца и Сына, какъ бы въ видѣніи. Что могутъ сказать на это іудеи? Такъ какъ предстоявшее пришествіе Сына было уже близко, то справедливо и являются чудныя видѣнія. *И пріидохъ къ единому отъ стоящихъ и извѣстія просихъ отъ него научитися о всѣхъ сихъ: и повѣда ми* истину [1]) *и сказаніе словесъ возвѣсти ми* (ст. 16). Онъ спрашиваетъ, что́ значитъ видѣнное имъ, и узнаетъ объ антихристѣ, узнаетъ и о царствѣ, не имѣющемъ конца. *Сіи,* говоритъ, *звѣріе велицыи, четыре царства востанутъ: и преймутъ царство святіи Вышняго, и содержати будутъ оное даже до вѣка* и до вѣка *вѣковъ. И вопрошахъ испытно о звѣри четвертѣмъ, яко бяше различенъ паче всякаго звѣря, страшенъ*

---

[1]) Сл. В.: *извѣстіе.*

вельми, зубы его желѣзни, и ногти его мѣдяни, ядый и истончевая, останки же ногами своими попираше: и о десяти розѣхъ его, иже на главѣ его, и о друзѣмъ, возшедшемъ и истрясшемъ первыя три, рогъ же той, емуже очи и уста глаголюща великая, и видѣніе его болѣе прочіихъ. Зряхъ, и рогъ той творяше рать со святыми, и укрѣпися на нихъ, дондеже пріиде Ветхій денми, и судъ даде святымъ Вышняго: и время приспѣ, и царство пріяша святіи. И рече тако: звѣрь четвертый царство четвертое будетъ на земли, еже превзыдетъ вся царства и поястъ всю землю, и поперетъ ю, и посѣчетъ ю. И десять роговъ его, десять царей востанутъ, и по нихъ востанетъ другій, иже превзыдетъ злобами всѣхъ прежнихъ, и три цари смиритъ, и словеса на Вышняго возглаголетъ, и святыхъ Вышняго смиритъ, и помыслитъ премѣнити времена и законъ, и дастся въ руку его даже до времене [1]. *И судище сѣде, и власть его представятъ, еже потребити и погубити до конца. Царство же и власть и величество царей, иже подъ всѣмъ небесемъ, дастся святымъ Вышняго: и царство Его царство вѣчное, и вся власти Тому работати*
234 *будутъ и слушати. До здѣ скончаніе словесе. Азъ Даніилъ, на долзѣ размышленія моя смущаху мя, и зракъ мой премѣнися, и глаголъ въ сердцы моемъ соблюдохъ* (ст. 17—28). Почему же ты, человѣкъ, не сказалъ этого глагола? Потому, что это нисколько не относилось къ іудеямъ; напротивъ, на словахъ Богъ сообщилъ это прикровенно, но сохранилъ въ сердцѣ пророка. Такъ и въ концѣ онъ говоритъ: *яко словеса запечатана* (Дан. xII, 9), и желаетъ, чтобы они оставались неясными. То же дѣлаетъ и Самъ (Христосъ), когда говоритъ притчами. Посмотри, какъ пророкъ всячески возвышаетъ это царство, чтобы ты не разумѣлъ ничего человѣческаго. Люди, хотя бы овладѣли всею землею, не (могутъ владѣть) всегда и на безконечное время. Пусть никто не говоритъ мнѣ, что пророкъ разумѣетъ здѣсь краткое время. Что же значатъ слова: *не прейдетъ и царство Его людемъ инѣмъ не останется* (Дан. II, 44)? Посмотри на бывшее при Даріѣ и македонянахъ. Для кого это было? Для іудеевъ. Потому и Александръ, какъ говорятъ, поклонился храму, увидѣвъ книгу Даніила, и язычники удивлялись силѣ его предсказанія. Объ этомъ никто не говорилъ, кромѣ одного этого пророка.

---

[1]) Слова: *и временъ и полувремене* опущены въ текстѣ св. отца по изданію Миня.

ГЛАВА VIII.

Въ лѣто третіе царства Валтасара видѣніе явися мнѣ: азъ Даніилъ, по явльшемся мнѣ въ началѣ. И видѣхъ въ видѣніи, и бысть внегда видѣти ми, *и бѣхъ въ Сусѣхъ градѣ* [1], *иже есть въ странѣ Еламстѣй: и видѣхъ въ видѣніи, и бѣхъ на Увалѣ. И воздвигохъ очи мои и видѣхъ: и се овенъ единъ стоя предъ Уваломъ, емуже рози, рози же высоки: единъ же выше другаго, и вышшій восхождаше послѣди. И видѣхъ овна, бодуща на западъ, и на сѣверъ, и на югъ, и на востокъ: и вси звѣріе не станутъ предъ нимъ, и не бѣ избавляюща изъ руки его, и сотвори по воли своей и возвеличися. Азъ же бѣхъ размышляя, и се* козелъ *отъ козъ идяше отъ Лива на лице всея земли; и не бѣ прикасаяся земли: и козлу тому рогъ видимъ между очима его. И пріиде козелъ до овна имущаго рога, егоже видѣхъ стояща предъ Уваломъ, и тече къ нему* во гнѣвѣ силы своея [2]. *И видѣхъ его доходяща до овна, и разсвирѣпѣ на него: и порази овна, и сокруши оба рога его: и не бѣ силы овну, еже стати противу ему: и поверже его на землю, и попра его, и не бѣ избавляяй овна отъ руки его. И козелъ козій возвеличися до зѣла: и внегда укрѣпися, сокрушися рогъ его великій: и взыдоша четыре рози подъ нимъ, по четыремъ вѣтромъ небеснымъ. И отъ единаго ихъ* 235
изыде рогъ единъ крѣпокъ, и возвеличися вельми къ югу, и къ востоку, и къ западу [3], *и возвеличися даже до силы небесныя:* и падоша [4] *на землю отъ силы небесныя и отъ звѣздъ, и попра я. И* до начальника силы доспѣ [5], *и его ради жертва смятеся,* и бысть, *и благопоспѣшися ему, и святое опустѣетъ. И дадеся на жертву грѣхъ, и повержеся правда на землю: и сотвори, и благопоспѣшися. И слышахъ единаго святаго глаголюща: и рече единъ святый феллюни* [6] *глаголющему: доколѣ видѣніе станетъ, жертва отъятая, и грѣхъ опустѣнія данный, и святое и сила попереется? И рече ему: даже до вечера и утра дней двѣ тысящи и триста, и очистится святое. И бысть, егда видѣхъ азъ Даніилъ видѣніе и взыскахъ видѣнія, и се ста предо мною, аки образъ мужескъ* на *средѣ Увала* [7], *и призва и рече: Гавріиле, скажи видѣніе оному. И пріиде и ста близъ стоянія моего: и егда пріиде, ужасохся и падохъ на лице мое, и рече ко мнѣ: разумѣй, сыне че-*

---

[1] Сл. Вл.: *по явльшемся мнѣ прежде, и бѣхъ въ Сусѣхъ градѣ.*

[2] Сл. Вл.: *въ силѣ крѣпости своей.*

[3] Сл. Вл.: *къ силѣ.*

[4] Сл. Вл.: *сотвори пасти.*

[5] Сл. Вл.: *дондеже архистратигъ избавитъ плѣнника.*

[6] Сл. Вл.: *другому нѣкоему;* феллюни — евр. слово, оставленное безъ перевода.

[7] Сл. В.: *аки образъ мужескъ. И слышахъ гласъ мужескъ средѣ Увала.*

ловѣчь, еще бо до скончанія времени видѣніе. И егда глаголаше со мною, падохъ на лице мое *на земли, и прикоснеся мнѣ, и постави мя на ноги моя, и рече: се азъ возвѣщаю тебѣ будущая на послѣдокъ гнѣва, еще бо до конца времене видѣніе. Овенъ, егоже видѣлъ еси имуща рога, царь Мидскій и Персскій. А козелъ козій, царь Еллинскій: рогъ же великій, иже* бысть *между очима его, той есть царь первый.* И яко сокрушися *восташа четыри рози подъ нимъ: четыри цари востанутъ отъ языка его, но не въ крѣпости его. И напослѣдокъ царства ихъ, исполняющымся грѣхомъ ихъ, востанетъ царь безсраменъ лицемъ и разумѣя гаданія, и державна крѣпость его, не въ крѣпости же своей, и чудесная растлитъ, и сотворитъ, и разсыплетъ крѣпкія и люди святы. И яремъ вервія своихъ исправитъ: лесть въ руцѣ его, и въ сердцы своемъ возвеличится, и лестію разсыплетъ многихъ, и на пагубу многимъ возстанетъ, и яко яица рукою сокрушитъ. И видѣніе вечера и утра реченнаго истинно есть, ты же назнаменай видѣніе, яко на дни многи* (ст. 1—26). *И рече,* говорится, *скажи видѣніе оному, Гавріиле.* Посмотри на обязанности ангеловъ и архангеловъ. Есть ли другая большая сила? *И пріиде,* говоритъ пророкъ, *и ужасохся, ста близъ стоянія моего, и егда пріиде,*
286 *ужасохся.* Гдѣ тѣ, которые злословятъ ангеловъ? Ангелъ не сдѣлалъ ничего самъ отъ себя. Видишь ли, что и они раздѣлены на многіе чины и виды? Въ первомъ видѣніи пророкъ говоритъ: *пріидохъ и просихъ* (Дан. VII, 16); а здѣсь не такъ. *И слышахъ единаго святаго глаголюща;* спрашиваетъ другой, какъ бы не зная,—чтобы узналъ Даніилъ. *И отвѣща,* говоритъ онъ. *И напослѣдокъ царства, исполняющымся грѣхомъ ихъ, востанетъ царь безсраменъ лицемъ.* Посмотри, какъ пророкъ показываетъ іудеямъ, что они сами виноваты; но онъ не высказываетъ этого ясно, чтобы они намѣренно не остались злыми: вѣдь если они оставались такими, когда ничего подобнаго не было сказано, то тѣмъ болѣе остались бы, если бы это было ясно выражено; также и для того, чтобы ты зналъ, что Духъ вездѣ имѣетъ силу, что Богъ предвидитъ все, и что Онъ, хотя зналъ о будущихъ грѣхахъ ихъ, однако вывелъ ихъ (изъ плѣна). И замѣть: если бы онъ указалъ на годы, время показалось бы непродолжительнымъ,—поэтому онъ исчисляетъ дни, чтобы устрашить множествомъ ихъ, и притомъ исчисляетъ не только дни, но и ночи. Онъ долго останавливается на печальныхъ событіяхъ при Антіохѣ, чтобы устрашить хотя такимъ образомъ. *Но не въ крѣпости его,* т. е., Богъ могъ остановить его, но попустилъ за грѣхи іудеевъ, и не просто за грѣхи, но за то, что исполнилась мѣра. Развѣ есть какая-нибудь мѣра грѣховъ? *Не бо исполнишася,* говоритъ Богъ, *грѣси Аморреовъ* (Быт. XV, 16). И замѣть: предсказывается уже не сожженіе, но

отдѣльные случаи убійствъ. Такъ какъ нѣкоторые будутъ добрѣе и лучше отцовъ, то и наказаніе положено меньшее. Это говорится для того, чтобы они, возгордившись побѣдами, бывшими при Зоровавелѣ, не сдѣлались безпечными. И посмотри, какъ онъ не указываетъ ничего свѣтлаго послѣ временъ Антіоха, но говоритъ только о прекращеніи бѣдствій и о времени, ихъ обнимающемъ. Что же? Развѣ онъ не предсказалъ объ этомъ плѣнѣ? Предсказалъ, но весьма не ясно. Потому и Христосъ сказалъ: *егда узрите мерзость запустѣнія, иже четъ, да разумѣетъ* (Матѳ. XXIV, 15). Бѣдствія придутъ, говоритъ, но такъ, какъ будто онъ не предсказывалъ. Впрочемъ нѣкоторые говорятъ, что справедливо не предсказано объ этомъ, такъ какъ этотъ плѣнъ не имѣлъ опредѣленнаго времени. *И дамъ*, говоритъ пророкъ, *лукавыя вмѣсто погребенія Его и богатыя вмѣсто смерти Его* (Ис. LIII, 9). *Ты же назнаменай видѣніе, яко на дни многи*, т. е., сохрани, сбереги, чтобы оно не исказилось отъ продолжительнаго времени. Посмотри, какъ Богъ всегда щадилъ іудеевъ. Они пришли въ Египетъ и сдѣлались дурными; Онъ не отступилъ отъ нихъ, но вывелъ ихъ въ пустыню. Они оставались въ нечестіи; Онъ не отступилъ отъ нихъ, но ввелъ въ землю обѣтованную. При Антіохѣ опять вывелъ ихъ, и опять они остались такими же. При Христѣ они опять были такими же; но Онъ и тогда не отступилъ отъ нихъ, а постоянно печется о нихъ. Какъ естественныя свойства, данныя намъ отъ природы, не покидаютъ насъ, что бы ни случилось, такъ и Богъ; или лучше, они могутъ покинуть насъ, но Богъ никогда не оставляетъ Своимъ промышленіемъ и попеченіемъ. Аще *и забудетъ*, говоритъ Онъ, *жена помиловати исчадія чрева своего, но Азъ не забуду тебе* (Ис. XLIX, 15). Какъ мать не смотритъ на то, хороши ли ея дѣти, но исполняетъ законъ природы,—такъ, и даже болѣе, Богъ постоянно печется, никогда не оставляетъ, всегда дѣйствуетъ въ одной и той же мѣрѣ. *Азъ же Даніилъ успохъ и изнемогохъ на дни, и востахъ, и творяхъ дѣла* 287
царева, и почудихся видѣнію, и не бяше разумѣвающаго (ст. 27). Отчего же онъ изнемогъ? Можетъ быть, отъ скорби при размышленіи о будущихъ бѣдствіяхъ, тогда какъ и настоящія не окончились. И еще, говоритъ, столько бѣдствій! Или: я еще не примирилъ съ ними Бога, а они сами опять вооружаютъ Его противъ себя. И *востахъ и творяхъ дѣла царева*, т. е. служилъ. И *почудихся видѣнію, и не бяше разумѣвающаго*. Особенно сильна бываетъ скорбь въ томъ случаѣ, когда ею невозможно ни съ кѣмъ подѣлиться; или (онъ скорбитъ) потому, что они были нечестивы. И *творяхъ*, говоритъ, *дѣла царева*, т. е., я ничего не опускалъ, но исполнялъ свои дѣла.

ГЛАВА IX.

Въ первое лѣто Даріа, сына Ассуирова, отъ племене Мидска, иже царствова въ царствѣ Халдейстѣмъ, въ лѣто едино [1]) *царства его, азъ Даніилъ разумѣхъ въ книгахъ число лѣтъ, о немже бысть слово Господне ко Іереміи пророку, на скончаніе опустѣнія Іерусалимля седмьдесятъ лѣтъ. И дахъ лице мое ко Господу Богу, еже взыскати молитвы и прошенія въ постѣ и во вретищи и пепелѣ* (ст. 1—3). Это Дарій мидянинъ. Подъ *первымъ лѣтомъ* пророкъ разумѣетъ не первый годъ его царствованія, такъ какъ не сказалъ: въ первое лѣто царствованія его, но *въ первое лѣто Даріа, въ лѣто едино царства его*, такъ что можно назвать его и первымъ годомъ, въ который онъ, будучи царемъ, можетъ быть, взялъ въ плѣнъ приверженцевъ Валтасара. *Азъ Даніилъ разумѣхъ въ книгахъ число лѣтъ*, т. е., время убіенія Валтасара, и размышлялъ. Посмотри, какъ онъ прежде опредѣленнаго срока не осмѣливался приступать къ Господу. Также поступили три отрока въ пещи; но во рвѣ онъ не такъ поступилъ. Что же? Тѣ ли поступили худо, или онъ? Ни тѣ, ни онъ. Тѣ выразили свою любовь, а онъ—разумѣніе переживаемаго времени. Итакъ, не съ разумѣніемъ ли читалъ онъ пророчества? Я думаю, что онъ ведетъ счетъ не со взятія города, а можетъ быть съ плѣненія Израиля; опустѣніемъ Іерусалима справедливо можно назвать и войны. Замѣть, и здѣсь седьмеричное число. Какъ прежде онъ измѣнилъ четыреста тридцать лѣтъ (Исх. xii, 40) въ двѣсти пятнадцать, такъ и теперь, я думаю, уменьшено. *О немже бысть слово Господне ко Іереміи пророку на скончаніе опустѣнія Іерусалимля седмьдесятъ лѣтъ. И дахъ лице мое ко Господу Богу, еже взыскати молитвы и прошенія въ постѣ и во вретищи и пепелѣ*. Посмотри на его благочестіе. *И дахъ*, говоритъ, *лице мое*, т. е. прежде, до уничиженія, я стыдился, а теперь *дахъ лице мое*,—иначе сказать: осмѣлился. Если бы онъ просилъ должнаго, то не сказалъ бы: *дахъ лице мое*,
238 какъ будто дѣло было соединено съ опасностію. Если же онъ столь заботится о другихъ, если, пользуясь такимъ благоволеніемъ у Бога и у царя, нисколько не услаждается этимъ, но сокрушается болѣе бѣдствующихъ, какъ бы самъ подвергаясь бѣдствіямъ, то какъ не удивляться ему по достоинству? Посмотри, какъ онъ и послѣ этихъ бѣдствій не осмѣливается приступить къ Богу до тѣхъ поръ, пока не увидѣлъ, что время исполнилось. Что же будетъ съ нами несчастными? Что говоришь ты, Да-

[1]) Сл. В.: *въ лѣто первое*.

ніилъ? Ты находишься среди благъ, пользуешься честію отъ Бога и отъ людей; что же ты заботишься о другихъ? Такъ поступалъ и Моисей. И что говоритъ онъ? *Въ пости и во вретищи и пепелѣ* просилъ онъ о должномъ. Почему же, если это было должное? Потому, что опасался, какъ бы іудеи не оказались недостойными и этого. Для Бога нѣтъ необходимости; Онъ выше законовъ. *Еже взыскати*, говоритъ, *молитвы и прошенія*. Прежде всего онъ испрашиваетъ этого. Позволитъ ли мнѣ Богъ, говоритъ онъ, молиться за нихъ? Потому что онъ слышалъ, что Іереміи было сказано: *ты убо не молися о людехъ сихъ и не проси о нихъ* (Іер. VII, 16). Не смотря на то, что ходатаями за него были и плѣнъ, и наступленіе срока, и собственная его добродѣтель, и безчисленныя страданія, онъ не чувствуетъ въ себѣ смѣлости, но посыпается пепломъ и покрывается вретищемъ, и такимъ образомъ молится. Что же сдѣлаемъ мы, безпечные? Ему мы должны подражать. Чтобы никто не могъ сказать, что прочіе пророки дѣлали это по бѣдности,—тотъ, кто больше всѣхъ пользовался великимъ почетомъ, смиряется больше всѣхъ. Онъ происходилъ отъ царскаго рода и наслаждался столь многими благами. Такъ надобно оплакивать собственныя бѣдствія; такъ нужно жалѣть о своихъ ближнихъ; таково сострадание пророковъ. Посмотри, какъ онъ особенно отличался этимъ. Моисей говорилъ: *остави имъ, аще же ни, изглади мя изъ книги* (Исх. XXXII, 32). А Даніилъ постоянно былъ въ постѣ и слезахъ. И Павелъ былъ постоянно въ слезахъ и готовъ былъ идти въ самую геенну. Никто изъ нихъ не услаждался собственными благами; но какъ глазъ въ тѣлѣ, хотя онъ и красивъ, не можетъ чувствовать своей красоты, когда ноги повреждены и гніютъ, такъ было и съ ними. Для чего пепелъ? Онъ напоминалъ ему о собственной его природѣ. Для чего вретище? Оно смиряетъ своею грубостію. Для чего постъ? И онъ напоминаетъ о томъ, что было въ раю. Таковъ обычай (благочестивыхъ): они стремятся къ тому, что причиняетъ скорбь. Я не достоинъ, говоритъ онъ, ни земли, ни одежды, ни другихъ даровъ природы, но заслуживаю тягчайшаго наказанія, хотя облеченъ въ персидскія ткани и ношу персидскую тіару. И что еще говоритъ онъ? Послушаемъ его исповѣдь. *И молихся ко Господу Богу моему* (ст. 4). Посмотри на его любовь къ Господу. *Богу моему*, говоритъ. Того, кого онъ не осмѣливался просить, называетъ своимъ Богомъ. *Еще ми глаголющу, и молящуся, и исповѣдающу грѣхи моя* 239
и грѣхи людей моихъ Исраиля, и припадающу съ моленіемъ моимъ предъ Господемъ Богомъ моимъ о горѣ святѣй Бога моего: и еще глаголющу ми въ молитвѣ, и се мужъ Гавріилъ, егоже видѣхъ въ видѣніи въ началѣ, парящъ, и прикоснеся мнѣ, аки въ часъ жертвы

вечернія. И вразуми мя, и глагола ко мнѣ, и рече: Даніиле, нынѣ изыдохъ устроити тебѣ разумъ. Въ началѣ молитвы твоея изыде слово, и азъ пріидохъ возвѣстити тебѣ, яко мужъ желаній еси ты, размысли о словеси, и разумѣй въ явленіи (ст. 20—23). Если скажутъ намъ іудеи: почему при Исаіи, когда сынъ Озіи страшился войны и нашествія двухъ царей, пророкъ вышедши далъ имъ знаменіе, которое должно было исполниться спустя много лѣтъ?—то и мы скажемъ имъ: почему, когда Даніилъ молился о возвращеніи и желалъ услышать что-нибудь объ этомъ, пришедшій ангелъ не возвѣстилъ ничего объ этомъ, а указалъ на дѣла, имѣвшія совершиться спустя много времени? Какъ тамъ вопросъ вполнѣ разрѣшается, такъ и здѣсь. Возстановленіе города дѣлается весьма достовѣрнымъ, когда возвѣщается, что онъ и опять будетъ взятъ. Что же? Не желалъ ли Онъ опечалить пророка, сдѣлавъ это? Нѣтъ, Онъ желалъ внушить большій страхъ іудеямъ. И не однажды и не дважды, но многократно Онъ дѣлаетъ это, потому что предстоявшее благополучіе легко могло наполнить гордостію ихъ душу, такъ какъ городъ имѣлъ быть не только возстановленъ, но и построенъ руками варваровъ, тѣми самыми руками варваровъ, которыя разрушили его. Объ этомъ и Исаія говоритъ, показывая, что Богъ всемогущъ, что Онъ можетъ все сдѣлать и измѣнить (Ис. XLIX, 17). Іудеямъ были впослѣдствіи возвращены блага отечества и дарованы блистательныя и частыя побѣды, о которыхъ и возвѣщаютъ пророки, напр. Іезекіиль говоритъ, что семь лѣтъ будутъ сожигаемы оружія тѣхъ, которые будутъ взяты въ плѣнъ (Іезек. XXXIX, 9), и другіе часто говорили тоже самое; чтобы они, возгордившись этимъ, не сдѣлались хуже прежняго, Богъ страхомъ предсказанія и многократнымъ повтореніемъ одного и того же какъ бы ставитъ ихъ въ неизбѣжную необходимость не развращаться, хотя бы они и хотѣли. Потому Онъ не открывалъ ясно и времени; да и какая была польза открывать это? И замѣть, когда сообщается пророчество? При самомъ возвращеніи, когда обстоятельства ихъ были благопріятны и цвѣтущи. Моисей, на-
240 мѣреваясь ввести ихъ въ землю обѣтованную, при самомъ полученіи благъ, предсказываетъ о наступающихъ бѣдствіяхъ, говоря: *засвидѣтельствую вамъ небесемъ и землею* (Втор. IV, 26): безчувственности, происходящей отъ благополучія, онъ противопоставляетъ угрозу наказанія,—такъ и Даніилъ удерживаетъ ихъ страхомъ. Потому и Захарія много останавливается на этомъ и говоритъ объ этомъ потому, что ничего нѣтъ менѣе полезнаго для природы человѣческой, чѣмъ благоденствіе и спокойствіе. *Еще глаголющу ми въ молитвѣ*, говоритъ, *пріиде мужъ Гавріилъ*,

обыкновенно являвшійся ему, *парящъ, и прикоснеся ми, аки въ часъ жертвы вечернія*,—или для того, чтобы онъ не испугался видѣнія, или для того, чтобы уразумѣлъ сказанное. Такъ какъ при другихъ нельзя было открыть этого ясно, то онъ и прикасается. *И вразуми мя*, говоритъ, *и глагола ко мнѣ, и рече: Даніиле, нынѣ изыдохъ устроити тебѣ разумъ. Въ началѣ молитвы твоея изыде слово, и азъ пріидохъ возвѣстити тебѣ, яко мужъ желаній еси ты, размысли о словеси, и разумѣй въ явленіи*. Вникни, говоритъ, въ то, что будетъ сказано. Когда кто проситъ объ одномъ, а слышитъ о другомъ, тогда нужно великое вниманіе. *И возвратится, и соградится стогна и забрала* (ст. 25). Нѣкоторые разумѣютъ здѣсь стѣну, которую построилъ Агриппа. *И истощатся лѣта. И по седминахъ шестидесяти двухъ потребится помазаніе, и судъ не будетъ въ немъ: градъ же и святое разсыплется со старѣйшиною, и потребятся, аки въ потопѣ, и до конца рати сокращенныя погибельми. И утвердитъ завѣтъ многимъ седмина едина* (ст. 25—27). Посмотри какъ поразительно онъ говоритъ о бѣдствіяхъ! *Въ полъ же седмины отъимется куреніе и жертва и возліяніе, и во святилищи мерзость запустѣнія, и даже до скончанія времени скончаются* [1]) *на опустѣніе* (ст. 27). Посмотри, какъ онъ окончилъ рѣчь прискорбными событіями, а о благопріятныхъ сказалъ не ясно,—послѣднія указаны въ словахъ: *утвердитъ завѣтъ многимъ седмина едина*; о прискорбномъ же говоритъ часто и много. *И мерзость запустѣнія*, т. е., Адріанова. Объ этомъ яснѣе говоритъ Захарія; онъ говоритъ и о благопріятныхъ обстоятельствахъ для тѣхъ, которые остались. И въ Египтѣ іудеи жили столько лѣтъ, и однако не были истреблены; а теперь ты уже и не ожидаешь этого (ихъ спасенія)! Посмотри и на другія обстоятельства. Іудеи 241
теперь и не входятъ въ свой городъ, какъ прежде, да и кто можетъ даже говорить объ ихъ возвращеніи? Никто.

ГЛАВА X.

Въ лѣто третіе Кира, царя Перскаго, слово открыся Даніилу, емуже прозвася имя Валтасаръ: истинно же слово, и сила велика, и разумъ дадеся ему въ видѣніи. Въ тыя дни азъ Даніилъ бѣхъ рыдая три седмицы, хлѣба вожделѣннаго не ядохъ, и мясо и вино не вниде во уста моя, и мастію не помазахся до трехъ седмицъ дней (ст. 1—3). Почему онъ опять скорбитъ? Если насту-

[1]) Сл. В.: *скончаніе дастся.*

пилъ первый годъ царствованія Кира, то о чемъ онъ плачетъ, и притомъ всѣ эти дни, хотя можно было скорбѣть только одинъ день? И опять онъ не слышитъ ничего о томъ, о чемъ молится. Онъ молится, мнѣ кажется, о томъ, чтобы прекратились бѣдствія; но Богъ не говоритъ ничего такого, а высказываетъ яснѣе тоже, что и прежде. Пророкъ молится, чтобы возвратились всѣ іудеи, хотя и ожидали ихъ великія бѣдствія и хотя Богъ хотѣлъ отвергнуть ихъ отечество. И здѣсь Богъ говоритъ это яснѣе и точнѣе. Замѣть, что Даніилъ всегда удостоивается видѣнія, только послѣ поста. Когда надлежало узнать сонъ (Навуходоносора), предшествовалъ постъ; когда являлся Гавріилъ, опять былъ постъ, пепелъ и вретище; когда теперь является ангелъ, снова постъ и молитва. Но посмотри, какъ онъ почти оправдывается предъ Даніиломъ. *Въ день двадесять четвертый перваго мѣсяца азъ бѣхъ близъ рѣки великія, яже есть Тигръ. И воздвигохъ очи мои, и видѣхъ, и се мужъ облеченъ въ* вадимъ [1]) *и чресла его препоясана златомъ* офазъ [2]). *Тѣло его же, аки Ѳарсисъ, лице же его, аки зрѣніе молніи, очи же его, аки свѣщи огнены, а мышцы его и голени, аки зракъ мѣди блещащіяся, гласъ же словесъ его, аки гласъ народа. И видѣхъ азъ Даніилъ единъ явленіе, а мужи, иже со мною, не видѣша явленія, но ужасъ великій нападе на нихъ, и отбѣгнуша въ страсѣ. Азъ же остахъ единъ, и видѣхъ явленіе великое сіе; и не оста во мнѣ крѣпость, и слава моя обратися въ разсыпаніе: и не удержахъ крѣпости. И слышахъ гласъ словесъ его: и внегда* слышати ми, *бѣхъ сокрушенъ* на лице мое, *лице же мое на земли. И се рука прикасающися мнѣ, и воздвиже мя на колѣна моя и на* слѣды ногъ *моихъ* [3]). *И рече ко мнѣ: Даніиле, мужу желаній, разумѣй въ словесѣхъ, яже азъ глаголю къ тебѣ, и стани на стояніи своемъ, яко нынѣ посланъ есмь къ тебѣ: и егда возглагола слово сіе ко мнѣ, востахъ трепетенъ. И рече ко мнѣ*: *не бойся Даніиле, яко отъ перваго дне, въ оньже подалъ еси сердце твое, еже разумѣти и трудитися предъ Господемъ Богомъ твоимъ, услышана быша словеса твоя, азъ же пріидохъ въ словесѣхъ твоихъ* (ст. 4—12). Видишь ли, какъ я сказалъ, что онъ почти оправдывается предъ пророкомъ? *Отъ перваго дня*, говоритъ, я посланъ. Почему же медлилъ?
242 *Князь же царства Перскаго стояше противу мнѣ двадесять и единъ день* (ст. 13). Ты слышалъ, что *Вышній постави предѣлы языковъ по числу ангеловъ Божіихъ* (Втор. XXXII, 8)? Каждый народъ имѣетъ покровительствующаго ангела, который желаетъ быть сильнѣе

---

[1]) Сл. Б.: *въ ризу льняну;* вадимъ—еврейское слово.

[2]) Сл. Б.: *златомъ свѣтлымъ.*

[3]) Сл. Б.: *и на длани рукъ моихъ.*

другихъ. *И разумъ дадеся ему въ видѣніи*, потому что не достаточно было выслушать сказанныя слова. Видишь ли, что пророки были наставляемы и инымъ образомъ? *И сила* видѣнія *велика*. Подлинно велика, если люди слабые преодолѣли того Антіоха, который одержалъ столько побѣдъ. *Истинно же слово*. Это сказано потому, что могли этому не повѣрить. *Емуже имя Валтасаръ*. Пророкъ напоминаетъ о прежнихъ событіяхъ, чтобы явиться достовѣрнымъ. Вотъ онъ нарушилъ и пасху, такъ какъ пасха бываетъ въ первый мѣсяцъ, а онъ постился до двадцать четвертаго дня этого мѣсяца. Постъ его начинается въ четырнадцатый день и продолжается отъ четырнадцатаго до двадцать перваго и еще два дня. Посмотри, какъ постановленія закона уже отмѣняются. Не страхъ ли заставилъ тебя бѣжать, Даніилъ? Нѣтъ говоритъ онъ. Замѣть, гдѣ онъ видитъ видѣніе: въ пустынѣ, подобно Моисею, потому что города исполнены шума и смятенія. Такъ и Христосъ преображается на горѣ. *И се Михаилъ, единъ отъ старѣйшинъ первыхъ, пріиде помощи мнѣ, и того оставихъ тамо съ княземъ царства Персскаго. И пріидохъ сказати тебѣ, елика срящутъ людей твоихъ въ послѣдніи дни, яко еще видѣніе на дни.* И внегда глаголати ему *со мною вся словеса* сія [1]), *дахъ лице мое на землю и умилихся.* И *се аки подобіе сына человѣча прикоснеся устнамъ моимъ, и отверзохъ уста моя и глаголахъ, и рѣхъ къ стоящему предо мною: Господи, въ видѣніи Твоемъ обратися утроба моя во мнѣ, и* се *не* имамъ *силы* [2]). И *како возможетъ рабъ Твой, Господи, глаголати съ Господемъ симъ моимъ?* И *азъ, отнынѣ не станетъ во мнѣ крѣпость, и дыханіе не оста во мнѣ.* И *приложи, и прикоснеся мнѣ яко зракъ человѣчь и укрѣпи мя.* И *рече ми: не бойся, мужу желаній, миръ тебѣ; мужайся и крѣпися.* И *егда глагола со мною, укрѣпихся и рѣхъ: да глаголетъ Господь мой, яко укрѣпилъ мя еси.* И *рече: вѣси ли, почто пріидохъ къ тебѣ?* И *нынѣ возвращуся, еже братися съ княземъ Персскимъ: азъ же исхождахъ князь же Еллинскій грядяше. Но да возвѣщу ти вчиненое въ писаніи истины, и нѣсть ни единаго, помогающаго со мною о сихъ, но точію Михаилъ князь вашъ* (13—21). И *се мужъ облеченъ въ ризу*, можетъ быть, священническую. Видѣніе его, *аки* молнія огненная бяше отъ очесъ его [3]). Какъ онъ являлся имъ въ молніи? Для чего такъ является этотъ ангелъ? Не для того ли, чтобы поразить народъ? Но какая отъ этого польза? Онъ является для того,

[1]) Сл. В.: *И егда глагола со мною по словесемъ симъ.*

[2]) Сл. Б.: *и не имѣхъ силы.*

[3]) Сл. В.: *Лице его, аки зрѣніе молніи, очи же его аки свѣщи огнены*,—такъ эти слова приведены ранѣе и у св. отца.

чтобы убѣдить пророка не скорбѣть о томъ, что ему многократно говорится одно и тоже: ангелъ свидѣтельствуетъ о силѣ будущаго; или для того, чтобы увѣрить пророка. И *гласъ* великій,— чтобы и этимъ устрашить. Даніилъ лишается чувствъ и потомъ во время бесѣды опять изнемогаетъ: вѣроятно, ангелъ только попускаетъ это, а не самъ дѣлаетъ его безсильнымъ, потому что прежде онъ сказалъ: *мужайся, и онъ всталъ*. Видишь ли, каковъ
243 былъ внѣшній видъ ангела? Не подумай, будто Даніилъ видѣлъ мѣдь или золото. Кого могъ бы такъ поразить видъ ихъ? А здѣсь вездѣ свѣтъ. Такъ какъ я посланъ, говоритъ онъ, то предупреждаю тебя только о томъ, что ты не потерялъ благодати. *Услышана быша словеса твоя, азъ же пріидохъ въ словесѣхъ твоихъ*. Чего же онъ просилъ и о чемъ молился? Но ангелъ не говоритъ ему объ этомъ и ни о чемъ подобномъ. Можетъ быть, онъ хотѣлъ точно узнать время (избавленія), то, что за нимъ послѣдуетъ. *Князь же царства* персскаго, говоритъ, *стояше противу мнѣ*. Не о земномъ ли начальникѣ говоритъ онъ? Нѣтъ, потому что и въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: *князь же Еллинскій грядяше*. Мнѣ кажется, что этотъ князь не изъ числа начальниковъ, или правителей народныхъ, но изъ числа высшихъ силъ. Потомъ, когда другіе ангелы не могли устоять противъ него, онъ и говоритъ объ этомъ пророку. Іудеи, говоритъ, освобождены. Чего же ты еще просишь? И *се Михаилъ, единъ изъ старѣйшинъ первыхъ, пріиде помощи мнѣ, и того оставихъ тамо съ княземъ царства Персскаго*. И *пріидохъ сказати тебѣ, елика срящутъ людей твоихъ въ послѣднія дни, яко се видѣніе на дни*. Почему Михаилъ не приходилъ ранѣе двадцати дней? Мнѣ кажется, онъ хочетъ показать пророку, что онъ проситъ недозволеннаго, противозаконнаго и труднаго, какъ бы ставитъ въ затрудненіе и ангеловъ. Потому и Михаилъ не тотчасъ, не въ самомъ началѣ приходитъ на помощь, но впослѣдствіи, чтобы внушить, что недостойны были возвращенія (іудеи) жившіе послѣ. Ангелы оскорблены этимъ. *И того оставихъ тамо*—или для того, чтобы убѣдить, или воспрепятствовать. Но какой же ангелъ станетъ противиться, услышавъ, что Богъ даруетъ благодать? Я думаю, что здѣсь дѣло представляется въ чувственномъ образѣ, подобно тому, какъ въ другомъ мѣстѣ сказано: *кто* пойдетъ *и прельститъ Ахаава* (2 Парал. XVIII, 19); и еще: *остави мя, и потреблю ихъ* (Исх. XXXII, 10). Пророкъ какъ бы удерживаетъ Бога,—но вѣдь Онъ не терпитъ препятствій или принужденія. Такъ точно и здѣсь. И въ другомъ мѣстѣ говорится: *пусти мя, взыде бо заря* (Быт. XXXII, 26); и еще объ ангелѣ и ослицѣ: *(аще бы не уклонилася отъ мене*

(Чис. XXII, 33); и еще)[1]: *аще не лице твое пріяхъ*[2]) (Іов. XLII, 8). Слѣдовательно, этимъ показывается не то, будто ангелъ противится Богу, но только то, что ангелы оскорбляются. Такую силу имѣлъ Даніилъ! И *пріидохъ сказати тебѣ, елика срящутъ людей твоихъ*. Посмотри, какъ онъ, оставивъ необходимое дѣло, оправдывается передъ пророкомъ. Даніилъ опять изнемогаетъ, и опять ангелъ поднимаетъ его и говоритъ: *азъ иду, еже братися съ княземъ Персскимъ: азъ же исхождахъ, князь же Еллинскій грядяше*. Можетъ быть, онъ шелъ бороться съ однимъ изъ противившихся ему изъ-за будущаго, напримѣръ дѣйствовавшихъ противъ Македонія; впрочемъ, онъ еще не увѣренъ въ этомъ. Развѣ бываетъ у ангеловъ борьба и состязаніе за людей? Да,—потому что они много заботятся о людяхъ. Онъ еще не былъ увѣренъ, и какъ бы такъ сказалъ: я вынужденъ бороться съ нимъ.

ГЛАВА XI.

И *бысть въ первое лѣто Кирово*, азъ *стахъ*[3]) *въ державу и крѣпость*. И *нынѣ истину возвѣщу тебѣ* (ст. 1, 2). Я тотъ, гово- 244
ритъ, который и тогда спасъ (іудеевъ). Чтобы кто-нибудь не сказалъ: для чего ты борешься?—что̀, если не побѣдишь?—онъ говоритъ: нѣтъ; и тогда я защищалъ ихъ. И *нѣсть ни единаго помогающаго со мною о сихъ, но точію Михаилъ князь вашъ* (Дан. X, 21). Это говоритъ онъ для того, чтобы убѣдить пророка, что онъ не врагъ и не противникъ ему, но что пророкъ требуетъ недозволеннаго; и не потому такъ говоритъ, будто онъ нуждается въ помощникахъ. Что же? Очевидно, что онъ не былъ изъ числа *князей*. Потомъ онъ говоритъ обо всемъ подробно и указываетъ, откуда будутъ пораженія. Далѣе возвѣщаетъ о спасеніи и славѣ народа его въ будущемъ.

ГЛАВА XII.

Егда скончается разсыпаніе руки людей освященныхъ, увѣдятъ святого и скончаются сія вся[4]). *Азъ же слышахъ, и не разумѣхъ, и рѣхъ: Господи, что послѣдняя сихъ?* И *рече: гряди Даніиле, яко*

---

[1]) Поставленныхъ въ скобкахъ словъ нѣтъ въ текстѣ, они дополнены издателемъ, такъ какъ въ разсказѣ объ ангелѣ, ставшемъ на пути ослицы Валаамовой, нѣтъ словъ: „аще не лицетвое пріяхъ“,—эти слова взяты изъ книги Іова.

[2]) Сп. В.: *точію лице его пріиму*.

[3]) Сп. В.: *Азъ же въ первое лѣто Кирово стахъ*.

[4]) Сп. В.: *увѣдятъ сія вся*.

заграждена словеса даже до времене конца, дондеже *избранни будутъ, и убѣлятся, и искусятся мнози; и собеззаконнуютъ беззаконницы и не уразумѣютъ вси нечестивіи, но умніи уразумѣютъ.* И *отъ времене премѣненія жертвы всегдашнія, и датися мерзости запустѣнія дни тысяща двѣсти девятьдесятъ. Блаженъ терпяй и достигнувый до дней тысящи трехъ сотъ тридесяти пяти. Ты же иди, и почивай: еще бо дніе во исполненіе скончанія, и почіеши* время свое *въ скончаніе дней* (ст. 7—18). Ты же, говоритъ, *сиди,* потому что это будетъ спустя много времени. Слѣдовательно пророкъ плачетъ не о возвращеніи, но уже послѣ возвращенія плачетъ о возвратившихся.

ГЛАВА XIII.

И *царь Астгагъ приложися ко отцемъ своимъ, и прія Киръ Персянинъ царство его.* И *бяше Даніилъ сожителствующъ съ царемъ, и славенъ паче всѣхъ другов̃ъ его* (ст. 1, 2). Даніилъ написалъ намъ исторію о Вилѣ. *Или не видиши,* говоритъ царь, *колико ястъ и піетъ* (ст. 6)? Увы, вотъ какое доказательство и признакъ божества: онъ много ѣстъ и пьетъ! Даніилъ не возразилъ: развѣ это Богъ, скажи мнѣ?—потому что царь былъ слабъ, но одержалъ полную побѣду. Онъ не сказалъ: я говорю тебѣ о Богѣ, сотворившемъ небо и землю; а ты мнѣ представляешь ненасытное чрево; это совершенно не свойственно Богу; Богъ не алчетъ и не утомляется. Но пророкъ хочетъ побѣдить не разсужденіями, а дѣлами. Самъ царь назначилъ наказаніе. Почему Вилъ ѣстъ не предъ глазами присутствующихъ, а ночью? Какъ жрецы не
245 сообразили, что они будутъ обличены чрезъ собственную ихъ хитрость? Когда устрояетъ Богъ, тогда ничему не удивляйся. И *изби я,* говоритъ пророкъ (ст. 22). Что онъ говоритъ еще о зміѣ? Неужели кто-либо покланяется звѣрю? И его онъ умертвилъ. Видишь ли, какъ были безразсудны, какъ слабы цари персидскіе? И *предаде Даніила* (ст. 30). За что онъ предалъ его, послѣ столь блистательной побѣды? *Аввакумъ же,* говорится, принесъ *обѣдъ Даніилу* (ст. 34). Посмотри на чудо. Развѣ невозможно было при-
246 нести ему пищу изъ другого какого-нибудь мѣста, а не изъ Іудеи? Такъ угодно было пророку, чтобы не поступать такъ же, какъ при евнухѣ, и не терпѣть голода, считая пищу оскверненною. Какъ онъ узналъ Аввакума? По сходству рѣчи. Аввакумъ долженъ былъ сдѣлаться вѣстникомъ величайшаго чуда для тѣхъ, которые находились въ Іудеѣ. Какъ человѣкъ не устрашился звѣрей? Онъ ѣлъ, а они постились. Пусть они не касались тѣла праведника; но почему воздерживались отъ пищи? Какъ-бы какой-нибудь намордникъ или узда удерживала ихъ.

БЕСѢДА,

сказанная въ великой церкви, послѣ того какъ (епископъ) сказалъ немного на Евангеліе, на слова: не можетъ Сынъ творити о Себѣ ничесоже, аще не еже видитъ Отца творяща (Іоан. V, 19). 247

1. О, насиліе! О, принужденіе! Говорившій прежде меня учитель, имѣя полную чашу, далъ намъ вкусить питія только оконечностями губъ; это сдѣлалъ онъ не по недостатку въ ученіи,—оно обыкновенно льется у него ручьемъ,—но, какъ я сказалъ, онъ хотѣлъ показать принужденіе со стороны вашей любви, которое вы старались сдѣлать нашему смиренію; поэтому онъ скоро замолчалъ и окончилъ рѣчь, желая удовлетворить вашему желанію и уплату всего долга возложить на насъ. Если же и онъ предоставилъ намъ продолжать рѣчь, и васъ вижу я ожидающими нашей бесѣды, то уже необходимо выйти на подвиги; однако и вы помогите мнѣ, и прострите руку, оживляя вашими молитвами нашъ языкъ и разумнымъ вниманіемъ облегчая дѣло ученія. Вѣдь и пророкъ требуетъ не только *дивнаго совѣтника*, но и *разумнаго послушателя* (Ис. III, 3). А сегодня предстоитъ намъ подвигъ не маловажный, требующій многихъ молитвъ, великой бдительности со стороны слушающихъ и великой ревности со стороны говорящаго, чтобы и то, что̀ будетъ сказано, было сказано съ точностію и насаждено твердо въ душѣ вашей любви. Я желаю, чтобы вы не только слушали, но и назидались, не только узнавали, но и учили, не только принимали сами, но передавали и другимъ. Тогда-то зрѣлище и будетъ у насъ блистательнѣе и собраніе больше, когда вы будете въ состояніи тѣмъ, что̀ слушаете, привлекать и другихъ. Итакъ въ прежнемъ собраніи я предложилъ слѣдующее евангельское изреченіе: *Отецъ мой доселѣ дѣлаетъ, и Азъ дѣлаю* (Іоан. V, 17), и, доказавъ отсюда равенство (Сына Божія) съ Родителемъ, что именно предъ тѣмъ выразилъ и евангелистъ въ словахъ: *сего ради паче гоняху Его, яко не токмо разоряше субботу, но и Отца своего глаголаше Бога, равенся творя Богу* (Іоан. V, 16, 18), этимъ я окончилъ бесѣду. Теперь же необходимо разсмотрѣть то̀, что̀ возражаютъ намъ на это еретики. Хотя мы подвизаемся среди друзей, но должно дѣйствовать съ такою осмотрительностію, чтобы слово со всѣхъ сторонъ было несомнѣнно и неуловимо, какъ будто бы это происходило среди 248
враговъ; и я желаю, какъ уже сказалъ, чтобы вы не только слушали, но вразумляли и другихъ. Поэтому я со всѣмъ тщаніемъ

стараюсь облечь насъ духовнымъ оружіемъ, чтобы ни одинъ членъ не оказался обнаженнымъ и не получилъ смертельной раны. У насъ слово замѣняетъ оружіе, ограждая своихъ и вмѣстѣ поражая противниковъ, поражая не для того, чтобы низвергнуть, но чтобы возстановить и лежащихъ. Таково именно свойство этой борьбы: ею воздвигается трофей для спасенія сражающихся. Итакъ, чтобы достигнуть этого, слушайте меня съ напряженнымъ вниманіемъ, оставляя всякую житейскую заботу, возбудите вашъ умъ, обратитесь ко мнѣ съ зоркимъ окомъ. Пусть и богатый не разслабляется безпечностію, и бѣдный не мучится заботою бѣдности, но, оставляя всякое подобное житейское неравенство, пусть каждый предстанетъ готовымъ слушателемъ, потому что теперь предстоятъ намъ немаловажные предметы. И потому я часто говорю это, что знаю пучину, чрезъ которую мы пойдемъ. Впрочемъ, не смутись, услышавъ о пучинѣ, потому что, при руководствѣ Духа, эти воды не будутъ мрачны, но представится великое удобство, только бы вы шли тѣмъ путемъ, которымъ идти я повелѣваю. Не смущайтесь же и не безпокойтесь. Правда, предлагаемые теперь вопросы сначала могутъ смутить невнимательнаго слушателя и ввести въ недоумѣніе; но, если онъ дождется конца и увидитъ надлежащее разрѣшеніе, то ощутитъ отрадное спокойствіе и возможетъ привести свою душу въ невозмутимую пристань. Итакъ, чтобы достигнуть этого, не смущайтесь и не безпокойтесь, но со всякимъ долготерпѣніемъ и твердостію слѣдуйте тѣмъ путемъ, который указываетъ ученіе слова.

Какія же возраженія предлагаются намъ еретиками? *Не можетъ Сынъ*, говорятъ они, *творити о Себѣ ничесоже, аще не еже видитъ Отца творяща* (Іоан. v, 19). Это—слова Писанія. Для чего же представляютъ они это въ возраженіе? Они приводятъ это не въ томъ смыслѣ, какъ сказано въ Писаніи. Что же, спросишь, они хотятъ доказать этимъ? Видишь ли, говорятъ они, какъ Сынъ Божій отклонилъ мысль о равенствѣ (своемъ съ Отцемъ)? Такъ какъ іудеи, говорятъ, стали думать, что Сынъ дѣлаетъ Себя равнымъ Богу, то Онъ въ опроверженіе этого сказалъ: *не можетъ Сынъ о Себѣ творити ничесоже.*

2. Не напрасно ли сказалъ я, что такія слова могутъ смутить васъ и что сказанное можетъ сначала привести слушателя въ недоумѣніе? Но подождите, и вы увидите, какъ еретики будутъ побиваться собственнымъ своимъ оружіемъ. Прежде всего замѣтимъ,
249 что сказанное не было мыслію іудеевъ, какъ доказали мы это со всею ясностію и въ прежней бесѣдѣ, къ которой, чтобы не повторять опять того же, и отсылаемъ слушателя; а теперь постараемся разрѣшить возраженіе и показать, что Христосъ, говоря

это, не отвергаетъ той мысли, но съ великою точностію утверждаетъ и подверждаетъ ее и представляетъ намъ доказательство близости, большого сродства, единенія и согласія (Своего съ Отцемъ). Я смѣло указываю на это изреченіе и говорю, что эти слова особенно служатъ доказательствомъ сродства Его съ Отцемъ и единства по существу. Не смущайтесь еретическими сужденіями. Вѣдь нарисованные на стѣнахъ мечи, и копья, и стрѣлы, не могутъ устрашить непріятелей, съ грознымъ и зоркимъ взглядомъ. Какое бы здѣсь оружіе ни было, оно—тѣнь и образъ, а не дѣйствительные предметы. Таковы и сужденія еретиковъ. Чтобы обличить ихъ, пойдемъ ближе къ тому изреченію, обстоятельно разсмотримъ его, а между тѣмъ спросимъ ихъ, какъ они хотятъ толковать это изреченіе. Одного только чтенія недостаточно. Если бы достаточно было одного чтенія, то для чего Филиппъ говорилъ евнуху: *убо разумѣеши ли, яже чтеши* (Дѣян. VIII, 30)? Слѣдовательно, тотъ читая нисколько не понималъ написаннаго; поэтому онъ и говорилъ: *молю тя, о комъ пророкъ глаголетъ сіе; о себѣ ли, или о иномъ нѣкоемъ* (Дѣян. VIII, 34)? Если бы достаточно было одного чтенія, то почему іудеи, читая ветхій завѣтъ, еще и донынѣ не вѣруютъ ни тому, чѣмъ сопровождалось рожденіе Христа, ни знаменіямъ, ни чудесамъ, ни мѣсту, ни времени, ни кресту, ни погребенію, ни воскресенію, ни вознесенію, ни сѣдѣнію одесную, ни сошествію Духа, ни посланію апостоловъ на проповѣдь, ни отверженію синагоги, ни высокому достоинству Церкви? Слѣдовательно, одного чтенія недостаточно, если не будетъ притомъ и разумѣнія. Какъ тотъ, кто принимаетъ пищу, но не перевариваетъ ея, не будетъ жить, такъ и тотъ, кто читаетъ, но нисколько не понимаетъ читаемаго, не достигнетъ истины. Поэтому не представляйте мнѣ евангельскаго изреченія, но и объясните его. Этого же я требую отъ нихъ для того, чтобы, когда опровергну гнилыя ихъ сужденія, тогда и положить мнѣ основаніе истины. Такъ поступаютъ и домостроители: они не прежде полагаютъ основаніе зданій, какъ очистивъ мѣсто отъ гнили, чтобы строить съ безопасностію. Будемъ подражать имъ и мы.

Итакъ скажи: точно ли Сынъ вовсе ничего не можетъ творить самъ по Себѣ? Онъ не сказалъ, что людей творить Онъ можетъ, а ангеловъ не можетъ, или: ангеловъ можетъ, а архангеловъ не можетъ, но сказалъ: *ничесоже*. Слѣдовательно, это слово означаетъ слабость? Если, по твоему мнѣнію, Онъ не можетъ, то Онъ подчиненъ принужденію и необходимости, — т. е., если Онъ самъ по Себѣ не творитъ ничего, *но еже видитъ Отца творяща*. Вотъ слѣдствія такого ученія, которыя чужды тому Существу

нетлѣнному, безсмертному, неизъяснимому, неизреченному и непостижимому. И что́ я говорю о Христѣ? Даже о мнѣ, маломъ и ничтожномъ и сотворенномъ изъ земли, нельзя сказать этого, т. е., что я не могу ничего дѣлать самъ по себѣ, равно и о тебѣ, и ни о комъ другомъ изъ людей. Вѣдь если бы это было справедливо, напрасно были бы и геенна, и наказаніе, и мученіе, напрасно и вѣнцы, и награды, и блага, потому что, если мы сами
250 по себѣ не дѣлаемъ ничего, то, согрѣшая, не подвергнемся первымъ, и, дѣлая добрыя дѣла, не получимъ послѣднихъ. Награды назначены не просто за дѣла, но за расположеніе. Напримѣръ, когда кто-либо самъ собою дѣлаетъ доброе дѣло, тогда онъ увѣнчивается и прославляется не просто за то, что онъ дѣлаетъ, но что дѣлаетъ это по расположенію и произволенію. А чтобы вы убѣдились, что это справедливо, Евангелистъ говоритъ: *суть скопцы, иже скопишася отъ человѣкъ, и суть скопцы, иже исказиша сами себе царствія ради небеснаго* (Мѳ. XIX, 12). Скопцами онъ называетъ здѣсь не тѣхъ, которые отсѣкли у себя члены, а тѣхъ, которые отсѣкли помыслъ порочный и исполненный разврата, воспользовавшись для этой цѣли не желѣзнымъ ножемъ, но мыслію и любомудріемъ, и при помощи Божіей. Вотъ два рода скопцовъ: у однихъ члены отсѣчены людьми, а другіе по благочестію сами у себя отсѣкли порочный помыслъ. Но, хотя они и неодинаково оскопились, однако тѣ и другіе равно воздерживаются отъ общенія съ женщинами,—равно, сказалъ я, не по расположенію, а по существу дѣла, потому что и скопецъ не можетъ сообщаться съ женщиною, и монашествующій, (мысленно) оскопившій самъ себя. Дѣйствіе—одно, а цѣль—не одна. Потому, сказавъ о первыхъ, что они оскоплены людьми, Христосъ не назначилъ имъ за это никакой награды,—такъ какъ это дѣло природы, а не подвижничества,—а упомянувъ о послѣднихъ, Онъ увѣнчалъ ихъ царствомъ, сказавъ: *царствія ради небеснаго.* Хотя ни тотъ, ни другой не имѣютъ общенія съ женщиною, но тотъ по необходимости, а этотъ совершаетъ подвигъ по своему произволенію, самъ по себѣ рѣшился и исполняетъ это. Если же люди могутъ сами по себѣ дѣлать это,—могутъ и исполнять и любомудрствовать, и говорить, и совершать безчисленное множество другихъ дѣлъ,—то неужели Владыка ангеловъ не возможетъ самъ по Себѣ совершить ни малаго, ни великаго? И кто допуститъ это? Не слышишь ли Павла, который говоритъ: *въ велицѣмъ дому не точію сосуди злати и сребряни суть, но и древяни и глиняни: и ови убо въ честь, ови же не въ честь. Аще убо кто очиститъ себе отъ сихъ, будетъ сосудъ въ честь, освященъ Владыцѣ* (2 Тим. II, 20, 21)?

3. Видишь ли, какъ и они исправляются сами собою? Это и означаютъ слова: *аще кто очиститъ себе*. Итакъ, что же значитъ то изреченіе? Если бы наше слово относилось только къ своимъ, то я уже предложилъ бы и разрѣшеніе; но такъ какъ оно относится къ врагамъ и непріятелямъ, то необходимо еще опровергнуть ихъ мысли; поэтому опять приведемъ сказанное изреченіе, и объяснимъ его. Бесѣда наша достаточно показала, что мы можемъ и дѣлать, и говорить отъ себя; иначе мы не увѣнчивались бы, дѣлая добрыя дѣла. Спросимъ же опять еретика: что значитъ: *не еже видитъ Отца творяща, не можетъ о Себѣ творити ничесоже?* По этому изреченію, говорю, а не по толкованію его, или лучше: не по изреченію, а по превратному толкованію еретиковъ, необходимо допустить нѣкоторое двоякое твореніе. Какъ и какимъ образомъ? *Не еже видитъ Отца творяща*, говорится, *не можетъ творити*. Слѣдовательно, всецѣло необходимо, чтобъ были, съ одной стороны, дѣла, совершенныя Отцемъ, а съ другой и иныя— дѣла Сына, которыя Онъ, взирая на тѣ, сотворилъ и Самъ, потому что *не еже видитъ Отца творяща*, сказано, *не творитъ*, а чтобы видѣть, необходимы дѣла. Что же, скажи мнѣ: одно солнце 251
видимъ мы, а ты не можешь ли показать мнѣ два, чтобы я усмотрѣлъ въ одномъ твореніе Отца, а въ другомъ твореніе Сына? Не покажешь ли и двѣ луны, и двѣ земли, и два моря, и также все прочее? Но ты не можешь утверждать этого: солнце одно. Какъ же,—вѣдь (Сынъ) не творитъ, если не видитъ (Отца) творящимъ? Чьимъ дѣломъ хочешь ты считать солнце? Отца? Гдѣ же солнце Сына? Или Сына? Гдѣ же солнце Отца, на которое взирая, Сынъ сотворилъ другое такое же? И какъ устоитъ слѣдующее изреченіе: *вся тѣмъ быша, и безъ Него ничтоже бысть* (Іоан. I, 3)? Если все — чрезъ Него, то въ какое время могло бы произойти это раздѣленіе? Видишь ли, каковы мысли еретиковъ, какъ онѣ запутываютъ сами себя, какъ ложь обличаетъ сама себя? Вотъ, приведши ихъ толкованіе, я показалъ, какъ оно опровергается само собою. Но я съ удовольствіемъ предложилъ бы имъ и такой вопросъ: кто принялъ нашу плоть и вошелъ въ дѣвическую утробу? Скажи: Отецъ, или Сынъ? Не всякому ли извѣстно, что Единородный Сынъ Божій? Такъ и Павелъ говоритъ: *сіе да мудрствуется въ васъ, еже и во Христѣ Іисусѣ, иже во образѣ Божіи сый, не восхищеніемъ непщева быти равенъ Богу, но Себе истощилъ зракъ раба пріимъ* (Филип. II, 5—7). И еще: *посла Богъ Сына своего единороднаго, раждаемаго отъ жены, бываема подъ закономъ* (Галат. IV, 4). И все Писаніе, какъ ветхозавѣтное, такъ и новозавѣтное, исполнено такихъ свидѣтельствъ, и самыя дѣла возвѣщаютъ, что воплотился Единородный, а не Отецъ. Итакъ, ви-

дѣвъ ли Отца воплотившимся, Сынъ воплотился? По видимому, Онъ не воплотился бы, если бы не видѣлъ Отца воплотившимся, потому что Онъ *не можетъ творити о Себѣ ничесоже, аще не еже видитъ Отца творяща*. Когда же Онъ могъ бы видѣть Отца сдѣлавшимъ это? Ты не въ состояніи сказать. Между тѣмъ не подумай, что это событіе маловажное. Воплощеніе Единороднаго, снисхожденіе Его есть *главизна* нашего спасенія. Прежде, нежели Онъ сдѣлался человѣкомъ, господствовало зло, глубочайшая ночь покрывала все, вездѣ были жертвенники и идольскія капища, смрадъ, дымъ и потоки крови не только овецъ и воловъ, но и людей,—потому что *пожроша сыны своя и дщери своя бѣсовомъ* (Псал. cv, 37); и это дѣлалъ такой народъ, который имѣлъ пророковъ, получилъ законъ, удостоивался созерцать Бога и былъ воспитанъ столь многими чудесами. Если же эти люди были таковы, то представь, въ какомъ были состояніи прочія части вселенной, гдѣ люди были приводимы въ неистовство бѣсами, предавались порокамъ, раболѣпствовали всѣмъ страстямъ, служили лѣсамъ, поклонялись камнямъ, горамъ, холмамъ, лѣсистымъ долинамъ, деревьямъ, озерамъ, источникамъ и рѣкамъ. Но для чего говорить о прочихъ? И на основаніи пороковъ, господствовавшихъ у іудеевъ, я могу судить о чрезмѣрности ихъ у прочихъ народовъ. *Кони женонеистовни сотворишася, кійждо къ женѣ искренняго своего ржаше* (Іер. v, 8). *Позна волъ стяжавшаго и оселъ ясли господина своего, Израиль же Мене не позна* (Иса. I, 3). *Пси нѣміи, не возмогутъ лаяти* (Иса. LVI, 10). *Лице жены блудницы бысть тебѣ, не хотѣла еси постыдѣтися ко всѣмъ* (Іер. III, 3).
225 *Нѣсть разумѣваяй или взыскаяй Бога; вси уклонишася, вкупѣ неключими быша* (Пс. XIII, 2, 3). Еще другой говоритъ: *всуе ковачь сребро куетъ: лукавствa бо ихъ не истаяша* (Іер. VI, 29). Еще иной: *клятва, и лжа, и убійство, и татьба, и любодѣяніе разліяся по земли, и кровь съ кровми мѣшаютъ* (Ос. IV, 2). Еще иной: *аще премѣнитъ Еѳіоплянинъ кожу свою и рысь пестроты своя*, то и народъ этотъ будетъ въ состояніи творить судъ, научившись злу (Іер. XIII, 23). Еще иной: *у люто мнѣ, душе, яко погибе благочестивый отъ земли и исправляющаго въ человѣцѣхъ нѣсть. Вси въ кровехъ прятся* (Мих. VII, 2). Также Богъ говоритъ: *возненавидѣхъ, и отвергохъ праздники ваша, и не обоняю жертвъ въ сонмѣхъ вашихъ* (Амос. v, 21). И Илія: *олтари твоя раскопаша, и пророки твоя избиша, и остахъ азъ единъ, и ищутъ души моея* (3 Цар. XIX, 10). И еще Богъ: *оставихъ домъ мой, оставихъ достояніе мое, дахъ возлюбленную душу мою въ руки враговъ ея* (Іер. XII, 7). И еще Давидъ: *И пожроша сыны своя и дщери своя бѣсовомъ, и проліяша кровь неповинную, кровь сыновъ своихъ и дщерей* (Псал. cv, 37—38).

4. Видишь ли господство зла? Они стали псами и конями, безумнѣе ословъ, безчувственнѣе воловъ, и неистовствовали противъ самой природы. Но по воплощеніи Христа—что́ говоритъ Писаніе? *Отче нашъ, Иже еси на небесѣхъ* (Мѳ. vi, 9). И прежде этого Писаніе говорило: *иди ко мравію, о лѣниве* (Прит. vi, 9). А послѣ того мы удостоились и усыновленія Богу, и вписаны на небѣ, и ликуемъ вмѣстѣ съ ангелами, и принимаемъ участіе въ ихъ пѣснопѣніяхъ, и соревнуемъ безплотнымъ силамъ. Холмы уничтожены, капища разрушены, камень оказался камнемъ, дерево—деревомъ, растенія—растеніями, источники—источниками, потому что возсіяло Солнце правды, и открыло природу вещей, которую прежде закрывала ночь заблужденія и глубокая тьма невѣжества, помрачавшая зрѣніе обольщенныхъ. Когда же густое облако заблужденія было разсѣяно лучемъ Солнца правды, тогда вездѣ сталъ свѣтъ и день, блистательный и постоянный полдень. Теперь и персы, женившіеся на матеряхъ, соблюдаютъ дѣвство; и не знавшіе своихъ сыновей и убивавшіе ихъ сдѣлались смиреннѣе и кротче всѣхъ; волки сдѣлались смирны, какъ овцы, или лучше сказать, тѣ, которые были хуже и волковъ, потому что волкъ не погрѣшаетъ противъ природы, онъ узнаетъ свое дѣтище, а люди были свирѣпѣе и ихъ. По воплощеніи же и домостроительствѣ Единороднаго, они, оставивъ свирѣпость, возвратились къ своему благородству, лучше же сказать, вызвысились до добродѣтелей ангельскихъ. Прежде и города были наполнены нечестіемъ; а теперь и пустыня исполнена любомудрія, и на горахъ и въ лѣсныхъ долинахъ—хижины монаховъ, подражающихъ жизни ангельской и отрекшихся отъ настоящей жизни. Впрочемъ для чего употреблять много словъ, когда дѣла взываютъ и яснѣе солнца указываютъ на блага, которыя, послѣ того дивнаго и духовнаго рожденія Сына Божія отъ Дѣвы, послѣ домостроительства и воплощенія Его, получила вся вселенная? Но, однако, столь великое и столь важное дѣло Онъ совершилъ самъ Собою. Такъ и Павелъ взываетъ: *иже во образѣ Божіи сый,* 258
не восхищеніемъ непщева быти равенъ Богу, но Себе истощилъ, зракъ раба пріимъ (Филип. ii, 6—7). Слышишь ли, еретикъ, что Онъ истощилъ самъ Себя? И еще въ другомъ мѣстѣ: *якоже и Христосъ возлюбилъ есть насъ и предаде Себе за ны приношеніе и жертву Богу, въ воню благоуханія* (Ефес. v, 2). Онъ и распялся Самъ отъ Себя и закланъ самъ отъ Себя; потому Онъ Самъ и говорилъ: *область имамъ положити душу мою, и о́бласть имамъ паки пріяти ю. Никтоже возметъ ю отъ Мене, но Азъ полагаю ю о Себѣ* (Іоан. x, 18). Что скажешь ты здѣсь, еретикъ, извращающій евангельское изреченіе: *не можетъ Сынъ о Себѣ творити ничесоже?* Вотъ

Онъ самъ говоритъ: *Азъ полагаю ю о Себѣ, и принимаю ю о Себѣ.* Это изреченіе не маловажное, но весьма великое. И объ Отцѣ сказано, что Онъ имѣетъ власть надъ жизнію и смертію. Видишь ли, какъ ты попалъ въ сѣти? Что скажешь ты объ этомъ изреченіи? *Азъ полагаю ю о Себѣ и принимаю ю о Себѣ.* Какъ же ты говорилъ, что Онъ не дѣлаетъ ничего Самъ Собою? Впрочемъ, какъ я сказалъ, если бы мое слово относилось только къ еретикамъ, то теперь, поставивъ ихъ въ затрудненіе и въ сѣти, я удалился бы, когда уже одержана достаточная побѣда, пріобрѣтенъ блистательный трофей и представлено величайшее доказательство ихъ безумія. Но такъ какъ я хочу не только заградить уста противниковъ, а научить и находящихся съ нами, и умудрить наши члены, то этимъ не окончу бесѣды, но постараюсь пойти далѣе, указать еще на другое дѣло, обличающее безстыдныя противорѣчія еретиковъ. Что говоритъ Писаніе? *Отецъ не судитъ никомуже, но всѣмъ Сынъ* [1]) (Іоан. v, 22).

5. Я спрашиваю еретика: если Отецъ не судитъ никого, а судитъ Сынъ, то какъ Онъ судитъ? Если Онъ *о Себѣ не можетъ творити ничесоже, аще не еже видитъ Отца творяща*, а Отецъ не судитъ, но судитъ всѣхъ Сынъ, то какъ Онъ можетъ сдѣлать то, чего не видѣлъ? И этого не оставляй безъ вниманія, потому что и это не маловажно, но показываетъ величайшую силу. Въ самомъ дѣлѣ, представь, сколь великое дѣло—привести въ тотъ день всѣхъ, жившихъ отъ Адама до скончанія вѣковъ, язычниковъ, іудеевъ, еретиковъ, находящихся въ православной вѣрѣ и согрѣшившихъ, и обнаружить тайныя всѣхъ дѣла, слова коварства, злоумышленія, сокровенныя мысли, безъ указаній свидѣтелей, безъ уликъ, безъ изображеній, безъ доказательствъ, безъ всякихъ подобныхъ способовъ, но собственною силою совершить это обличеніе. И между тѣмъ столь великое и важное дѣло Онъ совершаетъ Самъ, не видѣвъ напередъ совершавшимъ тоже Отца и потомъ подражая Ему, потому что *Отецъ не судитъ никомуже.* Посмотри же, какъ Онъ и въ другихъ случаяхъ дѣлаетъ все со властію,—и въ чудотвореніяхъ, и въ законодательствѣ, и во всемъ прочемъ. Послѣ того, какъ взошелъ на гору и сталъ давать новый завѣтъ, Онъ сказалъ: *слышасте, яко речено бысть древнимъ: не убіеши; иже бо аще убіетъ, повиненъ будетъ суду; иже речетъ, уроде, повиненъ будетъ гееннѣ огненнѣй. Азъ же глаголю вамъ: яко*
254 *всякъ гнѣваййся на брата своего всуе, повиненъ будетъ суду. Слышасте яко речено бысть: око за око, и зубъ за зубъ. Азъ же глаголю не противитися злу, но аще тя кто ударитъ въ десную твою ланиту,*

---

[1]) Сл. В.: *но судъ весь даде Сынови.*

обрати ему и другую (Мѳ. v, 21, 22, 38, 39). Что это? Тотъ, Который не дѣлаетъ самъ по Себѣ ничего, исправляетъ и дѣла Отца, и улучшаетъ заповѣди? Впрочемъ, когда я говорю: исправляетъ, ты не подозрѣвай ничего богохульнаго, какъ будто Отецъ безсильнѣе Сына. Если прежнее законодательство было ниже, то причина—не въ Богѣ, а въ тѣхъ, которые приняли законъ. Но и Ветхій завѣтъ есть дѣло Единороднаго, и Новый—дѣло Отца. Какъ же, скажи мнѣ, ничего не дѣлаетъ Самъ Собою Тотъ, Кто дѣлаетъ прибавленія къ Ветхому завѣту, проявляетъ такую власть? Что можетъ быть немощнѣе еретиковъ? И іудеи изумлялись, что Онъ такъ училъ ихъ, *яко власть имѣя, и не яко книжницы и фарисее* (Мѳ. vii, 29), іудеи свидѣтельствовали объ Его власти; а эти доказываютъ, что Онъ не можетъ дѣлать ничего Самъ отъ Себя. И притомъ не сказали они: *яко имѣющій получить власть*, но: *яко власть имѣя*, потому что власть не впослѣдствіи придана Ему, но уже была совершенною и не имѣла нужды ни въ чемъ. Поэтому, на вопросъ о царствѣ, Онъ отвѣтилъ: *Азъ на сіе родихся* (Іоан. xviii, 37). Также, когда принесли къ Нему разслабленнаго, то, уврачевавъ ему грѣхи, Онъ сказалъ: *да увѣсте, яко власть имать Сынъ человѣческій на земли отпущати грѣхи: глагола разслабленному: возьми одръ, и иди въ домъ твой* (Мѳ. ix, 6). Народъ говорилъ, что Онъ дѣлаетъ все, *яко власть имѣя*; и самъ Онъ говорилъ, что *власть имать Сынъ человѣческій отпущати грѣхи на земли*, и еще: *область имамъ положити душу мою, и область имамъ пріяти ю* (Іоан. x, 18). Онъ законодательствуетъ со властію, отпускаетъ грѣхи со властію, имѣетъ власть надъ жизнію и смертію; и какъ же ты говоришь, что Онъ не дѣлаетъ ничего Самъ Собою? Что можетъ быть яснѣе этой побѣды?

6. Но, если хотите, мы наконецъ оставимъ еретиковъ и приведемъ разрѣшеніе на приведенное изреченіе, разъяснивъ вамъ, во-первыхъ, то, что выраженіе: *не можетъ*, употребляемое о Богѣ, означаетъ не слабость, а силу. Хотя эти слова новы, но, однако, мы представимъ на нихъ ясное доказательство. Если я говорю, что Богъ не можетъ грѣшить, то не въ слабости обвиняю Его, но свидѣтельствую о величайшемъ Его могуществѣ. Если я говорю, что Богъ не можетъ лгать, то опять указываю на тоже самое. Такъ и Павелъ говорилъ: *аще терпимъ, съ Нимъ и воцаримся: аще не вѣруемъ, Онъ вѣренъ пребываетъ, отрещися бо Себе не можетъ* (2 Тим. ii, 12, 13). Видишь ли, что выраженіе: *не можетъ* служитъ знакомъ могущества? Но что говорить о Богѣ? Обращу рѣчь къ чувственнымъ, вещественнымъ предметамъ. Если я говорю, что алмазъ не можетъ разрываться, то этимъ словомъ: *не можетъ* о слабости ли его свидѣтельствую, или о величайшей

его крѣпости? Итакъ, когда ты услышишь, что Богъ не можетъ согрѣшить и не можетъ лгать, не можетъ и отречься отъ Себя, то подъ этимъ словомъ — *не можетъ* — разумѣй не слабость, но величайшее могущество, т. е. что Его существо не принимаетъ никакого зла, не доступно ему, чисто и превыше его Такимъ образомъ, обсудивъ это, обратимся къ нашему предмету. *Не можетъ*
255 *Сынъ о Себѣ творити ничесоже.* Что значитъ: *о Себѣ?* Если вы уразумѣете это съ точностію, то узнаете великую Его близость къ Родителю, неотдѣльность существа Ихъ, — что Онъ имѣетъ такое же существо, какое и Отецъ. Что же значитъ: *не можетъ о Себѣ?* Онъ не можетъ дѣлать что-нибудь особое отъ Отца, не можетъ дѣлать что-нибудь чуждое Отцу, отдѣльное, отличное, иное, нежели то, что дѣлаетъ Отецъ: что дѣлаетъ Отецъ, тоже дѣлаетъ и Онъ. Итакъ изреченіе: *о Себѣ не можетъ творити* есть не отрицаніе свободы и не уничтоженіе власти, а доказательство единомыслія, свидѣтельство о согласіи, знакъ совершенной близости и неотдѣльности. Когда Онъ нарушилъ субботу, и стали обвинять Его въ беззаконіи, говоря: иное установилъ Богъ, а иное дѣлаешь Ты, тогда Онъ, желая обуздать это ихъ безстыдство, сказалъ: Мною не сдѣлано ничего такого, чего не дѣлаетъ Отецъ; Я не противникъ Его и не врагъ. Если же Онъ сказалъ не такъ, но употребилъ выраженіе болѣе человѣкообразное и болѣе чувственное, то вспомни, что Онъ говорилъ іудеямъ, которые считали Его богопротивникомъ. Поэтому, чтобы никто не думалъ ничего подобнаго, Онъ тотчасъ и прибавилъ: *дѣла бо яже Онъ творитъ, сія и Сынъ такожде творитъ* (Іоан. v, 19). Если же Онъ не дѣлаетъ ничего Самъ отъ Себя, то какъ Онъ *такожде творитъ?* Не въ томъ важность, чтобы творить; творили и апостолы: мертвыхъ воскрешали, прокаженныхъ очищали; но они творили не такъ, какъ творитъ Онъ. А какъ творили они? *Что на ны взираете, яко своею ли силою или* властію *сотворихомъ его ходити* (Дѣян. III, 12). А какъ творилъ Іисусъ? *Да увѣсте, яко власть имать Сынъ человѣческій на земли отпущати грѣхи* (Мрк. II, 10; Лук. v, 24). Также и о воскресеніи мертвыхъ: *якоже Отецъ воскрешаетъ мертвыя и живитъ, такожде и Сынъ ихже хощетъ живитъ* (Іоан. v, 21). Хотя достаточно было бы и слова: *такожде,* но Онъ, желая больше обличить безстыдство тѣхъ, которые хотѣли противорѣчить, прибавилъ: *ихже хощетъ*, т. е., со всякою властію. Поэтому и говоритъ: *дѣла, яже Той творитъ*; не сказалъ: такія и Сынъ творитъ, но *сія* самыя *и Сынъ творитъ*, потому что *вся тѣмъ быша, безъ Него ничтоже бысть* (Іоан. I, 3). Видишь ли, какъ Онъ направляетъ рѣчь къ тому, чтобы выразить совершенное единство, сродство и близость? Не такія, говоритъ, а *тѣ же*

самыя, и *такожде*, какъ Отецъ. Потому, конечно, и въ послѣдующихъ словахъ, опредѣляя свое отношеніе къ Отцу, и тамъ Онъ употребилъ весьма осторожное выраженіе. Не сказалъ: чему не научится отъ Отца, — чтобы ты не представлялъ Его учащимся; также не сказалъ: чего не было приказано, — чтобы ты не поставлялъ Его въ числѣ рабовъ, — но: *аще не еже видитъ Отца творяща*. Эти самыя слова, сказанныя такимъ образомъ, выражаютъ великую близость Его къ Отцу. Если Сынъ 256
можетъ видѣть Отца творящимъ и знать, какъ Отецъ творитъ, то Онъ одного и того же существа съ Нимъ. И прежде мы часто доказывали, что существа Божія никто не можетъ видѣть ясно и знать точно, кто не одного естества съ Богомъ. Даже ангела въ чистомъ его существѣ человѣкъ видѣть не можетъ, хотя бы то былъ украшенный высокою добродѣтелію Даніилъ. Поэтому Христосъ считалъ это исключительною принадлежностію Своего естества, когда говорилъ: *Бога никтоже видѣ нигдѣже: единородный Сынъ, сый въ лонѣ Отчи, той исповѣда* (Іоан. I, 18). И еще: *не яко Отца видѣлъ есть кто, токмо сый отъ Бога: сей видѣ Отца* (Іоан. VI, 46). Видѣли Его, конечно, и многіе другіе, пророки, праотцы, праведники, ангелы; но Онъ говоритъ о точномъ познаніи. Итакъ, не будемъ говорить, что Сынъ творитъ тогда, когда видитъ Отца творящимъ; иначе какой смыслъ имѣли бы слова: *вся тѣмъ быша, и безъ Него ничтоже бысть* (Іоан. I, 3); и еще: *дѣла, яже той творитъ, сія и Сынъ такожде творитъ* (Іоан. V, 19)? Если Онъ творитъ *такожде*, то какъ можно сказать, что Онъ творитъ тогда, когда напередъ увидитъ творящимъ Отца? По твоимъ словамъ необходимо будетъ, что и Отецъ творитъ, видя другого творящимъ; а это крайне безумно и безсмысленно.

7. Но чтобы, обличая эти слабыя и нелѣпыя мысли, намъ не распространить бесѣды, скажемъ слѣдующее: такъ какъ Христосъ говорилъ іудеямъ, которые называли Его богопротивникомъ и врагомъ Законодателя, и умозаключали объ этомъ изъ дѣйствій Его, то Онъ придалъ своимъ словамъ болѣе человѣкообразный и болѣе чувственный видъ, предоставляя благоразумному слушателю понять богоприличную мысль, и исправляя мыслящихъ болѣе чувственнымъ образомъ; поэтому и сказалъ: *дѣла бо, яже той творитъ, сія и Сынъ такожде творитъ*. Онъ не ожидаетъ, пока увидитъ Отца дѣлающимъ, чтобы потомъ Самому дѣлать, и не нуждается въ наученіи; но видитъ существо Его и знаетъ это существо ясно. *Якоже (бо) знаетъ Мя Отецъ*, говоритъ Онъ, *и Азъ знаю Отца* (Іоан. X, 15). Онъ дѣлаетъ все и творитъ со свойственною Ему властію, съ вѣдѣніемъ и премудростію, наслѣдованною Имъ, не имѣя нужды ни учиться, ни усматривать.

Для чего это Ему, Который есть совершеннѣйшій образъ Родителя, творить все такъ же, какъ Онъ, и съ такою же силою? О силѣ именно сказалъ Онъ, когда прибавилъ слѣдующее: *Азъ и Отецъ едино есма* (Іоан. x, 30). Итакъ, зная все это и понимая сказанное, будемъ отвращаться отъ собраній еретиковъ, постоянно держаться правой вѣры, и проводить жизнь исправную и согласную съ догматами, чтобы получить будущія блага, благодатію и милосердіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава, съ Отцемъ и Святымъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА О МЕЛХИСЕДЕКѢ.

257 1. Сегодня я хочу предложить вамъ апостольскую трапезу, и готовлюсь обратить рѣчь къ морю Павловыхъ изреченій. Но что будетъ со мною? Я недоумѣваю и боюсь, чтобы мы, вышедши изъ пристани и вступивъ въ глубину апостольскихъ мыслей, не потерпѣли головокруженія, которое испытываютъ неопытные пловцы. Тѣ, покинувъ землю и увидѣвъ съ обѣихъ сторонъ корабля море и не видя ничего другого, кромѣ моря и неба, подвергаются умопомраченію и представляютъ, что корабль вращается вокругъ нихъ вмѣстѣ съ моремъ. Но головокруженія происходятъ не отъ свойства моря, а отъ неопытности плывущихъ. Другіе пловцы съ обнаженными тѣлами бросаются въ волны и не испытываютъ ничего подобнаго, но, погрузившись въ самую глубину, проводятъ время безопаснѣе сидящихъ на землѣ, и, принимая морскую воду и устами, и глазами, и всѣмъ тѣломъ, не чувствуютъ непріятности. Столь велико и таково зло—неопытность; и таково благо—опытность. Эта внушаетъ презирать и страшное; а та заставляетъ опасаться и бояться и неопаснаго. Одни, сидя на палубѣ корабля, чувствуютъ головокруженіе отъ одного взгляда на море; а другіе и среди волнъ не приходятъ въ смущеніе. Тоже бываетъ и съ нашею душею. И ее часто объемлютъ волны страстей, свирѣпѣйшія волнъ морскихъ, какъ-то: буря гнѣва, ниспровергающая сердце, дуновенія порочной похоти, производящія въ умѣ великое смятеніе. Неопытный и безпечный, при наступленіи бури гнѣва, тотчасъ смущается, приходитъ въ смятеніе и замѣшательство; видитъ душу потопляемою страстями и терпящею кораблекрушеніе. А опытный и внимательный мужественно переноситъ все это. Онъ, подобно кормчему при кормилѣ, поставивъ умъ свой надъ страстями, не перестаетъ употреблять мѣры дотолѣ, пока приведетъ корабль въ тихую пристань любомудрія. Что бываетъ на морѣ и

случается съ душею, тоже по необходимости случается и при изъясненіи Писаній; нужно бываетъ недоумѣвать и смущаться, подобно тому, какъ когда мы выходимъ въ море,—не потому, что море страшно, а потому, что мы пловцы неопытные. Что дѣйствительно иногда рѣчь, по свойству своему легкая, бываетъ 258
трудною изъ-за неопытности слушателей, на это я представлю вамъ свидѣтелемъ Павла. Сказавъ, что Христосъ былъ первосвященникомъ по чину Мелхиседека, и изслѣдуя, кто этотъ Мелхиседекъ, онъ присовокупилъ: *о немже многое намъ слово и неудобь сказаемое глаголати* (Евр. v, 11). Что говоришь ты, Павелъ? *Неудобь сказаемое* для тебя, обладающаго духовною мудростью, слышавшаго неизреченное, восхищеннаго до третьяго неба? Если это для тебя *неудобь сказаемо*, то для кого же оно постижимо? Для меня, говоритъ онъ, оно *неудобь сказаемо* не по собственной моей немощи, а по неспособности слушателей. Именно, сказавъ: *неудобь сказаемое глаголати*, онъ присовокупилъ: *понеже немощни бысте слухи* (Евр. v, 11). Видишь ли, что не свойство рѣчи, а неопытность слушателей сдѣлала нетрудное труднымъ? И не только трудною, но и длинною краткую рѣчь сдѣлала таже самая причина. Поэтому онъ и сказалъ, что это не только *неудобь сказаемое глаголати*, но и *многое*, представивъ причиною и продолжительности и трудности рѣчи тупость слуха. Какъ больнымъ не надобно предлагать трапезы однообразной и небрежно приготовленной, но должно приготовлять для нихъ яства разнообразныя, чтобы больной, если не захочетъ одного, взялъ бы другое, и если не найдетъ пріятнымъ это, нашелъ бы годнымъ для себя третіе, а если отвергнетъ и это, принялся бы за иное которое-нибудь, и чтобы разнообразіемъ намъ побѣдить трудность и многоразличною пищею уврачевать дурное его расположеніе, такъ часто должно поступать и въ отношеніи къ слушанію, когда мы слабы; надобно приготовлять длинную рѣчь, исполненную различныхъ притчей и примѣровъ, доказательствъ и доводовъ и многаго другого подобнаго, чтобы изъ всего намъ былъ удобенъ выборъ полезнаго. Впрочемъ, хотя *слово* было *многое и неудобь сказаемое*, но апостолъ не лишилъ слушателей ученія о Мелхиседекѣ. Словами: *многое* и *неудобь сказаемое* онъ пробудилъ ихъ усердіе, чтобы они не были слишкомъ нерадивы къ слушанію; а предложивъ трапезу, вознаградилъ ихъ желаніе.

2. Тоже сдѣлаемъ и мы. Хотя мы и не въ состояніи проникнуть въ это море и въ глубину этихъ мыслей, но осмѣлимся пуститься въ море, надѣясь не на собственную свою силу, а на дарованную намъ свыше благодать; пустимся въ море не по

собственной смѣлости, а для вашей пользы, и подражая въ этомъ Павлу. Что онъ дѣйствительно не лишилъ слушателей ученія о Мелхиседекѣ, выслушай слѣдующее. Сказавъ: *о немже многое намъ слово и неудобь сказаемое глаголати*, онъ присоединилъ:
259 *сей бо Мелхиседекъ царь правды, потомъ же царь Салимскій, еже есть царь мира: безъ отца, безъ матере, безъ причта рода, ни начала днемъ, ни животу конца имѣя: уподобленъ же Сыну Божію, пребываетъ священникъ выну* (Евр. VII, 1—3). Не поразилъ ли онъ вашего слуха, говоря о человѣкѣ и сказавъ: *безъ отца, безъ матере, безъ причта рода?* И что я говорю о человѣкѣ? Если бы это было сказано о Сынѣ (Божіемъ), и тогда не представилось ли бы много вопросовъ? Если именно Онъ безъ Отца, то какъ Онъ Сынъ? А если безъ матери, то какъ—Единородный? Сынъ долженъ имѣть отца; иначе онъ не былъ бы сыномъ. И, однако, Сынъ Божій есть *безъ отца* и *безъ матере*: безъ отца по земному рожденію, безъ матери по небесному; Онъ не имѣлъ ни отца на землѣ, ни матери на небесахъ. *Безъ причта рода*. Пусть выслушаютъ это тѣ, которые изслѣдуютъ существо Его. Нѣкоторые думаютъ, что это выраженіе: *безъ причта рода*—относится къ небесному рожденію.

Еретики не хотятъ допустить и этого; они изслѣдуютъ и усиливаются узнать и это небесное рожденіе; а болѣе умѣренные изъ нихъ, оставляя это, думаютъ, что слова: *безъ причта рода* сказаны о земномъ рожденіи. Итакъ, покажемъ, что Павелъ сказалъ это о томъ и другомъ рожденіи, и о небесномъ, и о земномъ. Вѣдь и то страшно, и это весьма таинственно. Поэтому и Исаія говоритъ: *родъ Его кто исповѣсть* (Ис. LIII, 8)? Но, скажутъ, онъ говоритъ о томъ рожденіи—небесномъ. Для чего же, скажемъ мы, Павелъ упомянулъ о томъ и другомъ рожденіяхъ и потомъ уже присовокупилъ—*безъ причта рода?* Для того, чтобы ты увѣровалъ, что Онъ *безъ причта рода* не только по тому рожденію, по которому Онъ не имѣетъ матери, но и по тому, по которому онъ не имѣетъ отца, т. е. по земному; для этого Онъ упомянулъ о томъ и другомъ рожденіи и потомъ сказалъ: *безъ причта рода*. И это земное непостижимо; а къ тому мы не дерзаемъ и приникнуть. Если преддверіе храма такъ страшно и неприступно, то кто отважится войти во внутреннее святилище? Что Онъ рожденъ отъ Отца, это я знаю, а какъ, не знаю; что Онъ рожденъ отъ Дѣвы, это я знаю, а способа (рожденія) и здѣсь не постигаю. То и другое рожденіе исповѣдуется, а о способѣ того и другого умолчано. Какъ здѣсь въ отношеніи къ Дѣвѣ, не зная, какъ Онъ родился отъ Дѣвы, я исповѣдую, что Онъ родился, и этимъ незнаніемъ не уничтожаю

самаго дѣла, такъ поступи и ты въ отношеніи къ Отцу: исповѣдуй, хотя ты и не знаешь, какъ родился (отъ Него Сынъ). И если еретикъ скажетъ тебѣ: какъ Сынъ родился отъ Отца?—ты низвергни надменность его на землю и скажи ему: сойди съ небесъ и покажи, какъ Онъ родился отъ Дѣвы, а потомъ разсуждай и о томъ. Удерживай его и осаждай, не позволяй уклоняться и удаляться въ лабиринтъ сужденій, но сдерживай и стѣсняй не рукою, а словомъ; не давай ему отдыха; иначе онъ убѣжитъ, куда хочетъ. Оттого-то они и приводятъ въ смущеніе бесѣдующихъ съ ними, что мы слѣдуемъ за ними, а не подводимъ ихъ подъ законы божественныхъ Писаній. Итакъ, окружи его со всѣхъ сторонъ, какъ бы стѣною, свидѣтельствами Писаній, и онъ не въ состояніи будетъ открыть и рта. Скажи, какъ Сынъ родился отъ Дѣвы? Я не отступлю отъ тебя и не удалюсь. Но, хотя бы онъ употреблялъ и тысячу усилій, онъ не могъ бы объяснить намъ способа этого рожденія. Когда Богъ сокроетъ, то кто потомъ откроетъ? Это принимается одною вѣрою. Если же ты не понимаешь, а ищешь доказательствъ, то я скажу тебѣ тоже, что говорилъ Христосъ Никодиму: *аще земная рекохъ вамъ, и не вѣруете: како, аще реку вамъ небесная, увѣруете* (Іоан. III, 12)? 260
Я сказалъ о рожденіи отъ Дѣвы, и ты не знаешь и не смѣешь открыть рта, а стараешься изслѣдовать небесное? И, о, если бы только небо! Но ты изслѣдуешь и Господа небесъ. *Аще земная рекохъ вамъ, и не вѣруете*; не сказалъ: *не убѣждаетесь*, но: *не вѣруете*, показывая намъ, что если и земное нуждается въ вѣрѣ, то тѣмъ болѣе небесное. Между тѣмъ Онъ бесѣдовалъ тогда съ Никодимомъ о рожденіи гораздо низшемъ; рѣчь была о крещеніи и духовномъ возрожденіи. Очевидно, что и это постигается вѣрою. Назвалъ же Онъ это земнымъ не потому, что оно земное, но потому, что совершается на землѣ и, въ сравненіи съ небеснымъ рожденіемъ, неизреченнымъ и превосходящимъ всякій умъ, есть земное. Итакъ, если невозможно знать, какимъ образомъ мы возраждаемся въ водахъ, но должно принимать совершающееся одною только вѣрою, а не изслѣдовать способа, то какое безуміе было бы—употреблять человѣческія сужденія о небесномъ рожденіи Единороднаго Сына и изслѣдовать способъ Его рожденія? Впрочемъ, довольно показано, какимъ образомъ Сынъ Божій есть *безъ отца, безъ матере* и *безъ причта рода*.

8. Но такъ какъ многіе, не понявъ написаннаго о Мелхиседекѣ, говорятъ, что онъ даже больше Христа, составили свою ересь, называются мелхиседекитами и спорятъ съ нами, стараясь доказать, что онъ больше Христа, приводя слова: *Ты іерей во вѣкъ по чину Мелхиседекову* (Псал. CIX, 4), то нужно сказать и

противъ нихъ. Они говорятъ: какъ можетъ быть не больше Христа тотъ, по образу и чину котораго священствуетъ Христосъ? А мы говоримъ, что онъ человѣкъ подобострастный намъ и не больше Христа и даже Іоанна Крестителя; *не воста*, говоритъ Христосъ, *въ рожденныхъ женами болій Іоанна* (Мѳ. XI, 11). Другіе же, опять заблуждаясь, говорятъ, что онъ есть Духъ Святый; но мы не говоримъ и этого. Иначе какая была бы нужда вочеловѣчиться Слову Божію, если уже давно Духъ былъ человѣкомъ? Въ объясненіе того, что онъ не больше Христа и не Духъ Святый, пусть они скажутъ намъ, къ какой области они относятъ его: къ небесной ли, земной, или преисподней? Итакъ, если скажутъ, что Мелхиседекъ небесной области, или другой какой-нибудь, то пусть выслушаютъ, что и онъ преклоняетъ колѣно предъ Христомъ, воплотившимся отъ Богородицы Маріи; Апостолъ именно говоритъ, что *Ему поклонится всяко колѣно* и пр. (Филип. II, 10). Итакъ, если всякое колѣно преклоняется предъ Нимъ, то Мелхиседекъ меньше Христа, такъ какъ онъ поклоняется поклоняемому Христу. Если же тѣ жалкіе и несчастные обратятъ вниманіе и на послѣдующія слова,—а апостолъ присовокупляетъ: *уподобленъ Сыну Божію* (Евр. VII, 3),—то нужно разумѣть ихъ такъ, что и онъ былъ по образу и подобію Божію, какъ и мы. Іудеи говорятъ, что онъ рожденъ былъ отъ прелюбодѣянія, и потому не имѣетъ родословія. Имъ мы скажемъ: вы дурно говорите. И Соломонъ былъ рожденъ отъ прелюбодѣйной жены Урія; однако онъ имѣетъ родословіе. Но, такъ какъ Мелхиседекъ былъ прообразомъ Господа, и носилъ образъ Христа, подобно Іонѣ, то поэтому Писаніе умолчало объ его отцѣ, чтобы въ немъ, какъ въ образѣ, мы созерцали Христа, который поистинѣ *безъ отца* и *безъ причта рода*. Мелхиседекиты же, возражая намъ, говорятъ еще слѣдующее: чтоже означаютъ слова, которыя Отецъ говоритъ
261 къ Нему: *Ты іерей во вѣкъ по чину Мелхиседекову?* Мы отвѣчаемъ имъ, что этотъ Мелхиседекъ былъ мужъ праведный, и поистинѣ носилъ образъ Христа. Онъ, движимый пророческимъ духомъ, проразумѣлъ Жертву, имѣющую быть принесенною за народы, и почтилъ Бога хлѣбомъ и виномъ, подражая грядущему Христу. Такъ такъ синагога іудейская по чину Ааронову приносила въ жертву Богу не хлѣбъ и вино, а тельцовъ, и овновъ, и прослав-
262 ляла Бога кровавыми жертвами, то къ имѣющему родиться отъ Дѣвы Маріи Іисусу Христу, Сыну Божію, Богъ взываетъ и говоритъ: *Ты іерей во вѣкъ по чину Мелхиседекову* (Псал. CIX, 4); не по чину Аарона, приносившаго тельцовъ и овновъ, но: *Ты іерей во вѣкъ по чину Мелхиседекову*, всегда приносящій въ хлѣбѣ и винѣ жертву приносящихъ; чрезъ Него Отцу, со всесвятымъ Духомъ, слава, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА
противъ оставившихъ церковь и ушедшихъ на конскія ристалища и зрѣлища.

1. Можно ли это стерпѣть? Можно ли это снести? У васъ 263
самихъ я хочу судиться противъ васъ же. Такъ и Богъ поступилъ съ евреями: обращаясь къ нимъ противъ нихъ же самихъ, Онъ говорилъ: *людіе мои, что сотворихъ вамъ, или чимъ оскорбихъ васъ, или чимъ стужихъ вамъ? Отвѣщайте ми* (Мих. VI, 3); и еще: *кое обрѣтоша отцы ваши во Мнѣ погрѣшеніе* (Іер. II, 5)? Ему хочу и я подражать, и опять скажу вамъ: можно ли это стерпѣть, можно ли это снести? Послѣ столь долгихъ собесѣдованій, послѣ такого ученія, нѣкоторые, оставивъ насъ, побѣжали смотрѣть на состязающихся коней и впали въ такое неистовство, что наполнили весь городъ непристойнымъ шумомъ и крикомъ, возбуждающимъ смѣхъ, лучше же сказать: плачъ. Поэтому я, сидя дома и слушая поднявшійся вопль, страдалъ больше застигаемыхъ бурею. Какъ тѣ въ то время, когда волны ударяютъ въ стѣнки корабля, трепещутъ, подвергаясь крайней опасности, такъ и меня очень тяжко поражали тѣ крики, и я потуплялъ взоры въ землю и смущался отъ стыда, когда сидѣвшіе на верхнихъ мѣстахъ вели себя такъ непристойно, а находившіеся внизу, среди
площади, рукоплескали возницамъ и кричали больше тѣхъ. Что 264
же скажемъ мы, или чѣмъ оправдаемся, если кто-нибудь чужой, случившись здѣсь, станетъ осуждать и говорить: это ли городъ апостоловъ, это ли городъ, имѣвшій такого учителя, это ли народъ христолюбивый, общество не чувственное, духовное? Даже не постыдились вы и самаго дня, въ который совершились знаменія спасенія рода нашего; но въ пятницу, когда Господь твой былъ распинаемъ за вселенную, когда приносилась такая жертва и отверзался рай, и разбойникъ возводился въ древнее отечество, и клятва разрѣшалась, и грѣхъ уничтожался, и долговременная вражда прекращалась, и примиреніе Бога съ людьми совершалось, и все измѣнялось,—въ тотъ день, когда надлежало поститься, славословить и возсылать благодарственныя молитвы за благодѣянія для вселенной къ Совершившему ихъ,—тогда ты, оставивъ церковь и жертву духовную, и собраніе братій, и забывъ святость поста, плѣненный діаволомъ, повлекся на то зрѣлище. Можно ли это стерпѣть, можно ли это снести? Я не перестану постоянно говорить это и тѣмъ облегчать свою скорбь, чтобы не заглушить ея молчаніемъ, но поставить на видъ и обнаружить
предъ вашими глазами. Какъ же послѣ этого мы будемъ въ 265
состояніи преклонить Бога на милость? Какъ можемъ примирить

Его съ нами, разгнѣваннаго? За три дня предъ этимъ лился проливной дождь, увлекая все, исторгая, такъ сказать, изъ самыхъ устъ пищу земледѣльцевъ, ниспровергая зрѣлые колосья и истребляя все прочее избыткомъ влаги; у насъ были молитвы и моленія, и весь нашъ городъ, подобно потоку, стекался къ мѣстамъ апостольскимъ, и мы умоляли нашихъ защитниковъ—святаго Петра и блаженнаго Андрея, двоицу апостоловъ—Павла и Тимоѳея. Послѣ того, когда гнѣвъ Божій прекратился, мы, переплывъ море и преодолѣвъ его волны, прибѣгли къ верховнымъ—Петру, основанію вѣры, и Павлу, избранному сосуду, совершая духовное торжество и возвѣщая ихъ подвиги, трофеи и побѣды надъ демонами. И ты, не удерживаясь страхомъ бывшаго и не научившись величіемъ подвиговъ апостольскихъ, такъ скоро, по прошествіи одного дня, неистовствуешь и кричишь, не обращая вниманія на то, что душа твоя плѣнена и увлекается страстями? Если же тебѣ хотѣлось видѣть бѣгъ безсловесныхъ, то почему ты не обуздалъ безсловесныя свои страсти, гнѣвъ и похоть, не наложилъ на нихъ благаго и легкаго ярма любомудрія, не поставилъ надъ ними праваго ума и не поспѣшилъ къ почести вышняго званія, устремляясь не отъ преступленія къ преступленію, а отъ земли на небо? Такого рода бѣгъ вмѣстѣ съ удовольствіемъ доставляетъ и великую пользу. А ты, оставивъ свои дѣла идти безразсудно и какъ случится, сидѣлъ, слѣдя за побѣдою другихъ, истративъ такой день напрасно, тщетно и даже во вредъ (себѣ).

2. Развѣ ты не знаешь, что подобно тому, какъ мы, вѣряя деньги своимъ слугамъ, требуемъ у нихъ отчета въ каждомъ оболѣ,—такъ и Богъ потребуетъ отъ насъ отчета въ дняхъ нашей жизни, какъ мы прожили каждый день? Что же мы скажемъ? Чѣмъ же будемъ оправдываться, когда потребуютъ у насъ отчета о томъ днѣ? Ради тебя возсіяло солнце, луна освѣтила ночь, заблисталъ разнообразный сонмъ звѣздъ; ради тебя подули вѣтры, потекли рѣки; ради тебя произрасли сѣмена, поднялись растенія,
266 теченіе природы удержало свой порядокъ, явился день и прошла ночь; и все это сдѣлано ради тебя; а ты, въ то время какъ твари служатъ тебѣ, исполняешь волю діавола? Получивъ отъ Бога столь великій домъ, т. е., этотъ міръ, ты не отдалъ Ему своего долга? И не достаточно тебѣ было предшествовавшаго дня, но и на другой день, когда слѣдовало бы немного отдохнуть отъ прежняго нечестія, ты опять пошелъ на зрѣлище, изъ дыма бросившись въ пламя, низвергнувъ себя въ другую, ужаснѣйшую пропасть. Старцы посрамляли свои сѣдины, юноши подвергали опасности свою юность, отцы приводили туда своихъ дѣтей, ввергая

ихъ, въ самомъ началѣ невиннаго возраста, въ пропасть нечестія, такъ что не погрѣшилъ бы тотъ, кто назвалъ бы таковыхъ не отцами, а дѣтоубійцами, нечестіемъ погубляющими души рожденныхъ ими. Какое же, скажешь, здѣсь нечестіе? Но потому-то я и скорблю, что ты и боленъ, и не знаешь, что ты боленъ, и не ищешь врача. Ты исполненъ прелюбодѣянія, и спрашиваешь: какое нечестіе? Или ты не слышалъ словъ Христовыхъ: *иже воззритъ на жену, ко еже вожделѣти ея, уже любодѣйствова съ нею* (Мѳ. v, 28)? А что, если я, скажешь, буду смотрѣть не *ко еже вожделѣти*? Но какъ ты будешь въ силахъ убѣдить меня въ этомъ? Кто не воздерживается отъ того, чтобы смотрѣть, но прилагаетъ къ этому такое усердіе, тотъ какъ можетъ послѣ созерцанія остаться чистымъ? Развѣ тѣло твое—камень? Развѣ оно—желѣзо? Ты облеченъ плотію, плотію человѣческою, которая сильнѣе соломы воспламеняется отъ похоти.

И что я говорю о зрѣлищѣ? Часто и на площади, встрѣтившись съ женщиною, мы смущаемся; а ты, сидя вверху, гдѣ столько побужденій къ нескромности, видя блудную женщину, выходящую съ обнаженною головою, съ великимъ безстыдствомъ, одѣтую въ золотыя одежды, дѣлающую нѣжныя и обольстительныя тѣлодвиженія, поющую блудныя пѣсни и развратныя стихотворенія, произносящую срамныя слова и совершающую такія непристойности, какія ты, зритель, представивъ въ умѣ своемъ, потупляешь взоры,—какъ дерзаешь сказать, что не испытываешь ничего человѣческаго? Развѣ тѣло твое—камень? Развѣ оно—желѣзо? Я не перестану повторять тоже. Развѣ ты любомудреннѣе тѣхъ великихъ и доблестныхъ мужей, которые пали только отъ одного такого взгляда? Не слышалъ ли ты, что говоритъ Соломонъ? *Или ходити кто будетъ на угліяхъ огненныхъ, ногъ же не сожжетъ ли? Вяжетъ ли кто огнь въ нѣдра, ризъ же не сожжетъ ли? Тако вшедый къ женѣ мужатей* (Притч. vi, 27—29). Хотя бы ты и не имѣлъ совокупленія съ блудницею, но ты имѣлъ съ нею связь пожеланіемъ и совершилъ грѣхъ во- 267
лею. И не только въ то время, но и тогда, когда окончится зрѣлище, когда она уже уйдетъ, въ душѣ твоей остается ея образъ, слова, одежды, взгляды, походка, стройность, ловкость, прелюбодѣйные члены, и ты уходишь, получивъ множество ранъ. Не отсюда ли безпорядки въ домѣ? Не отсюда ли погибель цѣломудрія? Не отсюда ли расторженіе браковъ? Не отсюда ли брани и ссоры? Не отсюда ли безсмысленныя непріятности? Когда ты, занятый и плѣненный ею, приходишь домой, то и жена кажется тебѣ менѣе пріятною, и дѣти—болѣе надоѣдливыми, и слуги—несносными, и домъ—отвратительнымъ, и обычныя заботы къ

устроенію надлежащихъ дѣлъ кажутся тягостными, и всякій приходящій—непріятнымъ и ненавистнымъ.

3. Причина же этого въ томъ, что ты возвращаешься домой не одинъ, но приводишь съ собою блудницу, входящую не явно и открыто,—что было бы сноснѣе, потому что жена скоро выгнала бы ее,—но сидящую въ твоей душѣ и въ сознаніи, и воспламеняющую внутри тебя вавилонскій, и даже гораздо сильнѣйшій пламень,—вѣдь пищею этого пламени служитъ не хворость, нефть и смола, но то, что сказано выше,—и все у тебя приходитъ въ безпорядокъ. И какъ больные горячкою, не имѣя никакой причины обвинять прислуживающихъ имъ, по дурному вліянію болѣзни бываютъ недовольны всѣми, отталкиваютъ пищу, оскорбляютъ врачей, гнѣваются на домашнихъ и обижаютъ служащихъ, такъ точно и одержимые этою тяжкою болѣзнію безпокоятся и негодуютъ, постоянно представляя себѣ ту блудницу. О, тяжкія дѣла! Волкъ, левъ и прочіе звѣри, будучи ранены стрѣлою, убѣгаютъ отъ охотника; а человѣкъ, разумнѣйшее существо, получивъ рану, стремится къ той, которая ранила его, чтобы получить еще болѣе тяжелую рану, и находитъ удовольствіе въ послѣдней; это прискорбнѣе всего и производитъ неизлѣчимую болѣзнь. Кто ненавидитъ свою рану и не хочетъ избавиться отъ нея, тотъ какъ станетъ искать врача? Поэтому я и скорблю и терзаюсь, что вы приходите оттуда, получая столь великую заразу, и за малое удовольствіе навлекаете на себя непрестанное мученіе. Подлинно, еще прежде геенны и тамошняго мученія, вы уже и здѣсь подвергаете себя крайнему наказанію. Не крайнее ли, скажи мнѣ, мученіе—питать такую похоть, постоянно воспламеняться и вездѣ носить съ собою огонь непотребной любви и угрызеніе совѣсти? Какъ ты приступишь къ порогу этого святилища? Какъ прикоснешься къ небесной трапезѣ? Какъ будешь слушать бесѣду о цѣломудріи, весь покрытый такими язвами и
268 ранами, и имѣя душу, порабощенную страсти? И нужно ли говорить объ остальномъ? И изъ того, что происходитъ теперь у насъ, можно видѣть душевную скорбь. Вотъ и теперь я вижу, какъ нѣкоторые при этихъ словахъ ударяютъ себя въ лице, и изъявляю вамъ великую благодарность за то, что вы—такіе сострадательные люди. Я думаю, что многіе, можетъ быть, не согрѣшивъ сами ни въ чемъ, дѣлаютъ это изъ сожалѣнія о братскихъ ранахъ. Потому я и скорблю и терзаюсь, что діаволъ заражаетъ такое стадо. Но если вы захотите, то мы тотчасъ заградимъ ему входъ. Какъ и какимъ образомъ? Если больныхъ мы увидимъ здоровыми; если, распростерши сѣти ученія, отправимся искать уловленныхъ звѣремъ и исхитимъ ихъ изъ самой пасти льва. Не

говори мнѣ: отдѣлившихся отъ стада немного. Хотя бы ихъ было только десять, и то не малая потеря, и хотя бы—пять, хотя бы—одинъ. Такъ и тотъ пастырь, оставившій девяносто девять овецъ, отправился за одною и не возвратился дотолѣ, пока не привелъ ея и возвращеніемъ той заблудшей пополнилъ оскудѣвавшее безъ нея сторичное число (Мѳ. XVIII, 12). Не говори, что онъ только одинъ, но подумай, что это — душа, ради которой сотворено все видимое, ради которой существуютъ законы, наказанія, мученія, безчисленныя чудеса и многообразныя дѣла Божіи, ради которой Богъ не пощадилъ и Своего Единороднаго. Подумай, какая цѣна заплочена и за одного, и не пренебрегай его спасеніемъ, но поди, приведи опять его къ намъ и убѣди, чтобы онъ болѣе не впалъ въ тоже самое, и тогда мы будемъ имѣть достаточное оправданіе. Если же онъ не приметъ ни нашихъ совѣтовъ, ни вашихъ увѣщаній, то я, наконецъ, употреблю *власть, юже даде намъ Богъ не на разоренie, а въ созданie* (2 Кор. x, 8).

4. Поэтому я предупреждаю и объявляю громкимъ голосомъ: если кто послѣ этого увѣщанія и наставленія пойдетъ на нечестивыя и гибельныя зрѣлища, того я не впущу внутрь вотъ этой ограды, не сдѣлаю причастникомъ таинствъ, не позволю ему прикоснуться къ священной трапезѣ; но какъ пастыри отдѣляютъ шелудивыхъ овецъ отъ здоровыхъ, чтобы болѣзнь не распространилась и на прочихъ, такъ точно поступлю и я. Если въ древности прокаженный долженъ былъ оставаться внѣ стана и, хотя бы это былъ царь, онъ выводился туда съ діадемою, то тѣмъ болѣе мы изгонимъ прокаженнаго душею изъ этого священнаго стана. Какъ вначалѣ я употреблялъ увѣщаніе и совѣтъ, такъ теперь, послѣ такого увѣщанія и наставленія, необходимо, наконецъ, прибѣгнуть и къ отсѣченію. Вѣдь уже прошелъ годъ съ тѣхъ поръ, какъ я прибылъ въ вашъ городъ [1]), и я не переставалъ часто и постоянно предлагать вамъ такое увѣщаніе; но такъ какъ нѣкоторые остались въ этой заразѣ, то теперь уже мы произведемъ отсѣченіе. Хотя я не имѣю желѣза, но имѣю слово, 269
острѣе желѣза; и хотя я не ношу огня, но есть у меня ученіе, пламеннѣе огня и могущее жечь сильнѣе.

Не презирай же нашего приговора. Хотя мы не важны и весьма смиренны, однако, по благодати Божіей, мы получили достоинство, по которому можемъ дѣлать это. Итакъ, да будутъ отлучены такіе люди, чтобы здоровые у насъ сдѣлались болѣе здоровыми, а больные возстановили себя отъ тяжкаго недуга. Если же вы вострепетали, услышавъ этотъ приговоръ,—а я вижу

[1]) Т. е. Константинополь.

всѣхъ воздыхающими и сокрушенными,—то пусть они перемѣнятся, и приговоръ будетъ отмѣненъ, потому что подобно тому, какъ мы получили власть вязать, такъ получили и разрѣшать и опять приводить (въ Церковь). Да и не отлучать нашихъ братій хотимъ мы, но отклонить позоръ отъ Церкви. Иначе теперь и язычники станутъ издѣваться надъ нами, и іудеи будутъ насмѣхаться, если мы будемъ такъ равнодушно смотрѣть на наши собственные грѣхи. А въ противномъ случаѣ и они станутъ весьма одобрять насъ и удивляться Церкви, получивъ уваженіе къ нашимъ законамъ. Итакъ, пусть не входитъ въ Церковь никто изъ предающихся этому прелюбодѣянію, но пусть будетъ онъ отверженъ и вами и станетъ общимъ врагомъ. *Аще кто*, говоритъ апостолъ, *не послушаетъ словесе нашего посланіемъ, сего назнаменуйте, и не примѣшайтеся ему* (2 Сол. III, 14). Сдѣлайте вотъ что: не разговаривайте съ ними, не принимайте ихъ въ домъ, не раздѣляйте съ ними трапезы, не имѣйте съ ними общенія ни при входѣ, ни при выходѣ, ни на торжищѣ; и такимъ образомъ мы легко возвратимъ ихъ. И какъ тѣхъ звѣрей, которыхъ не легко поймать, охотники загоняютъ въ сѣть, преслѣдуя ихъ не съ одной стороны, а со всѣхъ, такъ и тѣхъ, которые уподобились свирѣпымъ звѣрямъ, мы будемъ преслѣдовать общими силами, мы съ одной, а вы съ другой стороны, и тогда скоро уловимъ ихъ въ сѣти спасенія. А чтобы это случилось, раздѣляйте и вы съ нами негодованіе противъ нихъ, или лучше скорбите за
270 законы Божіи, и мало-по-малу обращайте столь тяжко болящихъ и согрѣшающихъ братій, чтобы они постоянно были съ вами. Не малое постигнетъ васъ осужденіе, если вы будете пренебрегать такою погибелью, но вы подвергнетесь величайшему наказанію. Если и въ домахъ человѣческихъ, когда кто-нибудь изъ слугъ уличенъ въ кражѣ серебра или золота, наказывается не одинъ только похититель, но и знавшіе о томъ и не открывшіе, то тѣмъ болѣе въ Церкви. Богъ скажетъ тебѣ тогда: видя, какъ изъ Моего дома украденъ не серебряный или золотой сосудъ, но похищено цѣломудріе, какъ тотъ, кто причащался пречестного тѣла и участвовалъ въ такой жертвѣ, отправился въ діавольское мѣсто и впалъ въ такое преступленіе, почему ты молчалъ, почему терпѣлъ, почему не объявилъ священнику? И тогда ты подвергнешься не малому наказанію. Поэтому и я, хотя и опечалю (васъ), однако, не пожалѣю наложить и тягчайшее наказаніе. Гораздо лучше намъ, испытавъ скорбь здѣсь, избавиться отъ будущаго осужденія, нежели тому, кому мы стали бы льстить словами, быть наказану тогда вмѣстѣ съ вами. Подлинно, не благонадежно и не безопасно для насъ — покрывать это молчаніемъ. Изъ васъ

каждый дастъ отчетъ за себя самого; а я долженъ отвѣчать за спасеніе всѣхъ. Поэтому я не перестану дѣлать и говорить все,— хотя бы нужно было опечалить васъ, хотя бы показаться ненавистнымъ, хотя бы несноснымъ, — чтобы мнѣ можно было предстать предъ тѣмъ страшнымъ престоломъ, не имѣя *скверны или порока или нѣчто отъ таковыхъ* (Ефес. v, 27). Да будетъ же молитвами святыхъ, чтобы уже развратившіеся скоро обратились, а оставшіеся неповрежденными еще болѣе преуспѣли въ чистотѣ и цѣломудріи, чтобы и вы достигали спасенія, и мы радовались, и Богъ прославлялся нынѣ и присно, и въ безконечные вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА

на апостольскія слова: сіе же вѣждь, яко въ послѣднія дни настанутъ времена люта (2 Тим. ш, 1).

1. Хотя я и слабъ, и бѣденъ, и неопытенъ въ поученіяхъ, 271
но когда вижу ваше собраніе, то забываю о своей слабости, не сознаю бѣдности, не замѣчаю неопытности: такова сила вашей любви! Поэтому и предлагаю вамъ свою бѣдную трапезу усерднѣе богатыхъ. Виновники этой смѣлости вы, которые своимъ усердіемъ къ слушанію возбуждаете падшихъ духомъ, жаждая слушать и не сводя взоровъ съ устъ говорящаго. Такъ птенцы ласточекъ, когда увидятъ прилетающую мать, высовываются изъ гнѣзда, свѣшиваютъ свои шеи и такимъ образомъ принимаютъ отъ нея пищу; такъ и вы, съ великою охотою взирая на говорящаго, принимаете предлагаемое вамъ устами его ученіе, и прежде нежели слова вылетятъ изъ устъ нашихъ, умъ вашъ уже схватываетъ произносимое. Кто же не назвалъ бы и васъ, и насъ блаженными потому, что мы говоримъ *во уши послушающихъ* (Сир. xxv, 12)? Общій трудъ, общій и вѣнецъ; общая польза, общая и награда. Поэтому и Христосъ назвалъ учениковъ блаженными, сказавъ: *ваша же блаженна очеса, яко видятъ, и уши ваши, яко слышатъ* (Мѳ. xш, 16). Позвольте мнѣ сказать эти слова и къ вамъ, такъ какъ и вы обнаруживаете такое же усердіе: *ваша же блаженна очеса, яко видятъ, и уши ваши, яко слышатъ*. Впрочемъ, что уши ваши слышатъ, это ясно; а что и глаза ваши видятъ, какъ видѣли тогда ученики, это я постараюсь показать, чтобы блаженство ваше было не въ половину, а полнымъ. Что же видѣли тогда ученики? Они видѣли мертвыхъ воскресающими, слѣпыхъ прозрѣвающими, прокаженныхъ очищаемыми, бѣсовъ изгоняемыми, хромыхъ ходящими, всякое по-

врежденіе природы исправляемымъ. Это видите теперь и вы, хотя не тѣлесными глазами, но очами вѣры. Таковы именно очи вѣры: они видятъ неявляющееся и созерцаютъ еще несовершенное. Откуда же извѣстно, что вѣра есть видѣніе невидимаго и убѣжденіе въ незримомъ? Послушай Павла, который говоритъ: *есть же вѣра уповаемыхъ извѣщеніе вещей, обличеніе невидимыхъ* (Евр. xi, 1). И то удивительно, что тѣлесные глаза видятъ видимое, а невидимаго не видятъ; очи же вѣры, совершенно напротивъ, видимаго не видятъ, а невидимое видятъ. А что дѣйствительно они видимаго не видятъ, а невидимое видятъ, это объяснилъ Павелъ, сказавъ такъ: *еже бо нынѣ легкое печали нашея, по пре-*
272 *умноженію въ преспѣяніе тяготу вѣчныя славы содѣваетъ намъ, не смотрящымъ намъ видимыхъ, но невидимыхъ* (2 Кор. v, 17, 18). Какимъ же образомъ кто-нибудь можетъ видѣть невидимое? Какъ иначе, если не очами вѣры? Такъ и въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: *вѣрою разумѣваемъ совершитися вѣкомъ*. Какимъ образомъ, когда мы не видимъ этого? *Во еже отъ неявляемыхъ*, говоритъ онъ, *видимымъ быти* (Евр. xi, 3). Хотите, я приведу и другое свидѣтельство о томъ, что очи вѣры видятъ невидимое? Павелъ въ посланіи къ Галатамъ въ одномъ мѣстѣ говоритъ: *имже предъ очима Іисусъ Христосъ преднаписанъ бысть, въ васъ распятъ* (Гал. iii, 1).

2. Что говоришь ты, блаженный Павелъ? Неужели галаты въ Галатіи видѣли Его распинаемымъ? Не всѣ ли мы исповѣдуемъ, что страданія Его происходили въ Палестинѣ, посреди Іудеи? Какъ же видѣли Его распинаемымъ галаты? Очами вѣры, а не глазами тѣлесными. Видишь ли, какъ очи вѣры видятъ незримое? На такомъ разстояніи и послѣ столь долгаго времени они видѣли Христа распинаемымъ. Такъ и вы видите мертвыхъ воскресающими; такъ и вы сегодня видите прокаженнаго очищаемымъ; такъ и вы видите разслабленнаго возстающимъ, — и видите болѣе іудеевъ, которые тогда присутствовали. Они, присутствуя, не признали чуда, а вы, и не присутствуя, повѣрили, — такъ что я справедливо сказалъ о васъ, что *ваша блаженна очеса, яко видятъ* (Мате. xiii, 16). Если же ты и изъ другого случая желаешь узнать, что очи вѣры видятъ невидимое, а на видимое не смотрятъ,—вѣдь они не иначе могутъ увидѣть невидимое, какъ оставивъ безъ вниманія то, о чемъ выше сказано,—то послушай бесѣды Павла объ Авраамѣ, какъ онъ очами вѣры узрѣлъ рожденіе Исаака и такимъ образомъ принялъ обѣтованіе. Чтó говоритъ апостолъ? *И не изнемогъ вѣрою, ни усмотри своея плоти уже умерщвленныя* (Рим. iv, 19). Велика сила вѣры! Какъ робки и слабы сужденія человѣческія, такъ крѣпка и сильна вѣра. *Ни усмотри своея плоти уже умерщвленныя.*

Видишь ли, какъ онъ пренебрегъ видимымъ, какъ не посмотрѣлъ на старость, хотя она была предъ глазами? Но онъ созерцалъ очами вѣры, а не глазами тѣлесными. Поэтому онъ и не видѣлъ ни старости, ни мертвенности Сары: *ни усмотри и мертвости ложеснъ Сарриныхъ* (Римл. IV, 19). Здѣсь апостолъ указываетъ намъ на безплодіе. Была немощь двоякая: одна отъ старости, другая отъ слабости природы; не только тѣло по возрасту было неспособно къ дѣторожденію, но и самая утроба была омертвѣвшею, и самое природное вмѣстилище (дѣторожденія) еще прежде старости было неспособно по причинѣ безплодія. Видишь ли, сколько было препятствій? Старость мужа, старость жены; безплодіе, ко- 273
торое еще неспособнѣе старости и въ особенности препятствуетъ дѣторожденію. И однако Авраамъ оставилъ все это безъ вниманія и очами вѣры возвысился до небесъ, имѣя величайшее доказательство на исполненіе обѣщаннаго — силу Обѣтовавшаго. Поэтому онъ *во обѣтованіи Божіи не усумнѣся невѣрованіемъ, но возможе вѣрою* (Рим. IV, 20). Вѣра есть какъ бы крѣпкій жезлъ и безопасная пристань, избавляющая отъ заблужденія сужденій и успокояющая душу въ великой тишинѣ. *Ваша же блаженна очеса, яко видятъ* (Мѳ. XIII, 16),—опять нужно повторить это изреченіе. Хотя іудеи видѣли совершавшееся въ то время, но Господь называетъ блаженнымъ не внѣшнее зрѣніе, потому что не оно само по себѣ видитъ чудеса, а зрѣніе внутреннее. Они видѣли слѣпого и говорили: *сей ли есть*, не есть сей,—призовемъ родителей его (Іоанн. IX, 8, 9, 18). Слышишь ли, какъ они сомнѣваются? Видишь ли, что тѣлеснаго зрѣнія недостаточно для созерцанія чуда? Тѣ, которые присутствовали и смотрѣли, говорили: *сей есть, не есть сей*; а мы, отсутствуя, не говоримъ: этотъ—не тотъ, но: онъ—тотъ самый. Убѣдился ли ты, что отсутствіе нисколько не вредитъ, когда есть очи вѣры, и присутствіе не приноситъ никакой пользы, когда нѣтъ очей вѣры? Какая была польза іудеямъ отъ того, что они видѣли? Никакой. Мы видимъ яснѣе ихъ. Итакъ, если очи ваши видятъ тѣмъ зрѣніемъ и уши слышатъ тѣмъ слухомъ, которыя Христосъ назвалъ блаженными, то мы теперь предложимъ вамъ перлы Писаній. Какъ для іудеевъ Христосъ не разрѣшалъ вопросовъ, но еще увеличивалъ неясность, потому что они не внимали, такъ и вамъ, потому что внимаете, нужно ясно представить сокровенное. Ученики приступали ко Христу и съ удивленіемъ говорили: *почто притчами глаголеши имъ*? Онъ же отвѣчалъ: *яко видяще не видятъ* (Матѳ. XIII, 10—13). А такъ какъ вы не видя видите, то необходимо говорить вамъ не въ притчахъ, не такъ, какъ тѣмъ, которые слушая не слышатъ. Итакъ, если вы, не слушавшіе тогда,

слышите нынѣ не менѣе того, какъ бы слышали тогда, то не слѣдуетъ лишать васъ этой трапезы. И Христосъ назвалъ послѣднихъ блаженными не менѣе, какъ и первыхъ: *видѣвъ Мя*, говоритъ Онъ, *вѣровалъ еси: блаженни и невидѣвшіи, вѣровавше* (Іоан. xx, 29). Поэтому не будьте же медленны на добродѣтель, потому что вы живете не въ тѣ времена, а теперь. Если захочешь, то отъ этого не будетъ для тебя никакого вреда, подобно тому, какъ многіе и изъ жившихъ тогда не получили никакой пользы, потому что не хотѣли.

3. Итакъ, что сегодня прочитано? *Сіе же вѣждь, яко въ послѣдніядни настанутъ времена люта* (2 Тим. ш, 1), пишетъ Павелъ опять къ Тимоѳею. Страшная угроза; но ободримся: онъ загадочно указываетъ намъ на тѣ времена и на послѣдующія за ними и на времена при самой кончинѣ (міра). *Сіе же вѣждь, яко въ послѣдніядни настанутъ времена люта.* Кратко изреченіе, но велика въ немъ сила! Какъ ароматы издаютъ благовоніе не по количеству своему, а по своей природѣ, такъ и божественныя Писанія не множествомъ словъ, но силою содержащагося въ нихъ доста-
274 вляютъ намъ всякую пользу. Ароматъ благовоненъ и самъ по себѣ, по своему свойству, а когда бросишь его на огонь, тогда онъ обнаруживаетъ всю свою пріятность: такъ и божественное Писаніе весьма пріятно и само по себѣ, а когда оно проникнетъ въ нашу душу, какъ бы попавъ въ кадильницу, тогда наполняетъ весь домъ благовоніемъ. *Сіе же вѣждь, яко въ послѣднія дни настанутъ времена люта.* Онъ говоритъ о кончинѣ (міра). Но что до этого тебѣ, блаженный Павелъ, чтó Тимоѳею, чтó тогдашнимъ слушателямъ, которые вскорѣ имѣли умереть, освободиться отъ угрожавшихъ бѣдствій и злыхъ людей? Я, говоритъ онъ, взираю не на настоящее только, но предвижу и будущее; жалѣю не о настоящей паствѣ, но и за будущую безпокоюсь и страшусь. Мы едва проявляемъ попеченіе и о тѣхъ людяхъ, которые живутъ съ нами; а онъ обнаруживаетъ великую заботливость и о тѣхъ, которые еще не родились. Такъ и превосходный пастырь не тогда только предостерегаетъ, когда видитъ волковъ, устремляющихся на стадо и находящихся близъ овецъ, но указываетъ на нихъ и тогда, когда они еще далеко. Такъ и Павелъ, какъ превосходный пастырь, сидя на высокомъ мѣстѣ—въ пророческомъ достоинствѣ—и пророческими очами провидя издалека сбѣгающихся дикихъ звѣрей, устремляющихся при самой кончинѣ (міра) и нападающихъ на паству, предрекаетъ и предъуказываетъ это, чтобы приготовить къ бодрствованію и тѣхъ, которые еще не родились, и такимъ пророчествомъ оградить всю паству. И отецъ, нѣжно любящій дѣтей, строя великолѣпный и

огромный домъ для дѣтей своихъ, часто строитъ его такъ, чтобы онъ не для нихъ только былъ полезенъ, но и для внуковъ и для слѣдующихъ за ними. Такъ и царь, окружая любимый городъ наружною стѣною, дѣлаетъ ее надежною, крѣпкою и прочною, чтобы она служила не одному только его роду, но была полезна и всѣмъ послѣдующимъ потомкамъ, и чтобы она устояла не только противъ современныхъ ему орудій разрушенія, но и противъ послѣдующихъ нападеній. Такъ поступилъ и Павелъ. Апостольскія посланія—это стѣны для церквей; онъ и ограждаетъ ими не только согременниковъ, но и будущихъ людей; и эту ограду онъ устроилъ столь твердою и несокрушимою и со всею прочностію такъ расположилъ по всей вселенной, что и тогдашнихъ людей и послѣдующихъ, и нынѣшнихъ и имѣющихъ быть послѣ до пришествія Христова она избавляетъ отъ всякаго нападенія враговъ. Таковы души святыхъ: любвеобильны, попечительны, превышаютъ любовію отеческую расположенность, побѣждаютъ естественную любовь, превосходятъ и материнскія болѣзни рожденія, потому что онѣ исполнены Духа и Божественной благодати.

4. Хотите ли, я докажу и изъ другого обстоятельства, что святые заботятся не о своихъ нуждахъ и безпокоятся не о настоящемъ только, но и о будущемъ? Ко Христу, сидѣвшему на горѣ, говоритъ Писаніе, приступили ученики, люди уже достигшіе старости и имѣвшіе спустя немного времени отойти изъ настоящей жизни. О чемъ же они спрашиваютъ Его? О чемъ безпокоятся? Чего боятся? О чемъ предлагаютъ вопросъ Учителю? О томъ ли, что́ будетъ при ихъ жизни, или что случится въ тогдашнія времена? Нѣтъ. Но, оставивъ все это, что́ говорятъ они? *Что есть знаменіе твоего пришествія и кончины вѣка* (Мѳ. 275
XXIV, 3)? Видишь ли, что и они спрашиваютъ о кончинѣ вѣка и заботятся о будущихъ людяхъ? Апостолы, всѣ вообще и каждый въ частности, имѣли въ виду нужды не свои, а остальныхъ. Таковъ былъ Петръ, верховный въ сонмѣ ихъ, уста всѣхъ апостоловъ, глава того братства, предстоятель всей вселенной, основаніе Церкви, пламенно любившій Христа, потому что Господь сказалъ ему: Петръ, *любиши ли Мя паче сихъ* (Іоан. XXI, 15)? Для того я говорю ему похвалы, чтобы вы узнали, что онъ истинно любилъ Христа, потому что попеченіе о рабахъ есть величайшее доказательство любви ко Владыкѣ; и это не я говорю, но самъ Владыка, котораго онъ любилъ: *если любишь меня*, говоритъ Онъ, *паси овцы моя* (Іоан. XXI, 16). Посмотримъ же, точно ли онъ имѣетъ званіе пастыря, истинно ли оказываетъ попеченіе, истинно ли любитъ овецъ, истинно ли питаетъ привязанность къ паствѣ,—

чтобы намъ знать, что онъ любитъ и Пастыря,—такъ какъ первое, сказалъ Господь, есть признакъ послѣдняго. Итакъ, этотъ Петръ бросилъ все, чтó имѣлъ,—мрежу и все, чтó было въ лодкѣ, оставилъ и море, и ремесло, и домъ. Не на то будемъ смотрѣть, что это — немногое, а на то, что это — все его имущество, и похвалимъ усердіе. Вѣдь и положившая двѣ лепты положила небольшое количество денегъ, и однако обнаружила великое богатство усердія, подобно тому какъ и Петръ при великой бѣдности своей показалъ великое изобиліе ревности. Что для иного имѣніе, слуги, дома, золото, то для него была мрежа, море, ремесло, ладья. Поэтому не на то будемъ смотрѣть, что онъ оставилъ немногое, но—что оставилъ все. Не то вѣдь требуется, чтобы оставить немногое или многое, но чтобы внести отнюдь не меньше того, сколько позволяютъ силы. Такимъ образомъ онъ оставилъ все: и отечество, и домъ, и друзей, и родныхъ, и самую безопасность; такимъ поступкомъ онъ вооружилъ противъ себя іудейскій народъ: *уже бо*, говоритъ евангелистъ, *бяху сложилися жидове, да, аще кто Его исповѣстъ Христа, отлученъ отъ сонмища будетъ* (Іоан. IX, 22). Отсюда видно, что онъ не сомнѣвался и не боялся касательно царства небеснаго, но весьма былъ увѣренъ, какъ свидѣтельствомъ самыхъ обстоятельствъ, такъ еще прежде свидѣтельства обстоятельствъ словами Спасителя, что онъ непремѣнно наслѣдуетъ царство. Именно, когда онъ сказалъ: *се мы оставихомъ вся, и въ слѣдъ Тебе идохомъ: что убо будетъ намъ?* то Христосъ отвѣчалъ имъ: *сядете и вы на двоюнадесяте престолу, судяще обѣманадесяте колѣнома Израилевома* (Мѳ. XIX, 27, 28). Это я привелъ для того, чтобы, когда покажу, что онъ безпокоился о собратіяхъ, ты не сказалъ, что онъ боялся за себя самого. Какъ онъ могъ бояться за себя, когда самъ Тотъ, Кто имѣлъ увѣнчать его, изрекъ опредѣленіе о вѣнцѣ и наградахъ? Итакъ, этотъ Петръ, оставившій все, увѣренный въ полученіи царства небеснаго,—тогда, когда одинъ богачъ подошелъ и сказалъ Христу: *что сотворю, да имамъ животъ вѣчный?* а Христосъ отвѣчалъ ему: *аще хощеши совершенъ быти, иди, продаждь имѣніе твое и даждь нищымъ, и гряди въ слѣдъ Мене*, и потомъ, когда тотъ опечалился при этомъ и Христосъ говорилъ ученикамъ: видите, *яко неудобь богатый внидетъ въ царствіе небесное: аминь, аминь*
276 *глаголю вамъ: удобѣе есть велбуду сквозѣ иглины уши проити, неже богату въ царствіе Божіе внити*,—тогда Петръ, ничего неимѣвшій, увѣренный въ полученіи царства, не боявшійся за свое собственное спасеніе и ясно знавшій о приготовленной ему тамъ почести, выслушавъ это, сказалъ: *кто убо можетъ спасенъ быти* (Мѳ. XIX, 16—25)? Чего боишься ты, блаженный Петръ, о чемъ без-

покоишься, чего трепещешь? Ты все бросилъ, все покинулъ; рѣчь идетъ о богатыхъ; говоренное служитъ обвиненіемъ для нихъ; а ты проводишь жизнь въ бѣдности и нестяжательности. Но я не свои нужды имѣю въ виду, говоритъ онъ, но ищу пользы другихъ. Поэтому, будучи увѣренъ за себя, онъ предложилъ вопросъ за другихъ и сказалъ: *кто можетъ спасенъ быти?*

5. Видишь ли попечительность апостоловъ? Видишь ли, какъ они составляли одно тѣло? Видишь ли, какъ Петръ безпокоился и о настоящемъ, и о будущемъ? Такъ и Павелъ; поэтому онъ и говорилъ: *вѣждь, яко въ послѣдніи дни настанутъ времена люта* (2 Тим. III, 1). И при другомъ случаѣ онъ поступилъ такъ же. Когда онъ намѣревался удалиться изъ Азіи и отправиться въ Римъ, а оттуда отойти на небо,—потому что смерть святыхъ не есть смерть, а переселеніе отъ земли на небо, отъ худшаго къ лучшему, отъ подобныхъ имъ рабовъ къ Владыкѣ, отъ людей къ ангеламъ,—итакъ, когда онъ намѣревался отойти ко Владыкѣ всѣхъ Богу, то благоустроилъ все, что́ касалось и его самого. Во время своего пребыванія съ учениками онъ со всею тщательностію преподавалъ имъ ученіе, и говорилъ: *чистъ азъ отъ крове всѣхъ* (Дѣян. XX, 26); ничего, говоритъ, я не опустилъ изъ того, что́ должно было сдѣлать для спасенія. Что же? Приведя въ безопасность то, что́ касалось его самого, не подвергаясь осужденію отъ Господа за свои времена, развѣ вознерадѣлъ онъ о послѣдующихъ душахъ? Нѣтъ, но какъ бы имѣя отдать отчетъ и за нихъ, онъ и тѣ слова высказалъ имъ со всею тщательностію, и эти изреченія, которыя мы прочитаемъ: *внимайте*, говорилъ онъ, *себѣ и всему стаду* (Дѣян. XX, 28). Видишь ли, какъ онъ былъ объятъ попеченіемъ о нихъ? Изъ насъ каждый заботится только о своихъ нуждахъ, а онъ, какъ предстоятель,—о нуждахъ всѣхъ. Поэтому онъ и говоритъ объ учителяхъ: *тіи бдятъ о душахъ вашихъ, яко слово воздати хотяще* (Евр. XIII, 17). Поистинѣ, страшно судилище, на которомъ нужно отдать отчетъ за такое множество людей! Но, какъ я сказалъ, призвавъ ихъ, онъ говорилъ: *внимайте себѣ и всему стаду, въ немже васъ Духъ Святый постави* пастыри *и епископы*. Что же случилось? Почему ты увѣщеваешь? Не предвидишь ли какого-нибудь бѣдствія? Не предусматриваешь ли чего-нибудь страшнаго? Нѣтъ ли какой-нибудь опасности, какого-нибудь несчастія, какой-нибудь войны? Скажи намъ; ты стоишь выше насъ, и не только видишь настоящее, но прозираешь и будущее. Итакъ скажи: для чего ты возвѣщаешь это и увѣщеваешь? *Азъ бо вѣмъ*, говоритъ онъ, *яко по отшествіи моемъ внидутъ волцы тяжцы* въ стадо (Дѣян. XX, 28, 29). Видишь ли, какъ онъ о

чемъ я говорилъ, безпокоится и боится не за тѣхъ только, которые были въ его время, но и за тѣхъ, которые имѣли быть послѣ его отшествія? *Внидутъ волцы*, говоритъ; и не просто: *волцы*, но: *волцы тяжцы, не щадящіи стада*. Двоякое бѣдствіе: отсутствіе Павла и нападеніе волковъ; и нѣтъ
277 на-лицо учителя и явятся развратители. Посмотри на злобу звѣрей и на лукавство нечестивыхъ людей: они подстерегли отсутствіе учителя, и тогда напали на паству. Что же? Ты оставляешь насъ беззащитными и предсказываешь одни только бѣдствія, а не придумываешь никакого утѣшенія? Но, поступая такъ, ты еще болѣе увеличиваешь страхъ, смущаешь души, ослабляешь силы, разслабляешь руки слушателей. Поэтому онъ напередъ и напомнилъ имъ о Духѣ: *въ немъ же васъ Духъ Святый постави* пастыри и *епископы*. Хотя не будетъ Павла, говоритъ онъ, но будетъ присутствовать Утѣшитель. Видишь ли, какъ онъ окрылилъ ихъ душу, напомнивъ о Божественномъ Учителѣ, при помощи Котораго и онъ самъ былъ силенъ, присутствуя тамъ? Для чего же онъ приводитъ ихъ въ страхъ? Для того, чтобы съ другой стороны прогнать безпечность. Совѣтующій долженъ дѣлать и то и другое, и не допускать слушателя до самонадѣянности, чтобы онъ не сдѣлался безпечнѣйшимъ, а съ другой стороны—не устрашать только, чтобы онъ не впалъ въ отчаяніе. Итакъ, напомнивъ о Духѣ, онъ предостерегъ отъ отчаянія, а сказавъ о волкахъ, предостерегъ отъ безпечности. *Волцы тяжцы, не щадящіи стада*; *внимайте себѣ*; *ни въ чесомъ обинухся*, говоритъ, вспоминайте обо мнѣ. Дѣйствительно достаточно было для ободренія—вспоминать о Павлѣ. Но не просто о немъ самомъ вспоминать увѣщеваетъ ихъ, а вспоминать о дѣлахъ его. А что онъ не просто увѣщевалъ вспоминать о немъ, но чтобы, вспоминая, они подражали ему, видно изъ словъ, какія онъ прибавилъ слушателямъ: *поминающе, яко три лѣта нощь и день не престахъ уча со слезами* и со всѣми тѣми скорбями *единаго когождо васъ* (Дѣян. XX, 31). Я желаю говорить, чтобы вы вспоминали не просто обо мнѣ, но и о времени, и ученіи, и усердіи, и слезахъ, и всѣхъ этихъ воздыханіяхъ. Какъ родственники больныхъ, не успѣвая многими и длинными рѣчами своими убѣдить ихъ — принять пищу и лѣкарства, свойственныя больнымъ, плачутъ, чтобы скорѣе преклонять ихъ, такъ и Павелъ поступалъ съ учениками: когда видѣлъ, что слово ученія дѣйствуетъ слабо, тогда употреблялъ врачество слезъ.

6. Кто не устыдился бы, хотя бы онъ былъ безчувственнѣе даже камней, видя Павла плачущимъ и воздыхающимъ? Видишь ли, какъ онъ и тамъ предсказывалъ будущее? Тоже самое

онъ дѣлаетъ и здѣсь, говоря: *сіе вѣждь, яко въ послѣднія дни настанутъ времена люта*. Для чего же онъ говоритъ это Тимоѳею, а не говоритъ такъ: пусть знаютъ имѣющіе жить послѣ, что *настанутъ времена люта?* Но *вѣждь ты*, говоритъ онъ, чтобы ты узналъ, что и ученикъ, подобно учителю, заботился о будущемъ; если бы тотъ не заботился, то онъ не возложилъ бы на него такого же попеченія. Такъ поступалъ и Христосъ: когда приступили къ Нему ученики, желая узнать о кончинѣ (міра), то Онъ сказалъ имъ: *услышати же имате брани* (Мѳ. xxiv, 6). Между тѣмъ они не имѣли услышать объ этомъ. Но тѣло вѣрующихъ одно. И какъ жившіе тогда слушали о томъ, что̀ будетъ послѣ, такъ и мы знаемъ о томъ, что̀ случилось тогда. Одно, какъ я сказалъ, тѣло — мы и они, тѣсно связанные между собою, хотя мы занимаемъ и послѣдній рядъ членовъ; и этого тѣла не расторгаетъ ни время, ни мѣсто, потому что мы соединены между собою не связію нервовъ, но совокуплены со всѣхъ сторонъ узами любви. Поэтому и тѣмъ онъ говоритъ о насъ, и мы слышимъ о нихъ. Сто̀итъ изслѣдовать и то, почему апостолъ вездѣ говоритъ, что скорбныя обстоятельства сте- 278
кутся при концѣ настоящей жизни. Такъ и въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: *въ послѣдняя времена отступятъ нѣцыи отъ вѣры* (Тим. iv, 1); и здѣсь опять говоритъ: *въ послѣднія дни настанутъ времена люта*. И Христосъ, предвозвѣщая подобное этому, говорилъ: при кончинѣ *услышати имате брани и слышанія браней, и глади и пагубы* (Мѳ. xxiv, 6, 7). Отчего же при кончинѣ будетъ велико стеченіе бѣдствій? Нѣкоторые говорятъ, что природа изнуряющаяся и изнемогающая, подобно состарѣвшему тѣлу, которое испытываетъ много болѣзней, также состарѣвшись, испытаетъ много бѣдствій. Но тѣло достигаетъ старости по немощи и закону природы; а заразы, войны и землетрясенія бываютъ не отъ старости природы. Не оттого произойдутъ эти болѣзни, *глади и пагубы и труси по мѣстомъ*, что эти творенія состарѣются, но оттого, что развратится воля людей, всѣ эти бѣдствія—наказанія за грѣхи и врачество человѣческихъ болѣзней. Тогда усилятся болѣзни человѣческія. Почему же, скажутъ, тогда онѣ усилятся? Мнѣ кажется, потому, что, такъ какъ судъ медлитъ, наказанія еще имѣютъ быть и Судія еще не пришелъ, то имѣющіе отдать отчетъ дѣлаются болѣе безпечными. Такъ Христосъ говоритъ о зломъ рабѣ, что онъ отъ этого сдѣлался безпечнѣйшимъ. Медлитъ господинъ мой, говорилъ рабъ, и поэтому билъ подобныхъ себѣ рабовъ и расточалъ имѣніе господина. Потому и Христосъ ученикамъ, приступившимъ къ Нему и желавшимъ узнать о днѣ кончины,

не сказалъ этого, желая неизвѣстностію будущаго держать насъ въ постоянномъ страхѣ, чтобы каждый, постоянно ожидая будущаго и въ надеждѣ на пришествіе Христово, былъ болѣе заботливымъ. Поэтому нѣкто увѣщеваетъ такъ: *не медли обратитися ко Господу, и не отлагай день отъ дне*, чтобы при медленности тебѣ не погибнуть (Сир. v, 8, 9). Кончина неизвѣстна, говоритъ, и неизвѣстна для того, чтобы ты былъ всегда заботливымъ. Поэтому день Господень придетъ, какъ тать ночью, не для того, чтобы похитить, но чтобы сдѣлать насъ осторожнѣйшими. Вѣдь и кто ожидаетъ вора, тотъ не спитъ, и, зажегши свѣтильникъ, постоянно бодрствуетъ. Такъ и вы, воспламенивъ свѣтъ вѣры и праведной жизни, имѣйте ясные свѣтильники въ постоянномъ бодрствованіи. Такъ какъ мы не знаемъ, когда придетъ Женихъ, то и должны быть готовыми всегда, чтобы, когда Онъ придетъ, нашелъ насъ бодрствующими.

7. Хотѣлъ бы я продолжить рѣчь; но и это сказать едва позволила мнѣ тѣлесная слабость, по причинѣ которой я былъ разлученъ съ вами столь долгое время. Долго для меня это время не по числу дней, а по мѣрѣ и настроенію души. Для любящихъ и краткое время разлуки кажется большимъ и невыразимо продолжительнымъ. Поэтому и Павелъ, будучи малое время въ разлукѣ съ ѳессалоникійцами, говорилъ: *мы же, братіе, осиротѣвше отъ васъ ко времени часа, лицемъ, а не сердцемъ, лишше тщахомся лице ваше видѣти* (1 Сол. II, 17). Если же Павелъ, умѣвшій лучше всѣхъ любомудрствовать, не перенесъ *времени часа*, то какъ мы можемъ перенести столько дней (разлуки)? Подобно ему и я, не перенося этого болѣе и еще имѣя остатки болѣзни, прибѣжалъ къ вамъ, думая получить величайшее врачество въ общеніи съ вашею любовію. Дѣйствительно для меня полезнѣе содѣйствія врачей и всякаго происходящаго отсюда облегченія наслаждаться отъ вашей любви, которою да сподобимся наслаждаться постоянно, молитвами и ходатайствомъ всѣхъ святыхъ, во славу Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, честь, держава, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА

о совершенной любви, и о воздаяніи по достоинству дѣлъ, и о сокрушеніи.

279 1. Всякое доброе дѣло есть плодъ любви. Поэтому много и говорится о ней. Такъ Христосъ говоритъ: *о семъ разумѣютъ вси, яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою* (Іоан. XIII,

35); и Павелъ взываетъ: *ни единому же ничимже должни бываите, точію еже любити другъ друга* (Рим. XIII, 8). Не сказалъ просто о любви, но повелѣваетъ быть какъ бы должниками въ любви другъ къ другу. Какъ въ отношеніи къ тѣлу мы должны постоянно доставлять ему пищу, и постоянно доставляемъ, и этотъ долгъ простирается на всю нашу жизнь, такъ онъ учитъ поступать и въ отношеніи къ любви, или лучше сказать—еще больше, потому что она приводитъ къ жизни вѣчной и постоянно остается съ тѣми, которые имѣютъ ее. *Пребываютъ*, говоритъ апостолъ, *три сія: вѣра, надежда и любы: болши же сихъ любы* (1 Кор. XIII, 13). Впрочемъ, не только словами, но и самыми дѣлами мы научаемся этой добродѣтели. И во первыхъ, способомъ нашего рожденія; создавъ одного человѣка, Богъ повелѣлъ отъ него произойти всѣмъ, чтобъ мы всѣ считали другъ друга какъ бы однимъ человѣкомъ и старались жить въ любви другъ къ другу. Затѣмъ и посредствомъ взаимныхъ отношеній Онъ премудро устроилъ необходимость для насъ взаимой любви, а какъ—послушай. Наполнивъ вселенную множествомъ благъ, Онъ даровалъ каждой странѣ особенные, ей свойственные роды плодовъ, чтобы мы, вынуждаемые необходимостію, путешествуя другъ къ другу, сообщая другимъ излишнее и получая отъ нихъ недостающее намъ, любили однородныхъ съ нами. Тоже Онъ сдѣлалъ и съ каждымъ человѣкомъ. Онъ не далъ всѣмъ знать все, но одному сообщилъ способность къ врачебной наукѣ, другому — къ строительной, иному къ иной, чтобы, нуждаясь другъ въ 290
другѣ, мы любили другъ друга. Также и въ предметахъ духовныхъ, въ свою очередь, можно видѣть тоже самое, какъ говоритъ Павелъ: *овому бо дается слово премудрости, иному же слово разума, иному же пророчество, иному же дарованія исцѣленій, иному же роди языковъ, другому же сказанія языковъ* (1 Кор. XII, 8—10). Но нѣтъ ничего выше любви; поэтому Онъ и поставилъ ее выше всего, сказавъ такъ: *аще языки человѣческими глаголю и ангельскими, любве же не имамъ, бысть мѣдь звенящи, или кимвалъ звяцаяй: и аще имамъ пророчество, и вѣмъ тайны вся, и аще имамъ вѣру, яко и горы преставляти, любве же не имамъ, ничтоже есмь* (1 Кор. XIII, 1, 2). И даже на этомъ онъ, не остановился, но возвѣстилъ, что и самая смерть за благочестіе не приноситъ никакой пользы, если не будетъ при этомъ любви. Не безъ причины Онъ сказалъ это о любви; онъ зналъ, хорошо зналъ, какъ исполнитель заповѣдей Божіихъ, что когда твердо вкоренится любовь, тогда произрастаютъ плоды всякихъ благъ. Заповѣди: *не прелюбы сотвори, не убій, не укради, не лжесвидѣтельствуй*, и всякая другая заповѣдь заключаются въ этой од-

ной, какъ главной: *возлюбиши ближняго своего, яко самъ себе* (Исход. XX, 13—16. Лев. XIX, 18. Галат., V, 14). Впрочемъ, для чего говорить о маломъ, умалчивая о великомъ? Изъ любви сошелъ къ намъ возлюбленный Сынъ Божій, сталъ обращаться и жить вмѣстѣ съ людьми, чтобы, разсѣявъ многобожное заблужденіе и возвѣстивъ истинное познаніе, научить людей любви другъ къ другу, какъ свидѣтельствуетъ Іоаннъ, когда говоритъ: *тако возлюби Богъ міръ, яко и Сына своего Единороднаго далъ есть, да всякъ вѣруяй въ Онь не погибнетъ, но иматъ животъ вѣчный* (Іоан. III, 16). Ею пламенѣя, Павелъ произнесъ небесныя слова: *кто ны разлучитъ отъ любве* Христовой: *скорбь ли, или тѣснота, или гоненіе, или гладъ, или нагота, или*
281 *бѣда, или мечь* (Рим. VIII, 35)? Презрѣвъ же это, какъ ничтожное, Онъ присовокупилъ къ этому еще гораздо большее. *Яко ни смерть,* говоритъ онъ, *ни животъ, ни настоящая, ни грядущая, ни высота, ни глубина, ни ина тварь кая возможетъ насъ разлучити отъ любве Божія, яже о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ* (Рим. VIII, 38—39). Поэтому ничто не могло отлучить (отъ любви Божіей) этого блаженнаго, горѣвшаго любовію, ни небо, ни земля, ни море, ни царство небесное, ни адскія муки; все презиралъ онъ ради Христа. Если же мы посмотримъ и на остальныхъ святыхъ, то увидимъ, что всѣ они угодили Богу любовію.

2. Любовь представляетъ тебѣ ближняго, какъ тебя самого, и научаетъ тебя радоваться его благополучію, какъ твоему собственному, и чувствовать его несчастія, какъ твои собственныя. Любовь соединяетъ многихъ въ одно тѣло и дѣлаетъ души ихъ жилищами Святаго Духа, потому что не въ раздѣленныхъ другъ отъ друга, но въ соединенныхъ по душѣ можетъ обитать Духъ мира. Любовь дѣлаетъ общими для всѣхъ блага каждаго, какъ говоритъ книга Дѣяній: *народу же вѣровавшему бѣ сердце и душа едина: и ни единъ же что отъ имѣній своихъ глаголаше свое быти, но бяху имъ вся обща: даяшеся же коемуждо, егоже аще кто требоваше* (Дѣян. IV, 32, 35). Такимъ образомъ, есть ли какая стѣна, столь твердая, столь укрѣпленная совокупностію огромныхъ камней и столь недоступная для нападеній враговъ, какъ общество любящихъ другъ друга и связанныхъ между собою единодушіемъ? Оно отражаетъ самыя козни діавола, и весьма естественно. Возставая противъ него вмѣстѣ другъ съ другомъ, и не становясь вмѣстѣ съ нимъ другъ противъ друга, такіе люди бываютъ непобѣдимы его ухищреніями, и воздвигаютъ блистательные трофеи любви. И какъ струны лиры, хотя многочисленныя, но настроенныя согласно, производятъ пріятнѣйшіе звуки, такъ и объединенные единоду-

шіемъ издаютъ благозвучный гласъ любви. Поэтому Павелъ и совѣтуетъ мыслить и говорить согласно, и считать другихъ превосходнѣе себя, чтобы тщеславіемъ не уничтожить любви, но, уступая почести другимъ, жить въ единодушіи. И еще онъ говоритъ: *любовію работайте другъ другу: ибо весь законъ во единомъ словеси исполняется, во еже: возлюбиши ближняго твоего якоже себе* (Гал. v, 13, 14). Любящій желаетъ не подчинять только, но и подчиняться, и болѣе радуется, подчиняясь, нежели начальствуя. Любящій желаетъ лучше благодѣтельствовать, нежели получать благодѣянія, потому что лучше желаетъ имѣть друга должникомъ своимъ, нежели самому быть должнымъ ему. Любящій желаетъ благодѣтельствовать возлюбленному, но не хочетъ, чтобы видны были его благодѣянія; желаетъ быть первымъ въ благодѣяніяхъ, но не хочетъ, чтобы онъ казался первымъ въ благодѣяніяхъ. Можетъ быть, нѣкоторые не понимаютъ сказаннаго; поэтому я поясню это примѣромъ. Человѣколюбивый Господь предопредѣлилъ дать Сына Своего за насъ; чтобы не показалось, что это даръ Его, но что онъ отдаетъ долгъ, Онъ повелѣлъ Аврааму при- 282
нести въ жертву сына своего, чтобы, когда и Самъ будетъ дѣлать тоже, Онъ явился не подающимъ даръ, но отдающимъ, по чрезмѣрному богатству Его благости. Знаю, что многимъ сказанное покажется страннымъ; причиною—то, что я говорю о предметѣ, который нынѣ обитаетъ на небѣ. Какъ еслибы я говорилъ о какомъ-нибудь растеніи, которое родится въ Индіи и о которомъ никто опытно не знаетъ, то я не могъ бы вполнѣ объяснить его словомъ, хотя бы и весьма много говорилъ о немъ,—такъ и теперь, сколько бы я ни сказалъ, я сказалъ бы напрасно, потому что нѣкоторые не поймутъ сказаннаго. На небѣ, какъ я сказалъ, насаждено это растеніе. Но, если мы захотимъ, то оно можетъ быть насаждено и въ насъ. Поэтому намъ заповѣдано говорить къ Отцу небесному: *да будетъ воля Твоя яко на небеси, и на земли* (Мѳ. vi, 10).

3. Итакъ, не будемъ думать, что невозможно пріобрѣсти такое благо. Возможно, поистинѣ возможно, если захотимъ быть внимательными; и не только это, но возможно исполнить и всякую добродѣтель, потому что мы руководимся свободною волею, а не подлежимъ, какъ думаютъ нѣкоторые, необходимости судьбы, и убѣждены, что отъ желанія и нежеланія зависитъ и добро и зло. Поэтому Богъ и обѣщалъ царство и угрожалъ наказаніемъ. А еслибы мы были связаны необходимостію, то Онъ не поступилъ бы такъ, потому что сообразно съ намѣреніемъ дѣйствій бываетъ и воздаяніе за тѣ и другія дѣла. Онъ не предлагалъ бы законовъ, не дѣлалъ бы увѣщаній, еслибы мы были связаны узами судьбы. Но, такъ какъ мы свободны и

властны въ своей волѣ, и дѣлаемся негодными отъ безпечности, а добрыми отъ усердія, то Онъ поэтому и приготовилъ такія врачества, исправляя насъ и научая любомудрію какъ страхомъ наказанія, такъ и надеждою на полученіе царства. И не изъ этого только, но и изъ того, что мы сами дѣлаемъ, видно, что не судьба, не случай, не рожденіе и не теченіе звѣздъ управляютъ нашими дѣлами. Если бы отъ этого зависѣло все происходящее (съ нами), а не отъ свободной воли людей, то для чего ты наказываешь раба, укравшаго что-нибудь? Для чего влечешь въ судилище жену прелюбодѣйствовавшую? Отчего ты стыдишься, дѣлая непристойное? Отчего ты даже не переносишь словъ, когда порицаютъ тебя, но, если кто назоветъ тебя прелюбодѣемъ, или блудникомъ, или пьяницей, или чѣмъ-нибудь подобнымъ, ты называешь это оскорбленіемъ? Если грѣшить не зависитъ отъ твоей воли, то и дѣла эти—не преступленіе, и слова эти—не оскорбленіе. Но теперь и тѣмъ, что не прощаешь согрѣшающимъ, и тѣмъ, что самъ стыдишься, дѣлая зло, и стараешься скрыться, и тѣмъ, что причиняющихъ тебѣ зло называешь оскорбителями, всѣмъ этимъ ты выражаешь, что мы не связаны необходимостію, но одарены свободою воли. Тѣхъ же, которые связаны необходимостію, мы обыкновенно прощаемъ. Если кто, будучи одержимъ бѣсомъ, или раздеретъ нашу одежду, или нанесетъ намъ удары, то мы не только не наказываемъ его, но и жалѣемъ и прощаемъ. Почему же? Потому, что не свобода воли, а насиліе бѣса сдѣлало это. Такъ, если бы и остальные грѣхи происходили по необходимости судьбы, то мы прощали бы ихъ; но такъ какъ мы знаемъ, что они не отъ необходимости, то поэтому и не прощаемъ, ни
283 господа слугамъ, ни мужья женамъ, ни жены мужьямъ, ни отцы дѣтямъ, ни учители ученикамъ, ни начальники подчиненнымъ, а бываемъ строгими изслѣдователями и карателями преступленій, обращаемся къ судилищамъ, подвергаемъ бичеванію, употребляемъ наказанія и дѣлаемъ все, чтобы исправить ихъ отъ зла. Къ дѣтямъ же нашимъ и приставляемъ наставниковъ, и посылаемъ ихъ къ учителямъ, и присоединяемъ угрозы, и употребляемъ наказанія, и принимаемъ многія другія вспомогательныя мѣры, чтобы они сдѣлались добрыми. Какая же нужда въ трудахъ и усиліяхъ къ исполненію добродѣтели? Если кому суждено судьбою стать добрымъ, то онъ будетъ прекраснымъ, хотя будетъ дремать и спать, или лучше—нельзя и назвать добрымъ того, кто бываетъ такимъ по необходимости. Какая нужда въ трудахъ и усиліяхъ къ избѣжанію зла? Если кому суждено судьбою стать злымъ, то, сколько бы онъ ни трудился, онъ будетъ злымъ, или лучше—нельзя и назвать злымъ того, кто побуждается ко злу не-

обходимостію. Какъ бѣсноватаго, хотя бы онъ злословилъ, хотя бы билъ,—я опять употреблю тотъ же примѣръ, — мы не назовемъ оскорбителемъ, потому что приписываемъ оскорбленіе не ему, а насилію бѣса,—такъ и злого, если онъ побуждается къ этому судьбою, мы не назовемъ злымъ, равно какъ и добраго добрымъ. Вѣдь если допустить это, то все у насъ придетъ въ смятеніе, и ни добродѣтель не будетъ значить что-нибудь, ни порокъ, ни искусства, ни законы, и ничто другое подобное. Для чего же мы, когда больны, много безпокоимся, тратимъ деньги, призываемъ врачей, употребляемъ врачества, соблюдаемъ воздержаніе и умѣряемъ пожеланія? Если и здоровье, и болѣзнь зависятъ отъ судьбы, то напрасна трата денегъ, напрасно приглашеніе врачей, напрасно тщательное воздержаніе больныхъ. Мы же теперь, между прочимъ, и изъ этого объясняемъ, что все такое не напрасно. Такимъ образомъ изчезаетъ басня о судьбѣ, потому что дѣла наши не подлежатъ никакой необходимости, но во всемъ, какъ я сказалъ, мы одарены свободою воли.

4. Итакъ, возлюбленные, зная это и ,еще больше этого,— вѣдь много и другого можно сказать объ этомъ, но для болѣе благоразумныхъ достаточно и этого,—будемъ избѣгать порока и избирать добродѣтель, чтобы намъ самыми дѣлами показать, что мы имѣемъ свободную волю по отношенію къ представляющимся намъ предметамъ, чтобы намъ не посрамиться въ день откровенія дѣлъ. *Всѣмъ бо явитися намъ подобаетъ предъ судищемъ Христовымъ*, говоритъ Павелъ, *да пріиметъ кійждо яже содѣла, или блага, или зла* (2 Кор. v, 10). Будемъ же, увѣщеваю васъ, имѣть въ умѣ то судилище и представимъ, что оно теперь существуетъ, что судія сидитъ и все открывается и выставляется на видъ. Вѣдь намъ нужно будетъ не просто предстать, но и открыться. Неужели вы не смутились? Неужели не вострепетали? Не рѣшаемся ли мы часто лучше умереть, нежели открыть предъ почтенными друзьями наше тайное преступленіе? Какъ же будемъ чувствовать себя тогда, когда грѣхи наши откроются предъ всѣми ангелами и всѣми людьми и предстанутъ предъ нашими глазами? *Обличу тя*, говоритъ Господь, *и представлю предъ лицемъ твоимъ грѣхи твоя* (Псал. XLIX, 21). Если же тогда, когда еще нѣтъ самаго событія, а только оно предполагается и изображается словами, мы терзаемся совѣстію, то что мы будемъ дѣлать, когда 284
оно наступитъ, когда будетъ присутствовать вся вселенная—и ангелы, и архангелы, и начала, и власти, когда будутъ непрерывно звучать трубы, когда праведники будутъ подъяты на облакахъ, и будетъ великій плачъ грѣшниковъ? Какой тогда страхъ обниметъ оставшихся на землѣ? Сказано: *едина поемлется, и*

едина оставляется: единъ поемлется, а другій оставляется (Мѳ. XXIV, 40, 41). Въ какомъ состояніи будетъ душа ихъ, когда они увидятъ, какъ другіе отводятся съ великою честію, а они сами оставляются съ великимъ стыдомъ? Невозможно, повѣрьте, невозможно выразить словомъ этого страданія. Видали ли вы когда-нибудь отводимыхъ на смерть? Въ какомъ, думаете, состояніи находится душа ихъ, когда они идутъ по дорогѣ до мѣста казни? Чего не рѣшились бы они и сдѣлать, и претерпѣть, чтобы избавиться отъ этой тьмы? Я слыхалъ отъ многихъ, которые послѣ отведенія на казнь были возвращены назадъ по человѣколюбію царскому, что они даже въ людяхъ не узнавали людей отъ душевнаго смущенія и ужаса. Но что я говорю объ отводимыхъ на казнь? Ихъ тогда окружалъ народъ, изъ котораго большая часть и не знала ихъ; но если бы кто взглянулъ тогда въ душу каждаго, то нашелъ бы, что нѣтъ ни одного столь жестокаго, ни одного столь смѣлаго, ни одного столь мужественнаго, который бы не палъ и не смутился въ душѣ отъ страха и унынія. Если же тогда, какъ другіе предаются смерти, не имѣющіе съ ними никакого общенія бываютъ въ такомъ расположеніи, то въ какомъ состояніи будемъ находиться мы, когда сами подвергнемся болѣе тяжкой участи, будучи лишаемы той неизреченной радости и отсылаемы на вѣчное мученіе? Если бы даже и не было геенны, то быть отвергнутымъ отъ такой свѣтлости и отойти съ безчестіемъ,—какимъ будетъ наказаніемъ? Если и теперь многіе, видя входящаго царя и представляя собственную бѣдность, не столько получаютъ удовольствія отъ этого зрѣлища, сколько испытываютъ скорби отъ того, что не участвуютъ ни въ чемъ изъ окружающаго царя и не находятся близъ повелителя, то что будетъ тогда? Или, вы думаете, малымъ будетъ наказаніемъ—не быть поставлену на ряду съ другими въ томъ сонмѣ, не удостоиться неизреченной славы, быть удалену и остаться далеко отъ того торжества и неизглаголанныхъ благъ? Но если, кромѣ того, будутъ и мракъ, и скрежетъ зубовъ, и узы неразрѣшимыя, и червь неумирающій, и огонь неугасающій, и плачъ, и стенаніе, и языки мучимые жаромъ, какъ у того богача, когда будемъ вопіять и никто не услышитъ, будемъ стенать и плакать отъ страданій и никто не станетъ внимать, будемъ смотрѣть во всѣ стороны и никто нисколько не утѣшитъ, то какъ судить о находящихся въ такомъ состояніи? Что можетъ быть несчастнѣе тѣхъ душъ? Что—горестнѣе?

5. Если мы, войдя въ темницу и видя однихъ грязными, а другихъ связанными желѣзными оковами, третьихъ заключенными во мракѣ, трогаемся, ужасаемся и дѣлаемъ все, чтобы са-

нимъ не впасть въ такую же бѣду и скорбь, то, когда мы, связанные, будемъ отведены въ самыя геенскія мученія, въ какомъ мы будемъ состояніи? Что будемъ дѣлать? Вѣдь тѣ узы не изъ желѣза, но изъ огня, никогда неугасающаго, и распоряжаться нами будутъ не какіе-либо подобные намъ люди, которыхъ часто можно смягчить, но ангелы страшные и несострадательные, на которыхъ невозможно будетъ и взглянуть, которые будутъ сильно гнѣваться на насъ за дѣла, какими мы оскорбили Господа. Тамъ 285
не такъ, какъ здѣсь, невозможно расположить къ себѣ однихъ серебромъ, другихъ яствами, иныхъ льстивыми словами, и получить облегченіе, но ни въ чемъ тамъ нѣтъ прощенія. Будутъ ли Ной, или Іовъ, или Даніилъ, видѣть ближнихъ своихъ мучимыми, они не осмѣлятся предстать и подать руку помощи. Тогда случится, что истребится и естественное состраданіе. Такъ какъ найдутся праведные отцы грѣшныхъ дѣтей и добрые дѣти порочныхъ родителей,—зло вѣдь не отъ природы, а отъ воли,—то, чтобы радость ихъ была чистою и состраданіе не нарушало блаженства наслаждающихся тѣми благами, и оно тогда угаснетъ, такъ что и они вмѣстѣ съ Господомъ будутъ негодовать на своихъ единокровныхъ (грѣшниковъ). Если и теперь нѣкоторые, видя своихъ дѣтей негодными, удаляютъ ихъ отъ себя и отказываются отъ родства съ ними, то тѣмъ больше произойдетъ это на томъ судѣ. Итакъ, никто пусть не надѣется на что-нибудь хорошее, не сдѣлавъ хорошаго, хотя бы онъ имѣлъ и множество праведныхъ предковъ. *Кійждо,* говоритъ апостолъ, *пріиметъ яже съ тѣломъ содѣла, или блага, или зла* (2 Кор. v, 12). Будемъ же, увѣщеваю васъ, внимать и вразумляться. Если ты будешь имѣть огонь порочнаго пожеланія, то представь огонь тамошняго мученія, и твой огонь погаснетъ. Если ты захочешь сказать что-нибудь непристойное, то представь скрежетъ зубовъ, и страхъ послужитъ для тебя уздою. Если ты пожелаешь похитить что-нибудь чужое, то послушай, что говоритъ Судія: *связавше ему руцѣ и нозѣ, ввергите его во тму кромѣшную* (Матѳ. xxii, 13), и ты оставишь свое желаніе. Если ты жестокъ и немилостивъ, то вспомни о тѣхъ дѣвахъ, которыя, вслѣдствіе того, что погасли ихъ свѣтильники отъ недостатка елея, лишились брачнаго чертога, и ты скоро станешь человѣколюбивымъ. Если у тебя будетъ желаніе упиваться и роскошествовать, послушай богача, который говорилъ: *посли Лазаря, да концемъ перста устудитъ пламенѣющій языкъ,* и не получилъ желаемаго (Лук. xvi, 24),—и тотчасъ ты оставишь свою страсть. И всѣ остальныя страсти ты укротишь такимъ образомъ. Вѣдь Богъ не предписалъ намъ ничего тяжкаго. Отчего же заповѣди Его кажутся,

тяжкими? Отъ нашего нерадѣнія. Какъ въ томъ случаѣ, если мы будемъ усердны, и кажущееся тяжкимъ будетъ легко и удобно, такъ и въ томъ случаѣ, если мы будемъ нерадивы, и легкое покажется намъ труднымъ. Представляя все это, не будемъ считать блаженными тѣхъ, которые живутъ роскошно, но будемъ помышлять о кончинѣ ихъ: здѣсь плотяность и тучность, а тамъ червь и огонь; также и хищниковъ не будемъ считать блаженными, но смотрѣть, какова ихъ кончина: здѣсь заботы и труды, а тамъ неразрѣшимыя узы и тьма кромѣшняя; также—и любящихъ славу, но (смотрѣть) какова ихъ кончина: здѣсь раболѣбство и притворство, а тамъ великое страданіе и постоянное горѣніе въ огнѣ. Если мы такимъ образомъ будемъ разсуждать съ самими собою и непрестанно повторять это и тому подобное при нашихъ порочныхъ пожеланіяхъ, то скоро будемъ избѣгать пороковъ и исполнять добродѣтели, погасимъ любовь къ благамъ настоящимъ и воспламенимъ любовь къ благамъ будущимъ. И дѣйствительно, чтó въ настоящихъ благахъ есть прочнаго, или необыкновеннаго и дивнаго, чтобы посвящать имъ всѣ свои заботы? Не видимъ ли мы, что одно и тоже постоянно круговращается, напримѣръ, день и ночь, ночь и день, зима и лѣто, лѣто и зима, и больше ничего? Будемъ же, поэтому, воспламенять въ себѣ любовь къ будущимъ благамъ, потому что великая слава ожидаетъ праведниковъ,—такая, какой невозможно изобразить словомъ: они, воспринявъ нетлѣнныя тѣла по воскресеніи, прославятся и будутъ царствовать вмѣстѣ со Христомъ.

286 6. А какъ это важно, мы узнаемъ изъ слѣдующаго, или лучше сказать—ясно узнать это мы ни откуда не можемъ, но чтобы, заимствовавъ подобіе отъ нашихъ благъ, намъ получить какое-нибудь, хотя малое, понятіе о тѣхъ благахъ, я по силамъ своимъ постараюсь пояснить сказанное примѣромъ. Скажи мнѣ: если бы кто-нибудь тебя, устарѣвшаго и живущаго въ бѣдности, обѣщалъ вдругъ сдѣлать молодымъ и привести въ самый цвѣтущій возрастъ, сдѣлать и весьма крѣпкимъ, и прекраснымъ больше всѣхъ, и даровать тебѣ царствованіе надъ всею землею на тысячи лѣтъ, царствованіе, сопровождающееся глубочайшимъ миромъ, то чего бы не рѣшился ты за это обѣщаніе и сдѣлать и претерпѣть? Но вотъ, Христосъ обѣщаетъ не это, а гораздо большее. Вѣдь не такова разность между старостію и юностію, какова между тлѣніемъ и нетлѣніемъ; и не такова—между царствованіемъ и бѣдностію, какова между славою настоящею и будущею; между ними разность, какъ между сновидѣніями и истиною. Или лучше: я еще не сказалъ ничего, потому что нѣтъ слова, которое могло бы достаточно изобразить великое отличіе благъ буду-

щихъ отъ настоящихъ. А въ отношенiи къ продолжительности невозможно и умомъ представить ихъ различiя. Съ чѣмъ настоящимъ можно сравнить жизнь, не имѣющую конца? Въ отношенiи же къ миру разность между ними такова, какова между миромъ и войною; и въ отношенiи къ тлѣнiю и нетлѣнiю такова, какъ чистая жемчужина превосходнѣе грязной глыбы. Лучше же: что ни сказалъ бы кто, ничѣмъ не въ состоянiи будетъ изобразить этого. Хотя бы даже я сравнилъ красоту тогдашнихъ тѣлъ со свѣтомъ солнечнаго луча, хотя бы съ блистательнѣйшею молнiею, я еще не сказалъ бы ничего достойнаго той свѣтлости. А за такiя блага сколько можно отдать денегъ и тѣлъ? Или лучше: сколько можно отдать душъ? Если бы теперь кто-нибудь привелъ тебя къ царю и доставилъ тебѣ возможность въ присутствiи всѣхъ разговаривать съ нимъ и вмѣстѣ съ нимъ ѣсть и жить, то ты назвалъ бы себя блаженнѣе всѣхъ; а имѣя возможность взойти на небо, предстать самому Царю всего, блистать подобно ангеламъ и наслаждаться тою неприступною славою, ты недоумѣваешь, можно ли жертвовать деньгами, тогда какъ слѣдовало бы, хотя бы надлежало отдать и самую жизнь, веселиться, радоваться и восхищаться отъ удовольствiя? Но ты, для того, чтобы получить власть, доставляющую тебѣ случаи къ воровству,—я не назову этого прiобрѣтенiемъ,—тратишь свое имѣнiе, занимаешь и у другихъ, и, если бы нужно было, не усумнился бы заложить и жену, и дѣтей; а когда предстоитъ царство небесное, власть, не имѣщая преемника, ты медлишь, колеблешься и жалѣешь денегъ? Или ты не думаешь, что, если близкiя къ намъ части неба такъ хороши и прiятны, то каковы части высшiя, каково небо небесъ?

Но такъ какъ тѣлесными глазами увидѣть ихъ нельзя, то вознесись мыслiю, и, ставши выше этого неба, посмотри на то небо, которое выше этого, на высоту безпредѣльную, на свѣтъ неприступный, на сонмы ангеловъ, на чины архангеловъ, и на остальныя безтѣлесныя силы. И опять, сошедши съ высоты, возьми приведенный нами примѣръ, именно представь, что бываетъ около царя земного, напр., мужей, одѣтыхъ въ золото, упряжку бѣлыхъ лошаковъ, украшенныхъ золотомъ, колесницу, окованную драгоцѣнными камнями, бляхи, къ ней прикрѣпленныя, изображенiя драконовъ въ шелковыхъ одеждахъ, аспидовъ съ золотыми глазами, лошадей, облеченныхъ въ золото, и узды золотыя. Между тѣмъ, когда мы увидимъ самого царя, то уже не смотримъ ни на что изъ этого; онъ одинъ обращаетъ на себя наше вниманiе, его пурпуровыя одежды, дiадема, сѣдалище, 287
поясъ, обувь и блистанiе лица. Итакъ, тщательно сообразивъ

все это, отсюда ты опять перенесись мыслію на небо и представь тотъ страшный день, въ который придетъ Христосъ. Тогда ты увидишь не упряжку лошаковъ, не золотыя колесницы, не драконовъ и аспидовъ, а то, чтó внушаетъ великій страхъ и производитъ такое изумленіе, что и самыя силы небесныя ужасаются. *И силы небесныя*, говорится въ Писаніи, *подвигнутся* (Мѳ. xxiv, 29). Тогда отверзется все небо и сойдетъ Единородный Сынъ Божій въ сопровожденіи не двадцати и не ста, но тысячи и десятковъ тысячъ ангеловъ и архангеловъ, и все будетъ исполнено страха и ужаса; земля разверзется, и всѣ люди, когда либо существовавшіе, начиная отъ Адама и до того дня, возстанутъ изъ земли и будутъ восхищены, а Онъ самъ будетъ блистать такою славою, что солнце и луна скроютъ весь свѣтъ свой, который помрачится тѣмъ сіяніемъ. Но, — какъ прискорбна великая наша безчувственность!—когда ожидаются такія блага, мы еще пристращаемся къ благамъ настоящимъ, и не разумѣемъ злобы діавола, который чрезъ маловажное лишаетъ насъ великаго, даетъ грязь чтобы отнять небо, показываетъ тѣнь, чтобы удалить отъ истины, представляетъ великолѣпіе въ сновидѣніяхъ, — а таково настоящее богатство,—чтобы, когда придетъ тотъ день, явить насъ бѣднѣе всѣхъ. Узнавъ это, возлюбленные, будемъ избѣгать коварства его, будемъ опасаться осужденія вмѣстѣ съ нимъ, чтобы не сказалъ и намъ Судія: *идите отъ Мене проклятіи во огнь вѣчный, уготованный діаволу и аггеломъ его* (Мѳ. xxv, 41).

7. Но Богъ человѣколюбивъ, этого не будетъ,—говорятъ нѣкоторые. Итакъ, это написано напрасно? Нѣтъ, говорятъ, но только для угрозы, чтобы мы вразумлялись. А если мы не вразумимся, но останемся злыми,—скажи мнѣ,—то Богъ не пошлетъ наказанія? И добрымъ не воздастъ наградъ? Воздастъ, говорятъ, потому что Ему свойственно оказывать благодѣянія даже и выше заслугъ. Итакъ, послѣднее истинно и непремѣнно будетъ, а что касается до наказаній, то ихъ вовсе не будетъ? О, великое коварство діавола! О, безчеловѣчное человѣколюбіе! Это ему принадлежитъ мысль, обѣщающая безполезную милость и дѣлающая людей безпечными. Такъ какъ онъ знаетъ, что страхъ наказанія, какъ бы нѣкоторая узда, удерживаетъ нашу душу и обуздываетъ пороки, то онъ дѣлаетъ все и принимаетъ всѣ мѣры, чтобы исторгнуть его съ корнемъ, чтобы потомъ мы безбоязненно неслись въ пропасть. Какъ же мы преодолѣемъ его? Чтобы мы ни говорили изъ Писаній, противники скажутъ, что это написано для угрозы. Но, если они могутъ говорить такъ о будущемъ, хотя это и весьма нечестиво, то объ исполнившемся уже и настоящемъ — не могутъ. Итакъ, спросимъ ихъ: слыхали ли вы о

потопѣ и всеобщемъ тогдашнемъ истребленіи? Для угрозы ли было сказано и это? Развѣ это не исполнилось и не произошло на самомъ дѣлѣ? Не свидѣтельствуютъ ли объ этомъ и горы 288
Арменіи, гдѣ остановился ковчегъ? И остатки его тамъ не сохраняются ли донынѣ для нашего воспоминанія? Подобнымъ образомъ и тогда многіе говорили, и въ теченіе ста лѣтъ, когда ковчегъ строился, деревья приготовлялись, и праведникъ возвѣщалъ, никто не вѣрилъ этому; но такъ какъ не вѣрили угрозѣ на словахъ, то внезапно подверглись наказанію на самомъ дѣлѣ. А Кто навелъ такое наказаніе на тѣхъ, Тотъ не гораздо ли болѣе наведетъ на насъ? Вѣдь совершаемыя нынѣ злодѣянія не меньше тогдашнихъ. Тогда происходили беззаконныя смѣшенія: *пояша*, говорится въ Писаніи, *сынове Божіи дщери человѣчи* (Быт. VI, 2). А теперь нѣтъ такого вида грѣха, который не былъ бы совершенъ и пренебрегался бы.

Но, если угодно, скажемъ и о другихъ родахъ наказанія, чтобы по прошедшему повѣрить и будущему. Путешествовалъ ли кто изъ васъ когда-нибудь въ Палестину? Я думаю (что путешествовалъ). Итакъ, будьте вы свидѣтелями истины того, что я скажу. Выше Аскалона и Газы у самаго конца рѣки Іордана была страна обширная и плодоносная, которая могла равняться съ раемъ Божіимъ: *и видѣ*, сказано въ Писаніи, *Лотъ всю окрестную страну Іорданскую, яко напаяема бяше водою, яко рай Божій* (Быт. XIII, 10); а теперь она—пустыннѣйшая изъ всѣхъ пустынь. Тамъ стоятъ деревья и имѣютъ плодъ, но плодъ этотъ напоминаетъ о гнѣвѣ Божіемъ; висятъ гранатовыя яблоки, имѣющія прекрасный видъ и подающія незнающимъ пріятныя надежды, но, будучи взяты въ руки и разломаны, не обнаруживаютъ никакого плода, а пыль и прахъ, во множествѣ находящійся внутри ихъ. Такова тамъ и земля, таковы и камни, таковъ и самый воздухъ. Все сожжено, все обратилось въ прахъ, напоминая о прошедшемъ гнѣвѣ и предуказывая будущее наказаніе. Неужели и это словесныя угрозы? Неужели и это—одни звуки словъ? Если кто не вѣритъ гееннѣ, то пусть вспомнитъ о Содомѣ, пусть подумаетъ о Гоморрѣ, о наказаніи, которое уже исполнилось и остается донынѣ. Изъясняя это, и божественное Писаніе говоритъ о премудрости: *сія праведнаго, погибающымъ нечестивымъ, избави бѣжащаго отъ огня нисходяща на пять градовъ: ихже еще свидѣтельство лукавствія дымящаяся стоитъ земля пуста, и несовершенными времены плодоносящая древеса* (Прем. Солом. X, 6, 7). Нужно сказать и о причинѣ, по которой они такъ пострадали. У нихъ было одно преступленіе, тяжкое и заслуживавшее проклятія, но только одно: они предавались неистовой страсти къ юношамъ, и

за это сожжены огненнымъ дождемъ. А теперь совершаются безчисленныя и подобныя и тягчайшія преступленія, но такого сожженія не бываетъ. Почему? Потому, что уготованъ другой огонь, никогда неугасающій. Тотъ, Кто являлъ такой гнѣвъ за одинъ грѣхъ, не принялъ ходатайства Авраама и не былъ удержанъ жившимъ тамъ Лотомъ, какъ пощадитъ насъ, совершаю-
289 щихъ столько зла? Не можетъ быть этого, не можетъ.

8. Но не ограничимся этимъ, а представимъ и другихъ наказанныхъ, чтобы многочисленнѣйшими примѣрами убѣдиться въ истинѣ говоримаго. Всѣ вы слышали о фараонѣ, царѣ египетскомъ; вы знаете и о наказаніи, какому онъ подвергся, какъ онъ вмѣстѣ съ колесницами и конями и со всѣмъ войскомъ былъ потопленъ въ Чермномъ морѣ. А чтобы вамъ узнать также и о наказаніяхъ іудеевъ, послушайте Павла, который говоритъ: *ниже соблудимъ, якоже нѣцыи отъ нихъ соблудиша, и падоша во единъ день двадесять три тысящи*: не будемъ роптать, *якоже нѣцыи отъ нихъ ропташа, и погибоша отъ всегубителя: ни да искушаемъ Господа, якоже нѣцыи отъ нихъ искусиша, и отъ змій погибоша* (1 Кор. x, 8—10). Если же и тѣ испытали такія наказанія за свои грѣхи, то чего не потерпимъ мы? Теперь мы не терпимъ ничего тяжкаго, но поэтому особенно и нужно страшиться, такъ какъ не къ тому мы сберегаемся, чтобы не терпѣть наказанія, но чтобы потерпѣть бо́льшее, если не исправимся. Тѣ не знали о гееннѣ—и были предаваемы здѣшнимъ наказаніямъ; а мы за грѣхи, какіе сдѣлаемъ, если и не потерпимъ ничего прискорбнаго въ настоящей жизни, то испытаемъ все въ будущей. Да и разумно ли было бы, чтобъ тѣ, имѣвшіе вполнѣ юношескія понятія, столько страдали, а мы, получившіе совершеннѣйшее ученіе и дѣлающіе гораздо худшіе, чѣмъ тѣ, грѣхи, избѣжали наказанія? Хотите ли слышать и о прочихъ ихъ несчастіяхъ, какія претерпѣли они въ Палестинѣ отъ вавилонянъ, ассиріянъ и македонянъ? Сколько переносили они голода, заразъ, войнъ, плѣненій при Титѣ и Веспасіанѣ? Прочитайте книгу Іосифа, въ которой онъ описалъ взятіе Іерусалима, и вы узнаете эти печальныя событія. Между прочими бѣдствіями они терпѣли такой крайній голодъ, что ѣли даже свои пояса, обувь и еще гнуснѣйшія вещи,—потому что нужда заставляла ѣсть все, какъ говоритъ упомянутый писатель. И этимъ они не ограничивались, но ѣли даже собственныхъ дѣтей. Какъ же, тогда какъ тѣ претерпѣли такія наказанія, мы, которые дѣлаемъ худшее, чѣмъ, они, избѣгнемъ наказанія?
290 Вѣдь если они были наказаны тогда, то почему мы не наказываемся теперь? Не ясно ли и для слѣпого, что это потому, что

намъ готовится наказаніе въ будущемъ, какъ я часто говорилъ. При этомъ нужно подумать и о томъ, что̀ бываетъ въ настоящей жизни, и мы не станемъ отвергать геенны. Если Богъ праведенъ и нелицепріятенъ, какъ и дѣйствительно Онъ таковъ, то почему здѣсь одни за убійство терпятъ наказаніе, а другіе нѣтъ? Почему изъ прелюбодѣевъ одни наказываются, а другіе умираютъ ненаказанными? Сколько гробокопателей избѣгли наказанія, сколько разбойниковъ, сколько корыстолюбцевъ, сколько грабителей? Итакъ, если не будетъ геенны, то гдѣ они понесутъ наказаніе? Убѣдимъ ли мы противорѣчащихъ, что ученіе о ней—не басня? Оно такъ истинно, что не мы только, но и поэты, и философы, и баснописцы разсуждали о будущемъ воздаяніи и утверждали, что нечестивые наказываются въ аду. Хотя они и не могли сказать объ этомъ согласно съ истиною, такъ, какъ есть на самомъ дѣлѣ, потому что они руководились умозаключеніями и невѣрно слышаннымъ нашимъ ученіемъ, — однако они признавали нѣкоторый образъ суда. Они упоминаютъ о нѣкоторыхъ рѣкахъ, исполненныхъ плача и огня (о Коцитѣ и Пирифлегеѳонтѣ), о водѣ Стикса и тартарѣ, настолько отстоящемъ отъ земли, насколько она отъ неба, и о многихъ другихъ способахъ наказанія; также, въ свою очередь, объ Елисейскомъ полѣ, объ островахъ блаженныхъ, о цвѣтистыхъ лугахъ, о великомъ благоуханіи, о тонкомъ вѣтрѣ, о сонмахъ, тамъ обитающихъ, одѣтыхъ въ бѣлую одежду и поющихъ нѣкоторые гимны, вообще о воздаяніи, ожидающемъ и добрыхъ и злыхъ по удаленіи изъ здѣшней жизни. Итакъ, не будемъ отвергать геенны, чтобы намъ не впасть въ нее, — вѣдь невѣрующій дѣлается болѣе безпечнымъ, а безпечный непремѣнно попадетъ въ нее,—но будемъ несомнѣнно вѣрить и постоянно говорить о ней, и тогда мы не скоро станемъ грѣшить. Памятованіе о таковыхъ словахъ, какъ бы нѣкоторое горькое лѣкарство, можетъ истребить всякій порокъ, если оно будетъ постоянно жить въ нашей душѣ. Будемъ же пользоваться имъ, чтобы, совершенно очистившись, намъ удостоиться увидѣть Бога, насколько людямъ возможно увидѣть Его, и чтобы получить будущія блага, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа. Ему слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА О ВОЗДЕРЖАНІИ.

291 Слово о воздержаніи мнѣ всегда представляется весьма полезнымъ и приличнымъ для Христовыхъ рабовъ; въ особенности же теперь намъ благовременно будетъ обратиться съ нимъ къ вамъ, такъ какъ, облекшись во Христа, чада Церкви наиболѣе должны заявлять себя воздержаніемъ, предпочтительно предъ остальными добрыми качествами. Вѣдь, если бы кто при видѣ атлетовъ, обыкновенно являющихся на Олимпійскія игры и намащенными, сходящихъ на ристалище, заговорилъ съ ними о борьбѣ, самообладаніи и побѣдѣ, то онъ, по справедливому сужденію всѣхъ, сдѣлалъ бы это благовременно. Такъ и намъ теперь, при видѣ подвижниковъ Спасителя, въ божественныхъ таинствахъ воспріявшихъ силу отъ Св. Духа, которыхъ мы намѣреваемся выслать на духовное состязаніе, естественно побесѣдовать о воздержаніи. Въ человѣческихъ состязаніяхъ вѣнцы даются послѣ побѣды, а на Христовыхъ ристалищахъ — прежде ея. Для чего же Христосъ посылаетъ насъ на борьбу уже въ вѣнцахъ? Для того, чтобы внушить врагамъ страхъ, а наши чувства возбудить; чтобы, взирая на дарованную намъ отъ Бога честь, мы и не говорили, и не дѣлали ничего недостойнаго Господа. Если какой-либо царь, одѣтый въ багряницу и украшенный короною на головѣ, подъ вліяніемъ естественныхъ страстей совершаетъ что-либо недостойное царскаго величія, то сейчасъ же, какъ только взглянетъ на царскую одежду, исправляется и заботится о томъ, чтобы послѣ этого не оказаться снова во власти гнусныхъ страстей. Также и ты, облекшійся во Христа, спасшись отъ постыднаго душевнаго вожделѣнія, непрестанно устремляй взоръ на божественное одѣяніе—и тотчасъ станешь болѣе крѣпкимъ и избѣжишь опасности отъ козней лукаваго. Итакъ, прекрасное, конечно, дѣло одобрять и хвалить воздержаніе, но обладать имъ — еще прекраснѣе. И, безъ сомнѣнія, не мало побуждаются къ воздержанію тѣ, кто много говоритъ о немъ и слушаетъ. По этой-то причинѣ Богу и было благоугодно прославленіе добродѣтелей святыхъ мужей въ Священномъ Писаніи, чтобы всѣ люди склонялись къ подраженію имъ и чтобы, тщательно идя по ихъ стопамъ, они вели воздержную жизнь. Если во время состязаній въ гимнастическихъ училищахъ многіе, при видѣ увѣнчанныхъ атлетовъ, воспламеняются, раздѣваются и переносятъ много усиленныхъ и напряженныхъ трудовъ, чтобы заслужить вѣнки изъ вѣтвей маслины или лавра, то съ какою, слѣдовательно, стремительностію мы должны напряженно заботиться о воздержаніи, при

видѣ другихъ, уже увѣнчаныхъ отъ Бога,—чтобы и намъ заслужить добрыми спасительными дѣлами это украшеніе — небесные вѣнцы. Какъ же не тягостно и какъ же не заслуживаетъ великаго 292
гнѣва то обстоятельство, что атлетовъ приманиваютъ листъ лавра или оливы и слава этой преходящей жизни, а насъ ни мало не побуждаютъ дары Христовы къ тому, чтобы оставить всякую похоть и вожделѣніямъ предпочитать страхъ Божій? Далѣе, не одни только люди,—видимъ мы,—подражаютъ себѣ подобнымъ, но также и неразумныя существа. Часто голубки, при видѣ отлетающей одной изъ нихъ, тотчасъ слѣдуютъ за нею всѣ, и благородный жеребенокъ, рѣзвящійся въ конскомъ табунѣ, увлекаетъ за собою весь табунъ. И между вами, какъ бы въ стадѣ Христовомъ, находится прекрасная. молодая отрасль—воздержнѣйшій Іосифъ, своею небесною рѣзвостью призывающій насъ—сорабовъ къ подражанію ему. Итакъ, восплящемъ вмѣстѣ съ прекраснымъ юношей духовный танецъ, восхваляя его воздержаніе не одними только словами, но и чрезъ подражаніе его дѣламъ. Онъ былъ рачительнымъ и постояннымъ стражемъ воздержанія, хотя могъ отдавать повелѣнія самой царицѣ и въ пышности и роскоши проводить богатую и полную удовольствій жизнь. Хотя могъ быть господиномъ такихъ и столь великихъ благъ, однако, обсудивъ, что богатство, могущество и слава преходятъ вмѣстѣ съ настоящею жизнью, и что выгода отъ нихъ — только временная, а что нѣтъ никакого конца у одной только добродѣтели, — онъ, поэтому, набросилъ на удовольствія—какъ бы нѣкоторую узду—страхъ Христовъ. Богатство же, пышность и обѣщаніе своей госпожи онъ осмѣялъ, считая страданія въ темницѣ болѣе пріятными, чѣмъ жизнь въ прекрасныхъ чертогахъ,—хотя для тѣхъ, кто отмѣнно благообразенъ тѣломъ, властвовать надъ удовольствіемъ и трудно. Онъ же представилъ такой образецъ воздержанія, что красотою своей души затемнилъ красоту своего тѣла,—что въ виду благообразія его тѣла онъ долженъ быть уподобленъ нѣкоторой прекрасной звѣздѣ, а въ виду прелести его души долженъ быть уподобленъ ангеламъ. Намъ же надлежитъ удивляться не только воздержанію юноши, но и тѣмъ опасностямъ, какимъ онъ изъ-за того подвергался, считая дѣло служенія удовольствіямъ болѣе тяжкимъ и болѣе страшнымъ, чѣмъ какова даже смерть. Ему будетъ удивляться тотъ, кто тщательно изслѣдуетъ его добродѣтель и кто взвѣситъ то, въ какія времена онъ сохранилъ чистою свою душу. Онъ сохранилъ свободу ума прежде явленія на землѣ Господа и Творца вселенной. Онъ воспитывался въ домѣ нечестивыхъ; многіе склоняли его къ очень дурнымъ дѣламъ; у него не было учителя воздержанія. Всѣ были рабами

удовольствія, — потворствовали своему чреву, не дѣлали ничего благочестиваго, ничего святого; однако, живя среди столь многихъ и таковыхъ нечестивцевъ, когда увидѣлъ возлежавшую— невоздержную свою госпожу, то не оказался предателемъ небесныхъ сокровищъ, но сохранилъ храмъ Св. Духа неопустошеннымъ, предпочитая умереть, чѣмъ служить удовольствіямъ. Онъ еще не слышалъ словъ Павла, что тѣла наши *удове Христовы суть* (1 Кор. VI, 15); но прежде, чѣмъ услышалъ божественный голосъ, онъ, уча насъ въ церквахъ, какъ намъ надлежитъ бороться и сохранять неповрежденною душу, явилъ себя не уступающимъ по своему значенію тѣмъ, кто были почтены небесными обѣщаніями. Если я, — можетъ сказать Іосифъ, — жившій до рождества Христова и не слышавшій возвышеннаго апостола Павла, восклицавшаго, что наши тѣла—*удове Христовы суть*, думалъ, что Божіимъ рабамъ приличествуетъ повелѣвать удовольствіемъ, и не оказался расточителемъ воздержанія, хотя предъ моими глазами было приготовлено много опасностей, то въ какой степени надлежитъ вамъ жить въ воздержаніи со
293 страхомъ и трепетомъ, чтобы не оказаться недостойными почести и чтобы *удове Христовы* не сдѣлались членами блудодѣйцы! Это слово можетъ оградить воздержаніемъ всякую душу; это слово легко тушитъ и пылающія вожделѣнія. Падающій въ огонь дождь такъ легко не подавляетъ пламени, какъ заставляетъ увядать дурныя вожделенія та рѣчь, допущенная въ душу. Такія же рѣчи намъ можетъ говорить и великій Іовъ, который не только былъ тщательнымъ блюстителемъ воздержанія, но даже положилъ для своихъ глазъ законъ, по которому они не должны были смотрѣть на лицо дѣвицы, изъ боязни, чтобы сверкающая красота какъ-нибудь не обольстила его ума (Іов. XXXI, 1). Кто не удивился бы и не пришелъ бы въ изумленіе при видѣ того, что этотъ мужъ, поистинѣ храбро боровшійся съ діаволомъ и разрушавшій всѣ хитрые замыслы лукаваго, бѣжитъ отъ лица молодой женщины и отводитъ глаза отъ созерцанія красивой дѣвицы? Видя приступающаго діавола, онъ не убѣжалъ, но, полагаясь на свои силы, остался на мѣстѣ, какъ левъ; при видѣ же дѣвицы онъ не остановился и не мѣшкалъ, чтобы разсмотрѣть ея красоту, но немедленно ушелъ. Безъ сомнѣнія онъ думалъ, что въ борьбѣ съ демонами нуженъ мужественный и отважный духъ, а въ дѣлѣ заботы о воздержаніи побѣда уступается не вслѣдствіе общенія человѣка съ дѣвицами, но вслѣдствіе удаленія отъ нихъ. Итакъ кто даетъ обѣщаніе дѣвства, тотъ получитъ совѣты отъ воздержнѣйшаго изъ всѣхъ людей, который и самъ еще до воплощенія Христа былъ столь рачи-

тельнымъ блюстителемъ воздержанія. Не слѣдуетъ съ пренебреженіемъ слушать о томъ, что и до воплощенія Христа являлись праведники, представлявшіе такой образецъ воздержанія. Вѣдь тогда не было на-лицо того, что съ такою силою побуждало бы къ этой добродѣтели, и даже дѣвамъ не вмѣнялось въ преступленіе ихъ нерадѣніе о сохраненіи воздержанія. Какъ же это такъ? Да вѣдь по этой причинѣ высочайшій Богъ, Творецъ вселенной, и принялъ нашъ образъ, чтобы свести съ неба цѣломудріе ангеловъ. Итакъ, если и послѣ такой чести люди предаются чувственнымъ удовольствіямъ, то невозможно и выразить величины ихъ безразсудства, въ силу котораго, дѣлая члены Христовы членами блудницы, они ослабляютъ проявленіе милосердія Божія къ нимъ и, насколько отъ нихъ зависитъ, дѣлаютъ его безполезнымъ для нихъ. Демоны слушаютъ и страшатся, такъ какъ Богъ не допускаетъ имъ соединяться съ Собою, а насъ соединяетъ съ Собою. И послѣ этого нѣкоторые изъ вѣрныхъ дерзаютъ разрывать связь со Христомъ и соединяться съ блудницами? Не столь велико зло упасть съ неба въ грязь, сколь велико зло, сдѣлавшись членомъ Христовымъ, лишиться божественной почести и стать членомъ блудодѣйцы. Поэтому, когда порочное вожделѣніе воспламеняетъ душу, тотчасъ вспоминай о Христѣ, помышляй о томъ, что предъ тобою стоитъ Павелъ, увѣщевающій тебя и говоритъ: *не вѣсте ли, яко тѣлеса ваша удове Христовы суть? Вземъ ли убо уды Христовы,* сотвориши [1]) *уды блудничи* (1 Кор. vi, 15)? Если ты приведешь себѣ на память эти слова, то сейчасъ же увидишь, какъ убѣжитъ отъ тебя похоть. Если цѣломудренная и благонравная госпожа однимъ своимъ видомъ тотчасъ дѣлаетъ цѣломудренными своихъ служанокъ, преданныхъ постыдной страсти, то что удивительнаго, если воспоминаніе о Христѣ немедленно умерщвляетъ безпокоящую тебя похоть? Всегда имѣй предъ своими глазами крестъ блистающій, и ты за это время уйдешь чистымъ отъ грѣховъ. Какъ облачный столпъ—образъ нашего креста—покрывалъ народъ еврейскій, чтобы онъ не потерпѣлъ какого-либо зла отъ египтянъ (Исх. xiii, 21), такъ и крестъ предъ нашими глазами, созерцаемый нами, тотчасъ отгоняетъ всякую злую похоть. Вѣдь онъ—спасеніе нашей души и спасительное противоядіе отъ гнусныхъ вожделѣній. Въ самомъ дѣлѣ, немощи тѣла исцѣляются искусствомъ врачей, а больную душу немедленно излѣчиваютъ Христовы изреченія. Поэтому и тѣхъ людей, которые согрѣшили и еще служатъ удовольствіямъ плоти, просимъ и умоляемъ про-

---

[1]) Сл. Б.: *сотворю.*

будиться и образумиться, чтобы имъ не оказаться совсѣмъ во власти страстей, не быть унесенными ихъ натискомъ и добровольно не подпасть горькому рабству, но чтобы противостать въ воинскомъ строю, укрѣпить свой умъ страхомъ Христовымъ и выгнать изъ крѣпости жестокую владычицу, такъ чтобы, по удаленіи всякаго порока и множества грѣховъ, мы могли со святою и чистою душею приступить къ божественнымъ и страшнымъ таинствамъ великаго Бога и Спасителя Іисуса Христа, Которому слава и власть во вѣки вѣковъ. Аминь.

ОБЪ УТѢШЕНІИ ПРИ СМЕРТИ.

Слово 1-е.

293 1. Внимайте, братіе, въ молчаніи, чтобы не пролетѣли мимо вась слова полезныя, а иногда и необходимыя. Тогда особенно и нужно врачеваніе, когда бываетъ тяжкая болѣзнь; тогда и надобно тщательно прикладывать цѣлебную примочку, когда глазъ стра-
294 даетъ отъ боли. Впрочемъ, и тотъ, у кого нѣтъ этой болѣзни, пусть не ропщетъ, но лучше пусть выслушаетъ, потому что и здоровому неизлишне знать полезное врачество. А у кого въ на-
295 стоящее время умственное око разстроено и страдаетъ отъ боли, тотъ пусть будетъ еще болѣе внимательнымъ, чтобы открыть свое око для принятія врачества спасительной бесѣды, отъ которой можно получить не только утѣшеніе, но и облегченіе. Извѣстно, что если у кого болитъ глазъ и если больной не согласится открыть его врачу, чтобы влить цѣлебную примочку, то примочка будетъ течь по наружной поверхности вѣка, а глазъ останется больнымъ; такъ и умъ человѣка, пораженнаго скорбію, если вслѣдствіе чрезмѣрной печали не откроетъ себя для слова, то, не принявъ спасительнаго увѣщанія, начнетъ болѣть еще сильнѣе, и, можетъ быть, подвергнется тому, что указано въ Писаніи: *сего міра печаль смерть содѣловаетъ* (2 Кор. VII, 10). Блаженный апостолъ Павелъ, учитель вѣрующихъ и благотворный врачъ, сказалъ, что печаль бываетъ двоякаго рода: одна добрая, а другая злая, одна полезная, а другая безполезная, одна спасительная, а другая пагубная. А чтобы мои слова не показались комунибудь сомнительными, я приведу самыя слова его. Онъ говоритъ: *печаль, яже по Бозѣ, покаяніе нераскаянно во спасеніе содѣловаетъ*; это—печаль добрая. Затѣмъ слѣдуетъ: *сего бо міра печаль смерть содѣловаетъ*; это—печаль злая.

2. Посмотримъ же, братіе, полезна ли или безполезна та печаль, которая теперь занимаетъ насъ, которая теперь наполняетъ

нашу грудь и слышится въ самомъ голосѣ; можетъ ли она принести пользу, или вредъ? Представимъ, что лежитъ бездыханное тѣло, лежитъ на столѣ человѣкъ безъ человѣка, члены безъ духа; ему кричатъ, а онъ не отвѣчаетъ; его зовутъ, а онъ не не слышитъ; лежитъ съ блѣднымъ лицемъ, съ измѣненнымъ видомъ, въ которомъ выражается самая смерть; при этомъ вспоминаются его непрерывное молчаніе, удовольствіе и польза, которыя отъ него были, или могли быть; вспоминаются его отношенія къ другимъ, приходятъ на умъ его пріятнѣйшія слова, долговременное обращеніе съ нимъ. Вотъ, безъ сомнѣнія, то, что извлекаетъ слезы, вызываетъ рыданіе и повергаетъ всю душу въ глубокую печаль! Противъ этого, столь сильнаго, столь крѣпкаго оружія скорби, надобно прежде всего поставлять ту мысль, что все, рождающееся въ этомъ мірѣ, необходимо должно умереть. Это — законъ Божій и неизмѣнный приговоръ, который изреченъ былъ праотцу человѣческаго рода, послѣ его грѣхопаденія, въ словахъ Божіихъ: *земля еси и въ землю отъидеши* (Быт. III, 19). Что же случилось новаго, если человѣкъ, на это рожденный, выполняетъ законъ и приговоръ божественный? Что новаго случилось, если родившійся отъ смертныхъ соотвѣтствуетъ своей природѣ въ томъ, чего избѣжать не могъ? Нѣтъ ничего необыкновеннаго въ томъ, что существуетъ издревле; нѣтъ ничего неслыханнаго въ томъ, что случается каждодневно; нѣтъ ничего особеннаго въ томъ, что всеобще. Если мы знаемъ, что дѣды и прадѣды наши прошли этимъ же путемъ смерти, если слышали, что, наконецъ, и сами патріархи и пророки, отъ Адама первозданнаго, переселились изъ здѣшняго міра не безъ смерти, то возведемъ душу свою изъ глубины печали; вѣдь здѣсь человѣкъ отдаетъ долгъ, которымъ онъ былъ долженъ. Какъ же можно печалиться, когда отдается долгъ? Подлинно, это—долгъ, котораго невозможно заплатить никакими деньгами,—долгъ, отъ котораго не избавляетъ ни мужество, ни мудрость, ни могущество, и котораго не могутъ отклонить отъ себя, наконецъ, и сами цари. Я, конечно, посовѣтовалъ бы тебѣ усилить свою печаль, 296
если бы это дѣло происходило отъ нерадѣнія или отъ скупости, тогда какъ можно было бы тебѣ своими средствами откупиться отъ него, или отсрочить его; но если это Божіе опредѣленіе, твердое и неизмѣнное, то мы напрасно скорбимъ и спрашиваемъ себя: почему такой-то умеръ, когда написано: *Господня, Господня исходища смертная* (Пс. LXVII, 21)? Такимъ образомъ, если принять во вниманіе это общее условіе нашей жизни, то отягченное око сердца начнетъ чувствовать облегченіе, какъ бы отъ приложенной къ нему первой примочки.

3. Я знаю, скажешь ты, что это общая участь; знаю, что тотъ, кто умеръ, заплатилъ долгъ; но я представляю происходившее отъ него удовольствіе, припоминаю отношенія его къ другимъ, вспоминаю объ его обращеніи. Если ты поэтому предаешься скорби, то ты дѣйствуешь ошибочно, а не руководишься разумомъ. Ты долженъ знать, что Господь, Который далъ тебѣ это удовольствіе, можетъ дать и другое, лучшее; и Тотъ, Кто доставилъ тебѣ такое знакомство, имѣетъ достаточно силы вознаградить тебя другимъ образомъ. Что касается пользы, то ты, какъ смотришь на свою пользу, такъ же долженъ думать и о пользѣ умершаго; можетъ быть, это для него полезнѣе, какъ написано: *восхищенъ бысть, да не злоба измѣнитъ разумъ его: угодна бо бѣ Господеви душа его, сего ради потщася отъ среды лукавствія* извести его (Прем. IV, 11, 14). А о сообществѣ съ нимъ что мнѣ сказать, когда самое время приводитъ его въ такое забвеніе, какъ будто его никогда не бывало? Поэтому, что производитъ время и смѣна дней, то гораздо болѣе должны производить разумъ и здравое сужденіе. Особенно же надобно помышлять о томъ, что Божественная мудрость изрекла чрезъ апостола: *сего міра печаль смерть содѣловаетъ* (2 Кор. VII, 10). Итакъ, если и удовольствіе, и настоящая польза, и знакомство составляютъ предметы здѣшняго міра и радости вѣка скоропреходящія, то, смотри, ради ихъ падать духомъ и сокрушаться сердцемъ не есть ли поистинѣ смертельная болѣзнь? Опять и опять я повторю тѣ же слова: *сего міра печаль смерть содѣловаетъ*. Почему же она производитъ смерть? Потому, что чрезмѣрная печаль обыкновенно доводитъ или до сомнѣнія, или до пагубнаго богохульства.

4. Но, скажетъ кто-нибудь, какъ же ты запрещаешь оплакивать умершихъ, когда и праотцы плакали, и Моисей, рабъ Божій, и затѣмъ многіе пророки,—особенно же, когда и праведнѣйшій Іовъ разодралъ свою одежду по случаю смерти сыновей своихъ (Іов. I, 20)? Не я запрещаю оплакивать умершихъ, а просвѣтитель народовъ — апостолъ, который говоритъ такъ: *не хощу васъ, братіе, невѣдѣти о умершихъ, да не скорбите, якоже и прочіи неимущіи упованія* (1 Сол. IV, 13). Тѣ, которые жили до закона, или находились подъ тѣнью закона, оплакивали своихъ мертвецовъ; но свѣтъ Евангелія не можетъ такъ помрачаться. И они справедливо плакали,—потому что еще не приходилъ съ небесъ Христосъ, Который осушилъ этотъ источникъ слезъ Своимъ воскресеніемъ. Они справедливо плакали,—потому что смертный при-
297 говоръ оставался еще въ силѣ. Они справедливо проливали слезы,—потому что еще не было проповѣдано о воскресеніи. Хотя тогда святые и ожидали пришествія Господня, но между тѣмъ

оплакивали умершихъ, потому что еще не видали Того, Кого ждали. Наконецъ, Симеонъ, одинъ изъ ветхозавѣтныхъ святыхъ, который прежде также безпокоился о своей смерти, послѣ того, какъ принялъ на руки Господа Іисуса еще младенцемъ во плоти, съ радостію привѣтствуетъ свою кончину и говоритъ: *нынѣ отпущаеши раба твоего, Владыко, съ миромъ, яко видѣстѣ очи мои спасеніе твое* (Лук. II, 29, 30). О, блаженный Симеонъ! Увидѣвъ то, чего ждалъ, онъ уже сталъ смотрѣть на свою смерть, какъ на миръ и успокоеніе. А вотъ, скажешь, читается и въ Евангеліи, что плакали и о дочери начальника синагоги (Лук. VIII, 52), и сестры Лазаря оплакивали Лазаря (Іоанн. XI, 31). Но они разсуждали еще по ветхозавѣтному закону, — потому что еще не видѣли воскресенія Христова изъ мертвыхъ. Плакалъ, правда, и самъ Господь о Лазарѣ уже погребенномъ, но не для того, чтобы подать примѣръ оплакиванія умершихъ, а чтобы своими слезами показать, что и Онъ воспринялъ истинное тѣло; или вѣроятно, Онъ по человѣческой любви оплакивалъ іудеевъ, которые, не смотря даже на такое чудо, не имѣли увѣровать въ Него. Вѣдь не могла быть причиною слезъ смерть Лазаря, о которомъ самъ Іисусъ сказалъ, что онъ уснулъ, и обѣщалъ пробудить его, какъ и сдѣлалъ.

5. Итакъ, древніе имѣли свои нравы и свою немощь, какъ жившіе прежде пришествія Христова. Но, когда *Слово плоть бысть и вселися въ ны* (Іоан. I, 14), когда приговоръ, изреченный первому Адаму, былъ разрѣшенъ послѣднимъ Адамомъ, когда Господь разрушилъ нашу смерть Своею смертію и воскресъ изъ мертвыхъ въ третій день, то смерть уже стала не страшна для вѣрующихъ; не страшенъ западъ, когда пришелъ Востокъ свыше. Самѣ Господь, Который не можетъ говорить лжи, взываетъ такъ: *Азъ есмь воскрешеніе и животъ: вѣруяй въ Мя, аще и умретъ, оживетъ: и всякъ живый и вѣруяй въ Мя, не умретъ во вѣки* (Іоан. XI, 25, 26). Ясно, возлюбленнѣйшіе братіе, говоритъ божественное изреченіе, что вѣрующій во Христа и соблюдающій заповѣди Его, хотя и умретъ, будетъ живъ. Это изреченіе принимая и содержа всѣми силами вѣры, блаженный апостолъ Павелъ и предлагалъ такое увѣщаніе: *не хощу невѣдѣти, братіе, васъ о* усопшихъ, *да не скорбите* (1 Сол. IV, 12). О, дивное изреченіе апостола! Еще прежде, нежели изложилъ свое ученіе, онъ однимъ словомъ уже проповѣдуетъ воскресеніе. Онъ называетъ умершихъ *усопшими* для того, чтобы, выражаясь о нихъ какъ о спящихъ, сдѣлать несомнѣннымъ ихъ будущее воскресеніе. *Не скорбите*, говоритъ, о усопшихъ, *якоже и прочіи*. Пусть скорбятъ тѣ, которые не имѣютъ *упованія*, а мы, чада упованія, будемъ

радоваться. А въ чемъ состоитъ наше упованіе, онъ самъ напоминаетъ объ этомъ въ слѣдующихъ словахъ: *аще бо вѣруемъ, яко Іисусъ умре и воскресе, тако и Богъ умершыя во Іисусѣ приведетъ съ Нимъ* (1 Сол. IV, 13). Іисусъ для насъ—спасеніе, пока мы живемъ здѣсь, и жизнь, когда мы переселяемся отсюда. *Мнѣ*, говоритъ апостолъ, *еже жити Христосъ, и еже умрети пріобрѣтеніе есть* (Филип. I, 21). Поистинѣ — пріобрѣтеніе, потому что смерть
298 съ пользою прекращаетъ бѣдствія и страданія, которыя сопряжены съ долговременною жизнію. Затѣмъ апостолъ описываетъ и то, въ какомъ порядкѣ и какимъ образомъ должно исполниться наше упованіе. *Сіе бо*, говоритъ, *вамъ глаголемъ словомъ Господнимъ, яко мы живущіи оставшіи въ пришествіе Господне, не имамы предварити умершихъ: яко самъ Господь въ повелѣніи, въ гласѣ Архангеловѣ и въ трубѣ Божіи снидетъ съ небесе, и мертвіи о Христѣ воскреснутъ первѣе: потомъ же мы живущіи купно съ ними восхищени будемъ на облацѣхъ въ срѣтеніе Господне на воздусѣ, и тако всегда съ Господемъ будемъ* (1 Сол. VI, 15—17). Слова его означаютъ то, что Господь, пришедши, найдетъ многихъ христіанъ въ тѣлахъ еще не испытавшими смерти; и, однако, они не прежде восхищены будутъ на небо, какъ умершіе святые возстанутъ изъ гробовъ, будучи пробуждены трубою Божіею и гласомъ архангела. Когда же они будутъ пробуждены, то, соединившись съ живыми, вмѣстѣ съ ними восхищены будутъ на облакахъ въ срѣтеніе Христу на воздухъ, и такимъ образомъ будутъ царствовать съ Нимъ всегда. Нельзя, конечно, сомнѣваться въ томъ, что тѣла, имѣющія тяжесть, могутъ подняться въ воздухѣ, когда по повелѣнію Господню Петръ, имѣвшій такое же тѣло, ходилъ по волнамъ морскимъ (Матө. XVI, 29), и Илія, для подтвержденія этого упованія, также былъ восхищенъ на огненной колесницѣ по этому воздуху на небо (4 Цар. II, 11).

6. Но, можетъ быть, ты спросишь: каковы будутъ воскресшіе изъ мертвыхъ? Послушай самого Господа твоего, Который говоритъ: *тогда праведницы просвѣтятся, яко солнце, въ царствіи Отца ихъ* (Мө. XIII, 43). Нужно ли мнѣ упоминать о блескѣ солнечномъ? Такъ какъ вѣрующіе должны преобразиться сообразно съ свѣтлостію самого Христа Господа, какъ свидѣтельствуетъ апостолъ Павелъ: *наше житіе*, говоритъ онъ, *на небесѣхъ есть, отъонудуже и Спасителя ждемъ, Господа нашего Іисуса Христа, иже преобразитъ тѣло смиренія нашего, яко быти сему сообразну тѣлу славы Его* (Фил. III, 20 21),—то преобразится, безъ сомнѣнія, эта смертная плоть сообразно съ свѣтлостію Христа, смертное облечется въ безсмертіе, посѣянное *въ немощи* потомъ возстанетъ *въ силѣ* (1 Кор. XV, 43). Тогда тѣло уже не будетъ бояться

тлѣнія, не станетъ страдать ни отъ голода, ни отъ жажды, ни отъ болѣзней, ни отъ несчастныхъ случаевъ, потому что тамъ— надежное спокойствіе и прочная безопасность жизни; тамъ иная слава—небесная; и тамошняя радость не будетъ имѣть недостатка.

7. Сохраняя это въ умѣ и имѣя передъ глазами своими, блаженный Павелъ говорилъ: я желалъ бы *разрѣшитися и со Христомъ быти, много паче лучше* (Филип. I, 23). И еще, излагая свое ученіе открыто, онъ говоритъ: *живуще въ тѣлѣ, отходимъ отъ Господа: вѣрою бо ходимъ, а не видѣніемъ. Дерзаемъ же,* продолжаетъ онъ, *и благоволимъ паче отъити отъ тѣла и внити ко Господу* (2 Кор. V, 6—8). Что же дѣлаемъ мы, маловѣрные, предаваясь скорби и отчаянію, если кто-нибудь изъ нашихъ возлюбленныхъ переселяется къ Господу? Что мы дѣлаемъ, утѣшаясь 299
странствованіемъ въ этомъ мірѣ больше, нежели тѣмъ, чтобы предстать предъ лице Христово? Подлинно и воистину вся наша жизнь есть странствованіе: какъ странники въ этомъ мірѣ, мы не имѣемъ вѣрнаго пристанища, работаемъ, трудимся до поту, проходя путями трудными и исполненными опасностей; со всѣхъ сторонъ приготовлены намъ козни — отъ враговъ духовныхъ и тѣлесныхъ, вездѣ стези заблужденій. И несмотря на то, что насъ окружаетъ столько опасностей, мы не только сами не желаемъ избавиться отъ нихъ, но даже и о тѣхъ, которые избавились, плачемъ и рыдаемъ, какъ о погибшихъ. Что же сдѣлалъ для насъ Богъ чрезъ Своего Единороднаго Сына, если мы еще боимся смертныхъ случаевъ? Зачѣмъ и хвалимся мы тѣмъ, что возродились водою и Духомъ, если насъ такъ огорчаетъ переселеніе изъ здѣшняго міра? Самъ Господь взываетъ: *аще кто Мнѣ служитъ, Мнѣ да послѣдствуетъ, и идѣже есмь Азъ, ту и слуга мой будетъ* (Іоан. XII, 26). Когда земной царь пригласитъ кого-нибудь въ свой дворецъ, или на пиршество, то, какъ ты думаешь, приглашенный не поспѣшитъ ли съ благодарностію? Гораздо съ большимъ усердіемъ должно стремиться къ небесному Царю, Который сдѣлаетъ тѣхъ, кого приметъ, не только участниками пиршества, но даже и общниками царствованія, какъ написано: *аще съ Нимъ умрохомъ, то съ Нимъ и оживемъ; аще терпимъ, съ Нимъ и воцаримся* (2 Тим. II, 11, 12). И не то я говорю, чтобы иной наложилъ на себя руки или умертвилъ самъ себя вопреки волѣ Творца Бога, или изгналъ душу изъ временнаго ея жилища— своего тѣла; но хочу сказать то, чтобы каждый, когда позовутъ туда его самого, или ближняго, съ радостію и веселіемъ и самъ шелъ, и другихъ идущихъ привѣтствовалъ. Въ томъ и состоитъ сущность христіанской вѣры, чтобы ожидать истинной жизни по смерти, надѣяться на возвращеніе послѣ исхода. Итакъ, принявъ

слова апостола, будемъ съ вѣрою воздавать благодарность Богу, даровавшему намъ побѣду надъ смертію чрезъ Христа, Господа нашего, Которому слава и держава нынѣ и во вѣки вѣковъ. Аминь.

ОБЪ УТѢШЕНІИ ПРИ СМЕРТИ.

Слово 2-е.

1. Въ прежней бесѣдѣ мы кратко сказали объ утѣшеніи при видѣ смерти и о надеждѣ воскресенія; теперь поспѣшимъ сказать о томъ же полнѣе и обстоятельнѣе. Если для вѣрующихъ сказанное мною, конечно, несомнѣнно, то для невѣрующихъ и сомнѣвающихся оно представляется баснословнымъ; къ нимъ теперь мы и обратимъ нѣсколько словъ, относящихся къ предмету. Такъ, невѣрующіе, все ваше сомнѣніе касается тѣлеснаго состава. Для нѣкоторыхъ кажется невѣроятнымъ, чтобы тѣло, обратившееся въ прахъ, могло снова возстать, снова ожить. А касательно души никто изъ людей не можетъ сомнѣваться: о безсмертіи души не разногласятъ даже и философы, хотя они были и язычники. Въ самомъ дѣлѣ, что такое смерть, какъ не отдѣленіе души отъ тѣла? Когда отдѣляется душа, которая всегда живетъ и умирать не можетъ, такъ какъ она произошла отъ вдуновенія Божія, то умираетъ только одно тѣло, поэтому что у насъ одна часть смертна, а другая безсмертна. Когда же отдѣлится душа, которая для тѣлесныхъ глазъ невидима, то принимается
800 ангелами и помѣщается или на лонѣ Авраамовомъ, если она вѣрующая, или въ преисподней темницѣ, если она грѣшница, до тѣхъ поръ, пока придетъ опредѣленный день, въ который она опять приметъ свое тѣло и предъ престоломъ Христа, истиннаго Судіи, отдастъ отчетъ въ своихъ дѣлахъ. Если такимъ образомъ все сомнѣніе касается тѣла, то нужно защитить его немощь и доказать воскресеніе.

2. Поэтому, если кто изъ сомнѣвающихся и невѣрующихъ спроситъ меня: какъ воскреснутъ умершіе и въ какомъ явятся тѣлѣ?—то я отвѣчу ему устами и словами апостола: *безумне, ты еже сѣеши, не оживетъ, аще не умретъ: и еже сѣеши, голо сѣеши зерно пшеницы, или* какого-либо другого сѣмени, зерно мертвое и сухое, безъ влаги (1 Кор. xv, 36, 37); и когда оно истлѣетъ, то снова возстаетъ плодороднѣйшимъ, одѣвается листьями и снабжается колосьями. Итакъ, Кто пробуждаетъ зерно пшеницы для тебя, Тотъ неужели не въ состояніи будетъ пробудить тебя для Себя? Кто каждый день пробуждаетъ солнце какъ бы изъ гроба

ночи и возводитъ луну какъ бы изъ погибели, и вызываетъ обратно времена года, возвращающіяся для нашей пользы, Тотъ неужели не возвратитъ къ жизни насъ самихъ, для которыхъ Онъ возобновляетъ все, неужели попуститъ однажды навсегда погибнуть тѣмъ, которыхъ Онъ воспламенилъ Своимъ дыханіемъ и оживилъ Своимъ Духомъ? Неужели навсегда перестанетъ существовать человѣкъ, который благоговѣйно позналъ и почиталъ Его? Но ты опять сомнѣваешься: какъ можешь ты возобновиться послѣ смерти, возсоздаться изъ праха и разрушившихся костей? Скажи же мнѣ, человѣкъ, чѣмъ ты былъ прежде своего зачатія въ утробѣ матери? Ничѣмъ, конечно. Итакъ, Богъ, сотворившій тебя изъ ничего, не удобнѣе ли можетъ возсоздать тебя изъ чего-нибудь? Повѣрь мнѣ, легче будетъ обновить уже прежде бывшее Тому, Кто могъ сотворить и то, чего не было. Кто повелѣлъ тебѣ въ утробѣ твоей матери произрасти изъ капли безобразной жидкости и облечься нервами, жилами и костями, Тотъ, повѣрь мнѣ, въ состояніи будетъ родить тебя снова изъ утробы земной. Но ты боишься, что изсохшія твои кости не смогутъ облечься прежнею плотію? Не суди, не суди о величіи Божіемъ по собственной своей немощи. Богъ, Творецъ всѣхъ вещей, одѣвающій деревья листьями и луга цвѣтами, можетъ немедленно облечь и твои кости въ опредѣленное время весны, при воскресеніи. Сомнѣвался въ этомъ самомъ нѣкогда и пророкъ Іезекіиль и на вопросъ Господа, оживутъ ли сухія кости, которыя представились ему разсѣянными по полю, отвѣчалъ: *ты вѣси Господи* (Іез. XXXVII, 3). Но, когда онъ увидѣлъ, какъ кости, по Божію повелѣнію и его собственному пророчеству, пошли къ своимъ мѣстамъ и составамъ, когда увидѣлъ, что сухія кости стали облекаться нервами, связываться жилами, покрываться плотію, одѣваться кожею, то послѣ этого изрекъ пророчество о духѣ, и пришедшій духъ каждаго вошелъ въ лежащія на землѣ тѣла; они воскресли и тотчасъ встали. Убѣжденный такимъ образомъ въ воскресеніи, пророкъ описалъ это видѣніе, чтобы познаніе о такомъ предметѣ дошло до потомковъ. Поэтому справедливо 801
взываетъ Исаія: *воскреснутъ мертвіи и востанутъ иже во гробѣхъ и возрадуются иже на земли: роса бо, яже отъ тебе, исцѣленіе имъ есть* (Ис. XXVI, 19). Подлинно, какъ сѣмена, увлаженныя росою, прозябаютъ и возрастаютъ, такъ возрастутъ и кости вѣрующихъ отъ росы Духа.

8. Но ты сомнѣваешься, какимъ образомъ изъ малыхъ костей можетъ возстановиться цѣлый человѣкъ? А ты самъ изъ малой искры огня производишь большой пламень: неужели же Богъ не въ состояніи будетъ изъ малой закваски твоего праха

возстановить полный составъ твоего небольшого тѣла? Если ты и скажешь: и самыхъ остатковъ тѣла нигдѣ не видно, такъ какъ, можетъ быть, они истреблены огнемъ, или пожраны звѣрями,—то прежде всего знай, что все разрушающееся хранится въ нѣдрахъ земли, откуда по повелѣнію Божію опять и можетъ произойти. И ты, когда еще огня не видно, берешь камешекъ и кусочекъ желѣза и изъ нѣдръ камня высѣкаешь огня, сколько нужно. Если же ты, при помощи своего ума и искусства, которыми тебя Самъ Богъ надѣлилъ, производишь на свѣтъ то, чтó было невидимо, то неужели у величія Божія не достанетъ силы для того, чтобы произвесть то, чего еще не видно? Повѣрь мнѣ, для Бога все возможно.

4. Ты спрашивай только о томъ, обѣщалъ ли Богъ совершить воскресеніе; и когда узнаешь изъ свидѣтельствъ, столь многихъ, что оно обѣщано, когда будешь имѣть несомнѣннѣйшее увѣреніе Самого Господа Христа, то, утвердившись въ вѣрѣ, уже перестань бояться смерти. Кто еще боится ея, тотъ не вѣруетъ; а кто не вѣруетъ, тотъ впадаетъ въ неисцѣлимый грѣхъ, такъ какъ своимъ невѣріемъ дерзаетъ представлять Бога или безсильнымъ, или лживымъ. Но не то доказываютъ блаженные апостолы, не то—святые мученики. Апостолы, въ доказательство этого ученія о воскресеніи, проповѣдуютъ, что Христосъ воскресъ, и возвѣщаютъ, что въ Немъ будутъ воскрешены и умершіе; притомъ, они не отказывались ни отъ смерти, ни отъ мученій, ни отъ крестовъ. Если же при свидѣтельствѣ двухъ или трехъ свидѣтелей *станетъ всякъ глаголъ*, то какъ можно подвергать сомнѣнію воскресеніе мертвыхъ, которое имѣетъ такъ много и такихъ достовѣрныхъ свидѣтелей, о которомъ они свидѣтельствуютъ, проливая кровь свою? А святые мученики? Имѣли ли они твердую надежду воскресенія, или нѣтъ? Если бы не имѣли, то не приняли бы, какъ величайшее пріобрѣтеніе, смерть послѣ столь многихъ мученій и казней. Они помышляли не о казняхъ настоящихъ, а о наградахъ послѣдующихъ; они знали, что *видимая временна, невидимая же вѣчна* (2 Кор. IV, 19). Выслушайте, братіе, и о примѣрѣ мужества. Мать (Маккавеевъ) убѣждала семерыхъ сыновей своихъ, и не плакала, а больше радовалась; видѣла она, какъ сыновей ея терзаютъ когтями, разсѣкаютъ желѣзомъ, жарятъ на сковородѣ, и не проливала слезъ, не испускала воплей, но старательно убѣждала дѣтей къ терпѣнію. Вѣдь она была не жестокосердою, а вѣрующею, она любила сыновей, но не изнѣженно,
302 а мужественно. Она побуждала дѣтей къ страданію, которое съ радостію и сама приняла,—потому что была увѣрена въ воскресеніи своемъ и сыновей своихъ. Зачѣмъ говорить о (другихъ) му-

жахъ, женахъ, отрокахъ, отроковицахъ, какъ они радовались этой смерти, съ какою величайшею поспѣшностію переходили къ небесному воинству? Они могли сохранить настоящую жизнь, если бы захотѣли,—потому что отъ нихъ зависѣло отречься отъ Христа и жить, или исповѣдать Его и умереть. Но они избрали лучше потерять жизнь временную и пріобрѣсти жизнь вѣчную, оставить землю и поселиться на небѣ.

5. Послѣ этого, братіе, есть ли какое мѣсто сомнѣнію? Можетъ ли еще оставаться страхъ смерти? Если мы—сыны мучениковъ, если мы желаемъ быть ихъ общниками, то не станемъ скорбѣть о смерти, не будемъ оплакивать любезныхъ намъ, которые прежде насъ отходятъ къ Господу. Если мы захотимъ скорбѣть о нихъ, то будутъ укорять насъ блаженные мученики и скажутъ: о, вѣрующіе и желающіе царства Божія, вы, которые горько плачете и рыдаете о любезныхъ вашихъ, умирающихъ спокойно на ложахъ и мягкихъ постеляхъ,—что стали бы вы дѣлать, если бы увидѣли ихъ мучимыми и умерщвляемыми отъ язычниковъ за имя Господне? Развѣ нѣтъ у васъ древняго примѣра? Праотецъ Авраамъ, принося въ жертву своего единственнаго сына, заклалъ его мечемъ послушанія Богу (Быт. xx, 10), не пощадилъ и того, кого любилъ такою любовію, чтобы доказать свою покорность Господу. Но, если вы скажете, что онъ такъ поступилъ по Божію повелѣнію, то вѣдь и вы имѣете заповѣдь, чтобы не скорбѣть объ усопшихъ. А кто не соблюдаетъ самаго малаго, тотъ какъ соблюдетъ большее? Или вы не знаете, что духъ, который сокрушается въ такихъ обстоятельствахъ, оказывается неспособнымъ къ дѣламъ труднѣйшимъ? Кто боится ручья, тотъ пойдетъ ли когда-нибудь въ море? Такъ и тотъ, кто нетерпѣливо оплакиваетъ потерю, въ состояніи ли будетъ когда-нибудь выступить на подвигъ мученическій? Напротивъ, тотъ, кто въ подобныхъ обстоятельствахъ остается твердымъ и великодушнымъ уже этимъ самымъ устрояетъ себѣ ступень къ подвигамъ важнѣйшимъ.

6. Этого, братіе, достаточно было бы для того, чтобы научиться презрѣнію смерти и утвердиться въ надеждѣ на будущее. Но остается мнѣ привести одинъ примѣръ изъ древности, который можетъ доставить всякое утѣшеніе и который пусть выслушаютъ всѣ слухомъ сердца, хотя бы и страждущаго. Великій царь Давидъ весьма сильно скорбѣлъ, когда любимый его сынъ, котораго онъ любилъ, какъ свою душу, былъ пораженъ болѣзнію (2 Цар. xII, 16 и слѣд.); а такъ какъ человѣческія средства уже не приносили никакой пользы, то онъ обратился къ Господу, отложивъ царскую пышность, сѣлъ на землѣ, легъ во власяницѣ,

не ѣлъ и не пилъ, молясь Богу цѣлыхъ семь дней, въ надеждѣ, не будетъ ли ему возвращенъ сынъ его. Старѣйшины дома его приступили къ нему съ утѣшеніями и просили его вкусить хлѣба, опасаясь, чтобы онъ, желая жизни сыну, самъ прежде него не дошелъ до изнеможенія; но не могли ни убѣдить его, ни принудить,—потому что нетерпѣливая любовь обыкновенно презираетъ и самыя опасности. Царь лежалъ въ мрачной власяницѣ, а сынъ его болѣлъ; ни слова не доставляли ему утѣшенія, ни самая
308 потребность пищи не дѣйствовала; душа его питалась скорбію, грудь дышала печалію, вмѣсто питья текли изъ глазъ слезы. Между тѣмъ совершилось то, что̀ было предопредѣлено Богомъ: младенецъ умеръ; жена была въ слезахъ, весь домъ наполненъ былъ стонами, слуги въ страхѣ ожидали, что будетъ; никто не смѣлъ извѣстить господина о смерти сына, опасаясь, чтобы царь, который такъ горько оплакивалъ еще живого сына, не лишилъ себя жизни, услышавъ объ его смерти. Между тѣмъ какъ слуги совѣщались между собою, между тѣмъ какъ они въ уныніи то совѣтовали, то запрещали другъ другу говорить, Давидъ понялъ и предупредилъ вѣстниковъ, спросивъ, не скончался ли сынъ. Не имѣя возможности отрицать, они слезами объявили о случившемся. При этомъ было необыкновенное опасеніе, сильное ожиданіе и страхъ, какъ бы нѣжный отецъ не подвергъ самъ себя опасности. Но царь Давидъ немедленно оставляетъ власяницу, весело встаетъ, какъ будто получивъ вѣсть о безопасности сына, идетъ въ умывальницу и умываетъ свое тѣло, приходитъ въ храмъ, молится Богу, вкушаетъ пищу вмѣстѣ съ приближенными, подавивъ вздохи, отложивъ всякое сѣтованіе, и съ веселымъ уже лицомъ. Домашніе удивляются, приближенные изумляются этой необыкновенной и внезапной перемѣнѣ и, наконецъ, осмѣливаются спросить его, что̀ это значитъ, что при жизни сына онъ такъ скорбѣлъ, а по смерти—не скорбитъ? Тогда этотъ необыкновенный по своему великодушію мужъ отвѣчалъ имъ: пока сынъ былъ еще живъ, то необходимо было и смириться, и поститься, и плакать предъ лицемъ Господнимъ, потому что была надежда на возвращеніе его къ жизни; но, когда воля Господня совершилась, то безразсудно и нечестиво терзать душу безполезнымъ плачемъ; теперь, говоритъ онъ, *азъ имамъ ити къ нему, тое же не возвратится ко мнѣ* (2 Цар. XII, 23). Вотъ примѣръ великодушія и мужества! Если же Давидъ, еще бывшій подъ закономъ, имѣвшій, не скажу позволеніе, а необходимость—плакать, если онъ такъ удержалъ душу отъ безразсуднаго плача и такъ умѣрилъ печаль свою и своихъ приближенныхъ, то мы, живущіе уже подъ благодатію, имѣющіе вѣрную надежду воскре-

сенія, получившіе запрещеніе всякаго сѣтованія, почему такъ упорно оплакиваемъ своихъ мертвецовъ по примѣру язычниковъ, поднимаемъ безразсудные вопли, какъ бы въ нѣкотораго рода опьяненіи разрываемъ одежды, обнажаемъ грудь, поемъ пустыя слова и причитанья около тѣла и гробницы усопшаго? Для чего, наконецъ, окрашиваемъ платье въ черный цвѣтъ, если только не для того, чтобы не только слезами, но и самою одеждою показать себя поистинѣ невѣрующими и жалкими? Все это, братіе, должно быть чуждо намъ, непозволительно; а если бы и было позволительно, то не было бы прилично. Впрочемъ, иныхъ изъ братьевъ и сестеръ, которыхъ собственная вѣра ихъ и заповѣдь Господня могли бы сдѣлать твердыми, обезсиливаетъ и сокрушаетъ мнѣніе родственниковъ и сосѣдей, какъ бы не почли ихъ каменными и жестокосердыми, если они не перемѣнятъ одежды, если не предадутся съ неистовствомъ безумному плачу. Но какъ пусто, какъ непристойно думать о мнѣніи людей заблуждающихся, а не бояться того, какъ бы не причинить ущерба вѣрѣ, которую принялъ! Почему бы такому человѣку не поучиться лучше терпѣнію? Почему бы тому, кто сомнѣвается, не научиться отъ
меня вѣрѣ? Если бы даже и дѣйствительно въ груди его была 804
такая печаль, то и въ такомъ случаѣ слѣдовало бы въ безмолвіи умѣрять скорбь разсудительностію, а не разглашать о ней съ душевнымъ легкомысліемъ.

7. Хочу предложить еще одинъ примѣръ для исправленія тѣхъ, которые думаютъ оплакивать умершихъ. Этотъ примѣръ— изъ языческой исторіи. Былъ одинъ языческій начальникъ, имѣвшій единственнаго и довольно любимаго сына. Когда онъ, по языческому заблужденію, приносилъ въ Капитоліѣ жертву своимъ идоламъ, доходитъ до него вѣсть, что единственнаго сына его не стало. Онъ не оставилъ жертвы, которая была въ рукахъ его, не заплакалъ и даже не вздохнулъ, но, послушайте, что̀ отвѣчалъ: пусть, говоритъ, погребутъ его; я помню, что я родилъ сына смертнымъ. Посмотри на этотъ отвѣтъ, посмотри на мужество язычника: онъ не велѣлъ даже дожидаться себя, чтобы сынъ былъ преданъ погребенію въ его присутствіи. Что же будетъ съ нами, братіе, если діаволъ въ самый день суда выведетъ его противъ насъ предъ Христомъ и скажетъ: этотъ почитатель мой, котораго я обольщалъ своими ковнями, чтобы онъ служилъ слѣпымъ и глухимъ истуканамъ, которому я не обѣщалъ ни воскресенія изъ мертвыхъ, ни рая, ни царства небеснаго, этотъ доблестный мужъ, узнавъ о смерти своего единственнаго сына, не опечалился, и не вздохнулъ, и не оставилъ при такомъ извѣстіи моего капища; а твои христіане, твои вѣрующіе, за кото-

рыхъ Ты распялся и умеръ, чтобы они не боялись смерти, но были увѣрены въ воскресеніи, не только оплакиваютъ умершихъ и голосомъ, и видомъ, но даже затрудняются тогда идти въ церковь, а нѣкоторые даже и изъ клириковъ твоихъ и пастырей прерываютъ свою службу, предаваясь плачу, какъ бы вопреки Твоей волѣ. Почему? Потому, что Ты благоволилъ призвать ихъ къ Себѣ, изъ тьмы вѣка. Что же мы, братіе, будемъ въ состояніи отвѣчать на это? Не будемъ ли мы объяты стыдомъ, когда въ этомъ отношеніи окажемся ниже язычниковъ? Язычникъ, незнающій Бога, долженъ плакать, потому что онъ, какъ только умретъ, прямо идетъ на казнь. Долженъ сокрушаться и іудей, который, не вѣруя во Христа, обрекъ свою душу на погибель. Достойны сожалѣнія также и наши оглашенные, если они, или по своему невѣрію, или по нерадѣнію ближнихъ, скончаются безъ спасительнаго крещенія. Но кто освященъ благодатію, запечатлѣнъ вѣрою, честенъ по поведенію или неизмѣненъ въ невинности, того, когда онъ отойдетъ изъ здѣшняго міра, надобно ублажать, а не оплакивать, тому надобно завидовать, а не скорбѣть о немъ сильно,—впрочемъ, завидовать умѣренно, такъ какъ мы знаемъ, что въ свое время и мы сами послѣдуемъ за ними.

8. Итакъ, вѣрующій, отри слезы, удержи вздохи, прекрати рыданія и вмѣсто этой печали прими на себя ту спасительную печаль, которую блаженный апостолъ назвалъ *печалію яже по Бозѣ*, которая обыкновенно доставляетъ вѣрное спасеніе, т. е. рас-
305 каяніе въ сдѣланныхъ проступкахъ (2 Кор. VII, 10). Испытай свое сердце, спроси свою совѣсть и, если найдешь что-нибудь, требующее покаянія,—а ты найдешь это, какъ человѣкъ,—то вздыхай при исповѣданіи грѣховъ, проливай слезы въ молитвѣ, сокрушайся объ истинной смерти, о наказаніи души, сокрушайся о грѣхѣ, какъ говоритъ Давидъ: *яко беззаконіе мое азъ знаю и грѣхъ мой предо мною есть выну* (Псал. L, 5); и не страшись разрушенія этого тѣла, которое въ свое время, по повелѣнію Божію, обновится къ лучшему. Посмотри, какъ опредѣленіемъ Божіимъ назначено и то и другое: *грядетъ часъ*, говоритъ оно, *егда сущіи во гробѣхъ оживутъ* (Іоан. V, 25, 28). Вотъ успокоеніе, вотъ побужденіе къ презрѣнію смерти! А что далѣе? *И изыдутъ сотворшіи благая въ воскрешеніе живота, а сотворшіи злая въ воскрешеніе суда* (Іоан. V, 29). Вотъ и различіе между воскресшими! Воскреснуть должно, конечно, всякому вообще тѣлу человѣческому; но добрый воскреснетъ для жизни, а злой воскреснетъ для казни, какъ написано: *сего ради не воскреснутъ нечестивіи на судъ, ниже грѣшницы въ совѣтъ праведныхъ* (Пс. I, 5). Поэтому, чтобы намъ воскреснуть не для осужденія, перестанемъ скорбѣть о смерти,

а примемъ на себя печаль раскаянія, позаботимся о добрыхъ дѣлахъ и о лучшей жизни, будемъ думать о прахѣ и умершихъ для того, чтобы помнить, что и мы смертны, и чтобы, при такомъ воспоминаніи, намъ не пренебрегать своимъ спасеніемъ, пока есть время, пока еще возможно, т. е., или приносить лучшіе плоды, или исправляться, если мы согрѣшили по невѣдѣнію, чтобы намъ, если день смерти застигнетъ насъ нечаянно, не пришлось искать времени для покаянія, и не находить его, просить милости и возможности загладить грѣхи, и не получить желаемаго.

9. Итакъ, братіе, мы показали всеобщность смерти, объяс- 306
нили непозволительность слезъ, показали немощь древнихъ и несвойственность ея для христіанъ, объяснили тайну Господню, привели свидѣтельство апостоловъ о воскресеніи, упомянули о дѣяніяхъ апостоловъ и страданіяхъ мучениковъ, указали, кромѣ того, на примѣръ Давида и, сверхъ этого, на поступокъ язычника, наконецъ, представили и вредную, и полезную печаль, ту, которая вредитъ, и ту, которая спасаетъ чрезъ покаяніе. Когда такимъ образомъ все это показано, то что другое должно дѣлать намъ, братіе, какъ не взывать съ благодарностію къ Богу Отцу: *да будетъ воля Твоя, яко на небеси и на земли* (Мѳ. VI, 10)? Ты даровалъ жизнь, Ты установилъ и смерть; Ты вводишь въ міръ, Ты и изводишь изъ міра и, изведши, сохраняешь; ничто изъ Твоего не погибаетъ, такъ какъ Ты сказалъ, что и волосъ съ головъ ихъ не погибнетъ (Лук. XXI, 18). *Отъимеши духъ ихъ и исчезнутъ, и въ персть свою возвратятся*; но *послеши Духа Твоего и созиждутся, и обновиши лице земли* (Пс. CIII, 29, 30). Вотъ, братіе, слова, достойныя вѣрующихъ, вотъ спасительное врачевство: чей глазъ отертъ этою губкою утѣшенія, увлаженъ съ благоразуміемъ этою примочкою, тотъ не только не почувствуетъ слѣпоты отчаянія, но не испытаетъ и малѣйшаго нагноенія печали, а напротивъ, взирая на все свѣтло очами сердца, будетъ говорить подобно терпѣливѣйшему Іову: *Господь даде, Господь отъятъ: яко Господеви изволися, тако бысть: буди имя Господне благословено во вѣки* вѣковъ (Іов. I, 21). Аминь.

ОБОЗРѢНІЕ КНИГЪ ВЕТХАГО ЗАВѢТА [1].

ВВЕДЕНІЕ.

813 Новымъ завѣтъ называется по времени и по свойству заключающагося въ немъ, потому что въ немъ все возобновлено, и прежде всего человѣкъ, для котораго (сотворено) все. Могутъ сказать: небо и теперь тоже самое, равно какъ и земля, и человѣкъ, господствующій надъ всѣмъ; но данъ новый законъ, новыя заповѣди, новая благодать чрезъ крещеніе, новый человѣкъ, новыя обѣтованія; теперь не земля и земное, но небо и небесное; новыя таинства; теперь уже не тѣ вещественные предметы, овца и кровь, дымъ и смрадъ, но разумное и исполненное добродѣтелей служеніе; новыя заповѣди; древо, возводящее на небеса и дѣлающее насъ высокими. Цѣль же обоихъ завѣтовъ одна: исправленіе людей. И удивительно ли, что такова цѣль Писанія, когда и самая природа существуетъ для пользы человѣка? Для него Богъ создалъ и великое небо, и пространную землю, и безмѣрное море, чтобы люди, видя величіе сотвореннаго и удивляясь Создателю, доходили до богопознанія. Все это для человѣка. И такъ какъ цѣль ветхаго и новаго завѣтовъ одна, то Моисей счелъ необходимымъ описать и древнія событія, но не по способу языческихъ писателей. Тѣ пишутъ исторію только для того, чтобы изложить разсказъ о событіяхъ, представить войны и сраженія, и пріобрѣсти

---

[1]) Въ заглавіи прибавляется: *и новаго, въ видѣ памятныхъ записокъ* (καὶ καινῆς ὡς ἐν τάξει ὑπομνηστικοῦ). Но обозрѣніе книгъ Новаго завѣта, и даже нѣкоторыхъ ветхозавѣтныхъ, какъ то: Псалмовъ, и пяти меньшихъ пророковъ, Аввакума, Софоніи, Аггея, Захаріи и Малахіи, не дошло до насъ. Выраженіе: ὡς ἐν τάξει ὑπομνηστικοῦ указываетъ на то, что предлагаемое обозрѣніе, излагая кратко содержаніе свящ. книгъ, служитъ пособіемъ для удержанія этого содержанія въ памяти, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оно заключаетъ и краткое толкованіе свящ. текста.

себѣ славу этими писаніями. А законодатель пишетъ не такъ: онъ вездѣ излагаетъ исторію великихъ праведниковъ, чтобы повѣствованіе объ ихъ жизни служило для потомковъ добрымъ наставленіемъ. Поэтому же онъ повѣствуетъ не о праведникахъ
только, но и о грѣшникахъ, чтобы мы однимъ подражали, а при- 314
мѣра другихъ избѣгали, и чрезъ то и другое преуспѣвали въ добродѣтели и усердіи. Такимъ образомъ, пусть никто не считаетъ страннымъ, что законодатель разсказываетъ древнія событія и пишетъ законы. Вѣдь какую силу имѣетъ законъ, такую же и разсказъ о жизни святыхъ. Итакъ въ ветхомъ завѣтѣ есть книги историческія, каковы слѣдующія восемь: книга Бытія, повѣствующая о сотвореніи міра и о жизни угодившихъ Богу; Исходъ, повѣствующая о чудесномъ освобожденіи іудеевъ изъ Египта, о пребываніи ихъ въ пустынѣ и о дарованіи закона; Левитъ—о жертвахъ и священнослуженіи,—потому что колѣно Левіино наслѣдовало священство, и отъ имени этого колѣна получила названіе эта книга; потомъ Числъ,—потому что, по исходѣ изъ Египта, Богъ повелѣлъ сосчитать народъ іудейскій, и было насчитано шестьсотъ тысячъ, происшедшихъ отъ одного человѣка—Авраама. Затѣмъ Второзаконіе,—потому что Моисей вторично объяснилъ имъ законъ. Далѣе Іисусъ Навинъ; онъ послѣ Моисея былъ вождемъ іудеевъ, ввелъ ихъ въ землю обѣтованную и раздѣлилъ эту землю по жребіямъ между двѣнадцатью колѣнами. Послѣ него Судіи,—потому что, по смерти Іисуса, управленіе іудеями перешло къ знатнѣйшимъ людямъ и господствовали (разныя) колѣна. Затѣмъ Руѳь, краткая книга, заключающая въ себѣ исторію иноплеменницы, бывшей замужемъ
за однимъ іудеемъ. Потомъ четыре книги Царствъ, въ которыхъ 315
повѣствуется о событіяхъ при Саулѣ, при Давидѣ, при Соломонѣ, Иліи и Елиссеѣ, до плѣна вавилонскаго. Послѣ Царствъ книги Ездры. Послѣ того, какъ іудеи за грѣхи свои отведены были въ Вавилонъ и пробыли тамъ семьдесятъ лѣтъ въ рабствѣ, Богъ наконецъ умилостивился надъ ними и расположилъ Кира, царствовавшаго тогда надъ персами, отпустить плѣнниковъ; это тотъ Киръ, котораго воспитаніе описалъ Ксенофонтъ. Будучи отпущены, они возвратились подъ предводительствомъ Ездры, Нееміи и Зоровавеля. Объ этомъ возвращеніи и пишетъ Ездра, именно, о томъ, какъ они по возвращеніи во второй разъ построили храмъ и возстановили городъ. Но по прошествіи ста лѣтъ опять постигла ихъ война—македонская. Затѣмъ случились событія при Антіохѣ Епифанѣ, когда іудеи, потерпѣвъ осаду, продолжавшуюся три года съ половиною, и тяжко пострадавъ, опять избавились отъ бѣдствій. Потомъ, спустя немного времени, приходитъ Христосъ, и ветхій завѣтъ кончается.

А чтобы знать, откуда произошелъ народъ іудейскій, необходимо здѣсь нѣчто сказать. Послѣ Адама былъ Сиѳъ, потомъ Енохъ, затѣмъ другія многія поколѣнія, и наконецъ Ной, при которомъ произошелъ потопъ, такъ какъ люди развратились отъ нечестія. По прекращеніи потопа, онъ, вышедши изъ ковчега одинъ съ троими сыновьями, наполнилъ землю своимъ потомствомъ, такъ какъ постепенно произошло множество родовъ. Когда люди размножились, то они захотѣли построить башню, которая достигла бы до неба. Но Богъ, не одобряя ихъ намѣренія, смѣшалъ языки ихъ, раздѣливъ одинъ на многіе. Такъ какъ они перестали понимать другъ друга, то имъ невозможно стало и жить вмѣстѣ другъ съ другомъ; и это было поводомъ къ разсѣянію ихъ по всей вселенной. Говорятъ, что при этомъ смѣшеніи языковъ Еверъ, предокъ іудеевъ, не захотѣлъ участвовать въ ихъ предпріятіи, и одинъ сохранилъ собственный языкъ, удостоившись этого за свое прекрасное поведеніе. Потомкомъ его былъ Авраамъ; потому языкъ іудеевъ и называется еврейскимъ, отъ Евера. Такимъ образомъ потомкомъ его былъ Авраамъ; сыномъ Авраама—Исаакъ, у котораго сынъ—Іаковъ. Онъ былъ отцемъ двѣнадцати патріарховъ: Рувима, Симеона, Левія, Іуды, Иссахара, Завулона, Неѳѳалима, Гада, Дана, Асира, Іосифа, Веніамина. По имени одиннадцати изъ этихъ патріарховъ названы происшедшія отъ нихъ колѣна. Отъ каждаго изъ нихъ произошло колѣно и потомки назывались ихъ именемъ. Отъ Іосифа же произошло не одно колѣно, а два; отецъ Іосифа не хотѣлъ, чтобы его именемъ называлось одно колѣно. Какъ же случилось? Такъ какъ Іосифъ былъ одинъ, то, желая сдѣлать его сугубымъ патріархомъ, Іаковъ рѣшилъ, чтобы по именамъ двоихъ сыновей его, Ефрема и Манассіи, были названы два колѣна; оба эти колѣна и приписыва-
316 лись Іосифу. Такимъ образомъ произошло тринадцать колѣнъ, одиннадцать отъ другихъ патріарховъ и два отъ Іосифа—чрезъ сыновей его. Отсюда исключается колѣно Левіино, которому предоставляется священнослуженіе, причемъ оно не должно было заниматься чѣмъ-нибудь другимъ и число двѣнадцать не нарушено. Итакъ двѣнадцать колѣнъ исполняли всѣ прочія дѣла, а колѣну Левія одному поручены были обязанности священства. Изъ этого колѣна произошелъ Моисей. Итакъ эти двѣнадцать патріарховъ, прибывъ въ Египетъ, во исполненіе обѣтованія Божія, даннаго Аврааму: *умножу сѣмя твое, яко звѣзды небесныя* (Быт. XXII, 17), сдѣлались предками шестисотъ тысячъ. Изъ нихъ и составился народъ іудейскій, получившій названіе отъ царственнаго колѣна Іудина, отъ котораго происходили цари. Такимъ образомъ въ Ветхомъ завѣтѣ есть историческія книги, именно тѣ,

которыя мы указали выше; также и нравоучительныя, какъ-то: Притчи, Премудрость Сирахова, Екклезіастъ и Пѣснь Пѣсней; затѣмъ пророческія, какъ-то: шестнадцать пророковъ, Руѳь и Давидъ [1]). Впрочемъ эти различные виды Писанія можно находить и смѣшанными одинъ съ другимъ. Напримѣръ, въ историческихъ сказаніяхъ можно найти пророчество; и отъ пророковъ можно услышать много историческихъ разсказовъ; и нравоученія и увѣщанія можно встрѣтить въ томъ и другомъ, и въ пророчествахъ и въ историческихъ повѣствованіяхъ. Все это, какъ я выше сказалъ, имѣетъ въ виду одно—исправленіе слушателей, такъ что и повѣствованія о прежде бывшемъ, и нравоученія и увѣщанія, и пророчества направляютъ насъ къ должному. Дѣло пророчества преимущественно состояло въ томъ, чтобы предсказывать будущее, какъ радостное, такъ и прискорбное, чтобы одниxъ ободрять, а другихъ удерживать отъ нечестія страхомъ. Есть и другой родъ пророчества,—это предсказаніе о Христѣ; въ нихъ съ точностію говорится не только о пришествіи Его, но и о томъ, что Онъ будетъ дѣлать по пришествіи, о зачатіи, о рожденіи, о крестѣ, о чудесахъ, объ избраніи учениковъ, о новомъ завѣтѣ, о прекращеніи іудейства, объ истребленіи язычества, о высокомъ достоинствѣ Церкви и о всѣхъ другихъ, послѣдующихъ обстоятельствахъ. Обо всемъ этомъ со всею ясностію за много времени предсказывали пророки, объ иномъ прообразованіями, а объ иномъ словами.

Есть именно два вида пророчества: предсказаніе о будущемъ или дѣлами, или словами; словами, когда, желая сказать о крестѣ, говорятъ: *яко овча на заколеніе ведеся, и яко агнецъ предъ стригущимъ его безгласенъ* (Ис. LIII, 7). Это—пророчество
словами; дѣлами же, когда напр. Авраамъ является возносящимъ 817
сына и закалающимъ овна. Этими дѣйствіями онъ предъизображалъ крестъ и имѣвшее совершиться закланіе за вселенную. И много можно найти въ ветхомъ завѣтѣ такихъ прообразовъ и предсказаній дѣлами. Впрочемъ пророчеству свойственно говорить не только о будущемъ, но и о прошедшемъ, какъ это особенно встрѣчается у Моисея. Когда онъ повѣствуетъ о небѣ и землѣ, то говоритъ о прошедшемъ и сокрытомъ временемъ, и, значитъ, изрекаетъ объ этомъ пророчество. Какъ говорить о томъ, чего еще не было и что еще неизвѣстно, свойственно пророчеству, такъ и открывать и сообщать бывшее, но сокрытое време-

[1]) Книга Руѳь помѣщается между пророческими, можетъ быть, въ виду прообразовательнаго значенія Руѳи; возможно и то, что она попала сюда по ошибкѣ писца.

немъ, свойственно такой же благодати. Свойственно пророчеству говорить и о настоящемъ, когда что-нибудь есть, но скрывается, какъ, напр., было съ Ананіею и Сапфирою; здѣсь было ни прошедшее, ни будущее, а настоящее, но неизвѣстное. Петръ же, открывъ пророчествомъ, обнаруживаетъ это. Таковы вообще писанія ветхаго завѣта. А въ новомъ завѣтѣ то, что въ ветхомъ сказано загадочно, объясняется; именно: пророчества свидѣтельствуются дѣлами, изображается жизнь, достигающая до небесъ, указываются неизреченныя будущія блага, *ихже око не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыдоша* (1 Кор. II, 9). Новый завѣтъ, принявъ человѣка, постепенно и мало-по-малу освобожденнаго отъ нечестія ветхимъ завѣтомъ, возводитъ его къ жизни ангельской. Дѣломъ ветхаго завѣта было — сотворить человѣка, а новаго—сдѣлать человѣка ангеломъ. Когда нечестіе произвело то, что люди перестали быть людьми, низвело ихъ до низости безсловесныхъ и сдѣлало скотоподобными, то законъ освобождалъ ихъ отъ этого нечестія, благодать же прибавляетъ имъ и ангельскія добродѣтели. Есть и книги новаго завѣта, именно: четырнадцать посланій Павла, четыре Евангелія, два—учениковъ Христовыхъ, Іоанна и Матѳея, и два—Луки и Марка, изъ которыхъ одинъ былъ ученикомъ Петра, а другой—Павла. Тѣ собственными глазами видѣли Христа и обращались съ Нимъ, а эти передали другимъ то, что приняли отъ тѣхъ. Еще книга Дѣяній, того же Луки, повѣствовавшаго о тогдашнихъ событіяхъ, и три соборныхъ посланія [1]).

ОБОЗРѢНІЕ КНИГИ БЫТІЯ.

Сотвореніе міра и созданіе человѣка. Адамъ получаетъ заповѣдь, и изъ ребра его создается жена, которая, будучи обольщена
818 зміемъ, обольщаетъ мужа и, подвергшись вмѣстѣ съ нимъ проклятію, изгоняется изъ рая; и змій подвергается проклятію—ползать на персяхъ. Каинъ убиваетъ брата за его превосходство, и несетъ наказаніе; затѣмъ раждаетъ дѣтей. Ева же раждаетъ Сиѳа. Исчисленіе происшедшихъ отъ Адама и отъ Сиѳа до Ноя, и осужденіе мужей за непозволительныя супружества и за другія беззаконія. Сынами Божіими здѣсь называются тѣ, которые ведутъ свой родъ отъ Сиѳа,—такъ какъ сказано: *Азъ рѣхъ: бози*

[1]) Святитель Златоустый не упоминаетъ о прочихъ четырехъ соборныхъ посланіяхъ и Апокалипсисѣ, вѣроятно, потому, что эти книги въ его время еще не вездѣ были внесены въ канонъ книгъ Св. Писанія.

есте и сынове Вышняго вси (Пс. LXXXI, 6; Быт. VI, 2). А дщерями человѣческими называются тѣ, которыя произошли отъ Каина. Далѣе Богъ предсказываетъ Ною будущее истребленіе людей посредствомъ потопа и повелѣваетъ сдѣлать ковчегъ, въ триста лактей длиною, въ пятьдесятъ лактей шириною и въ тридцать лактей вышиною. Когда онъ вошелъ въ ковчегъ, то произошло наводненіе, продолжавшееся сорокъ дней и сорокъ ночей. Уменьшаться стала вода послѣ ста пятидесяти дней; а открылись вершины горъ въ первый день десятаго мѣсяца. По прошествіи сорока дней Ной выпустилъ ворона, но онъ не возвратился; спустя семь дней выпустилъ голубя, и онъ возвратился, съ масличною вѣтвью. Ной получаетъ отъ Бога повелѣніе выйти изъ ковчега, и вышедши принесъ жертву Богу и получилъ благословеніе съ своими сыновьями; получилъ также обѣтованіе отъ Бога, что болѣе уже не будетъ такого истребленія людей посредствомъ потопа. Послѣ того онъ благословляетъ Сима и Іафета, и проклинаетъ Ханаана за то, что отецъ его Хамъ обнаружилъ наготу отца. Это проклятіе исполнилось на Гаваонитянахъ, или лучше оно имѣло видъ проклятія, на самомъ же дѣлѣ было пророчествомъ. Слѣдуютъ потомки Ноя до Фалека, который получилъ это названіе отъ того, что при немъ была раздѣлена земля. Тогда они построили башню, отъ чего и самое мѣсто названо Вавилонъ, что значитъ *смѣшеніе*, такъ какъ здѣсь были смѣшаны языки ихъ. Но отецъ Фалека Еверъ, говорятъ, не участвовалъ съ прочими въ строеніи башни, и за это у него не было измѣнено нарѣчіе, но языкъ его остался цѣлымъ, и отъ него получилъ и самое названіе свое. Онъ назывался Еверомъ; потому и языкъ его названъ еврейскимъ; это и служитъ величайшимъ доказательствомъ того, что еврейскій языкъ древнѣе всѣхъ нарѣчій. Прежде смѣшенія языковъ всѣ употребляли этотъ языкъ. Еверъ есть предокъ Авраама. Излагаются родословія отъ Сима до Авраама. Отецъ Авраама Ѳарра беретъ своихъ сыновей, Авраама и Нахора, и внука своего Лота, и идетъ въ Харранъ, намѣреваясь пройти въ землю Ханаанскую; и когда онъ умеръ въ 819
Харранѣ, Богъ повелѣваетъ Аврааму переселиться изъ Харрана, и онъ пришелъ въ Сихемъ, въ землѣ Ханаанской. И сказалъ ему Богъ: *сѣмени твоему дамъ землю сію* (Быт. XII, 7). И построилъ Авраамъ жертвенникъ Богу и поставилъ шатеръ при морѣ. Когда былъ голодъ, Авраамъ, пришедши въ Египетъ, повелѣваетъ женѣ своей сказать, что она сестра его; фараонъ же, взявшій ее, будучи наказанъ Богомъ, возвращаетъ ее Аврааму. Когда пастухи Авраама и Лота поссорились между собою, то они раздѣлили мѣста обитанія. Лотъ взялъ землю содомскую;

Авраамъ же поселился при дубѣ Мамврійскомъ, и опять получилъ, обѣтованіе отъ Бога, что сѣмя его умножится и наслѣдуетъ эту землю. Когда отъ Ходоллогомора отложились пять царей земли содомской, подвластные ему прежде, то онъ, взявъ съ собою другихъ трехъ царей, вступилъ съ ними въ сраженіе и, обративъ ихъ въ бѣгство, взялъ въ плѣнъ; въ числѣ плѣнниковъ былъ и Лотъ. Авраамъ, услышавъ объ этомъ и погнавшись за ними съ тремя стами осмнадцатью домочадцами, освободилъ своего племянника, съ лошадьми и женами, и Мельхиседеку, благословившему его и вынесшему хлѣбы и вино, далъ десятину. Потому и говоритъ Павелъ въ посланіи къ Евреямъ: *и Левій, пріемляй десятины, десятины далъ есть* (Евр. VII, 9). Когда же царь содомскій предлагалъ Аврааму взять лошадей, онъ не согласился: *да не речеши*, говоритъ, *яко азъ обогатихъ Авраама* (Быт. XIV, 23). Потомъ, когда Богъ говоритъ ему: *мзда твоя многа будетъ* (Быт. XV, 1), онъ сѣтуетъ на свою бездѣтность и опять слышитъ, что тотъ, кто произойдетъ отъ него, наслѣдуетъ ему, и сѣмя его будетъ, какъ звѣзды небесныя. Здѣсь находимъ изреченіе: *вѣрова Авраамъ Богу, и вмѣнися ему въ правду* (Быт. XV, 6). Онъ совершаетъ разсѣченіе (животныхъ) и узнаетъ, что потомки его будутъ пришельцами, но потомъ будутъ освобождены, послѣ четырехсотлѣтняго угнетенія. Сарра, будучи безплодною, даетъ Аврааму Агарь, чтобы онъ имѣлъ отъ нея дѣтей. Когда же она родила, то возгордилась предъ госпожей своей, и Авраамъ отдаетъ ее Саррѣ, чтобы она отмстила за оскорбленіе свое. Обиженная своею госпожею, она убѣгаетъ изъ дома, но получаетъ отъ ангела повелѣніе возвратиться къ госпожѣ своей, и вмѣстѣ получаетъ обѣтованіе, что потомство ея умножится; самое имя младенцу, прежде его рожденія, назначаетъ ангелъ, назвавъ его Измаиломъ. Агарь родила Измаила. Авраамъ, будучи девяносто девяти лѣтъ, получаетъ новое имя, онъ сталъ называться уже не Аврамомъ, но Авраамомъ. Богъ повелѣваетъ ему обрѣзаться со всѣмъ домомъ. Имя Сары также перемѣняется, и она стала называться Саррою. Потомъ
820 Авраамъ получаетъ обѣтованіе объ Исаакѣ. Является Аврааму Сынъ Божій съ двумя ангелами и говоритъ ему: *возвращаяся пріиду къ тебѣ во время сіе въ часы, и родитъ сына Сарра жена твоя* (Быт. XVIII, 10). Авраамъ ходатайствуетъ передъ Богомъ за Содомъ. Два ангела приходятъ къ Лоту. Содомляне настойчиво требуютъ ихъ и наказываются слѣпотою. Ангелы же, взявъ Лота, вышли изъ дома, и самъ онъ вмѣстѣ съ дочерями спасается въ Сигорѣ, а жена его обратилась въ соленый столбъ, потому что посмотрѣла назадъ. Когда же страна содомская была сожжена, Лотъ удалился въ гору, и сдѣлались беременными отъ

него дочери его; старшая родила Моава, а младшая Аммона; кровосмѣшенія съ отцемъ онѣ достигли посредствомъ опьяненія; онѣ думали, что родъ человѣческій прекратился. Авраамъ переселился въ Герары, и царь Герарскій Авимелехъ взялъ Сарру; но когда Богъ угрожалъ ему, то онъ оправдываясь говоритъ, что онъ считалъ эту женщину сестрою Авраама, потому что она сама такъ сказала. Онъ отдалъ ее Аврааму съ дарами. Потомъ возвращенная Сарра рождаетъ Исаака. Авраамъ изгоняетъ изъ дома служанку съ сыномъ Измаиломъ. Авимелехъ заключаетъ съ Авраамомъ договоръ, чтобы не обижать другъ друга, и получаетъ отъ Авраама семь агницъ, во свидѣтельство того, что клятвенный колодецъ принадлежитъ Аврааму. Авраамъ получаетъ повелѣніе принести сына во всесожженіе, и возноситъ его, но вмѣсто него закалается баранъ. Все же это было прообразомъ домостроительства, которое имѣлъ совершить для насъ Христосъ. Сарра умираетъ, и Авраамъ, купивъ мѣсто у Ефрона Хеттеянина, погребаетъ тамъ жену свою, и посылаетъ раба своего сосватать для Исаака жену въ Месопотаміи, заповѣдавъ ему не отводить туда сына его, если жена не захочетъ идти съ нимъ. Рабъ пришелъ въ городъ Нахора и просилъ знаменія, по которому могъ бы узнать дѣвицу,—а знаменіе состояло въ томъ, чтобы она предложила пить и ему, и верблюдамъ его; тогда выходитъ Ревекка, дочь Ваѳуила, сына Нахорова,—Нахоръ же былъ братъ Авраама,—и давъ пить ему и верблюдамъ его, и сказавъ, чья она дочь, вводитъ этого человѣка въ домъ и угощаетъ. Когда же онъ сказалъ, для чего пришелъ, и просилъ отпустить дѣвицу, то родители предоставили это на рѣшеніе самой дѣвицѣ. Такъ какъ она согласилась, то, взявъ ее, онъ ушелъ, и стала она женою Исаака. Авраамъ, по смерти Сарры, беретъ себѣ женою Хеттуру; рожденныхъ отъ нея дѣтей онъ удалилъ отъ Исаака, давъ имъ подарки, а наслѣдникомъ своего имущества сдѣлалъ Исаака, и умеръ. Здѣсь перечисляются имена сыновъ Измаила, селенія котораго простирались отъ Евилата до Сура. Такъ какъ Ревекка была неплодна, то Исаакъ просилъ Бога, чтобъ она зачала, и когда зачала, Богъ говоритъ ей: *два языка во утробѣ твоей, и людіе людей превзыдутъ* (Быт. xxv, 23), предсказывая объ іудеяхъ и о насъ, христіанахъ. Когда младенцы родились и выросли, то Исавъ уступаетъ и продаетъ первородство свое Іакову за кушанье изъ чечевицы. 321 Исаакъ хотѣлъ отправиться въ Египетъ, такъ какъ усилился голодъ, но Богъ удержалъ его, заповѣдавъ остаться тамъ, гдѣ онъ жилъ, и обѣщавъ быть съ нимъ и благословить сѣмя его и умножить. Авимелехъ, царь герарскій, узнавъ, что Ревекка

жена Исаака,—а онъ думалъ, что она сестра его,—опредѣлилъ наказаніе смертью всякому, кто обидитъ ее. Исаакъ сѣялъ и получалъ стократный плодъ. Когда же онъ, по благословенію Божію, сталъ весьма богатымъ, то филистимляне стали завидовать ему, и Авимелехъ изгналъ его оттуда. Онъ не мстилъ, но удалился и выкопалъ колодцы, изъ-за которыхъ произошелъ споръ. Онъ не противился, но выкопалъ другіе колодцы, пока не перестали безпокоить его. И благословилъ его Богъ. И Исаакъ принялъ пришедшаго къ нему Авимелеха привѣтливо и угостилъ, не помня обидъ. Между тѣмъ Исавъ взялъ себѣ въ жены хананеянокъ, которыя досаждали Ревеккѣ. Исаакъ состарѣлся и притупилось зрѣніе его. Онъ приказываетъ сыну своему Исаву наловить дичи и приготовить для него кушанье, чтобы благословить Исава. Іаковъ же, при содѣйствіи матери, предупредилъ Исава. Сваривъ двухъ козлятъ и обвернувъ Іакова кожами ихъ, чтобы закрыть гладкую кожу его, она дала ему въ руки кушанье и послала (къ отцу). Онъ вошелъ и получилъ благословеніе. Исавъ, пришедши и узнавъ о случившемся, заплакалъ и зарыдалъ и просилъ благословить и его, и своею настойчивостію вынудилъ благословеніе,—хотя не такое, на какое надѣялся, однако вынудилъ. Такимъ образомъ, будучи благословленъ малымъ вмѣсто великаго, онъ разгнѣвался на брата, злопамятствовалъ и ожидалъ смерти отца, чтобы тогда смѣлѣе сдѣлать ему вредъ. Мать предупреждаетъ объ этомъ Іакова и совѣтуетъ искать спасенія въ бѣгствѣ. Сказавъ Исааку, что жизнь ей будетъ не въ жизнь, если и Іаковъ возьметъ жену изъ хананеянокъ, она убѣждаетъ Исаака послать Іакова въ Месопотамію къ брату ея Лавану, чтобы взять жену изъ дочерей его. Когда Іаковъ ушелъ, Исавъ беретъ себѣ женою дочь Измаила. Измаилъ былъ сынъ Авраама, родившійся ему отъ Агари. Іаковъ видитъ лѣстницу, ставитъ столпъ и обѣщаетъ отдать Богу десятую часть имущества своего, если возвратится благополучно. Онъ пришелъ въ Месопотамію, увидѣлъ Рахиль и поцѣловалъ ее; дѣвица же пошла, и разсказала объ этомъ отцу своему Лавану, который, вышедши, узналъ Іакова и привелъ его къ себѣ. Іаковъ служилъ ему въ уплату за дочь; но тотъ далъ ему старшую. Когда Іаковъ досадовалъ на этотъ обманъ, Лаванъ предлагаетъ ему прослужить еще семь лѣтъ, если хочетъ получить и младшую. Онъ и на это соглашается, и получаетъ и младшую. Старшая, Лія, была слаба глазами; а младшая, Рахиль, была прекрасна. Онѣ были
822 образами: старшая—синагоги іудейской, а младшая—церкви Христовой. Лія зачала и родила Рувима, Симеона, Левія и Іуду. Рахиль же не рождала, и потому дала Іакову еще жену, слу-

жанку свою Валлу, которая и родила Дана и Нефѳалима. И Лія дала Іакову въ жену служанку свою Зелфу, которая и родила Гада и Асира. Послѣ того Лія родила Иссахара и Завулона. Потомъ и Рахиль родила Іосифа. Когда Іаковъ захотѣлъ возвратится въ свою землю, Лаванъ даетъ ему награду, которую назначилъ самъ Іаковъ, именно—весь скотъ пестрый изъ овецъ и весь скотъ бѣлый изъ козъ. И все это умножилось, потому что Іаковъ клалъ палки въ водопойняхъ, и зачинали овцы, и раждались бѣлые и пестрые, полосатые и съ крапинами. Все это было дѣломъ Божіимъ, какъ говоритъ самъ Іаковъ. Тогда сыновья Лавана стали завидовать ему, и онъ, взявъ женъ своихъ съ имуществомъ, тайно удалился. Лаванъ преслѣдовалъ его, но прежде чѣмъ онъ настигъ Іакова, Богъ угрожаетъ ему, если онъ жестоко поступитъ съ Іаковомъ. Догнавъ Іакова, онъ прежде всего укорялъ его и спрашивалъ о причинѣ тайнаго ухода. Когда же Іаковъ сказалъ, что онъ сдѣлалъ это потому, что его ненавидѣли, и потому, что онъ опасался, какъ бы Лаванъ не взялъ отъ него дочерей своихъ, тогда Лаванъ требовалъ боговъ своихъ, которыхъ похитила Рахиль. Когда онъ не нашелъ ихъ, то Іаковъ жестоко укоряетъ его. Наконецъ, когда они поѣли и попили, они разстались другъ съ другомъ, воздвигнувъ тамъ холмъ изъ камней, который и назвали холмомъ свидѣтельства. Тогда встрѣтили Іакова ангелы Божіи. Іаковъ посылаетъ къ Исаву извѣстить его о своемъ прибытіи. Когда посланные возвратились и сказали, что Исавъ идетъ съ тремя стами мужей, тогда Іаковъ, объятый страхомъ, проситъ Бога избавить его отъ угрожающей опасности, и посылаетъ подарки Исаву. Іаковъ перешелъ потокъ, былъ благословленъ и перемѣнено было имя его. Тогда онъ увидѣлъ идущаго Исава и раздѣлилъ своихъ людей; служанокъ съ дѣтьми ихъ поставилъ первыми, Лію съ дѣтьми второю, а Рахили съ Іосифомъ приказалъ идти послѣднею; самъ же пошелъ впереди. Исавъ встрѣтилъ его дружелюбно, принялъ отъ него дары и просилъ сопутствовать ему; но Іаковъ отказался. Отправившись далѣе, онъ остановился въ городѣ сихемскомъ Салимѣ. Здѣсь Сихемъ, сынъ царя Еммора, полюбивъ Дину, дочь Іакова, и растливъ эту дѣвицу, просилъ отдать ее ему женою, въ законное супружество. Симеонъ и Левій сказали, что они охотно отдадутъ, если онъ обрѣжется съ своимъ народомъ. Когда же они обрѣзались и были еще больны, Симеонъ и Левій умертвили ихъ. Послѣ этого Іаковъ боялся, чтобы сосѣдніе хананеи не напали на него, и, по повелѣнію Божію, удалился въ Веѳиль, гдѣ умерла кормилица Ревекки. Когда же Богъ благословилъ его, то, вышедши изъ Веѳиля, онъ поселился

за башнею Гадеръ. Тогда Рахиль родила несчастно, и умерла, и
823 была погребена на дорогѣ къ Еверафѣ; это—Виѳлеемъ. Рожденный же ею былъ Веніаминъ. Тогда преспалъ Рувимъ съ Валлою, наложницею отца своего. Затѣмъ умеръ Исаакъ, и погребли его Исавъ и Іаковъ. Излагается родословіе потомковъ Исава, между которыми находится Іовъ, называемый здѣсь Іовавомъ. Іосифа возненавидѣли братья его за сны и за то, что отецъ любилъ его больше, чѣмъ ихъ. Схвативъ его наединѣ, они хотѣли убить его; но Рувимъ посовѣтовалъ бросить въ ровъ, потому что хотѣлъ покрайней мѣрѣ избавить его отъ смерти. Они бросили, но потомъ продали его мадіанитянамъ, по совѣту Іуды; одежду же его, обагривъ кровію, показали отцу. Онъ подумалъ, что сынъ его съѣденъ звѣрями и горько плакалъ. У Іуды родились Иръ, Авнанъ и Силонъ. По смерти Ира, жену его Ѳамарь взялъ братъ его Авнанъ и не хотѣлъ возстановить сѣмени брату своему. Когда и онъ умеръ, то Іуда не захотѣлъ отдать Ѳамари въ жены третьему сыну Силону. Ѳамарь, украсившись, сѣла, какъ блудница, при пути. Іуда, подумавъ, что она дѣйствительно блудница,—такъ какъ она закрыла свое лицо,—вошелъ къ ней, и далъ ей залогъ: цѣпь, перстень и жезлъ. Когда послѣ этого сдѣлалось извѣстнымъ, что Ѳамарь зачала, то тесть ея Іуда велѣлъ сжечь ее; но она послала сказать ему, что зачала отъ того человѣка, которому принадлежитъ перстень. Тогда Іуда сказалъ: *оправдася Ѳамарь паче мене* (Быт. XXXVIII, 26). Когда она рождала, то сначала Зара показалъ руку, но потомъ убралъ ее; вышелъ Фаресъ, и тогда уже Зара. Это иносказательно объясняется такъ: сначала, говорятъ, первый народъ, т. е. бывшіе до закона праведники, показалъ руку, т. е. жизнь добродѣтельную и ангельскую; потомъ данъ былъ законъ; а послѣ того возобновилась прежняя жизнь, возведенная до высшаго совершенства въ царствѣ Христовомъ. Іосифа купилъ архимагиръ фараоновъ, Пентефрій, и поручилъ ему домъ свой. Онъ не послушалъ госпожи, убѣждавшей его совершить преступленіе; оклеветанный ею, онъ ввержень въ темницу; и тамъ онъ былъ начальникомъ и изъяснилъ сны главному виночерпію и главному хлѣбодару. Сбылось такъ, какъ онъ сказалъ: одинъ былъ умерщвленъ, а другой возведенъ въ прежнее достоинство. Фараонъ видѣлъ во снѣ коровъ и колосья, которыми означалось плодородіе и слѣдующій затѣмъ голодъ. Іосифъ былъ выведенъ изъ темницы, чтобы истолковать эти сны, потому что начальникъ виночерпіевъ указалъ на него. Онъ истолковалъ и далъ совѣтъ для ослабленія будущаго голода; сдѣлался первымъ по фараонѣ, и, собравъ множество хлѣба въ семь лѣтъ плодородія, по наступленіи голода продавалъ его желающимъ. При-

шли и братья его купить хлѣба. Не видя между ними Веніамина и боясь, не погубили ли они и его, онъ обвиняетъ ихъ въ соглядатайствѣ и говоритъ, что они избавятся отъ обвиненія только въ томъ случаѣ, если приведутъ въ Египетъ и покажутъ младшаго брата Веніамина. Взявъ изъ нихъ Симеона и связавъ его, прочихъ онъ отпустилъ, давъ хлѣба и серебра. Когда же 321
они, открывъ мѣшки, увидѣли серебро, то изумились странному событію, и разсказавъ отцу случившееся, просили отпустить съ ними Веніамина. Но онъ не хотѣлъ отпустить отрока. Когда же голодъ усилился и Іуда настаивалъ на необходимости взять Веніамина, обѣщаясь возвратить его здравымъ и невредимымъ, тогда Іаковъ далъ серебра вдвойнѣ, приказавъ отнести и другіе дары. Когда они пришли къ Іосифу, онъ принялъ ихъ благосклонно, спросилъ объ отцѣ и великолѣпно угостилъ. Когда же нужно было имъ отправляться, онъ повелѣлъ вложить въ мѣшокъ Веніамина серебряную чашу, безъ вѣдома ихъ. Она была положена, и они взяли (мѣшки) и ушли; тогда Іосифъ повелѣлъ начальнику дома своего догнать этихъ людей. Онъ, догнавъ ихъ, укорялъ, что они благодѣтелю отплатили зломъ. Они, возмутившись, опредѣлили тому, кто будетъ уличенъ въ кражѣ, смерть, а себѣ рабство; чаша нашлась у Веніамина. Тогда Іуда вошелъ и долго говорилъ объ отцѣ, объ Іосифѣ и Веніаминѣ, и предложилъ себя самого въ рабство вмѣсто отрока; этимъ онъ возбудилъ въ Іосифѣ такое состраданіе, что тотъ оставилъ всякое притворство. Выславъ всѣхъ, чтобы можно было плакать свободно, онъ открываетъ себя братьямъ и посылаетъ ихъ за отцемъ съ дарами и колесницами; это угодно было и фараону. Услышавъ о случившемся съ Іосифомъ, Іаковъ обрадовался и, по повелѣнію Божію, отправился въ Египетъ. Отецъ увидѣлъ Іосифа; это было доложено фараону; и поселился Іаковъ въ землѣ Рамессійской. Когда издержано было серебро въ Египтѣ, люди отдавали скотъ и получали хлѣбъ; когда же оскудѣло и это, а голодъ не прекращался, то отдавали себя вмѣстѣ съ землею, и сдѣлавшись рабами фараона, сѣяли и пятую часть плодовъ отдавали ему, а четыре части брали въ свою пользу. Находясь при смерти, Іаковъ беретъ съ Іосифа клятву не погребать его въ Египтѣ, но въ гробницѣ отцовъ его. Сыновей же Іосифа, Ефрема и Манассію, включаетъ въ число не внуковъ, а сыновей своихъ. Іаковъ ослабѣлъ зрѣніемъ, и когда онъ лобызалъ и намѣревался благословить ихъ, Іосифъ поставилъ Ефрема по лѣвую руку Іакова, а Манассію по правую. Іаковъ же положилъ правую руку на младшаго, стоявшаго по лѣвую руку, а лѣвую на стоящаго по правую, и благословилъ ихъ. Когда же Іосифъ подумалъ, что

отецъ сдѣлалъ это по невѣдѣнію и хотѣлъ исправить, то Іаковъ не дозволилъ, сказавъ, что дѣлаетъ это сознательно, а не по невѣдѣнію. Тогда Іаковъ отдаетъ исключительно Іосифу Сихемъ, которымъ овладѣли Симеонъ и Левій, и благословляетъ сыновей своихъ. Здѣсь онъ пророчествуетъ о Христѣ: *не оскудѣетъ*, говоритъ онъ, *князь отъ Іуды*, *иниже вождь отъ чреслъ его, дондеже пріидетъ ему же отложено* [1] (Быт. XLXI, 10). Когда Іаковъ умеръ, Іосифъ оплакалъ его, и отвезъ и похоронилъ въ пещерѣ Авраамовой. Братья его сказали: *да не когда* воспамятозлобствуетъ
325 *Іосифъ, и воздастъ намъ злая, яже показахомъ ему* (Быт. L, 15), и просили его, говоря: *се мы тебѣ раби* (Быт. L, 18). Іосифъ же заплакалъ и сказалъ имъ: *не бойтеся: Божій бо есмь азъ; вы совѣщасте злая: Богъ же совѣща о мнѣ во благая: азъ препитаю васъ и домы ваши* (Быт. L, 19—21). Іосифъ прожилъ сто лѣтъ и видѣлъ дѣтей Ефрема до третьяго рода. Онъ сказалъ братьямъ своимъ: *посѣщеніемъ посѣтитъ васъ Богъ и изведетъ васъ въ землю* обѣтованія, *о нейже клятся отцемъ нашимъ* дати имъ; и: *совознесите кости моя съ вами* (Быт. L, 24—25). Скончавшись ста лѣтъ, онъ былъ погребенъ въ гробницѣ въ Египтѣ.

ОБОЗРѢНІЕ КНИГИ ИСХОДЪ.

Когда воцарился въ Египтѣ фараонъ, который не зналъ Іосифа, онъ сталъ изнурять израильтянъ грязною работою и дѣланіемъ кирпичей. Онъ приказалъ и повивальнымъ бабкамъ умерщвлять младенцевъ израильскихъ мужескаго пола; такъ какъ онѣ не послушались, то онъ вмѣнилъ это народу въ преступленіе. Тогда родился Моисей изъ колѣна Левіина, и родители вынесли его въ корзинѣ. Вышла дочь фараона и, взявши младенца, отдала его на воспитаніе. Сдѣлавшись взрослымъ, Моисей вышелъ къ сынамъ израильскимъ, узналъ о притѣсненіи и увидѣлъ египтянина, бьющаго одного еврея. Осмотрѣвшись кругомъ и не видя никого, онъ убилъ египтянина и скрылъ его въ пескѣ. Вышедши въ другой день, онъ видитъ двухъ ссорящихся евреевъ и говоритъ одному изъ нихъ: *чесо ради ты біеши искренняго? Онъ же рече: кто тя постави князя и судію надъ нами, еда убити мя ты хощеши, имже образомъ вчера египтянина* (Исх. II, 13—14)? Моисей убоялся, фараонъ же, узнавъ о случившемся, искалъ убить Моисея. Моисей, убоявшись, удалился въ землю мадіамскую, и помогъ дочерямъ Іофора напоить (скотъ). Онѣ раз-

---

[1] Сл. В.: *дондеже пріидутъ отложеная ему.*

сказали отцу о случившемся и привели къ нему Моисея. Іофоръ отдаетъ ему женою дочь свою, которая и родила Моисею Гирсама и Еліезера. Когда онъ пасъ стадо, Богъ вступаетъ съ нимъ въ разговоръ. Онъ подошелъ и увидѣлъ чудо съ кустомъ, который горѣлъ и не сгаралъ. Богъ посылаетъ его въ Египетъ, говоря: *тако речеши*: *Азъ есмь Сый* (Исх. III, 14). Богъ повелѣваетъ созвать совѣтъ старцевъ и затѣмъ войти къ фараону, а также сказать народу, чтобы онъ, выходя, взялъ отъ сосѣдей золотые и серебряные сосуды; даетъ ему знаменія для удостовѣренія: жезлъ, который обратился въ змія, измѣненіе руки его, которая стала бѣла, какъ снѣгъ, и опять получила прежній цвѣтъ, и воду рѣки: *проліеши*, говоритъ, *отъ воды на сухо и будетъ кровію* (Исх. VI, 4, 9). Моисей отказывался; Богъ же разгнѣвался, и присоединилъ къ нему Аарона. Моисей объявилъ тестю своему Іоѳору, что онъ намѣревается отправиться въ Египетъ. По смерти царя, искавшаго души его, Богъ говоритъ ему: *отъиди во Египетъ* (Исх. IV, 19). Онъ взялъ дѣтей и жену, и пошелъ. Потому является ему ангелъ и угрожаетъ ему, не изъ-за обрѣзанія,—если бы изъ-за 326
обрѣзанія, то ангелу слѣдовало бы удалиться не прежде того, какъ мать обрѣзала бы и другого сына,—но для того, чтобы онъ не бралъ жены въ Египетъ,—потому что онъ былъ посланъ не жить тамъ, но вывести израильтянъ, что и самъ онъ понялъ, и отпустилъ жену. Откуда видно, что онъ отпустилъ ее? Изъ того что, когда онъ вышелъ изъ Египта, встрѣтилъ его тесть Іоѳоръ съ женою его. Приходитъ къ Моисею Ааронъ, и оба они созвали старѣйшинъ израильскихъ и объявили имъ сказанное Богомъ тѣ возрадовались. Когда они вошли къ фараону и требовали чтобы онъ отпустилъ народъ, то царь не только не согласился, но еще больше сталъ притѣснять израильтянъ, повелѣвъ не давать имъ мякины, чтобы они сами доставали ее себѣ. Когда писцы подвергались наказанію за то, что дѣло не исполнялось, то пришли они къ фараону, но не имѣли никакого успѣха. Тогда они стали кричать противъ Моисея,—и онъ опять посылается къ израильтянамъ возвѣстить имъ объ исходѣ. Они же не слушали Моисея по малодушію своему. Здѣсь излагается родословіе Моисея, и Богъ говоритъ ему: *дахъ тя бога Фараону* (Исх. VII, 1), и посылаетъ его къ фараону, повелѣвъ показать знаменіе, если бы потребовалъ царь, именно превращеніе жезла въ змія. Когда жезлъ обращенъ былъ въ змія, и однако царь не согласился, то вода рѣки превращается въ кровь, земля наполняется жабами, потомъ появились скнипы, мухи, затѣмъ моръ скота, струпы, градъ и огонь, саранча и тьма непроницаемая. Когда же должно было произойти умерщвленіе первенцевъ, израильтяне

получаютъ повелѣніе заколоть агнца мужескаго пола, непорочнаго, и кровію его помазать пороги, потому что сказано было: не погибнутъ находящіеся въ томъ домѣ, на которомъ будетъ кровь агнца. Тогда же дается имъ законъ о семи дняхъ опрѣсночныхъ; и Богъ повелѣваетъ имъ соблюдать этотъ праздникъ по пришествіи въ землю обѣтованную. Если спросятъ васъ, говоритъ Онъ, сыны ваши, скажите: *жертва пасха сія Господу* (Исх. xII, 27). Когда въ полночь началось истребленіе первенцевъ египтянъ, тогда они изгнали израильтянъ изъ Египта. Израильтяне вышли, взявъ съ собою сосуды серебряные и золотые, много присоединившагося къ нимъ народа, овецъ, воловъ, и другой скотъ. Пребываніе въ Египтѣ и въ землѣ ханаанской сыновъ израильскихъ, какъ ихъ, такъ и отцевъ ихъ, продолжалось четыреста тридцать лѣтъ. И сказалъ Богъ: *вознеси и освяти Ми всякаго первенца отъ человѣка до скота* (Исх. xIII, 2), — потому что Онъ умертвилъ первенцевъ египетскихъ. Не повелъ ихъ Богъ чрезъ землю филистимскую, чтобы они не перемѣнили намѣренія, въ виду войны, и не возвратились въ Египетъ, но повелъ—чрезъ Чермное море. Въ пятомъ поколѣніи вышли сыны Израилевы изъ Египта; Моисей взялъ и кости Іосифа. Богъ указывалъ путь Израилю ночью столпомъ огненнымъ, а днемъ столпомъ облачнымъ. Когда фараонъ, передумавъ, погнался за ними, то Моисей ударилъ жезломъ по морю, и оно разступилось; когда же израильтяне прошли, то оно соединилось надъ египтянами и потопило ихъ. И воспѣлъ Моисей пѣснь, воспѣла и Маріамь съ женами. Они пришли къ Меррѣ, гдѣ была горькая вода, и Моисей сдѣлалъ ее сладкою посредствомъ дерева. Потомъ пришли они туда, гдѣ было двѣнадцать источниковъ и семьдесятъ финиковыхъ деревьевъ; это мѣсто называлось Елимъ. Оттуда они пришли въ пустыню между
327 Елимомъ и Синаемъ. Здѣсь, въ пустынѣ, израильтяне возроптали, требуя мяса. Тогда ниспослана была имъ манна. Потомъ послалъ имъ Богъ коростелей. Здѣсь Богъ повелѣлъ относительно манны, чтобы ее не запасали на завтрашній день, потому что, когда ея собирали много, не было излишка, и, когда мало, не было недостатка. Но они ослушались, и оставленное наполнялось червями. Богъ сказалъ: не выходите собирать манну въ субботу; но они ослушались и въ этомъ, выходили, но не находили ея. Моисей повелѣваетъ положить часть манны въ золотой сосудъ для послѣдующихъ поколѣній. Манну израильтяне ѣли сорокъ лѣтъ. Тогда же они возроптали вслѣдствіе жажды. Моисей ударилъ въ камень, и потекла вода. Амаликитяне вышли на войну съ Израилемъ, и Іисусъ Навинъ обратилъ ихъ въ бѣгство; пока руки Моисея были подняты, одерживали побѣду израильтяне; а когда

онъ опускалъ ихъ, тогда они были побѣждаемы; это было образомъ креста. Ааронъ и Оръ стояли, поддерживая руки Моисея. И сказалъ Господь къ Моисею: *впиши сіе на память въ книгу* (Исх. XVII, 14). Приходитъ Іофоръ, тесть Моисея, съ женою его, и ради Моисея, и ради народа. Писаніе называетъ его зятемъ не въ точномъ смыслѣ. Моисей разсказываетъ тестю о чудесахъ; онъ удивляется. Когда же онъ увидѣлъ, что весь народъ стоитъ передъ Моисеемъ, который не имѣетъ возможности судить всѣхъ, то говоритъ ему: *избери мужы сильны, Бога боящыяся, праведны, ненавидящыя гордости, и постави ихъ тысященачалники, стоначалники, пятьдесятоначалники и десятоначалники* (Исх. XVIII, 21). Моисей сдѣлалъ такъ и взошелъ на гору. Богъ повелѣлъ ему сказать народу, что они будутъ *царскимъ священіемъ*, Божіимъ, *народомъ святымъ*, если будутъ послушны. Они отвѣчали: *вся, елика рече Богъ, сотворимъ и послушаемъ* (Исх. XIX, 8). Тогда онъ повелѣваетъ народу быть чистыми до третьяго дня и вымыть одежды свои. Здѣсь сказано то, что повторено и у апостола въ посланіи къ евреямъ: *аще* (и звѣрь) *прикоснется горѣ, каменіемъ побіенъ будетъ* (Евр. XII, 20). Тогда задымилась гора, загремѣли звуки трубъ. Моисей получаетъ заповѣди закона, десятословіе, и прочія постановленія. Выраженіе же: *боговъ да не злословиши*, сказано не объ идолахъ, но о начальникахъ, потому что прибавлено: *князю людей твоихъ да не речеши зла* (Исх. XXII, 28). Израильтянамъ обѣщается, если будутъ послушны, много благъ,— именно, что они овладѣютъ народами, наслѣдуютъ землю, что вода и хлѣбъ ихъ будутъ благословенны, что они будутъ избавлены отъ всякой болѣзни, не будетъ между ними ни безплодной, ни безплоднаго, ни преждевременной смерти, что предѣлы ихъ будутъ простираться отъ Чермнаго моря до земли филистимской, отъ пустыни до Евфрата. Тогда Моисей принесъ жертву, половину крови возлилъ на жертвенникъ и, взявъ кровь, окропилъ ею народъ. Объ этомъ упоминаетъ и Павелъ въ посланіи къ Евреямъ, говоря: *ни первый* завѣтъ *безъ крове обновленъ бысть* (Евр. IX, 18). Моисей получаетъ повелѣніе взойти на гору и взять скрижали. Былъ онъ 328
тамъ сорокъ дней и сорокъ ночей. Выслушалъ (повелѣнія) объ устройствѣ скиніи и всѣхъ ея принадлежностей, о священной одеждѣ, о помазаніи священниковъ и о выкупахъ, которые состояли въ томъ, чтобы каждый давалъ половину дидрахмы, т. е. десять оволовъ; Богъ даетъ заповѣдь о составленіи елея и о соблюденіи субботы. Между тѣмъ израильтяне возстаютъ противъ Аарона и впадаютъ въ идолопоклонство. Тогда Богъ говоритъ Моисею: *остави Мя, и потреблю ихъ, и сотворю тя въ языкъ великъ* (Исх. XXXII, 10). Когда Моисей, сходя, увидѣлъ тельца и

веселящійся народъ, то бросилъ скрижали и разбилъ ихъ, укорилъ Аарона и далъ повелѣніе пришедшимъ сынамъ Левіинымъ, сказавъ: *аще кто* ко Господу, *да идетъ ко мнѣ*, убити комуждо *брата своего и ближняго своего* (Исх. xxxii, 26, 27), и пали три тысячи мужей. Тогда Моисей, взойдя, говоритъ Богу: *аще убо оставиши имъ грѣхъ ихъ, остави: аще же ни, изглади мя изъ книги, въ нюже вписалъ еси* (Исх. xxxii, 32). Тогда народъ сталъ плакать и получилъ повелѣніе снять украшенія свои. Здѣсь сказано: *и глагола Господь къ Моисею, яко же аще бы кто возглаголалъ къ своему другу* (Исх. xxxiii, 11). Іисусъ же Навинъ не выходилъ изъ скиніи. Тогда Моисей проситъ Бога, чтобы Онъ не оставлялъ народъ, и, вытесавъ двѣ скрижали, получаетъ десятословіе, пробывъ на горѣ опять сорокъ дней и сорокъ ночей. Опять ему дается повелѣніе о пасхѣ, о субботѣ, объ истребленіи боговъ языческихъ, о посвященіи Богу первенцевъ. Здѣсь сказано, что Моисей говорилъ народу подъ покрываломъ, о чемъ и Павелъ говоритъ во второмъ посланіи къ Коринѳянамъ (2 Кор. iii, 13). Тогда даются имъ заповѣди о субботѣ и о веществѣ, которое должно быть употреблено на строеніе скиніи, т. е. о золотѣ, мѣди, кожахъ и прочихъ веществахъ. Они приносили это съ великимъ усердіемъ, такъ что оказался даже излишекъ. Все относящееся къ устройству скиніи, исполняли Веселіилъ изъ колѣна Іудина и Еліавъ изъ колѣна Данова; и воздвигнута была скинія, и облако осѣнило ее. На эту постройку употреблено золота двадцать девять талантовъ и семьсотъ сиклей, серебра сто талантовъ и семьсотъ семьдесятъ два сикля и мѣди семьдесятъ талантовъ и двѣ тысячи пятьсотъ сиклей.

КНИГА 3-я ЛЕВИТЪ.

Эта книга называется *Левитъ* потому, что содержитъ въ себѣ описаніе всего левитскаго служенія, и того, какъ Ааронъ и сыновья его избираются изъ колѣна Левіина и помазываются во священники; (она излагаетъ) также все разнообразіе жертвъ, весь порядокъ богослуженія въ храмѣ и священническаго служенія. Излагаются и законы о каждой жертвѣ, — спасенія и жертвѣ за вольное и невольное прегрѣшеніе; объясняется и то, какъ должно каждое изъ приношеній раздѣлять и возносить. Описывается въ этой книгѣ помазаніе первосвященника и священниковъ, также
329 различіе и распознаваніе признаковъ проказы людей, одеждъ и
стѣнъ дома, и полагается законъ касательно ихъ очищенія; со-

общается законъ о бракахъ законныхъ и указывается, какія сожительства незаконны; еще сообщается раздѣленіе чистыхъ и нечистыхъ животныхъ, птицъ, рыбъ и пресмыкающихся, и говорится, какими изъ нихъ евреи могутъ питаться и отъ какихъ должны воздерживаться. Даются указанія о днѣ трубномъ (празднуемомъ) въ новомѣсячіе седьмого мѣсяца; также заповѣдь о великомъ постѣ, который называется субботою субботъ и отпущеніемъ грѣховъ, заповѣдь, чтобы евреи совершали его въ седьмой мѣсяцъ, въ десятый день мѣсяца. Содержится постановленіе о праздникѣ кущей, въ 15 день того же мѣсяца и о другихъ праздникахъ и о томъ, какія во время ихъ должно дѣлать приношенія; также объ освобожденіи купленныхъ евреевъ, о прощеніи долговъ, объ успокоеніи земли, которое должно быть въ седьмой годъ. Излагается снова напоминаніе о всѣхъ законахъ, повелѣніяхъ и свидѣтельствахъ; приводятся обѣтованія соблюдающимъ ихъ и жесточайшія угрозы нарушающимъ. Называется различіе чистой и нечистой пищи на слѣдующихъ основаніяхъ: изъ скотовъ чистыми называются тѣ, у которыхъ раздвоены копыта и на копытахъ глубокой разрѣзъ, и которые отрыгаютъ жвачку,— каковы: теленокъ, овца, коза, олень, буйволъ, серна, газель, антилопа, трагелафъ, камилопардъ и подобные. Если же у нихъ чего-нибудь изъ этого не достаетъ, то они не чисты,—каковы: верблюдъ, тушканчикъ и заяцъ, потому что хотя они и отрыгаютъ жвачку, но у нихъ не раздвоены копыта; также свинья, потому что, хотя у ней раздвоены копыта, но она не отрыгаетъ жвачки. Изъ птицъ запрещается употреблять въ пищу слѣдующихъ: орла, грифа, морского орла, коршуна, сокола, ворона, и подобныхъ имъ, ястреба и ему подобныхъ, филина, рыболова, ибиса, лебедя, пеликана и сипа, цаплю, зуя и подобныхъ имъ, удода и нетопыря. Изъ пресмыкающихся крылатыхъ называются нечистыми всѣ, ходящія на четырехъ ногахъ, кромѣ тѣхъ, которыя имѣютъ выше ногъ голени, чтобы скакать по землѣ,—каковы: саранча, питтакъ, аттакъ и подобные имъ, и офіухосъ. Изъ животныхъ, живущихъ въ водахъ, въ морѣ, въ рѣкахъ и въ потокахъ, называются чистыми тѣ, которыя имѣютъ перья и чешую, — каковы: барвена, скаръ, главкъ, головень, и подобныя имъ. Тѣ же, у которыхъ не достаетъ чего-нибудь изъ этого, нечисты и не должны быть употребляемы въ пищу, какъ напримѣръ каракатица, потому что она хотя имѣетъ перья, но чешуи у нея нѣтъ. Изъ пресмыкающихся по землѣ называются нечистыми слѣдующія: кротъ, мышь, ящерица, землеройка, хамелеонъ, аскалеватъ, савръ и аспалакъ. О змѣѣ же и тому подобныхъ излишне было и упоминать,—такъ какъ очевидно было, что они для всѣхъ отвратительны и мерзки.

Впрочемъ и объ нихъ упомянуто во Второзаконіи. Еще содержатся постановленія о трупахъ, какъ вещахъ оскверняющихъ, о крови и о женахъ раждающихъ. Сѣменоточивый признается нечистымъ на семь дней. Также излагаются постановленія объ обрѣзаніи младенца въ восьмой день, о мѣсячномъ очищеніи женщинъ и о различіи очищенія раждающихъ младенца мужскаго или женскаго пола; о проказѣ и очищеніи ея, о кровоточивыхъ
330 и сѣменоточивыхъ, о благоповеденіи, о козлѣ отпущенія и о постѣ; о томъ, что не должно имѣть незаконнаго сожительства, о законныхъ и незаконныхъ бракахъ, о томъ, что священникъ не долженъ брать вдову или отпущенную, но дѣвицу безъ всякаго порока; о впадающей въ прелюбодѣяніе дочери священника и о томъ, что священникъ долженъ быть непороченъ, о приносимыхъ дарахъ, о субботахъ и праздникахъ, о праздникѣ пасхи, кущей и трубъ, о елеѣ и свѣтѣ, о хлѣбахъ предложенія и годѣ отпущенія, о рабахъ изъ іудеевъ и язычниковъ. Объ отверженіи идоловъ говорится такъ: *Азъ Богъ вашъ: не сотворите себѣ рукотворенныхъ, ниже изваянныхъ, ниже столпа поставите себѣ, ниже камене поставите въ земли вашей во знаменіе no еже покланятися ему* (Лев. XXVI, 1). Къ этому присовокупляются слѣдующія угрозы нарушителямъ: *Азъ Господь Богъ вашъ, изведый васъ изъ земли Египетскія, сущымъ вамъ рабомъ, и сокрушихъ узы ярма вашего, и изведохъ васъ со дерзновеніемъ. Аще же не послушаете Мене, ниже сотворите повелѣній моихъ сихъ, но ни покоритеся имъ, и о судбахъ моихъ вознегодуетъ душа ваша, яко не творити вамъ всѣхъ заповѣдей моихъ, яко разорити завѣтъ мой, и Азъ сотворю сице вамъ, и наведу на васъ скудость, и красту, и желтяницу вреждающую очи ваши, и посѣете вотще сѣмена ваша, и поядятъ я супостаты вашя* (Лев. XXVI, 13—16). Вотъ что содержитъ эта книга вмѣстѣ съ другими повелѣніями и заповѣдями; этимъ она заканчивается.

ОБОЗРѢНІЕ КНИГИ ЧИСЛЪ [1]).

Моисей получаетъ повелѣніе исчислить народъ отъ двадцатилѣтняго возраста и выше, и оказалось шестьсотъ три тысячи пятьсотъ пятдесятъ человѣкъ, кромѣ левитовъ. Излагается родо-

---

[1]) Обозрѣніе книги Числъ въ Лондонскомъ кодексѣ начинается такъ, „Эта книга называется *Числъ* потому, что каждое колѣно, по повелѣнію Божію, было сосчитано, и въ этой книгѣ указывается число всего народа. А считали народъ Моисей и Ааронъ и вмѣстѣ съ ними старѣйшина каждаго колѣна. Число способныхъ къ войнѣ отъ 20 лѣтъ и выше оказалось 600150, кромѣ остальныхъ. Колѣно же Левіино Моисей и Ааронъ, по слову Божію, сосчитали отдѣльно, отъ одного мѣсяца и выше“.

словіе левитовъ, и они исчисляются, и оказалось ихъ двадцать двѣ тысячи отъ одномѣсячнаго возраста и выше. Такъ какъ первенцевъ израильскихъ было двадцать двѣ тысячи двѣсти семьдесятъ три, то за первенцевъ излишнихъ противъ числа левитовъ Моисей взялъ выкупъ и отдалъ его Аарону. Поголовный выкупъ доставилъ тысячу триста шестьдесятъ пять сиклей. Моисей опредѣляетъ, кто долженъ отправлять священнослуженіе и кто быть левитами, потому что не всѣ удостоены были такой чести. Однимъ изъ нихъ вручены были драгоцѣннѣйшіе изъ сосудовъ скиніи, другимъ менѣе важные. Левитовъ отъ двадцатилѣтняго возраста и выше до пятидесятилѣтняго, которые и отправляли богослуженіе, было восемь тысячъ пятьсотъ восемьдесятъ три. Потомъ повелѣвается удалить изъ стана всякаго нечистаго, говорится о жертвѣ за преступленіе и установляется законъ ревнованія, чтобы и жена не могла быть оклеветана въ прелюбодѣяніи, и виновная въ прелюбодѣяніи не могла укрыться. Дѣлается постановленіе объ обѣтѣ посвященія Богу и о томъ, 381
какъ священникъ долженъ благословлять сыновъ израильскихъ. Когда же поставлена была скинія, то старѣйшины принесли много великихъ даровъ. Моисей получаетъ повелѣніе очистить левитовъ, и слышитъ, что они должны служить съ двадцати лѣтъ и выше, а послѣ пятидесяти лѣтъ оканчивать служеніе. Богъ чрезъ Моисея повелѣваетъ имъ совершить Пасху. *Рцы*, говоритъ *да сотворятъ сынове Израилстіи пасху*,—потому что былъ первый мѣсяцъ второго года (Числ. IX, 2). Нечистые приступили къ Моисею, и онъ спросилъ о нихъ Бога. Богъ повелѣлъ тому, кто не можетъ совершить пасху въ первый мѣсяцъ, или потому что нечистъ, или потому, что находится въ дальнемъ пути, совершить ее во второй мѣсяцъ, въ четырнадцатый день. А кто, будучи чистымъ и не находясь въ дальнемъ пути, не захочетъ совершить пасху въ первый мѣсяцъ, тотъ сдѣлаетъ грѣхъ. *Законъ единъ*, говоритъ, *да будетъ и пришельцу, и туземцу* (Числ. IX, 14). Когда восходило облако, то поднимались съ мѣста сыны израильскіе; а гдѣ оно останавливалось, тамъ и они останавливались. Моисей получаетъ повелѣніе сдѣлать серебряныя трубы, чтобы ими извѣщать народъ, когда нужно отправляться въ путь, чтобы собирать народъ на войну и для жертвоприношеній, также чтобы употреблять эти трубы въ праздники, въ новомѣсячія при всесожженіяхъ. Когда сыны израильскіе отправились въ путь, Моисей убѣждалъ Іовава, сына Рагуилова, который назывался также Іоѳоромъ, чтобы и онъ участвовалъ и въ путешествіи и въ обѣтованныхъ имъ благахъ. Когда поднятъ былъ ковчегъ, Моисей сказалъ: *востани, Господи, и да разсыплются врази твои, и да бѣжатъ вси ненави-*

дящіи Тебе (Числ. x, 35). Народъ сталъ роптать, и сожжена была часть стана, а то мѣсто прозвано было *запаленіемъ* (Числ. xi, 3). Моисей помолился и наказаніе прекратилось. Они стали требовать мяса и говорили: *помянухомъ рыбы, яже ядохомъ въ земли Египетстѣй туне, и огурцы, и дыни, и лукъ, и черленый лукъ и чеснокъ; нынѣ же душа наша изсохла: ничтоже, точію манна предъ очима нашима* (Числ. xi, 5, 6). Когда Моисей вознегодовалъ на ихъ ропотъ и обратился къ Богу, то Богъ даетъ ему въ помощники семьдесятъ старѣйшинъ, чтобы они участвовали съ нимъ въ управленіи. Здѣсь же, когда Іисусъ Навинъ сказалъ: *запрети сыну Елдаду и Модаду пророчествовати,* Моисей отвѣтилъ: *еда ревнуеши ты мнѣ? И кто дастъ всѣмъ людемъ Господнимъ быти пророки* (Числ. xi, 28, 29)? Тогда посланы были отъ Господа коростели, которыхъ они и ѣли. Мясо было еще въ зубахъ ихъ, какъ они стали умирать. Объ этомъ сказано въ псалмѣ: *еще брашну сущу во устѣхъ ихъ, и гнѣвъ Божій взыде на ня, и уби множайшая ихъ* (Псал. LXXVII, 30, 31). Мѣсто это прозвано *гробами похотѣнія*. Тогда Маріамь сказала противъ Моисея: *еда Моисею единому глагола Господь* (Числ. xii, 2)? Богъ сказалъ, что Онъ только съ нимъ однимъ изъ всѣхъ пророковъ говорилъ такъ, и послалъ проказу на Маріамь. Когда Моисей помолился о ней, то Богъ не допустилъ ей очиститься прежде, нежели она пробыла семь дней внѣ стана. Моисей посылаетъ нѣсколько че-
332 ловѣкъ изъ народа осмотрѣть землю ханаанскую. Осматривавшіе принесли оттуда виноградную кисть и хвалили землю, но боялись ея жителей, потому что тамошніе люди были воинственны. Халевъ же сынъ Іефоніи и Іисусъ Навинъ, которые также были въ числѣ соглядатаевъ, ободряли народъ. Ихъ хотѣли побить камнями; но Богъ, разгнѣвавшись, сказалъ, что возроптавшіе не войдутъ въ землю обѣтованную, а только дѣти ихъ, и Халевъ сынъ Іефоніи, и Іисусъ. *Четыредесять лѣтъ*, сказалъ Онъ, будутъ они въ пустынѣ, пока выростутъ дѣти, *по числу дней, въ нихже соглядаху землю* (Числ. xiv, 34). Тогда всѣ соглядатаи умерли, кромѣ Халева и Іисуса Навина, и плакалъ народъ. Нѣкоторые пошли противъ амаликитянъ безъ позволенія Божія; а ковчегъ оставался въ станѣ съ Моисеемъ. Амаликитяне вышли и поразили ихъ. Дается заповѣдь о всесожженіяхъ, о начаткахъ, о жертвахъ за грѣхъ. Захваченъ человѣкъ, собиравшій дрова въ субботу, и побитъ камнями. Повелѣвается сдѣлать кисти на краяхъ одежды. Возстаніе Корея, Даѳана и Авирона и наказаніе ихъ. Остальной народъ не вразумился этимъ, но опять возсталъ противъ Моисея, и умерло четырнадцать тысячъ семь сотъ. Тогда процвѣлъ жезлъ Аарона. Указывается и опредѣляется, что̀ слѣдуетъ полу-

чать левитамъ и великому священнику. Дается законъ о пеплѣ телицы, изъ котораго приготовлялась вода очищенія. Нѣкоторые думаютъ, что эта телица была образомъ страданія Господа нашего Іисуса Христа. Пепломъ телицы очищался тотъ, кто дѣлался нечистымъ отъ прикосновенія къ мертвому. Народъ пришелъ въ Кадисъ, и тамъ умерла и погребена Маріамъ. Не имѣя воды, іудеи опять ропщутъ; но Моисей и Ааронъ получаютъ повелѣніе извести воду изъ камня. Моисей ударилъ о камень, сказавъ; *еда изъ камене сего изведемъ вамъ воду*, и потекла вода. *И рече Господь къ Моисею и Аарону: понеже не вѣровасте Мнѣ освятити Мя предъ сынми Израилтескими, сего ради не введете вы сонма сего въ землю, юже дахъ имъ* (Числ. xx, 10—12). Моисей отправляетъ пословъ къ царю едомскому, чтобы онъ пропустилъ ихъ; но тотъ не дозволилъ, и пошли отъ него въ сторону сыны израильскіе. Когда дошли они до горы Оръ, то, по повелѣнію Божію, Моисей, взявъ Аарона и сына его Елеазара, возвелъ ихъ на гору, и облекъ Елеазара въ одежды Аароновы. Ааронъ скончался на горѣ, и плакалъ народъ тридцать дней. Израильтяне побѣдили хананеевъ и предали ихъ проклятію. Пришедши къ Чермному морю, обошли землю едомскую, стали малодушествовать и роптать на Моисея, и послалъ на нихъ Богъ змѣевъ, которые умерщвляли ихъ. Моисей помолился, и по повелѣнію Божію сдѣлалъ мѣднаго змія. Укушенный, посмотрѣвъ на змія, оставался живъ. Объ этомъ змiѣ сказано въ Евангеліи: *якоже Моисей вознесе змію въ пустыни, тако подобаетъ вознестися Сыну человѣческому* (Іоан. III, 14). Моисей посылаетъ пословъ къ царю аморрейскому Сіону. Этотъ Сіонъ воевалъ предъ тѣмъ съ царемъ моавитскимъ и взялъ его землю. 333
Когда же онъ и съ израильтянами вступилъ въ войну, то былъ жестоко пораженъ ими, и всѣ города его взяли израильтяне. Вступивъ въ войну съ Огомъ, царемъ васанскимъ, они подвергли и его той же бѣдственной участи, какой и Сіона, и взяли землю и всѣ города его. Царь Валакъ посылаетъ къ волхву Валааму, чтобы онъ проклялъ народъ израильскій. Богъ сначала воспрепятствовалъ этому; но когда тотъ настоятельно побуждалъ волхва, то Богъ попустилъ ему идти, но не проклинать, и обратилъ проклятія въ благословенія, — не потому, чтобы проклятія волхва имѣли какую-нибудь силу, но потому, что народъ бѣдствовалъ, готовъ былъ вѣрить его клятвамъ и могъ тамъ подвергнуться осужденію за свою слабость. Валаамъ пророчествуетъ о Христѣ, говоря: *возсіяетъ звѣзда отъ Іакова, и востанетъ человѣкъ отъ Израиля* (Числ. xxiv, 7), —потому что Духъ Божій былъ съ волхвомъ. Когда Валаамъ удалился, сыны израильскіе сходятся съ дочерями моавитскими и служатъ Веельфегору. Тогда Моисей

повелѣваетъ каждому убить брата, совершавшаго идолослуженіе. Финеесъ, сынъ Елеазара, пронзилъ копьемъ Замврія израильтянина и Хасви мадіанитянку вмѣстѣ съ нимъ; и это вмѣнилось ему въ правду. Тогда исчислены были сыны израильскіе отъ двадцати лѣтъ и выше, и оказалось шестьсотъ три тысячи тридцать человѣкъ; левитовъ же отъ одномѣсячнаго возраста и выше двадцати три тысячи. Это исчисленіе сдѣлано было въ Аравоѳѣ моавитскомъ, по ту сторону Іордана. Между ними не оказалось ни одного человѣка изъ тѣхъ, которыхъ прежде исчислялъ Моисей въ пустынѣ синайской, кромѣ Іисуса Навина и Халева, сына Іефоніи. Приходятъ дочери Салпаада изъ колѣна Манассіина, и просятъ, чтобы къ нимъ перешло наслѣдство и имущество отца ихъ, такъ какъ онъ умеръ безъ дѣтей мужскаго пола. Богъ повелѣлъ отдать имъ это; (и заповѣдано:) если кто умретъ, не имѣя сына, то должна наслѣдовать дочь; если нѣтъ и дочери, то братъ, а если нѣтъ брата, то братъ отца. Богъ показываетъ Моисею съ горы Нававъ землю обѣтованную, и на его мѣсто рукополагается Іисусъ Навинъ. Тогда даются сынамъ израильскимъ заповѣди о всесожженіяхъ, о жертвахъ ежедневныхъ, въ субботы, въ новомѣсячія, въ пасху, въ день седмицъ и въ седьмой мѣсяцъ; заповѣдуется также объ обѣтахъ, т. е. какіе обѣты можно давать. Тогда вооружаются двѣнадцать тысячъ израильтянъ противъ мадіанитянъ, и Финеесъ съ ними, и умерщвляютъ ихъ, и пять царей мадіамскихъ, и Валаама волхва. Начатки добычи они принесли Богу, а остальное раздѣлили между собою. Колѣна Рувимово, Гадово и половина колѣна Манассіина приступили къ Моисею и просили себѣ землю по ту сторону Іордана. Моисей отдалъ имъ ее, взявши съ нихъ напередъ обѣщаніе воевать вмѣстѣ съ прочими израильтянами и перейти чрезъ Іорданъ съ оружіемъ, чтобы сражаться за своихъ братьевъ. Здѣсь Моисей повѣствуетъ о путешествіи отъ Египта до того времени, какъ они подошли къ Іерихону; заповѣдуетъ имъ истребить всѣхъ идоловъ языческихъ; говоритъ имъ о границахъ земли, откуда она начинается и гдѣ оканчивается; дѣлаетъ распоряженіе и о землѣ, которую должны были получить левиты, и о шести городахъ убѣжища, чтобы не-
334 вольный убійца убѣгалъ туда и спасался отъ опасности, живя тамъ до тѣхъ поръ, пока умретъ великій священникъ. Если же онъ будетъ схваченъ внѣ предѣловъ города и убьетъ его родственникъ убитаго, то отмстившій не подвергается наказанію. Кратко говорится о законахъ касательно убійствъ. Приходятъ начальники колѣна Манассіина и говорятъ Моисею: такъ какъ рѣшено, чтобы дочери Салпаада получили наслѣдство, то что будетъ, если случится имъ выйти замужъ за кого-нибудь изъ другого колѣна?

Участокъ нашего колѣна отойдетъ въ то колѣно. Тогда Моисей повелѣлъ, чтобы каждый бралъ жену изъ своего колѣна, дабы наслѣдства не переходили отъ одного колѣна въ другое.

ОБОЗРѢНІЕ КНИГИ ВТОРОЗАКОНІЯ.

Моисей кратко повѣствуетъ о всемъ, прежде бывшемъ, приводя іудеямъ на память какъ благодѣянія Божіи, такъ и ихъ нечестіе. Увѣщаніе о томъ, чтобы не почитать идоловъ. Здѣсь находится и слѣдующее изреченіе: *да не поклонишися звѣздамъ, яже раздѣли Господь Богъ твой всѣмъ языкамъ, иже подъ небесемъ* (Втор. IV, 19). Выраженіе: *раздѣли* значитъ не то, будто Богъ повелѣлъ (поклоняться имъ),—нѣтъ, оно подобно тому, что сказалъ блаженный Павелъ: *предаде ихъ Богъ въ неискусенъ умъ* (Рим. I, 28). Это не значитъ, что Онъ *предалъ*, но что попустилъ имъ, когда они сами захотѣли и оставались неисправимыми. Такъ и здѣсь: *раздѣли имъ*, т. е. попустилъ, когда они избрали заблужденіе и не хотятъ исправиться. Здѣсь немного далѣе онъ говоритъ: *засвидѣтельствую вамъ днесь небесемъ и землею, яко пагубою погибнете*, если отступите отъ Бога (Втор. IV, 26). Потомъ показываетъ, что Богъ никому не давалъ того, что далъ имъ; и назначаетъ три города при Іорданѣ для убѣжища. Еще напоминаетъ имъ о прежнемъ, и говоритъ: *и навяжеши я на руку твою, и да напишете я на празѣхъ, и да накажеши ими сыны твоя* (Втор. VI, 7—9). Сказавъ, какія бѣдствія постигнутъ ихъ, если они не будутъ послушны, ободряетъ ихъ, чтобы не боялись враговъ. Опять напоминаетъ о прежнемъ. Здѣсь находится изреченіе: *вонми себѣ* (Втор. VI, 12), которое и далѣе онъ часто повторяетъ имъ; онъ увѣщеваетъ приписывать побѣды не собственной силѣ, но благодати Божіей. Здѣсь же сказано: *Богъ огнь потребляяй есть* (Втор. IV, 24), которое употребилъ Павелъ въ посланіи къ Евреямъ (Евр. XII, 29). Здѣсь же Моисей увѣщеваетъ ихъ не превозноситься. *Не ради правды твоея, Израилю*, говоритъ, *потребитъ Господь языки, но нечестія ради ихъ* (Втор. IX, 5). Припоминаетъ имъ также о сооруженіи тельца. Здѣсь говорится: *обрѣжите жестокосердіе ваше, и выи вашея не ожесточите* (Втор. X, 16). Хвалитъ землю обѣтованную. Здѣсь находится изреченіе: ядый, піяй и насытився, *вонми себѣ* (Втор. VI, 12), и предсказываются бѣдствія непослушнымъ, и блага послушнымъ. Повелѣваетъ произнести *благословеніе* на горѣ Гаризинъ, и проклятіе на горѣ Гевалъ (Втор. XI, 29), истребить идоловъ и мѣста поклоненія имъ. Заповѣдуетъ не вездѣ приносить жертвы Богу, а на томъ мѣстѣ, которое Онъ изберетъ;

не подражать язычникамъ, и не слушаться никого, кто будетъ совѣтовать поклоняться идоламъ, хотя бы онъ творилъ знаменія; не слушать ни друга, ни кого-либо другого, но побивать камнями такого совѣтника, хотя бы то былъ братъ; и если бы цѣлый городъ сталъ служить идоламъ, истребить его. Говоритъ о томъ, что̀ должно употреблять въ пищу, и чего не должно. Даетъ законы о прощеніи долговъ, объ отпущеніи и освобожденіи рабовъ,
335 о первенцахъ, о пасхѣ. Здѣсь находится изреченіе: *не возможеши жрети пасхи ни въ единомъ отъ градовъ, яже Господь Богъ твой даетъ тебѣ, но токмо на мѣстѣ, еже изберетъ Господь Богъ твой* (Втор. XVI, 5). Говорится о седмицахъ, о праздникѣ кущей, о судьяхъ, о царяхъ, если они пожелаютъ когда-либо поставить кого-нибудь царемъ; о левитахъ, и о томъ, что̀ они должны получать; о томъ, что не должно прибѣгать къ такъ называемымъ о*чистителямъ*, или чародѣямъ, къ волхвованіямъ, гаданіямъ и тому подобнымъ (Втор. XVIII, 10). Здѣсь находится изреченіе: *пророка, якоже мене, возставитъ вамъ Богъ* (Втор. XVIII, 15). Дается заповѣдь о городахъ убѣжища. Здѣсь говорится: *при устѣхъ двою свидѣтелей и тріехъ да станетъ всякъ глаголъ* (Втор. XIX, 15); и о лжесвидѣтеляхъ, какому наказанію они должны подвергаться. Говоритъ, кого должно отправлять на войну, и заповѣдуетъ не допускать междоусобной войны. Увѣщеваетъ не убивать непріятелей, попадающихъ въ ихъ руки, кромѣ семи народовъ, и говоритъ: разграбляйте всѣ города, которые возьмете, убивая только мужескій полъ; изъ тѣхъ же, чью землю наслѣдуете, не оставляйте въ живыхъ никого; плодоносныхъ деревьевъ не рубите для устройства ограды во время осады. Даетъ законъ о томъ, что должно дѣлать, если найденъ будетъ убитый, а убійца не откроется. Если кто, имѣя двухъ женъ, одну будетъ ненавидѣть, а другую любить, и первенецъ родится отъ ненавидимой, то ему не должно предпочитать сына любимой. Говоритъ о непослушномъ сынѣ. Здѣсь находится изреченіе: *проклятъ всякъ висяй на древѣ* (Втор. XXI, 23). Такъ какъ было опредѣлено тѣмъ, которые не исполняютъ закона: *проклятъ всякъ, иже не пребудетъ во всѣхъ* писанныхъ въ книгѣ сей, говоритъ Моисей о законѣ (Втор. XXVII, 26), а Христосъ, какъ исполнившій законъ, не могъ подлежать этому проклятію, то Онъ вмѣсто одного проклятія принялъ на себя другое, будучи повѣшенъ на древѣ. Даются законы о томъ, что не должно презирать безсловесныхъ животныхъ, даже принадлежащихъ врагу, и другіе; говорится о законахъ супружескихъ и полагается наказаніе развратителямъ дѣвъ. Указывается, кому запрещается входъ въ церковное собраніе, даются и другіе законы, между прочимъ о томъ, чтобы не брать процентовъ; чтобы не медлить исполне-

ніемъ обѣтовъ, чтобы давшій какой-нибудь обѣтъ, тотчасъ исполнялъ его; о женѣ, получающей разводное письмо; о залогахъ, о кражѣ, о платѣ наемнику, о сиротѣ, о вдовѣ, объ оставленіи колосьевъ и виноградныхъ ягодъ для бѣдныхъ. Здѣсь говорится о томъ, что не должно виновному въ какомъ-нибудь проступкѣ давать болѣе сорока ударовъ; также о томъ, чтобы не заграждать устъ волу молотящему, и о томъ, чтобы оставшійся въ живыхъ братъ возстановлялъ сѣмя умершему, и о томъ, чему первый долженъ подвергнуться, если не захочетъ возстановить; о вѣсахъ, о мѣрахъ; объ истребленіи амаликитянъ; о начаткахъ; о милосердіи ко вдовамъ и сиротамъ. Отсюда начинаются проклятія и
благословенія, первыя непокорнымъ, а послѣднія послушнымъ, и 336
произносится длинная рѣчь объ ожидающихъ ихъ бѣдствіяхъ. Это исполнилось при ассиріянахъ и вавилонянахъ; а то, что они будутъ ѣсть дѣтей, исполнилось во время осадъ. Упоминается здѣсь и о Христѣ. *Будетъ*, говоритъ, *животъ твой висящъ предъ очима твоима* (Втор. XXVIII, 66). Здѣсь находится изреченіе: *еда кій есть корень горести* [1]) (Втор. XXIX, 18), которое привелъ и Павелъ въ посланіи къ Евреямъ (Евр. XII, 15). Здѣсь же сказано: *тайная Господеви Богу*, вамъ *же явленная и чадомъ вашимъ* [2]) (Втор. XXIX, 29); *яко заповѣдь Его*, говорится, *не* будетъ *тяжка: не на небеси*, да глаголеши: *кто взыдетъ на небо; ниже объ ону страну моря есть: но близь тебе есть глаголъ во устѣхъ твоихъ* (Втор. XXX, 11, 12). Эти слова, сказанныя о заповѣдяхъ закона, Павелъ отнесъ къ вѣрѣ во Христа (Римл. X, 6). *Засвидѣтельствую вамъ*, говоритъ Моисей, *небомъ и землею, любити Бога* (Втор. XXX, 19). Тогда онъ призываетъ Іисуса Навина и заповѣдуетъ вести народъ, и не бояться враговъ, имѣя помощникомъ Бога; также внушаетъ, чтобы въ праздникъ кущей читали законъ всему народу. Богъ предсказываетъ Моисею, что по смерти его народъ будетъ служить идоламъ, и будетъ наказанъ. Пусть будетъ, говоритъ, эта пѣснь свидѣтельницею противъ нихъ, потому что они никогда не забудутъ ея. И написалъ Моисей пѣснь, и предсказалъ имъ, что они будутъ предаваться нечестію. Здѣсь находится изреченіе: *тіи раздражиша мя не о Бозѣ, и Азъ раздражу ихъ не о языцѣ* (Второз. XXXII, 21). Моисей получаетъ повелѣніе взойти на гору Аваримъ, которая называлась также Наважъ, и посмотрѣть на землю обѣтованную; и благословивъ каждое колѣно, онъ скончался. Никто не знаетъ гробницы его до сего дня. Здѣсь оканчиваются пять книгъ Моисея, которыя однѣ только и были приняты самарянами.

---

[1]) Сл. В.: *еда кій есть въ васъ корень горѣ прорастающій въ желчи и горести.*

[2]) Сл. В.: *тайная Господеви Богу нашему, намъ же явленая и чадомъ нашимъ.*

ОБОЗРѢНІЕ КНИГИ ІИСУСА НАВИНА.

Іисусъ получаетъ повелѣніе сказать народу, чтобы онъ внималъ закону Божію; посылаетъ соглядатаевъ, которые и пришли въ Іерихонъ. Узнавъ объ этомъ, царь города послалъ искать этихъ мужей у блудницы Раавъ, которая приняла ихъ. Но она скрыла соглядатаевъ, и за эту услугу просила пощады своему дому, когда будетъ взятъ городъ, на что̀ они и согласились. Возвратившись, они разсказали о случившемся. Іисусъ повелѣваетъ народу перейти Іорданъ; и перешли посуху и поставили на мѣстѣ стана двѣнадцать камней. Цари аморрейскіе, жившіе по ту сторону Іордана, и цари финикійскіе, узнавъ, что евреи перешли Іорданъ посуху, пришли въ ужасъ и смятеніе. Тогда Іисусъ по повелѣнію Божію обрѣзываетъ израильтянъ каменными ножами. Такъ какъ они находились въ пустынѣ сорокъ лѣтъ, то многіе изъ воиновъ не были обрѣзаны: они и
337 погибли; а вмѣсто нихъ Богъ воздвигнулъ сыновъ ихъ, которыхъ Іисусъ обрѣзалъ, потому что они на пути оставались не обрѣзанными. Тогда онъ совершилъ пасху; и въ тотъ день, въ который они вкусили опрѣсноковъ изъ пшеницы этой земли, манна прекратилась. Іисусъ получаетъ повелѣніе снять обувь свою и обходитъ Іерихонъ съ трубами и ковчегомъ семь дней. Когда это было исполнено, стѣны пали сами собою. Очевидно, что уже съ того времени началъ нарушаться покой субботы, потому что, какъ бы кто ни сталъ считать дни, суббота неизбѣжно должна пасть на эти семь дней. Тогда спасается Раавъ съ родственниками своими и поселяется между израильтянами, а городъ сожигается и предается проклятію; Іисусъ проклялъ того, кто сталъ бы возстановлять его. Ахаръ тайно взялъ нѣсколько заклятыхъ вещей, и народъ потерпѣлъ пораженіе при нападеніи на другой городъ. Іисусъ молитъ Бога и Богъ повелѣваетъ очиститься отъ заклятаго. Указанъ Ахаръ, обличенъ въ кражѣ и побитъ камнями съ своими сыновьями и дочерями. Іисусъ возобновилъ войну и взялъ Гай [1]) и сжегъ его; въ немъ погибло двѣнадцать тысячъ, а царя города повѣсили на деревѣ. На израильтянъ собираются напасть цари аморрейскіе, хананейскіе и другіе. Іисусъ строитъ жертвенникъ изъ цѣльныхъ камней и пишетъ на нихъ второзаконіе; одна половина народа стояла близъ горы Гевалъ, а другая близъ горы Гаризинъ. Далѣе говорится о гаваонитянахъ. Они, услышавъ объ израильтянахъ и

---

[1]) Въ текстѣ: τὴν Γάζαν, Газу; тоже и далѣе.

убоявшись ихъ вслѣдствіе того, что было совершено ими въ сраженіяхъ, приходятъ къ нимъ одѣтые въ ветхія одежды, съ черствыми хлѣбами и изношенною обувью, и говорятъ народу, что они идутъ изъ далекой страны и въ доказательство того, что они живутъ далеко, показываютъ свои одежды, хлѣбы и обувь. Они говорили, что все это обветшало на пути, а пришли они для заключенія союза съ ними. Израильтяне, не вопросивъ Бога, заключили союзъ; но узнавъ, что тѣ обманули ихъ и живутъ не далеко, а близко, не могли воевать противъ нихъ по причинѣ клятвы и сдѣлали ихъ рабами,—дровосѣками и водоносцами. Здѣсь исполнилось пророчество Ноя, которое онъ изрекъ: *Ханаанъ отрокъ рабъ* (Быт. IX, 25), такъ какъ они произошли отъ Ханаана. Адонивезекъ, царь іерусалимскій, услышавъ, что взятъ Іерихонъ и Гай и что гаваонитяне сдались, пошелъ на нихъ войною вмѣстѣ съ другими царями. Они же призвали на помощь Іисуса. Онъ пришелъ, сразился и обратилъ непріятелей въ бѣгство; съ неба упалъ на нихъ градъ, который истребилъ ихъ больше, нежели мечъ сыновъ израильскихъ; тогда остановилось солнце противъ Гаваона, и луна противъ долины Еломъ; и умертвилъ Іисусъ весь народъ непріятельскій и пять царей; взялъ Макилу, Ловну, Лахисъ, Аглонъ [1]), Хевронъ, Давиръ и страну горную и ровную. Собрались многіе другіе цари съ многочисленными войсками; и ихъ побѣдилъ Іисусъ. Здѣсь указываются имена ихъ, города и число. Іисусъ 838
получаетъ повелѣніе раздѣлить землю между израильтянами, и описываетъ, какое колѣно какой получило удѣлъ и что дано левитамъ. Колѣна Рувимово и Гадово и половину колѣна Манассіина Іисусъ посылаетъ въ удѣлы ихъ, которые они получили еще при жизни Моисея. Отошедши, они построили близъ Іордана жертвенникъ. Это смутило прочія колѣна, которыя подумали, что тѣ сдѣлали это по отступничеству, и послали къ нимъ посольство съ упрекомъ. Но тѣ въ свое оправданіе сказали, что они построили жертвенникъ не по отступничеству, но для того, сказали они, чтобы потомки ваши не считали нашихъ сыновъ чуждыми родства съ ними, по той причинѣ, что между ними протекаетъ Іорданъ, чтобы этотъ жертвенникъ служилъ свидѣтельствомъ и чтобы дѣти ваши не могли сказать потомкамъ нашимъ: *нѣсть вамъ части Господни* (Іис. Нав. XXII, 27). Это убѣдило прочія колѣна не воевать противъ нихъ. Тогда Іисусъ созываетъ израильтянъ, напоминаетъ имъ о благодѣяніяхъ Божіихъ, убѣж-

---

[1]) Въ текстѣ: Μαχηλά, Λοβνά, Λαχίς, Ὀδολάν: Макилу, Ловну, Лахисъ, Одолу.

даетъ соблюдать законъ, предсказываетъ ожидающія ихъ бѣдствія, если они не будутъ соблюдать его, и умираетъ. Умираетъ также Елеазаръ первосвященникъ, и вмѣсто него дѣлается первосвященникомъ Финеесъ, сынъ его. Израильтяне стали поклоняться идоламъ и были преданы Еглому, царю моавитскому, который и владычествовалъ надъ ними восемнадцать лѣтъ.

ОБОЗРѢНІЕ КНИГИ СУДЕЙ.

Здѣсь говорится, какіе города взяли израильтяне и какіе обложили данью. Ослабленные военными трудами, они нарушили заповѣдь Божію, повелѣвавшую истреблять всѣхъ безъ исключенія. Пришелъ ангелъ отъ Господа къ израильтянамъ и обличилъ ихъ въ преступленіи. Слѣдовало, говорилъ онъ, истребить всѣхъ, а вы заключили съ ними союзы; потому Богъ не истребитъ оставшіеся народы. Услышавъ это, они всѣ плакали, и то мѣсто названо *плачемъ* (Суд. II, 2). Они неоднократно то преступали законъ и служили идоламъ и были предаваемы врагамъ, то освобождались отъ рабства, то снова подвергались тѣмъ же бѣдствіямъ. Они были подъ игомъ Хусарсаѳема, царя сирійскаго, восемь лѣтъ, и избавилъ ихъ Господь чрезъ судію Гоѳоніила. Потомъ они были подъ игомъ Еглома, царя моавитскаго, но воззвали къ Богу, и Онъ воздвигъ имъ Аода, который хитростію поразилъ Еглома и моавитянъ. Послѣ него были судіями Сомегаръ и Девора, женщина-пророчица. Когда израильтяне были подъ игомъ царя ханаанскаго, Девора повелѣваетъ Вараку быть военачальникомъ на войнѣ. Онъ не соглашался, если она не пойдетъ съ нимъ; и она, женщина, пошла вмѣстѣ съ нимъ. Во время сраженія непріятели обращаются въ бѣгство и военачальникъ Іавина, Сисара, пришедши къ одной женщинѣ
839 по имени Іаили, проситъ напиться; она дала ему молока вмѣсто воды. Когда онъ, напившись, заснулъ, тогда эта женщина, взявъ колъ, пронзила имъ високъ его. Такъ умеръ Сисара, и Варакъ, пришедши, увидѣлъ его мертвымъ. Тогда Девора воспѣла побѣдную пѣснь. Опять израильтяне предаются въ руки мадіанитянъ, потому что они часто прогнѣвляли Бога. Тогда явился Гедеону ангелъ и убѣдилъ его начать войну. Потомъ Господь повелѣваетъ ему заколоть упитаннаго тельца у отца своего, принесть жертву всесожженія и разрушить жертвенникъ Ваала. Онъ сдѣлалъ такъ и принесъ жертву всесожженія Богу. Гедеонъ,—онъ же и Іероваалъ,—проситъ знаменія, которое и совершилось на рунѣ. Онъ получаетъ повелѣніе отпустить все

войско и удержать только триста человѣкъ. Сдѣлавъ такъ и вышедши съ свѣтильниками и трубами, онъ поразилъ враговъ. Тогда умерщвлены Оривъ и Зивъ, князья мадіамскіе, и цари Зевей и Салманъ. По смерти своей Гедеонъ оставилъ семьдесятъ сыновъ и одного отъ наложницы, Авимелеха. Послѣдній, умертвивъ семьдесятъ братьевъ, овладѣлъ царствомъ; но спустя немного времени понесъ наказаніе за братоубійство. Когда во время сраженія онъ подошелъ къ одному городу, то женщина поразила его въ голову обломкомъ жерноваго камня, и онъ умеръ. Послѣ Авимелеха былъ судіею Ѳола; послѣ Ѳолы—Іаиръ. Сыны израильскіе прогнѣвали Бога и преданы были въ руки аммонитянъ. Тогда князья народа просятъ быть военачальникомъ на войнѣ съ аммонитянами Іефѳая, сына блудницы, изгнаннаго братьями изъ отеческаго дома, и предоставляютъ ему власть. Онъ согласился и прежде всего отправилъ пословъ къ царю аммонитянъ, но не убѣдилъ его; давъ обѣтъ Богу принести въ жертву перваго, кто встрѣтитъ его, если онъ возвратится съ войны, нападаетъ на враговъ; побѣдивъ ихъ, онъ приноситъ въ жертву собственную дочь, потому что она первая вышла ему на встрѣчу. Опять израильтяне прогнѣвали Бога и преданы были въ руки иноплеменниковъ. Тогда рождается Сампсонъ. Увидѣвъ одну женщину въ Ѳамнаѳѣ, онъ полюбилъ ее и пожелалъ вступить съ нею въ законный бракъ. Родители его сначала препятствовали этому, потому что она была иноплеменница; но, увидѣвъ его настойчивость, не противились. Когда онъ пошелъ переговорить о ней, то встрѣтился ему левъ, котораго онъ растерзалъ своими руками. Когда нужно было совершиться браку, онъ, опять отправившись въ путь, увидѣлъ сотъ меда въ челюсти убитаго имъ льва и, взявъ, ѣлъ и далъ родителямъ, а собесѣдникамъ своимъ предложилъ загадку: *изъ устъ ядущаго*, т. е. изъ устъ льва, *изыде ядомое, и отъ крѣпкаго*—вмѣсто горькаго—*сладкое* (Суд. XIV, 14). Онъ обѣщалъ, если отгадаютъ, дать имъ тридцать рубашекъ и тридцать верхнихъ одеждъ; а если не въ состояніи будутъ отгадать, то они должны дать ему столько же. Недоумѣвая и не находя разгадки, они стали угрожать женѣ его смертію, если она не узнаетъ отъ него значенія загадки. Она узнала, открыла имъ, и они сказали и получили подарки. Самп- 340
сонъ разгнѣвался; отецъ невѣсты, испугавшись, отдалъ ее одному изъ брачныхъ друзей его; это еще болѣе оскорбило его; поймавъ триста лисицъ и зажегши факелы на ихъ хвостахъ, онъ пустилъ ихъ на поля иноплеменниковъ. Когда такимъ образомъ онъ сжегъ ихъ хлѣбъ на поляхъ, они сожгли домъ невѣсты вмѣстѣ съ нею и отцемъ ея. Сампсонъ и послѣ этого не

смягчилъ гнѣва своего, но продолжалъ нападать на нихъ. Они же объявили войну израильтянамъ и требовали Сампсона; израильтяне, связавъ его, выдали врагамъ. Но онъ, разорвавъ узы и нашедши ослиную челюсть, избилъ ею тысячу человѣкъ; потомъ, почувствовавъ жажду, помолился Богу, и изъ челюсти потекла вода, и онъ пилъ. Оттуда онъ пошелъ въ Газу къ блудницѣ, и окружили его враги; но онъ въ полночь, взявъ городскія ворота и положивъ ихъ на плеча, вышелъ. Послѣ того Сампсонъ полюбилъ одну женщину, по имени Далилу, и взялъ ее себѣ въ жены. Вельможи иноплеменниковъ обѣщали ей тысячу сто сребренниковъ, если она узнаетъ отъ него, какимъ образомъ онъ можетъ быть лишенъ силы. Когда она старалась узнать, то онъ сначала обманывалъ ее; но наконецъ, когда она настойчиво требовала, сказалъ ей правду, — что онъ лишится силы тогда, когда кто-нибудь острижетъ его волосы. Она извѣстила вельможъ, и усыпивъ его, распорядилась остричь его, и онъ лишился силы. Иноплеменники, взявъ его, ослѣпили и посадили въ темницу. Потомъ они веселились и вывели его изъ темницы, чтобы насмѣяться надъ нимъ; но онъ, горько застонавъ и призвавъ Господа, чтобы онъ укрѣпилъ его, обхватилъ столпы дома и, поколебавъ ихъ, обрушилъ домъ на вельможъ, на самого себя и на множество прочаго народа; и погибло людей больше того, сколько погибло ихъ отъ него при жизни его. Послѣ этого мужи изъ колѣна Данова начали войну, взяли Лаисъ, дали ему свое имя и поставили тамъ истуканъ для богослуженія. Одинъ левитъ, когда разгнѣвалась на него наложница его и ушла въ домъ отца своего, пошелъ взять ее къ себѣ; взявъ ее и возвращаясь домой, онъ остановился на пути въ Гаваонѣ Веніаминовомъ у одного старца. Жители Гаваона, окруживъ домъ, требовали странника, чтобы надругаться надъ нимъ. Старецъ готовъ былъ отдать имъ дочь свою дѣвицу; но они, взявъ наложницу, ругались надъ нею цѣлую ночь. Когда же наступило утро, то, отпустивъ ее, удалились. Пришедши къ дому, въ которомъ находился мужъ ея, она умерла отъ поруганія. Левитъ, вышедши и нашедши ее мертвою, разсѣкъ ее на двѣнадцать частей и послалъ ее двѣнадцати колѣнамъ. Они вознегодовали на случившееся и, вооружившись, потребовали выдачи тѣхъ, которые оскорбили женщину; когда же ихъ не выдали, они объявили войну; но въ первый разъ были поражены, и во второй также, а послѣ третьяго сраженія истребили все колѣно Веніаминово, кромѣ убѣжавшихъ шестисотъ человѣкъ. Этому колѣну грозила опасность совершенно погибнуть, потому что они не имѣли женъ и сыны Израилевы поклялись не выдавать за

нихъ своихъ дочерей; поэтому израильтяне избили тѣхъ, которые не сражались вмѣстѣ съ ними противъ сыновъ Веніаминовыхъ и отдали послѣднимъ дѣвицъ ихъ въ числѣ четырехъ сотъ. Но такъ какъ этого числа было недостаточно, то израильтяне позволили имъ во время праздника выйти и похитить 341
дѣвицъ безъ вѣдома родителей.

ОБОЗРѢНІЕ КНИГИ РУѲЬ.

Ноеммиꙑь, по смерти своего мужа и сыновей и по окончаніи голода, изъ-за котораго она переселилась въ страну моавитскую, приходитъ въ Іудею. Одна сноха ея, по ея убѣжденію, осталась въ странѣ моавитской; а другая, которой имя Руѳь, не смотря на то, что свекровь сильно убѣждала ее остаться, не согласилась, но послѣдовала за нею. Руѳь выходитъ замужъ за Вооза, родственника Ноеммини, и рождаетъ Овида, Овидъ—Іессея, а Іессей—Давида царя.

ОБОЗРѢНІЕ ЧЕТЫРЕХЪ КНИГЪ ЦАРСТВЪ.

Елкана, у котораго было двѣ жены, отъ одной изъ нихъ не имѣлъ дѣтей. Когда онъ пришелъ въ Силомъ принести жертву, то эта жена молится Богу, потомъ раждаетъ Самуила, и отдаетъ его въ домъ Господень навсегда, какъ обѣщала прежде, нежели зачала его. Первосвященникомъ былъ тогда Илій. Сыновья Илія, Офни и Финеесъ, были распутные и нечестивые юноши, бравшіе части отъ жертвъ, прежде нежели онѣ были приносимы Богу. Илій благословилъ Анну, и она имѣла еще трехъ сыновей и двухъ дочерей, а Самуилъ преуспѣвалъ въ добродѣтели. Илій, услышавъ о проступкахъ сыновей своихъ,—они даже и прелюбодѣйствовали,—сдѣлалъ имъ словесный выговоръ; но они не вразумлялись. Илію предвозвѣщается погибель его дома и сыновей за грѣхи послѣднихъ; и Самуилу объявляется о неумолимомъ гнѣвѣ Божіимъ на домъ Илія, и онъ возвѣщаетъ объ этомъ Илію. Иноплеменники вступаютъ въ войну съ израильтянами и, поразивъ, обращаютъ ихъ въ бѣгство. А когда сыновья Илія вынесли ковчегъ, то и они пали на войнѣ вмѣстѣ со многими другими, а ковчегъ взяли непріятели. Нѣкто пришелъ и возвѣстилъ объ этомъ Илію. Онъ, упавъ съ своего стула, расшибся и умеръ. Умерла и невѣстка его, когда услышала объ этомъ. Иноплеменники внесли ковчегъ въ храмъ Дагона, и онъ дважды падалъ и

былъ сокрушенъ. Также и люди были поражены язвами на заднихъ частяхъ тѣла. Это были азотяне; и поле ихъ наполнилось мышами. Они отсылаютъ ковчегъ въ Геѳъ; и здѣсь жители были поражены. Посылаютъ его въ Аскалонъ; и тамъ распространилась смертность. Тогда, по совѣту своихъ прорицателей, они сдѣлали золотыя подобія опухолей и мышей, и, положивъ ихъ вмѣстѣ съ ковчегомъ на колесницу, запрягли коровъ, телятъ которыхъ заперли въ хлѣвъ. Коровы пошли прямо въ Веѳсамисъ. Тамошніе люди принимаютъ ковчегъ и приносятъ жертву Богу, предъ глазами иноплеменныхъ князей. Но такъ какъ они не охотно приняли его, и сыны Іехоніи не радовались, то произошло великое пораженіе народа. Убоявшись, жители Веѳсамиса отсылаютъ отъ себя ковчегъ въ домъ Аминадава. Тогда израильтяне обратились къ Богу, и на войнѣ съ иноплеменниками побѣдили ихъ, по молитвѣ Самуила, и взяли города, которые тѣ
842 отняли у нихъ. Когда же Самуилъ состарѣлся, а сыновья его не шли по пути его, то іудеи, собравшись, требуютъ царя. Самуилъ огорчился этимъ, но Богъ говоритъ ему: *не тебе уничижиша, но Мене: обаче засвидѣтельствуеши имъ правду цареву*,—т. е. то, чего можетъ требовать отъ нихъ царь (1 Цар. VIII, 7—8). Самуилъ засвидѣтельствовалъ; но они требовали настойчиво. Въ то время пропали ослицы Киса, отца Саулова. Отецъ послалъ его искать ихъ. Не отыскавъ, онъ по совѣту спутника приходитъ къ Самуилу спросить о нихъ. Богъ указываетъ его Самуилу и говоритъ: его помажь въ царя. Саулъ пришелъ и спрашиваетъ Самуила: гдѣ прозорливецъ? Такъ звали пророковъ. Тотъ отвѣчалъ, что это онъ самъ, и привелъ его въ Ваму, гдѣ приносилась народная жертва; там угостилъ его и, отправившись вмѣстѣ съ нимъ поутру, возлилъ на него изъ сосуда елей, поцѣловалъ его и сказалъ ему, что онъ будетъ начальствовать надъ народомъ; потомъ, указавъ ему нѣкоторыя знаменія, отпустилъ его, и Саулъ сталъ пророчествовать. Родственникъ Саула спрашиваетъ его, куда онъ ходилъ. Онъ отвѣчалъ, что искалъ ослицъ. Собирается народъ въ Массифѣ; Саулъ поставляется царемъ. Царь аммонитскій возстаетъ противъ жителей Галаада; они посылаютъ пословъ къ Саулу; онъ пришелъ, сразился вмѣстѣ съ ними и жестоко поразилъ непріятелей. Устраивается празднество въ Галгалахъ. Самуилъ говоритъ рѣчь народу; Онъ спрашиваетъ: *еда у кого тельца взяхъ, или осля* (1 Цар. XII, 3)? Предложивъ имъ увѣщаніе повиноваться Богу, онъ молится,—и ниспадаетъ дождь въ день жатвы. Народъ убоялся и сознался, что онъ согрѣшилъ, потребовавъ царя. Самуилъ опять увѣщеваетъ, чтобы они слѣдовали повелѣніямъ Божіимъ. Саулъ поражаетъ иноплеменниковъ

Они, раздраженные, нападаютъ съ большою силою. Израильтяне обращаются въ бѣгство; остается одинъ Саулъ. Онъ приноситъ жертву всесожженія Богу, не дождавшись Самуила, который велѣлъ ждать его. Приходитъ Самуилъ, огорчается случившимся, угрожаетъ Саулу тѣмъ, что царство будетъ отнято у него и передастся другому, т. е. Давиду. Когда Саулъ сидѣлъ на холмѣ и съ нимъ было шесть сотъ человѣкъ, то сынъ его Іонаѳанъ съ своимъ отрокомъ, тайно напавъ на непріятелей, убиваетъ нѣсколькихъ изъ нихъ. Саулъ, увидѣвъ это и напавъ на смущенныхъ непріятелей, жестоко разбиваетъ ихъ, при чемъ даетъ клятву, что никто не будетъ вкушать ничего до вечера. Іонаѳанъ, не слышавшій этого, вкусилъ меду. Саулъ приходитъ и спрашиваетъ Бога, должно ли преслѣдовать враговъ; Богъ не отвѣчаетъ ему. Онъ понялъ, что совершенъ грѣхъ въ народѣ. Когда былъ указанъ Іонаѳанъ, то Саулъ готовъ былъ предать его смерти, но народъ спасъ Іонаѳана изъ рукъ его. Самуилъ возвѣщаетъ Саулу, чтобы онъ поразилъ амаликитянъ, проклялъ у нихъ все, и никого не щадилъ. Онъ не послушался, пощадилъ царя ихъ Агага и стада мелкаго и крупнаго скота. Самуилъ, пришедши и увидѣвъ это, разгнѣвался и сказалъ: не хощетъ *Господь всесожженія и жертвы, якоже послушати гласа Господня* 848
Се послушаніе благо *паче жертвы* (1 Царств xv, 22). И при этомъ угрожалъ ему отнятіемъ царства. Саулъ принуждалъ Самуила идти вмѣстѣ съ нимъ; но тотъ не хотѣлъ; потомъ, будучи принужденъ, пошелъ. Послѣ того Самуилъ, приказавъ привести къ нему Агага, умертвилъ его собственными руками. Съ того времени онъ не видалъ Саула до дня смерти его, но плакалъ о немъ. Потомъ Самуилъ посылается Богомъ помазать Давида; онъ пошелъ и помазалъ. Тогда овладѣлъ Сауломъ духъ лукавый, и приводятъ къ нему Давида, чтобы онъ пѣлъ и укрощалъ лукаваго духа. Когда пришелъ воевать Голіаѳъ, и всѣ были въ страхѣ, Давида посылаютъ навѣстить братьевъ. Пришедши въ лагерь, онъ спрашиваетъ, какая будетъ награда тому, кто убьетъ этого иноплеменника. Ему сказали: дочь царя отдана будетъ за него. Онъ пришелъ къ Саулу, и обѣщался убить иноплеменника. Тотъ не вѣрилъ; но наконецъ послалъ его безъ оружія, потому что онъ не могъ носить оружія. Давидъ, пустивъ камень въ лицо Голіаѳа, свалилъ его и, отрубивъ ему голову его же мечомъ, блистательно вышелъ изъ сраженія. Іонаѳанъ, увидѣвъ его, привязался къ нему душею, очень полюбилъ его и далъ подарки; но Саулъ сталъ завидовать ему, потому что хоры дѣвъ пѣли: *побѣди Саулъ* въ тысящахъ, *а Давидъ* во тмахъ (1 Цар. xv, 7). Саулъ бросилъ копье въ Давида,

чтобы убить его; но онъ убѣжалъ. Чѣмъ болѣе Давидъ пріобрѣталъ у всѣхъ любовь, тѣмъ болѣе Саулъ досадовалъ; и, желая погубить его, обѣщалъ выдать за него свою дочь, если онъ умертвитъ сто человѣкъ враговъ; онъ умертвилъ и сдѣлался зятемъ царя. Когда настала другая война, Давидъ опять отличился; а Саулъ еще болѣе возненавидѣлъ его, и сказалъ сыну своему Іонаѳану, что хотѣлъ бы убить Давида. Тотъ увѣдомилъ Давида и совѣтовалъ скрыться; когда же умилостивилъ отца, то привелъ къ нему Давида. Когда опять настала война, Давидъ снова отличается и опять убѣгаетъ отъ Саула, который хотѣлъ поразить его копьемъ. По совѣту жены онъ убѣгаетъ изъ дома. Саулъ посылаетъ взять его, но она сказала, что онъ боленъ. Саулъ, узнавъ, что онъ убѣжалъ, сталъ укорять дочь, и вывѣдавъ, гдѣ былъ Давидъ, посылаетъ привести его оттуда. Такъ какъ посланные не возвратились, но, оставшись тамъ, стали пророчествовать, то пошелъ самъ Саулъ. Давидъ приходитъ къ Іонаѳану и объявляетъ, что Саулъ покушается на его жизнь. Если хочешь, говоритъ, завтра удостовѣриться точнѣе, то во время обѣда я удалюсь; потомъ, если отецъ твой спроситъ о причинѣ, скажи, что, по случаю жертвоприношенія въ городѣ, я испросилъ позволеніе отлучиться; если онъ перенесетъ это спокойно, то я не буду подозрѣвать ничего худого; если же онъ разсердится, то очевидно, что онъ готовитъ противъ меня козни и мщеніе. Іонаѳанъ такъ и сдѣлалъ и Саулъ такъ разсердился, что покусился убить своего сына. Іонаѳанъ, выскочивъ изъ-за стола, ушелъ въ поле и сталъ бросать стрѣлы,—это было условнымъ знакомъ,—и
344 побѣжавъ сзади отрока своего къ тому мѣсту, гдѣ скрывался Давидъ, сказалъ: *потщися скоро и не стой: зане тамо стрѣла отъ тебе и далѣе* (1 Цар. XX, 37, 38). Давидъ понялъ, что означали эти слова и, по удаленіи отрока, падаетъ въ объятія Іонаѳана и плачетъ; Іонаѳанъ совѣтуетъ ему бѣжать и помнить условія, которыя состояли въ томъ, чтобы Давидъ никогда не лишалъ милости дома Іонафанова, ни при жизни, ни по смерти его. Давидъ приходитъ къ первосвященнику Авимелеху. Тогда онъ ѣлъ хлѣбы предложенія и взялъ мечъ Голіаѳа, сказавъ, что онъ спѣшно посланъ куда-то царемъ. Оттуда онъ приходитъ къ Анхусу, потомъ въ Одоламъ, и поручаетъ царю моавитскому домашнихъ своихъ. Когда Саулъ сѣтовалъ предъ слугами своими, что никто не содѣйствуетъ ему и не предаетъ Давида, Доикъ, идумеянинъ, который случайно видѣлъ Давида, когда онъ приходилъ къ первосвященнику, извѣстилъ царя о случившемся. Саулъ призвалъ священниковъ, и такъ какъ присутствовавшіе не хотѣли убить ихъ, повелѣваетъ Доику сдѣлать

это. Онъ убилъ триста пятьдесятъ мужей, носившихъ ефодъ, и истребилъ городъ ихъ Номву. Объ этомъ возвѣщаетъ Давиду одинъ изъ сыновъ первосвященника, успѣвшій спастись. Давидъ опечалился и оставилъ спасшагося при себѣ; потомъ освободилъ отъ враговъ Кеиль. Услышавъ, что Саулъ идетъ противъ него, онъ ушелъ оттуда въ пустыню Зифъ. Саулъ, услышавъ объ этомъ, преслѣдуетъ его; но во время преслѣдованія, получивъ извѣстіе о нападеніи непріятелей, удаляется. Потомъ, по возвращеніи съ войны, Саулъ опять сталъ преслѣдовать его, и вошелъ въ пещеру, гдѣ находился Давидъ и приближенные его. Хотя всѣ совѣтовали Давиду убить Саула, онъ не послушался, и не дозволилъ хотѣвшимъ сдѣлать это. Когда Саулъ вышелъ изъ пещеры, то послѣдовалъ за нимъ и Давидъ, закричалъ ему и показалъ ему и его злобу и свою справедливость. Саулъ заплакалъ. Тогда умеръ Самуилъ. Давидъ посылаетъ просить даровъ у Навала за то, что сберегъ его стада. Тотъ не только не далъ, но еще оскорбилъ его въ лицѣ посланныхъ. Давидъ, вооружившись, пошелъ, чтобы убить его. Объ этомъ узнала Авигея, жена его, и взявъ дары, встрѣтила Давида, и послѣ многихъ просьбъ отклонила его отъ этого намѣренія. По смерти Навала она дѣлается женою Давида. Саулъ, услышавъ, гдѣ находится Давидъ, опять идетъ противъ него. Когда онъ и все войско его спали, приходитъ Давидъ съ Авессою. Этотъ совѣтовалъ убить врага, но Давидъ не послушался, а взявъ лежавшій у головы его кувшинъ и копье, отошелъ на далекое разстояніе и, закричавъ, разбудилъ военачальника Саулова и укорялъ его въ безпечности, въ томъ, что онъ не стережетъ царя; показалъ копье и кувшинъ, и укорялъ Саула, что онъ преслѣдуетъ человѣка, не сдѣлавшаго ему никакого зла. Тогда Давидъ убѣгаетъ къ Анхусу, потому что не считалъ безопаснымъ находиться близъ Саула. Давидъ получилъ отъ Анхуса Секелагъ, дѣлалъ набѣги на непріятелей, и пріобрѣталъ много имущества и овецъ. Тогда собрались иноплеменники противъ израильтянъ, и Саулъ вопрошаетъ чревовѣщательницу. Давидъ былъ удаленъ изъ войска Анхусова, по- 845
тому что князья иноплеменниковъ не позволили ему идти вмѣстѣ съ ними, опасаясь, чтобы онъ не предалъ ихъ войска; онъ находитъ Секелагъ сожженнымъ, и не находитъ тамъ женщинъ, потому что онѣ были отведены въ плѣнъ. Вопросивъ Бога, должно ли преслѣдовать (враговъ), и получивъ въ отвѣтъ, что должно, отправился въ погоню. Узнавъ отъ египетскаго слуги, гдѣ враги расположились лагеремъ, онъ напалъ на нихъ неожиданно, разбилъ ихъ, взялъ добычу и раздѣлилъ ее поровну какъ между сражавшимися, такъ и между оставшимися при обозѣ. Когда

произошло сраженіе иноплеменниковъ съ израильтянами, пали Саулъ, Іонаѳанъ и два другіе сына его; взявъ Саула, непріятели повѣсили его на стѣнѣ Виѳсана, т. е. Скиѳополя. Но жители Іависа, пришедши, взяли его и Іонаѳана и погребли.

ВТОРАЯ КНИГА ЦАРСТВЪ.

Нѣкто приходитъ объявить Давиду, что онъ убилъ Саула; но Давидъ умертвилъ его, и оплакалъ Саула и Іонаѳана. Его помазываютъ на царство, и онъ посылаетъ пословъ къ жителямъ Іависа галаадскаго похвалить ихъ за то, что они погребли Саула. Авениръ, военачальникъ Саула, поставилъ царемъ надъ израильтянами сына Саулова Іевосѳея [1]). А надъ колѣномъ Іудинымъ воцарился Давидъ. Когда сошлись другъ съ другомъ Іоавъ, военачальникъ Давида, и Авениръ, военачальникъ Саула, и произошло сраженіе между юношами, Асаилъ, братъ Іоава, погнался за Авениромъ; и хотя послѣдній неоднократно совѣтовалъ ему возвратиться, онъ не слушался. Тогда Авениръ убиваетъ его, и призвавъ Іоава, увѣщеваетъ прекратить войну. Война продолжалась между домомъ Сауловымъ и домомъ Давидовымъ, и первый ослабѣвалъ, а послѣдній усиливался. Авениръ беретъ себѣ наложницу Саула; Іевосѳей укоряетъ его. Разгнѣванный Авениръ посылаетъ къ Давиду, обѣщая предать ему весь народъ и самъ приходитъ къ нему. Давидъ угостилъ его. Когда услышалъ объ этомъ возвратившійся съ войны Іоавъ, то, отозвавъ Авенира, онъ коварно умертвилъ его, мстя за кровь брата. Давидъ, узнавъ объ этомъ, проклинаетъ Іоава, оплакиваетъ Авенира и погребаетъ его съ великою честію. Рихавъ и Ваана, тайно убивъ Іевосѳея, пришли въ Давиду, думая, что угодили ему этимъ убійствомъ. Онъ же умертвилъ ихъ. Тогда Давидъ дѣлается царемъ всего народа, и приходитъ въ Іерусалимъ къ Іевусею; хромые заграждаютъ ему путь; онъ беретъ крѣпость и строитъ себѣ домъ. Ему помогалъ Хирамъ, царь тирскій. Иноплеменники сдѣлали нападеніе, но Давидъ вышелъ и разбилъ ихъ. Когда же они опять сдѣлали нападеніе, Богъ запрещаетъ ему идти имъ навстрѣчу, *Егда услышиши*, говоритъ Богъ, *гласъ шума отъ дубравы плача, тогда* вюй: *яко тогда предадутся тебѣ* (2 Цар. v, 24). Давидъ переноситъ ковчегъ и умираетъ Оза, потому что простеръ руку свою къ ковчегу. Когда переносили ковчегъ, Давидъ ска-

---

[1]) У св. I. Златоуста здѣсь и далѣе это имя замѣнено именемъ внука Саулова, сына Іонаѳанова, Мемфивосѳея: Μεμφιβοσθέ.

калъ, а Мелхола укорила его. Давидъ пожелалъ построить храмъ, 346
но это было воспрещено ему чрезъ пророка Наѳана; онъ молится Богу и благодаритъ Его за обѣтованія, которыя услышалъ. Давидъ поразилъ иноплеменниковъ, и моавитянъ и сирійцевъ, а золотое оружіе, которое взялъ, перенесъ въ Іерусалимъ, откуда впослѣдствіи взялъ его Сусакимъ, царь египетскій. И много приношеній Давидъ посвятилъ Богу. Онъ удостоиваетъ Мемфивосѳея [1]), сына Іонаѳанова, царскаго стола и отдаетъ ему все имущество Саула, а Сивѣ съ дѣтьми, бывшему рабу отца его, повелѣваетъ служить Мемфивосѳею. Посылаетъ пословъ къ царю аммонитянъ утѣшить его, когда умеръ его отецъ; но тотъ, по совѣту своихъ вельможъ, наноситъ оскорбленіе людямъ, посланнымъ Давидомъ для утѣшенія. Вслѣдствіе этого начинается война; сначала Давидъ посылаетъ Іоава, а потомъ отправляется самъ и обращаетъ враговъ въ бѣгство. Далѣе говорится объ Уріи и Вирсавіи и о младенцѣ, который умеръ. Послѣ того раждается Соломонъ. Іоавъ осаждаетъ Раввать и одержавъ верхъ надъ этимъ городомъ, посылаетъ къ Давиду, желая предоставить ему побѣду. Амнонъ, сынъ Давидовъ, воспламенился страстію къ сестрѣ своей Ѳамари и, притворившись больнымъ, обезчестилъ ее, когда она пришла посѣтить его. Услышавъ объ этомъ, братъ ея Авессаломъ приглашаетъ царя на пиръ; такъ какъ царь не пошелъ, то онъ упросилъ, чтобы по крайней мѣрѣ пришли братья; когда же они собрались, то во время пиршества, по его приказанію, слуги умертвили Амнона. Услышавъ объ этомъ, Давидъ много плакалъ и разгнѣвался на Авессалома. Тотъ убѣжалъ. Спустя три года, когда смягчился гнѣвъ царя, Іоавъ хитростію, при помощи ѳекойской женщины, убѣждаетъ царя дозволить Авессалому возвратиться. Впрочемъ и по возвращеніи отецъ не хотѣлъ тотчасъ видѣть его, но два года онъ жилъ въ Іерусалимѣ, не показываясь царю. Авессаломъ призываетъ къ себѣ Іоава; но этотъ не послушался; Авессаломъ зажегъ его поле, и тогда Іоавъ по необходимости пришелъ къ Авессалому, былъ посланъ имъ къ царю, примирилъ ихъ и привелъ его къ Давиду. Авессаломъ завелъ у себя колесницы и коней, принималъ приходящихъ на судъ съ великою честію, ободрялъ ихъ, какъ правыхъ, сожалѣлъ, что никто не можетъ защитить ихъ, и говорилъ: *кто мя поставитъ судію на земли* (2 Цар. xv, 4), и такимъ образомъ располагалъ къ себѣ народъ. Авессаломъ возстаетъ противъ Давида. Давидъ, услышавъ объ этомъ, удалился изъ Іерусалима, оста-

[1]) Св. отецъ называетъ здѣсь и далѣе Мемфивосѳея тѣмъ именемъ, какимъ онъ названъ въ 1 Пар. IX, 40: Мемфиваалъ, Μεμφιβαάλ.

вивъ наложницъ своихъ въ городѣ. Еѳѳею, желавшему идти
вмѣстѣ съ нимъ, онъ сначала не дозволилъ этого, но такъ какъ
тотъ настаивалъ, то дозволилъ. Когда они перешли потокъ, Да-
видъ повелѣлъ священникамъ возвратить ковчегъ въ городъ, а
самъ рѣшился ожидать у горы Елеонской, на случай, если они
найдутъ возможность передать ему какую-нибудь тайну царя. Да-
виду встрѣчается Хусій, котораго онъ посылаетъ разрушить со-
вѣты Ахитофела, совѣтника Авессалома. Когда онъ отправился
далѣе, приходитъ Сива и, обвинивъ господина своего Мемфивос-
ѳея въ томъ, будто онъ хочетъ воцариться, получаетъ все иму-
347 щество его отъ Давида. Семей проклиналъ Давида; Давидъ удер-
жалъ Авессу, хотѣвшаго умертвить его. Хусій приходитъ къ Авес-
салому и увѣряетъ его, что пришелъ къ нему съ дружествен-
ными чувствами. При совѣщаніи о томъ, что нужно дѣлать, Ахи-
тофелъ совѣтуетъ Авессалому войти въ связь съ наложницами
отца его. Онъ и сдѣлалъ это на крышѣ дома, такъ что всѣ ви-
дѣли. Ахитофелъ предлагаетъ еще другой совѣтъ: взять съ собою
нѣсколько тысячъ человѣкъ, напасть на Давида и убить его. Но
Хусій, призванный дать совѣтъ, опровергъ совѣтъ Ахитофеловъ,
убѣдивъ подождать нѣсколько времени, и потомъ уже, пригото-
вившись, напасть на Давида. Этотъ совѣтъ понравился болѣе;
такъ случилось по устроенію Божію. Тогда Хусій посылаетъ сы-
новъ священническихъ и чрезъ нихъ увѣдомляетъ объ этомъ
Давида. Ахитофелъ же, котораго совѣтъ не принятъ, удавился
Давиду приносятъ множество даровъ. Собравъ войско, онъ послалъ
его на сраженіе, сказавъ: *пощадите ми отрока Авессалома* (2 Цар.
XVIII, 5); а самому ему не дозволили выйти. Происходитъ сраже-
ніе, и между многими павшими былъ убитъ и Авессаломъ, за-
цѣпившійся волосами за дерево. По умерщвленіи его, сраженіе
прекращается. Іоавъ посылаетъ Хусія увѣдомить Давида о по-
бѣдѣ. Давидъ, услышавъ объ этомъ, плакалъ о сынѣ, пока Іоавъ,
вошедши къ нему, перемѣнилъ его настроеніе и убѣдилъ при-
нять войско съ радостнымъ лицемъ. Царь созывалъ бѣгущихъ
израильтянъ, Авесса же убѣждалъ покориться Давиду тѣхъ, ко-
торые были къ этому расположены раньше. Когда онъ перехо-
дилъ Іорданъ, пришелъ Семей и сознался въ своемъ грѣхѣ.
Авесса хотѣлъ умертвить его, но Давидъ не дозволилъ. При-
шелъ и Мемфивосѳей, не умытый, въ грязныхъ одеждахъ, съ
отрощенною бородою, съ большими ногтями, со всѣми знаками
скорби по случаю войны противъ Давида. Царь спросилъ его,
почему онъ не пошелъ вмѣстѣ съ нимъ. Онъ отвѣчалъ, что онъ
просилъ Сиву, слугу своего, посадить его на осла,—а Мемфи-
восѳей былъ хромъ,—но тотъ не сдѣлалъ этого. Тогда Давидъ

повелѣваетъ ему и Сивѣ раздѣлить между собою поле. Верзеллія, который многимъ снабжалъ царя во время войны, Давидъ хотѣлъ взять съ собою; но тотъ отказался по старости; потому вмѣсто него Давидъ взялъ его сына. Тогда войско раздѣляется и многіе переходятъ къ Савею. Давидъ посылаетъ Амессу воевать противъ него; но Іоавъ коварнымъ образомъ убиваетъ Амессу
и осаждаетъ городъ, въ который удалился Савей. Бывшіе въ городѣ, 348
по совѣту женщины, отрубивъ голову Савея, бросили ее со стѣны Іоаву и такимъ образомъ избавились отъ войны. Наступаетъ на землѣ голодъ; для прекращенія голода нужно было выдать гаваонитянамъ нѣкоторыхъ потомковъ Сауловыхъ; при этомъ Давидъ спасаетъ Мемфивосѳея ради клятвы, данной Іонаѳану. Онъ выдаетъ сыновъ и внуковъ Саула, и погребаетъ Саула и Іонаѳана во гробѣ Киса. Послѣ того происходятъ войны. Давида не пускаютъ на войну, чтобы онъ не подвергся опасности. Тогда онъ произноситъ 17-й псаломъ. Исчисляются заслуги и подвиги начальниковъ Давидовыхъ, Іоавъ получаетъ повелѣніе исчислить народъ, и исчисляетъ. Оказалось израильтянъ 900,000, и іудеевъ 400,000, способныхъ носить оружіе. Тогда приходитъ пророкъ Гадъ, предлагая Давиду выбрать одно изъ трехъ наказаній, которому онъ долженъ подвергнуться: или три года голода, или три мѣсяца бѣгства отъ преслѣдующихъ непріятелей, или три дня моровой язвы. Онъ избралъ три дня моровой язвы, и умерло, съ утра до обѣда, 70.000 человѣкъ. Тогда Давидъ говоритъ: *се азъ есмь согрѣшивый, азъ есмь пастырь зло сотворивый, а сіи овцы что сотвориша? Да будетъ нынѣ рука твоя на мнѣ и на дому отца моего* (2 Цар. XXIV, 17). Наказаніе прекратилось. Давидъ получаетъ повелѣніе поставить жертвенникъ на гумнѣ Орны и принести жертву; онъ такъ и сдѣлалъ. Адонія [1]), сынъ Давидовъ, угощаетъ приверженцевъ Іоава и Авіаѳара, какъ бы будущій царь. Приходитъ Вирсавія, по совѣту пророка Наѳана, и извѣщаетъ объ этомъ Давида. Между тѣмъ какъ она говорила, вошелъ и Наѳанъ, устроивъ все такъ, чтобы поставить царемъ Соломона. Вышедши, они посадили Соломона на царскаго лошака. Тогда пророкъ Наѳанъ и священникъ Садокъ отправились къ потоку Гіону, помазали Соломона и сказали: *да живетъ царь* (3 Цар. I, 39). Іонаѳанъ сынъ (Авіаѳара), пришедши, возвѣстилъ объ этомъ пировавшему Адоніи. Всѣ убѣжали, а самъ Адонія, боясь Соломона, прибѣжалъ къ жертвеннику. Его выводятъ оттуда; онъ пришелъ и поклонился царю. Приближаясь къ смерти, Давидъ убѣждаетъ Соломона соблюдать законъ Божій,—потому что

---

[1]) Имя Адоніи у св. I Златоуста читается Ορνίας, Орнія.

за это онъ достигнетъ исполненія данныхъ ему обѣтованій; даетъ завѣщаніе наказать Іоава и Семея, а дѣтей Верзеллія почтить
849 и удостоить царскаго стола, и умираетъ послѣ сорокалѣтняго царствованія.

ТРЕТЬЯ КНИГА ЦАРСТВЪ.

Соломонъ лишилъ жизни Адонію за то, что онъ просилъ себѣ Ависагу, и Авіаѳара лишилъ священства. Такъ исполнилась угроза Божія Илію: Авіаѳаръ происходилъ изъ его рода. Соломонъ лишилъ жизни и Іоава, а вмѣсто Авіаѳара поставилъ священникомъ Садока. Семею Соломонъ далъ приказаніе, чтобы онъ постоянно оставался въ городѣ; если же когда-нибудь выйдетъ, то не останется безнаказаннымъ и подвергнется смертной казни. Но у него убѣжали рабы; забывъ о приказаніи, онъ вышелъ искать ихъ; Соломонъ узналъ объ этомъ и лишилъ его жизни. Далѣе слѣдуетъ повѣствованіе о мудрости Соломона, о мирѣ, бывшемъ при немъ, о великолѣпіи его стола, о колесницахъ, коняхъ и всякаго рода богатствѣ. Соломонъ испрашиваетъ себѣ мудрости у Бога. Тогда онъ производитъ судъ надъ женщинами, пришедшими къ нему судиться изъ-за младенца. Опять говорится о мудрости Соломона, о великолѣпіи его стола и о томъ, кто служилъ ему. Онъ посылаетъ къ Хираму, царю тирскому, просить плотниковъ въ наймы; тотъ и доставилъ ихъ. Здѣсь перечисляются работы и количество матеріаловъ, приготовленныхъ для храма. Потомъ говорится о построеніи храма. Соломонъ молится въ храмѣ, приноситъ жертвы и обновляетъ домъ. Богъ обѣщаетъ ему блага, если онъ сохранитъ Его заповѣди, и угрожаетъ противнымъ, если онъ преступитъ ихъ. У него былъ корабль, привозившій золото. Говорится о царицѣ Юга, приходившей послушать мудрости его; о великомъ богатствѣ его, о золотомъ оружіи, которое онъ сдѣлалъ, о царствѣ его, отъ какихъ до какихъ предѣловъ оно простиралось. Далѣе объ идолослуженіи его и объ оскорбленіи, которымъ онъ прогнѣвалъ Бога. За это Богъ угрожаетъ ему разрушеніемъ царства, прекращеніемъ мира. Противъ него возстаютъ Адеръ Идумеянинъ и Разонъ [1]); возстаетъ противъ него и рабъ его Іеровоамъ. Къ Іеровоаму приходитъ пророкъ Ахія и велитъ ему разорвать одежду на десять частей, предсказывая ему, что онъ будетъ царствовать надъ десятью колѣнами. Такъ какъ Соломонъ хотѣлъ убить его, то онъ убѣжалъ въ Египетъ; онъ возвратился изъ Египта по смерти

[1]) У Св. І. Златоуста: Ἐσδρώμ, Ездромъ.

Соломона. Народъ, пришедши къ Ровоаму, сыну Соломонову, про-
силъ, чтобы правленіе его было болѣе легкимъ, нежели Соломо-
ново; но онъ, по внушенію нѣкоторыхъ молодыхъ сверстниковъ
своихъ, грозилъ, что оно будетъ для нихъ еще болѣе тяжкимъ.
Потому отдѣлились десять колѣнъ и сдѣлали своимъ царемъ
Іеровоама. Когда Ровоамъ хотѣлъ воевать противъ Іеровоама,
Богъ не допустилъ этого. Когда заболѣло дитя у Іеровоама, онъ
посылаетъ свою жену къ пророку Ахіи узнать объ исходѣ бо-
лѣзни. Тотъ сказалъ, что дитя умретъ, и оно умерло. Іеровоамъ
ставитъ двухъ тельцовъ, одного въ Веѳилѣ и другого въ Данѣ,
чтобы народъ не ходилъ въ Іерусалимъ. Когда онъ тамъ прино-
силъ жертву, пришелъ человѣкъ Божій и предсказалъ объ Іосіи. 350
Тогда иссохла рука царя и разсыпался жертвенникъ; но по мо-
литвѣ пророка Божія царь исцѣлился. Онъ приглашалъ пророка
къ своему столу, но тотъ отказался, соблюдая заповѣдь Божію,
которую послѣ нарушилъ, за что и былъ умерщвленъ львомъ.
Іеровоамъ оставался въ своемъ нечестіи; и Ровоамъ предавался
идолослуженію во всѣ годы своего царствованія. Пришелъ Суса-
кимъ и взялъ сокровища. Послѣ Ровоама царствовалъ Авія, сынъ
его, а послѣ этого сынъ Авіи—Аса. Послѣ Іеровоама царствовалъ
сынъ его Наватъ [1]); его умертвилъ Вааса, который, воцарившись,
велъ войну съ Асою; послѣдній при помощи (сына) Адера сирій-
скаго одержалъ надъ нимъ побѣду. Такъ какъ Вааса былъ не-
честивъ, то Богъ угрожалъ ему великими бѣдствіями. По смерти
его воцарился Ила [2]), сынъ его, котораго убилъ Замврій, одинъ
изъ начальниковъ; воцарившись, Замврій истребилъ домъ Ваасы.
Когда же онъ умеръ, сжегши самого себя, то воцарился Амврій.
Когда умеръ и этотъ, воцарился Ахаавъ, сынъ его. Царствуетъ
сынъ Асы, Іосафатъ. Пророкъ Илія угрожаетъ Ахааву бездож-
діемъ на три года и шесть мѣсяцевъ. Пророка питаютъ вороны.
Здѣсь говорится о вдовицѣ сарептской, о сосудѣ елея, о мѣрѣ
муки, о смерти отрока и его воскресеніи. Илія посылается къ
Ахааву, приготовляетъ жертвоприношеніе и низводитъ съ неба
огонь, который и сожигаетъ жертву. Тогда онъ, взявъ жрецовъ
Вааловыхъ, умертвилъ ихъ. Затѣмъ предсказываетъ Ахааву о
дождѣ. Взошедши на Кармилъ, Илія помолился и принесъ жертву
и пошелъ дождь. Жена Ахаава, Іезавель, угрожаетъ Иліѣ смер-
тію; онъ пошелъ въ пустыню и заснулъ; разбуженный ангеломъ
Божіимъ, онъ нашелъ опрѣснокъ ячменный, съѣлъ его и укрѣ-
пился. Насытившись этою пищей, онъ сорокъ дней шелъ до Хо-

[1]) Въ текстѣ Адавъ, 'Αδάβ.

[2]) 'Ελᾶ, Ела.

рива. Тамъ онъ сказалъ: *Господи, олтари твоя раскопаша* (3 Цар. XIX, 10). Елисей, оставивъ запряженныхъ воловъ, слѣдуетъ за Иліею. Далѣе повѣствованіе о виноградникѣ Навуѳея; угроза Іезавели и Ахааву; печаль Ахаава. На израильтянъ напалъ (сынъ) Адера (царь) Сирійскій съ тридцатью двумя царями, но Ахаавъ побѣдилъ ихъ. Напавъ во второй разъ, (сынъ) Адера потерпѣлъ опять великое пораженіе. Когда же онъ увидѣлъ себя въ опасности, то, одѣвшись въ бѣдную одежду, пришелъ къ Ахааву, называя себя рабомъ его и усердно умоляя о пощадѣ. Ахаавъ посадилъ его на свою колесницу, оказалъ ему почести и отпустилъ въ его землю. Приходитъ пророкъ, укоряетъ за это царя и угрожаетъ смертію. Ахаавъ совѣтуется, должно ли воевать съ сиріянами и, по совѣту Іосафата, царя іудейскаго, призываетъ пророка Михея; когда его спросили, онъ предсказываетъ бѣдствія, если начнутъ войну. Ахаавъ гнѣвается. Лжепророкъ Седекія бьетъ Михея. Ахаавъ приказываетъ задержать Михея, какъ лжепророка, до тѣхъ поръ, пока окончится война. Вышедши на сраженіе, Ахаавъ сказалъ Іосафату: перемѣнимъ одежду; я
351 возьму твою, а тебѣ отдамъ свою (3 Цар. XXII, 30). Такъ они и сдѣлали. Между тѣмъ воины получили приказаніе отъ своего царя, оставивъ всѣхъ, нападать на одного царя израильскаго; увидѣвъ Іосафата, царя іудейскаго, и принявъ его за царя израильскаго, потому что одежда обманула ихъ, они окружили его, намѣреваясь убить. Но онъ закричалъ и избавился отъ опасности. Одинъ воинъ пустилъ стрѣлу въ Ахаава и у него потекла кровь, Ее обмывали въ источникѣ, и блудницы омывались въ крови его, и собаки лизали ее. Послѣ Ахаава воцарился Охозія, сынъ его. А Іосафатъ за то, что былъ другомъ Ахаава, былъ наказанъ разстройствомъ въ дѣлахъ своихъ.

ЧЕТВЕРТАЯ КНИГА ЦАРСТВЪ.

Охозія, заболѣвъ, послалъ спросить у Ваала, выздоровѣетъ ли онъ. Пророкъ Илія, встрѣтивъ посланныхъ, велѣлъ имъ возвратиться и сказать, что не выздоровѣетъ. Охозія, узнавъ, что это Илія, посылалъ къ нему два раза пятидесятиначальниковъ, и каждый изъ нихъ съ пятьюдесятью воинами былъ истребленъ огнемъ; Илія получаетъ повелѣніе идти съ третьимъ. Пришедши, онъ сказалъ, что царь умретъ. Послѣ него царствовалъ братъ его Іорамъ, потому что у него не было сына. Здѣсь говорится о взятіи Иліи на небо. Сыны пророческіе, увидѣвъ Елисея, идущаго чрезъ Іорданъ посуху, сказали: *почи духъ Иліинъ на Ели-*

сеи (4 Цар. II, 15), и просили позволенія искать Илію. Онъ не позволялъ, а потомъ позволилъ, но искавшіе не нашли. Дѣлается здоровою вода въ Іерихонѣ. Проходя въ Веѳиль, Елисей проклинаетъ дѣтей, смѣявшихся надъ нимъ, и ихъ пожираютъ медвѣди. Царь моавитскій отказался платить обычную дань. Противъ него начинаетъ войну Іорамъ, царь израильскій, взявъ съ собою Іосафата, царя іудейскаго, и царя идумейскаго. Когда они не находили воды въ пустынѣ и имъ грозила опасность погибнуть, то по совѣту Охозіи приходятъ къ Елисею. Онъ гнѣвается на царя израильскаго и говоритъ, что не хотѣлъ бы и видѣть его, развѣ только ради царя іудейскаго; предсказываетъ имъ не только изобиліе воды, но и побѣду надъ моавитянами; чтó и случилось. Моавитскій царь доведенъ былъ до такого бѣдствія, что закололъ своего сына на верху стѣны. Далѣе говорится о женщинѣ, у которой прибавилось много масла, и о суманитянкѣ, которой, по молитвѣ пророка, дарованъ сынъ; а когда онъ умеръ, пророкъ воскресилъ его. Во время голода онъ уничтожилъ ядовитую горечь въ котлѣ и во имя Божіе напиталъ сто мужей двадцатью ячменными хлѣбами. Нееманъ, военачальникъ царя сирійскаго, пораженъ былъ проказою и, пришедши къ царю израильскому, требовалъ врачеванія; царь недоумѣвалъ и разодралъ свои одежды. Елисей призываетъ Неемана къ себѣ и повелѣваетъ ему погрузиться въ Іорданѣ семь разъ. Онъ сначала не хотѣлъ и не вѣрилъ, что исцѣлѣетъ, а потомъ, по совѣту своихъ слугъ, погружается и исцѣляется. Онъ давалъ дары Елисею, но этотъ не хотѣлъ принять. Когда же Нееманъ удалился, то Гіезій, слуга 352
Елисея, догнавъ его, какъ бы посланный отъ Елисея, беретъ отъ Неемана два таланта серебра и двѣ одежды. Пришедши къ Елисею, онъ старался скрыть это; но пророкъ обличилъ его и въ наказаніе поразилъ его проказою. Сыны пророческіе идутъ рубить дрова для строенія. Когда топоръ одного изъ нихъ упалъ съ топорища, Елисей, отрубивъ дерево, бросаетъ его въ воду, и желѣзо всплыло на поверхность воды. Сирійскій царь велъ войну съ израильскимъ, а Елисей предсказывалъ дѣйствія непріятеля. Узнавъ объ этомъ, непріятель посылаетъ отрядъ воиновъ на Елисея; но по молитвѣ пророка пришедшіе поражаются слѣпотою, и онъ вводитъ ихъ въ средину враговъ ихъ. Когда царь хотѣлъ умертвить ихъ, Елисей не дозволилъ, но велѣлъ угостить ихъ и отпустить. Насталъ сильный голодъ, такъ что голова осла стоила пятьдесятъ сиклей, и четверть каба голубинáго помета пять сиклей; тогда пришла къ царю одна женщина, и обвиняла другую женщину въ томъ, что послѣдняя съѣла вмѣстѣ съ нею сына ея и обѣщала отдать своего, но не исполнила

обѣщанія. Тогда царь разодралъ свои одежды и приказалъ отрубить голову Елисею. Пророкъ говоритъ посланному къ нему, что завтра голодъ прекратится; а такъ какъ этотъ не вѣрилъ, то предсказываетъ ему смерть. Четверо прокаженныхъ, изнуренные голодомъ, рѣшаются предать себя врагамъ, но, пришедши въ ихъ лагерь, не находятъ тамъ ни одного человѣка, а только палатки, полныя великаго богатства. Взявъ, сколько могли снести, они возвратились и донесли царю. Царь сначала подозрѣвалъ въ этомъ обманъ, но пославъ всадниковъ и узнавъ достовѣрно, пустилъ народъ расхищать лагерь; и голодъ прекратился, а не вѣрившій Елисею былъ раздавленъ толпою и умеръ. Елисей предсказываетъ женщинѣ, у которой воскресилъ сына, семилѣтвій голодъ, и совѣтуетъ ей переселиться изъ этой страны. Она переселилась; но когда голодъ прекратился, возвратилась, и, пришедши къ царю, просила, чтобы ей возвратили ея имущество. Сирійскій царь посылаетъ къ Елисею узнать, исцѣлится ли онъ отъ болѣзни, которою страдаетъ. Пророкъ сказалъ пришедшему, что не исцѣлится, и вмѣстѣ предсказалъ бѣдствія израильтянъ. Когда этотъ царь умеръ, на его мѣсто воцарился Азаилъ. Когда же скончался Іорамъ, царь іудейскій, преемникомъ ему сдѣлался сынъ его Охозія. Елисей, пославъ одного изъ сыновъ пророческихъ, велѣлъ помазать Іиуя; воцарившійся Іиуй убиваетъ Іорама и бросаетъ его въ виноградникъ Навуѳея, который отнятъ отцемъ Іорама. Убивъ также и Охозію, онъ входитъ въ городъ израильскій. Между тѣмъ Іезавель, украсившись, смотрѣла сверху. Царь приказалъ царедворцамъ сбросить ее и, сброшенная, она умерла. Іиуй умертвилъ и семьдесятъ сыновъ Ахаава, убилъ и братьевъ Охозіи, истребилъ и жрецовъ Ваала и сокрушилъ самого Ваала. Потомъ Азаилъ поражалъ израильтянъ. По смерти Іиуя воцаряется Іоахазъ, сынъ его. Говорится объ Іоасѣ, царѣ іудейскомъ, о священникѣ Іодаѣ и о Гоѳоліи. Израильтяне были преданы врагамъ и опять Богъ умилосердился надъ ними. Когда умеръ Іоахазъ, надъ израильтянами воцаряется Іоасъ, сынъ его; пришедши къ Елисею, онъ плакалъ. Пророкъ велѣлъ ему взять пять стрѣлъ и бросать ихъ
353 въ землю. Когда онъ, бросивъ только три, остановился, то пророкъ сказалъ ему: *побѣдиши Сирію трижды: аще бы ударилъ еси пятищи, тогда бы еси поразилъ Сирію до скончанія* (4 Цар. XIII, 19). Елисей умеръ и былъ погребенъ, и одинъ мертвецъ, брошенный въ гробницу его, воскресъ. Когда умеръ Азаилъ, воцарился сынъ его Адеръ. Іоасъ трижды поразилъ сиріянъ и умеръ; послѣ него воцарился сынъ его Іеровоамъ. По смерти Іоаса, царя іудейскаго, воцарился Амасія, сынъ его. Поразивъ идумеевъ, онъ

сразился и съ Іоасомъ, царемъ израильскимъ; но Іоасъ побѣ-
дилъ его и вошелъ въ Іерусалимъ. По смерти Іеровоама, надъ
израильтянами воцарился Захарія, сынъ его. По смерти Амасіи,
царя іудейскаго, воцарился Азарія, который называется и Озіею.
При немъ началъ пророчествовать Осія. Селлумъ, умертвивъ
Захарію, воцарился надъ израильтянами. Онъ пользовался по-
мощію Фула, царя ассирійскаго, давши ему тысячу талантовъ.
Когда онъ умеръ, вмѣсто него воцарился Манаимъ. Послѣ Озіи
надъ іудеями воцарился сынъ его Іоаѳамъ; а по смерти Іоаѳама
воцарился сынъ его Ахазъ. При немъ напали Раассонъ сирійскій
и Факей, сынъ Ромеліевъ. Ахазъ послалъ къ Ѳелгаѳфелласару
ассирійскому, приглашая его на помощь, и онъ, пришедши, взялъ
Дамаскъ и убилъ Раассона. Салманассаръ ассирійскій напалъ
на Осію, сына Илы, и сдѣлалъ его своимъ рабомъ. Когда же
царь ассирійскій узналъ, что онъ хочетъ отложиться и отпра-
вилъ пословъ къ царю еѳіопскому, то осадилъ его, заключилъ
его въ оковы, взялъ Самарію и другіе города, а жителей пере-
селилъ въ Ассирію. Здѣсь слѣдуетъ обличеніе израильтянъ и
іудеевъ. Выведенные изъ Вавилона и поселенные въ Самаріи не
боялись Бога, и потому были истребляемы львами. Тогда по-
сылается туда священникъ и научаетъ ихъ закону Божію; но
они и Господа боялись, и идоламъ служили. Говорится о Езекіи
и ассиріянахъ, о которыхъ говорится и у Исаіи; о Манассіи и
его нечестіи, и объ убійствахъ. По смерти его воцарился сынъ
его Амонъ. По смерти Амона воцарился Іосія, сынъ его, о кото-
ромъ было предсказано Іеровоаму, рабу Соломонову, когда из-
сохла рука царя. Онъ очистилъ Іерусалимъ и другія мѣста, рас-
копалъ гробницы жрецовъ идольскихъ и разрушилъ идоловъ. О
немъ сказано, что прежде не было царя подобнаго ему, который
бы обращался къ Господу всѣмъ сердцемъ своимъ и всею душею
своею. При немъ началъ пророчествовать Іеремія; при немъ была
пророчица Олдана. Когда умертвилъ его фараонъ Нехао, воца-
рился Іоахазъ, сынъ его. Но фараонъ, свергнувъ его, отвелъ въ 654
Египетъ, гдѣ онъ и умеръ, а царемъ поставилъ сына Іосіи Еліа-
кима, называвшагося и Іоакимомъ, и обложилъ землю данью.
Іоакимъ былъ первымъ данникомъ Навуходоносора. Онъ былъ
выброшенъ за стѣны. О немъ говоритъ Іеремія: *будетъ тѣло
его мертвое повержено на зноѣ дневнѣмъ, и на мразѣ нощномъ и
погребеніемъ ослимъ погребется* (Іер. xxxvi, 30; xxii, 19), потому
что онъ былъ погребенъ тогда, когда уже истлѣлъ. По смерти
Еліакима, или Іоакима, сына Іосіи, воцарился Іоакимъ, сынъ его,
внукъ Іосіи. Этотъ Іоакимъ назывался и Іехоніею. Царь египет-
скій еще не вышелъ изъ страны своей, какъ Навуходоносоръ,

пришедши, осадилъ городъ; Іоакимъ или Іехонія вышелъ къ нему съ своею матерію. Навуходоносоръ переселилъ его въ Вавилонъ и поставилъ царемъ въ Іерусалимѣ брата отца его, сына Іосіи; это былъ Матѳанія, иначе Седекія. Когда же онъ отложился отъ царя вавилонскаго, то Навуходоносоръ, пришедши, осадилъ Іерусалимъ, взялъ его и сжегъ, а Седекію, ослѣпивъ, заключилъ въ оковы и отвелъ въ Вавилонъ. Надъ оставшимися въ Іерусалимѣ онъ поставилъ Годолію. Когда же его убилъ Измаилъ, то оставшіеся удалились въ Египетъ. Но послѣ того Евиладъ Мародахъ, царь вавилонскій, удостоилъ Іоакима великой чести въ Вавилонѣ.

Такимъ образомъ царство самарійское, какъ уже сказано, прекратилось при Осіи, сынѣ Илы, который убилъ Факея, сына Ромеліева. А царство іерусалимское прекратилось при Седекіи. Послѣдній, будучи отведенъ въ Вавилонъ и лишенъ зрѣнія, брошенъ былъ въ ровъ на 27 лѣтъ. Но послѣ того царь вавилонскій возвысилъ Іоакима, далъ ему престолъ выше другихъ царей, и ѣлъ и пилъ вмѣстѣ съ нимъ до конца своей жизни. Этимъ и оканчивается книга, т. е. взятіемъ города и отведеніемъ народа въ плѣнъ.

Теперь остается кратко перечислить по этимъ четыремъ книгамъ имена царей іудейскихъ и израильскихъ и показать, каковъ былъ конецъ дѣятельности каждаго изъ нихъ и сколько лѣтъ каждый изъ нихъ царствовалъ.

По смерти Саула, царствовавшаго сорокъ лѣтъ, царствовалъ Давидъ надъ всѣми израильтянами и іудеями сорокъ лѣтъ, а именно, въ Хевронѣ семь лѣтъ, и надъ всѣми израильтянами и іудеями тридцать три года. Онъ творилъ правду сердцемъ совершеннымъ. При немъ были пророки Наѳанъ и Гадъ. Соломонъ, сынъ Давида, царствовалъ надъ всѣмъ народомъ также сорокъ лѣтъ, и совершилъ зло. И при немъ были пророки Наѳанъ и Гадъ. Ровоамъ, сынъ его царствовалъ семнадцать лѣтъ и дѣлалъ зло. При немъ царство раздѣлилось и остались съ нимъ въ Іерусалимѣ два колѣна, Іудино и Веніаминово; въ Самаріи же десять колѣнъ. При немъ были пророки Ахія Силонитянинъ и Адда. Авія, сынъ его, царствовалъ три года; сердце
355 его не было подобно Давидову, но онъ ходилъ во грѣхахъ отца своего; и при немъ былъ пророкъ Адда. Аса, сынъ его, царствовалъ сорокъ одинъ годъ и творилъ правду; впрочемъ при немъ еще оставались высоты (идольскія). При немъ были пророки Азарія, сынъ Ададовъ, и Ананій. Іосафатъ, сынъ его, царствовалъ двадцать пять лѣтъ и творилъ правду; но высоты еще оставались. Впослѣдствіи и онъ подвергся упреку въ нечестіи за

то, что былъ въ дружбѣ съ Охозіею, царемъ израильскимъ, и большею частію принималъ участіе въ его дѣлахъ. При немъ были пророки Илія, Елисей, Михей, Інуй, сынъ Ананія [1]), Іосоилъ, сынъ Захаріи, и Еліезеръ, сынъ Додія [2]) изъ Марисиса. Іорамъ, сынъ его, царствовалъ восемь лѣтъ и дѣлалъ зло, потому что имѣлъ женою дочь Ахаава. И при немъ были Илія и Елисей. Охозія, сынъ его, царствовалъ одинъ годъ и дѣлалъ зло; послѣ него Гоөолія, мать его, семь лѣтъ. Іоасъ, сынъ Охозіи, царствовалъ сорокъ лѣтъ. Онъ умертвилъ Захарію и творилъ правду всею душею своею, пока мудрый Іодай былъ живъ и наставлялъ его. Его убили рабы его, въ домѣ Маллоновомъ [3]). При немъ пророчествовалъ Захарія, сынъ Іодая. Амасія, сынъ его, царствовалъ девятнадцать лѣтъ, и сначала творилъ правду, но не такъ, какъ Давидъ, потому что народъ еще приносилъ жертвы на высотахъ и не истреблялъ дубравъ. И при немъ были пророки, но имена ихъ не записаны. Впослѣдствіи Амасія, поразивъ жителей Сіира, возгордился, сталъ служить сирійскимъ идоламъ и былъ убитъ, преданный врагамъ. Азарія, онъ же и Озія, царствовалъ пятьдесятъ два года и сначала творилъ правду, подобно отцу своему; впрочемъ не истребилъ высотъ; но отъ успѣховъ въ дѣлахъ возгордился и захотѣлъ самъ воскурить өиміамъ въ храмѣ, что надлежало дѣлать однимъ священникамъ; за это онъ былъ пораженъ проказою и услышалъ: *нѣсть тебе, Озіе, да кадиши өиміамомъ Господеви, но токмо священникомъ* (2 Пар. XXVI, 18). При немъ былъ пророкъ Исаія. Іоаөамъ, сынъ его, царствовалъ шестнадцать лѣтъ и творилъ правду, подобно отцу своему; впрочемъ не истребилъ высотъ. И при немъ былъ Исаія. Ахазъ, сынъ его, царствовалъ шестнадцать лѣтъ и дѣлалъ зло. При немъ были Исаія и Одидъ пророки. Езекія, сынъ его, царствовалъ двадцать девять лѣтъ и творилъ правду совершенно подобно Давиду. Онъ уничтожилъ мѣднаго змія, котораго повѣсилъ Моисей. При немъ Сеннахиримъ и Рапсакъ, ассиріяне, произносившіе хулу, были поражены, а потомъ явившійся ангелъ истребилъ у нихъ сто восемьдесятъ пять тысячъ человѣкъ въ одну ночь. Когда Езекія былъ близокъ къ смерти, ему была продолжена жизнь на пятнадцать лѣтъ. Манассія, сынъ его царствовалъ пятьдесятъ лѣтъ и дѣлалъ зло. Онъ возстановилъ то, что разрушилъ Езекія и былъ вторымъ Іеровоамомъ для іудеевъ, такъ что за него пострадалъ Іерусалимъ, подобно Самаріи, и

---

[1]) Въ текстѣ: 'Ανεμί, Анеми.

[2]) „Еліададъ, сынъ Адіи“, 'Ελιάδαδ ὁ τοῦ 'Αδιά.

[3]) Μαελώθ, Маелооовомъ.

о немъ сказано: *во грѣхъ введе Іуду* (4 Цар. xxi, 16). Потому онъ и былъ отведенъ плѣнникомъ въ Вавилонъ; но въ плѣну, какъ написано въ книгѣ Паралипоменонъ, раскаялся, и Богъ возвратилъ его въ Іерусалимъ и опять даровалъ ему царство. Онъ умеръ покаявшись и поучая народъ служить Богу, но не былъ погребенъ въ городѣ Давидовомъ, а въ саду своемъ, въ саду Озы. Амонъ, сынъ его, царствовалъ два года и дѣлалъ зло, подобно Манассіи, отцу своему, и убили его слуги его; онъ погребенъ въ саду Озы, гдѣ и отецъ его. Іосія, сынъ его, царствовалъ тридцать одинъ годъ. Народъ поставилъ его царемъ, когда онъ былъ восьми лѣтъ, и творилъ онъ правду во всемъ подобно
356 Давиду, не уклоняясь ни направо, ни налѣво; онъ истребилъ дубравы и уничтожилъ всѣхъ идоловъ. Будучи шестнадцати лѣтъ, онъ обратился къ закону и, нашедши его въ пренебреженіи, приказалъ читать, объявилъ и совершилъ пасху, какъ написано. Его умертвилъ фараонъ Нехао при Евфратѣ во время сраженія. При немъ были пророки Іеремія и Софонія и пророчица Олдана, жена Селлима. Іоахазъ, сынъ его, царствовалъ три мѣсяца и дѣлалъ зло; его переселилъ фараонъ Нехао. При немъ былъ Іеремія. Еліакимъ, другой сынъ Іосіи, который былъ переименованъ въ Іоакима, царствовалъ одиннадцать лѣтъ, и дѣлалъ зло. Іоакимъ, онъ же Іехонія, сынъ его, царствовалъ три мѣсяца, дѣлалъ зло, и отведенъ былъ въ Вавилонъ. Матѳанію, сына его, Навуходоносоръ сдѣлалъ царемъ, переименовавъ въ Седекію; онъ царствовалъ двѣнадцать лѣтъ и дѣлалъ зло. И при немъ былъ Іеремія. До этого времени существовало царство іудейское, теперь оно было разрушено, подобно Самаріи; городъ былъ взятъ и всѣ отведены плѣнниками въ Вавилонъ, съ сосудами. Всего — двадцать одинъ царь, кромѣ Гоѳоліи.

Имена царей, бывшихъ въ Самаріи, конецъ дѣятельности каждаго изъ нихъ и продолжительность ихъ царствованія таковы. Іеровоамъ, сынъ Навата, царствовалъ двадцать четыре года. По раздѣленіи царства, онъ, возвратившись изъ Египта, первый царствовалъ въ Самаріи и дѣлалъ зло, какъ никто другой. Опасаясь лишиться царства, онъ сдѣлалъ двухъ золотыхъ тельцовъ и соблазнилъ народъ, сказавъ: *се бози изведшіи тя изъ земли Египетскія* (3 Цар. xii, 28); учредилъ и праздники и жрецовъ; онъ *во грѣхъ введе Израиля* (3 Цар. xiv, 16), потому что ему подражали всѣ послѣдующіе цари. При немъ былъ пророкъ Ахія Силонитянинъ, и пророкъ, обличившій его у жертвенника. Наватъ, сынъ его, царствовалъ два года и дѣлалъ зло. Изъ его рода болѣе уже никто не царствовалъ. Замврій, изъ другого рода,—двѣнадцать лѣтъ. Вааса — двадцать четыре года, и дѣлалъ зло. При

немъ были пророки: Илія, Елисей, Михей, пророкъ, предсказавшій Ахааву о Сиріи и о сынѣ Адера, пророкъ, поразившій его ранами и обличившій Ахаава, кромѣ того, и многіе сыны пророческіе. Охозія, сынъ его, царствовалъ два года и дѣлалъ зло. И при немъ были Илія и Елисей. Его пятидесятиначальниковъ Илія поразилъ огнемъ, по слову Господню. Іорамъ, сынъ Ахаава, царствовалъ двѣнадцать лѣтъ и дѣлалъ зло, и изъ его рода болѣе уже никто не царствовалъ. При немъ вознесся Илія, а Елисей оставался до Іеровоама, сына Іоасафа, царя израильскаго. И при немъ были сыны пророческіе. Іиуй, изъ другого рода, сынъ Намессіевъ, царствовалъ двадцать два года. Онъ истребилъ родъ Ахаава, коварно погубилъ пророковъ Ваала и сокрушилъ кумиръ его. Этимъ онъ сотворилъ правду и получилъ обѣщаніе, что потомки его будутъ сидѣть на престолѣ его до четвертаго рода. Іоахазъ, сынъ его, царствовалъ семнадцать лѣтъ, дѣлалъ зло, воевалъ противъ Іерусалима и взялъ оттуда золото и сосуды. Іеровоамъ, сынъ его, — сорокъ одинъ годъ, и дѣлалъ зло. Захарія, сынъ его,—шесть мѣсяцевъ, и дѣлалъ зло. Доселѣ были царями потомки Іиуя до четвертаго рода. Селлумъ, изъ другого рода, сынъ Іависа, царствовалъ тридцать дней, и дѣлалъ зло. 357
Манаимъ, изъ иного рода, сынъ Гаддія, царствовалъ двадцать лѣтъ, и дѣлалъ зло. При немъ пророчествовалъ Исаія и Осія. Факей, изъ другого рода, сынъ Ромеліевъ, царствовалъ двадцать лѣтъ. Онъ убилъ Факію и дѣлалъ зло. При немъ были пророки Исаія и Осія. Осія, изъ другого рода, сынъ Илы, царствовалъ десять лѣтъ. Онъ убилъ Факея и дѣлалъ зло, впрочемъ не такъ, какъ его предшественники. Осія былъ послѣднимъ царемъ Самаріи. При немъ это царство прекратилось, и Самарія погибла, и затѣмъ поселились въ ней ассиріяне. Отъ нихъ произошли еретики самаряне, называемые саддукеями. Этимъ и оканчивается все содержаніе книгъ царствъ.

ПЕРВАЯ КНИГА ПАРАЛИПОМЕНОНЪ.

Книги *Паралипоменонъ* называются такъ потому, что въ нихъ содержится многое опущенное въ книгахъ Царствъ. Въ первой книгѣ излагается родословіе всѣхъ колѣнъ отъ Адама до царей, по племенамъ и народамъ, по семействамъ и домамъ. Говорится также, кого изъ левитовъ Давидъ поставилъ воспѣвать Богу на флейтахъ и арфахъ и кого назначилъ для служенія при храмѣ, потому что онъ первый началъ строить храмъ. Коротко излагается и нѣчто другое о царяхъ и о родахъ. Къ этому надобно

прибавить, что царствованіе всѣхъ царей іерусалимскихъ отъ Давида продолжалось четыреста семьдесятъ четыре года. Всѣ эти цари были изъ одного рода Давидова; изъ нихъ творившихъ правду было девять, а дѣлавшихъ зло двѣнадцать, кромѣ Гоѳоліи. А царствованіе всѣхъ царей въ Самаріи продолжалось двѣсти шестьдесятъ девять лѣтъ и тридцать дней; царей было двѣнадцать, изъ восьми различныхъ родовъ, и всѣ они дѣлали зло, подобно Іеровоаму.

ВТОРАЯ КНИГА ПАРАЛИПОМЕНОНЪ.

Во второй книгѣ Паралипоменонъ излагаются дѣянія царей. Описавшіе ихъ были пророки, жившіе въ различныя времена. Но чтобы узнать писателей въ отдѣльности, для этого нужно замѣтить, что здѣсь излагаются дѣянія всѣхъ царей израильскихъ и іудейскихъ, опущенныя въ исторіи царей. Всѣ дѣянія ихъ изложили слѣдующія лица: о Давидѣ писали пророки Самуилъ, Наѳанъ и Гадъ, о Соломонѣ—пророки Наѳанъ и Ахія; объ Іеровоамѣ — пророки Самей и Адда; объ Авіи—пророкъ Адда. Объ Асѣ написано въ *книзѣ словесъ дней царей Іудиныхъ* (3 Цар. XV, 23). Объ Іосафатѣ писалъ пророкъ Іиуй, сынъ Ананія, написавшій *книгу царей Израилевыхъ* (2 Пар. XX, 34); объ Іоасѣ—*въ лѣтописцѣ царскомъ* (2 Пар. XXIV, 27); объ Амасіи—въ книгѣ царей іудейскихъ и израильскихъ; объ Озіи—пророкъ Исаія; объ Іоаѳамѣ—въ книгѣ царей іудейскихъ и израильскихъ; объ Ахазѣ—въ книгѣ царей іудейскихъ и израильскихъ; объ Езекіи — пророкъ Исаія, сынъ Амосовъ; о Манассіи—въ *словесѣхъ провидящихъ* (3 Пар. XXXIII, 19); объ Іосіи — въ книгѣ царей іудейскихъ и израильскихъ; объ
553 Іоакимѣ—въ книгѣ царей іудейскихъ и израильскихъ. Такъ это указано въ книгахъ Паралипоменонъ.

ПЕРВАЯ КНИГА ЕЗДРЫ [1]).

Книга Ездры называется такъ потому, что самъ Ездра, бывшій священникомъ и чтецомъ, разсказываетъ и описываетъ возвращеніе сыновъ израильскихъ изъ Персіи въ Іерусалимъ. Это возвращеніе послѣдовало сначала съ позволенія, а потомъ по повелѣнію царей Кира и Дарія, данному Іисусу, сыну Іоседекову, Ездрѣ и Зоровавелю; они состязались въ рѣшеніи нѣкоторыхъ вопросовъ, получивъ обѣщаніе, что побѣдившій можетъ просить

[1]) Въ Славянской Библіи—вторая, неканоническая книга Ездры.

у царя всего, чего захочеть. Одинъ говорилъ, что сильнѣе всего вино, а другой говорилъ, что сильнѣе царь, Зоровавель же сказалъ, что сильнѣе этого женщины, а сильнѣе всего истина. Когда онъ, сказавъ такъ, остался побѣдителемъ и получилъ позволеніе просить, чего захочеть, то сталъ просить, чтобы освобождены были изъ плѣна іудеи и построенъ Іерусалимъ. Какъ онъ просилъ, такъ и сдѣлано; плѣнники были отпущены, потому что тогда исполнилось семьдесятъ лѣтъ гнѣва Божія. Возвратившихся изъ плѣна потомковъ Іуды и Веніамина и левитовъ было числомъ сорокъ двѣ тысячи человѣкъ, коней триста тридцать, лошаковъ двѣсти сорокъ пять, верблюдовъ четыреста тридцать пять, рабовъ ихъ и рабынь семь тысячъ триста тридцать четыре, пѣвцовъ двѣсти, ословъ шесть тысячъ семь сотъ двадцать. Строителями были Зоровавель, Іисусъ, сынъ Іоседековъ и Неемія; а Ездра, свѣдущій въ законѣ, принесъ законъ и читалъ его и устроилъ все, относящееся къ храму и левитамъ. Онъ объявилъ законъ и сдѣлалъ распоряженіе, чтобы взявшіе чужеземныхъ женъ во время плѣна изгнали ихъ. Всѣ изгнали ихъ и очистились, и совершилъ онъ пасху по закону, какъ написано, также и постъ. Этимъ оканчивается первая книга Ездры.

ВТОРАЯ КНИГА ЕЗДРЫ [1]).

Въ этой книгѣ Ездра говоритъ о возвращеніи іудеевъ изъ плѣна такъ же, какъ и въ первой, кромѣ разсказа о вопросахъ. Много говорится объ евнухѣ Нееміи; о томъ, что онъ просилъ о построеніи храма, и что Ездра читалъ законъ, а Іисусъ, Ануй [2]) и Саравія толковали его народу. Ездра, читая, научалъ богопознанію, а народъ вникалъ въ смыслъ читаемаго и совершилъ пасху; въ седьмой же мѣсяцъ совершилъ постъ и праздникъ кущей, какъ написано: *яко не сотвориша тако отъ дней Іисуса сына Навина* (Неем. VIII, 17). Между тѣмъ Ездра, увидѣвъ, что жены азотскія сходятся съ евреями, убѣдилъ всѣхъ дать обѣщаніе сохранять законъ Божій; изгналъ этихъ женъ, какъ незаконныхъ, и всѣ поклялись соблюдать законъ. Такимъ образомъ освятившись и очистившись, они праздновали, и затѣмъ ушли каждый въ домъ свой. Объ Ездрѣ говорится и то, что, когда книги были потеряны по нерадѣнію народа во время продолжительнаго плѣна,

---

[1]) Подъ 2-ю книгою Ездры здѣсь разумѣется книга Нееміи.

[2]) Сл. Б.: *Вакаіа*, Неем. VIII, 7.

359 Ездра, какъ любознательный и свѣдущій чтецъ, сохранилъ ихъ всѣ и потомъ принесъ ихъ съ собою и снова издалъ, и такимъ образомъ сохранилъ эти книги [1]).

КНИГА ЕСѲИРЬ.

Книга *Есѳирь* называется такъ потому, что чрезъ Есѳирь Богъ спасъ іудеевъ, которымъ всѣмъ угрожала погибель, а Амана, строившаго противъ нихъ козни, наказалъ. Царь Артаксерксъ, отвергнувъ свою жену, искалъ въ царствѣ своемъ красивѣйшую и благообразнѣйшую изъ всѣхъ женщинъ, чтобы взять ее себѣ въ жены; такою и оказалась Есѳирь, родомъ іудеянка. У ней былъ родственникъ Мардохей, взятый въ плѣнъ въ ту страну при Седекіи. Царь, возвысивъ упомянутаго Амана, повелѣлъ, чтобы всѣ покланялись ему. Но такъ какъ Мардохей, служа Богу, не хотѣлъ поклоняться человѣку, то Аманъ разгнѣвался на него, и узнавъ, что онъ іудей, убѣдилъ царя Артаксеркса и предписалъ, чтобы всѣ, находившіеся въ царствѣ его. іудеи были истреблены въ одинъ день двѣнадцатаго мѣсяца. Узнавъ объ этомъ, Мардохей сѣтовалъ и, совершивъ постъ, обратился къ Есѳири съ просьбою о помощи. Есѳирь, послѣ поста и молитвы къ Богу, украсившись женскими нарядами, безъ приглашенія и въ неурочное время вошла къ царю,—а входить безъ приглашенія не позволялось; но она надѣялась не на удобное время, а на молитву. Когда царь удивился необыкновенному ея поступку, она отъ страха упала. Но Богъ перемѣнилъ гнѣвъ царя на милость и кротость; онъ всталъ и поднялъ жену, увѣщевалъ ее не бояться и позволилъ ей просить, чего хочетъ. Она просила царя придти къ ней на пиръ вмѣстѣ съ Аманомъ, и не одинъ разъ, но дважды. Аманъ отъ радости и восторга, что удостоился приглашенія отъ царицы, еще болѣе возгордился предъ Мардохеемъ и приказалъ поставить высокое дерево, намѣреваясь на слѣдующій день повѣсить на немъ Мардохея. Между тѣмъ царь, по благому провидѣнію Божію, не могъ заснуть въ ту ночь и приказалъ читать ему памятныя записки его дѣлъ. При чтеніи ихъ встрѣтилась запись о добромъ дѣлѣ, сдѣланномъ для него Мардохеемъ, именно: когда два евнуха злоумышляли противъ царя, то Мардохей открылъ это царю и уличилъ ихъ. Изъ вниманія къ услугѣ Мардохея, царь хотѣлъ оказать ему достойную почесть. Когда утромъ вошелъ къ нему Аманъ, царь спросилъ его: какой поче-

[1]) См. 3 Ездр. гл. XIV.

сти достоинъ тотъ, кто оказалъ благодѣяніе царю? Аманъ, думая, что царь спрашиваетъ о немъ самомъ, отвѣчалъ, что такой человѣкъ достоинъ быть названъ вторымъ по царѣ. Потому царь приказалъ удостоить такой почести Мардохея, а Аману приказалъ идти впереди его. Есѳирь же, воспользовавшись случаемъ, стала ходатайствовать за іудеевъ. Когда царь, изъявивъ сожалѣніе о беззаконномъ повелѣніи противъ іудеевъ, разгнѣвался на Амана, то самъ Аманъ сталъ просить Есѳирь въ отсутствіе царя, припавъ и обнимая ея колѣна. Царь, увидѣвъ Амана при- 360
коснувшимся къ ногамъ царицы и подумавъ, что онъ дѣлаетъ это съ постыдною цѣлію, приказалъ самого Амана повѣсить на томъ деревѣ, которое онъ приготовилъ для Мардохея. Тогда царь предписываетъ, чтобы всѣ іудеи были оставлены въ безопасности, а враги ихъ были истреблены ими. Истреблено было пятьдесятъ тысячъ человѣкъ. Потому учрежденъ праздникъ въ четырнадцатый и пятнадцатый день двѣнадцатаго мѣсяца, который называется Адаръ; а самый этотъ день на ихъ языкѣ называется *фуримъ* [1]. Потому въ этотъ день іудеи сожигаютъ изображеніе Амана и празднуютъ память своего избавленія. Этимъ и оканчивается книга.

КНИГА ТОВИТА.

Книга *Товита* называется такъ потому, что содержитъ исторію Товита. Товитъ происходилъ изъ колѣна Нефѳалимова, былъ въ плѣну и жилъ въ Ниневіи. Онъ былъ милосердъ и благочестивъ; находясь въ плѣну, онъ не употреблялъ пищи, общей съ язычниками, но воздерживался. Онъ былъ закупщикомъ припасовъ у царя Снемессара, и оставилъ на сохраненіе въ Мидіи у Гаваила десять талантовъ. Товитъ имѣлъ усердіе погребать умершихъ изъ іудеевъ. Оклеветанный предъ царемъ Ахириломъ [2], онъ бѣжалъ. По возвращеніи, онъ однажды похоронилъ умершаго и легъ за стѣною дома; въ то время, какъ онъ по обыкновенію лежалъ съ открытыми глазами, воробьи сверху бросили калъ на его глаза, и образовались у него бѣльма, такъ что онъ пересталъ видѣть. Въ то же время въ Экватанахъ была дочь у Рагуила, родственника его, по имени Сарра. Ей препятствовалъ жить въ супружествѣ злой духъ Асмодей; онъ убилъ уже семерыхъ, бравшихъ ее за себя. Въ великой скорби отроковица молилась, и Богъ

---

1) У св. І. Златоуста: Φουρὶ, фурá.
2) Ἀχειρήλ; Сл. В.: *Сеннахиримъ*.

послалъ ей помощника — архангела Рафаила. Товитъ, завѣщавъ сыну своему Товіи не брать жены ни откуда, какъ только изъ его колѣна и рода, передаетъ ему росписку въ десяти талантахъ и повелѣваетъ ему идти и взять ихъ обратно. Сынъ, не зная дороги и человѣка (къ которому нужно было идти), выходитъ искать спутника, и по Божественному промышленію находитъ Рафаила, который стоялъ на площади въ видѣ человѣка, и нанимаетъ его, какъ знающаго дорогу. Такимъ образомъ архангелъ Рафаилъ сопутствуетъ ему въ видѣ человѣка, подъ именемъ Азаріи. Когда они дошли до рѣки Тигра, Товія хотѣлъ спуститься въ нее, чтобы вымыться, но вдругъ большая рыба кинулась на юношу. Ангелъ велѣлъ ему схватить рыбу, разрѣзать ее, вынуть изъ ней печень, сердце и желчь и хранить это. На вопросъ юноши, какая отъ нихъ польза,—ангелъ отвѣчалъ: печень и сердце, если покурить ими, могутъ прогонять злого духа, а желчію можно снимать бѣльма. Такимъ образомъ, по совѣту и при содѣйствіи ангела, юноша
361 получаетъ дочь Рагуила Сарру въ жены, прогнавъ этимъ куреніемъ злого духа, который и былъ связанъ ангеломъ въ верхнихъ предѣлахъ Египта. Оставшись съ женою, Товія посылаетъ мнимаго Азарію въ Мидію, получаетъ чрезъ него десять талантовъ и возвращается вмѣстѣ съ нимъ и женою къ отцу. По возвращеніи, онъ помазалъ желчью рыбы глаза отца, и бѣльма отпали, и Товитъ тотчасъ сталъ видѣть. Онъ ослѣпъ, когда ему было пятьдесятъ восемь лѣтъ, а прозрѣлъ, когда было ему шестьдесятъ шесть. Послѣ того, какъ онъ прозрѣлъ, ангелъ открылъ, что онъ не человѣкъ, а посланъ отъ Бога на помощь имъ и Саррѣ. Состарѣвшись, Товитъ завѣщалъ сыну своему Товіи удалиться въ Мидію, въ виду предстоявшаго разрушенія Ниневіи, предсказаннаго пророкомъ Іоною, и, ослабѣвъ, скончался 155 лѣтъ. Сынъ же его Товія, переселившись въ Мидію, похоронилъ своего тестя и тещу, и получивъ извѣстіе о разрушеніи Ниневіи, скончался 107 лѣтъ. Этимъ и оканчивается книга.

КНИГА ІУДИѲЬ.

Книга *Іудиѳь* называется такъ потому, что чрезъ Іудиѳь Богъ спасъ сыновъ израильскихъ, подвергшихся нападенію и осадѣ отъ Олоферна, а самого Олоферна поразилъ. Вотъ эта исторія: царь ассирійскій Навуходоносоръ, начавъ войну съ Арфаксадомъ, царемъ мидійскимъ, требовалъ помощи отъ всѣхъ народовъ до Египта. Но такъ какъ они не подали помощи, и всѣ отказались, то онъ, послѣ побѣды и покоренія Арфаксада, началъ войну про-

тивъ отказавшихъ ему. Онъ послалъ противъ нихъ Олоферна съ великимъ войскомъ. Тотъ покорилъ всѣ народы и сокрушилъ ихъ идоловъ; но сыны израильскіе укрѣпились, не покорились Олоферну и не боялись угрозъ его. Первосвященникъ Іоакимъ написалъ жителямъ Ветилуи, чтобы они преградили путь Олоферну,— чрезъ нее лежалъ путь его,—и они преградили. Олофернъ же приготовился къ войнѣ. Между тѣмъ Ахіоръ, вождь аммонитянъ, совѣтовалъ ему не воевать съ народомъ еврейскимъ, охраняемымъ Богомъ; но Олофернъ, разгнѣвавшись, отослалъ его въ Ветилую и угрожалъ убить его, когда побѣдитъ евреевъ. Такимъ образомъ Ахіоръ жилъ спокойно въ Ветилуѣ, а Олофернъ осаждалъ городъ и овладѣлъ его источниками. Народъ былъ изнуренъ жаждою и начальники уже намѣревались сдать городъ; тогда Іудиѳь, снявъ съ себя одежду вдовства,—она оплакивала мужа и каждодневно постилась,—украсила себя, подобно невѣстѣ, и убѣдивъ жителей, чтобы они не сдавали города раньше пяти дней, вышла къ Олоферну. Она прельстила его своею мудростію и на третій день отсѣкла ему голову, такъ что воины его не знали объ этомъ. Потомъ граждане, повѣсивъ голову Олоферна на стѣнѣ, показали ее вождямъ его. Тогда ассиріяне обратились
въ бѣгство, а сыны израильскіе, сбѣжавшись со всѣхъ сторонъ, 362
поразили ассиріянъ, спаслись отъ опасности, взяли добычу враговъ и отдали Іудиѳи всѣ вещи Олоферна. Но Іудиѳь, отправившись въ Іерусалимъ, посвятила все Господу, и, возвратившись въ домъ свой, продолжала свою строгую жизнь и осталась до смерти вдовою, не согласившись ни на чьи убѣжденія вступить въ бракъ. Она скончалась, проживъ честно во вдовствѣ своемъ, сто пять лѣтъ. Этимъ и оканчивается книга.

КНИГА ІОВА.

Книга *Іова* называется такъ потому, что заключаетъ въ себѣ повѣствованіе о немъ, какъ онъ страдалъ, искушаемый діаволомъ, какъ побѣдилъ его, благочестиво перенесши нанесенные ему удары, и какъ получилъ обратно все вдвойнѣ и сдѣлался знаменитѣе, чѣмъ былъ прежде. Онъ подвергся страданіямъ семидесяти лѣтъ и прожилъ послѣ несчастій сто семьдесятъ лѣтъ, такъ что всѣхъ лѣтъ жизни его было двѣсти сорокъ. Іовъ жилъ прежде Моисея, потому что былъ пятымъ послѣ Авраама потомкомъ Исава. По случаю постигшихъ его бѣдствій, пришли къ нему друзья утѣшать его, но говорили ему рѣчи столь оскорбительныя и безжалостныя, что это было вмѣнено имъ въ грѣхъ. Но Іовъ

молился о нихъ Богу, и они были прощены. Всѣхъ бесѣдъ Іова съ друзьями восемь: съ Елифазомъ три, съ Софаромъ двѣ и съ Валдадомъ три; затѣмъ бесѣды съ Еліусомъ, сыномъ Варахіила, Вузитяниномъ. Наконецъ Господь является Іову въ бурѣ и облакѣ, а Іовъ отвѣчаетъ Господу двумя рѣчами. Этимъ и оканчивается книга.

Цѣль всей этой книги состоитъ въ томъ, чтобы научить терпѣнію тѣхъ, которые впадаютъ въ искушенія, хотя ихъ благочестіе всѣмъ извѣстно; чтобы они не соблазнялись, но восклицали: *Господь даде, Господь отъятъ: яко Господеви изволися, тако бысть: буди имя Господне благословено* отнынѣ и до вѣка; и еще: *нагъ изыдохъ изъ чрева матере моея, нагъ и отъиду тамо* (Іов. I, 21); и наконецъ, чтобы они научились, какъ велика польза терпѣнія, за которое они могутъ получить награду подобно Іову. Кромѣ того здѣсь показывается, что Богъ не есть виновникъ зла и не искушаетъ никого, но всѣ искушенія постигаютъ людей отъ злыхъ духовъ по попущенію Божію, къ прославленію и усовершенствованію людей. Говорятъ, что эту книгу составилъ Соломонъ, если только она не есть произведеніе Моисея. Таково содержаніе этой книги, а порядокъ изложенія слѣдующій. Въ началѣ говорится, что Іовъ жилъ въ странѣ Авситидійской; потомъ Писаніе свидѣтельствуетъ о благочестивой его жизни, говоритъ о томъ, что у него было семь сыновей и три дочери [1]), и о числѣ стадъ его. Сыновья его, приходя другъ къ другу, устраивали пиршества каждый день съ тремя сестрами своими; а Іовъ призывалъ ихъ и очищалъ сыновей своихъ, принося о нихъ жертву Богу. Первое свидѣтельство Господа объ Іовѣ предъ діаволомъ; первая
368 клевета діавола на Іова предъ Господомъ. Господь даетъ власть діаволу надъ всѣмъ, что было у Іова, кромѣ его самого. Прежде всего діаволъ посылаетъ Іову вѣсть о взятіи въ плѣнъ коней иословъ его, и объ избіеніи слугъ. Второй вѣстникъ сказалъ Іову, что сожжены овцы его и пастухи ихъ. Третій вѣстникъ донесъ Іову о плѣненіи верблюдовъ и избіеніи слугъ. Четвертый вѣстникъ приходитъ къ нему и говоритъ, что обрушился домъ и убиты всѣ дѣти его. При всемъ этомъ, случившемся съ Іовомъ, онъ не согрѣшилъ предъ Господомъ. Второе свидѣтельство Господа предъ діаволомъ въ похвалу Іова, и вторая клевета діавола на Іова предъ Господомъ. Господь предаетъ ему Іова, съ тѣмъ, чтобы оставалась неприкосновенною душа его. Діаволъ, вышедши, поразилъ Іова отъ ногъ до головы. Іовъ, сидя на навозной кучѣ,

---

[1]) Въ текстѣ: θυγατέρες ς', „шесть дочерей"; но далѣе: σὺν ταῖς τρισὶν ἀδελφαῖς αὐτῶν „съ тремя сестрами своими".

скоблилъ свой гной. Жена убѣждаетъ Іова сказать слово противъ Господа и умереть; но онъ укоряетъ ее. Три друга Іова, Елифазъ, царь Ѳеманскій, Валдадъ, властитель Савхейскій, и Софаръ, царь Минейскій, услышали о всемъ, случившемся съ нимъ, и пришли къ нему, каждый изъ страны своей, посмотрѣть на него, и, увидѣвъ его, разодрали каждый одежду свою при видѣ такого бѣдствія. При такомъ страданіи Іовъ впервые отверзъ уста свои и проклялъ день и ночь, въ которую родился. Онъ сказалъ: *рабъ не боящися господина* (Іов. III, 19), такъ *данъ есть сущымъ въ горести свѣтъ, иже желаютъ смерти и не получаютъ* (ст. 20, 21). *Смерть бо мужу покой* (ст. 23). Въ отвѣтъ на это Елифазъ Ѳеманскій говоритъ Іову: *помяни, кто чистъ сый погибе, или когда истиннін беси изъ корене погибоша* (Іов. IV, 7)? *Яко веселіе зміевъ угасе, мравгалевъ погибе, за неже не имѣяше брашна, скимни же львовы оставиша другъ другу* (ст. 10—11) Нѣтъ ни одного смертнаго, который былъ бы *чистъ предъ Богомъ и отъ дѣлъ своихъ безпороченъ мужъ* (ст. 17). Безумные, говоритъ, хотя бы и укоренялись, но *абіе поядено будетъ ихъ жилище* (Іов. V, 3), потому что *яже они собраша, праведницы поядятъ* (ст. 5). *Человѣкъ*, продолжаетъ онъ, *раждается на трудъ, птенцы же суповы высоко парятъ* (ст. 7). Господь *уловляетъ премудрыхъ въ мудрости ихъ, совѣтъ же коварныхъ разоряетъ* (ст. 13); а невиннаго Господь избавляетъ отъ нуждъ и въ седьмой разъ *не коснется его зло* (ст. 19). *Ты же разумѣй себѣ, аще что сотворилъ еси* (ст. 27).

Первый отвѣтъ Іова Елифазу таковъ: *аще бы кто вѣся извѣсилъ гнѣвъ мой, болѣзни же моя взялъ бы на мѣрило вкупѣ, то песка морскаго тягчайшіи были бы* (Іов. VI, 2. 3). Еще: *еда вотще возреветъ дивій оселъ, развѣ брашна прося, или возреветъ гласомъ волъ, въ яслѣхъ имѣяй брашно* (ст. 5)? *Еда крѣпость каменія крѣпость моя, плоти же моя суть мѣдяны* (ст. 12)? Еще: *не искушеніе ли житіе человѣку на земли и якоже наемника повседневнаго жизнь его* (Іов. VII, 1)? Еще: *аще азъ согрѣшихъ, что тебѣ возмогу содѣлати, свѣдый умъ человѣчь? Почто мя еси положилъ прекословна тебѣ* (ст. 20)?

После Елифаза вторымъ говоритъ Іову Валдадъ Савхейскій: *доколѣ глаголати будеши? Духъ многоглаголивъ во устѣхъ твоихъ. Еда Господь обидитъ судяй, или вся сотворивый не дастъ правды* (Іов. 364
VIII, 1—3)? И еще: *еда произничетъ рогозъ безъ воды, или растетъ ситникъ безъ напаянія? Еще сущи на корени, и не пожнется ли? Прежде напаянія всякое быліе не изсыхаетъ ли? Тако убо будутъ послѣдняя всѣхъ забывающихъ Господа* (ст. 11—13).

Первый отвѣтъ Іова Валдаду таковъ: *во истину вѣмъ, яко тако есть: како бо будетъ праведенъ человѣкъ у Господа* (Іов. IX, 2)? Еще:

простый единъ небо, и ходяй по морю, яко по земли, творяй пліады и еспера (ст. 8—9). *Кто суду Его воспротивится? Аще бо буду праведенъ, уста моя нечестія сотворятъ: аще же буду непороченъ, стропотенъ буду* (ст. 19—20). И еще: *житіе мое есть легчае скоротечца? Или есть кораблемъ слѣдъ пути, или орла летяща, ищуща яди* (ст. 25—26)? *Помяни, яко бреніе мя создалъ еси, въ землю же паки возвращаеши мя: или не яко же млеко измелзилъ мя еси* (Іов. x, 9—10) и пр. *И быхъ бы, аки не былъ. Почто убо изъ чрева во гробъ не снидохъ* (ст. 19)?

Послѣ Елифаза говоритъ Валдадъ, а послѣ Валдада Софаръ Минейскій, по очереди, такъ какъ каждый изъ нихъ надѣялся сказать Іову что-либо лучшее. *Глаголяй многю*, говоритъ Софаръ, *и противоуслышитъ* (Іов. xi, 2). И еще: *тако ти возсіяетъ лице, якоже вода чиста: совлечешися же скверны и не убоишися: и труда забудеши якоже волны мимошедшія: молитва же твоя, аки денница* (ст. 15—17).

Первый отвѣтъ Іова Софару таковъ: *вы ли едини есте человѣцы, или съ вами скончается премудрость? И у мене сердце есть, якоже у васъ* (Іов. xii, 2—3). Еще: *кто не разумѣ во всѣхъ сихъ, яко рука Господня сотвори сія? Въ руцѣ Его душа всѣхъ живущихъ и духъ всякаго человѣка* (ст. 9—10). *Аще возбранитъ воду, изсушитъ землю: аще же пуститъ, погубитъ ю, превративъ* (ст. 15). Еще: *кто чистъ будетъ отъ скверны? Никто же, аще и единъ день житія его на земли* (Іов. xiv, 4—5). И еще: *есть древу надежда: аще бо посѣчено будетъ, паки процвѣтетъ, и лѣторасль его не оскудѣетъ* (ст. 7). *Мужъ же умерый отъиде, падъ же человѣкъ, ктому нѣсть* (ст. 10).

Второй рядъ бесѣдъ начинается такъ. Елифазъ говоритъ Іову: *еда премудрый дастъ отвѣтъ разуменъ на вѣтръ* (Іов. xv, 2)? *Обличатъ тя уста твоя, а не азъ* (ст. 6). И еще: *кто бо сый человѣкъ, яко будетъ непороченъ, или аки будущій праведникъ рожденъ отъ* жены (ст. 14)?

Второй отвѣтъ Іова Елифазу таковъ: *слышахъ сицевая многа, утѣшителіе злы вси* (Іов. xvi, 2). *И нынѣ се на небесѣхъ послухъ мой, свидѣтель же ми во вышнихъ* (ст. 19). Буди же обличеніе мужу предъ Господемъ (ст. 21). И еще: *ночь въ день преложихъ. Аще бо стерплю, адъ ми есть домъ. Смерть нарекохъ отца моего быти, матерь же и сестру ми гной* (Іов. xvii, 12—14).

Послѣ него опять Валдадъ говоритъ Іову: *доколѣ не престанеши? Что бо аще ты умреши, не населенна ли будетъ поднебесная* (Іов. xviii, 2—4)? Іовъ во второй разъ отвѣчаетъ Валдаду: *доколѣ притрудну творите душу мою и низлагаете мя словесы? Клевещете*
365 *на мя, не стыдящеся* (Іов. xix, 2—3). Еще: *славу мою съ мене совлече, и отъя вѣнецъ отъ главы моея. Посѣче же яко древо надежду*

мою (ст. 9—10). И еще: *братія моя отступиша отъ мене, познаша чуждыхъ паче мене, и друзи мои не милостивы быша* (ст. 13). *Раба моего звахъ, и не послуша, и просихъ жену мою,* и не послуша, *призывахъ же сыны подложницъ моихъ, они же мене во вѣкъ отринуша* (ст. 16—18). *Помилуйте мя, помилуйте мя, о друзи! Почто мя гоните, якоже и Господь? Кто бо далъ бы, да напишутся словеса моя* (ст. 21—23)? *Отъ Господа ми сія совершишася. Очи мои видѣша, а не инъ. Корень словесе обрящемъ въ немъ. Убойтеся и вы отъ* покрытія [1]) (ст. 26—29).

Затѣмъ во второй разъ Софаръ говоритъ Іову: *не тако мнѣхъ сія тебѣ рещи противу* (Іов. XX, 2). Еще: *веселіе нечестивыхъ паденіе страшно, обрадованіе же беззаконныхъ пагуба* (ст. 5). *Егда бо мнится утвержденъ быти, тогда въ конецъ погибнетъ* (ст. 7). И еще: *кости его наполнишася (грѣховъ) юности его. Аще усладится во устѣхъ его злоба, скрыетъ ю подъ языкомъ своимъ* (ст. 11—12). *Аки желчь аспидовъ во чревѣ его, тако богатство неправедно собираемо изблюется* (ст. 14—15). *Вотще и всуе трудися, собирая богатство, отъ него же не вкуситъ: многихъ бо немощныхъ домы сокруши* (ст. 18—19). *Да устрѣлитъ его лукъ мѣдянъ, и да пройдетъ сквозѣ тѣло его стрѣла: звѣзды же въ жилищахъ его* да пріидутъ (ст. 25). *Сія часть человѣка нечестиваго отъ Господа* (ст. 29).

Второй отвѣтъ Іова Софару таковъ: *послушайте, послушайте словесъ моихъ, да не будетъ ми отъ васъ сіе утѣшеніе* (Іов. XXI, 2). *Что бо? Еда человѣческо ми обличеніе* (ст. 4)? *Почто нечестивіи живутъ, обетшаша же въ богатствѣ* и обиліи (ст. 7)? *Спасена быстъ ихъ имущая во чревѣ* (ст. 10). *Глаголетъ нечестивый Господеви: отступи отъ* мене, *путей твоихъ вѣдѣти* не хощу: *что достоинъ, яко да* поработаю *Ему* (ст. 14—15)? *Не Господь ли есть научаяй разуму и хитрости? Той же* труды *разсуждаетъ* [2]) (ст. 22). *Тѣмже вѣмъ васъ, яко дерзостію належите ми* (ст. 27). И еще: *гдѣ есть домъ княжь* (ст. 28)? *На день пагубы соблюдается нечестивый* (ст. 30), *и въ слѣдъ его всякъ человѣкъ отъидетъ* (ст. 33).

Послѣ того въ третій разъ Елифазъ говоритъ: *не Господь ли есть научаяй разуму и хитрости? Ибо кое попеченіе Господу, аще ты былъ еси дѣлы непороченъ* (Іов. XXII, 2—3)? *Вдовицы,* продолжаетъ говоритъ Елифазъ Іову, *отпустилъ еси тщы и сироты озлобилъ еси* (ст. 9). *И реклъ еси: что разумѣ крѣпкій* (ст. 13)? *Глаголющіи: что сотворитъ намъ Господь, или что нанесетъ на ны Вседержитель* (ст. 17)? И еще: *чиста сотворитъ тя Господь, якоже сребро разжено* (ст. 25). *Воззри весело на небо: помолишуся же тебѣ*

---

[1]) Сл. В.: *отъ меча.*

[2]) Сл. В.: *Той же мудрыхъ разсуждаетъ.*

къ Нему, услышитъ тя (ст. 26—27), *и спасешися чистыма рукама твоима* (ст. 30).

Третій отвѣтъ Іова Елифазу таковъ: *вѣмъ убо, яко изъ руки моея* милостыня моя [1]) *есть, и рука Его тяжка бысть паче моего воздыханія* (Іов. XXIII, 2). *Аще со многою крѣпостію найдетъ на мя* тьма (ст. 6, ср. 17). *Нечестивіи предѣлъ преидоша* (Іов. XXIV, 2) *и нагихъ многихъ успиша безъ ризъ* (ст. 7). *Да явятся садовія ихъ на земли суха: рукоятіе бо сирыхъ разграбиша* (ст. 18—19).

Затѣмъ въ третій разъ Валдадъ говоритъ: *иже творитъ вся-ческая въ вышнихъ, да никтоже бо мнитъ, яко есть умедленіе воин-*
566 *ствамъ. Како бо будетъ праведенъ человѣкъ предъ Богомъ* (Іов. XXV, 2—4)? *Кольми паче человѣкъ гной, и сынъ человѣческій червь* (ст. 6).

Третій отвѣтъ Іова Валдаду таковъ: *кому хощеши помогати или* кому послѣдуеши [2])? *Не сему ли, Емуже многа крѣпость* (Іов. XXVI, 2)? *Нагъ адъ предъ Нимъ* (ст. 6). *Повѣшаяй землю ни на чемже, связуяй воду* на *облацѣхъ своихъ* (ст. 7—8). *Повелѣніемъ же умертвилъ змія отступника* (ст. 13).

Такъ какъ Софаръ не сталъ говорить въ третій разъ, и первые двое замолчали, не имѣя больше словъ на устахъ, потому что Іовъ доказалъ свою праведность, то Іовъ вторично начинаетъ говорить о томъ, а они молча слушаютъ, съ пользою для себя. *Живъ Господь*, говоритъ онъ, *иже ми сице суди, и Вседержитель, иже огорчи ми душу: дондеже еще дыханіе мое есть, и Духъ Божій сущій въ ноздрехъ моихъ, не возглаголютъ устнѣ мои беззаконія* (Іов. XXVII, 2—4). *Возвѣщу вамъ, что есть въ руцѣ Господни* (ст. 11). *Се вси вѣсте, яко тщетная ко тщетнымъ прилагаете. Сія часть человѣка нечестиваго отъ Господа* (ст. 12—13): *аще мнози будутъ сынове ихъ, на заколеніе будутъ* (ст. 14), *и вдовицъ ихъ никтоже помилуетъ. Аще соберетъ нечестивый якоже землю сребро* (ст. 15 — 16), *есть сребру мѣсто, отонуду же бываетъ, и мѣсто злату, отонуду же очищается. Желѣзо бо изъ земли раждается, мѣдь же равно каменію сѣчется* (Іов. XXVIII, 1—2). *Всякое честное*, продолжаетъ онъ, *видѣ око мое* (ст. 10). *Премудрость же откуду обрѣтеся* (ст. 12)? *Бездна рече: нѣсть во мнѣ, и море рече: нѣсть со мною* (ст. 14). *Притяжи премудрость паче внутреннѣйшихъ: не уравнится ей топазій еѳіопскій, со златомъ чистымъ не сравнится*, (ст. 18—19). *Богъ благо позна ея путь: ибо самъ поднебесную всю надзираетъ, вѣдый, яже на земли* вся, *вѣтровъ вѣсъ и водъ мѣру* (ст. 23—25). *И рече человѣку: се благочестіе есть премудрость* (ст. 28).

---

[1]) Сл. Б.: *обличеніе мое.*

[2]) Сл. Б: *кому прилѣжиши или кому хощеши помогати.*

Такъ какъ всѣ трое молчали, то Іовъ опять началъ говорить: *кто мя устроитъ по мѣсяцамъ прежднихъ дней, въ нихже мя Богъ храняше? Егда свѣтяшеся свѣтильникъ Его надъ главою моею*, (Іов. XXIX 2—3), (*егда*) *исхождахъ изъ утра во градъ, на стогнахъ же поставляшеся ми престолъ* (ст. 7). *Спасохъ бо убогаго отъ руки сильнаго* (ст. 12). *Благословеніе погибающаго на мя да пріидетъ* (ст. 13). *Око бѣхъ слѣпымъ, нога же хромымъ, отецъ немощнымъ* (ст. 15—16). *Сотрохъ же членовныя неправедныхъ, отъ среды же зубовъ ихъ грабленіе изъяхъ* (ст. 17). *Якоже земля жаждущая ожидаетъ дождя, тако сіи моего глаголанія* (ст. 23). *Вселяхся, якоже царь посредѣ* единопоясныхъ [1]) (ст. 25). *Безумныхъ сынове и без*честны именемъ [2]): *нынѣ же гусли есмь имъ, и мене въ притчу имутъ* (Іов. XXX, 8—9), *ни лица моего пощадѣша отъ плюновенія* (ст. 10). *Вмѣняеши же мя равна бренію, въ земли и пепелъ часть моя* (ст. 19), *рукою крѣпкою уязвилъ мя еси* (ст. 21). *Братъ*, продолжаетъ онъ, *быхъ сиринамъ, другъ же птичій* (ст. 29). *Аще въ слѣдъ иде сердце мое жены мужа инаго* (Іов. XXXI, 9), *угодна убо буди и жена моя иному* (ст. 10). *Ярость бо* мужа неудержана, *еже осквернити* имъ *жену* [3]) (ст. 11). *Аще презрѣхъ нага погибающа, и не облекохъ его* (ст. 19), *отъ стриженія же агнцевъ моихъ не согрѣшася плещи ихъ* (ст. 20), *да отпадетъ убо рамо мое отъ состава* моего (ст. 22). *Аще бо обрадовахся о паденіи врагъ моихъ, и рече сердце мое: благоже, благоже; да услышитъ убо ухо мое клятву мою* (ст. 29—30). *Аще не раздравъ* писаніе *отдахъ, ничтоже вземъ* 367
отъ должника, аще на мя когда земля возстена (ст. 37—38); *вмѣсто пшеницы да взыдетъ ми крапива* (ст. 40).

Далѣе говорится объ Еліусѣ сынѣ Варахіила, Вузитяннѣ, который разгнѣвался на Іова за то, что онъ назвалъ себя праведнымъ предъ Господомъ. *Отвѣщавъ же Еліусъ, сынъ Варахіилевъ Вузитянинъ, рече: юнѣйшій есть лѣты, тѣмже молчахъ убоявся возвѣстити вамъ хитрость мою* (Іов. XXXII, 6). Когда трое молчали, Еліусъ, вставъ, съ безстыдствомъ говоритъ противъ Іова: *паки возглаголю: исполненъ бо есмь словесъ* (ст. 18); и затѣмъ продолжаетъ: *Духъ Божій сотворивый мя, дыханіе же Вседержителево поучающее мя. Аще можеши, даждь ми отвѣтъ* (Іов. XXXIII, 4—5). *Да возвратитъ человѣка отъ неправды* (ст. 17), *пощадѣ же душу его отъ смерти, еже не пасти ему на брани; (паки) же обличи его болѣзнію на ложи* (ст. 18—19). *Обновитъ тѣло его, яко поваппленіе на стѣнѣ, кости же его исполнитъ мозга* (ст. 24). *Тогда заритъ*

---

[1]) Сл. В.: *посредѣ храбрыхъ.*

[2]) Сл. В.: *безумныхъ сынове и безчестныхъ, имя и слава угашена на земли.*

[3]) Сл. В.: *ярость бо гнѣва не удержана, еже осквернити мужа инаго жен*

человѣкъ самъ себѣ глаголя: яковая содѣвахъ, и не по достоинству истяза мя, о нихже согрѣшихъ (ст. 27). Еще сказалъ Еліусъ Іову: *внимай, Іовъ, и послушай мене, премолчи, и азъ возглаголю; и аще тебѣ суть словеса, отвѣщай ми: хощу бо оправдатися тебѣ* (ст. 31—32). Еще въ третій разъ Еліусъ говоритъ: *послушайте мене, премудріи, свѣдущіи внушите доброе: яко ухо словеса искушаетъ* (Іов. xxxiv, 2—3); и продолжаетъ: *кто мужъ, якоже Іовъ, піяй поруганіе, якоже воду, не согрѣшая, ниже нечествовавъ* (ст. 7—8)? *Не буди ми предъ Вседержителемъ возмутити правду: но воздаетъ человѣкови, якоже творитъ кійждо ихъ* (ст. 10—11). *Нечестивъ есть глаголяй цареви: законъ преступавши, и: иже не постыдѣся лица противу мене* (ст. 18—19). *Господь бо всѣхъ видитъ, постизаяй неизслѣдная, славная же и изрядная, имже нѣсть числа* (ст. 24). *Мужъ премудръ услыша глаголъ мой, Іовъ же не въ разумѣ глаголаше* (ст. 34—35). Еще въ четвертый разъ Еліусъ говоритъ Іову: *что сіе мнилъ еси на судѣ? Ты кто еси, яко рекль еси: правъ есмь предъ Господемъ* (Іов. xxxv, 2)? И еще въ пятый разъ Еліусъ начинаетъ говорить, и ни Іовъ, ни трое друзей его не слушаютъ его, какъ безбожника,—изъ чего открывается, что эти трое образумились. Онъ говоритъ Іову: *пожди ми мало еще, да тя научу: еще бо у мене есть слово* (Іов. xxxvi, 2); и продолжаетъ: *внуши сія, Іове: стани учайся силѣ Господни* (Іов. xxxvii. 14). *Еда книга или книгочія ми предстоитъ* (ст. 20)? Или *отъ сѣвера облацы свѣтозарни* (ст. 22)?

Явившійся затѣмъ Господь оправдываетъ Іова, и, научая тайнѣ Христовой, говоритъ къ Іову: *кто сей скрываяй отъ Мене совѣтъ, содержай же глаголы въ сердцѣ* (Іов. xxxviii, 2)? Рѣчь Господа такова: *заградихъ море враты* (ст. 8), *рѣхъ же ему: до сего дойдеши, и не прейдеши, но въ тебѣ сокрушатся волны твоя* (ст. 11). *Или ты*, спрашиваетъ Господь, *бреніе вземъ, создалъ еси животно* (ст. 14)? *Отверзаются ли тебѣ страхомъ врата смертная, вратницы же адовы видѣвше тя убояшася ли* (ст. 17)? *Пришелъ ли еси въ сокровища снѣжная, и сокровища градная видѣлъ ли еси* (ст. 22)? *Откуду исходитъ слана* (ст. 24)? *Кто уготова дождю велію проліяніе* (ст. 25)? И еще: *кто есть дождю отецъ* (ст. 28)? *Изъ чіего чрева исходитъ ледъ? Слану же на небеси и капли росы кто роди* (ст. 29)? *Призовеши ли облакъ гласомъ, и трепетомъ воды великія*
368 *послушаетъ ли тя? Послеши ли молніи и пойдутъ* (ст. 34—35)? *Кто далъ есть женамъ тканія мудрость* (ст. 36)? *Кто врану уготова пищу? Птичища бо его ко Господу воззваша, облетая брашна ищуще* (ст. 41). *Крило* летяще подвигнетъ [1]), *аще зачнетъ асида и*

[1]) Πτέρυξ πετομένη ἐλάσει; Сл. В.: *крило веселящихся нееласса.*

несса, оставитъ на земли яица своя (Iов. XXXIX, 13—14): *яко сокры Богъ ей премудрость* (ст. 17); *посмѣется коню* (ст. 18). *И твоею ли хитростiю стоитъ ястребъ* (ст. 26); *неясыть же на гнѣздѣ своемъ сѣдя вселяется* (ст. 27).

И еще сказалъ Господь Iову: *не судъ ли со довлѣющимъ судити* [1]), *обличаяй же Бога отвѣщати иматъ Ему* (ст. 32)? Iовъ отвѣчалъ Господу: *почто еще азъ прюся, наказуемъ и обличаемъ отъ Господа, слышай таковая* (ст. 34)? Господь, явившись во второй разъ Iову, сказалъ ему изъ облака: *препояши, яко мужъ, чресла твоя: вопрошу же тя, ты же ми отвѣщай* (Iов. XL, 2). *Исповѣмъ*, говоритъ Господь, *яко можетъ десница твоя спасти. Но убо се звѣрiе у тебе траву аки волове ядятъ* (ст. 9—10). *Сила же его на пупѣ чрева: постави ошибъ, яко кипарисъ* (ст. 11—12); *ребра его ребра мѣдяна, хребетъ же его желѣзо слiяно* (ст. 13); *подъ* всякимъ *древомъ спитъ* (ст. 16). *Повлечеши ли* льва на крючцѣ [2]), *или обложиши узду о ноздрѣхъ его* (ст. 20)? *Вся же плавающiи собравшеся не подъимутъ кожи единыя ошиба его* (ст. 26). *Вмѣняетъ бо желѣзо, аки плевы, мѣдь же, аки древо гнило: не уязвитъ его лукъ мѣдянъ* (Iов. XLI, 18—19).

Такъ говорилъ Господь, а Iовъ заключилъ рѣчь слѣдующими словами: *вѣмъ, яко вся можеши, невозможно же Тебѣ ничтоже. Кто есть таяй отъ Тебе совѣтъ* (Iов. XLII, 2—3)? *Мню себе землю и пепелъ* (ст. 6). Господь укоряетъ Елифаза Өеманскаго, зане *согрѣши той и оба друзи* его, яко *не глаголаша предъ Господемъ истинно, ниже якоже рабъ его Iовъ* (Iов. XLII, 7). Затѣмъ была принесена жертва за трехъ друзей Iовомъ, священникомъ Божiимъ. Далѣе говорится, какъ Господь обогатилъ Iова, и какъ, по молитвѣ его за друзей своихъ, Господь простилъ имъ грѣхъ. Когда всѣ родственники Iова услышали объ этомъ, то пришли къ нему, ѣли и пили у него, удивлялись ему и дали ему каждый по одной агницѣ и по четыре золотыхъ драхмы. Объ немъ написано, что онъ воскреснетъ съ тѣми, которыхъ воскреситъ Господь. Въ этомъ и заключается все содержанiе книги Iова.

КНИГА ПРЕМУДРОСТИ СОЛОМОНОВОЙ.

Эта книга называется *Премудростiю Соломоновою* потому, что, какъ говорятъ, она написана Соломономъ. Въ ней содержится ученiе о правдѣ и о томъ, какъ узнавать людей

[1]) Сл. В.: *еда судъ со Вседержителемъ уклоняется.*

[2]) Сл. В.: *извлечеши ли змiя удицею.*

злыхъ и добрыхъ, и пророчество о Христѣ; также о томъ, что мудрость пріобрѣтается великимъ трудомъ и усердіемъ; еще говорится о нѣкоторыхъ произведеніяхъ природы, объ идолахъ и ихъ дѣлателяхъ, о надѣющихся на нихъ и служащихъ имъ. Кромѣ того здѣсь находится пѣснь съ исповѣданіемъ чудесъ, совершенныхъ Богомъ для израильтянъ предъ лицемъ враговъ ихъ. Таково содержаніе этой книги; а порядокъ изложенія слѣдующій. Въ началѣ—побужденіе праведника къ благочестію и
369 обличеніе богохульнаго нечестивца. Не подражай, говоритъ Премудрый, противникамъ Христа, которые обречены на смерть. Нечестивые дошли до того, что распяли Господа славы, предпочитая Ему настоящій вѣкъ, и апостоловъ гнали и предали смерти. Говорится, что одни будутъ пренебрегать закономъ Господнимъ, а другіе—повиноваться ему.

И что при всемъ множествѣ не почитающихъ Христа Богъ не пощадитъ ихъ, потому что Богъ хранитъ одного только праведника, вѣрующаго во Христа, хотя бы онъ умеръ въ юности: *старость бо честна не многолѣтна* (Прем. IV, 8). Хотя нечестивый и презираетъ смерть вѣрующихъ во Христа, но они избраны Христомъ. Нечестивые же будутъ преданы безславной погибели, и гонители рабовъ Христовыхъ подвергнутся великому осужденію на судѣ, увидѣвъ славу Христа и ихъ, себя же видя обреченными на мученіе. Говорится, что богатство соединяется у насъ съ гордостію; также о томъ, какой гнѣвъ Божій постигнетъ непочитающихъ Христа. Далѣе увѣщаніе начальникамъ израильскимъ, чтобы они вѣровали во Христа, или лучше—наставленіе предстоятелямъ вселенской Церкви о томъ, какъ они должны управлять послѣ Его отшествія. Говорится, что́ такое Премудрость—Сынъ Божій, и какъ Слово стало плотію и обитало съ нами. *И азъ*, говоритъ Онъ, подобострастенъ вамъ сый человѣкъ отъ велѣнія Божія *воскормленъ есмь* [1]) (Прем. VII, 1—4). О Христѣ же говорится и далѣе: отъ премудрости Божіей я получилъ вѣдѣніе всего: *въ руку бо Его и мы и словеса наша* (ст. 7. 16). Потомъ—какова эта премудрость и какъ она пришла къ людямъ: *едина же сущи вся́ческая можетъ и пребывающи въ себѣ вся обновляетъ* (ст. 27). Эту премудрость, говоритъ, я и возлюбилъ отъ юности моей и получилъ отъ нея всѣ блага тѣлесныя и духовныя. Познавъ величіе премудрости, я просилъ Господа, чтобы мнѣ данъ былъ Духъ Святый, просвѣщающій меня въ ней. Онъ и былъ посланъ, чтобы содѣйствовать мнѣ: *помыш-*

---

[1]) Сл. Б.: *Есмь бо и азъ человѣкъ смертенъ, подобенъ всѣмъ, въ пеленахъ воскормленъ есмь.*

ленія бо смертныхъ боязлива (Прем. ιх, 14). Далѣе—о дѣлахъ премудрости: какъ она сохранила первозданнаго человѣка, отъ какихъ золъ Богъ спасаетъ вѣрующихъ въ Него, и какія подаетъ имъ блага, напримѣръ Ною, Аврааму, Лоту, Іакову, Іосифу, израильтянамъ, которыхъ Онъ избавилъ чрезъ Моисея отъ руки египтянъ; какъ извелъ для нихъ воду изъ камня, и какъ послалъ осъ на семь народовъ, впрочемъ являя долготерпѣніе, чтобы дать имъ время для покаянія, а народъ свой научить чрезъ это быть человѣколюбивымъ. Затѣмъ—о покланяющихся стихіямъ, о жабахъ, осахъ, мышахъ, саранчѣ, мошкахъ, змѣяхъ; о почитателяхъ идоловъ, сдѣланныхъ изъ золота и серебра, или камней, или дерева; о томъ, что чрезъ древо (креста)—спасеніе вѣрующимъ; о тѣхъ, которые дѣлаютъ или украшаютъ идоловъ; о всякомъ злѣ отъ идолослуженія; о нечестивомъ богослуженіи и о томъ, сколько въ немъ зла; о горшечникахъ и глиняныхъ идолахъ; о всѣхъ идолахъ, почитаемыхъ язычниками; о свирѣпыхъ звѣряхъ, змѣяхъ, кошкахъ и подобныхъ; о томъ, что Богъ оказалъ благодѣяніе израильтянамъ, пославъ имъ вмѣсто жабъ коростелей; о томъ, какъ Онъ спасъ народъ Свой отъ укушенія змѣями чрезъ мѣднаго змія, повѣшеннаго на крестѣ, а враговъ ихъ истребилъ змѣями и мышами; какъ Онъ питалъ народъ ангельскою пищею, доставлявшею всякое наслажденіе и приспособленною ко всякому вкусу; какъ Онъ послалъ на египтянъ градъ съ огнемъ, для истребленія идоловъ; какъ послалъ на египтянъ непроницаемую тьму со всѣми ея
бѣдствіями, тогда какъ святымъ своимъ явилъ свѣтъ въ 870
Египтѣ и столпъ огненный въ пустынѣ; какъ за умерщвленіе младенцевъ израильскихъ постигли египтянъ смерть первенцевъ и потопленіе, а для израильтянъ вмѣсто смерти первенцевъ даровано спасеніе кровію агнца; какъ въ пустынѣ, когда умирали праведники, Ааронъ умилостивлялъ Бога молитвами и ѳиміамомъ, а когда гибли египтяне въ Чермномъ морѣ, гнѣвъ Божій былъ безъ милосердія, народъ же (израильскій) (перешелъ) необыкновеннымъ путемъ; о томъ, что египтяне потерпѣли все это за ненависть къ пришельцамъ, равно какъ и содомляне; и о томъ, что всѣ стихіи подчиняются божественному управленію Христа, Который настраиваетъ ихъ, какъ Ему угодно, подобно тому, какъ гуслярь настраиваетъ струны гуслей. Таково все содержаніе книги Премудрости Соломоновой, называемой *сокровищницею всѣхъ добродѣтелей* [1]).

---

[1] Πανάρετος.

КНИГА ПРИТЧЕЙ СОЛОМОНОВЫХЪ.

Эта книга называется *Притчами Соломоновыми* потому, что притчи изрекъ и написалъ Соломонъ. Принявъ царство Давида, отца своего, онъ просилъ Бога даровать ему болѣе мудрости, нежели богатства и побѣдъ надъ врагами. Получивъ ее и ставъ мудрымъ больше всѣхъ людей, жившихъ прежде него и послѣ него, и сдѣлавшись предметомъ удивленія во всемъ, что дѣлалъ и говорилъ, онъ изрекъ три тысячи притчей и пять тысячъ пѣсней, и разсуждалъ о всемъ, произрастающемъ изъ земли и о всѣхъ животныхъ. Нѣкоторые говорятъ, что онъ написалъ только три книги, именно: Притчи, Экклезіаста и Пѣснь Пѣсней; а другіе приписываютъ ему и ту, которая надписывается: *Премудрость* и называется: *сокровищница всѣхъ добродѣтелей*, и утверждаютъ, что и она есть подлинное его произведеніе. Эту книгу онъ надписалъ: *Притчи*. Притчи—это мудрыя изреченія, какъ бы загадки, которыя сами по себѣ представляютъ одно, а подразумѣвается въ нихъ нѣчто другое. Такого рода изреченія и есть притчи. Такъ въ Евангеліи Іоанна ученики Господни, послѣ того какъ Господь говорилъ о многомъ прикровенно, сказали Ему: *се нынѣ не обинуяся глаголеши, а притчи никоея же не глаголеши* (Іоан. XVI, 29); слѣдовательно, въ притчахъ говорится не ясно, а прикровенно. Такъ какъ подобныхъ изреченій весьма много въ этой книгѣ, то она и надписана: *Притчи*. Самое же названіе *Притчи* [1]) произошло отъ того, что подобныя изреченія писались на всякомъ пути для вразумленія и назиданія проходящихъ по пути; а писались они при пути потому, что не всѣ могли хранить слова истины, чтобы люди, по крайней мѣрѣ проходя и замѣчая написанное, вникали въ это и такимъ образомъ поучались. Потому нѣкоторые и опредѣляютъ ихъ такъ: притча есть придорожное изреченіе, переносящее наши мысли отъ чего-нибудь одного ко многому. Итакъ въ этой книгѣ предлагается *позинаніе премудрости и наказанія, разумѣніе словесъ мудрости, извитія словесъ, уразумѣніе правды истинной, исправленіе суда*, и обѣщаніе—объяснять *притчу и темное слово, реченія премудрыхъ и гаданія* (Притч. I, 2—6). И дѣйствительно, здѣсь есть *познаніе премудрости и наказанія*. Такъ какъ язычники утверждаютъ, что они владѣютъ мудростью, и еретики думаютъ, что они имѣютъ знаніе, то Соломонъ и научаетъ истинной мудрости и знанію, чтобы кто-нибудь, увлекшись сходнымъ названіемъ мудрости, не впалъ въ мудрованія язычниковъ и еретиковъ. Язычники, думая, что они что-либо значатъ

[1]) Притча—παροιμία „придорожная".

и *глаголющеся быти мудри, объюродѣша* (Рим. 1, 22). И еретики, 371
считая себя знающими, совратились и погрѣшаютъ, осудивъ сами себя. Мудрый же, слыша божественныя изреченія, сдѣлается еще болѣе мудрымъ. Кто слушаетъ заповѣди Божія и хранитъ ихъ, не пренебрегая ученіемъ Господнимъ и не увлекаясь обольщеніемъ, тотъ будетъ сыномъ мудрымъ, и научившись, скоро получитъ и познаніе о Богѣ. Такъ научаются мудрые! *Разумѣніе же словесъ мудрости* есть ученіе о единомъ истинномъ Богѣ. Изъ язычниковъ одни представляли Бога тѣлеснымъ, другіе служили вмѣсто Него идоламъ; также и еретики заблуждаются относительно истиннаго Бога. Потому Соломонъ и предлагаетъ истинное знаніе о Богѣ, называя Его неизреченнымъ: *слава Божія кроетъ слово* (Прит. xxv, 2). О промышленіи Божіемъ онъ говоритъ: *на всякомъ мѣстѣ очи Господни смотряютъ злыя же и благія* (xv, 3); еще: *богатъ и нищъ срѣтоста другъ друга, обоихъ же Господь сотвори* (xxii, 2); еще: *заимодавцу и должнику другъ со другомъ сошедшымся, посѣщеніе творитъ обѣма Господь* (xxix, 13); и еще: *предъ очима бо суть Господнима путіе мужа: вся же теченія его назираетъ* (v, 21). О судѣ Его говоритъ: *жертвы нечестивыхъ мерзость Господеви: обѣты же правоходящихъ пріятны Ему* (xv, 8); и еще: *домы досадителей разоряетъ Господь, утверди же предѣлъ вдовицы* (xv, 25). Онъ не только говоритъ о сотвореніи Имъ міра, но утверждаетъ, что Господь творитъ все словомъ Своимъ и премудростію; это и есть свойство истиннаго Бога, что Онъ—Отецъ Сына. Такъ онъ говоритъ: *Богъ премудростію основа землю* (iii, 19); и еще: *Господь сотвори страны и ненаселенныя и концы населенныя поднебесныя. Егда готовяше небо, съ Нимъ бѣхъ, и егда отлучаше престолъ свой на вѣтрѣхъ, и егда крѣпки творяше вышнія облаки, бѣхъ при Немъ устроя. Азъ бѣхъ, о ней же радовашеся, на всякъ же день веселяхся предъ лицемъ Его* (viii, 26—30). *Извитіями словесъ* названы тѣ изреченія, сокрытый смыслъ которыхъ открываетъ и находитъ тотъ, кто размышляетъ надъ ними. Таковы напримѣръ слѣдующія: *спасется отъ зноя сынъ разумный, вѣтротлѣненъ же бываетъ на жатвѣ сынъ беззаконный* (x, 5); еще: *прилѣжи о злацѣхъ, сущихъ на поли, и пожнеши траву, и собирай сѣно нагорное, да имаши овцы на одѣяніе* (xxvii, 25, 26); и еще: *аще сядеши вечеряти на трапезѣ сильнаго, разумно разумѣвай предлагаемая тебѣ* (xxiii, 1), и тому подобныя. *Уразумѣніе правды истинной* предлагается потому, что нѣкоторые исказили слово *правда*. Одни называютъ правдою—отдавать тó, чтò получилъ ктонибудь на сохраненіе; а другіе—воздавать зломъ за зло и добромъ за добро. Но такія опредѣленія не точны. Нельзя говорить: какимъ образомъ онъ поступилъ со мною, такимъ и я поступлю

съ нимъ, отмщу ему тѣмъ же, чѣмъ онъ обидѣлъ меня. Потому Соломонъ и научаетъ здѣсь истинной правдѣ; истинная правда состоитъ въ томъ, чтобы воздавать каждому свое. Прежде всего *чти Господа отъ праведныхъ твоихъ трудовъ, и начатки давай Ему отъ твоихъ плодовъ правды* (Прит. III, 9); потомъ почитай царя, родителямъ воздавай должное, и всѣмъ—подобающее. Это—одинъ видъ правды. Другой состоитъ въ томъ, чтобы хранить въ правдѣ
372 свою душу, соблюдать умѣренность, и не уклоняться въ неумѣренность, но подчиняться разуму, *да тя не постигнетъ совѣтъ злый, оставляющій ученіе юности* (II, 16, 17), и дѣлать все обдуманно; пусть судъ твой будетъ въ помыслахъ твоихъ, такъ чтобы ты судилъ самъ себя, и чтобы всѣ желанія твои были благи, потому что *желаніе праведныхъ все благое, и желаніе праведнаго пріятно* (XI, 23. X, 24). О гнѣвѣ же онъ говоритъ: *не бывай другъ мужу гнѣвливу и со другомъ жестокосердечнымъ не сводворяйся: весь бо гнѣвъ свой произноситъ безумный, премудрый же скрываетъ по части* (XXII, 24; XXIX, 11). Кто такъ настраиваетъ себя и сохраняетъ здравыми и невредимыми дѣйствія каждой душевной способности, тотъ будетъ человѣкомъ, знающимъ истинную правду. *Исправлять судъ* значитъ прежде всего судить справедливо, по закону Божію, какъ говоритъ онъ: *отверзай уста твоя слову Божію и суди вся здраво, разсуждай же убога и немощна* (XXXI, 8—9). *Глаголяй нечестиваго, яко праведенъ есть, проклятъ отъ людей будетъ и возненавидѣнъ во языцѣхъ: срамлятися лица на судѣ не добро* (XXIV, 24. 23). Это нужно говорить открыто; притомъ, судя за что-нибудь другихъ, нужно прилагать тотъ же судъ и къ самому себѣ, испытывать и самого себя, умѣряя себя, когда увеличивается гнѣвъ, одерживая, когда усиливается страсть, и возбуждая, когда засыпаетъ разумъ, такими словами: *доколѣ, о лѣниве, лежиши* (VI, 9)? Кто поступаетъ такъ справедливо, и бываетъ судьею самому себѣ, тотъ научится *исправлять судъ* и не услышитъ отъ другого: *научая инаго, себе ли не учиши? Глаголяй не прелюбы творити, прелюбы твориши* (Рим. II, 21, 22). Какъ путешественникъ, идущій прямою дорогою, достигаетъ цѣли, такъ и человѣкъ, *исправляющій судъ*, будетъ признанъ справедливымъ и мудрымъ. *Притчами* [1]) же называются изреченія, представляющія въ образахъ то, о чемъ говорится. Въ нихъ сказанное объясняется посредствомъ подобія. Такъ, по сказанію Марка, Господь говорилъ: *чесому уподобимъ царствіе Божіе, или коей притчи приложимъ е* (Марк. IV, 30); слѣдовательно, притча есть подобіе того, что говорится. И въ другомъ мѣстѣ Господь, сказавъ: *по-*

[1]) Въ словахъ Прит. I, 6: *уразумѣетъ же притчу*,—παραβολή. „сравненіе".

добно есть царствіе Божіе, присовокупилъ: *сего ради въ притчахъ глаголю имъ* (Мѳ. xiii, 31). Таковы здѣсь слѣдующія притчи: *якоже исходище снѣга въ жатву зноя пользуетъ, тако вѣстникъ вѣренъ пославшихъ его* (Прит. xxv, 13); и еще: *якоже вѣтри и облацы и дождеве являющіися, тако и хвалящіися о даяніи ложномъ* (ст. 14), и тому подобныя. *Реченія премудрыхъ*—не пустыя мудрствованія, не изреченія, обольщающія видомъ правдоподобія, но основательныя; не по заказу высказанныя, а дознанныя самими говорящими и выражающія какъ бы приговоры, произносимые ими. Таковы напр. слѣдующія: *сердцу веселящуся лице цвѣтетъ, въ печалехъ же сущу сѣтуетъ* (Прит. xv, 13); еще: *сердце правое ищетъ чувства: уста же ненаказанныхъ уразумѣютъ злая* (ст. 14); еще: *ненависть воздвизаетъ распрю, всѣхъ же нелюбопрительныхъ покрываетъ любовь* (x, 12); и еще: *иже презираетъ вещь, презрѣнъ будетъ отъ нея, а боялся заповѣди, сей здравствуетъ* (xiii, 13). Слова другихъ людей бываютъ большею частію неосновательны, а слова мудрыхъ, каковы напр. вышесказанныя, истинны и во всѣхъ отношеніяхъ точны, такъ что невозможно противорѣчить имъ. Другіе люди опредѣляютъ дѣла по слѣдствіямъ ихъ, напр. говорятъ: несправедливый дуренъ, прелюбодѣй не хорошъ,—что всѣмъ извѣстно; а мудрые открываютъ причины дѣйствій, чтобы 373
всякій, узнавъ причины золъ, остерегался ихъ, и представляютъ какъ бы краткій очеркъ движеній души. Таково напр. вышеприведенное изреченіе: *ненависть воздвизаетъ распрю, всѣхъ же нелюбопрительныхъ покрываетъ любовь,* такъ какъ у сварливаго распри его получаютъ свое начало отъ ненависти и никто не скажетъ, что онъ любитъ сварливаго; напротивъ несварливый обнаруживаетъ признаки любви, и никто не скажетъ, что любящій сварливъ. Также слѣдующія изреченія: *въ похотехъ есть всякъ праздный* (Прит. xiii, 8); *всякъ острояростный безъ совѣта творитъ* (Прит. xiv, 17). Здѣсь выражается то, что *душа празднаго* предана всякимъ похотямъ, а гнѣвливый не можетъ правильно разсуждать. Всѣ эти изреченія главнымъ образомъ указываютъ на нравственную сторону, на причину дѣйствій, раскрывая, что распрѣ предшествуетъ ненависть, а несварливости предшествуетъ любовь, праздности предшествуетъ порочное удовольствіе, а гнѣвливости предшествуетъ безразсудство; что презираемый терпитъ презрѣніе отъ того, что самъ презираетъ законъ; что здоровью предшествуетъ страхъ Господень; что причиною погибели души бываетъ необузданность языка; что робости предшествуетъ дерзость. Такимъ образомъ, изслѣдуя каждое изреченіе, ты найдешь, что оно сказано и написано для того, чтобы слушающіе, познавая причины зла и добра, избѣгали худого и дѣлали доброе. *Гаданія* и *тем-*

ныя слова — это изреченія, сказанныя такъ темно, что читающій ихъ сначала скорбитъ, думая, что они ничего не выражаютъ и не содержатъ никакой мысли, но, тщательно вникнувъ, открываетъ въ нихъ смыслъ. Таковы, напр.: *піявица имѣ три дщери, любовію возлюблены, и три сія не насытишася ея, и четвертая не удовлися рещи: довольно. Адъ и похоть жены, и тартаръ, и земля ненапоеная водою, и вода, и огнь не рекутъ: довлѣетъ* (Прит. XXX, 15, 16); и еще: *тріе ми суть невозможная уразумѣти и четвертаго не вѣмъ: слѣда орла паряща, пути змія по камени, и стези корабля пловуща по морю, и путей мужа въ юности* (ст. 18, 19), и тому подобныя загадки. Онѣ выражаютъ одно, а даютъ мысль о другомъ, и хотя неясны, но имѣютъ сокровенный смыслъ. Таково содержаніе книги Притчей.

А порядокъ изложенія въ ней слѣдующій. Вначалѣ говорится о самыхъ *притчахъ Соломона, сына Давидова, иже царствова* во Іерусалимѣ, еже *познати премудрость и наказаніе* (Прит. I, 1—2); далѣе о томъ, что *начало премудрости страхъ Господень* (ст. 7); что нужно слушаться повелѣній отца и не пренебрегать совѣтами матери, что не должно заблуждаться и идти однимъ путемъ съ людьми, которые имѣютъ *общее влагалище* (ст. 14); что *премудрость во исходѣхъ поется, нечестивіи же возненавидѣша чувство* (ст. 20, 22); что она звала ихъ, но они не послушали ея, потому и она не послушаетъ ихъ, когда они будутъ звать ее. Далѣе говорится: *пріими глаголъ заповѣди* (II, I), и *послушаетъ премудрости ухо твое* (ст. 2), и *уразумѣеши правду и судъ* (ст. 9); горе *оставившимъ пути правыя* (ст. 13) *и радующимся о развращеніи злѣмъ* (ст. 14); и еще: *да тя не постигнетъ совѣтъ злый*
374 (ст. 16), чтобы тебѣ *обрѣсти стези правы гладки* (ст. 20). Еще говорится о томъ, чтобы ты не забывалъ соблюдать законъ, чтобы имѣть тебѣ долголѣтнюю мирную жизнь,—чтобы ты надѣялся всѣмъ сердцемъ на Бога, и не былъ *мудрымъ о себѣ* (III, 7), но почиталъ Господа *отъ праведныхъ трудовъ твоихъ* (ст. 9), и не *пренебрегалъ наказаніемъ Господнимъ* (ст. 11), *его же бо любитъ Господь, наказуетъ* (ст. 12). Говорится о томъ, что блаженъ человѣкъ, нашедшій премудрость; о томъ, что ты не долженъ предаваться нѣгѣ, но долженъ хранить совѣтъ и разумъ, чтобы тѣло твое было здравымъ; о томъ, что не должно отказываться отъ благотворенія нуждающемуся, когда рука твоя можетъ помочь ему, и не долженъ ты замышлять зло противъ друга своего, потому что нечистъ предъ Господомъ всякій беззаконникъ. Далѣе говорится, что *Господь гордымъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать* (III, 34); что слѣдуетъ слушать наставленія отца: *сыне, моимъ глаголомъ внимай* (IV, 20) *и всяцѣмъ храненіемъ*

блюди твое сердце (ст. 23), и Господь *права сотворитъ теченія твоя* (ст. 29); о томъ, что не должно внимать женѣ злой: *на пути бо животныя не находитъ* (v, 6), *далече отъ нея сотвори путь твой* (ст. 8). Еще: *пій воды отъ своихъ сосудовъ* (ст. 15) *и источникъ твоея воды да будетъ тебѣ твой* (ст. 18); *въ дружбѣ бо сея спребываяй, умноженъ будеши* (ст. 19). Еще: *иди ко мравію, о лѣниве* юноше, *и буди онаго мудрѣйшій* (vi, 6); онъ *въ жатву многое творитъ уготованіе*. Также говорится, чтобы ты шелъ *ко пчелѣ: и уразумѣй, коль дѣлательница есть* (ст. 8). *Доколѣ, о лѣниве, лежиши* (ст. 9)? *Мало убо спиши, мало сѣдиши* (ст. 10); потому внезапно наступитъ погибель твоя. Далѣе о соблюденіи заповѣдей отца; о томъ, что *свѣтильникъ* заповѣдей *свѣтъ* есть *и путь жизни* (ст. 23); и еще: положитъ *ли кто огнь въ нѣдра, ризъ же своихъ не сожжетъ ли? Или ходити кто будетъ на углiяхъ огненныхъ, ногъ же не сожжетъ ли? Тако вшедый къ женѣ мужатѣй не безъ вины будетъ* (ст. 27—29). Еще: *не дивно, аще крадый ятъ будетъ: крадетъ бо, да насытитъ душу свою алчущую* (ст. 30); *прелюбодѣй же за скудость ума своего погибель души своей содѣваетъ* (ст. 32). Далѣе: *чти Господа, и укрѣпишися* (vii, 1), *и храни моя заповѣди* (ст. 2), *и напиши я на скрижали сердца твоего* (ст. 3), *да тя соблюдутъ отъ жены чуждія и блудницы* (ст. 5). Говорится, чтобы ты проповѣдывалъ премудрость, потому что она *на высокихъ краехъ есть* (viii, 2), и лучше сребра и многоцѣннѣе злата искушенна (ст. 10); и что *страхъ Господень ненавидитъ неправды* (ст. 13). Еще: *Господь созда мя въ начало путей своихъ въ дѣла своя* (ст. 22); еще: *премудрость созда себѣ домъ* (ix, 1); и еще: *обличай премудра и возлюбитъ тя* (ст. 8); *аще премудръ будеши, себѣ премудръ будеши и искреннимъ твоимъ: аще же золъ будеши, единъ почерпнеши злая* (ст. 12). *Жена безумная и продерзая скудна хлѣбомъ бываетъ* (ст. 13). *Нищета мужа смиряетъ* (x, 4); *сынъ наказанъ премудръ будетъ* (ст. 5); *память праведныхъ съ похвалами* (ст. 7); *иже ходитъ просто, ходитъ надѣяся* (ст. 9); *иже отъ устенъ произноситъ премудрость, жезломъ біетъ мужа безсердечна* (ст. 13); *пути жизни хранитъ наказаніе* (ст. 17); *покрываютъ вражду устнѣ праведныя* (ст. 18); *безумный творитъ злая* (ст. 23); *уста праведнаго каплютъ премудрость* (ст. 31). Далѣе говорится объ идоло- 375
поклонникахъ, которые дѣлаютъ идоловъ изъ золота и серебра изъ камней, или дерева; о томъ, что спасеніе для вѣрующихъ будетъ чрезъ древо (креста); о тѣхъ, которые дѣлаютъ или украшаютъ идоловъ, о злѣ всякаго рода, происходящемъ отъ идолопоклонства, о нечестивомъ богослуженіи и о томъ, сколько въ немъ золъ; о горшечникѣ, и глиняныхъ идолахъ, о всѣхъ идо-

лахъ языческаго богослуженія; о свирѣпыхъ животныхъ, змѣяхъ, кошкахъ и подобныхъ; о томъ, что Богъ благоволилъ послать израильтянамъ вмѣсто жабъ коростелей и проч.

ОБОЗРѢНІЕ КНИГИ СИРАХА.

Въ этой книгѣ говорится о страхѣ Божіемъ, о томъ, что не должно гнѣваться и что должно приступать къ Богу безъ лицемѣрія, объ искушеніяхъ и терпѣніи, о почтеніи къ родителямъ, о кротости, о томъ, что не должно изслѣдовать глубже того, какъ заповѣдано, о милосердіи и покровительствѣ бѣднымъ, о мудрости, о стыдѣ вредномъ и полезномъ: много здѣсь говорится о стыдѣ вредномъ. О томъ, что не должно предаваться страсти къ деньгамъ, и думать, что мы грѣшилъ безнаказанно, хотя бы и не тотчасъ постигли насъ наказанія: Богъ долготерпѣливъ, но должно умилостивлять Его. О пустословіи, о тщеславіи, о выборѣ друзей, объ ученіи, о полезномъ слушаніи; о томъ, что не должно грѣшить, лгать, пустословить и повторять обѣтовъ въ молитвѣ, т. е. не откладывать того, что обѣщано Богу. О женѣ, о рабахъ, о скотѣ, о дѣтяхъ, объ отцѣ, о благоговѣніи къ Богу, о почитаніи священниковъ и призрѣніи несчастныхъ; о томъ, что не должно ссориться, порицать, пренебрегать бесѣдами мудрыхъ старцевъ; о воздержаніи, о дружбѣ, о томъ, что не слѣдуетъ подражать грѣшникамъ; о судьѣ мудромъ и безразсудномъ, о гордости, о смиреніи, о томъ, чтобы не укорять безъ суда и изслѣдованія, чтобы остерегаться людей порочныхъ. Объ угожденіи богатымъ, какое многіе оказываютъ имъ, и о корыстолюбіи нѣкоторыхъ изъ нихъ. О скупыхъ, которыхъ называютъ червями, такъ какъ они не удѣляютъ ничего другимъ. О пріобрѣтеніи мудрости и о свободѣ; о томъ, что лучше быть бездѣтнымъ, нежели имѣть дурныхъ дѣтей, и что нѣтъ ничего сокровеннаго для Бога. О тваряхъ, о созданіи человѣка и о чести, какой онъ удостоенъ. О дарованіи закона, о милосердіи и раскаяніи, о воздержаніи отъ сладострастія, о храненіи тайнъ, о вредномъ стыдѣ глупца; о раскаяніи во грѣхахъ и нелюбостяжательности, о мудромъ и безумномъ, о дерзкой дочери, о невнимательности глупаго, о твердомъ умѣ, о томъ, что не слѣдуетъ говорить неосторожно. О сокрушеніи во грѣхахъ, о томъ, чтобы не клясться, о мудрости. О женѣ злой и доброй, о купцахъ, о
376 тѣхъ, которые выдаютъ тайны; о тѣхъ, которые въ лицо хвалятъ, а потомъ насмѣхаются; о прощеніи ближнему прегрѣшеній его;

о коварномъ языкѣ, о томъ, чтобы давать въ долгъ ближнему, не получая процентовъ, и снабжать нуждающагося; о тщательномъ воспитаніи дѣтей, о рабахъ, о животныхъ, о снахъ. О боящихся Бога, о жертвахъ неправедныхъ, о приношеніяхъ праведныхъ, о сребролюбіи, о сластолюбіи, о пьянствѣ. О томъ, что природный составъ у людей одинъ, но различіе наклонностей производитъ то, что одни благословляются, а другіе проклинаются. О врачеваніи, о томъ, что не должно слишкомъ предаваться скорби; о томъ, что должно повиноваться закону и заповѣдямъ Божіимъ, о дѣлахъ Божіихъ, о наказаніяхъ, о человѣческой жизни, исполненной многихъ бѣдствій и заботъ, о дѣлахъ Божіихъ.

ОБОЗРѢНІЕ КНИГИ ПРОРОКА ИСАІИ.

Въ ней содержится обличеніе израильтянъ, описаніе ихъ бѣдствій, отверженіе (Богомъ) жертвоприношеній и призывъ къ лучшей жизни. Пророчество о Церкви и будущемъ мірѣ. Обличеніе израильтянъ и будущая осада; обличеніе ихъ роскоши и гордости; отверженіе Израиля подъ образомъ виноградника. Пророкъ укоряетъ начальниковъ израильскихъ въ любостяжаніи и пьянствѣ и предсказываетъ опустошеніе; угрожаетъ тѣмъ, которые предпочитаютъ ложныхъ пророковъ истиннымъ. Нашествіе враговъ. Пророкъ видитъ видѣніе, въ которомъ были очищены уста его. Царь сирійскій вмѣстѣ съ израильтянами идетъ войною на Іерусалимъ, и Исаія пророчествуетъ о Христѣ, объ опустошеніи Іерусалима и о нашествіи Навуходоносора. Пророчество о вѣрующихъ во Христа. О силѣ, гордости и погибели царя ассирійскаго. О вѣрующихъ во Христа; о рожденіи Христа по плоти; о кротости вѣрующихъ въ Него. Пророкъ предсказываетъ о погибели Вавилона и иноплеменниковъ. Погибель моавитянъ. Пророчество о Христѣ. Погибель Дамаска; бѣдствія израильтянъ и спасеніе ихъ. Погибель Египта. Пророкъ иносказательнымъ образомъ предсказываетъ народамъ, которые не вѣруютъ въ Господа, бѣдствія и истребленіе ихъ нечестія. Исаія получаетъ повелѣніе ходить нагимъ. Война мидянъ и вавилонянъ противъ Идумеи и Аравіи. Послѣдняя осада Іерусалима Навуходоносоромъ. Предсказаніе Сомнану, *строителю дома*, о его погибели. *Строители дома*, т. е. хранители имущества въ храмѣ, были изъ священниковъ (Ис. XXII, 15). Погибель Тира, и затѣмъ спасеніе его, и иносказательное пророчество о церквахъ. Погибель Вавилона отъ мидянъ и благодарность за нее Богу отъ пророка. Пророче- 377

ство о вѣрующихъ во Христа; о погибели діавола отъ Христа, о пришествіи Христа во плоти; о вѣрѣ во Христа. Пророкъ укоряетъ израильтянъ за то, что они, оставивъ надежду на Бога, возложили ее на египтянъ, и предсказываетъ имъ бѣдствія, а потомъ—благополучіе. Здѣсь же содержится пророчество о Церкви Христовой, объ обращеніи язычниковъ ко Христу и объ опустошеніи Іерусалима. Сказаніе о Церкви, которое въ буквальномъ смыслѣ относится къ Идумеѣ и Іерусалиму, но въ переносномъ смыслѣ — къ отверженію іудеевъ и благоденствію Церкви Христовой. О дѣлахъ Сеннахирима. Пророчество объ Іоаннѣ Предтечѣ и о вѣрующихъ во Христа. Изображеніе силы Божіей; обличеніе израильтянъ за идолопоклонство и напоминаніе объ оказанныхъ народу благодѣяніяхъ Божіихъ. Объ устройствѣ Церкви и о безсиліи идоловъ. Пророчество о Христѣ и о вѣрующихъ въ Него. Пророкъ укоряетъ израильтянъ за грѣхи и говоритъ, что за непослушаніе ихъ посланы на нихъ бѣдствія. О вѣрѣ во Христа; о томъ, что Богъ оставитъ народъ безъ жертвоприношеній и не будетъ требовать служенія посредствомъ жертвъ. Пророчество о вѣрующихъ во Христа. Обличеніе безсилія идоловъ и изображеніе силы Божіей. Погибель Вавилона; обличеніе жестокосердія іудеевъ и пророчество о благопріятныхъ обстоятельствахъ. Пророчество о Христѣ и утѣшеніе Іерусалима. Пророчество о Христѣ и апостолахъ. О рожденіи Христа по плоти, о страданіи Его, воскресеніи и о множествѣ вѣрующихъ въ Него. Пророчество о Христѣ и вмѣстѣ объ израильтянахъ по буквальному смыслу, а по переносному смыслу—о вѣрующихъ во Христа. Осужденіе іуеевъ за идолослуженіе, отверженіе поста ихъ и указаніе на другой лучшій постъ. Далѣе обличеніе коварныхъ дѣлъ ихъ и замысловъ, и пророчество о вѣрующихъ во Христа. Пророчество о Христѣ, и объ исцѣленіяхъ души и тѣла, совершенныхъ Имъ; объ апостолахъ и прочихъ вѣрующихъ въ Него. О страданіи Его. Исповѣданіе пророка, какъ бы отъ лица народа, и обличеніе Господомъ невѣрія іудеевъ; принятіе вѣрующихъ въ Него, и осужденіе идолопоклонства іудеевъ. О вѣрующихъ въ Господа нашего Іисуса Христа изъ іудеевъ. Осужденіе невѣрующихъ въ будущую жизнь.

ОБОЗРѢНІЕ КНИГИ ПРОРОКА ІЕРЕМІИ.

Въ ней содержатся предсказаніе израильтянамъ будущихъ бѣдствій отъ Навуходоносора. Обличеніе идолопоклонства израильтянъ и напоминаніе о благодѣяніяхъ Божіихъ имъ, и о бѣдствіяхъ, которыя они потерпѣли за то, что положились на егип-

тянъ. Обличеніе безсилія идоловъ и осужденіе самихъ израильтянъ за принесеніе въ жертву людей. Обличеніе израильтянъ и указаніе на тяжесть, въ сравненіи съ ихъ преступленіями, преступленій іудеевъ; предсказаніе израильтянамъ благопріятныхъ обстоятельствъ, если они обратятся къ Богу, и исповѣданіе про- 378
рока, какъ бы отъ лица народа. Нашествіе вавилонянъ; плачь пророка о будущемъ опустошеніи, и описаніе самаго опустошенія. Порицанія народу за то, что среди него не оказалось никого столь праведнаго, чтобы остановить гнѣвъ Божій, и обличеніе нечестія народа. О томъ, что Іерусалимъ будетъ разрушенъ Навуходоносоромъ не до основанія. Нашествіе вавилонянъ и осужденіе непослушанія израильтянъ, не хотѣвшихъ слушать пророка. Обличеніе лжепроковъ, обольщавшихъ народъ, потому что когда Іеремія говорилъ, что будетъ война,—они говорили: нѣтъ, будетъ миръ. Отверженіе жертвоприношеній, нашествіе царя вавилонскаго и обличеніе неисправимой воли іудеевъ. Богъ увѣщеваетъ іудеевъ сдѣлаться лучшими, и угрожаетъ, что, если они не сдѣлаются, то подвергнутся тѣмъ же бѣдствіямъ, какъ израильтяне; а Іеремія запрещаетъ молиться о нихъ. Отверженіе жертвоприношеній, осужденіе іудеевъ за невнимательность и за человѣческія жертвы, которыя они приносили бѣсамъ. Предсказаніе о томъ, что мѣсто, гдѣ стоитъ идолъ ихъ, будетъ для нихъ гробомъ и что нѣкоторые изъ убитыхъ даже не будутъ преданы погребенію. Еще о нашествіи непріятелей и плачь Іереміи о нечестіи іудеевъ. Осужденіе іудеевъ, какъ необрѣзанныхъ сердцемъ; увѣщаніе—не служить идоламъ; плачь какъ бы отъ лица народа о будущихъ бѣдствіяхъ и обличеніе отъ Бога. Увѣщаніе израильтянамъ — слушать Бога; осужденіе отцевъ ихъ, и предсказаніе имъ будущихъ золъ. Опять запрещается Іереміи молиться о нихъ. Пророкъ плачетъ, подвергаясь кознямъ іудеевъ въ Анаѳоѳѣ, и по этому поводу предсказываетъ ожидающую ихъ погибель. Іеремія получаетъ повелѣніе скрыть поясъ и предсказываетъ, что народъ будетъ пресыщенъ и опьяненъ бѣдствіями. О бездождіи. Пророку запрещается молиться о народѣ; Богъ отвергаетъ всесожженія ихъ и посты, и угрожаетъ бѣдствіями лжепророкамъ, которые говорили, что несчастія не постигнутъ народъ. Пророкъ умоляетъ Бога; но Богъ говоритъ, что Онъ не послушаетъ, хотя бы даже Моисей и Самуилъ ходатайствовали за нихъ, и предастъ ихъ на мечъ и смерть, на голодъ и плѣнъ и на жертву всѣмъ бѣдствіямъ. Іеремія молитъ Бога объ отмщеніи тѣмъ, которые поносятъ его, а Богъ говоритъ ему: *аще изведеши честное отъ недостойнаго, яко уста моя будеши* (Іер. xv, 19). Іеремія получаетъ повелѣніе не вступать въ бракъ, не плакать и не

участвовать съ израильтянами въ обрядахъ при погребеніи умершихъ. Пророчество объ апостолахъ и о Христѣ. Пророкъ предрекаетъ слова невѣрующихъ въ Него и молится о наказаніи ихъ; затѣмъ увѣщеваетъ іудеевъ хранить субботу. Пророкъ посылается въ домъ горшечника. *Наконецъ возглаголю*, говоритъ Богъ, *на царство, да искореню* его: *и аще обратятся*, не искореню. *И наконецъ реку*, говоритъ, *на языкъ и царство, да возсозижду* его: *и аще сотворятъ лукавая*, не сотворю и Я тѣхъ благъ, *яже глаголахъ сотворити имъ* (Іер. XVIII, 7 — 10). Эта глава полезна для обличенія іудеевъ, когда они станутъ говорить, что Богъ обѣщалъ имъ блага, потому что они, не увѣровавъ въ Господа на-
379 шего Іисуса Христа, сами сдѣлались виновниками своихъ бѣдствій. Далѣе пророкъ предсказываетъ о козняхъ іудеевъ противъ него и молится о наказаніи ихъ за то, что они воздали зломъ за добро. Іеремія получаетъ повелѣніе взять глиняный сосудъ и, засвидѣтельствовавъ злодѣянія народа, разбить сосудъ предъ его глазами и сказать: такъ сокрушится Іерусалимъ! Когда Пасхоръ посадилъ Іеремію въ колоду, пророкъ предсказываетъ ему ожидающія его бѣдствія (Іер. XX). Потомъ, негодуетъ на порицающихъ его, молится о наказаніи ихъ и проклинаетъ день своего рожденія. Царь Седекія посылаетъ узнать отъ Іереміи, отступитъ ли отъ него Навуходоносоръ; а Іеремія говоритъ, что самъ Богъ будетъ воевать противъ іудеевъ и царя Седекіи; если же народъ захочетъ добровольно предаться Навуходоносору, то спасется, и царь не погибнетъ, если, оставивъ свое нечестіе, захочетъ внимать повелѣніямъ Божіимъ. Пророчество противъ Іоакима и Іехоніи и пастырей, и осужденіе лжепророковъ. Іеремія предсказываетъ іудеямъ благопріятныя обстоятельства, народу, оставшемуся въ Іерусалимѣ съ Седекіею, предвозвѣщаетъ подъ образомъ смоквъ нашествіе Навуходоносора, и всѣмъ народамъ предвозвѣщаетъ погибель подъ образомъ чаши. Предсказываетъ о разрушеніи Іерусалима. Священники берутъ Іеремію и обрекаютъ на смерть, но онъ избѣгаетъ опасности. Пророкъ получаетъ повелѣніе наложить на себя оковы и сказать посламъ иноплеменниковъ, чтобы они совѣтовали царямъ своимъ покориться Навуходоносору, потому что Богъ угрожаетъ смертію тѣмъ, которые не покорятся ему. Такое же увѣщаніе онъ предлагаетъ и Седекіи, и народу, и священникамъ. Но лжепророкъ Ананія говоритъ противъ пророка Іереміи, утверждая, что священные сосуды будутъ возвращены, равно какъ и Іехонія, сынъ Іоакима, брата Седекіи. И сокрушилъ ярмо пророка. Потому Іеремія посылается возвѣстить ему смерть въ томъ же году, что́ и исполнилось. Іеремія предсказываетъ бѣдствія лжепроро-

камъ въ Вавилонѣ, а народу продолжительный плѣнъ и будущее возвращеніе изъ плѣна. На это вознегодовалъ Самей и укорялъ священника за то, что онъ не запретилъ Іереміи произносить такія предсказанія. Потому Богъ угрожаетъ Самею погибелью. Далѣе утѣшительная рѣчь къ израильтянамъ. Іеремія указываетъ время, когда они возвратятся изъ Вавилона. Это было время *Пасхи* (Іер. xxxi, 8); и у Ездры можно видѣть, что они возвратились въ праздникъ опрѣсноковъ. Такимъ образомъ іудеи явно обличаются въ заблужденіи, потому что они еще ожидаютъ описанныхъ въ этомъ мѣстѣ благъ, которыя уже осуществились. Далѣе пророчество объ убитыхъ Иродомъ младенцахъ. Пророчество о новомъ завѣтѣ. Іудеи до сихъ поръ еще ожидаютъ описаннаго въ этомъ мѣстѣ возстановленія города, между тѣмъ оно уже совершилось тогда, когда они возвратились изъ Вавилона. Іеремія получаетъ повелѣніе купить поле своего дяди, и, купивъ, говоритъ: городъ преданъ, а Ты повелѣваешь купить поле? Богъ 380
отвѣчаетъ ему: настоящія бѣдствія посылаются за грѣхи народа, но настанетъ время, когда городъ снова населится. Іеремія предсказываетъ Седекіи, что онъ будетъ взятъ въ плѣнъ, и обличаетъ тѣхъ, которые, отпустивъ на свободу рабовъ, снова поработили ихъ, и угрожаетъ великими бѣдствіями. Онъ повелѣваетъ сыновьямъ Іонадава построить домъ; но они отказываются. Іеремія получаетъ повелѣніе написать все, что онъ пророчествовалъ объ израильтянахъ, для того, чтобы іудеи, услышавъ снова объ ожидающихъ ихъ бѣдствіяхъ, убоялись хотя этого. Онъ поручаетъ сдѣлать это Варуху; и онъ сдѣлалъ. Написавши, онъ прочиталъ іудеямъ. Когда услышали объ этомъ начальники, то донесли царю Іоакиму. Тотъ, взявъ книгу, сжегъ ее. Тогда Іеремія получаетъ повелѣніе написать другую такую же книгу, и предсказываетъ царю бѣдствія за такой дерзкій поступокъ. Пророчествуетъ о взятіи Іерусалима. Іеремію берутъ и заключаютъ въ темницу; когда онъ былъ вызванъ оттуда Седекіею, то говоритъ ему, что онъ будетъ взятъ въ плѣнъ, и проситъ о себѣ, чтобы его не отсылали снова въ темницу. Но начальники схватили его и бросили въ грязный ровъ. Его вывелъ оттуда Авдемелехъ. Когда царь опять позвалъ его къ себѣ, пророкъ предсказываетъ ему спасеніе, если онъ захочетъ добровольно выйти ко врагамъ; а если не захочетъ, то погибнетъ весь городъ и его самого постигнутъ великія бѣдствія. Такъ какъ царь не согласился выйти, то непріятель пришелъ, и городъ былъ взятъ съ Седекіею. Вельможи Навуходоносора отнеслись къ Іереміи благосклонно. Авдемелеху пророкъ предсказываетъ спасеніе. Получивъ отъ архимагира позволеніе идти, куда угодно, Іеремія идетъ

къ Годоліи, котораго Навуходоносоръ поставилъ начальникомъ надъ оставшимися въ Іудеѣ. Къ Годоліи собрались разсѣявшіеся по селамъ іудеи. Измаилъ убиваетъ Годолію и нѣкоторыхъ другихъ и взявъ съ собою народъ, собравшійся къ Годоліи, уходитъ въ страну аммонитскую. Когда же увидѣлъ его Іоаннанъ, одинъ изъ начальниковъ, преданныхъ Годоліи, то Измаилъ убѣжалъ только съ восемью человѣками, и начальство надъ народомъ принялъ Іоаннанъ. Іеремію просили, чтобы онъ помолился о нихъ Богу; онъ совѣтовалъ имъ не ходить въ Египетъ, потому что Богъ угрожаетъ смертію, если они переселятся туда, но не убѣдилъ ихъ. Когда они дошли до Тафнаса, Іеремія убѣждаетъ ихъ не покланяться идоламъ. Такъ какъ они противорѣчили, то онъ предвозвѣщаетъ имъ великую гибель и царю египетскому предсказываетъ погибель Египта; говоритъ также о погибели и другихъ иноплеменниковъ, моавитянъ, аммонитянъ и идумеевъ, Дамаска и Елама, о погибели Вавилона и возвращеніи іудеевъ оттуда. Говоритъ, какъ взятъ былъ Іерусалимъ и какъ послѣ безчестія была оказана честь Іоакиму, который добровольно сдался Навуходоносору съ своею матерію.

ОБОЗРѢНІЕ КНИГИ ПРОРОКА ІЕЗЕКІИЛЯ.

Пророкъ созерцаетъ видѣніе херувимовъ и получаетъ отъ Бога повелѣніе говорить израильтянамъ. Переносится Духомъ къ
381 плѣнникамъ и побуждается Богомъ безбоязненно и усердно возвѣщать нечестивымъ и праведнымъ путь къ жизни и напоминать заповѣди Божіи. Получаетъ повелѣніе затвориться въ домѣ и предвозвѣстить осаду Іерусалима подъ образомъ кирпича и сковороды. Также получаетъ повелѣніе проспать извѣстное число дней на одномъ боку и тѣмъ возвѣстить предстоящія народу бѣдствія въ плѣну. Предсказываетъ подъ образомъ хлѣбовъ, приготовленныхъ на коровьемъ пометѣ, и посредствомъ раздѣленія своихъ волосъ—смерть и разсѣяніе народа. Къ этому присоединяетъ предсказаніе объ опустошеніи города и истребленіи идоловъ. Созерцаетъ беззаконія и идолослуженіе народа. Затѣмъ говоритъ о доживщихъ до погибели города. Опять видитъ херувимовъ и предсказываетъ бѣдствія городу. Говоритъ о вѣрующихъ во Христа. Затѣмъ предсказываетъ плѣненіе народа при Седекіи и ослѣпленіе самого Седекіи Навуходоносоромъ. Говоритъ, что эти бѣдствія постигнутъ ихъ не спустя долгое время, но скоро. Угрожаетъ лжепророкамъ, и бѣдствія, какимъ подвергнется народъ, называетъ неотвратимыми, такъ что ни Іовъ, ни

Даніилъ, ни Ной не могутъ спасти сыновъ его. Возвѣщаетъ окончательную погибель іудеевъ подъ образомъ виноградной лозы. Изображаетъ первоначальное безобразіе народа, пока Богъ не сдѣлалъ его Своимъ, и красоту народа послѣ того, какъ Богъ сдѣлалъ его Своимъ; затѣмъ—его идолослуженіе и постигшій его за то плѣнъ. Показываетъ глубину его беззаконій, чрезъ сравненіе съ Содомомъ и Самаріею, хотя беззаконія эти и сами по себѣ велики. Блага же, которыя онъ предсказываетъ, въ словахъ: *возставлю завѣтъ мой съ тобою* (Іез. XVI, 62), можно относить къ вѣрующимъ во Христа. Предсказываетъ нашествіе Навуходоносора. Отвѣчаетъ тѣмъ, которые говорили: *отцы ядоша терпкое, а зубомъ чадъ ихъ оскомины быша* (Іез. XVIII, 2). О матери царя Седекіи. Говоритъ старѣйшинамъ о беззаконіяхъ отцовъ ихъ. Слова: *понеже на горѣ моей святѣй, на горѣ высоцѣ Израилевѣ, глаголетъ Адонаи Господь, тамо послужатъ Ми весь домъ Израилевъ до конца* (XX, 40). Эти слова можно относить къ вѣрующимъ во Христа. Пророчество о Ѳеманѣ, объ Израилѣ и сынахъ Аммона. Изображаются беззаконія и грѣхи Израиля, и священниковъ, и начальниковъ, и лжепророковъ. *И искахъ*, говоритъ, *мужа живуща право, и стояща* въ проломѣ стѣны *предъ лицемъ моимъ во время* земли [1]), *еже бы не до конца погубити его, и не обрѣтохъ* (XXII, 30). Объ идолопоклонствѣ народа израильскаго въ Египтѣ и въ послѣдующее время и о бѣдствіяхъ; о томъ, что имъ не позволено будетъ даже плакать о приключающихся бѣдствіяхъ. Говоритъ противъ аммонитянъ, и идумеевъ, и другихъ иноплеменниковъ, и Сора, подъ именемъ котораго разумѣютъ Тиръ. Предсказываетъ великія бѣдствія властителю Тира и Сидона, Египту и царю египетскому. Угрожаетъ стражу народному, если онъ не будетъ предвозвѣщать народу, для котораго поставленъ стражемъ, о насылаемыхъ отъ Бога бѣдствіяхъ. Говоритъ, что нечестивый не 382
погибнетъ за прежнія беззаконія, если обратится и станетъ дѣлать угодное Богу, а праведный не спасется за прежнія праведныя дѣла, если, измѣнившись, сдѣлается нечестивымъ и неправеднымъ. Къ пророку пришелъ нѣкто съ извѣстіемъ, что Іерусалимъ взятъ; при этомъ пророкъ обвиняетъ іудеевъ за то, что они не внимаютъ предсказаніямъ пророковъ. Пророчествуетъ и противъ пастырей израильтянъ и обѣщаетъ, что имъ данъ будетъ одинъ пастырь, что и сбылось при Зоровавелѣ; между тѣмъ безстыдные іудеи утверждаютъ, что и этого еще не было; но это сбылось, какъ я сказалъ, при Зоровавелѣ. Пророчествуетъ про-

[1]) Сл. В.: *И искахъ отъ нихъ мужа живуща право и стояща цѣло предъ лицемъ Моимъ во время гнѣва Моего.*

тавъ идумеевъ и возвѣщаетъ израильтянамъ благопріятныя обстоятельства, которыя Богъ обѣщаетъ іудеямъ не потому, чтобы они были достойны, но чтобы имя Его не безчестилось. Пророкъ приводится на поле и произноситъ пророчество надъ сухими костями. Пророчествуетъ и о Зоровавелѣ, что онъ одинъ будетъ начальникомъ іудеевъ. Это можно разумѣть и о Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ. Пророчествуетъ о Гогѣ и Магогѣ, которые нападутъ на іудеевъ, по возвращеніи ихъ изъ Вавилона, но будутъ побѣждены. Нѣкоторые разумѣютъ это въ иносказательномъ смыслѣ о Церкви, и о діаволѣ, и о гоненіяхъ, которые въ разное время воздвигаемы были нечестивыми царями. Предсказываетъ о построеніи храма и возстановленіи законнаго богослуженія, чего также еще ожидаютъ іудеи; но это сбылось при Ездрѣ и Зоровавелѣ. Предсказываетъ о построеніи города и о водѣ, которая мало-по-малу вытекаетъ и прибываетъ; все это можно относить къ обращающимся ко Христу, которые были мертвы, прежде нежели увѣровали, и ожили, когда увѣровали.

ОБОЗРѢНІЕ КНИГИ ПРОРОКА ДАНІИЛА.

Избираются Даніилъ и его друзья, поручаются начальнику евнуховъ, питаются сѣменами и, представленные царю, оказываются мудрѣйшими изъ всѣхъ. Навуходоносоръ видитъ сонъ и приказываетъ умертвить волхвовъ, которые не могли открыть и истолковать его. Даніила и его товарищей, подвергавшихся опасности, Богъ спасъ, открывъ самому Даніилу тайну сна. Приведенный къ царю, Даніилъ разсказываетъ сонъ и объясняетъ его. Камень, отсѣченный безъ содѣйствія рукъ, есть Христосъ, а то, что онъ отсѣченъ безъ содѣйствія рукъ, означаетъ, что Христосъ родился отъ Дѣвы безъ мужа. Навуходоносоръ, поставивъ истуканъ, повелѣваетъ всѣмъ поклоняться ему, и трехъ отроковъ непоклонившихся ввергаетъ въ печь. Когда же люди, находившіеся у печи, были убиты, а отроки прославляли Бога, то царь, вызвавъ ихъ и увидѣвъ невредимыми, удивился силѣ Божіей, почтилъ отроковъ властію надъ іудеями, и далъ повелѣніе казнить всякаго, кто будетъ хулить Бога. Навуходоносоръ видитъ сонъ, и когда мудрецы вавилонскіе опять не могли истолковать его, Даніилъ изъясняетъ его и совѣтуетъ царю искупить свои беззаконія милостынею. Спустя немного времени, сонъ сбылся и Навуходоносоръ прославилъ Бога. Когда, по приказанію царя Валтасара, сына Навуходоносорова, принесены были священные сосуды, и пиршествовавшіе пили изъ нихъ, явилась кисть руки

и начертала на стѣнѣ письмена, которыя мудрецы вавилонскіе
не могли прочитать; а Даніилъ прочиталъ и объяснилъ, и за то 883
облекли его въ порфиру, надѣли на него золотую цѣпь и провозгласили его третьимъ начальникомъ въ царствѣ. Дарій Мидянинъ, принявъ царство и поставивъ Даніила главнымъ начальникомъ, принужденъ былъ начальниками и сатрапами издать указъ, что всякій, кто въ теченіе тридцати дней станетъ просить чего-нибудь у какого-нибудь другого человѣка или у бога, а не у царя, будетъ ввержевъ въ ровъ, наполненный львами. Когда это состоялось, то они, замѣтивъ, что Даніилъ молится Богу, обвиняютъ его и принуждаютъ царя ввергнуть его въ ровъ. Царь ввергнулъ его туда, но когда пришелъ и нашелъ его невредимымъ, то вывелъ его изо рва, а тѣхъ, которые ввергли его, погубилъ вмѣстѣ съ ихъ женами, отдавъ ихъ львамъ. Въ то же время онъ издалъ указъ, чтобы всѣ боялись Бога. Даніилъ видитъ видѣніе о звѣряхъ, подъ образомъ львицы—царство ассирійское, подъ образомъ медвѣдицы—мидійское и персидское, подъ образомъ рыси—македонское, подъ образомъ четвертаго звѣря—римское. Пророчествуетъ о Христѣ и о нечестивомъ Антіохѣ, потому что онъ есть тотъ малый рогъ, который вытѣснилъ три прежніе рога. Предсказываетъ, какъ Александръ Македонскій разрушитъ царство персидское, разумѣя подъ овномъ царя персидскаго, а подъ козломъ—Александра Македонскаго. Послѣднее видѣніе, разсказанное въ этой книгѣ, видѣніе о царицѣ южной описывается, какъ говорятъ, въ книгѣ Маккавеевъ. Даніилъ сокрушаетъ Вила и умерщвляетъ дракона; опять ввергается въ ровъ и остается невредимымъ, а виновниковъ того, что онъ былъ ввержевъ, самихъ бросаютъ въ ровъ, и львы пожираютъ ихъ.

КНИГА ПРОРОКА ОСІИ.

Пророкъ получаетъ повелѣніе взять себѣ женою блудницу и раждаемыхъ отъ ней дѣтей назвать: *Іезраель*, *непомилована* и *не людіе мои* (Ос. I). Обличаетъ народъ въ прелюбодѣяніи, предсказываетъ ему бѣдствія, а послѣ бѣдствій нѣкоторое благополучіе. Слова: *завѣщаю завѣтъ съ звѣрьми сельными и обручу тя Себѣ въ вѣрѣ* (Ос. II, 18, 20) можно относить къ вѣрующимъ во Христа. Опять получаетъ повелѣніе взять жену прелюбодѣйную, въ знакъ погибели іудеевъ, и обличаетъ ихъ, и народъ и священниковъ, во многихъ и тяжкихъ грѣхахъ; обличаетъ ихъ и въ пьянствѣ, и въ прелюбодѣйствѣ, и въ гнѣвливости. Осуж-

даетъ ихъ за то, что они, оставивъ надежду на Бога, надѣялись на ассиріянъ и полагались на египтянъ, и предсказываетъ имъ наказанія. Говоритъ, что Ефремъ, сдѣлавшись сильнымъ вслѣдствіе полученной имъ помощи, не надлежащимъ образомъ воспользовался своимъ благоденствіемъ. Богъ указываетъ на Свою заботливость объ израильтянахъ и на ихъ неблагодарность къ Нему и предсказываетъ имъ несчастія.

КНИГА ПРОРОКА ІОИЛЯ.

Пророкъ говоритъ о погибели плодовъ земныхъ и убѣждаетъ умилостивлять Бога. Предсказываетъ нашествіе царя ассирійскаго, и затѣмъ возвѣщаетъ нѣкоторыя блага. Предсказываетъ о ниспосланіи апостоламъ языковъ. Пророчествуетъ о погибели язычниковъ, случившейся послѣ возвращенія изъ Вавилона при Зоровавелѣ. Впрочемъ это мѣсто имѣетъ и иносказательное значеніе.

КНИГА ПРОРОКА АМОСА.

384 Пророкъ предсказываетъ беззаконія Дамаска, Газы, Тира, идумеевъ, аммонитянъ, моавитянъ, іудеевъ и израильтянъ, и наказанія, которыя постигнутъ ихъ. Перечисляетъ благодѣянія, которыя Богъ оказалъ іудеямъ и показываетъ ихъ небрежность и невнимательность и ожидающія ихъ бѣдствія. Пророчествуетъ о женахъ Самаріи, обвиняя ихъ въ пьянствѣ и хищничествѣ. Предсказываетъ голодъ и погибель за неисправимость, за то, что народъ, не смотря на множество ударовъ, не сдѣлался лучше. Обвиняетъ израильтянъ въ томъ, что они ненавидѣли людей, которые обличали ихъ, и убѣждаетъ обратиться къ Богу. Угрожаетъ невѣрующимъ, что ихъ постигнутъ бѣдствія; о нихъ именно онъ говоритъ: *увы желающымъ дне Господня* (Амос. v, 18). Нѣкоторые же относятъ это къ будущему суду, такъ какъ и теперь невѣрующіе говорятъ: не будетъ суда; если же онъ есть, то пусть придетъ. Описывается отверженіе іудейскихъ праздниковъ, и жертвъ, и пѣснопѣній. Называетъ Сатурна звѣздою бога Ремфана, потому что язычники говорятъ, что у бога ихъ Сатурна есть звѣзда на небѣ, которую они и называютъ Сатурномъ. Говоритъ: *еда заколенія и требы принесосте ми лѣтъ четыредесять* (Амос. v, 25)? Не народъ приносилъ ихъ, а одни начальники, когда стояла скинія; здѣсь же пророкъ говоритъ о всемъ народѣ. Осуждаетъ ихъ за неумѣренность въ пищѣ и предсказываетъ имъ несчастія. Подъ образомъ саранчи, и завѣта, и адаманта пророчествуетъ объ ихъ погибели. Когда пророкъ объ-

явилъ это царю Амасіи, то царь совершаетъ насиліе и изгоняетъ пророка, а пророкъ предсказываетъ бѣдствія и ему и народу; потомъ видитъ сосудъ птицелова и этимъ изображаетъ плѣненіе народа. Перечисляетъ ихъ нечестія и насилія и говоритъ, что ихъ постигнутъ бѣдствія. Въ словахъ: *зайдетъ солнце въ полудне* (Амос. VIII, 9) пророчествуетъ о времени страданія Христа. Далѣе предсказываетъ о вѣрующихъ во Христа.

КНИГА ПРОРОКА АВДІЯ.

Пророкъ предсказываетъ наказаніе идумеянамъ, которому они подвергались за то, что вмѣстѣ съ другими врагами нападали на израильтянъ. Пророчество о Церкви.

КНИГА ПРОРОКА ІОНЫ.

Пророкъ Іона описываетъ свое бѣгство въ Ѳарсисъ, бурю, поглощеніе морскимъ чудовищемъ и изверженіе изъ него, покаяніе ниневитянъ, сохраненіе тыквы, ея возрастаніе и погибель.

КНИГА ПРОРОКА МИХЕЯ.

Предсказываетъ будущее опустошеніе Самаріи и Іерусалима и отмѣчаетъ причину этого. Вмѣстѣ съ тѣмъ говоритъ о возвращеніи іудеевъ изъ Вавилона; укоряетъ и осуждаетъ начальниковъ народа и священниковъ и лжепророковъ. Пророчествуетъ о Церкви вѣрующихъ въ Господа нашего и о новомъ завѣтѣ,— такъ какъ древній законъ миновалъ,—и о мирѣ. Далѣе опять предсказываются бѣдствія іудеямъ. О рожденіи Христа по плоти и о вѣрующихъ въ Него. Пророкъ говоритъ: *и будетъ останокъ*
Іаковль (Мих. V, 7), такъ же, какъ говоритъ и апостолъ Павелъ: 885
останокъ спасется (Рим. IX, 27). Изображается судъ Господа надъ народомъ Его, благодѣянія Его и отверженіе жертвоприношеній. Пророкъ плачетъ о томъ, что не стало праведныхъ и добрыхъ людей; и наконецъ, послѣ обличеній и угрозъ великими бѣдствіями, предсказываетъ израильтянамъ благопріятныя обстоятельства.

КНИГА ПРОРОКА НАУМА.

Говоритъ о силѣ Божіей; предсказываетъ объ апостолахъ; 886
присовокупляетъ пророчество о нашествіи вавилонянъ на ниневитянъ и о плѣненіи этихъ послѣднихъ. Говоритъ также о могуществѣ и богатствѣ, которыя имѣли они до плѣна [1]).

[1]) Въ одномъ изъ списковъ имѣется здѣсь примѣчаніе: ἕως ὧδε εἶχε τὸ ἀντίγραφον = Этимъ заканчивался списокъ.

СЛОВО

НА РОЖДЕСТВО СПАСИТЕЛЯ НАШЕГО ІИСУСА ХРИСТА.

385 Вижу таинство необычайное и чудное: пастыри оглашають
слухъ мой, произнося не пустынную пѣснь, но воспѣвая небес-
ный гимнъ. Ангелы поютъ, архангелы воспѣваютъ, херувимы
взываютъ, серафимы славословятъ, всѣ торжествуютъ, видя
Бога на землѣ и человѣка на небесахъ, высокаго—внизу, по
Его домостроительству, и низкаго—вверху, по (Божію) человѣко-
любію. Сегодня Виѳлеемъ уподобился небу, вмѣсто звѣздъ при-
нявъ поющихъ ангеловъ, а вмѣсто солнца неизъяснимо вмѣстивъ
Солнце правды. Не изслѣдуй, какъ это; гдѣ хочетъ Богъ, тамъ
побѣждается порядокъ природы. Онъ восхотѣлъ, возмогъ, нис-
386 шелъ и спасъ; все повинуется Богу. Сегодня раждается Сущій,
и Сущій становится тѣмъ, чѣмъ Онъ не былъ; будучи Богомъ,
Онъ дѣлается человѣкомъ, не переставая быть Богомъ; не теряя
божества, Онъ сталъ человѣкомъ, и, съ другой стороны, не
чрезъ постепенное преспѣяніе изъ человѣка сдѣлался Богомъ,
но, будучи Словомъ, Онъ сталъ плотію, такъ что естество Его
осталось неизмѣннымъ по своему безстрастію. Когда же Онъ
родился, то іудеи отвергали Его необычайное рожденіе, фарисеи
ложно толковали божественныя книги и книжники говорили
противное закону; Иродъ искалъ родившагося, не съ тѣмъ,
чтобы почтить Его, но чтобы погубить Его. Сегодня люди уви-
дѣли всѣ противоположности: *не утаишася*, говоритъ псалмо-
пѣвецъ, *отъ чадъ ихъ въ родъ инъ* (Псал. LXXVII, 4). Цари пришли
и удивлялись небесному Царю, какъ Онъ пришелъ на землю,
387 не имѣя при Себѣ ни ангеловъ, ни архангеловъ, ни престоловъ,
ни господствъ, ни силъ, ни властей, но, прошедши необычай-
нымъ и непроходнымъ путемъ, произошелъ изъ неприкосновен-
наго чрева, не оставивъ, впрочемъ, ангеловъ Своихъ безъ Своего
руководительства и не потерявъ собственнаго божества чрезъ
вочеловѣченіе у насъ. Цари пришли поклониться небесному
Царю славы, а воины—послужить Военачальнику силъ, жены
пришли къ Рожденному отъ жены, чтобы измѣнить скорби жены
въ радость; дѣвы—къ Сыну Дѣвы, удивляясь, какъ Творецъ
молока и сосцевъ, производящій изъ сосцевъ текущіе сами
собою потоки, принялъ младенческую пищу отъ матери—Дѣвы;

младенцы—къ сдѣлавшемуся Младенцемъ, чтобы *изъ устъ младенецъ и ссущихъ совершить хвалу* (Матѳ. xxi, 16; Псал. viii, 3); отроки—къ Отроку, сдѣлавшему ихъ мучениками по причинѣ Иродова неистовства; мужи—къ ставшему человѣкомъ и уврачевавшему болѣзни рабовъ; пастыри—къ доброму Пастырю, положившему Свою душу за овецъ; священники — къ сдѣлавшемуся первосвященникомъ по чину Мелхиседекову; рабы—къ принявшему образъ раба, чтобы украсить наше рабство свободою; рыбари—къ сдѣлавшему ихъ изъ рыбарей ловцами людей; мытари—къ явившему изъ мытарей Евангелиста; блудницы—къ простершему ноги Свои къ слезамъ блудницы; кратко сказать, всѣ грѣшники пришли видѣть Агнца Божія, *вземлющаго грѣхъ міра* (Іоан. i, 29), волхвы—воздавая Ему честь, пастыри—прославляя Его, мытари—благовѣствуя, блудницы—принося мvро, самарянка — жаждая источника жизни, хананеянка—имѣя несомнѣнную вѣру. Итакъ, когда всѣ радуются, и я хочу радоваться, хочу ликовать, хочу торжествовать. Но я ликую, не на цитрѣ играя, не смычекъ приводя въ движеніе, не свирѣли имѣя въ рукахъ, не факелы зажигая, но вмѣсто музыкальныхъ орудій принимая пелены Христовы; онѣ для меня—надежда, онѣ для меня—жизнь, онѣ для меня—спасеніе, онѣ для меня—свирѣль, онѣ для меня—цитра. Поэтому я и прихожу, взявъ ихъ, чтобы ихъ силою получить силу рѣчи и сказать съ ангелами: *слава въ вышнихъ Богу*, а съ пастырями: *и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе* (Лук. ii, 14). Рожденный неизъяснимо отъ Отца сегодня непостижимо раждается отъ Дѣвы ради меня. Но тогда Онъ по естеству родился отъ Отца прежде вѣковъ, какъ знаетъ Родившій; а сегодня Онъ сверхъестественно родился, какъ знаетъ благодать Святаго Духа. И горнее рожденіе Его истинно, и дольнее рожденіе Его неложно; истинно родился Онъ, какъ Богъ отъ Бога, истинно родился Онъ же, какъ человѣкъ отъ Дѣвы. Вверху Онъ одинъ отъ одного единородный, внизу Онъ же одинъ отъ одной Дѣвы единородный. Какъ въ горнемъ рожденіи Его нечестиво представлять мать, такъ и въ дольнемъ рожденіи Его богохульно допускать отца. Отецъ родилъ Его безсѣменно, и Дѣва родила Его нетлѣнно; ни Богъ не потерпѣлъ раздѣленія, родивъ Его,—потому что родилъ боголѣпно,—ни Дѣва, родивъ Его, не испытала растлѣнія, потому что родила отъ Духа. Поэтому ни горнее рожденіе Его не можетъ быть изъяснено, ни пришествіе Его въ послѣднія времена 388
не допускаетъ изслѣдованія. Что сегодня родила Его Дѣва, это я знаю; и что Богъ родилъ Его безъ времени, этому вѣрю; но способъ Его рожденія я научился чествовать молчаніемъ, а не

наученъ изслѣдовать словопреніями. По отношенію къ Богу не должно обращать вниманія на свойство дѣлъ, но вѣровать въ силу Дѣйствующаго. Вѣдь по закону природы бываетъ, когда жена, вступившая въ замужество, раждаетъ; а когда дѣва, не испытавшая брака и родившая, опять оказывается дѣвою, это выше природы. Итакъ, пусть изслѣдуется то, что̀ бываетъ по природѣ; а то, что выше природы, пусть чествуется молчаніемъ, не какъ достойное небреженія, но какъ неизъяснимое и достойное почтенія молчаніемъ. Но простите меня, прошу васъ, если я захочу въ самомъ началѣ прекратить свою рѣчь. Страшась изслѣдовать высшее, я не знаю, какъ или куда мнѣ обратить кормило рѣчи. Что же я скажу, или о чемъ стану бесѣдовать? Я вижу родившую, вижу рожденнаго, а способа рожденія не постигаю. Побѣждается природа, побѣждаются предѣлы ея порядка, когда хочетъ этого Богъ. Не по природѣ произошло это событіе, но было чудомъ выше природы, потому что природа не дѣйствовала, а дѣйствовала воля Владыки. О, неизреченная благодать! Единородный, сущій прежде вѣковъ, неосязаемый, простой и безтѣлесный принялъ на Себя мое тлѣнное и видимое тѣло. Для чего? Для того, чтобы, сдѣлавшись видимымъ, научить, а научивъ возвести насъ къ невидимому. Такъ какъ люди считаютъ зрѣніе достовѣрнѣе слуха, и въ томъ, чего не видятъ, сомнѣваются, поэтому Богъ и благоволилъ сдѣлать Себя видимымъ и для глазъ посредствомъ тѣла, чтобы уничтожить сомнѣніе. Онъ рождается отъ Дѣвы, не познавшей этого дѣла, потому что Она не содѣйствовала событію и не отъ нея зависѣло это дѣло, но она была только орудіемъ Его неизреченной силы, узнавъ только то, что сказалъ ей Гавріилъ на вопросъ ея: *како будетъ сіе, идѣже мужа не знаю* (Лук. I, 34)? Онъ сказалъ ей: это хочешь ты знать? *Духъ Святый найдетъ на тя и сила Вышняго осѣнитъ тя* (ст. 35). Какъ же Онъ былъ съ нею и, спустя немного времени, произошелъ изъ нея? Какъ художникъ, нашедши полезнѣйшее вещество, дѣлаетъ изъ него прекраснѣйшій сосудъ, такъ и Христосъ, нашедши святое тѣло и душу Дѣвы, устроилъ Себѣ одушевленный храмъ, образовавъ человѣка въ Дѣвѣ такимъ образомъ, какимъ восхотѣлъ, и, облекшись въ него, нынѣ пришелъ, не устыдившись неблагообразія естества. Для Него не было постыдно—понести собственное созданіе; и это созданіе пріобрѣло величайшую славу, сдѣлавшись одѣяніемъ художника. Какъ при первомъ созданіи невозможно было образоваться человѣку, прежде чѣмъ персть взята была въ руки Божіи, такъ и поврежденный сосудъ не могъ бы возобновиться, если бы онъ не сдѣлался одѣяніемъ Создателя.

Но что я скажу или о чемъ стану бесѣдовать? Чудо изумляетъ меня. *Ветхій деньми* сдѣлался младенцемъ; возсѣдающій на престолѣ *высокомъ* и *превознесенномъ* полагается въ ясляхъ; неосязаемый, простый, несложный и безтѣлесный осязается человѣческими руками; расторгающій узы грѣха повивается пеленами,—потому что Онъ такъ хочетъ. Онъ хочетъ безчестіе обратить въъ честь, безславіе облечь славою, въ предѣлахъ униженія показать образъ добродѣтели. Поэтому Онъ принимаетъ мое тѣло, чтобы я вмѣстилъ Его Слово, и, принявъ мою плоть, даетъ мнѣ Своего Духа, чтобы, и давая и принимая, сообщить мнѣ сокровище жизни. Онъ принимаетъ мою плоть, чтобы освятить меня; даетъ мнѣ Своего Духа, чтобы спасти меня. Но что я скажу, или о чемъ стану бесѣдовать? *Се Дѣва во чревѣ зачнетъ* (Ис. VII, 14). А теперь говорится объ этомъ, не какъ о будущемъ, но оно созерцается какъ совершившееся. Оно совершилось у іудеевъ, у которыхъ и было предсказано; а принимается вѣрою у насъ, у которыхъ не было и упоминаемо. *Се дѣва во чревѣ зачнетъ*. Буква принадлежитъ синагогѣ, а пріобрѣтеніе—Церкви; та получила скрижали, а эта нашла жемчужину; та украшала волну, а эта одѣлась въ багряницу. Іудея произвела Его, а вселенная приняла Его; синагога вскормила и воспитала Его, а Церковь приняла Его и получила пользу. У той виноградная вѣтвь, а у меня гроздъ истины. Та собрала виноградъ, а язычники пьютъ таинственное питье. Та посѣяла зерно пшеницы въ Іудеѣ, а язычники серпомъ вѣры пожали колосъ. Язычники благочестиво сорвали розу, а у іудеевъ осталось терніе невѣрія. Птенецъ отлетѣлъ, а безумцы остались при гнѣздѣ; іудеи объясняютъ листья письмени, а язычники срываютъ плодъ Духа. *Се дѣва во чревѣ зачнетъ*. Скажи мнѣ, іудей, скажи же мнѣ, кого родила она? Довѣрься мнѣ, по крайней мѣрѣ, какъ Ироду. Но ты не довѣряешь; я знаю, почему; по своему коварству. Ему ты сказалъ, чтобы умертвить Христа; а мнѣ не говоришь, чтобы я не поклонился Ему. Кого же родила она? Кого? Владыку природы. Вѣдь, хотя ты молчишь, но природа взываетъ; Дѣва родила такъ, какъ рожденный Самъ восхотѣлъ родиться. Не по закону природы это произошло, но, какъ Владыка природы, Онъ употребилъ необычайный способъ рожденія, чтобы показать, что, и дѣлаясь человѣкомъ, Онъ рождается не какъ человѣкъ, но рождается какъ Богъ. Итакъ, сегодня Онъ произошелъ отъ Дѣвы, побѣдившей природу, превзошедшей бракъ. Источнику святости надлежало произойти отъ чистаго и святого рожденія. Онъ есть Тотъ, Который въ древности изъ дѣвственной земли создалъ Адама, а отъ Адама безъ жены образовалъ 389

жену. Какъ Адамъ безъ жены произвелъ жену, такъ и сегодня Дѣва безъ мужа родила мужа. Онъ—человѣкъ, говорится въ
390 Писаніи, но кто познаетъ Его? Такъ какъ женскій полъ обязанъ мужскому тѣмъ, что Адамъ безъ жены произвелъ жену, то поэтому сегодня дѣва родила безъ мужа, уплачивая за Еву этотъ долгъ мужамъ. Чтобы не возгордился Адамъ, что безъ жены произвелъ жену, поэтому и дѣва безъ мужа родила мужа, чтобы одинаковостью чуда показать равенство своей природы. Какъ отъ Адама Богъ взялъ ребро и чрезъ это нисколько не уменьшилъ Адама, такъ и въ дѣвѣ Онъ образовалъ одушевленный храмъ и не лишилъ ея дѣвства. Цѣлымъ остался Адамъ и по взятіи отъ него ребра; неповрежденною осталась и дѣва по исшествіи изъ нея младенца. Поэтому Онъ не изъ другого чего-нибудь устроилъ Себѣ храмъ и не иное тѣло создалъ и принялъ на Себя, чтобы не показалось, что Онъ унижаетъ существо Адама. Такъ какъ обольщенный человѣкъ сдѣлался оружіемъ діавола, то этого самаго падшаго Онъ избралъ себѣ въ одушевленный храмъ, чтобы чрезъ сродство съ Создателемъ отклонить его отъ общенія съ діаволомъ. Впрочемъ, и дѣлаясь человѣкомъ, Онъ рождается не какъ человѣкъ, но рождается какъ Богъ. Если бы Онъ произошелъ чрезъ обыкновенный бракъ, подобно мнѣ, то для большинства это показалось бы ложью; а теперь Онъ рождается отъ дѣвы, и, рождаясь, сохраняетъ ложесна ея неповрежденными и дѣвство ея соблюдаетъ цѣлымъ, чтобы необычайный способъ рожденія послужилъ для меня основаніемъ великой вѣры. Поэтому, если язычникъ или іудей спроситъ меня, сверхъестественно ли Христосъ, Богъ по естеству, сдѣлался человѣкомъ, то я скажу: да,—и укажу въ подтвержденіе своего слова на неповрежденную печать дѣвства. Такъ, Онъ есть Богъ, побѣждающій порядокъ природы; такъ, Онъ есть творецъ чрева и виновникъ дѣвства, и потому Онъ родился непорочнымъ способомъ рожденія и неизъяснимо устроилъ Себѣ храмъ, какъ восхотѣлъ. Скажи же мнѣ, іудей: родила дѣва или нѣтъ? Если она родила, то исповѣдуй необычайное рожденіе; а если не родила, то для чего ты обманулъ Ирода? Когда онъ спрашивалъ: *гдѣ Христосъ рождается*, ты сказалъ, что *въ Виѳлеемѣ Іудейстѣмъ* (Матѳ. II, 4, 5). Развѣ я не зналъ этого селенія или мѣста? Развѣ я не зналъ достоинства Родившагося? Не говорилъ ли Исаія о Немъ, какъ о Богѣ? *Родитъ Сына*, говоритъ онъ, *и нарекутъ имя Ему Еммануилъ* (Ис. VII, 14). Не вы ли, неблагодарные враги, объявляли эту истину? Не вы ли, книжники и фарисеи, ревностные хранители закона, учили насъ всему, что касается Его? Развѣ мы не знаемъ языка

еврейскаго? Не вы ли толковали Писанія? После того, какъ дѣва родила и даже прежде, нежели она родила,—чтобы не показалось изъясненіе этого мѣста сдѣланнымъ въ угожденіе Господу,—не вы ли на вопросъ Ирода привели въ свидѣтели пророка Михея для подтвержденія словъ вашихъ? *И ты*, говоритъ онъ, *Виѳлееме, доме Ефраѳовъ, ничимже меньши еси во владыкахъ Іудовыхъ: изъ тебе бо изыдетъ вождь, иже упасетъ люди моя Израиля* (Мих. v, 2; Матѳ. II, 6). Хорошо сказалъ пророкъ: *изъ тебе*, потому что отъ васъ Онъ вышелъ и пришелъ во вселенную. Сущій приходитъ, а не сущій творится или созидается. Онъ же и тогда былъ, и прежде былъ, и всегда былъ. Но былъ всегда, какъ Богъ, управляющій міромъ, а сегодня пришелъ, какъ человѣкъ; 391
какъ человѣкъ, Онъ пасетъ народъ, а какъ Богъ, спасаетъ вселенную. О, добрые враги! О, благосклонные порицатели, которые незамѣтно для самихъ себя показали родившагося въ Виѳлеемѣ Бога, которые сдѣлали извѣстнымъ сокрывшагося въ ясляхъ Господа, которые невольно открыли лежащаго въ пещерѣ, и, не желая, сдѣлали добро, желая скрыть—открыли! Видишь ли невѣжественныхъ учителей? Чему учатъ, они не знаютъ; алкая питаютъ, жаждая напояютъ, находясь въ бѣдности обогащаютъ. Придите же, будемъ праздновать; придите, будемъ торжествовать. Родъ празднества—необычайный, потому что необычайный и способъ рожденія. Нынѣ древнія узы разрѣшены, діаволъ посрамленъ, бѣсы обратились въ бѣгство, смерть сокрушена, рай открытъ, проклятіе уничтожено, грѣхъ удаленъ, заблужденіе истреблено, истина возвратилась и ученіе благочестія повсюду разсѣялось и распространилось, вышняя жизнь насаждена на землѣ, ангелы входятъ въ общеніе съ людьми и люди безтрепетно бесѣдуютъ съ ангелами. Почему? Потому, что Богъ пришелъ на землю, и человѣкъ—на небо; все соединилось. Пришелъ на землю всецѣло существующій на небесахъ, и всецѣло существующій на небѣ всецѣло является на землѣ. Будучи Богомъ, Онъ сдѣлался человѣкомъ, не переставъ быть Богомъ; будучи безстрастнымъ Словомъ, Онъ сталъ плотію,—сдѣлался плотію, чтобы обитать въ насъ. Богомъ Онъ не сдѣлался, но былъ; а сталъ плотію, чтобы, Кого не вмѣщало небо, Того приняли ясли. Для того Онъ и положенъ былъ въ ясляхъ, чтобы питающій все принялъ младенческую пищу отъ матери—дѣвы. Для того Отецъ будущихъ вѣковъ не чуждается объятій дѣвы, какъ грудное дитя, чтобы сдѣлаться доступнымъ и для волхвовъ. Нынѣ и волхвы пришли, сдѣлавъ начало удаленія отъ мучителя, и небо хвалится, указывая звѣздою своего Владыку, и Господь, возсѣдая на легкомъ облакѣ Своего тѣла, стремится въ Египетъ, повиди-

мому избѣгая козней Ирода, а на самомъ дѣлѣ исполняя сказанное Исаіею: *въ той день будетъ*, говоритъ онъ, *Израиль третій во Ассиріанѣхъ и во Египтянѣхъ, благословенъ* народъ Мой *на земли, юже благослови Господь Саваоѳъ, глаголя: благословени людіе мои, иже во Египтѣ, и иже во Ассиріахъ, и наслѣдіе мое Израиль* (Ис. XIX, 24, 25). Что говоришь ты, іудей? Ты, первый, сталъ третьимъ? Египтяне и ассиріяне поставлены прежде, а первородный Израиль считается послѣ? Да,—и справедливо. Ассиріяне будутъ первыми потому, что они первые поклонились Ему чрезъ волхвовъ, и египтяне за ассиріянами, потому что и они приняли Его, бѣжавшаго отъ козней Ирода; израильтяне же считаются послѣдними, потому что уже послѣ выхода изъ Іордана они признали Его чрезъ апостоловъ. Онъ пришелъ въ Египетъ и потрясъ сдѣланные руками истуканы египетскіе не безъ причины, но потому, что нѣкогда запечатлѣлъ жилища египетскія истребленіемъ первородныхъ.
392 Поэтому нынѣ пришелъ Онъ, какъ первородный, чтобы прекратить плачъ, вызванный древней скорбью. А что Христосъ называется первороднымъ, объ этомъ нынѣ свидѣтельствуетъ евангелистъ Лука, когда говоритъ: *и роди сына своего первенца, и повитъ его, и положи его въ яслехъ: зане не бѣ имъ мѣста въ обители* (Лук. II, 7). Итакъ, Онъ пришелъ въ Египетъ, чтобы прекратить плачъ, вызванный древней скорбью, водворивъ радость вмѣсто мученій, доровавъ свѣтъ спасенія вмѣсто ночи и тьмы. Вода рѣки сдѣлалась тогда нечистою отъ убіенія юныхъ младенцевъ; поэтому пришелъ въ Египетъ Онъ, нѣкогда обагрившій воду, и сдѣлалъ потоки рѣки источающими спасеніе, очистивъ оскверненіе и нечистоту ихъ силою Духа. Озлобились нѣкогда египтяне и въ бѣшенствѣ отвергли Бога, поэтому Онъ пришелъ въ Египетъ и исполнилъ боголюбивыя души познаніемъ Бога; рѣкѣ же сообщилъ силу производить мучениковъ обильнѣе колосьевъ. Впрочемъ, по краткости времени, я хочу здѣсь окончить свою рѣчь, и окончу ее здѣсь, присовокупивъ, какимъ образомъ Онъ, будучи безстрастнымъ Словомъ, сталъ плотію, при чемъ естество Его осталось неизмѣннымъ. Что же я скажу или о чемъ буду бесѣдовать? Я вижу плотника и ясли, младенца и пелены, рожденіе отъ дѣвы, лишенное всего необходимаго, все въ бѣдности, все въ нищетѣ. Видишь ли ты богатство въ этой великой нищетѣ? Какъ онъ, богатый, сталъ бѣднымъ ради насъ? Какъ Онъ не имѣлъ ни ложа, ни постели, но былъ положенъ въ голыхъ ясляхъ? О, бѣдность, служащая источникомъ богатства! О, безмѣрное богатство, имѣющее видъ бѣдности! Онъ лежитъ въ ясляхъ, и потрясаетъ вселенную; по-

вивается пеленами, и расторгаетъ узы грѣха; еще не произнесъ членораздѣльнаго звука, и научилъ волхвовъ, и указалъ имъ путь къ возвращенію. Что я скажу, или о чемъ буду бесѣдовать? Вотъ младенецъ повивается пеленами и полагается въ ясляхъ; предстоитъ Марія, дѣва и матерь; предстоялъ и Іосифъ, называемый отцомъ Его. Онъ называется мужемъ, а она называется его женою; названія согласны съ закономъ, но не означаютъ ихъ сочетанія. Разумѣй здѣсь только названія, а не дѣло. Онъ былъ только женихомъ ея, а Духъ Святой осѣнилъ ее. Поэтому Іосифъ въ недоумѣніи не зналъ, что сказать о младенцѣ. Приписать Его прелюбодѣянію онъ не дерзалъ, произнести хульное слово о дѣвѣ онъ не могъ, и собственнымъ сыномъ назвать Его не рѣшался; онъ хорошо зналъ, что ему неизвѣстно, какъ или отъ чего Онъ родился; поэтому, когда онъ недоумѣвалъ о данномъ событіи, съ неба было принесено внушеніе голосомъ ангела: *не убойся, Іосифе: рождшеебося въ ней отъ Духа есть Свята* (Матѳ. I, 20). Духъ Святой осѣнилъ Дѣву. Почему же Онъ рождается отъ Дѣвы и сохраняетъ дѣвство неповрежденнымъ? Такъ какъ въ древности діаволъ обольстилъ Еву, бывшую дѣвою, то поэтому Гавріилъ благовѣствовалъ Маріи — дѣвѣ. Но обольщенная Ева произнесла слово, послужившее причиною смерти; а получившая благовѣствованіе Марія родила Слово во плоти, пріобрѣтшее 393
намъ вѣчную жизнь. Словомъ Евы указано древо, за которое Адамъ изгнанъ изъ рая; а Слово, родившееся отъ Дѣвы, явило крестъ, чрезъ который разбойникъ на мѣсто Адама введенъ въ рай. Такъ какъ ни язычники, ни іудеи, ни еретики не вѣрили, что Богъ родилъ нетлѣнно и безстрастно, то поэтому нынѣ происшедшій изъ страстнаго тѣла сохранилъ страстное тѣло безстрастнымъ, чтобы показать, что, какъ родившійся отъ Дѣвы не нарушилъ дѣвства, такъ и Богъ, безъ истлѣнія и измѣненія 394
святого естества Его, родилъ Бога боголѣпно, какъ Богъ. И такъ какъ люди, оставивъ Его, изваяли человѣкообразныхъ истукановъ, которымъ и служили къ оскорбленію Создателя, то поэтому нынѣ Слово Божіе, будучи Богомъ, явилось въ образѣ человѣка, чтобы и ложь уничтожить, и богопочтеніе обратить незамѣтнымъ образомъ на Себя Самого. Будемъ же возсылать славу Христу, сдѣлавшему неудобное удобнымъ, съ Отцомъ и Святымъ Духомъ нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА

о томъ, что одинъ Законодатель ветхаго и новаго завѣтовъ, также объ одеждѣ священника, и о покаяніи [1]).

397 1. Пророки возвѣщаютъ евангеліе Христова царства, служители новой благодати изъясняютъ его, а божественнаго слова слушатели, почитатели и прославители принимаютъ. Не жаждая слова ученія, нельзя найти удовольствія въ словѣ истины. И какъ нежаждущему и неалчующему невозможно съ удовольствіемъ наслаждаться пищею, такъ невозможно найти удовольствіе и въ словѣ истины тому, кто не жаждетъ ученія Святаго Духа. Поэтому Спаситель и говоритъ: *блажени алчущіи и жаждущіи правды, яко тіи насытятся* (Мѳ. v, 6). Истинная пища душъ, истинная роскошь благочестивыхъ, истинное богатство набожныхъ—слово Божіе, говорящее устами Давида; именно онъ гордится то какъ богатый, а то какъ наслаждающійся и говоритъ: *коль сладка гортани моему словеса твоя, паче меда* и сота *устомъ моимъ* (Псал. CXVIII, 103). Здѣсь — голосъ того, кто наслаждается; слово Божіе было для Давида наслажденіемъ. Объ этомъ онъ часто говорилъ: *насладися Господеви, и дастъ ти прошенія сердца твоего* (Псал. XXXVI, 4). А въ другомъ мѣстѣ онъ хвалится богатствомъ закона, не какъ наслаждающійся только, но и какъ богатый, и говоритъ: *благъ мнѣ законъ устъ твоихъ паче тысящъ злата и сребра* (Псал. CXVIII, 72). Видишь ли, каково наслажденіе благочестія и богатство праведности? Поэтому намъ должно жаждать божественнаго и алкать небеснаго, обильно наслаждаться съ царской Христовой трапезы, твердо держаться евангелія спасенія, не теперь только заявившаго о себѣ, но основаннаго пророками и созданнаго апостолами. Не съ тѣхъ поръ, какъ явился Христосъ, началось евангеліе; но оно было насаждено въ пророческихъ книгахъ, а прозябло въ апостольской проповѣди. Поэтому Павелъ, желая показать, что евангеліе началось не съ воплощенія, а заблистало съ пророковъ, и что чрезъ воплощеніе оно засіяло, говоритъ: *Павелъ рабъ Іисусъ Христовъ, званъ апостолъ, избранъ въ благовѣстіе Божіе, еще прежде обѣща пророки своими въ писаніи святыхъ о Сынѣ своемъ, бывшемъ отъ сѣмене Давидова по плоти* (Римл. I, 1—3).

398 Павлу извѣстно, что ветхій и новый завѣты нераздѣльны; но для того иногда онъ называетъ этотъ новымъ завѣтомъ, чтобы по-

---

[1]) Принадлежность св. Іоанну Златоусту этой бесѣды, равно какъ и слѣдующей за нею (на слова: „Коею властію сія твориши“) нѣкоторыми учеными заподозрѣвается.

казать, какъ обновились концы вселенной (знаю, что это положеніе было изъяснено мною недавно, но повторяю о немъ, чтобы напомнить вамъ); называетъ новымъ завѣтомъ, слѣдовательно, для противопоставленія устарѣвшему,—лучшимъ—для различенія отъ худшаго,—вѣчнымъ—по сравненію съ временнымъ. Называетъ его и вторымъ завѣтомъ. Для чего вторымъ? А для того, чтобы соединить ихъ въ мысли. Что́ существуетъ отдѣльно отъ чего-либо, то не называется вторымъ по отношенію къ послѣднему. Но такъ какъ Богъ говорилъ и въ первомъ, и во второмъ завѣтахъ, то тотъ же Павелъ и называетъ одинъ—первымъ, а другой—вторымъ, выясняя при помощи числа ихъ взаимное согласіе. Поэтому Павелъ, возвѣщая, что царство Отца и Сына и Святаго Духа нераздѣльно, называетъ евангеліе то принадлежащимъ Богу Отцу, то Сыну, говоря: *Павелъ рабъ Іисусъ Христовъ, званъ апостолъ, избранъ въ благовѣстіе Божіе* (Римл. I, 1). А чтобы кто-либо, услышавъ объ евангеліи Бога, не подумалъ, что Сынъ не имѣетъ власти для проповѣди, Павелъ въ томъ же самомъ посланіи немного ниже говоритъ: *свидѣтель бо ми есть Богъ, ему же служу духомъ моимъ во благовѣствованіи Сына его* (I, 9). Замѣчаешь ли изумительный умъ этого проповѣдника и совершенный его разумъ? Чтобы неподумали, что въ законѣ служили одному Богу, а въ евангеліи приступаемъ къ другому, апостолъ говоритъ: благословенъ Богъ, *емуже служу отъ прародителей чистою совѣстію* (2 Тимоѳ. I, 3). Не отъ одного,—говоритъ,—перебѣжалъ я къ другому, но Того, Котораго я чтилъ не зная, я воспринялъ, обладая знаніемъ Его. И опять онъ же, желая, показать, что слова ветхаго и новаго завѣтовъ принадлежатъ однимъ устамъ и одному Владыкѣ, привелъ одно свидѣтельство изъ Писанія, соединивъ съ евангельскимъ словомъ ветхій завѣтъ,—и сказалъ: написано: *вола молотяща не обротиши*, и: *достоинъ дѣлатель мзды своея* (1 Тим. V, 18). Слова́: *не обротиши* сказалъ Моисей, а выраженіе: *достоинъ дѣлатель мзды своея*—Христосъ въ евангеліяхъ. Но, чтобъ показать, что одни уста сказали и то, и другое, онъ соединилъ раздѣленное временемъ,—соединилъ въ виду согласія истины и сказалъ: написано: *вола молотяща не обротиши*, и: *достоинъ дѣлатель мзды своея*. Образъ этого евангельскаго согласія—мрежи Петра, сегодня закинутыя въ нашемъ присутствіи. Петръ не разъ закидывалъ свои сѣти, по разсказу исторіи—однажды, въ дѣйствительности же часто. Всякій разъ, какъ проповѣдывалось евангеліе, я не вижу ничего другого, кромѣ Петра и Андрея и сонма апостоловъ, развертывающихъ евангельскую мрежу. 399

2. И необыкновенно было зрѣлище—видѣть Спасителя на

морѣ, а поучаемыхъ стоящими подлѣ морского берега. Странное дѣло—рыбы на землѣ, а рыбарь на морѣ! Вверженіе той мрежи было образомъ евангельскаго слова. Нашелъ, говоритъ Писаніе, рыбарей, которые *измываху мрежи* (Лук. v, 2), такъ какъ отчаялись въ успѣхѣ рыбной ловли. Вѣдь рыбакъ, не потерявшій надежды что-либо поймать, не моетъ сѣтей. Итакъ, Спаситель нашелъ ихъ отчаявшимися въ успѣхѣ рыбной ловли; стоитъ подлѣ нихъ Владыка ловли и что дѣлаетъ? Прежде всего учитъ слову истины; затѣмъ повелѣваетъ ввергнуть сѣть. Такъ какъ слова безъ дѣлъ были бездоказательны, то надлежало, чтобъ за словомъ послѣдовало доказательство съ помощію дѣлъ: по Божію повелѣнію, поймаешь и то, чего никогда не попадалось, и возьмешь то, чего и нѣтъ. *Ввергите*, говоритъ Господь, *мрежи ваша*. Петръ же говоритъ: *наставниче, обнощь всю труждшеся, ничесоже яхомъ, по глаголу же твоему ввергу мрежу* (ст. 4, 5). Удивляюсь вѣрѣ Петра, отчаивающагося въ прежнемъ и вѣрующаго въ новое. *По глаголу твоему ввергу мрежу*. Почему онъ сказалъ: *по глаголу твоему?* Потому, что *по глаголу* Его и *небеса утвердишася*, и основана земля, и разграничено море (Псал. xxxii, 6; ci, 26), и человѣкъ увѣнчанъ собственными своими цвѣтами, и все произошло по Твоему слову, какъ говоритъ Павелъ: *нося же всяческая глаголомъ силы своея* (Евр. i, 3). *По глаголу твоему ввергу мрежу*. Слово сошло въ море прежде сѣти: рыбъ на-лицо не оказалось. Если онѣ и были раньше, то, вслѣдствіе многолюдства ловившихъ, разбѣжались. Но сошло въ море слово Того, Кто *нарицаетъ несущая яко сущая* (Римл. vi, 17),—прежде мрежи сошла сила Повелѣвшаго, и собралось множество рыбъ. Это было образомъ вселенской Церкви. *Протерзашеся мрежа. Помануша причастникомъ, иже бѣху во друзѣмъ корабли, да пришедше помогутъ имъ* (Лук. v, 6, 7). Нужно было двумъ кораблямъ сойтись для той ловли. Вѣдь, если нѣтъ на-лицо сонма пророковъ, помогающаго апостольской рукѣ, и если за пророческимъ предсказаніемъ не послѣдуетъ выступленія на дѣло апостоловъ, тогда не поймать того, что ловится. Поэтому Спаситель, пожелавъ показать, что ловля рыбъ—образъ Церкви, и восхотѣвъ еще научить Петра, этимъ примѣромъ возбудилъ въ немъ мужество и сказалъ ему: *не бойся, отселѣ будеши человѣки ловя* (Лук. v, 10). *Отселѣ*,—съ тѣхъ поръ, какъ ты, говоритъ Онъ, испыталъ Мое могущество и понялъ, что и неразумныя существа повинуются Моему слову и все слѣдуетъ Моему мановенію. Взявъ этотъ достаточный примѣръ, затѣмъ приложи стараніе къ ловлѣ людей. И не сказалъ Онъ: будешь ловить людей, какъ рыбу, но: будешь ловить людей живыми. Рыбы ловятся живыя и затѣмъ умерщ-

вляются, а люди ловятся такъ, что отъ смерти переходятъ къ жизни. *Отселѣ*, говоритъ, *будеши человѣки ловя*. Почему же Спа- 400
ситель говоритъ ему: *не бойся*? Вѣдь обѣщаніе было для него заманчиво; почему же онъ слышитъ: *не бойся*? Такъ какъ онъ случайно вспомнилъ о своихъ прежнихъ прегрѣшеніяхъ, то Господь и говоритъ ему: *не бойся* себя, какъ грѣшника, но впредь думай о себѣ, какъ объ апостолѣ, повинуясь повелительному Господнему слову—уловить какъ бы въ сѣть вселенную. *Не бойся*; всякій грѣшникъ да слышитъ отъ Христа: *не бойся*; только отнынѣ пусть онъ покается. Итакъ, сѣть (чтобы намъ слѣдовать ранѣе предложенному порядку рѣчи)—образъ евангельскаго Спасителева ученія. А это евангеліе Павелъ называетъ то евангеліемъ правды, то евангеліемъ мира, то евангеліемъ силы. Такъ какъ благодать проповѣди можетъ уничтожить войны, разсѣять распри людей, несогласныхъ по вопросу о благочестіи, и призвать всѣхъ ко спасенію, то она и называется евангеліемъ правды; такъ какъ она полагаетъ конецъ войнѣ демоновъ, то и называется евангеліемъ мира; а такъ какъ простыми словами возвѣщаетъ боговѣдѣніе, то и называется евангеліемъ силы. Послушай, что говоритъ Павелъ: *не стыжуся бо благовѣствованіемъ сила бо Божія есть во спасеніе* (Римл. I 16). Могущество тогда кажется таковымъ, когда, помимо ряда человѣческихъ разсужденій, проповѣдникъ овладѣетъ концами земли, какъ говоритъ Спаситель Павлу: *довлѣетъ ти благодать моя: сила бо моя въ немощи совершается* (2 Коре. XII, 9). Нисколько не было бы великимъ, еслибъ Господь просвѣтилъ вселенную при помощи одного только Своего божества, но то удивительно, что чрезъ Свое тѣло Онъ показалъ безстрастную и безтѣлесную славу. Нисколько не было бы удивительно, еслибъ живой и блистающій животворящей славой оживотворилъ вселенную; но могущество Слова состоитъ въ томъ, что Оно смертію уничтожаетъ смерть и чрезъ (полученныя Имъ) оскорбленія возсіяваетъ безсмертною славою. Въ другомъ мѣстѣ Павелъ называетъ евангеліе евангеліемъ мира: *пріучите ваши ноги, говоритъ онъ, къ готовности благовѣствованія мира* (Ефес. VI, 15). А въ иномъ называетъ его евангеліемъ правды, говоря: *не стыжуся бо благовѣствованіемъ: правда бо Божія въ немъ является* (Римл. I, 16, 17). Что такое *правда Божія*? Такъ какъ первый законъ былъ данъ однимъ только іудеямъ, а евангеліе всѣмъ, то онъ и называетъ послѣднее евангеліемъ *правды*: Богъ праведенъ: всѣхъ одинаково сотворивъ, всѣхъ одинаково и просвѣтилъ. И то было бы праведно—однихъ не спасать, и другихъ не спасать,—однихъ не призывать, и другихъ не призывать. Въ ветхомъ завѣтѣ не было праведнаго призванія, а было

домостроительство, предуготовлявшее путь для правды. И я не называю одно неправеднымъ, а другое праведнымъ, но называю первое путемъ къ послѣднему и его предуготовленіемъ. Богъ далъ законъ Израилю. И Давидъ говоритъ: *возвѣщаяй слово свое*
401 *Іакову, оправданія и судьбы своя Израилю. Не сотвори тако всякому языку, и судьбы своя не яви имъ* (Псал. CXLVII, 8—19).

3. Итакъ, тамъ открывъ истину одному народу, здѣсь какъ бы положивъ на вѣсы слово истины, равномѣрно распредѣлилъ его между всѣми. Прошу, обрати вниманіе: справедливость состоитъ въ томъ, чтобы всѣхъ одинаково спасти и не дѣлать различія между рабомъ и свободнымъ, варваромъ или эллиномъ, женщиною или мужчиной; вотъ что говоритъ Павелъ: во Христѣ Іисусѣ *нѣсть варваръ и скиѳъ*, мужескій полъ и женскій, *рабъ и свободь* (Колосс. III, 11). Видишь ли одинаковую честь для всѣхъ? Такъ какъ естество наше равноцѣнно, хотя образомъ мыслей мы и различаемся, то онъ и возвращаетъ естеству древнюю его красоту. Когда былъ созданъ Адамъ, не было ни одного иноплеменники, ни скиѳа, ни варвара, ни эллина, ни раба, ни свободнаго, ни мужескаго пола, ни женскаго, потому что онъ произвелъ двухъ изъ единаго. Не природа родила рабство, но произвела свободная воля. Бываетъ рабство вынужденное, происходящее отъ несчастій голода или плѣненія. Есть и иной видъ рабства—по собственному нашему побужденію, когда мы, вступая въ бракъ съ прислужницами, продаемъ свою свободу и идемъ подъ ярмо рабства. Но первое рабство произошло въ силу дурного образа мыслей. А откуда возникаетъ корень рабства, послушай. Послѣ потопа Ной пилъ вино и, не растворивъ его надлежащимъ образомъ (водою), по неопытности упился, обнаруживъ болѣзнь не воли своей, а невѣдѣнія; и опьянѣлъ, а опьянѣвши, обнажился. Одинъ изъ сыновей его, войдя, увидѣлъ наготу своего отца и засмѣялся. Что же говоритъ ему отецъ послѣ того, какъ онъ пришелъ въ чувство? *Проклятъ Ханаанъ, рабъ будетъ братьямъ своимъ* (Быт. IX, 25) Видишь ли, какъ грѣхъ породилъ рабство? Поэтому Спаситель и говоритъ: *всякъ творяй грѣхъ, рабъ есть грѣха* (Іоанн. VIII, 34). Послѣ того, какъ пришелъ Освободитель человѣческаго рода и далъ прощеніе грѣхамъ, лучше же сказать: истребилъ ихъ (потому что, срубивъ корень, Онъ вмѣстѣ обрѣзалъ и плоды), Онъ называетъ евангеліе евангеліемъ правды вслѣдствіе того, что онъ всѣхъ одинаково просвѣщаетъ. Итакъ, іудеи полагали, что возвѣщаемое Имъ евангеліе дается только однимъ имъ. Но ихъ ожиданіе имѣло непредвидѣнный ими исходъ. Поэтому Давидъ и говоритъ: *пріяхомъ, Боже, милость твою посредѣ людей твоихъ. По имени твоему, Боже, тако и хвала твоя*

на концахъ земли (Псал. XLVII, 10, 11). И чтобы показать, что обнаруженіе милости къ *концамъ земли*—дѣло справедливости, онъ присоединилъ: *правды исполнь десница твоя* (ст. 11). Когда поднятъ какой-либо глубокій и пророческій вопросъ, то разсмотри его сущность, не рукоплеща, а обдумывая умомъ, не просто принимая звукъ словъ, а изслѣдуя смыслъ мыслей. Если ты будешь воспѣвать Божіе согласно съ истиной и въ особенности станешь пѣть ту пѣснь, какую пѣлъ Давидъ: *пріяхомъ, Боже, милость твою посредѣ людей твоихъ: правды исполнь десница твоя,*—то окажешься и воспѣвающимъ Божіе, и исполняющимся Святаго Духа. 402
Тотъ, кто искренно воспѣваетъ, обновляется душою и становится храмомъ Святаго Духа. Не подумай, что псалмопѣніе—нѣчто маловажное. Хотя, повидимому, оно только чаруетъ слухъ, но въ дѣйствительности пробуждаетъ душу. Такъ и блаженный пророкъ Елисей, котораго нѣкоторые цари убѣждали предсказать будущее, говоритъ: дайте мнѣ человѣка, умѣющаго пѣть (4 Цар. III, 15). Пришелъ свѣдущій въ пѣніи, и въ то время, когда онъ пѣлъ,—говоритъ Писаніе,—сошелъ на Елисея Святой Духъ. Что же? Развѣ Духъ Святой очаровывается звуками и привлекается пѣніемъ, если Онъ опочилъ въ пророческой душѣ? Чтобы призвать къ себѣ Святаго Духа, для этого достаточно было чистоты пророка. Зачѣмъ же онъ въ такомъ случаѣ говоритъ: дайте человѣка, умѣющаго пѣть? Не для того, чтобы усладить Духа псалмопѣніемъ, но для того, чтобы, въ то время, какъ тотъ пѣлъ, умъ пророка, обновившись, сдѣлался достойнымъ посѣщенія его Святымъ Духомъ. Для того онъ призываетъ Духа, чтобы показать, что Онъ очарованъ не псалмопѣніемъ, а душою, пробужденною псалмопѣніемъ. Онъ сошелъ не на пѣвца, а на слушателя. Итакъ, вообще должно изслѣдовать силу псалмовъ, особенно же того святого псалма, который сегодня нами читанъ: *Господь воцарися, да радуется земля, да веселятся острови мнози* (Псал. XCVI, 1). Какъ ты понимаешь слова: *Господь воцарися?* Ужели въ томъ смыслѣ, что Онъ лишь недавно получилъ царское достоинство? Вѣдь, еслибы псалмопѣвецъ сказалъ: *Господь царствуетъ*, то онъ изъяснилъ бы вѣчное Его достоинство; а теперь онъ говоритъ: *Господь воцарися.* И недавно нами было сказано, и теперь опять будетъ сказано. Прежде явленія Христа, прежде евангельской проповѣди, надъ нашимъ естествомъ царствовали діаволъ, грѣхъ, смерть. Откуда это видно? Павелъ говоритъ: какъ *въ мертвеннѣмъ* нашемъ *тѣлѣ* царствовалъ *грѣхъ*, такъ и благодать воцарится чрезъ Христа (Римл. VI, 12 и друг.). Вотъ—царство грѣха! Гдѣ же—діавола? Послушай, что говоритъ Спаситель: *аще сатана сатану изгонитъ, на ся раздѣлился есть: како убо станетъ царство*

его (Матѳ. XII, 26)? Вотъ—царство діавола! Гдѣ—царство смерти? Послушай словà Павла: *царствовала смерть отъ Адама даже до Моисея и надъ несогрѣшившими* (Римл. V, 14). Такъ какъ діавольская троица, то есть, діаволъ, грѣхъ и смерть, возъимѣла силу и властвовала надъ Святою и Пречистою Троицею, именно: діаволъ обольщалъ, грѣхъ умерщвлялъ, а смерть погребала, то поэтому Давидъ и благовѣствуетъ находившимся подъ тою тиранническою властію и говоритъ, чтобы они ушли изъ-подъ ярма рабства и приняли возвѣщаемое владычество Христа: *Господь воцарися*. Царство смерти прекратилось, сила грѣха упразднилась, власть діавола окончилась. *Господь воцарися, да радуется земля*. Радоваться должна нѣкогда порабощенная, а теперь освобожденная,—нѣкогда заблуждшая, а нынѣ прославленная,—нѣкогда бывшая во гробѣ, а теперь находящаяся на престолѣ,—нѣкогда—въ
408 безчестіи, а нынѣ—въ чести. *Господь воцарися*. Такъ и въ другомъ мѣстѣ говорится (должно приводить сродныя между собою мысли): *Господь воцарися, въ лѣпоту облечеся* (Псал. XCII, 1). Мы одѣваемся снаружи одеждою, чтобы прикрыть непристойныя стороны нашего естества. А зачѣмъ Богъ покрываетъ Свое безтѣлесное естество, исполненное свѣта, лучше же сказать—блистающее свѣтомъ? Но Онъ называетъ Своимъ одѣяніемъ самое тѣло Христово: *Господь воцарися, въ лѣпоту облечеся*. Лѣпотою называетъ плоть Христову. Она была прекрасна, не имѣя безобразія грѣха, потому что (Господь) никогда не совершилъ грѣха, и не нашлось коварства въ устахъ его (Ис. LIII, 9). *Облечеся Господь въ силу и препоясася* (Псал. XCII, 1). Такъ какъ поясъ украшаетъ царя, а поясъ—отличительный знакъ царя и судьи, то Писаніе вводитъ Его и какъ царя, и какъ судію; Исаія говоритъ: *изыдетъ жезлъ изъ корене Іессеова и цвѣтъ отъ* него *взыдетъ, и почіетъ на немъ Духъ Божій*; *и будетъ препоясанъ правдою о чреслѣхъ своихъ и истиною обвитъ по ребрамъ своимъ* (XI, 1, 2, 5).

4. Это одѣяніе Спасителя, т. е., одѣяніе плоти, сокровенно и образно имѣлъ архіерей въ законѣ. Обрати тщательное вниманіе на то, какъ тѣни изъясняли истину, какъ образы евангелія сіяли раньше Христа. Говорю помалу, снисходя по возможности къ слуху простыхъ и неопытныхъ, чтобы ихъ не водить кругомъ туда и сюда Архіерей, входя во святая святыхъ, надѣвалъ подиръ, то есть, одежду, спускавшуюся съ головы до ногъ, нарамникъ, поясъ, набедренникъ, золотую дощечку, тіару, „нареченіе“ на груди и все то, что исчисляетъ Писаніе и что доступно зрѣнію. Но одно—образы, а другое—смыслъ ихъ. Во всякомъ случаѣ Бога не удовлетворяютъ ни гіацинтъ, ни порфира, ни червлень, ни виссонъ, потому что Богъ требуетъ чистоты душъ; веществен-

ными же цвѣтами Писаніе рисуетъ образъ добродѣтелей. Если бы Бога поистинѣ удовлетворяли тѣ блестящія одежды, то почему Онъ не облачилъ ими Моисея прежде Аарона? Но, хотя Моисей былъ и лишенъ того одѣянія, однако, онъ облекалъ въ него священниковъ. Моисей не былъ умытъ водою, и, однако, умывалъ,— не былъ помазанъ елеемъ, и помазывалъ,—не носилъ священнической одежды, и одѣвалъ въ нее іереевъ. Это для того, чтобы ты понялъ, что для совершеннаго мужа достаточно—для украшенія его—добродѣтели. Возьми сначала священника. Самое уже названіе одѣянія—двусмысленно и составляетъ предметъ разысканія; оно передано греческою рѣчью. Итакъ, начни съ головы. 404
Что прежде всего было? Тіару или что Писаніе называетъ? Что послѣ тіары, какъ бы посредницы? Поэтому тіара—образъ одѣянія. Такъ какъ архіерей былъ глава народа, то ему, какъ главѣ всѣхъ, надлежало имѣть на головѣ символъ власти. Ослабленіе авторитета невыносимо; тотъ, которому присвоенъ символъ его власти, стоитъ подъ закономъ. Законъ же повелѣваетъ, чтобы голова архіерея не была обнажена, но была покрыта, чтобы голова народа поняла, что у ней есть голова. Поэтому и въ Церкви во время рукоположенія іереевъ на голову ихъ возлагается Христово Евангеліе, чтобы рукополагаемый понималъ, что онъ принимаетъ истинную тіару Евангелія,—и чтобы онъ зналъ, что хотя онъ и глава всѣхъ, но поступаетъ, подчиняясь этимъ законамъ,—что, властвуя надъ всѣми, онъ находится во власти закона,—что, требуя во всемъ отчета отъ другихъ, онъ самъ отдаетъ отчетъ закону и получаетъ отъ него предписанія. Поэтому одинъ славный мужъ изъ древнихъ,—имя же ему было Игнатій,—этотъ, украшенный священствомъ и мученичествомъ, въ посланіи къ нѣкоторому іерею говорилъ: ничего да не будетъ безъ твоей воли, но и ты ничего не дѣлай безъ воли Божіей. Итакъ, то обстоятельство, что на архіерея полагается Евангеніе, служитъ знакомъ того, что онъ находится подъ властью. Поэтому Павелъ и говоритъ о женщинѣ, имѣющей покрывало: женщина должна имѣть на своей головѣ покрывало, которое было образомъ власти. Итакъ, тіара была образомъ власти. Была на тіарѣ золотая дощечка, на которой были начертаны письмена, обозначавшія имя Божіе, что прежде всего показываетъ, что власть Божія—имя Божіе. Послѣ тіары и дощечки были на раменахъ два изумрудныхъ камня, на которыхъ были обозначены имена шести колѣнъ—на каждомъ. Это—знакъ священническаго поведенія. Законъ назначаетъ священнику изумрудъ, имѣющій двоякую красоту: и прекрасный цвѣтъ, и чистоту на подобіе зеркала. Такъ какъ нужно, чтобы священникъ, бодрствуя, велъ подвижническую жизнь и чтобы

послѣдняя была зеркаломъ для народа, то законъ и желаетъ, чтобы священникъ на раменахъ носилъ образъ добродѣтели. Почему на раменахъ? Потому что имя Божіе—на головѣ: членъ надъ членомъ. Но почему же на раменахъ? Потому что это—знакъ дѣйствій: дѣятельная сила зависитъ отъ плечъ. Итакъ, законъ желаетъ, чтобы красота истины блистала въ дѣлахъ. Поэтому Богъ нѣкогда говорилъ Іерусалиму: положи сердце свое на рамена твои, *дщи обезчествованная, яко созда Господь спасеніе* (Іер. xxxi, 22, 21). Руки и рамена Писаніе принимаетъ за дѣйствіе, когда
405 говоритъ, напр., о Давидѣ: *и въ разумѣхъ руку своею наставиль я есть* (Псал. lxxvii, 72). И ужели разумъ находится въ рукахъ? Но *въ разумѣхъ*, говоритъ, самыхъ дѣлъ. На груди священникъ имѣлъ *наперсникъ судный* съ двѣнадцатью врѣзанными камнями, каковы: сердоликъ, топазъ, смарагдъ, рубинъ, сапфиръ, ясписъ, гіацинтъ, агатъ, аметистъ, хризолитъ, бериллъ, ониксъ. Этими двѣнадцатью камнями различались двѣнадцать колѣнъ. Трудное изреченіе! Выше—на раменахъ было одно естество камней, имѣвшее одно имя—изумрудъ; а на груди—ниже—камни различные. Что это значитъ? Такъ какъ одно естество родило насъ, а различныя мысли и мнѣнія раздѣлили насъ, то одно усвояется мнѣнію, а другое—естеству. Итакъ, имя Божіе—это была дѣятельная добродѣтель, происходящая чрезъ слово и истину. На краяхъ одежды священника, называемыхъ бахромою, были цвѣты, гранатовыя яблоки и золотыя яблочки и позвонки. Что обозначало это въ іереѣ? Ужели Богъ услаждался этими цвѣтами? Ужели Ему благоугодно было, чтобы іерей былъ окруженъ земными цвѣтами? Но чрезъ одежду священника Онъ изображаетъ добродѣтели. Вверху—на головѣ—имя Божіе, на груди—*наперсникъ судный*, внизу—цвѣты и плоды, подвиги добродѣтели, каковы: милостыня, справедливость, человѣколюбіе.

5. Итакъ, намъ надлежитъ имѣть убранство блистающее и совершенное. Цвѣты іерея: общеніе, бесѣды, добрый нравъ, полезное слово, вѣра, снисканіе добраго мнѣнія, истина, правда; а между ними позвонки—созвучіе прекрасныхъ дѣлъ. Всякая добродѣтель производитъ нѣкоторый звукъ. Поэтому Павелъ говоритъ: *отъ васъ бо промчеся слово* Божіе (1 Сол. i, 8). Откуда же начался звукъ? *И прохождаше Іисусъ*, говоритъ Писаніе, *грады вся и веси, уча и цѣля всякъ недугъ и всяку язю* (Матѳ. ix, 35). И молва о Немъ прошла по всей землѣ. Обрати тщательное вниманіе. Видѣлъ ты красоту добродѣтелей? Тотъ іерей былъ образомъ Христа. Мы здѣсь не говорили бы иносказательно, если бы намъ не давалъ поводъ къ тому Павелъ. Если бы Павелъ не истолковалъ силы правды, мы были бы не въ состояніи понять этого. Поэтому

Павелъ дѣлаетъ того іерея образомъ Христа и говоритъ: *не въ рукотворенная бо святая вниде Христосъ, противообразная истинныхъ, но въ самое небо, да явится лицу Божію о насъ* (Евр. IX, 24). Итакъ, было между тогдашними іудеями разногласіе и изслѣдованіе страннаго вопроса. Такъ какъ апостолы проповѣдывали о Спасителѣ и царѣ, іереѣ и пророкѣ, то іудеи спорили между собою и говорили то, что написано въ ихъ законѣ. Иное, говорили, колѣно царское и иное—священническое. Левіино колѣно—колѣно священства, а іудово, говорили, колѣно царское. Слѣдов., если Христосъ—царь, то Онъ уже не іерей, а если іерей, то уже не царь. Споря съ ними и къ ихъ понятіямъ приспособляя свою рѣчь, Павелъ говоритъ: развѣ не согласно съ установленіями 406
вашего священства Христосъ возсталъ изъ мертвыхъ? У васъ царство и священство раздѣлилось, а во Христѣ соединилось. *Ты* бо, говоритъ Писаніе, *іерей во вѣкъ, по чину Мелхиседекову* (Псал. CIX, 4). Поэтому Павелъ соображаетъ и говоритъ: если бы первое священство было безупречно, то что за нужда была бы говорить, что возстанетъ *іерей по чину Мелхиседекову*, а не по чину Ааронову? *Прелагаему бо священству, по нужди и закону премѣненіе бываетъ* (Евр. VII, 12). Итакъ, Спаситель нашъ—архіерей не соотвѣтственно Своему божеству, а по образу плоти: вверху сидящій съ Богомъ на престолѣ ради насъ и архіерей по чину Мелхиседекову. Объ этомъ можно бы многое сказать, но не въ настоящемъ мѣстѣ. Прошу, будь внимателенъ. Въ законѣ были всесожженія, жертва за грѣхъ, приношеніе. Спаситель, придя, полагаетъ конецъ имѣвшимъ значеніе образовъ приношеніямъ и предлагаетъ собственное Свое тѣло вмѣсто всякой жертвы. Павелъ говоритъ о Спасителѣ: *тѣмже входя въ міръ глаголетъ: жертвы и приношенія не восхотѣлъ еси, тѣло же совершилъ ми еси. Всесожженій и о грѣсѣ не благоволилъ еси. Тогда рѣхъ: се иду, въ главизнѣ книжной написася о мнѣ* (Евр. X, 5—7; Псал. XXXIX, 7, 8). Сказавъ о пророчествѣ и о томъ, что жертвы и приношенія и *о грѣсѣ не восхотѣлъ еси, тогда рѣхъ: се иду*,—Павелъ упраздняетъ первое, чтобы утвердить второе. Но гдѣ жертва и приношеніе находятся въ Христовомъ тѣлѣ? Апостолъ Павелъ говоритъ: молю васъ, братья, по милосердію Божію, *якоже чада возлюбленная, ходите въ любви, якоже и Христосъ возлюбилъ есть насъ и предаде себе за ны приношеніе и жертву Богу, въ воню благоуханія* (Ефес. V, 1, 2). Ради тебя Христосъ—архіерей, ради Себя—Богъ. Не измѣняй словъ Бога живого. Ты крестился въ Отца, Сына и Святаго Духа; зачѣмъ упраздняешь живыя имена и вводишь имена—порожденіе твоихъ мыслей, говоря: нерожденный и рожденный, сотворенный и несозданный, всегда сущій и не сущій всегда? Развѣ Богъ

можетъ снисходительно относиться къ такимъ пустымъ словамъ? Нѣкогда пророкъ подвергался опасности погибнуть изъ-за измѣненія одного слова. Обрати вниманіе на точность въ передачѣ даже маленькаго слова. Пророческія рѣчи нѣкоторые называли, по неопытности, *бременемъ* Господнимъ. Богъ говоритъ устами Іереміи: *аще вопросятъ* тебя *людіе сіи, или пророкъ, или священникъ, рекуще* тебѣ: *кое есть бремя? речеши, къ нимъ: вы есте бремя* Господне. Похищу бо васъ хищеніемъ и сокращу васъ, чтобы вы не говорили о *бремени* (Іер. XXIII, 33). Богъ угрожаетъ, если измѣняется и одно слово; а ты извращаешь всю правильность догматовъ, отвергая имя Отца, отрицая достоинство Сына, ниспровергая славу Святаго Духа? Ужели ты можешь убѣжать отъ рукъ Божіихъ? Тяжело и страшно извращать слово Бога живого, Господа Бога нашего. Богъ гнѣвается, если извращаются какія-либо Его слова; а когда извращаются догматы, ужели Онъ не негодуетъ?
407 Ужели ты мудрѣе Спасителя? Ужели ты точнѣе Евангелія? Побойся Божія суда, побойся того страшнаго имени и оставь злобу, воспріими покаяніе, и вѣра твоя будетъ служить порукою за твое спасеніе, потому что покаяніе доставляетъ спасеніе какъ тѣмъ, которые заражены ересью, такъ и тѣмъ, которые совершаютъ вообще злые поступки.

6. Покаяніе—корень благочестія. Покаемся же и своимъ покаяніемъ склонимъ Бога къ тому, чтобы Онъ и положилъ конецъ войнамъ, и укротилъ варваровъ, и прекратилъ вражескіе мятежи, и далъ намъ наслажденіе всѣми благами. Сильно умилостивляетъ Бога покаяніе, если кто, искренно раскаиваясь, обращается къ Нему. Укажу на примѣръ: народъ нѣкогда согрѣшилъ, покаялся и пролилъ слезы; Богъ говоритъ: *слыша слышахъ* стенаніе *Ефрема, плачуща* и говорящаго: *наказалъ мя еси Господи, и не наказахся,* но *азъ, якоже телецъ, не научихся; обрати мя, и обращуся* (Іерем. XXXI, 18). И что говоритъ ему Богъ? *Понеже словеса моя въ немъ, памятію воспомяну* его и *помилую его* (ст. 20). Никто пусть не устрашаетъ тебя: ни молва, ни тьма варварская, ни густая туча; хотя бы непріятели были и безчисленны по своему множеству, нашъ Защитникъ крѣпче. Если при видѣ множества ты робѣешь, то пророкъ Елисей говоритъ тебѣ: *не бойся, яко множае, иже съ нами, нежели съ ними* (4 Цар. VI, 16). Тамъ множество варваровъ, а здѣсь отрядъ ангеловъ. За благочестивыхъ людей сражаются: ангельское войско, сонмъ пророковъ, сила апостоловъ, предстательство мучениковъ. Не подумай, что мученики только за насъ предстательствуютъ; напротивъ, и ангелы, когда постигаютъ насъ бѣдствія, умоляютъ за насъ Бога,—и не только умоляютъ, но и получаютъ отвѣтъ отъ Благодѣтеля. Про-

рокъ Захарія говоритъ: *и отвѣща Ангелъ, глаголяй во мнѣ, и рече* къ Господу (Зах. I, 9, 12). Вотъ молитва ангела: *Господи Вседержителю, доколѣ не имаши помиловати Іерусалима и грады Іудовы, яже презрѣлъ еси, сіе седмьдесятое лѣто* (ст. 12)? Что же? Отвергъ ли Богъ предстательство ангела? Совсѣмъ нѣтъ; но что же ему отвѣтилъ? *Отвѣща*, говоритъ Захарія, *Господь Ангелу, глаголющему во мнѣ глаголы добры и словеса утѣшна* (ст. 13). Умолимъ Владыку ангеловъ, и Онъ пошлетъ одного ангела, который и разсѣетъ все войско враговъ. Мнѣ понравилась и картина, сдѣланная изъ воска и исполненная благочестія. Я видѣлъ на изображеніи ангела, прогоняющаго тьмы варваровъ, видѣлъ попираемыя варварскія племена и Давида, который истинно восклицалъ: *Господи, во градѣ твоемъ образъ ихъ уничижиши* (Псал. LXXII, 20). Пусть и въ отношеніи насъ скажетъ теперь блаженный Давидъ: *да будетъ путь ихъ тьма и ползокъ, и ангелъ Господень погоняй ихъ* (Псал. XXXIV, 6), т. е., нашихъ враговъ. Богъ 408
умѣетъ доставлять разные случаи къ истребленію враговъ. Многочисленно было войско Сеннахирима, царя ассирійскаго, и, однако, одинъ посланный ангелъ истребилъ 185 тысячъ (4 Цар. XIX). Мы—люди—при помощи человѣческихъ мыслей измѣряемъ то, что случается, и говоримъ себѣ: что, если въ нашихъ областяхъ не окажется ни одного воина? Что намъ дѣлать, если прежде, чѣмъ успѣетъ явиться военачальникъ, всѣхъ насъ истребятъ? Въ самомъ дѣлѣ, ужели потому только, что ты придешь раньше, раньше придетъ и Богъ (на помощь)? Ужели потому только, что ты не вездѣсущъ, не вездѣсущъ и Богъ? Ужели Богъ одно можетъ сдѣлать, а другого нѣтъ? Бездушное море покорилось и погрузило; неразумныя рыбы покорились Петровой ловлѣ; и ангелъ, если Богъ повелитъ ему, развѣ не уничтожитъ всѣхъ враговъ истины? Будемъ только бодрствовать, будемъ только просить, будемъ только умолять (Бога)! У древнихъ повелѣвалъ одинъ прекрасный полководецъ; или назову общеупотребительнымъ именемъ, чтобы онъ сталъ всѣмъ понятенъ: повелѣвалъ одинъ стратигъ иноплеменниковъ—Сисара; о немъ вспоминаетъ и Давидъ, говоря: *сотвори имъ, яко Мадіаму и Сисарѣ, яко Іавиму въ потоцѣ Киссовѣ* (Псал. LXXXII, 10). Іавимъ былъ царь иноплеменниковъ, а Сисара полководецъ. У него было 800 желѣзныхъ колесницъ и безчисленное множество войска. Народъ іудейскій устрашился, увидѣлъ полчище и пришелъ въ ужасъ. Что же говоритъ человѣколюбивый Богъ устами пророчицы Деворы защитнику благочестія? Не бойся; вотъ Господь предаетъ его тебѣ въ руки твои (Суд. IV, 14), но подвигъ этотъ будетъ дѣломъ не твоей руки, а рукъ женщины. Смотри, какъ Богъ наказалъ вы-

сокомѣріе. Мужи не устояли и женщина вела войско. Сисара, убѣгая, вошелъ къ женщинѣ, по имени Іаили, и измученный зноемъ попросилъ у ней воды; она же напоила его молокомъ. Замѣть мудрость женщины. Такъ какъ молоко—прохладительный напитокъ и располагаетъ ко сну, то она напоила его молокомъ, такъ что Писаніе говоритъ истину, передавая: онъ попросилъ у ней воды, а она дала молока (ст. 19), чтобы и напоить его, и усыпить. Затѣмъ, когда иноплеменникъ заснулъ, та женщина, говоритъ Писаніе, взяла *колъ и млатъ* (ст. 21) и напала на врага. Смотри на мудрость женщины. Почему она не взяла меча или сабли, но *колъ*? Убоялась, какъ женщина, того, чтобы проснувшись, онъ не засталъ ея держащею мечъ. Поэтому она не беретъ оружія мужа, а беретъ то, что было обычнымъ для женщины. Было обычно, что женщины, препоясавшись, вбивали колья въ стѣнѣ (шатровъ) и такимъ образомъ исполняли свое дѣло (т. е., постройки и починки шатровъ). Потому она устраиваетъ инымъ путемъ, чтобъ быть внѣ всякаго подозрѣнія. Такъ какъ Богъ содѣйствовалъ, то Божіе было дѣло исполнить слова пророчества, потому что не ея былъ здѣсь подвигъ, а Божіе изреченіе: отъ руки женщины будетъ твоя, Сисара, смерть (ст. 9).
409 Богъ содѣйствовалъ, связавъ сномъ злодѣя, и женщина, взявъ *колъ и млатъ*, поразила его такъ сильно въ високъ, что колъ коснулся даже земли, и такимъ образомъ Сисара умеръ у ногъ женщины.

7. У Бога нѣтъ недостатка въ случаяхъ, и когда Онъ желаетъ, то вовсе не важно для насъ, если и не являются къ намъ союзники: Божіе оружіе, Божій воинъ, Божія сила, одно только Божіе мановеніе—все могутъ. Скажемъ Христу: произнеси слово, и враги Твои разсѣются; произнеси слово, и помилуешь Твой городъ; произнеси Слово, и пожалѣешь Твой міръ. Скажемъ Ему: *се врази твои возшумѣша и ненавидящіи тя воздвигоша главу* (Псал. LXXXII, 3). Хочешь узнать о подвигѣ и другой женщины, послѣ того какъ восхотѣлъ этого (т. е., помочь ей) Богъ? Былъ нѣкто другой человѣкъ, по имени Авимелехъ: убивъ своихъ 70 братьевъ и, вслѣдствіе этого братоубійства, получивъ власть и имѣя въ своемъ подчиненіи весь народъ, онъ напалъ на одинъ городъ и началъ осаждать его стѣны (Суд. IX), и когда всѣ при видѣ войны оцѣпенѣли отъ страха, опять Богъ укрѣпилъ руку женщины; Онъ устроилъ такъ, что нѣкоторая женщина, видимая со стѣны, взявъ обломокъ жернова, бросила въ голову тирана и разбила его черепъ. И обрати вниманіе на безмѣрную порочность этого высокомѣрнаго человѣка, вмѣстѣ съ нимъ умершую. Онъ говоритъ стоявшему подлѣ него копьеносцу: *извлецы мечъ твой и убій мя*,

да не рекутъ, яко жена уби его (ст. 54). Тѣло его умирало, а высокомѣріе оставалось; онъ покидалъ жизнь, но не оставлялъ тщеславія. И теперь нѣтъ недостатка у Бога въ Деворѣ, нѣтъ недостатка у Бога въ Іаили. Имѣемъ и мы святую Дѣву и Богородицу Марію, предстательствующую за насъ. Если обыкновенная женщина побѣдила, то во сколько разъ болѣе Христова Матерь посрамитъ враговъ истины? Одѣвшись во всеоружіе, тотъ врагъ думалъ, что это—женщина, достойная смѣха, и, однако, 410
нашелъ (въ ней) состязавшагося военачальника. Онъ не подумалъ, что стоитъ уже вблизи гроба, и, однако, могила для него уже была найдена; онъ считалъ ту женщину, такъ сказать, мертвою, и, однако, ею былъ затѣмъ умерщвленъ. Мы имѣемъ Владычицу нашу—святую Марію Богородицу; но нуждаемся и въ апостольскихъ молитвахъ. Скажемъ Павлу, какъ говорили ему современники: *пришедъ въ Македонію, помози намъ* (Дѣян. XVI, 9). Мы имѣемъ апостоловъ, не будемъ же цѣпенѣть отъ страха! Мы имѣемъ Владычицу нашу—Богородицу, святую Приснодѣву, Марію, не станемъ же бояться! Мы имѣемъ сонмъ мучениковъ, не будемъ же нерадивы! Не только станемъ умолять, но, если признаемъ за нужное, то и—поститься. Лучше поститься постомъ пожеланія, а не постомъ голода; лучше поститься постомъ любви, а не постомъ необходимости. Спаситель говоритъ о демонахъ: *сей родъ не исходитъ, токмо молитвою и постомъ* (Матѳ. XVII, 21). Молитва и постъ прогоняютъ демоновъ, и ужели они не прогонятъ варваровъ? И я уже сказалъ, и снова говорю: станемъ умолять святую и славную Дѣву и Богородицу Марію; призовемъ святыхъ и славныхъ апостоловъ; призовемъ святыхъ мучениковъ! Если кто-либо, поставленный въ необходимость, прибѣжитъ за помощію къ кому-нибудь изъ могущественныхъ людей, то этотъ не обращаетъ на него искренняго вниманія. Раньше несчастія, говоритъ онъ, ты не оказывалъ мнѣ почестей и не угождалъ, а дѣлаешь это только въ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Честь, оказываемая не по нуждѣ, не возбуждаетъ подозрѣній. Если до несчастія ты угодишь судьѣ, то и въ несчастіи найдешь въ немъ помощника, такъ какъ онъ знаетъ, что тебя привела не нужда, а любовь. Итакъ, будемъ друзьями мучениковъ не по нуждѣ, а по любви. Будемъ скорбѣть до наступленія ненастнаго времени такъ, какъ еслибы оно уже наступило, чтобы въ то время, какъ зима наступитъ, намъ найти весну. Говоримъ это, не приказывая, но увѣщевая,—не повелѣвая, а упрашивая; просимъ всѣхъ жить трезво. Богъ же можетъ, свыше всякаго вѣроятія, свыше всякаго слова, и посрамить враговъ, и помиловать вселенную, и почтить царей, и утвердить царство, и сдѣлать свѣт-

лою Свою славу, во Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ, Которому слава во вѣки. Аминь.

БЕСѢДА НА СЛОВА:

Коею властію сія твориши (Мѳ. xxi, 23)?

411 1. Начало человѣческаго спасенія—страхъ Божій, и корень всего добраго въ насъ—законъ Божій; но ни законъ Божій—безъ страха, ни страхъ—безъ закона. Законъ заповѣдей имѣетъ въ страхѣ свое служебное орудіе; а страхъ къ заповѣданному имѣетъ въ законѣ своего судію. Поэтому тотъ, кто приступаетъ къ закону и къ законодателю Богу со страхомъ, вступаетъ въ общество святыхъ и причисляется къ праведнымъ; а кто отвергаетъ страхъ Божій и съ гордостью приступаетъ къ божественному закону тотъ и не удостоивается благодати, но бываетъ чуждъ благочестія. Поэтому тѣ, которые приступаютъ къ божественному закону, со страхомъ и любовію, неуклонно назидаются и просвѣщаются, и отъ самой истины научаются благочестію, потому что обрѣтаютъ самый источникъ истины, взывая: *благословенъ еси, Господи, научи мя оправданіемъ твоимъ* (Псал. cvіп, 12). Такъ люди святые, благочестивые и боголюбивые, научаются истинѣ отъ самой истины, а враги истины, или лучше сказать—враги собственной своей жизни, предпочтя простотѣ надменность и гордость, съ нескромнымъ видомъ приступаютъ къ Учителю благочестія. Тоже самое сдѣлали и іудеи, какъ вы слышали изъ словъ Евангелія, недавно прочитанныхъ. Къ Іисусу, нашему Господу, Царю святыхъ, находившемуся во храмѣ, они приступаютъ въ самомъ храмѣ; не съ должнымъ страхомъ, не какъ рабы къ Владыкѣ, не какъ люди къ Богу, но даже и не какъ ученики къ учителю. Враги истины и послѣдователи нечестія, обнаруживая собственную порочность, старались человѣческими помыслами обмануть премірную премудрость. *Приступиша*, говоритъ евангелистъ, къ Іисусу во храмѣ
412 *іерее и старцы людстіи, глаголюще: коею властію сія твориши, и кто Ти даде власть сію* (Мѳ. xxi, 23)? О, сердце, чуждое страха! На что оно дерзаетъ, что говоритъ, какъ надмевается гордостію! О, неразуміе лукавыхъ! О, незлобіе Спасителя! Это говоритъ прахъ, и терпитъ Создатель; твореніе возстаетъ противъ Творца, и переноситъ Благодѣтель, никому не подчиненный; требуютъ отчета отъ Слова Божія, и спрашиваютъ о власти у Главы самовластія. Благовременно теперь и намъ сказать слова Премудраго: человѣкъ, *почто гордится земля и пепелъ* (Сирах. x, 9)? Ты спрашиваешь Бога, требуешь отчета у Него въ собственныхъ дѣлахъ Его и

дерзаешь говорить премірной власти: *коею властію сія твориши?* Почему же ты спрашиваешь Его, а не вникаешь въ самую силу дѣлъ Его? Вникни самъ тщательно, въ сокровенномъ совѣтѣ души своей, и изслѣдуй свойство этихъ дѣлъ, есть ли они произведенія человѣческой мысли, или проявленія божественнаго самовластія, свойственныя Господу. Спроси и законы природы, и предѣлы (земной) власти, и здравый смыслъ, какою властію можно воскрешать мертвыхъ, человѣческою или Божіею? Кто можетъ очищать прокаженныхъ, прогонять болѣзни, и всякую немощь душевную и тѣлесную истреблять однимъ словомъ? Затѣмъ, кто можетъ изъ бренія создать глаза, Богъ или человѣкъ? Почему же ты не спрашиваешь самое свойство дѣлъ, но съ дерзостію обращаешься съ допросомъ къ Виновнику ихъ и говоришь: *коею властію сія твориши?* Я опять повторяю слова людей, легкомысленно дерзающихъ на все, требующихъ отчета у Слова Божія и старающихся своими помыслами обмануть Того, Кто *запинаетъ премудрыя въ коварствѣ ихъ* (1 Кор. III, 19). О, безуміе! Предста- 413
вляютъ опытъ словоизвитія Слову Божію, Которое легко уловляетъ всякую хитрость словесности и проникаетъ во всякое сплетеніе мыслей. Какую имѣетъ силу слово человѣческое предъ Словомъ Божіимъ, и что значитъ искусственная неправда предъ премірною Премудростію?

Коею властію сія твориши? Спроси разслабленнаго, какою властію онъ встаетъ здоровымъ; спроси чудеса, и не спрашивай о власти Того, Кто творитъ чудеса. Но божественная благость не отвѣчаетъ вамъ, считая недостойными отвѣта тѣхъ, которые спрашиваютъ со злобою. Таково Слово Божіе: когда оно видитъ душу коварную и развращенную, тогда оставляетъ ее, какъ недостойную благодати, и часто старающійся узнать многое не узнаетъ истины отъ самой Истины. Іудеи часто спрашивали и ни разу не получали отвѣта, потому что спрашивали со злобою. Молчаніе Спасителя до такой степени огорчало души ихъ, что нечестивое собраніе ихъ говорило тогда: *доколѣ души наша вземлеши? Аще ты еси Христосъ, рцы намъ не обинуяся* (Іоан. X, 24). Но, не смотря даже и на то, Онъ не отвѣчалъ имъ, потому что недостойны были отвѣта вопрошавшіе со злобою. Что же говорилъ имъ Спаситель? *Рекохъ вамъ уже, и не слышасте: что паки хощете слышати* (Іоан. IX, 27)? *Дѣла, яже Азъ творю, та свидѣтельствуютъ о Мнѣ* (Іоан. X, 25). Видишь ли, какъ Онъ выражаетъ желаніе, чтобы дѣла были вопрошаемы, а не о власти предлагаемы вопросы? Іудеи спрашиваютъ: *аще ты еси Христосъ, рцы намъ не обинуяся: доколѣ души наша вземлеши*, и Онъ не разрѣшаетъ ихъ недоумѣнія, потому что они спрашивали не для

того, чтобы узнать, но чтобы осудить. Первосвященникъ же Каіафа, достойный того собранія, дошелъ до такого неистовства, что сказалъ: *заклинаю тя Богомъ живымъ, да речеши намъ, аще ты еси Христосъ Сынъ* Благословеннаго [1]) (Мѳ. XXVI, 63). Но Спаситель, научая насъ принимать съ благоговѣніемъ такія слова, хотя отвѣчалъ на клятву, однако при этомъ не разрѣшилъ недоумѣнія. *Да речеши намъ,* говорится въ Евангеліи, *аще Ты еси Сынъ* Благословеннаго. Господь сказалъ ему: *ты реклъ еси* (Мѳ. XXVI, 64). Онъ почтилъ клятву, прервавъ свое молчаніе, и вмѣстѣ не удовлетворилъ злобѣ, выразивъ отвращеніе къ коварству. Іудеи спрашивали со злобою, и не получали отвѣта,—и вполнѣ справедливо, потому что коварные помыслы отдѣляютъ людей отъ Бога. Онъ не сообщалъ Своей премудрости тѣмъ, которые со злобою допрашивали Его премудрость: *яко въ злохудожну душу не внидетъ премудрость* (Прем. I, 4).

2. Между тѣмъ какъ часто спрашивавшіе не узнавали о томъ, о чемъ спрашивали, нѣкоторая жена, пришедшая безъ лукавства и съ искреннею вѣрою, не искушавшая непостижимой силы Божіей, но въ простотѣ приступившая къ Господу, и простыми словами, но съ искреннею вѣрою сказавшая Ему: *вѣмы, яко егда Мессія пріидетъ, глаголемый Христосъ той возвѣститъ намъ вся* (Іоан. IV, 25), тотчасъ услышала отъ Него, любящаго простоту, слѣдующія слова: *Азъ есмь, глаголяй съ тобою* (Іоан. IV, 26). Она еще не спрашивала, и уже узнала; еще не было посѣяно Имъ слово вѣры, и уже пожатъ плодъ благочестія. Святый Богъ, въ людяхъ простыхъ и святыхъ *почиваяй*, когда видитъ простоту приходящаго, тогда и Самъ просто являетъ благодѣянія Своей
414 премудрости; а когда видитъ душу, развращенную злобою, тогда удерживаетъ благодѣянія и не сообщаетъ ученія. Послушай, что самъ Онъ говоритъ чрезъ Моисея: если вы будете приступать ко мнѣ прямо, то и Я буду приходить къ вамъ прямо; *аще же пойдете ко Мнѣ страною, пойду и Азъ съ вами въ ярости страною* (Левит. XXVI, 23, 24); говоритъ такъ не потому, чтобы Божественное существо измѣняло правоту Свою, но потому, что къ коварнымъ прямо не приходитъ проистекающее отъ истины. *Коею властію сія твориши, или кто Ти даде власть сію?* Спаситель же сказалъ имъ,—здѣсь замѣть, какой законъ и правило для руководства даетъ намъ Господь всѣхъ. Какой же именно? Онъ желаетъ, чтобы и мы отвѣчали не на всѣ вопросы коварныхъ еретиковъ, іудеевъ или язычниковъ или какихъ-либо другихъ людей, чуждыхъ благочестія. Бываютъ, дѣйствительно бываютъ часто

[1]) Сл. Б.: „Христосъ, Сынъ Божій".

вопросы, недостойные отвѣта; и, конечно, на такіе неправые вопросы нужно отвѣчать вопросами же, но правыми. Поэтому Господь сказалъ имъ: *вопрошу вы и Азъ слово, еже аще речете Мнѣ, и Азъ вамъ реку: крещеніе Іоанново откуду бѣ, съ небесе ли, или отъ человѣкъ* (Мѳ. XXI, 24, 25)? Посмотри на источникъ премудрости, обличающій ложь вопросомъ; посмотри на Слово Божіе, ниспровергающее злобу здравымъ сужденіемъ; посмотри и на злобу, какъ она поражается собственными стрѣлами и запутывается собственными злоухищреніями. *Крещеніе Іоанново откуду бѣ, съ небесе ли, или отъ человѣкъ?* Они же, изслѣдуя между собою силу этихъ словъ, говорили: *аще речемъ: съ небесе, речетъ намъ: почто убо не вѣровасте* (—26)? Увидѣла злоба собственную погибель; увидѣла, что тѣмъ же, съ чѣмъ она выступаетъ, она и уничтожается. Такъ какъ они не слушались Іоанна, то и боялись сказать, что крещеніе его было отъ Бога, чтобы тотчасъ не послѣдовало обличеніе. *Аще ли речемъ: отъ человѣкъ, боимся народа, да не каменіемъ побіютъ ны* (Лук. XX, 6). Мнѣніе объ этомъ праведникѣ подвергнетъ насъ неумолимому осужденію. *Вси бо имутъ Іоанна яко пророка* (Матѳ. XXI, 26). Итакъ, они не хотѣли сказать истины, что оно отъ Бога, потому что отвергли истину Божію; не смѣли и сказать ложь, потому что страхъ былъ судіею ихъ безстыдства, впрочемъ, страхъ не Божій, а человѣческій. Такъ въ самомъ дѣлѣ бываетъ: часто многіе, не имѣя страха Божія, раболѣпствуютъ страху человѣческому. Они боялись народа. О, если бы они боялись Бога, а не народа! Первое руководитъ къ благочестію, а послѣднее—къ нечестію. *И рѣша* Ему: *не вѣмы* (Мѳ. XXI, 27). Посмотри, какъ у коварныхъ злоба скрывается; посмотри, какъ нечестіе обнаруживаетъ собственное невѣжество. Какъ ехидна, или какое-нибудь другое изъ коварнѣйшихъ животныхъ, скрываясь въ потаенномъ мѣстѣ, тихо выползаетъ изъ убѣжища и не рѣшается выйти вполнѣ, такъ и іудеи, скрываясь въ пещерѣ злобы, не выставляютъ на свѣтъ своего мнѣнія. Поэтому и Господь сказалъ имъ: *ни Азъ вамъ глаголю.* Посмотри, какъ молчаніе Его наказало ихъ за неумѣстный вопросъ; посмотри, какъ Онъ не удовлетворилъ злобѣ ихъ, но поразилъ ихъ среди замысловъ. И въ какомъ положеніи находилась нѣкогда ослица Валаама, которая не могла уклониться ни на-право ни на-лѣво, потому что ангелъ противостоялъ ей (Числ. XXII, 26), въ такомъ же положеніи оказалась злоба іудеевъ, не дерзнувшая воззрѣть ни на правую сторону
истины, по причинѣ предстоявшаго обличенія отъ Спасителя, ни 415
на лѣвую сторону лжи, по страху предъ народомъ.

Поэтому и намъ, братія, получающимъ такое правило отъ Го-

спода, должно не на всѣ вопросы еретиковъ давать отвѣты. Когда еретикъ спроситъ тебя со злобою, то ты отстрани неумѣстный вопросъ его вопросомъ же правымъ. Еретикъ часто спрашиваетъ: ты знаешь Бога, или не знаешь? Если скажешь: знаю, то онъ тотчасъ продолжаетъ: слѣдовательно ты знаешь то, что почитаешь? Да, отвѣчаетъ благочестивый, потому что кто согласится сказать: я не знаю того, что почитаю? Онъ опять продолжаетъ: итакъ, ты знаешь существо Божіе? Если скажешь: не знаю, то онъ тотчасъ возражаетъ: слѣдовательно, ты не знаешь того, что́ почитаешь. Посмотри на эти коварныя слова; посмотри на козни злобныхъ зміевъ. Видишь ли это? Но не должно смущаться. Нужно знать, братія, что бываютъ различные роды познанія. Можно знать, что Богъ существуетъ, но не то, какъ Онъ существуетъ. Такъ и между нами—людьми много путей знанія. Напримѣръ, я знаю, что такой-то человѣкъ живетъ въ такомъ-то городѣ, но не знаю, какимъ онъ занимается ремесломъ; о другомъ знаю, что онъ занимается такимъ-то ремесломъ, но не знаю, откуда онъ родомъ. Слѣдовательно, отчасти я знаю, а отчасти не знаю; и вообще, ни частное знаніе не даетъ знанія всецѣлаго, ни незнаніе всего не уничтожаетъ частнаго знанія. Что же? Я знаю о Богѣ, что Онъ существуетъ, что Онъ благъ, что Онъ безсмертенъ, что Онъ нетлѣненъ, что Онъ необъятенъ, что Онъ непостижимъ, безтѣлесенъ, неизмѣняемъ. Все это я знаю, и, зная, покланяюсь Ему. Но того, какъ Онъ существуетъ, я не знаю, и наученъ не изслѣдованію, какъ Онъ существуетъ, а тому, что Онъ есть. Я не нахожу больше апостола никакого учителя, который могъ бы сообщить мнѣ болѣе благочестивое ученіе; но онъ громкимъ голосомъ учитъ такъ: *вѣровати же подобаетъ приходящему къ Богу, яко есть*, не тому, какъ Онъ есть, но: *яко есть, и взыскающымъ Его мздовоздаятель бываетъ* (Евр. XI, 6). Такимъ образомъ я почитаю то, что знаю; я не научился изслѣдовать существо Божіе; я научился вѣровать, братія,—вѣровать, а не изслѣдовать. Прочитай, еретикъ, твое исповѣданіе, которое было произнесено при сокровенномъ и страшномъ таинствѣ. Когда ты приступалъ ко крещенію, что говорилъ ты? Спрашивалъ ли, изслѣдовалъ ли, или вѣровалъ? Ты иначе приступалъ и на иныхъ условіяхъ удостоенъ той благодати. Если же ты удостоенъ ея при такомъ образѣ мыслей, то ты нарушилъ условія; при страшныхъ и великихъ таинствахъ ты представлялъ вѣру, а внѣ таинствъ ограничиваешь вѣру и предлагаешь вопросы.

3. Но смотри, что говоритъ врагъ истины. Не напрасно же Богъ далъ намъ разсудительность. Не напрасно же мы получили способность соображенія. Нужно познавать вѣру и посредствомъ сужденій, и не оставлять благочестиваго ученія безъ изслѣдованія.

Хорошо. Но руководствомъ при изслѣдованіи должны быть божественныя изреченія и данныя намъ отъ Него правила благочестія. А ты, преступая правила, не руководствуешься богодухновенными Писаніями, но изслѣдуешь божественное, извращаешь истину и всегда предпочитаешь больше слѣдовать невѣрнымъ сужденіямъ, нежели покоряться вѣрѣ, какъ будто ты испыталъ все, или позналъ все видимое. Объясни мнѣ, на основаніи соображеній ума, какъ стало небо, находясь въ пустотѣ на столь безпредѣльной высотѣ и при такомъ объемѣ не имѣя ничего, поддерживающаго его? Какъ оно стоитъ, кѣмъ носится, какія основанія, на которыхъ оно утверждено. Какъ въ теченіе столь продолжительнаго времени не нарушается его красота, не уничтожается согласіе? Покажи держащіе его столбы, покажи основаніе, лежащее подъ такою тяжестію. Но для чего мнѣ говорить о небѣ, а не о землѣ, которую попираю ногами? Прежде всего объясни мнѣ устройство земли. Что она основана на водахъ (Псал. XXIII, 2), это и я принялъ и самъ ты исповѣдуешь. Но объясни, какъ она утверждена на водахъ, не просто повторяй сказанное, но посредствомъ сужденія дай отчетъ въ искомомъ предметѣ,—какъ горы, столь многія и столь великія, и холмы, и равнины носятся на водахъ. Скажи, какъ отдѣлено море; скажи, какъ оно, бушуя такими волнами и поднимаясь на необычайную высоту, когда приближается къ песку, укращается, уважаетъ предѣлъ, назначенный ему Законодателемъ. Объясни, братъ мой, какъ происходитъ то, что земля одна, мать наша, а произрастенія различны, откуда горькіе корни, откуда сладкіе, откуда разнообразіе плодовъ. Одна земля произращающая, одинъ дождь питающій: откуда же это разнообразіе? Объясни, откуда произошли источники и изъ какихъ пропастей? Какъ возможно постигнуть все это? Но между тѣмъ, какъ мы недоумѣваемъ объ этомъ, мы имѣемъ единственное истинное и благочестивое разрѣшеніе недоумѣній. И блаженный Давидъ въ пѣснопѣніи сказалъ объ этомъ такъ: *яко право слово Господне, и вся дѣла Его въ вѣрѣ* (Псал. XXXII, 4). Дѣлъ постигнуть невозможно безъ вѣры: какъ же возможно безъ вѣры познать Бога? Дѣла познаются не безъ вѣры: какъ же Сынъ—посредствомъ сужденій? *Яко право слово Господне, и вся дѣла Его въ вѣрѣ*. Впрочемъ, оставивъ враговъ истины, обратимся къ здравому и безопасному ученію вѣры и объяснимъ правило благочестія, сіяющее самою истиною. Нѣтъ никого между ветхозавѣтными достовѣрнѣе Моисея, нѣтъ никого между новозавѣтными мудрѣе Павла. Разсмотри ветхозавѣтныя учрежденія, и ты не найдешь никого больше Моисея: *вѣмъ тя*, сказалъ ему Богъ, *и благодать имаши у Мене паче всѣхъ* (Исх. XXXIII, 12). Нѣтъ 416

никого въ новомъ завѣтѣ совершеннѣе Павла: онъ *сосудъ избранъ* (Дѣян. IX, 15) и имѣлъ въ себѣ Христа, который говорилъ чрезъ него. Ты не переступишь предѣловъ Моисея и Павла. Что же получилъ Моисей,—постиженіе существа Божія, или видѣніе славы Его? Моисей, братія, желалъ видѣть Бога, какъ человѣкъ боголюбивый, и не представлялъ, что онъ желалъ невозможнаго. Впрочемъ, онъ показалъ это самою просьбою своею къ Богу. Что говорилъ онъ? Прошу, Господи, *аще обрѣтохъ благодать предъ*
417 *Тобою, яви ми Тебе самаго, да разумно вижду Тя* (Исход. XXXIII, 13). Онъ поступилъ, какъ Филиппъ, который говорилъ: *покажи намъ Отца, и довлѣетъ намъ* (Іоан. XIV, 8). Господи, говоритъ Моисей, *Ты реклъ еси: благодать имаши у Мене: яви ми Тебе самаго, да разумно вижду Тя*. Онъ видѣлъ Бога и въ купинѣ, видѣлъ Его и на горѣ Синаѣ, видѣлъ Его и въ другихъ разныхъ мѣстахъ являвшимся и различно открывавшимъ явленіе Свое; но тотъ блаженный Моисей желалъ увидѣть самый образъ существа Божія; какъ человѣкъ, онъ по человѣчески думалъ о премірной Силѣ. Богъ же, принявъ желаніе вѣрнаго служителя, смиряетъ человѣческое желаніе, ищущее невозможнаго. Что Онъ говоритъ ему? Никто *не узритъ лице мое, и живъ будетъ* (Исх. XXXIII, 20). Сила желающихъ не можетъ обнять желаемаго; смертное око не можетъ перенести видѣнія безсмертнаго естества. Что же, Господи, неуже-ли Ты оставляешь это желаніе безъ утѣшенія и не являешь даже тѣни желаемаго питающему такое желаніе? Затѣмъ Онъ говоритъ: *положу тя въ разсѣлинѣ камене, и покрою рукою моею, и егда пройдетъ слава моя, узриши задняя моя, лице же мое не явится тебѣ* (Исх. XXXIII, 22, 23). Не сказалъ: когда буду проходить Я, но: *слава моя*,—потому что видѣть проходящую славу—не значитъ видѣть самое существо. Моисей не видѣлъ ничего больше славы, и ее видѣлъ не всю, а только *задняя*, не потому, чтобы божественное естество ограничивалось заднею и переднею стороною,—оно просто и несложно,—но потому, что Самъ Богъ такъ являетъ Себя, соразмѣрно не съ свойственнымъ Ему достоинствомъ, но съ силою имѣющихъ удостоиться видѣнія. Моисей достигъ славы Божіей, но не переступилъ этой славы; а ты еретикъ, переступивъ славу, изслѣдуешь существо Божіе? Обратимся и къ блаженному Павлу. Павелъ въ новомъ завѣтѣ, помысливъ о нѣкоторыхъ частныхъ дѣлахъ домостроительства Божія, какъ бы въ изумленіи предъ глубинами мысли, произнесъ слѣдующее великое и исполненное изумленія изреченіе: *о, глубина богатства премудрости и разума Божія: яко не испытаны судове Его, и не изслѣдовани путіе Его: кто бо разумѣ умъ Господень, или кто совѣтникъ Ему бысть, или кто прежде даде Ему и*

воздастся ему? И въ заключеніе сказалъ: *яко изъ того, и тѣмъ, и въ Немъ всяческая: тому слава во вѣки* (Римл. XI, 33—36). Видишь ли, какъ онъ, достигнувъ славы Божіей, не переступилъ предѣла? Но что я говорю о людяхъ? Поднимись мыслію къ тому, что выше міра; спроси небеса и скажи: что вы можете возвѣстить мнѣ о Богѣ? Небеса, объясните мнѣ, каковъ Богъ; скажите мнѣ, что есть Богъ по существу? Но небеса не отвѣчаютъ на вопросъ о томъ, чего они знать не могутъ. Если же ты станешь дерзновенно спрашивать ихъ, то они отвѣтятъ чрезъ дивнаго Іеремію такимъ божественнымъ изреченіемъ: *ужасеся небо о семъ* (Іерем. II, 12).
Воистину ужасается небо, когда видитъ, какъ изслѣдуютъ боже- 418
ственное естество. Противъ этого скажетъ и блаженный Давидъ, обуздывая неумѣренную любознательность, и отвѣтитъ: ты слышалъ не о томъ, что *небеса повѣдаютъ* естество Божіе, а о томъ, что—*славу Божію.* Не самъ ли онъ взываетъ тебѣ на священной псалтири: *небеса повѣдаютъ славу Божію*, а не естество Божіе (Псал. XVIII, 1)? Не существо Божіе изъясняютъ они, но возвѣщаютъ славу Божію. Но не думай, что и премірныя силы знаютъ нѣчто большее. Спроси ангеловъ,—говорю: спроси, не потому, чтобы тебѣ предоставлено было бесѣдовать съ горними силами, но потому, что ты можешь получить врачество изъ Писанія, обуздывающаго твою дерзость. Спроси ангеловъ, спроси тогда, когда видишь ихъ на землѣ ликующими, или воспѣвающими. Скажи имъ: чему новому вы учите? Что дивнаго вы возвѣщаете? И божественный ликъ тотчасъ отвѣтитъ чрезъ божественныя Евангелія: *слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе* (Лук. II, 14). Пришли на землю ангелы, и также не переступили предѣловъ славы (Божіей); а еретики не усумнулись переступить ихъ. Но не могутъ ли высшія силы, превосходнѣйшія ангеловъ? Я разумѣю архангеловъ; они—существа превосходнѣйшія. Спроси херувимовъ, этотъ царскій престолъ: *сѣдяй на херувимѣхъ явися*, говоритъ Псалмопѣвецъ (Псал. LXXIX, 2). Спроси херувимовъ, этотъ какъ бы *престолъ сапфировый*, на которомъ сидитъ *яко подобіе сына человѣческаго* (Іезек. X, 1; I, 26). И былъ голосъ отъ херувимовъ, *яко гласъ водъ многихъ, глаголющихъ: благословенна слава Господня отъ мѣста ея* (Іезек. I, 24; III, 12).

4. Видишь ли благоговѣніе и херувимовъ? Они достигли славы Божіей, и не переступили предѣла. *Благословенна слава Господня.* И притомъ какъ? *Отъ мѣста ея,*—чтобы показать тебѣ, что и отъ нихъ она обитаетъ въ небесныхъ мѣстахъ и находится гораздо выше высшаго достоинства небесныхъ и невидимыхъ силъ. Они говорятъ не какъ находящіеся вблизи, но какъ стоящіе далеко отъ божественнаго достоинства. *Благословенна слава Господня отъ*

мѣста ея,—не потому, чтобы Богъ имѣлъ мѣсто,—Онъ объемлетъ всякое мѣсто,—но мѣстомъ Божіимъ называютъ они принадлежащее Ему достоинство. Слышалъ ты голосъ и херувимовъ? *Благословенна слава Господня*,—и ничего больше они не возвѣстили. Ты же долженъ стоять окрестъ, чтобы знать возвѣщаемое Богомъ, потому что *и серафими стояху окрестъ Его* (Ис. VI, 2). Чему же можно научиться у васъ? Не затрудняйтесь, но говорите такъ: хотя и превосходно наше достоинство, но мы знаемъ предѣлы нашего естества, и не переступаемъ мѣры знанія; не изслѣдуемъ нашего Создателя, не испытываемъ почтившаго насъ; мы знаемъ, что непостижимое естество не подлежитъ изслѣдованію, не подчиняется порядку сужденій, что слава покланяемаго превосходитъ всякое вмѣстѣ и ангельское состояніе, и премірный умъ, и всякую пренебесную силу; поэтому и мы не переступаемъ
419 предѣловъ. Не переступаютъ ихъ и херувимы, но со всякимъ благовѣніемъ воспѣваютъ свою небесную пѣснь: *святъ, святъ, святъ Господь Саваоѳъ: исполнь вся земля славы Его* (Ис. VI, 3). Не пристыжаютъ тебя Павелъ и Моисей, не переступающіе этой славы? Пристыдитъ тебя небо, возвѣщающее эту славу. Но не убѣждаетъ тебя небо? Убѣдятъ ангелы. Но ты не обращаешь вниманія на ангеловъ? Убойся херувимовъ. Но ты дерзновенно поднимаешься и выше ихъ? Пусть вразумятъ тебя серафимы. Но ты не покоряешься ни премірнымъ, ни земнымъ внушеніямъ? Будь же внѣ священныхъ ликовъ, отойди отъ божественныхъ оградъ. Ты не можешь и изслѣдовать Бога и считаться между вѣрными. Но что я говорю о Богѣ? Развѣ ты не знаешь, какъ страшно изслѣдовать дерзновенно естество Божіе? Когда ты хочешь изслѣдовать самыя дѣла Божіи, тогда Богъ считаетъ тебя недостойнымъ близости къ Нему, но отвергаетъ далеко, какъ дерзающаго на невозможное. Моисей, такой и столь великій мужъ, совершавшій такія чудеса, бывшій посредникомъ между Богомъ и людьми, раздѣлившій море и низведшій манну съ небесъ,—и онъ, когда одно только изъ повелѣній Божіихъ осмѣлился измѣрять человѣческимъ сужденіямъ и не довѣрилъ Божественной силѣ, подвергся неумолимому наказанію. Онъ, пришедши къ камню, сказалъ народу: народъ жестокій и непокорный [1]), *еда изъ камене сего изведу вамъ воду?* Что же ему Богъ? *Понеже*, говоритъ, *не прославилъ еси Мя предъ сонмомъ*, не войдеши ты *въ землю, юже кляхся* (Числ. XX, 10, 12). Обрати

[1]) Сл. В.: *непокоривіи, еда изъ камене сего изведу вамъ воду? Понеже не вѣровалъ еси освятити Мя предъ сынами Израильтескими, сего ради не введете сонма сего въ землю, юже дахъ имъ.*

на это тщательное вниманіе. *Понеже не прославилъ еси Мя.* Что значитъ: *прославлять?* Значитъ сказать: Богъ можетъ сдѣлать все. Грѣхъ противъ Бога изслѣдовать сужденіями совершаемое Имъ и не довѣрять божественной силѣ, совершающей свои дѣла выше всѣхъ другихъ. Давидъ оправдываетъ Моисея, какъ согрѣшившаго не душею, но языкомъ (Псал. cv, 32, 33). Грѣхи праведныхъ на устахъ ихъ; а преступленія нечестивыхъ въ душѣ ихъ. И какъ нечестивый, отдѣлившись отъ Бога душею, кажется близкимъ къ Богу на устахъ: *людіе сіи*, говорится у пророка, *устнами своими почитаютъ Мя, сердце же ихъ далече отстоитъ отъ Мене* (Ис. xxix, 13), такъ и благочестивый, будучи преданъ Богу сердцемъ, часто падаетъ языкомъ. Поэтому и Давидъ оправдываетъ Моисея, пророкъ пророка, и говоритъ: *и прогнѣваша его на водѣ пререканія, и озлобленъ бысть Моисей ихъ ради*, а не за себя (Псал. cv, 32). Что значитъ: *ихъ ради?* Не по собственному расположенію показалъ онъ невѣріе, а былъ разгнѣванъ противорѣчіемъ народа, и потому уже не имѣлъ тогда чистаго сужденія, но былъ какъ бы въ смущеніи. Это сказалъ я въ отвѣтъ на произносимое изъ работной храмины нечестія. Гдѣ ты услышалъ слова: нерожденный и рожденный? Гдѣ ты услышалъ тѣ безумныя 420
и многоискусственныя выраженія? Искажены изреченія Духа, и вмѣсто нихъ введены слова діавола. Если ты домогаешься этого, то для чего считаешь Павла своимъ учителемъ? Если дѣлаешь такія изслѣдованія, то для чего хвалишься, будто слѣдуешь Петру? Отвергни вѣру, и введи изслѣдованіе, Но, скажешь, я не отступаю отъ Писанія, да не будетъ. Какъ, ты—врагъ, а не ученикъ, и нововводитель сужденій? Объясни же мнѣ на основаніи сужденія: какъ Спаситель прошелъ чрезъ заключенныя двери? Какая нужда говорить о прочемъ? Это часто приноситъ вредъ и говорящимъ, и слушающимъ. Не говорю: изъясни мнѣ невидимое естество, какъ Отецъ родилъ Сына, каковъ способъ божественнаго рожденія; но требую объяснить это дѣло домостроительства Его.

5. Скажи: какъ Спаситель вошелъ, когда двери были заключены, какъ вошелъ Онъ съ тѣломъ? Естество тѣла не допускаетъ того, что говоритъ евангеліе. Если я буду слѣдовать вѣрѣ, то это несомнѣнная истина. Какъ онъ вошелъ чрезъ заключенныя двери? Онъ не былъ безтѣлеснымъ естествомъ, проникающимъ чрезъ всякія тѣла, но вмѣстѣ съ безтѣлеснымъ существомъ было и тѣло; и оно было органомъ безтѣлеснаго существа; Спаситель имѣлъ это человѣческое тѣло. Правда, ученики, увидѣвъ дивное чудо, подумали, что это—духъ, потому что событіе превышало тѣлесное естество; но Онъ сказалъ недоумѣвавшимъ: *осяжите Мя*

и видите, яко духъ плоти и кости не имать, якоже Мене видите имуща (Лук. xxiv, 39). Какъ же вошелъ Онъ? Доски ли разрѣдились подобно воздуху, или тѣло его утончилось, и такимъ образомъ Онъ прошелъ чрезъ твердое дерево? Но ни ты не можешь сказать, ни я не могу объяснить это; Писаніе не предало мнѣ ничего объ этомъ; я не изслѣдую, но принимаю тó, чтó оно возвѣстило, хотя и недоумѣваю. Тому, что Онъ вошелъ, я вѣрую; а какъ, этого не изслѣдую. Не подумай, что Онъ вошелъ въ двери обыкновеннымъ образомъ. Не сказало Писаніе, что Онъ вошелъ, когда двери разрѣдились, или растворились, но: *дверемъ затвореннымъ* (Іоан. xx, 26); разсказало о событіи, а какимъ способомъ совершилось событіе, не показало. Петръ вышелъ изъ темницы; но для него отворились ворота, и Писаніе замѣтило это, сказавъ: *врата желѣзная о себѣ отверзошася има* (Дѣян. xii, 10),—не сказало, что они сами собою приняли проходившаго Петра, потому что тѣло его было человѣческое и изъ состава человѣческаго. А тѣло Христово, хотя было человѣческое по сродству съ нами, но было и божественное по единенію со Словомъ Божіимъ и по дивному рожденію отъ Дѣвы. Какъ же Онъ вошелъ чрезъ затворенныя двери? Какъ онъ вознесся чрезъ заключенныя небеса? О, безуміе
421 дерзающихъ изслѣдовать это! О, благочестіе вѣрующихъ всему этому! Но что говоритъ еще противорѣчащій? Мы не находимъ, говорятъ, чтобы вѣра всегда была безопасна; мы нашли, что она ведетъ и къ паденію; поэтому не должно вѣровать безъ изслѣдованія, но—съ тщательнымъ изслѣдованіемъ. Такимъ людямъ много содѣйствуютъ язычники, потому что сужденія еретиковъ и язычниковъ сродны; и тѣ изобрѣтенія бѣсовъ, и эти—внушенія бѣсовъ. Итакъ, нѣкоторые изъ противниковъ вѣры говорятъ, что она безъ разума вредна, что, если съ вѣрою не будетъ соединено разумнаго изслѣдованія, то она не принесетъ никакой пользы вѣрующему. Откуда, говорятъ, ты желалъ бы разсмотрѣть свойство вѣры? Не хочешь ли издалека, отъ самаго міроздания? Посмотрите на того, котораго вы называете первозданнымъ. Я нахожу, что онъ палъ отъ вѣры. Обрати вниманіе на слова лукаваго бѣса, легкомысленно дерзающаго дѣлать все, на чтó онъ рѣшается, чтó говоритъ, чтó предлагаетъ. Вы говорите, что змій сказалъ ему: *въ оньже аще день снѣсте, будете, яко бози, вѣдяще доброе и лукавое* (Быт. iii, 5). Онъ повѣрилъ змію, и, повѣривъ, погибъ. Такимъ образомъ вѣра была началомъ золъ. Это говорятъ намъ тѣ враги истины, противники благочестія. Но они, нечестивые, не знаютъ истиннаго опредѣленія вѣры, и не понимаютъ того, чтò предлагаютъ. Мы не говоримъ, что всякій, кто вѣритъ всему, имѣетъ вѣру и называется вѣрующимъ; не тотъ, кто вѣритъ

всему, чтó ни случится, есть вѣрующій, но тотъ, кто истинно вѣруетъ Богу. Развѣ ты доказалъ, что первый человѣкъ погибъ, повѣривъ Богу? Онъ палъ, повѣривъ діаволу; онъ подвергся гибели, не повѣривъ Богу. Для чего же ты искажаешь сказанное? Послушай пророка [1]), который говоритъ: *слышите, гнушающіися судомъ и вся правая развращающая* (Мих. ш. 9). Нужно было бы сказать, что невѣріе было началомъ золъ. Если бы онъ повѣрилъ Богу, Который сказалъ: *въ оньже аще день снѣсте, смертію умрете* (Быт. II, 17), то не палъ бы, но имѣлъ бы вѣру, вѣру, утверждающую во спасеніе. Не унижай же названія вѣры. Не тотъ вѣрующій, кто вѣритъ всему, но кто вѣруетъ Богу, тотъ только и есть и называется такимъ. Оставь изслѣдованія и прими вѣру. Вѣра просвѣщаетъ все, вѣра освящаетъ все, вѣра дѣлаетъ человѣка достойнымъ Духа Святаго. *Стефанъ же*, говорится въ Писаніи, былъ *исполнь вѣры и силы* (Дѣян. VI, 8). Если бы прежде не возсіяла вѣра, то не послѣдовала бы я сила въ этомъ святомъ мужѣ. Гдѣ вѣра, тамъ и сила; а гдѣ невѣріе, тамъ и немощь. Вѣра—начало благъ; вѣра—источникъ благъ. Примемъ же это оружіе спасенія. Для чего ты рабски слѣдуешь выраженіямъ и убѣгаешь отъ истины? Для чего предлагаешь то, чего не дерзаетъ изслѣдовать и естество ангеловъ,—что я говорю: естество ангеловъ?—на чтó не дерзаютъ и бѣсы? Ты не хочешь слѣдовать Петру? Не хочешь слѣдовать Павлу, ни ангеламъ, ни херувимамъ, 422
ни серафимамъ? Научись же, по крайней мѣрѣ, отъ бѣсовъ. Увидѣли Спасителя бѣсы, и говорятъ Ему: оставь насъ, *что намъ и тебѣ, Сыне Божій* (Матѳ. VIII, 29)? Бѣсы исповѣдуютъ Его Сыномъ Божіимъ, а ты, еретикъ, богохульствуешь? Бѣсы признаютъ Его равнымъ Богу, а ты доказываешь неравенство? Но что мнѣ сдѣлать, говоритъ еретикъ, когда самъ Господь говоритъ: *да знаютъ Тебе единаго истиннаго Бога* (Іоан. XVII, 3)? Онъ сказалъ: *единаго*, провозвѣстилъ одного истиннаго Бога-Отца. Но я послѣдую истинѣ, возвѣщенной Богомъ. Ты увлекаешься словомъ: *единаго*, и рабски слѣдуешь этому выраженію? Но соблюдай точный смыслъ изслѣдуемаго. Богъ говоритъ чрезъ пророка: *Азъ первый, и Азъ по сихъ, и нѣсть иного развѣ Мене, праведенъ и спаситель нѣсть кромѣ Мене. Обратитеся ко Мнѣ, и спасетеся, иже отъ края земнаго: Азъ есмь Богъ, и нѣсть иного. Кленуся мною самимъ* (Ис. XLIV, 6; XLV, 21—23). *Азъ первый*, говоритъ, *и Азъ по сихъ*; и прибавляетъ: *и нѣсть иного развѣ Мене*. Смотрите, какъ Онъ выражаетъ, что Его естество единственное, не имѣющее ничего общаго съ другимъ отдѣльнымъ отъ Него естествомъ. Такъ

[1]) Въ греческомъ текстѣ ошибочно сказано: „Іеремію“.

говоритъ Богъ: *Азъ есмь, и нѣсть иного*; и еще чрезъ пророка Онъ говоритъ: *распрострохъ небо единъ* (Ис. XLIV, 24). Обрати вниманіе на слово: *единъ*, такъ какъ ты представляешь *единаго истиннаго Бога. Распрострохъ небо единъ.* И здѣсь подобнымъ же образомъ Онъ говоритъ: *Азъ есмь, и нѣсть иного: кленуся Мною самимъ.* Посмотри на власть и силу говорящаго. *Нѣсть иного*, сказалъ Онъ; и еще: *Азъ единъ*; и еще: *кленуся Мною самимъ*, чѣмъ выразилъ то, что нѣтъ никого больше Его, говорящаго. Поэтому и апостолъ говоритъ: *понеже ни единѣмъ имяше большимъ клятися, клятся Собою* (Евр. VI, 13). Слѣдовательно, не имѣетъ большаго себя тотъ, кто говоритъ: *кленуся Мною самимъ, аще не изыдетъ изо устъ моихъ правда, словеса моя не возвратятся.* Для чего же ты и клянешься? *Яко Мнѣ поклонится всяко колѣно, и исповѣстся всякъ языкъ Богови* истинному (Ис. XLV, 23). Кто же говоритъ это, еретикъ? Отецъ или Сынъ? Для меня вѣрующаго и для всякаго благочестиваго достоинство Отца есть достоинство и Сына. Замѣть и то, что многое изъ сказаннаго нами говорится для опроверженія, а не для наученія. Для меня и для всякаго вѣрующаго остается твердымъ тотъ догматъ благочестія, что гдѣ представляется говорящимъ одинъ Отецъ, тамъ разумѣется вмѣстѣ и Сынъ, и Духъ Святый. Гдѣ говоритъ Сынъ, тамъ и власть Отца; гдѣ дѣйствуетъ Духъ Святый, тамъ дѣйствуетъ и Отецъ. Не раздѣляется слава святой Троицы, какъ не раздѣляется и ученіе истины. Не исповѣдуй же царства кого-либо одного изъ Нихъ.

423 6. Это сказано мною потому, что я опровергаю противника, чтобы кто-нибудь изъ любящихъ клеветать не сказалъ еще: посмотри, какъ онъ сказалъ, что все принадлежитъ Сыну, что и здѣсь говоритъ Сынъ, и призналъ это пророчество чуждымъ для Отца, а принадлежащимъ собственно Сыну. Для меня остается непоколебимымъ правило вѣры. Мы теперь занимаемся споромъ. Я доказываю, что здѣсь говоритъ Сынъ, и убѣждая тебя, убѣждаю вмѣстѣ и себя самого, что Отецъ говоритъ, Сынъ возвѣщаетъ, а Духъ святый утверждаетъ. *Азъ первый, и Азъ по сихъ, и кромѣ Мене нѣсть Бога: кленуся мною самимъ.* Кто здѣсь говоритъ: *Азъ есмь*, и *нѣсть иного;* и еще: *изыдетъ изо устъ моихъ правда*, и еще: *словеса моя не возвратятся, яко Мнѣ поклонится всяко колѣно, и исповѣстся всякъ языкъ Богови* истинному? Какъ ты принимаешь эти слова? Къ кому относишь это названіе? Но ни ты не говори, чего не знаешь, ни я не скажу, чего не понимаю. Послѣдуемъ за учителемъ духовнымъ, который можетъ руководить насъ къ благочестію. Поэтому не меня слушай, но слушай вмѣстѣ со мною. Я знаю учителя дог-

матовъ Церкви—Павла. Когда я называю Павла, тогда указываю на Христа, потому что Онъ самъ говорилъ въ Павлѣ, какъ сказано: *понеже искушенія ищете глаголющаго во мнѣ Христа* (2 Кор. xiii, 3). Итакъ, это вышесказанное пророчество Исаіи: *Азъ есмь и нѣсть иного*, и *кленуся Мною самимъ, яко Мнѣ поклонится всяко колѣно и исповѣстся всякъ языкъ Богови* истинному, Павелъ относитъ ко Христу. Гдѣ же находится указаніе на это? Въ посланіи къ Римлянамъ онъ говоритъ: *ты же почто осуждаеши брата твоего, или ты что уничижаеши брата твоего?* Для чего вы осуждаете другъ друга? *Вси бо предстанемъ судищу Христову. Писано бо есть: живу Азъ, глаголетъ Господь, яко Мнѣ поклонится всяко колѣно и всякъ языкъ исповѣстся Богови* истинному (Римл. xiv, 10, 11). Вотъ кто говоритъ: *Азъ есмь*, и *нѣсть иного, кленуся Мною самимъ, яко Мнѣ поклонится всяко колѣно*. Итакъ, если Павелъ относитъ это пророчество ко Христу, и говорящій у пророка есть Христосъ, а говоритъ Христосъ: *Азъ есмь единъ, и нѣтъ иного*, то отвергаетъ ли Онъ божество Отца? Нѣтъ, не отвергаетъ, не отвергаетъ потому, что слава ихъ нераздѣльна. Итакъ, ясно показано, что какъ тогда, когда Сынъ говоритъ: *Азъ есмь единъ*, Онъ не отвергаетъ Отца, такъ и тогда, когда Онъ говоритъ объ Отцѣ: *да знаютъ Тебе единаго истиннаго Бога*, Онъ не отвергаетъ и Своего истиннаго божества. И не только это здравое ученіе внушается здѣсь, но и то, что Христосъ есть истинный Богъ, открывается изъ того же самаго свидѣтельства, потому что Онъ присовокупляетъ: *и исповѣстся всякъ языкъ Богови* истинному. Такимъ образомъ кто говоритъ: *Азъ есмь* и *Азъ есмь* истинный, есть Сынъ. Итакъ, для чего спорить о словахъ, когда въ нихъ заключается согласная истина? Научись же, для чего Онъ сказалъ: *Тебе единаго истиннаго Бога*, и не спорь. Спаситель есть учитель міра, исправитель вселенной, возстанов- 424
ляющій падшее, возвращающій заблуждшее и обновляющій одряхлѣвшее. Такъ какъ Онъ зналъ, что Его слово пройдетъ и утвердится во всей поднебесной для исправленія языческаго заблужденія и для обличенія іудейскаго невѣрія, то Онъ произноситъ изреченіе обоюдуострое, чтобы словами: *единаго истиннаго Бога* опровергнуть множество мнимыхъ боговъ, а прибавленными къ этому словами: *и его же посланъ еси Христа* обличить тѣхъ, которые отвергаютъ Его домостроительство. Онъ возвѣщаетъ *единаго истиннаго Бога*, не отдѣляя Себя отъ Него, но истребляя орудія заблужденія. А чтобы ты убѣдился, братъ, что Онъ есть и истинный Богъ, и Сынъ истиннаго Бога, для этого Евангелистъ Іоаннъ, у котораго написаны эти слова,—потому что именно въ Евангеліи Іоанна говорится: *да знаютъ Тебе единаго истин-*

наго Бога,—тотъ же самый проповѣдникъ, который возвѣстилъ это, пишетъ о томъ и въ своемъ посланіи. Первое посланіе его находится въ числѣ книгъ, принятыхъ церковію, а не апокрифическихъ; второе и третіе посланіе его отцы не включаютъ въ канонъ, а первое всѣ согласно приписываютъ Іоанну. Итакъ необходимо обратить вниманіе на то, что этотъ святой богословъ возвѣщаетъ въ посланіи. *Вѣмы*, говоритъ онъ, *яко Сынъ Божій пріиде, и далъ есть намъ разумъ, да познаемъ истиннаго, и да будемъ во истиннѣмъ, въ Сынѣ его Іисусѣ Христѣ. Сей есть истинный Богъ и животъ вѣчный* (1 Іоан. v, 20). Одинъ и тотъ же, братія, сказалъ то, возвѣстилъ и это. Что же касается до выраженія: *единъ*, то о немъ, если угодно, мы еще размыслимъ и разсудимъ. Пусть будетъ пущено много стрѣлъ противъ невѣрующаго, стрѣлъ не для того, чтобы ранить тѣла, но чтобы исправить мысли; пусть будутъ они внушеніями для вѣрующихъ, а стрѣлами для невѣрующихъ. *Стрѣлы сильнаго изощрены, людіе* подъ тобою *падутъ въ сердцы врагъ* (Псал. xliv, 6). Такъ говоритъ блажѐнный Іеремія, или, лучше, Варухъ—ученикъ его, подобно тому, какъ Елисей—ученикъ Иліи: *сотворивый землю въ вѣчное время, наполни ю скотомъ двоножнымъ и четвероножнымъ: посылаяй свѣтъ и идетъ: призва его, и послуша Его съ трепетомъ: звѣзды же возсіяша въ хранилищахъ своихъ, и возвеселишася: призва я, и рекоша: пріидохомъ: возсіяша съ веселіемъ сотворшему я*. Высказавъ такія благочестивыя мысли, онъ продолжаетъ: *сей Богъ нашъ, не вмѣнится инъ къ Нему*. Замѣть тщательно, какъ онъ исключаетъ иного: *не вмѣнится инъ къ Нему. Изобрѣте всякъ путь хитрости и даде ю Іакову отроку своему, и Исраилю возлюбленному отъ Него.*
425 *Посемъ на земли явися, и съ человѣки поживе* (Варух. ш, 32—38). *Сей Богъ нашъ*, къ Которому относятся слова: *не вмѣнится инъ къ Нему, Онъ же посемъ на земли явися и съ человѣки поживе.* Видишь ли твердо стоящую истину? Посмотри, какъ пророкъ преграждаетъ входъ заблужденію, чтобы іудей не клеветалъ на истину, и не сказалъ, будто здѣсь говорится о явленіи Бога Моисею, потому что ему Богъ являлся на горѣ. Кромѣ его, нѣтъ *иного;* и однако этимъ онъ не отвергаетъ божескаго достоинства Отца. Такъ и Отецъ, когда называется *единымъ*, устраняетъ ли Сына отъ общенія въ этомъ достоинствѣ? Когда Богъ, Отецъ ли или Сынъ, говоритъ, что Онъ самъ есть *единъ*, тогда Онъ не исключаетъ имѣющаго общее съ Нимъ естество; ни Отецъ не исключаетъ Сына, ни Сынъ не отвергаетъ Отца; но когда говорится подобное этому, тогда рѣчь направляется противъ заблужденія идолопоклонства. Для чего же ты произносишь хулу противъ Единороднаго? Если Богъ не даетъ своей славы идоламъ,

то неужели Онъ не даетъ ея и рожденному отъ Него? Нѣтъ, онъ даетъ, и притомъ не по благодати, а по общенію естества. А гдѣ доказательство на то, что Христосъ получаетъ славу Отца, между тѣмъ какъ Онъ сказалъ: *славы моея иному не дамъ* (Ис. XLII, 8)?

7. Послушай, какъ самъ Спаситель, бесѣдуя съ апостолами, говоритъ: *егда пріидетъ Сынъ человѣческій во славѣ Отца своего* (Марк. VIII, 38), — хотя прежде Богъ сказалъ: *славы моея иному не дамъ*. Вникни въ эти слова, и найдешь смыслъ ихъ. Онъ не сказалъ: Сыну моему не дамъ *славы моея*, но: *иному не дамъ*. *Иной* значитъ: чуждый общенія и отдѣльный по естеству; а Сынъ не есть иной, *Азъ и отецъ едино есма* (Іоан. X, 30). Итакъ, ясно показано, что слова: *да знаютъ Тебе единаго истиннаго Бога* не отвергаютъ того, что Сынъ есть истинный Богъ. Не приводи же коварно этихъ словъ, какъ будто смыслъ ихъ неопредѣленъ. Такъ нѣкоторые изъ братіи думаютъ и о чашѣ, будто смыслъ неразрѣшенъ, откуда они приводятъ обвиненія. Онъ оставилъ, говорятъ, изслѣдованіе неконченнымъ и неопредѣленнымъ. Что же, братія, еще нужно было больше сказать? Что нужно было для доказательства прибавить къ сказанному? Во-первыхъ, къ словамъ: *аще возможно есть, да мимо идетъ отъ Мене чаша сія* (Матѳ. XXVI, 39), которыя выражаютъ какъ бы подчиненіе, — эти слова, повидимому, поставляютъ просящаго подъ власть другого, — мы привели то изреченіе Господа, исполненное по истинѣ всей божественной власти и указывающее на достоинство говорящаго: *область имамъ положити душу мою, и область имамъ пріяти ю* (Іоан. X, 18), и объяснили, что слово: *имамъ* — свойственно Божеству, а слова: *аще возможно есть, да мимоидетъ отъ Мене чаша сія*, Онъ сказалъ со стороны плоти, а не со стороны Божества; и въ подтвержденіе этого мы, въ свою очередь, представили свидѣтельство Господа, въ которомъ Онъ сказалъ: *духъ убо бодръ, плоть же немощна* (Матѳ. XXVI, 41), и показали, что весьма безразсудно — относить слова уничиженія къ самовластному Божеству, тогда какъ самъ Господь относитъ ихъ къ плоти. А чтобы объяснить цѣль Господа, по которой Онъ говорилъ: *да мимоидетъ* 426
отъ Мене чаша сія, мы сказали, что, не уклоняясь отъ креста при домостроительствѣ нашего спасенія, Онъ просилъ объ освобожденіи Его отъ смерти, но произнесъ это изреченіе потому, что несвѣдущіе имѣли соблазняться этимъ домостроительствомъ, совершоннымъ на крестѣ. И эта мысль, въ свою очередь, подтверждена свидѣтельствомъ: *молитеся, да не внидете въ напасть* (Матѳ. XXVI, 41). Нѣкоторые же клевещутъ, будто мы сказали: развѣ не возможно было бы совершить это домостроительство другимъ родомъ смерти? Но это не было говорено и не будетъ

сказано. Я не говорилъ: другою смертію; но сказалъ: другимъ образомъ совершить домостроительство, т. е., безъ смерти. Вѣдь я объяснялъ слова о чашѣ; а другой способъ домостроительства разумѣлъ какъ бы безъ смерти. И это желаніе Господь выразилъ не потому, чтобы Онъ дѣйствительно отказывался отъ смерти за міръ, но чтобы показать немощь плоти, которая дѣйствительно страшилась и смущалась. *Духъ убо бодръ, плоть же немощна*. Онъ самъ приписалъ эти слова плоти, а не унизилъ достоинства Божества. Для чего же ты наговариваешь на меня то, чего я не говорю? Для чего клевещешь на меня въ томъ, чего я не проповѣдую? Я сказалъ: другимъ образомъ не смерти, а домостроительства, потому что не сказано: *аще возможно есть*, да измѣнится *чаша сія*. Это—немощь плоти, страданіе вочеловѣчившагося. Онъ произноситъ слова немощи, чтобы показать, что Онъ облеченъ такимъ естествомъ, которое боится смерти. А чтобы ты опять рабски не останавливался на выраженіи, я пространно объяснялъ, основательно ли думать, будто, тогда какъ апостолы мужественно попирали смерть, Господь апостоловъ боялся и страшился испытать смерть? Это я скажу, братія, и теперь. Павелъ готовъ былъ не только быть связаннымъ, но и умереть за имя Христово (Дѣян. XXI, 13): какъ же Господь Павла станетъ отказываться отъ смерти? Сердце Павла не сокрушается: какъ же душа Христова смущается? *Нынѣ*, говоритъ Онъ, *душа Моя возмутися* (Іоан. XII. 27). Все это я говорилъ при васъ—свидѣтеляхъ. Но это не убѣждаетъ тебя, и слова: *аще возможно есть* еще соблазняютъ тебя? Да, говоритъ еретикъ. Вступимъ же, братія, въ состязаніе съ любителемъ состязаній, постараемся силою истины возстановить падшихъ по немощи невѣрія. Если бы, говорятъ, Христосъ имѣлъ власть, то Онъ не сказалъ бы: *аще возможно есть, да мимо идетъ*. Но поэтому осуждай и Бога, употребившаго въ законѣ одно выраженіе, которое очень далеко отъ Его власти. А именно, когда Богъ говорилъ на горѣ Синаѣ, во время тогдашняго великаго и страшнаго явленія, когда весь народъ трепеталъ, слушая голосъ Бога живого,—тогда Онъ, имѣющій власть надъ всѣмъ, раздѣляющій всѣмъ все и подающій все, говоритъ Моисею: *кто дастъ, еже быти тако сердцу ихъ въ нихъ, яко боятися Мене, и хранити (заповѣди моя) во вся дни, да благо будетъ имъ и сыномъ ихъ* (Второз. V, 29)? Богъ говоритъ: *кто дастъ народу сему сердце?* Кто же, Господи, силенъ больше Тебя, чтобы дать? Не Ты ли подаешь все, и особенно способствующее благочестію? Не Ты ли даруешь доброе сердце любящимъ Тебя, не Ты ли даруешь, какъ и Давидъ молится Тебѣ: *сердце чисто созижди во Мнѣ, Боже* (Пс. L, 12)? Пророки просятъ у тебя чистаго сердца и прочихъ благихъ да-

ровъ, равно какъ и чистоты сердца; а Ты изрекаешь свойственныя 427
человѣку слова: *кто дастъ народу сему сердце?* Кто же можетъ дать больше Тебя? Но, хотя Ты, какъ благій, и сказалъ такъ, однако, блаженный Моисей не послѣдовалъ этимъ словамъ Твоимъ, а возвѣстилъ достоинство Твое, явилъ власть Твою, показалъ могущество Твое. Онъ сказалъ народу во Второзаконіи: *даде Господь Богъ* сердце *разумѣти и очи видѣти и* уши *слышати даже до дне сего* (Втор. XXIX, 4).

8. Видишь ли, что Богъ даетъ и сердце, и глаза, и уши, и все? Какъ же тотъ, кто даетъ все, говорилъ: *кто дастъ* народу сему такое *сердце?* И какъ опять, если не Онъ даетъ сердце, говорилъ Онъ чрезъ Іезекіиля: *и исторгну изъ нихъ каменное сердце, и дамъ имъ сердце плотяно, и напишу законъ мой на сердцахъ ихъ* (Іезек. XI, 19; Іер. XXXI, 33)? Подобно тому, какъ тамъ самъ Богъ, Который можетъ дать сердце благое, говоритъ: *кто дастъ*, такъ и Единородный Сынъ Отца, наполняющій могуществомъ Своимъ вселенную и самовластно говорящій: *область имамъ положити душу мою и область имамъ пріяти ю* (Іоан. X, 18), также отвѣчаетъ по-человѣчески и отъ лица немощной плоти говоритъ: *аще возможно есть, да мимоидетъ отъ Мене чаша сія* (Матѳ. XXXVI, 39). Не клевещите же на то, чего не было сказано, но держитесь проповѣдуемаго; не осуждайте ученія, не понимая смысла его. Я знаю, почему ты впадаешь въ осужденіе; знаю, почему ты страдаешь этою болѣзнію. Это—страсть человѣческая; эта болѣзнь—зависть. Какъ глазъ, когда онъ чистъ, видитъ и различаетъ все вѣрно, а когда попадетъ въ него дымъ, то правильность зрѣнія повреждается, или когда попадетъ въ него пыль, то зрѣніе притупляется, и онъ уже не видитъ хорошо и вѣрно, какъ видѣлъ прежде, такъ и теперь каждый изъ слушателей, доколѣ имѣетъ чистое око вѣры и чистыя вѣжди любви, то видитъ правильно и чисто, а когда войдетъ дымъ хулы на сказанное, или пыль зависти нападетъ на душу, то повреждаетъ зрѣніе и исчезаетъ чистота мысли, и чего не слышалъ онъ, то̀ воображаетъ слышаннымъ, и что̀ слышалъ, того хорошо не понялъ. Поэтому въ божественномъ Писаніи одинъ изъ пророковъ, предвидя преткновенія имѣющихъ соблазняться въ умѣ своемъ священными письменами, по исполненіи божественной проповѣди, взывалъ: *кто премудръ и уразумѣетъ сія, и* (мужъ) *смысленъ, и увѣсть сія? Яко правы путіе Господни, праведніи пойдутъ въ нихъ* (Ос. XIV, 10). Итакъ, братъ, не обращай словъ въ соблазны. Слово (Божіе) явно, истина открыта. Ее слушали не одинъ, не два, не десять и не сто человѣкъ, но безмѣрное количество, безчисленное множество. Церковь есть море благочестія, не волнами изобилующее, но исполненное вѣры. У насъ ладья ученія не подвергается кораб- 428

лекрушенію, не разбивается, не тревожится, не обуревается, но, какъ въ тихую пристань, стремится въ души любящихъ Господа. Впрочемъ, этого довольно. Нужно замѣтить то, что и святые Божіи подвергаются клеветамъ. Что же удивительнаго, если подвергаемся клеветѣ мы, уничиженные, смиренные и, такъ сказать, ничего не значущіе? Или ты не слышалъ, какъ говоритъ Давидъ: *избави мя отъ клеветы человѣческія* (Пс. CXVIII, 134)? Подвергались клеветамъ и святые апостолы Спасителя, какъ говорилъ и блаженный Павелъ: *и не якоже хулимся, и якоже глаголютъ нѣцыи насъ глаголати, яко сотворимъ злая, да пріидутъ благая* (Рим. III, 8). Я не скорблю, когда подвергаюсь клеветѣ со святыми, хотя я и не достоинъ святыхъ. Я ссылаюсь на судъ всѣхъ васъ и прежде всѣхъ васъ на общаго отца нашего [1]), который разсуждаетъ не по предзанятому мнѣнію, но судитъ внимательно. Онъ знаетъ наши мысли, знаетъ и слова, потому что отъ него мы научились этому. Предлагаемъ вамъ, если бы онъ осудилъ сказанное, исправить наши слова; но онъ не осудилъ. Если бы онъ и исправилъ, то сдѣлалъ бы это не съ ненавистію, но съ любовію, потому что кого любитъ отецъ, того обличаетъ, а кого не исправляетъ, отъ того отвращается. Этотъ дивный отецъ и хорошо сказанное одобряетъ, и ошибочное исправляетъ, потому что отцу свойственно награждать похвалами сказанное хорошо и проповѣдуемое съ вѣрою. Итакъ, его голосъ достаточно силенъ противъ всѣхъ, а еще прежде него голосъ всесвятаго Бога. Будемъ же держаться благочестія, будемъ соблюдать вѣру непоколебимою. Вѣрьте истинѣ, и не противорѣчьте истинѣ. Не искажай вѣры, не изслѣдуй Божественнаго естества, не подвергай смертнымъ сужденіямъ безсмертнаго достоинства. Опасенъ путь умствованій; безопасно и твердо разумѣніе исповѣданія вѣры. Истинная мудрость есть вѣра. Послушай, что̀ говоритъ божественное слово: *аще бо кто будетъ совершенъ въ сынѣхъ человѣческихъ, отсутствующей твоей мудрости, ни во что же вмѣнится* (Прем. IX, 6). Избѣгай изслѣдованій и не предпочитай словъ вѣрѣ. Имѣй своимъ учителемъ Павла, признавай своимъ руководителемъ Петра; подражай вѣрѣ ихъ. Послушай Петра, который говоритъ: *Ты еси Христосъ, Сынъ Бога живаго* (Мѳ. XVI, 16). Послѣдуй Павлу, который ясно прославляетъ Сына Божія, и въ одномъ мѣстѣ говоритъ, что *Богъ глагола намъ въ Сынѣ, Имже и вѣки сотвори: иже Сый сіяніе славы Его и образъ ипостаси Его, нося же всяческая глаголомъ силы своея* (Евр. I, 1—3); а опять въ другомъ мѣстѣ, говоря объ іудеяхъ, проповѣдуетъ: *ихже отцы и отъ нихъ же Христосъ по плоти, сый надъ всѣми Богъ, благословенъ во вѣки* вѣковъ (Рим. IX, 5).

---

[1]) Разумѣется епископъ Флавіанъ.

О ТВОРЕНІИ МІРА [1]

БЕСѢДА I.

О первомъ днѣ творенія. 429

1. Всякій предметъ благочестія служитъ къ исправленію нашихъ душъ; всѣ уставы благочестія направляются къ спасенію нашихъ душъ. Ему служитъ слово Божіе, его полагаетъ въ основаніи законъ Моисеевъ, о немъ проповѣдуютъ умственные языки пророковъ, о немъ возвѣщаютъ немолчными устами апостолы. Все для насъ и ради насъ, дабы мы, направляя себя на надлежащій путь, достигли благочестія. Итакъ, всякая священная книга имѣетъ цѣлію, какъ я сказалъ, наше спасеніе; а эта книга о твореніи есть начало, источникъ и основа всего, содержащагося въ законѣ и пророкахъ. Подобно тому какъ домъ не можетъ стоять безъ фундамента, такъ точно не можетъ блистать и красота творенія, если бы твореніе не имѣло начала. Знаю, что многіе святые отцы изъясняли повѣствованіе о твореніи и, 430
насколько удѣлила имъ благодать Святого Духа, сказали много великаго и славнаго. Но хотя уже и сказано много великаго и чуднаго, ничто не мѣшаетъ однако и намъ сказать свое, насколько даруетъ благодать Духа Святого. Подобно тому какъ нашимъ предшественникамъ не служили помѣхою писанія ихъ предшественниковъ, такъ точно и намъ не служатъ препятствіемъ писанія жившихъ раньше насъ, потому что и послѣднимъ, и ихъ предшественникамъ, и намъ даруетъ силу одна и та же благодать

---

[1]) Эти шесть бесѣдъ въ изданіи Миня приписываются Северіану, епископу гавальскому. Здѣсь онѣ впервые появляются на русскомъ языкѣ.

Святого Духа. *Вся*, говорится, *дѣйствуетъ единъ и тойжде Духъ, раздѣляя властію коемуждо якоже хощетъ* (1 Кор. xii, 11). Сказанное отцами, слѣдовательно, не отвергается; наше служитъ послѣднему только дополненіемъ. Пусть ихъ труды велики, а наши ничтожны; они все же служатъ, какъ и тѣ, общему дѣлу домостроительства. Подобно тому какъ большой, кубически отесанный камень, положенный въ строеніе и немного колеблющійся укрѣпляетъ небольшой подложенный камень, такъ точно и сказанное отцами, принимая небольшія добавленія, служитъ къ лучшему созиданію Церкви. Прошу, однако, вашу любовь внимательно относиться къ высказываемымъ мыслямъ и судить,—
431 истинны ли онѣ, хотя онѣ и новы. Какъ общепризнанное не всегда истинно, такъ и новое—не всегда ложно; но всегда нужно изслѣдовать, представляетъ ли утверждаемое истину или ложь. Прошу, чтобы никто ни какъ другъ, по расположенію, не принималъ словъ безъ изслѣдованія, ни какъ врагъ не отвергалъ слова за то, что оно новое, но чтобы всюду замѣчали, запечатлѣна ли рѣчь достоинствомъ истины.

2. *Въ началѣ*, говорится, *сотвори Богъ небо и землю* (Быт. i, 1). Настоящая исторія написана Моисеемъ по откровенію Святого Духа. Она повѣствуетъ о созданіи міра, которое произошло силою Божіею и открыто Моисею по благодати пророчества. Моисей писалъ ее не какъ историкъ, а какъ пророкъ. Онъ говорилъ о томъ, чего не видѣлъ, и повѣствовалъ о томъ, очевидцемъ чего не былъ. Подобно тому какъ раньше мы сказали, что есть три вида пророчества: первый видъ — пророчество словомъ, второй—пророчество дѣломъ, третій—пророчество и словомъ и дѣломъ, такъ должно сказать и здѣсь, что пророчества бываютъ трехъ родовъ: пророчество о настоящемъ, пророчество о будущемъ, и пророчество о прошедшемъ. Напр. пророкъ Исаія не присутствовалъ при событіяхъ, происходившихъ при Моисеѣ, но такъ какъ въ немъ былъ духъ Моисея, который открывалъ ему эти событія, то онъ пророчествовалъ (о прошедшемъ). Равнымъ образомъ, бываетъ пророчество и о настоящемъ, когда напримѣръ кто-нибудь хочетъ скрыть свои мысли отъ пророка, а пророкъ изобличитъ его,—какъ напримѣръ Елисей Гіезія,—предусказывая будущее и открывая сокрытое. Моисей говорилъ о прошедшемъ; другіе пророки — о будущемъ. Итакъ, на настоящую исторію слѣдуетъ смотрѣть не какъ на повѣствованіе, а какъ на истинное пророчество, изреченное Святымъ Духомъ. Какая же цѣль у пророка? Двѣ цѣли имѣетъ Моисей: предложить ученіе и утвердить законъ. Будучи законодателемъ, онъ началъ не съ законодательства, а съ творенія. Почему же онъ хотѣлъ напе-

редъ показать, что Богъ есть Творецъ и Владыка вселенной? Дабы показать, что Богъ даетъ законъ не чужимъ, а своимъ. Еслибы онъ напередъ не показалъ, что Богъ есть Творецъ міра, то не достойнымъ вѣры считался бы Законодатель міра. Давать законъ чужимъ — дѣло насилія, а научать своихъ — дѣло естественное. Такъ и евангелистъ Іоаннъ не прежде изложилъ законъ, данный Христомъ, чѣмъ сказалъ о Его владычествѣ въ словахъ: *въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово. Вся Тѣмъ быша, и безъ Него ничтоже бысть, еже бысть. Въ томъ животъ бѣ, и животъ бѣ свѣтъ человѣкомъ. Во своя пріиде, и свои Его не пріяша* (Іоан. I, 1, 3—4, 11). Сказавъ такимъ образомъ, что Христосъ есть Творецъ и Создатель, евангелистъ начинаетъ затѣмъ говорить о Немъ, какъ объ Учителѣ и Законодателѣ вселенной. Была еще и другая цѣль у Моисея. Почему блаженный Моисей упомянулъ о небѣ, о землѣ, о морѣ, о водахъ, и о томъ, что́ произошло изъ нихъ, а объ ангелахъ, архангелахъ, серафимахъ и херувимахъ не упомянулъ? Потому, что онъ приспособлялъ законодательство къ тогдашнему времени. Онъ зналъ, съ кѣмъ говорилъ, именно съ людьми, вышедшими изъ Египта и познакомившимися съ египетскимъ заблужденіемъ, съ почитаніемъ солнца, луны и звѣздъ, рѣкъ, источниковъ и водъ. Въ виду этого, умолчавъ о твореніи невидимаго, онъ и говоритъ только о видимыхъ твореніяхъ, чтобы убѣдить покланяющихся имъ признавать ихъ не богами, а дѣлами Бога. Тогда не было нужды говорить имъ объ ангелахъ и архангелахъ, чтобы не дать опять пищи ихъ болѣзни. Если они, и не видя 432
ангеловъ, говорили о нихъ, то услышавъ, что ангелы и архангелы существуютъ, тѣмъ болѣе сочли бы ихъ за боговъ. [Вотъ почему Моисей и не упоминаетъ о нихъ], а говоритъ о небѣ и землѣ, горахъ и водахъ, равно какъ о всемъ, что изъ нихъ произошло, чтобы чрезъ видимое дать мысль о невидимомъ и чрезъ дѣла указать на Зиждителя. Такъ сдѣлали и три отрока въ Вавилонѣ. Такъ какъ они жили среди народа боговраждебнаго, не имѣвшаго знанія о Богѣ и покланявшагося идоламъ, то, находясь въ пещи, они говорили: *благословите, вси дѣла Господня, Господа* (Дан. III, 57). Почему они не сказали: ангелы, небеса, земля, огонь, вода, холодъ, зной и под., а перечисляютъ творенія по очереди? Для того, чтобы очистить всю тварь, сдѣлать чистымъ все созданіе, и не оставить и искры нечестія. Такъ и Моисей въ данномъ случаѣ, желая истребить у іудеевъ египетское заблужденіе, упоминаетъ и о небѣ и о землѣ, какъ происшедшихъ, чтобы показать, что они сотворены, и напомнить о Творцѣ. *Въ началѣ сотвори Богъ небо и землю.*

3. Теперь будь внимательнымъ. Я удивляюсь, какимъ образомъ Іоаннъ и Моисей имѣютъ одинаковое начало. Въ самомъ дѣлѣ, и Моисей говоритъ: *въ началѣ сотвори*, и Іоаннъ говоритъ: *въ началѣ бѣ*. Однако и тотъ говоритъ справедливо, и этотъ законно. Гдѣ рѣчь о твореніи, Моисей поставилъ: *сотвори*; гдѣ рѣчь о Творцѣ, евангелистъ сказалъ: *бѣ*. Между *сотвори* и *бѣ* различіе большое. Твореніе произошло, поскольку раньше не существовало; Творецъ же всегда былъ. *Въ началѣ сотвори* и *въ началѣ бѣ*. Богу свойственно быть, творенію—происходить. Такое различіе указываетъ и Евангелистъ. О Спасителѣ онъ говоритъ: *въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово. Сей бѣ искони. Въ томъ животъ бѣ, и животъ бѣ свѣтъ человѣкомъ* (Іоан. I, 1—2, 4). Шесть разъ онъ говоритъ: *бѣ*, чтобы указать на существующее. Но когда онъ, сказавъ о Существующемъ, переходитъ къ рѣчи о рабѣ Іоаннѣ, то говоритъ: *бысть* (ἐγένετο) *человѣкъ* (ст. 6). Богъ *бѣ*, человѣкъ *бысть*. Если же и о Спасителѣ дерзаютъ говорить, что и Онъ произошелъ, то Спаситель ничѣмъ не отличается отъ земли. Прошу тебя,—будь внимателенъ. Если еретикъ скажетъ, что Христосъ произошелъ, и прежде чѣмъ произойти, не существовалъ, то что̀ больше имѣетъ Онъ сравнительно съ землей? И о землѣ вѣдь Моисей сказалъ: *земля же бѣ*. Если, потому, слова: *въ началѣ бѣ* еретики понимаютъ въ смыслѣ сказанныхъ о твореніи, а не о вѣчномъ естествѣ, то Спаситель не имѣетъ ничего большаго сравнительно съ землею. И Богъ Слово *бѣ*, и земля *бѣ*; но Тотъ былъ въ началѣ, не какъ происшедшій, а какъ всегда существующій; земля же была произведена. Потому и законодатель не сказалъ напередъ: *земля же бѣ*, пока не сказалъ: *въ началѣ сотвори Богъ небо и землю*; сначала *сотвори*, и тогда уже *бѣ*. Знаемъ, братіе, что эти тонкіе вопросы представляются для многихъ трудными. Но во дни поста, когда трезвеннѣе бываютъ души, слѣдуетъ и разсуждать о болѣе глубокихъ предметахъ. *Въ началѣ бѣ* и *въ началѣ сотвори*. Одинаковое начало: *въ началѣ* и *въ началѣ* употреблено для того, чтобы
433 показать, что одинъ корень благочестія научалъ и законодателя, и просвѣщалъ богослова. Два завѣта—это сестры, рожденныя отъ одного отца, потому они и говорятъ согласно, потому у нихъ почти одинъ и тотъ же видъ и полное сходство. Подобно тому какъ между сестрами, рожденными отъ одного отца, существуютъ черты сходства, такъ и два завѣта, какъ рожденные отъ одного Отца, имѣютъ большое между собой сходство. Такъ въ ветхомъ завѣтѣ предшествуетъ законъ, а за нимъ слѣдуютъ пророки; и въ новомъ благодатномъ завѣтѣ предшествуетъ Евангеліе, а за нимъ слѣдуютъ апостолы. Тамъ двѣнадцать пророковъ, и кромѣ

двѣнадцати—четыре. Двѣнадцать—это Осія и другіе; четыре—Исаія, Іеремія, Іезекіиль, Даніилъ. Въ новомъ завѣтѣ двѣнадцать апостоловъ и четыре евангелиста. Равнымъ образомъ, божественное призваніе тамъ началось съ братьевъ, потому что Богъ избралъ въ первые проповѣдники Моисея и Аарона; и въ Евангеліи Господь прежде всего призываетъ Петра и Андрея; только тамъ благодать простая, а здѣсь двойная: тамъ были призваны братья Моисей и Ааронъ, а здѣсь дважды по два брата—Петръ и Андрей, Іаковъ и Іоаннъ. Такъ какъ Спаситель хотѣлъ внушить намъ любовь по Духу Святому, и сдѣлать насъ братьями по духу и расположенію воли, то Онъ взялъ за основаніе природу и, присовокупивъ еще близость природы, на ней созидаетъ основаніе церкви. Первое чудо въ ветхомъ завѣтѣ—рѣка, превращенная въ кровь; первое чудо въ новомъ—вода, превращенная въ вино. Впрочемъ, въ настоящую минуту нѣтъ нужды указывать всѣ частныя черты сходства. Возвратимся къ предмету рѣчи. *Въ началѣ сотвори Богъ небо и землю*. Богъ сотворилъ все въ шесть дней. Но первый день отличается отъ другихъ слѣдующихъ за нимъ. Въ первый день Богъ сотворилъ изъ несущаго; начиная же со второго дня Богъ ничего уже не творилъ изъ несущаго, а измѣнялъ только, какъ хотѣлъ, то, что сотворилъ въ первый день. Если ты, по размышленіи и обсужденіи моихъ словъ, признаешь ихъ истинными, то соглашайся; если же не признаешь, возражай, и я приму возраженіе, такъ какъ оно дастъ мнѣ лишь поводъ къ большему оправданію моихъ словъ.

4. Итакъ, въ первый день Богъ создалъ вещество твореній, а въ прочіе дни—давалъ форму твореніямъ и приводилъ въ порядокъ. Именно, въ первый день Онъ сотворилъ небо, раньше же существовало не это небо, а горнее, потому что то создано во второй день. Объ этомъ горнемъ небѣ, созданномъ Богомъ, говоритъ и Давидъ: *небо небесе Господеви* (Пс. CXIII, 24). Это—верхняя часть неба. Подобно тому какъ въ двухъ-этажномъ домѣ второй этажъ занимаетъ средину между кровлей, такъ и Богъ, создавъ міръ въ видѣ какъ бы одного дома, въ качествѣ средняго этажа поставилъ это небо, а выше его—воды, почему Давидъ и говоритъ: *покрываяй водами превыспренняя* [1]) *своя* (Пс. CIII, 3). Итакъ Богъ сотворилъ не существовавшее раньше небо, не существовавшую землю, не существовавшія бездны, вѣтеръ, воздухъ, огонь, воду,—словомъ, въ первый день Онъ сотворилъ вещество всего существующаго. Но кто-нибудь, несомнѣнно, скажетъ: о небѣ и землѣ написано, что Богъ сотворилъ ихъ, а о водѣ, огнѣ и воздухѣ 434

¹) τὰ ὑπερῷα—верхнія горницы.

этого не написано. На это, братіе, я отвѣчу прежде всего, что бытописатель, сказавъ о происхожденіи неба и земли, въ содержащемъ разумѣлъ и содержимое. Подобно тому какъ, говоря: *созда Богъ человѣка, персть вземъ отъ земли* (Быт. II, 7), онъ назвалъ твореніе, а членовъ не перечислилъ, и не сказалъ: „создалъ Богъ глаза, уши, ноздри", а обнялъ всѣ члены въ названіи „человѣкъ", такъ точно, и говоря: *сотвори Богъ небо и землю*, онъ обнялъ все, разумѣя и тьму и происшедшія бездны. *Тма*, говоритъ онъ, была *верху бездны* (ст. 2). Бездною называется множество водъ. А что и бездны произошли, объ этомъ свидѣтельствуетъ Писаніе, когда говоритъ: *прежде неже бездны содѣлати, прежде неже произыти* землѣ (Притч. VIII, 24, 25),—слѣдовательно, и бездны произошли. Слушай, какъ произошелъ нѣкогда и воздухъ. *И духъ Божій ношашеся верху водъ* (Быт. I, 2). Подъ духомъ бытописатель разумѣетъ не Святого Духа,—потому что несозданное бытіе не причисляется къ созданію,—а называетъ такъ движеніе воздуха. Подобно тому какъ въ повѣствованіи объ Иліи пророкѣ написано: *и небо примрачися облаки и духомъ* (3 Цар. XVIII, 45), такъ и здѣсь подъ духомъ разумѣется воздухъ. Остается, наконецъ, показать, откуда произошелъ огонь. Богъ сказалъ: *да будетъ свѣтъ* (Быт. I, 3), и произошелъ огонь, потому что огонь существуетъ не только здѣсь, но есть и небесныя огненныя силы, и небесный огонь сроденъ съ нашимъ. Но вы спросите: почему же первый потухаетъ, а второй не потухаетъ? Богъ сотворилъ и ангеловъ духами, и наши души духами, но наши души находятся въ тѣлахъ, а ангелы внѣ тѣлъ,—и что̀ можно сказать относительно душъ и ангеловъ, то же можно замѣтить и относительно огня. Огонь небесный не имѣетъ вещества, огонь земной соединенъ съ веществомъ. Но небесный огонь сроденъ съ земнымъ, какъ и душа наша сродна съ ангелами, почему и эти послѣднія духи, и тѣ духи, какъ и три отрока говорятъ: *благословите, дуси души праведныхъ* (Дан. III, 86), и еще: *творяй ангелы своя духи* (Пс. CIII, 4). Вотъ почему ни душа не является безъ тѣла, ни огонь нельзя видѣть безъ пакли, или хвороста, или какого другого матеріала. А что этотъ (небесный) огонь не совершенно иной, показываетъ само твореніе. Многіе заимствуютъ часто огонь отъ солнца и зажигаютъ, а если бы онъ былъ совершенно инымъ, то какимъ образомъ получалось бы изъ него совершенно нѣчто другое? Слѣдуетъ замѣтить, что этотъ невещественный небесный огонь такъ великъ, что явившійся на горѣ Синаѣ огонь, въ которомъ Богъ далъ зрѣлище этого самаго невещественнаго огня, такъ какъ явилъ его безъ дровъ, называется великимъ; такъ что по сравненію съ этимъ великимъ огнемъ земной огонь

можно назвать малымъ. Потому-то и Моисей, желая показать, что земной огонь малъ, говоритъ: *отъ небесе сотвори Господь слышанъ гласъ свой, и показа* Богъ *огнь свой великій* (Втор. IV, 36). Итакъ, и молнія, и звѣзды, и солнце, и луна, все—огонь; съ ними сроденъ и нашъ огонь. Замѣть, какъ сродство молніи и звѣздъ выражается въ самомъ ихъ названіи: ἀστραπή и ἄστρα. И Спаситель, 435
желая показать, что молнія и звѣзды сродны между собою, говоритъ въ Евангеліи: *свѣтильникъ тѣлу есть око; аще убо будетъ око твое* свѣтло, *все тѣло твое свѣтло будетъ* (Матѳ. VI, 22), и далѣе прибавляетъ: *якоже егда свѣтильникъ блистаніемъ* (τῇ ἀστραπῇ) *просвѣщаетъ тя* (Лук. XI, 36), называя блистаніемъ свѣтильника сіяніе свѣтильника.

5. Итакъ все произошло,—произошолъ огонь, произошли бездны, вѣтеръ, четыре стихіи—земля, огонь, вода, воздухъ, все, что Моисей пропустилъ, онъ мимоходомъ восполняетъ въ словахъ: *въ шести днехъ сотвори* Богъ *небо и землю и вся яже въ нихъ* (Исх. XX, 11). Подобно тому какъ, говоря о созданіи человѣка, онъ не назвалъ всѣхъ членовъ, такъ точно и говоря о твореніи, не перечислилъ всѣхъ частей, хотя и все было создано съ міромъ. Если бы, напр., въ землѣ не было огня, то и теперь не получали бы его изъ камня или изъ дерева; между тѣмъ дерево черезъ треніе рождаетъ огонь. Слушай дальше внимательно. *Тма* была, говорится, *верху бездны* (Быт. I, 2). Слѣдовательно, скажутъ, и тьму сотворилъ Богъ? Сознаемся, что мысль глубока, но такъ какъ мы находимся часто среди слушателей, изъ которыхъ одни слушаютъ съ любовію, а другіе любятъ порицать, то нельзя оставить указанныхъ словъ безъ объясненія, дабы не оказалось, что обѣщаемъ мы много, а даемъ мало. Итакъ, откуда же тьма? Богъ, говорятъ, ее не создалъ, потому что Богъ не творитъ ни тьмы, ни мрака. Что же въ такомъ случаѣ мракъ? Многіе говорили, что это тѣнь отъ неба. Когда, говорятъ, произошло горнее небо, а небесныхъ свѣтилъ еще не существовало, то земля обнажилась и явился мракъ. Но горнее небо свѣтло, а не темно, потому что оно хотя и не имѣетъ солнца, луны и звѣздъ, свѣтло по самой своей природѣ. Если же, такимъ образомъ, небо находилось вблизи сверху, а земля была распрорстерта внизу,—свѣтящій вверху, а освѣщаемое внизу, то откуда мракъ? Мнѣ думается, можно объяснить такимъ образомъ: такъ какъ вода покрывала поверхность земли, то надъ водами собирался густой туманъ, какъ это бываетъ и теперь надъ рѣками; производящій тьму туманъ образовалъ облака, облака же, бросая тѣнь, произвели тьму. Что облако производитъ тьму, объ этомъ говорится и въ Писаніи: *и небо примрачися облаки* (3 Цар, XVIII, 45). Нужно однако

замѣтить и объ аллегорическихъ толкованіяхъ еретиковъ. Нѣкоторые еретики осмѣливались утверждать, что мракъ есть діаволъ, а бездна—демоны; когда же Богъ сказалъ: *да будетъ свѣтъ*, то этими словами повелѣлъ быть Сыну. Они не стыдятся такимъ образомъ называть діавола старшимъ, чѣмъ Сынъ, потому что если бездна—демонъ, а тьма—діаволъ, и затѣмъ Богъ сказалъ: *да будетъ свѣтъ*, т. е. Сынъ, то діаволъ не только равночестенъ съ Нимъ, но и старше Его. Подлинно, о такомъ нечестіи не слѣдуетъ и вспоминать,—сказалъ же я, чтобы вы не оставались въ незнаніи. Итакъ, тьма была тогда отъ облаковъ. Такова же тьма была и въ Египтѣ,—тьма не отъ того, что настала ночь, а отъ образовавшагося тумана (Исх. x, 22 сл.). Точно также было и на горѣ Синаѣ: мракъ былъ не отъ наступившей ночи, а отъ осѣнявшаго облака (Втор. IV, 11). Такъ же произошла тьма и при
486 распятіи Христа—не отъ наступившей ночи, а отъ происшедшаго затменія. Итакъ, слова божественныя слѣдуетъ понимать не въ буквальномъ смыслѣ. *И духъ Божій ношашеся верху воды* (ст. 2). Подъ духомъ бытописатель разумѣетъ вѣтеръ, какъ въ другомъ мѣстѣ и псалмопѣвецъ, когда говоритъ: *духомъ бурнымъ сокрушиши корабли өарсійскія* (Пс. XLVII, 8), называя духомъ движеніе воздуха. Не подумай, что иное—воздухъ, а иное—вѣтеръ, потому что самый воздухъ, если его приводить въ движеніе, производитъ вѣтеръ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ опытъ. Такъ, часто, приводя въ движеніе спокойный воздухъ опахаломъ или вѣеромъ, мы получаемъ отъ движенія воздуха вѣтеръ. Чтобы показать самымъ словомъ „духъ", что вѣтеръ есть движеніе воздуха, бытописатель для того и сказалъ: *ношашеся*, поскольку вѣтру свойственно носиться надъ твореніемъ. *Рече Богъ: да будетъ свѣтъ* (ст 3). Почему Моисей не сказалъ: „рече Богъ: да будетъ небо, да будетъ море", а говоритъ тамъ: *сотвори*, а здѣсь: *рече*, между тѣмъ какъ у насъ слово предшествуетъ дѣлу,—мы напередъ говоримъ, а потомъ дѣлаемъ? Чтобы показать, что Богъ напередъ творитъ, чтобы представить твореніе совершившимся быстрѣе всякаго слова. Потому-то, когда Богъ производитъ Своимъ могуществомъ вещество, Моисей говоритъ: *сотвори*; когда же Богъ начинаетъ устроеніе міра, а началомъ этого устроенія былъ свѣтъ, то вводитъ соотвѣтствующее дѣлу слово. Кромѣ того, такъ какъ первое дѣло Бога—свѣтъ, а послѣднее дѣло Бога—человѣкъ, то сначала Богъ творитъ свѣтъ словомъ, впослѣдствіи же—человѣка дѣломъ, наполняя свѣтъ свѣтомъ.

6. Слушай, какъ и человѣкъ есть свѣтъ. Свѣтъ показываетъ существующее; свѣтъ міра—человѣкъ: явившись въ міръ, онъ показалъ свѣтъ искусства, свѣтъ знанія. Свѣтъ показалъ жито,—

разумъ изобрѣлъ хлѣбъ; свѣтъ показалъ виноградную лозу,—свѣтъ разума показалъ вино, содержащееся въ лозѣ; свѣтъ показалъ шерсть,—свѣтъ человѣка показалъ одежду; свѣтъ показалъ горы,—свѣтъ разума научилъ высѣканію камней. Потому-то и Спаситель называетъ апостоловъ свѣтомъ, говоря: *вы есте свѣтъ міра* (Матѳ. v, 14). Онъ называетъ ихъ свѣтомъ не ради того только, чтобы почтить ихъ, но чтобы показать и надежду воскресенія. Подобно тому какъ свѣтъ, угасая вечеромъ, не погибаетъ, а только скрывается, и, сокрывшись, является вновь, такъ и человѣкъ погруженный во гробъ, какъ бы на западѣ, сберегается для востока воскресенія. *Да будетъ свѣтъ*. Бытописатель сказалъ, что свѣтъ произошелъ, но какъ—этого не сказалъ, да и не зналъ. Что свѣтъ произошелъ, говоритъ, я знаю, а какъ произошелъ, этого не постигаю. Потому и Спаситель говорилъ апостоламъ: *нѣсть ваше разумѣти времена и лѣта, яже Отецъ положи въ своей власти* (Дѣян. I, 7). Итакъ, намъ не дано разумѣть времена и лѣта, и человѣческою мыслію нельзя постичь Владыку временъ и Творца вѣковъ. *Рече Богъ: да будетъ свѣтъ. И бысть свѣтъ* (ст. 3). О, святая и великая сила! О, великое чудо! *Бысть свѣтъ*, и нарекаетъ *Богъ свѣтъ день, а тму нощь* (Быт. I, 5). Почему же называетъ свѣтъ днемъ (ἡμέραν)? Потому, что все свѣтлое и радостное называется покойнымъ—кроткимъ (ἥμερον). Потому и человѣколюбіе мы называемъ кротостью (ἡμερότητα) и ручныхъ животныхъ называемъ кроткими (ἥμερα). *И нарече Богъ свѣтъ день, а тму нарече нощь*. Почему (тьму) ночью? Потому, что спящему ночью человѣку напоминается о смерти, какъ бы такими 437
словами: познай, человѣкъ, кто ты; ты смертенъ, рабствуешь сну; зачѣмъ же чрезмѣрно гордишься? Ночь — время сокрушенія (κατανυγή), почему Давидъ и говоритъ: *яже глаголете въ сердцахъ вашихъ, на ложахъ вашихъ умилитеся* (Пс. IV, 5). Подлинно, ночью человѣкъ лежитъ ни мертвъ, ни живъ. Спроси еретика: „что же? Живъ или мертвъ?“ Если онъ отвѣтитъ тебѣ: „живъ“, то скажи: „почему же онъ не замѣчаетъ говорящихъ и ходящихъ около него?“ Если же отвѣтитъ: „мертвъ“,—скажи: „какъ же онъ дышетъ? То, что дышетъ, не мертво; то, что не чувствуетъ, не есть живое. Себя самого не знаешь, а мечтаешь о томъ, что выше тебя“. Но достаточно будетъ сказаннаго о первомъ днѣ. Наступающій вечеръ, какъ и тамъ, прекращаетъ то, что относится къ первому дню; мы изъяснили по мѣрѣ силъ, и хотя мысли были и глубокія, все же изъясняли ихъ. Долгъ же вѣрующихъ обдумать сказанное и прилежно разсмотрѣть исторію.

7. Мы же, питомцы святого поста, при воздержаніи тѣлесномъ наслаждаясь пищею небесною, будемъ стараться свято со-

блюсти постъ. *Освятите*, говорится, постъ (Іоил. I, 14). Мы ли его освящаемъ, или онъ освящаетъ насъ? Очевидно, что пророкъ сказалъ это въ томъ смыслѣ, чтобы мы свято хранили постъ. Смыслъ такой же, какъ и въ словахъ нашей молитвы: *да святится имя твое* (Матѳ. VI, 9); мы молимся не объ имени Его, потому что имя Его освящаетъ все, и говоримъ въ смыслѣ: „пусть имя Твое святится въ насъ", поскольку имя Его призвано на насъ, такъ такъ (христіанами мы называемся отъ Христа). У святаго все свято, потому что ничто, не будучи святымъ, не можетъ приблизиться къ Богу. Святый Богъ почиваетъ во святыхъ. Свято небо Его: *услышитъ его съ небесе святаго своего* (Пс. XIX, 7); святы ангелы: *егда пріидетъ* Сынъ человѣческій *во славѣ* своей *со ангелы святыми* своими (Марк. VIII, 38); свята земля съ ея богослуженіемъ: и захочетъ, говорится, разорить завѣтъ на землѣ святой Его; Давидъ называетъ святымъ дворъ храма: *поклонитеся Господеви во дворѣ святѣмъ Его* (Пс. XCV, 9); у Исаіи называется святымъ храмъ: *святъ храмъ твой, дивенъ въ правдѣ* (Пс. LXIV, 5, 6); овцы безсловесныя, которыхъ тогда приносили въ жертву, назывались святыми: *яко овцы святыя* въ Іерусалимѣ (Іез. XXXVI, 38); святъ завѣтъ: *и утвердитъ* со многими *завѣтъ* святый свой (Дан. IX, 27); самый городъ назывался святымъ: *и о градѣ святѣмъ* отцовъ нашихъ Іерусалимѣ (тамъ же, ст. 24). Ни что не святое не можетъ приближаться къ Богу. Потому и Павелъ говоритъ: (*міръ*) *и святыню, ихъ же кромѣ никто же узритъ Бога* (Евр. XII, 14). Мы воздерживаемся отъ хлѣба; будемъ воздерживаться и отъ неправды. Ты не ѣшь хлѣба? Не снѣдай плоти убогихъ, чтобы и о тебѣ не сказалъ Богъ: *снѣдающіи люди моя въ снѣдь хлѣба* (Пс. XIII, 4). Ты не пьешь вина? Пусть не опьяняетъ тебя гнѣвъ, чтобы тебѣ не услышать отъ Законодателя: *ярость ихъ по подобію зміину* (Пс. LVII, 5), и еще: *ярость зміевъ вино ихъ* (Втор. XXXII, 33). Если ты угнетаешь бѣдняка, такъ что онъ стенаетъ, то предъ Богомъ онъ окажется снѣдающимъ хлѣбъ слезъ. Поэтому Богъ и говоритъ: *покрываете слезами олтарь* мой (Мал. II, 13). Итакъ Богъ, который говоритъ: *жерцы, внидите, плачитеся* (Іоил. I, 13), порицаетъ тѣхъ, кто пла-
438 четъ передъ алтаремъ? Да, порицаетъ, но не за то, что они плакали, а за то, что тамъ—предъ алтаремъ плакали обиженныя сироты и вдовы. А чтобы показать, что говоритъ о нихъ (священникахъ), Онъ присовокупилъ: *въ плачи, и въ рыданіи*, и скорби (Іоил. II, 12). Кромѣ того нужно обратить вниманіе и на наши жертвы. Предлагается душевная трапеза — слово Божіе. Тѣло чрезъ постъ освящается; душа, если ее не питать, гибнетъ. Пусть же тѣло постится постомъ воздержанія отъ грѣховъ, а душа

насыщается божественнымъ ученіемъ. Нельзя тебѣ ѣсть хлѣбъ Христовъ и хлѣбъ слезъ, какъ и Павелъ говоритъ: *не можете трапезѣ* Христовой *причаститися и трапезѣ бѣсовстѣй* (1 Кор. x, 21). Итакъ, постящемуся нужно воздерживаться отъ пищи, но прежде всего—отъ грѣховъ. Подлинно, и ангелы каждый день замѣчаютъ, кто рѣшилъ воздерживаться отъ корыстолюбія, или блуда, или неправды. Такіе посты и ангелы записываютъ и Богъ сокровиществуетъ. Подобно тому, братіе, какъ начальники, принявъ просьбы на царское имя, все представляютъ царю, такъ и ангелы обо всемъ происходящемъ сообщаютъ Богу,—не научая Его какъ бы невѣдущаго, а исполняя служебный долгъ творенія. Я назвалъ бы въ тысячу разъ блаженнѣйшимъ ядущаго, чѣмъ постящагося и творящаго неправду. Говорю это не для того, чтобы уничтожить постъ, а чтобы призвать къ благочестію. Не ѣда—зло, а грѣхъ—зло, почему Богъ и говоритъ о нѣкоторомъ праведникѣ: „развѣ отецъ твой не ѣлъ, и сотворилъ волю Мою", и въ другомъ мѣстѣ: *постъ четвертый и постъ пятый, и постъ десятый будетъ* вамъ *въ радость и въ веселіе и въ праздники благи, и истину возлюбите* (Зах. VIII, 19). Но возсіялъ чувственный свѣтъ, чтобы прославился Творецъ свѣта. Насталъ вечеръ, завершающій теченіе дня. Начало прекрасно; пусть присоединится такой же конецъ. Не кончай худо, а слушай Давида: *въ конецъ, да не растлиши* (Пс. LXXIV, 1). Богъ же свѣта да просвѣтитъ васъ всѣхъ словомъ, разумомъ, вѣрою, правдою, цѣломудріемъ во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, чрезъ Котораго и съ Которымъ слава Отцу, со Святымъ Духомъ, во вѣки вѣковъ. Аминь.

Его же бесѣда о второмъ днѣ творенія, а также противъ сказавшаго, что намъ, христіанамъ, не слѣдуетъ говорить при освященіи: „Господь Саваоѳъ".

1. Слово Божіе возбуждаетъ страстное желаніе души и даетъ ей радость какъ бы нѣкій свѣтильникъ, чтобы и помыслы просвѣтить, и грѣхи очистить, и мысли освѣтить. Таково слово Божіе. Что для желѣза оселокъ, то для души слово Божіе. Оселокъ оказываетъ желѣзу пользу не въ одномъ только отношеніи; во-первыхъ, онъ служитъ для очищенія съ него ржавчины; затѣмъ, если оно толсто, дѣлаетъ тонкимъ, если тупо, дѣлаетъ острымъ, если темно, дѣлаетъ блестящимъ, чистымъ, свѣтлымъ, яркимъ. Такъ и слово Божіе очищаетъ душу отъ ржавчины грѣховной, дѣлаетъ ее энергичною, если она ослабѣла, дѣлаетъ

нѣжною, если огрубѣла, дѣлаетъ свѣтлою, если она омрачилась.
439 Слово Божіе хочетъ, чтобы мы сіяли согласно съ апостольскою заповѣдью, гласящею: *да будете якоже свѣтила въ мірѣ, слово животно придержаще* (Фил. II, 15, 16). Вотъ сіяніе! Оно хочетъ, чтобы мы были не вялыми, а бодрыми. *Живо*, говорится, *слово Божіе и дѣйственно, и острѣйше паче всякаго меча обоюдуостра* (Евр. IV, 12). Оно хочетъ, чтобы мы не были грубыми, а утончали умъ помыслами, потому что, когда умъ огрубѣваетъ, онъ чуждъ бываетъ слову Божію, а когда утончается, прилежитъ закону Божію. Потому-то Писаніе и говоритъ объ огрубѣвшихъ: *и яде Іаковъ, и насытися, уты, утолстѣ, разжирѣ, остави Бога сотворшаго его* (Втор. XXXII, 15). Пусть же слово Божіе просвѣтитъ и нашъ умъ, и особенно въ этотъ предлежащій святый постъ, когда изнуряются тѣла и бодрствуютъ помыслы. Поистинѣ постъ-питатель всякой святости и мать благочестія. Требуется, чтобы мы не только постились, но постились благочестно. Многіе постятся и ради занятій общественными дѣлами, но это не зачисляется имъ въ постъ. Оцѣнивается намѣреніе, а не необходимость увѣнчивается. Съ такимъ-то святымъ настроеніемъ блаженный Моисей поучался на горѣ закону и изучалъ твореніе. Вчерашній день мы сказали, что Богъ, намѣреваясь дать чрезъ Моисея законъ, сначала показалъ, что Онъ—Творецъ, а затѣмъ уже, что—Законодатель. Какъ могли іудеи повѣрить, что Богъ сотворилъ небо и землю и все, что въ нихъ, если бы Богъ напередъ не сотворилъ чудесъ въ Египтѣ, показывавшихъ, что Онъ—Творецъ вселенной? Мы научаемъ, чтобы убѣдить, Богъ убѣждаетъ, чтобы научить. Такъ какъ Моисей долженъ былъ изложить ученіе, что Богъ сотворилъ небо и землю, море и все, что въ нихъ, то, если бы онъ не сотворилъ предварительно въ Египтѣ чудесъ, и не показалъ, что Богъ есть Творецъ всякаго созданія, то народъ не повѣрилъ бы, что Онъ сотворилъ небо и землю. Сначала Моисей простеръ руки къ небу, и низвелъ градъ и огонь, и народъ позналъ чрезъ вѣрнаго раба, что эта смертная десница, будучи движима словомъ Божіимъ, потрясла небо и смутила созданіе, и что тѣмъ болѣе десница повелѣвшаго Бога утвердила небо и основала землю, такъ какъ никто не движетъ творенія, котораго самъ не создалъ. Итакъ, нужно было показать, что Богъ сотворилъ землю,—простеръ Моисей руку на землю, и вышли мошки. Нужно было, опять, показать, что Богъ сотворилъ огонь,—взялъ Моисей пепла изъ печи и разсыпалъ, и покрылъ тѣла египтянъ нарывами, палящими подобно огню. Нужно было показать, что Богъ сотворилъ воду,—превратилась вода въ кровь. Нужно было показать, что Богъ сотворилъ море,—окаменѣло море и прошелъ

народъ. Итакъ, сначала онъ показалъ дѣлами, что Богъ—Владыка, а потомъ уже научилъ словомъ, что Онъ Творецъ.

2. Такъ и въ Евангеліи Спаситель началъ учить не раньше, чѣмъ совершилъ чудеса. Первое чудо совершилъ Онъ, претворивъ 440
воду въ вино, и раньше этого чуда не выступаетъ въ качествѣ учителя, такъ какъ нужно было, чтобы дѣло предшествовало, а слово послѣдовало. Поэтому и дѣеписатель говоритъ: *первое убо слово сотворихъ о всѣхъ, о Ѳеофиле, яже начатъ Іисусъ творити же и учити* (Дѣян. I, 1). Какъ могъ научить Спаситель, что Онъ Творецъ міра? Если бы онъ не просвѣтилъ очи слѣпому, то Ему не повѣрили бы, когда Онъ говорилъ: *Азъ есмь свѣтъ міру* (Іоан. IX, 5). Если бы Онъ не воздвигъ Лазаря, слушатели не повѣрили бы, когда Онъ говорилъ: *Азъ есмь воскресеніе и животъ* (Іоан. XI, 25). Если бы Онъ, плюнувъ на землю, не сотворилъ бреніе и не помазалъ слѣпого, то не повѣрили бы, что Онъ есть Тотъ, кто взялъ персть отъ земли и создалъ Адама. Если бы Онъ не ходилъ по морю, то не явилъ бы Себя Владыкою моря. Если бы Онъ не запретилъ вѣтру, не показалъ бы Себя Владыкою вѣтровъ. Вотъ почему, являя Себя человѣкомъ, Онъ чрезъ чудеса давалъ познавать и прославлять Себя какъ Бога. Спаситель привелъ въ изумленіе учениковъ, и они говорили: *кто есть сей, яко вѣтри и море послушаютъ его?* Онъ предварительно показалъ, что Ему повинуются стихіи, а потомъ уже изъяснилъ словомъ, что все произошло черезъ Него. Если бы Онъ не показалъ напередъ, что Ему повинуются твари, то не заслуживалъ бы вѣры Евангелистъ Іоаннъ, когда говоритъ: *вся Тѣмъ быша* (Іоан. I, 3). Какъ могли бы оказаться достойными вѣры апостолы, говорившіе простымъ языкомъ, когда проповѣдывали о Богѣ Словѣ, Творцѣ, Спасителѣ, всемудромъ Учителѣ? Но языкъ апостоловъ творилъ чудеса, устами апостоловъ воскрешался мертвый, ходилъ хромой. А что вѣра слѣдуетъ за чудесами, объ этомъ свидѣтельствуетъ Писаніе, говоря: *руками апостольскими быша знаменія* великія *и чудеса въ людехъ*. И *дивляхуся же вси* и *паче прилагахуся по вся дни множества мужей и женъ* (Дѣян. V, 12, 14 и п. 7, 47). Напередъ сіяли чудеса, а за ними слѣдовало ученіе. Такъ и во времена закона предшествовали чудеса, совершенныя въ Египтѣ, которыя показывали, что Богъ—Творецъ. Богъ же, будучи благъ, не восхотѣлъ прославлять только Себя одного, но раздѣлилъ славу съ Моисеемъ. Когда Богъ явилъ Себя чрезъ дѣла Свои, явился и Моисей съ дарованною ему славою (Исх. XXXIV, 29). Когда онъ сошелъ (съ горы) съ закономъ, то чтобы не смотрѣли на него, какъ на простого человѣка, Богъ исполняетъ лице его славою, желая восполнить избыткомъ благодати

немощь природы, потому что видѣвшіе уразумѣвали, что прославленное лице не чуждо для Бога. Такъ и Спаситель исполнилъ сіяніемъ лице первомученика Стефана. Для чего именно Онъ сдѣлалъ лице Стефана сіяющимъ? Такъ какъ его собирались побить камнями какъ богохульника за слова: *вижу небеса отверста и Сына человѣча стояща одесную Бога* (Дѣян. VII, 55), то Богъ напередъ увѣнчалъ его лице ангельскимъ образомъ, чтобы убѣдить неблагодарныхъ, что побиваемый не былъ бы прославленъ, если бы былъ богохульникомъ. Итакъ, вчера мы сказали, что въ первый день Богъ сотворилъ міръ изъ несущаго. И что удивительно, дѣла показываютъ не только творенія Божіи, но обличаютъ и нечестіе еретиковъ. Въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ послѣдніе вопрошаютъ о Сущемъ, какъ Онъ рожденъ, то спрошу я, какъ произошло то, что не существовало? Если не существовавшаго не
441 было, то пусть скажутъ, какъ произошло, если его не было? То, что не существуетъ, по разсужденію человѣческому, не происходитъ; но не такъ по силѣ Божіей. Порою еретикъ говоритъ: сказалъ Богъ, и произошло. Но въ данномъ случаѣ ты указываешь вещь, а не способъ ея происхожденія. *Рече Богъ, да будетъ свѣтъ*, произошло то, что раньше не существовало. Слово превратилось въ дѣло, какъ будто самый произнесенный звукъ сталъ свѣтомъ. Слѣдовательно (свѣтъ) не изъ несуществующаго, а изъ существующаго. Кто въ самомъ дѣлѣ дерзнетъ сказать, что Слово не существуетъ? Поэтому Богъ ничего не сотворилъ изъ несуществующаго; а все изъ Себя. Оказывается, такимъ образомъ, что творенія единосущны съ Богомъ, и тó, чего еретики не допускаютъ въ отношеніи къ Сыну, они усвояютъ тварямъ. Но опять, встрѣтивъ возраженіе, они говорятъ: воля Божія произвела несуществовавшее; воля творитъ то, что не существовало, природа же не производитъ того, что существуетъ. Удивительно! Объясню на примѣрѣ. Предположи источникъ и скалу. Что легче: источнику родить воду, или скалѣ? Если раждаетъ источникъ, онъ производитъ изъ того, что имѣетъ, скала же—изъ того, чего не имѣетъ. Итакъ несуществовавшее родила скала изъ того, чего не имѣла, а источникъ не родилъ источника, который имѣлъ въ себѣ? Какъ же произошло то, чего не существовало? Самостоятельно? Или несуществующее есть одно имя? Когда я говорю: „изъ несущаго“, не подумай, что несуществующеее есть что-либо. Итакъ, ты не умѣешь сказать, какъ произошло сущее изъ несущаго, а смѣешь любопытствовать и разсуждать, какъ рожденъ Сущій отъ Сущаго? Всѣ твари произошли и отъ начала не существовали; Единородное Слово и Творецъ міра не произошелъ отъ начала, а былъ; тѣхъ не было, и произошли; этотъ былъ въ

началѣ, не произошелъ, а онѣ произошли въ началѣ, такъ какъ ихъ не было.

8. *Земля же бѣ*, говорится, *невидима* (I, 2). Что значитъ *невидима*? Многіе святые отцы, какъ я знаю, говорили, будто невидима была земля потому, что покрывалась водою. Но многія мнѣнія хотя и благочестивы, однако не истинны. Напримѣръ, три друга Іова, видя его въ искушеніяхъ, полагали, что святой страдаетъ справедливо, и говорили: если бы ты не огорчалъ вдовъ, если бы не угнеталъ сиротъ, то Богъ не навелъ бы на тебя этихъ бѣдствій. Такъ какъ они не знали намѣренія Бога, то предпочитали скорѣе признать, что Іовъ страдаетъ справедливо, чѣмъ утверждать, что Богъ навелъ бѣдствія неправедно. Они ратовали за Бога, и тѣмъ не менѣе Богъ обличаетъ ихъ: почему *не глаголасте истины на раба моего* (Іов. XLII, 8)? Итакъ, что значитъ: *земля же бѣ невидима и не устроена*? Толковники изъяснили это опредѣленно. Акила говоритъ: земля же была пустота и ничто (κένωμα καὶ οὐδέν). Невидима была, слѣдовательно, не въ томъ смыслѣ, что ея было не видно, а въ томъ, что была, такъ сказать, не убрана. Она не была еще разукрашена растеніями, не была еще увѣнчана плодами, не была еще опоясана рѣками и источниками, не была еще украшена остальными разнообразными видами благолѣпія, не была еще одарена способностью раждать— и потому была невидима. Писаніе говоритъ о нѣкоторомъ храбромъ и красивомъ мужѣ: не онъ ли *порази мужа египтянина* видимаго (2 Цар. XXIII, 21) [1]). Есть, слѣдовательно, мужъ невидимый? Нѣтъ, а говорится это очевидно въ томъ смыслѣ, что мужъ достоинъ того, чтобы его видѣли. Слѣдовательно, какъ египтянинъ названъ мужемъ видимымъ въ томъ смыслѣ, что онъ заслуживаетъ того, чтобы его видѣли, такъ и земля названа невидимой въ томъ смыслѣ, что была не украшена. Во второй день Богъ сказалъ: *да будетъ твердь посредѣ воды, и да будетъ разлучающи посредѣ воды и воды* (Быт. I, 6). Такъ Богъ сотворилъ небо, 442
не то—горнее, а это—видимое, создавъ его на подобіе льда изъ отвердѣвшихъ водъ. Хочу я представить это дѣло наглядно, потому что многое можно легче понять чрезъ разсмотрѣніе, чѣмъ изъяснить словомъ. Допустимъ, что вода поднималась надъ землею на тридцать локтей. Теперь, Богъ сказалъ: *да будетъ твердь посредѣ воды*, и вотъ въ серединѣ водъ образовалось сгущеніе на подобіе льда, которое подняло половину воды вверхъ, а половину оставило внизу, какъ и написано: *да будетъ твердь посредѣ воды и будетъ разлучающи посредѣ воды и воды*. Почему же Богъ назы-

1) ἄνδρα ὁρατόν—въ слав. *мужа красна*.

ваетъ его *твердію*? Потому, что сдѣлалъ его твердымъ изъ неплотнаго и разрѣженнаго естества водъ. Потому и Давидъ говоритъ: *хвалите его во утверженіи силы Его* (Пс. CL, 1). Воспользуемся еще другимъ сравненіемъ. Подобно тому какъ дымъ, когда выходитъ отъ горящаго дерева, бываетъ неплотенъ и разрѣженъ, а когда устремится въ высоту, превращается въ густое облако, такъ точно и Богъ, поднявъ разрѣженное естество водъ, сплотилъ его наверху. Что это сравненіе правильно, свидѣтельствуетъ Исаія, когда говоритъ, что *небо яко дымъ утвердися* (Ис. LI, 6). Итакъ, будучи утверждено среди водъ, небо подняло половину водъ вверхъ. Но для чего вверху воды? Ради какой нужды? Чтобы кто-нибудь пилъ? Чтобы кто-нибудь плавалъ? А что вверху есть воды, свидѣтельствуетъ Давидъ, говоря: *и вода яже превыше небесъ* (Пс. CXLVIII, 4). Замѣть же мудрость Создателя. Небо, сгущенное изъ водъ, было ледяное. Между тѣмъ оно должно было принять огонь солнца и луны и безконечное множество звѣздъ, должно было все наполниться огнемъ. Чтобы отъ такого жара оно не сожглось и не уничтожилось, Богъ и распростеръ на хребтѣ его эти моря водъ, для защиты послѣдняго, дабы такимъ образомъ оно могло противостоять пламени и не сгорать. Примѣръ имѣешь предъ глазами. Подобно тому какъ теперь, если ты повѣсишь котелъ надъ огнемъ, онъ, если имѣетъ воду, выдерживаетъ огонь, а если не имѣетъ, распадается, такъ точно и Богъ противопоставилъ огню противодѣйствующую воду, дабы небо, благодаря орошающимъ его сверху водамъ, имѣло достаточную устойчивость. И замѣть дивное дѣло. Небесное тѣло обладаетъ этою влагою въ такомъ изобиліи, что не смотря на сопротивленіе такому огню, удѣляетъ даже ее-землѣ. Въ самомъ дѣлѣ, откуда роса? Облака нѣтъ нигдѣ, въ воздухѣ воды нѣтъ; ясно, что источаетъ ее изъ своихъ избытковъ небо. Потому-то и патріархъ Исаакъ, благословляя Іакова, говорилъ: *да дастъ тебе Богъ отъ росы небесныя, и отъ тука земли* (Быт. XXVII, 28).

4. Говорятъ, братіе, что въ день суда верхняя вода удалится, а небо, лишившись оплота водъ, разрушится, и звѣзды, не имѣя ни пути, ни хода, упадутъ. Говоримъ это не безъ основанія; такъ учитъ Писаніе. *Свіется*, говорится, *небо аки свитокъ* (вмѣсто: „сгарая", потому что сгарающее свивается), *и звѣзды спадутъ*
443 *яко листвіе съ лозы* (Ис. XXXIV, 4). Обрати вниманіе и на другую пользу. Воды надъ небесами не только сохраняютъ небо, но и направляютъ внизъ свѣтъ солнца и луны. Если бы небо было прозрачно, то весь свѣтъ устремлялся бы вверхъ,—потому что огонь по природѣ стремится вверхъ,—и земля осталась бы безъ свѣта. Поэтому Богъ и покрылъ небо сверху безмѣрною массою

водъ, чтобы свѣтъ отражался и устремлялся внизъ. Замѣть мудрость Создателя. Образъ этой мудрости имѣешь и въ себѣ самомъ. Послушай внимательно. Представь себѣ, что наша голова—горнее небо, тò, чтó надъ языкомъ—другое небо, т. е. твердь, почему и называется маленькимъ небомъ (οὐρανίσκος). Наверху, въ мѣстахъ сокрытыхъ, находится мозгъ, котораго не видно; внизу—видимый языкъ. Подобно этому и горнее небо находится въ мѣстахъ незримыхъ, а міръ въ мѣстахъ, о которыхъ мы можемъ говорить. Опять, подобно тому какъ въ стихіяхъ ты находишь, что земля тяжела, а вода легче земли, хотя тяжелѣе воздуха, равно какъ воздухъ легче воды и тяжелѣе огня, такъ точно и у насъ чувства—вкусъ, обоняніе, слухъ, зрѣніе—не всѣ равны. Вотъ тебѣ доказательство. Если ты хочешь испытать вкусъ чего-либо, то, не приблизивъ къ языку, не опредѣлишь вкуса испытываемаго, потому что вкусъ слѣпъ и на отдаленномъ разстояніи воспринимать не можетъ. Обоняніе, между тѣмъ, воспринимаетъ и издали; напримѣръ, проходя по дому, ты обоняешь запахъ ѳиміама, котораго не видишь. Зрѣніе, въ свою очередь, быстрѣе обонянія: съ горы оно видитъ большія пространства. Быстрѣе зрѣнія, опять, умъ: онъ помышляетъ о небѣ, землѣ, морѣ, словомъ находится вездѣ.

Вотъ почему умъ—и образъ Божій. Умъ помыслитъ, и тотчасъ же воображаетъ предъ собою площадь, рисуетъ толпу, народы. Пусть устыдятся еретики. Умъ такъ дѣйствуетъ, а неужели Создатель ума, тончайшій всякаго обонятія, не обладаетъ быстрѣйшею дѣятельностью, способностью творить мгновенно, непостижимой природой? Но, братія, хочу сказать вамъ нѣчто такое, что для нечестія кажется несообразнымъ, но съ ученіемъ вѣры вполнѣ согласно, чтобы вы знали, что измышляетъ діаволъ, что онъ изобрѣтаетъ, что внушаетъ еретикамъ, а вѣрнѣе сказать—еретики ему. Сегодня, одинъ еретикъ пришелъ къ намъ, и въ присутствіи святыхъ мужей и отцовъ, говорилъ (говорю это, чтобы рѣчь, иначе переданная, не произвела иного впечатлѣнія): Отецъ, сказано, Сынъ и Духъ Святый—едино божество, едина сила, едино царство. Нужно, говоритъ, изъять изъ употребленія при молитвѣ (не говорю—изъ святилища) слова: *святъ, святъ, святъ Господь Саваоѳъ*, употребляющіяся въ освященіи. Если, говоритъ, вы не устраните этихъ словъ, то вы не христіане. Видишь великую дерзость и безуміе діавола? Видишь корень богоборства? Видишь крайнее богохульство? Онъ хочетъ обезглавить благочестіе, обезсилить таинство, уничтожить вѣру, разрушить ея основаніе. И замѣть коварство діавола. Онъ внушилъ еретику сказать: Отецъ 444
Сынъ и Святый Духъ—едина вѣра, едина сила, едино царство.

Онъ смѣшалъ ядъ съ медомъ. Ложь, когда хочетъ, чтобы ей повѣрили, всегда основывается повидимому на истинѣ, и если такого основанія не имѣетъ, то отвергается. А почему такъ дѣйствуетъ она, слушай: приведу примѣръ, хотя онъ и не имѣетъ ничего сходнаго съ даннымъ случаемъ. Раавъ блудницу, когда она приняла соглядатаевъ, спрашивали: вошли къ тебѣ мужи? Она говоритъ: „да",—сначала истину; „но вышли" говоритъ,—послѣднее ложь (Іис. Нав. II, 4, 5). Если бы она сказала: „не вышли", то домъ обыскали бы. Она сказала истину, чтобы возбудить довѣріе; прибавила ложь, чтобы обмануть. Такъ и діаволъ. Когда мы спрашивали еретика: почему мы должны изъять молитву освященія? онъ отвѣчалъ: вы говорите: *Господь Саваоѳъ*; но это не имя Божіе, не имя ни Христа, ни Отца. Видишь ли мерзкія и скверныя уста? Онъ, по неразумію, не позналъ, что Саваоѳъ не имя Бога, а имя войскъ, т. е. (Господь Саваоѳъ значитъ) Господь силъ. Укажу и причину. Но напередъ сообщу вамъ пріятную вѣсть, что еретикъ покаялся, обратился, анаѳематствовалъ (заблужденіе), далъ обѣщаніе и принятъ въ общеніе.

5. Итакъ слушай. Такъ какъ встрѣтилось указанное выраженіе, то мы должны объяснить причину, по которой блаженный Исаія услышалъ эту святую пѣснь, возсылаемую Богу. Исаія былъ мужъ дивный, исполненный ревности, дерзновенный, но дерзновенный не дерзостью, а ревностью. Въ то время былъ царь по имени Озія, который, вмѣстѣ съ другими принадлежностями царскаго достоинства захотѣлъ присвоить себѣ и священство. Священники знали, что должно отъ этого послѣдовать, но противорѣчить царю много не хотѣли; они уважали достоинство, чтили престолъ, боялись войскъ. Исаія, и тотъ замолкъ, не противодѣйствовалъ царю. Когда Богъ увидѣлъ, что священники испугались, пророкъ изнемогъ, а царь покусился на дерзкій поступокъ, то поразилъ лице его проказой за то, что осмѣлился коснуться священныхъ предметовъ; въ концѣ концовъ онъ лишенъ былъ не только священства, но и царства, и остался прокаженнымъ (Парал. XXVI, 16). Богъ сдѣлалъ Свое дѣло; но Онъ разгнѣвался на священниковъ, а больше всего на пророка, за то, что онъ, будучи при этомъ, предалъ благочестіе. Поэтому Богъ хранилъ въ отношеніи къ пророку молчаніе, не говорилъ съ нимъ, пока не умеръ беззаконникъ. Когда, наконецъ, нечестивецъ умеръ, тогда Богъ, отложивъ гнѣвъ, примиряется съ пророкомъ. Итакъ Исаія говоритъ: *и бысть въ лѣто, въ неже умре Озіа царь, видѣхъ Господа сѣдяща на престолѣ высоцѣ и превознесеннѣ* (Ис. VI, 1) Почему Богъ явился на высокомъ и превознесенномъ престолѣ? Такъ какъ Богъ невидимъ, а видимый царь наводилъ страхъ, то

Онъ показываетъ пророку небесную славу, чтобы дать ему понять, какой престолъ они пренебрегли и какой почитали, какъ, оказавъ непочтеніе къ воинству небесному, ангельскому, и даже не помысливъ о немъ, они устрашились стражи человѣческой. И исполненъ былъ, говоритъ, *домъ славы Его, и серафими стояху окрестъ Его* (ст. 2). Серафимы суть стража,—херувимы—престолъ; херувимъ означаетъ ничто иное, какъ полную мудрость. Подобно 446
тому какъ вотъ этотъ престолъ или другой даетъ сидящему покой и является мѣстомъ чести и отдыха, такъ и у Бога престолъ—премудрость, на которой Онъ почиваетъ. Такъ и Давидъ говоритъ: *сѣдяй на херувимѣхъ* (Пс. XCVIII, 1), вмѣсто того, чтобы сказать: почивающій на исполненной премудрости. Вотъ почему херувимы полны глазъ; спина, голова, крылья, ноги, грудь—все наполнено глазъ, потому что премудрость смотритъ всюду, имѣетъ повсюду отверстое око. *Шесть крилъ*, говоритъ, *единому, и шесть крилъ другому; и двѣма убо покрываху* лице, и *двѣма ноги, двѣма* же *летаху. И взываху другъ къ другу: святъ, святъ, святъ Господь Саваоѳъ* (Ис. VI, 2, 3), т. е. Господь воинствъ. *Шесть крилъ единому, и шесть крилъ другому*. Восемь молчатъ, и четыре взываютъ. Чему же учитъ насъ Писаніе? Тому, чтобы не всякую мысль о Богѣ мы высказывали, но однѣ мысли утверждали молчаніемъ, другія прославляли вѣрою и дѣлали предметомъ богословствованія. Почему херувимы закрываютъ ноги и голову? Потому, что въ Богѣ нельзя постичь ни начала, ни конца. Если же они двумя закрываютъ главу, и двумя ноги, то, очевидно, средними крыльями летаютъ,—не верхними и не нижними. Такъ и намъ, когда говоримъ о Богѣ, слѣдуетъ говорить вещи среднія, именно, что Онъ Богъ, Творецъ, Владыка, Благодѣтель. Все это—вещи среднія. Если ты спросишь, какъ Богъ родилъ?—ты обнажишь голову, которую закрываютъ херувимы. Если спросишь: гдѣ конецъ Бога?—обнажишь ноги, которыя закрываютъ херувимы. Закрываютъ они голову и ноги не для того, чтобы скрыть ихъ, а чтобы научить, что эти вопросы неизслѣдимы, непостижимы. Пойми и образъ. Было шесть и шесть,—двѣнадцать крыльевъ; восемь спокойны, и четыре движутся. Это—образъ апостоловъ. Двѣнадцать апостоловъ, но взываютъ четыре евангелиста. Что же взываютъ? Ту самую пѣснь, которую старался извратить сатана. Будь, прошу, внимателенъ. Херувимы не просто, какъ мы, говорили: святъ, святъ, святъ, а обращались одинъ къ другому, такъ какъ написано: *и взываху другъ ко другу*. „Святъ", говорятъ, мы должны сказать заразъ. Одинъ говоритъ: „святъ"; затѣмъ другой, и въ третій разъ—„святъ". Но если мы насчитали три, не подумай, что три Бога. Что же значитъ: *святъ, святъ, святъ Господь?*— Единъ Го-

сподь, единa вѣра, едино крещеніе. Подобно тому, какъ при псалмопѣніи поютъ стихи попеременно, такъ и горнія силы воспѣваютъ перемѣнными хорами и возсылаютъ славословіе по способу антифоннаго пѣнія. *Исполнь*, говорится, *домъ славы его. И взяся наддверіе отъ гласа, имже вопіяху, и домъ наполнися дыма* (Ис. VI, 1, 4).

6. Дивное дѣло! Отъ славословія, вмѣсто того, чтобы увеличиться славѣ, погибла и бывшая, и явился дымъ. Дымъ служитъ образомъ покинутости. Чтò же это значитъ? Духъ Святый провидѣлъ, что „святъ, святъ, святъ" будетъ достояніемъ міра, проповѣди апостольской, а храмъ іудейскій его не приметъ. Поэтому и говоритъ, что послѣ евангельской проповѣди синагога будетъ покинута и наполнится дыма. Взята, однако, не дверь, а
446 наддверіе. Будь внимателенъ. Всякая дверь имѣетъ внизу порогъ и сверху лежащее на колоннахъ наддверіе, и какъ безъ порога колонны не могутъ стоять, такъ и не имѣя наддверія не могутъ быть твердо-устойчивыми. У синагоги, слѣдовательно, отнята верхняя часть; не вся синагога раззорена; двери она имѣетъ, а не имѣетъ наддверія. Наддверіе есть свыше держащая сила. Огнято наддверіе—лишилась синагога благодати, а вслѣдствіе того, что отнято наддверіе, естественно, что колонны можетъ колебать всякая рука. Вотъ почему всякая рука и колеблетъ іудейскія (учрежденія). Потому и нѣкій пророкъ говорилъ: и положу *Іерусалима яко преддверія движимая* (Зах. XII, 2). *И домъ*, говоритъ, *наполнися дыма*. Куда же ушла слава? Слушай, прошу, внимательно. Исаія говоритъ: *и исполнь домъ славы его*; потомъ говоритъ: *наполнися дыма*. Итакъ, когда вошелъ дымъ, слава необходимо должна была перейти въ другое мѣсто. Куда же она перешла? Не въ одинъ домъ, а наполнила собою церкви по всей вселенной. И херувимы, желая показать, куда ушла слава, бывшая въ храмѣ, говорятъ: *исполнь вся земля славы его* (Ис. VI, 3). Лишенъ славы одинъ народъ, и просвѣтились концы земли. Эти-то святыя слова Господни, царское славословіе, это-то божественное тайноводство,—говорили дьявольскія уста,—выбрось изъ святилища. Что хула направляется противъ самого Христа, этому есть очевидное доказательство. Кого видѣлъ Исаія на престолѣ? Онъ говоритъ: *слышахъ гласъ Господа глаголюща: кого послю, и кто пойдетъ къ людемъ симъ* (Ис. VI, 8)? Господь примирился съ рабомъ, но продолжалъ сохранять еще видъ гнѣва. Подобно тому, какъ мы, когда примиримся со слугою, не тотчасъ же показываемъ ему довольное лицо, а нѣкоторое время скрываемъ его, такъ и Богъ, не желая показать предстоящему пророку всего лица, говоритъ: *кого послю*? Подобно тому какъ господинъ, стоя передъ рабами и

желая упрекнуть ихъ за лѣность, говоритъ: кого пошлю, не имѣю человѣка для нужнаго дѣла,—не потому, что нѣтъ у меня, а нѣтъ ревностнаго, такъ и Богъ говоритъ: *кого послю*? вмѣсто того, чтобы сказать: пошлю ли того, кто молчалъ предъ попиравшимъ священство? Что же Исаія? Какъ слуга, огорченный ссорою и старающійся загладить прошлое, онъ говоритъ: *се азъ, посли мя.* Чѣмъ же докажемъ мы, что то была слава Христа? Іоаннъ Евангелистъ говоритъ: *толика знаменія сотворшу* Іисусу, *не вѣроваху* ему іудеи, *да сбудется* сказанное Исаіей: слухомъ услышите, и не уразумѣете; *сія же рече, егда видѣ славу Его, и глагола о Немъ* (Іоан. XII, 37—41). Видишь ли главу нашего спасенія, освященіе? Если освященія не будетъ, не совершится и таинство. Здѣсь ты имѣешь образъ. Лишь только херувимы сказали: *святъ, святъ, святъ Господь*,—освятилась жертва. *И посланъ бысть*, говорится, *ко мнѣ единъ отъ* херувимовъ, *и въ руцѣ своей имяше угль горящь, его же клещами взятъ отъ олтаря* (Ис. VI, 6). Не взялъ, пока не освятился. *Прикоснуся*, говорится, *устнамъ* 447
моимъ (ст. 7). Почему къ устамъ? Потому, что они преддверіе для таинствъ. Что́ мы, вѣрующіе, говоримъ? Это таинство отпускаетъ грѣхи. И херувимъ говоритъ: вотъ я отъялъ грѣхи твои. Видишь образъ? Видишь, какъ сіяетъ истина? Не престанемъ же и мы святить Садящаго на престолѣ высокомъ и превознесенномъ. Возблагодаримъ и о прельщенной душѣ, которую похитилъ волкъ, но отнялъ пастырь, похитилъ діаволъ, но спасъ Человѣколюбецъ, чтобы всякія еретическія уста и всякій безумный богохульный языкъ восхвалилъ Отца и Сына и Святаго Духа во вѣки. Аминь.

Его же бесѣда о третьемъ днѣ творенія и о воскресеніи.

1. Создатель міра украсилъ небо солнцемъ, луною и звѣздами, одѣлъ землю въ уборъ цвѣтовъ и растеній, и все созданіе наполнилъ разнообразными видами благолѣпія; намъ же, когда говоримъ о твореніи, нужно дивиться дѣламъ созданія и покланяться Творцу. Исторія творенія написана вѣдь не для того, чтобы мы узнали только о происхожденіи міра, но для того, чтобы мы прославляли Создавшаго. Мы сказали, что въ первый день Богъ произвелъ вещество твореній; сказали, какъ во второй день Онъ устроилъ твердь изъ разрѣженнаго естества водъ, почему она и названа твердію. Такъ и Христосъ собралъ всю вселенную, немощную и разслабленную, разсѣянную ложью многобожія, и утвердилъ одну вѣру, почему апостолъ и называетъ ее твердію,

говоря: по утвержденію (κατὰ στερέωμα) *вѣры, яже во Христа* (Кол. II, 5). Итакъ, бездна раздѣлилась, и какъ оставшаяся внизу вода была бездной, такъ и поднятая вверхъ—бездной. Откуда это видно? Давидъ говоритъ: *бездна бездну призываетъ во гласѣ хлябій твоихъ* (Пс. XLI, 8). Итакъ, раздѣлилась бездна, и явилась твердь. Но земля покрыта была еще водою. *И рече*, говорится, *Богъ: да соберется вода, яже подъ небесемъ, въ собраніе едино, и да явится суша* (Быт. I, 9).

Такъ какъ несчастные еретики желаютъ знать все и изслѣдуютъ образъ существованія непостижимаго естества, то пусть они скажутъ, какъ собралась вода и куда она собралась, или куда удалилась собранная. По вашему мнѣнію, нужно вѣдь принимать слова не безъ разсужденія, а надо изслѣдовать дѣло. *Рече Богъ: да соберется вода.* Куда она собралась? Въ море? Но развѣ море тогда не было наполнено? Если земля была наполнена, то несомнѣнно—и море. Куда же собралась? Люди, не могущіе понять того, что видятъ подъ ногами, любопытствуютъ о глубинѣ неизслѣдимой, о безднѣ Божества непостижимой, и море непостижимое не страшитъ ихъ пускаться въ изслѣдованія о Создателѣ. Пусть же и еретикамъ скажетъ пророкъ: „да постыдятся еретики, сказало море“, подобно тому какъ онъ сказалъ: *усрамися, Сидоне, рече море* (Ис. XXIII, 4). Куда же, однако, собрались воды? Слушай. Когда Богъ сотворилъ землю, углубленій горъ еще не было; од-
448 новременно же съ тѣмъ, какъ Богъ сказалъ: *да соберется вода*, расторглась и земля и образовались впадины. Доказательствомъ того, что земля расторгнута, служатъ находящіеся по мѣстамъ острова и горы. Богъ для того и оставилъ эти острова и горы, чтобы ты зналъ, что сначала земля была соединена, а раздѣлило ее Божіе слово. *Да соберется вода*,—обнажилась земля. Надобно знать, что Богъ ни земли, называемой такъ теперь, не создалъ землею, ни имени такого ей не далъ, а первоначальнымъ названіемъ міроздапія было „суша“, какъ говоритъ Давидъ: *яко того есть море, и той сотвори е, и сушу руцѣ Его создасте* (Пс. XCIV, 5). Произошла суша, а названа землею, подобно тому какъ произошла твердь, а названа небомъ. Итакъ, когда воды раздѣлились, показалась суша, имѣя видъ увлажненной земли, такъ какъ воды только что удалились. Когда, такимъ образомъ, земля обнажилась, Творецъ повелѣваетъ: *да прораститъ земля биліе травное, сѣющее сѣмя по роду и по подобію, и древо плодовитое, ему же сѣмя его въ немъ по роду* и по подобію (Быт. I, 11).. Даже и это не устыжаетъ еретиковъ. Растеніе, деревья, трава рождаютъ по подобію, а Богъ родилъ неподобнаго? Равнымъ образомъ, при происхожденіи четвероногихъ, пресмыкающихся и птицъ Богъ гово-

ритъ: *да изведутъ воды гады душъ живыхъ, и птицы летающія по земли по роду* (ст. 20, 21). Звѣри, гады, птицы, рыбы, растенія, травы, деревья рождаютъ по роду и по подобію; и одинъ только Богъ родилъ неподобнаго? И насъ создавая, Богъ сказалъ: *сотворимъ человѣка по образу нашему и подобію* (ст. 26): дѣло—по подобію; а Творецъ—не подобенъ?

2. Но замѣть удивительную вещь. Нечестіе еретиковъ часто находитъ такую лазейку. Если, говорятъ, ты называешь Сына подобнымъ въ томъ же смыслѣ, что и насъ, то мы согласны. Но иное дѣло—подобіе по природѣ, иное—по благодати. Мы—по подобію, Тотъ—подобіе. *Видѣвый Мене, видѣ Отца* (Іоан. XIV, 9); а мы—по подобію. Рабамъ Божіимъ должно понять различіе выраженій. Богъ говоритъ: *да прораститъ земля быліе травное, и древо плодовитое творящее плодъ*; потомъ говоритъ: *да изведетъ земля четвероногая и звѣри* (Быт. I, 11, 24). Почему тамъ: *да прораститъ*, а здѣсь: *да изведетъ*? Растенія, деревья и плоды произрастаютъ каждый годъ, и такъ какъ сѣмена ихъ должны были оставаться въ землѣ и происходить непремѣнно изъ нея, то и говорится: *да прораститъ*. Относительно же животныхъ говорится: *да изведетъ* потому, что разъ порожденныя отъ земли они вновь раждаются уже не изъ земли, а по преемству другъ отъ друга. *Бысть тако*,—слово перешло въ дѣло, земля украсилась. Оставалось украсить и небо.

Почему же Богъ творитъ украшеніе земли раньше украшенія неба? По причинѣ имѣвшаго возникнуть многобожія и ложнаго почитанія солнца, луны и звѣздъ. *Рече Богъ: да будутъ свѣтила на тверди небеснѣй* (Быт. I, 14). Почему Богъ не создалъ солнца и луны въ первый день? Потому, что тогда не было еще тверди, на которой они должны были укрѣпиться. И не только по этой причинѣ, а и потому, что не было еще плодовъ, которые 449
должны были пользоваться теплотою,—плоды произрасли на третій день. Чтобы ты, опять, не подумалъ, что они произрасли дѣйствіемъ солнца, Богъ творитъ солнце, луну и звѣзды тогда уже, когда твореніе ихъ совершилось. Изъ чего Богъ сотворилъ ихъ? Мы сказали, что въ первый день Богъ сотворилъ все изъ небытія, а въ остальные дни творилъ изъ существовавшаго. Итакъ, откуда же солнце? Изъ свѣта, происшедшаго въ первый день; Создатель измѣнилъ его, какъ хотѣлъ, и превратилъ его въ различные виды; тамъ создалъ Онъ вещество свѣта, здѣсь—звѣзды. Подобно тому какъ изъ куска золота кто-нибудь чеканитъ монеты, такъ точно и Богъ располагаетъ свѣтъ, раздѣляя его на части. Подобно тому, какъ раньше Творецъ раздѣлилъ бездну, бывшую одной сплошной водой, на моря, рѣки, источники, озера, пруды,

такъ точно, разсѣкши и существовавшій одинъ и единообразный свѣтъ, Онъ раздѣлилъ его на солнце, луну и звѣзды. Желательно, далѣе, опредѣлить, какъ создалъ Богъ свѣтила? Повидимому, Онъ создалъ ихъ внѣ неба, и затѣмъ утвердилъ наверху. Подобно тому, какъ художникъ, когда окончитъ картину, прибиваетъ ее на стѣнѣ, также и Богъ предварительно создалъ свѣтила внѣ неба и затѣмъ уже, подобно художнику, утвердилъ ихъ вверху, какъ и свидѣтельствуетъ Писаніе: *и сотвори Богъ два свѣтила, и положи я* на небѣ (Быт. I, 16, 17). Какъ же Онъ утвердилъ ихъ? Не были ли оба они соединены вмѣстѣ? Это не согласно съ разумомъ. А что же? Утвержденіе совершилось сообразно слову самого Бога: положилъ, говорится, *Богъ свѣтила: свѣтило великое въ начала дне, и свѣтило меньшее въ начала нощи* (ст. 16). Солнце утвердилось на востокѣ, луна утвердилась на западѣ, поскольку послѣдняя получила повелѣніе начальствовать надъ ночью, а первое—надъ днемъ. Такъ произошла луна. И рождается она въ первый день полнолунною, потому что не слѣдовало творенію въ первый же моментъ являться въ ущербленномъ видѣ, а нужно было показать свѣтило такимъ, какимъ оно произошло. Послѣ же этого измѣненіями луны Творецъ показалъ сроки, времена и смѣну дней. Итакъ Богъ творитъ ее полною, какой она бываетъ въ пятнадцатый день. Солнце взошло утромъ, такъ что, когда утверждена была утромъ луна, она явилась на западѣ. Поэтому, когда солнце склонило свой бѣгъ къ западу, тотчасъ же начала подниматься луна, чтобы исполнить повелѣніе: да владѣютъ *днемъ и нощію* (ст. 18).

Послѣдній вопросъ. Почему Богъ создалъ луну полною? Слушай. Мысль трудная. Лунѣ, явившейся на четвертый день, слѣдовало свѣтить какъ четырехдневной. Но если бы она была четырехдневной, она не захватила бы края запада. Такимъ образомъ она оказалась имѣющею одиннадцать лишнихъ дней, сотворена четырехдневной, а являлась какъ пятнадцатидневная. На одиннадцать дней луна, такимъ образомъ, предваряла солнце,—не по творенію, а по свѣту. Вотъ почему эти лишніе дни, которые имѣла тогда луна, она и отдаетъ солнцу. Число дней, получающееся по обращенію луны каждый мѣсяцъ, двадцать девять съ половиной, въ двѣнадцать мѣсяцевъ года даетъ триста пятьдесятъ четыре дня, такъ какъ, если ты будешь считать мѣсяцъ въ двадцать девять съ половиной дней, то дней въ году будетъ триста пятьдесятъ четыре, такъ что слѣд. тѣ лишніе дни, которые тогда имѣла луна, она отдаетъ каждый годъ солнцу. Умѣющій считать—пусть подсчитаетъ.

450 8. *Да будутъ свѣтила на тверди небеснѣй, яко свѣтити по*

земли (Быт. I, 14, 15). Такъ какъ огонь по природѣ устремлялся вверхъ, то Богъ возлагаетъ на его природу узду, чтобы онъ посылалъ лучи не вверхъ, а внизъ. Огню свойственно стремиться не внизъ, а вверхъ. Когда ты держишь факелъ, оберни его внизъ, и ты увидишь, что, хотя ты и повернулъ орудіе, огонь все же устремляется вверхъ. Такъ какъ Богъ зналъ такую природу огня, то и наложилъ на него оковы, чтобы онъ свѣтилъ не сообразно съ своей природой, а согласно повелѣнію. Если кто изъ васъ наблюдалъ, смотря на свѣтильникъ, какъ поглощается огонь масломъ, то замѣчалъ, что онъ, какъ терпящій насиліе,— поскольку масло своей силой влечетъ огонь внизъ, а онъ по своей природѣ стремится вверхъ,—шипитъ,—огонь, если вынуждается идти вопреки своимъ свойствамъ, какъ терпящій насиліе, какъ идущій вопреки природѣ, производитъ шумъ. Стихія, когда съ ней происходитъ что-нибудь вопреки природѣ, поднимаетъ вопль. Но почему, когда ты льешь на огонь масло, онъ не шумитъ, а когда польешь воду, онъ трещитъ? И то—влага, и это—влага. Но такъ какъ масло рождается изъ дерева и питаетъ его маслина, а огонь всегда другъ дереву, то онъ охотно принимаетъ то, что происходитъ отъ сроднаго ему; когда же ты польешь на огонь воду, то онъ трещитъ, потому что борется съ противнымъ его природѣ. Огонь друженъ съ воздухомъ, потому что сроденъ ему. Подуй на свѣтильникъ, и воздухъ превратитъ огонь въ дымъ, его уже нигдѣ не будетъ видно, такъ какъ сродное убѣжало. Замѣчай мудрость Творца, замѣчай силу. Богъ положилъ свѣтила на небѣ, чтобы они свѣтили надъ землею. *И да будутъ*, говорится, *въ знаменія, и во дни, и въ лѣта* (ст. 14). Что значитъ: *въ знаменія?* Астрологи своими гаданіями, не имѣющими никакого основанія въ дѣйствительности, доказали тщетность своихъ надеждъ на астрологію. Что по звѣздамъ нельзя ничего опредѣлить относительно жизни человѣческой, объ этомъ свидѣтельствуетъ Исаія, говоря: *да станутъ звѣздочетцы небесе* и видящіе знаменія и скажутъ, *что имать* произойти (Ис. XLVII, 13). Относительно жизни человѣческой небо не даетъ никакихъ указаній. Хочешь знать, какія знаменія оно даетъ? Оно указываетъ на дожди, вѣтры, непогоду и ведро. Такія явленія звѣзды показываютъ,—и это по человѣколюбію Божію, чтобы мореплаватель, видя знаменіе, избѣгалъ опасности, чтобы земледѣлецъ, зная время наступленія зимы, заблаговременно обработывалъ землю. Бываютъ знаменія войны и мира. Эти простыя и легко понятныя знаменія утвердилъ и Спаситель, когда говорилъ іудеямъ: лицемѣры, когда вы видите облако, поднимающееся съ запада, говорите: зима будетъ; и бываетъ такъ; и когда видите вечеромъ багровое небо, говорите: ведро; и бываетъ ведро; и когда

видите вечеромъ небо покрытымъ облаками, говорите: будетъ ненастье,—и прибавляетъ далѣе: лицо неба и земли распознавать умѣете, а времени сего не можете узнать (Лук. XIII, 54—56; Матѳ. XVI, 2—4)? Такія знаменія лѣта, зимы, дождя, хорошей погоды, можно наблюдать безъ опасности; они и благочестію не чужды и Богу не противны. Много можно бы сказать относительно астрологіи, но для этого нужно было бы имѣть и болѣе сильный голосъ, и неутомимый языкъ, потому что мысль идетъ вмѣстѣ съ словомъ и умъ слабѣетъ вмѣстѣ съ языкомъ. Обра-
451 тимся, поэтому, къ вопросамъ болѣе простымъ. *Да будутъ въ знаменія и во времена*. Иное—время (χρόνος) и иное—пора (καιρὸς). Время есть продолжительность (срокъ), пора—благопріятное время. Никто не говоритъ: „срокъ жать", никто не говоритъ: „срокъ выдавать дѣвицу за мужъ"; а говорятъ: „пора выдавать дѣвицу, пора посѣва, пора жатвы". Такъ и Соломонъ говоритъ: *время* (καιρὸς—пора) *раждати и время умирати, и время созидати и время разрушати* (Еккл. III, 2, 3), называя порою благопріятное время. На эти-то времена и указываютъ звѣзды; напримѣръ, восходъ Плеядъ указываетъ начало лѣта, заходъ Плеядъ—начало жатвы [1]). Для нечестія это чуждо, но съ благочестіемъ согласно. Временами называются (καιροί) также праздники Божіи. *Три времени лѣта*, говоритъ Богъ, празднуйте Мнѣ: праздникъ опрѣсноковъ, праздникъ пятидесятницы и праздникъ кущей (Втор. XVI, 16). Три времени. Вотъ знаменія и времена. Равнымъ образомъ, луна даетъ счетъ днямъ недѣли и мѣсяца; солнце блюдетъ перемѣны года—весну, равноденствіе, лѣто, осень. Законы пребываютъ незыблемо. Сказалъ Богъ—и они утвердились; повелѣлъ—и основались. Обрати еще вниманіе на слѣдующее. Кто зиждитель этого? Кто это создалъ? Отецъ? Никто не возражаетъ. Сынъ? Соглашаются и еретики, хотя думаютъ неправильно: они говорятъ именно, что Отецъ создалъ Сына, а Сынъ—все. Согласиться ли съ нечестивой мыслью? Такъ какъ умъ еретиковъ давятъ несокрушимыя узы, то спросимъ пророковъ: есть ли кто-нибудь больше Создавшаго все, или Онъ выше всего? Увидимъ, что еретиковъ поражаетъ собственное же ихъ положеніе.

4. Они говорятъ, что все сотворилъ Сынъ, а Его—Отецъ. Жалко намъ еретиковъ за богохульство. Поистинѣ трепещешь повторять слова еретиковъ. Но, подражая врачамъ, коснемся рукою ранъ, чтобы очистить гной. И апостолъ вынужденъ былъ упоминать о предметахъ постыдныхъ,—не для того, чтобы осквер-

---

[1]) Плеяды—созвѣздіе изъ семи звѣздъ (въ знакѣ тельца), восходящее (въ Греціи) въ маѣ и заходящее въ началѣ ноября.

нить языкъ, а чтобы очистить отъ грѣховъ. Говорятъ, что все создалъ Сынъ, а Его—Отецъ. Вопрошу пророковъ, кто и каковъ Тотъ, кто сотворилъ небо. Исаія пророкъ говоритъ: сіе *глаголетъ Господь, сотворивый небо и водрузивый е, утверждей землю и яже на ней, даяй дыханіе людямъ, иже на ней, и духъ ходящимъ на ней.* Азъ Господь (Ис. XLII, 5, 6). Прежде Меня нѣтъ Бога, и послѣ Меня нѣтъ. Азъ есмь, и нѣтъ иного (Ис. XLIII, 10, 11). Это говоритъ Создавшій небо и землю, Единородный, который, по мнѣнію еретиковъ, сначала произошелъ и потомъ уже создалъ. Но въ словахъ устъ своихъ *увязе грѣшникъ* (Пс. IX, 17). Блаженный Іеремія говоритъ: *тако рцыте.* Кому? Эллинамъ: *бози, иже небесе и земли не сотвориша, да погибнутъ отъ земли* (Іерем. X, 11). Господь, Который сотворилъ небо *разумомъ* (Пс. CXXXV, 5), сей—Богъ живый и истинный. Если же Тотъ, кто сотворилъ, небо, есть истинный Богъ, а еретики соглашаются, что Сынъ есть Творецъ неба и земли, то можетъ ли быть какой-либо споръ, когда Христосъ говоритъ: *да знаютъ Тебе единаго истиннаго Бога, и Его же послалъ еси Іисусъ Христа* (Іоан. XVII, 3)? Когда Спаситель говорилъ такъ черезъ пророковъ, или самъ говорилъ эти слова: *да знаютъ Тебе единаго Бога,* то говорилъ это не для сравненія ложно- 452
именуемыхъ боговъ съ Отцемъ, а въ противоположность имъ. Потому и Павелъ говоритъ: *обратистеся отъ идолъ, работати Богу живу и истинну* (1 Өесс. I, 9). Онъ называетъ Бога истиннымъ, чтобы обличить ложныхъ,—живымъ, чтобы выставить на позоръ мертвыхъ идоловъ. Я думаю, даже болѣе—вѣрю, что и умершіе негодуютъ на насъ, если слышатъ, что мы называемъ идоловъ мертвыми. Вы оскорбляете, сказали бы они, наше состояніе: мертвыми называемся мы, которые нѣкогда жили; зачѣмъ же называются мертвыми никогда не жившіе? *Бози, иже небесе и земли не сотвориша, да погибнутъ* (Іер. X, 11). Господь, Который сотворилъ *небеса розумомъ* (Пс. CXXXV, 5), тотъ Богъ живой и истинный. Кто живой? Сотворившій небо. Состоятельны ли опредѣленія еретиковъ? Не падаетъ ли ихъ нечестіе? Не изобличается ли ихъ богопочтеніе? Не ниспровергается ли ихъ невѣжество? Ты не въ силахъ постичь дѣлъ Творца, а любопытствуешь и изслѣдуешь Зиждителя. Что воспѣваетъ Давидъ? *Яко возвеличишася дѣла твоя, Господи! Вся премудростію сотворилъ еси* (Пс. CIII, 24). Пророки величаютъ дѣла, еретики уничижаютъ Создателя. Богъ—великій совѣтомъ, сильный дѣлами, утвердившій небо изъ водъ. Не перестану говорить объ этомъ чудѣ. Небо утверждено изъ водъ, и носитъ воду; утверждено изъ водъ, и носитъ бездну. Укажу тебѣ подобіе этого необычайнаго чуда. Видѣлъ ты, какъ доски носятся водою и сверху носятъ снѣгъ?

Зима сдѣлала это, а Богъ не можетъ сдѣлать? Богъ сотворилъ небо не въ видѣ шара, какъ философствуютъ суесловцы; Онъ сотворилъ его не вращающимся шаромъ. Солнце, по словамъ пророка какъ ходитъ? *Поставивый небо яко камару, и простеръ яко скинію* (Ис. xl, 22). Никто изъ насъ не настолько нечестивъ, чтобы повѣрить суесловамъ. Пророки говорятъ, что небо имѣетъ начало и конецъ. Потому и солнце не восходитъ, а идетъ. Писаніе говоритъ: *солнце взыде* (ἐξῆλθεν—вышло) *надъ землею* и *Лотъ внидe въ Сигоръ* (Быт. xix, 23). Ясно, что солнце, по Писанію, вышло (ἐξῆλθεν), а не взошло (ἀνῆλθεν). Говорится также: *отъ края небесе исходъ его* (Пс. xviii, 7), не восходъ. Если небо шаровидно, то не можетъ имѣть края, потому что круглое гдѣ имѣетъ край? Но одинъ ли только Давидъ говоритъ? Не говоритъ ли того же и Спаситель? Слушай Его слова: „когда придетъ Сынъ человѣческій во славѣ своей, пошлетъ ангеловъ своихъ съ трубою и гласомъ великимъ, и соберутъ и избранныхъ Его отъ края неба до края неба“ (Матѳ. xxiv, 31).

5. Но, спросимъ, куда погружается солнце и гдѣ оно бѣжитъ ночью? По мнѣнію язычниковъ—подъ землею; по нашему же мнѣнію,—разъ мы считаемъ небо шатромъ,—гдѣ? Внимай, прошу, ложна ли наша рѣчь. Если ты имѣешь твердо засвидѣтельствованный знакъ истины, то способъ выраженія долженъ указывать и мѣсто. Представь лежащій сверху сводъ. Востокъ, вообразимъ, находится тамъ, сѣверъ—здѣсь, югъ—тамъ, западъ тамъ. Когда взошедши солнце собирается зайти, оно погружается не подъ землю, а, выйдя за предѣлы неба, бѣжитъ въ сѣверныя страны, и скрывается за ними какъ бы за стѣной, потому что
453 воды не позволяютъ видѣть его теченіе. Пробѣжавъ сѣверную сторону, оно достигаетъ востока. Откуда это видно? Въ Екклесіастѣ, книгѣ подлинной, не подложной, Соломонъ говоритъ: *восходитъ солнце и заходитъ солнце*. Восходя, *идетъ* къ западу *и обходитъ къ сѣверу, обходитъ окрестъ, и въ мѣсто свое* восходитъ (Екк. i, 5, 6). Да будетъ тебѣ извѣстно, что солнце склонено бываетъ къ югу и обходитъ сѣверъ во время зимы. Такъ какъ оно восходитъ не съ середины востока, а начинаетъ путь ближе къ южной сторонѣ и проходитъ небольшое пространство, то дѣлаетъ короткимъ день, а такъ какъ послѣ захода опять пробѣгаетъ кругъ, то дѣлаетъ длинною ночь. Мы знаемъ, братіе, что солнце не всегда выходитъ изъ одного и того же пункта. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, происходятъ короткіе дни? Приближается мѣсто восхода солнца къ странѣ юга; здѣсь оно, затѣмъ, поднимается на незначительную высоту, сокращаетъ кривую линію пути, и дѣлаетъ такимъ образомъ день короткимъ. Погрузившись же въ

самый край запада, оно должно обойти въ теченіе ночи весь западъ, весь сѣверъ и весь востокъ и придти къ самому краю юга; естественно, ночь дѣлается длинной. Когда длина пути становится равной, солнце производитъ равноденствіе. Обратно, уклонившись къ сѣверу, подобно тому какъ зимой къ югу, и восходя у самаго края сѣвера, солнце поднимается высоко и дѣлаетъ день длиннымъ. Не эллины научили насъ этому, они не хотятъ признавать этого, и говорятъ, что звѣзды и солнце бѣгутъ подъ землю. Наше Писаніе, божественный учитель, Писаніе учитъ и просвѣщаетъ насъ. Итакъ, Богъ сотворилъ солнце—не прекращающееся свѣтило, луну—то снимающую свой уборъ, то опять облекающуюся въ него. Созданіе отображаетъ Зиждителя. Неисчерпаемъ Зиждитель, вѣчно созданіе. Свѣтъ луны не уничтожается, а скрывается. Въ этомъ случаѣ луна является и образомъ насъ, смертныхъ людей. Подумай, сколько вѣковъ восходитъ она. Въ первый день, какъ она появляется, мы говоримъ: „сегодня раждается луна". Почему? Потому, что она есть образъ нашихъ тѣлъ. Она родится, возрастаетъ, становится полной, ущербляется, умаляется, исчезаетъ; такъ и мы раждаемся, возрастаемъ, приходимъ въ полный возрастъ, отцвѣтаемъ, слабѣемъ, старѣемся, умираемъ, исчезаемъ. Но луна снова раждается; такъ точно и мы имѣемъ воскреснуть, и насъ ждетъ другое рожденіе. Поэтому и Спаситель, желая показать, что мы родимся снова, подобно тому какъ родились здѣсь, говоритъ: „когда придетъ Сынъ человѣческій въ пакибытіи" (Матѳ. XIX, 28). Луна даетъ удостовѣреніе воскресенія. Вы видите, говоритъ она, какъ я скрываюсь и снова являюсь, и отчаиваетесь въ своихъ надеждахъ? Не ради ли васъ создано солнце? Не ради ли васъ луна и все существующее? Чтó только не удостовѣряетъ вамъ воскресенія? Ночь не есть ли образъ смерти? Когда тѣла покрыты мракомъ, ты не различаешь внѣшняго вида? Часто ты ощупываешь рукою лица спящихъ, и не знаешь, чье это, чье то, а спрашиваешь, чтобы голосъ указалъ тебѣ тѣхъ, которые скрыты во мракѣ. Подобно тому какъ ночь скрываетъ нашъ внѣшній видъ, такъ что никто не узнаетъ другого, хотя всѣ мы находимся въ одномъ мѣстѣ, такъ точно приходитъ смерть и разрушаетъ внѣшній видъ, такъ что никто никого не можетъ узнать. Если ты, проходя мимо могилъ, увидишь въ гробу нѣсколько череповъ, то узнаешь ли, чьи они? Но создавшій знаетъ; Тотъ, кто разрушилъ, знаетъ, откуда произошли эти формы. Не удивляешься ли творенію Божію, что въ 454
стольких миріадахъ формъ нѣтъ ни одной вполнѣ сходной. Хотя бы ты прошелъ до концовъ земли, ты не найдешь ни одного лица вполнѣ сходнаго съ другими, а если и встрѣтишь по-

хожее, то все же оно будетъ отличаться или носомъ, или глазами, чтобы явно было дивное дѣло. Близнецы выходятъ изъ одной утробы и не похожи вполнѣ одинъ на другого.

6. Итакъ тотъ, кто далъ бытіе столькимъ несуществовавшимъ формамъ, развѣ не можетъ по разрушеніи возстановить ихъ вновь? Не измѣряй силы Божіей по своимъ соображеніямъ, какъ слабый человѣкъ. Не думай, что Богъ можетъ сдѣлать только то, что ты можешь помыслить. Если Онъ можетъ сдѣлать только то, что́ я мыслю, то я смѣло могу сказать, что Богъ гораздо меньше мысли, потому что моя мысль Его измѣрила. Но Онъ превосходитъ мысль и побѣждаетъ разумъ; неизслѣдимъ Творецъ и непостижимы дѣла. Пусть спросятъ еретиковъ о видимомъ, чтобы они познали свое невѣжество. Богъ сказалъ: *да будетъ твердь*, и слово тотчасъ же совершило дѣло, ставшее для насъ удостовѣреніемъ того, что Онъ именно сотворилъ. Сегодня съ вечера мы оставляемъ небо чистымъ, а пробуждаясь утромъ, находимъ другую твердь, утвержденную изъ облаковъ. Когда ты видишь пасмурное небо и другую твердь изъ облаковъ, ты находишь въ этомъ частичныя подтвержденія того, что было въ началѣ. Собирающій теперь мгновенно облака показываетъ, какъ Онъ тогда создалъ мгновенно небо. И что Онъ дѣлаетъ? Какъ даютъ облака дождь? Онъ создаетъ облака на подобіе мѣховъ, черпаетъ ими горькія воды моря, наполняетъ облака, измѣняетъ воду и орошаетъ землю. Пусть еретики скажутъ, какъ тяжесть уносится въ высоту, какъ черпается вода, какъ опоражниваются облака? Они не тотчасъ же дѣлаются пустыми, а долгое время бѣгутъ, пока не повелитъ Владыка; повелѣніе Бога лежитъ подобно узамъ на облакахъ и не дозволяетъ имъ испускать дождь, пока не изволитъ Богъ.

А что облака — мѣхи, свидѣтельствуетъ Давидъ: *собирай*, говоритъ, *яко мѣхъ воды морскія* (Пс. XXXII, 7). И замѣть дивное дѣло. Безсмертная незримая рука собираетъ воды и связываетъ ихъ, не дозволяя имъ излиться заразъ, а—по частямъ. Подобно тому какъ женщина, соткавъ тонкую основу, раздѣляетъ шерсть на множество нитокъ, такъ и Богъ раздѣляетъ безмѣрную глубину моря на капли, какъ бы на нити, и въ такомъ видѣ посылаетъ землѣ. Но что удивительно: если она свободна, какимъ образомъ не изливается мгновенно? Если связана, почему изливается? Итакъ, ты имѣешь хоть и слабый примѣръ, но достаточный, чтобы увѣрить тебя. Видишь похитителя водъ? Видишь, какъ онъ просверлилъ снизу? Находясь наверху, онъ содержитъ обиліе водъ и снизу замыкается тѣмъ, что лежитъ выше. Такъ безсмертный перстъ Божій лежитъ на облакахъ, выпуская, сколько

хочетъ, и сохраняя, сколько хочетъ, дабы распространить даръ по всей землѣ. И особенно дѣлаетъ это во время позднихъ дождей, когда напаяетъ всю землю, когда орошаетъ то одну сторону, то другую. Потому и пророкъ говоритъ: и надождитъ *на единъ градъ, а на* градъ *единъ* не надождитъ. *Часть едина надождитъ, и часть, на нюже* не надождитъ, *изсхнетъ* (Амос. IV, 7). Лежитъ впрочемъ не перстъ Божій, а повелѣніе. Я употребилъ образное выраженіе, примѣняясь къ нашему способу рѣчи. Богъ повелѣваетъ, и облака не даютъ дождя. И объ этомъ говоритъ Писаніе: *облакомъ,* говоритъ, *запоетмъ, еже не одождите дождя* (Ис. V, 6). *Яко возвеличишася дѣла твоя, Господи! Вся премудростію сотворилъ еси* 455
(Пс. CIII, 24). Видишь дѣло творенія Божія? Видишь, какъ оно замыкаетъ уста еретиковъ, не знающихъ творенія и любопытствующихъ о Творцѣ? Все повинуется закону Бога. Небо стоитъ, носимое не собственною силою, а утвержденное божественными законами. Когда я недоумѣваю, какъ утверждено небо изъ водъ, мое недумѣніе разрушаетъ блаженный Давидъ, говоря: *словомъ Господнимъ небеса утвердишася* (Пс. XXXII, 6). Почему *утвердишася?* Потому что они изъ водъ. О твердомъ никогда не говорится, что оно утвердилось; никто не скажетъ: „скала утвердилась". Иное—утвердиться, иное—быть твердымъ. Утвердившимся называется то, что изъ разрѣженнаго и размягченнаго стало твердымъ. Вотъ почему Петръ, когда исцѣлилъ разслабленнаго, говоритъ: *мужіе Израильтяне, что чудитеся о семъ, или на ны что взираете, яко своею ли силою и благочестіемъ сотворихомъ его ходити? Богъ отецъ нашихъ, Богъ Авраамовъ и Исааковъ и Іаковль прослави отрока своего Іисуса; и о вѣрѣ имене его сего, его же видите и знаете, утверди имя его* (Дѣян. III, 12, 13, 16),—утвердило разслабленнаго. Вотъ почему *словами Господними небеса утвердишася* (Пс. XXXII, 6). Изъ рѣдкихъ и разлученныхъ водъ словомъ Господнимъ облака поднимаются въ вышину. Обрати, прошу, вниманіе вотъ на что. Горькая вода измѣняется; облака черпаютъ воду изъ моря, и почерпнувъ изъ глубины горькую, дѣлаютъ сладкою и годною для питья. Изъ глубины бездны воздвигъ насъ Христосъ, и мы не отлагаемъ своей горечи.

Кто есть сотворившій небо и землю? Я говорю, что Христосъ. Откуда это видно? Если бы Онъ не былъ Владыкою всего, то Онъ не сотворилъ бы чудесъ надъ всѣми твореніями, о которыхъ говорится въ Евангеліи. Христосъ совершилъ чудеса надъ всѣми стихіями — надъ землею, надъ моремъ, надъ воздухомъ, надъ огнемъ, дабы показать, что Онъ Владыка всѣхъ твореній. Присоединился къ свѣту дня свѣтъ вечерній: сіяетъ солнце и свѣтитъ свѣтильникъ. Конецъ дня и начало ночи. Ты же, когда

видишь солнце и свѣтильникъ, говори: *твой есть день и твоя есть нощь; ты совершилъ еси зарю и солнце* (Пс. LXXIII, 16). Но появленіе свѣтильниковъ не прерываетъ слова. Солнце должно шествовать по своему повелѣнію (потому что *солнце позна западъ свой* (Пс. CIII, 19), дабы было показано, что Христосъ есть Владыка всего творенія. Объ этомъ возвѣщаетъ Іоаннъ, говоря: *вся Тѣмъ быша, и безъ Него ничтоже бысть, еже бысть* (Іоан. I, 3). Но нужно было, чтобы Онъ сіялъ не только словомъ, но и дѣломъ. Онъ говоритъ морю: *молчи, престани* (Марк. IV, 39), и оно умолкло, и дѣло познало Зиждителя. Онъ сказалъ морю, и замолкло; сказалъ вѣтру, и пересталъ. Если бы они не послушались, это значило бы, что Онъ не сотворилъ ихъ. Если бы Онъ не былъ Владыкой воды, не претворилъ бы воды въ вино. Если бы не былъ Владыкою неба, не возвѣстила бы о Немъ небесная звѣзда. Если бы не былъ Владыкою солнца, оно не погрузилось бы во мракъ во время распятія. Христосъ на крестѣ, и солнце омрачилось. О, чудо! И тварь не вынесла поруганія Владыки. Омрачилось солнце, дабы ты зналъ, что Христосъ и на самомъ крестѣ Владыка солнца. Потряслась земля, дабы ты зналъ, что о Христѣ говорилъ Давидъ:
456 *призираяй на землю и творяй ю трястися* (Пс. CIII, 32). Разсѣлись скалы, дабы ты зналъ, о комъ сказалъ пророкъ: *ярость его растаеваетъ власти, и каменіе сотрошася отъ него* (Наум. I, 6). Отверзлись гробы, дабы явлено было воскресеніе и чрезъ все возсіялъ воскрешающій мертвыхъ Богъ.

7. Однако пора намъ сдѣлать и нравственное примѣненіе. Свѣтильникъ побуждаетъ насъ сказать: *свѣтильникъ ногама моима* слово твое *и свѣтъ стезямъ моимъ* (Пс. CXVIII, 105). Насталъ вечеръ, чтобы мы говорили: *да исправится молитва моя, яко кадило предъ тобою, воздѣяніе руку моею жертва вечерняя* (Пс. CXL, 2). Почему не утренняя? Обрати на это вниманіе, такъ какъ мы должны знать, что поемъ. Давидъ говоритъ: *пойте разумно* (Пс. XLVI, 8). *Воздѣяніе руку мое жертва вечерняя.* Моисей, а лучше сказать, Богъ повелѣлъ совершать двѣ жертвы—одну утреннюю, другую—вечернюю, Утренняя была благодареніемъ за ночь, такъ какъ проведшій благополучно ночь благодаритъ днемъ. Вечерняя жертва была благодареніемъ за день. Такъ какъ Ты, говоритъ Давидъ, сохранилъ меня въ теченіе дня, то я благодарю Тебя за весь день. Утренняя жертва не принимаетъ согрѣшившаго въ теченіе ночи. Потому Давидъ и говоритъ: *воздѣяніе руку мое жертва вечерняя.* Когда наступаетъ вечеръ, то воздѣваешь руки. Если онѣ имѣютъ дерзновеніе, пусть воздѣваются. Если онѣ не написали неправды, если не ограбили бѣдныхъ, если не обидѣли сирыхъ, пусть онѣ, какъ бы имѣя лицо, устремляются вверхъ. *Воздѣяніе руку мое—*

говорится вмѣсто: „смотри, Господи, чисты руки“. Какъ согрѣшившій не смѣетъ поднять лица и вынуждается совѣстью склонять его, такъ и оскверненная рука не смѣетъ обратиться къ Богу. Смотри: если руки чисты отъ неправды, пусть воздѣваются. Вотъ почему патріархъ Авраамъ отказался отъ постыдной корысти, когда царь Содомскій говорилъ ему: возьми все, только женщинъ отпусти (Быт. XIV, 21). Чтобы имѣть дерзновеніе, онъ ничего не взялъ, и, имѣя руки чистыя, говорилъ: *воздвигну руку мою къ Богу, иже сотвори небо и землю* (ст. 22), и простеръ, такъ какъ онѣ не были осквернены неправедною корыстью. *Воздѣяніе руку моею.* Эти слова: *воздѣяніе руку моею* изъясняетъ Павелъ: *хощу убо, да молитвы творятъ мужіе на всякомъ мѣстѣ, воздѣюще преподобныя руки безъ гнѣва и размышленія* (I Тим. II, 8). Вечеръ требуетъ отъ насъ вечернихъ дѣлъ. Ты простираешь руки; испытываетъ Зиждитель. Наступаетъ утреннее время; и если у тебя рука и умъ не чисты, то ты на утреннее время не смѣешь и взглянуть. Опытъ—учитель. Подумай, съ какою смѣлостью входитъ, какъ бы въ свой собственный домъ, тотъ, кто остается чистымъ. Смѣлость въ ранній часъ даетъ ему цѣломудріе во время ночи. Вотъ почему Давидъ говоритъ: *аще поминахъ тя на постели моей, на утреннихъ поучахся въ тя* (Пс. LXII, 7). Благодарю Бога; знаю, что слабый нашъ голосъ укрѣпило слово Божіе не ради нашего достоинства, а ради вашего желанія. Будемъ же въ истинѣ сердца молиться о томъ, чтобы имѣть миръ и дерзновеніе въ утренній часъ, избѣгать безумія еретиковъ, хранить православную вѣру и возсылать славу Отцу и Сыну и Святому Духу, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

ЕГО ЖЕ БЕСѢДА О ЧЕТВЕРТОМЪ ДНѢ ТВОРЕНІЯ. 457

1. Вчерашній день ради вашихъ молитвъ и вашего усердія благодать Божія укрѣпила нашъ слабый голосъ. Наученный этимъ опытомъ, что̀ можетъ сдѣлать усердіе и ревность по благочестію, опять обращаюсь къ вамъ за помощью, опять прошу о дарованіи ради васъ той же благодати. Если Павелъ, избранный сосудъ, имѣвшій въ себѣ глаголавшаго Христа, управляемый Духомъ Святымъ, просилъ у слушателей поддержки молитвой, говоря: братіе, молитесь о̀ мнѣ, *да дастся ми слово во отверзеніе устъ моихъ* (Еф. VI, 19), то насколько болѣе мы, смиренные и ничтожные, должны просить вашего содѣйствія, чтобы разрѣшились узы языка и отверзлось свободное слово, чтобы сама божественная благодать охранила и голосъ отъ препятствій и даровала обиліе мыслей,—не для того, чтобы только одинъ проповѣд-

никъ получилъ пользу отъ божественныхъ благъ, а чтобы онъ черпалъ небесное сокровище вмѣстѣ съ вами. Теперь продолжимъ рѣчь о твореніи. Какъ Моисей изложилъ исторію творенія въ порядкѣ и послѣдовательности, такъ и намъ, думаю, подобаетъ, излагая въ порядкѣ одно за другимъ, присоединяя къ предыдущему дальнѣйшее, ясно отдѣлить одно отъ другого, чтобы дать вамъ изъясненіе не спутанное. Утверждено было небо, водружена твердь, отдѣлено море, обнажена была земля и покрыта разными плодами, растеніями, деревьями, источниками,— словомъ, украсилась всѣмъ, чѣмъ подобало, такъ какъ то, что произрасло изъ нея, не было чѣмъ-нибудь однообразнымъ, а было многовидно и разнообразно. Одни произведенія украсили самую землю, другія явились на пищу людямъ и животнымъ, третьи— чтобы служить на пользу тѣмъ же людямъ. Перечислять эти разнообразныя произведенія земли въ настоящую минуту мы не будемъ, чтобы не утомить вашего слуха пространною рѣчью. Получило и небо свое украшеніе. Наконецъ Богъ приступаетъ къ водамъ и повелѣваетъ имъ произвести душу живую. Великій и всемудрый Творецъ все создалъ свободнымъ повелѣніемъ и святымъ Словомъ. Эту вещей истину вы знаете отъ самой истины Слова, когда слышите Его говорящимъ: да соберутся воды,—и тотчасъ же за словомъ слѣдуетъ дѣло, или — опять: *да изведетъ земля, да изведутъ воды, да будутъ свѣтила*. Но чтобы пересказать теперь все, что создано Словомъ, потребовалось бы много времени. Потому, оставивъ древнее твореніе, перейдемъ къ тому, что создано Словомъ въ Новомъ Завѣтѣ. Оно, какъ говоритъ Іоаннъ, сотворило и все древнее и создало новое: *вся Тѣмъ быша и безъ Него ничтоже бысть* (Іоан. 1, 3). Сможетъ ли какое слово повѣдать объ этомъ подробно? Но будемъ держаться послѣдовательности. Итакъ, этотъ всемудрый Творецъ, какъ мы раньше сказали, что́ сотворилъ первымъ, то прежде и украсилъ, что́ соз-
458 далъ вторымъ, второму далъ и украшеніе; подобнымъ же образомъ и третьему и четвертому и всему дальнѣйшему по порядку творенія давалъ и украшеніе. Съ какою же цѣлію Онъ такъ дѣлалъ? Можетъ быть, Онъ хотѣлъ научить насъ почитать предѣлы стихій и признавать порядокъ? Итакъ, Онъ сотворилъ, во-первыхъ, горнее небо, во-вторыхъ, землю, въ-третьихъ, твердь, въ-четвертыхъ, отдѣлилъ воды. Что прежде сотворилъ, то прежде и украсилъ. Какъ же,—скажетъ какой-нибудь болѣе строгій слушатель,—Богъ украсилъ первою землю, когда она создана второю? Если такой слушатель вздумаетъ обличать меня въ противорѣчіи собственнымъ словамъ, то нужно ему отвѣтить, что въ данномъ случаѣ ничего противорѣчиваго нами не сказано; на-

противъ, рѣчь наша вполнѣ согласна сама съ собою, потому что земля украшена была ранѣе этой тверди, созданной послѣ горняго неба, и получившей свое бытіе на второй день. Нужно было соблюсти порядокъ старшинства. Когда Богъ украсилъ землю растеніями и плодами, когда украсилъ небо солнцемъ, луною и хоромъ звѣздъ, тогда Онъ перешелъ къ водамъ. Что же говоритъ бытописатель? *И рече*, говоритъ, *Богъ: да изведутъ воды гады душъ живыхъ, и птицы летающыя по земли, по тверди небеснѣй* (Быт. I, 20). Смотри, какъ Слово Бога приводитъ изреченія въ дѣйствія и превращаетъ изреченія въ дѣла. Смотри, какъ слоги и краткія слова исполнены божественной силы. *Да изведутъ воды.* Слово Божіе есть дѣло. Я думаю, что дѣла предупреждали слово; могущество было быстрѣе изреченій. Слово еще не было сказано, а дѣло получило уже свое устроеніе. И что удивительно,—каждую изъ стихій Богъ устроялъ двояко. Тверди Онъ далъ свѣтила и влагу. Равнымъ образомъ и польза свѣтилъ, въ свою очередь, разнообразна, какъ ясно видно и изъ самыхъ словъ Писанія. Объ этомъ мы сказали уже, по мѣрѣ силъ, хотя и не сообразно съ достоинствомъ предмета, раньше, когда изъясняли вамъ тѣ слова Писанія. Говорить о томъ же опять въ настоящее время было бы безполезно.

2. Землѣ Богъ далъ сѣмена и растенія, водамъ — рыбъ и птицъ. *Да изведутъ воды гады душъ живыхъ и птицы летающыя.* Гадами Богъ называетъ рыбъ, такъ какъ онѣ скорѣе ползаютъ, чѣмъ ходятъ. Потому и блаженный Давидъ вслѣдъ за Законодателемъ говоритъ: *сіе море великое и пространное: тамо гади ихже нѣсть числа* (Пс. CIII, 25). Чудное дѣло, чудное повелѣніе, чудное слово обѣтованія! Почему [далъ Онъ такое повелѣніе]? Какъ Творецъ всяческихъ Онъ имѣетъ предъ глазами и прошедшее, и настоящее, и будущее, и видитъ такъ, какъ мы не видимъ даже находящагося предъ глазами. Итакъ, поелику Онъ имѣлъ даровать міру жизнь впервые чрезъ воды, то и повелѣваетъ прежде всего водамъ произвести живородную природу, чтобы ты зналъ, откуда корень жизни. Когда я вижу, какъ выходятъ изъ святыхъ водъ просвѣщенные, какъ они приступаютъ къ крещенію со многими пороками подобно гадамъ, а выходятъ съ жизнью вѣчной,—вижу Законодателя, который говоритъ: „да изведутъ воды тѣхъ, которые были нѣкогда гадами, нынѣ—какъ душу живую“. Откуда это можетъ быть видно намъ? Изъ того, что приступающіе къ купели называются за прежніе грѣхи именемъ гадовъ. Многіе пришли къ крещенію Іоаннову, и Іоаннъ говоритъ пришедшимъ: змѣи, *рожденія ехиднова, кто сказа вамъ бѣжати отъ* 459
будущаго гнѣва (Матѳ. III, 7). Смотри, — когда душа, прожившая

долгіе годы въ нечестіи, приступаетъ ко крещенію, и выходитъ свободною отъ нечестія, то не сіяетъ ли самымъ дѣломъ Владычній гласъ, говорящій: *да изведутъ воды гады душъ живыхъ и птицы летающыя?* Подлинно, спасаемый получаетъ двойную благодать: и оживотворяется душой, и окрыляется подобно птицѣ, воспаряетъ въ небесные своды, дѣлается сожителемъ ангеловъ и занимаетъ мѣсто на ряду съ небесными чинами. *И птицы летающія по земли, по тверди небеснѣй. По земли*—тѣломъ, на небесахъ—образомъ жизни. Изъясняемъ такъ не потому, что понимаемъ слова какъ аллегорію, а потому, что усмотрѣли это въ самой исторіи. Иное дѣло насильно превращать исторію въ аллегорію, иное—сохранить и исторію, и придумать высшій смыслъ. Бытописатель, желая показать, что гадами называетъ пернатыхъ птицъ, бывшихъ въ морѣ, прибавилъ: *и сотвори Богъ киты великія, и всяку душу* живую *гадовъ, яже изведоша воды, и птицу пернату* (Быт. I, 21). Развѣ можетъ быть не пернатая птица? Что за нужда была говорить: *всяку птицу пернату?* Летать (πετᾶσθαι) означаетъ тоже, что простирать руки. Можно летать и руками, какъ говоритъ пророкъ: *простроxъ* (ἐξεπέτασα) *руцѣ мои весь день къ людемъ не покаряющымся и противу глаголющымъ* (Пс. LXV, 2), не потому, чтобы руки имѣли крылья, а потому, что летать—значитъ простираться. Поэтому и пресмыкающееся—птица, поскольку оно ползетъ и простирается, почему и Давидъ говоритъ: *гади и птицы пернаты* (Пс. CXLVIII, 10). Итакъ *сотвори Богъ киты великія*, то есть великихъ морскихъ драконовъ,—другіе переводчики говорятъ: „сотворилъ Богъ драконовъ великихъ", не „киты", а „драконовъ". Прежде дракона не сотворено ни одного морского животнаго. Вотъ почему Давидъ говоритъ: *хвалите Господа отъ земли, зміеве и вся бездны* (Пс. CXLVIII, 7), и въ другомъ мѣстѣ: *сіе море великое и пространное; тамо гади ихже нѣсть числа; животная малая съ великими; тамо корабли преплаваютъ. Змій сей, егоже создалъ еси ругатися ему* (Пс. CIII, 25—26). Въ другомъ мѣстѣ, желая показать, что существуетъ не одинъ, а много драконовъ, говоритъ: *ты стерлъ еси главы зміевъ въ водѣ* (Пс. LXXIII, 18). Итакъ, *сотвори киты великія. И видѣ Богъ, яко* вся *добра* (Быт. I, 21). Почему Богъ сказалъ: *добра?* Можетъ быть, хорошо по причинѣ множества? Но когда Богъ сотворилъ звѣзды, солнце и луну, то говорится: *видѣ Богъ яко добро*, хотя созданій было и много. Много звѣздъ, безчисленны ихъ миріады, и однако не говорится: *видѣ Богъ яко добра*, а сказано: *яко добро*. Почему? Потому, что хотя звѣздъ и много, но всѣ онѣ изъ одного свѣта и всѣ назначены на одно и тоже служеніе, именно—свѣтить. Напротивъ, здѣсь великое разнообразіе гадовъ, птицъ и рыбъ (иное

вѣдь дѣло—рыбы, иное—птицы, иное—гады), и въ каждомъ родѣ существуетъ много различныхъ видовъ; потому и говорится: *видѣ Богъ, яко добра*. По разнообразію дѣлъ и похвала. *И благослови я Богъ, глаголя: раститеся и множитеся, и наполните воды, и птицы да умножатся* (Быт. 1, 22).

8. Почему Богъ, когда создалъ звѣзды, не благословилъ ихъ? Почему послѣ созданія не благословилъ растеній и деревьевъ? 460 Одно благословляетъ, другое не благословляетъ. Что было причиной такого превосходства? Слушай. Звѣздъ, сколько произошло сначала, столько и остается; онѣ не могутъ увеличиваться ни по числу, ни по объему; поскольку онѣ должны были оставаться въ одномъ и томъ же положеніи, онѣ не нуждались въ благословеніи, которое бы ихъ умножало. Тѣ же созданія, которыя умножаются путемъ преемственности, и иначе получать приращенія не могутъ, необходимо должны были принять и благословеніе. Опять повторю тоже, чтобы еще лучше утвердить сказанное въ мысли, такъ какъ, братіе, и растеніе, посаженное въ разрыхленную землю кое-какъ, небрежно, не имѣетъ устойчивости, а стоитъ твердо, когда только зарыто глубоко и съ полною тщательностью. Звѣзды въ благословеніи не нуждались, потому что послѣднее не давало имъ способности умножаться. Птицы же, рыбы и человѣкъ въ такомъ благословеніи нуждались въ виду преемственности происхожденія. Гдѣ немногое умножается и малое возрастаетъ, и гдѣ иначе, какъ чрезъ преемственность, умножаться созданіе не можетъ, тамъ имѣетъ мѣсто благословеніе. Теперь, когда мы узнали причину, почему указанныя творенія удостоились благословенія, нужно наконецъ обратиться къ остальнымъ изреченіямъ Писанія. *Раститеся*, потому что были малы; *множитеся*, потому что не многочисленны; *наполните воды*, потому что были въ одной ихъ части. Въ другое время нужно будетъ разъяснить опять, почему Богъ удостоилъ благословенія только рыбъ, птицъ и человѣка, а остальнымъ животнымъ не далъ его; теперь же, какъ мы обѣщались, будемъ держаться послѣдовательности. *И рече Богъ: да изведетъ земля душу живу* (Быт. 1, 24). Землю Богъ надѣляетъ двойною честью. Во-первыхъ, она рождаетъ сѣмена и растенія, во-вторыхъ, животныхъ. И это не безъ причины, а въ силу того, что она должна была стать жилищемъ человѣка. Кромѣ того, такъ какъ отъ той же самой земли долженъ былъ питаться самъ человѣкъ, то Богъ надѣляетъ ее честью, какъ питательницу и мать этого великаго животнаго. Смотри и здѣсь, съ какою послѣдовательностью дѣйствовалъ Творецъ. Сначала онъ приготовляетъ пищу, а затѣмъ уже вводитъ тѣхъ, кто долженъ пользоваться этой пищей. Такъ Онъ

сдѣлалъ и въ отношеніи къ человѣку: сначала изготовилъ домъ, и затѣмъ ввелъ владыку дома. *Да изведетъ земля душу живу.* Откуда бездушная земля рождаетъ живую душу? Откуда произошелъ ревущій левъ, или бѣгущій конь, или трудолюбивый волъ, или носящій тяжести оселъ? Откуда такое разнообразіе животныхъ? Откуда столько душъ изъ бездушной земли? И еретикамъ не стыдно признавать, что бездушная земля производитъ душу, которой не имѣла, когда же слышатъ, что Богъ родилъ изъ собственнаго существа, тотчасъ же сплетаютъ хитрый рядъ разсужденій и строятъ выводы: „слѣдовательно Богъ разсѣкся, слѣдовательно раздѣлился, слѣдовательно потерпѣлъ страданіе", и другіе свойственные имъ подобнаго рода выводы. Теперь не время перебирать все, что говорятъ еретики противъ Единороднаго, вѣрнѣе же сказать—противъ собственнаго спасенія, потому что Богъ ничего не пріобрѣтаетъ, когда Его прославляютъ, равно какъ не терпитъ никакого вреда, когда Его хулятъ, если только кто-нибудь не назоветъ пріобрѣтеніемъ для Бога наше спасеніе. Самъ онъ полонъ всякаго блага и вседоволенъ; Самъ всѣхъ богатитъ, но ни въ чемъ не нуждается. Что могъ бы дать кто-нибудь Тому, Кто есть источникъ всѣхъ благъ, отъ единой только благости Коего зависитъ все? *Вся къ тебѣ чаютъ*, говоритъ Давидъ. *Отверзаеши ты руку твою и исполняеши всякое животно благоволенія* (Пс. CIII, 27, CXLIV, 16). Но доведемъ до конца начатую рѣчь.
461 Это и намъ пріятно, и послѣдовательностью требуется. Земля, повинуясь требованію, производитъ то, чего не имѣетъ; божественная ли и чистѣйшая природа не въ состояніи рождать то, что имѣетъ. Но пусть опять не пойметъ кто-нибудь слова „имѣетъ" слишкомъ человѣкообразно, чтобы сказать: „видишь, какъ и самъ учитель призналъ, что Отецъ существуетъ раньше Сына"? Относись лучше снисходительно къ слову, такъ какъ это—люди, владѣющіе глинянымъ языкомъ, и говорящіе о божественной и превосходящей всякое слово природѣ съ людьми же. Будучи людьми, мы и говорить умѣемъ какъ люди. Не знаютъ жалкіе еретики, что, говоря о Богѣ, они употребляютъ слова, которыя къ Богу примѣнимы быть не могутъ. Напримѣръ: все раждаемое, говорятъ они, имѣетъ начало бытія. Почему? Они тотчасъ же отвѣчаютъ такимъ образомъ: „ты, рожденный, развѣ не имѣешь начала? Твой Отецъ равнымъ образомъ? Твой дѣдъ?" Если ты изъ самыхъ ихъ же разсужденій представишь другое разсужденіе, которое можетъ опровергнуть ихъ безуміе, они тотчасъ же говорятъ: „рѣчь о Богѣ, а ты представляешь мнѣ разсужденія человѣческія"? Такъ, корень нечестія берутъ изъ общихъ всѣмъ разсужденій, а опроверженіе нечестія брать изъ тѣхъ же самыхъ разсужденій не хотятъ.

4. Часто еретики говорятъ: „можетъ ли кто-нибудь быть и рождаться“. Если я покажу, что Писаніе утверждаетъ подобное нетолько относительно Бога, но и относительно людей, то что ты будешь дѣлать? Про чадъ блаженнаго Авраама Писаніе говоритъ, что они рождаются, говоритъ не какъ о несуществовавшихъ, а какъ о предсуществовавшихъ. Авраамъ родилъ Исаака; Исаакъ родилъ Іакова; Іаковъ родилъ Левія, отъ котораго произошло колѣно священниковъ. Апостолъ Павелъ, изъясняя богословски исторію встрѣчи Авраама съ Мелхиседекомъ, говоритъ: Мелхиседекъ встрѣтилъ Авраама и благословилъ его (Евр. VII, 1), и тотчасъ же прибавляетъ: *и да сице рѣку, Авраамомъ и Левій пріемляй десятины, десятины далъ есть, еще бо во чреслѣхъ отчіихъ бяше* Авраама (ст. 9, 10). И смертный, слѣдовательно, былъ, прежде чѣмъ родился. Такъ какъ корень жилъ, то вмѣстѣ съ живымъ корнемъ апостолъ назвалъ (существующимъ) и плодъ. Здѣсь же, гдѣ нѣтъ ни страданія, ни образа преемственнаго происхожденія, ни плодоношенія, ни другихъ человѣческихъ страданій, еретикъ не хочетъ назвать Сущаго рожденнымъ изъ Сущаго, хотя и пребывающимъ вѣчно. „Если Онъ рожденъ, говорятъ, то какимъ образомъ былъ всегда? Всякій рождаемый имѣетъ начало“. Имя отца у насъ пріобрѣтается въ извѣстный срокъ. Предположи, напр., что юноша желаетъ жениться; сначала онъ сватается, затѣмъ становится женихомъ, потомъ мужемъ, и когда, наконецъ, родитъ, называется отцомъ, и если рожденное дитя не дастъ ему этого имени, то хотя бы онъ прожилъ съ женою тысячи лѣтъ, не называется отцомъ. Точно также и мать; сначала она дѣвица, потомъ обручится и невѣста, потомъ жена; зачинаетъ и носитъ плодъ, и если этого не произойдетъ, то не называется матерью. Хотя бы даже корень и носилъ плодъ, но если происшедшее дитя не дастъ ему въ воздаяніе за труды названія матери, она не называется этимъ именемъ. И это сдѣлалъ премудрый Богъ для того, чтобы отцы не превозносились надъ дѣтьми, чтобы отецъ не говорилъ сыну: „я тебѣ далъ жизнь, мною ты рожденъ, чрезъ меня получилъ бытіе“, а если бы и сказалъ такъ, то услышалъ бы тотчасъ же въ отвѣтъ: „я чрезъ тебя рожденъ, но чрезъ меня и ты отецъ“; равно какъ и матери сынъ могъ бы сказать: „ты дала мнѣ сыновство, я далъ тебѣ материнство“. Рожденіе у насъ является взаимнымъ даромъ. 462
Подобно этому и сынъ не сразу же является сыномъ, а сначала—сѣменемъ, потомъ зародышемъ, и только когда уже родится,—сыномъ. Все это подлежитъ необходимымъ условіямъ времени, все это подвержено страданію, все это слѣдствіе тѣлеснаго устройства. Но гдѣ безтѣлесна рождающая природа, гдѣ безтѣлесенъ рождаемый плодъ, есть ли какое осно-

ваніе утверждать, что было время, когда и Рождаемаго не было, что Онъ рожденъ впослѣдствіи времени? Итакъ, мы говорили: если Богъ всегда одинъ и тотъ же, и никогда ничего не пріобрѣтаетъ, то Онъ всегда и Отецъ; если же Онъ всегда Отецъ, то всегда имѣетъ Сына; слѣдовательно Сынъ совѣченъ Отцу. Мы говоримъ, что Сынъ рожденъ безстрастно, но способа рожденія изъяснить не можемъ. Истинное вѣдѣніе въ томъ, чтобы исповѣдать свое незнаніе превосходящей насъ природы. Итакъ, рожденію мы поклоняемся, но природы изслѣдовать не дерзаемъ. Если бы родившій былъ человѣкъ, то онъ произвелъ бы и рожденіе человѣческое; если бы имѣлъ тѣло, то и родилъ бы какъ тѣло. Если же Онъ чуждъ тѣла, то не приписывай безтѣлесному тѣлесныхъ страданій. Но, говорятъ, Онъ родилъ изъ своего естества, родилъ, слѣдовательно, со страданіями, черезъ раздѣленіе, чрезъ изліяніе. Докажу противное земными явленіями. Раждаетъ виноградная лоза, раждаетъ маслина, раждаетъ и вода, но раждаетъ не какъ наша природа, а сообразно съ собственными устройствами. Всякая женщина, когда получитъ отъ Бога даръ быть матерью, когда носитъ плодъ, полнѣетъ, когда же родитъ плодъ, худѣетъ. Съ деревьями же происходитъ наоборотъ. До рожденія дерево не увеличивается въ объемѣ; когда же родитъ, тогда становится тучнѣе, плодъ умножается, корни увеличиваются, и не бываетъ ни уменьшенія рождающему корню, ни умаленія рожденному плоду. Виноградная лоза раждаетъ не по нашему; а Богу, превосходящему всякое естество человѣческое, когда слышишь, что Онъ родилъ, приписываешь человѣческія страданія?

5. *И рече Богъ: да изведетъ земля душу живу по роду, четвероногая, гады, звѣри* (Быт. I, 24). Четвероногія—это домашнія животныя. Гады, звѣри—это змѣя, драконъ. Домашнимъ скотомъ называются не только подъяремныя животныя, а и носящія тяжести. Всякое травоядное,—волъ ли, овца ли,—называется скотомъ (κτῆνος—владѣніемъ), поскольку оно есть предметъ обладанія (τὸ κτῆμα) человѣка. А что домашнимъ скотомъ называются и овцы и волы, свидѣтельствуетъ Писаніе: и *быша ему скоти овецъ, и скоти воловъ* (Быт. XXVI, 14). Наполнилась земля, украсилась плодами, произвела животныхъ; не доставало только домовладыки. Небо было украшено; земля одѣта въ пестрый уборъ, море наполнено, воздухъ украсился множествомъ птицъ; все было готово, не доставало лишь человѣка. Впрочемъ, то, что онъ является послѣднимъ, служитъ не къ уничиженію его, а къ чести. Приготовляется домъ, и вводится домовладыка. Богъ ничего не дѣлаетъ ни безвременно, ни безцѣльно, а все творитъ цѣлесо-

образно. И замѣть послѣдовательность. Сначала Онъ сотворилъ траву и сѣно, и послѣ того уже питающихся ими животныхъ. Если бы не было того, что служитъ для питанія, то безвременно было бы твореніе животныхъ; они страдали бы отъ недостатка плодовъ. Сначала онъ сотворилъ пищу, и тогда уже создаетъ питающихся; сначала производитъ необходимыя средства жизни, а потомъ уже тѣхъ, кто пользуется этими средствами. Такъ сдѣлалъ Онъ и въ отношеніи къ Писанію. О Христѣ предварительно возвѣстили Писанія, и тогда уже пришелъ Тотъ, о Комъ они
возвѣщали. Предваряли свидѣтельства, дабы повѣрили Тому, о 463
Комъ давались свидѣтельства. Предварялъ законъ, дабы возвѣстить о Законодателѣ. Предваряли пророки, дабы провозгласить Того, о Комъ пророчествовали.

И замѣть мудрость Бога. Онъ соизволилъ, чтобы писанія пророковъ оставались не только въ церкви, но и у іудеевъ; Онъ оставилъ ихъ у недостойныхъ богопротивныхъ іудеевъ—враговъ Христовыхъ, чтобы обличить ихъ. Почему Онъ такъ сдѣлалъ, а не отнялъ у нихъ Писаній? Причина ясна и не требуетъ долгаго разсужденія,—такъ что моя проповѣдь внѣ подозрѣній. Если бы я одинъ только имѣлъ пророковъ, то невѣрующій могъ бы возражать мнѣ. Смѣлъ ли бы я сказать: „сказалъ Моисей", или: „сказалъ Исаія", или: „сказали другіе пророки о Христѣ и о томъ, что произойдетъ во время Его пришествія?" Желающій могъ бы возражать, говоря: „откуда извѣстно, что Моисей былъ пророкъ и сказалъ или проповѣдывалъ объ этомъ, какъ утверждаете вы, христіане, измышляя для подтвержденія своихъ догматовъ пророковъ и выдумывая имена? Развѣ мы должны соглашаться съ вашими предразсудками?" Теперь же у желающаго возражать, хотя бы онъ обладалъ и большою способностью защищаться, отнятъ всякій поводъ къ возраженію, такъ какъ тѣ самыя свидѣтельства, которыя приводили мы въ подтвержденіе своихъ догматовъ, есть и у нихъ. Отсюда ли нельзя изобличить ихъ легкомысліе? Итакъ, чтобы іудеи не возражали, Богъ соизволилъ оставаться у нихъ книгамъ Писанія, дабы, если не повѣрять мнѣ, какъ измышляющему свидѣтельства въ пользу своихъ догматовъ, въ виду моего ихъ признанія, повѣрили тѣмъ, которые остаются чужды этимъ догматамъ. Если ты спросишь іудея,—разумѣется, не простеца изъ народной толпы, а искуснаго въ словѣ и свѣдущаго въ законѣ,—„есть ли Христосъ"? онъ не скажетъ: „нѣтъ", а скажетъ: „есть, но только не тотъ, о которомъ вы говорите, а другой". Факта, слѣдовательно, онъ не отрицаетъ, а сомнѣвается лишь относительно лица. Но иное дѣло—отрицать фактъ, и иное—отрицать лицо. Напримѣръ, если кто-нибудь тре-

буетъ съ меня долгъ, то иное будетъ сказать: „я не долженъ", и иное: „я долженъ не тебѣ, а другому". Долгъ, слѣдовательно, признается. Такъ и іудеи признаютъ, значитъ, что есть Христосъ, а сомнѣваются въ томъ, есть ли Онъ тотъ, о которомъ мы проповѣдуемъ; они допускаютъ Христа не существующаго, такъ какъ отвергли существующаго. Но замѣть, какъ самъ законодатель Моисей въ самомъ разсказѣ о твореніи человѣка указываетъ на Сына и сообщаетъ познаніе о Немъ. У него сказано: *да будетъ твердь*; сказано: *да прораститъ земля*, сказано: *да изведутъ воды*. Когда переходитъ къ человѣку, то говоритъ: *и рече Богъ: сотворимъ человѣка*. Спрошу іудея: если Богъ одинъ, и нѣтъ съ Нимъ Сына, Котораго мы проповѣдуемъ, нѣтъ Духа Святаго, Которому мы поклоняемся, то кому сказалъ Богъ: *сотворимъ человѣка?* Небо Онъ творитъ однимъ повелѣніемъ; точно также и землю и все прочее. Когда создаетъ человѣка, то, желая прикровенно дать познаніе божества Сына, говоритъ: *сотворимъ человѣка*, дабы показать, что Онъ имѣлъ Его сотрудникомъ въ самомъ началѣ творенія. Поставляемые въ стѣсненное положеніе и будучи не въ состояніи извратить ясный смыслъ изреченія, іудеи говорятъ, что Богъ сказалъ это ангеламъ. Такъ, не имѣя возможности отрицать смыслъ изреченія, проводятъ отрицаніе инымъ способомъ. Итакъ, кому же сказалъ Богъ: *сотворимъ?* Говорятъ,—
464 ангеламъ. Спрошу ихъ, кто больше: ангелы или люди? Конечно, ангелы. Когда мы достигнемъ полной мѣры добродѣтели, мы и тогда не будемъ превосходить ихъ, а будемъ лишь равны имъ; теперь же мы много уступаемъ природѣ ангеловъ и ихъ безтѣлесному состоянію.

6. Слушай, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ Давидъ: *что есть человѣкъ, яко помниши его, или сынъ человѣчь, яко посѣщаеши его? Умалилъ еси его малымъ чимъ отъ ангелъ* (Пс. VIII, 5, 6). Слѣдовательно, мы умалены предъ ангелами; мы меньше, ангелы больше. Если же, создавая человѣка, меньшаго, Богъ нуждался въ ангелахъ, какъ совѣтникахъ и помощникахъ, то насколько болѣе имѣлъ въ этомъ нужду, когда творилъ большихъ—ангеловъ, не одного притомъ, а безчисленное ихъ множество? Подобно тому вѣдь, какъ всѣ свѣтила Богъ сотворилъ заразъ, такъ и ангеловъ съ архангелами Онъ сотворилъ заразъ, а ихъ такъ много, что они превосходятъ всякое число, почему Даніилъ и восклицаетъ: *тысяща тысящъ служаху Ему и тьмы темъ предстояху Ему* (Дан. VII, 10). Тысячи тысячъ ангеловъ, и тысячи архангеловъ сотворилъ Богъ и не нуждался въ совѣтникѣ и помощникѣ, а творя одного человѣка изъ земли, совѣщается, разсуждаетъ, дѣлаетъ совѣтъ? *Что есть человѣкъ?* Не земля ли,

и не отъ земли ли? Не прахъ ли и пепелъ? Авраамъ, указывая на свое ничтожество, взываетъ: *азъ же есть земля и пепелъ* (Быт. XVIII, 27). Слушай, какъ, съ другой стороны, Давидъ говоритъ: *творяй ангелы своя духи и слуги своя пламень огненный* (Пс. CIII, 4). Создавая естество огненное, умныхъ и безтѣлесныхъ духовъ, Богъ не имѣлъ нужды ни въ совѣтникѣ, ни въ помощникѣ, ни въ какомъ бы то ни было другомъ сообщникѣ, а творя жалкаго ничтожнаго человѣка, отъ земли существо, которое немного времени спустя должно прекратить свое бытіе, разрушиться во гробѣ, уничтожиться временемъ, Онъ совѣтуется, размышляетъ? Да, говорятъ; Владыкѣ, по великой Его благости, прилично было сказать предстоящимъ рабамъ: что должно быть? что сдѣлаемъ? Соглашаюсь и съ этимъ, и не смотря на высказанное опровержепіе, допускаю, что „*сотворимъ*“ сказано было ангеламъ. Но за словомъ „сотворимъ“ развѣ ты не видишь: *по образу и подобію?* Этимъ словомъ я смѣло могу заградить уста и іудеямъ и еретикамъ. (Отожествлять образъ Божій съ ангельскимъ образомъ не можетъ) ни іудей, ни еретикъ, который поистинѣ есть тотъ же іудей, а пожалуй и хуже еще, потому что іудеи распяли видимое тѣло, а еретики возстаютъ противъ невидимаго божества, вѣрнѣе же — противъ собственнаго своего спасенія. Впрочемъ, первые доказали, что они дѣлали дѣло невозможное, почему и терпятъ отчасти въ настоящее время казнь за свою дерзость, видя родъ свой разсѣяннымъ по всей вселенной, полное же наказаніе понесутъ впослѣдствіи, когда совершится всеобщій судъ, такъ и еретики въ надлежащее время получатъ заслуженное наказаніе. Но зачѣмъ все это я сказалъ вамъ? Буду продолжать начатое. Ни еретикъ, ни іудей не смѣетъ сказать, что у Бога и ангеловъ одинъ образъ и подобіе. Развѣ ангелы, которые произошли, были помощниками Богу? Они были только слугами, которые восхваляли, благодарили Его, зная, что они произошли, что раньше не существовали и явились по благоволенію Его 465
благости; они были зрителями, созерцавшими то, что произошло послѣ нихъ. Они видѣли, какъ произошло небо изъ небытія, и ужасались; видѣли, какъ отдѣлено море, и удивлялись; созерцали украшаемую землю, и трепетали. А что ангелы не были помощниками, а были дивившимися зрителями, объ этомъ говоритъ Богъ Іову: когда я сотворилъ звѣзды, восхвалили меня всѣ ангелы и прославили (Іов. XXXVIII, 7).

Сотворимъ человѣка. Изреченіе указываетъ на говорящаго и слушающаго. Смотри, какъ всегда сіяетъ лучъ православной вѣры; и солнце блистая присоединило свой лучъ. *Сотворимъ человѣка по образу нашему и подобію*. Соблюденъ и чинъ ипостасей, и еди-

нообразіе существа. *Сотворимъ человѣка по образу*,—не по образамъ, потому что иной образъ Отца, а иной—Сына. *Сотворимъ*,—чтобы показать множественность ипостасей; *по образу нашему*,—чтобы указать на единосущіе. Кто былъ участникомъ этого великаго слова и чуднаго творенія? Іудеи возражаютъ (противъ признанія этимъ участникомъ Сына) и устыжаются, когда имъ замыкаютъ уста; еретики безумствуютъ, оспаривая истину; слово благочестія имѣетъ необоримое удостовѣреніе.

7. Итакъ, откуда мы узнаемъ, кому сказалъ Богъ: *сотворимъ человѣка*, или кто Его совѣтникъ? *Сотворимъ* требуетъ присутствія на лицо совѣтника. Блаженный Исаія говоритъ о Единородномъ Сынѣ Божіемъ, пришедшемъ ради насъ въ нашемъ образѣ: *отроча родися намъ, сынъ и* юноша *дадеся* (Ис. IX, 6). Отрокъ, раньше не существовавшій, *родися*; сущій же Сынъ *дадеся*. *И нарицается имя Его*: *велика совѣта ангелъ*, имя отрока,—какъ Сына по Божеству, какъ отрока—по человѣчеству. Велика совѣта ангелъ, чуденъ совѣтникъ. Но если ты, пророкъ, называешь того совѣтника, которому Богъ сказалъ: *сотворимъ человѣка по образу и подобію нашему*, ангеломъ великаго совѣта, то ты еще не указалъ на достоинство совѣтника, о которомъ ты возвѣщалъ. И Моисей вѣдь былъ совѣтникомъ, повидимому и онъ совѣтовалъ, говоря: не погуби ихъ, чтобы не сказали язычники: потому, что Онъ не могъ умножить ихъ, погубилъ ихъ [1]). Однако не останавливай съ удивленіемъ вниманія на словѣ „совѣтникъ"; не дѣлай общимъ имени. Хотя и много совѣтниковъ, пусть не унижается совѣтникъ единый. Ты еще, говоритъ, не зналъ достоинства того, о комъ возвѣщалось. Слушай о чудномъ совѣтникѣ Исаію, который изъясняетъ предыдущее послѣдующимъ. *Чуденъ*, говоритъ, *совѣтникъ*, *Богъ крѣпкій*. Хорошо приписалъ онъ Богу крѣпость. Почему? Подобно тому, какъ было много совѣтниковъ, но достоинство единаго совѣтника отъ этого не должно было страдать, такъ точно не долженъ былъ уничижаться этотъ проповѣдуемый Богъ отъ того, что было много боговъ,—вѣдь говорится: *Азъ рехъ: бози есте и сынове Вышняго вси* (Пс. LXXXI, 6); равно и Моисею говорилъ Богъ: вотъ, Я положилъ тебя въ Бога фараону (Исх. VII, 1). И чтобы ты не подумалъ, что этотъ совѣтникъ есть Богъ въ томъ же смыслѣ, какъ Моисей, или какъ апостолы, пророкъ присовокупилъ: *Богъ крѣпкій*. Моисей Богъ, но не крѣпкій, а укрѣпляемый. Иное—
466 укрѣпляемый, иное—крѣпкій. Иное—дарующій благодать, иное—принимающій. *Богъ крѣпкій*. Моисей—Богъ, одаренный крѣпостію, и хотя является совершителемъ великихъ чудесъ, но получаетъ бла-

---

[1]) Вѣроятно приводится мѣсто Исх. XXXII, 12, Числ. XIV, 15—16.

годать. Апостолы подвластны, Спаситель—властвующій и даетъ власть. *Богъ крѣпкій*. И этимъ пророкъ не удовольствовался, а прибавилъ: *властелинъ*, дабы и насъ и еретиковъ научить не называть подвластнымъ начальника власти. Иное — подвластный, иное—властитель. Желаешь знать различіе между самовластнымъ и подвластнымъ? Апостолы подвластны, Спаситель—властвующій. Павелъ увидалъ въ Македоніи служанку, одержимую духомъ прорицанія, которая при всѣхъ говорила: *сіи человѣцы раби Бога вышняго суть. Стуживъ же си Павелъ, и обращся, рече духови*—не одержимой, а дѣйствовавшему въ ней: *запрещаю ти именемъ* Господа *Іисуса Христа, изыди изъ нея* (Дѣян. XVI, 17—18). Называется Господомъ, чтобы показать, что самъ онъ—рабъ. Такъ какъ чудо, повиновеніе демоновъ людямъ, было выше человѣческихъ силъ, то дабы зрѣніе не сдѣлало безсильными слова, и слугъ Бога не сочли за боговъ, апостолъ говоритъ: *запрещаю ти именемъ* Господа. Рабу свойственно объявлять приказаніе (παραγγέλλειν), Владыкѣ—властвовать. Видишь, какъ слуга объявляетъ; смотри, какъ Владыка повелѣваетъ. Принесли къ Владыкѣ нѣкоего бѣсноватаго, глухого и нѣмого. Не сказалъ Владыка: „объявляю тебѣ, нѣмой и глухой демонъ“, а говоритъ: *азъ ти повелѣваю* (Марк. IX, 25). У Павла объявленіе приказанія, у Властителя—повелѣніе. *Азъ ти повелѣваю*: *изыди изъ него, и къ тому не вниди*. Демонъ повиновался, потому что узналъ власть. Пусть блаженный Іезекіиль скажетъ еретиковъ сборищу: *живу азъ, глаголетъ Господь*: оправдалась *сестра твоя Содома паче тебѣ* (Іез. XVI, 48, 52). Что же значатъ эти слова? Если ты не будешь знать, о чемъ говоритъ пророкъ, то не въ состояніи будешь дойти до уразумѣнія высшаго смысла изреченія. Содомляне были отчаянные грѣшники, проводили жизнь въ беззаконіи, за что и были истреблены ниспосланнымъ отъ Бога огнемъ. Послѣ истребленія содомлянъ и сожженія ихъ города, спустя много родовъ, и Іерусалимъ сталъ городомъ, который хотя снаружи и процвѣталъ, но творилъ еще больше нечестія. Когда, такимъ образомъ, его жители превзошли своимъ нечестіемъ содомлянъ, Богъ чрезъ Іезекіиля клянется, говоря: „живу Я Адонаи, говоритъ Господь. Скажи вѣроломной дочери—Іерусалиму. Не согрѣшила сестра твоя—Содома въ половину грѣховъ твоихъ, и оправдалась Содома отъ тебя“ (Іез. XVI, 48, 52), т. е., по сравненію съ тобой Содомъ праведенъ. Такъ можно бы сказать и еретикамъ: отъ чрезмѣрнаго безумія еретиковъ оправдались и іудеи; оправдались и демоны, такъ какъ они называютъ Спасителя Сыномъ, а тѣ—твореніемъ. „Оправдалась Содома отъ тебя“. Кстати, спросимъ о причинѣ, почему дѣлавшіе грѣхи содомлянъ не погибли какъ содомляне, почему они не

были истреблены, какъ эти послѣдніе, если они даже удвоили ихъ грѣхи?

8. Богъ взиралъ не только на крайнее нечестіе іудеевъ, но и на послѣдующее благочестіе вѣрующихъ. Онъ провидѣлъ, что изъ Іудеи произойдетъ святая Богородица Дѣва; предусматривалъ ликъ апостоловъ; прозрѣвалъ сонмы исповѣдниковъ и тысячи
467 имѣвшихъ увѣровать іудеевъ. Когда Павелъ пришелъ въ Іерусалимъ, то соапостолы говорятъ ему: *видиши ли, брате* Павелъ, *колико темъ есть Іудей вѣровавшихъ* (Дѣян. XXI, 20). Итакъ, провидя вѣрующихъ, Онъ пощадилъ невѣровавшихъ, не ради ихъ самихъ, а ради имѣвшаго родиться отъ нихъ плода. И Исаія свидѣтельствуетъ: *и аще не бы Господь Саваоѳъ оставилъ намъ сѣмене, яко Содомъ убо были быхомъ, и яко Гоморру уподобилися быхомъ* (Ис. I, 9). Но не сказалъ ли Исаія о другомъ, а мы вложили насильственно такой смыслъ въ изреченіе? Однако слушай, что говоритъ Павелъ,—братъ и толковникъ пророковъ. Братіе, нынѣ *останокъ по избранію благодати бысть,* дабы спасся остатокъ. *И якоже* рече *Исаія: аще не бы Господь Саваоѳъ оставилъ намъ сѣмене, якоже Содомъ убо были быхомъ* (Римл. XI, 5; IX, 29). Все провидѣлъ Богъ; Богъ не по опыту познаетъ вещи, подобно тому, какъ мы съ теченіемъ времени узнаемъ ихъ. Опять скажу, какъ много разъ уже говорилъ: Богъ провидѣлъ концы вѣковъ. Онъ зналъ, что Адамъ согрѣшитъ, но провидѣлъ и имѣющихъ произойти отъ него праведниковъ; видѣлъ его изгоняемымъ изъ рая, но предвидѣлъ, что ему уготовано царство. Дивное дѣло,—прежде рая было царство. Ты дивишься, что Адамъ изгнанъ былъ изъ рая? Дивись тому, что прежде рая ему уготовано было небесное царство. *Пріидите,* говоритъ Спаситель, *благословенніи Отца моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра* (Матѳ. XXV, 34).

Пусть устыдятся еретики, когда слышатъ, что царство уготовано святымъ прежде сложенія міра, и тѣмъ не менѣе говорятъ, что было время, когда не было Сына. Повидимому они исповѣдуютъ Единороднаго, такъ какъ не могутъ уничтожить Писанія; но допуская слово, они отрицаютъ существо дѣла. Если мы назовемъ Сына Единороднымъ, они тотчасъ же говорятъ: написано и: *перворожденъ* всей вселенной (Кол. I, 15). Итакъ, по мнѣнію еретиковъ, эти два изреченія противорѣчатъ другъ другу. Если, говорятъ, перворожденъ, то не единородный, потому что перворожденный называется первороднымъ, когда имѣетъ братьевъ, а единородный, когда имѣетъ братьевъ, не называется единороднымъ. Единородный—тотъ, кто только одинъ рожденъ отъ кого-нибудь, какъ свидѣтельствуетъ и Писаніе, говоря Аврааму:

поими сына твоего единороднаго (Быт. XXII, 2). Первороднымъ называется тотъ, кто имѣетъ братьевъ, потому что онъ первенствуетъ по происхожденію, а единородный называется единороднымъ потому, что не имѣетъ братьевъ. Но есть единородный и въ иномъ смыслѣ; единородный тотъ, кто одинъ рожденъ отъ кого-нибудь, а не одинъ только произошелъ, какъ легкомысленно говорятъ еретики. Единороднымъ, говорятъ, называется Спаситель потому, что только одинъ былъ такой, какъ Онъ. Но въ такомъ случаѣ и Илія единороденъ, потому что одинъ только былъ такой, что и разумно. Писаніе обычно называетъ единороднымъ того, кто одинъ только рожденъ отъ кого-либо, согласно съ вышеуказаннымъ значеніемъ слова. Слушай. Первородный, говорятъ, если не имѣетъ братьевъ, есть единородный. Я укажу не одного, не двухъ, не трехъ, а многихъ первородныхъ. Странное дѣло! Какъ можетъ быть много первородныхъ? Долженъ бы быть одинъ. Я затянулъ рѣчь о первородномъ и единородномъ; но рѣшимъ во- 468
просъ. Богъ называетъ перваго вѣрующаго первороднымъ въ своемъ родѣ, не какъ перваго среди другихъ вѣрующихъ, а какъ бывшаго первымъ въ свое время. Напримѣръ, когда народъ Израильскій былъ въ Египтѣ, Богъ говорилъ чрезъ Моисея: *сынъ мой первенецъ Израиль. Рѣхъ: отпусти* мнѣ *люди моя* (Исх. IV, 22, 23). Вотъ первородный народъ, потому что въ то время онъ былъ первымъ народомъ, познавшимъ Бога. Позднѣе, послѣ закона, послѣ многихъ родовъ, явился Давидъ, и Богъ возвѣщаетъ ему, что отъ сѣмени его явится Христосъ, и говоритъ такъ: *обрѣтохъ Давида раба моего, елеемъ святымъ помазахъ его. Той призоветъ мя: отецъ мой еси ты. И азъ первенца положу его* (Пс. XXXVIII, 21, 27, 28). Первенецъ Давидъ, первенецъ и народъ. Первенецъ Адамъ въ своемъ родѣ, первенцы Ной, Симъ, первенецъ въ своемъ родѣ Авраамъ, Моисей, Исаія, потому что они въ свое время первенствовали благочестіемъ. Изъ этого множества первородныхъ собрана великая церковь, пребывающая на небѣ. *Приступисте*, свидѣтельствуетъ Павелъ, *къ Сіонстѣй горѣ и ко граду Бога живаго, Іерусалиму и тмамъ аггеловъ, торжеству и церкви первородныхъ на небесѣхъ написанныхъ* (Евр. XII, 22, 23). Одинъ изъ этихъ первородныхъ есть Христосъ по плоти, по божеству Единородный. Такъ какъ Онъ принимаетъ всѣхъ первенцевъ въ благочестіи, то вмѣстѣ съ ними и Самъ называется первороднымъ, почему Павелъ и говоритъ: перворроденъ *во многихъ братіяхъ* (Римл. VIII, 29). Однако, о человѣкѣ можно бы сказать многое; но отложимъ рѣчь до дальнѣйшей бесѣды о шестомъ днѣ, въ который человѣкъ и созданъ, чтобы, съ помощію благодати Божіей, совершеннѣе и яснѣе, по мѣрѣ нашихъ силъ, было слово. Скажемъ тогда

не отъ собственныхъ домысловъ, а на основаніи того, чему мы научены. Общедоступенъ источникъ, общедоступны всѣ предлежащіе дары, если только мы желаемъ съ усердіемъ прилежать къ нимъ. Теперь же обратимся къ наставленію нравственному.

9. Вчера мы сказали, каково должно быть воздѣяніе рукъ; сказали именно, что оно должно быть воздѣяніемъ рукъ, преданныхъ благочестію. Дающій бѣдному пусть говоритъ: *воздѣяніе руку моею.* Поднимающій падшаго пусть говоритъ: *воздѣяніе руку моею* (Пс. CXL, 2). Изъяснимъ начало псалма, такъ какъ мы должны во всякомъ случаѣ знать то, что поемъ. Почему мы говоримъ: *да исправится молитва моя, яко кадило предъ тобою.* Никакой ѳиміамъ не направляется, потому что Богъ не услаждается благовоніемъ духовъ. Чтó же значитъ: *да исправится молитва моя, яко кадило предъ Тобою?* Какое кадило? Два жертвенника было въ скиніи: одинъ во внѣшнемъ дворѣ, подъ открытымъ небомъ, другой—въ святилищѣ, подъ кровлей. Внутренній жертвенникъ предназначенъ былъ только для куренія ѳиміама, а не для пролитія крови, а внѣшній жертвенникъ для принесенія въ жертву животныхъ, хлѣбовъ и всего прочаго. Внѣшній алтарь Богъ повелѣваетъ Моисею сдѣлать изъ неотесанныхъ камней, а вну-
469 тренній, находящійся въ скиніи, изъ полированнаго золота. Надо изъяснить, на что указываетъ чрезъ это благодать Божія, указываетъ на два рода людей, служащихъ славѣ Божіей: людей необразованныхъ и образованныхъ. У человѣка, говорящаго неправильною или варварскою рѣчью слова подобны неотесаннымъ камнямъ; тѣмъ не менѣе они пригодны для жертвенника. Съ другой стороны, шлифованнымъ золотомъ называется драгоцѣнный камень. И ни этотъ не отбрасывается, ни тотъ не отвергается, такъ какъ и тамъ,—жертвенникъ Бога, и здѣсь—жертвенникъ Бога. Далѣе, благовоніе составлялось изъ четырехъ веществъ: стакти, оникса, халвана и ливана. Подобно тому какъ изъ четырехъ веществъ составляется благовоніе, такъ и добродѣтель состоитъ изъ различныхъ частныхъ добродѣтелей. Поэтому Давидъ и говоритъ: *да исправится молитва моя, яко кадило предъ тобою,*—подобно тому какъ это послѣднее, слагаясь изъ многихъ частей, дѣлается однимъ благоуханіемъ. Если, говоритъ, войдетъ съ молитвою человѣкъ, соблюдающій постъ, милостыню, вѣру, то пусть четырехвидная добродѣтель его будетъ подобна этому ѳиміаму, направляющемуся предъ лице Твое. Такъ говоритъ блаженный Давидъ и въ другомъ мѣстѣ. *Се,* говоритъ, *что добро, или что красно, но еже жити братіи вкупѣ! Яко муро на главѣ сходящее на браду, браду Аарону* (Пс. CXXXII, 1, 2). Онъ сравниваетъ любовь съ священнымъ миромъ, молитву со священнымъ ѳиміамомъ.

Ты предаешься воздержанію? Ты—братъ священнику. Священства, скажешь, я не имѣю; воздержаніе имѣю. Мое воздержаніе—сестра твоего священства. Откуда это видно? Изъ того, что и тотъ—священнодѣйствующій долженъ быть святымъ, и я—служащій долженъ быть святымъ. Если я преданъ воздержанію, я получаю священство. Откуда это видно? Давидъ, убѣгая отъ Саула, пришелъ къ первосвященнику Авіаѳару и говоритъ ему: *даждь ми* хлѣбы (Цар. XXI, 8), такъ какъ я внезапно посланъ царемъ и не имѣю пищи на дорогу. Первосвященникъ, свѣдущій въ законѣ, отвѣчаетъ: „нѣтъ у насъ другого хлѣба, кромѣ священнаго, котораго нельзя ѣсть никому, кромѣ священника". Такъ какъ, однако, онъ видѣлъ нужду, но съ другой стороны опасался попрать святыню хлѣбовъ предложенія, то требуетъ отъ лицъ, которые не были священниками, чистоты и говоритъ: „если отроки, которые съ тобою, чисты отъ женъ, возьми". Такъ воздержаніе онъ почиталъ сестрой священства. И дабы кто-нибудь не сталъ порицать іерея за то, что онъ далъ хлѣбы лицамъ, не имѣвшимъ священнаго званія, слушай, какъ одобрительно Спаситель упоминаетъ объ этомъ происшествіи. Однажды, когда іудеи порицали апостоловъ за то, что они срывали колосья, растирали ихъ руками и ѣли, Спаситель говоритъ имъ: *ни ли чли есте, еже сотвори Давидъ, егда взалкася, и хлѣбы предложенія яде, ихже не достояше ясти* ни ему, ни бывшимъ съ нимъ, *токмо единымъ іереемъ* (Лук. VI, 3, 4)? Видишь ли, что воздержаніе—сестра священства? Видишь, какъ Богъ взираетъ не на лица, а испытываетъ истину?

10. Итакъ, расположимъ себя къ добродѣланію, къ правдѣ, чтобы окрылился постъ. Какъ птица не можетъ летать безъ помощи крыльевъ, такъ и постъ не можетъ течь безъ двухъ своихъ крыльевъ—молитвы и милостыни. Посмотри на Корнилія, какъ онъ вмѣстѣ съ постомъ обладалъ и этими крыльями. Потому онъ и услышалъ бывшій ему голосъ съ неба: *Корниліе, молитвы* 470
твоя и милостыни твоя взыдоша къ Богу (Дѣян. X, 3, 4). Представь, возлюбленный, что постъ—птица; крылья его—милостыня и молитва, безъ которыхъ онъ не можетъ летѣть вверхъ. Такой человѣкъ, если и не говоритъ, громкимъ голосомъ возглашаетъ правду, такъ какъ добродѣтель—великая защитница правды. Потому и говорится: услыши, Господи, правду мою. Итакъ, первое и величайшее благо—молитва, милостыня и дѣланіе правды; непоколебимая же основа и корень всего—вѣдѣніе о Богѣ, почитаніе Единороднаго, исповѣданіе Святаго Духа,—вѣра единая, нераздѣльная, непоколебимая, не разсѣкаемая на части. Уже я говорилъ о томъ, что хочу сказать; но тѣмъ не менѣе опять скажу. Премудрый Богъ попустилъ ересямъ называться по име-

намъ своихъ начальниковъ, дабы показать, что ихъ мнѣнія не ученіе Бога, а измышленіе человѣческое. Македоніане, напримѣръ, называются такъ отъ Македонія, аріане—отъ Арія, евноміане—отъ Евномія. Точно также и остаются ереси. Желая же сохранить неповрежденною вѣру апостольскую, Богъ не попустилъ, чтобы она называлась по имени человѣческому. Если вѣрующихъ и зовутъ единосущниками, то этимъ указываютъ не на человѣка, а обозначаютъ вѣру. А что называться по именамъ человѣческимъ свойственно не вѣрующимъ, а еретикамъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ Павелъ, когда, упрекая коринѳянъ, говоритъ: слышу, что у васъ есть раздѣленіе; одинъ говоритъ: я Павловъ, а я Аполлосовъ, я Кифинъ (1 Кор. I, 11, 12). Видишь, что называться по людямъ свойственно расколамъ. Петръ не былъ ли болѣе достоинъ вѣры, чѣмъ Македоній? Имена апостоловъ отступаютъ предъ славой Христовой, а ты раздѣляешь вѣру, нераздѣльное царство, недѣлимую славу? Но довольно. Предъ нами свѣтильникъ и свѣтъ. *Свѣтилникъ ногама моима законъ Твой, и свѣтъ стезямъ моимъ* (Пс. CXVIII, 105). Почему свѣтильникъ? Почему свѣтъ? Свѣтильникъ для оглашенныхъ, свѣтъ для совершенныхъ.

Убѣждаю любовь вашу хранить вашъ постъ непорочнымъ, не оскверненнымъ неправдой, чистымъ отъ корысти. Посмотри на безуміе тѣхъ, которые усердствуютъ въ воздержаніи отъ яствъ и не заботятся о воздержаніи отъ грѣховъ. Не пью, говоритъ, вина, ѣмъ безъ масла, не касаюсь мяса. Прекрасно, воистину, все это, когда соблюдается ради Бога. Но изслѣдуемъ существо дѣла. Хлѣбъ, вода, вино, мясо, масло, все это—созданіе Божіе; корыстолюбіе же, неправда и нечестіе—дѣла діавола. Ты отстраняешься ради поста отъ дѣлъ Божіихъ, а отъ дѣлъ діавола ради поста не воздерживаешься? Хлѣбъ, вино, масло и все прочее—дѣла Бога, всѣ они прекрасны и весьма прекрасны. Павелъ говоритъ: *всякое созданіе Божіе добро, и ничтоже отметно, со благодареніемъ пріемлемо, освящается бо словомъ Божіимъ и молитвою* (1 Тим. IV, 4, 5). Если же благословляется, если освящается, по почему мы воздерживаемся? Неправда, корыстолюбіе и подобное—дѣла діавола. Отъ дѣлъ Божіихъ ты ради
471 поста отстраняешься; а отъ дѣлъ діавола ради благочестія не удаляешься? И затѣмъ, братіе, непостящіеся не подлежатъ осужденію, дѣлающему же неправду угрожаетъ наказаніе. Зачѣмъ же мы избѣгаемъ того, за что не требуется отвѣта, и не избѣгаемъ того, за что должны отвѣчать? Милостыня—прекрасное дѣло; повидимому, она расточаетъ; на самомъ же дѣлѣ—собираетъ. Подобно тому какъ земледѣлецъ бросаетъ въ землю сѣмена, чтобы получить ихъ отъ нея, такъ и милостыня повиди-

мому даетъ другимъ, на самомъ же дѣлѣ увеличиваетъ сокровище давшему. *Расточи*, говоритъ Давидъ, *даде убогимъ, правда его пребываетъ во вѣкъ* (Пс. cxi, 9). Такъ будемъ поститься, такъ покланяться, такъ вѣровать, прославляя Отца, славословя Сына, покланяясь Святому Духу, потому что Ему слава во вѣки. Аминь.

Его же (бесѣда) о пятомъ днѣ творенія.

1. Много великихъ даровъ дано человѣколюбцемъ Богомъ людямъ, но первый и величайшій изъ всѣхъ даровъ—ученіе Писанія. Солнце и луна, весь хоръ звѣздъ, рѣки, источники и озера созданы на служеніе тѣлу; священное же Писаніе даровано для исправленія души. Насколько душа выше тѣла, настолько выше другихъ даровъ даръ божественныхъ Писаній. Потому и говоритъ Спаситель: *испытайте писанія, яко вы мните въ нихъ имѣти животъ вѣчный* (Іоан. v, 39). Итакъ изслѣдуемъ сокровища Писаній, исполнимъ свое обѣщаніе и по мѣрѣ силъ нашихъ изъяснимъ повѣствованіе о твореніи человѣка. Пусть никто не порицаетъ насъ за то, что мы изслѣдуемъ со тщательностью. Пустословамъ свойственно порицать установленія Божіи и укорять за тщательное изслѣдованіе. Я слышалъ, какъ нѣкоторые укоряли насъ, говоря: какая нужда была говорить объ огнѣ и водѣ, о томъ, что огонь трещитъ, если на него льютъ воду? Мы, говорятъ, желаемъ научиться не естественнымъ наукамъ, а богословію. Слѣдуетъ знать, что это рѣчи людей невѣжественныхъ и нерадивыхъ. Послѣ богословія наука о природѣ служитъ къ утвержденію благочестія. Если отвергать изученіе природы, то должно упрекать пророковъ, должно порицать апостоловъ. Апостолъ поучаетъ о природѣ: *не всяка плоть таже плоть: но ина убо плоть человѣкомъ, ина же плоть скотомъ, ина же рыбамъ, ина же птицамъ. И тѣлеса небесная, и тѣлеса земная* (1 Кор. xv, 39, 40). Зачѣмъ Павелъ говоритъ о предметахъ природы и, указывая на музыкальные инструменты, дѣлаетъ упрекъ, говоря: *толики, аще ключится ради гласовъ суть въ мірѣ, и ни единъ (ихъ) безгласенъ? Ибо аще безвѣстенъ гласъ труба дастъ, кто уготовится на брань? Аще сопѣль, аще гусли, аще разнствія писканіемъ не дадятъ, како разумно будетъ писканіе или гудѣніе* (1 Кор. xiv, 10, 8, 7)? Что общаго было между языкомъ Павла и свирѣлью или гуслями? Но онъ говоритъ о видимыхъ предметахъ, чтобы изъяснить духовные. Какая нужда была излагать столько свѣдѣній о природѣ въ книгѣ Іова: *сила львова, гласъ львицы, веселія змієвъ угасе. Мравольвъ погибе, занеже не имѣяше брашна.* Птенцы же коршуновъ летаютъ 472

высоко (Іов. IV, 10, 11). Зачѣмъ Исаія пророкъ говорилъ: *яко же* левъ схватитъ и похититъ *и возопіетъ надъ* добычей, *и наполнятся горы гласа его* (Исх. XXXI, 4)? И самъ Спаситель говоритъ о предметахъ природы: *подобно есть царствіе небесное зерну горушичну, еже малѣйше убо есть* другихъ *сѣмянъ*, выросши же, *болѣе всѣхъ зелій есть* (Мѳ. XIII, 32); и еще: подобно есть царствіе небесное тому, какъ если *человѣкъ вметаетъ сѣмя* его, и *прозябаетъ и растетъ, якоже не вѣсть онъ; въ себѣ бо земля плодитъ прежде траву, потомъ класъ, таже исполняетъ пшеницу въ класѣ* (Марк. IV, 26—28). И о природѣ неба говоритъ Спаситель. Если, говоритъ, бываетъ небо вечеромъ багрово, *глаголете: ведро, чермнуетъ бо ся небо. И утру: днесь зима, чермнуетъ бо ся дряселуя небо* (Матѳ. XVI, 2—3). Итакъ, зачѣмъ все это? Говорю это ради тѣхъ, которые по неразумію хотятъ порицать насъ. Рѣчь идетъ о Богѣ, а ты отказываешься слушать точное изъясненіе догматовъ? Итакъ, теперь намъ, по благодати Божіей, предстоитъ изъяснить,—не по достоинству предмета, а по мѣрѣ нашихъ силъ,—повѣствованіе о твореніи человѣка. Перейдемъ къ предмету.

2. Украсилось небо, увѣнчалась плодами земля, раздѣлились воды моря, произрасли растенія, явились безсловесныя животныя, наполнилась вселенная, украшенъ былъ домъ; не доставало только домовладыки и господина всего происшедшаго. *Рече Богъ: сотворимъ человѣка по образу нашему и подобію* (Быт. I, 26). Въ предшествующій разъ мы показали, какой смыслъ имѣетъ слово: *сотворимъ*, кому принадлежитъ это слово, и кому оно сказано, кто былъ совѣтникомъ и чей былъ общій совѣтъ. На основаніи священнаго Писанія мы показали, что совѣтникомъ древняго совѣта былъ Сынъ, но умолчали о славѣ Святаго Духа. Дабы отъ насъ—здравыхъ—люди недужные не взяли повода (къ уничиженію Св. Духа), необходимо сказать, что одна слава, одна воля, одно дѣйственное слово Отца и Сына и Святаго Духа. Въ одномъ мѣстѣ названъ совѣтникомъ Сынъ. Въ другомъ мѣстѣ сказано, что никто не знаетъ Бога кромѣ одного Духа Святаго. Никтоже, говоритъ Павелъ, *вѣсть отъ человѣкъ яже въ человѣцѣ, точію духъ человѣка (живущій) въ немъ; такожде и Божія никтоже вѣсть, точію Духъ Божій* (1 Кор. II, 11). Если находящійся въ тебѣ духъ чуждъ твоего существа, то и Духъ, сущій въ Богѣ, чуждъ существа Божія.

Хочетъ чего-либо Отецъ? Такова же воля и Сына и Святаго Духа. Хочетъ чего-либо Сынъ? Такова же воля Отца и Духа. Хочетъ чего-либо Духъ? Такова же воля Отца и Сына. Отецъ воскрешаетъ мертвыхъ? Воскрешаетъ и Сынъ. *Якоже бо Отецъ*, говоритъ Спаситель, *воскрешаетъ мертвыхъ и живитъ, тако и*

Сынъ, ихже хощетъ, живитъ (Іоан. v, 21). Вотъ совмѣстная воля. Гдѣ же воля Духа? Слушай. *Вся же сія дѣйствуетъ единъ и тойжде Духъ, раздѣляя властію коемуждо якоже хощетъ* (1 Кор. xii, 11). 473
Едино царство Отца, Сына и Святаго Духа. Богъ порицаетъ тѣхъ, которые пытаются что-либо дѣлать безъ воли Божіей. *Горе,* говоритъ Онъ чрезъ пророка, *чада отступившая, глаголетъ Господь. Сотвористе совѣтъ, не Мною, и завѣты, не Духомъ моимъ* (Ис. xxx, 1). Пророкъ Захарія [1]), ясно указывая на святую Троицу, говорилъ: „да укрѣпляются руки Зоровавеля, говоритъ Господь; и да укрѣпляются руки Іоседека священника, и руки народа, ибо Я съ вами есмь, говоритъ Господь, и Слово мое благое, и Духъ мой среди васъ“ (Агг. ii, 5—6). Затѣмъ, братіе, наше возрожденіе свидѣтельствуетъ объ участіи Духа Св. въ твореніи. Если бы Духъ въ твореніи не имѣлъ участія вмѣстѣ съ Отцемъ и Сыномъ, то не былъ бы соучастникомъ и въ возрожденіи. Какъ мы крещаемся? *Во имя Отца и Сына и Святаго Духа* (Матѳ. xxviii, 19). Какое рожденіе больше: рожденіе ли черезъ твореніе, или рожденіе черезъ таинство? Тамъ—начало жизни въ смерть, здѣсь—начало смерти въ жизнь. Какъ же, поэтому, можно допустить участіе Духа Святаго со Отцомъ и Сыномъ въ большемъ дѣлѣ, а въ твореніи тѣлесномъ отлучать Его отъ общей славы? Мы не были бы и созданы, еслибы не были образованы Святымъ Духомъ. Какъ въ первомъ твореніи Духъ былъ сообщникомъ Отца и Сына, такъ является сообщникомъ и дѣятелемъ въ крещеніи. Тоже опять слѣдуетъ сказать о воскресеніи: мы не можемъ воскреснуть иначе, какъ по волѣ Отца, дѣйствіемъ Сына и силою Святаго Духа. Слушай, что говоритъ Господь; хорошо я сказалъ: „Господь“, потому что, хотя говоритъ и Павелъ, но это слова Господа, какъ можно слышать объ этомъ отъ самого Павла: или *искушенія ищете глаголющаго во мнѣ Христа* (2 Кор. xiii, 3)? Итакъ Господь говоритъ въ Павлѣ: *вы же нѣсте во плоти, но въ дусѣ, понеже Духъ Божій живетъ въ васъ. Аще же кто Духа* Божія *не имать, сей нѣсть его. Аще же Христосъ въ васъ,* тѣло *убо* мертво *грѣха ради, духъ же* жизнь *правды ради. Аще ли же Духъ воскресившаго* Христа *живетъ въ васъ, воздвигій Христа изъ мертвыхъ оживотворитъ и мертвенная тѣлеса ваша, живущимъ Духомъ Его въ васъ* (Римл. viii, 9—11). Внѣ Отца и Сына и Святаго Духа нѣтъ ни перваго творенія, ни второго рожденія, ни послѣдняго воскресенія. *Сотворимъ человѣка.*

3. Порицателямъ я уже сдѣлалъ наставленіе раньше. Здѣсь (могу говорить свободно). Названіе „человѣкъ“ въ еврейскомъ

[1]) Мѣсто, очевидно, приводится изъ кн. пр. Аггея.

языкѣ значитъ огонь. Прошу быть внимательнымъ. Кто слушаетъ съ любовію, тотъ, какъ другъ и питомецъ истины, спасается, кто же слушаетъ съ непріязнью, тотъ не ищетъ для себя пользы, а того, за что подвергается осужденію, не ищетъ себѣ пріобрѣтенія, а того, за что достоинъ порицанія. Человѣкъ на еврейскомъ языкѣ значитъ огонь. Такое имя дано Адаму не безъ основанія. Четыре стихіи въ мірѣ (опять говорю о природѣ, хоть этого и не желаютъ): земля, вода, воздухъ, огонь. Каждая изъ трехъ первыхъ стихій, какъ существуетъ, такъ и остается (въ томъ же объемѣ). Напримѣръ, если ты возьмешь комъ земли, то не можешь увеличить его изъ содержимаго; взятый тобою комъ земли остается такимъ, каковъ есть. Равнымъ образомъ, если возьмешь какою-ниб. мѣрою воду, она остается той же самой водой, не увеличивается. Если наполнишь мѣхъ воздухомъ, то
474 тѣмъ же воздухомъ не можешь наполнить другого мѣха. Между тѣмъ огонь не остается такимъ, каковъ онъ есть. Зажигается маленькій свѣтильникъ, и ты можешь отъ него зажечь множество лампадъ, цѣлую печь, огромный пламень; онъ не остается въ собственномъ своемъ видѣ, а увеличивается въ той мѣрѣ, въ какой находитъ вещество. Такъ какъ Богъ провидѣлъ, что отъ одного человѣческаго тѣла наполнятся концы вселенной (одинъ свѣтильникъ возжигаетъ такое множество лампадъ—и западъ, и востокъ, и сѣверъ, и югъ), то Онъ далъ соотвѣтствующее дѣлу и имя. Потому-то и имя Адамъ обозначало вселенную. Поскольку отъ него должны были наполниться четыре страны свѣта, Богъ даетъ ему имя Адамъ: альфа—востокъ (ἀνατολή), дельта—западъ (δύσις), альфа—сѣверъ (ἄρκτος) ми—югъ (μεσημβρία). И имя и буквы свидѣтельствовали, что человѣкъ долженъ былъ наполнить вселенную. Итакъ, на еврейскомъ языкѣ, человѣкъ значитъ: огонь. Поелику же человѣкъ называется огнемъ, Писаніе не находитъ препятствія называть людьми и ангеловъ. Такъ, когда Марія и другія жены пришли ко гробу, то говорится: *се мужа два стаста предъ ними* (Лук. XXIV, 4), а это были ангелы. И ангелы называются огнемъ: *творяй аггелы своя духи и слуги своя пламень огненный* (Пс. CIII, 4). Писаніе называетъ ихъ мужами, такъ какъ они имѣютъ общее съ человѣкомъ понятіе. И что удивляешься? Самъ Богъ называется огнемъ, и потому называется человѣкомъ. Спаситель говоритъ о своемъ Отцѣ: *человѣкъ нѣкій бѣ домовитъ, иже насади виноградъ. И посла рабы своя,* и убиты были рабы. Но сокращу: „и сказалъ человѣкъ тотъ: есть еще у меня одинъ сынъ; пошлю его,—можетъ быть обратятся“ (Матѳ. XXI, 33 дал.). Что имѣется въ виду обозначить названіемъ „человѣкъ“, употребленнымъ вмѣсто имени Божія? Спаситель сказалъ вѣдь не

притчу; Онъ не сказалъ: „подобно есть“, а говоритъ: *человѣкъ нѣкій бѣ*. Моисей говоритъ: *Богъ* нашъ *огнь потребляяй* (Втор. IV, 24), и Спаситель, пришедши, говорилъ: *огня пріидохъ воврещи на землю* (Лук. XII, 49). Итакъ, Онъ прилагаетъ имя, соотвѣтствующее дѣлу. Такъ какъ огонь, какъ сказалъ я раньше, изъ малаго становится большимъ, и человѣкъ отъ немногаго наполнилъ всю вселенную, то и названъ онъ огнемъ. Это видно изъ словъ: *сотворимъ человѣка*, потому что по-еврейски: „сотворимъ огонь“.

Сотворимъ человѣка по образу нашему. Многіе неразумные и невѣжественные полагали, что человѣкъ по образу Божію въ томъ смыслѣ, что Богъ имѣетъ носъ, имѣетъ такіе же глаза, такія же уши, такія же уста. Мысль эта ложна и безумна. И до настоящаго времени существуетъ ересь, признающая Божество человѣкообразнымъ. Слыша изреченія Писанія: *очи Господни, уши* Господни (Пс. XXXIII, 16), *обоня Господь* (Быт. VIII, 21), *уста Господня глаголаша* (Ис. I, 20), *рука Господня сотвори* (Іов. XII, 9), *нозѣ* Бога *стоясте* (Пс. CXXXI, 7), еретики приписали Безтѣлесному члены, не постигая безумія мысли. Богъ говоритъ это для того, дабы ты зналъ, что насколько дѣло касается тѣлеснаго вида, человѣкъ не имѣетъ никакого сходства съ Богомъ. Я не отрицаю этимъ выраженія: *сотворимъ человѣка по образу*, а хочу показать только, какъ говоритъ Богъ: *по образу. Небо и землю Азъ наполняю*, глаголетъ *Господь* (Ис. XXIII, 24); еще: *небо* мнѣ *престолъ, земля же подножіе ногъ моихъ* (Ис. LXVI, 1). Должны ли мы слѣдовать изреченію буквально? Должны ли рабствовать буквѣ выраженія? Но буквальное слѣдованіе обличитъ меня. Какъ я представлю небо престоломъ? Престолъ объемлетъ сидя- 475
щаго; но Богъ неописуемъ. Бога ничто не объемлетъ; напротивъ—Онъ все объемлетъ и окружаетъ. Если небо престолъ для Бога, то какъ Онъ можетъ измѣрять небо пядію (Ис. XL, 12)? Какъ, опять, Онъ можетъ сидѣть на небѣ? *Небо* мнѣ *престолъ, земля же подножіе ногъ моихъ*. Гдѣ Онъ сидитъ? На видимомъ небѣ? Но внизу тверди звѣзды, наверху вода. Если Онъ сидитъ наверху, то не на небесахъ, а на горнемъ небѣ. Если Онъ, все-таки, сидитъ, то ноги Его спускаются до земли. Такой образъ ты прилагаешь Тому, Кто не имѣетъ никакого образа? Не нечестиво ли такъ думать? Наконецъ, если ноги Его опираются на землю, то какъ мы сѣемъ, какъ сбираемъ жатву, какъ ходимъ по землѣ, не трогая ногъ Его? Какъ Онъ измѣряетъ небо пядію? Какіе огромные персты долженъ имѣть Онъ соотвѣтственно Божеству? И какъ Онъ такими перстами могъ написать малыя скрижали, и притомъ—немногими? Мы пишемъ тремя пальцами;

остальные только помогаютъ. Богъ написалъ скрижали однимъ перстомъ. Видѣлъ ли ты, чтобы кто-нибудь писалъ однимъ пальцемъ? Это скорѣе мысли, чѣмъ слова.

4. *Сотворимъ человѣка по образу нашему.* Богъ хочетъ, чтобы мы были подражателями Ему въ добродѣтели. Что значитъ: *по образу*? Богъ святъ; если мы святы, то мы — по образу Божію. *Будите*, говорится, *святи, яко азъ святъ есмь* (Лев. XIX, 2). Богъ праведенъ; если мы поступаемъ по правдѣ, то мы—образъ Божій. *Праведенъ Господь, и правду возлюби* (Пс. X, 7). Если мы человѣколюбивы, милостивы, то мы—образъ Божій. *Будите милосерди*, говоритъ Спаситель, *якоже Отецъ вашъ милосердъ есть* (Лук. VI, 36). Видишь, въ чемъ образъ? И Павелъ показываетъ, въ чемъ состоитъ образъ, когда говоритъ: „совлекитесь ветхаго человѣка, и облекитесь въ новаго, созданнаго по Богу въ познаніе истины, по образу создавшаго его“ (Кол. III, 9, 10). Видишь, что *по образу нашему* относится къ добродѣтелямъ. Далѣе, въ чемъ образъ? Во власти. Да обладаютъ *рыбами морскими, и птицами небесными, и звѣрьми, и гады, и скотами, и всею землею* (Быт. I, 26). Какая послѣдовательность у Бога! Какая точность въ словахъ! „Да обладаютъ рыбами морскими“. По порядку творенія и порядокъ господства. Такъ какъ первоначально произошли изъ моря рыбы, а потомъ изъ земли четвероногія и другія животныя, то Богъ сначала говоритъ о томъ, что произошло прежде. Да обладаютъ *рыбами, и птицами, и звѣрьми, и гады, и скотами*. Вотъ почему и три отрока, въ пещи славословя Бога, наблюдаютъ тотъ же порядокъ: *благословите, моря и рѣки, Господа. Благословите, кити и вся движущаяся въ моряхъ, Господа. Благословите, вся птицы небесныя, Господа. Благословите, звѣріе и скоти. Благословите, сынове человѣчестіи* (Дан. III, 72—82). Можно было бы и продолжить изъясненіе, но перейдемъ къ дальнѣйшему. *И создалъ Богъ человѣка* (Быт. I, 27). Не просто сказано:
476 „сотворилъ“, а: „образовалъ“ (ἔπλασε). „Образованіе“ употребляется, когда говорится о благовидности. Такъ, когда кто-нибудь видитъ красивое лицо, то говоритъ: прекрасный образъ. Богъ ничего не сотворилъ въ тѣлѣ безъ красоты, а все создалъ для красоты и для пользы. Напримѣръ, глазъ имѣетъ двѣ цѣли — пользу и красоту: онъ и видитъ, и краситъ лицо; украшаетъ внѣшность, и все видитъ. Ухо служитъ на пользу и для красоты, такъ какъ оно, представляя какъ бы вазу, украшаетъ человѣка. Равнымъ образомъ, носъ имѣетъ необходимое обоняніе; но у человѣка сравнительно съ другими животными, онъ образуетъ какъ бы раздѣляющую стѣнку и дополняетъ красоту. Это—у одного лишь человѣка; другія животныя носа не имѣютъ, а только простыя

мѣста ноздревыхъ отверстій. Вотъ почему Богъ и образовалъ человѣка. Потому и Давидъ говоритъ: *насаждей ухо, не слышитъ ли, или создавый око, не смотряетъ ли* (Пс. xcш, 9)? Точно также и землю Богъ создалъ для красы и для пользы. Но чтобы не указывать тебѣ многочисленныхъ красотъ, скажу только объ одной. Богъ далъ человѣку, разумѣю мужчину, вмѣстѣ съ другими и сосцы. Зачѣмъ мужчинѣ сосцы? Для красоты. Пусть женщинѣ нужны сосцы по необходимости природы, для образованія молока. Для чего они мужчинѣ? Для благовидности, для красоты. Какъ въ домахъ однѣ вещи существуютъ ради нужды, другія ради красоты, такъ и Богъ одно далъ человѣку для красоты, другое для пользы. Богъ создалъ человѣка, взявъ персть отъ земли. Блаженны надежды христіанъ, если мы уразумѣемъ то, что слышимъ. Почему не сказано: „взялъ комъ земли"? Создалъ Богъ такое тѣло, и не нуждался даже въ комѣ земли, а взялъ персть? Богъ предвидѣлъ будущее какъ настоящее. Такъ какъ онъ предвидѣлъ, что человѣкъ долженъ умереть и превратиться въ прахъ, то Онъ въ самомъ твореніи напередъ указалъ надежду воскресенія. Онъ беретъ персть отъ земли, дабы ты, когда увидишь въ гробу прахъ, зналъ, что Тотъ, Кто создалъ то, воскреситъ и это. *Созда человѣка, персть вземъ отъ земли, и вдуну въ лице его дыханіе жизни* (Быт. п, 7). Замѣть различіе между человѣкомъ и безсловесными. Творя всѣхъ другихъ животныхъ, Богъ у всѣхъ заразъ создалъ вмѣстѣ съ тѣломъ и душу. Внимай, прошу. Рыбъ Онъ сотворилъ заразъ и съ тѣломъ и съ душою. *Да изведетъ земля* животныхъ: вмѣстѣ съ тѣлами заразъ произошла и душа. У человѣка Богъ творитъ сначала тѣло, потомъ душу. Ради какой надежды? Каково созданіе, таково и разрушеніе. Животныя потому не имѣютъ воскресенія, что они, какъ произошли, такъ и умираютъ; вмѣстѣ съ тѣломъ прекращаетъ бытіе и душа. Тѣло человѣка Богъ взялъ отъ земли, а душу создалъ и далъ самъ (сотворивъ ее, а не взявъ изъ собственнаго существа), дабы бы, когда умретъ тѣло, или человѣкъ, не отчаивались относительно души. Что въ томъ, что тѣло погребено во гробѣ? Не думай, что тамъ же душа. Она взята не отъ земли, и не возвращается въ землю. Такъ Богъ утвердилъ надежду. Потому и Іезекіиль, пророчествуя о воскресеніи, говоритъ: „мертвымъ костямъ явилось тѣло" и затѣмъ продолжаетъ: *отъ четырехъ вѣтровъ* да пріидетъ духъ и войдетъ 477
въ мертвыя сія, и да оживутъ (Іез. xxxvп, 9). Такъ и Давидъ восклицаетъ: *отъимеши духъ ихъ и исчезнутъ, и въ персть свою возвратятся. Послеши Духа твоего, и созиждутся, и обновиши лице земли* (Пс. сш, 29—30). Видишь Духа—творца? Видишь сообщника—Бога?

5. Но возвратимся къ нашему предмету. *Вдуну*. Словомъ *вдуну* бытописатель указалъ на простоту души, на ея несоставность. Слушай теперь. Такъ какъ твореніе обветшало, то Христосъ обновляетъ его Своимъ воплощеніемъ. Адамъ созданъ былъ изъ земли, Христосъ создалъ очи слѣпому изъ бренія, дабы ты зналъ, что Онъ есть тотъ, Который взялъ персть отъ земли и создалъ человѣка. Богъ вдунулъ въ лице Адама дыханіе жизни; дунулъ Христосъ въ лице апостоловъ и сказалъ: *пріимите Духъ Святъ* (Іоан. xx, 22). Дуновеніе, которое погубилъ Адамъ, возвратилъ здѣсь Христосъ; и сталъ опять человѣкъ душой живою. Замѣть здѣсь послѣдовательность. Хотя мой голосъ и утомляется, но, устремляясь обычною надеждой и спѣша удовлетворить желаніямъ братій, я вѣрю, что мнѣ дано будетъ слово, не ради моего достоинства, а ради усердія слушателей. Хотя мы и много уступаемъ въ достоинствѣ святымъ, но и они испытывали тоже, и поставлялись въ затрудненіе немощію тѣла. Объ этомъ свидѣтельствуетъ Давидъ, говоря: *утрудихся зовый, измолче гортань мой* (Пс. LVIII, 4). Лучше охрипшимъ голосомъ говорить право, чѣмъ, обладая громкимъ голосомъ, имѣть развращенную душу. *Насади Богъ рай во Едемѣ на востоцѣхъ* (Быт. II, 8). Что такое Едемъ? Едемъ значитъ: сладость (роскошь). Можно бы сказать: насадилъ рай въ роскоши, т. е. въ роскошномъ, прекрасномъ мѣстѣ. Потому подъ конецъ и говорится: *и изрине Адама, и всели его прямо рая сладости* (Быт. III, 24). *Насади Богъ рай во Едемѣ на востоцѣхъ*. Почему рай не въ другой странѣ, а на востокѣ? Откуда начало теченія свѣтилъ, оттуда и начало жизни людей. Богъ предзнаменуетъ будущее. На востокѣ въ раю поселяетъ Онъ человѣка для того, чтобы показать, что какъ восходящія свѣтила текутъ на западъ, и заходятъ, такъ и человѣку должно по образу свѣтилъ идти отъ жизни къ смерти, погрузиться въ смерть и достичь опять иного востока въ воскресеніи мертвыхъ. Адамъ устремился къ западу, погрузился въ гробъ; за нимъ послѣдовали и дѣла земли и спогреблись съ умершимъ. Пришелъ Христосъ и далъ возстаніе умершему. Потому пророкъ и говоритъ о Немъ: *се мужъ, востокъ имя ему, и подъ нимъ возсіяетъ* (Зах. VI, 12), т. е. изъ мертвыхъ. Въ Адамѣ человѣкъ умеръ, во Христѣ возсталъ. *Якоже бо о Адамѣ*, свидѣтельствуетъ Павелъ, *вси умираютъ, такожде и о Христѣ вси оживутъ* (1 Кор. XV, 22). *И взя Богъ человѣка, егоже созда, и поставилъ его въ раю* (Быт. II, 15). Ввелъ его въ готовый домъ. Подобно тому какъ зовущій кого-нибудь на пиръ сначала приготовляетъ домъ, и затѣмъ уже вводитъ званаго, такъ точно и
478 здѣсь: Богъ приготовилъ человѣку великолѣпную храмину—рай,

и затѣмъ уже ввелъ званнаго. Гдѣ созданъ былъ человѣкъ? На землѣ, внѣ рая. Подобно тому какъ свѣтила созданы были въ другомъ мѣстѣ, и помѣщены на небѣ, такъ и Адамъ созданъ былъ внѣ рая, на другой землѣ, и потомъ уже былъ введенъ въ рай. Откуда это видно? Писаніе, подъ конецъ (повѣствованія о твореніи), когда Адамъ былъ изгнанъ изъ рая, говоритъ: *и изгна Богъ* Адама *изъ рая сладости, дѣлати землю, отъ нея же взятъ бысть* (Быт. ш, 23). Поселилъ его въ раю *сладости дѣлати и хранити* рай (Быт. п, 15). *Дѣлати.* Чего же не доставало въ раю? Но если даже дѣлатель и нуженъ былъ, то откуда плугъ? Откуда другія орудія земледѣлія? Дѣло Божіе состояло въ томъ, чтобы дѣлать и хранить заповѣдь Бога, оставаться вѣрнымъ заповѣди. *Се дѣло Божіе*, говоритъ Спаситель, *да вѣруете въ того, его же посла Онъ* (Іоан. vi, 29). Слѣдовательно, какъ вѣровать во Христа есть дѣло Божіе, такъ дѣломъ было и вѣрить заповѣди, что если коснется (запрещеннаго дерева), умретъ, а если не коснется, будетъ жить. Дѣломъ было соблюденіе духовныхъ словъ. Какое дѣло было у Павла? Былъ ли Павелъ земледѣльцемъ? Имѣлъ ли онъ другое какое занятіе? Не все ли его дѣло заключалось въ словѣ, въ проповѣди? *Дѣло мое*, говоритъ онъ ученикамъ, *есте вы о Господѣ* (1 Кор. ix, 1). *Дѣлати*, говорится, *его и хранити.* Отъ кого хранить? Разбойника не было, прохожаго не было, злоумышленника не было. Отъ кого хранить? Хранить его для себя самого; не потерять его преступленіемъ заповѣди; хранить для себя рай, соблюдая заповѣдь. Вмѣстѣ съ голосомъ утомляется и мой умъ; но изъяснимъ мысль. *Поселилъ его въ раю.* Событіями предшествовавшими Писаніе прикровенно указываетъ уже на будущія. *Рѣка же исходитъ изъ Едема напаяти рай* (Быт. п, 10). Отсюда узнай, что рай былъ не маленькимъ садомъ, имѣвшимъ незначительное пространство. Его орошаетъ такая рѣка, что отъ полноты ея выходятъ четыре рѣки. *Рѣка же исходитъ изъ Едема напаяти рай.* Оросивши рай, она раздѣляется затѣмъ на четыре рѣки: Тигръ, Нилъ, Евфратъ, и рѣку, называемую въ Писаніи Фисонъ, которую теперь называютъ Данувій (Дунай).

6. Замѣть величину рѣки, если она раздѣляется на четыре рѣки. И эта рѣка одна только орошаетъ рай. Для чего такая рѣка? Былъ одинъ только Адамъ. Что за нужда была въ такой большой рѣкѣ? Она была не для него одного только, а назначалась для всей вселенной. Она уготована была патріархамъ, пророкамъ, апостоламъ, евангелистамъ, мученикамъ, исповѣдникамъ, святымъ, вѣрнымъ, православнымъ, благочестиво живущимъ, всѣмъ праведникамъ. Спаситель разбойнику, во единомъ часѣ исповѣ-

давшему Его, обѣщалъ рай, говоря: *днесь со Мною будеши въ раи* (Лук. XXIII, 43); подвизавшіеся отъ юности Авраамъ, Исаакъ, Іаковъ, происшедшіе отъ него патріархи (послѣдовали за нимъ). Прежде всѣхъ ихъ дѣлается наслѣдникомъ рая разбойникъ. Итакъ Богъ творитъ Свои дѣла не ради настоящаго, а ради ожидаемаго. Ради чего Онъ сотворилъ такое пространство земли? Ради Адама или ради обитающихъ на ней теперь? *Оттуду разлучается въ четыре начала* (Быт. II, 10). Не сказано: „на четыре потока“, а: *начала*, т. е. источника. Имя одному—Фисонъ, о ко-
470 торомъ мы уже сказали. Далѣе—Гіонъ, это—Нилъ; Гіонъ—древнее его названіе. Объ этомъ свидѣтельствуетъ Іеремія, говоря: *что тебѣ и пути египетскому, еже пити воду геонскую* (Іер. II, 18)? Слушай здѣсь внимательно. Представь, что вотъ это—рай. Наглядно можно это разъяснить лучше, чѣмъ словомъ. Проходитъ большая рѣка, изобилующая водою, и орошаетъ рай. Отсюда она несется въ подземную бездну и проходитъ подъ землею безпредѣльный путь, который знаетъ только положившій его Господь, долгое время потокъ скрывается, расходится по разнымъ мѣстамъ, и наконецъ одною частью является въ Еѳіопіи, другою—на западѣ, третьей—на востокѣ. Такъ направляетъ Богъ потокъ подъ землею и творитъ источники, чуждые первой рѣкѣ. Для чего это? Для того, чтобы, идя по слѣдамъ рѣкъ, люди не нашли рая, чтобы послѣдній оставался для нихъ недоступнымъ. Если бы до рая можно было дойти, то никто не нашелъ бы его раньше богатыхъ; теперь же Богъ заключилъ его какъ для богатыхъ, такъ и для бѣдныхъ, чтобы всѣ находили къ нему путь только чрезъ одну добродѣтель. Сколько трудовъ подъяли патріархи, пророки, святые, ища рай, и не нашли его? Разбойникъ, который этимъ путемъ не шелъ, чрезъ вѣру воистину нашелъ путь,—Того, Кто говоритъ: *Азъ есмь путь* (Іоан. XIV, 6). Онъ нашелъ рай, который заключенъ былъ преслушаніемъ для перваго человѣка. Но почему, спросимъ, бытописатель, упомянувъ о первой рѣкѣ, сказалъ: *тамо есть злато доброе, и анераксъ, и камень зеленый* (Быт. II, 11, 12). Если ужъ онъ описывалъ страны вселенной, то долженъ былъ бы указать богатства, находящіяся въ каждой странѣ,—указать, гдѣ находятся смарагды, гіацинты, гдѣ топазъ, гдѣ другія различныя драгоцѣнности. Онъ упомянулъ о золотѣ и двухъ камняхъ какъ о начаткахъ священства, такъ какъ первосвященникъ носилъ золотой платъ, на которомъ было написано имя Божіе. Двѣнадцать камней было на груди первосвященника: сардій, топазъ, смарагдъ, анераксъ, сапфиръ, іасписъ, лигирій, агатъ, аметистъ, хризолитъ, бериллъ, ониксъ (Исх. XXVIII, 17—20). Изъ этихъ двѣнадцати камней зеленый (смарагдъ)

былъ усвоенъ колѣну священниковъ, анѳраксъ—царскому. Почему? Потому, что какъ огню свойственно жечь и свѣтить, такъ и царю свойственно благодѣтельствовать и наказывать. Рувиму, первому колѣну, усвояется сардій Симеону—топазъ, Левію—зеленый камень, Іудѣ, отъ котораго Христосъ,—огненный анѳраксъ. Спустя долгое время Исаія говоритъ Іерусалиму: *на рукахъ моихъ написахъ стѣны твоя, и предо мною еси присно. Се уготовляю анѳраксъ камень твой* (Ис. XLIX, 16, LIV, 11),—разумѣя, несомнѣнно, Спасителя. *Се*, говоритъ, *полагаю* въ Сіонѣ *камень краеуголенъ, избранъ, честенъ, и вѣруяй въ онь не постыдится* (Ис. XXVIII, 16). Итакъ, анѳраксъ усвоенъ царскому колѣну, зеленый (смарагдъ)—священному. Отъ названной рѣки отдѣляются четыре источника рѣкъ. Почему же вода ихъ не одинакова? Если онѣ отъ одной рѣки, спрашиваютъ любопытные, если изъ одного источника, то почему не одно у всѣхъ качество? Что за причина этого? Онѣ измѣняются отъ земли, отъ свойства тѣхъ мѣстъ, чрезъ которыя проходятъ. Одна и та же вода, имѣющая одну природу и каче- 480
ство, если насыщается полынью, получаетъ одно качество, если анисомъ,—другое, если рутой—третье; природа одна, но ее измѣняютъ другія вещества. Такъ точно и рѣки. Такъ какъ онѣ проходятъ по новымъ мѣстамъ, одна чрезъ землю, имѣющую одно свойство, другая чрезъ иную почву, то и получаютъ новыя свойства отъ мѣстностей.

7. Итакъ, Богъ сообщилъ качества рѣкамъ по положенію мѣстностей. Наконецъ, Онъ творитъ въ раю *всякое древо красное въ видѣніи и доброе въ снѣдь* (Быт. II, 9). Онъ заранѣе лишилъ преступника возможности оправдываться. Когда бытописатель сказалъ о женѣ: *видѣ жена* дерево красиво на видъ и *добро въ снѣдь* (Быт. III, 6), то дабы кто-нибудь не подумалъ, что оно одно только было красиво по сравненію съ другими деревьями, онъ сказалъ, что этимъ свойствомъ отличались всѣ деревья, что всѣ были красивы на видъ и прекрасны, дабы ты зналъ, что человѣкъ преступилъ заповѣдь не по причинѣ недостатка, а палъ при полномъ изобиліи. *И древо*, говорится, *жизни посредѣ рая и древо еже вѣдѣти* доброе и лукавое (Быт. II, 9). Троякаго рода были деревья. Одни даны были человѣку, чтобы онъ жилъ; другія—чтобы хорошо жилъ; третьи—чтобы всегда жилъ. Онъ могъ жить отъ деревьевъ, отъ которыхъ было позволено ѣсть; могъ жить хорошо, не касаясь деревьевъ запрещенныхъ; могъ жить хорошо, касаясь того, что было не запрещено ему, и не касаясь того, что запрещено. Жить хорошо—значило повиноваться Богу. Древо жизни находилось среди рая, какъ награда; древо познанія—какъ предметъ состязанія, подвига. Сохранивъ заповѣдь

относительно этого дерева, ты получаешь награду. И посмотри на дивное дѣло. Повсюду въ раю цвѣтутъ всякія деревья, повсюду изобилуютъ плодами; только въ серединѣ два дерева какъ предметъ борьбы и упражненія. Кругомъ была пища. Впрочемъ, рѣчь о преступленіи и древѣ отложимъ до другого времени, а теперь обратимся къ ближайшему. Богъ приводитъ къ Адаму всѣхъ животныхъ. Пусть выслушаютъ еретики. Не дивись, если по поводу каждаго изреченія, каждаго слова, рѣчь обращается противъ еретиковъ; тѣ, кто возстаютъ противъ славнаго царствія, обличаются по всякому поводу. *Камень изъ стѣны* вопіетъ (Авв. II, 11), не говорю уже—слово отъ Писанія; *іота едина, или едина черта* (Матѳ. v, 18) не оставляетъ безъ порицанія еретиковъ. Все обвиняетъ тѣхъ, кто отрицаетъ Владыку всѣхъ твореній. Итакъ, слушай. Необычайное было зрѣлище: стоитъ Адамъ, и Богъ, какъ слуга, приводитъ къ нему животныхъ. *Приведе*, говорится, Богъ животныхъ (Быт. II, 19). Здѣсь внимай не словамъ, а мысли. Представь стоящаго Бога и судящаго Адама. Привелъ Богъ всѣхъ животныхъ и говоритъ Адаму такимъ, напримѣръ, образомъ: какъ, по твоему мнѣнію, назвать это животное?—Пусть называется львомъ. Богъ утверждаетъ названіе. Далѣе: какъ это животное?—Пусть называется волкомъ.—Прекрасно разсудилъ ты. Подобнымъ образомъ Богъ утвердилъ имена всѣхъ животныхъ. *Приведе я*, говоритъ Писаніе, *ко Адаму видѣти, что наречетъ я. И всяко, еже нарече Адамъ, сіе имя ему* (Быт. II, 19). Смотри. Такъ какъ Богъ сотворилъ человѣка по образу Своему, то Онъ пожелалъ явно представить и его достоинство и поистинѣ показать, что онъ носитъ образъ премудрости. И замѣть дивное дѣло. Богъ опредѣлилъ Самъ имена заранѣе, но хотѣлъ показать чрезъ образъ, что сужденія Адама согласны съ божественною волей. Несомнѣнно, Писаніе, желая показать, что Богъ предо-
481 предѣлилъ имена, которыя далъ Адамъ, говоритъ: *и всяко, еже нарече* ихъ *Адамъ, сіе имя ему*, т. е. Богъ такъ предопредѣлилъ, Богъ такъ рѣшилъ.

Но возвратимся къ предмету нашей рѣчи. Стоитъ Адамъ, и Богъ приводитъ къ нему животныхъ, и Владыкѣ не служитъ къ униженію то, что Онъ приводитъ къ рабу. А еретики, если услышатъ, что Христосъ приводитъ насъ къ Отцу, тотчасъ говорятъ: видишь, что Онъ рабъ? *Приведе я ко Адаму*. Рабъ судилъ, Владыка приводилъ. Богъ не унижался тѣмъ, что приводилъ (животныхъ) къ Адаму. А Христа еретики, когда услышатъ, что онъ приводитъ къ Отцу, низводятъ въ рядъ слугъ. Если Спаситель говоритъ: *никтоже* приходитъ *ко Отцу, токмо мною* (Іоан. XIV, 6), еретики тотчасъ же направляютъ, а вѣрнѣе ска-

зать—искривляють, уши. Богъ, приводящій животныхъ къ Адаму, не является его слугою; а если человѣка приводитъ къ Богу Богъ, то становится въ рядѣ слугъ? Но пусть невѣдѣніе словъ Писанія не даетъ пищи для твсей болѣзни. Я знаю, что и Сынъ приводитъ къ Отцу, и Отецъ къ Сыну. Сказавъ: *никтоже* приходитъ *ко Отцу, токмо мною*, самъ же Спаситель говоритъ также: *никтоже* приходитъ *ко Мнѣ, аще не Отецъ* мой небесный *привлечетъ его* (Іоан. VI, 44). Хотя я знаю, что то, о чемъ я скажу теперь, я уже раньше сказалъ, но такъ какъ это имѣетъ близкое отношеніе къ настоящему предмету, а съ другой стороны, можетъ быть нѣкоторые тогда не слышали, то и теперь повторю. Представь, сколько существуетъ животныхъ; именно, представь ручныхъ, дикихъ, живущихъ въ горахъ, въ долинахъ, животныхъ въ Галліи, Индіи, во всѣхъ другихъ странахъ вселенной; представь далѣе роды и виды гадовъ, всѣхъ птицъ, всѣхъ рыбъ, обитающихъ въ морѣ, озерахъ, рѣкахъ. Всѣ они были приведены къ Адаму, и каждому изъ нихъ Онъ давалъ названіе, и Богъ не возражалъ, а спокойно ожидалъ. Тысячи именъ,—и Богъ на всѣ даетъ согласіе. Одно имя называетъ Богъ, свидѣтельствуя съ неба: *сей есть Сынъ мой* (Матѳ. III, 17), и еретики отвергаютъ голосъ, свидѣтельствующій объ одномъ имени,—тотъ самый святой голосъ, который призналъ тысячи именъ и не отвергъ ни единаго. Приведены были животныя и названы именами. Теперь человѣкъ стоялъ какъ царь.

8. Подобно тому, какъ вступающіе въ войско отмѣчаются царскимъ знакомъ, такъ и Богъ, поскольку хотѣлъ даровать человѣку господство, даетъ ему, какъ господину, власть наречь имена, потому что никто не назначаетъ именъ кромѣ одного только господина или отца. Слушай. Одни имена нарекъ Богъ, другія—Адамъ. Богъ назвалъ небо, землю, море, твердь, день, свѣтъ, ночь, плодъ, растеніе, траву, деревья; Адамъ нарекъ животныхъ и птицъ: павлина, орла, тельца, овцу; этотъ—виды, Тотъ—роды, чтобы не ложно было изреченіе Сказавшаго: *сотворимъ человѣка по образу нашему* (Быт. I, 26). Богъ нарекаетъ имена свѣтиламъ: медвѣдицѣ, оріону, плеядамъ, вечерней зарѣ, денницѣ. Все это назвалъ Богъ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ Давидъ, говоря: *исчитаяй множество звѣздъ, и всѣмъ имъ имена нарицаяй* (Пс. CXLVI, 4). Богъ даетъ имена тому, что на небѣ, Адамъ—тому, что на землѣ. Богъ называетъ небо, землю, всѣ остальныя творенія, называетъ Адама, огонь, человѣка. Адамъ что называетъ? Имена животнымъ, птицамъ, гадамъ, звѣрямъ.

Новыя имена—кость, плоть—называетъ Адамъ, когда говоритъ о женѣ: *се нынѣ кость отъ костей моихъ, и плоть отъ* 482

плоти моея (Быт. п, 23). Когда Богъ создалъ человѣка, Онъ не сказалъ, что создалъ его изъ костей и плоти. Затѣмъ, Богъ говоритъ: „мужчина", Адамъ говоритъ: „мужъ", Богъ говоритъ: „женщина", а тотъ: „жена". Чудное дѣло. Такъ какъ человѣкъ исполненъ былъ святого Духа и не былъ еще несчастнымъ преступникомъ, а полонъ былъ благодати, то въ немъ цѣлъ былъ даръ пророчества, о которомъ я говорилъ вашей любви за нѣсколько дней предъ этимъ. Онъ зналъ прошедшее, зналъ настоящее и будущее. Какъ онъ зналъ настоящее? Въ тѣлѣ костей снаружи не видно; но такъ какъ онъ имѣлъ Духа, то и говоритъ: *се нынѣ кость отъ костей моихъ*. Откуда бы онъ зналъ, если бы не открылъ ему Духъ Святый. Почему же сначала Адамъ назвалъ кость, а затѣмъ плоть? Потому, что Богъ сначала взялъ изъ него ребро. *Сія*, говоритъ, *наречется жена, яко отъ мужа своего взята бысть сія* (Быт. п, 23). Адамъ пророчествуетъ о прошедшемъ, указываетъ настоящее, говоритъ о будущемъ. *Сего ради оставитъ человѣкъ отца своего и матерь* (Быт. п, 24). Еще не было брака; откуда же отецъ и мать? Пусть выслушаютъ опять еретики. Богъ восхотѣлъ сотворить Адаму жену. *Наложи изступленіе на Адама и успе* (Быт. п, 21). Всякое древнее слово Божіе стало закономъ природы. На первомъ человѣкѣ Онъ показалъ,какъ должно происходить отъ человѣка новое поколѣніе. „Навелъ Богъ сонъ на Адама". Дивное дѣло. Богъ указываетъ время, когда устанавливается бракъ. Сонъ называется изступленіемъ, потому что во время сна человѣкъ бываетъ какъ бы внѣ себя. Душа въ немъ, и въ то же время не въ немъ. Она не чувствуетъ, не понимаетъ, слыша не слышитъ. Какъ теперь мы говоримъ: онъ былъ въ отсутствіи, когда онъ чуждъ занятій, такъ и душа, когда бываетъ чужда чувствъ, находится въ отсутствіи (экстазѣ). *И успе*, говорится. *И взя* Богъ *едино отъ ребръ его* (ст. 21). Пусть спросятъ у еретиковъ: какъ взялъ Богъ? Какъ Адамъ не почувствовалъ боли? Какъ онъ не страдалъ? Одинъ волосъ вырывается изъ тѣла, и мы испытываемъ боль, и хотя бы кто былъ погруженъ въ глубокій сонъ, онъ просыпается отъ боли. Между тѣмъ вынимается такой большой членъ, вырывается ребро, а спящій не просыпается? Богъ извлекъ ребро не насильно, чтобы Адамъ проснулся, не вырвалъ. Писаніе, желая показать быстоту дѣйствія Зиждителя, говоритъ: *взя*. Связи разрѣшились, и человѣкъ не почуствовалъ.

9. Богъ взялъ ребро, какъ взялъ персть. Если бы связавшій былъ одинъ, а разрѣшившій—другой, то была бы борьба; если же разрѣшилъ связавшій, то разрѣшилъ какъ было угодно. *Взя* ребро, *и исполни плотію вмѣсто ея*. Откуда наполнилъ? Из-

влекъ изъ остального тѣла? Но всякое тѣло, если его тянутъ, становится тоньше. Какъ наполнилъ? Такъ и о тѣлѣ мы говоримъ, и не понимаемъ; а говоря о Богѣ, многоумствуемъ? *И созда Господь ребро, еже взя отъ Адама, въ жену* (Быт. II, 22). Откуда изъ ребра образовались глаза? Откуда чувствующее сердце? Откуда говорящій языкъ? Какъ образовались изъ ребра внутренности? Какъ возникла изъ ребра печень? Ты не въ силахъ понять, какъ произошло это, а любопытствуешь о Зиждителѣ? Замѣть повсюду образъ Христа. Богъ взялъ у Адама ребро не прежде, чѣмъ навелъ на него сонъ. Почему? Потому, что отъ ребра имѣлъ произойти грѣхъ, который вошелъ черезъ жену. Пришелъ Спаситель, источая изъ ребра воду и кровь,—воду, омывающую отъ грѣховъ, кровь, дающую намъ таинство. Смотри на 483
образъ. Когда Адамъ уснулъ, было взято ребро; когда наступилъ сонъ для тѣла Христова, отверзлось ребро, чтобы новою исторіею разрѣшить древнее печальное событіе,—говорю о снѣ на крестѣ. *Созда ребро въ жену, приведе ю ко Адаму* (ст. 22). О, человѣколюбіе Господа! Сколько Онъ творитъ, создаетъ, сколько благодѣтельствуетъ! Приводитъ животныхъ, приводитъ невѣсту. Такъ какъ и Адамъ былъ какъ сирота, и Ева дѣвица не имѣла ни отца, ни матери, которые исполнили бы нужное, то Богъ самъ исполняетъ обязанности отца и матери. И замѣть законъ,—вѣдь всякое древнее слово Бога есть законъ природы. *Приведе* Богъ жену *ко Адаму*,—и осталось закономъ до настоящаго времени, что жена для мужа; не мужъ приводится къ женѣ. *Бѣста нага, и не стыдястася* (Быт. II, 25). Дѣйствуетъ уставъ, возглашается законъ. Всѣхъ стыдится мужчина, кромѣ своей жены; всѣхъ стыдится женщина, кромѣ своего мужа. Это, сказалъ я, по закону. Причина же, почему первые люди не стыдились наготы, заключалось въ томъ, что они облечены были въ безсмертіе, одѣты славою. Слава не дозволяла имъ видѣть себя нагими; она прикрывала наготу. Гдѣ, опять, можешь ты видѣть человѣка нагимъ и нестыдящимся? Ты находишь его во Христѣ. Петръ, Іоаннъ и Іаковъ пришли ко гробу, ища тѣло, и не нашли его, а нашли свернутыя одежды, дабы явно было, что послѣ воскресенія Христа въ Немъ возстановляется древній образъ Адама, и Онъ пребываетъ безъ одеждъ, но не нагимъ, а одѣтымъ. Воскресъ Христосъ, и слагаетъ съ Себя одежды, въ которыя облекся Адамъ; былъ нагъ и нагимъ не казался. По воскресеніи жены видятъ повергнутыя одежды. Маріа и Марія видятъ Христа, узнаютъ Его, припадаютъ къ Нему, и нагимъ Его не видятъ. Какъ Онъ облекся въ одежды? Онъ бросилъ ихъ въ гробѣ. Прежнія одежды раздѣлили воины. Какимъ же образомъ Онъ одѣлся? Почему

нагой не нагъ? Спрошу еще и о другомъ. Почему одежды и плащаницу видѣли въ одномъ мѣстѣ, а платъ, которымъ была повязана глава Спасителя, въ другомъ? Святая благодать хотѣла показать, что воскресеніе произошло безъ замѣшательства. Такъ какъ іудеи намѣревались пустить слухъ, что тѣло украдено учениками, то Христосъ оставляетъ свои одежды въ гробѣ. Тотъ, кто крадетъ мертвеца, крадетъ его вмѣстѣ съ одеждами. Спасителя можно было видѣть выходящимъ изъ гроба, какъ Іосифа изъ Египта. И замѣть различіе: послѣ воскресенія явился Христосъ нагимъ, и Петръ былъ нагимъ, но одинъ обладалъ безсмертіемъ, другой былъ еще смертенъ. Іисусъ, облеченный во славу, сталъ на берегу и говоритъ: *дѣти, еда что снѣдно имате* (Іоан. XXI, 5). Нѣтъ, отвѣчаютъ ученики, не имѣемъ,—такъ какъ они не узнали Его. Затѣмъ говоритъ: *ввергите одесную страну корабля* (ст. 6); они забросили и поймали великое множество. Іоаннъ узнаетъ Господа и говоритъ Петру: *Господь есть* (ст. 7). О, чудо! По голосу не узнали, а узнали по дѣламъ. И взялъ, говорится, Петръ одежду, *бѣ бо нагъ* (тамъ же). Смертное тѣло стыдится, безсмертное—не стыдится. Но къ облекшему насъ славою, къ облекшему вселенную безсмертіемъ, къ Тому припадемъ, Того
484 будемъ молить, да облечетъ насъ вѣрою, надеждою спасенія, славою Христовою, такъ какъ Отцу слава со Единороднымъ Сыномъ и Святымъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ Аминь.

БЕСѢДА VI.

О шестомъ днѣ творенія, о первозданныхъ людяхъ, о зміѣ, о древѣ познанія, о жизни въ раю и общеніи Бога съ Адамомъ.

1. Итакъ, приступимъ къ исполненію обѣщанія, и доведемъ до конца рѣчь о раѣ. Хотя и великимъ зломъ было изгнаніе Адама изъ рая, но гораздо большее еще зло—утрата нами памяти о раѣ. Итакъ, приступимъ къ предмету, изъясняя его не на основаніи общихъ обычныхъ разсужденій, а заимствуя рѣшеніе недоумѣній изъ самаго Священнаго Писанія. Кто думаетъ и разсуждаетъ по собственному изволенію, тотъ обольщаетъ себя, а кто научается рѣшенію недоумѣній отъ Писанія, тотъ имѣетъ своимъ учителемъ саму истину. Такъ какъ многіе и изъ вѣрныхъ при чтеніи (Писанія) встрѣчаютъ недоумѣнія, и изъ невѣрныхъ многіе, по неразумію, хулятъ (Бога), то мы, дабы и святыхъ утвердить, и невѣрныхъ обличить, приступимъ къ изъяс-

ненію, по мѣрѣ нашихъ силъ, молитвенно прося вмѣстѣ съ вами Бога, чтобы Онъ даровалъ обильное познаніе истины. Насколько дозволяли наши силы, хотя и не такъ, какъ требовало бы достоинство предмета, мы достаточно сказали о томъ, какъ человѣкъ былъ созданъ, какъ образовано было тѣло, какъ сотворена Богомъ душа и вложена въ тѣло, какъ человѣкъ имѣлъ своимъ жилищемъ рай. Обратимся теперь къ дальнѣйшему. Адаму дана была вся земля, избраннымъ же его жилищемъ былъ рай. Ему можно было ходить и внѣ рая, но находившаяся внѣ рая земля назначена была для обитанія не человѣку, а безсловеснымъ животнымъ, четвероногимъ, звѣрямъ, гадамъ. Царственнымъ и владычнымъ жилищемъ для человѣка былъ рай. Потому-то Богъ и привелъ животныхъ къ Адаму, что они были отдѣлены отъ него. Рабы не всегда предстоятъ господину, а когда только бываетъ въ нихъ нужда. Животныя были названы и тотчасъ же удалены изъ рая; остался въ раю одинъ Адамъ. Здѣсь обратимъ вниманіе на точность Писанія.

Повелѣно было животнымъ придти къ Адаму, повиноваться ему и служить. Подобно тому какъ было три рода деревьевъ,—были деревья, дававшія ему пищу для жизни, были деревья, способствовавшія благополучной его жизни, и было древо, охранявшее его для жизни вѣчной,—такъ точно даны ему были и три рода безсловесныхъ животныхъ,—одни въ пищу,—назначены, впрочемъ, были не ему одному, а всему роду человѣческому,—другія—для служенія, третьи—для услажденія души. Въ пищу даны, напр., тѣ, которыхъ теперь колютъ; для служенія—лошади, верблюды, ослы, волы и другія рабочія животныя; для услажденія душевнаго—животныя, обладающія способностію подражанія, птицы небесныя съ ихъ звонкими голосами, услаждающими слухъ. Подобно тому какъ тѣло, если не отдохнетъ послѣ трудовъ отъ утомленія, бываетъ не способно къ новымъ трудамъ, такъ и душа, 485
подвизавшаяся въ трудахъ добродѣтели, если не усладится видомъ пріятнаго, не имѣетъ достаточной крѣпости для подвиговъ добродѣтели. Когда Богъ видитъ, что душа утомляется, Онъ услаждаетъ ее пріятными вещами. Такъ бываетъ и съ нами. Часто бываетъ, что человѣкъ, возвратившись отъ занятій отягченный тысячами огорченій, удрученный часто тяжелыми впечатлѣніями, измученный тяжкими бѣдствіями и лишеніями, дома находитъ утѣшеніе въ ребенкѣ, и нѣжное чувство облегчаетъ тягость трудовъ. Такъ какъ къ нему, когда онъ не въ духѣ, ни жена не можетъ подойти съ утѣшеніемъ, поскольку ея утѣшеніе является неумѣстнымъ, ни слуга не осмѣливается утѣшать, то Богъ представляетъ невинное существо, заслуживающее сни-

схожденія за свое невѣдѣніе, и через него облегчаетъ и успокаиваетъ удрученную тягостями душу. Если засмѣется слуга, то можетъ показаться, что онъ смѣется надъ огорченіями господина; если будетъ смѣяться жена, то можетъ показаться, что она не сочувствуетъ горести; ласку ребенка нельзя заподозрить вслѣдствіе невинности его природы. И часто бываетъ, что то, чего не въ силахъ сдѣлать друзья своими совѣтами, мудрецы своими наставленіями, можетъ сдѣлать ребенокъ однимъ своимъ смѣхомъ,—именно разсѣять всякое чувство горести. И вотъ въ самый высшій моментъ печали человѣкъ видитъ ребенка, сначала отстраняетъ и отвергаетъ несвоевременное утѣшеніе, но уступаетъ настойчивости и, обративъ нѣсколько разъ свой взоръ, увлекается, беретъ, затѣмъ, ребенка, забываетъ печаль, и говоритъ: „вотъ кого только даруетъ мнѣ Богъ, и нѣтъ мнѣ никакого дѣла до другихъ"!

Видишь, какъ Богъ и ничтожными вещами даетъ душѣ утѣшеніе? И вотъ, такъ какъ Адамъ въ раю былъ одинокъ, не имѣлъ ни друга, ни близкаго человѣка, ни родственника, то Богъ привелъ къ нему для развлеченія животныхъ. И теперь, напримѣръ, есть животныя, обладающія способностью подражанія,—одни подражаютъ дѣйствіямъ, другія—голосу, какъ напримѣръ дѣйствіямъ человѣческимъ подражаетъ обезьяна и подобныя ей животныя, голосу—попугай и другія птицы. Итакъ, Адамъ получалъ развлеченіе отъ животныхъ, изъ которыхъ одни доставляли удовольствіе голосомъ, другіе служеніемъ. Между многими, доставлявшими ему развлеченіе, мудрѣйшими сравнительно со всѣми звѣрями земли, какъ говоритъ Писаніе, былъ змѣй: *змій же бѣ мудрѣйшій всѣхъ звѣрей, иже сотвори Господь Богъ* (Быт. ш, 1).

2. Итакъ, и изъ обладающихъ способностями подражанія змѣй былъ способнѣйшимъ, и изъ служившихъ—ближайшимъ. Не смотри на теперешняго змѣя, не смотри на то, что мы избѣгаемъ его и чувствуемъ къ нему отвращеніе. Такимъ сначала онъ не былъ. Змѣй былъ другомъ человѣка и изъ служившихъ ему самымъ близкимъ. Кто же сдѣлалъ его врагомъ? Приговоръ Божій: *проклятъ ты отъ всѣхъ звѣрей*: *вражду положу между тобою и между женою* (Быт. ш, 14, 15). Эта-то вражда и разрушила дружбу. Дружбу разумѣю не разумную, а ту, къ которой способно безсловесное животное. Подобно тому какъ теперь собака проявляетъ дружбу, не словомъ, а естественными движеніями, такъ точно и змѣй служилъ человѣку. Какъ животное, пользовавшееся большою близостью къ человѣку, змѣй показался діаволу удобнымъ орудіемъ (для обмана). Видя, что и Адамъ радъ

змѣю, и послѣдній близокъ къ нему и подражаетъ многимъ человѣческимъ дѣйствіямъ, злодѣй замыслилъ то же, что дѣлаютъ коварные люди, достигающіе своихъ замысловъ чрезъ близкихъ, потому что никто не дѣлаетъ зла черезъ чужихъ, а черезъ своихъ близкихъ, какъ сказалъ Спаситель: *врази человѣку домашніе его* (Матѳ. x, 36). Итакъ, діаволъ говоритъ чрезъ змѣя, обманывая
Адама. Прошу вашу любовь слушать мои слова не кое-какъ. 186
Вопросъ не легкій. Многіе спрашиваютъ: какъ говорилъ змѣй, человѣческимъ ли голосомъ, или змѣинымъ шипѣніемъ, и какъ поняла Ева? До преступленія Адамъ былъ исполненъ мудрости, разума и дара пророчества. Подумай, какою онъ обладалъ мудростію, если онъ одинъ, не имѣя учителя, не обученный никѣмъ другимъ, смогъ дать имена всѣмъ птицамъ, животнымъ, гадамъ, звѣрямъ, словомъ всему. Представь въ своемъ воображеніи роды и виды. Но чтобы кратко сказать, онъ столько далъ именъ, сколько теперь, не смотря на опытъ, мы не можемъ и повторить. Итакъ, когда Богъ привелъ къ человѣку животныхъ, онъ, какъ мудрый и обладающій духомъ Божіимъ, замѣтилъ свойство каждаго животнаго. Такъ онъ обратилъ вниманіе и на змѣя, какъ на животное мудрѣйшее, имѣющее смыслъ и понимающее по внѣшнимъ дѣйствіямъ душевныя движенія. Когда такъ обстояло дѣло, діаволъ замѣтилъ и мудрость змѣя и мнѣніе о немъ Адама,—потому что послѣдній считалъ змѣя мудрымъ. И вотъ онъ говоритъ чрезъ него, дабы Адамъ подумалъ, что змѣй, будучи мудрымъ, съумѣлъ перенять и человѣческій голосъ. Итакъ, подходитъ змѣй. Писаніе нигдѣ не сказало о томъ, что въ змѣѣ говорилъ діаволъ; точно также и Моисей разсказалъ просто исторію. Слушай, прошу, внимательно. Павелъ, второй человѣкъ, бывшій въ раю, и тотъ не отвергаетъ изреченія о зміѣ, а говоритъ: *обручихъ васъ единому мужу дѣву чисту представити Христови. Боюся же, да не како, якоже змій Еву прельсти лукавствомъ своимъ* (2 Кор. xi, 2—3),—не сказалъ, что діаволъ. Онъ былъ вѣрнымъ стражемъ Писанія, слугою Писанія, учителемъ Писанія, толковникомъ Писанія. Онъ не хотѣлъ отвергнуть изреченія, чтобы не уничтожить достоинство Писанія, но разрѣшилъ затрудненіе мыслію. *Боюся*, говоритъ, *да не како*, *якоже змій Еву прельсти лукавствомъ своимъ, тако истлѣютъ разумы ваша. Тако*,—какъ? Или Павелъ боялся, чтобы опять не пришелъ змѣй и не обольстилъ кого-нибудь? Но я знаю, говоритъ онъ, что змѣй тотъ не является, а является тотъ, кто въ немъ дѣйствовалъ. Такъ Павелъ, какъ вѣрный служитель и стражъ Священнаго Писанія, не измѣнилъ выраженія, а показалъ мысль, самъ же Владыка и древняго, и новаго, и будущаго, окончательно разъяснилъ недо-

умѣнный вопросъ, чтобы кто-нибудь не отнесъ грѣхъ къ змѣю, а относилъ бы его къ тому, кто дѣйствовалъ въ змѣѣ. Христосъ, именно, говоритъ іудеямъ, которые сказали Ему: „мы отъ Бога“: „если бы вы были отъ Бога, то творили бы дѣла и волю Бога; нынѣ же вы отъ *отца вашего діавола есте*“ (Іоан. VIII, 41, 42, 44). Онъ указалъ на діавола и тотчасъ же напоминаетъ исторію: *онъ*, говоритъ, *человѣкоубійца бѣ искони*. Такъ служитель истолковалъ какъ подобаетъ служителю, а Владыка научилъ какъ Владыка, указавъ того, кто убилъ Адама. Христосъ не сказалъ просто: „убійца былъ“, а: *человѣкоубійца*, поскольку діаволъ убилъ не одного Адама, а убилъ чрезъ него всѣхъ людей. *И во истинѣ*, говоритъ, *не стоитъ, яко лжецъ есть*.

3. Смотри, какъ Христосъ изъяснилъ, что обольститель есть и діаволъ и лжецъ. Какъ же онъ лгалъ? *Рече змій женѣ:*
487 *что яко рече* вамъ *Богъ* не ѣсть *отъ всякаго древа?* Видишь лжеца? Богъ сказалъ: „отъ всякаго дерева ѣшьте; не ѣшьте отъ одного“. Лжецъ говоритъ: „почему Богъ сказалъ, чтобы вы не ѣли отъ всякаго дерева?“ Не ложно слово Христово: *онъ* лжецъ *есть*“. Онъ солгалъ, и притомъ тяжко солгалъ. Когда кто-нибудь хочетъ сдѣлать злое дѣло, онъ притворно ссылается на необходимость, или на свое невѣдѣніе, чтобы не дать заподозрить свое коварство; онъ какъ бы говоритъ: „я не знаю, у меня нѣтъ умысла, я пришелъ просто, ничего не знаю“. Развѣ вы не знакомы по опыту съ многими такими людьми? Развѣ мы не знаемъ дѣлъ коварныхъ людей? Развѣ они не хитро обдѣлываютъ дѣла и не притворяются невѣдующими? Такъ точно и діаволъ. *Что*, говоритъ, *яко рече* вамъ *Богъ?* Онъ какъ бы говоритъ: „я слышалъ мелькомъ, не совсѣмъ хорошо слышалъ, чтобы вы не ѣли отъ всякаго дерева“. Жена, считая это за невѣдѣніе, исправляетъ рѣчь. „Не такъ, говоритъ, сказалъ Богъ; Онъ не сказалъ, чтобы мы не ѣли отъ всякаго дерева; напротивъ, позволилъ ѣсть отъ всякаго дерева, а запретилъ только отъ одного; Онъ сказалъ намъ: не ѣшьте, чтобы вамъ не умереть“. Повидимому, діаволъ узналъ, чего не вѣдалъ, и вотъ, какъ незаподозрѣнный въ коварномъ умыслѣ, говоритъ женѣ: *не смертію умрете* (Быт. III, 4). Вотъ другая ложь. Богъ сказалъ: *въ онь же аще день снѣсте, смертію умрете* (ст. 5, 4); діаволъ говоритъ: „не умрете“. Это вторая ложь. *Вѣдяше бо*, говоритъ, *Богъ, яко, въ онь же аще день снѣсте, будете яко бози*. Вотъ третья ложь. Замѣть коварство и злобу діавола. Онъ уже старается бросить въ міръ сѣмя заблужденія. Такъ какъ онъ старался, какъ я сказалъ, утвердить въ мірѣ многобожіе, то предупредивъ жену какъ бы разсказомъ, онъ обольстилъ ея слухъ и заронилъ

въ нее мысль о многихъ богахъ. Но если виновникъ нечестія заронилъ мысль о богахъ, то Богъ по своему предвѣдѣнію устроилъ такъ, что будущее заблужденіе высказано было не человѣческими устами; Онъ хотѣлъ, чтобы впервые заговорилъ о богахъ не голосъ разумнаго существа, а сказали впервые уста змѣя, и всякія уста, говорящія объ идолахъ, уподоблялись устамъ послѣдняго. Знаю, что вы и меня извиняете за голосъ, и уразумѣваете мысль святого Писанія. Никто пусть не обращаетъ вниманія на звучность голоса, а пусть постигаетъ смыслъ разсужденій.

Вѣдяше бо, говоритъ, *Богъ, яко въ онь же аще день снѣсте, будете яко боги, вѣдяще доброе и лукавое.* Многіе, и особенно послѣдователи нечестиваго Порфирія, писавшаго сочиненія противъ христіанъ и отторгшаго многихъ отъ божественнаго ученія, говорятъ: зачѣмъ Богъ запретилъ познаніе добраго и лукаваго? Пусть бы Онъ запретилъ лукавое; зачѣмъ Онъ запретилъ и доброе? Сказавъ: *отъ древа, еже разумѣти доброе и лукавое, не снѣсте* (Быт. II, 17), Богъ, говорятъ, запрещаетъ человѣку знать злое; но для чего запрещаетъ знать и доброе? Нечестіе всегда попадаетъ въ собственныя свои сѣти и даетъ само основанія для его опроверженія. Не знаніе добраго запретилъ Богъ, — Адамъ имѣлъ его и прежде, чѣмъ съѣлъ отъ дерева. Если онъ не обладалъ знаніемъ, то какъ онъ узнаетъ жену? Какъ говоритъ о ея природѣ: *кость отъ костей моихъ, и плоть отъ плоти моея* (Быт. II, 23)? Какъ онъ пророчествуетъ о будущемъ: *сія наречется жена, яко отъ мужа своего взята бысть. Сего ради оставитъ человѣкъ отца своего и матерь*, и такъ далѣе? Столько Онъ зналъ, 488
и не зналъ добраго? Онъ зналъ Бога, хранилъ повелѣнія Божіи, имѣлъ знаніе, назвалъ столько именъ; какъ же онъ не обладалъ знаніемъ добраго? Итакъ, что же значитъ запрещеніе Божіе? Не знаніе добра запрещаетъ Богъ, а хочетъ лишь, чтобы вмѣстѣ съ знаніемъ добра не было знанія зла. Разрѣшу нечестивое мудрованіе отъ Писанія. Павелъ говоритъ: *не можете чашу Господню пити и чашу бѣсовскую* (1 Кор. X, 21). Не обѣ чаши запретилъ онъ; нѣтъ, святую онъ призналъ святой, а отвергъ нечистую и непотребную. Такъ и Спаситель: *не можете Богу работати и мамонѣ* (Мѳ. VI, 24), — невозможно въ одно и тоже время служить и Богу и демону. Такъ и Богъ запретилъ знать злое, чтобы съ добрымъ не смѣшивалось и знаніе злого.

4. Здѣсь остановимъ наше вниманіе. Почему же именно дерево названо было деревомъ познанія добра и зла? Не потому, что оно имѣло такую природу, а потому, что носило такое значеніе. Это особенность Писанія. Укажу примѣръ: въ пустынѣ

одинъ источникъ воды названъ былъ водою пререканія: *искусихъ тя на водѣ пререканія* (Пс. LXXX, 8). Слѣдуетъ ли, что вода обладала такой природой, что вызывала народъ на препирательство? Почему же Моисей при питьѣ ея не препирался съ Богомъ? Слѣдовательно, эта вода названа была водой пререканія не потому, что имѣла такую природу, а по случаю происшедшаго при ней событія: такъ какъ народъ тамъ пререкался съ Богомъ, то она и названа была водою пререканія. Опять, Іаковъ видѣлъ Бога,— какъ возможно видѣть для человѣка,—и называетъ имя тому мѣсту: *видъ Божій* (Быт. XXXII, 30). Мѣсто не имѣло вида Божія или образа Божія; но такъ какъ Іакову было тамъ видѣніе, онъ по событію и назвалъ мѣсто. Еще одно мѣсто названо было „миръ Божій". Когда Гедеону явился ангелъ, онъ испугался и сказалъ: горе, горе, я умру, потому что видѣлъ ангела Божія. Ангелъ говоритъ ему: миръ тебѣ, не бойся. *И созда*, говорится, *Гедеонъ жертвенникъ и назва его миръ* Божій (Суд. VI, 22—24). Подобно тому, слѣдовательно, какъ алтарь или жертвенникъ не самъ по себѣ имѣлъ миръ, а былъ символомъ бывшаго, даннаго мира, и какъ вода не имѣла свойства противорѣчія, а названа такъ по происшедшему при ней событію, такъ точно и дерево названо не потому, что имѣло знаніе, а вслѣдствіе того, что всякій согрѣшающій приходитъ къ познанію своего грѣха. Еще укажу примѣръ. Случается, что мы при путешествіяхъ проходимъ черезъ мѣста, гдѣ разбойничаютъ, и у людей обычно говорится: такія-то мѣста страшны. Мѣсто ли имѣетъ страхъ? Или такъ говорятъ ради разбойниковъ, занимающихся на томъ мѣстѣ грабежами? Такъ и данное дерево не природой обладало, производившей смертоносное знаніе, а получило названіе отъ случившагося при немъ печальнаго событія съ Адамомъ. Разрѣшу вопросъ кратко, такъ какъ въ божественномъ Писаніи нѣтъ сомнительныхъ вопросовъ. Теперь у насъ есть святая трапеза, отъ которой причащаются вѣрные. Самый ли даръ по природѣ даетъ спасеніе, или ради призываемаго величія ты имѣешь залогъ въ настоящемъ, чтобы не сомнѣваться о прошедшемъ? Тамъ снѣдь смертоносная, здѣсь снѣдь животворящая. Если эта снѣдь спасаетъ по природѣ, а не по благодати, то и та губитъ по природѣ, а не въ силу преступленія. Укажу тебѣ и на другую смертоносную снѣдь внѣ рая,—разумѣю идолослуженіе. Почему мученики отказывались ѣсть идоложертвенное мясо? Почему они боялись ѣсть? Умерли ли бы они, если бы съѣли? Нѣтъ! Но такъ какъ надъ ними совершалось призываніе идоловъ, то они избѣгали ихъ, удаляясь не пищи, а призыванія непотребныхъ идоловъ. Такъ и древо было познаніемъ добра и зла,

не потому, что доставляло человѣку знаніе, а потому, что учило 489
его чрезъ преступленіе. Опытъ всегда учитъ невѣдущаго, что преступленіе есть зло. Вопросъ можетъ быть разрѣшенъ еще другимъ путемъ, и это не то значитъ, что прежде сказаннаго недостаточно, а то, что богата благодать Божія. Пусть никто не думаетъ, что новыя доказательства приводятся въ виду слабости предшествовавшихъ; благодать Божія, будучи богата, даетъ намъ отъ своихъ сокровищъ, если мы того бываемъ достойны. Итакъ слушай. Мученики отказывались отъ идоложертвенныхъ снѣдей; они избѣгали ихъ ѣсть такъ, какъ если бы Адамъ избѣгалъ дерева, спасся бы. Что несчастіе состоитъ не въ знаніи добра и зла, это — явная истина. Богъ, когда вопрошаетъ о чемъ-либо, хотя и не дѣлаетъ этого, знаетъ то, о чемъ вопрошаетъ, или нѣтъ? Кто осмѣлится сказать, что не знаетъ? Но вѣдѣніе не дѣланіе. Развѣ Павелъ, когда говорилъ: *бѣгайте блудодѣянія* (1 Кор. VI, 18), не зналъ, что́ такое блудъ? Предохранявшій отъ прелюбодѣянія, развѣ не зналъ, что такое прелюбодѣяніе? Между тѣмъ знаніе не дѣлало его виновнымъ. Самъ Богъ знаетъ всѣ наши поступки, когда, исчисляя ихъ, говоритъ: *отъ сердца исходятъ помышленія злая, убійства, прелюбодѣянія, лжесвидѣтельства*, безстыдства, ненависть, корыстолюбіе. *Сія суть скверняща человѣка* (Мѳ. XV, 19, 20). Не зная ли, или зная, говорятъ это Богъ и апостолъ? Слѣдовательно, знаніе не служитъ въ укоръ Адаму. Причинило вредъ не знаніе, а преступленіе. Желательно мнѣ также спросить: какому онъ научился отъ дерева добру, или злу? Послѣ ли вкушенія узналъ онъ, что такое убійство? Того, кто показывалъ бы, тогда еще не было; не было извѣстно прелюбодѣянія, потому что не существовало еще браковъ; не было ни блуда, ни хищенія, потому что не было еще богатаго и бѣднаго; не было ни клеветы, ни лжесвидѣтельства. Какое же зло узналъ Адамъ, какъ не то только, что добро было повиноваться Богу, а зло — ослушаться Бога? Я говорю то, что всѣмъ и каждому извѣстно, и пусть никто не обвиняетъ меня въ излишней смѣлости. Мы имѣемъ обыкновеніе говорить грѣшникамъ, угрожая имъ покаяніемъ: я тебя научу покаянію. Развѣ въ этомъ случаѣ поученіе называютъ познаніемъ? Итакъ, знаніе происходитъ отъ испытанія несчастій. Дерево научило Адама познанію того, какими бѣдствіями сопровождается преступленіе.

5. Слушай теперь внимательно. Хотя я и сказалъ уже объ этомъ прежде, но настоящій предметъ требуетъ повторенія сказаннаго. Даровавшій все Богъ былъ невидимъ; получившій все отъ Бога человѣкъ былъ видимъ; получившій былъ на виду, Давшій не являлся. Человѣкъ былъ только одинъ; около него

были животныя; надъ нимъ не было никого. Богъ далъ ему законъ, далъ дерево среди рая въ напоминаніе, чтобы онъ, получивъ господство, не забывалъ, что самъ подъ властію. Представимъ, что Адамъ обходитъ рай, собирая вмѣстѣ съ женою плоды. Подходитъ онъ къ дереву и говоритъ: „не будемъ касаться этого дерева, потому что относительно его заповѣдалъ Богъ“. Такъ видимое дерево было напоминаніемъ о невидимомъ. Такъ бываетъ и теперь. Представь, сколько начальниковъ на всей землѣ. И такъ какъ царь не можетъ присутствовать при всѣхъ, то по необходимости выставляютъ въ судилищахъ, въ мѣстахъ общественныхъ занятій, собраній, въ театрахъ, изображеніе царя. Царское изображеніе должно быть во всякомъ мѣстѣ, гдѣ дѣйствуетъ начальникъ, чтобы его рѣшенія получали силу. Царь, какъ человѣкъ, не можетъ присутствовать всюду; точно также и Богъ, не можетъ являться людямъ, какъ Богъ. Въ качествѣ царскаго изображенія Богъ и далъ дерево, которое напоминало Адаму, что онъ получилъ власть надъ всѣми. По-
490 знай Давшаго власть. И чтобы ты зналъ, какъ дерево напоминало людямъ о Богѣ (слушай, что скажу). Когда змѣй захотѣлъ обмануть жену, Онъ сказалъ ей: „почему Богъ сказалъ, чтобы вы не ѣли отъ всякаго дерева“? Жена не забыла заповѣди; напротивъ, она даже исправляетъ ошибку и говоритъ: „не такъ сказалъ Богъ; нѣтъ, Онъ сказалъ, чтобы мы ѣли отъ всякаго дерева; а отъ этого дерева, сказалъ Богъ, не ѣшьте, и даже не касайтесь его“. Обрати вниманіе на тщательность. Богъ не сказалъ: „не касайтесь“. И прикосновеніе, дѣйствительно, не соединялось съ опасностью. Первые люди сами, имѣя божественный разумъ и наслаждаясь всѣми другими плодами, рѣшили сами въ себѣ: Богъ сказалъ: не вкушайте отъ дерева; а мы даже и не коснемся его. Такъ старалась жена соблюсти заповѣдь Божію. Итакъ, среди рая было дерево, которымъ діаволъ прельстилъ людей. Слушай странную вещь. Діаволъ, въ качествѣ орудія обмана, воспользовался тѣмъ, что́ врождено было человѣку. Богъ, создавая человѣка, вмѣстѣ съ прочими знаніями, вложилъ въ него и страстное стремленіе къ Богу. Вотъ почему діаволъ, видя въ людяхъ это желаніе, и говоритъ: *будете яко бози*. Теперь вы, какъ люди, не можете постоянно быть съ Богомъ. Если вы будете какъ боги, то будете съ Нимъ постоянно. Онъ не сказалъ имъ: „если вкусите, будете врагами Богу“. Слѣдовательно, жену обольщаетъ желаніе быть равною Богу; а она, съ своей стороны, не обманываетъ мужа, а убѣждаетъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ Павелъ, говоря: *Адамъ не прельстися* (1 Тим. II, 14). За что же онъ осужденъ? Замѣть тяжесть его преступленія. Жена, оболь-

ствившись, вкусила; послѣ вкушенія убѣждаетъ и мужа, не желая быть одна только преступницей; и убѣдила, а не обманула. Такъ бываетъ часто и теперь. Человѣкъ знаетъ вѣру, любитъ законъ, ревнуетъ по православію, и слушается увѣщаній жены не показывать своей ревности, не потому, чтобы не зналъ истины, а потому, что подчиняется совѣтамъ сожительницы. Многіе полагали, что Адамъ по незнанію взялъ отъ жены плодъ, не вѣдая, откуда она принесла его. Но это не оправданіе Адаму, такъ какъ Богъ, обличая его, говоритъ: *яко послушалъ еси гласа жены твоея* (Быт. III, 17). Богъ не сказалъ: „такъ какъ ты взялъ отъ жены своей“,—потому что Адамъ могъ сказать: я не зналъ, не вѣдалъ, откуда жена принесла плодъ. Преступленіе мужа не въ томъ, что онъ былъ обманутъ, а въ томъ, что былъ прельщенъ плодомъ. Перейдемъ, наконецъ, къ судилищу, посмотримъ тѣ первые памятники святого, неподкупнаго и милосердаго суда, записанные въ безсмертныхъ писаніяхъ, о которыхъ ясную и свѣтлую память не въ состояніи уничтожить никакое время. Слушай же! Услышалъ, говорится, Адамъ *гласъ Господа ходяща* вечеромъ *въ раи* (Быт. III, 8). Адамъ почувствовалъ присутствіе Бога по шуму и по привычкѣ. Но развѣ Богъ могъ являться шумомъ? Онъ являлся не такъ, какъ Онъ былъ, а какъ хотѣлъ. Благословенъ Богъ святыхъ, что въ тогдашній вечеръ призрѣлъ на Адама, и нынѣ вечеромъ на крестѣ. Подлинно, Спаситель потерпѣлъ страданія въ тѣ самые часы, которые провелъ Адамъ отъ вкушенія до суда,—отъ шестого часа до девятаго. Въ шестой часъ онъ вкусилъ,—потому что таково правило природы; послѣ шестого—сокрылся отъ Бога. Вечеромъ пришелъ къ нему Богъ. Адамъ захотѣлъ стать Богомъ, но захотѣлъ не- 491
возможнаго. Его желаніе исполнилъ Христосъ. Ты хотѣлъ сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ не могъ быть; я хочу сдѣлаться человѣкомъ и могу это сдѣлать. Богъ сдѣлалъ дѣло прямо противоположное заблужденію Адама. Ты захотѣлъ того, что̀ выше тебя; я принимаю то, что̀ ниже Меня; ты хотѣлъ равенства съ Богомъ, я становлюсь равнымъ человѣку. Потому и Павелъ говоритъ: *и образомъ обрѣтеся якоже человѣкъ* (Фил. II, 7). Ты захотѣлъ стать Богомъ, и Я не гнѣваюсь на это, такъ какъ Я хочу, чтобы ты стремился къ богоравенству, но Я негодую на то, что ты захотѣлъ восхитить достоинство вопреки волѣ Владыки. Ты захотѣлъ стать Богомъ, и не могъ; Я дѣлаюсь человѣкомъ, и невозможное дѣлаю возможнымъ. А что Господь пришелъ по желанію дать богоравенство, объ этомъ Онъ самъ свидѣтельствуетъ. Когда питающій вмѣстѣ съ питаемыми ѣлъ пасху, когда Ему, питающему всю вселенную, предлежала трапеза, Онъ

говорить апостолъ: *желаніемъ возжелѣхъ сію пасху ясти съ вами* (Лук. XXII, 15). Завидовалъ ли Я твоему богоравенству? Ты хотѣлъ похитить Мое, но не могъ; Я беру твое, потому что могу. Внимай: Богъ пришелъ вечеромъ и говоритъ: *Адаме, гдѣ еси* (Быт. III, 9)?

6. Бывшее тогда и настоящее близки одно другому, потому что и первое и послѣднее было дѣломъ единаго Бога. Не иной пришелъ на страданія, а тотъ же, который снизошелъ въ раю Адамъ скрылся, потому что послѣ вкушенія почувствовалъ (грѣхъ). *Отверзошася*, говорится, ихъ *очи, и разумѣша, яко нази бѣша* (Быт. III, 7). Такъ какъ діаволъ сказалъ: *въ оньже аще день снѣсте, отверзутся очи ваши* (Быт. III, 5), то вотъ, говорятъ, сатана сказалъ истину. Справедливо сказалъ Павелъ: *не неразумѣваемъ бо умышленій его* (2 Кор. II, 11). Святые знаютъ козни діавола. Замѣчай его злобу. Откуда зналъ діаволъ, что послѣ вкушенія отверзутся очи людей? Развѣ они были слѣпы? Писаніе говоритъ, прежде чѣмъ они вкусили отъ дерева, что *видѣ жена* древо. Слѣдовательно, она была не слѣпа. *Видѣ*, говорится, *жена* древо, *яко угодно очима видѣти* (Быт. III, 6). Сначала увидѣла, а потомъ вкусила. Какъ же отверзлись ихъ очи? Слушай, прошу; здѣсь есть вопросъ (который надо рѣшить). Діаволъ былъ существо уже падшее, то есть, совершившее преступленіе, и зналъ, что̀ онъ потерпѣлъ какъ преступникъ, и что терпятъ совершающіе преступленіе. Всѣ преступники терпятъ одно и тоже. И теперь, вѣдь, когда мы грѣшимъ, грѣшимъ какъ бы слѣпые, а когда согрѣшимъ, тогда видимъ, что мы сдѣлали. Такъ, когда когонибудь упрекаютъ, говоря: „зачѣмъ ты это сдѣлалъ,“ обвиняемый ссылается на свою невмѣняемость, говоря: „поистинѣ, я не видалъ, что дѣлалъ“, не потому, чтобы онъ былъ слѣпъ, а потому, что во время грѣха потемняется умъ, всецѣло уходитъ въ дѣло и бываетъ во время совершенія поступка слѣпъ. Вслѣдъ затѣмъ онъ въ своей совѣсти видитъ, что сдѣлалъ. Представлю это на примѣрѣ. Проникаетъ кто-нибудь въ домъ съ цѣлью грабежа; онъ входитъ какъ бы слѣпой, не помышляетъ ни о томъ, что его кто-нибудь можетъ встрѣтить, поймать, ни о страхѣ предъ судьями, ни объ угрожающей опасности; онъ ослѣпленъ недугомъ. Когда онъ войдетъ, когда похититъ, когда уйдетъ съ краденымъ, то, хоть и никого нѣтъ, исполняется страхомъ, чувствуетъ, что сдѣлалъ, и думаетъ, что если начнутъ разслѣдовать, узнаютъ чье дѣло это преступленіе. О чемъ онъ не помышлялъ во время дѣла, о томъ думаетъ послѣ его совершенія. Точно также, напримѣръ, прелюбодѣй, пламенѣющій страстью къ чужой женѣ, входитъ, не помышляя ни о законахъ супружества, ни о судахъ, ни объ обвинителяхъ, ни объ изощренныхъ мечахъ; когда же совершитъ преступленіе, чув-

ствуетъ страхъ, смотритъ съ подозрѣніемъ на слугу, на служанку, на сосѣда, на родственника,—и то, чего не видѣлъ во время пре- 492
ступленія, видитъ послѣ его совершенія. Равнымъ образомъ, когда кто-нибудь убѣждаетъ другого отстать отъ дурныхъ дѣлъ, то,—если послѣдній не поддается убѣжденіямъ,—обычно говоритъ: „я много разъ говорилъ ему, но онъ не слушалъ"; говоритъ такъ не потому, что тотъ не слышалъ, а потому, что не внималъ словамъ. Подвергнувъ, затѣмъ, такого человѣка наказанію, онъ говоритъ: „научу тебя слушать", говоритъ такъ не потому, что даетъ послѣднему слухъ, а потому, что наказаніе уничтожаетъ упорство и приводитъ человѣка въ разумъ. Такъ и пророкъ говоритъ: *наказаніе Господне отверзаетъ уши мои* (Ис. L, 5). Итакъ, поелику діаволъ палъ (я не забылъ о предметѣ рѣчи), онъ зналъ, гдѣ очутился послѣ паденія, и тогда уразумѣлъ, что сдѣлалъ. Онъ зналъ по собственному опыту, и потому сказалъ: *аще снѣсте, отверзутся очи ваши*, то есть, какъ и мои; я по собственному преступленію знаю, что испыталъ; я узналъ, чтò потерпѣлъ, я узналъ, чтò потерялъ. Затѣмъ они съѣли, *и отверзошася* ихъ *очи и уразумѣша, яко нази бѣша*. Раньше они были наги и не стыдились. Они лишились покрова безсмертія, отнята была одежда славы, обнажилось тѣло и осталась уже одна земля. Тотчасъ же развивается изобрѣтеніе искусствъ. Первымъ искусствомъ Адама было искусство шить. Раньше всякаго искусства онъ взялъ листья смоковницы и сшилъ ихъ. Кто научилъ его, кто наставилъ? Адамъ разъ навсегда получилъ отъ Бога разумъ, былъ образомъ Божіимъ, и ты сомнѣваешься въ его знаніи? Подумай, какъ человѣкъ сдѣлалъ первый плугъ, кто научилъ его сдѣлать древко, вставить въ средину желѣзо, скрѣпить, и надѣть ярмо на воловъ? Откуда узнала жена искусство тканья, кто научилъ ее взять шерсть, вымыть ее, расчесать, спрясть, раздѣлить нитки, и опять соединить раздѣленное? Откуда все это? Кто научилъ людей, занимающихся окраской матерій, искусству окрашиванія? Стоитъ станокъ, дѣйствуя самъ собою; не рука дѣйствуетъ, а разумъ дѣйствуетъ, разумъ дѣлаетъ рисунки. Художникъ не касается своей рукой, и орудіе искусства красить одежду, и въ видимыхъ рисункахъ воспроизводится замыслъ художника. Такъ, художникъ не движетъ рукой и производитъ рисунки. А ты, когда слышишь, что Богъ дѣйствуетъ, думаешь, что Онъ дѣйствуетъ движеніемъ руки? Если ты спросишь о каждомъ искусствѣ, о каждомъ изобрѣтеніи, и скажешь: какъ выдумали то или это? то вспомни первыя слова: *сотворимъ человѣка по образу нашему*, и ты получишь разрѣшеніе недоумѣнія. Человѣкъ — образъ Божій, и не мыслитъ? Образъ Божій, и не подражаетъ Владыкѣ? Сшилъ *листвіе смоковное*.

7 Да постыдятся толкующіе исторію иносказательно, утверждающіе, что рай былъ на небѣ, что онъ былъ духовнымъ. Для чего на небѣ смоковница? Но пусть будетъ рай на небѣ. Откуда, въ такомъ случаѣ, выходятъ рѣки? Не изъ земли? Если рай на небѣ, очевидно, что и рѣки текутъ на небѣ. Развѣ Писаніе сказало: рѣка спускается изъ Едема? Видишь ложь. Пусть надъ нами смѣются аллегористы. *Облече ихъ*, говорится, Богъ въ *ризы кожаны* (Быт. ш, 21). Значитъ ли это, что Богъ закололъ воловъ или овецъ, самъ первый указалъ выдѣлку кожъ и занимался кожевеннымъ искусствомъ? Мы отвѣтимъ на это: Богъ произвелъ всѣхъ животныхъ безъ соединенія, безъ совокупленія. Онъ сотворилъ то, что не существовало, а части существующаго не могъ сотворить? Но Богъ, возражаютъ далѣе, никогда не творилъ части животнаго, Богъ не творилъ ничего несовершеннаго. Возражатель слышитъ о кожѣ, и спрашиваетъ: откуда она? Но и я
498 точно также слышу о крови въ Египтѣ, и спрашиваю: какимъ образомъ Богъ претворилъ Нильскую воду въ кровь, какихъ закололъ Онъ животныхъ? Рѣка стала кровью, и не было убито ни одного животнаго. Явились двѣ кожи, и спрашиваютъ: отъ какихъ животныхъ онѣ взяты? И здѣсь кожа явилась помимо животнаго. Слушай дальше, хотя и я, и мой голосъ уже утомились. Чтобы не оставить рѣчь неоконченной, я кратко скажу еще кое о чемъ и прекращу слово. Сшилъ *листвіе смоковное*. О, если бы этому искусству научились еретики! Адамъ, совершивъ преступленіе, научился шить; еретики, отпавши отъ вѣры, научились разрывать. Адамъ, совершивъ преступленіе, сшилъ одежду, чтобы прикрыть срамъ свой, еретики, отступивъ отъ вѣры, разрываютъ, дабы обнажить святое. Часто мы слышимъ повѣствованіе о крестныхъ страданіяхъ, и удивляемся, что воины взяли одежды Христовы и раздѣлили, и мы въ тотъ моментъ мысленно говоримъ: велико долготерпѣніе Божіе, если оно не повелѣло снизойти молніи, спуститься мечу. Уничижался Святый, и непотребныя руки не были отсѣчены? Ты дивишься, что эти воины осмѣлились раздѣлить одежды? Дивись тому, какъ еретики разрываютъ одежду церкви. Воины видѣли нешвенный хитонъ Христовъ, сверху до низу сотканый, и пожалѣли одежду (Іоан. xix, 23), а еретики рвутъ, дѣлятъ и терзаютъ одѣяніе Христово, одежду церковную. Но возвратимся къ предмету. Сшилъ *листвіе смоковное. Услышаста Бога ходяща*, какъ можно было имъ слышать, *и скрыстася* (Быт. ш, 7, 8). Природа благородна; хотя бы мы были величайшіе грѣшники, но совѣсть наша свободна. Бываетъ, что человѣкъ по внѣшности не стыдится, но совѣсть его обличаетъ. Языкъ можетъ сказать: „чѣмъ я согрѣшилъ"? Но совѣсть

внутри обличаетъ. Адамъ былъ совсѣмъ чуждъ лукавства и искрененъ, и потому самъ сознается въ преступленіи. Богъ говоритъ: *гдѣ еси?* Многіе благочестно изъясняли эти слова; но надо истолковать ихъ со тщательностью. Я принимаю и прежнія толкованія, какъ благочестивыя, но и свое говорю, поскольку нахожу истиннымъ. *Адаме, гдѣ еси?* Откуда и куда ты снизошелъ? Отъ какой славы отпалъ? Воистину принимаю эту мысль, какъ благочестивую; она и справедлива и указываетъ на состраданіе Божіе. Но буду изъяснять далѣе. *Адаме, гдѣ еси?* спрашиваетъ Богъ. Какъ Создатель, Богъ зналъ природу созданія, зналъ, что всякій грѣшникъ боязливъ, и что у согрѣшающихъ смыкаются уста. Онъ разумѣлъ, что Адамъ убѣжалъ потому, что не имѣлъ дерзновенія. Рабъ особенно трепещетъ тогда, когда замѣтитъ, что господинъ узналъ его проступокъ; покуда же господинъ не знаетъ, онъ утѣшаетъ себя тѣмъ, что можетъ еще скрыть (преступленіе). Адамъ убѣжалъ, какъ уличенный. Богъ показываетъ видъ невѣдѣнія, чтобы уничтожить его страхъ. Часто и съ нами бываетъ тоже, такъ мы говоримъ про друга: „я притворился незнающимъ, чтобы не опечалить его". Если же у насъ такъ бываетъ, то тѣмъ болѣе у милосердаго Бога. *Адаме, гдѣ еси?* Это какъ если бы Богъ сказалъ: „я не знаю". Когда такимъ образомъ Богъ показалъ видъ невѣдѣнія, честная и свободная душа перестала скрываться. *Гласъ* Твой *слышахъ, и убояхся, яко нагъ есмь, и скрыхся* (Быт. ш, 10). Почему убоялся? Почему скрылся? Убоялся я вслѣдствіе преступленія; скрылся по причинѣ наготы. Поистинѣ слова преступника вызываютъ слезы. *Гласъ* Твой *слышахъ*,—тотъ вожделѣнный голосъ, тотъ даровавшій мнѣ все голосъ, тотъ даровавшій и уготовавшій мнѣ блага голосъ. *Слышахъ гласъ* Твой. Я 494
подумалъ, какой голосъ отвергъ я, какой голосъ презрѣлъ; *убояхся*, преступивъ заповѣдь такого Владыки, *и скрыхся, яко нагъ есмь*. Богъ продолжаетъ ободрять далѣе. *Кто возвѣсти тебѣ, яко нагъ еси, аще не бы отъ древа, егоже заповѣдалъ тебѣ сего единаго не ясти, отъ него ялъ еси* (Быт. ш, 11)? Богъ какъ бы говоритъ: не сдѣлалъ ли ты именно того, что Я запретилъ? Смотри, какъ Богъ спрашиваетъ, какъ будто не вѣдая. Не съѣлъ ли ты отъ того дерева, отъ котораго Я заповѣдалъ тебѣ не ѣсть? И смотри на человѣколюбіе Божіе. *Кто возвѣсти тебѣ?* Богъ продолжаетъ бесѣду для того, чтобы уничтожить страхъ и возбудить смѣлость, такъ какъ Адамъ замѣчалъ, что въ словахъ Божіихъ нѣтъ ничего жестокаго, ничего суроваго, ни униженія, ни укоровъ. Учителемъ для тебя служитъ обыденный опытъ. Когда провинившійся рабъ приходитъ къ господину, то съ первыхъ же словъ его или ободряется, или впадаетъ въ страхъ. Если господинъ

начнетъ сердиться, обзывать его воромъ, подлецомъ, заслуживающимъ тысячи казней, онъ падаетъ духомъ; если услышитъ отъ него такіе укоры: „несчастный, какъ это съ тобой случилось? Зачѣмъ ты согрѣшилъ"? онъ тотчасъ же пріободряется, становится смѣлымъ, послѣ того какъ видитъ, что господинъ, не какъ господинъ, наказываетъ его, а наставляетъ, какъ учитель. Такъ и Богъ. *Кто возвѣсти тебѣ, яко нагъ еси, аще не бы отъ древа, его же заповѣдахъ тебѣ не ясти, отъ него ялъ еси?* Много ли я запретилъ тебѣ? Одно единственное запретилъ только, и то не по зависти, а заботясь о тебѣ. *Кто тебѣ возвѣсти, яко нагъ еси?* Адамъ не сказалъ въ отвѣтъ ничего постыднаго; не отвѣтилъ: не знаю. А что? *Жена, юже далъ еси* мнѣ, *та ми даде и ядохъ* (Быт. ш, 12), то есть, жена, данная мнѣ въ помощницы, такъ какъ я, когда былъ созданъ, а она еще нѣтъ, слышалъ слова: *сотворимъ ему помощника по нему* (Быт. II, 18). *Юже далъ еси* мнѣ, *та ми даде.* Не сказалъ: обманула, солгала. *Та ми даде и ядохъ.*

8. Тогда Богъ говоритъ: и нужно было тебѣ повѣрить женѣ, а не Мнѣ? Жена заслужила больше вѣры, чѣмъ Я? Я далъ тебѣ блага, почтилъ тебя дѣлами, а та прельстила тебя словами. И посмотри: подобно тому какъ судья, если приметъ оправданіе, представляемое подсудимымъ, болѣе уже не допрашиваетъ его, а переходитъ къ другому, почему тотъ ободряется и говоритъ тогда: „допросъ мой конченъ", такъ и Богъ оставляетъ Адама, чтобы освободить его отъ страха, и обращается къ женѣ: *что сіе сотворила еси?* Жена отвѣчаетъ: *змій прельсти мя, и ядохъ* (Быт. ш, 13). Такъ какъ она сказала совершенную правду, то Богъ не порицаетъ правдиваго ея извиненія и оставляетъ ее безъ дальнѣйшаго допроса. Онъ не сказалъ ей: и тотъ змѣй именно заслужилъ вѣры больше, чѣмъ Я? Онъ обѣщалъ богоравенство, а причинилъ смерть. Однако Богъ не судитъ ее тотчасъ же; нѣтъ, Онъ щадитъ ее, какъ слабый сосудъ, и переходитъ къ змѣю, дабы показать Адаму и Евѣ, что переходитъ къ виновнику (преступленія). *Яко*, говоритъ ему, *сотворилъ еси сіе* (Быт. ш, 14). Видишь ли дивный судъ Божій? Обольщеннымъ Онъ предлагаетъ вопросъ, обольстившаго не спрашиваетъ. Онъ не говоритъ ему: „что ты сдѣлалъ?" а говоритъ: *яко сотворилъ еси сіе.* Согласно съ этимъ и Давидъ говоритъ: *не воскреснутъ нечестивіи на судъ* (Пс. I, 5), не въ томъ смыслѣ, что они не возстанутъ, а въ томъ, что о нихъ не будетъ произведено изслѣдованіе. *Яко сотворилъ еси сіе.* Казнь змѣю облегчила наказаніе обольщеннымъ. Если бы Богъ не приписалъ ему всего, то не осудилъ бы его безъ разбора. *Яко сотворилъ еси сіе, проклятъ ты отъ всѣхъ звѣрей земныхъ. На персѣхъ и чревѣ ходити будеши*

(Быт. III, 14). *Яко сотворилъ еси сіе*: такъ какъ ты обольстилъ сердце и побудилъ чрево вкусить запретной пищи, то *на персѣхъ* 495
и чревѣ ходити имаши. Это не значитъ, что змѣй раньше ходилъ на ногахъ; Богъ осуждаетъ его теперь ползать на чревѣ за то, что онъ говорилъ съ женою стоя прямо. Иначе ему вѣдь и нельзя было бесѣдовать съ Евой. За самое положеніе во время бесѣды, когда змѣй обманулъ Еву, Богъ наказываетъ его ползаніемъ на груди и лишаетъ способности ходить прямо. Хотя змѣй отъ начала созданъ былъ и безногимъ, но, поднимаясь быстрыми кольцеобразными движеніями, онъ бѣгалъ съ выпрямленною грудью. Потому-то часто и теперь змѣя, когда раздражается, подымается и бѣжитъ изгибаясь кольцеобразно; но пробѣжавъ немного, чтобы только напомнить о древнемъ способѣ хожденія, опять повергается ницъ божественнымъ приговоромъ. *И землю снѣси вся дни живота твоего. Вражду положу между тобою и женою* (Быт. III, 14, 15). Что значитъ: *землю снѣси?* То, чѣмъ способствовалъ ты сдѣлаться Адаму, ты и ѣшь, потому что Адамъ имѣлъ услышать слова: *земля еси, и въ землю отъидеши* (Быт. III, 19). *Вражду положу между тобою и женою*. Такъ какъ ты обманулъ ее какъ друга, то извергаешься какъ врагъ. Слово то стало закономъ. Слушай же. *Землю снѣси вся дни живота твоего*. Замѣть,—Богъ не говоритъ змѣю: „будетъ тебѣ пищею земля". Дѣйствительно, для змѣй не всегда питаніемъ служитъ земля; онѣ питаются и мясомъ, насыщаются и плодами, ѣдятъ и сѣмена, поѣдаютъ и травы. Словами: *землю снѣси* Богъ выражаетъ: ты будешь истощать землю своимъ пресмыканіемъ на ней.

Но, говорятъ нѣкоторые: если обольстилъ діаволъ, за что подвергся проклятію змій? Невидимаго демона Богъ казнитъ наказаніемъ невидимымъ, видимое орудіе подвергаетъ казни видимой. Почему? Подобно тому какъ Богъ, будучи невидимъ, далъ въ качествѣ видимаго напоминанія дерево, такъ и діаволъ, будучи невидимъ, говоритъ съ людьми черезъ змія. Для того Богъ подвергаетъ змія проклятію, чтобы тотъ, кто потерпѣлъ бы что-нибудь черезъ діавола, видя всегда ползающую змѣю, вспоминалъ, какъ она нѣкогда стояла прямо, и помышлялъ, что если такъ казнится орудіе нечестія, то какое наказаніе несетъ самъ виновникъ? Слушай. Подобное этому ты можешь найти и въ Евангеліи. Подобно тому какъ въ видимомъ змiѣ Богъ проклялъ вмѣстѣ съ видимымъ и того, кто говорилъ чрезъ него, такъ и въ Евангеліи, когда демоны просили Христа не посылать ихъ въ бездну, говорили: „повели намъ войти въ свиней" (Лук. VIII, 31, 32), Онъ повелѣлъ имъ войти въ нихъ, чтобы вмѣстѣ съ видимыми тѣлами потопить и ихъ невидимыхъ. *Землю снѣси. Вра-*

жду положу между женою и тобою. Дружбу Богъ превратилъ во вражду, и слово стало закономъ. Другихъ звѣрей люди стараются приручать, а если кто увидитъ змѣю, то трепещетъ, потому что пребываетъ въ силѣ опредѣленіе: *вражду положу между тобою*. Увидитъ ли ее человѣкъ въ жилищѣ, стремится умертвить ее; увидитъ ли на дорогѣ, бросается убивать, побуждаемый къ тому древнимъ словомъ Божіимъ. Хотя бы человѣкъ нанесъ змѣѣ тысячи ударовъ, но если видитъ, что голова не ранена, слово это тотчасъ говоритъ ему: ты не сокрушилъ главы змѣи, разбей голову, поелику Богъ сказалъ: *той твою блюсти будетъ*
496 *главу и ты блюсти будеши его пяту* (Быт. III, 15). Что значатъ эти слова? Богъ не говоритъ: „Я заставлю человѣка не сокрушать другихъ членовъ твоего тѣла, а велю бить одну только голову. Человѣкъ наноситъ удары и всѣмъ членамъ змѣи, потому что куда бы онъ ни ударилъ ее, причиняетъ боль всему ея тѣлу. И сказанныя Господомъ змію слова: *ты блюсти будеши его пяту* не то означаютъ, что змѣямъ дастся доступъ къ пятѣ, такъ какъ бываетъ, что змѣя заползаетъ къ спящему, часто попадаетъ въ желудокъ, впускаетъ ядъ, наноситъ раны рукамъ и другимъ членамъ; словомъ ни одинъ членъ человѣка не остается недоступенъ ея нападеніямъ. Смыслъ указаннаго выраженія таковъ. Впредь уже, говоритъ Богъ, змѣя не осмѣлится открыто нападать на человѣка; но, таясь, ты будешь такъ бояться людей, что станешь скрываться въ норахъ, едва выглядывая со страхомъ изъ разщелинъ, будешь стеречь прохода людей, чтобы имѣть безопасный выходъ. Человѣкъ же, говоритъ, будетъ ходить безопасно, сторожа твою главу около норъ, какъ скрывающагося врага, не говорившаго съ нимъ какъ (подобаетъ говорить) съ другомъ.

9. Однако пора и закончить рѣчь. Спросивъ обольщенную жену, Богъ переходитъ къ обольстителю. Судъ начался съ виновника преступленія,—съ обольстителя. Затѣмъ Богъ переходитъ къ обольщенной и изрекаетъ грозный приговоръ. Первымъ словомъ змію было: *проклятъ. И рече* Богъ *женѣ*: *умножая умножу печали твоя и воздыханія твоя* (Быт. III, 16). Богъ не налагаетъ проклятія на жену, чтобы она не раждала, потому что раньше благословилъ ее. Когда Онъ создалъ людей, то *и благослови ихъ*, говорится, *Богъ, глаголя: раститеся и множитеся, и наполните землю* (Быт. I, 28). А Павелъ говоритъ: *нераскаянна дарованія* Божія (Римл. XI, 29). Итакъ, Богъ не проклинаетъ тѣхъ, кого благословилъ. Что же дѣлаетъ? Онъ прилагаетъ къ ранѣ чудныя врачества — печали и скорбь. Слова Божіи по внѣшности кажутся поражающимъ приговоромъ, на самомъ же дѣлѣ обѣщаютъ освобожденіе отъ грѣха. *Умножая*, говоритъ,

умножу печали твоя и воздыханія твоя. Это—средства покаянія. Внимай. Подобно тому какъ врачи однимъ и тѣмъ же врачебнымъ средствомъ и причиняютъ боль и утишаютъ ее, однимъ и тѣмъ же сѣченіемъ, однимъ и тѣмъ ножомъ доставляютъ и страданіе и исцѣленіе, такъ и Богъ даетъ согрѣшившей женѣ два средства покаянія — печаль и скорбь. Какую пользу приноситъ печаль? Слушай, что говоритъ Павелъ: *печаль, яже по Бозѣ, покаяніе нераскаянно во спасеніе содѣловаетъ* (2 Кор. VII, 10). А что производитъ скорбь? Слушай Исаію: *егда возвратився воздохнеши, тогда спасешися* (Ис. XXX, 15). *Умножая умножу печали твоя и воздыханія твоя.* Печаль безобразитъ лицо, дѣлаетъ его унылымъ. *Сердцу веселящуся, лице цвѣтетъ; въ печалехъ же сущу, сѣтуетъ* (Притч. XV, 13). Такъ какъ жена глазомъ увидѣла дерево и сердцемъ помыслила о богоравенствѣ, то Богъ даетъ скорбь сердцу и печаль лицу, дабы наказать то, чѣмъ она согрѣшила. Богъ хочетъ также, чтобы самое наказаніе,—а лучше сказать, спасеніе, — убѣдило жену, что не ложно было древнее благословеніе. Сказавъ людямъ: *наполните землю,* Богъ говоритъ теперь: *въ болѣзнехъ родиши чада.* Я не лишаю тебя способности рожденія, такъ какъ разъ навсегда далъ благословеніе, но ты будешь рождать въ болѣзняхъ, въ страданіяхъ. Скорбь рождающей весьма тяжка. 497
Жена, свидѣтельствуетъ Спаситель, *егда рождаетъ, скорбь иматъ* (Іоан. XVI, 21). Жена скорбитъ, когда рождаетъ, испытываетъ безпокойство, когда питаетъ; когда дитя приходитъ въ возрастъ, она безпокоится, чтобы оно не было глупымъ; если ея сынъ отправится въ путь, она боится, какъ бы онъ не померъ, какъ бы не заболѣлъ, какъ бы не случилось съ нимъ несчастія. У мужа этого нѣтъ. Отецъ, хотя и заботится о сынѣ, но не такъ, какъ мать; онъ утѣшаетъ себя, говоря: „онъ человѣкъ, умѣетъ предохранить себя",—и не безпокоится. Почему? Потому, что онъ не слышалъ словъ: *въ болѣзнехъ родиши чада.* Чудный видъ наказанія. Когда наступятъ для жены страданія, она и тогда, какъ свидѣтельствуетъ опытъ, во время самыхъ мученій не отвергаетъ мужа. Она не говоритъ: „о, если бы не было брака, о, если бы не было дѣторожденія"! Богъ не дозволяетъ ей, не смотря и на испытаніе страданій, ненавидѣть мужа; она знаетъ, что перенесла, чему подверглась, и всетаки любитъ мужа. Вотъ почему *въ болѣзнехъ родиши чада, и къ мужу твоему обращеніе твое, и той тобою обладати будетъ* (Быт. III, 16). Такъ какъ ты уже худо обладала, и мужъ сталъ рабомъ твоей воли, то Я дѣлаю послѣдовательный выводъ: пусть владѣетъ тотъ, кто не былъ обольщенъ. Потому и Павелъ говоритъ: *женѣ же учити не*

повелѣваю, ниже владѣти мужемъ (1 Тим. II, 12). Не повелѣваетъ учить, потому что она раньше худо научила въ раю; *ниже владѣти мужемъ*, потому что худо обладала. По такому именно соображенію Павелъ даетъ увѣщаніе, чтобы жена не учила, въ виду именно происшедшаго въ раю. Что это не наше мудрованіе, слушай самого Павла: *женѣ же учити не повелѣваю, ниже владѣти мужемъ*, потому что *Адамъ*, присовокупляетъ онъ, желая показать зависимость повелѣнія отъ прежнихъ событій, *не прельстися, жена же, прельстившися, въ преступленіи бысть* (1 Тим. II, 12, 14).

10. Итакъ, что же? Подвергся родъ женскій осужденію, пребываетъ въ печаляхъ, и не разрѣшаются узы? Пришелъ Христосъ и разрѣшаетъ узы; встрѣчаетъ Его Богородица, ходатайствующая за родъ, святая Дѣва вмѣсто дѣвы, — потому что и Ева была дѣва, когда грѣшила, — и разрѣшила печаль и воздыханіе осужденной. Подобно тому какъ призванный въ царскій домъ старается облечь почестями своихъ близкихъ и освободить ихъ, хотя бы они были въ узахъ, такъ и Святая Дѣва, призванная въ царскій чертогъ послужить божественному рожденію, готовясь къ необычайному рождеству, проситъ той первой благодати, лучше же сказать—получаетъ. Такъ какъ осужденной женѣ не приличествовало родить Невиннаго, то сначала приходитъ разрѣшающій Евину печаль черезъ радость. Приходитъ ангелъ, говорящій Дѣвѣ: *радуйся, благодатная* (Лук. I, 28). Словомъ: *радуйся* онъ разрѣшаетъ узы печали. *Радуйся*: пришелъ разрѣшающій скорбь. *Радуйся, благодатная*, такъ какъ доселѣ была подъ клятвою. Замѣчай здѣсь благодать Божію. *Радуйся, благодатная, Господь съ тобою*. Между тѣмъ какъ съ тою змій— въ печали, ты радуйся, потому что съ тобою Богъ. И смотри, какъ слова ангела указываютъ все домостроительство Христово. *Радуйся, благодатная*. Такъ какъ Ева подверглась двойной клятвѣ, печали и скорби о страданіяхъ, онъ указываетъ на рожденіе, разрѣшающее тѣ роды. *Се зачнеши во чревѣ и родиши сына, и наречеши имя ему Іисусъ* (ст. 31). *Той бо спасетъ люди своя отъ грѣхъ ихъ* (Мѳ. I, 21). Произрастающій отъ тебя плодъ разрѣшаетъ грѣхи твоихъ отцовъ. Теперь положеніе вещей измѣнилось. И теперь еще слышащіе объ Евѣ съ жалостью говорятъ: горе несчастной,—какой она лишилась славы! Горе несчастной,—что она потерпѣла! Марія ежедневно слышитъ отъ
498 всѣхъ: блаженна, истинно исполненная Духа Святаго. Слушай, что говоритъ уже и сама Дѣва, пророчествуя о себѣ: *благословенъ Господь Богъ Израилевъ, яко призрѣ на смиреніе рабы своея; се бо отъ нынѣ ублажатъ мя вси роди* (Лук. I, 68, 48). Чтобы

показать, что она представляетъ лицо Евы, она говоритъ: донынѣ уничижаемую отнынѣ ублажатъ меня всѣ роды. Но что, скажешь, что ей въ томъ, когда она не слышитъ? Нѣтъ, она всячески слышитъ, потому что въ мѣстѣ свѣтломъ, въ странѣ живыхъ пребываетъ Матерь спасенія, источникъ чувственнаго свѣта,—чувственнаго по плоти, мысленнаго по божеству. Итакъ, всячески она ублажается. Впрочемъ она ублажаема была, когда еще жила во плоти; еще пребывая во плоти, она слышала, какъ называли ее блаженною. Ева сначала увидѣла, а потомъ вкусила отъ дерева; Дѣва сначала сказала, а потомъ услышала ублаженіе. Когда Спаситель однажды училъ, воздвигла *нѣкая жена гласъ отъ народа* и сказала Ему во всеуслышаніе: *блаженно чрево носившее тя, и сосца яже еси ссалъ* (Лук. xi, 27). Богъ оканчиваетъ свой судъ, а лучше сказать,—врачество покаянія, Адамомъ, говоря: *яко послушалъ еси гласа жены твоея, и ялъ еси отъ древа, его же заповѣдахъ тебѣ не ясти, проклята земля въ дѣлѣхъ твоихъ* (Быт. iii, 17). Опять благословленный не подвергается проклятію, а проклинается земля. Одинъ согрѣшилъ, другая терпитъ казнь. Подобно тому какъ Евино проклятіе, а лучше сказать—наказаніе (потому что это было не проклятіе, а исправленіе),—итакъ, какъ Евино наказаніе: *въ болѣзнехъ родиши* пребываетъ доселѣ (потому что всякая женщина раждаетъ съ болѣзнями), такъ точно и Адамово: *проклята земля въ дѣлѣхъ твоихъ*. Мы дѣлаемъ беззаконія, а земля несетъ казнь. Мы грѣшимъ, а земля подвергается проклятію. Богъ щадитъ созданіе, какъ свободорожденнаго сына, и наказываетъ землю, какъ его воспитателя (раба). *Проклята земля въ дѣлѣхъ твоихъ*. Смотри не на природу, а на благодать Божію. Не сказалъ Богъ: *проклята земля*, потому что, оставаясь проклятою, она не приносила бы плода. Подобно тому какъ Христосъ сказалъ смоковницѣ: *да николиже отъ тебе плода* произойдетъ, *и изше* (Матѳ. xxi, 19), такъ сталось бы и съ землею. Потому Богъ говоритъ: *въ дѣлѣхъ твоихъ*. Когда я грѣшу, земля подвергается казни; когда преуспѣваю въ добрѣ, Богъ благословляетъ ее. И замѣть дивную вещь. Когда Богъ сотворилъ землю, море, птицъ, гадовъ, звѣрей, человѣка, то все благословилъ, но плодовъ не благословилъ, поскольку зналъ, что землѣ предстоитъ это самое наказаніе, именно, чтобы она оставалась безплодной, когда люди грѣшатъ, и получала плодородіе, когда они дѣлаютъ правду. Богъ не благословилъ плодовъ, потому что даръ былъ бы непреложенъ. *Тернія и волчцы возраститъ тебѣ* (Быт. iii, 17). Ты, говоритъ, презрѣлъ великое; казнись малымъ. Смотри, какъ умѣренны наказанія. Терніе умертвить не можетъ, окровянить можетъ. И ѣстъ человѣкъ землю въ печаляхъ. Та (жена) раждаетъ въ печаляхъ, ты

ѣшь въ печаляхъ. И древній приговоръ пребываетъ въ силѣ до-
селѣ. Посмотри на богача, на нищаго, на начальника, на вельможу;
безпечальна ли, беззаботна ли оказывается ихъ жизнь? Почему?
По приговору: *въ потѣ лица твоего снѣси хлѣбъ твой* (ст. 19). Ты
не хотѣлъ пользоваться безмятежно; снѣдай *въ потѣ*. Богъ не
наказываетъ человѣка голодомъ, а подвергаетъ лишеніямъ и
499 трудамъ. А ты, вѣрный, помысли вотъ о чемъ. Если Адамъ не
можетъ ѣсть хлѣба безъ тяжкихъ трудовъ, то какъ можемъ мы
безъ усилій и трудовъ получить царство небесное? *Дондеже*, го-
воритъ, *возвратишися въ землю, отъ неяже взятъ еси*. О, приго-
воръ Божій! О, милосердіе, исполненное страха! О, приговоръ,
исполненный утѣшенія! Еще не изгналъ, и уже призвалъ! Еще
не извергъ, и уже принялъ! *Дондеже возвратишися въ землю, отъ
неяже взятъ еси*. Не сказалъ Богъ: пока не исчезнешь, пока не
уничтожишься, а: *дондеже возвратишися въ землю, отъ неяже взятъ
еси*, чтобы ты имѣлъ предъ собою надежду воскресенія. Я посы-
лаю тебя туда, откуда взялъ тебя; какъ взялъ тебя тогда, могу
500 и опять тебя взять. *Яко земля еси и въ землю отъидеши*. Не исчез-
нешь, а *отъидеши*. Слово: *отъидеши* нѣкоторые перевели: „воз-
вратишься". Итакъ, насколько хватило нашихъ силъ, съ помо-
щію благодати Святаго Духа, прошли мы съ вами рай, прочли
царственные памятники, видѣли снисхожденіе къ осужденнымъ,
милосердіе Судіи. Да удостоимся и мы по этому милосердію спа-
сенія Христова, чтобы насладиться небесныхъ и вѣчныхъ благъ,
во Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ, такъ какъ Ему слава и дер-
жава, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Слово о зміѣ, повѣшенномъ на крестѣ Моисеемъ въ пустынѣ, и о божественной Троицѣ.

1. Вчера мы вели бесѣду противъ еретиковъ и въ защиту славы Единороднаго, не съ цѣлію повѣдать что-нибудь тайное, а чтобы благодарственно прославить благодать. Подлинно, не Христосъ возвеличивается нашими рѣчами, а мы, возвеличенные его дарами, благодарственно возвѣщаемъ Его благодѣянія. И было бы, поистинѣ, безуміемъ, получивъ отъ Него благодѣянія, отплачивать за нихъ молчавіемъ, и тѣмъ болѣе внимая призыву Давида, который, какъ вы только что слышали, говоритъ: *вся земля да поклонится тебѣ и поетъ тебѣ* (Пс. LXV, 4). Восхваляя Бога, мы не Ему доставляемъ честь, а дѣлаемъ честь самимъ себѣ. Прославляя Бога, не Ему даруемъ славу, а самихъ себя

облекаемъ въ безсмертную славу. *Прославляющія мя,* говоритъ Богъ, *прославлю*, и уничижающіе меня уничижатся (1 Цар. II, 30). По мѣрѣ нашихъ силъ мы научили, что предѣловъ славы Божіей невозможно превзойти ни людямъ, обитающимъ на землѣ, ни ангеламъ небеснымъ, ни архангеламъ, ни началамъ, ни херувимамъ, ни серафимамъ. И я хорошо знаю, что вы, слушатели любознательные, помните, чѣмъ окончилась у насъ бесѣда объ этомъ. А такъ какъ сегодня, братіе, самъ Царь славы предвозвѣстилъ о своемъ крестѣ, и апостолъ, слѣдуя царственному гласу Спасителя, любомудрствовалъ о крестѣ [Спаситель, именно, говорилъ ученикамъ: *се восходимъ во Іерусалимъ, и Сынъ человѣческій* предается въ руки враговъ (Матѳ. XX, 18), а Павелъ, 500
порицая Галатовъ, писалъ: *кто вы прельстилъ есть, имже предъ очима Іисусъ Христосъ преднаписанъ бысть, въ васъ распятъ* (Гал. III, 1), такъ какъ, говорю, и царскій гласъ Господа (возвѣстилъ о крестѣ) и царскимъ слѣдамъ послѣдовало ученіе вѣрнаго раба, то и намъ, полагаю, по мѣрѣ нашихъ силъ, нужно сказать приличное слово о крестѣ Господнемъ,—не съ цѣлію изъяснить предметъ по достоинству, а дабы, по мѣрѣ силъ, уплатить свой долгъ. Итакъ, что говоритъ Спаситель? *Се восходимъ въ Іерусалимъ, и Сынъ человѣческій* предается. Побѣдитель смерти предрекаетъ страданія; разрушающій крестомъ смерть предвозвѣщаетъ крестъ; предвозвѣщаетъ борьбу, чтобы проповѣдать побѣду. Потрудись опять и здѣсь уразумѣть слова Господа. Смотри, съ какою властію говоритъ Онъ: *се восходимъ въ Іерусалимъ, и Сынъ человѣческій* предается на распятіе. Тотъ, кто такъ предвозвѣщаетъ, во время самаго подвига отлагаетъ достоинство власти, отказывается отъ божественнаго своего достоинства, говоря: *Отче, аще возможно, да мимоидетъ отъ мене чаша* (Матѳ. XXVI, 39). Не видишь разногласія? Имѣй въ виду домостроительство. Но возвратимся къ предмету. Спаситель говоритъ ученикамъ: *се восходимъ въ Іерусалимъ, и Сынъ человѣческій* предается. Смотри, съ какою осторожностью говоритъ Онъ. Гдѣ Онъ возвѣщаетъ о страданіи, указываетъ на человѣческую природу. Предается Сынъ 501
человѣческій. Страдаетъ видимое тѣло, животворитъ умопостигаемое достоинство Божества. Разрушается смертію, братіе, образъ тѣлесный; воздвигаетъ разрушаемое сила Обитающаго въ немъ. Одинъ и тотъ же былъ и разрушаемый по плоти, и воздвигающій разрушаемое по Духу. *Разорите*, говоритъ Онъ, *церковь сію и треми денми воздвигну ю* (Іоан. II, 19). *Се восходимъ въ Іерусалимъ.* Послѣдователямъ Христа никогда нельзя нисходить, а всегда подобаетъ восходить. Впрочемъ,—если и въ чувственномъ смыслѣ толковать,—дорога изъ Іерихона въ Іерусалимъ была

восходомъ. Если толковать въ духовномъ смыслѣ, то страданіе было восходомъ къ воскресенію, такъ какъ воззвало на небо Адама, низвергшагося въ адъ, и возвело на высоту лежавшій долу образъ (человѣческій). *Восходимъ во Іерусалимъ.* Гдѣ Богъ, тамъ восхожденіе добродѣтели; гдѣ нечестіе, тамъ снисхожденіе беззаконія. Вотъ почему о подвизающихся въ добродѣтели Давидъ говоритъ: *блажени* вcѣ *живущіе въ дому твоемъ*: *во вѣки вѣковъ восхвалятъ тя. Блаженъ мужъ, емуже есть заступленіе его у тебе;* восхожденія твои въ сердцѣ его (Пс. LXXXIII, 5, 6). „Восхожденія твои", то есть, благочестивые и возвышенные помыслы, которые возводятъ на высоту добре мыслящихъ о Богѣ. Есть путь цѣломудрія, возводящій на высоту; путь правды, ведущій на высоту; словомъ, всякій путь благочестія возводитъ любящаго Бога на ту высоту, о которой говорили язычники: *пріидите взыдемъ на гору Господню, и въ домъ Бога Іаковля* (Мих. IV, 2). Гдѣ слово благочестія, тамъ и восхожденіе[1]), а гдѣ нечестіе, тамъ очевидно снисхожденіе. И Давидъ пророкъ свидѣтельствуетъ: избавь *мя отъ низходящихъ въ ровъ* (Пс. XXIX, 4), и еще: *возносяй мя отъ вратъ смертныхъ* (Пс. IX, 14). Такимъ образомъ и *восходимъ* не напрасно сказано. *Се восходимъ*. Но Спаситель одинъ только идетъ на страданіе; почему же Онъ говоритъ во множественномъ числѣ: *восходимъ?* Хотя страданія, хочетъ сказать Онъ, мои, но спасеніе обще всѣмъ людямъ. Вотъ почему и божественный Павелъ изрекъ, какъ только что вы слышали, высокое и дивное то слово: *Христови сораспяхся. Живу же не ктому азъ, но живетъ во мнѣ Христосъ* (Гал. II, 19. 20). Желая затѣмъ показать и плодъ креста, онъ тотчасъ же вслѣдъ за Нимъ присовокупилъ: *Христосъ ны искупилъ есть отъ клятвы законныя, бывъ по насъ клятва; писано бо есть: проклятъ всякъ висяй на древѣ* (Гал. III, 13; Втор. XXI, 23).

2. Теперь внимай со тщаніемъ, чтобы не ускользнуло отъ тебя уразумѣніе истины. Іудеи, *врази креста Христова, имже кончина погибель* (Филип. III, 18, 19), какъ говоритъ о нихъ Павелъ, сейчасъ же быть можетъ возразятъ и скажутъ простецамъ: „если висящій проклятъ, то какъ ты надѣешься, чтобы отъ проклятаго дано было тебѣ благословеніе? Какъ отъ подвергшагося смерти ты дожидаешься жизни?" То, что̀ представляется глазамъ, дѣйствительно есть проклятіе, какъ то засвидѣтельствовалъ и самъ нашъ учитель—Павелъ: *писано бо: проклятъ висяй на древѣ* (Гал. III, 13). Итакъ, если написано (въ законѣ) и Павломъ засвидѣтельствовано, то какимъ образомъ можетъ быть дано отъ прокля-

---

[1]) По Cod. Reg. 1658 мѣсто читается так. обр.: „гдѣ слово истины, тамъ и восхожденіе благочестія".

таго благословеніе почитающимъ крестъ? Такіе вопросы всегда предлагаетъ іудей, врагъ креста Христова. Итакъ, когда онъ скажетъ тебѣ: „какимъ образомъ проклятый можетъ давать благословеніе?“ ты отвѣть ему: „какъ же въ пустынѣ, когда змѣи 502
кусали твоихъ предковъ, Моисей, сдѣлавъ мѣдное изображеніе змѣя, пригвоздилъ его ко кресту и сказалъ: *всякъ угрызенный змѣею* пусть посмотритъ на змія, и спасенъ будетъ“ (Числ. XXI, 8)? Но, какое, скажетъ, отношеніе имѣетъ это къ настоящему предмету? И очень даже близкое. Развѣ ты не слышалъ, какъ Богъ говоритъ (змію): *проклятъ ты отъ всѣхъ звѣрей земныхъ* (Быт. III, 14)? Какимъ же образомъ изображеніе проклятаго доставляло жизнь вашимъ предкамъ? Повторю еще, чтобы тверже запечатлѣть мысль. Если ты недоумѣваешь, какъ отъ проклятаго можетъ источаться благословеніе (а *проклятъ всякъ висяй на древѣ*), (то подумай), какъ изображеніе проклятаго змія, который слышалъ: *проклятъ ты отъ всѣхъ звѣрей*, принесло народу, когда послѣдній находился въ тяжкомъ положеніи, избавленіе? Не лучше ли было для возбужденія вѣры сказать: если кто изъ васъ будетъ укушенъ, пусть взглянетъ на небо, обратитъ взоръ горѣ, къ Богу, и спасенъ будетъ? Даже и умалчивая объ обращеніи къ небу, развѣ нельзя было сказать: если кто будетъ укушенъ, пусть взглянетъ на свѣтильникъ свѣта, и спасется? Или: пусть взглянетъ на столъ предложенія святыхъ хлѣбовъ, и спасется? Или на жертвенникъ, или на завѣсу, или на кивотъ, или на изображеніе херувимовъ, или на очистилища? Тѣмъ не менѣе ни одного изъ этихъ предметовъ великій законодатель не указалъ, а воздвигъ лишь изображеніе креста, да и то ради проклятаго змія. Почему же, іудей, такъ поступилъ Моисей? Почему онъ, говорящій въ законѣ: „не сотвори (образа) вырѣзаннаго, ни изваяннаго“ (Лев. XXVI, 1), выливаетъ змія? Но что говорить объ этомъ съ неблагодарнымъ? Спрошу самого законодателя. Скажи мнѣ, вѣрнѣйшій служитель Божій, зачѣмъ ты дѣлаешь то, что запрещаешь, изготовляешь то, что порицаешь? Говоря: „не сотвори (образа) вырѣзаннаго, ни изваяннаго“, ты дѣлаешь изваяніе змія? То,—отвѣчаетъ онъ,—я узаконилъ, чтобы устранить поводъ къ нечестію, и предохранить народъ отъ всякаго идолослуженія; теперь же я отливаю змія, чтобы предначертать образъ домостроительства крестнаго; предуравниваю путь апостоламъ, предуготовляю великій и дивный символъ креста. Что наше толкованіе не насильственно, слушай, какъ утверждаетъ этотъ древній образъ Господь, относя его къ Себѣ. Бесѣдуя съ Никодимомъ, однимъ изъ іудейскихъ начальниковъ, какъ съ учителемъ народа, могущимъ понимать планы домостроительства, Онъ гово-

ритъ: *и якоже Моисей вознесе змію въ пустыни, тако подобаетъ вознестися Сыну человѣческому, да всякъ вѣруяй въ онь не погибнетъ, но иматъ животъ вѣчный* (Іоан. III, 14—15). Скажи же, безчувственный іудей, развѣ то была не мѣдь? Мертвое вещество, нося образъ креста, было въ силахъ побѣдить смерть; а сама истина креста не достойна вѣры? И это послѣ обращенія вселенной, послѣ возсіявшаго во всемъ мірѣ благочестія, послѣ вѣры язычниковъ, послѣ возникновенія церквей, послѣ такихъ подвиговъ, послѣ проявленія такихъ добродѣтелей, послѣ такого распространенія ангельскаго житія? Однако, достаточно сказано, чтобы враги креста перестали укорять насъ образомъ проклятаго. Противъ нихъ довольно и этого. Мы же, вѣрные, изслѣдуемъ и съ точностью изъяснимъ слова Писанія для себя самихъ. Итакъ, почему же Господь прообразилъ домостроительство спасенія не черезъ другое что-нибудь, а чрезъ змѣю? Для опроверженія вра-
503 говъ достаточно указать на примѣръ проклятаго змія; сынамъ же благочестія нужно разъяснить, почему именно изображеніе проклятаго змія было образомъ покланяемаго Христа. Потрудимся же и мы старательно изъяснить, и вы внимательно послушать.

8. Изображеніе змія, братіе, служило образомъ домостроительства крестнаго. Подобно тому какъ это изображеніе змѣи имѣло видъ и подобіе змѣи, а яда и злобы змѣиныхъ не имѣло, такъ и Спаситель, по словамъ божественнаго апостола, явившись въ подобіи плоти грѣха, былъ чуждъ всякаго грѣха. Объ этомъ и блаженный Исаія согласно съ блаженнымъ Петромъ говоритъ: *иже грѣха не сотвори, ни обрѣтеся лесть во устѣхъ его* (1 Петр. II, 22; Ис. LIII, 9). Въ словахъ Исаіи указанъ тебѣ одинъ образъ. Перейдемъ къ другому образу. Смотри, какъ истина сіяетъ черезъ образы. Сыновъ Израиля кусали змѣи, народъ подвергся гибели. Моисей молитъ Бога дать спасительное врачество. Богъ указываетъ рабу Своему благодѣтельное врачество, говоря: *сотвори змію мѣдяну* и водрузи ее предъ скиніей свидѣнія (Числ. XXI, 8). Что значитъ это знаменіе? Одни змѣи кусаютъ, другая за нихъ пригвождается ко кресту? Что значитъ эта загадка? Что указываетъ эта тѣнь таинства? Подобно тому какъ тамъ, говоритъ, въ прообразѣ, хотя кусаютъ другія змѣи, пригвождена было ко кресту змѣя, ни кусающая, ни поражающая, такъ и здѣсь, хотя грѣшатъ другіе люди, долженъ пострадать за всѣхъ безгрѣшный Іисусъ. За кусающихъ змѣй распинается неповинная змѣя; за насъ, подверженныхъ смерти, пригвождается Тотъ, Кто не подлежитъ смерти. Объ этомъ прекрасно предрекъ вмѣстѣ съ другими Исаія, говоря: „за грѣхи людей пришелъ Онъ на смерть“, и: *Го-*

сподь предаде Его грѣхъ ради нашихъ (Ис. LIII, 12, 6). Повторимъ опять, въ чемъ смыслъ таинства. Какъ тамъ однѣ змѣи кусаютъ, а другая вѣшается на крестѣ, такъ и здѣсь—всѣ согрѣшили, а одинъ за всѣхъ распинается. Вотъ тебѣ второй образъ. Смотри еще и на третій. *При устѣхъ двою и тріехъ свидѣтелей да станетъ всякъ глаголъ* (Втор. XIX, 15). Для чего вѣшается на крестѣ мѣдная змѣя? Чтобы сдѣлать безвредными укушенія змѣй. Итакъ, одно распинается, а другое лишается дѣйствія. Не усматриваешь ли просвѣтъ истины? Не прозрѣваешь ли какъ бы чрезъ покровъ силу домостроительства? Пригвождена ко кресту змѣя, чтобы стали бездѣйственны укушенія змѣй; пригвожденъ ко кресту Христосъ, чтобы упразднились дѣйствія демоновъ. Одна змѣя водружается, и другія змѣи лишаются силы; одинъ—Христосъ—пригвождается на крестѣ, и другіе—демоны—упраздняются. И какъ тамъ образъ видимой змѣи сдѣлалъ безвредными укушенія змѣй, такъ и здѣсь умерщвленіе Христа было умерщвленіемъ смерти и упраздненіемъ демоновъ. Вотъ почему Спаситель справедливо прилагаетъ этотъ образъ къ Себѣ, говоря: *и якоже Моисей вознесе змію въ пустыни, тако подобаетъ вознестися Сыну человѣческому, да всякъ вѣруяй въ онь не погибнетъ, но иматъ животъ вѣчный* (Іоан. III, 14, 15). Блаженный Моисей начерталъ тебѣ, братъ мой, крестъ и въ другомъ образѣ. Говоря о крестѣ, нужно ужъ указать и другіе образы, гдѣ представляется зрѣлище таинства. Какъ же еще Моисей начерталъ крестъ? Слушай. Напали 504
нѣкогда на израильтянъ въ пустынѣ иноплеменники, по имени амаликитяне. Моисей снаряжаетъ и посылаетъ противъ нихъ вождя своего народа и преемника своего Іисуса Навина, а самъ остается на горѣ съ воздѣтыми руками. Моисей, говорится, взошелъ на гору и воздвигъ руки свои. *И бысть егда воздвизаше Моисей руцѣ, одолѣваше Израиль*, и *егда опускаше руцѣ*, побѣждаемый тяжестію тѣлесною, *одолѣваше Амаликъ* (Исх. XVII, 10, 11). Что значитъ этотъ образъ? Іудей, боясь, чтобы чрезъ образъ не возсіяла слава креста Христова, тотчасъ же скажетъ: „въ этомъ образѣ нѣтъ ничего такого, что ты выдумываешь. Этотъ образъ, былъ знакомъ молитвы, а не прообразомъ, какъ ты предполагаешь". Но если такъ, если правда, что побѣда была плодомъ молитвы, то почему Писаніе приписало побѣду не молитвѣ (вѣдь не сказало Писаніе: „когда молился Моисей", а это явно обозначаетъ, что побѣда не была плодомъ молитвы), а образу и положенію рукъ? Въ самомъ дѣлѣ, когда Моисей опускалъ руки, терпѣли пораженіе израильтяне, когда же воздвигалъ, поражаемы были амаликитяне. Если бы это было дѣломъ молитвы, тогда слѣдовало бы сказать: „и когда молился Моисей, побѣждалъ"... Между тѣмъ Писаніе,

какъ я уже сказалъ, умолчавъ о молитвѣ, не потому, чтобы она была излишня, а потому, что она должна уступить мѣсто образу креста, приписываетъ побѣду образу и внѣшнему знаку. Когда Моисей простиралъ руки, побѣждалъ Израиль. Что означаетъ простертая рука? Вообрази простертыя руки, и ты увидишь сіяющій образъ покланяемаго креста. Но утомился, говорится, Моисей, и руки, побѣждаемыя тѣлесною немощію, отказывались служить образу (креста). Что же? Чтобы съ прекращеніемъ образа не пропала и побѣда, стали Ааронъ и Оръ и поддерживали его руки, дабы рушившійся и преставшій образъ не уничтожилъ и побѣды. Почему Ааронъ и Оръ поддерживаютъ руки Моисея? Ааронъ, братіе, имѣлъ священническое достоинство; Оръ происходилъ изъ царскаго колѣна. Такимъ образомъ священство и царство охраняютъ образъ креста. И подобно тому какъ во время преображенія Господа на горѣ явились справа и слѣва Моисей и Илія, чтобы въ качествѣ стражи предстоять царственному образу Христа, такъ и здѣсь охраняютъ крестъ Ааронъ, владѣющій саномъ священства, и Оръ, владѣющій въ зародышѣ царскимъ достоинствомъ. Объ этомъ сказалъ я, желая показать, какъ древнимъ отцамъ предложенъ былъ образъ благочестія, и какъ почитаемъ былъ ими образъ спасенія. Если же предвозвѣщавшіе о немъ проповѣдывали съ такою славою, предызображали съ такимъ почтеніемъ, то какими же устами должны мы прославлять крестъ Господень и божественное домостроительство? Знаю, что вамъ весьма желательно слушать поученія догматическія и проповѣди о богословіи; но и сказанное мною теперь одинаково по значенію, такъ какъ одно и то же, что и крестъ прославлять, и Единородное Слово Божіе восхвалять, такъ что восхвалишь ли ты божество Единороднаго, воздашь ли честь Его домостроительству, ты покажешь одно и то же благочестіе.

4. Когда, однако, ты слышишь о крестѣ, когда слышишь о
505 воплощеніи, то возводи свой умъ къ высотѣ власти Единороднаго. Пусть явившійся ради тебя образъ не угнетаетъ твоего ума, а пусть человѣколюбіе спасшаго возводитъ твою мысль. Крестъ—ради тебя; величіе Бога зависитъ только отъ Него самого. Величіе Божіе ни возвышается словами [человѣческими], ни уничижается словами. Кто уничижаетъ его, тотъ дѣлаетъ лишь униженіе себѣ самому; кто его возвышаетъ, тотъ возводитъ на высоту собственное свое ничтожество. Мы только что сказали, что одинаковое значеніе имѣетъ, прославляетъ ли кто домостроительство или (похвально мудрствуетъ) о богословіи. Такъ какъ во вчерашней бесѣдѣ у насъ осталось кое-что недосказаннымъ по поводу словъ: *да знаютъ Тебе единаго истиннаго Бога и*

оспода *Іисусъ Христа* (Іоан. XVII, 3),—именно по поводу словъ: *единаго истиннаго Бога* были (только) приведены пророчества и свидѣтельства, показывающія, что Сынъ есть единый истинный Богъ,—то я считаю нужнымъ изъяснить и слѣдующую мысль изреченія [1]). „Что же ты, скажетъ еретикъ, можешь сказать о посольствѣ (Сына Отцомъ)? Написано опредѣленно: *и егоже послалъ еси Іисусъ Христа*. Можетъ ли пославшій имѣть одинаковое достоинство съ посланнымъ?“ Конечно, если ты при чтеніи этихъ словъ будешь рабски слѣдовать буквѣ, то ты несомнѣнно, какъ мы часто раньше говорили, во многомъ будешь намъ противорѣчить и признаешь несогласнымъ съ разумомъ то, чтó прекрасно написано, а (только) худо понято; если же ты усвоишь мысль правильнымъ образомъ, то твое умственное око, будучи направляемо къ точному уразумѣнію самимъ Святымъ Духомъ, нигдѣ не замѣтитъ противорѣчія. Въ самомъ дѣлѣ, выраженія: „посланъ“ и „послалъ“, будучи словами человѣческими, выражаютъ мысли божественныя. Ни Пославшій, вѣдь, не послалъ изъ одного мѣста въ другое мѣсто, ни Посланный не пришелъ изъ одного мѣста въ другое. Но Отецъ, скажетъ еретикъ, послалъ Сына въ міръ, какъ не бывшаго въ мірѣ, въ который Онъ посылался. Какъ же Писаніе говоритъ: *въ мірѣ бѣ, и міръ тѣмъ бысть* (Іоан. I, 10)? Какимъ же образомъ, слѣдовательно, пришелъ присутствующій, явился скрывающійся? Если ты вправду понимаешь выраженіе „послалъ“ такъ, какъ слышишь, то всячески необходимо, чтобы и Посланный явился въ такихъ мѣстахъ, въ которыхъ еще не присутствовалъ, и Пославшій послалъ туда, гдѣ онъ не присутствуетъ. Какъ же евангелистъ говорилъ: *вся тѣмъ быша, и безъ Него ничто же бысть. Въ мірѣ бѣ, и міръ тѣмъ бысть* (Іоан. I, 3, 10)? Если, слѣдовательно, Онъ былъ въ мірѣ, то какъ посылается въ міръ? Развѣ ты не слышалъ, какъ Онъ говоритъ: небо и землю азъ наполняю, глаголетъ Господь (Іер. XXIII, 24)? Что же значитъ: „посланъ“? Значитъ: явился, значитъ: возсіялъ по плоти. Посольство обозначаетъ не переходъ съ мѣста на мѣсто, а переходъ изъ (состоянія) невидимаго Божества въ видимое присутствіе. Подлинно, Сынъ Божій, и когда пришелъ на землю, воспріявъ человѣческую природу по домостроительству, не лишилъ небесъ Своего величія, и теперь, вознесшись плотію, не оставилъ землю чуждою Своего управленія. Пояснимъ вопросъ еще другимъ способомъ. Если, братіе, въ буквальномъ смыслѣ Отецъ послалъ Сына въ міръ, то ясно, что Пославшій отдѣляется отъ Посланнаго по своему мѣстопребыва-

[1]) Т. е. мысль о посольствѣ Сына Отцомъ.

нію. Если Посланный находится съ Отцемъ, тогда излишне „послалъ“; если же Отецъ послалъ, тогда, по смыслу выраженія, Онъ отдѣленъ. Не нужно рабствовать буквѣ; а нужно вѣрою шествовать. Но кто же дастъ намъ удостовѣреніе, что Сынъ Божій, явившись на землѣ, былъ на небесахъ? Какое слово удостовѣ-
506 ритъ, что посланный Отцомъ не отдѣлился отъ Отца? Если Онъ посланъ въ міръ въ смыслѣ буквы изреченія, если Пославшій отдѣленъ отъ Посланнаго, то какъ Христосъ говорилъ: *Азъ во Отцѣ и Отецъ во Мнѣ* (Іон. XIV, 11)? Какъ, опять, Онъ говорилъ: *и пославый Мя Отецъ, со Мною есть* (Іоан. VIII, 16, 29)? Видишь ли, что естество не раздѣляется, а домостроительство (воплощенія) являетъ лишь видъ посольства? Что, опять, значитъ: *восхожду ко Отцу моему* (Іон. XX, 17)? Если Отецъ съ Нимъ пребываетъ, то почему Онъ восходитъ? Восхожденіе означаетъ домостроительство, вознесеніе тѣла, а не разлученіе отъ Божества. Хочешь знать, что Сынъ Божій, и пришедши на землю, не оставилъ небесъ и не разлучился съ Отцомъ, и вознесшись на небеса, не покинулъ землю? Сказавъ Своимъ ученикамъ: *восхожду* туда, откуда сошелъ,—*ко Отцу моему*, Самъ же Онъ опять говоритъ имъ: *и се Азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка* (Матѳ. XXVIII, 20). Итакъ, слова: *да знаютъ тебе единаго истиннаго Бога, и егоже послалъ еси Іисусъ Христа* заключаютъ двоякую мысль, представляютъ двойной мечъ; одинъ—направленный противъ идолослуженія, другой—противъ невѣрія іудейскаго. Они указываютъ на единаго истиннаго Бога, чтобы выставить на позоръ мертвыхъ идоловъ; указываютъ на посланнаго Іисуса Христа, чтобы замкнуть уста отрицающимъ воплощеніе. Итакъ, понимай слова эти въ указанномъ смыслѣ и не оскорбляй величія (Божія) ради буквы.

5. Дабы ты вполнѣ зналъ, что посланничество отъ Бога означаетъ не перемѣщеніе съ мѣста на мѣсто, а указываетъ на воплощеніе (я укажу тебѣ вотъ на что). Объ Іоаннѣ Крестителѣ, который былъ отъ земли и явился на землѣ, Евангеліе говоритъ: *бысть человѣкъ посланъ отъ Бога* (Іоан. I, 6). Съ небесъ ли посланъ былъ Іоаннъ? Съ небесной ли высоты пришелъ онъ? Какъ же онъ пришелъ? Если, такимъ образомъ, посылаемый человѣкъ не перешелъ изъ одного мѣста въ другое, (если онъ посланъ въ томъ смыслѣ, что) ему ввѣрено было нѣкоторое служеніе, то Богъ ли Слово, все наполняющій, уничижаетъ Свое естество и указываетъ не на домостроительство, когда Онъ называетъ Себя посланнымъ? Смотри, братъ мой, какъ Онъ исполняетъ и домостроительство плоти, и не нарушаетъ божественнаго Своего достоинства и силы. *Восхожду*,—говоритъ Онъ, указывая на перво-

священническое Свое служеніе,—*ко Отцу моему, и умолю* Его и Утѣшителя пошлетъ Онъ вамъ, Духа истины (Іоан. XX, 17, и XIV 16, 17). Если Ты восходишь на небеса, если умоляешь, если во время молитвы предстоишь смиренно, если послѣ молитвы посылаешь Духа (умоляю, говоришь Ты, и посылаю), то для чего Ты до восхожденія отвергаешь власть Отца? Если ты не дѣйствуешь со властію соотвѣтственно божественному достоинству, а ждешь, пока не взойдешь на небо къ Отцу, пока не принесешь просьбы и молитвы, и, получивъ такимъ образомъ благодать Духа, пошлешь ее во всю вселенную, то зачѣмъ Ты показываешь собственную свою власть прежде, чѣмъ взойдешь, прежде, чѣмъ умолишь? Почему Ты до вознесенія, возставъ изъ мертвыхъ, дунулъ въ лице апостоловъ и сказалъ: *пріимите Духъ Святъ* (Іоан. XX, 22)? То, чего Ты просишь отъ Отца, Ты даешь прежде, чѣмъ умолишь Отца. Ты, слѣдовательно, притворяешься, говоря о молитвѣ? Не притворяюсь, говоритъ, такъ какъ у истины нѣтъ притворства; а одно соотвѣтствуетъ (божественному) достоинству, а другое приличествуетъ домостроительству. Итакъ, почему Ты дунулъ въ лице апостоловъ? Мнѣ, говоритъ Спаситель, воскресши изъ мертвыхъ, подобало даровать міру начатокъ жизни. Такъ какъ Адамъ при созданіи получилъ 507
дыханіе жизни (*вдуну*, говорится, Богъ *въ лице* Адама, *и бысть въ душу живу* (Быт. II, 7), то Я, говоритъ, находясь здѣсь, возвращаю то, что тотъ получилъ и погубилъ. Я воздвигаю падшаго, обновляю растлѣннаго, оживляю мертваго. О моемъ домостроительствѣ свидѣтельствуетъ и пророкъ, возвѣщая о моемъ дуновеніи. Какой же именно пророкъ предвозвѣстилъ объ этомъ святомъ дуновеніи? Слушай, что говоритъ одинъ изъ двѣнадцати пророковъ, по имени Наумъ: *празднуй, Іудо, праздники твоя, воздаждь* Богу *обѣты твоя. Ктому не приложатъ еже* придти *во обетшаніе. Скончася*, говоритъ, прежнее; *ктому не приложатъ еже* придти *во обетшаніе* (Наум. I, 15). Пророкъ благовѣствуетъ о новой благодати, говоря, что древнее престало, является новое. *Празднуй праздники твоя*. Почему онъ говоритъ: „празднуй"? Потому, что въ праздникъ Пасхи должно было совершиться воскресеніе. *Празднуй*, говоритъ, *Іудо, праздники твоя, воздаждь* Богу *обѣты твоя. Ктому не приложатъ еже* придти *во обетшаніе*: *скончася, изверžеся* (т. е. прежнему наступаетъ конецъ). Почему же кончается прежнее? *Взыде*, говоритъ, изъ земли *вдыхаяй въ лице твое* и *отъемляй* тебя *отъ оскорбленія* (Наум. II, 1). Но возвратимся опять къ началу. *Празднуй, Іудо, праздники твоя, воздаждь* Богу *обѣты твоя. Ктому не приложатъ еже* придти *во обетшаніе*. Какіе праздники? Древніе праздники, которые были

образомъ новыхъ. Первый день опрѣсноковъ,—если кто будетъ тщательно изслѣдовать,—былъ образомъ страданія. За нимъ день Пятидесятницы, бывшій образомъ сошествія святого и достопокланяемаго Духа. День кущей былъ образомъ кущей небесныхъ. Потому-то и Господь, желая показать, что эти кущи, поскольку онѣ были временны, суть образъ будущихъ кущей, говорилъ богатымъ міра сего: *сотворите себѣ други отъ мамоны неправды, да, егда оскудѣете, пріимутъ вы въ вѣчныя кровы* (Лук. XVI, 9). Временныя кущи, слѣдовательно, были образомъ кущей вѣчныхъ. Такъ какъ домостроительство Христово исполнило древніе образы, дало начало новой благодати, то пророкъ хорошо предвозвѣщаетъ, говоря: *празднуй, Іудо, праздники твоя, воздаждь* Богу *обѣты твоя*; указываетъ, что *ктому не приложатъ еже* придти *во обетшаніе*. Древнее обновлено благодатію,—*скончася, изверже ся*, такъ какъ *взыде* отъ земли *вдыхаяй въ лице твое*, и *отъемляй* тебя *отъ оскорбленія*. Пророкъ Наумъ открыто представилъ тебѣ Господа, вдыхающаго святую благодать. Исаія инымъ образомъ предвозвѣщаетъ о возставшемъ изъ мертвыхъ и даровавшемъ своимъ (ученикамъ) Святаго Духа. *Помяну*, говоритъ онъ, *дни вѣчныя возведый отъ земли пастыря овецъ*,—и вмѣсто: *вдуну въ лице его*, тотчасъ далѣе присовокупляетъ: *вложивый въ нихъ Духа Святаго* (Ис. LXIII, 11). Божественное величіе, божественное наименованіе, царственное достоинство, недосягаемая слава, непостижимая сила—спрославляемый Отцу (Духъ), соцарствующій Сыну, дѣйствующій все и раздѣляющій божественные дары каждому, какъ
508 хочетъ. Я хорошо знаю, что сказанное утверждаетъ сыновъ церкви, но уязвляетъ и причиняетъ крайнюю досаду врагамъ,—особенно врагамъ благочестія, отказывающимся спрославлять Духа Святаго со Отцомъ и Сыномъ. О, несчастные! Они не хотятъ удостоить Святаго Духа даже того, что получили сами. Апостолъ говорилъ о себѣ и подобныхъ ему: если *съ нимъ страждемъ, съ нимъ* и *прославимся* (Римл. VIII, 17). Павелъ спрославляется съ Богомъ, а Духъ Святый не спрославляется? Смертное естество возводится на такую высоту, что спрославляется со Христомъ, а покланяемый Духъ не участвуетъ даже въ одинаковыхъ съ нами дарахъ? Тотъ же апостолъ говоритъ о людяхъ: *аще терпимъ, съ нимъ и воцаримся* (2 Тим. II, 12), а Святый Духъ не соцарствуетъ Христу? О, великая неблагодарность! О, великое и нестерпимое безуміе! О, нечестивая мысль, безмѣрное хуленіе и неисцѣльная язва! Мы надѣемся соцарствовать Христу, и низводимъ Духа Святаго въ положеніе раба?

6. Говоримъ это, братіе, не въ томъ смыслѣ, что Духъ Святый долженъ спрославляться со Христомъ подобно намъ, а нео-

бличая нечестіе тѣхъ, которые не хотятъ допустить даже и этого. Будь милостивъ къ намъ, Господи, за наши слова. Если мы повторяемъ рѣчи нечестивыхъ, не простираясь далѣе простой лишь буквы ихъ, то пусть, братіе, никто не думаетъ, что такое повтореніе ихъ хулъ есть оскорбленіе Святаго Духа. Мы выставляемъ ихъ на видъ, повторяемъ ихъ, не потому, что соглашаемся съ нечестіемъ, а затѣмъ, чтобы выставить заблужденіе на позоръ, и оградить сыновъ благочестія отъ нечестивыхъ ученій. И апостолы, любившіе Господа и знавшіе Его божественное достоинство, не постѣснились внести въ святыя Евангелія хулы іудеевъ. Тамъ написано именно, какъ послѣдніе осмѣливались говорить о Христѣ, что Онъ и грѣшникъ, и что Онъ не отъ Бога, и то, какъ они не постѣснились въ лице говорить Ему: *самарянинъ еси ты, и бѣса имаши* (Іоан. VIII, 48). Однако написанное служитъ къ порицанію не писавшихъ, а тѣхъ, которые изрекали хулы. Слушай о дѣйствіи Духа, слушай о прославленіи Его у апостоловъ; внимай ихъ ученіямъ, слѣдуй по стопамъ святыхъ, не блуждай по слѣдамъ людей непотребныхъ. Покланяйся Троицѣ прославляй Троицу, исповѣдуй Троицу. Такъ мудрствуютъ пророки, такъ проповѣдуютъ апостолы, такъ вѣруютъ мученики. Слушай, какъ Павелъ проповѣдуетъ Троицу: *раздѣленія дарованій, а тойжде Духъ*; *раздѣленія служеній, а тойжде Господь*; *раздѣленія дѣйствъ, а тойжде Богъ, дѣйствуяй вся во всѣхъ* (1 Кор. XII, 4—6). Почему онъ начинаетъ не съ Отца? Почему не говоритъ сначала о Немъ, потомъ о Сынѣ, а за Нимъ о Святомъ Духѣ? Ты, Павелъ, нарушаешь порядокъ? Измѣняешь послѣдовательность? Если Спаситель предалъ: *во имя Отца и Сына и Святаго Духа* (Матѳ. XXVIII, 19), то ты ли нарушаешь уставъ богословія? Но да не будетъ, чтобы мы когда-нибудь подумали такъ о Павлѣ. Этотъ святой и дивный проповѣдникъ въ совершенствѣ зналъ, что, если онъ упомянетъ и сначала о Духѣ, онъ сохранитъ невредимымъ богословіе, не уничижитъ несліянное естество, не раздѣлитъ нераздѣльнаго достоинства. Онъ упоминаетъ сначала о Духѣ, дабы показать, что написаніе Духа послѣднимъ не дѣлаетъ Его послѣднимъ и стоящимъ въ концѣ. Такъ какъ еретики худо истолковываютъ (порядокъ лицъ), не счисляютъ (ихъ), а подчисляютъ Отцу Сына, и Сыну Духа Святаго (первый, говорятъ, Отецъ, второй—Сынъ, третій—Духъ Святый, помышляя не 509
о благопристойномъ порядкѣ познанія покланяемой Троицы, а стараясь развращенной своей душой запятнать чистоту богословія), то Павелъ справедливо ставитъ имена въ обратномъ порядкѣ, чтобы показать истину и ниспровергнуть мнѣніе нечестивцевъ. Но, скажетъ еретикъ, я знаю, что апостолъ упомянулъ о Сынѣ

и Духѣ только мимоходомъ, а высшее богословіе представилъ, перейдя лишь къ Отцу. Относительно Духа онъ сказалъ: *а тойжде Духъ*, относительно Сына: *а тойжде Господь*; перейдя же къ Отцу, сказалъ: *дѣйствуяй вся во всѣхъ*. Такъ что же? Это выраженіе: „дѣйствуетъ вся во всѣхъ“ указываетъ у него на власть? Да,—говоритъ. Указываетъ на превосходящее другихъ преимущество? Да,—говоритъ. Принимаю и я твое исповѣданіе, если ты точно соблюдаешь извѣстныя условія. Посмотримъ же, что яснѣе говоритъ по этому вопросу сосудъ избранный—Павелъ, который руководимъ былъ Духомъ святымъ. *Комуждо дается явленіе Духа на пользу. Овому бо дается слово премудрости* по тому же Духу; *иному же слово разума о томъ же Дусѣ; иному же дарованія исцѣленій о томъ же Дусѣ; иному пророчество, другому же сказанія языковъ*; иному *вѣра*, иному дарованія. *Вся же сія* (1 Кор. XII, 7—10). Внимай тщательно, замѣчай согласіе выраженій и мысли. Сказавъ прежде: *а тойжде Богъ, дѣйствуяй вся во всѣхъ*, апостолъ, дойдя до рѣчи о Духѣ, свидѣтельствуетъ, что таже самая сила принадлежитъ и Духу. *Вся же сія*, говоритъ, *дѣйствуетъ единъ и тойжде Духъ, раздѣляя властію комуждо, якоже хощетъ* (ст. 11). Такимъ образомъ соотношеніе (единство) славословія не нарушается, ставится ли какое-либо изъ именъ святой Троицы первымъ, или вторымъ, или третьимъ. Счисленіе: первый, второй, третій—показываетъ не различіе естества, а чуждый сліянія путь богословія. Опять, тотъ же самый апостолъ, желая показать, что онъ всюду употребляетъ безразлично тотъ или другой порядокъ именъ, но благопристойно и вѣрно приступаетъ къ божественной проповѣди, говоритъ въ посланіи къ ѳессалоникійцамъ: *самъ же Господь нашъ Іисусъ Христосъ, и Богъ и Отецъ нашъ* (2 Ѳесс. II, 16). Ты, Павелъ, возвѣщаешь сначала о Сынѣ, а потомъ объ Отцѣ? Ты, говоритъ, низвелъ перваго въ (низшій) рядъ; я, если назову перваго и второго, разумѣю нераздѣльное естество; лучше же сказать,—не разумѣю, а рѣшительно утверждаю. Итакъ, не поноси божественныхъ изреченій, и не клевещи на небесныя ученія. Подобіе этого ты находишь и въ ветхомъ завѣтѣ. Какъ здѣсь Павелъ, начавъ съ Духа, переходитъ къ Сыну, а отъ Сына, опять, къ Отцу, и третье въ порядкѣ именъ сдѣлалъ первымъ,—не съ цѣлію извратить порядокъ проповѣди, а дабы показать безразличность познанія богословія,—такъ точно и въ ветхомъ завѣтѣ ты находишь такой же способъ выраженія, сіяющій въ качествѣ какъ бы прообраза. Кто изъ насъ, братіе, не знаетъ, что Писаніе ставитъ на первомъ мѣстѣ Авраама, на второмъ—Исаака, и на третьемъ—Іакова? *Азъ*, говорится, *Богъ Авраамовъ, и Богъ Исааковъ, и Богъ Іаковль*

(Исх. III, 6). И Писаніе справедливо называетъ сначала родившаго, затѣмъ рожденнаго, и, наконецъ, происшедшаго отъ этого послѣдняго. Но такъ какъ природа была нераздѣльна, хотя и раздѣлялась временною послѣдовательностію, то Богъ не отказывается измѣнить порядокъ, чтобы показать ихъ единство. Въ книгѣ, именно, Левитъ Богъ говоритъ (указываю и мѣсто, чтобы 510
ты не поносилъ ложно моихъ словъ): „если же согрѣшатъ сыны Израилевы, предамъ ихъ народу чужому, и пойдутъ туда, и будутъ служить богомъ чуждымъ". Предсказывая вавилонское плѣненіе, Богъ говоритъ: и пойдутъ туда и будутъ служить богамъ чуждымъ. *Тогда усрамится сердце ихъ необрѣзанное*,—и нѣсколько далѣе: *и помяну завѣтъ Іаковль, и завѣтъ Исааковъ, и завѣтъ Авраамль* (Лев. XXVI, 40—42).

7. Повторю изреченіе, такъ какъ шумъ (рукоплесканій) заглушилъ сказанное. Тамъ, говоритъ, *усрамится сердце ихъ необрѣзанное*, и обратятся ко Мнѣ, и исцѣлю ихъ. Еще не исполнилъ угрозы и возвѣщаетъ уже примиреніе. И возвращу ихъ въ землю отцовъ ихъ, *и помяну завѣтъ Іаковль, и завѣтъ Исааковъ, и завѣтъ Авраамль*. Видишь, какъ Богъ измѣняетъ порядокъ, чтобы показать равночестность? Не первымъ Онъ сдѣлалъ Іакова, а хочетъ безразличнымъ употребленіемъ именъ показать равночестность. Но у патріарховъ отдѣляетъ плоды отъ корня время, поскольку природа и рожденныхъ и родившихъ смертна; естество же святой, безсмертной и покланяемой Троицы и слово не разсѣкаетъ, и время не раздѣляетъ, и вѣка не разлучаютъ; между Отцомъ и Сыномъ и Святымъ Духомъ нѣтъ ничего раздѣляющаго. Единородный—творецъ вѣковъ. Слушай, что говоритъ объ Отцѣ божественный и славный проповѣдникъ: *многочастнѣ и многообразнѣ древле Богъ глаголавый отцемъ во пророцѣхъ, въ послѣдокъ дній сихъ глагола намъ въ Сынѣ, его же положи наслѣдника всѣмъ, имже и вѣки сотвори* (Евр. I, 1—2). Итакъ, ничто не раздѣляетъ Отца и Сына и Святаго Духа,—никакое время, ни протяженіе времени. Прежде вѣковъ Отецъ, прежде вѣковъ Сынъ,—такъ какъ Онъ сотворилъ вѣка; прежде вѣковъ Духъ Святый. Никогда не раздѣляется природа, никогда не раздѣляется сила. Внимай тщательно: царствуетъ Отецъ, царствуетъ Сынъ, царствуетъ Духъ Святый. Знаю, что я уже доказывалъ это; но говорить одно и тоже *мнѣ убо не лѣностно, вамъ же твердо* (Фил. III, 1). Царствуетъ Отецъ,—согласно словамъ: „Богъ нашъ царь во вѣкъ" (Пс. LXXIII, 12). Царствуетъ Сынъ,—такъ какъ *дастъ ему*, говорится, *Господь престолъ Давида отца его и воцарится въ дому Іаковли во вѣки* (Лук. I, 32, 33). Царствуетъ Духъ Святый,—такъ какъ Исаія сказалъ: и царя *Господа* Саваоѳа

видѣхъ очами своими, *сѣдяща на престолѣ высоцѣ и превознесеннѣ. И рече* ко мнѣ: шедше *рцы людемъ симъ: слухомъ услышите, и не уразумѣете; и видяще узрите, и не увидите* и т. д. (Ис. VI, 1, 9), а апостолъ толкуетъ слова пророка въ приложеніи къ Святому Духу. Исаія сказалъ: *видѣхъ* царя *Господа* Саваоѳа, *и рече* мнѣ: *иди и рцы людемъ симъ*; Павелъ, прилагая слова: „царя Господа Саваоѳа" къ Святому Духу, говорилъ бесѣдуя въ Римѣ съ іудеями: *добрѣ Духъ Святый глагола ко отцемъ нашимъ Исаіемъ пророкомъ, глаголя*: шедше *рцы людемъ симъ: слухомъ услышите, и не имате разумѣти* и такъ далѣе (Дѣян. XXVIII, 25, 26). Исаія говорилъ: царя Саваоѳа *видѣхъ, и рече* ко мнѣ: *рцы людемъ симъ*; а Павелъ въ своихъ словахъ усвоилъ власть Святому Духу.
511 Царь и Господь Саваоѳъ есть, слѣдовательно, Духъ Святый, сказавшій Исаіи: шедше *рцы людемъ симъ: слухомъ услышите, и не уразумѣете; и видяще узрите, и не увидите* и т. д. И: *слышахъ гласъ Господа глаголюща*: шедше, *рцы людемъ симъ*. Господь—Отецъ, Господь—Сынъ, потому что говорится: *рече Господь Господеви моему: сѣди одесную Мене* (Пс. CIX, 1); Господь Духъ Святый, потому что *Господь Духъ есть; а идѣже Духъ Господень, ту свобода* (2 Кор. III, 17). Да не подумаетъ кто-нибудь, что первое и большее имя есть „Богъ", а второе (меньшее)—„Господь". Въ отношеніи къ естеству безсмертному и „Господь" и „Богъ" указываютъ на одно и тоже достоинство, хотя эти слова имѣютъ и не одинаковый смыслъ. Въ самомъ дѣлѣ, если „Богъ"—первое имя, а „Господь"—второе, то Моисей не употребилъ бы второго въ качествѣ перваго, говоря: *Господь Богъ* твой, *Господь единъ есть* (Втор. VI, 4). Если онъ хотѣлъ сказать о первомъ имени, то долженъ былъ бы, упомянувъ сначала о первомъ, сказать: „Богъ твой Господь одинъ есть"; желая же показать безразличіе именъ, онъ сказалъ сначала „Господь", потомъ „Богъ". Но возвратимся къ своему предмету. *Господь же Духъ есть*. Итакъ Господь Отецъ, Сынъ—Господь, Господь Духъ Святый. Но Павелъ говоритъ: *единъ Господь*. Если единъ Господь, то какимъ образомъ Господь и Господь? Ясно, что (разумѣется) единое господство. Такъ и единъ Богъ, говоритъ Павелъ: *намъ же единъ Богъ Отецъ, изъ Него же вся, и единъ Господь Іисусъ Христосъ, имже вся* (1 Кор. VIII, 6). Итакъ, скажетъ еретикъ, Отца апостолъ назвалъ Богомъ, а Сына Господомъ. Посмотримъ же, посмотримъ, братіе, посмотримъ—прошу: названіе „Господь" второе ли имя божественнаго достоинства, а не есть ли воистину первое и вполнѣ соотвѣтствующее (этому достоинству) и засвидѣтельствованное Священнымъ Писаніемъ? Подлинно необходимо и намъ сказать объ этомъ со тщаніемъ, и вамъ выслушать съ охотою, и еретикамъ

научиться истинѣ. Какое же слово удостовѣритъ насъ, что „Господь“ есть имя и первое, и соотвѣтствующее великолѣпной славѣ? Слушай пророка Давида: *да постыдятся и смятутся въ вѣкъ вѣка, и посрамятся, и погибнутъ. И да познаютъ, яко имя тебѣ Господь* (Пс. LXXXII, 18—19). Обычно врагъ говоритъ о Спасителѣ—Словѣ: имя Христа—Господь, имя Отца—Богъ. Опять я требую опредѣленія данныхъ понятій. Ты употребляешь выраженія еретиковъ? Соблюдаешь ли извѣстныя условія? Я боюсь твоего коварства. Когда ты будешь уличенъ данной истиной, ты убѣжишь отъ нея подъ защиту другой выдумки; когда и тутъ будешь пораженъ, обратишься къ новому основанію своего неразумія, тогда какъ слѣдуетъ не бѣгать отъ блистающей и просвѣщающей истины, потому что она, просвѣщая, не гонитъ (никого), а *бѣгаетъ нечестивый ни единому же гонящу* (Притч. XXVIII, 1).

8. Мы же возвратимся къ намѣченному. *Да познаютъ, яко имя тебѣ Господь.* Если Давидъ упоминаетъ объ Отцѣ, то знай вотъ, что имя Отцу—Господь. Имя Отца Господь, а Павелъ говоритъ: *единъ Господь Іисусъ Христосъ*. Слѣдовательно, Господь Отецъ, Господь Сынъ. Какъ соучастникъ имени, Христосъ, слѣдовательно, есть и соучастникъ достоинства. Но іудей отказывается признать, что Давидъ сказалъ это относительно Отца, чтобы, усвоивъ имя „Господь“ Сыну, оставить имя „Богъ“ Отцу. Соглашаюсь съ опредѣленіемъ и принимаю условія. Я не раздѣляю именъ поклоняе- 512
мой Троицы по достоинству, какъ многократно говорилъ раньше, потому что церковь проповѣдуетъ нераздѣльную славу; но снисхожу къ вашему трудному положенію и говорю: допустимъ (что сказано о Сынѣ:) *да познаютъ, яко имя Тебѣ Господь*; что же ты сдѣлаешь съ дальнѣйшимъ выраженіемъ: *ты единъ вышній по всей земли* (Пс. LXXXII, 19)? По твоему нечестивому ученію Отецъ, слѣдовательно, еще не Вышній, потому что единый Вышній—Сынъ. Здѣсь, братіе, не волны моря, готовыя кого задушить, а волны любви, могущія освятить. Но, впрочемъ, когда говорится и проповѣдуется о Христѣ, пусть эта боголюбезная ладья плыветъ спокойно. Если море, узрѣвъ стопы Владыки и услышавъ: *молчи, престани* (Марк. IV, 39), покорилось Его велѣнію, то неразумно, чтобы Церковь не повиновалась своему Жениху, возвѣщающему слова жизни и воистину имѣющему во устахъ своихъ божественную благодать, — *изліяся*, сказано, *благодать во устнахъ твоихъ* (Пс. XLIV, 3). Но возвратимся къ нашему предмету. *Да познаютъ, яко имя тебѣ Господь.* Выбирай, что желаешь; говорю не въ томъ смыслѣ, чтобы выборъ лежалъ въ твоей власти. И Іисусъ Навинъ, когда говорилъ народу: *изберите себѣ днесь кому послужите, или богомъ*, которымъ служили отцы ваши, или

Господу Богу нашему (Іис. Н. xxiv, 15), не предоставилъ, конечно, выборъ во власть людей, а хотѣлъ показать, что волѣ любящихъ Бога сопутствуетъ благочестіе. И въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: *свидѣтели вы сами на ся, яко вы избрасте* Господа *служити* Ему (ст. 22). Подобно тому какъ тамъ избраніе не унизило достоинства Божія, а показало свободную волю благочестивыхъ людей, такъ и я теперь, если предоставляю выборъ свободной волѣ, не достоинство Божіе оскорбляю, а испытываю свободу. Итакъ, *да познаютъ, яко имя тебѣ Господь*—сказано объ Отцѣ, или о Сынѣ? Если объ Отцѣ, и имя Отца Господь, то имя и Сына Господь, потому что *единъ Господь Іисусъ Христосъ, имже вся*; слѣдовательно и достоинство такъ же обще, какъ и имя. Но „Господь" имя Сына; слѣдовательно, одинъ только Сынъ Господь, потому что *ты* еси, говорится, *единъ вышній по всей земли*. Если же, такимъ образомъ, единый Господь только Сынъ, то Отецъ чуждъ ли господства? Да не будетъ! И Сынъ, когда Отецъ называется единымъ только Богомъ, не лишается божества. *Въ началѣ*, говорится, *бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово* (Іоан. I, 1). Слѣдоватально, ни выраженіе: „Богъ" Отецъ не отлучаетъ Сына отъ божества, потому что и *Богъ бѣ Слово*, ни названіе Сына „единымъ Господомъ" не указываетъ на то, что Отецъ чуждъ господства, потому что *рече*, говорится, *Господь Господеви моему: сѣди одесную Мене* (Пс. CIX, 1). Итакъ, Господь Отецъ, Господь Сынъ, Господь Духъ Святый, потому что *Господь Духъ есть* (2 Кор. III, 17). Но опять, слыша, что Духъ Святый—Господь, еретикъ приходитъ въ раздраженіе и разрывается съ досады. Какъ, говоритъ онъ, Духъ—Господь, когда Онъ, говоря чрезъ пророка Давида, прославляетъ Сына въ словахъ: *рече Господь Господеви моему*? Видишь, возражаетъ онъ, какъ Духъ, говорящій черезъ пророка, признаетъ своимъ Господомъ и Отца и Сына? Итакъ, что же, братіе? Дабы приведенное выраженіе не было сомнительнымъ для слушателей, обращусь къ самому изъясненію этого изреченія, раскрою вамъ смыслъ этихъ словъ.

9. Спаситель, бесѣдуя однажды съ собравшимися іудеями
513 и испытывая, какое сужденіе и мнѣніе имѣетъ о Немъ большинство, говорилъ имъ: кто, по вашимъ словамъ, есть Христосъ? *Чій есть сынъ? Глаголаша* книжники и фарисеи: *Давидовъ* (Матѳ. XVII, 42). Тогда Господь, опровергая ихъ мнѣніе, сказалъ далѣе: *како Давидъ Духомъ* Святымъ *Господа его нарицаетъ, глаголя: рече Господь Господеви моему: сѣди одесную мене* (ст. 43, 44)? Выраженіе: *Духомъ святымъ* Спаситель присовокупилъ не съ цѣлію показать, что Духъ есть рабъ Христа, о которомъ возвѣщается здѣсь, а съ цѣлію ясно указать на то, что пророкъ, Духомъ Святымъ

провидя будущее, исповѣдуютъ сына своего по плоти воистину Господомъ. Вопросъ, предлагаемый Господомъ, былъ не о Духѣ Святомъ, а о Немъ Самомъ, именно: сынъ ли для Давида Господь, или владыка? Итакъ, самъ Господь, предустраняя клеветы еретиковъ и охраняя нерушимымъ достоинство Святаго Духа, разрѣшаетъ споръ приводимымъ возраженіемъ. Что же онъ говоритъ? *Аще убо Давидъ нарицаетъ Его Господа, како сынъ ему есть* (ст. 45)? Онъ не сказалъ: итакъ, „если Духъ Святый называетъ его Господомъ", а говоритъ: *аще Давидъ нарицаетъ его Господа.* Почему же Онъ присовокупилъ: *Духомъ* святымъ *Господа его нарицаетъ*? До пришествія Христова о Христѣ можно было говорить не на основаніи тѣлеснаго зрѣнія, а по предуказанію Духа Святаго. Давидъ сообщалъ не о томъ, что видѣлъ, а возвѣщалъ духовной своей лирой то, что внушалъ Святый Духъ. Поэтому-то Господь и сказалъ: *како убо Давидъ Духомъ* Святымъ *Господа его нарицаетъ*? А чтобы еретикъ не перенесъ хулы на Святаго Духа, Спаситель далѣе, какъ мы уже сказали, присовокупилъ: *аще убо Давидъ нарицаетъ Его Господа, како Сынъ ему есть?* Слѣдовательно, Давидъ по вдохновенію Духа Святаго называетъ Христа Господомъ. Замѣтимъ предварительно, что всякій пророкъ говоритъ подобающее по вдохновенію отъ Святаго Духа. Всѣ мы признаемъ, что пророки говорили Святымъ Духомъ, какъ о томъ и апостолъ свидѣтельствуетъ, говоря: *добрѣ Духъ Святый глагола пророкомъ ко отцемъ нашимъ* (Дѣян. XXVIII, 25); и самъ Богъ, когда говоритъ вообще: *излію отъ Духа моего на всяку плоть, и прорекутъ* (Іоил. II, 28); равно и Моисей: *кто дастъ всѣмъ людемъ быти пророки, егда дастъ Господь* Святаго *Духа своего на нихъ* (Числ. XI, 29)? Здѣсь обратимъ тщательное вниманіе на то, какъ указывается божество Духа Святаго, какъ оно не нами возвышается, а прославляется собственнымъ достоинствомъ. Мнѣ же дозвольте раскрыть настоящій предметъ путемъ вопросовъ и отвѣтовъ, потому что чрезъ такія противопоставленія легче становится разрѣшеніе недоумѣній. Итакъ спросимъ: согласны еретики, что чрезъ пророковъ говорилъ Святый Духъ, или еще не вѣрятъ и сомнѣваются? Если сомнѣваются, то вспомнимъ сказанное выше, именно—какъ самъ Богъ свидѣтельствуетъ: *излію отъ Духа на всяку плоть, и прорекутъ*, потому что Духъ есть возбудитель пророческой силы; вспомнимъ, какъ и дивный Моисей, желая показать, что пророчество имѣетъ свою основу въ Святомъ Духѣ, изрекъ великія и чудныя слова: *и кто дастъ всѣмъ людемъ Господнимъ быти пророки, егда дастъ Господь Духа Своего* Святаго *на нихъ*? Если же они истинно признаютъ то, что по- 514
истинѣ и есть, именно, что Духъ Святый говорилъ въ пророкахъ,

то слушай, какъ блаженный и дивный Захарія, отецъ Предтечи, называетъ Богомъ Святаго Духа, говорившаго черезъ пророковъ. *Благословенъ Господь Богъ Израилевъ, яко посѣти и сотвори избавленіе людемъ своимъ; и воздвиже рогъ спасенія намъ въ дому Давида отрока своего; якоже глагола усты святыхъ, сущихъ отъ вѣка пророковъ Его* (Лук. I, 68—70). Итакъ, если, говорившій устами пророковъ—Богъ, а говорилъ въ пророкахъ Духъ Святый, какъ говоритъ Давидъ въ книгѣ Царствъ: *Духъ Господень глагола во мнѣ* (2 Цар. XXIII, 2), то Духъ Святый, глаголавшій чрезъ пророковъ, есть, слѣдовательно, Богъ и Господь. И вотъ тебѣ ясное доказательство сказаннаго. Божественный апостолъ, желая въ пророческой рѣчи указать на Духа Святаго, говоритъ въ посланіи къ Коринѳянамъ: *аще вси* пророчествуете, *внидетъ же нѣкій невѣренъ и невѣжда, обличается всѣми, тайная сердца его явлена бываютъ: и тако падъ ницъ, поклонится* (*Богови*), *возвѣщая, яко воистину Богъ съ вами есть* (1 Кор. XIV, 24—25). Видишь, какъ опредѣленно заявилъ учитель благочестія, что дѣйствующій въ проро́чествующихъ Духъ есть Богъ?

10. Итакъ, что ты, еретикъ, блазнишься о правой вѣрѣ? Зачѣмъ поносишь достоинство Духа? Зачѣмъ преступаешь исповѣданіе вѣры? Прочти свои обѣщанія, данныя при [совершеніи надъ тобою] таинства: „вѣрую, говорилъ ты, въ Отца и Сына и Святаго Духа". То, во что ты увѣровалъ, ты отвергъ? Что исповѣдалъ извратилъ? Что открыто заявилъ, то опять нечестиво ниспровергъ? Ты нарушаешь миръ? Преступаешь свой договоръ? Отрицаешься вѣры? Ставишь вопросы? Тебѣ за вѣру, за исповѣданіе, данъ былъ даръ, и послѣ этого дара вѣра изгоняется и вводятся споры? Не оскорбляй достоинства благодати, не оскверняй обѣтовъ, данныхъ въ тотъ страшный и великій часъ таинства! Ты исповѣдалъ вѣру во имя Отца и Сына и Святаго Духа; точно также крестился ты въ Отца, Сына и Святаго Духа; равнымъ образомъ благословеніе [совершается] во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Намъ благодатію даны дары, а съ нашей стороны хула на благодать? Святымъ Духомъ дается намъ свобода, а мы приписываемъ Духу рабство? О, безуміе! О, неблагодарность! Или отвергни новую благодать, или устыдись ветхаго завѣта, или признай равночестность всей Святой Троицы. Это мы многократно доказали многочисленными свидѣтельствами Писанія. Къ сказанному хочу присоединить еще одно доказательство. Открытое въ новомъ завѣтѣ, какъ я уже многократно говорилъ, предвозвѣщено было въ ветхомъ. Итакъ, что же? Даетъ Богъ Моисею повелѣніе, говоря: *рцы Аарону и сыномъ его: сице благословите сыны Исраилевы* (Числ. VI, 23). Обрати вниманіе. Дабы

кто-нибудь по простотѣ своей не подумалъ, что и всяко хорошо, Богъ присоединилъ: *сице*; Онъ хочетъ, чтобы никто не преподавалъ благословеній по собственой волѣ, а чтобы все дѣлалось по уставу Писанія. *Сице*, говоритъ, *благословите*. Какъ *сице?* „Благословитъ тебя Господь и сохранитъ тебя" (ст. 24). И замѣть, какъ всюду Богъ таинственно показываетъ Троицу; ради Нея и благословенія утрояются. „Благословитъ тебя Господь и сохранитъ тебя. Просвѣтитъ Господь лице Свое на тебя, и благословитъ тебя. Воздвигнетъ Господь лице Свое на тебя, и дастъ 515
тебѣ миръ" (Числ. VI, 24—26). Замѣть, какъ ясно прославляется святая Троица. Какая благодать не отъ Духа Святаго? Какой даръ не Имъ дается? Какое благо получается безъ Него? Какой премірный даръ можетъ снизойти къ людямъ безъ Духа Святаго? Изслѣдуйте Писаніе и разсмотрите, какъ оно, когда хочетъ отмѣтить или указать что-нибудь совершающееся сверхъестественнымъ образомъ, все приписываетъ дѣйствію Духа. Напримѣръ, когда Писаніе повѣствуетъ о Сампсонѣ, этомъ знаменитомъ борцѣ, и о великихъ и дивныхъ подвигахъ его мужества, то напередъ указываетъ, что эти подвиги совершены были Духомъ Святымъ. Пришло, говоритъ оно, безчисленное множество иноплеменниковъ, а Сампсонъ былъ одинъ только, и, мало того, даже былъ связанъ. Какая надежда на освобожденіе связанному? Какое спасеніе плѣненному? Какъ одному побѣдить многихъ? Духъ Господень сошелъ на Сампсона и онъ бросился на иноплеменниковъ, и, найдя ослиную челюсть, умертвилъ тысячу человѣкъ. И замѣть мудрость божественнаго Писанія. Такъ какъ для людей, не наблюдавшихъ подобнаго, показалось бы невѣроятнымъ, что связанный побѣдилъ свободныхъ и одинъ поборолъ многихъ, то Писаніе хорошо напередъ замѣчаетъ: „и Духъ Господень сошелъ на Сампсона, и взялъ онъ челюсть ослиную и убилъ тысячу" (Суд. XV, 14—15),—чтобы, если бы показалось это невѣроятнымъ, какъ невозможное для человѣческой природы, повѣрили этому, какъ дѣйствію силы Духа. Поэтому, хорошо сказалъ Моисей: *како пожнетъ единъ тысящы, и два двигнета тмы, аще не Господь предаде ихъ и Богъ отдаде ихъ* (Втор. XXXII, 30)? Прочти Писаніе, и ты увидишь, что при каждомъ подвигѣ указывается напередъ на дѣйствіе Духа. Пришли иноплеменники, и Духъ Господень сошелъ на Сампсона. Бросился левъ, и Онъ разорвалъ льва, какъ козленка (Суд. XIV, 6). Связанъ былъ онъ желѣзными узами; жена говоритъ ему: „иноплеменники на Сампсона",—и опять говоритъ Писаніе: и Духъ Господень сошелъ на Сампсона, и разорвались узы подобно ниткѣ изъ пакли, кос-

нувшейся огня (Суд. XVI, 9). Писаніе нигдѣ не указало ни одного славнаго дѣла, не предпославъ указанія на дѣйствіе Духа. Обрати, затѣмъ, тщательное вниманіе, что говоритъ Писаніе, всегда замѣчающее о Самсонѣ, когда онъ совершалъ свои подвиги и побѣждалъ, что „сошелъ Духъ Господень на Самсона“, когда онъ наконецъ лишился силы. Когда онъ остригъ голову и предалъ залогъ благодати, Писаніе тотчасъ же замѣчаетъ: „и Господь отступилъ отъ Самсона“ (Суд. XVI, 20). Когда
516 пришли иноплеменники, — *и сниде на него духъ Господень*, когда же отступилъ,—и *Господь*, говоритъ, *отступи отъ него* (Суд. XVI, 20): и справедливо, потому что *Господь Духъ есть* (2 Кор. III, 17). И не только въ ветхомъ завѣтѣ ты можешь видѣть это, а и на апостолахъ. Когда божественное Писаніе возвѣщаетъ о какой-нибудь великой и необычайной силѣ, оно всюду указываетъ напередъ дѣйствіе Духа. Говоритъ оно, напр., какъ Павелъ на Кипрѣ наказываетъ посредствомъ слова злосчастнаго того волхва Елиму, противоборствовавшаго истинѣ, и такъ какъ повѣствуетъ о дѣлѣ необычайномъ, именно—ослѣпленіи очей, совершенномъ словомъ, то говоритъ: *се рука Господня на тя, и будеши слѣпъ не видя солнца* (Дѣян. XIII, 11). Такое дѣйствіе, какъ ослѣпленіе глазъ человѣческимъ словомъ, превышало природу и Павла и всѣхъ вообще людей. Человѣческое слово не измѣняетъ природы, и не ослѣпляетъ глазъ. Поэтому, чтобы кто-нибудь, взирая на человѣческія слова, не поразился необычайностью дѣла и не счелъ сказаннаго вымысломъ, Писаніе опять предварительно указываетъ на силу Духа. Тогда, говорится, Павелъ, исполнившись Духа Святаго, сказалъ ему (ст. 9, 10). Имѣешь и еще указаніе на дѣйствіе Духа; именно, когда простой человѣкъ говоритъ лучше, чѣмъ дозволяютъ собственныя его силы, Писаніе также усвояетъ дѣйствіе Духу. Напримѣръ Петръ и Іоаннъ говорятъ въ собраніи іудеевъ. И *тогда Петръ*, говорится, *исполнився Духа Свята*, *рече* къ народу: *аще праведно есть предъ Богомъ, васъ послушати паче, нежели Бога, судите* (Дѣян. VI, 8, 19). Почему же *исполнився Духа Свята?* Такъ какъ дерзновеніе превышало то, чего можно ожидать отъ человѣка простого, то, чтобы кто-нибудь, взирая на рыбаря, не усомнился въ смѣлости его святой проповѣди, Писаніе указало предварительно на мудрость Святаго Духа, дабы ты не дивился дерзновенію. Разсмотримъ, если угодно, и еще примѣръ, чтобы еще болѣе подтвердить сказанное. Для святыхъ отверзается небо; но безъ Святаго Духа оно не отверзается; не тѣлесными очами зрится отверзаемое небо, а дѣйствіемъ Святаго Духа. Стефанъ видѣлъ отверстыя

небеса; но, какъ говоритъ Писаніе, потому, что исполненъ былъ Святаго Духа (Дѣян. vɪɪ, 55, 56). Итакъ, братіе, никакъ нельзя видѣть неба отверстымъ безъ Духа, равно какъ нельзя безъ святаго и покланяемаго Духа ни облечься властію учительства, ни проявить силу чудотворенія. *Вся бо дѣйствуетъ единъ и тойжде Духъ, раздѣляя властію коемуждо, якоже хощетъ* (1 Кор. xɪɪ, 11). Ему слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

Творенія, отнесенныя въ изданіи Миня къ подложнымъ

(SPURIA).

Бесѣда на слова: видѣ Богъ вся, елика сотвори: и се добро зѣло (Быт. I, 31), и о томъ, что божественныя слова дороже всякой сладости.

519 1. Прекрасны луга благочестія; не временные цвѣты на нихъ красуются: они обильно украшены цвѣтами небесными. Цвѣты же благочестія не иное что, какъ плоды добродѣтельной жизни. Добродѣтели возводятъ насъ къ той дивной первообразной красотѣ, какою человѣкъ обладалъ, будучи созданъ по образу Божію и подобію. А это подобіе по добродѣтели (никому изъ насъ) не позволяетъ называться вмѣсто человѣка лошадью. Кто стремится къ нему, того нельзя уже назвать ни воломъ, ни дракономъ, ни змѣей, ни скорпіономъ; возвышаясь надъ этими безсловесными, мы и являемся, и называемся, и сознаемъ себя образомъ Божіимъ удивительнымъ и досточтимымъ, сохраняющимъ первообразную красоту вида. Ты—господинъ надъ безсловесными: не подражай же нравамъ своихъ рабовъ; впрочемъ, не потому, что безсловесныя дурны: благость Творца не создала ничего худого. Обыкновенно мы сравниваемъ съ животными тѣхъ, кто живетъ несогласно съ добродѣтелью, но отсюда нельзя заключать, что животныя сами по себѣ злы. Тогда что значили бы слова Писанія: *и видѣ Богъ вся, елика сотвори: и се добра*, и не просто—*добра*, но—*добра зѣло* (Быт. I, 81)? Однако, если твари служатъ для насъ олицетвореніемъ злого (обыкновенно левъ олицетворяетъ тиранство, змѣй—хитрость и коварство, скорпіонъ—сварливость, а волкъ—хищность), то какимъ образомъ могли быть добрыми твари, которыхъ мы такъ явно принимаемъ въ качествѣ образцовъ злого. Любознательные пусть знаютъ, что по своей природѣ

твари не злы и не называются злыми, а что въ подобныхъ случаяхъ имѣется въ виду состояніе, приличное безсловеснымъ. Кто идетъ противъ своей разумной природы, тотъ унижаетъ свое достоинство и помрачаетъ свою разумную свободу. Ты получилъ, о, человѣкъ, достоинство господина: не стремись же занять мѣсто въ ряду безсловесныхъ—рабски и безчестно; подражая звѣронравію безсловесныхъ, ты унижаешься,—не потому, что безсловесныя—злы по природѣ или считались такими, но потому, что онѣ являются образомъ безчестнаго и рабскаго, неприличнаго свободнымъ. Вѣдь всякій человѣкъ порядочный и почтенный, если онъ облечется въ одежду раба, унижается и срамится,—не потому, что одежда сама по себѣ зла и мараетъ человѣка, но потому, что она прилична только рабу и не соотвѣтствуетъ достоинству свободнаго человѣка; точно такъ, если мы усвоямъ себѣ нравы скорпіона или волка, то не природа безсловесныхъ опорочивается въ этомъ случаѣ, но твое униженіе, что ты, будучи господиномъ, поступаешь какъ рабъ. Эта оговорка была необходима, чтобы кто-нибудь сказаннаго не поставилъ въ укоръ созданію, какъ будто бы Богъ сотворилъ что-нибудь злое: все въ въ полномъ смыслѣ было хорошо и даже весьма хорошо, пока сохраняло свой строй и жило по свойственному ему закону. Чтобы внушить тебѣ, возлюбленный, что въ Божіемъ созданіи по природѣ ничего не было дурного, Богъ пользуется и неразумными тварями для того, чтобы наставлять насъ ихъ примѣромъ. Въ самомъ дѣлѣ, Онъ научаетъ насъ подражать нѣкоторымъ качествамъ безсловесныхъ, чтобы мы не приписывали созданіямъ,—а тѣмъ болѣе самой ихъ природѣ,—зла, но (знали), насколько они соотвѣтствуютъ своему предназначенію. Развѣ ты не слышалъ, что говорилъ сегодня Приточникъ: *иди ко мравію, о лѣниве, и поревнуй пути его* (Притч. VI, 6)? И развѣ ты не уразумѣлъ, какъ, поставляя намъ въ примѣръ трудолюбіе муравья, (Премудрый) наставилъ насъ быть усердными безъ лѣности? Не достаточнымъ ли для тебя урокомъ служитъ это указаніе на трудолюбіе муравья или подобная ему ссылка на искусство пчелы? Да, возможно, какъ я уже сказалъ, возможно заимствовать и у безсловесныхъ нѣкоторыя качества, соотвѣтствующія разумной природѣ. А вмѣстѣ съ тѣмъ такія указанія служатъ къ нашему стыду и посрамленію. Если ты не подражаешь Богу, подражай хотя муравью,—таковъ ихъ смыслъ. Не случалось ли тебѣ слышать, какъ родной отецъ, осуждая своихъ дѣтей, послѣ многихъ наставленій ставитъ имъ въ примѣръ своихъ слугъ и притомъ дѣлаетъ это во всеуслышаніе: подражай, наконецъ, слугѣ, низшему по достоинству, но болѣе тебя дѣльному. Точно такъ и

520 человѣколюбивый Богъ, исправляя наше нерадѣніе, приводитъ муравья, обличающаго нашу лѣность, и пчелу, обличающую нашу распущенность. А отсюда очевидно, что въ созданіи Божіемъ нѣтъ ничего злого и что Богомъ даны намъ чувство и разумъ, чтобы избѣгать нрава безсловесныхъ и подражать ихъ лучшимъ свойствамъ. Такъ, левъ можетъ быть для тебя примѣромъ добродѣтели, когда ты подражаешь ему не въ насиліи, а въ мужествѣ: иное дѣло—насиліе, и иное дѣло—мужество. Потому-то и Писаніе, возвѣщая о Спасителѣ, имѣющемъ произойти отъ Іуды, говоритъ: *скименъ львовъ Іуда: отъ лѣторасли, сыне мой, возшелъ еси, возлегъ уснулъ еси яко левъ, и яко скименъ* (Быт. XLIX, 9). Видишь, для какого сравненія пользуется божественное слово качествами и свойствами безсловесныхъ? Можно, значитъ, подражать льву съ разумомъ. Но можно подражать и змѣѣ, не въ томъ, конечно, что она извергаетъ ядъ, но въ мудрости, какъ именно и говорилъ Спаситель апостоламъ: *будети мудри яко змія* (Мѳ. X, 16). Конечно, если бы это твореніе было злымъ по природѣ, не сталъ бы (Господь) къ подражанію ему призывать свой собственный образъ: *будите мудри яко змія*. Это означаетъ конечно: подражай не яду змѣи, не злобѣ ея, но мудрости. Если будешь подражать ея ядовитости, противъ тебя возопіетъ Давидъ, обвиняя и говоря: *ярость ихъ по подобію зміину* (Пс. LVII, 5); если же будешь подражать мудрости, то будешь ученикомъ Христовымъ: *будите мудри яко змія*. Такъ какъ змій былъ мудрѣйшимъ изъ всѣхъ звѣрей, какъ сегодня было читано, то человѣческой мудрости противопоставилъ его мудрость, не для того, чтобы ты научился коварствовать, но чтобы научился избѣгать коварства.

2. Конечно, человѣколюбецъ Богъ хочетъ, чтобы мы были не коварны, но искусны: иное дѣло быть коварнымъ, иное быть искуснымъ. Искусство состоитъ не въ томъ, чтобы совершенствоваться въ злѣ, но въ томъ, чтобы избѣгать зла, и пользоваться искусствомъ нужно не съ тою, цѣлію, что строить козни ближнимъ, но съ тою, чтобы избѣгать сѣтей другихъ; между тѣмъ убійство, предательство, обиды ближнимъ—вотъ каковы дѣла коварнаго. Въ этомъ смыслѣ искуснымъ былъ Іаковъ—мудрый какъ змѣя, но чуждый ея ядовитости. Ожидая встрѣчи съ братомъ своимъ Исавомъ, дышавшимъ злобою и братоубійствомъ, онъ просилъ Бога: *Господи, изми мя отъ брата моего Исава: яко боюся азъ его весьма* (Быт. XXXII, 11), и умолялъ Его, вооружаясь противъ злобы молитвою. А встрѣтившись съ братомъ, ласкою и обходительностью Іаковъ укротилъ его злобу и потушилъ гнѣвъ. Что же говорилъ онъ Исаву? *Видѣхъ лице твое, якобы аще кто*

видѣлъ лице Божіе (Быт. xxxiii, 10). Конечно, если Іаковъ говорилъ это съ тѣмъ, чтобы при помощи обмана одолѣть брата, онъ поступилъ худо; если же его слова были внушены ему желаніемъ избѣжать грозившей опасности, тогда онъ хорошо воспользовался искусствомъ. *Будите убо мудри яко змія*,—не злобны, не ядовиты, но *мудри*, и въ тоже время *цѣли яко голубіе*. Впрочемъ, и самый голубь можетъ служить примѣромъ какъ добра, такъ и зла, а какъ—послушай. Если ты (уподобляешься голубю) безразсудствомъ и недальновидностью и обладаешь опытностью только во злѣ, то Писаніе осуждаетъ тебя какъ безумнаго: *Ефремъ*, говоритъ оно, *яко голубь безумный, не имый сердца* (Осія, vii, 11). Но если, избѣжавъ безумія, ты сохранишь чистоту, то достигнешь совершенства, безъ примѣси зла, и тогда именно исполнятся на тебѣ слова Господа: *будите мудри яко змія, и цѣли яко голубіе*. Итакъ, братъ, не просто читай Писаніе и не злоупотребляй его сравненіями: ты видишь, что одно и тоже сравненіе употребляется здѣсь въ разныхъ смыслахъ, притомъ столь различныхъ. Хочешь еще болѣе убѣдится въ этомъ? Вникни поглубже въ приведенныя выше слова. Писаніе говоритъ о львѣ: *скименъ львовъ* 521
Іуда: отъ лѣторасли, сыне мой, возшелъ еси, возлегъ уснулъ еси яко левъ (Быт. xlix, 9). Здѣсь слова: *яко левъ*—означаютъ мужество; но вѣдь и къ праведному прилагается тотъ же образъ: *праведный же яко левъ уповая* (Притч. xxviii, 1), а праведный мужественъ, конечно, не въ дѣланіи зла, но въ презрѣніи къ тому, что угрожаетъ ему со стороны дурныхъ людей. Называетъ (Писаніе) Спасителя львомъ и потому, что Онъ происходилъ изъ царскаго племени. Вѣдь какъ левъ является царемъ четвероногихъ, такъ у іудеевъ царская власть сосредоточивалась въ колѣнѣ Іудиномъ, отъ котораго произошелъ Спаситель. И не подумай, возлюбленный, что неприлично уподоблять Христа льву. этотъ самый образъ Писаніе прилагаетъ даже и къ самому Богу. Послушай, что говоритъ пророкъ: *левъ возреветъ, и кто не убоится? Господь Богъ глагола, и кто не пророчетъ* (Амос. iii, 8)? Конечно, могущество, царственное достоинство и страхъ (внушаемый окружающимъ), вотъ тѣ общія черты, которыя имѣются въ виду при уподобленіи Христа льву. Называется львомъ и діаволъ, но уже не какъ могучій и грозный, а какъ хищникъ, какъ насильникъ, какъ губитель. О немъ блаженный Петръ апостолъ говоритъ: вотъ *супостатъ вашъ діаволъ яко левъ ходитъ искій поглотити душу* (1 Петр. v, 8). Вникай же въ различіе читаемаго и подразумѣваемаго, и пусть видимое противорѣчіе въ употребленіи одного и того же слова не вводитъ тебя въ заблужденіе. И тутъ, и тамъ Писаніе говоритъ о львѣ, но въ одномъ случаѣ оно

имѣетъ въ виду могущество и царственное достоинство, въ другомъ—хищность и губительность. Точно также одинъ и тотъ же образъ употребляетъ Писаніе и о праведномъ, и о нечестивомъ. *Праведникъ*, говоритъ оно, *яко финиксъ процвѣтетъ, яко кедръ, иже въ Ливанѣ, умножится* (Пс. XCI, 14); но оно же говоритъ и о нечестивомъ: *видѣхъ нечестиваго превозносящася и высящася, яко кедры ливанскія* (Пс. XXXVI, 35). Вотъ какъ Писаніе употребляетъ одинъ и тотъ же образъ, но придаетъ словамъ различное значеніе. Въ самомъ дѣлѣ, о нечестивомъ сказано: *видѣхъ нечестиваго превозносящася и высящася, яко кедры*; о праведникѣ же не сказано: какъ *кедръ, иже въ Ливанѣ*, процвѣтетъ, но *умножится*. Подобнымъ образомъ нужно понимать слова Писанія и въ томъ случаѣ, когда оно поучаетъ насъ подражать пчелѣ въ ея трудолюбіи. *Иди ко пчелѣ, и увѣждь, коль дѣлательница есть* (Притч. VI, 8). *Увѣждь* не то, что она имѣетъ жало, но что она производитъ медъ. Если ты стремишься подражать ей въ ея способности пользоваться жаломъ, то осуждаетъ тебя Давидъ, говоря: *вся языцы обыдоша мя яко пчелы сотъ: и именемъ Господнимъ противляхся имъ* (Пс. CXVII, 10, 12). Видишь, какъ враговъ уподобляетъ пчелѣ нападающей, а праведныхъ—пчелѣ, добывающей медъ? *Устнѣ мужей праведныхъ*, говоритъ (Мудрый), *каплютъ премудрость* (Притч. X, 32, 31). *Сотове медовніи словеса добрая: сладость же ихъ исцѣленіе души* (XVI, 24). Ея-то, возлюбленные,—я разумѣю душевную сладость,—будемъ желать отъ всей души; въ тайной мастерской души будемъ производить духовный воскъ, и божественныя слова будемъ принимать паче меда и сота. И замѣтьте: медъ, употребляемый въ большомъ количествѣ, начинаетъ казаться уже не столь сладкимъ, вызываетъ отвращеніе и разстраиваетъ весь организмъ человѣка; слово же Божіе, принимаемое въ большомъ количествѣ, не вредитъ душѣ, но врачуетъ ее: *сладость его—исцѣленіе души*. Потому тотъ же самый мудрецъ, противопоставляя медъ и слово, говоритъ: *ясти медъ много не добро, почитати же подобаетъ словеса славна* (Пр. XXV, 28). Итакъ, будемъ постоянно употреблять, возлюбленные, эти разнообразные соты, божественныя и священныя слова. И какъ пчелы приготовляютъ свои соты изъ многихъ и различныхъ веществъ, но придаютъ имъ одинъ вкусъ, такъ и мы въ сотахъ священнаго Писанія, составленныхъ многими и различными пророками, найдемъ и почерпнемъ одно общее ученіе. Точно также будемъ пользоваться и медомъ отцовъ, собраннымъ въ различное время, но содержащимъ одну и туже благодать и одно духовное ученіе. Но достаточно объ этомъ. Молитвами и предстательствомъ нашего общаго отца да сподобимся мы, соединивъ съ ученіемъ трудо-

любіе, всегда возгрѣвать божественный законъ въ сердцѣ своемъ и исполнять пожеланіе Давида, чтобы даже во чревѣ нашемъ всегда обиталъ законъ Божій (Пс. xxxix, 9), то есть—божественныя мысли. И тогда, возвышаясь надъ требованіями своей природы, почитая истину и презирая міръ, будемъ воздавать славу 522
Богу нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Изъясненіе, что образъ, состоявшій въ подобіи Божіемъ, первый человѣкъ утратилъ преслушаніемъ, и что впослѣдствіи этотъ образъ возстановленъ чрезъ новаго Адама.

1. Что человѣкъ сотворенъ по образу и подобію Божію, это и Священнымъ Писаніемъ предано, и для любознательныхъ до извѣстной степени подтверждается научными выводами. Вы—по крайней мѣрѣ болѣе усердные изъ слушателей—помните, конечно, что мы начали говорить о томъ, что выраженіе „по образу" указываетъ преимущественно на господство человѣка и на его власть надъ всѣми, а рядомъ съ этимъ „подобіе" означаетъ совершенствованіе въ добродѣтеляхъ. Но необходимо показать, братіе, необходимо уяснить себѣ, какъ человѣкъ, удостоенный большей чести предъ всѣми созданіями Божіими, могъ ниспасть отъ высшей и первообразной красоты божественнаго происхожденія до состоянія безсловесныхъ, до уподобленія имъ. Будучи по своему началу образомъ человѣколюбиваго Бога, человѣкъ омрачилъ себя пороками, ослабилъ преступленіями и воистину *приложися скотомъ несмысленнымъ и уподобися имъ* (Псал. XLVIII, 21). А какимъ путемъ дошелъ человѣкъ до уподобленія *скотомъ несмысленнымъ*, необходимо прослѣдить на дѣлѣ, не съ тѣмъ, чтобы негодовать по поводу совершившагося, но чтобы найти выходъ изъ настоящаго положенія. Вѣдь и то, что мы знаемъ объ Адамѣ, и вся исторія праотцевъ, все это сообщено намъ не для того, чтобы мы хвалили ихъ или порицали, но для того, чтобы мы подражали ихъ добродѣтели и избѣгали ихъ злыхъ дѣлъ: *сія же*, говоритъ божественный Павелъ, *писана быша въ наученіе наше, въ нихже концы вѣкъ достигоша* (1 Кор. x, 11). Итакъ, первый человѣкъ своимъ преслушаніемъ утратилъ образъ и вмѣстѣ съ тѣмъ подобіе Божіе, предалъ ихъ на попраніе бѣсамъ и омрачилъ уподобленіемъ безсловеснымъ; и теперь однихъ изъ людей жестокость и тиранство дѣлаютъ похожими скорѣе на льва, чѣмъ на человѣка, а другихъ и (обнаруживаемое ими) хищничество

уподобляетъ волку. Такъ и говоритъ объ этомъ Писаніе: *князи* ваши [1]) *яко львы рыкающе, судіи* ваши *яко волцы аравійстіи*, называя львами людей жестокихъ и безчеловѣчныхъ, а волками хищныхъ и жадныхъ къ корысти. Видишь, какъ человѣкъ, созданный по образу Божію, ниспалъ въ ряды безсловесныхъ? Итакъ, когда человѣкъ употребляетъ насиліе, онъ называется львомъ; когда грабитъ, заслуживаетъ названія волка; когда предается нечистымъ страстямъ, и своими поступками уподобляется скотамъ, тогда онъ дѣлается конемъ: *кони женонеистовни сотворишася, кійждо къ женѣ искренняго своего ржаше* (Іер. v, 8). Другихъ опять пороки дѣлаютъ изъ людей псами. И какъ именно? Они какъ псы лаютъ, шумно и безпорядочно выражая свои удовольствія; объ этомъ пророчески говоритъ блаж. Давидъ отъ лица Спасителя: *обыдоша мя пси*. Какіе же *псы? Сонмъ лукавыхъ одержаша мя* (Псал. xxi, 17). Еще иныхъ Писаніе называетъ свиньями; такъ, о тѣхъ, которые погрязли въ нечистыхъ дѣлахъ, Господь чрезъ евангелиста говоритъ: *не дадите святая псомъ, ни пометайте бисеръ вашихъ предъ свиніями* (Мѳ. vii, 6). Видишь, какое различіе оказывается между людьми, и какъ тотъ образъ, состоявшій въ подобіи Божіемъ, замѣнился подобіемъ скотскимъ, и это произошло не по насилію чьему-либо, но по винѣ самого человѣка. Писаніе именно и приписываетъ паденіе человѣка не принужденію какому-либо, но свободной волѣ того, кто былъ удостоенъ чести, но презрѣлъ ее: *человѣкъ въ чести сый не разумѣ* (Пс. xlviii, 13). Припомнимъ еще далѣе, если угодно, что нѣкоторыхъ людей Писаніе за ихъ хитрость, коварство и крайнее лицемѣріе называетъ лисицами. Въ этомъ конечно смыслѣ Спаситель назвалъ лисицей Ирода, вѣроломнаго и двуличнаго, подъ личиной благочестія преданнаго нечестію. Именно, когда Спасителю возвѣстилъ кто-то изъ пришедшихъ къ Нему, что „Иродъ хочетъ видѣть [2]) Тебя“, на это святой и великій голосъ отвѣтствовалъ: *рцыте лису тому: знаменія творю днесь и утрѣ и въ*
523 *третій день скончаюся* (Лук. xiii, 32). *Рцыте лису тому*—вмѣсто того, чтобы сказать: человѣку, исполненному коварства, душѣ, насыщенной ложью, злобой и предательствомъ. Вотъ видишь, братъ, какъ коварныхъ людей Писаніе называетъ лисицами? Поэтому теперь, когда ты будешь говорить вмѣстѣ съ псалмопѣвцемъ: *внидутъ въ преисподняя земли, части лисовомъ будутъ* (Пс. lxii, 10, 11), ты поймешь этотъ намекъ и не будешь искать для него иного объясненія. А въ другомъ мѣстѣ сказано: части бу-

[1]) въ слав.: *его*.

[2]) въ текстѣ Евангел.: «убить».

дутъ лицемѣровъ,—потому что невѣдущіе истины получаютъ часть не съ вѣрными, а съ лицемѣрами. Потому и Спаситель, увѣковѣчивая эту мысль, сказалъ о лѣнивомъ рабѣ: *пріидетъ господинъ раба того и растешетъ его полма: и часть его съ лицемѣрами положитъ* (Мѳ. XXIV, 50, 51). Итакъ, лицемѣровъ Писаніе называетъ лисицами. До такихъ-то, братіе, неприличныхъ образовъ и подобій унизился образъ Божій, и притомъ въ такой степени, что во всей вселенной, прежде чѣмъ возсіялъ для нея разумъ благочестія, Писаніе не находитъ ничего, что заслуживало бы лучшаго наименованія, чѣмъ безсловесные скоты, гады, дикіе звѣри. Отсюда ясно, почему человѣколюбецъ Богъ, желая вразумить верховнаго апостола Петра, что нужно принимать всѣхъ приходящихъ отъ язычниковъ, показалъ ему тотъ удивительный платъ, спускавшійся за четыре конца съ неба; въ немъ были всякія четвероногія земныя, птицы небесныя, звѣри и гады, а Господь повелѣлъ Петру: *воставъ, Петре, заколи и яждь*. Апостолъ отвѣчалъ на это: *никакоже, Господи, яко николиже ядохъ всяко скверно или нечисто* (Дѣян. X, 13, 14). Не понявъ иносказанія и думая, что предъ его глазами чувственные предметы, отказывается отъ вкушенія; соблюдая вѣрность іудейскому обычаю, онъ говоритъ: *никакоже, Господи, яко николиже ядохъ всяко скверно или нечисто*. На это Господь сказалъ ему: *яже Богъ очистилъ есть, ты не скверни* (ст. 15). Повидимому, Спаситель говорилъ апостолу о четвероногихъ, звѣряхъ и птицахъ, показанныхъ въ видѣніи, но апостолъ Христовъ Петръ отсюда понялъ, что бывшее ему видѣніе вразумляетъ его не о птицахъ или звѣряхъ, но о всѣхъ язычникахъ, и въ бесѣдѣ съ Корниліемъ онъ говорилъ уже: *вы вѣсте, яко не лѣпо есть мужу Іудеянину прилѣплятися ко иноплеменнику: но мнѣ Богъ показа ни единаго скверна или нечиста глаголати человѣка* (28).

Видишь ли ты, братъ, какія разнообразныя унизительныя наименованія прилагаются къ человѣку? И когда опять ты читаешь у пророка Исаіи: *тогда пастися будутъ вкупѣ волъ со агнцемъ и рысь почіетъ съ козлищемъ, и телецъ и левъ вкупѣ будутъ пастися и вкупѣ ясти будутъ плевы* (Ис. XI, 6, 7; LXV, 25), вникни въ этотъ образъ и уразумѣй, что не о собраніи безсловесныхъ животныхъ онъ предвозвѣщаетъ, но объ общеніи людей и о спасеніи, возсіявшемъ чрезъ благодать всѣмъ людямъ. И когда ты видишь въ церкви бѣдняка, стоящаго рядомъ съ богачемъ, частнаго человѣка съ сановникомъ, подчиненнаго съ правителемъ, тогда какъ внѣ храма онъ трепещетъ его могущества, тогда подумай, что значатъ слова: *пастися будутъ вкупѣ волкъ со агнцемъ*. Конечно, волкомъ ты назовешь богатаго, а

агнцемъ бѣднаго. И почему это? Потому что волкъ поступаетъ съ агнцемъ такъ же, какъ богатый съ бѣднымъ. И не опускай изъ виду того, что часто богатый и бѣдный стоятъ въ церкви рядомъ, а когда наступаетъ время совершенія таинства, богатый изгоняется какъ непосвященный, а бѣдный остается внутри подъ кровомъ неба; и богатый не негодуетъ, потому что самъ сознаетъ себя чуждымъ божественныхъ таинъ. Впрочемъ, о, божественная милость! Не только равночестность существуетъ въ церкви по благодати Божіей, но часто и въ томъ случаѣ, когда богатый и бѣдный стоятъ рядомъ, по отношенію къ благочестію бѣдный стоитъ впереди богатаго, и ни богатство нисколько не возвышаетъ своего обладателя въ дѣлѣ благочестія, ни бѣдность не вредитъ вѣрному, допуская его съ дерзновеніемъ предстоять святому жертвеннику.

524 2. Это я говорю, возлюбленные, объ оглашенныхъ, а не вообще о богатыхъ. Подумай, братъ, какъ часто господинъ отстраняется отъ церкви, и при совершеніи таинствъ предсѣдательствуетъ вѣрный слуга,—удаляется госпожа, и остается служанка: *лица Богъ человѣча не пріемлетъ* (Гал. II, 6). Итакъ, въ церкви нѣтъ ни раба, ни свободнаго, но того Писаніе признаетъ рабомъ, кто порабощенъ грѣху,—именно говоритъ оно: *творяй грѣхъ рабъ есть грѣха* (Іоан. VIII, 34),—и того считаетъ свободнымъ, кому дарована свобода божественною благодатію: *законъ бо*, говоритъ апостолъ, *духа жизни во Христѣ Іисусѣ свободилъ мя есть отъ закона грѣховнаго* (Римл. VIII, 2). Итакъ, когда тотъ (присущій человѣку) образъ (Божій) различными способами, какъ мы выше сказали, былъ погубленъ и разрушенъ, пришелъ Спаситель и возстановилъ Свой образъ, и что истребилъ діаволъ, то возсоздалъ Творецъ, сдѣлавшись человѣкомъ, Человѣколюбецъ, не въ униженіе Себѣ, но по человѣколюбію къ намъ. Это-то божественное и удивительное снисхожденіе предвозвѣщая, блаженный Давидъ говорилъ: *Господь воцарися, въ лѣпоту облечеся* (Пс. XCII, 1). Конечно, не безначальному и безтѣлесному Божеству приписывается облеченіе (потому что нѣтъ ничего благолѣпнѣе Бога, чтобы Богъ могъ облечься въ благолѣпіе), но человѣческой природѣ. Мы, люди, прикрываемъ благолѣпіемъ одѣяній члены нашего тѣла, а Богъ, будучи простымъ и безтѣлеснымъ, единъ имѣя безсмертіе и пребывая во свѣтѣ неприступномъ, въ какомъ великолѣпіи нуждается или въ какое одѣяніе облекается? Вполнѣ очевидно, что *лѣпотой* пророкъ назвалъ воплощеніе. Называетъ же онъ нашу плоть лѣпотой не по ея природѣ тѣлесной, но въ виду возможнаго для ея носителя совершенства въ добродѣтеляхъ. Такъ тѣлу Господа усвояется

великолѣпіе не потому только, что оно—тѣло, но потому, что Онъ *беззаконія не сотвори, ниже обрѣтеся лесть во устѣхъ Его* (Ис. LIII, 9). *Господь воцарися, въ лѣпоту облечеся*. А Исаія говоритъ, что и всѣхъ людей (Господь) облечетъ и украситъ какъ невѣсту (Ис. XLIX, 18). *Облечеся Господь въ силу и препоясася* (Пс. XCII, 1), и: *препояши мечь твой по бедрѣ твоей, Сильне* (Пс. XLIV, 4), и такъ далѣе. Здѣсь Царь Христосъ представляется какъ бы вооруженнымъ воиномъ, возлагающимъ на Себя нѣкоторыя доспѣхи тлѣннаго тѣла, и именно—тлѣннаго. Конечно, не одинаково съ людьми Онъ вооружается, а какъ—слушай. Когда мы, люди, вооружаемся, то дѣлаемъ это для защиты слабаго отъ сильнаго; Богъ же, будучи Самъ могучимъ, крѣпкимъ и сильнымъ, воспринимаетъ бренное и слабое тѣло не въ униженіе Себѣ, но чтобы въ его слабости обнаружить Свое безграничное могущество. Такъ именно Онъ отвѣчалъ на просьбу Павла: *довлѣетъ ти благодать Моя, сила бо Моя въ* немощи совершается (2 Кор. XII, 9). И блаженный апостолъ, прекрасно уразумѣвъ сказанное ему, въ одномъ мѣстѣ посланія къ Коринѳянамъ въ свою очередь говоритъ: *немощное Божіе крѣпчае человѣкъ есть* (1 Кор. I, 25). *Облечеся Господь въ силу*, т. е. домостроительство, возсіявшее въ воплощеніи (послужило проявленіемъ его силы). Что сильнѣе этого честнаго и святого тѣла? Что крѣпче? Посредствомъ тѣла Онъ побѣдилъ безтѣлесныхъ лукавыхъ духовъ и крестомъ низложилъ противныя силы. Вникни дальше: *препоясаться*—не означаетъ ли подвергнуться ограниченію? А въ такомъ случаѣ, когда святой и безконечной природѣ угодно было заключиться въ тѣлѣ,—не то, чтобы она подлежала ограниченію сама по себѣ, но возможность ограниченія явилась здѣсь вслѣдствіе явленія во плоти,—тогда-то справедливо можно было сказать: *облечеся Господь въ силу и препоясася*. И что слѣдуетъ далѣе? *Ибо утверди вселенную, яже не подвижится* (Пс. XCII, 1). Итакъ, послѣ того какъ въ первое время грѣхъ поколебалъ вселенную, Спаситель пріидя водрузилъ крестъ и тѣмъ утвердилъ вселенную. *Ты еси Петръ и на семъ камени созижду Церковь Мою, и врата адова не одолѣютъ ей* (Мѳ. XVI, 18). И Павелъ: *твердое убо основаніе Божіе стоитъ, имущее печать сію* (2 Тим. II, 19). Два слова произнесъ Господь: *на семъ камени созижду Церковь Мою и врата адова не одолѣютъ ей*. Не употребилъ Онъ длиннаго періода словъ, не сказалъ: Я создалъ Церковь, и ни цари, ни правители, ни гонители, ни палачи, ни мудрецы, ни простецы, ни витіи не одолѣютъ ея, потому что неодолимо и непобѣдимо царсто Христово,—но однимъ словомъ обозначилъ ея могущество и простымъ выраженіемъ укрѣпилъ обѣщаніе: *на семъ камени созижду Церковь*

Мою и врата адова не одолѣютъ ей. Два слова,—не простыя слова, но Божія. Тотъ, Кто словомъ утвердилъ небеса, Кто словомъ положилъ основаніе землѣ, Онъ же и Церковь создалъ и вселенную укрѣпилъ и утвердилъ, такъ что она не подвижется. Припадемъ же, возлюбленные, къ Нему, утвердившему вселенную,
526 и будемъ плакать и умолять, чтобы по Его человѣколюбію и неизреченной силѣ оставаясь твердыми и неизмѣнными на непоколебимомъ и несокрушимомъ основаніи, мы Ему же возсылали всегда славу и благодареніе со Отцемъ и Св. Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Слово на начало Св. Четыредесятницы, объ изгнаніи (изъ рая) Адама и о дурныхъ женахъ.

525 Насъ ожидаетъ, возлюбленные, богатая духовная трапеза, почерпаемая изъ божественныхъ Писаній. Не тлѣнными яствами изобилуетъ она, но сладостію истиннаго ученія. Отъ нея питаются и насыщаются наши души не насущнымъ хлѣбомъ, но небесными мыслями; она не опьяняетъ виномъ, но воспламеняетъ духъ и воздвигаетъ сердца; здѣсь не предлагаются мяса, подверженныя разложенію, но вкушаются радости и удовольствія небесныя. Эта трапеза совершается не подъ звуки флейтъ и цитръ,—здѣсь звучатъ мелодіи боголюбезныхъ псалмовъ и гимновъ. Созерцаніе блудныхъ плясокъ не услаждаетъ здѣсь чувственныхъ очей, за то очи сердца горятъ любовью къ небесному царству. Нѣтъ мѣста кривляніямъ мимовъ и развратныхъ людей тамъ, гдѣ свирѣли пророковъ воспламеняютъ сердца наши внимать душеполезному ученію. На чувственной трапезѣ внѣшній человѣкъ ввергается въ легкомысліе, смѣхъ и пучины невоздержанія, а здѣсь (не только нѣтъ ничего подобнаго, но) и внутренній человѣкъ возбуждается къ любви боговѣдѣнія и, возвышаясь надъ всѣми житейскими суетами и помѣхами, возводится на единый царскій путь вѣчной жизни. Если на чувственной трапезѣ употребитъ кто яства въ излишкѣ, то являются послѣдствія—боль желудка, вздутіе внутренностей и тому подобныя страданія; на духовной же трапезѣ напротивъ: если кто насладится ею въ избыткѣ, тотъ получаетъ возможность и жизнь свою исправить, и совершить богоугодное дѣло; и тѣмъ большее получается наслажденіе, чѣмъ больше было усердія въ насыщеніи. Или опять: если на той трапезѣ ты употребишь вина вдоволь, то и въ ногахъ чувствуешь тяжесть, и зрѣніе тебѣ

измѣняетъ, и языкъ твой отказывается тебя слушать, а изъ твоей груди вырываются частыя рыканія; для друзей ты становишься смѣшонъ, въ глазахъ рабовъ теряешь уваженіе, какъ будто въ винѣ ты потопилъ свою душу. Совсѣмъ не таковы по- 526
слѣдствія духовной трапезы,—но если ты обильно вкусишь ея даровъ, то пойдешь прямой стезей въ исполненіи заповѣдей, данныхъ тебѣ отъ Господа, очами сердца узришь неземныя блага, а изъ глубины сердца твоего отрыгнешь добрыя ученія, согласно съ словами пророка: *отрыгну сердце мое слово благо* (Пс. XLIV, 2); твои друзья почувствуютъ къ тебѣ уваженіе, а домашніе увидятъ тебя добрымъ, ласковымъ и кроткимъ. Итакъ, разсмотримъ пользу этой духовной трапезы, полюбуемся на ея небесное благолѣпіе, насытимся вдоволь ея неоскудѣвающей сладости. Послушаемъ ея гимновъ и пѣсней,—вѣдь ея гимны прогоняютъ демоновъ, а пѣсни низлагаютъ начальника тьмы. *Вострубимъ въ новомѣсячіи трубою, въ благознаменитый день праздника нашего* (Пс. LXXX, 4). Насталъ постъ—любезный апостоламъ, насталъ постъ—украшеніе мучениковъ, насталъ постъ—сожитель монаховъ, насталъ постъ, уставы котораго исполнялъ Самъ Господь, обитая на землѣ. И если хочешь, возлюбленный, послушай, какими вѣнцами украшенъ постъ. Адамъ, не соблюдши поста, былъ изгнанъ изъ рая и получилъ повелѣніе обработывать землю, порождающую тернія. Современники Ноя, не соблюдши поста, испытали всю тяжесть негодованія Божія и были истреблены всемірнымъ потопомъ. А самъ Ной, допустивъ небольшое послабленіе въ воздержаніи, обнаженный повергся предъ своими сыновьями. Исава невоздержаніе лишило правъ первородства и отеческаго благословенія. Сыны Израилевы, не соблюдши поста, лишились небесной утѣхи и божественной благодати. Теперь ты знаешь, что потерпѣли нарушители поста и воздержанія; узнай же и то, какой чести и милости удостоились тѣ, которые его почитали и сохраняли. Воздержаніе снискало Моисею достоинство 527
законодателя, и поставило его во главѣ народа. Постничество вознесло Илію на огненной колесницѣ на небо, а его всечестную милоть сдѣлало драгоцѣннѣе царской багряницы. Воздержаніемъ Даніилъ во рвѣ заградилъ уста дикихъ звѣрей и изъ ихъ пасти вышелъ невредимымъ. Воздержаніемъ украсившись, три отрока потушили печь, разженную седмерицею, и пламень обратили въ вѣяніе влажной прохлады. Подвижникъ воздержанія, Іоаннъ, нареченъ бóльшимъ среди пророковъ и удостоился крестить во Іорданѣ Господа славы. Но что говорить о пророкахъ и праведникахъ? Самъ Христосъ подвигомъ воздержанія низложилъ врага и намъ далъ въ немъ оружіе попирать его. Поэтому, примемъ

постъ, какъ драгоцѣнный даръ, святое сокровище, изображеніе истины, начало благочестія, основу духовнаго ученія, умерщвленіе страстей, отгнаніе грѣха, бичъ пророковъ, сподвижника дѣтства, губителя демоновъ, запрещеніе діаволу, низложеніе идоловъ, украшеніе церкви, силу царей, похвалу іереевъ, вразумленіе мужей, цѣломудріе женъ, воспитаніе чадъ, свободу рабовъ, утѣшеніе бѣдныхъ. Кто, возлюбивъ постъ, не былъ прославленъ? Кто, соблюдши его, не былъ возвеличенъ? Кому его исполненіе не доставило блаженства? Кто, укрѣпившись имъ, не побѣдилъ искушеній? Кто, внявъ его призыву, не только не получилъ чести отъ людей, но и не отвратилъ отъ себя гнѣва и негодованія Божія? Ахаавъ, вооружившись имъ, не избавился ли отъ грознаго гнѣва Божія? Будучи осужденъ на съѣденіе птицамъ и звѣрямъ и на то, чтобы *въ крови его измылись блудницы* (3 Цар. XXII, 38), благодаря посту онъ избѣгъ смертной опасности, такъ что тогда постъ оказался сильнѣе пророка. Развѣ не постомъ ниневитяне, отъ человѣка до скота, отвратили угрозу, изреченную на срокъ трехъ дней, и оставили бездѣйственнымъ слово пророка Іоны? Развѣ не подвигомъ воздержанія пророки достигали созерцаній и видѣній Бога Вседержителя и прозирали и провѣщали будущее какъ настоящее? Развѣ не имъ вооружались апостолы, когда *во всю землю изыде вѣщаніе ихъ и въ концы вселенныя глаголы ихъ* (Псал. XVIII, 4)? Развѣ и мученики, не имъ облекшись, разрушали храмы и алтари и куренія идольскія и ни во что вмѣняли угрозы гонителей? Развѣ не изъ любви къ нему преподобные оставили міръ и всѣ его прелести и, обитая въ пустыняхъ и горахъ и пещерахъ и пропастяхъ земныхъ, по апостолу Павлу (Евр. XI, 38), самолично низложили діавола и его воинства? Будемъ же и мы сохранять постъ, эту пристань душъ, врачество тѣлъ, умиреніе помысловъ, умерщвленіе страстей,—постъ который ограждаетъ чужое имущество, предупреждаетъ обиды сиротамъ, является заступникомъ вдовъ, не позволяетъ намъ погрязать въ житейскихъ суетахъ, жизнь смертныхъ дѣлаетъ равноангельской, научаетъ прилежать закону Божію день и ночь. О немъ именно говоритъ пророкъ Захарія, раскрывая его громкую славу: *сія глаголетъ Господь Вседержитель, постъ четвертый, и постъ пятый, и постъ седьмый будутъ дому Іудову въ радость и въ веселіе и въ праздники благи* (Зах. VIII, 19). Видите ли, какъ постъ обращается въ праздникъ? Слышите ли, какова его слава и его вѣнцы? Убѣдитесь же, какъ возвышаетъ онъ своихъ исполнителей въ любви духовной. Вы хотите глубже проникнуть въ его смыслъ? Откройте уши вашего сердца, вникните въ духовныя пѣсни, изливающіяся изъ источника безсмертія вѣчно

текущими струями. Что говоришь ты, пророкъ? Какого Израиля ты разумѣешь—плотского или (духовнаго, т. е.) душу, вѣдущую Бога? Оскверненнаго запрещенными жертвами или возрожденнаго 528
ученіемъ апостольскимъ? Приносящаго кровь быковъ и барановъ или возносящаго безкровную жертву—Агнца, вземлющаго грѣхъ міра? Служащаго истуканамъ вмѣсто Бога, или отъ алтарей и идоловъ плѣненнаго въ сыновство духовное? Очевидно, (здѣсь рѣчь) о новомъ и крещеніемъ просвѣщенномъ народѣ, очищенномъ водою и огнемъ. И чрезъ Исаію пророка Господь громко взываетъ: *новомѣсячій вашихъ и субботъ и дне великаго не потерплю, поста и праздности и праздниковъ вашихъ ненавидитъ душа Моя* (Ис. I, 14). Очевидно, новый народъ призывается пророкомъ пользоваться благами поста (вмѣсто прежняго): не то, чтобы Богъ совершенно отвергалъ посты, молитвы, новомѣсячія и субботы, установленныя для евреевъ, но Онъ чувствовалъ къ нимъ отвращеніе. Своими беззаконными дѣлами (іудеи) отверглись Бога, Его избранниковъ, возвѣщавшихъ пришествіе Его Единороднаго Сына, они безжалостно одного убивали деревянной пилой, другого бросали въ грязный ровъ. Да что говорить о пророкахъ? Они и Самого Владыку своего распяли какъ преступника и умертвили, говоря: *сей есть наслѣдникъ: пріидите убіемъ его* (Мѳ. XXI, 38). Видишь отчужденіе, къ какому привели ихъ собственныя преступленія? Не Господь отвергъ ихъ, они сами себя сдѣлали чуждыми той близости къ Богу, какой удостоены были ихъ отцы. Все это сдѣлали сыны Израилевы: такъ избранный народъ шатался противъ Господа согласно съ словами богоотца Давида: *вскую шаташася языцы и людіе поучишася тщетнымъ*, и такъ далѣе (Пс. II, 4 и дал.). Сопоставьте теперь, вѣрные, благія послѣдствія поста, тѣ награды, какія снискиваютъ себѣ упражняющіеся въ немъ безъ разсѣянія мысли; оцѣните, какое суровое и жестокое наказаніе постигаетъ презирающихъ это установленіе. Что же? Не оказывается ли постъ именно тѣмъ мечемъ посѣкающимъ, который охраняетъ доступъ въ царство небесное? Тѣхъ, которые не соблюдаютъ его со скромностью и кротостью, онъ посѣкаетъ, а предъ тѣми, которые исполняютъ его по чистой совѣсти, онъ не только отступаетъ съ готовностью, но и указываетъ имъ путь къ безпечальной жизни, неомрачаемой радости и безболѣзненному наслажденію и доставляетъ въ воздаяніе безчисленныя блага. И если хочешь, мы, изъ многихъ примѣровъ выбравъ немногіе, покажемъ, какъ одинъ, упражняясь въ воздержаніи, среди житейскихъ заботъ незамѣтно отсталъ отъ него, другой, утвердившись въ немъ, неправо однако шелъ по путямъ Господнимъ, иной, соблюдая его, подвергался опасностямъ въ земномъ пла-

ваніи; изслѣдуемъ затѣмъ, кто, обладая имъ, обидѣлъ вдову или сироту, кто, усовершенствовавшись въ Немъ, не пользовался спокойно благорастворенiемъ воздуховъ, кто, возлюбивъ его, не удостоился видѣній и созерцанія Господа, кто, услаждаясь его плодами, проводилъ дни и ночи въ попеченіи о законѣ Господнемъ. Видите силу поста? Видите честь, какою онъ почтенъ? Не отъ начала ли міра онъ господствуетъ среди благочестивыхъ? Пріемы его не современны ли самому міру? Уже съ того времени прославляетъ онъ почитающихъ его и ввергаетъ въ уничиженіе его нарушителей. Мы знаемъ уже, какъ сказано въ началѣ бесѣды, что первый человѣкъ не соблюлъ воздержанія и за его пренебреженіе подвергся наказанію, будучи изгнанъ изъ рая и низведенъ въ крайнюю скудость.

2. Итакъ, выслушаемъ съ самаго начала исторію, которую боговидецъ Моисей изложилъ для послѣдующихъ поколѣній, или лучше сказать, Самъ Владыка Моисея, какъ любвеобильный отецъ, открылъ намъ. Но прошу васъ о полномъ вниманіи къ моимъ словамъ, тѣмъ болѣе, что я хочу эту исторію воспроизвести вкратцѣ. *Въ началѣ сотвори Богъ небо и землю, земля же бѣ невидима и неустроена, и тма верху бездны, и духъ Божій ношашеся верху воды. И рече Богъ: да будетъ свѣтъ, и бысть свѣтъ. И видѣ Богъ свѣтъ, яко добро* (Быт. I, 1—4). Видишь, возлюбленный, какъ прямо и рѣшительно выражается Писаніе? И увидѣлъ Богъ, *яко добро.* Прежде, чѣмъ явился свѣтъ, Богъ зналъ, конечно, его свойства, зналъ, что онъ хорошъ, а говоритъ такъ съ тою цѣлію, чтобы обратить наше вниманіе на могущество и величіе
529 Создателя. Вѣдь, если бы свѣтъ не былъ добромъ, то Господь и не сотворилъ бы его, не разграничилъ бы его съ тьмою; если бы онъ не былъ любезенъ Ему, то и не получилъ бы наименованія свѣта, въ противоположность тьмѣ—ночи, съ тѣмъ, чтобы имъ именно мы постоянно пользовались въ своихъ дѣлахъ. Затѣмъ, конечно, Богъ все, что Онъ сотворилъ въ шесть дней, могъ создать въ одно мгновеніе ока однимъ словомъ и однимъ мановеніемъ. Но впослѣдствіи явились люди,—я разумѣю грековъ и ихъ философовъ,—которые съ своей мудростью дошли до безумія: они не соблюли законъ Его и потому мудрость ихъ оказалась безуміемъ. Они-то на счетъ того, что было создано въ шесть дней, не усомнились измыслить басни, будто бы все произошло самобытно—и небо, и земля, и солнце, и луна, и все видимое. Послѣ этого до чего бы дошло ихъ безстыдство, если бы все было сотворено въ одинъ часъ! Но Господь Промыслитель предупредилъ ихъ неправду и не далъ пищи ихъ языкамъ, извергающимъ ядъ и поношенія на Создателя и почитающимъ

тварь вмѣсто Творца. Но возвратимся къ прерванному и продолжимъ повѣствованіе дальше. *Рече Богъ: да будетъ свѣтъ и бысть свѣтъ. И нарече Богъ свѣтъ день, а тму нарече нощь. И бысть вечеръ, и бысть утро, день единъ. И рече Богъ: да будетъ твердь посредѣ воды и да будетъ разлучающи посредѣ воды и воды. И нарече Богъ твердь небо* (Быт. I, 5—8). Непостижимымъ остается для смертныхъ, какъ на вѣки утверждено это дѣло рукъ Творца безъ столбовъ и устоевъ. Дивны дѣла Господни и кто способенъ изслѣдовать ихъ? *И видѣ Богъ, яко добро. И бысть вечеръ, и бысть утро, день вторый. И рече Богъ: да соберется вода, яже подъ небесемъ, въ собраніе едино, и да явится суша; и собрася вода, яже подъ небесемъ, въ собранія своя, и явися суша. И нарече Богъ сушу землю и собранія водъ нарече моря. И рече Богъ: да прорастить земля быліе травное, сѣющее сѣмя по роду и по подобію, и древо плодовитое творящее плодъ* (Быт. I, 8—11). По слову Повелѣвшаго тотчасъ явилось все это, безъ всякаго препятствія, безъ замедленія. *И бысть вечеръ*, и *бысть утро, день третій* (ст. 13). Видишь, какъ Писаніе возводитъ мысль нашу къ совершенству? Гдѣ же тѣ, которые говорятъ: этотъ плодъ горекъ, эта трава ядовита; или: зачѣмъ хищныя птицы, какая отъ нихъ польза? Крикъ одной предвѣщаетъ смерть, другая накликаетъ бурю, а третьей одно появленіе приноситъ намъ несчастіе. Отъ многихъ слышалъ я такія недовольныя и бранчивыя рѣчи. Но приличны ли онѣ христіанину? Не слѣдуетъ унижать того, о чемъ Самъ Богъ изрекъ съ одобреніемъ: *добра зѣло. И рече Богъ: да будутъ свѣтила на тверди небеснѣй* въ освѣщеніе (εἰς φαῦσιν) дня и *въ просвѣщеніе* (εἰς δαδουχίαν) ночи. *И сотвори Богъ свѣтило великое*, т. е. солнце, *въ начала дне, и свѣтило меньшее въ начала нощи, и звѣзды. И да будутъ въ знаменія и во времена и во дни и въ лѣта* (Быт. I, 14, 16). Чему намъ больше удивляться? Недосягаемой ли высотѣ солнца, его размѣрамъ, силѣ, неистощимости его тепла, или безграничному распространенію его свѣта? Какимъ образомъ одно свѣтило и одна матерія совмѣщаетъ въ себѣ такія свойства? Не меньше поражаетъ умъ и мысль и совершаемое имъ теченіе: въ одинъ день является оно на востокѣ и достигаетъ запада, всякое мѣсто согрѣвая своими лучами. Гдѣ дѣти персовъ, почитающіе его какъ Бога и оставляющіе Создателя, чтобы воздавать честь Его созданію? Развѣ не это самое солнце изо дня въ день совершаетъ свое теченіе такъ послушно и съ такою правильностью, и то покрывается облаками, то помрачаетъ свои лучи, когда пахнетъ вѣтеръ? Вотъ ваше солнце, на которое вы уповаете и которому служите. Всѣ творенія Божіи весьма прекрасны и велики и поразительны, но они созданы для слу-

женія намъ, а не для господства. Такъ и луна повелѣніемъ Создателя поставлена для освѣщенія ночи, и хотя то возрастаетъ,
530 то ущербляется, то съ блескомъ переливается лучами свѣта, то меркнетъ, но всегда безъ колебанія совершаетъ свой путь среди многочисленныхъ хоровъ звѣздъ. Но возвратимся къ продолженію слова. *И бысть вечеръ, и бысть утро, день четвертый. И рече Богъ: да изведутъ воды гады душъ живыхъ и птицы летающія по тверди небеснѣй. И сотвори Богъ киты великія* (19—21). Вникни получше въ слова Вседержителя. Сколько родовъ рыбъ морскихъ создалъ Онъ и какое множество птицъ небесныхъ, великихъ и малыхъ, призвалъ Онъ къ жизни. Подивись же безмѣрной мудрости Его, какъ все это устроено однимъ словомъ! *И бысть вечеръ, и бысть утро, день пятый. И рече Богъ: да изведетъ земля душу живу по роду, четвероногая, и гады, и звѣри,* и всякіе *скоты по роду ихъ* и по подобію (23 — 24). О, величайшая мудрость! О, неизъяснимая благость! Во мгновеніе ока сотворилъ Онъ всѣхъ скотовъ и звѣрей—и льва, и медвѣдя, и дракона, и быка, и коня, и сколько другихъ полезныхъ и годныхъ на служеніе людямъ! Такова мудрость Создателя! Все сотворилъ Онъ въ шесть дней: свѣтъ, небо, землю, море, солнце, луну, звѣзды, горы, холмы и долины, звѣрей, скотовъ, рыбъ, птицъ, китовъ и другихъ животныхъ—морскихъ и земныхъ. А затѣмъ, приступая къ намѣренію болѣе важному и желая дать жизнь величайшему изъ своихъ твореній, Отецъ свѣтовъ, сущій и бывшій, умъ безначальный, нерожденный, держитъ совѣтъ съ Единороднымъ, родитель съ родившимся отъ Него безсѣменно Сыномъ, Словомъ и Мудростью непостижимой, — держитъ совѣтъ богоприличный и таинственный въ такихъ словахъ: *сотворимъ человѣка по образу нашему и по подобію: и да обладаетъ рыбами морскими, и птицами небесными, и скотами, и всею землею, и всѣми гады, пресмыкающимися по земли* (ст. 26). *И созда Богъ человѣка, персть вземъ отъ земли* (Быт. II, 7). А чтобы и Духъ Святый не показался чуждымъ дѣлу творенія—*вдуну въ лице его дыханіе жизни, и бысть человѣкъ въ душу живу* (ст. 7). Видишь ли избранное твореніе рукъ Создателя? Видишь ли Адама, поставленнаго царемъ созданія? Видишь ли почесть, превозносящую того, кто былъ однимъ изъ твореній? Посмотри же и на дары, которыми надѣлилъ его Богъ вмѣстѣ съ твореніемъ. *И насади Богъ рай во Едемѣ на востоцѣ и введе тамо человѣка, егоже созда. И прозябе отъ земли древо красное въ видѣніе, и доброе въ снѣдь, и древо жизни посредѣ рая, и древо еже вѣдѣти доброе и лукавое* (II, 8, 9). О, восплачемъ о той чести, которою взыскалъ Богъ насъ, о томъ человѣколюбіи, какое явилъ Онъ роду человѣческому, о тѣхъ неизречен-

ныхъ благахъ, которыхъ сподобился Адамъ! И что же? Неизреченное попеченіе Божіе о человѣкѣ не остановилось на томъ, что создало его изъ небытія, что изъ праха вознесло въ цари созданія, на землѣ почтило выше ангеловъ, изъ бездушнаго сдѣлано образомъ одушевленнаго. Чѣмъ, какою добродѣтелью заслужилъ Адамъ такую милость отъ Господа? Какими трудами и подвигами достигъ онъ такихъ вѣнцовъ? Какимъ славословіемъ возблагодарилъ онъ Творца за то, что Тотъ поселилъ его посреди рая? Какое славное дѣло совершилъ, что удостоился проводить жизнь безпечальную? Чѣмъ угодилъ Богу за то, что такими осыпанъ былъ дарами? А между тѣмъ сверхъ всего этого Человѣколюбецъ излилъ на свое созданіе такія милости, которыя должны были доставить человѣку изобильныя радости, веселіе и утѣхи. Именно — *и наложи Богъ изступленіе на Адама, и успе: и взя едино отъ ребръ его, и созда жену* (II, 21, 22). Поистинѣ удивительны дѣла Господни! Поистинѣ неизслѣдимы пути Его! Поистинѣ неистощима Его благость! Онъ не ограничился тѣмъ, что повелѣлъ Адаму изъ праха сдѣлаться человѣкомъ и обитать въ раю сладости, но еще сотворилъ ему помощника. Какое удовольствіе почувствовалъ Адамъ, когда, очнувшись отъ сна, увидѣлъ предъ собою жену! Какая радость наполнила его душу при видѣ помощника въ лицѣ жены, и притомъ помощника одного съ нимъ рода и равнаго достоинства! До какого восторга и пророческаго прозрѣнія возвысился Адамъ, когда чувственными очами усмотрѣлъ въ Евѣ свое собственное отображеніе и отпечатокъ! Въ порывѣ этой душевной радости 531
прорекъ онъ во всеуслышаніе истину такими словами: *се нынѣ кость отъ костей моихъ и плоть отъ плоти моея: сія наречется жена, яко отъ мужа своего взята бысть сія* (23). Видишь пророка, съ ясностью предрекающаго будущее? Видишь, какой благодати и вдохновенія удостоенъ былъ Адамъ отъ Святаго Духа? Слышишь прекрасныя слова, чрезъ столько поколѣній не утратившія своей силы?

8. Но это величайшее дерзновеніе, это общеніе со Святымъ Духомъ возбудило зависть коварнѣйшаго діавола. Нестерпимо было ему видѣть тѣ почести и милости, какими Творецъ окружалъ свое созданіе, и онъ постарался осуществить то, что задумалъ. Найдя въ лицѣ змія орудіе своего темнаго и злобнаго умысла, онъ дѣлаетъ его своимъ сотрудникомъ. Приступить къ Адаму онъ, впрочемъ, не осмѣлился, но избралъ жену, которая и разумомъ и опытностью была слабѣе своего мужа и нѣжнѣе его. Пусть никто, однако, не порицаетъ созданія Божія. Вѣдь какъ Адама создалъ Богъ, такъ и Еву сотворилъ Онъ же и изъ

того же состава, изъ того же бренія, одного и того же достоинства. Виною же помраченія и ослабленія Евы—душевнаго и тѣлеснаго—было коварство супротивника. И вотъ тотъ, кто изъ земной персти сдѣлался безсмертнымъ, удостоился быть созданіемъ Вседержителя и въ знакъ господственнаго достоинства почтенъ былъ именемъ человѣка, и не только именемъ, котораго звука былъ недостоинъ, но и соотвѣтствующей этому достоинству властью пользовался,—этотъ несчастный окрылилъ свой умъ и вооружился дерзостью, покушаясь присвоить себѣ божеское достоинство. А какъ—послушай. Коварный змій приближается къ женѣ и что говоритъ ей? *Что яко рече* вамъ *Богъ не ясти* отъ плода древа познанія добра и зла? *Въ оньже аще день снѣсте отъ него, отверзутся очи ваши, и будете яко бози, вѣдяще доброе и лукавое* (ш, 1, 5). Видишь, слушатель, замыселъ врага? Видишь искушеніе обманщика? Видишь, какъ хитро обольстилъ онъ Еву и какими словами? *Въ оньже аще день снѣсте* отъ запрещеннаго дерева, *отверзутся очи ваши, и будете яко бози вѣдяще доброе и лукавое* (5). О, злой совѣтъ обманщика! О, безчестіе, въ какое ввелъ онъ жену коварными словами! О, козни, которыя низвергли на дно ада тѣхъ, кто человѣколюбіемъ Божіимъ возведенъ былъ на высоту! И не пришелъ лукавый къ Евѣ явно, въ своемъ собственномъ видѣ, но вступаетъ въ бесѣду съ нею, облекшись въ змія, чтобы обмануть ее и его словами склонить къ ослушанію Бога. Вѣдь, если бы онъ пришелъ къ ней самъ самолично, Ева тотчасъ же удалилась бы отъ него и поспѣшила бы къ своему мужу. Но подъ видомъ змія ему удалось вступить съ нею въ бесѣду, чѣмъ онъ и воспользовался, внушая ей приблизиться и коснуться дерева, плоды котораго запретилъ Богъ всѣмъ вкушать: посмотри, какъ оно красиво и привлекательно на видъ, а какъ пріятно на вкусъ будетъ оно въ устахъ твоихъ! Теперь ты внушаешь страхъ звѣрямъ и птицамъ, а послѣ вкушенія еще болѣе возвысишься надъ ними; теперь они видятъ тебя въ человѣческомъ образѣ, а вкусивши отъ древа, ты тотчасъ облечешься въ божественный видъ и будешь знать доброе и злое. Ничто не скроется отъ вашихъ глазъ, не утаится отъ вашего слуха, но все видимое и невидимое будетъ извѣстно вамъ и доступно. И что же? Соблазняется жена словами обманщика! Обѣщанія змія воспламеняютъ ея душу, и она возвышаетъ пяту на Создателя. Она идетъ къ мужу и обращается къ нему со словами, горьчайшими желчи: „почему это Богъ заповѣдалъ намъ не вкушать отъ этого дерева? Въ тотъ самый день, какъ мы вкусимъ отъ него, отверзутся очи наши и мы будемъ знать добро и зло“. О, злѣйшій совѣтъ! О, слова, горьчайшія желчи! Не видѣла она очами своими Свѣта истины,

не слышала ушами своими Слова жизни, не вкусила устами сладости Человѣколюбца, не осязала руками своими Источника свѣта! Еще не жила она съ мужемъ,—и уже удалила его отъ Бога! Не начала сожительствовать съ нимъ,—и изъ царя сдѣлала его бѣднякомъ! Еще не родила дѣтей, а уже навлекла на нихъ проклятіе! Еще не дала имъ жизни, а уже заслужила изгнаніе, вмѣсто помощи мужу лишила его рая! О, злоба! О, безу- 532
міе! О, обольщеніе! Своими словами она убѣждаетъ мужа и, взявъ плодъ, подноситъ обольщенному, низводитъ на дно ада того, кто былъ поставленъ надъ звѣрьми и птицами, поражаетъ душу, благороднѣйшую всего, что подъ небомъ, погашаетъ свѣтъ очей, ежедневно созерцавшихъ Бога, поселяетъ робость въ душѣ, входившей смѣло въ общеніе съ Богомъ, разслабляетъ руки, благословившія птицъ небесныхъ и звѣрей земныхъ и всѣмъ имъ имена нарекшія. Царь дѣлается бѣднякомъ, богачъ—попрошайкой, другъ и собесѣдникъ Божій, подобно вору, прячется подъ деревомъ, владыка дѣлается слугой, чистый сердцемъ весь оскверняется, свѣтлый душей становится мрачнымъ. Какъ ясное солнце помрачается набѣгающей тучей, такъ было и здѣсь. Игралищемъ демоновъ становится тотъ, кто внушалъ имъ страхъ, какъ рабъ скрывается тотъ, кто сотворенъ свободнымъ; въ безславіе повергается и наравнѣ съ грязью попирается прежде почитаемый и славный. Теперь, возстановивши въ своей памяти эту исторію, вникнемъ, благосклонные слушатели, въ глубины Писанія, чтобы раскрыть смыслъ повѣствованія. *И видѣ жена яко добро древо въ снѣдь, и яко угодно очима видѣти и красно есть еже разумѣти: и вземши жена отъ плода его яде, и даде мужу своему* (III, 6). Вотъ лакомство, причиняющее смерть! Вотъ наслажденіе, низводящее во адъ! Вотъ вкушеніе, изгоняющее вкусившаго изъ рая! И пусть никто изъ находящихся въ здравомъ умѣ не возлагаетъ на дерево вины, падающей исключительно на вкусившихъ. Пояснимъ примѣромъ. Положимъ, царь приказываетъ воину не впускать кого-нибудь изъ начальниковъ во внутренніе покои дворца, если не будетъ на то особаго распоряженія, (а тотъ впуститъ),—или довѣряетъ ему какую-нибудь тайну съ тѣмъ, чтобы никто изъ постороннихъ не зналъ, а онъ сейчасъ же начнетъ разсказывать всѣмъ, кому вздумается и у кого есть охота его слушать; какъ ты думаешь, не понесетъ ли такой ослушникъ наказанія за то, что презрѣлъ повелѣніе царя? Подобное именно и случилось на этотъ разъ съ Адамомъ. Все предоставилъ Богъ въ его распоряженіе—деревья, плоды, воды, райскія удовольствія, солнце, луну и звѣзды,—и объ одномъ только деревѣ далъ ему заповѣдь въ напоминаніе о томъ, что и надъ нимъ есть Владыка, Которому

онъ долженъ воздавать послушаніе. А онъ пренебрегъ всѣми этими милостями, не оцѣнилъ по достоинству оказанной ему чрезмѣрной чести и не воспользовался дарованной ему свободой воли, послушался беззаконника и врага истины, оказалъ преслушаніе—и вотъ слѣдствія этого: безсмертный сдѣлался смертнымъ, обладатель рая подвергся изгнанію изъ него, ходившій по стезямъ истины сталъ игрушкой бѣсовъ, просвѣщенный Духомъ Святымъ перешелъ въ руки духовъ нечистыхъ, блиставшій пророчествомъ не познать самого себя, каковъ онъ есть. И какъ только совершилось пагубное преслушаніе, тотчасъ Адамъ и Ева увидѣли, что вслѣдствіе своего преступленія они сдѣлались наги. Пока они были облечены благоукрашенной одеждой безсмертія, до тѣхъ поръ они не замѣчали своей наготы; а когда совершилось паденіе и ослушаніе стало дѣломъ, тогда они усмотрѣли свое безобразіе. Тогда—*услышаста*, говоритъ бытописатель, *гласъ Господа Бога ходяща въ раи пополудни, и скрыстася Адамъ же и жена его отъ лица Господа Бога* (III, 8). Они не чувствовали уже прежней близости къ Богу: совершилось преступленіе, и они скрываются отъ Вседержителя. Такова вообще участь людей, подпавшихъ грѣху. Такъ, если кто совершилъ блудъ или прелюбодѣяніе и, выходя изъ дома блудницы, встрѣтитъ мужчину или женщину, бесѣдующихъ съ кѣмъ-либо, какъ это обыкновенно бываетъ при встрѣчахъ, тогда совершившій грѣхъ уже думаетъ, что разговоръ идетъ о немъ, онъ краснѣетъ и смущается, такъ какъ его собственная совѣсть обличаетъ его грѣхъ. Это именно испытали Адамъ и Ева. Безъ сомнѣнія, и прежде Богъ часто ходилъ въ раю, и они никогда Его не стыдились и отъ Него не скрывались. А когда совершилось грѣховное дѣло преслушанія, тогда они скрываются отъ лица Бога всевидящаго, надѣясь, что это имъ удастся. Но какъ ошибочна была эта ихъ попытка! Въ виду ихъ растерянности и безотвѣтности предъ Тайновидцемъ, Самъ Онъ, испытующій сердца и утробы, спра-
533 шиваетъ Адама, вызывая его на путь раскаянія: *Адаме, гдѣ еси* (9)? Вотъ и отъ древа ты вкусилъ, а страсти не избѣжалъ; вотъ и преступленіе совершилъ, а богоподобіе утратилъ. А онъ отвѣчаетъ: *гласъ слышахъ Тебе ходяща въ раи, и убояхся, яко нагъ есмь, и скрыхся* (ст. 10). Видишь перемѣну, произведенную грѣхомъ? Видишь срамъ паденія? Видишь судилище, дѣйствовавшее внутри самого Адама, и осуждавшее его отчужденіе отъ Бога? И сказалъ Богъ: *кто возвѣсти тебѣ, яко нагъ еси, аще не бы отъ древа, егоже заповѣдахъ тебѣ сего единаго не ясти, отъ него ялъ еси* (ст. 11)? Ты оставилъ Меня, твоего Творца, и передался врагу? Покинулъ своего Создателя и соединился съ обманщикомъ? Я запретилъ

тебѣ только этого одного не ѣсть, а ты нашелъ себѣ совѣтника въ лицѣ діавола? Адамъ сказалъ: *жена, юже далъ еси со мною, та ми даде отъ древа, и ядохъ* (ст. 12). О, безсмысленная отговорка! О, оправданіе, не заслуживающее извиненія! О, жалкія слова, не спасающія говорящаго. Я далъ тебѣ жену—помощницу, а не главу, сотрудницу, а не госпожу, подругу, а не наставницу, супругу, а не начальницу, подчиненную, а не повелительницу, повинующуюся тебѣ, а не обладающую тобой. Поэтому, такъ какъ ты послушался врага и пренебрегъ Мною, я налагаю на тебя наказаніе, котораго рядъ вѣковъ не поколеблетъ, котораго никто не избѣжитъ; ни одинъ человѣкъ, воспринявшій тѣло и вступившій въ міръ, не переплыветъ этого моря. Смотри же, Адамъ, *яко послушалъ еси гласа жены твоея, и ялъ еси отъ древа, егоже заповѣдахъ тебѣ сего единаго не ясти отъ него: проклята земля въ дѣлѣхъ твоихъ, въ печалехъ снѣси тую вся дни живота твоего. Тернія и волчцы возраститъ тебѣ, и снѣси траву селную. Въ потѣ лица твоего снѣси хлѣбъ твой, дондеже возвратишися въ землю, изъ нея же взятъ еси: яко земля еси, и въ землю отъидеши* (Быт. ш, 17—19). О, страшное проклятіе, ужаснувшее все видимое и невидимое! О, прещеніе, котораго безконечные вѣка не изгладятъ О, наказаніе, котораго сила и въ долговременномъ существованіи міра не ослабляется! О, слово, котораго цари и правители, богачи и бѣдняки боятся и трепещутъ! *И изгна Господь* Адама и жену его *изъ рая сладости дѣлати землю, отъ нея же взятъ бысть. И пристави херувима, и пламенное оружіе хранити путь древа жизни* (ст. 23—24) и преграждать доступъ къ нему, чтобы никто изъ носящихъ плоть и облеченныхъ бреннымъ тѣломъ не прошелъ чрезъ эти врата. Владычное слово на вѣки стало дѣломъ и это запрещеніе открыло смерти свободный входъ въ міръ: цари боятся ея гласа, правителей приводитъ въ трепетъ ея имя, богатые подчиняются ея игу, бѣдные отдаютъ ей дань, и всѣ смертные, связанные узами природы, живутъ подъ страхомъ смерти. Но что дѣлалъ Адамъ, сидя внѣ рая? Онъ воздѣлывалъ землю, съ плачемъ и стенаніями, орошая ее потомъ, изнемогая подъ тяжестью труда, изнывая подъ палящими лучами солнца, коченѣя отъ ночного холода. При мысли же о томъ, какой сладости онъ лишился, слезы неудержимо лились у него, глубокія рыданія потрясали его грудь, изъ его устъ вырывались горькія слова. Его глаза обращались къ эдему; помавая головой, горько рыдалъ и въ неутѣшной скорби стоналъ громкимъ голосомъ: „о, сколь великихъ утѣхъ твоихъ я лишился, сладчайшій рай! О, какая радость наполняла мою душу, когда я созерцалъ твои красоты! О, какъ наслаждался я, обитая среди тебя! Сколько

удовольствій доставляло мнѣ благоуханіе твоихъ цвѣтовъ! Безпечальная трапеза была для меня готова, чаша безсмертія была для меня полна, мой духъ окрылялся къ жизни равноангельской, мои очи просвѣщались сіяніемъ премірнаго свѣта! Всѣ твари почитали меня какъ царя! Всѣ звѣри боялись меня, всѣмъ птицамъ я повелѣвалъ, что хотѣлъ, все живое взирало на меня
534 какъ на владыку! Теперь всего этого я лишенъ какъ преступникъ; отъ наслажденій отстраненъ какъ плѣнникъ; какъ для беззаконника для меня закрыты твои утѣхи; какъ бѣглый рабъ я изверженъ изъ твоихъ нѣдръ! Что̀ мнѣ оплакивать сначала и что потомъ? Утрату твоей красоты? Непрестающую радость? Безпечальную жизнь? Безпорочную славу? Отчужденіе отъ ангеловъ? Устраненіе отъ архангеловъ? Царскую славу? Удовольствіе, доставляемое деревьями? Озаряющее тебя сіяніе и блескъ? Или наготу, которою я одѣтъ, крайнее безобразіе, стыдъ предъ ангелами, пренебреженіе отъ звѣрей? Непокорность скотовъ, дружбу съ Богомъ, лишеніе Духа, вѣчное блаженство? Въ чемъ мнѣ излить свое горе? Какимъ рыданіемъ я возрыдаю? Въ какое униженіе повергнусь? Какъ выражу свою печаль и сокрушеніе? Какъ перенесу скорбь—настоящую, послѣдующую, ту, которую причинятъ мнѣ нѣдра земли, трудъ въ потѣ лица, произрастаніе волчцовъ, поразившее землю проклятіе? Я не перенесу этой глубокой печали, у меня нѣтъ силъ оплакивать твою сладость, нѣтъ силъ смотрѣть на тебя, сидя предъ твоими вратами. Я лишился обитанія въ тебѣ, лишился вѣчнаго наслажденія; по своей собственной волѣ я сдѣлалъ себя чуждымъ Богу. Отнынѣ я не буду даже видѣть и лицезрѣть тебя. Не испытаю твоей сладости, не вкушу твоего блаженства, не наслаждусь твоимъ созерцаніемъ, не буду озаренъ твоимъ свѣтомъ, не буду обитать въ тебѣ. Я все утратилъ; все прошло какъ тѣнь, все миновало какъ сонъ, все исчезло отъ моихъ глазъ, какъ будто и не бывало. Если можешь, хоть бы ты умолилъ Создателя, чтобы я не былъ изгнанъ изъ тебя. Пусть склонятся твои деревья, пусть повергнутся предъ Благоутробнымъ, пусть громко восшумятъ твои листья. По повѣленію Владыки ты исполненъ блаженства и имѣешь къ Нему дерзновеніе, какъ жилище Бога нашего. Подними, вмѣсто очей, благообразіе твоихъ плодовъ, и вмѣсто краснорѣчивыхъ устъ благозвучный шелестъ твоихъ листьевъ, и не оставайся закрытымъ для возлюбившаго тебя. Вотъ теперь уста мои устали отъ крика, вотъ и языкъ мой пересталъ двигаться, и гортань моя связана молчаніемъ. Я осужденъ какъ преступникъ, обнаженъ какъ несчастный, изгнанъ какъ беззаконникъ, какъ тлѣнный отданъ землѣ, изъ которой былъ взятъ; я возвращаюсь туда, откуда вышелъ,

и уже болѣе не увижу твоей цвѣтущей красоты". Потомъ, обратившись къ женѣ, онъ начинаетъ поносить ее и въ душевномъ огорченіи говоритъ: „зачѣмъ ты лишила меня безсмертія, о, жена? Зачѣмъ увлекла меня съ той высоты, на которую я былъ поставленъ? Зачѣмъ полновластнаго сдѣлала зависимымъ? Зачѣмъ царя созданія обратила въ раба? Зачѣмъ потушила мои свѣтлыя очи? Зачѣмъ совлекла съ меня одежду, которую не ты исткала? Зачѣмъ позавидовала моей славѣ? Зачѣмъ осквернила мою первообразную красоту? Зачѣмъ ты, наименованная жизнью, сдѣлалась для меня смертью? Зачѣмъ, разлучивши меня съ ангелами, сдѣлала общникомъ бѣсовъ? Зачѣмъ лишила меня царства и повергла въ крайнюю бѣдность? Зачѣмъ мои уши, постоянно наслаждавшіяся слушаніемъ божественнаго голоса, ты закрыла какъ у аспида, который не слышитъ голоса поющаго (Пс. LVII, 5)? Я не хочу проклятія: прежде сочетанія я требую развода, прежде, чѣмъ принять тебя подъ свой кровъ, я требую твоего удаленія, вмѣсто соединенія ищу разлученія, до сопряженія хочу отъ тебя устраниться. Ступай отъ меня прочь, о, жена! Когда я начну обработывать землю? Когда повлеку плугъ? Когда пожну созрѣвшій хлѣбъ? Когда, добывъ муку, приготовлю хлѣбъ? Когда, возсѣвъ, угощусь имъ безъ заботы? Когда усну безъ печали? Когда сброшу съ себя листья смоковницы? Когда прикрою срамоту своего тѣла? Когда ноги мои будутъ въ безопасности отъ уколовъ терній, произрастающихъ по повелѣнію Божію? Когда я приготовлю покрывало, чтобы отирать съ лица моего потъ, который за твое неразуміе, о, жена, я терплю? Теперь ты не несешь труда и не замѣчаешь несчастія, а когда будешь родить дѣтей, тогда почувствуешь тяжесть наказанія. Когда придетъ тебѣ пора родить, тогда ты вспомнишь мои слова; когда труды и болѣзни постигнутъ тебя, тогда настанетъ время наказанія твоего; когда схватятъ тебя муки дѣторожденія, тогда ты вспомнишь проклятіе Божіе". Такими и имъ подобными словами укорялъ Адамъ съ душевною горечью свою сожительницу; этими словами поражая Еву каждый день, онъ предавался безутѣшному 585
горю; въ морѣ этихъ скорбей первозданный изнывалъ подъ тяжестью насланнаго Богомъ гнѣва. Теперь вы слышали, дѣти, о созданіи Адама; узнали достоинство, которымъ онъ былъ почтенъ; дары, какими надѣлилъ его Богъ; видѣли, какъ совершилось его паденіе, сочувствовали его безутѣшному горю; видѣли, въ какомъ горѣ и уныніи сидѣлъ онъ предъ вратами рая. Окончить ли на этомъ бесѣду, или изобразить еще и то, что въ качествѣ ужаснаго наслѣдства оставила Ева послѣдующимъ поколѣніямъ? Необходимо продолжить бесѣду, чтобы показать всѣмъ,

какими ударами разразилось надъ людьми проклятіе Божіе, какъ очевидно исполнилось надъ нами осужденіе, сохраняющее свою силу до вѣка, какъ не лживы были уста, изрекшія виновницѣ паденія: *умножая умножу печали твоя и воздыханія твоя* (Быт. III, 16): истинность этихъ словъ подтверждается послѣдующими поколѣніями. Именно, подобно тому какъ дочь воспроизводитъ въ себѣ образъ матери, глазами ли, или лицомъ, или ростомъ, такъ тѣмъ же самымъ путемъ міровое осужденіе распространяется до нашего времени и до скончанія вѣка мѣра его не оскудѣетъ.

4. Сосредоточьте же ваше вниманіе на обсужденіи разсказаннаго и, слагая въ сердцахъ своихъ уроки истины, охотно выслушайте ихъ. Конечно, не о цѣломудренныхъ и честныхъ женахъ поведемъ мы рѣчь, но о дурныхъ, распутныхъ и порочныхъ будетъ наша бесѣда. Какой разрядъ ихъ представитъ наше слово? Дѣвъ ли, не знающихъ мужского ложа, или женъ, живущихъ въ бракѣ, испытавшихъ дѣторожденіе и материнство, или тѣхъ, которыя, ставши вдовами, не воспитали въ себѣ страха Божія? Во всякомъ случаѣ, справедливость требуетъ того, чтобы начать разсмотрѣніе съ перваго возраста и затѣмъ по порядку перейти къ послѣдующимъ. Итакъ, пригласимъ предстать сюда юныхъ дѣвъ, считающихъ себя дѣвственницами и хвалящихся своей невинностью, и поведемъ рѣчь о нихъ. Что сказать мнѣ о нихъ? (Изображу) одежды ихъ, нравы, хитрости,—которыми уловляютъ онѣ юношей въ свои сѣти, и другія средства обольщенія. Часто, выходя изъ своихъ покоевъ и переходя съ мѣста на мѣсто, онѣ широкой походкой, неприличными улыбками и всплескиваніемъ рукъ оглашаютъ уши юношей, и просовывая руки изъ окна въ окно, безстыдно обнажаютъ ихъ до груди; сатанинскими киваніями онѣ поражаютъ взоры невоздержныхъ; грудь ихъ увѣшана золотомъ, имъ же унизаны пальцы на рукахъ ихъ, а уши обременены жемчугами и гіацинтами; да и природную красоту лица заставляютъ онѣ лгать, натирая себѣ щеки бѣлилами и другими красками, выпрямляя шею, какъ у бездушной статуи, ежедневно и ежечасно переплетая волосы и раскидывая ихъ по лбу, какъ это и прилично ихъ злонравнымъ дѣламъ. Всѣмъ этимъ не свидѣтельствуется ли ихъ развращенность? Не нелѣпы ли ихъ дѣла и не безполезны ли ихъ поступки? Не безумны ли ихъ надежды? Между тѣмъ для нихъ и этого мало, но кого онѣ не могутъ обольстить открыто, противъ тѣхъ тайно направляютъ свои луки и стрѣлы, какъ и Ева обольстила Адама хитростью, Именно, о многихъ изъ нихъ я слышалъ, что онѣ подгляды-

ваютъ чрезъ дверныя щели, наблюдая за проходящими по улицамъ, и въ однихъ осмѣиваютъ походку, въ другихъ уничижаютъ ростъ, въ третьихъ издѣваются надъ волосами и прической. Такимъ развращеннымъ женщинамъ не нужны и мимы. Проводя господскіе и праздничные дни въ праздности, онѣ ни въ чемъ не сдерживаютъ себя—ни въ пищѣ, ни въ питьѣ, ни въ снѣ, но всѣ свои заботы ограничиваютъ однимъ днемъ; онѣ ни отцовъ не боятся, ни къ матерямъ не питаютъ уваженія, ни братьевъ не стыдятся, ни рабовъ и рабынь не стѣсняются, но для всѣхъ одинаково служатъ соблазномъ и во всѣхъ отношеніяхъ являются кораблемъ, обуреваемымъ волнами. Но загляните въ гробницы, дочери Сіона и дѣти святой купели, разсмотрите тамъ образъ, который вы украшаете, и безполезныя и 536
нелѣпыя украшенія и одежды ваши, какъ все уничтожается тлѣніемъ и безжалостной смертью, какъ все становится прахомъ, какъ все исполнено смрада. И пусть не возстаютъ противъ меня женщины, будто бы я поношу ихъ. Вѣдь свою бесѣду объ этомъ предметѣ я предварилъ замѣчаніемъ, что не о разумныхъ женахъ будетъ моя рѣчь, но о дурныхъ, неразумныхъ, и развратныхъ. И я ни на минуту не забываю, что много есть женщинъ скромныхъ, честныхъ и сохраняющихъ цѣломудріе, которыхъ и апостолъ упомянулъ въ книгѣ жизни. Перейдемъ, однако, къ другимъ разрядамъ женщинъ. Вѣдь я имѣлъ въ виду обратить ваше вниманіе на три разряда—дѣвицъ, замужнихъ женщинъ и обреченныхъ на вдовство. Такъ какъ относительно дѣвицъ я уже предложилъ вашему вниманію немногое изъ многаго, то начнемъ теперь и о тѣхъ, которыя, превозносясь бракомъ, являются для своихъ мужей истинными аспидами. Въ самомъ дѣлѣ, сколь многихъ женъ видѣлъ я, приносившихъ своимъ супругамъ нежданную смерть? Сколько знаю я такихъ, которыя не могли своимъ сожителямъ причинить смерти, за то своимъ злонравіемъ заставили ихъ страдать и ужасаться и удерживать ихъ при себѣ только изъ страха? Вѣдь даже владѣя богатствомъ, такая жена, днемъ и ночью похваляясь имъ, не даетъ мужу жить въ покоѣ. А будучи бѣдной, она ходитъ съ мѣста на мѣсто, изъ дома въ домъ и всюду посѣваетъ раздоры, возбуждаетъ гнѣвъ, причиняетъ безпорядки; не позволяя мужу своему имѣть мира ни съ сосѣдями, ни съ знакомыми, она всѣхъ оскорбляетъ, со всѣми судится, на всѣхъ нападаетъ, всѣхъ приводитъ въ смущеніе, предъ властями держитъ себя дерзко и безстыдно, въ судахъ является въ качествѣ обиженной, въ баняхъ многорѣчивой, въ церквахъ устраиваетъ неприличныя встрѣчи и вездѣ болтаетъ безъ мѣры. „Я поддерживаю

наше благосостояніе, я даю распоряженія рабамъ, я доставляю средства для жизни; мужъ мой только считается главой семьи, а ни о чемъ не заботится, ничего не знаетъ, не входитъ ни во что, чтó дѣлаю я въ домѣ, кромѣ того, что ѣстъ и пьетъ за столомъ, не зная, какъ и откуда добывается это". О, явное безстыдство! Справедливо говоритъ мудрость: *не внимай злѣй женѣ: медъ бо каплетъ отъ устенъ, иже на время наслаждаетъ твой гортань, послѣди же горчае желчи обрящеши, и изощренну паче меча обоюду остра* (Притч. v, 3, 4). А если къ тому же она владѣетъ грамотой, тогда недугъ и злоба ея свирѣпствуютъ съ двойной силой. Сколько женъ погубили мужей своими письмами? Сколько тайнъ, которыя только жена могла вывѣдать у мужа, всплыло наружу со всѣми послѣдствіями благодаря ея письмамъ? Не мало я зналъ и такихъ, которыя своей перепиской съ любовниками предавали мужей своихъ въ руки наемныхъ убійцъ. Одни погибали отъ отравы, другіе во время ночныхъ прогулокъ или за городомъ попадали въ засаду и кончали жизнь подъ ударами меча или камня или палки по головѣ или въ спину. И такія-то жены безстыдно приходятъ въ церкви, подъ предлогомъ молитвы, и здѣсь клянутся пречистымъ тѣломъ и кровью Сына Божія, или Его Матерью, или вообще чѣмъ-нибудь святымъ, напримѣръ, животворящимъ древомъ, въ томъ, что онѣ не оставятъ своихъ темныхъ дѣлъ, но будутъ свой уговоръ соблюдать вѣрно и нерушимо. О, несчастная! Страшное имя Господа нашего ты призываешь въ своемъ блудѣ? Безумная! Непорочную Дѣву и Богоматерь Марію ты дѣлаешь покровительницей твоего сквернаго намѣренія? Дикій звѣрь и плотоядный воронъ, ты неприкосновенные дома святыхъ дѣлаешь причастными грабежу и крови? Но храмъ Божій, освященный и чистый, не осквернится, а ты въ потребное время вкусишь плоды своего безумія по сказанному апостоломъ Павломъ: *аще кто Божій храмъ растлитъ, растлитъ сего Богъ* (1 Кор. III, 17): *храмъ бо Божій святъ есть*. Если угодно, продолжимъ и дальше нашу рѣчь о непотребствѣ тѣхъ женъ. Такая женщина, если ея сосѣдками окажутся скромныя женщины, наблюдаетъ за каждымъ ихъ шагомъ, задѣваетъ ихъ, и хотя кого изъ близкихъ знакомыхъ и родственниковъ увидитъ входящими въ ихъ домы, все же, приписывая имъ свои собственныя дѣла, называетъ ихъ, ни въ чемъ неповинныхъ ни душой, ни тѣломъ, прелюбодѣй-
587 цами и неистовыми. Если имѣетъ дѣтей, смотритъ на нихъ какъ на звѣрей; если имѣетъ слугъ или рабынь, то ничѣмъ не сдерживается въ отношеніи ихъ, но и днемъ подъ предлогомъ работы бичуетъ ихъ, и ночью принуждаетъ работать.

Нѣсть страха Божія предъ очима ея (Пс. xxxv, 1). И когда раздѣляетъ съ мужемъ своимъ ложе, не даетъ ему спать, но возбуждаетъ его противъ слугъ, побуждаетъ къ ссорамъ съ сосѣдями. „Этотъ рабъ меня презираетъ, служанка надо мной смѣется, тотъ сосѣдъ не перестаетъ поносить меня и въ церкви, и среди друзей, и на площади. Заступись за меня; въ противномъ случаѣ, я не сяду съ тобой за столъ, не буду ѣсть твоего хлѣба, не стану больше спать съ тобой. Вѣдь это послѣднее дѣло: меня—твою жену—первый встрѣчный ставитъ ни во что". Если вы хотите имѣть подтвержденіе моимъ словамъ, то вспомните объ египтянкѣ, соблазнявшей Іосифа и возбудившей противъ него своего мужа; не угрожала ли она этому праведнику даже и смертью, если бы недремлющее око не предупредило ее и не избавило его отъ горькой смерти? Вспомните и Иродіаду, умертвившую Крестителя. Говорилъ Предтеча: *не достоитъ ти имѣти жену Филиппа брата твоего* (Мрк. vi, 18). И она, заключивъ въ темницу того, кто былъ большимъ изъ рожденныхъ женами, на пиру среди возлежащихъ друзей, отсѣкла ему голову; и чего не могла Иродіада дѣлать при жизни этого мужа, то беззаконіе свое довершила послѣ его смерти. Не то же ли самое и Далила? Не предала ли она иноплеменникамъ на смерть славнѣйшаго и сильнѣйшаго Сампсона, остригши и связавши его своимъ блудомъ? Вотъ уже трехъ достовѣрныхъ свидѣтелей я привелъ. Много и другихъ подобныхъ случаевъ указываетъ Писаніе, но такъ какъ *при двою или тріехъ свидѣтелей станетъ всякъ глаголъ* (Мѳ. xviii, 16), то въ дальнѣйшемъ умноженіи примѣровъ нѣтъ и нужды. Господь Богъ, сохранившій насъ отъ подобныхъ заблужденій, стыда и поношенія, да устроитъ насъ и впредь проводить жизнь въ цѣломудріи, да дастъ вамъ имѣть чистую совѣсть предъ мужьями, а къ дѣтямъ, рабамъ и сосѣдямъ быть кроткими и милостивыми, и да удостоитъ и васъ быть участниками царствія небеснаго. Но такъ какъ я обѣщалъ выше сказать и о третьемъ разрядѣ—разрядѣ женщинъ, пребывающихъ во вдовствѣ, то здѣсь исполню свое обѣщаніе, ограничившись относительно ихъ немногими словами. Вдовая женщина должна быть по апостолу Павлу такова: она воспитываетъ дѣтей, служитъ нуждамъ святыхъ, оказываетъ услуги страннымъ и не предается на волю своихъ страстей (1 Тим. v, 10). Послѣ смерти мужа своего она, говоритъ апостолъ, облечена во вдовью одежду и, предаваясь скорби, предъ всѣми должна обнаруживать соотвѣтственные нравы. Невоздержная же вдовица—дикій звѣрь; обходя дома, она распространяетъ неприличныя слова:
„я—бѣдная, беззащитная вдова: много богатствъ было у меня 588

и въ полѣ, и дома, много было и скота и одеждъ, но супругъ мой, будучи неопытенъ въ мірскихъ дѣлахъ, все растратилъ; мое приданое было очень обильно, но что ни говорила я ему, онъ не слушалъ. Конечно, я не могла идти противъ него и противъ воли помогала ему въ растратѣ имѣнія; и вотъ—онъ оставилъ меня безъ всего". Такъ, кого при жизни обнимала и ласкала, того по смерти отдала на посмѣяніе друзьямъ и знакомымъ. Такая вдовица послѣ смерти мужа своего озирается туда и сюда и ищетъ, гдѣ бы найти ей тайнаго любовника, и подъ предлогомъ молитвы или заботы о своемъ домѣ она многимъ причиняетъ соблазнъ; совершая же беззаконныя дѣла и во чревѣ зачиная, она старается это скрыть и тысячи способовъ употребляетъ, чтобы произвести у себя выкидышъ, прибѣгая къ помощи яда, или къ содѣйствію другихъ развращенныхъ женъ. Въ ея сердцѣ нѣтъ страха предъ Богомъ все видящимъ, и, совершая грѣхъ, она не стыдится, но плода этого грѣха стыдится и избѣгаетъ. Сколькихъ я видѣлъ рабовъ, сдѣлавшихся господами, благодаря любострастію такихъ злонравныхъ женъ; свободныя дѣти со страхомъ и трепетомъ стояли предъ ними, со связанными на груди руками, а тѣ гуляли въ шелковыхъ одеждахъ и золотыхъ поясахъ. Слышали вы, христолюбивые, изложеніе бесѣды? Уразумѣли урокъ исторіи? Я описывалъ дѣла безумныхъ и невозможныхъ женъ. Этимъ нравамъ научила ихъ Ева, ея проклятіе и преслушаніе. Впрочемъ пора окончить слово. Заключимъ же его воспоминаніемъ о цѣломудренныхъ и славныхъ женахъ. Вотъ предъ нами цѣломудренная вдовица сарептская, во время голода пропитавшая пророка Илію. Вотъ самаритянка, которая принимала въ своемъ домѣ пророка Елисея и у которой онъ воскресилъ сына. Вотъ Анна, разрѣшившая узы неплодства и породившая Самуила, по молитвѣ сдѣлавшаяся матерью. Вотъ Сарра и Ревекка; какъ чисты онѣ были и непорочны въ своемъ сожительствѣ съ патріархами! Вотъ Сусанна, которая своимъ цѣломудріемъ осудила неправедныхъ старцевъ на смерть. Этимъ-то женамъ вы и подражайте—одной въ молитвѣ, другой въ непорочности, третьей въ страннопріимствѣ, той въ цѣломудріи, иной въ угожденіи Богу, чтобы удостоиться вамъ царствія небеснаго, котораго да сподобимся достигнуть всѣ мы, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ и Животворящимъ Духомъ, честь и слава, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Послушный велѣнію Божію, покинулъ Авраамъ свое отечество и все родство свое и переселился въ чужую землю; не мало бѣдствій перенесъ онъ, обитая здѣсь, въ ожиданіи исполненія божественнаго обѣтованія. Велико было испытаніе, и чрезъ него обнаружилась непоколебимая преданность патріарха Богу. Прошло много времени; юность какъ цвѣтъ уже увядала; старость была при дверяхъ. Природа, истощивъ свои силы, склонялась къ старости. Вмѣстѣ съ супругой своей, патріархъ чувствовалъ уже упадокъ и ослабленіе силъ: миновала молодость, и законъ природы вступалъ въ свои права. Но ничто не колебало ихъ надежды на Бога: въ ней они пребывали непоколебимы.
Тогда-то вопреки всякому ожиданію родился у нихъ Исаакъ. Во 538
всѣхъ отношеніяхъ Исаакъ былъ образомъ Спасителя. Какъ не свойственно природѣ было то, что зачала омертвѣвшая утроба и изсохшіе сосцы питали молокомъ Исаака, такъ несвойственно природѣ было и то, что безъ мужа зачала Дѣва Марія и непорочно родила Владыку всѣхъ. Одинъ и Тотъ же сдѣлалъ Сарру на старости лѣтъ матерью, и Марію сохранилъ Дѣвой послѣ рожденія у нея Сына. Ангелъ въ палаткѣ сказалъ патріарху: *во время сіе родитъ сына Сарра* (Быт. xvııı, 10); ангелъ же въ Виѳлеемѣ сказалъ Дѣвѣ Маріи: „вотъ благодатная родитъ Сына". Разсмѣялась Сарра, зная свое безплодіе, сознавая омертвѣніе (своей утробы) и не довѣряя словамъ ангела. Какъ, подумала она, можетъ это случиться, когда мы съ Авраамомъ утратили уже и самую способность дѣторожденія? Сомнѣвалась и Марія, въ виду своего дѣвства, печать коего пребывала неповрежденной и неразрѣшимой. *Како будетъ сіе, идѣже мужа не знаю* (Лук. ı, 34)? Конечно, по законамъ природы—это благовѣстіе несбы-
точно, но Тотъ, Кто вопреки человѣческимъ разсчетамъ далъ 539
Саррѣ Исаака, Самъ и воплотился отъ Дѣвы. Чрезвычайно обрадованы были Авраамъ и Сарра, когда родился у нихъ—по слову Божію—Исаакъ; обрадованы были и Марія съ Іосифомъ, когда родился Іисусъ, по благовѣстію Гавріила. Обильно изливалось молоко въ уста Исаака изъ сосцовъ той, которая сверхъ всякаго ожиданія сдѣлалась матерью; обильно питала молокомъ Дѣва Того, Кто питаетъ концы вселенной. Кто скажетъ—возопила безплодная—Аврааму, что Сарра на старости лѣтъ молокомъ кормитъ сына? Кто—говорила Марія,—повѣдаетъ людямъ, что я, Дѣва, родила и воспитываю сына? Не Исаакъ былъ настоящей причиной смѣха Сарры, но Тотъ, Кто родился отъ Маріи;

и какъ Іоаннъ своимъ взыграніемъ во чревѣ, такъ и Сарра своимъ смѣхомъ предвозвѣстила радость (о Немъ). Возросъ младенецъ и сдѣлался цвѣтущимъ отрокомъ. Свѣтелъ и прекрасенъ былъ онъ; добродѣтели души его съ каждымъ днемъ возрастали вмѣстѣ съ его красотой; не нарадовались на него родители. Вы, которые имѣете дѣтей, возьмите его за образецъ. Какъ радуется отецъ, глядя на своего юнѣющаго сына, и какъ онъ долженъ радоваться при видѣ его преуспѣянія въ добродѣтели и наукахъ? Но когда Авраамъ утѣшался успѣхами своего сына, тяжкое испытаніе и искушеніе постигли его; тутъ-то должно было обнаружиться, что въ немъ сильнѣе—влеченіе природы или любовь къ Богу? Представляя себѣ всю силу этого испытанія, я ужасаюсь, возлюбленные, и содрогаюсь. Итакъ, опять является Богъ Аврааму въ откровеніи и, называя его по имени, говоритъ ему: *пойми сына твоего* единороднаго [1]), *егоже возлюбилъ еси Исаака, и вознеси его во всесожженіе* своими руками *на едину отъ горъ, ихже ти реку* (Быт. XXII, 2). Когда услышалъ патріархъ это обращеніе: *Аврааме, Аврааме* (Быт. XXII, 1), то съ готовностью приникъ слухомъ, ожидая новаго проявленія милости; въ его мысляхъ предносилось сочетаніе сына бракомъ и устройство брачнаго торжества, чтобы, такимъ образомъ, начало сбываться на дѣлѣ божественное обѣтованіе о сѣмени и объ умноженіи (его потомства). Но изслѣдуемъ слова повелѣнія. *Пойми* единороднаго *возлюбленнаго твоего*. Видишь, на что разсчитаны эти слова, какъ уязвляютъ они отца и какъ поджигаютъ пламень природы, какъ возбуждаютъ они отеческую любовь къ сыну, называя его сразу и единороднымъ и возлюбленнымъ, чтобы такими наименованіями воспламенить въ сердцѣ отца любовь къ сыну? *И вознеси его во всесожженіе* Мнѣ *на едину отъ горъ, ихже ти* покажу Я. Что испытали вы, услышавъ эти слова? Кого изъ тѣхъ, кто имѣетъ дѣтей и по опыту знаетъ всю силу природной любви къ нимъ, не повергнетъ въ изумленіе это повелѣніе? Такъ подумайте же, подумайте только, каково было отцу услышать о закланіи единороднаго сына! Кого не поразило бы это требованіе? Кто не отвратилъ бы тотчасъ лица? Кто не отозвался бы на это повелѣніе готовностью скорѣе умереть, чѣмъ его исполнить? Или кто не сталъ бы оправдываться предъ Нимъ, приводя въ свидѣтели самую природу, такими словами: „что это такое повелѣлъ Ты? Что за чудовищныя рѣчи слышу я отъ Тебя? Неужели для того хотѣлъ Ты сдѣлать меня отцомъ, чтобы потомъ заставить сдѣлаться сыноубійцей? Неужели для того удостоился я этого

[1]) Въ Слав. Библіи: *возлюбленнаго*.

сладостнаго дара, чтобы теперь сдѣлаться притчею для всего міра? Своими руками долженъ я заколоть сына, и родною кровью осквернивъ руки, долженъ я быть дѣтоубійцей? Такъ вотъ чего Ты требуешь, вотъ какія жертвы пріятны Тебѣ? Ты повелѣваешь мнѣ умертвить моего возлюбленнаго сына, на котораго мы съ Саррой надѣялись, что онъ похоронитъ насъ? Такой-то брачный чертогъ воздвигнуть ему, скажи мнѣ, такимъ-то бракомъ обрадовать его? Не торжественные свадебные огни возжечь для него, а огонь надгробный? Какими вѣнцами я украшу его, какое ложе приготовлю ему, какія пѣсни устрою надъ нимъ? Какъ я сдѣлаюсь по Твоему слову отцомъ народовъ, лишившись даже и единственнаго сына?“ Но ничего подобнаго не возразилъ праведникъ. Любовь (къ Богу) пламенѣла въ немъ сильнѣе огня, острѣе ножа была его ревность (по волѣ Божіей); съ полнымъ послушаніемъ онъ заглушилъ въ себѣ голосъ природы, и отъ чувства родственной привязанности отрѣшившись, какъ отъ чего-то свойственнаго землѣ, онъ всецѣло отдался исполненію этого повелѣнія—заколоть своего сына. Даже женѣ своей ничего онъ не сказалъ объ этомъ дѣлѣ и не подѣлился съ нею тѣмъ, что лежало у него на душѣ; и съ его стороны было весьма разумно, что онъ не считалъ жену достовѣрной и полезной совѣтницей въ такомъ дѣлѣ. Вѣдь и Адаму никакой пользы, а напротивъ одинъ только вредъ былъ отъ того, что онъ послушался совѣта Евы. Итакъ, чтобы избѣжать вмѣшательства жены и чтобы Сарра своимъ плачемъ, какъ свойственно матери, не поколебала въ 540
немъ его глубокой и напряженной любви къ Богу, Авраамъ постарался скрыть отъ нея свое намѣреніе. Въ самомъ дѣлѣ, сколько слезъ пролила бы Сарра и надъ сыномъ, и предъ его отцомъ? Чего она не сдѣлала бы, узнавъ, что сына ея влекутъ насильно на закланіе? Какихъ усилій не употребила бы она, чтобы своими объятіями удержать его при себѣ? Какихъ словъ не нашла бы она для Авраама, чтобы въ отчаяніи причитать предъ нимъ: „пощади, пощади своего сына, своего родного, пощади, о, Авраамъ! Не будь извергомъ среди людей! Исаакъ—единородный мой сынъ, мой первенецъ, первый и послѣдній плодъ моихъ мукъ! Не отсѣкай же единственнаго грозда, который мы породили, когда уже обречены были на безплодіе, не пожинай безжалостнымъ серпомъ единственный колосъ, который мы возрастили вопреки нашей мертвенной природѣ! Не ломай жезла, на который мы опираемся, не сокрушай опоры, которая насъ поддерживаетъ, не лишай насъ обоихъ этого единственнаго нашего ока! Не истребляй памяти нашей подъ небомъ; не предавай на закланіе подобно овцѣ нашего агнца; не отнимай у насъ радости, не по-

вергай насъ въ плачъ! На кого будемъ мы безъ него любоваться за столомъ? Кто назоветъ меня матерью? Кто будетъ покоить нашу старость? Кто насъ одѣнетъ по смерти? Кто опуститъ въ могилу наши тѣла? Кто сохранитъ въ потомствѣ нашу память? Вѣдь мы будемъ совсѣмъ бездѣтны! Посмотри на его красоту, на его цвѣтущую юность, которую и во врагѣ видя, ты, конечно, умилился бы. Развѣ я не получила его какъ плодъ долгой молитвы? Развѣ онъ не остается единственной отраслью нашей семьи, послѣднимъ въ нашемъ родѣ? Онъ—опора нашей старости, онъ—единственная надежда наша въ нашемъ отчаяніи. Прежде чѣмъ вонзить ножъ въ горло нашего возлюбленнаго сына, убей сначала меня: ты доставишь мнѣ величайшую радость; пусть будетъ у насъ общая могила, общая гробница; пусть одна и таже земля покроетъ тѣла насъ обоихъ, и пусть смерть будемъ общимъ удѣломъ безплодной и ея сына; пусть общее надгробіе повѣдаетъ о нашей участи! Но не увидятъ глаза Сарры ни Авраама сыноубійцы, ни Исаака, убиваемаго руками отца!" Вотъ что и подобное этому сдѣлала бы Сарра, если бы узнала, что возлюбленный сынъ ея обреченъ на закланіе. Потому-то Авраамъ ничего и не сказалъ ей о своемъ намѣреніи, чтобы она не связывала ему рукъ. Итакъ, возложилъ онъ на отроча вязанку наколотыхъ дровъ, подобно тому какъ и Спаситель понесъ крестъ свой. Когда Исаакъ шелъ на закланіе, за нимъ слѣдовали оселъ и рабы его; такъ и Христосъ, когда шелъ на страданіе, возсѣлъ на молодого осла, предображая призваніе язычниковъ, а за Нимъ слѣдовали ученики Его, неся въ рукахъ знаменія побѣды и взывая: „осанна!" Исаакъ съ ношей дровъ восходилъ на гору, гдѣ его ожидало закланіе подобно непорочному агнцу; такъ и Спаситель восходилъ, неся крестъ Свой, на Голгоѳу, гдѣ и предался на закланіе, какъ агнецъ за грѣхи наши. Итакъ, видя здѣсь ножъ, представляй себѣ копье; вспоминая о жертвенникѣ, воображай себѣ лобное мѣсто; при видѣ дровъ вспоминай о крестѣ, а огонь пусть служитъ для тебя указаніемъ на страданія. Далѣе, вотъ овенъ, двумя своими рогами запутавшійся въ кустахъ, называемыхъ „савекъ;" а здѣсь Христосъ, Агнецъ Божій, двѣ Свои руки распростершій на крестѣ. Названіе кустарника „савекъ" означаетъ „оставленіе": и дѣйствительно, благодаря ему, оставилъ патріархъ свое намѣреніе заколоть сына, что предзнаменовало крестъ, оставляющій міру грѣхи его и подающій жизнь. Овенъ, запутавшійся въ кустарникѣ „савекъ", таинственно избавилъ одного только Исаака, а Агнецъ Божій, вознесенный на крестъ, избавилъ міръ отъ смерти и ада. Разлученъ былъ Исаакъ съ своими рабами и увлеченъ

на гору, гдѣ ожидала его смерть; разлученъ былъ и Христосъ съ своими учениками, восходя на закланіе за насъ. Итакъ, праведный Авраамъ оставилъ рабовъ (подъ горою), чтобы кто изъ нихъ не воспрепятствовалъ его священнодѣйствію, и взявъ Исаака, одинъ ведетъ одного, неся вмѣстѣ огонь, ножъ и дрова. Что же Исаакъ? Нѣжнѣйшимъ голосомъ обращается онъ къ 541
отцу съ такими словами: объясни мнѣ, отецъ: *се огнь и дрова, гдѣ есть овча еже во всесожженіе* (Быт. XXII, 7)? Опять голосъ отрока проникаетъ до глубины родительскаго сердца, опять новое ужасное испытаніе постигло его, опять новое искушеніе предстояло ему не слабѣе перваго и не снисходительнѣе. И какъ могъ удержаться отъ слезъ Авраамъ, уже не ожидавшій болѣе услышать имя отца? Однако, онъ не поддается печали и не даетъ мѣста плачу, но безтрепетной душой и безъ малѣйшаго колебанія въ мысляхъ онъ принялъ нѣжный вопросъ отрока и говоритъ въ отвѣтъ ему: *Богъ узритъ себѣ овча во всесожженіе, чадо* (Быт. XXII, 8). Эти слова были просто ободреніемъ отроку, а можетъ быть вмѣстѣ съ тѣмъ въ нихъ заключалось и пророчество о будущемъ. Между тѣмъ они достигли назначеннаго мѣста. Здѣсь Авраамъ устраиваетъ жертвенникъ, дѣлаетъ приготовленія къ жертвоприношенію, оттачиваетъ ножъ; огонь и дрова раскладываетъ отецъ для сына. Затѣмъ отецъ берется за сына, не встрѣчаетъ никакого препятствія въ голосѣ природы. Съ своей стороны, Исаакъ позволяетъ отцу дѣлать съ нимъ все, что онъ хочетъ. Кому изъ нихъ больше удивляться и предъ кѣмъ изумляться? Какія похвалы воздать и кому изъ нихъ? Тому ли, который изъ любви къ Богу поднялъ руку свою на возлюбленнаго сына, или тому, кто свое послушаніе отцу засвидѣтельствовалъ готовностью умереть отъ его руки? Одинъ восторжествовалъ надъ своей природой, предпочитая ея требованіямъ заповѣдь Божію; другой изъ чувства сыновняго послушанія готовъ былъ принять смерть, считая, что лучше умереть, чѣмъ огорчить отца. Далѣе, Авраамъ беретъ связаннаго сына: не дрогнули у него руки, не онѣмѣлъ умъ. Сколько разъ ни приходилось мнѣ видѣть изображенія этого отрока, никогда я не могъ удержаться отъ слезъ: искусство съ особенной силой и ясностью раскрываетъ предъ моими глазами внутреннюю основу этого событія. Вблизи жертвенника лежитъ Исаакъ, склонившись предъ отцомъ на колѣна и имѣя руки связанными назадъ, тогда какъ Авраамъ сзади затягиваетъ ремень. Затѣмъ, одной рукой наклонивъ къ себѣ за волосы голову сына, онъ склоняется надъ нимъ и смотритъ ему въ лице, тогда какъ Исаакъ жалобно смотритъ на него и ожидаетъ удара; правая рука Авраама, вооруженная мечемъ,

направляетъ ударъ, касается тѣла, уже у самой гортани острiе ножа, остается вонзить ножъ въ тѣло и... тогда-то раздается съ неба голосъ, воспрепятствовавшій совершиться этому ужасному дѣлу: *Авраамe, Авраамe*, возгласилъ онъ, *да не возложиши руки твоея на Исаака, ниже да сотвориши что* сыну твоему. *Нынѣ*
542 *бо познахъ* воистину, *яко боишися ты Бога, и не пощадѣлъ еси сына твоего возлюбленнаго Мене ради* (Быт. XXII, 11, 12). Вотъ предъ тобой овенъ въ кустарникѣ „савекъ“: возьми и принеси его, говоритъ, вмѣсто Исаака, чтобы удостовѣриться въ томъ, что твоя жертва, твое горячее усердіе приняты Мною. Изумились ангелы, начала и власти, престолы, господства и всѣ воинства; поражены небеса, солнце и луна и лики звѣздъ этимъ удивительнымъ зрѣлищемъ; но Богъ былъ удовлетворенъ одною готовностью вѣрнѣйшаго и благочестиваго Авраама и сказалъ ему: *благословя благословлю и умножая умножу сѣмя твое* на землѣ, *яко звѣзды небесныя, занеже послушалъ еси гласа Моего* усердно (ст. 17, 18) и поспѣшилъ исполнить повелѣніе Мое. И далъ Богъ изъ скалы овна для того, чтобы принести его въ жертву вмѣсто отрока. Въ самомъ дѣлѣ, Богъ не благоволитъ къ бездушной жертвѣ, когда приносятъ ему жиръ и дымъ, но требуетъ отъ нихъ жертвы живой, святой, благоугодной, духовнаго служенія, какъ это внушаетъ всѣмъ апостолъ, со всей ясностью показывая, что такая жертва пріятна Богу. Богъ велѣлъ Аврааму принести въ жертву сына, не для того, конечно, чтобы сдѣлать его дѣтоубійцей, но для того, чтобы всей вселенной показать, какъ сильно любитъ Авраамъ Бога, если не пожалѣлъ для Него даже своего единственнаго сына Исаака. За это Богъ открылъ Аврааму, какъ своему другу, великую и необычайную тайну. Совершая свое жертвоприношеніе, Авраамъ былъ священникомъ, а такъ какъ оно имѣло значеніе прообраза, то тѣмъ самымъ онъ становился и пророкомъ. Именно, Богъ Вышній открылъ ему, что и Онъ Самъ для міра хочетъ отдать Своего Единороднаго Сына, чтобы Богъ вочеловѣчившійся спасъ отъ заблужденія родъ человѣческій: это именно означало то, что вмѣсто Исаака принесенъ былъ въ жертву овенъ, оказавшійся въ кустахъ. Такъ какъ предстоявшее въ будущемъ рожденіе (Сына Божія) отъ Святой Дѣвы могло быть принято съ недовѣріемъ людьми, не допускающими мысли, чтобы Дѣва, не познавшая мужа, могла носить во чревѣ Сына, то Богъ изъ скалы произвелъ овна, чтобы—разъ тотчасъ исполняется все, что требуется Его волей—было достовѣрно то, что должно было показаться невѣроятнымъ. Итакъ, какъ здѣсь Слово послало овна, такъ въ Дѣвѣ Слово сдѣлалось плотью; и какъ овенъ висѣлъ, запутавшись въ кустахъ, такъ Единородный былъ возне-

сенъ на крестъ. О немъ вѣдь Исаія возглашалъ: *яко овча на заколеніе ведеся безгласенъ* (Ис. LIII, 7). И когда Господь говорилъ іудеямъ: *Авраамъ радъ бы былъ, дабы видѣлъ день Мой, и возрадовася* (Іоан. XVI, 8), очевидно, Онъ разумѣлъ день страданія, прообразованный жертвоприношеніемъ Исаака на святой горѣ. Благословенъ Богъ, прообразившій намъ все дѣло спасенія во святыхъ Писаніяхъ и въ воплощеніи Своемъ исполнившій все, что предсказали пророки, и затѣмъ восшедшій во славѣ къ Отцу Своему, чтобы на всякомъ мѣстѣ мы поклонялись Отцу съ Сыномъ и Святымъ Духомъ во вѣки. Аминь.

О томъ, что нужно удаляться отъ зрѣлищъ, что посѣтители ихъ вовлекаются въ грѣхъ прелюбодѣянія и что они бываютъ причиной несогласій и вражды, и объ Авраамѣ.

1. Сегодня, я думаю, отсутствуютъ многіе изъ тѣхъ, которые 541
вчера оставили насъ и устремились на беззаконныя зрѣлища. Я хотѣлъ бы знать ихъ точно, чтобы изгнать ихъ изъ-подъ кровли храма, не для того, конечно, чтобы они навсегда оставались внѣ его, но чтобы по исправленіи возвратились сюда. Такъ и отцы нерѣдко изгоняютъ своихъ провинившихся дѣтей изъ своего дома и отлучаютъ ихъ отъ своей трапезы, не съ тѣмъ, чтобы навсегда они лишались этого, но чтобы, сдѣлавшись лучшими вслѣдствіе такого вразумленія, они съ подобающей честью и славой возвратились въ отеческое наслѣдіе. Такъ поступаютъ и пастухи: овецъ, покрытыхъ коростой, они разлучаютъ отъ здоровыхъ, чтобы, когда болѣзнь пройдетъ, опять съ безопасностію возвратить ихъ къ здоровымъ, но чтобы, пока онѣ больны, болѣзнь эта не перешла отъ нихъ на все стадо. Поэтому-то и мы 542
хотѣли бы знать тѣхъ. Впрочемъ, если мы не въ состояніи различить ихъ чувственными очами, то слово наше во всякомъ случаѣ опознаетъ ихъ и, оказавъ воздѣйствіе на ихъ совѣсть, легко убѣдитъ ихъ добровольно удалиться отсюда. Оно внушитъ имъ, что въ храмѣ пребываетъ только тотъ, чья душа достойна возвѣщаемаго здѣсь ученія, тогда какъ тотъ, кто принимаетъ участіе въ этомъ собраніи, оставаясь вѣренъ своимъ дурнымъ привязанностямъ, хотя бы тѣломъ и присутствовалъ здѣсь, извергается и удаляется отсюда гораздо дальше находящихся подъ отлученіемъ и потому не имѣющихъ возможности приступить къ святой трапезѣ. Въ самомъ дѣлѣ, тѣ, будучи согласно божественнымъ законамъ отлучены и оставаясь внѣ, имѣютъ все-таки

благую надежду, и дѣйствительно, если захотятъ исправиться въ
543 своихъ прегрѣшеніяхъ, то при содѣйствіи Церкви, отъ которой они отпали, могутъ съ чистою совѣстью опять возвратиться. А тѣ, которые осквернили самихъ себя и должны приступить къ трапезѣ не прежде, чѣмъ очистятъ себя отъ нечистоты грѣха, но по своему безстыдству теперь же являются сюда, тѣ наносятъ себѣ болѣе тяжкую рану. Вѣдь не такъ тяжелъ самый грѣхъ, какъ то безстыдство, которое является послѣ грѣха, и то, что человѣкъ не хочетъ повиноваться наставленіямъ пастырей. Но чѣмъ, скажутъ, такъ провинились они, чтобы ихъ изгонять изъ-подъ этой священной сѣни? Какой же еще нуженъ тебѣ грѣхъ, когда они, заявивши себя явными прелюбодѣями, сряду же съ безстыдствомъ, какъ бѣшеные псы, приступаютъ къ священной трапезѣ? А если хочешь знать самый способъ, какимъ они впали въ прелюбодѣяніе, я отвѣчу тебѣ не своими словами, но словами Того, кто грядетъ судить всю нашу жизнь. *Всякъ*, говоритъ Онъ, *иже воззритъ на жену, воеже вожделѣти ея, уже любодѣйствова съ нею въ сердцѣ своемъ* (Мѳ. v, 28). Случайно встрѣтившаяся на площади женщина, въ обыкновенной одеждѣ, часто своимъ видомъ вводитъ въ соблазнъ того, кто заглядится на нее. А тутъ люди (смотрятъ на женщинъ) не просто и не случайно, но съ такимъ усердіемъ, что и Церковью пренебрегаютъ и, удалившись туда, проводятъ тамъ цѣлые дни, не отрывая своихъ глазъ отъ созерцанія этихъ безчестныхъ женщинъ. Какъ же могутъ они сказать, что смотрѣли не „съ вожделѣніемъ“, когда и развращенныя слова, и блудныя пѣсни, и сладкіе голоса, и подведенные глаза, и притиранія на щекахъ, и одежда, особо устроенная, и видъ, полный очарованія, и многія другія чары,—(все направлено тамъ къ одной цѣли) обольщенію и увлеченію зрителей? Какъ не быть вожделѣнію тамъ, гдѣ и душевное разслабленіе, и великая разсѣянность, гдѣ и самое мѣсто располагаетъ къ невоздержанію, и все, что слышится прежде и послѣ, гдѣ чаруетъ самая музыкальная мелодія—свирѣлей, флейтъ и тому подобныхъ инструментовъ, трогающая до глубины сердца, гдѣ души сидящихъ преклоняются къ кознямъ блудницъ и дѣлаются легко уловимыми, удаляясь отъ Христа? Вѣдь если нерѣдко и здѣсь, гдѣ псалмы, и молитвы, и слушаніе божественныхъ словъ, и страхъ Божій, и благочестивое настроеніе, подобно коварному разбойнику, тайно вкрадывается вожделѣніе, то какъ они, сидя въ театрѣ и ничего здраваго не слыша и не видя, но предаваясь постыдной разсѣянности и со всѣхъ сторонъ подвергаясь нападеніямъ—и чрезъ уши, и чрезъ глаза, какъ могутъ они остаться недоступными этой постыдной страсти?

А если не могутъ, то какъ могутъ быть свободны отъ обвиненія въ любодѣяніи? Не будучи же свободны отъ упрека въ любодѣяніи, какъ могутъ они безъ покаянія переступать этотъ священный порогъ и становиться участниками этого священнаго собранія? Поэтому-то я увѣщеваю и умоляю ихъ—прежде очистить себя покаяніемъ и исповѣдью и всѣми другими средствами отъ грѣховнаго настроенія, создавшагося подъ вліяніемъ зрѣлищъ, и только тогда уже приступать къ слушанію слова Божія. Вѣдь ясно, что это у насъ не случайная ошибка, какъ это всякій увидитъ и изъ представленныхъ примѣровъ. Если какой-нибудь слуга въ ящикъ, гдѣ лежатъ дорогія и нарядныя господскія одежды, положитъ свою рабскую одежду, всю въ грязи и насѣкомыхъ, то, скажи мнѣ, снесешь ли ты съ кротостью такую дерзость? Или, если кто-либо въ золотой сосудъ, обыкновенно и постоянно вмѣщающій благовонія, влилъ бы грязную и вонючую жидкость, не наказалъ ли бы ты такого неосторожнаго даже ударами? Что же—неужели объ ящикахъ, сосудахъ, одеждѣ и благовоніяхъ мы будемъ такъ заботиться, а душу нашу будемъ считать маловажнѣе всего этого? И туда, куда влито духовное мѵро, будемъ воспринимать діавольскія впечатлѣнія, сатанинскія наставленія и пѣсни, исполненныя блуда? Попуститъ ли это Богъ, скажи мнѣ? И вѣдь, конечно, между благовоніемъ и грязью, или между одеждами рабскими и господскими, не такая большая разница, какъ между духовною благодатью и этой злой силой. Ты не боишься, о, человѣкъ, одними и тѣми же глазами смотрѣть на постель, которая является на сценѣ мѣстомъ совершенія мерзкаго любодѣянія, и на эту священную трапезу, гдѣ совершаются страшныя тайны, однимъ и тѣмъ же слухомъ внимать постыднымъ словамъ блуда и тайноводственнымъ наставленіямъ апостоловъ и пророковъ, однимъ и тѣмъ сердцемъ воспринимать ядовитыя вещества и страшную жертву? Не отсюда ли семейныя неурядицы, распаденіе браковъ, раздоры и распри въ домахъ? Вѣдь когда ты настроишься тамошнимъ зрѣлищемъ 544
и, сдѣлавшись распущеннымъ и невоздержнымъ, врагомъ всякаго цѣломудрія, возвратишься домой и увидишь свою жену, ты смотришь на нее во всякомъ случаѣ съ большимъ нерасположеніемъ, какова бы она ни была. Разжегшись подъ вліяніемъ возбужденной зрѣлищемъ страсти и подпавши обольстительному вліянію того чуждаго зрѣлища, ты безчестишь цѣломудренную и благонравную спутницу всей твоей жизни, унижаешь, осыпаешь безчисленными оскорбленіями, совершенно безъ всякаго другого повода; но стыдясь обнаружить страсть и показать рану, съ которою пришелъ оттуда, ты придумываешь различныя пред-

логи и находишь безсмысленные поводы къ враждѣ, презирая все домашнее, поглощенный всецѣло страстью къ той грязной и нечистой женщинѣ, которою нанесена рана. Въ твоей душѣ еще звучитъ ея голосъ, живы ея видъ, взглядъ, движенія и всѣ приманки блуда,—и дома ни на что не хочется смотрѣть. Да что говорить о женѣ и домѣ? На самую Церковь ты смотришь съ неудовольствіемъ, а рѣчи о цѣломудріи и скромности выслушиваешь съ отвращеніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь онѣ являются для тебя уже не наставленіемъ, а обвиненіемъ, и вдаваясь мало-по-малу въ отчаяніе, ты наконецъ совсѣмъ отрываешься отъ этихъ общеполезныхъ наставленій. Поэтому всѣхъ васъ я умоляю— и самимъ избѣгать посѣщенія дурныхъ зрѣлищъ и отвлекать отъ нихъ тѣхъ, которые ими увлекаются. Все, что тамъ совершается, не приноситъ пользы душѣ, но пагубу и наказаніе. Что за польза въ этомъ преходящемъ удовольствіи, когда изъ него рождается постоянное огорченіе, когда, уязвляемый страстью и днемъ и ночью, ты ко всему чувствуешь раздраженіе и нетерпимость. Въ самомъ дѣлѣ, вникни въ себя, каковъ ты въ тотъ день, когда бываешь въ Церкви, и каковъ въ тотъ, когда созерцаешь зрѣлища, сравни оба эти дня—и тогда ты не будешь нуждаться въ нашихъ наставленіяхъ. Сравненіе этихъ двухъ дней достаточно покажетъ тебѣ размѣры и того добра, какое ты получаешь здѣсь, и того зла, какое получаешь тамъ. Я говорилъ уже объ этомъ вашей любви, но и впредь никогда не перестану говорить объ этомъ. Больныхъ такого рода недугомъ мы будемъ поддерживать, а здоровыхъ подкрѣпимъ. Слово объ этомъ тѣмъ и другимъ принесетъ пользу: однимъ—чтобы отстать, другимъ—чтобы не упасть. Но такъ какъ и въ обличеніи подобныхъ вещей нужно соблюдать мѣру, то, покончивъ на этомъ свои увѣщанія, остатокъ бесѣды посвятимъ исполненію даннаго, вамъ прежде обѣщанія, возвратившись опять къ отцу нашему Аврааму. У художниковъ есть такой обычай, что когда они хотятъ написать чье-нибудь точное изображеніе, то и день, и два, и три усаживаютъ предъ собою тѣхъ, съ кого хотятъ писать, чтобы путемъ постояннаго наблюденія удачнѣе схватить черты подлинника. Такъ какъ и намъ предстоитъ теперь живописать не отпечатокъ тѣлеснаго образа, но красоту души и духовное благообразіе, разцвѣтъ добродѣтелей праведника, его кротость, великодушіе и всѣ другія его добродѣтели, то нужно больше посвятить этому времени, чтобы путемъ постояннаго изощренія слова достигнуть большей вѣрности въ воспроизведеніи его образа. Вѣдь если тѣлесные образы доставляютъ нѣкоторое удовольствіе зрителямъ, то тѣмъ болѣе—изображенія души; притомъ, тѣхъ нельзя видѣть вездѣ,

но необходимо постоянно обращаться въ опредѣленное мѣсто, а эти, гдѣ бы ты ни захотѣлъ воспроизвести предъ своимъ взоромъ, ничто тебѣ не помѣшаетъ. Запечатлѣвъ такой образъ въ глубинѣ своего сердца, ты, гдѣ бы ни былъ, постоянно можешь созерцать его, и это созерцаніе принесетъ тебѣ великую пользу. Какъ больные глазами нѣсколько облегчаютъ свои страданія тѣмъ, что держатъ предъ собой губки и лоскутки тканей, окрашенныхъ голубой краской, такъ и ты, если будешь постоянно имѣть предъ своими глазами образъ патріарха Авраама и постоянно устремлять на него свой взоръ, то хотя бы тысячу разъ гнѣвъ или другое что недоброе омрачало и затемняло твое духовное око, смотря на этотъ образецъ добродѣтели, ты получишь совершенное здравіе и чистое любомудріе. Впрочемъ, если угодно, возвратимся къ предположенной бесѣдѣ.

2. Всѣхъ пророковъ, возлюбленные, превосходилъ особенною близостью къ Богу блаженный Моисей, за свое благочестіе удостоенный дружеской бесѣды съ Богомъ, такъ что говорилъ съ Нимъ устами къ устамъ и лицомъ къ лицу, а не прикровенно. Онъ таинственно былъ наученъ созерцанію Бога явленіемъ огня, 545
горѣвшаго, но не попалявшаго; воля Божія нарекла его богомъ фараоновымъ и этимъ почетнымъ наименованіемъ выдѣлила его изъ всѣхъ современныхъ ему людей; онъ же поставленъ былъ грознымъ исполнителемъ насланныхъ тогда отъ Бога на Египетъ казней и явился тогда усерднѣйшимъ слугой божественной вседѣйствующей силы. Этотъ-то блаженный, просвѣщенный свѣтомъ Духа Святаго и издали изслѣдовавшій древнія дѣла Вседержителя, изложивъ прекрасный и удивительный разсказъ о сотвореніи міра, перешелъ затѣмъ къ исторіи древнихъ людей, отчасти добрыхъ, отчасти злыхъ. Съ одной стороны, онъ изобразилъ дѣйствительно блаженный конецъ первыхъ, съ другой, въ противоположность имъ, несчастную судьбу вторыхъ. И это онъ сдѣлалъ съ тою цѣлью, чтобы мы, изъ исторіи міротворенія научаясь догматамъ благочестія, а изъ жизни предковъ почерпая уроки любви къ добродѣтели и отвращенія къ злу, легко могли проводить жизнь боголюбивую и блаженную. Итакъ, много подвиговъ добродѣтели древнихъ мужей описалъ здѣсь (блаженный Моисей), поставляя ихъ наглядными образцами для подражанія потомкамъ. Такъ, конечно, Авель научаетъ насъ прежде употребленія изобильныхъ даровъ, получаемыхъ нами отъ Бога, начатки ихъ воздавать Богу и не служить неразумной страсти чрева болѣе, чѣмъ чести Божіей. Тому, Кто былъ древнѣе всякаго бытія, этотъ блаженный Авель приносилъ въ жертву первородныхъ агнцевъ, ничего послѣдняго не употребляя въ служеніе

Первому, но прославляя Первовиновника начатками существующаго. Вслѣдъ за нимъ блаженный Ной является для насъ учителемъ праведности, среди всего развращеннаго міра одинъ только неуклонно слѣдуя по пути правды и добрыхъ дѣлъ. Юношамъ великій урокъ цѣломудрія преподаетъ блаженный Іосифъ, въ юномъ тѣлѣ украшенный сѣдинами непорочности и въ положеніи раба оказавшійся господиномъ плотскихъ удовольствій. Но въ лицѣ этихъ блаженныхъ мужей мы видимъ—можно сказать—образцы только отдѣльныхъ, частныхъ добродѣтелей; въ лицѣ же праотца Авраама увѣковѣчена память мужа, въ одномъ себѣ соединившаго всѣ добродѣтели и ставшаго для всего міра образцомъ для подражанія во всѣхъ отношеніяхъ. Потому-то, конечно, всѣ праведные, всѣ святые гордятся праведнымъ Авраамомъ, какъ своимъ родоначальникомъ, и родство съ нимъ вмѣняютъ себѣ въ особенную честь. Вѣрные возбуждаются имъ къ ревности по вѣрѣ; страннолюбивыхъ онъ руководитъ въ страннолюбіи, научая не словами, а самымъ дѣломъ, какъ должно поступать; подвижники благочестія снискиваютъ себѣ вѣнки, подражая его мужеству; всѣ великодушные служатъ вѣрными образами этого первообраза. Соревнованіе съ нимъ породило великое множество праведныхъ; всѣ христолюбцы произрасли отъ этого боголюбиваго корня. И что я исчисляю каждый видъ добродѣли въ отдѣльности? Однимъ словомъ, всѣ тѣ, чей свѣтъ свѣтится людямъ, возжены отъ вѣрнаго свѣтильника праотца: столь великое множество добрыхъ чадъ доставилъ ему его испытанный въ благочестіи характеръ! Неложно было сказано: *яко отца многихъ языковъ положихъ тя* (Быт. xvii, 5). О, блаженная душа, столь великое множество подвиговъ сочетавшая во-едино! Вотъ воистину плодоносная страна; вотъ всеплодное поле дѣлъ благочестія; вотъ лугъ, обильно украшенный всякими цвѣтами правды; вотъ вѣнокъ, содержащій въ себѣ драгоцѣнную жемчужину вѣры! Повелѣлъ Богъ: *изыди отъ земли твоея*, и ты не усомнился, но выступилъ въ путь, не остановившись, пока повелѣніе не было выполнено. Къ словамъ: „*изыди отъ земли твоея*“ прибавилъ Господь: „*и отъ роду твоего*“, и ты не поколебался любовь къ племени принести въ жертву Тому, Кто далъ жизнь и самому племени. Было сказано: *изыди отъ земли твоея, и отъ рода твоего, и*—что еще тяжелѣе—*отъ дому отца твоего* (xii, 1), но ничто изъ того, что повелѣлъ Богъ, не показалось для тебя тяжелымъ. Ни почтеніе къ отцу, ни любовь къ матери, ни родственныя привязанности не ослабили усердія твоей души. Ты не задумался надъ тѣмъ, какъ будетъ плакать надъ тобой престарѣлая мать, какъ будетъ печалиться о тебѣ твой старикъ—отецъ.

Ты не дерзнулъ быть человѣколюбивѣе Давшаго повелѣніе. Ты воздавалъ уваженіе отцу, но не въ той степени, какая подобаетъ только Отцу всѣхъ; ты любилъ мать, но еще болѣе богочестіе. Ты разстался съ отеческимъ домомъ, пренебрегъ прародительскимъ наслѣдіемъ. Одно только богатство считалъ ты приличнымъ душѣ—богатство вѣры, это безсмертное стяжаніе, нетлѣнное сокровище. О, какая звѣзда, превосходящая своимъ блескомъ денницу, возсіяла въ Палестинѣ съ востока, озаривъ тьму многобожія свѣтлыми лучами истиннаго богопочитанія! Какъ добрую сладость Богъ бросилъ тебя въ это горькое море хананеевъ. Какъ соль человѣколюбія ты долженъ былъ осолять ихъ порочную жизнь. Въ пучинѣ человѣконенавистничества иноплеменныхъ ты явился тихимъ пристанищемъ страннопріимства. 546

8. Какъ, о, блаженный, изображу я твой человѣколюбивый шатеръ? Какъ останусь равнодушнымъ къ дубу, именуемому Мамврійскимъ, который ты сдѣлалъ своимъ участникомъ въ дѣлахъ страннопріимства? Твой шатеръ былъ общимъ пристанищемъ для всѣхъ путниковъ; для всѣсъ странниковъ здѣсь воздвигалась общая щедрая трапеза; для всей вселенной—безмездная страннопріимница. И эта страннопріимница находилась не въ захолустьѣ какомъ-нибудь, гдѣ не такъ настоятельна необходимость отдыха, но, съ одной стороны, въ пустынѣ, а съ другой—среди дороги, гдѣ перекрещивались почти всѣ сообщенія Палестины. Цѣлые дни проводилъ ты подъ дубомъ, являясь путникамъ благимъ вѣстникомъ отдохновенія. Явился тебѣ, о, чудный, Христосъ въ сопровожденіи двухъ ангеловъ, и твое человѣколюбіе ввело тебя подъ одинъ кровъ и съ Богомъ, и съ ангелами. О, блаженный шатеръ, вмѣщавшій въ себѣ Бога и ангеловъ! Явился тебѣ Христосъ въ образѣ человѣка, предображая тайну Своего божественнаго и спасительнаго воплощенія. Однако и въ рабіемъ зракѣ не утаилась отъ тебя слава твоего Посѣтителя. Ты обладалъ иными очами, которыми познается Владыка. Потому-то и узналъ ты ходатая Божія, Сына, Который имѣлъ быть познанъ посреди двухъ живыхъ существъ. Удивляюсь, блаженный, твоему усердію и услужливости къ посѣтителямъ: конечно, можно было отдать приказаніе слугѣ и вообще ограничиться просто распоряженіями, но ты, старецъ, самъ побѣжалъ къ тельцамъ, пыломъ усердія подбодряя свое дряхлое тѣло. Горячее участіе въ твоихъ распоряженіяхъ приняла и твоя супруга, и такъ какъ желаніе угостить гостей не позволяло ждать, когда вскиснетъ тѣсто, то на столѣ воздвиглась цѣлая гора прѣсныхъ хлѣбовъ. Благоговѣніе проникало всѣ дѣйствія и вмѣстѣ съ нимъ страхъ, какъ будто сознавалось, что не люди

угощаются, но совершается жертва самому Богу. И за то какъ прекрасенъ, о, блаженный, плодъ твоего гостепріимства, какъ прекрасна награда твоего боголюбія! Сверхъ всякой надежды узы разрѣшаются неплодной утробы, омертвѣвшіе члены старца исполняются силы къ произведенію желаннаго плода, и (праотецъ) принимаетъ отъ Единороднаго Бога благовѣстіе объ единородномъ сынѣ. *Во время сіе пріиду*, говоритъ Господь, *и* будетъ у Сарры сынъ (Быт. XVIII, 10). Какъ по достоинству восхвалю твою вѣру, о, блаженнѣйшій? Вѣдь ты не усомнился въ обѣтованіи, не поколебался въ увѣренности, не подумалъ о мертвенности своего тѣла, будучи уже почти столѣтнимъ, не остановился и предъ безплодностью утробы Сарры, но предался всецѣло вѣрѣ, зная, что Богъ силенъ исполнить то, что Онъ обѣщаетъ. А не связанъ узами природы, не подчиненъ ея законамъ Богъ въ томъ, что Онъ дѣлаетъ, будучи Творцомъ всей природы, но во всякомъ своемъ движеніи природа сообразуется съ свободной волей Создавшаго. И конечно, ты, о, блаженный, не обманулся въ своихъ надеждахъ, но въ назначенный срокъ сталъ называться отцомъ, въ преклонномъ возрастѣ. И прежде всего ты видишь рожденное Саррой, и удивляешься, какъ истекаютъ у престарѣлой источники молока сверхъ всякаго ожиданія, а спустя немного ты разговариваешь съ ребенкомъ, научая его называть тебя отцомъ, пріучая его къ тому названію, которое прежде въ обѣтованіи усвоила тебѣ благодать. Какъ изображу я послѣдовавшіе затѣмъ твои подвиги, удивительный? Какъ восхвалю высокую и прославленную твою вѣру? Всякую вѣру превосходитъ твоя вѣра, твое святое послушаніе Богу превышаетъ всякій слухъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто когда-нибудь повѣритъ, что отецъ собственнаго сына безъ всякаго колебанія принесъ въ жертву Богу? Можетъ быть, только мы, не бывшіе отцами, не испытавшіе на дѣлѣ природной любви къ дѣтямъ! Но пусть само божественное Писаніе подтвердитъ сказанное нами: вѣдь оно подобно вѣстнику громко провозглашаетъ о боголюбивомъ расположеніи духа блаженнаго. *По сихъ Богъ искушаше Авраама* (Быт. XXII, 1). Искушалъ не для того, чтобы на опытѣ познать то, чего не зналъ, и не для того, чтобы праведникъ своими дѣлами подтвердилъ свою преданность Богу. Нѣтъ, конечно, ничего неизвѣстнаго Богу и Его собственное созерцаніе служитъ для Него единственнымъ и совершенно достаточнымъ источникомъ познанія о всѣхъ вещахъ. У него была та цѣль, чтобы люди на опытѣ узнали того, котораго Онъ уже прежде зналъ, и могли имѣть въ его лицѣ прекрасный образецъ для подражанія. Посмотримъ же, въ чемъ состояло искушеніе. *Авраамe, Авраамe*, говоритъ Богъ.

Онъ же *рече*: *се азъ. И рече* ему Богъ: *поими сына твоего возлюбленнаго, егоже возлюбилъ еси, Исаака, и пойди на землю высоку*, 547
и вознеси его Мнѣ *во всесожженіе* (ст. 2). Какое испытаніе для вѣры праотца заключали въ себѣ эти слова Божія! Достаточно, вѣдь, было сказать: возьми Исаака и принеси его во всесожженіе, не называя его сыномъ и напоминаніемъ о любви не уязвляя родительскаго сердца. Но такъ какъ при добромъ теченіи дѣлъ внезапный ударъ зла причиняетъ болѣе тяжкую скорбь, то Господь и говоритъ: *поими сына твоего*, и прибавляетъ: *возлюбленнаго*, и опять: *егоже возлюбилъ еси*, чтобы, этими ласковыми названіями возбудивъ въ дѣтолюбивомъ старцѣ надежду на добрыя обѣтованія и тотчасъ потребовавъ умерщвленія возлюбленнаго, этимъ неожиданнымъ требованіемъ тѣмъ сильнѣе поразить родительское сердце, не изъ ненависти къ праведнику, но изъ желанія въ полномъ блескѣ обнаружить предъ міромъ его вѣру. Конечно, прежде чѣмъ услышать слова: *вознеси его во всесожженіе*, судя по первымъ ласковымъ словамъ, праведникъ могъ отъ дальнѣйшей рѣчи ожидать много хорошаго. Безъ сомнѣнія, услышавъ зовъ Божій и слова: *Авраме, Авраме*, праведникъ обрадовался этому зову и тотчасъ отозвался на голосъ, а въ умѣ его естественно пронеслись такія мысли: неужели опять Богъ удостоиваетъ меня дивной бесѣды съ Нимъ? Неужели опять хочетъ освятить меня Своими божественными рѣчами? Или опять хочетъ переселить меня въ лучшую страну? Или хочетъ погубить нечестивыхъ хананеевъ, какъ прежде содомлянъ, и не желаетъ оставить раба Своего въ невѣдѣніи объ этомъ Своемъ рѣшеніи? Или хочетъ обрадовать меня доброю вѣстью о рожденіи другого сына послѣ Исаака, желая, чтобы два сына покоили мою старость? Когда же онъ услышалъ: *возьми*, но прежде, чѣмъ было прибавлено: *сына*, онъ подумалъ, что Богъ будетъ бесѣдовать съ нимъ о жертвахъ, требуя отъ него благодарности за дарованіе сына. А услышавъ: *сына твоего*, Авраамъ вспомнилъ объ Измаилѣ, думая, что теперь уже прекратилась ревность Сарры и что поэтому человѣколюбивый Богъ хочетъ возвратить его подъ отеческій кровъ. Когда же со всею ясностью услышалъ: *возлюбленнаго твоего, егоже возлюбилъ еси, Исаака*,—тотчасъ загорѣлось у него сердце и обрадовалась душа его, такъ какъ онъ подумалъ, что Богъ дастъ ему повелѣніе о свадьбѣ, заботясь о томъ, чтобы юношѣ была дана жена, и чтобы рожденіемъ дѣтей обезпечено было продолженіе рода. Но вотъ Богъ зоветъ его съ сыномъ въ высокую землю. Для чего? Очевидно, для того, чтобы съ высокаго и открытаго мѣста показать Исааку, какъ наслѣднику, всю землю обѣтованную, или чтобы помазать его въ па-

тріархи, при моей жизни, или чтобы побесѣдовать съ нимъ лицомъ къ лицу и въ живой бесѣдѣ преподать ему законы боголюбивой жизни, соблюденіемъ которыхъ онъ будетъ угождать Создателю.

4. Итакъ, вотъ что и подобное этому ожидалъ услышать отъ Бога блаженный. А что же Богъ? *Вознеси*, говоритъ, *его во всесожженіе*. Приказаніе ужасное и для всякаго человѣка, не только что для отца, и притомъ чадолюбиваго! Но—о, необычайная вѣра, о, боголюбивая душа! Еще не замолкли звуки божественнаго повелѣнія, а Авраамъ уже приступаетъ къ его исполненію, съ концомъ повелѣнія сочетая начало своего путешествія. Кто изъ другихъ отцовъ перенесъ бы такія слова и не повергся бы тотчасъ на землю безъ чувствъ и движенія, а можетъ быть и жизни не лишился бы, пораженный въ своихъ родительскихъ чувствахъ? Послушай, въ самомъ дѣлѣ, какъ безпощадно было это повелѣніе. Не просто Богъ требовалъ юношу на закланіе, оставляя старцу находить утѣшеніе въ его печали, сидя у гроба, вмѣщающаго дорогіе останки, но *во всесожженіе*, т. е. на сожженіе, на совершенное уничтоженіе, такъ что онъ не могъ найти облегченія своему сердечному горю даже въ оплакиваніи тѣла. Слова этого приказанія сами по себѣ поразили бы всякаго другого человѣка,—настолько оно было нестерпимо,—но этого мужа оно не поколебало въ его преданности Богу, потому что всякое повелѣніе Божіе онъ считалъ полезнымъ и добрымъ. Итакъ, съ полной готовностью онъ принимаетъ повелѣніе и съ неизъяснимымъ удовольствіемъ приступаетъ къ совершенію жертвы, вѣроятно съ подобными мыслями: „съ этого времени я становлюсь бездѣтнымъ, но чрезъ послушаніе дѣлаюсь сыномъ Бога; я лишаюсь наслѣдника, но наслѣдую будущее; не буду видѣть сына, но увижу Бога; сынъ не упокоитъ моей старости, но позаботится о ней Богъ; неразумные будутъ осуждать меня, но Всемудрый одобритъ; я опечалю Сарру, но сдѣлаю угодное Создателю; я имѣю великое утѣшеніе: смерть сына огорчаетъ меня, но она же дѣлаетъ меня священникомъ Вышняго, оставляетъ меня бездѣтнымъ, но въ то же время—отцомъ первомученика. Да и развѣ
548 Исаакъ погибаетъ? Тѣло его уничтожается огнемъ, онъ лишается плотскихъ удовольствій, покидаетъ жизнь, но переселяется къ Господу“. Такими размышленіями заглушивъ голосъ природы, Авраамъ устремляется къ жертвоприношенію, сѣдлаетъ осла, оттачиваетъ ножъ, приготовляетъ дрова и огонь и ведетъ сына какъ агнца. Никому не сказалъ онъ ничего о божественномъ повелѣніи, не подѣлился ни съ друзьями, ни даже съ женой своей, не изъ пренебреженія къ ней, но потому, что боялся змѣя,

чтобы тотъ подъ предлогомъ любви къ сыну не смутилъ его усердія къ исполненію воли Божіей. Какъ велика его вѣра! Какъ несравненна его мудрость! Предвидѣлъ патріархъ, сколько зла случится, если станетъ извѣстнымъ божественное повелѣніе, сколько будетъ плача, рыданій, сколько слезъ. Потому-то Онъ и молчалъ, молчаніемъ заглушая великій пламень, снѣдавшій его душу. Въ самомъ дѣлѣ, подумай, что сдѣлала бы Сарра, услышавъ о томъ, что готовится ея сыну? Не заключила ли бы она тотчасъ же Исаака въ свои объятія, желая, если бы только это было возможно, опять скрыть его въ своей утробѣ и причитая: „погибнешь, дорогое дитя, намъ грозитъ жертвоприношеніе". Скорѣе, я думаю, она разсталась бы со своей душой, чѣмъ отдала бы сына; тогда пришлось бы выбирать одно изъ двухъ: или отказаться отъ жертвоприношенія, или вмѣстѣ съ сыномъ принести и мать въ жертву. И самому Аврааму развѣ не наговорила бы она такихъ словъ: „одумайся, отецъ, одумайся, истолкователь воли человѣколюбиваго Бога! Божественный голосъ не можетъ возвѣстить ничего, клонящагося ко вреду человѣка; это злой демонъ позавидовалъ твоему счастію въ сынѣ и хочетъ лишить тебя этой милости Божіей, подъ видомъ благочестія вовлекая тебя въ грѣхъ дѣтоубійства. Ты забылъ о дивномъ Мелхиседекѣ, священникѣ Бога Вышняго. Поучись у него приносить жертвы, узнай, какими жертвами благоугождается Богъ,—хотя давно уже, еще когда ты возвращался изъ погони за пятью царями, онъ далъ тебѣ урокъ священства. Что принесъ онъ тогда? Хлѣбы и вино, святое приношеніе, чистую и безкровную жертву: не тельца даже, не овцу, а тѣмъ болѣе—не ребенка. И онъ совсѣмъ не думалъ, что можно доставить удовольствіе Богу кровью. Развѣ ѣстъ Богъ *мяса юнча или кровь козловъ* пьетъ? *Пожри Богови жертву хвалы, и воздаждь Вышнему молитвы твоя* (Пс. XLIX, 13, 14). Если же дѣйствительно Богъ—тотъ, кто тебѣ явился, то вникни, о, мужъ, въ намѣреніе явившагося. Богъ испытываетъ твою привязанность къ сыну, Онъ хочетъ узнать, насколько дѣйствительно ты расположенъ къ нему: любишь ли ты сына, питаешь ли къ нему отеческія чувства, силенъ ли въ тебѣ голосъ природы, не предпочтешь ли ты самъ умереть вмѣсто сына? Онъ хочетъ вмѣстѣ съ тѣмъ явить въ твоемъ лицѣ для хананеевъ прекрасный примѣръ любви къ дѣтямъ, т. е., желаетъ, конечно, чтобы ты не повиновался, но отказался отъ закланія сына, чтобы ты рвалъ свои сѣдины, проливалъ горькія слезы, и тѣмъ обнаруживалъ всю силу своей любви къ сыну. Я боюсь, что за одно только намѣреніе совершить дѣтоубійство ты подвергнешься наказанію отъ Бога. Мужъ, послушай меня,—*не буди праведенъ вельми* (Екклез.

VII, 17): Богъ одобритъ это твое непослушаніе. А если Богъ дѣйствительно хочетъ, чтобы принесенъ былъ въ жертву Исаакъ, восплачь горько, умоляй, припадай, подкрѣпи свои мольбы потоками слезъ. Вѣдь Тотъ, Кто требуетъ жертвы, благъ и гораздо болѣе человѣколюбивъ, чѣмъ отецъ: Онъ отмѣнитъ рѣшеніе, отмѣнитъ приговоръ. Даже потопа Онъ не послалъ бы, если бы тѣ беззаконные омыли слезами свои грѣхи. Уцѣлѣлъ бы и Содомъ, если бы сердечнымъ сокрушеніемъ содомляне умилостивили Судію. Итакъ, если Онъ милуетъ грѣшниковъ, то тѣмъ болѣе помилуетъ тебя—праведника. Ты спасъ нѣкогда Лота отъ ниспосланнаго съ неба огня, помолившись Судіѣ; спаси теперь и своего сына отъ умилостивительнаго огня, умоливъ Бога. За содомлянъ, людей нечестивыхъ, которымъ по всей справедливости давно уже и слѣдовало погибнуть, ты просилъ, а за своего невиннаго сына не хочешь просить? Скажи опять дерзновеніе, скажи: *никакоже*, Господи; *судяй всей земли, не сотвориши ли суда* (Быт. XVIII, 25)? Ты не погубишь праведника вмѣстѣ съ нечестивымъ. Вспомни свою прежнюю любовь къ дѣтямъ, которую ты питалъ, не имѣя еще сына. Вѣдь еще раньше, чѣмъ родился Исаакъ, Богъ далъ тебѣ эти блестящія обѣтованія: обладаніе землей сладости, великое богатство въ деньгахъ и имуществѣ, потомство столь многочисленное, что оно было сравнено съ предметами, которые по своей природѣ неисчислимы, каковы песокъ морской, и звѣзды небесныя. Однако, когда столь великія блага были обѣщаны тебѣ, ты считалъ слова обѣтованія за насмѣшку и смѣло взывалъ, оплакивая свое безчадіе такими словами: *Господи, что ми даси? Азъ же отпущаюся безчаденъ* (Быт. XV, 2). Сказавъ эти слова, ты получилъ сына. Будь отцомъ, скажи ихъ и теперь, чтобы спасти своего сына. Скажи опять: „Владыко, что Ты дашь мнѣ, отнимая наслѣдника моего?“ Увы, должно быть, ты чадолюбивъ и былъ только тогда, когда не былъ отцомъ!“

549 Если бы Сарра прибѣгла къ такимъ рѣчамъ, что пришлось бы тогда дѣлать Аврааму? Очевидно, оставивши исполненіе божественнаго повелѣнія, онъ долженъ бы былъ вступить въ разговоры о богочестіи и убѣждать Сарру въ томъ, что Богъ, если возьметъ этого сына, то дастъ ей другого, лучшаго. Но какъ удалось бы ему убѣдить въ этомъ женщину, да еще обезумѣвшую отъ страсти? Допустимъ, однако, онъ достигъ бы своей цѣли: вѣдь она была женщина богобоязненная и не даромъ была сожительницей праведнѣйшаго мужа! Уступивъ убѣжденіямъ и согласившись отпустить сына своего на закланіе, она можетъ быть старалась бы сдержать себя по сознанію, что такъ угодно Богу, но по слабости природы она не въ силахъ бы, конечно,

была удержаться, даже противъ воли, отъ слезъ. Сколько слугъ было бы тогда огорчено по любви къ юношѣ, сколько нашлось бы служанокъ, соболѣзнующихъ госпожѣ, сколько хананеевъ, знакомыхъ и сосѣдей, было бы повержено въ удивленіе всѣми этими событіями! Отсюда возникъ бы великій шумъ, и стоны, и плачь, и слезы, какъ при проводахъ мертвеца. Съ громкимъ воплемъ съ плачемъ сказала бы тогда мать: „обними меня, дитя, въ послѣдній разъ! Я надѣялась, что ты меня проводишь во гробъ и твои слезы орошать мою могилу; но ужъ если воля Создателя разбила мои надежды, и я оплакиваю того, кто долженъ бы меня оплакивать, то прошу тебя объ одномъ только: восходя на жертвенный огонь, помолись Богу за меня, чтобы мнѣ разстаться съ жизнью прежде, чѣмъ возвратится совершитель жертвы. Я не въ состояніи буду увидѣть руку отца, обагренную кровью сына“! Такія слова могла бы сказать мать. Кто могъ бы снести тѣ укоры, которые посыпались бы тогда изъ устъ хананеевъ, сбѣжавшихся на это зрѣлище? Одинъ сказалъ бы: „о, въ какой прекрасный брачный чертогъ ведетъ своего сына отецъ!“ Другой сказалъ бы: „изъ какого же, однако, стада у него жертвенное животное?“ Иной: „хорошо же умножаетъ Богъ его потомство какъ звѣзды небесныя!“ Еще иной: „сколько стариковъ оплакиваютъ несчастнаго ребенка, а этотъ безчувственный старикъ надъ собственнымъ сыномъ не прольетъ слезы“. Это—хананеи. А изъ слугъ кто-нибудь, расплакавшись, сказалъ бы: „о, несчастный ребенокъ, и родился ты поздно, и погибаешь безвременно! И рожденіе твое было необычайно, и конецъ ужасенъ! Ты — единственный изъ людей — былъ порожденъ безплодной утробой, единственный изъ всѣхъ—слышишь плачъ надъ своей могилой! О, какая удивительная жизнь пресѣкается!“ Такъ они разсуждали бы каждый поодиночкѣ; всѣ же вмѣстѣ, возвратившись домой, въ одинъ голосъ сказали бы: „иди же, наконецъ, старецъ, но подумай только объ одномъ: этого-то сына ты принесешь въ жертву, а другого отъ Сарры ужъ не дождешься!“ Все это предусмотрѣлъ Авраамъ, все это предвидѣлъ блаженный и потому глубоко скрылъ въ себѣ повелѣніе, поступивъ такъ, какъ если бы слышалъ неизреченные глаголы, *ихже не лѣть есть человѣку глаголати*. О, тайная сокровищница заповѣдей Господнихъ, о, тайникъ неизреченныхъ, тайникъ священныхъ словъ Божіихъ! Эти тайны прославили тебя по всей вселенной. Итакъ, въ молчаніи отправляется отецъ въ путь вмѣстѣ съ Исаакомъ, взявъ съ собой только двухъ слугъ; да и тѣ оставались въ невѣдѣніи относительно способа совершенія жертвы. Три дня продолжалось путешествіе. И эта продолжительность пути можетъ

служить для тебя показателемъ твердости души праотца. Въ самомъ дѣлѣ, если бы мѣсто жертвоприношенія находилось поблизости, тогда горячность вѣры легко имѣла бы перевѣсъ надъ чувствомъ любви. Но тутъ, совершая дальній путь и все время имѣя предъ глазами сына, предающагося обычнымъ дѣтскимъ играмъ и простирающаго объятія, постоянно обращаясь мыслью къ тому, что предстоитъ сдѣлать, Авраамъ, какъ золото въ огнѣ, подвергался величайшимъ испытаніямъ, и тѣмъ съ большимъ блескомъ показалъ свое усердіе и послушаніе. О, сколько разъ за этотъ трехдневный промежутокъ представлялъ себѣ въ умѣ отецъ закланіе своего сына! Сколько останковъ его на память о немъ положилъ въ свою дорожную суму! Каждый разъ, какъ вспоминалъ онъ о жертвоприношеніи, его сердце поражалось жестокими ударами. То онъ забывалъ объ этомъ дѣлѣ какъ бы совершившемся, то опять огорчался, всякій разъ какъ его надежды на забвеніе разсѣивались. Наконецъ блаженный издали усматриваетъ мѣсто жертвоприношенія, указанное ему невыразимымъ голосомъ, и тогда отецъ, оставивъ своихъ слугъ съ осломъ, беретъ съ собою только сына: дальнѣйшій путь они совершаютъ одинъ на одинъ, уже не какъ отецъ съ сыномъ, но какъ священникъ съ жертвой. Патріархъ возлагаетъ на Исаака дрова для жертвоприношенія, а самъ несетъ ножъ и огонь. Онъ обременяетъ его ношей, чтобы, вспотѣвъ отъ утомленія и очистившись этимъ естественнымъ омовеніемъ, отрокъ сдѣлался болѣе пріятнымъ для Бога приношеніемъ. Говоря объ этомъ, я при видѣ образа вспоминаю и самую истину. Видя, какъ Исаакъ несетъ дрова для своего собственнаго жертвоприношенія, я прославляю
550 Христа, для спасенія людей подъемшаго Свой крестъ. Я вижу здѣсь предваряющую тѣнь всего совершеннаго Христомъ дѣла нашего спасенія. Христосъ *яко овча на заколеніе ведеся* (Ис. LIII, 7); его образъ—Исаакъ, ведомый на жертву. Предъ лицемъ смерти Исаакъ не выступаетъ изъ послушанія родителю; и въ этомъ онъ былъ образомъ Христа, который *послушливъ* былъ *даже до смерти, смерти же крестныя* (Филип. II, 8). Въ одно и то же время Исаакъ былъ и отрокомъ, и жертвеннымъ животнымъ; равнымъ образомъ и Христосъ—Сынъ Божій и Агнецъ, вземлющій грѣхъ міра. Исаака не пощадилъ отецъ, но и Богъ не пощадилъ Христа: *иже Своего Сына не пощадѣ, но за насъ всѣхъ предалъ есть Его* (Римл. VIII, 32). Чрезъ три дня послѣ жертвы, мать увидѣла Исаака живымъ; чрезъ три дня и Церковь видитъ Спасителя нетлѣннымъ. Но это мы говоримъ къ слову. Между тѣмъ Авраамъ достигъ мѣста священнодѣйствія, и въ его душѣ была въ полномъ ходу борьба, въ которую вступили природа и воля, и въ

которой увѣнчивалось рѣшеніе, принятое вопреки природѣ, и преданность Богу торжествовала надъ любовью къ сыну. Пришелъ отецъ съ сыномъ, одинъ священникъ съ однимъ жертвеннымъ животнымъ. А между тѣмъ все оказалось на лицо: и сынъ съ отцемъ, и совершитель для приношенія, и жертва для священнодѣйствія.

6. Удивляюсь я и разуму юноши, какъ почтительно обращается онъ къ отцу и говоритъ: *отче, се огнь и дрова: гдѣ есть овча* (Быт. XXII, 7)? Онъ не смѣется надъ забывчивостью отца,— вѣдь онъ видѣлъ хананеевъ, сдѣлавшихся рабами изъ-за насмѣшки Хама,—но спрашиваетъ: *гдѣ?* подъ видомъ вопроса напоминая забытое. *Отче*, говоритъ онъ, *се огнь и дрова: гдѣ же овча?* Какими словами можно изобразить величіе духа этого мужа? Слова отрока не повергли его въ слезы, онъ не разразился плачемъ по поводу юности его возраста, не подозрѣвающей предстоящаго ему закланія, но остался совершенно твердымъ и непоколебимымъ, подавляя въ себѣ отеческія чувства. Итакъ, съ твердостью отвѣчаетъ ему: *Богъ узритъ Себѣ овча, чадо* (ст. 8). Онъ не открываетъ юношѣ воли Божіей о немъ, чтобы по своей юности онъ не расплакался о самомъ себѣ и чрезъ то жертва не осквернилась бы слезами. Какъ, братіе, я разскажу вамъ безъ слезъ то, что затѣмъ послѣдовало? Разсказывая объ этомъ событіи, я чувствую себя такъ, какъ будто нахожусь на мѣстѣ отца. И я думаю, только самому Аврааму и было бы подъ силу безъ слезъ разсказать объ этомъ событіи, сохранивъ при разсказѣ ту же твердость духа, какую онъ проявилъ на дѣлѣ. Вѣдь то именно въ этомъ мужѣ и удивительно и достойно почтенія, что онъ совершилъ съ твердостью то, чего мы даже и на словахъ передать не въ состояніи безъ замѣшательства. Но, хотя, конечно, и отдаленнаго сравненія съ нимъ мы не выдержимъ, должно попытаться, покоривши свои чувства закону боголюбія, войти въ общеніе съ праотцемъ въ его жертвѣ, хотя бы только на словахъ. Итакъ, разжегши на жертвенникѣ пылающій огонь, отецъ согласно съ обычаями священства приготовляетъ къ жертвѣ сына, возлюбленнаго, единороднаго, и поставивъ его какъ бы для поклоненія на колѣна, обхватываетъ его сзади со спины и кладетъ навзничь; затѣмъ, самъ вставъ сзади его на колѣна и привлекая его къ себѣ за волосы, онъ поднимаетъ правую руку и рѣшается направить оружіе сверху внизъ. О, сила боголюбія! О, непобѣдимое мужество души! Связалъ сына на закланіе, и не расторглись узы природы? Мечъ въ рукахъ, и не онѣмѣла десница! У кого хватило бы силы быть свидѣтелемъ совершавшагося? Кто не отшатнулся бы? Кто не убѣжалъ бы,

оказавшись сострадательнѣе отца? Потому-то мудрый патріархъ и не взялъ съ собою рабовъ, но приказалъ имъ ожидать вдали, чтобы они не воспрепятствовали исполненію боголюбиваго намѣренія, не будучи въ силахъ допустить закланіе своего господина. Что могли подумать о своемъ господинѣ рабы, если бы они присутствовали и увидѣли, что онъ ни съ того, ни съ сего устремляется на закланіе своего возлюбленнаго сына? Что стали бы говорить они между собой? „О какое ужасное и неслыханное несчастіе! Должно быть господинъ нашъ сошелъ съ ума и не узнаетъ своего возлюбленнаго сына, но воображаетъ, что приноситъ въ жертву тельца или овцу. Пойдемъ же скорѣе къ нему: тутъ некогда медлить, удержимъ мечъ, остановимъ руку, чтобы ударъ не предупредилъ увѣщанія. Конечно, подходить небезопасно: не щадя дорогого сына, пощадитъ ли онъ рабовъ? Однако, нужно рѣшиться. Если умремъ, то умремъ съ честью, потому что погибнемъ за молодого господина. Крикнемъ что-нибудь
551 дерзкое, обратимъ на себя его бѣшенство, можетъ быть онъ и образумится? Достоинъ господинъ чести, но когда онъ въ здравомъ умѣ, достоинъ уваженія, но не тогда, когда дѣло идетъ о смерти. Оскорбленный въ припадкѣ безумія, онъ будетъ намъ благодаренъ, когда образумится, и вознаградитъ какъ благодѣтелей, какъ спасителей юноши". Съ такими словами они быстро подбѣжали бы и, прежде всего, вырвали бы у него изъ рукъ мечъ и Исаака избавили бы отъ смерти, а затѣмъ стали бы уговаривать такими словами, съ какими обращаются къ неразумнымъ младенцамъ. Подвергаясь опасности обратить ярость господина на себя самихъ, они сказали бы что-нибудь въ такомъ родѣ: „остановись, господинъ, одумайся, у тебя въ рукахъ сынъ, возлюбленный, рожденный отъ неплодной, поздній даръ Божій, плодъ страннолюбія, телецъ за тельца. Онъ далъ тебѣ возможность отпраздновать единственный день рожденія, за него именно принесъ ты Вышнему жертвы спасенія, его воспиталъ съ надеждою имѣть въ немъ опору старости, онъ былъ утѣхою твоей жизни, его ты страстно желалъ не смерти предать, но оставить послѣ себя наслѣдникомъ и нашимъ господиномъ: его-то самого ты держишь теперь въ своихъ рукахъ. Вотъ лице отрока, господинъ: развѣ не узнаешь ты въ немъ своего образа? Вѣдь ты самъ былъ нѣкогда таковъ, когда былъ юношей. Исаакъ, скажи и ты что-нибудь своему отцу: можетъ быть, хотя по голосу признаетъ онъ свое чадо. Это тотъ, о, господинъ,—не жертва, нѣтъ,—но тотъ, за котораго множество жертвъ, множество молитвъ возносится къ Богу, чтобы достигъ онъ возмужалости и нашелъ себѣ такую спутницу жизни, какова его мать—по добро-

дѣтели, конечно, а не по неплодству. Ты и самъ вѣдь желалъ поскорѣе видѣть его дѣтей, чтобы и на нихъ радоваться такъ, какъ радовался на Исаака у материнской груди. Но какимъ ужаснымъ несчастіямъ ты подвергаешь его сегодня! Вмѣсто вѣнковъ—узы, вмѣсто жены—мечъ! Да у тебя приготовленъ и огонь, который никогда не употребляется при бракѣ, а служитъ для погребенія. Присутствуетъ здѣсь юноша, но не въ брачномъ уборѣ, а связанный для возложенія на жертвенникъ, не въ брачныхъ одеждахъ, но въ одѣяніи обреченнаго на смерть. Нѣтъ здѣсь распорядителя брака, соединяющаго тѣхъ, которые раздѣлены происхожденіемъ, но есть отецъ, ножемъ разсѣкающій узы природы. Даже и у хананеевъ не рѣшаются отцы поступать такъ съ своими дѣтьми. Такія ли до сихъ поръ приносилъ ты жертвы Богу Вышнему? Такое ли благодареніе воздавалъ за спасеніе сына? Не овновъ ли и козловъ ты предавалъ разсѣченію, неразумныхъ животныхъ, для умилостивленія Владыки разумныхъ и неразумныхъ. А теперь кто приводится на закланіе? О, нестерпимое зло! Жертва одного рода съ совершителемъ жертвы, приношеніе и приноситель связаны между собою узами родства: жрецъ родилъ жертву, а не выбралъ ее изъ своихъ стадъ. Не угодны Богу такія жертвы: будучи человѣколюбивымъ, Онъ не желаетъ, конечно, человѣческихъ жертвъ. Какъ теперь намъ называть тебя, о, господинъ? Священникомъ ли, потому что ты приносишь жертву, или дѣтоубійцей, потому что убиваешь сына? Поистинѣ чудовищно это жертвоприношеніе, и нѣтъ словъ для его описанія! Всѣ приносятъ жертвы для того, чтобы испросить спасеніе, а ты для жертвы губишь своего сына. И какъ назвать то, что ты совершаешь? Убійствомъ или жертвой? Проклятіемъ или умилостивленіемъ? Сожженіемъ или всесожженіемъ? Это такъ противоестественно, такъ беззаконно, что даже и названія нельзя подобрать совершаемому тобою приношенію. О, что мы надѣялись видѣть, и что видимъ теперь! Мы думали, что онъ будетъ помогать тебѣ и участвовать въ священнодѣйствіи, а оказывается,—о нестерпимая бѣда!—не стоитъ онъ съ тобою, удерживая животное, но самъ лежитъ связанный, готовый взойти на жертвенникъ; не издаетъ звуковъ какъ овца, но лежитъ безгласный, не отверзая устъ, смирнѣе овцы, и только смотритъ на ту руку, которую часто съ сыновней любовью осыпалъ поцѣлуями, да можетъ быть и теперь, видя ее заносящею ножъ, желаетъ ее поцѣловать. Много у тебя овецъ, господинъ, цѣлыя стада быковъ: изъ нихъ выбери жертву, какъ того требуетъ обычай, а не возноси того, чего нельзя ни приносить въ жертву, ни ѣсть. Предай всесожженію всѣ свои стада, если хочешь, сразу,

мы не будемъ прекословить: такая жертва не будетъ незаконной; а то, что теперь ты совершаешь, скорѣе война, а не жертва, преступленіе, а не приношеніе. Здѣсь молитва сопровождается тѣмъ самымъ, объ отвращеніи чего на войнѣ обыкновенно молятся, и во время жертвоприношенія совершается то, объ избавленіи отъ чего обычно приносятся жертвы. А твой нынѣшній поступокъ пагубнѣе и самой войны. Быть можетъ, и врагъ смягчился бы и оказалъ пощаду при видѣ красоты юноши, при видѣ его возраста. Какъ будешь ты теперь жить въ странѣ хананеевъ, превзойдя своей жестокостью дикихъ звѣрей? Всѣ дѣти хананеевъ возстанутъ противъ тебя, говоря: умертвимъ дѣто-
552 убійцу, чтобы наши отцы не вздумали послѣдовать его дурному примѣру. Искорени же и тотъ дубъ, подъ тѣнью котораго ты принималъ странниковъ, предай его сожженію подобно сыну. Теперь, конечно, никто уже изъ путниковъ не рѣшится приблизиться къ тебѣ, для всѣхъ будетъ подозрителенъ тотъ, кто былъ такъ жестокъ съ своимъ сыномъ. Какъ-то встрѣтитъ теперь тебя несчастная Сарра, наша госпожа, а твоя супруга и его мать, ожидающая возвращенія сына, освятившагося участіемъ въ жертвоприношеніи? Какъ ты думаешь, что испытаетъ она, увидѣвъ тебя одного безъ сына? Не упадетъ ли на землю въ глубокомъ горѣ? Не подвергнется ли опасности самая жизнь ея? Не потеряешь ли ты вмѣстѣ съ сыномъ и супругу? Итакъ, откуда-то тогда будешь ты ждать себѣ другого Исаака, когда самая почва окаменѣетъ подъ дыханіемъ смерти? Ужъ лучше бы совсѣмъ не разрѣшалось неплодство Сарры, чтобы тебѣ не называться ни отцомъ, ни дѣтоубійцей! Сколько времени пройдетъ прежде, чѣмъ покроется забвеніемъ твое сегодняшнее дѣло! Столько вѣковъ миновало, а позоръ братоубійства не разсѣялся, и Каинъ, надругавшійся надъ природой, до сихъ поръ внушаетъ отвращеніе. И хотя все происшедшее отъ него поколѣніе истреблено потопомъ, однако память братоубійства не смыло даже это множество водъ. А вѣдь дѣтоубійца гораздо преступнѣе братоубійцы, и настолько, насколько отецъ ближе брата. Итакъ, зачѣмъ, господинъ, на свою богоугодную и дивную жизнь навлекаешь безсмертный позоръ, котораго не могутъ изгладить ни вѣка, ни воды? Послушайся же насъ, освободи сына отъ узъ, брось ножъ, потушимъ огонь, раскидаемъ самый жертвенникъ: пусть не остается на землѣ ни малѣйшаго слѣда задуманнаго тобою дѣла. Если же тебя не трогаютъ всѣ наши увѣщанія и ты остаешься при своемъ намѣреніи послужить злому божеству, то объ одномъ просимъ тебя: убей прежде насъ, и мы съ удовольствіемъ примемъ смерть. Да, лучше намъ погибнуть здѣсь,

чѣмъ называться рабами дѣтоубійцы". При подобныхъ рѣчахъ и дѣйствіяхъ рабовъ какъ могъ бы праотецъ исполнить волю Божію? Какъ могъ предъ всѣмъ міромъ просіять его великій подвигъ боголюбія? Какъ воздвигся бы столь великій памятникъ вѣры? Какъ иначе научился бы міръ на дѣлѣ тому, что страхъ Божій нужно предпочитать любви къ дѣтямъ? Поэтому-то одинъ приступаетъ праотецъ къ жертвоприношенію, одинъ принося единороднаго, какъ образъ Единороднаго, единому Богу. Изъ моихъ словъ, возлюбленные, вы могли уразумѣть любовь праведника къ Богу; уразумѣйте же изъ дальнѣйшаго и неизреченное человѣколюбіе Божіе, уразумѣйте, какъ тѣ, которые для Бога презираютъ земное, и въ добродѣтеляхъ преуспѣваютъ, и временныхъ благъ не лишаются. Итакъ, Исаакъ лежалъ связанный, подставляя обнаженную шею ударамъ отцовской руки, и рука жреца уже была занесена для удара, какъ вдругъ раздается съ неба голосъ милости, какъ будто рука удерживаетъ руку и внезапное повелѣніе останавливаетъ готовность жреца. *Да не возложиши*, гласитъ, *руки твоея на отрочища* (Быт. XXII, 12). Я принимаю усердіе, не нужно самаго дѣла. Я не хотѣлъ убіенія твоего сына, Я хотѣлъ только предъ всѣмъ міромъ засвидѣтельствовать твою вѣру. И такъ какъ *не пощадилъ еси сына твоего возлюбленнаго Мене ради* (12 ст.), но, сколько отъ тебя зависѣло, ты погубилъ Исаака, оставивъ Сарру бездѣтной и утративъ надежду именоваться отцомъ, то вотъ отнынѣ за любовь твою ко Мнѣ Я дарую тебѣ сына здоровымъ, невредимымъ и долголѣтнимъ. Видя твое душевное расположеніе, Я считаю дѣло это совершившимся. А сверхъ того, Я вознагражу тебя, Мой рабъ, всѣми возможными благами и возвышу тебя почетнымъ именемъ, такъ какъ всякій праведникъ будетъ называть тебя своимъ отцомъ. Твой поступокъ породитъ тебѣ многихъ праведныхъ сыновъ, ты будешь именоваться отцомъ всѣхъ вѣрующихъ въ Меня; въ видѣ особенной награды, Я произведу тебѣ дѣтей изъ камней. Ты не пожалѣлъ одного сына и теперь будешь имѣть ихъ безчисленное множество, потому что Я сдѣлалъ тебя отцомъ многихъ народовъ. Вотъ что сдѣлалъ Богъ. Мы же всѣ, возлюбленные, послѣдуя въ любви къ Богу примѣру праотца нашего Авраама, вѣрѣ въ Бога не будемъ предпочитать никакихъ временныхъ благъ, ни отечества, ни племени, ни богатства, ни славы, ни любимаго ребенка, хотя бы онъ былъ даже единственнымъ,—чтобы, сдѣлавшись по вѣрѣ чадами праотца Авраама, намъ упокоиться 553.554
въ нѣдрахъ его вмѣстѣ съ Исаакомъ, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

НА СЛОВА АВРААМА,

гласящія: положи руку твою подъ стегно мое (Быт. XXIV, 2); и о различныхъ мученикахъ [1]).

1. Вмѣстѣ съ вами, христолюбивые, я удивлялся тому, какъ
553 новыя дѣла евангельской благодати предвозвѣщаются ветхимъ завѣтомъ; вмѣстѣ съ вами я просвѣщалъ свой умъ изслѣдованіемъ апостольской гармоніи, звучащей въ пророческихъ голосахъ. Признаю полученную отъ того пользу, чтобы воспользоваться и наградой. Удивительныя и таинственныя дѣла раскрываются въ ветхомъ завѣтѣ: Авраамъ требуетъ клятвы надъ стегномъ, и дѣйствительно, клятва совершается надъ стегномъ, а Творецъ неба и земли является свидѣтелемъ ея. Въ самомъ дѣлѣ, *положи*, говоритъ (праотецъ), *руку твою подъ стегно мое* и поклянись мнѣ [2]) Богомъ, сотворившимъ небо и землю (Быт. XXIV, 7). Здѣсь возникаетъ вопросъ. Если сѣменемъ называется Тотъ, Кто имѣлъ процвѣсти отъ чреслъ Іакова, согласно словамъ: *не оскудѣетъ князь отъ Іуды и вождь отъ чреслъ его* (Быт. XLIX, 10), то какое же отношеніе имѣетъ къ Спасителю настоящая клятва? Такъ какъ Исаакъ уже былъ рожденъ, значитъ, и сѣмя уже вышло, и когда произносилась клятва, тогда не могло уже быть и рѣчи о сѣмени Авраама. Авраамъ, дѣйствительно, имѣлъ въ себѣ спасительное сѣмя, о чемъ говоритъ Павелъ: *Аврааму речени быша (обѣты) и сѣмени его*; приводя эти слова и объясняя ихъ, онъ говоритъ въ посланіи къ Галатамъ: *не глаголетъ же: и сѣменемъ* твоимъ, *яко о многихъ, но яко о единомъ: и сѣмени твоему, иже есть Христосъ* (Галат. III, 16). Ясно, что сѣмя Авраамово есть Христосъ по плоти, и поэтому было вполнѣ справедливо клясться сѣменемъ. Недоумѣніе только въ томъ, что клятва была произнесена уже тогда, когда спасительный цвѣтъ изъ стегна вышелъ. Недоумѣніе это разрѣшается тѣмъ, что если однажды эта самая часть тѣла послужила посредникомъ и если въ ней именно обитало нѣкогда божественное сѣмя, то можно было и потомъ клясться ею какъ храмомъ. А кто клянется храмомъ, тотъ клянется живущимъ въ немъ. Кто подтверждаетъ это слово? Самъ Спаситель нашъ говоритъ фарисеямъ: *горе вамъ*, фарисеи *буіи и слѣпіи* [3]). *Яко глаголете иже аще кленется церковію ничесоже есть: а иже*

---

[1]) Въ бесѣдѣ идетъ рѣчь собственно о еретикахъ.

[2]) По Слав.: *закляну тя Господемъ Богомъ небеси и Богомъ земли.*

[3]) Въ слав.: *вожди слѣпіи глаголющіе*, а *буіи* и *слѣпіи*—читается дальше.

кленется златомъ церковнымъ, долженъ есть. И тотчасъ продолжаетъ: *буіи и слѣпіи, что бо болѣе есть, злато ли, или церковь, святящая злато?* Сего ради глаголю вамъ: *иже кленется церковію, кленется живущимъ въ ней* (Мѳ. xxiii, 16, 17, 21). Въ самомъ дѣлѣ, не такъ ли и царскій дворецъ? Послѣ того какъ онъ вмѣщалъ въ себѣ царя однажды, дважды или трижды, то хотя бы потомъ царь и не обиталъ въ немъ, однако самое мѣсто разъ навсегда остается освященнымъ вслѣдствіе того, что нѣкогда пребывалъ тамъ царь; такъ и тѣло патріарха вслѣдствіе того, что послужило однажды орудіемъ грядущаго искупленія, стало храмомъ обѣтованныхъ благодѣяній. Значитъ, клятва не была несправедливой, ея истинность засвидѣтельствована. Итакъ, заклинаетъ (Авраамъ своего раба) сѣменемъ и объясняетъ при этомъ
что это за сѣмя: *положи руку твою подъ стегно мое и* поклянись 554
Господемъ Богомъ небесе и земли. То есть, Спаситель нашъ есть Богъ неба и земли. Подобное выраженіе употреблено и у пророка Захаріи. Когда святому были различныя видѣнія и явленія, то между ними въ частности было и слѣдующее: *и возведохъ очи мои,* говоритъ пророкъ, *и видѣхъ и се свѣщникъ златъ весь и седмь свѣтильникъ верху его, и седмь чашицъ свѣтильникомъ верхнимъ его. И двѣ масличны верху его, едина одесную свѣтилища его, и едина ошуюю. И рѣхъ ко ангелу, глаголющему ко мнѣ: что суть сія, Господи* (Захар. iv, 2–4)? Такъ какъ видѣніе было такого рода, что требовало истолкованія, и смыслъ явленія заключался не въ немъ самомъ, но въ чемъ-то другомъ подразумѣваемомъ, то пророкъ и спрашиваетъ: *Господи, что суть сія?* Если бы этотъ вопросъ относился къ самому явленію, то онъ былъ бы неоснователенъ. Развѣ не знаешь, что такое свѣтильникъ и что такое маслина? Пророкъ и спрашиваетъ не о томъ, что онъ видѣлъ, но о томъ, что созерцалъ. *Что суть сія?* На это ангелъ отвѣчаетъ ему вопросомъ: *не разумѣеши ли, что суть сія? Ни, Господи* (ст. 4, 5). Онъ искренно сознается въ своемъ невѣдѣніи и получаетъ наставленіе въ истинѣ. Онъ—братъ того евнуха, котораго Филиппъ спрашивалъ: *убо разумѣеши ли, яже чтеши?* А тотъ чистосердечно отвѣчаетъ: *како убо, аще не кто наставитъ мя* (Дѣян. viii, 30, 31)? *Не разумѣеши ли, что суть сія?* И (пророкъ) отвѣчаетъ: *ни, Господи.* Что же означаютъ эти двѣ масличныя вѣтви—съ правой и съ лѣвой стороны свѣтильника? Вотъ что онѣ означаютъ, говоритъ онъ, объясняя масличныя вѣтви, а вмѣстѣ съ маслинами объясняя и то, что означаетъ свѣтильникъ. Будь внимательнѣе. Свѣтильникъ стоитъ, а предъ нимъ—вѣтви масличныя; ангелъ же въ своемъ объясненіи представляетъ вѣтви предстоящими не свѣтильнику, а Богу, значитъ свѣтильникъ есть образъ

Бога, или вѣрнѣе, Спасителя нашего и Его спасительнаго воплощенія. *Не вѣси ли, что суть сія? Ни, Господи. И рече: сіи два сынове тучности, яже предстоятъ Господеви всея земли* (Зах. IV, 13, 14),—не свѣтильнику, какъ было въ видѣніи, а *Господеви всея земли*. Семисвѣщнымъ изображается свѣтильникъ для означенія спасительнаго воплощенія Господня, потому что дѣйствительно свѣтильникомъ была владычняя плоть, просвѣщенная седмичисленными дарами Святаго Духа. *Изыдетъ*, говоритъ пророкъ Исаія, *жезлъ изъ корене Іессеова, и цвѣтъ отъ него взыдетъ и почіетъ на немъ Духъ Божій*. Какой? Многоразличный по своимъ дѣйствіямъ и обильный по природѣ. *Почіетъ Духъ Божій*. Здѣсь разумѣется существо, самый Духъ Святый, а далѣе говоритъ (пророкъ) о дарахъ Его: *Духъ премудрости и разума, Духъ совѣта и крѣпости, Духъ вѣдѣнія и благочестія, Духъ страха Божія* (Ис. XI, 3, 4). Вотъ эти-то семь даровъ Святаго Духа, почившихъ на божественной плоти Владыки, и были въ прообразѣ намѣчены семью свѣтильниками.
555

2. Почему же семь свѣтильниковъ? Для того, чтобы обозначить силу проявленій Св. Духа. Немного далѣе пророкъ Захарія говоритъ: *седмь сія очеса господня суть, прозирающая на всю землю* (Зах. IV, 10). Видишь, какъ истина сама себя раскрываетъ, не нуждаясь въ человѣческихъ мудрованіяхъ? Но сами *предстоятъ Господеви всея земли* (ст. 14). Захарія называетъ Спасителя Господомъ *всея земли* въ виду Его спасительнаго воплощенія. Петръ, глава апостоловъ, въ бесѣдѣ съ Корниліемъ говоритъ: мы знаемъ[1]) *глаголъ бывшій въ Іудеи, Іисуса, иже отъ Назарета, яко помаза его Богъ Духомъ Святымъ* (Дѣян. X, 37, 38). И опять онъ же: *глаголъ бывшій во всей Іудеи*, и: *слово, еже посла* Богъ *благовѣствуя миръ сыномъ Израилевымъ: сей есть всѣмъ Господь* (ст. 36). Пророкъ называетъ *Господомъ земли*, проповѣдникъ евангелія—Петръ—Господомъ *всѣхъ*: *Сей есть всѣмъ Господь*, всѣмъ— и небеснымъ, и земнымъ, и преисподнимъ, и видимымъ, и невидимымъ: *сей есть всѣмъ Господь*. Въ одинъ голосъ съ апостоломъ взываетъ и Іоаннъ, говоря: *грядый свыше надъ всѣми есть* (Іоан. III, 31). Здѣсь необходимо поставить вопросъ прямо и отразить суемудріе еретиковъ. Съ дурнымъ намѣреніемъ ухватившись за приведенное выше апостольское слово и понявъ его не благочестиво, но превратно и нечестиво, дѣти еретиковъ думаютъ, что въ награду за крестныя страданія пріобрѣлъ Спаситель достоинства быть выше всѣхъ, и что за эти страданія, за понесеніе креста Богъ превознесъ Его. Они слѣдуютъ апостольскому голосу, не уразу-

[1]) Въ Библіи: *вы вѣсте*.

мѣвъ его силы, остановились на словахъ апостола, не возвысившись до его созерцанія. Вотъ какъ они разсуждаютъ: *смирилъ* себе *даже до смерти, смерти же крестныя. Тѣмже и Богъ Его превознесе* (Фил. II, 8, 9),—вслѣдствіе страданій, въ награду за страданіе даровалъ Ему возвышеніе. Правильно говоришь ты, еретикъ: *и дарова Ему имя, еже паче всякаго имене: да о имени Іисусовѣ всяко колѣно поклонится, небесныхъ и земныхъ и преисподнихъ* (ст. 9, 10). Видишь, говоритъ, послѣ креста Онъ превознесенъ? Видишь, говоритъ, послѣ страданій Онъ удостоился возвышенія какъ награды? Итакъ, если послѣ креста онъ возвышенъ, какъ вы говорите, то почему Іоаннъ Креститель прежде страданій и прежде креста говорилъ: *грядый свыше надъ всѣми есть*, а не „становится" только? Потому же, почему и Іисусъ въ бесѣдѣ съ іудеями говорилъ: *аминь, аминь глаголю вамъ: прежде даже Авраамъ не бысть, азъ есмь* (Іоан. VIII, 58),—потому, что Онъ есть всегда, и былъ, и будетъ, и конца не имѣетъ. Впрочемъ, братіе, намъ нужно исполнить лежащій на насъ долгъ и подъ предлогомъ отступленій не отказываться отъ своихъ обѣщаній. Пусть проповѣдуется слава Христова и высота Отца; пусть проповѣдуется Духъ Святый; пусть возвышается Единородный; пусть прославляется Отецъ. Пусть никто не считаетъ превращеніемъ достоинства, если мы вспоминаемъ сначала Духа Святаго, затѣмъ Сына, и потомъ уже Отца; или сначала Сына, а потомъ Отца. (Въ Богѣ) нѣтъ порядка (лицъ), не потому, что Онъ безпорядоченъ, но потому, что стоитъ выше всякаго порядка. Какъ Богъ не есть (тотъ или другой) образъ, не потому, что Онъ безобразенъ, но потому, что неизобразимъ, и какъ Богъ не имѣетъ формы не потому, что безформенъ, но потому, что безтѣлесенъ, такъ точно божественная природа не знаетъ порядка, не потому, что безпорядочна, но потому, что превосходитъ всякій порядокъ. Я называю Отца первымъ, не какъ перваго по порядку, но какъ перваго для нашей жизни, такъ какъ Онъ Родитель Единороднаго, такъ какъ Онъ корень святого плода, такъ какъ Онъ Свѣтъ вѣчный, порождающій Свѣтъ. Конечно, братъ мой, если бы кто изъ окружающихъ насъ попытался сегодня въ церкви, среди православнаго собранія, среди народа, исполненнаго всякаго праваго ученія, поставить Сына впереди Отца, Онъ былъ бы осмѣянъ самими православными. Въ самомъ дѣлѣ, если бы кто дерзнулъ сказать въ церкви: „Христосъ васъ благословитъ и Отецъ", развѣ не сочли бы его непослѣдовательнымъ за то, что онъ не указалъ сначала корня и тогда уже присоединилъ плодъ? Развѣ, если бы кто сказалъ, что Сынъ васъ спасетъ и Отецъ, это не было бы понято какъ смѣшеніе и нарушеніе порядка? Но это такъ было бы сочтено

несвѣдущими судьями; по суду же истины и апостольскому по-
556 бѣдоносному рѣшенію безразлично и Сына вспоминать прежде Отца и Духа. Послушай, что Павелъ, великій проповѣдникъ, пишетъ Ѳессалоникійцамъ: *самъ же Господь нашъ Іисусъ Христосъ и Богъ и Отецъ нашъ* (2 Сол. II, 16) *освятитъ васъ* (1 Сол. V, 23). Сначала Сынъ,—и это говоритъ душа, исполненная святого свѣта. Такъ какъ нѣтъ подчиненія въ святой природѣ, но что бы ни поставилъ первымъ, равночестность соблюдается, и второе не унижается, и третье не оскорбляется, то апостолъ и произноситъ имена безразлично, зная, что природа нераздѣлима и царство неразлучимо. Спросимъ же Павла, на какомъ основаніи онъ такъ богословствуетъ, такъ славословитъ и ставитъ Сына впереди Отца, не по порядку, не по силѣ, но на словахъ. Почему сначала онъ вспомнилъ Сына, а потомъ Отца. Пусть говоритъ Павелъ въ свое оправданіе и въ назиданіе Церкви. „Я ничего не говорю отъ себя, Христосъ чрезъ меня изрекаетъ свои догматы: *понеже искушенія ищете глаголющаго во мнѣ Христа* (2 Кор. XIII, 3). Христосъ говоритъ чрезъ меня, не требуй оправданія владычняго гласа, не придирайся. Но ты не можешь представить себѣ, чтобы Христосъ могъ такъ говорить чрезъ меня? Послушай же, какъ Онъ самъ собственными устами говоритъ о Себѣ. Вѣдь если бы имена Святой Троицы подлежали порядку и названное первымъ было бы первымъ и по силѣ, второе—являлось бы вторымъ въ силу подчиненія, а третье—было бы третьимъ какъ болѣе слабое, то Спаситель—сама Истина, конечно, не нарушилъ бы въ Своемъ словѣ истины. Какъ же, въ такомъ случаѣ, Спаситель вспоминаетъ сначала о Себѣ, а потомъ уже объ Отцѣ? *Аще кто*, говоритъ Онъ, *заповѣди Моя соблюдаетъ, Азъ и Отецъ пріидемъ, и обитель у него сотворимъ* (Іоан. XIV, 23). Такъ какъ Отецъ въ обычномъ порядкѣ предшествуетъ Сыну, говорятъ дѣти еретиковъ, и на этомъ основаніи хотятъ представить Сына по отношенію къ Отцу въ положеніи намѣстника царскаго, то нужно спросить ихъ: осмѣлится ли намѣстникъ подобнымъ образомъ выразиться о царѣ: я и царь приказываемъ“?

3. Отъ того, что бываетъ среди насъ, перенесись мыслью къ тому, что выше насъ. Можетъ ли созданіе поставить себя выше Создателя? Сотворенное существо, какъ вы говорите, дерзнуло ли бы сказать, сопричисляя себя къ Тому, Кто несравнимо выше его: *пріидемъ, и обитель у него сотворимъ*? Потому-то, съ одной стороны, Онъ показалъ различіе именъ: *Азъ и Отецъ*, а съ другой равночестность дѣйствія. Такъ и въ другой разъ, когда апостолъ Филиппъ говорилъ: *Господи, покажи намъ Отца, и довлѣетъ намъ* (Іоан. XIV, 8), Спаситель отвѣчаетъ: *толико время съ вами есмь, и*

не познал ecu Мене, Филиппе (ст. 9). Отвѣтъ идетъ въ разрѣзъ съ вопросомъ. Вѣдь не о Тебѣ я спрашивалъ? Я сказалъ: *покажи намъ Отца,* а Онъ говоритъ: *толико время съ вами есть, и не позналъ еси Мене, Филиппе.* Если неподобенъ (Сынъ Отцу), то какъ въ неподобномъ обнаруживается Отецъ? Какъ въ маломъ усматривается великій? Какъ чрезъ болѣе слабаго (познается) высшій по достоинству? Какъ чрезъ служителя Творецъ? *Толико время съ вами есмь.* Не сказалъ: *съ вами* есть Отецъ, но: *есмь.* Значитъ, когда я присутствую, то и Отецъ. *Толико время съ вами есмь, и не позналъ еси Мене, Филиппе.* Хорошо сказано: *не позналъ еси Мене.* Тотъ говоритъ: *покажи*, а Спаситель отвѣчаетъ: *не позналъ еси Мене,* желая показать, что Богъ постигается не видѣніемъ, а разумѣніемъ. *Не вѣруеши ли, яко Азъ во Отцѣ?* Опять: *Азъ*, и тогда уже Отецъ. *Азъ во Отцѣ, и Отецъ во Мнѣ* (ст. 10). *И како ты глаголеши: покажи намъ Отца*, вмѣсто того, чтобы сказать: какъ же ты ожидалъ увидѣть другого? *Азъ во Отцѣ, и Отецъ во Мнѣ.* Сынъ познается въ Отцѣ, и Отецъ въ Сынѣ. *Како ты глаголеши: покажи намъ*, какъ бы желая видѣть другого—помимо Меня—Отца? *Азъ во Отцѣ, и Отецъ во Мнѣ*, не въ силу смѣшенія природы и не такъ, какъ будто сосудъ вложенъ въ сосудъ. Не сочетаніе тѣлесное разумѣетъ Онъ, но мысленное созерцаніе. *Азъ во Отцѣ*, потому что отецъ безъ сына не познается, *и Отецъ во мнѣ*, потому что сынъ безъ отца не является: точно такъ умъ познается въ словѣ и слово въ умѣ. Откуда могу я узнать твою мысль, если не изъ того, что ты говоришь? Твое слово служитъ обнаруженіемъ твоего ума, а твой умъ съ своей стороны является истолкователемъ твоего слова. Нельзя познать слова, не уразумѣвши мысли, ни усвоить мысли, когда слово остается неизъясненнымъ. Поэтому евангелистъ и говоритъ: *въ началѣ бѣ слово* (Іоан. I, 1), чтобы показать Его безстрастное рож- 557
деніе. Именно чѣмъ слово является по отношенію къ уму, тѣмъ Единородный Богъ—Слово является къ Своему Отцу. Удивительное дѣло,—я припоминаю нѣчто изъ сказаннаго раньше,—у насъ была раньше рѣчь о томъ, какъ по окружающему насъ можно познавать то, что выше насъ,—слово наше внутри насъ пребываетъ вмѣстѣ съ породившимъ его умомъ. Развѣ невидимое вмѣстѣ съ видимымъ? Невидимое съ невидимымъ, духовное съ духовнымъ, безтѣлесное съ безтѣлеснымъ. Когда исходитъ слово, оно является на устахъ, здѣсь облекается въ звукъ голоса, не отъ иной природы заимствуя эту внѣшнюю оболочку, но само изъ себя создавая реченія. И будучи невидимымъ по природѣ вмѣстѣ съ отцомъ своимъ, т. е. умомъ, оно является внѣ, облекшись въ звукъ, и то, что до этого момента было неизвѣстнымъ,

дѣлается извѣстнымъ всѣмъ. Затѣмъ, выйдя, оно все наполняетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не разрываетъ связи съ породившимъ его умомъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто изъ людей, послѣ того, какъ скажетъ слово и научитъ другихъ, остается лишеннымъ слова? Неужели, если я издамъ какой-либо звукъ и онъ будетъ воспринятъ слухомъ другихъ, мой умъ отъ того опустѣетъ? Неужели слово мое не вышло вовнѣ и не осталось въ то же время внутри меня? Не достигло ли оно слуха тысячи людей и въ то же время не разсталось съ породившимъ его умомъ? Итакъ, человѣческое слово, будучи посылаемо породившимъ его умомъ, и вовнѣ является, и родителя своего не оставляетъ; а Богъ Слово, ради насъ явившись въ міръ, оставилъ отеческія нѣдра пустыми? Ни въ какомъ случаѣ, конечно, но то и удивительно, что безчисленное множество слышитъ само единое Слово Божіе и Оно не раздѣляется на столько мѣстъ, но все для каждаго изъ насъ слушающихъ, все для всѣхъ. И если Отецъ породилъ Сына посредствомъ истеченія и отдѣленія, и такимъ образомъ, раздѣлился и разъединился, какъ они говорятъ, то вотъ самъ Спаситель пусть скажетъ имъ: *испытайте Писанія* (Іоан. v, 39). *Испытайте*, а не искажайте. Испытайте,—не просто прочитывая, но изслѣдуя глубины его мыслей. Богъ далъ Писанія, однако ихъ внутренняго смысла не обнажилъ, но предоставилъ это твоимъ усиліямъ, чтобы испытать твою добросовѣстность и увидѣть твое усердіе, чтобы увидѣть, будешь ли ты служить писаніямъ или будешь ихъ насиловать. Вѣдь, какъ природу вещей Богъ предуставилъ, а искусства скрылъ, и всѣ вещи получили свое бытіе отъ Бога, а искусства имѣютъ своимъ источникомъ человѣческую мысль, такъ и относительно Писаній. Скажу яснѣе. Богъ сотворилъ камни, Онъ далъ намъ самую природу камней, но не готовыя зданія; далъ грозды винограда, но не вино; далъ шерсть, но не платье; далъ землю золотоносную, но не самое золото. Почему? Послѣ того, какъ Онъ создалъ человѣка по образу Божію, Онъ раздѣляетъ съ нимъ свою творческую силу: Самъ созидаетъ, и тому предоставляетъ возможность явиться создателемъ въ области искусства. Послѣ того, какъ Онъ сотворилъ человѣка, Онъ раздѣляетъ съ нимъ достоинство Творца. Самъ творитъ какъ Творецъ и какъ Богъ, приводя все изъ небытія къ бытію; а образу Своему предоставляетъ украшать созданное. Представь себѣ положеніе того человѣка, который первый соорудилъ плугъ: какъ придумалъ онъ разсѣкать дерево, вставлять внутрь его желѣзо, скрѣплять связками, изобрѣсти ярмо, выпрямить дышло, свести вмѣстѣ воловъ? Дерево было, желѣзо было, но искусства не было. Кто научилъ тебя, о, человѣкъ, соорудить такимъ образомъ

плугъ? Кто натолкнулъ тебя размягчить огнемъ природную твердость (желѣза)? Кто показалъ тебѣ способъ обработки такой массы въ столь тонкое лезвіе? Кто внушилъ тебѣ мысль изъ камней устроять двери, откуда ты научился воздвигать крышу, скажи мнѣ, о, человѣкъ? По своему невѣдѣнію, отвѣчаетъ, ты слишкомъ удивляешься. Ты видишь образъ Божій и спрашиваешь объ ученіи? Именно какъ образъ Божій, человѣкъ, во всемъ подражая своему Владыкѣ, украшаетъ природу при помощи искусства. Но пока соблюдается въ этомъ мѣра, все хорошо, когда же мѣра преступается, тогда послѣдствія бываютъ дурныя. Например ъ, человѣкъ достигъ умѣнья приручать коня, быка и верблюда, и сколько другихъ животныхъ дано на служеніе ему; но отъ жадности онъ придумалъ еще устраивать противоестественныя помѣси. Онъ вывелъ помѣсь осла съ конемъ, что не угодно Богу, изначала сказавшему: *да изведетъ земля четвероногая и гады по роду* (Быт. I, 24). Жадность производитъ смѣшеніе, необычное природѣ. Богъ же, наказывая такую неумѣренность, сдѣлалъ эту выдумку безплодной. Потому-то лошакъ и не рождаетъ, что онъ не былъ въ числѣ тѣхъ, къ которымъ было 558
обращено творческое слово: *множитеся и наполните землю* (Быт. I, 28). Однако, прежде чѣмъ сдѣлать это, Господь позволилъ образу Своему дѣлать то, что онъ хочетъ, чтобы онъ могъ проявить свою силу, и тогда уже неумѣренное пользованіе ею обуздываетъ.

4. Съ другой стороны, неумѣренная страсть побуждаетъ человѣка воспроизводить образъ человѣка, подражая, говорятъ, Богу въ его творчествѣ; и вотъ онъ создаетъ тѣлесный образъ, старается одолѣть природу силою, а такъ какъ извѣстно, что Богъ сотворилъ человѣка изъ земли и создалъ, то искусство, не въ состояніи будучи подражать своему Владыкѣ по существу, пускается на всякія выдумки для достиженія невозможнаго, собираетъ корни, добываетъ краски, и воспроизводитъ глазъ смотрящій, но не видящій, хотя и открытый, уши раскрытыя, но не слышащія, носъ расположенный прямо, но не обладающій способностью обонять, уста, сложенныя правильно, но лишенныя звука, ноги, прекрасно изображенныя, но не имѣющія способности къ бѣгу,—чтобы показать, что все это позволено образу только для того, чтобы была показана сила Божія. Достигнуть полнаго воспроизведенія природы Господь человѣку не дозволилъ, чтобы, возгордившись такимъ успѣхомъ въ творчествѣ, онъ не повредилъ себѣ и своему спасенію. Но самое стремленіе художниковъ творить средствами, заимствуемыми отъ земли, допускается Господомъ, чтобы посрамить тѣхъ, которые отрицаютъ, что изъ

земли создалъ Богъ и самого человѣка. Да, искусство подражало Творцу. Случалось, что тѣло было поранено желѣзомъ, напримѣръ, отсѣчена желѣзомъ какая-нибудь часть тѣла; нужно было восполнить этотъ изъянъ, нужно было возстановить утраченное тѣло; но—нѣтъ Создателя, чтобы содать тѣло. Что же тогда? Искусство образа, подражая Владыкѣ природы, обращается къ землѣ, изъ которой (создано) тѣло, приготовляетъ лѣкарства, налагаетъ пластырь, и одно очищаетъ, другое врачуетъ. И вотъ что удивительно: Богъ наблюдаетъ за этимъ какъ отецъ и наставникъ, слѣдя за тѣмъ, что далаетъ его образъ. И какъ отецъ спрашиваетъ своего сына, что означаетъ такая-то его мысль, не для того, чтобы научиться, но для того, чтобы испытать, такъ всегда Источникъ благъ, воспитывая свой образъ, предлагаетъ ему вопросы. Привелъ Онъ къ Адаму животныхъ безсловесныхъ, птицъ, видѣть какъ назоветъ ихъ (Быт. II, 19), не для того, чтобы узнать Тому, Кто все предвидитъ, но чтобы испытать образъ Свой въ его способности къ мышленію. Явилось искусство строить дома, развилось строительное дѣло, плаваніе, кованіе мѣди, наблюденіе звѣздъ, не суетное, но то, которое изучало ихъ положеніе, которое помогало плаванію, замѣчая восходъ звѣздъ и опредѣляя время благопріятное для плаванія, не то, которое гадаетъ о рожденіи и баснословитъ о судьбѣ людей, но то, которое послѣдуетъ голосу Владыки: *сотворимъ* [1]) *свѣтила на тверди небесній, и да будутъ въ знаменія и во времена и во дни* (Быт. I, 14). Пришелъ образъ и изслѣдуетъ природу; ищетъ растенія и находитъ; отыскиваетъ корни и извлекаетъ ихъ, является изобрѣтателемъ всего и художникомъ во всемъ. Но чтобы не подумалъ, что онъ достигъ всего этого своими собственными силами, а не благодаря Тому, Кто вложилъ въ его природу присущія ей силы, показываетъ однимъ словомъ, что во всемъ этомъ учителемъ людей является Богъ. Выступаетъ блаженный Соломонъ со словами: *сей бо даде мнѣ о сущихъ познаніе неложное, познати составленіе міра и дѣйствіе стихій, начало и конецъ и средину временъ, лѣтъ круги и звѣздъ расположеніе, естество животныхъ и гнѣвъ звѣрей, разнство лѣтораслемъ и силы кореній. И елика суть скрыта и явна познахъ* азъ человѣкъ. А способъ, какимъ позналъ? *Всѣхъ бо художница научи мя премудрость* (Прем. Сол. VII, 17—21). Онъ научилъ меня мѣрамъ, а не безмѣрію. Смотри, какъ во многія крайности впало человѣческое искусство, хотя человѣкъ и былъ образомъ Божіимъ. Онъ уразумѣлъ, какъ устроенъ органъ голоса и, уразумѣвши природу, подражалъ ей при помощи искус-

---

[1]) Въ Слав. Библіи: *да будутъ*.

ства. Онъ уразумѣлъ природу этого органа, этого многосложнаго органа, составленнаго изъ многихъ свирѣлей. И смотри, что дѣлаетъ, какъ искусство вступаетъ въ состязаніе съ самой природой. Онъ придумалъ мѣхи, не свое собственное дыханіе испускающіе, но надуваемые и сохраняющіе чужое дыханіе. Потомъ, изъ этихъ двухъ мѣховъ посредствомъ канала, посылая воздухъ во всѣ отдѣльныя трубочки, онъ въ тоже время придумалъ приспособленіе, что воздухъ можетъ проходить, а звука не будетъ, пока палецъ не откроетъ выходъ звуку. И откуда это, о, человѣкъ? Откуда ты приготовилъ это орудіе и хранилище духа? Почему текущій воздухъ не даетъ звука въ открытыхъ трубахъ? Ты, отвѣчаетъ онъ, 559
слишкомъ удивляешься—по невѣдѣнію. Я сказалъ уже: я образъ, я разсмотрѣлъ свою природу и подражалъ самому себѣ. Какъ ты подражалъ самому себѣ? Я наблюдалъ въ самомъ себѣ это накопленіе воздуха: вѣдь грудь, постоянно поднимаясь и опускаясь, принимаетъ въ себя притокъ воздуха. Я вижу двѣ артеріи, посылающія воздухъ проходить устами какъ бы однимъ каналомъ. Вижу, что воздухъ проходитъ, а слова не рождается, если языкъ не содѣйствуетъ образованію звука. Я наблюдалъ самого себя, поревновалъ самому себѣ, на самомъ себѣ уразумѣлъ искусство Владыки, какъ говоритъ Давидъ: *удивися разумъ твой отъ мене* (Пс. CXXXVIII, 6). Я наблюдалъ самого себя и восхвалялъ Творца, я подражалъ своему Владыкѣ, въ искусствѣ я воспроизводилъ природу. И этотъ инструментъ—самъ по себѣ не дуренъ, если только не дѣлается орудіемъ постыдныхъ пѣсенъ, именно какъ изначала говорилось о духахъ: они не были злыми; если бы впослѣдствіи отъ неумѣренности не возгордились, а если бы оставались святыми какъ изначала, то не были бы низвергнуты. Поэтому и Давидъ говоритъ: *хвалите Его во псалтири и гуслехъ, хвалите Его на струнахъ и органѣ, хвалите Его въ кимвалѣхъ доброгласныхъ, хвалите Его въ кимвалѣхъ восклицанія, хвалите Его въ тимпанѣ и лицѣ* (Пс. CL, 4, 5). Итакъ, о, если бы изобрѣтенія не были обращаемы на удовольствія и невоздержность, если бы они не служили къ прославленію идоловъ! Что ни изобрѣло бы искусство, если плоды изобрѣтенія ты приносишь Богу, оно никогда не будетъ осуждено, если содѣйствуетъ познанію Владыки. Не подвергались порицанію гусли, когда на нихъ прославлялся Творецъ. Такъ, блаженный Давидъ, устроивъ гусли, не оскверняль ихъ дурными пѣснями, но воспѣвалъ на нихъ священныя слова—и его гусли и отъ Бога получили освященіе, и демоновъ обращали въ бѣгство. Въ самомъ дѣлѣ, когда злой духъ нападалъ на царя Саула, мучилъ его и угнеталъ, тотчасъ, говоритъ (Свящ. Писаніе), блаж. Давидъ

ударялъ въ гусли, и Саулу дѣлалось лучше, онъ получалъ облегченіе. Видишь, какъ всякое искусство, если оно обращено на угодное Богу, ни въ какомъ случаѣ не будетъ дурнымъ? Но все ли у насъ бываетъ согласно съ этимъ намѣреніемъ?

5. Но какая цѣль увлекла насъ отъ богословія къ искусству и подражанію образу? Желаніе обратить противъ еретиковъ голосъ Владыки. Какой? *Лицемѣры, лице небу и земли вѣсте искушати* (Лук. XII, 56); вы придумали искусства, сдѣлали много изобрѣтеній, а Владыку всѣхъ и художника оскорбляете? Въ своемъ искусствѣ ты подражаешь Владыкѣ и заявляешь себя одинаковымъ съ Нимъ по образу и подобію, а Меня, Создателя, проповѣдуешь неподобнымъ Родившемуся. Я освободилъ васъ отъ подчиненія грѣху, а вы Меня, Владыку всѣхъ, ставите въ рядъ подчиненныхъ существъ. Да, говорятъ, и написано, что *и Сынъ покорится* (1 Кор. XV, 28). Дѣйствительно, сказано это, но сообразно съ могуществомъ Божіимъ. И это не наши слова, а проповѣдь Божія. Сейчасъ я послѣдую за этими словами, чтобы дать слушателямъ возможность оцѣнить сказанное. Итакъ, въ будущемъ томъ твореніи, воскресеніи, тогда *покорится* Сынъ? Но вѣдь ты будешь тогда равнымъ ангеламъ! *Въ воскресеніе бо* мертвыхъ, говоритъ Спаситель, *ни женятся, ни посягаютъ, но яко ангелы Божіи суть* (Мѳ. XXII, 30). Ты возвысишься тогда надъ своимъ настоящимъ состояніемъ, а Сынъ отъ владычества перейдетъ къ подчиненію? Не слышалъ развѣ ты словъ Павла: *суетѣ бо тварь повинуся, яко и сама тварь совоздыхаетъ и сболѣзнуетъ даже до нынѣ* (Римл. VIII, 20, 21, 22)? *Тварь*—небо, земля и все остальное. *Суетѣ бо тварь повинуся не волею.* Какой суетѣ? Человѣческой. Почему суетою называетъ человѣка? Потому, что онъ извратилъ образъ (Божій) уподобленіемъ безсловеснымъ. *Суета суетствій, всяческая суета* (Еккл. I, 2). И Давидъ: *обаче всяческая суета всякъ человѣкъ живый* (Пс. XXXVIII, 6). Итакъ, этой суетѣ, человѣку развращенному, подчинена тварь. Какъ подчинена? Солнце сіяетъ для недостойныхъ, источники даютъ влагу для неблагодарныхъ, земля даетъ плоды свои нечестивымъ. *Суетѣ бо тварь повинуся не волею.* Значитъ, если бы отъ нея зависѣло, она не подчинилась бы добровольно недостойнымъ, и только по волѣ подчинившаго ее она оказываетъ подчиненіе. Съ какою цѣлью? Съ надеждой. Съ какой надеждой? *Яко и сама тварь* (это говоритъ Павелъ) *свободится отъ работы истлѣнія во свободу славы чадъ Божіихъ* (Римл. VIII, 21). Тварь тогда освободится, а Сынъ поработится? *Испытайте писанія*
560 (Іоан. V, 39), не клевещите; испытайте, а не предавайтесь суетѣ; испытайте съ вѣрою, а не съ предубѣжденіемъ. Откуда ты на-

учился говорить: рожденъ сущимъ или несущимъ? Откуда ты научился говорить: родить и создать для Бога одно и тоже? Петръ научилъ тебя этому? Павелъ заповѣдалъ? Но намъ, говоришь ты, такъ предалъ Спаситель. Читай Писаніе, устыдись закона. Впрочемъ, и въ томъ, что говоритъ (еретикъ), онъ не остается вѣрнымъ себѣ. Когда онъ спрашиваетъ: „сущимъ или несущимъ рожденъ Сынъ?“—онъ лжетъ. Онъ изслѣдуетъ то, во что не вѣритъ. Сначала исповѣдуй, что рожденъ, и тогда уже спрашивай—сущимъ или несущимъ. Дѣло отрицаетъ, а о словахъ состязается? Кому отказываешь въ существованіи, зачѣмъ допытываешься о Немъ: сущимъ или несущимъ Онъ рожденъ? Допусти прежде, что Онъ рожденъ, установи твердо, что Онъ рожденъ, и тогда изслѣдуй. Ты отрицаешь существо дѣла, а изслѣдуешь слова? Создать и родить одно и тоже? Откуда Сынъ? Положимъ, спроситъ кто-нибудь изъ нихъ. Вѣдь если сразу не ясны отношенія двухъ предметовъ и не установлено согласіе мысли, я не могъ бы сказать даже, что видѣть и смотрѣть одно и тоже, хотя, конечно, это одно и тоже. Если же я скажу: видѣть и слышать одно и тоже, то на первый взглядъ я говорю о различномъ, однако не столько относительно зрѣнія, сколько относительно слуха это вѣрно, такъ какъ у Бога то и другое одно и тоже. Откуда ты знаешь, что создать и родить одно и тоже? Вѣдь если Онъ и родилъ и создалъ, то ты говоришь хорошо, но если Онъ никогда не родилъ, какъ ты полагаешь, но создалъ, то какъ можно говорить, что родить и создать одно и тоже? Суесловіе, слова пустыя,—истина въ дѣлѣ. Почему же созданіе и рожденіе сдѣлались предметомъ споровъ? Богъ, говорятъ, есть существо простое, а не такъ, какъ мы: мы отчасти рождаемъ, отчасти создаемъ; напримѣръ, посредствомъ дѣтородныхъ органовъ мы рождаемъ, а руками создаемъ. Но не такъ, говорятъ, Богъ; Онъ есть существо простое и не имѣетъ членовъ, а какимъ образомъ рождаетъ, тѣмъ же самымъ и творитъ. Такъ какъ ты соблазняешься о невидимомъ, подъ вліяніемъ неумѣстныхъ и суетныхъ умствованій, то пусть одно изъ видимыхъ явленій убѣдитъ тебя, насколько несостоятельно предположеніе, что то, что однимъ и тѣмъ же способомъ произошло, должно имѣть одно и то же значеніе. Вотъ моя рука, видишь ее, и отъ того, что ты видишь, получи доказательство по отношенію къ невидимому. Эта рука, будучи одна сама по себѣ и дѣлая различное, не можетъ все, что она дѣлаетъ, подвести подъ одну категорію. Напр., одною и тою же рукою я творю и разрушаю; значитъ, если одной и тойже свойственно и созидать и разрушать, такъ развѣ это одно и тоже? Конечно, не одно и тоже. Такъ какъ говорятъ, что мы иначе рождаемъ и иначе

дѣлаемъ, то говорю и я: однимъ и тѣмъ же способомъ, одною и тою же рукою я созидаю и разрушаю, и бью и врачую. Значитъ, ударять и врачевать—это одно и тоже? Одною и тою же рукою я толкаю стоящаго и поднимаю упавшаго; одною и тою же рукой я подаю голосъ за осужденіе и за оправданіе. Значитъ, осуждать и оправдывать одно и тоже? Развѣ всѣ эти заключенія не безумны? Развѣ это не басни и нелѣпости? Развѣ не огорчена этимъ душа Павла? Развѣ не негодуетъ Петръ, когда такими словами искажается божественное ученіе? Ты отрекся отъ Христа и занимаешься чуждымъ ученіемъ. Развѣ ты не слышалъ словъ Господа: *иже аще постыдится Мене и Моихъ словесъ* (Мрк. VIII, 38)? Часто многіе исповѣдуютъ Христа, а Его словъ стыдятся. Исповѣдуетъ Христа еретикъ, но заходитъ рѣчь объ Отцѣ и Сынѣ, онъ стыдится этихъ словъ и говоритъ: вѣдь родилъ безстрастный? Значитъ (родилъ) въ смыслѣ истеченія, въ смыслѣ творенія.

6. Видишь, что ты стыдишься словъ? Такъ всегда они охотятся за словами, а существомъ дѣла пренебрегаютъ: все объято суетой! Я не разъ говорилъ, что таковы основныя начала еретиковъ, и источникъ ихъ очевиденъ. Церковь содержитъ (говорятъ они) еретическое ученіе. Скажи, кто руководитель изложеннаго выше ученія? Кто виновникъ этой нашей, какъ ты называешь, ереси? Отъ начала (вѣры) такъ проповѣдывали апостолы; послѣ апостоловъ соборъ, бывшій въ Никеѣ, утвердилъ. И чтобы было показано, что это вѣра вселенной, изъ такого множества собравшихся разногласили только семеро, которые и были отвергнуты. Вся вселенная была согласна, такъ какъ имѣла апостольскую закваску. И вотъ что удивительно: новый завѣтъ по божественному устроенію подражалъ ветхому. Когда цари ассирійскіе (месопотамскіе) сдѣлали нашествіе на Палестину, Авраамъ вышелъ противъ иноплеменниковъ, противъ пяти царей выступилъ одинъ вѣрный. И сколько народу онъ выставилъ противъ нихъ? Рабовъ, рожденныхъ въ его домѣ, триста восемнадцать. Сколькихъ
561 Авраамъ вооружилъ противъ иноплеменниковъ, столькихъ же Христосъ воздвигъ противъ ересей, сколько Авраамъ выставилъ противъ иноплеменниковъ, или лучше сказать сколькихъ взялъ себѣ въ сподвижники, столькихъ Христосъ вооружилъ вмѣстѣ съ Собою противъ ересей. Триста восемнадцать епископовъ въ Никеѣ, и у Авраама триста восемнадцать рабовъ, рожденныхъ въ его домѣ. Почему сказалъ о рожденныхъ въ домѣ? Потому что онъ имѣлъ и купленныхъ на деньги, но хотѣлъ показать ядро своего дома. И теперь Христосъ воздвигъ не всѣхъ вообще, но рожденныхъ дома, проповѣдающихъ, что Сущій рож-

денъ отъ Сущаго, Живой отъ Живого, Свѣтъ отъ Свѣта. Зачѣмъ ты говоришь о свѣтѣ и свѣтѣ? Какое различіе между жизнью и жизнью? Какая разница? Удивительно и то, что Отецъ названъ (просто) свѣтомъ, а Сынъ — съ прибавкою члена. Іоаннъ говоритъ: *Богъ свѣтъ есть* (ὁ Θεὸς φῶς ἐστι) (1 Іоан. I, 5), а о Сынѣ: *бѣ свѣтъ истинный* (τὸ φῶς τὸ ἀληθινόν). Отецъ наименованъ свѣтомъ въ отвлеченномъ смыслѣ. Такъ какъ противъ божества Отца еретическая дерзость не осмѣливается возставать, хотя ея дерзости противъ Христа являются большимъ оскорбленіемъ и для Отца, то относительно того, что всѣми признается единогласно, Писаніе ограничивается простымъ словомъ, а то, что возбуждаетъ сомнѣніе, оно подтверждаетъ съ особою силой. Отецъ называется свѣтомъ — безъ всякаго прибавленія, потому что Онъ достаточно проповѣданъ, чтобы быть извѣстнымъ. И Сынъ называется свѣтомъ, но чтобы кто не сказалъ, что тотъ свѣтъ духовный, а этотъ поддѣльный, прибавлено: *свѣтъ истинный*. Далѣе, чтобы кто не сказалъ, что какъ солнце— свѣтило, такъ и луна — свѣтило, но одно—свѣтило великое, а другое — свѣтило малое, точно такъ и Отецъ свѣтъ, но свѣтъ великій, и Сынъ свѣтъ, но малый, чтобы не сказалъ кто этого, Исаія предупреждаетъ: *земля Завулоня, и земля Нефѳалимля, путь моря обонъполъ Іордана, Галилеа языкъ, людіе сѣдящіи во тьмѣ видѣша свѣтъ велій* (Мѳ. IV, 15, ср. Ис. XI, 12). Если Богъ свѣтъ, и свѣтъ великій, то и Богъ великъ. Если Богъ свѣтъ, какъ написано у Іоанна, что *Богъ свѣтъ есть* (1 Іоан. I, 5), если Богъ свѣтъ великій, то и Богъ великъ. Конечно, великъ Родившій и великъ Рожденный; великъ корень, великъ и плодъ; великъ свѣтъ, велико и сіяніе. Я не знаю великаго и малаго, но знаю великаго единаго Бога, Троицу. Великъ Богъ: *Богъ великій, вѣчный*, говоритъ Исаія; и Павелъ: *ждуще блаженнаго упованія, и явленія славы великаго Бога и Спаса нашего Іисуса Христа* (1 Тим. II, 13). Великъ Богъ, великъ Господь, какъ говоритъ Давидъ: *велій Господь нашъ и велія крѣпость Его* (Пс. CXLVI, 5). Такъ какъ крѣпость и сила одно и тоже (вѣдь Христосъ есть Божія сила), то словами: *велій Господь нашъ* онъ какъ будто хотѣлъ сказать: великъ Отецъ, велика и сила Его. *Велій Господь нашъ и велія крѣпость Его. Велія крѣпость* —Сынъ, но и Духъ — святая великая сила, какъ говоритъ Спаситель апостоламъ: *вы же сѣдите во градѣ Іерусалимстѣ, дондеже облечетеся силою свыше* (Лук. XXIV, 49). Но смотри, какъ они препираются объ этой силѣ. Да, говорятъ, сила, какъ имѣющая обѣтованіе богатства. Духъ не названъ, говорятъ, Богомъ, но залогомъ Божіимъ; а какъ, послушай: залогъ—часть дара, не весь

даръ въ цѣлости, но часть цѣлаго. Написано, вѣдь, говорятъ, объ апостолахъ: *знаменастеся Духомъ обѣтованія святымъ, иже есть обрученіе наслѣдіе нашего* (Ефес. I, 13, 14). Вотъ, говорятъ, Онъ—даръ Божій, а не Богъ. Значитъ, какъ даръ и обрученіе, Онъ есть только часть цѣлаго. А что если увидишь, что и Богъ называется частью, а не цѣлымъ, и даромъ, но не полнымъ? Вѣдь сказано: *обрученіе наслѣдія*. Что значитъ обрученіе? Что значитъ наслѣдіе? Что значитъ обрученіе наслѣдія? Наслѣдіе есть даръ даровавшаго наслѣдіе, а не самъ наслѣдователь. Между тѣмъ сказано: *обрученіе наслѣдія нашего* есть Духъ. Если наименованіе Духа обрученіемъ соблазняетъ твою душу, то что будешь дѣлать, когда услышишь, что и Богъ называется наслѣдіемъ. Выслушай же внимательно, какъ Онъ называется не только наслѣдуемымъ, но прямо наслѣдіемъ. Послушай, что говоритъ Давидъ: *Господь часть достоянія моего* (Пс. XV, 5). (Какъ) Богъ—часть достоянія, (такъ и) Духъ — залогъ (обрученіе) наслѣдія. Если для Отца или Сына унизительно называться частью наслѣдія, то и для достоинства Духа унизительно называться обрученіемъ наслѣдія. Говоритъ Давидъ въ другомъ мѣстѣ: *Господи, часть моя еси на земли живыхъ* (Псал. CXLI, 6). Часть моя,—по чьему же раздѣлу? Вѣдь если одна часть, значитъ не весь? Если ты будешь гоняться за выраженіями, а не изслѣдовать мысли, то ничто тебѣ не препятствуетъ по этому случаю вознести хулу и на Бога Отца, почитателемъ котораго ты представляешься. *Господь часть наслѣдія моего* (Пс. XV, 5), и: *часть моя*
562 *еси на земли живыхъ* (Пс. CXLI, 6). Почему же самобытная Сила называется частью и наслѣдіемъ? Потому, что Бога мы принимаемъ по собственному произволенію, и каждый — свободно: одинъ выбираетъ заблужденіе, другой воспринимаетъ Бога; будучи избранъ такимъ образомъ, Богъ и дѣлается удѣломъ, частью вѣрующаго. Приведу примѣръ. Левитамъ заповѣдано: *въ земли части да не будетъ тебѣ*, потому что Господь часть ихъ (Числ. XVIII, 20). Если же ты не соблазняешься, когда Бога называютъ частью, то что соблазнительнаго для себя ты находишь въ наименованіи Святого Духа обрученіемъ.

7. Но отбросимъ всякую примѣсь невѣрія и утвердимся въ безпримѣсной вѣрѣ. Доколѣ ожесточаешь ты, еретикъ, сердце твое подобно фараону? Доколѣ не хочешь взвѣсить божественныхъ словъ? Ты имѣешь вѣсы въ самомъ себѣ—разумъ; взвѣсь же слова Спасителя; подумай, какія изъ нихъ относятся къ Его плоти, какія къ Его божеству; сообрази, что вытекаетъ изъ Его достоинства, что вызвано попеченіемъ о спасеніи, чтобы не было сказано и о тебѣ то, что сказано у пророка о Ханаанѣ: *Ханаанъ*,

въ руцѣ его мѣрило неправды, насильствовати возлюби (Ос. XII, 7). И Давидъ говоритъ: *обаче суетни сынове человѣчестіи* (Пс. LXI, 10). Еретикамъ свойственно — пользоваться неправедными мѣрами. Ты держишь вѣсы и нарушаешь равновѣсіе? Смотри, что полагаетъ на вѣсы Спаситель: *Азъ и Отецъ едино есма* (Іоан. X, 30). Гдѣ неравенство? Смотри, куда склоняется коромысло божественнаго слова: *видѣвый Мене видѣ Отца* Моего (Іоан. XIV, 9). Гдѣ здѣсь высшее, гдѣ низшее? Смотри, Отецъ освобождаетъ, и Сынъ освобождаетъ,—какъ самъ говоритъ: *аще Сынъ свободитъ вы, воистину свободни есте* (Іоан. XIII, 36), а Павелъ присоединяетъ: *законъ бо Духа жизни о Христѣ Іисусѣ свободилъ мя* (Римл. VIII, 2). Если Отецъ освобождаетъ, и Сынъ освобождаетъ, и Духъ Святый освобождаетъ, то гдѣ же рабство? Но да дастъ Богъ всѣмъ намъ избѣгнуть грѣха и мѣрила ереси и имѣть неуклонную вѣру. А еретики пусть запомнятъ то, что сказано. Между тѣмъ я слышу, что многіе говорятъ: почему же не говоритъ онъ намъ о нравственныхъ обязанностяхъ? Почему не говоритъ о нравахъ и скромности? Говорятъ такъ, однако, не потому, что желаютъ этого, но чтобы избѣжать обличенія. Ты хочешь дѣйствительно исправленія? Однако же не одинъ разъ ты слышалъ пространныя наставленія, слышалъ о нравахъ, я исправлялъ твой нравъ, ты слышалъ о поведеніи и я исправлялъ твое поведеніе? Очевидно, не въ этомъ дѣло, а въ томъ, какъ сказано было Господомъ: *пріиде Іоаннъ, ни ядый, ни піяй; и глаголютъ: бѣса имать. Пріиде Сынъ Человѣческій ядый и піяй; и глаголютъ: се человѣкъ ядца и винопійца* (Мѳ. XI, 18, 19). Человѣческой злобѣ ничто не угодитъ. Если проповѣдуешь о нравахъ, говорятъ; я спрашиваю тебя о вѣрѣ; если говоришь о вѣрѣ, возражаютъ: я хотѣлъ слышать о нравахъ. Такія-то дѣтскія выходки ихъ злобы поражая, говорилъ Спаситель: *пискахомъ вамъ и не плясасте; плакахомъ вамъ и не рыдасте* (Мѳ. XI, 17). *Пискахомъ вамъ*: словомъ святымъ и радостнымъ вы слышали наставленіе въ нравахъ; *плакахомъ вамъ*: рѣчью серьезной, болѣзнующей, оплакивающей ваше невѣріе,—а вы не слушали, и не плясали по поводу того, что относилось къ вамъ, не оплакивали того, что относилось къ еретикамъ. Пришелъ Креститель, говорятъ: *бѣса имать*, и Креститель не негодуетъ, но дѣлаетъ свое дѣло. Видишь, онъ терпѣлъ то же самое, что терпѣлъ и Спаситель? О Спасителѣ говорили іудеи: *бѣса имать и неистовъ есть, что его послушаете* (Іоан. X, 20)? И развѣ не блаженъ тотъ христіанинъ, который терпитъ обиду, одинаковую со своимъ Владыкой? Павелъ проповѣдуетъ истину, а Фистъ возражаетъ ему: *бѣснуешися ли, Павле? Многія тя книги въ неистов-*

ство прелагаютъ (Дѣян. xxvi, 24). То, что исполнено здраваго смысла, кажется безуміемъ для тѣхъ, которые не могутъ вмѣстить. А Павелъ отвѣчалъ: *не бѣснуюся, державный Фисте, но истины и цѣломудрія глаголы вѣщаю* (Дѣян. xxvi, 25). Видишь, какова вдохновенная смѣлость, кажущаяся безуміемъ, но сіяющая выше здраваго ума? Слышитъ Іоаннъ, что имѣетъ бѣса, какъ и древніе пророки слышали обвиненія въ бѣснованіи. Нѣкогда Елисей пророкъ послалъ ученика своего пророка и говоритъ ему: *иди, и узриши тамо Іиуа: и введеши его во внутренюю клѣть и рцы* ему: *сице глаголетъ Господь* Богъ Израилевъ: *се помазахъ тя въ царя и возмеши сосудъ елея и возліеши на главу его* и помажеши его въ царя (4 Цар. ix, 1—8). Посылаетъ пророкъ ученика пророка; тотъ беретъ военачальника, потому что тогда Іиуй не былъ царемъ, а только военачальникомъ царскимъ,—и говоритъ ему: иди сюда, и взявъ его наединѣ, передаетъ ему слова пророка и помазываетъ его въ царя. И какъ только помазалъ, тотчасъ убѣжалъ, скрылся. Товарищи Іиуя говорятъ ему: *что яко вниде неистовый сей къ тебѣ?* Вмѣсто того, чтобы сказать: зачѣмъ приходилъ къ тебѣ этотъ бѣсноватый? Они
563 говорятъ: *что яко вниде неистовый сей къ тебѣ* (4 Цар. ix, 11)? Такъ издревле были оскорбляемы пророки,—то же терпѣли и апостолы. *Что яко пріиде неистовый сей къ тебѣ?* Боясь, чтобы не разгласилась вѣсть объ избраніи на царство, и чтобы чрезъ то не подвергнуться опасности (отнятіе власти у царствующаго государя и перенесеніе ея на другого сопряжено, конечно, съ опасностью), говоритъ: *вы вѣсте* болтливость *мужа и суесловіе его* (ст. 11). Не въ душѣ, но на словахъ онъ выражаетъ согласіе съ ними. „Вы знаете болтливость его". Затѣмъ, понявъ, что истину никогда нельзя осмѣять, насмѣшники стараются узнать истину: *не правда*, Іиуй, *аще не возвѣстиши намъ*. Ты обижаешь своихъ друзей; дурно дѣлаешь, скрывая тайну. Но если онъ неистовый, чего вы хотите отъ неистоваго? Ты несправедливъ къ друзьямъ, Іиуй, если скроешь отъ насъ. Злоба презираетъ добродѣтель и преслѣдуетъ ее. Они осудили пророка какъ бѣс-
564 нующагося, и въ то же время выпытываютъ его слова какъ вѣстника истины. Что возвѣстилъ онъ тебѣ, скажи? Онъ отвелъ меня наединѣ. Смотри, какова сила истины: какъ осмѣянная мысль дѣлается предметомъ поклоненія, какъ пророкъ неистовый оказывается сильнѣе законовъ. Говоритъ: онъ отвелъ меня наединѣ и излилъ на меня сосудъ елея; и возвысили голоса свои полководцы и воскликнули: да живетъ царь! Видишь, какъ въ одно и то же время осмѣяли пророчество и преклонились предъ нимъ, осудили его и повѣрили ему. Ты называешь бѣснующимся,

а помазаннаго бѣснующимся называешь царемъ? Такъ ни намъ, ни отцамъ нашимъ, ни потомкамъ—не должно удивляться, если уста еретиковъ произносятъ что-либо обидное. Будемъ же мы похвалу свою полагать во Христѣ, чтобы и прославиться во Христѣ, Которому слава и держава во вѣки. Аминь.

О ПРАВЕДНОМЪ И БЛАЖЕННОМЪ ІОВѢ.

Слово I.

1. Сегодня пришелъ къ намъ вселенскій подвижникъ, ежегодно насъ посѣщающій. Пришелъ къ намъ дивный и ангеламъ равночестный борецъ, потерпѣвшій много ударовъ отъ діавола и много разъ засвидѣтельствованный отъ Бога; испытавшій много золъ отъ діавола и воспріявшій много вѣнцовъ отъ зрителей-ангеловъ; много бичуемый отъ врага и въ качествѣ великаго вѣнценосца явленный отъ Бога всей вселенной. Такъ именно самъ Богъ говорилъ ему въ бесѣдѣ: *мниши ли мя инако тебѣ сотворша, развѣ да явишися праведнъ* (Іов. XL, 3)? Итакъ, кто можетъ по достоинству восхвалить такого побѣдителя? Кто осмѣлится сплести вѣнки, достойные его доблестей? Кто рѣшится пуститься въ безпредѣльное море похвалъ? Въ самомъ дѣлѣ, какъ никто изъ разумныхъ людей не отважится когда-нибудь вступить въ пучину морскую человѣческими ногами, такъ никто изъ мудрыхъ и даже учителей никогда не будетъ пытаться по достоинству повѣдать предъ слушателями похвалы этой благородной и блаженной душѣ. Его подвиги превышаютъ всякую человѣческую мудрость; для его побѣдъ нигдѣ не найдется достаточно вѣнковъ. Необходимъ ангельскій языкъ для того, чтобы краями, такъ сказать, пальцевъ коснувшись этой сокровищницы мѵра, однимъ этимъ наполнить всю церковь. Вѣдь если мы только прикоснемся къ этому сосуду—Іову—и немного его пошевелимъ, тотчасъ наполнится церковь благоуханія мѵра. Послушаемъ же, что̀ повѣствуетъ о немъ исторія. *Во всѣхъ сихъ приключшихся ему ничтоже согрѣши Іовъ предъ Господемъ устнама своима* (Іов. I, 22). Вотъ свидѣтельство, возбуждающее похвалы ангеловъ! Вотъ свидѣтельство, посрамляющее діавола со̀ всѣми его покушеніями! *Во всѣхъ сихъ приключившихся ему ничтоже согрѣши.* Это свидѣтельство Божіе во всей Церкви, какъ многоцѣнное мѵро, радуетъ слушателей. О, драгоцѣнный сосудъ, поставленный въ одномъ мѣстѣ Аравіи и всю вселенную напитывающій благоуханіемъ мѵра! О, сосудъ, пора- 563

жаемый безчисленными ударами, камнями и стрѣлами діавола,
564 и не проливш1й мvра! Много трудовъ употребилъ діаволъ, чтобы сокрушить этотъ сосудъ и уничтожить мvро благочестія; старался онъ зловоніемъ ранъ заглушить благовоніе мvра; тѣло его издавало смрадъ отъ гноя ранъ, но сосудъ остался израненнымъ и не погубившимъ мvра, чтобы мы могли съ пользою для себя сказать ему: *мvроизліяное имя Твое* (П. Пѣсн. I, 2). Итакъ, нужно поставить самого борца обнаженнымъ, какъ онъ боролся, чтобы, созерцая этотъ удивительный образъ, мы удостовѣрились самымъ существомъ дѣлъ, что Богъ, желая показать діаволу, что у Него есть на землѣ праведные люди, которыхъ нельзя уже соблазнить лестью подобно Адаму, но которые тысячами искушеній и ударовъ увѣнчиваются, допустилъ быть этому зрѣлищу. Отступникъ, какъ бы говоритъ (Богъ), ты превозносишься, что, обманувъ Адама и обольстивъ жену его, ты изгналъ ихъ изъ рая? Вотъ человѣкъ, живущій безъ повелѣній писаннаго закона и исполнившій сердцемъ неписанный естественный законъ. Употреби безчисленныя обольщенія, и ухищренія, безчисленныя искушенія, если можешь, чтобы поколебать эту благороднѣйшую душу. Вотъ, ты изгналъ первыхъ людей изъ рая. Смотри же, попробуй, если сможешь, согнать этого борца хотя бы съ навозной кучи. Но, если вамъ угодно, разсмотримъ эту исторію съ начала. *Человѣкъ нѣкій бѣ во странѣ Авситидійстѣй, ему же имя Іовъ. И бѣ человѣкъ онъ истиненъ, непороченъ, праведенъ, богочестивъ, удаляяся отъ всякія лукавыя вещи* (Іов. I, 1). Таковъ былъ и Адамъ прежде, чѣмъ послушался жены. Потому-то этотъ мужъ и не поддается вліянію своей жены, чтобы не потерпѣть того же, что случилось съ тѣмъ. Тотъ облеченъ былъ нетлѣніемъ, по благости Творца, и за то, что послушался жены, сдѣлался нагимъ и осужденъ. Этотъ былъ нагъ и не послушалъ совѣта жены своей, и за то, что не послушался ея, былъ увѣнчанъ ангелами. Тотъ за то, что послушался жены своей, ниспалъ изъ рая сладости, навлекъ проклятіе на землю и получилъ въ удѣлъ смерть. Этотъ за то, что не послушался жены своей, получилъ избавленіе отъ ударовъ и навозной кучи и
565 унаслѣдовалъ царство небесное. Тотъ, оправдываясь, говорилъ Богу: *жена, юже далъ еси со мною, та ми даде и ядохъ* (Быт. III, 12). Какое неизвинительное оправданіе! Она сказала: ѣшь,— а Я сказалъ: не ѣшь. Почему же ты жены послушалъ, а Бога не послушалъ? Но не такъ поступилъ блаженный Іовъ. Какъ же? Съ укоромъ отвѣчалъ онъ женѣ: *вскую яко едина отъ безумныхъ женъ возглаголала еси* (Іов. II, 10) *Человѣкъ нѣкій бяше во странѣ Авситидійстѣй, емуже имя Іовъ*. Для чего названа

здѣсь страна? Для тебя, чтобы ты зналъ, что даже общеніе съ грѣшниками не могло заставить праведника согрѣшить: такъ должна быть тверда и непоколебима въ своихъ рѣшеніяхъ воля благочестивыхъ. Эта страна Аравія отличается темными и испорченными нравами ея жителей. Всѣ они были беззаконными, враждовали противъ Бога, всѣ непотребны, горды, подобно отцу своему Исаву преданы были грѣху. Но такое море нечестія не могло потушить свѣтильника благочестія; такая страна злая не могла затмить красоту его чистоты. Тѣмъ больше побужденій имѣлъ діаволъ напасть на такого праведника. Почему именно? Потому что онъ видѣлъ, что тотъ обогащается больше милостыней, чѣмъ деньгами. Послушай, что Іовъ самъ говоритъ неложно: *око бѣхъ слѣпымъ, нога же хромымъ* (Іов. XXIX, 14), и опять: *азъ же о всякомъ немощнѣмъ восплакахся, воздохнухъ же видѣвъ мужа въ бѣдахъ* (Іов. XXX, 25). И не только на словахъ, но и дѣлами онъ преизобиловалъ, всю сокровищницу добрыхъ дѣлъ обращая на нуждающихся. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ? *Не оставихъ маломощнаго изыти изъ дверей моихъ тщимъ нѣдромъ; уста вдовича благословиша мя; отъ стриженія агнцевъ моихъ согрѣшася плещи* бѣдныхъ (XXXII, 34; XXIX, 13; XXXI, 20). Очевидно, всѣми средствами онъ обогащалъ свою сокровищницу—и словами, и дѣлами, и милостыней, и заступничествомъ за нуждающихся. Но смотри, что дѣлаетъ діаволъ. Прежде всего онъ расхищаетъ все его имущество, а затѣмъ лишаетъ его дѣтей. Взялъ сначала стада верблюдовъ, стада овецъ, великое число ословъ, многочисленнѣйшее стадо быковъ; лишилъ его всего и наконецъ—дѣтей. Почему такъ? Обрати все свое вниманіе на дальнѣйшее. Сначала взялъ у него все имущество, а потомъ дѣтей; взялъ все, что считалось наслѣдствомъ, а затѣмъ истребилъ и самихъ наслѣдниковъ, чтобы совершенно поразить его чрезъ дѣтей. Онъ началъ съ истребленія имѣнія, прежде всего началъ расхищать наслѣдство при жизни наслѣдниковъ, чтобы, среди своихъ сыновей и дочерей, острѣе почувствовалъ праведникъ печаль отъ утраты своего имущества. Соображалъ лукавый демонъ, что, утративъ дѣтей, онъ не придалъ бы уже никакой важности утратѣ имущества. Но дѣйствительный адамантъ и благородный борецъ, потерпѣвшій много ударовъ и увѣнчанный за каждый изъ нихъ, принявшій много стрѣлъ, и поразившій діавола его собственными стрѣлами, вооружившійся оружіями правды *десными и шуйими*, не утрудился, не заплакалъ, не поколебался, но ни гибелью имущества не былъ сломленъ, ни съ утратой дѣтей не утратилъ благочестія, но оставался какъ башня непоколебимая,

внизу основанная и коренящаяся въ землѣ и до самыхъ небесныхъ сводовъ неуклонно возвышающаяся. Пришелъ первый вѣстникъ и говоритъ Іову: *супруги воловъ оряху, и пришедше плѣнители плѣниша ихъ, и отроки избиша мечемъ. Еще сему глаголющу пріиде инъ вѣстникъ и рече ко Іову: огнь спаде съ небесе и пожже овцы и пастыри поядѣ подобнѣ* (Іов. I, 14—16).

2. Смотри, что дѣлаетъ діаволъ. Когда увидѣлъ врагъ, что праведникъ благородно устоялъ послѣ перваго и второго удара и совершенно не поколебался этими его искушеніями, поражаемый, но не раненный, онъ ухищряется сдѣлать нѣчто иное. Онъ бросаетъ огонь сверху, чтобы казалось, что огонь ниспосланъ съ неба, и чтобы, подумавъ, что Богъ съ неба воюетъ противъ него, Іовъ похулилъ Бога, столь несправедливо наказывающаго его безъ всякаго грѣха. *Огнь*, говоритъ, *спаде съ неба и пожже*
586 *овцы и пастыри. Еще сему глаголющу, пріиде инъ вѣстникъ и рече ко Іову: конницы сотвориша* противъ *насъ начальства три, и окружиша вельблюды, и плѣниша ихъ, и отроки избиша мечми* (ст. 17). И при всѣхъ этихъ извѣстіяхъ блаженный Іовъ оставался несокрушимымъ какъ столпъ, непоколебимымъ какъ башня; борецъ непобѣдимый, устойчивый и твердый, онъ казался скорѣе низлагающимъ, чѣмъ низлагаемымъ. Вѣдь если кто-нибудь трудится безъ пользы, много нападая и ничего не выигрывая, часто сражаясь и совсѣмъ не одерживая побѣду, тотъ скорѣе самъ принимаетъ удары посредствомъ своихъ напрасныхъ трудовъ. *Еще сему глаголющу пріиде инъ вѣстникъ.* Постоянная война, но безуспѣшная для нападающаго, множество стрѣлъ, но свѣтлѣе вѣнцы. Не позволяетъ ему вздохнуть ни минуты, чтобы природное благочестіе подвижника не вдохновило его какимъ-либо мудрымъ ободреніемъ. Послалъ всѣ стрѣлы, и не побѣдилъ борца; уже колчанъ опустѣлъ, а злоба не была утолена. *Да постыдятся беззаконнующіи вотще* (Пс. XXIV, 3). Такъ и діаволъ остался со стыдомъ и срамомъ, послѣ того какъ, сдѣлавши много нападокъ, потерпѣлъ во всемъ пораженіе. Онъ истребилъ пастуховъ, быковъ, овецъ, верблюдовъ, сыновей, дочерей, дома; поразилъ его чрезъ тѣло, чрезъ друзей, чрезъ домашнихъ, чрезъ червей, чрезъ раны, чрезъ гной. Все истощилъ, а благочестія его не уничтожилъ. Стѣну подкопалъ, а сокровища не укралъ. Сколько орудій привелъ въ движеніе мучитель вселенной, — поражая и огнемъ, и мечемъ, и могилой, и плѣномъ, и кровью. Все напрягъ, но борца сдѣлалъ только болѣе мужественнымъ. Вотъ о чемъ взывалъ пророкъ, говоря: *врагу оскудѣша оружія въ конецъ* (Пс. IX, 6). Къ нему же можно было примѣнить и эти слова: *жестоко ти есть противу рожну прати* (Дѣян. IX, 5).

Взялъ все имущество, богатство, имѣніе. Но что еще послѣдній вѣстникъ? *Сыномъ твоимъ и дщеремъ твоимъ ядущымъ и піющымъ у брата своего старѣйшаго, внезапу вѣтръ найде отъ пустыни, и коснеся четыремъ угломъ храмины, и паде храмина на дѣти твоя, и скончашася* (ст. 18, 19). И чтобы тебѣ убѣдиться, возлюбленный, что не человѣкъ возвѣстилъ объ этомъ Іову, но самъ діаволъ, принявшій человѣческій образъ, разсмотри со всею тщательностью эти слова: *сыномъ твоимъ и дщеремъ твоимъ ядущымъ и піющымъ у брата своего старѣйшаго, внезапу вѣтръ найде отъ пустыни, и коснеся четыремъ угломъ храмины, и паде храмина на дѣти твоя, и скончашася* (ст. 18, 19). Откуда узналъ ты, скажи мнѣ, что (вѣтеръ) пришелъ изъ пустыни, и коснулся четырехъ угловъ дома? Будучи человѣкомъ, какъ могъ ты видѣть вѣтеръ? Какими глазами ты разсмотрѣлъ его? И какъ онъ коснулся четырехъ угловъ дома? Если ты, будучи человѣкомъ, находился внутри дома, тогда и ты долженъ бы во всякомъ случаѣ пострадать при паденіи дома. А если ты былъ внѣ, то какъ могъ видѣть то, что происходило внутри? Если же ты духъ, покажи, кто ты, не скрывайся подъ видомъ человѣка. *Сыномъ твоимъ*, говоритъ, *и дщеремъ твоимъ ядущымъ и піющымъ у брата своего старѣйшаго*. Смотри, какъ всякаго разумѣнія и мудрости былъ исполненъ блаженный Іовъ, и какъ утверждалъ онъ дружбу дѣтей. Онъ размыслилъ о томъ, что Каинъ и Авель были братья, были одни во всей вселенной, не имѣли никакого повода къ враждѣ, потому что вся земля предназначалась въ общее владѣніе имъ,—и при всемъ томъ Каинъ позавидовалъ чести Авеля и, возставъ, убилъ брата своего. Въ попеченіи о дѣтяхъ, каждый день блаженный Іовъ приносилъ Богу жертву о грѣхахъ невѣдѣнія, вставая утромъ и говоря: *негли когда сынове мои въ мысли своей злая помыслиша противу Бога* (ст. 5); а въ огражденіе отъ того, что могло произойти между ними въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, онъ каждый день устраивалъ для нихъ совмѣстные пиры, полагая въ сердцѣ своемъ, что если они имѣютъ другъ противъ друга какое-нибудь неудовольствіе, то трапеза и общеніе хлѣба возстановятъ ихъ дружбу и изгонятъ приразившуюся злобу, и такимъ образомъ постоянная общая трапеза будетъ вѣрнѣйшимъ средствомъ для разсѣянія всякихъ возникающихъ между ними непріятностей. Но ненавистникъ добра діаволъ это самое и ухитряется обратить въ пагубу для ни въ чемъ неповинныхъ дѣтей: въ полдень, когда всѣ они, по обычаю, 567
были вмѣстѣ, когда они наслаждались взаимнымъ миромъ, тогда-то возсталъ онъ противъ нихъ съ непримиримой злобой. Они (возгрѣвали) дружбу, а онъ изощрялъ мечъ; они созидали любовь

а онъ разрушаетъ домъ. И въ одно мгновеніе домъ сдѣлался могилой, столъ—ямой несчастія, овчая ограда—пучиной кораблекрушенія, и всѣ овцы—добычей звѣря. Что же тогда тотъ доблестный? Онъ не былъ смущенъ, не палъ духомъ. Какъ восхвалить его? Гдѣ найти достаточно словъ для этого? Какой трудъ понадобится для разсказа о немъ? Какая мужественная и блаженная душа! Какое великое терпѣніе, не имѣющее себѣ равнаго! Да, возлюбленные, моя душа смущена, мое сознаніе мятется, хотя и вижу Іова увѣнчиваемымъ. Но, конечно, я теперь, даже при видѣ вѣнценосца, подавленъ этимъ несчастіемъ въ большей степени, чѣмъ онъ самъ тогда подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ отъ гибели своихъ дѣтей. Мое сердце разрывается; думаю, что и вы испытываете тѣ же самыя чувства. Гдѣ мнѣ взять силъ, чтобы разсказать объ этомъ несчастіи и выразить тѣ чувства удивленія, какія наполняютъ мою душу? Плотскіе родители, когда у нихъ больной ребенокъ лежитъ при послѣднемъ издыханіи, сидятъ вокругъ его ложа, ловятъ его послѣднія слова, осыпаютъ его ласками, развлекаютъ несбыточными надеждами, цѣлуютъ въ уста, давая послѣднее родительское цѣлованіе. Но вотъ онъ испустилъ дыханіе, какъ повелѣлъ давшій его: тогда родители кладутъ его, складываютъ руки, закрываютъ ему глаза, выпрямляютъ голову, расправляютъ ноги, омываютъ, окружаютъ соотвѣтствующими похоронными обрядами, и всѣмъ этимъ облегчаютъ свое горе. А что долженъ былъ испытать этотъ мужественный подвижникъ? Онъ пошелъ въ домъ, который сразу въ одно и то же время оказался и домомъ, и гробомъ, мѣстомъ пира и надгробіемъ, гдѣ праздникъ смѣнился плачемъ. Онъ раскапывалъ и отыскивалъ члены дѣтей, и находилъ вино и кровь, хлѣбъ и руку, глазъ и прахъ. И онъ бралъ то руку, то ногу, то голову; вытаскивалъ вмѣстѣ съ землей, съ обломками камня и дерева, то часть чрева, то какой-нибудь изъ внутреннихъ органовъ, вмѣстѣ съ прахомъ. Сидѣлъ этотъ подвижникъ, поднимающійся до неба, разсматривая растерзанные члены своихъ дѣтей. Сидѣлъ онъ, прикладывая членъ къ члену, руку къ рукѣ, приставляя голову къ груди, колѣна къ бедрамъ. Вѣдь это было не одно изъ обыкновенныхъ несчастій, но катастрофа, превосходящая всякое слово, устроенная діавольской силой и злобой. Итакъ, сидѣлъ Іовъ, этотъ въ полномъ смыслѣ слова несокрушимый адамантъ, этотъ блаженный, разбирая члены своихъ дѣтей, чтобы какъ-нибудь женскихъ членовъ не смѣшать съ мужскими, и формы юноши не соединить съ дѣвическими членами. О, благородная душа, вознесшаяся выше ангельскихъ похвалъ! Почему? Потому что *во всѣхъ сихъ приключившихся ему ничтоже согрѣши Іовъ предъ Гос-*

подемъ (I, 22), но за все это вмѣсто жертвы принесъ Богу полную благодарность въ такихъ словахъ: *буди имя Господне благословенно*, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Слово II.

1. Высокими качествами должны отличаться повѣствованія о великихъ дѣлахъ, и для блестящихъ исторій святыхъ нуженъ блестящій языкъ и такая же мысль,—мысль, искренне созерцающая Священныя Писанія, и языкъ, ясно толкующій божественныя дѣла. Въ особенности требуетъ этого предлежащій намъ предметъ, я разумѣю—страданія блаж. Іова, осіявшія всю поднебесную какъ яркій образецъ терпѣнія. Конечно, такая задача превышаетъ наши слабыя силы, но я твердо уповаю, что благодать Божія дастъ намъ слово не по достоинству говорящаго, но по предстательству отцовъ. Итакъ, обратимся къ самому разсказу. *Человѣкъ нѣкій бяше во странѣ Авситидійстѣй* (I, 1). Необходимо прежде всего разсмотрѣть, какое значеніе имѣетъ это предисловіе, и почему повѣствователь начинаетъ свой разсказъ этими словами: *человѣкъ нѣкій бяше*. Такъ какъ ему предстояло описывать жизнь исключительную и далеко превышающую обычный порядокъ нашей жизни, то чтобы кто въ виду чрезмѣрной высоты подвиговъ не подумалъ, что дѣло идетъ о чуждой, нечеловѣческой природѣ, писатель въ предупрежденіе и обозначилъ природу, чтобы ты подивился его доблести, что, будучи человѣкомъ, онъ возвысился въ своей жизни надъ человѣческимъ уровнемъ, и хотя имѣлъ общую со всѣми природу, но возводилъ свою душу выше міра. *Человѣкъ нѣкій бяше во странѣ Авситидійстѣй*. Указываетъ его природу, указываетъ и страну, изъ какой 568
онъ происходилъ. И если, услышавъ о немъ, какъ человѣкѣ, ты удивляешься, что онъ въ жизни превосходилъ человѣка, то узнавъ, въ какой странѣ процвѣлъ такой плодъ, ты еще болѣе долженъ будешь удивиться тому, что такая роза произрасла среди терніевъ. Вникни тщательно. Вѣдь страна была Авситидійская, страна Исава, потому что Авситида происходитъ отъ Исава. Называется же эта страна страною сквернаго и порочнаго Исава,—какъ и у апостола сказано: *да не кто блудодѣй или скверзнитель, якоже Исавъ* (Евр. XII, 16),—чтобы ты удивлялся, въ какомъ разсадникѣ злобы процвѣлъ такой плодъ истины. Этого

мало: не только страна Исава его породила, но и самый корень Исавовъ, потому что онъ былъ потомкомъ этого безславнаго человѣка. Въ самомъ дѣлѣ, Писаніе говоритъ, что Іовъ былъ пятымъ отъ Авраама. А какъ пятымъ, послушай: Авраамъ родилъ Исаака, Исаакъ Исава, Исавъ Рагуила, Рагуилъ Зару, а Зара Іова (Быт. xxxvi, 33). Значитъ Іовъ велъ свой родъ отъ Авраама чрезъ Исава. Этотъ корень и указанъ, чтобы ты удивлялся плоду. Кто былъ Исавъ? Блудодѣй и сквернитель. Кто былъ Іовъ? Потомокъ блудника, этотъ человѣкъ, благочестивый и достойный удивленія, являющійся предметомъ настоящей нашей бесѣды, говоритъ: *аще въ слѣдъ иде око мое жены мужа иного, угодна убо буди и жена моя иному мужу* (xxxi, 9, 10). Исавъ по своей невоздержности и ненасытности имѣлъ многихъ женъ; Іовъ же, соблюденіе нравственности ставилъ закономъ своей жизни и настолько успѣвалъ съ этомъ, что чужая красота не обольщала его; блуда и прелюбодѣянія онъ удалялся настолько, что не обращалъ вниманія даже и на свободныхъ женщинъ, т. е. на дѣвицъ еще не просватанныхъ,—или говоря еще яснѣе: настолько далекъ былъ отъ всякихъ замысловъ противъ чужихъ браковъ, что даже на незамужнюю дѣвицу, относительно которой не было никакой опасности, не обращалъ глаза съ невоздержностью. Кто объ этомъ свидѣтельствуетъ? Самъ Іовъ. *Завѣтъ*, говоритъ онъ, *положихъ очима моима да не помышляю на дѣвицу* (xxxi, 1). Смотри, до какой степени строгъ онъ во всемъ, что касается благочестія. Онъ пріучаетъ свой глазъ подчиняться требованію благочестія, и всѣ члены свои воспитываетъ въ исполненіи правды,—и вотъ, ведя родъ свой отъ блудника, онъ просіялъ величайшимъ благочестіемъ. Исавъ, что касается его намѣреній, былъ даже братоубійцей; конечно, онъ не привелъ въ исполненіе своего замысла, но самое намѣреніе уже должно быть вмѣнено въ вину. *Рече же*, говоритъ Писаніе, Исавъ *во умѣ своемъ: да приближатся дніе плача отца моего, да быхъ убилъ Іакова брата моего* (Быт. xxvii, 41). Значитъ, корень—братоубійца, а цвѣтъ этого корня увѣнчивается за доблесть правды. Тотъ возставалъ противъ природы и брата своего считалъ чужимъ для себя, а этотъ и чужихъ считалъ братьями, говоря: *азъ быхъ отецъ немощнымъ* и вмѣсто мужа матери ихъ; *распрю же, ея же не вѣдяхъ, изслѣдихъ, сотрохъ же неправедныхъ* (Іов. xxix, 12, 16). И вообще все чужое уважаетъ какъ этотъ потомокъ Исава,—Исава, чужое дѣлавшаго своимъ. Исавъ въ сердцѣ своемъ замышлялъ убить Іакова, Іовъ же приносилъ жертвы за сыновей съ тою мыслью, не свое согрѣшили ли они въ сердцѣ своемъ. Тогда какъ тотъ въ сердцѣ своемъ имѣлъ попеченіе объ убійствѣ, этотъ великій и

благородный борецъ, боясь, чтобы дѣти не восприняли въ сердца свои грѣховнаго яда, приносилъ о нихъ жертву и тельца единаго за грѣхъ. Именно такъ говорилъ Іовъ: *негли когда сынове мои злая помыслиша противу Бога* (I, 5)? Подумай, до какой тонкости простиралось у него воспитаніе характера! И какъ онъ поступаетъ? Помня, что предки ихъ—Исавъ и Іаковъ—враждовали другъ противъ друга (это не значитъ однако, что Іаковъ раздѣлялъ злобу брата, вина за которую и падаетъ на Исава), Іовъ несогласіе предковъ разрѣшаетъ въ своихъ дѣтяхъ взаимнымъ угощеніемъ, заставляя сыновей своихъ ежедневно обѣдать вмѣстѣ, чтобы постоянное общеніе за трапезой разрѣшало ядъ злобы. Посѣщали другъ друга сыновья Іова, съ юнаго возраста воспитывая въ себѣ единодушіе, упражняясь въ мирѣ, и другъ съ другомъ вмѣстѣ ѣли и пили,—*споемлюще же вкупѣ и три сестры своя, ясти и пити съ ними* (I, 4). Какая отсюда польза для слушателя? И для чего прибавилъ повѣствователь объ участіи сестеръ въ пирахъ братьевъ? Чтобы показать, какое цѣломудріе господствовало на ихъ пирахъ, до какой степени тамъ не было безпорядочнаго и безудержнаго смѣха и невоздержанія, унижающаго трапезу; если могли участвовать дѣвицы, то ясно, что пиры братьевъ не оскверняли сь пьянствомъ, но украшались согласіемъ. *Человѣкъ нѣкій бяше во странѣ Авситидійстѣй.* Голубь среди ястребовъ, овца среди волковъ, звѣзда среди облаковъ, лилія среди терній, ростокъ правды на нивѣ неправды. *И бѣ человѣкъ онъ непороченъ* (1 ст.). 569

2. Обрати вниманіе на эти слова. У языческихъ философовъ есть такое опредѣленіе человѣка: „человѣкъ, говорятъ они, есть животное разумное, смертное". Такъ опредѣляютъ философы. Въ Писаніи не найдешь подобнаго опредѣленія, но какое? *Человѣкъ непороченъ, праведенъ, истиненъ* (ст. 1). Если кто спроситъ тебя и потребуетъ опредѣлить, что такое человѣкъ?—скажи ему: (кто) *непороченъ, праведенъ, истиненъ, удаляяйся отъ всякія лукавыя вещи,* (тотъ человѣкъ), а кто такими свойствами не свидѣтельствуется, тотъ не человѣкъ. Если, напримѣръ, у кого характеръ по природѣ добрый, но онъ самъ по своей волѣ искажаетъ его пороками, тотъ слышитъ отъ пророка: *человѣкъ въ чести сый не разумѣ, приложися скотомъ несмысленнымъ, и уподобися имъ* (Пс. XLVIII, 13). *И бѣ человѣкъ онъ непороченъ,* (безупреченъ). Не малая похвала! Вникни въ смыслъ этихъ словъ, и ты удивишься ихъ значенію. Одно дѣло обвиненіе, другое упрекъ. Обвиненіе касается тягчайшихъ грѣховъ, упрекъ не высказывается по поводу легкихъ ошибокъ. Итакъ, писатель книги хотѣлъ здѣсь показать, что праведникъ былъ свободенъ не только отъ обвиненій,

но даже и отъ упрека. Не только никто не могъ обвинить его въ какомъ-нибудь важномъ грѣхѣ, но даже и ни въ чемъ маловажномъ онъ не заслужилъ упрека. И то уже великое одобреніе человѣку, если его жизнь свободна отъ обвиненій. Между тѣмъ свободнымъ отъ обвиненія является всякій, кого ты не можешь обвинить въ прелюбодѣяніи или убійствѣ. Однако, будучи свободнымъ отъ обвиненія въ чемъ-либо подобномъ, такой человѣкъ можетъ подвергаться упрекамъ, напримѣръ, за гордость, за клевету, злословіе или пьянство. Потому-то писатель книги, желая показать, что Іовъ далеко отстоялъ и отъ большихъ, и отъ малыхъ грѣховъ,—т. е. былъ свободенъ не только отъ обвиненій, но и отъ упрековъ въ чемъ бы то ни было,—говоритъ: *бѣ непороченъ, праведенъ, истиненъ, богочестивъ, удаляяйся отъ всякія лукавыя вещи*. Точно также и Богъ, желая показать Аврааму, что въ добродѣтели—прежде всего безупречность, говоритъ Ему: *благоугождай предо Мною и буди непороченъ* (Быт. XVII, 1). Эта безупречность принимается въ смыслѣ высшаго нравственнаго совершенства. Апостолъ Павелъ, такъ какъ онъ имѣлъ дѣло съ язычниками, только что возвысившимися надъ многобожіемъ, оставившими пороки, отрѣшившимися отъ блуда и прелюбодѣянія, не требовалъ высшей добродѣтели, и когда ему нужно было поставить пастырей для вселенной, исполненной блуда и порока, между тѣмъ какъ благочестіе тогда не процвѣтало, то онъ такъ писалъ Титу о поставленіи епископовъ: *да устроиши епископы, якоже тебѣ азъ повелѣхъ: аще есть непороченъ* (безвиненъ) (Тит. I, 5, 6). Безупречности тогда нельзя было требовать, потому что, какъ я уже сказалъ, благочестіе тогда не процвѣтало. Великое дѣло—безупречность, а безвинность занимаетъ средину: сравнительно со зломъ она велика, а въ смыслѣ добродѣтели—мала. Поэтому и сказалъ (апостолъ): *единыя жены мужу* (ст. 6). Теперь въ церкви это уже не соблюдается, потому что іерей долженъ быть увѣнчанъ совершенной безупречностью и святостью; но такъ какъ тогда и это уже имѣло большое значеніе среди преданнаго блуду міра, то апостолъ и говоритъ: *да поставиши епископы, якоже тебѣ азъ повелѣхъ: аще кто есть непороченъ, единыя жены мужъ* (ст. 6), не потому, что возводилъ это въ законъ, но потому, что снисходилъ къ заблужденію. Онъ зналъ, конечно, что со временемъ, когда благочестіе достигнетъ цвѣтущаго состоянія, человѣческая природа сама по себѣ, по своей волѣ будетъ стремиться къ добру и изберетъ для себя путь, ведущій къ высшему совершенству. *Непороченъ, праведенъ*. Значитъ, нельзя быть праведнымъ, не будучи прежде того безупречнымъ. *Истиненъ*. Что означаетъ—*истиненъ*? Не такой, у котораго слово рас-

ходится съ дѣломъ; не такой, что выставляетъ на видъ свое цѣломудріе, а предается невоздержанію; не такой, что стоитъ по внѣшности за правду, а въ сердцѣ своемъ преданъ неправдѣ. Этотъ человѣкъ — *истиненъ* и, вмѣстѣ съ тѣмъ, *богочестивъ*. Въ самомъ дѣлѣ, когда имѣется на лицо безупречность, праведность и истинность, тогда именно и возможно истинное богочестіе. *Удаляяся отъ всякія лукавыя вещи* (ст. 1). Такъ и Давидъ говоритъ: *любящіи Господа; ненавидите злая* (Пс. xcvi, 10),—потому что невозможно въ одно и то же время быть богочестивымъ и предаваться злу. Исчисляются далѣе и богатства Іова; именно, что онъ имѣлъ овецъ семь тысячъ, верблюдовъ три тысячи, воловъ пятьсотъ запряжекъ и ослицъ пасшихся пятьсотъ. Зачѣмъ сообщаются такія подробности? Не изъ удивленія, конечно, предъ богатствомъ Іова, но чтобы тебѣ, слушателю, дать понятіе о размѣрахъ его богатства, чтобы, когда вслѣдъ за этимъ увидишь его лишен- 570
нымъ всего имущества и не рыдающимъ, ты подивился, что, лишившись столькихъ благъ, онъ не сѣтуетъ на Благодѣтеля и не укоряетъ Создателя. Значитъ, написано это не для того, чтобы тебѣ внушить удивленіе къ его богатству, но чтобы ты оцѣнилъ по достоинству твердость духа и терпѣніе праведника, и всегда имѣлъ предъ глазами страхъ Божій. Впрочемъ, дальнѣйшая исторія Іова послужитъ предметомъ нашего разсмотрѣнія въ другой разъ. Діаволъ, братіе, когда увидѣлъ, что Іовъ умножаетъ свое временное богатство, а при его помощи собираетъ себѣ вѣчныя сокровища, то подумалъ, что если вмѣстѣ съ возрастаніемъ его богатства возрастаетъ и его праведность, то вмѣстѣ съ уничтоженіемъ его уничтожится и его добродѣтель; вслѣдствіе этого онъ старается погубить его имущество, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожить и плоды его. Пусть подумаютъ объ этомъ тѣ, которые говорятъ: развѣ Іовъ не былъ богатъ? Развѣ Авраамъ не былъ богатъ? Почему же отъ насъ ты требуешь нестяжательности? На это скажу я тебѣ: будь богатъ подобно Іову, и я пожелаю тебѣ еще большаго обогащенія; будь подобенъ Аврааму, и весь свѣтъ будетъ благословлять твое богатство. Скажи и ты подобно Іову: *дверь моя всякому приходящему отверста* (xxxi, 32); скажи: плечи нищихъ я согрѣлъ; скажи: *отъ стриженія агнцевъ моихъ согрѣшася плещи ихъ* (xxxi, 20); скажи: *уста вдовича благословиша мя* (xxix, 13),—и тогда будь богатъ, сколько тебѣ угодно. Тогда ты окажешься не для себя обогащающимся, но для пользы бѣдныхъ. *Дверь моя*, говоритъ праведникъ, *всякому приходящему отверста бѣ*. Подражай его великой любви къ бѣднымъ, поревнуй его терпѣнію, поучись мужеству противъ врага, воодушевись его чувствами. Но достаточно объ этомъ. Да пошлетъ же

Господь нашъ терпѣніе и ревность, необходимыя для продолженія нашихъ бесѣдъ,—чтобы и вы требовали отъ насъ окончанія того, о чемъ мы начали говорить, и мы предложили вамъ продолженіе начатаго. Да дастъ Онъ намъ и праздникъ достойно провести и, принявъ участіе въ страстяхъ святыхъ, пріобщиться и страсти Христовой. Въ самомъ дѣлѣ, какъ справедливо, что страсти Христовы предваряются страстями святыхъ! Страсти святыхъ озарили насъ подобно молніямъ, чтобы вслѣдъ затѣмъ явился Христосъ, какъ говоритъ Павелъ, всѣмъ сострадающій и со всѣми прославляемый (Римл. VIII, 17). Итакъ, молитвами и предстательствомъ святыхъ отцовъ, утверждаясь въ сказанномъ и ожидая дальнѣйшаго, будемъ возсылать славу Отцу и Сыну и Святому Духу, во вѣки вѣковъ. Аминь.

Слово III.

1. Возвратимся, братіе,—мы къ наставленіямъ, а вы къ слушанію: всѣ вмѣстѣ примемъ участіе во вчерашней исторіи Іова, и съ вѣрою послѣдуемъ ученію о терпѣніи. Вѣдь странно было бы, что Іовъ, сидя въ навозной кучѣ, не ослабѣвалъ въ благочестіи, а мы, собравшись въ церкви, медлили бы въ послѣдованіи истинѣ; и тогда какъ онъ, безчисленными стенаніями оглашая свои несчастія, не поколебался душою, мы, среди пѣнія и пѣсней духовныхъ и божественныхъ писаній, предавались бы вмѣсто усердія лѣности. Іовъ, когда тѣло его было изъѣдаемо червями, душу сохранилъ неуязвимою въ благочестіи; его черви не побѣдили, а мы будемъ истощены потомъ? Будемъ же и мы людьми, людьми въ смыслѣ сдѣланнаго выше опредѣленія. По нему—отличительными свойствами человѣка являются непорочность, праведность, истинность, богочестіе. И какъ въ обыденной жизни, если кто посылаетъ своего слугу или сына съ какимъ-либо порученіемъ, то приказываетъ ему такъ: „сдѣлай это по-человѣчески“, такъ что общее имя получаетъ особенное значеніе,—такъ и въ этомъ случаѣ: хотя всѣ называются людьми, однако истинный человѣкъ только тотъ, который сохранилъ образъ и не утратилъ первообразной красоты. (Повѣствователь) назвалъ Іова человѣкомъ, чтобы при общности природы ты подивился его усердію. Сказалъ о немъ, что онъ былъ изъ страны Авситидійской, чтобы ты восхвалилъ плодъ, происшедшій изъ

страны, обильной нечестіемъ. Сказалъ объ его богатствѣ, не для того, чтобы ты дивился его состоятельности, но чтобы удивлялся ему, когда онъ лишился всего. Все онъ утратилъ, а благочестія не утратилъ, уподобившись осажденному городу, совершенно обнаженному отъ всего совнѣ и охраняемому одною только стѣною. Онъ лишился дѣтей, но плоды благочестія сохранилъ. Да они, плоды благочестія, и были для него сыновьями, а добродѣтели замѣняли ему дочерей. Три дочери было у него по плоти, и три добродѣтели по духу, какъ говоритъ Павелъ: *пребываютъ вѣра, надежда, любы—три сія: больши же сихъ любы* (1 Кор. XIII, 13). Онъ лишился всего, но Создателя естества не отвергся: онъ зналъ, что дѣти есть надежда будущаго, но самый корень въ рукахъ Божіихъ. Онъ не предался малодушію, когда увидѣлъ гибель плодовъ, потому что зналъ, что воздѣлыватель корня пребываетъ во вѣки. Онъ лишился овецъ, но самъ былъ овцой, 571
хранимой Богомъ; лишился воловъ, но хотя упряжь воловъ была сокрушена, сопряженіе души и тѣла его не разрушилось, но во взаимномъ согласіи онѣ влекли плугъ благочестія. Образъ терпѣнія онъ усвоилъ себѣ какъ плодъ добродѣтели, чтобы умножить плоды терпѣнія. Итакъ, было у него три тысячи верблюдовъ, пятьсотъ ослицъ на пастбищѣ. Я думаю, что для него было мало того, что онъ имѣлъ. Вѣдь если онъ помогалъ, какъ самъ говоритъ: *око бѣхъ слѣпымъ, нога же хромымъ* (XXIX, 15), каждому бѣдняку, то этого имѣнія было мало по его усердію: такая благотворительность требовала большихъ средствъ, чѣмъ какими онъ располагалъ. Бѣднякомъ оказывался Іовъ, такъ какъ его средства были несоразмѣрны съ его усердіемъ; хотя и былъ онъ богатъ, судя по тому, чѣмъ владѣлъ, но, имѣя въ виду его намѣренія, оказывался бѣднымъ. *И дѣла велія*, говоритъ Писаніе, *бяху ему на земли* (ст. 8). Какія это? Любовь къ бѣднымъ и страннымъ, глубочайшее смиреніе, неистощимая благотворительность и вообще все, что составляетъ добродѣтель. И не столько временнымъ богатствомъ онъ славился, сколько богатствомъ благочестія. Иной кто-нибудь мудрый, понимая это слово въ общемъ смыслѣ, подумаетъ, что великія дѣла—это виноградники, масличныя сады, пашни, и тому подобное. Въ дѣйствительности же великія дѣла на землѣ у него заключались въ процвѣтаніи небеснаго богатства. Вселукавый діаволъ, какъ я уже сказалъ прежде, предположивъ, что какъ съ его богатствомъ возрастаетъ и его добродѣтель, такъ и за оскудѣніемъ богатства послѣдуетъ оскудѣніе его въ добродѣтели, истребляетъ его имѣніе, чтобы лишить вмѣстѣ съ тѣмъ и добродѣтели, и проситъ у Бога употребить искушеніе противъ праведника. Онъ проситъ,—отсюда.

ты долженъ увѣриться, что демонъ не имѣетъ власти ни надъ христіаниномъ, ни вообще надъ человѣкомъ, боящимся Бога, если не будетъ ему позволено свыше, или для наказанія, или въ видѣ попущенія. Вѣдь, когда Богъ налагаетъ на человѣка бѣдствія, то или за грѣхи, или для упражненія его добродѣтели въ божественныхъ подвигахъ. Итакъ, не могъ діаволъ воевать противъ Іова, если бы не былъ допущенъ до этого Богомъ. И не удивляйся, возлюбленный, что не имѣлъ онъ надъ Іовомъ власти, пока не получилъ позволенія отъ Бога. Вѣдь даже надъ свиньями онъ не имѣетъ власти. Послушай, какъ проситъ легіонъ, говоря: *аще изгониши ны, повели намъ ити въ стадо свиное* (Мѳ. VIII, 31). Если надъ свиньями не имѣетъ власти безъ позволенія, то надъ созданными по образу Божію какую можетъ имѣть власть безъ приказанія? *Бысть*, говоритъ, *яко день сей, и се пріидоша ангели Божіи предстати предъ Господемъ, и діаволъ пріиде съ ними* (I, 6). Итакъ, неужели въ ангельскомъ служеніи участвуетъ и діаволъ, и среди святыхъ духовъ является и нечистый духъ? Конечно, ни святые ангелы не предстоятъ Богу тѣлесно, ни сатана; но вообще служеніе ихъ названо предстояніемъ. Именно, какъ о Иліи, дѣйствовавшемъ на землѣ, было сказано, что онъ предстоялъ Богу: *живъ Господь, Емуже предстою предъ Нимъ* днесь (3 Цар. XVII, 1), не въ томъ смыслѣ, что взойдя на небеса предстоялъ, но что былъ исполнителемъ божественнаго повелѣнія, такъ и діаволъ предсталъ предъ Богомъ, не на небѣ, не среди премірныхъ силъ, но какъ созданіе Божіе, обязанное исполнять то, что повелѣно. А какъ,—послушай. Впрочемъ, конечно, вы сами уже сдѣлали изъ моихъ словъ такой выводъ: значитъ, Богъ пользуется діаволомъ какъ слугою. Дѣйствительно, какъ въ человѣческихъ войскахъ выдѣляются воины, которые несутъ почетную службу, и съ другой стороны такіе, на обязанности которыхъ лежитъ приводить въ исполненіе наказанія, такъ и здѣсь—для добрыхъ дѣлъ и для устроенія спасенія
572 людей посылаются святые ангелы, а для наказанія беззаконныхъ людей посылаются демоны; а какъ, послушай. Когда Павелъ воспоминаетъ о святыхъ ангелахъ, онъ говоритъ: *не вси ли суть служебніи дуси, въ служеніе посылаеми за хотящихъ наслѣдовати спасеніе* (Евр. I, 14)? Отсюда ясно, что святые ангелы служатъ спасенію людей. А гнусные демоны, по словамъ Давида, служатъ для наказанія грѣшниковъ: *посла на ня* (на египтянъ) *ярость и гнѣвъ и скорбь, посланіе ангелы лютыми* (Пс. LXXVII, 49).

2. Значитъ, злые и нечистые духи, хотя и не повинуются по доброй волѣ, но находятся подъ игомъ работы и принуждаются какъ палачи исполнять то, что приказано. И не удивляйся, что

Богъ приказываетъ демонамъ. И апостолы употребляютъ діавола какъ палача. Павелъ пишетъ: такъ какъ *нѣцыи отъ вѣры отпадоша*, то *предахъ ихъ сатанѣ, да накажутся не хулити* (1 Тим. I, 19, 20). И опять о нѣкоемъ блудникѣ, подлежавшемъ наказанію, что говоритъ тотъ же самый Павелъ? *Собравшымся вамъ и моему духу, съ силою Господа Іисуса, судихъ содѣявшаго сице сіе предати таковаго сатанѣ во измождение плоти, да духъ спасется въ день Господа* (1 Кор. V, 3, 4, 5). Именно, чтобы не подумали демоны, что они вообще владѣютъ божественною властью, они принуждаются и противъ воли исполнять повелѣнія, но поручается имъ не то, что служитъ ко благу, но то, что составляетъ наказаніе. Развѣ не извѣстно вамъ, что и наши власти, когда призываютъ кого-либо съ честью, посылаютъ гонцовъ, называемыхъ по-римски курсорами, а если кого привлекаютъ съ безчестіемъ, посылаютъ другихъ воиновъ—грязныхъ и грубыхъ? Такъ и Богъ къ святымъ посылаетъ ангеловъ, содѣйствующихъ спасенію, а когда хочетъ наказать, поручаетъ это нечистымъ духамъ. Поэтому, когда Богъ выражалъ Свое недовольство противъ Ахаава, Онъ сказалъ: *кто взыдетъ и прелститъ Ахаава, и падетъ?* И отвѣчалъ духъ нечистый: *азъ* (3 Цар. XXII, 20, 21). Онъ зналъ, конечно, что для этого именно назначенъ діаволъ. Итакъ, демоны (будьте же внимательны къ моимъ словамъ, прошу васъ; вѣдь я говорю о невидимыхъ предметахъ, а не о чувственныхъ; впрочемъ, я совсѣмъ бы и не сталъ говорить о подобныхъ вещахъ если бы не находилъ повода въ Священномъ Писаніи; правда, не дѣло человѣческой мысли отдѣлять сверхчувственное отъ чувственнаго, но не могу же я говорить противъ того, что сказалъ Богъ; послѣдуемъ же написанному—охотно или неохотно); итакъ, лукавые духи посылаются собственно для приведенія въ исполненіе наказанія надъ злыми людьми; но посылаются и къ праведнымъ людямъ, не для наказанія, но для испытанія. Такъ какъ святой ангелъ не можетъ быть посланъ для искушенія (конечно, Богъ и не прикажетъ ангелу чего-либо недостойнаго), то съ этою цѣлью и употребляются нечистые духи. И не удивляйся, что нечистые духи посылаются къ праведникамъ. Вѣдь нѣкогда и Владыка всѣхъ былъ возведенъ отъ Іордана въ пустыню искуситься отъ діавола. Значитъ, если Господа и Спасителя всѣхъ искушалъ діаволъ, то что удивляться, когда къ праведнику для испытанія его терпѣнія посылается лукавый духъ? Посылается, впрочемъ, не въ смыслѣ приказанія отъ Бога, но въ смыслѣ попущенія; Писаніе прибѣгаетъ здѣсь къ олицетворенію. Конечно, не слышитъ лукавый духъ голоса съ неба, и не одобряются его злые замыслы. Хотя природа его добрая, но воля зла, и потому

не удостоивается діаволъ пречистаго гласа. Если ты скажешь: *рече Господь діаволу* (I, 7), то я спрошу тебя словами Давида: *грѣшнику же рече Богъ: вскую ты повѣдаеши оправданія моя* (Пс. XLIX, 16)? Развѣ голосъ раздался грѣшнику? Нѣтъ, конечно; но подобныя выраженія употребляются, чтобы показать, что дѣлами, имъ соотвѣтствующими, Богъ въ такомъ именно смыслѣ вразумляетъ недостойныхъ. *И повелѣ Господь киту* (Іон. II, 1). Проговоривъ голосомъ, или давъ какое-либо приказаніе? *И повелѣ Господь Богъ червію раннему* (Іон. IV, 7). Итакъ, если (Писаніе) выражается образно, что Богъ говорилъ съ діаволомъ, то изъ равночестія не принимай этого безчестнаго и преступнаго намѣренія за восходящее къ лицу Владыки. Предстоятъ ангелы по чину ихъ служенія; пришелъ и діаволъ и предсталъ среди ангеловъ,—чтобы тебѣ знать, что онъ имѣетъ природу ангела, но воспринялъ нравъ предателя. Діаволъ, братіе, это названіе не
573 природы, но свободнаго произволенія. Почему діаволъ? Діаволъ существовалъ не съ самаго начала, но былъ созданъ ангеломъ; назвался же діаволомъ тогда, когда оклеветалъ Бога предъ людьми, а людей предъ Богомъ, когда сталъ вооружать Владыку противъ слуги и слугу противъ Владыки. Если къ намъ приступаетъ діаволъ и говоритъ, напримѣръ, такъ: сколько бѣдствій въ мірѣ! Гдѣ же Богъ? Почему Онъ не управляетъ міромъ?—то, конечно, это онъ клевещетъ намъ на Создателя: именно это дѣло свойственно діаволу изначала. Онъ клевещетъ Адаму на Бога, говоря: *вѣдяше бо Богъ, яко въ оньже аще снѣсте отъ* древа, *будете яко бози* (Быт. III, 5). Изъ зависти, говоритъ, запретилъ вамъ Богъ ѣсть. Тамъ клевещетъ Адаму на Бога, здѣсь Богу на Іова. *Еда туне чтитъ Іовъ Господа* (I, 10)? То есть, онъ наемникъ, а не добродѣтеленъ: онъ отплачиваетъ Тебѣ за Твои благодѣянія. Отними у него имущество, и его расположеніе обнаружится. А такъ какъ Богъ видѣлъ, что праведникъ несправедливо оговаривается имъ, то отнимаетъ у него богатство, чтобы разрушить подозрѣніе и показать его благочестіе безъ всякихъ прикрытій. И замѣть разсчетъ лукаваго демона: *рече Господь діаволу: откуду пришелъ еси* (I, 7)? На это гордый и коварный, не сознавая ни своего мѣста, ни достоинства спрашивающаго, говоритъ: *обшедъ землю и прошедъ поднебесную, се есмь*,—говоритъ такъ съ явною цѣлью показать, что онъ господствуетъ подъ небомъ, что все земное попираетъ, что всѣ люди подъ ногами его. *Обшедъ*, говоритъ онъ, *землю и прошедъ поднебесную, се есмь*. Низложено теперь это высокомѣріе діавола. Хотѣлъ онъ обладать образомъ Божіимъ, а вмѣсто того изгоняется съ земли, такъ что не можетъ уже болѣе обходить ее. Его извергаетъ Владыка всѣхъ, который самъ

возвѣстилъ о Себѣ: *вселюся въ нихъ, и похожду, и буду имъ Богъ* (2 Кор. VI, 16; ср. Лев. XXVI, 12).

8. Прежде, дѣйствительно, діаволъ обходилъ землю. Когда господствовало идолослуженіе, когда преобладало нечестіе, когда всѣ дѣла злобы процвѣтали, тогда, конечно, дѣйствовалъ на землѣ діаволъ; когда же—святость и праведность и истина среди хранящихъ истину, тогда Богъ вселяется и ходитъ. *Внялъ ли еси мыслію твоею*, говоритъ Господь діаволу, *на раба моего Іова? Зане нѣсть, яко онъ, на земли человѣкъ непороченъ*, праведенъ, *истиненъ, удаляяйся отъ всякія лукавыя вещи* (Іов. I, 8). Послѣ того, какъ діаволъ сказалъ: *прошедъ поднебесную* всю (ст. 7), и хвалился тѣмъ, что ему все подвластно, слово истины, ниалагая высокомѣріе, спрашиваетъ его: видѣлъ ли ты человѣка, который не преклоняется предъ твоей властью, тогда какъ, по твоимъ словамъ, тебѣ все подвластно? Видѣлъ ли ты человѣка, противъ котораго безсильна вся твоя злоба? Видѣлъ ли ты того, кто попираетъ тебя, все попирающаго? Видѣлъ ли ты того, кто ниалагаетъ твою власть, твою неправду разрушаетъ своей правдою, твое нечестіе своимъ благочестіемъ? А онъ возражаетъ Богу и говоритъ: *еда туне чтитъ?* Онъ указалъ на богатство Іова, чтобы унизить его достоинство и опорочить нравы, чтобы набросить подозрѣніе на его добродѣтель. Ты далъ, говоритъ, ему изобиліе во всемъ; отними это изобиліе, и его лицемѣріе обнаружится во всей наготѣ. Говоритъ ему Богъ: *коснися всѣхъ, яже иматъ* [1]) (ст. 11). Богъ зналъ, что его разсчеты не оправдаются, говоритъ: вотъ, надъ всѣмъ, что онъ имѣетъ, даю тебѣ власть, только самого его не касайся. Указываетъ предѣлы злобѣ діавола. Смотри же далѣе, какой лукъ напрягаетъ онъ противъ праведника, какія стрѣлы бросаетъ въ него. Вышелъ дѣлатель зла (отъ Господа) и прежде всего самъ облекается въ различные образы, самъ является исполнителемъ своихъ злыхъ замысловъ, самъ наноситъ удары и самъ же возвѣщаетъ о нихъ. Въ самомъ дѣлѣ, сказалъ, передаетъ (Писаніе), діаволъ Іову: *супруги воловъ* твоихъ *оряху и ослицы пасяхуся близъ ихъ, и пришедше плѣнители, и отроки твоя избиша мечемъ, и остахся азъ единъ, и пріидохъ возвѣстити тебѣ* (ст. 14, 15). Вотъ первое искушеніе со стороны діавола, первая стрѣла его противъ благороднаго борца. Но (его нападеніямъ) противопоставилъ Іовъ щитъ вѣры, могущій погасить всѣ разжженныя стрѣлы лукаваго. Упряжныхъ воловъ онъ потерялъ, но его душа не поколебалась. Ослицы погибли, но этотъ благородный конь не сбросилъ съ

---

[1]) Эти слова принадлежатъ діаволу.

себя узды благочестія. Онъ выслушалъ горькое извѣстіе объ утратѣ имущества, но оставался твердымъ и неодолимымъ какъ башня. Пожалѣлъ, я думаю, тогда діаволъ, жестокій въ злобѣ своей и злобный въ намѣреніяхъ, пожалѣлъ, что именно такъ возвѣстилъ Іову. Будь же внимателенъ, прошу тебя, чтобы и тебя не обманула хитрость лукаваго, о которомъ и апостолъ предупреждаетъ, говоря: *не неразумѣваемъ бо умышленій его*
574 (2 Кор. II, 11). Итакъ, когда возвѣстилъ ему, что *супруги воловъ оряху, и ослицы пасяхуся, и* пріидоша *плѣнители*, и увидѣлъ, что Іовъ принялъ это извѣстіе безъ всякаго смущенія, пожалѣлъ діаволъ, что неудачно возвѣстилъ, и какъ бы такъ разсудилъ самъ съ собой: „промахнулся я, сказавъ, что люди напали на него; онъ могъ подумать: если люди напали и обидѣли меня, при чемъ тутъ Богъ? Плохо я выстрѣлилъ, не прицѣлился, и вотъ выстрѣлъ неудаченъ, стрѣла не попала въ цѣль. Я сказалъ, что люди увели въ плѣнъ его скотъ; онъ можетъ сказать: съ какой кстати несправедливость людей я буду приписывать Богу? Одни обидѣли, а я буду хулить другого"? И вотъ, чтобы перевести мысль его отъ людей къ Богу, и показать, что не люди вредятъ ему, но самъ Богъ противъ него, діаволъ возвѣщаетъ ему уже иначе: *огнь спаде съ небесе* (ст. 16). Теперь ты не можешь сказать, что враги бросили огонь съ неба. Негодуй же на эту несправедливость. похули Того, Кто виноватъ противъ тебя. *Огнь спаде съ небесе.* Зачѣмъ же ты служишь обидчику? Зачѣмъ покланяешься своему раззорителю? *Огнь спаде съ небесе.* Услышалъ объ этомъ Іовъ и опять перенесъ спокойно. Его терпѣніе было въ полномъ смыслѣ терпѣніе до конца, какъ говоритъ Спаситель: *претерпѣвый же до конца, той спасенъ будетъ* (Мѳ. X, 22). Каждый день трудился онъ, принося жертвы за дѣтей; и Богъ постоянно принималъ эти ежедневныя его жертвоприношенія. *Огнь спаде съ небесе.* Если бы я одинъ пользовался своимъ богатствомъ, то мнѣ слѣдовало бы скорбѣть; если же пользовались имъ и бѣдные, не могъ Владыка пренебречь ими. Я знаю, что то, что приносится Ему въ жертву, онъ возвращаетъ пятерицею. Вѣдь не неправдой собрано мое имѣніе? Не путемъ корыстолюбія пріобрѣлъ я овецъ? *Отъ стриженія агнцевъ моихъ согрѣшася плещи* убогихъ (XXXI, 20), *уста же вдовича благословиша мя* (XXXI, 18). Знаетъ Богъ, что Онъ творитъ. Теперь Онъ взялъ мое имущество въ качествѣ жертвы; возвратитъ мнѣ его множицею за умноженіе добродѣтели. Не поколеблютъ меня внѣшнія стрѣлы, когда я обладаю внутреннею твердостью, и еще больше укрѣпятъ меня извнутри стрѣлы Божіи. Вѣдь *изощрены стрѣлы Сильнаго* (Пс. XXXVII, 4). Стрѣлы—какія? Стрѣла благочестія. стрѣла

правды, стрѣла любви къ Богу, стрѣла ревности къ добродѣтели: этими божественными стрѣлами уязвляется душа. Итакъ, подвергнувъ праведника этому испытанію до конца и уничтоживъ его богатство, діаволъ не могъ однако уничтожить его добродѣтели. Тогда наконецъ наноситъ онъ ему ударъ со стороны природы, поражаетъ его въ произведеніяхъ его природы, уничтожаетъ побѣги отъ его корня: губитъ дѣтей доблестнаго противника; истребляетъ плоды, чтобы опечалить ихъ производителя. И что при томъ дѣлаетъ? Замѣть и то, какъ извѣщаетъ объ этомъ лукавый праведника, сколько хитрости и коварства скрыто здѣсь, какъ же должна была эта вѣсть потрясти праведника? Итакъ, говоритъ ему діаволъ: *сыномъ твоимъ и дщеремъ твоимъ ядущымъ и піющымъ* въ домѣ сына твоего *старѣйшаго* [1]), *вѣтръ великъ найде отъ пустыни* и потрясе храмину [2]) *и паде храмина на дѣти твоя, и скончашася* (ст. 18, 19). (Употребилъ) выраженіе уменьшительное, которое могло еще болѣе усилить скорбь: не сказалъ: на сыновей (ἐπὶ τὰ τέκνα), но: на дѣтей (ἐπὶ τὰ παιδία), чтобы, слыша о дѣтяхъ, впалъ въ скорбь, подвигся къ состраданію. *Найде вѣтръ великъ отъ пустыни.* Опять клевещетъ на Судію, потому что вѣтры не зависятъ отъ людей, но отъ Бога. *Паде на дѣти твоя, и скончашася.* Тогда *Іовъ воста*: такъ именно написано (ст. 20). Хорошо сказано: *воста*; онъ не палъ подъ ударомъ, но возсталъ съ силою благочестія. *Воста и поклонися.* За несчастія воздаетъ благодарность поклоненіемъ. Побиваемый благословляетъ; поражаемый несчастіями благодаритъ. *И остриже власы главы своея* (ст. 20). Теперь у насъ многіе въ печали отпускаютъ волосы, а онъ остригъ ихъ. Тотъ, кто удрученъ печалью, стремится къ тому, чтобы измѣнить свой внѣшній видъ противъ обыкновеннаго: гдѣ почитаются волосы, тамъ знакомъ печали служитъ остриженіе ихъ. Вездѣ пораженные горемъ стремятся измѣнить свой видъ противъ обыкновеннаго. *Растерза ризы своя.* Повидимому онъ предается печали, а на самомъ дѣлѣ разоблачается для подвига добродѣтели. Онъ снимаетъ съ себя одежду, чтобы обнаженнымъ борцомъ схватиться съ противникомъ и чтобы этою невѣроятною борьбою стяжать вѣнецъ добродѣтели. Облекаясь въ добродѣтель, онъ оставляетъ свою одежду. И говоритъ великій свѣтильникъ благочестія: *Господь даде, Гос-* 575
подь отъятъ, яко Господеви изволися, тако бысть: буди имя Господне благословенно во вѣки (I, 21). О, благородная душа! Самыя слова его явились стрѣлой для діавола; изъ его устъ полетѣли

[1]) Слав: *у брата своего старѣйшаго.*

[2]) Слав: *коснеся четыремъ угломъ храмины.*

стрѣлы противъ лукавыхъ духовъ; одно восклицаніе привело въ смятеніе ряды противниковъ. *Нагъ изыдохъ отъ чрева матери моея, нагъ и отъиду тамо* (ст. 21). Это—апостольскій голосъ, мужественно раздающійся задолго до апостольскихъ временъ: *нагъ изыдохъ отъ чрева матере моея, нагъ и отъиду тамо*, какъ говоритъ апостолъ: *ничтоже внесохомъ въ міръ сей, яве, яко ниже изнести что можемъ* (1 Тим. vi, 7). *Господь даде, Господь отъятъ.*

4. Всего, однимъ словомъ, лишенъ былъ (праведникъ); оставлена была ему только жена, это исконное орудіе діавола. Оставлена была жена не потому, что діаволъ пощадилъ ее, но потому, что сохранялъ ее для себя въ качествѣ орудія. Онъ помнилъ, конечно, что именно съ помощью жены одолѣлъ онъ перваго человѣка, и вотъ теперь сохраняетъ жену, чтобы тѣмъ же самымъ орудіемъ воспользоваться въ своихъ коварныхъ цѣляхъ. Но тамъ онъ встрѣтилъ Адама, здѣсь Адама не встрѣчаетъ. Тамъ онъ встрѣтилъ Адама и Еву; здѣсь Еву нашелъ, а Адама не нашелъ. Говоритъ Іову жена: *доколѣ терпиши* (Іов. ii, 9)? Вотъ поистинѣ слова діавола! *Доколѣ?* Это вопль того, кто терпитъ искушеніе. Меня искушаютъ, а ты говоришь: *доколѣ?* Меня поражаютъ, а ты изнемогаешь подъ ударами, на меня падающими? Доколѣ ты будешь сидѣть, ожидая день ото дня спасенія? Противъ воли воспѣваетъ діаволъ добродѣтели праведника, провозглашаетъ его терпѣніе, (свидѣтельствуя), что онъ боролся съ надеждой. *Доколѣ?* Замѣть дальше мудрость писателя книги. И *воззрѣвъ*, говоритъ, на нее, *рече* Іовъ (ii, 10). Не сказалъ: выслушавъ ея слова, но *воззрѣвъ*; почему—*воззрѣвъ?* Развѣ онъ не зналъ своей жены? Не съ ней прожилъ жизнь? Не отъ нея имѣлъ дѣтей? Почему же теперь воззрѣлъ на нее? Это выраженіе—*воззрѣвъ*—показываетъ, что не на нее онъ смотрѣлъ, но на того, кто въ ней. Посмотрѣлъ Іовъ на діавола: онъ увидѣлъ того, кто говорилъ нѣкогда устами змѣя и кто теперь говоритъ устами жены. И говоритъ: *яко едина отъ безумныхъ женъ возглаголала еси* (ст. 10). Почему не сказалъ: какъ одна изъ нечестивыхъ, какъ одна изъ безбожныхъ? Онъ зналъ, что не нечестіе побудило ее сказать эти слова, но безуміе,—хотя въ другомъ мѣстѣ безумнымъ названъ именно тотъ, кто отрицалъ Бога: *рече*, говоритъ (псалмопѣвецъ), *безуменъ въ сердцѣ своемъ: нѣсть Богъ* (Пс. xiii, 1). *Яко едина отъ безумныхъ женъ*; другой, можетъ быть, сказалъ бы: ты заговорила какъ Ева. *Аще благая пріяхомъ отъ руки Господни, злыхъ ли не стерпимъ* (ст. 10)? О, благородная душа! Въ этомъ сказывается величіе его духа. Не зналъ Іовъ, что онъ совершаетъ подвигъ добродѣтели; не зналъ, что онъ пріобрѣтаетъ себѣ вѣнецъ своимъ терпѣніемъ. Онъ думалъ, что обыкновенное несчастіе послано

ему Богомъ; онъ считалъ это зломъ, но и за зло не вознесъ на Бога хулы. Если же, считая свои несчастія за зло, онъ такъ мужественно переносилъ ихъ, то развѣ не высказалъ бы онъ еще большаго мужества, зная о томъ, какой вѣнецъ пріобрѣтаетъ? Но почему Богъ не предупредилъ его заранѣе? Почему не сказалъ: вотъ что тебѣ готовится: діаволъ вооружается противъ тебя, хочетъ напасть на тебя; приготовься, соберись съ силами, чтобы не смутилось твое сердце, не поколебалась твоя душа, не омрачился твой умъ. Мужайся и не думай, что Богъ не можетъ возвѣстить борцу о борьбѣ. Петру говоритъ же Господь: *Симоне, Симоне, се сатана проситъ васъ, дабы сѣялъ якоже пшеницу* (Лук. XXII, 31). Апостоламъ предрекаетъ искушенія, а Іову не предсказалъ ни искушенія, ни борьбы. *Еда неправда у Бога? Да не будетъ* (Римл. IX, 14). Однихъ Онъ подкрѣпляетъ, другихъ предоставляетъ собственнымъ силамъ. Почему не сказалъ онъ Іову того, что сказалъ апостоламъ? Зналъ Богъ злобу діавола, зналъ его зависть, зналъ его коварство, угрожавшее добродѣтели. Если бы сказалъ Богъ Іову: вооружись терпѣніемъ и укрѣпляйся; если претерпишь до конца, Я вдвойнѣ возвращу тебѣ все, что ты имѣешь въ настоящее время, и ты унаслѣдуешь царство небесное, получишь вѣнецъ безсмертія, твоя слава и похвалы тебѣ наполнятъ всю вселенную,—если бы такъ предупредилъ Богъ Іова, праведникъ подвизался бы, но діаволъ воспользовался бы этимъ предлогомъ и, когда подвижникъ одержалъ бы затѣмъ побѣду, онъ сталъ бы говорить Богу: развѣ даромъ онъ подвизался? Ты обѣщалъ ему безсмертіе, обѣщалъ царство, обѣщалъ вѣнцы. Если ужъ за то, что Іовъ пользовался временными благами, діаволъ выставлялъ его какъ наемника, а не какъ праведника, то когда онъ получилъ бы обѣщаніе вѣчныхъ благъ, не гораздо ли большимъ предлогомъ къ обвиненію послужило бы это для діавола? Но Господь скрываетъ вѣнцы, чтобы обнаружить подвиги, 576
скрываетъ награду, чтобы показать борца. Почему же въ такомъ случаѣ, говорятъ, не было скрыто и отъ апостоловъ? Вѣдь если не было открыто Іову (о предстоявшихъ ему несчастіяхъ), то по тѣмъ же самымъ причинамъ не слѣдовало ли умолчать объ этомъ и по отношенію къ апостоламъ? Іовъ былъ одинокъ въ своемъ подвигѣ, онъ трудился для себя, боролся за самого себя; апостолы же были проповѣдниками для всей земли, учителями вселенной. Отъ нихъ Господь могъ скрыть, но это угрожало вредными послѣдствіями для всего міра. Могъ Павелъ подвизаться безъ обѣщанія вѣнцовъ; могъ Петръ сохранить мужество безъ этого обѣщанія; могли апостолы, не получивши обѣщанія благъ, бороться за добродѣтель. Но не вездѣ Павелъ, не

вездѣ Петръ. Души многихъ изнемогаютъ въ борьбѣ, сердца колеблются. Если теперь, когда проповѣдуется царство небесное, будущія блага, сожительство съ ангелами, райскія наслажденія, многіе презираютъ обѣщанныя блага, прилѣпляясь къ временному, то когда бы объ этомъ совершенно было умолчано, кто сталъ бы стремиться къ благочестію? Итакъ, справедливо, братіе, Іову не открылъ Господь будущаго, чтобы его добродѣтель обнаружилась во всей своей твердости; а апостоламъ были обѣщаны блага будущей жизни, чтобы тѣмъ самымъ возбудить души ихъ слушателей и воодушевить всю вселенную. Нынѣ многіе слышатъ о царствѣ—и нерадятъ о немъ; многіе ожидаютъ Христа—и погрязаютъ во злѣ; многіе не хотятъ оставить пороковъ; многіе сегодня воздаютъ честь посту и говорятъ: сегодня я ничего не говорю своему противнику, но пусть минуютъ дни страстей Христовыхъ, и я возстановлю справедливость, накажу гордость, добьюсь всего. Неужели ты, братъ, изъ рода Исава, что держишься такихъ мыслей? Ты говоришь тоже самое, что сказалъ Исавъ. Въ самомъ дѣлѣ, Исавъ хотѣлъ убить своего брата, но боялся отца. И что сказалъ? *Да приближатся дніе плача отца моего, да быхъ убилъ Іакова брата моего* (Быт. XXVII, 41); дождусь смерти отца и тогда убью. А ты что говоришь? Пройдутъ страсти Христовы, и я раздѣлаюсь со своимъ врагомъ. Смотри, не братъ ли ты Исаву? Послушай, что говоритъ Павелъ: *да не кто блудодѣй или скверникъ, якоже Исавъ*, да не *тѣмъ осквернятся мнози* (Евр. XII, 16, 15). Это сказано мною не для огорченія, но для пользы и спасенія братій. Будемъ же мы, наставляемые словомъ и поучаемые разсказами о святыхъ, соревнуя подвигамъ святыхъ отцовъ и пророковъ, возсылать славу Богу за все, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Слово IV.

1. Вездѣ и во всѣхъ, можно сказать, божественныхъ повѣствованіяхъ слова ниже дѣлъ и рѣчи слабѣе самыхъ предметовъ; въ особенности же это нужно сказать относительно подвиговъ блаженнаго Іова. Никто и никогда не рѣшится свое слабое слово поставить въ сравненіе съ сущностью этого предмета. Хотя бы безчисленное множество словъ было сказано о немъ, никакое слово не можетъ произвести впечатлѣнія соотвѣтствующаго достоинства. А такъ какъ нами сказано посильно немногое, то и сегодня ничто не препятствуетъ намъ заняться бесѣдой о томъ

же самомъ. И пусть никто не думаетъ, что умаляется предметъ повѣствованія тѣмъ, что разсказъ передается въ сокращеніи. Вѣдь Іовъ не скорбитъ, разсѣкаемый; а если разсѣкаемый тѣлесно не скорбѣлъ, то будетъ ли скорбѣть разсѣкаемый въ разсказѣ? Мы знаемъ изъ предшествующихъ разсказовъ, какъ онъ потерялъ все, или лучше сказать, нашелъ все,—потому что, потерявъ всѣ блага (этой жизни), самого корня благъ онъ не утратилъ. Онъ потерялъ лиру, но оставался Художникъ; потерялъ плоды изобилія, но оставался самый виновникъ благополучія; лишился всего имѣнія, но не лишился добродѣтели. Онъ бросилъ діаволу свое богатство, оставивъ въ его рукахъ свою жизнь, какъ Іосифъ одежду въ рукахъ безстыдной жены. Въ страданіяхъ онъ не не пострадалъ. Вѣдь нужно, признавъ страданія его по тѣлесной природѣ, воспѣть и мужество души. Имъ проявляемы были и свойства природы, и стяжанія добродѣтели. Выслушалъ онъ вѣсть о погибели дѣтей и растерзалъ одежды, чтобы показать страданія своей природы. Если бы онъ не проявилъ этого страданія, то не удивленія заслуживала бы его любовь къ добродѣтели, но осужденія его безчувственность. Но онъ пострадалъ какъ человѣкъ, а перенесъ какъ боголюбивый; чрезъ это онъ обнаружилъ и немощь своей природы, и не измѣнилъ своей твердости въ благочестіи. Онъ разорвалъ одежды, но поклонился до земли, значитъ, діаволъ не столько поразилъ, сколько былъ пораженъ; не столько ранилъ, сколько былъ раненъ. Но когда первую борьбу такъ хорошо перенесъ Іовъ, тотчасъ Богъ предаетъ его на другую борьбу, чтобы тѣмъ блистательнѣе сплести ему вѣнецъ не- 577
тлѣнія. Именно, опять вторично ангелы предстаютъ предъ Богомъ, и діаволъ посреди нихъ опрашивается Всевидящимъ. *Откуду ты грядеши* (II, 2)? Замѣть здѣсь премудрость Божію, замѣть коварство діавола. Богъ зналъ, откуда пришелъ онъ, (зналъ именно), что онъ пришелъ, потерпѣвъ пораженіе отъ праведника, но хочетъ Богъ видѣть, сознается ли онъ честно въ испытанномъ пораженіи. *Откуда пришелъ еси?* Діаволъ, скрывъ отъ стыда пораженіе, употребляетъ свое прежнее выраженіе: *прошедъ поднебесную и обшедъ землю пріидохъ* (ст. 2). Для этого ли ты уходилъ? Этого ли просилъ? Ты ли сказалъ: отдай мнѣ имѣнія Іова? Почему умалчиваешь о своемъ нападеніи, чтобы уничтожить вѣнецъ побѣды? Скажи о борьбѣ, окаянный, скажи о нападеніи, чтобы возвѣстить о побѣдѣ. Но что скрылъ діаволъ изъ зависти, то воздаетъ возвышенному любомудрію праведника Владыка всѣхъ. *Внялъ ли еси убо рабу моему Іову* (ст. 3)? Я знаю то, что ты скрываешь. Вѣдь Богъ часто спрашиваетъ не для того, чтобы узнать, но чтобы испытать расположеніе духа спрашиваемыхъ, сознаются ли честно.

Такъ спросилъ Онъ Каина: *гдѣ есть Авель, братъ твой* (Быт. IV, 9)? Хотѣлъ его, сдѣлавшаго зло, поставить хотя бы обвинителемъ самого себя, чтобы это самоосужденіе смягчило тяжесть обвиненія. Вѣдь всякій, осуждающій самого себя, смягчаетъ негодованіе своего судіи. Итакъ, какъ тогда Богъ спрашивалъ Каина: *гдѣ есть Авель, братъ твой?* [на что тотъ, подумавъ, что вопросъ предлагается вслѣдствіе незнанія, отвѣчалъ: *не вѣмъ, егда стражъ брату моему есмь азъ* (Быт. II, 9)?] и когда обнаружилось его душевное расположеніе, тогда обличилъ его преступленіе такими словами: *гласъ крове брата твоего вопіетъ ко Мнѣ отъ земли* (ст. 10),—такъ (и въ другихъ случаяхъ), если, спросивъ, увидитъ намѣреніе быть скрытнымъ, обличаетъ виновника злого дѣла. И здѣсь, послѣ того какъ, спрашивая діавола, не получаетъ отъ него сознанія въ пораженіи, которое онъ потерпѣлъ, онъ Самъ напоминаетъ ему объ его пораженіи и прославляетъ побѣду праведника. *Внялъ ли еси мыслію твоею рабу моему Іову, яко нѣсть такова отъ сущихъ на земли, человѣкъ незлобивъ* (ст. 8)? Вникните тщательно, прошу васъ, и не оставляйте безъ вниманія этихъ словъ божественнаго Писанія. Въ первомъ свидѣтельствѣ совершенно не упомянуто: *незлобивъ*, а во второмъ (появляется это слово). Въ первый разъ Богъ говоритъ: *внялъ ли еси мыслію твоею на раба моего Іова, зане нѣсть, яко онъ, на земли человѣкъ непороченъ*, праведенъ, *истиненъ, удаляяйся отъ всякія лукавыя вещи* (Іов. I, 8)? Выраженіе *незлобивъ* тамъ не было употреблено; послѣ же побѣды и подвига присоединяетъ, какъ бы побѣдный вѣнокъ, эту похвалу, заслуженную его подвигами. Такъ какъ, пострадавъ въ сильнѣйшей степени, онъ перенесъ несчастіе безъ всякаго озлобленія, не разразившись хулой на Владыку, но приписавъ все Его благости и сказавъ: *аще благая пріяхомъ отъ руки Господни, злыхъ ли не стерпимъ* (Іов. II, 10), то послѣ того какъ имъ были произнесены эти слова незлобія, Господь сплетаетъ ему вѣнецъ незлобія, именно, что *нѣсть таковъ отъ сущихъ на земли, яко же онъ человѣкъ незлобивъ* (ст. 8). *Ты же реклъ еси имѣнія его погубити вотще* (ст. 3), т. е.: не напрасно ли ты позавидовалъ его благоденствію? Ты сказалъ, что онъ благочестивъ изъ-за богатства: вотъ онъ потерялъ все, но не утратилъ истины. Итакъ, напрасно ты, діаволъ, требовалъ гибели всего его имѣнія. Но нѣтъ конца злобѣ лукаваго! Онъ находитъ опять другое средство, могущее низложить мужество избранника Божія. И вотъ онъ говоритъ Богу: *кожу за кожу, и вся елика имать человѣкъ, дастъ за душу свою* (Іов. II, 4). Ничего, говоритъ, особеннаго нѣтъ въ томъ, что онъ утратилъ то, что имѣлъ: онъ съ удовольствіемъ пренебрегъ всѣмъ, чтобы сохранить себѣ жизнь. Но если хочешь испытать его, *коснися плоти*

его, аще не въ лице Тя благословитъ (ст. 5); *благословитъ* здѣсь употреблено вмѣсто „проклянетъ“, потому что Писаніе подъ благословеніемъ скрыло злословіе.

2. Для чего же написано такъ? Для того, чтобы научить тебя, вѣрный, когда ты разсказываешь о постыдныхъ проявленіяхъ чужого зла, облекать ихъ приличными словами, поставляя свою честь не въ томъ, чтобы дѣлать постыдное, но въ томъ, чтобы избѣгать даже разговора о постыдномъ. Поэтому и апостолъ говоритъ: *всяко слово гнило да не исходитъ изъ устъ вашихъ* (Еф. IV, 29). Вслѣдъ за этимъ предаетъ Богъ Своего борца на вторичное испытаніе, не для собственнаго убѣжденія въ томъ, каковъ онъ, но чтобы діавола посрамить на дѣлѣ. Богъ, конечно, прежде всякихъ опытовъ знаетъ все. *Изыде діаволъ отъ лица Господня, и порази Іова гноемъ лютымъ отъ ногъ даже до главы* (ст. 7). Все тѣло его обратилось въ сплошную рану, въ одинъ струпъ. Нужно 578
было борцу увѣнчаться совершенно и во всѣхъ отношеніяхъ. Отъ ногъ и до головы спасительная рана, побѣдная язва, язва по внѣшности источающая гной, а по смыслу — полная благословенія. Гноеніе раны продолжалось недолго, а благословенія, которыя породила борьба, не оскудѣютъ во всѣ вѣки. *Порази* его *гноемъ лютымъ* отъ ногъ *даже до главы*, чтобы онъ оказался увѣнчаннымъ весь во всѣхъ своихъ членахъ. Затѣмъ, такъ какъ человѣкъ, страдавшій подобною болѣзнью, не могъ оставаться ни въ какомъ обитаемомъ мѣстѣ, но всѣ дома были для него закрыты, какъ для оскверненнаго (потому что не что иное была рана Іова, какъ оскверненіе), то онъ вышелъ вонъ изъ города, удалившись отъ всего міра; вышелъ изъ города и сѣлъ на навозѣ; вышелъ изъ города, потому что велъ борьбу не обычную жизненную, но выходящую за предѣлы настоящаго состоянія. Удаленіе же его изъ города и городскихъ стѣнъ было образомъ креста Христова. Объ этомъ говоритъ Павелъ: *ихже кровь животныхъ вносится во святая, сихъ тѣлеса сжигаются внѣ стана* (Евр. XIII, 11). Поэтому и Іисусъ, чтобы освятить народъ, пострадалъ *внѣ вратъ* (ст. 12). Христосъ внѣ вратъ; Іовъ сѣлъ внѣ города на навозной кучѣ. Сѣмя благочестія, сѣмя терпѣнія, удобряемое страданіями, онъ сидѣлъ на навозной кучѣ, ожидая того, кто возбудитъ отъ земли нищаго и съ навозной кучи подниметъ убогаго. Онъ видѣлъ, братіе, какъ разлагалось тѣло его, и укрѣплялся душею; видѣлъ, какъ тѣло его кипѣло червями, и душа его цвѣла благочестіемъ; видѣлъ этотъ земной сосудъ разрушающимся, и прежде Павла вспоминалъ Павловы слова; ему именно прилично было сказать: *аще и внѣшній нашъ человѣкъ тлѣетъ, обаче внутренній обновляется по вся дни* (2 Кор. IV, 16). Онъ взялъ черепокъ, чтобы соскрести гной

свой, соскребая черепкомъ гной и своимъ терпѣніемъ поражая своего противника. Вполнѣ прилично было ему, держа въ рукахъ черепокъ, говоритъ: *имамы же сокровище сіе въ скудельномъ сосудѣ*. (2 Кор. IV, 7). Поднявшій многихъ съ навоза сидѣлъ въ навозной кучѣ; онъ взялъ черепокъ, чтобы соскрести гной; безжизненнымъ прахомъ онъ оскребалъ прахъ живого тѣла. Пришли къ нему три друга, — вѣдь несчастія вызываютъ друзей на утѣшенія,—пришли Елифазъ, Софаръ и Валдадъ, три царя къ одному царю. Конечно, царемъ былъ до сего времени и тотъ, кто говорилъ: *веселяхся яко же царь посредѣ храбрыхъ* (Іов. XXIX, 25). *И сѣдѣша*, говоритъ (Писаніе), *при* Іовѣ *седмь дней и седмь нощей, и никтоже возглагола* (II, 13). Въ самомъ дѣлѣ, умѣренныя несчастія допускаютъ утѣшеніе, великія же несчастія почитаются молчаніемъ. Бываетъ, братіе, что страданіе подавляетъ утѣшеніе; и какъ болѣзни въ острой степени оставляютъ безсильнымъ всякое лѣченіе, такъ и страданія подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ отъ несчастія отвергаютъ всякое утѣшеніе. Промолчали и они, своимъ молчаніемъ раздѣливъ его страданія. Что же дальше? Такъ какъ его друзья, подавленные тяжестью его несчастія, не рѣшались произнести слово утѣшенія, Іовъ первый начинаетъ говорить: страдалецъ идетъ на встрѣчу непострадавшимъ. Мы знаемъ, братіе, что въ несчастіяхъ, или горѣ, или въ другомъ какомъ печальномъ случаѣ, каждый боится первымъ издать звукъ, чтобы не показаться непрошенымъ совѣтникомъ, или проповѣдникомъ добродѣтели, если же увидитъ, что кто-нибудь другой началъ, тогда слѣдуетъ за нимъ безбоязненно. Это, братіе, и опытъ показываетъ, и дѣла подтверждаютъ. Итакъ, когда увидѣлъ Іовъ, что его страданія заграждаютъ уста друзей, пришедшихъ утѣшить его, тогда самъ пострадавшій указываетъ имъ путь и тотчасъ начинаетъ изображать свое несчастіе, совершенно однако избѣгая подозрѣнія въ хулѣ. Первыми его словами были: *проклятъ день, въ оньже родихся, и нощь оная буди тма* (Іов. III, 5, 3, 4). Это говоритъ не нечестивый, но страдающій. И смотри, что онъ дѣлаетъ. Какъ когда кто-нибудь страдающій сильнымъ нарывомъ подвергается операціи, то, не имѣя возможности противиться врачу, онъ хватается за окружающихъ и кусаетъ присутствующихъ, конечно, ничего не имѣя противъ нихъ, но въ тоже время не будучи въ состояніи достать рукою врача, такъ и Іовъ, страшась тяжести хулы, бранитъ бездушныхъ и тѣмъ удовлетворяетъ свою скорбь, не отваживаясь ничего противъ Бога, но обвиняя самого себя и свой день: проклинается не созданіе, но его собственный день. Я имѣю, говоритъ, власть надъ своимъ днемъ; я не проклинаю творенія, про-

клинаю свой собственный день. *Проклятъ день, въ оньже родихся, и нощь оная буди тма.* Такъ говоритъ и Іеремія: *горе мнѣ, мати, вскую мя родила еси мужа прителнаго и судимаго* (Iерем. xv, 10; ср. xx, 14)? *Проклятъ день, въ оньже родихся* (xx, 14). Всѣ эти печальныя рѣчи говорятъ святые для того, чтобы ты отсюда научился, что они прожили жизнь не въ свое удовольствіе, но, потерпѣвши безчисленныя бѣдствія, прошли путемъ борьбы. Вотъ и Іеремія оплакивалъ себя, говоря: *увы мнѣ, мати, вскую мя родила еси?* Какъ человѣкъ онъ страдалъ, но какъ боголюбецъ терпѣлъ. Подобнымъ образомъ Моисей, великій и божественный законодатель Божій, получившій священныя скрижали, первый истолкователь порядка жизни, и самъ говоритъ Богу подъ тяжестью многихъ несчастій: Господи, *Ты реклъ еси*, яко *обрѣлъ еси благодать предо Мною и вѣмъ тя паче всѣхъ. Аще убо обрѣтохъ благодать предъ Тобою*, возьми душу мою отъ мене, не могу бо носити тяготы народа сего (Исх. xxx. 12, 13). *Еще мало, и побіютъ мя каменіемъ* (xxvii, 4). *Еда азъ во утробѣ зачахъ вся люди сія, или азъ родихъ я, яко глаголеши ми: возми ихъ въ нѣдра твоя, якоже доилица носитъ доимыя? Не возмогу азъ водити людей сихъ* (Числ. xi, 12, 14). Однако и испытывая какъ человѣкъ такую печаль, онъ не произнесъ хулы какъ безбожникъ, но только подъ давленіемъ своихъ страданій высказалъ то, что испытываетъ его природа. Подобно этому и каждый изъ пророковъ высказываетъ жалобы. Такъ Аввакумъ говоритъ: *вскую мнѣ показалъ еси труды и болѣзни смотрити страсть и нечестіе* людей? Видѣли пророки неправду и не сносили этого; поэтому и Аввакумъ взывалъ: *вскую мнѣ показалъ еси труды и болѣзни? Противу мнѣ судъ, и судія вземлетъ. Сего ради изыдетъ судъ развращенъ* (Авв. i, 3, 4). *Князь проситъ* (Мих. vii, 3), и *судія вземлетъ*, и законъ разоряется. 579

8. Такъ страдали всѣ праведники, страдали — и жаловались на тяжесть (своего существованія) въ мірѣ. Но эти примѣры не должны смущать твоей ревности,—не говори: развѣ я лучше Іереміи пророка, проклинавшаго міръ? Слова цѣлебныя пусть не обращаются для тебя въ раны. Это написано для того, чтобы научить тебя, какую борьбу они вели, сколькими опасностями наполнена была жизнь, которую они проходили. А если ты хочешь научиться, каковъ ты долженъ быть, обратись къ тому, что было послѣ благодати. Страдали пророки, страдали и апостолы, но одни страдая скорбѣли, а другіе страдая хвалились. Вотъ выступаетъ Павелъ, страдая, но не плача, побиваемый, но не проливающій слезы, искушаемый, но хвалящійся.

И что говоритъ? *Не точію же, но и хвалимся въ скорбехъ, вѣдяще яко скорбь терпѣніе содѣловаетъ, терпѣніе же искусство, искусство же упованіе, упованіе же не посрамитъ* (Римл. v, 3, 5). Въ другомъ случаѣ апостолы, подвергшись побоямъ, *идяху радующеся отъ лица собора, яко за имя* Христово *сподобишася безчестіе пріяти* (Дѣян. v, 41). Значитъ, того, что было до благодати, нельзя принимать за руководство послѣ благодати. Намъ сказано объ этомъ именно для того, чтобы вы научились изъ ихъ трудовъ упованію. Такъ и Іовъ проклинаетъ день и страдаетъ душой, и однако не подвергаетъ душу искушенію нечестія, но переноситъ раны тѣлесныя, а не наноситъ ранъ душѣ богохульствомъ. Но,—для сокращенія бесѣды, напомнимъ вамъ сущность дѣла вкратцѣ. Во время борьбы (какую воздвигъ діаволъ) противъ Іова, никому, кромѣ Бога, не была извѣстна цѣль этой борьбы. Іову была неизвѣстна причина борьбы, не зналъ онъ и о томъ, что эти подвиги имѣютъ цѣлью его упражненіе. Друзья не знали намѣреній Божіихъ, діаволъ не зналъ будущаго. Вѣдь, конечно, если бы онъ зналъ, что потерпитъ пораженіе, онъ не сталъ бы и нападать. И для Іова послѣдствія борьбы оставались неизвѣстными. Что Богъ предалъ его по попущенію, объ этомъ Іовъ узналъ только тогда, когда ему было открыто Богомъ. Діаволъ же не зналъ, къ какому концу приведетъ это состязаніе. Когда бы онъ зналъ, то не сталъ бы и пытаться, чтобы не навлечь на себя еще большаго стыда; но что онъ потерпѣлъ отъ мучениковъ, то потерпѣлъ и отъ Іова. Онъ убивалъ мучениковъ, чтобы подавить Церковь, не зная, что отъ крови мучениковъ Церковь еще болѣе процвѣтетъ. Итакъ, всѣ были въ невѣдѣніи, кромѣ Бога. Друзья, не вѣдая ни намѣреній Божіихъ, ни чистоты Іова, рѣшились скорѣе—какъ бы по суду невѣдѣнія—осудить Іова, какъ страдающаго заслуженно, чѣмъ признать Бога судящимъ несправедливо. Вооружись вниманіемъ. Они рѣшились осудить человѣка, какъ страдающаго заслуженно за свой грѣхъ,
580 чѣмъ сказать о Богѣ, что Онъ судитъ несправедливо. И на половину они достигали цѣли, объявляя Бога непричастнымъ неправдѣ, на половину же ошибались, осуждая невиннаго. Но разъ они не знали, ихъ невѣдѣніе оправдывается, и они заслуживаютъ одобренія за то, что даже въ невѣдѣніи разсуждая, тѣмъ не менѣе не произнесли приговора противъ божественнаго правосудія. Противъ праведности Іова они возражаютъ, правду же Божію восхваляютъ. Далѣе Іовъ подвергается обличенію со стороны своихъ друзей, и они говорятъ противъ него: *когда истинніи веси изъ корене погибоша* (Іов. IV, 7)? Когда ты видѣлъ праведниковъ, погибающихъ до конца? Если бы ты не согрѣ-

шилъ и не сдѣлалъ чего-либо достойнаго грѣха, праведный Судія не осудилъ бы тебя несправедливо. Велики твои грѣхи. Если же (допустить, что) самъ ты не согрѣшилъ, то какъ (объяснить) это, если не (допустить, что) согрѣшили дѣти твои. Но, конечно, ты нерѣдко обижалъ вдовъ, притѣснялъ сиротъ. Если же это случалось, то Богъ справедливо произнесъ противъ тебя такой приговоръ. Іовъ сознавалъ въ самомъ себѣ, что онъ ничего подобнаго не сдѣлалъ, но сознавалъ въ то же время, что и Богъ не судитъ несправедливо. И вотъ, когда увидѣлъ Іовъ, что люди его осуждаютъ, а совѣсть не осуждаетъ и Богъ не признаетъ его виновнымъ, такъ какъ не имѣлъ возможности убѣдить людей, то обращается къ Судіѣ и возводитъ очи души своей горѣ не съ хулою, но съ жалобою, и говоритъ Ему: *сведый умъ человѣчь, почто мя еси положилъ прекословена тебѣ* (VII, 20)? Ты обратилъ меня въ живое противорѣчіе Твоей правдѣ; но Ты знаешь мое сердце. Затѣмъ Іовъ произноситъ нѣчто замѣчательное,—не по злобѣ, но по незлобію,—и говоритъ (сокращаю многое въ немногое, потому что обиленъ матеріалъ для его оправданія): кто дастъ судію между мною и Тобою, чтобы онъ узналъ, каковы мои грѣхи, за которые Ты такъ осудилъ меня? Ужасны эти слова, но они вытекаютъ изъ незлобія. Вѣдь уже раньше Богъ сказалъ, что нѣтъ подобнаго ему по незлобію (II, 3); незлобивому же никто не вмѣнитъ этихъ словъ въ вину. Всегда вѣдь, братіе, всѣ мы, люди, не говоря уже о Богѣ, судимъ не по дѣламъ, но по намѣренію дѣлающихъ. Оскорбляетъ ли сынъ отца,—это дѣло нестерпимое и для терпящаго, и для слушающаго: такой человѣкъ называется и отцеубійцей, и матереубійцей, и безумнымъ, и беззаконнымъ, за то, что возвысилъ свой голосъ противъ отца, за то, что дерзнулъ обезчестить свой собственный корень. Но за это отвѣтственъ и осуждается лишь тотъ, кто въ совершенномъ разумѣ; дитя же незлобивое, даже если бьетъ отца или мать или и оскорбитъ, дороже всякой утѣхи. Нерѣдко матери даже вызываютъ дѣтей на обиду, не обидѣ, но незлобію и чистотѣ нрава ихъ радуясь. Такъ и Богъ, зная, что не по злобѣ, но по незлобію говоритъ такъ Іовъ (самъ же свидѣтельствуетъ о немъ: *еще же придержится незлобія* (Іов. II, 3), принимаетъ его вызовъ на судъ. Страшно сказать: рабъ призываетъ Владыку на судъ, человѣкъ—Бога, созданіе—Создателя, бреніе—Творца; но однако, какъ я уже сказалъ, слова эти внушены не злобою, а незлобіемъ. А кромѣ того, братіе, это незлобіе не было соединено съ глупостью, но напротивъ проистекало изъ высокой мудрости. Хочешь удостовѣриться въ этомъ со всею ясностью? Іовъ не просилъ ничего такого, чего самъ не исполнилъ.

Онъ зналъ, что онъ—рабъ Божій, зналъ, что Богъ—его Владыка. Но какъ и самъ часто, производя судъ надъ своими рабами, онъ давалъ имъ право говорить, и если когда рабъ оправдывался предъ нимъ, онъ не заграждалъ устъ его какъ раба, но принималъ его оправданіе, такъ (того именно, что онъ) сдѣлалъ самъ, онъ и просилъ (теперь), полагаясь на слова: *въ нюже мѣру мѣрите, возмѣрится вамъ* (Мѳ. VII, 2). Вотъ почему онъ и говоритъ: кто разсудитъ? Но когда ты давалъ рабу право оправдываться? Послушай, когда онъ говоритъ, исчисляя свои добродѣтели, что проистекало также не изъ честолюбія, но изъ незлобія: *не презрѣхъ суда раба моего или рабыни* моей, *прящымся имъ предо мною. Отвѣтъ сотворю* Богу. *Еда же якоже и азъ бѣхъ* сотворенъ (Іов. XXXI, 13—15)? Помня объ этомъ, онъ общей природѣ давалъ и общее право оправданія.

4. А мы, братіе, не таковы. Ты удивляешься праведнику? Осуждай самого себя. Какъ часто, если кто-нибудь обвиняется, не говорю рабомъ, но немного ниже стоящимъ, если даже обвиняется справедливо, то заграждаетъ уста (противнику), какъ безстыдно и дерзко осмѣлившемуся обращаться съ нимъ какъ съ равнымъ. Однако, говоритъ онъ, ты осмѣливаешься становиться со мною на равную ногу? Ты требуешь справедливости? Допусти
581 справедливое равенство въ правѣ говорить. Обвиняетъ гордецъ, и не принимаетъ никакого оправданія, не трогается даже молчаніемъ. Если обвиняемый молчитъ, онъ осужденъ: не смѣетъ, говоритъ, и рта раскрыть; если онъ говоритъ, дерзнулъ, говоритъ, возвысить голосъ противъ своего господина. Другой, надутый высокомѣріемъ, если его просятъ о честномъ или благородномъ человѣкѣ и приглашаютъ къ третейскому суду, чтобы покончить дѣло миромъ и зло покрыть любовью, тотчасъ надмеваясь гордостью говоритъ: я унижусь до этого? Какая гордость! Гдѣ же ты стоишь, чтобы это было для тебя униженіемъ? Я унижусь до этого? Какъ будто это говоритъ тотъ, кто ходитъ по небу и облакамъ. По той же самой землѣ ты ходишь, отъ нея же питаешься, въ нее обращаешься, въ ней погребаешься. И куда ты снизойдешь? Не стыдишься страданій Господнихъ? Не стыдишься говорить къ равночестному съ тобою: я унижусь до этого? Не стыдишься говорить такія слова, зная, что Іисусъ ради тебя снизошелъ? На такія мысли и на такое превозношеніе прилично всегда возглашать вмѣстѣ съ Исаіей: *почто гордится земля и пепелъ* (Сирах. X, 9)? Однако возвратимся къ предмету. Кто дастъ судію между мною и Тобою? Въ отвѣтъ на это является праведный Судія, является ему въ бурѣ и облакѣ. Является Іову въ облакахъ Тотъ, кто хочетъ излить дождь бла-

гословенія. Является ему изъ облаковъ Тотъ, кто хочетъ увлажнить сѣмя, утучненное навозомъ, и воздвигаетъ Іова и призываетъ его, полагаетъ конецъ его страданіямъ; однимъ мановеніемъ воздвигаетъ падшаго и говоритъ ему: возстани, *препояши яко мужъ чресла твоя; вопрошу же тя, ты же Ми отвѣщай* (Іов. xxxviii, 3). Такъ какъ ты призывалъ Меня на судъ и сказалъ: „кто дастъ судію между мною и Тобою?"—то возстань, благородный борецъ, не павшій подъ ударами несчастій, возстань! Такъ, всегда тотъ, кто, подвергшись наказанію, мужественно переноситъ несчастіе и наказаніе, слышитъ затѣмъ отъ Бога: *востани*,—какъ, напримѣръ, говоритъ Онъ Іерусалиму: *востани, воскресни, Іерусалиме, испивый чашу ярости* Моея (Ис. xi, 17). *Препояши яко мужъ чресла твоя. Вопрошу же тя, ты же Ми отвѣщай.* Не сказалъ: Я буду судить тебя, а ты отвѣчай Мнѣ. Ты требовалъ, говоритъ, не суда надъ собою, но того, чтобы разсудиться со Мною. Ты искалъ судью между Мною и тобою: будь же самъ судьей. *Мниши ли Мя инако тебѣ сотворша, развѣ да явишися праведнѣ* (Іов. xl, 3)? Ты думаешь, говоритъ, что ради чего-нибудь другого я наслалъ на тебя это несчастіе, а не для того, чтобы обнаружить предъ всѣми твою праведность? И замѣть, съ какою точностью сказаны эти слова. Не сказалъ: думаешь ли ты, что я поступилъ такъ съ тобою съ иною цѣлью, чѣмъ чтобы ты сдѣлался праведнымъ? Вѣдь не несчастіе сдѣлало его праведнымъ, оно только обнаружило его праведность. *Мниши ли мя инако тебѣ сотворша, развѣ да явишися праведнѣ?* Мнѣ, говоритъ, конечно, и до борьбы ты былъ извѣстенъ, но для міра ты сталъ извѣстенъ чрезъ свои несчастія, твои подвиги разнесли имя твое по всему міру. Для этого именно Я и подвергъ тебя испытанію, не съ тѣмъ, чтобы погубить тебя, но чтобы увѣнчать, не съ тѣмъ, чтобы посрамить, но чтобы прославить. А что ты по незлобію вышелъ изъ границъ своей природы, то Я снисхожу къ твоей искренности. Вѣдь если по незлобію кто даже и согрѣшитъ, Богъ исправляетъ послѣдствія незлобія. Такъ какъ однако ты призвалъ Бога на судъ, то скажи мнѣ, на какомъ основаніи ты присвоилъ себѣ право призывать Меня на судъ? *Гдѣ былъ еси, егда основахъ землю* (Іов. xxxviii, 3)? Былъ ли ты сверстникомъ Творцу, чтобы призывать Его на судъ? Онъ—прежде вѣковъ, а ты—много вѣковъ спустя. Когда я создавалъ землю, ты не былъ; когда—море, ты не былъ; и во всемъ остальномъ ты не принималъ участія. Все твореніе совершилось, а тебя нигдѣ не было. Итакъ, Того, кто древнѣе вѣковъ, Виновника творенія, ты призвалъ на судъ? Когда Я полагалъ мѣры землѣ, когда утверждалъ столпы ея, когда рождалось море, когда Я изводилъ его изъ чрева матери его, гдѣ

былъ ты? Когда Я облагалъ землю облаками и окружалъ ее тучами, гдѣ былъ ты? Отвѣчаетъ ему (Богъ), какъ сказавшему
582 неправильно, конечно, по незлобію, но вмѣстѣ съ тѣмъ и по невѣдѣнію. И что дѣлаетъ? Не обличаетъ его предъ всѣми, но какъ друга исправляетъ его наединѣ. Итакъ, когда Господь сказалъ это и тому подобное (теперь некогда изъяснять подробно всѣ рѣчи), Іовъ, самъ осудивъ себя (потому что праведникъ при первомъ же обличеніи исправляетъ свою ошибку), говоритъ: *Господи*, слухомъ *убо уха слышахъ Тя первѣе, нынѣ же око мое видѣ тя: тѣмже укорихъ себе самъ, мню же себѣ землю и пепелъ* (Іов. XLII, 4—6). И: *единою глаголахъ, вторицею же не приложу* (XXXIX, 35). Смотри, какъ исправляетъ онъ свою ошибку, почувствовавъ истинность обличенія. *Единою глаголахъ*, и то не по злобѣ, а по незлобію, *вторицею же не приложу*. Въ самомъ дѣлѣ, кто я, ищущій суда съ Господомъ? Чего не зналъ Іовъ по своему незлобію, тому онъ научается послѣ обличенія. Что же далѣе Богъ? Не позволяетъ ему уклониться отъ суда, но говоритъ: *ни, но препояши яко мужъ чресла твоя* (XL, 2). Стань, говоритъ, какъ мужъ. Не думай, что для того именно поразилъ Я тебя (изображеніемъ) моего могущества, чтобы избѣжать правды, а не для того, чтобы исправить твое невѣдѣніе. Я не уклоняюсь отъ суда: суди меня по справедливости и требуй отвѣта о случившемся. Ты былъ осужденъ, чтобы быть увѣнчаннымъ, ты былъ осужденъ, чтобы сдѣлаться предметомъ удивленія для всей поднебесной. До страданій ты былъ извѣстенъ только въ одномъ уголкѣ, а послѣ страданій о тебѣ будетъ знать весь свѣтъ. Навозъ, въ которомъ ты сидѣлъ, сдѣлается славнѣе всякаго царскаго вѣнца. Вѣнценосцы будутъ желать увидѣть тебя, твои труды и подвиги. Твою навозную кучу Я сдѣлалъ раемъ, Я воздѣлалъ ее для благочестія, насадилъ на ней небесныя деревья. Ты получилъ небесныя награды, получи же и земное, получи все вдвойнѣ. Отсюда научись, всякій изъ христіанъ, своему упованію, познай преимущества своего обѣтованія. Іову обѣщаетъ Господь вдвойнѣ, и даетъ вдвойнѣ; а Спаситель своимъ ученикамъ говоритъ: *иже оставитъ отца или матерь или сестры имене Моего ради, сторицею пріиметъ и животъ вѣчный наслѣдитъ* (Мѳ. XIX, 29). Но обрати особенное вниманіе на то, что своего друга (Господь) исправляетъ наединѣ, друзей же Іова обличаетъ открыто. И говоритъ имъ Богъ: вскую *не глаголасте истины на раба Моего Іова* (Іов. XLII, 8)? Но, о, Правосудный! Рѣчь наша была о Тебѣ, Твою правду мы проповѣдывали, человѣка мы осудили, а Твое правосудіе объявили безошибочнымъ. Здѣсь во всей силѣ обнаруживается правосудіе Божіе: если

и тѣхъ, кто говоритъ за Него противъ праведника, Онъ не принимаетъ, то приметъ ли говорящихъ противъ праведника вопреки правдѣ? Итакъ онъ обличаетъ друзей Іова и говоритъ: и нынѣ, *аще не* раба моего Іова *ради, погубилъ быхъ васъ* (Іов. XLI, 8). Такимъ образомъ вмѣстѣ и обличаетъ, и спасаетъ. Спасаетъ, потому что ничего дурного противъ Бога они не говорили. Такъ обличаетъ Богъ праведника, возстановляя его чистосердечность, и почитаетъ съ одной стороны друзей ради него, а съ другой самого праведника за его подвигъ и воздаетъ ему вдвойнѣ и изъ тьмы изводитъ на свѣтъ правду его тогда и донынѣ. Сдѣлаемъ еще одно замѣчаніе, чтобы покончить съ наградой праведника. Онъ получилъ овецъ вдвойнѣ, быковъ, верблюдовъ,ословъ вдвойнѣ, а дѣтей, потерявъ десять, не получилъ двадцати. Здѣсь возникаетъ вопросъ, почему скота онъ получилъ вдвое больше а дѣтей только столько же? Такъ какъ скотъ и имущество, потерянные имъ, погибли для него окончательно, а человѣкъ, умирая, сохраняется для жизни и возстаетъ въ воскресеніи, то (Богъ) и не даетъ ему дѣтей вдвое, чтобы не лишить его надежды относительно отшедшихъ, но чтобы показать ему, что и они, хотя и похищены смертью, живы. И всѣ они остаются у него, и вновь не даетъ ему Богъ болѣе десяти, чтобы Іовъ нашелъ (другихъ десять), перейдя не отъ жизни къ смерти, но изъ дома въ домъ. Въ самомъ дѣлѣ, когда онъ окончилъ свою жизнь, десять проводили его до гроба, и опять десять въ день воскресенія примутъ его отъ гроба въ царство небесное и вмѣстѣ съ нимъ неразлучно насладятся тѣхъ неизреченныхъ и небесныхъ благъ, которыхъ и мы всѣ да удостоимся благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава, нынѣ и присно, и во вѣки. Аминь.

СЛОВО О ПРОРОКѢ ИЛІѢ.

Въ древности народъ іудейскій украшался служеніемъ про- 583
роческимъ, былъ полемъ, надъ которымъ трудились пророки. А теперь и этой похвалы онъ лишенъ церковью. И самыя тѣла пророковъ находятся у насъ. Конечно, для безплоднаго народа и не нужны были пророки-земледѣльцы; нелѣпо было удерживать у себя пророковъ тѣмъ, которые распяли Предсказаннаго ими, распяли (въ благодарность) за мертвыхъ, которыхъ Онъ у нихъ воскресилъ, за слѣпыхъ, которымъ возвратилъ зрѣніе, за голодныхъ, которыхъ Онъ у нихъ насытилъ, за принужденіе, которое изъ-за нихъ Владыка всѣхъ употребилъ относительно пророка

Иліи, заставляя пророка взять назадъ свое отреченіе отъ нихъ. Предшествовавшій наставникъ приводитъ меня къ Иліи. Блаженный Илія, видя, что народъ іудейскій недостоинъ человѣколюбія Божія и что, хотя Богъ постоянно терпитъ его богоборство, но и самое долготерпѣніе Его они всегда обращаютъ во зло, возстаетъ противъ благости Божіей къ нимъ: онъ высказывается противъ нихъ. Затѣмъ, зная, что Богу угодна ревность праведныхъ, желая наказать іудеевъ и въ то же время опасаясь, что божественная благость тотчасъ смягчится немногими слезами, онъ налагаетъ на нихъ наказаніе и связываетъ свое наказаніе клятвой, чтобы Богъ изъ уваженія къ клятвѣ не могъ отмѣнить произнесеннаго противъ нихъ осужденія. Богъ, говоритъ онъ, благъ къ нимъ и смягчается немногими ихъ слезами, а это укрѣпляетъ ихъ въ ихъ идолослуженіи. *Живъ Господь*, говорилъ онъ, *не будетъ въ лѣта сія роса и дождь* (3 Цар. XVII, 1). Затѣмъ, Богъ какъ бы возражалъ ему: что же, Илія, если они умилостивятъ Меня покаяніемъ, если Я увижу ихъ проливающими слезы и кающимися въ своихъ согрѣшеніяхъ, развѣ Я не пошлю тотчасъ дождя? Нѣтъ, *живъ Господь, точію отъ устъ* моихъ (ст. 1). *Живъ Господь*. Они, говоритъ, привязаны къ идоламъ, а я клянусь Твоимъ божествомъ. Покажи, какую силу имѣетъ клятва Тобою, чтобы чрезъ это они убѣдились въ безсиліи своихъ идоловъ. Нѣтъ, *живъ Господь, не будетъ въ лѣта сія роса и дождь, точію отъ устъ словесе моего*. Ты не отмѣнишь, говоритъ, наказанія, какъ только покажется Тебѣ (угоднымъ) (потому что Тебѣ угодно быть человѣколюбивымъ), но только тогда, когда я буду просить о нихъ, когда я присужу, когда они обнаружатъ достаточное сердечное покаяніе. Богъ принялъ въ уваженіе пророческое запрещеніе, исполнилъ клятву, данную Его именемъ. И вотъ Владыка всѣхъ стѣснялся, съ одной стороны уважая пророка, а съ другой милосердуя о народѣ, наказываемомъ голодомъ. Что же дѣлаетъ Онъ тогда? Вмѣстѣ съ народомъ наказываетъ и пророка, чтобы и самъ, подвергнувшись тому же наказанію, онъ скорѣе сознавалъ бы несовмѣстность своего заклятія съ человѣколюбіемъ, наказываетъ вмѣстѣ съ народомъ и пророка, но облегчаетъ для пророка это наказаніе, въ самомъ способѣ исполненія человѣколюбія проявляя и Свою мудрость. Въ самомъ дѣлѣ, Онъ питаетъ пророка при помощи птицъ, ненавидящихъ дѣтей; вѣдь воронъ—родитель, не любящій дѣтей, и не выкармливаетъ тѣхъ, кого рождаетъ. На это именно намекая, пророкъ дважды говорилъ: (даетъ Господь пищу) *и птенцемъ врановымъ, призывающимъ Его* (Пс. CXLVI, 9). Такъ какъ птенцы ворона, да и всѣ вообще птенцы, не въ состояніи собирать себѣ пищу, но

о тѣхъ заботятся родители, а воронята лишены родительскаго попеченія, и тѣмъ не менѣе родъ вороновъ сохраняется и безъ родительскаго воспитанія, то Давидъ, показывая человѣколюбіе Божіе, приписываетъ пропитаніе ихъ Богу. Разѣвая свои рты на воздухъ и не получая пищи отъ родителей, птенцы вороны имѣютъ нѣкоторыхъ малыхъ животныхъ, исполняющихъ относительно ихъ божественный промыслъ, и такимъ образомъ, получая ихъ изъ воздуха, питаются и растутъ. Потому-то и говоритъ пророкъ: *птенцамъ врановымъ, призывающимъ Его*. И вотъ послѣ того какъ Илія проявилъ дѣтоненавистничество по отношенію къ іудеямъ, какъ къ неблагодарнымъ дѣтямъ, Богъ какъ бы ходатайствуетъ предъ нимъ чрезъ дѣтоненавидящихъ отцовъ, только что не взывая молчаливо къ Иліи такимъ образомъ: развѣ не такую же питаешь ты ненависть къ іудеямъ, какую вороны питаютъ къ своимъ дѣтямъ? Но посмотри, какъ они измѣнились, смотри, о, Илія, каково ихъ человѣколюбіе: безжалостные къ 584
своимъ собственнымъ птенцамъ, они для тебя являются усердными питателями. Нелѣпо, о, Илія, когда вороны служатъ посредниками Моего къ тебѣ человѣколюбія, тебѣ не сдѣлаться ходатаемъ за іудеевъ относительно наложеннаго отъ Меня на нихъ наказанія. Постыдись перемѣны, происшедшей въ воронахъ, и будь милостивъ къ іудеямъ; хотя Я и уважаю произнесенное тобою заклятіе, но и о нихъ сожалѣю. Но когда Богъ увидѣлъ, что Илія не смягчается этимъ, тогда Онъ прекращаетъ доставленіе ему пищи чрезъ вороновъ, принуждая его къ перемѣнѣ, чтобы вынужденный голодомъ онъ хотя ради себя отмѣнилъ произнесенное имъ заклятіе. А онъ, и оставшись безъ услугъ вороновъ, терпѣлъ: я буду голодать, говоритъ онъ, только чтобы нечестивыхъ видѣть наказываемыми; пусть погибнетъ мое тѣло, наказываемое вмѣстѣ съ ними. Итакъ, когда прекратилась подача ему пищи чрезъ вороновъ и прошло много времени, опять Илія переселяется въ другое мѣсто и уходитъ подъ давленіемъ голода и дѣлается просителемъ язычницы, и притомъ вдовы и бѣдной. И Богъ, желая, чтобы онъ сдѣлался болѣе человѣколюбивымъ, послѣ того какъ тогда іудеямъ запрещено было общеніе съ язычниками, возвѣщаетъ пророку, что онъ долженъ былъ предпринять въ будущемъ: *востани*, говоритъ, *отсюда*, *и иди въ Сарепту Сидонскую*, и Я заповѣдаю *тамо женѣ вдовицѣ язычницѣ препитати тя* (3 Цар. xvii, 9), чтобы, услышавъ: „язычницѣ“, онъ погнушался такого препитанія и сталъ просить Бога о дарованіи дождя. Однако, и эти слова не смягчили его и онъ спѣшитъ туда, гдѣ его ожидало гостепріимство язычницы. И еще болѣе замѣчательно то, что Богъ внушаетъ вдовѣ сразу

встрѣтить его, голоднаго, суровыми словами, всѣми мѣрами располагая его къ милосердію. Что же говоритъ ему язычница? *Живъ Господь Богъ твой* (ст. 12). Откуда взялись у язычницы эти слова: *живъ Господь Богъ твой?* (Очевидно), Богъ предварительно показалъ ей пророка въ видѣніи; не это ли и означаетъ сказанное Богомъ пророку: *я заповѣдую тамо женѣ вдовицѣ препитати тя?* Показалъ Богъ женѣ предварительно образъ пророка, его внѣшній видъ, ростъ, просьбу, съ какою онъ обратится. Поэтому, когда явился пророкъ, вспомнила вдовица показанное въ видѣніи, увидѣла его такимъ, какимъ онъ показался ей въ видѣніи. Убѣдившись отсюда, что это было божественное откровеніе, она тотчасъ при появленіи пророка на его просьбу отвѣчала: *живъ Господь Богъ твой, нѣсть у мене опрѣснокъ, но токмо горсть муки въ водоносѣ и мало елеа въ чванцѣ: и се азъ вниду и сотворю е себѣ и дѣтемъ моимъ, и снѣмы и умремъ* (ст. 12). Слова скорѣе отказа, чѣмъ подаянія. Нѣсть *у мене опрѣснокъ, но токмо горсть муки: и вниду и сотворю* ю *себѣ и дѣтемъ моимъ, и снѣмы и умремъ*. Ничего другого, говоритъ, намъ не остается, когда съѣдимъ эту горсть, кромѣ смерти. Эти слова должны были произвести впечатлѣніе на Илію. Она больше меня страдаетъ отъ голода, подумалъ онъ; я голодаю хотя одинъ, а она вмѣстѣ съ дѣтьми бѣдствуетъ. Да не буду я виновникомъ смерти для той, которая окажетъ мнѣ гостепріимство. И что же? Какъ я уже сказалъ, онъ умягчается этими словами, въ его сердцѣ возникаетъ забота о человѣколюбіи. *Водоносъ муки не оскудѣетъ, ниже чванецъ елеа, дондеже дастъ Господь дождь на землю* (3 Цар. XVII, 14). Теперь уже не далеко отодвигаетъ дарованіе дождя. Прежде чѣмъ онъ обузданъ голодомъ, онъ не допускалъ Божьяго человѣколюбія до дарованія дождя, но говорилъ: не *будетъ въ лѣта сія роса и дождь* на землѣ, аще не *отъ устъ словесе моего* (3 Ц. XVII, 1). Теперь же допускаетъ, и даже указываетъ начало разрѣшенія, правда только указываетъ, а не присоединяетъ просьбы. Что же тогда Источникъ человѣколюбія? Онъ опять представляетъ ему третій опытъ человѣколюбія: онъ приказываетъ душѣ сына вдовы разлучиться отъ тѣла. Уважая пророка, Онъ не лишилъ силы его благословенія и не сдѣлалъ чванецъ (елея) оскудѣваемымъ, чтобы принудить его къ человѣколюбію. Было бы, конечно, униженіемъ для пророка, если бы слова его благословенія оказались недѣйствительными, и въ тоже время вѣрѣ вдовы язычницы по-
585 вредило бы; если бы его благословеніе было ей мало полезно. Поэтому-то Богъ его благословенія не отвергаетъ, но третій разъ заставляетъ пророка испытать божественное человѣколюбіе: Онъ посылаетъ смерть сыну вдовы, приводя пророка къ необходимо-

сти обратиться къ Нему съ мольбой. Вдова, когда умеръ сынъ ея, со слезами ходила вокругъ пророка. О, лучше бы, говорила она, я прежде погибла отъ голода и прежде твоего благословенія умерла, чѣмъ теперь быть свидѣтельницею смерти сына! Устыдился пророкъ случившагося: это ли, говоритъ онъ, награда вдовѣ за оказанное мнѣ гостепріимство? До моего пріема она была счастлива своимъ сыномъ, послѣ же моего пріема у ней плачъ о любимомъ сынѣ. Устыдившись случившагося и обдумавши это дѣло самъ съ собою, Илія почувствовалъ, что въ этомъ событіи—перстъ Владыки всѣхъ, почувствовалъ божественную мудрость. И что говоритъ? *Увы мнѣ, Господи, свидѣтелю вдовы, у неяже азъ нынѣ пребываю* (ст. 20). Что хочетъ сказать онъ этимъ? Ты, говоритъ, указалъ мнѣ эту вдову, Ты, говоритъ, сказалъ: *заповѣдаю женѣ вдовицѣ препитати тя* (ст. 9), свидѣтельствуя тѣмъ ея благочестивое настроеніе. Изъ тѣхъ мѣстъ Ты переселилъ меня къ ней и ее почтилъ твоимъ свидѣтельствомъ, а теперь ее же наказываешь смертью сына? *Увы мнѣ, Господи, свидѣтелю вдовы, у нея же азъ нынѣ пребываю, Ты* умертвилъ *еси сына ея*. Это не естественный случай смерти, говоритъ пророкъ, это дѣло твоей мудрости съ цѣлью внушить мнѣ необходимость человѣколюбія, чтобы, когда я скажу Тебѣ: Господи, помилуй умерщвленнаго сына вдовы, могъ и Ты отвѣтить мнѣ на это: помилуй дѣтей моихъ, Израиля. Ты внушаешь мнѣ человѣколюбіе, я чувствую Твое искусство, Владыко, чтобы, когда я буду просить Тебя: спаси умершаго сына вдовы, могъ и Ты отвѣтить мнѣ: Израиля, умерщвляемаго голодомъ, пощади. Ты просишь Меня о милости, прими же и Мою просьбу о милости: разрѣши заклятіе голода, и Я разрѣшу опредѣленіе смерти. И вотъ, когда увидѣлъ Богъ, что Илія послѣ многихъ испытаній сдѣлался человѣколюбивѣе, тогда уже обращается къ нему съ болѣе яснымъ требованіемъ человѣколюбія, такъ какъ тогда онъ не могъ уже отмѣну наказанія счесть для себя за униженіе. *Иди*, говоритъ (Господь) (3 Ц. XVIII, 1). Въ этихъ словахъ просьба Бога къ своему рабу: самъ Богъ за самого Себя проситъ Своего раба о человѣколюбіи. *Иди*, говоритъ. Такъ какъ, говоритъ, ты 586
сдѣлался человѣколюбивѣе, то прими и Мои слова о человѣколюбіи; такъ какъ ты убѣдился, что Я одержимъ человѣколюбіемъ, то выслушай яснѣе Мои слова. Я болѣю объ отмѣнѣ наказанія, Я стремлюсь къ дарованію снисхожденія, Я стыжусь слезъ наказываемыхъ. Всѣ грѣшники, о, пророкъ, держатся рукописаній Моего человѣколюбія: не заставь Меня оказаться лжецомъ предъ ними. Послушай слова Писанія, которыя ты и самъ знаешь: *не хощу смерти грѣшника, но еже обратитися и живу быти ему*

(Iезек. XXXIII, 11). Преклонилъ Илія уши, открылъ душу свою тому, что говорилъ ему Господь. *Иди*, говоритъ, *и явися Ахааву*. Не помимо тебя Я примирюсь съ ними: ты самъ возвѣсти наказываемымъ милость. Я тайно прошу тебя о нихъ, а ты явись явнымъ ходатаемъ примиренія. *Иди и явись Ахааву, и дамъ дождь на лице земли* (ст. 1). Ты возвѣсти примиреніе, ты заяви ходатайство о дарованіи дождя, а Я подтвержду твою проповѣдь. Итакъ, и съ охотой, и съ неохотой бѣжалъ Илія и благовѣстилъ о дождѣ, но, опять увидѣвъ ихъ нечестіе, онъ подыскиваетъ какой-нибудь предлогъ къ наказанію ихъ. Что же тогда Богъ? Видя его не проникающимся человѣколюбіемъ къ наказуемымъ, Онъ удаляетъ Илію отъ сожительства съ грѣшниками. Я, говоритъ, о, Илія, знаю твою ревность, признаю твои требованія, но Я милую и грѣшниковъ, какъ скоро они наказываются сверхъ мѣры. Ты строгій судья благочестія, а родъ людской постоянно грѣшитъ. Остается, значитъ, разлучить васъ другъ съ другомъ. Иди хотя на небо, разъ не можешь выносить грѣшниковъ, а Я переселюсь на землю. Если ты и на дальнѣйшее время останешься съ грѣшниками, то весь родъ человѣческій истребится, постоянно подвергаясь отъ тебя наказаніямъ. Что же? Иди хотя на небеса, о, Илія! Не можетъ огонь обитать вмѣстѣ съ тростникомъ. Я дамъ тебѣ въ сожители безгрѣшныхъ, Я поселю тебя съ ликами ангеловъ. Переселяйся на небеса, а Я поселюсь съ грѣшниками, Я могу носить на плечахъ Своихъ заблудшую овцу и всѣхъ грѣшниковъ, призывая: *пріидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи*, Я не наказывать васъ буду, но *упокою вы* (Мѳ. XI, 28). Ему слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

ОБЪ ІОСИФѢ И ЦѢЛОМУДРІИ.

587 Кормчіе среди бурнаго моря, когда ни материкъ, ни горы, ни холмы, ни мысы какіе-либо не помогаютъ имъ опредѣлить положеніе, обращаютъ свои взоры къ нѣкоторымъ звѣздамъ и, по нимъ направляя свое судно, продолжаютъ благополучное плаваніе. А ученики Церкви, обуреваемые моремъ этой жизни, не къ звѣздамъ какимъ-либо обращаютъ свои взоры, но, къ отцамъ своимъ устремляя духовные очи и имъ послѣдуя съ любовью душевною, достигаютъ той же самой (что и они) пристани небеснаго царства. Потому-то конечно и Господь нашъ въ священныхъ книгахъ раскрылъ жизнь ихъ, чтобы не только, слушая о нихъ, мы похваляли, но чтобы и поревновали подражать ихъ жизни. Зная, что естество людей по природѣ своей стремится къ

добру и всегда изъ честолюбія стремится къ лучшему, какъ бы въ качествѣ нѣкоторыхъ украшеній предложилъ подвиги отцовъ, чтобы каждый изъ васъ уготовлялъ себя на какой пожелаетъ подвигъ. Итакъ, лучшимъ урокомъ терпѣнія является жизнь блаженнаго Іова, незлобія—жизнь Моисея, крѣпости—Давида, поста и молитвы—Даніила, цѣломудрія—Іосифа и блаженной Сусанны. Прилична и пригодна для юношей жизнь Іосифа, а для юницъ, особенно для проводящихъ брачную жизнь, добродѣтельный подвигъ блаженной Сусанны: вѣдь у тѣхъ и другихъ борьба равносильная. Одинъ изъ цѣломудрія поборолъ страхъ предъ госпожей, другая изъ любви къ цѣломудрію презрѣла смертоносныя угрозы старцевъ. Но прежде намъ должно описать жизнь блаженнаго Іосифа, такъ какъ онъ древнѣе, а потомъ и жизнь блаженной Сусанны. Итакъ, блаженный Іосифъ, происходившій отъ благородныхъ родителей, будучи еще молодымъ, съ едва пробившимся пушкомъ на щекахъ, съ прекрасной наружностью, похожей на розу, разцвѣтающую на золотистомъ подбородкѣ, съ зрачками глазъ, напоминающими весеннія фіалки, съ бѣлыми какъ молоко зубами, пунцовыми губами, съ густыми бровями, простирающимися подъ челомъ, цвѣта лилій. Но что я пытаюсь описывать красоту юноши, которому писаніе воздало похвалу въ словахъ: *добръ образомъ и красенъ взоромъ зѣло* (Быт. XXXIX, 6)? По зависти братьевъ онъ продается, какъ имъ казалось, въ рабство, а какъ Богомъ было предрѣшено—на царство; его вели въ Египетъ отрокомъ, почти слабымъ ребенкомъ, купившіе его еще не видѣли богатства его добродѣтелей и не подозрѣвали, что добродѣтель воздержанія доставитъ ему господство надъ всѣмъ Египтомъ и что вся страна будетъ спасена имъ отъ голодной смерти. И вотъ приводится онъ въ Египетъ и продается вторично и тѣмъ не менѣе ни разу не порабощается. Конечно, свободный по духу, хотя бы тысячу разъ былъ проданъ, никогда не дѣлается рабомъ; напротивъ того, кто имѣетъ нравъ раба, хотя бы тысячу разъ освобождался, никогда не получитъ свободы, потому что кого собственный характеръ не освобождаетъ, того безчисленныя хартіи и чернильныя росписи освободить не могутъ. Итакъ, ведется въ Египетъ, продается въ египетскій домъ, дѣлается любимцемъ своего господина, пріобрѣтаетъ расположеніе госпожи. Но любовь господина была добрая, а госпожей овладѣла нечистая страсть. Тотъ любилъ его за его честность, а она воспылала къ нему какъ къ орудію наслажденія; и по мѣрѣ того какъ тянулось время и его красота расцвѣтала, съ тѣмъ вмѣстѣ возрастала ея постыдная страсть и огонь любви пожиралъ ея сердце тѣмъ сильнѣе. Стараясь обольстить юношу, она пускала въ ходъ всѣ обычныя

средства для обольщенія юныхъ взоровъ, разсцвѣчивая лицо свое какъ какой-нибудь лугъ, натирая щеки румянами, а лобъ бѣлилами, и подводя глаза чернью, украшая шею свою и руки золотомъ, и свои роскошныя одежды пропитывая различными благовоніями; однимъ словомъ, приготовлена была пагубная ловушка для всѣхъ чувствъ, какъ она думала, чтобы обольстить юношу, (чаруя) его взоры видимыми украшеніями, слухъ ласками, а обо-
588 яніе раздражая благовоніями. Но посмотри же, каково мужество этого благороднаго борца! И я думаю, что Богъ попустилъ юношѣ подвергнуться искушенію, чтобы вмѣстѣ и скрывающуюся въ юношѣ добродѣтель обнаружить, и церкви дать въ его жизни величайшій урокъ, такъ какъ нѣтъ никакого блага отъ отцовъ, которое не утвердилъ бы Богъ какъ способъ, носящій урокъ для жизни. Итакъ, смотри у меня на мужество этого благороднаго, сколь многое противъ него сражалось: собственная юность была противъ него, похоть бушевала внутри, а жена снаружи нападала, обольщая обѣщаніями и увлекая лестью; подсылаемыя женщины подстрекали его и лесть щекотала и слухъ и чувство его,— но ничто изъ всего этого не могло одолѣть его. Ни ея ласкамъ онъ не поддавался, ни ея обѣщаніями не увлекался, ни угрозамъ не уступалъ, и не предавалъ богатства добродѣтелей, но всѣ члены тѣла своего обуздывалъ цѣломудреннымъ помысломъ. И послѣ того какъ всѣми этими средствами, находившимися въ ея распоряженіи, она не могла обольстить юношу, лично сама въ какой-нибудь комнатѣ тайно и силою она хотѣла увлечь его на безпорядочное ложе. Нужно было видѣть это величайшее зрѣлище, не земное, но небесное. Іосифъ боролся противъ угрожавшаго искушенія, поприще было раскрыто, борьба совершалась, труба звучала, распорядитель борьбы свыше смотрѣлъ на состязаніе и лики ангеловъ внимательно слѣдили за ней; снизу бѣсы предлагали награды египтянкѣ, а сверху ангелы увѣнчивали Іосифа вѣнками; именно египтянкѣ содѣйствовали бѣсы, а ангелы принимали сторону Іосифа. Велика была борьба,—кто кого побѣдитъ; ангелы очень заботились объ Іосифѣ, чтобы благовонія женскія какъ-нибудь не вскружили голову юношѣ, или мягкія одежды, или взоры, или внѣшній видъ, или походка, или слухъ или ласка, или обольщенія не ослабили юношу; велика была забота для ангеловъ, велики были надежды у бѣсовъ. Іосифъ боролся изъ-за вѣнца, египтянка сражалась изъ-за стыда; одинъ— о жизни, другая —о смерти. И что говорилось египтянкой? Съ одной стороны—обольщенія, съ другой—угрозы; угрозами она хотѣла устрашить юношу, а обольщеніями очаровать. Угрожая она говорила: „я—твоя госпожа, ты купленъ на мои деньги; съ этою

цѣлью я тебя и купила; если ты будешь противорѣчить, тебя ожидаютъ узы и темница, и затѣмъ неизбѣжная смерть; если же послушаешься меня, почести, награды и власть надъ всѣмъ моимъ домомъ—все будетъ въ твоихъ рукахъ. Ты боишься обличенія? Ничего не узнаютъ ни мужъ, ни домашніе, положись на меня, согласись со мною—и ты будешь господиномъ всего". Услышавъ это, Іосифъ сказалъ египтянкѣ: „о, женщина! Я никогда не былъ рабомъ: вѣдь я сынъ благородныхъ родителей: Авраамъ и Исаакъ, бесѣдовавшіе съ Богомъ, мои дѣды, а Іаковъ, боровшійся съ ангеломъ, мой отецъ, почему и я смѣло борюсь съ тобой. Я проданъ тебѣ по зависти братьевъ, но имя раба ничѣмъ не можетъ повредить благородству моей души. Вѣдь нерѣдко завистливая туча набѣжавъ помрачаетъ не надолго свѣтлые лучи солнца, но не производитъ совершенной тьмы, потому что тотчасъ разгоняется силою солнечныхъ лучей; точно также и имя раба не потушитъ сіянія моего благородства, потому что спустя немного оно будетъ разсѣяно блескомъ моего нрава и во всемъ Египтѣ просіяетъ красота моего благородства. Я купленъ тобою—согласенъ, не отрицаюсь: я и исполняю подобающую мнѣ службу. Я не обманывалъ тебя, не вредилъ тебѣ, не поступалъ противу чести,—чуждъ коварства, хитрости, безпороченъ: ни въ чемъ ты меня обвинить не можешь. И теперь ты принуждаешь меня совершить безумное дѣло и тайно нашептываешь мнѣ, какъ змѣя, думая обольстить меня и смертоносными угрозами склонить къ желаемому тобою дѣлу невоздержанія? Не обманывайся, госпожа, не смотри на мою юность; можетъ и молодой мѣхъ заключать въ себѣ старое вино и новая оправа содержать въ себѣ старинный жемчугъ. Ты считаешь меня молодымъ зеленымъ побѣгомъ, но по- 589
смотри на древность моего корня. На видъ по природѣ я очень молодъ, но сердце мое застарѣло въ исполненіи закона. Не обманывайся, жена, ты не побѣдишь моей добродѣтели, ты не побѣдишь Іосифа, сына Іакова, того Іакова, который еще во чревѣ матери послужилъ запинаніемъ для своего брата и потомъ былъ въ состояніи бороться съ ангеломъ: не обманывайся, я борюсь такъ же, какъ и отецъ мой. Напрасно ты думаешь соблазнить меня обѣщаніями. Что ты можешь, скажи мнѣ, обѣщать мнѣ столь же великое, какъ цѣломудріе? Какое царство можетъ превзойти его, какое сокровище можетъ съ нимъ сравняться? Ты не знаешь, что цѣломудріе есть небесное пріобрѣтеніе, удѣлъ ангеловъ, даръ Божій? Оставь при себѣ твои обѣщанія: твои почести только обезчестятъ меня; почетъ, который ты обѣщаешь, есть начало стыда; твое золото—порожденіе земли и добыча тлѣнія. А мое золото—порожденіе Бога, вѣчное растеніе. Но ты думаешь

скрыть это дѣло? Ты не знаешь, что глазъ Бога не дремлетъ, что всѣ дѣла, совершающіяся во тьмѣ, онъ усматриваетъ? А сколько, подумай, предстоитъ теперь здѣсь ангеловъ? При сколькихъ свидѣтеляхъ должно совершиться это дѣло? Вспомни, жена, о твоемъ мужѣ, о твоихъ братьяхъ, о друзьяхъ, сосѣдяхъ, родныхъ, которые хвалятся твоей безупречностью; вспомни о предстоящихъ ангелахъ и постыдись хоть ихъ, или отсутствующихъ людей побойся. Какими глазами будешь ты смотрѣть на своего мужа, измѣнить которому теперь готова? Какія объятія раскроешь тому, котораго убить хотѣла? Какими рѣчами будешь ублажать того, чье ложе, насколько отъ тебя зависѣло, ты осквернила? Вспомни, что ты ему обѣщала: какъ ты обѣщалась хранить вѣрность ему и цѣломудріе, какъ клялась любить его больше самой себя. Подражай, жена, горлицѣ; она, соединившись съ однимъ супругомъ, съ другимъ уже не сочетается; и если случится, что самецъ ея слѣлается добычей ястреба или попадетъ въ когти орла, она не отдается другому самцу, но остается ждать всегда любимаго и умираетъ отъ тоски по немъ. И страхъ Божій, и законъ евреевъ, и чистота жизни древнихъ—все научаетъ тебя, жена, подражать ей". Сказавъ это и увидѣвъ, что она все-таки съ безстыдствомъ держится за его одежду и объята плакенемъ страсти (потому что страсть еще болѣе разгорается, когда не можетъ овладѣть предметомъ желанія), какъ мужественный борецъ, сбросивши одежды свои и ее вмѣстѣ съ одеждами почти повергнувъ на землю, обнаженный бѣжалъ отъ грязнаго преступленія.
590 Цѣломудріе восторжествовало надъ страстью: египтянкѣ остались листья невоздержанія, а сынъ Іакова унесъ плодъ правды. Торжество на небѣ сопровождало побѣду Іосифа: радовались ангелы, плакали бѣсы, увѣнчивался Іосифъ, предавалась позору египтянка. Но ее раздражила эта побѣда, и она обращается къ извѣту, клевещетъ своему мужу на Іосифа, приписывая ему намѣреніе опозорить ее. „Зачѣмъ, говоритъ, ввелъ ты сюда молодого еврея потѣшаться надъ нами?" Негодуетъ мужъ и бросаетъ его подъ стражу. Необходимъ, конечно, былъ свѣтильникъ для сидѣвшихъ во мракѣ, питатель для голодныхъ, утѣшеніе для обуреваемыхъ, врачъ для изнемогающихъ. Въ эту же темницу ввергаются и два евнуха фараоновы; они видятъ сны и не могутъ уразумѣть ихъ; обращаются къ Іосифу; онъ разъясняетъ ихъ значеніе. Евнухи извлекаются изъ темницы: на нихъ оправдывается все, что предсказалъ Іосифъ. Видитъ сонъ самъ фараонъ; истолкователя нѣтъ; евнухъ вспоминаетъ объ Іосифѣ; выводятъ его изъ темницы. И замѣть, какая тайна: изъ-за сна онъ былъ проданъ, изъ-за сна и освобожденъ. Что же дальше? Онъ изъясняетъ фа-

раоновъ сонъ, царь оцѣниваетъ остроту его ума и освобождаетъ его для управленія царствомъ, ввѣряетъ ему власть надъ всѣмъ Египтомъ. Вступивъ во власть, Іосифъ во время голода благодѣтельствуетъ всѣмъ—и туземцамъ, и иноземцамъ, и врагамъ, и друзьямъ, и пришельцамъ. Приходитъ въ Египетъ его отецъ; вмѣстѣ съ отцомъ кланяется ему и его мать. Хотя она и умерла во время пути, но, тѣмъ не менѣе, въ лицѣ мужа поклонилась и она: вѣдь мужъ и жена одна плоть. Приходятъ и братья его—одиннадцать, кланяются ему,—такъ и исполнилось видѣніе, какое видѣлъ Іосифъ: *аки бы солнце*, разсказывалъ онъ, *и луна и единонадесять звѣздъ покланяхуся мнѣ* (Быт. XXXVII, 9). Почему одиннадцать? Потому что Іуда удавился; вѣдь проданный Іосифъ былъ прообразомъ Христа, проданнаго Іудой. Видишь, какъ онъ былъ оправданъ цѣломудріемъ, какъ за цѣломудріе царствуетъ на небесахъ? Все это сказано нами, чтобы и вы подражали его жизни, воздавали Богу ту же самую славу. Нужно намъ сказать и о блаженной Сусаннѣ, тѣмъ болѣе, что мы уже обѣщались; но такъ какъ лучше отпустить слушателей тогда, когда они готовы послушать, чѣмъ тогда, когда отъ пресыщенія у нихъ явится отвращеніе, то оставимъ бесѣду объ этомъ до другого дня, если будетъ угодно Богу, теперь же поспѣшимъ къ таинственной чашѣ, во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

О СУСАННѢ.

Охотно исполняемъ свой словесный долгъ предъ вами: хотя 589
и не все, что должны, но отдадимъ, сколько имѣемъ. Наше усердіе готово отдать и болѣе должнаго, но встрѣчаетъ препятствіе въ бѣдности слова, почему согласно обѣщанію отдаемъ вамъ вмѣсто многаго немногое. Впрочемъ, если кто изъ васъ самое малое изъ нашей бесѣды захочетъ сравнить съ усердіемъ нашего сердца, то въ сравненіи съ долгомъ не найдетъ здѣсь недостатка, такъ какъ усердіе наше восполнитъ то, чего недостаетъ въ словахъ. Вѣдь и Богъ, когда видитъ ничтожныя жертвы бѣдняка и щедрыя блага, принимаетъ ихъ съ равною честью, а часто даже приношенія бѣдняка цѣнитъ выше, потому что взираетъ не на сумму денегъ, а на усердіе сердца. Доказательствомъ сказаннаго является разсказъ о бѣдной вдовицѣ, положившей двѣ лепты въ церковную сокровищницу: въ очахъ Господа ея ничтожная жертва была гораздо цѣннѣе, чѣмъ жертвы богачей, бросавшихъ золото, такъ какъ Богъ не нуждается въ

деньгахъ, но (ищетъ) искренняго и чистаго сердца. Вотъ и мы изъ глубины искренняго сердца, какъ бы въ живыя сокровищ-
590 ницы Божіи, ввергая данное намъ отъ Бога слово, заплатимъ вамъ долгъ слова. Помню, я обѣщался вамъ повѣдать для общаго назиданія о подвигѣ цѣломудрія блаженной Сусанны, обѣщался именно вчера, когда предъ нами Іосифъ боролся съ египтянкой и явилъ намъ подвигъ цѣломудрія. Вотъ и Сусанна пусть выступитъ на этомъ всенародномъ зрѣлищѣ, гдѣ и Богъ, и ангелы, и мужи, и жены смотрятъ; пусть выступитъ и преподастъ намъ урокъ, какъ юнѣйшимъ изъ женъ нужно за цѣломудріе бороться до смерти. Конечно, эта блаженная Сусанна, будучи благороднаго происхожденія, отъ младыхъ ногтей пребывавшая въ домашнихъ покояхъ, прекрасная по красотѣ и усвоившая себѣ чистые нравы, когда красота ея юности расцвѣла, была обручена къ сопряженію законнаго брака. И именно соблюдая въ непорочности тайну брака для своего мужа, она не обращала взора къ безпорядочному созерцанію юношеской и чужой красоты; не открывала слуха для того, чтобы воспринимать благозвучіе блудныхъ пѣсенъ, не расширяла ноздрей, уловляя ароматы, пропитывающіе одежды юношей, никакимъ другимъ сво-
591 имъ чувствамъ не давала воли, чтобы хранимое въ сердцѣ ея цѣломудріе, подъ вліяніемъ могучихъ чаръ, не уклонилось къ удовольствіямъ. Вѣдь большая часть грѣховъ у насъ порождается чувствами души. Наша душа, какъ бы дѣвица въ какомъ-нибудь чертогѣ, спокойно пребываетъ въ центрѣ сердца, а за нею подобно служанкамъ ухаживаютъ пять чувствъ. Какія чувства? Зрѣніе, вкусъ, обоняніе, слухъ и осязаніе. И вотъ, если никакое чувство не портится и не заблуждается, то и душа сохраняетъ свою чистоту и невинность; если же случится, что зрѣніе, оставшись безъ кормчаго, уязвится видомъ юношеской красоты и сильный порывъ страсти посредствомъ глазъ проникнетъ въ сердце, тотчасъ душа, объятая бурею похоти, утопаетъ во грѣхѣ, ея цѣломудріе терпитъ крушеніе со всѣми его послѣдствіями. Подобное крушеніе испыталъ Давидъ и такъ изобразилъ его: *пріидохъ во глубины морскія и буря потопи мя* (Пс. LXVIII, 3). Подобнымъ образомъ и слухъ, если поддастся чарамъ благозвучія, то, склонивши къ нимъ мысль всецѣло, увлекшись блудными пѣснями, ниспровергаетъ душу. Вкусъ, объяденіемъ и многимъ виномъ располагаемый къ пьянству и сладострастію, развращаетъ душу. Обоняніе, будучи связано излишними благовоніями юношей, вмѣстѣ съ собою увлекаетъ къ паденію и душу. Итакъ, душа,—подобно тому какъ иная дѣва подпадаетъ вліянію глупыхъ служанокъ, — плѣняется чувствами, предаваясь

грѣху невоздержанія. А грѣхъ, овладѣвши всѣми чувствами, подобно вору тайно проникаетъ въ тайники сердца, а затѣмъ, проникнувъ, совершенно обнажаетъ его отъ залога цѣломудрія и обкрадываетъ. Но конечно та блаженная охраняла свои взоры, видъ, походку, слухъ, взгляды, обоняніе, вкусъ, осязаніе, и была въ полномъ смыслѣ, по словамъ премудрости, *вертоградъ заключенъ, источникъ запечатлѣнъ* (Пѣсн. IV, 12). Именно виноградникъ, котораго никто не можетъ обобрать, напоминала блаженная, источавшая ароматы цѣломудрія, и была похожа на источникъ, запечатлѣнный вѣрою, изъ котораго никто изъ безпорядочныхъ не могъ похитить красоты цѣломудрія. Страстью къ ней воспылали двое изъ народныхъ старѣйшинъ, *иже мняхуся управляти* паствой, и каждый изъ нихъ, снѣдаемый пламенемъ страсти, стыдился открыть другому тайный огонь сердца. И вотъ однажды каждый изъ нихъ тайно отъ другого пошелъ подсматривать за Сусанной; встрѣтившись и испытавши другъ друга, они признались другъ другу на счетъ причины, по которой они пришли сюда; тогда, составивши союзъ на грѣховное дѣло, они старательно обсудили злой умыселъ и стали выжидать время, когда могли застигнуть Сусанну наединѣ. Случилось, что въ одинъ день Сусанна по обычаю вышла въ садъ мужа, чтобы выкупаться по случаю жары; и когда она послала служанокъ, чтобы они принесли мыло, тотчасъ старцы кинулись къ ней, схватили ее, какъ волки овцу, желая утолить огонь похоти, и Сусанна одна оказалась среди двухъ львовъ, никто не могъ помочь ей, ни служанка, ни раба, ни ближній, ни другъ, ни сосѣдъ,—если бы не наблюдалъ за этимъ свыше Богъ, этотъ незримый Свидѣтель, который могъ, конечно, въ самомъ началѣ воспрепятствовать покушенію старцевъ, но попустилъ быть борьбѣ, чтобы обнаружить скрытую добродѣтель и цѣломудріе Сусанны и разоблачить невоздержаніе старцевъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ женамъ дать величайшій урокъ въ великомъ подвигѣ Сусанны. Велика была битва, великое состязаніе предстояло Сусаннѣ, большее, чѣмъ Іосифу. Вѣдь тотъ, будучи мужемъ, боролся съ одною женщиною, а эта, будучи женою, имѣла противниками двухъ мужей. Великое это было зрѣлище и удивительное: женщина сражалась противъ двухъ мужчинъ,—но еще болѣе замѣчательнымъ покажется оно, если вы обратите вниманіе на то, гдѣ совершилось нападеніе: въ саду, гдѣ и змѣй обольстилъ Еву. Итакъ, когда все было готово для борьбы, отверзлись небеса, прозвучала труба, открылась арена; распорядитель борьбы свыше слѣдилъ за состязаніемъ и лики ангеловъ приникнувъ наблюдали; змѣй дѣйствовалъ въ беззаконникахъ, а вѣра въ цѣломудренной женѣ.

Та и другая сторона очень заботилась о побѣдѣ: старцы о томъ, чтобы не потерпѣть пораженія отъ женщины, а Сусанна—чтобы не погубить свое цѣломудріе; тѣмъ демоны приготовляли награду за побѣду, а Сусаннѣ ангелы готовили награду за цѣломудріе.
592 Держатъ Сусанну беззаконники и прежде всего на словахъ состязаются съ нею. Что же они говорятъ? Мы—старѣйшины народа, намъ ввѣренъ законъ, мы имѣемъ власть вязать и рѣшить. Здѣсь никто не увидитъ: *буди съ нами, съ похотѣніи бо твоемъ есми. Аще же не соизволиши намъ, то послушествуемъ на тя, яко бѣ съ тобою юноша, и того ради отпустила еси отроковицъ отъ себе* (Дан. xiii, 20, 21). И смотри, сколько затрудненій окружало Сусанну: клевета въ невоздержаніи, страхъ смерти, огласка на весь народъ, ненависть мужа, ненависть родныхъ, досада отъ домашнихъ, и—однимъ словомъ—возмущеніе всего дома. Но ничто это не могло побѣдить разсудка цѣломудренной: въ ея сердцѣ жила надежда на Бога. И она говорила, стеная: *тѣсно ми отовсюду: аще бо сіе сотворю, смерть ми есть*; *аще же не сотворю, не избѣгну отъ рукъ вашихъ. Изволеніе ми есть не сотворившей впасти въ руцѣ ваша, неже согрѣшити предъ Богомъ* (22, 23). Увы мнѣ, кого я считала пастырями, въ тѣхъ вижу волковъ; кого считала пристанью для обуреваемыхъ, тѣ причиняютъ мнѣ кораблекрушеніе. Не оскверняйте моего цѣломудрія, я не навлеку стыда на моихъ родителей, не обезчещу своего семейства, не огорчу своего мужа, не разрушу моего брака съ нимъ нечестивой бесѣдой съ вами: я предпочту беззаконную смерть, беззаконному ложу. Для меня мужъ существуетъ не въ соприкосновеніи только тѣлесномъ, но и въ расположеніи души, и черты моихъ родителей я всегда содержу въ себѣ. Побойтесь Бога, видящаго насъ, постыдитесь ангеловъ присутствующихъ; подумайте, что вы дѣлаете; вспомните законъ, который вы читаете и который гласитъ: *не пожелай жены ближняго твоего* (Второз. v, 21). Сказавши это, она закричала, призывая свидѣтелей ихъ насилія, закричали вмѣстѣ съ нею и старцы; прибѣжали рабы Сусанны и служанки и видятъ съ нею двухъ старцевъ. *Егда же повѣдоша старцы словеса своя на Сусанну, устыдѣшася рабы ея зѣло, яко николиже речеся таково слово о Сусаннѣ* (ст. 27). На утро было великое собраніе: еще предстояло судебное состязаніе или побѣда о вѣнкѣ. Собрался весь народъ—мужчины, женщины, дѣти; опять началось зрѣлище; внизу люди не знали, свидѣтелями чего они были, а на небѣ ангелы знали самое дѣло. Пришли старцы, полные беззаконія; призываютъ Сусанну, какъ тѣ думали на позоръ и смерть, а какъ у праведнаго Судіи было предрѣшено—въ жизнь и славу вѣчную. И говорятъ

они народу: *послите по Сосанну, дщерь Хелкіеву*; *они же послаша. И пріиде та, и родители ея*, и мужъ ея, *и чада ея*. И пришла Сусанна, какъ долженствовавшая умереть за цѣломудріе, стеная съ великимъ горемъ и скорбя, не о томъ, что ей предстояло умереть, но о томъ, что оставляетъ опороченное имя родителямъ, о томъ, что предстояло оставить поношеніе роду, потому что у ней не было ни одного свидѣтеля того, что совершилось въ саду. Многіе оплакивали ее,—друзья, знакомые, родители, сосѣди; мужъ былъ опечаленъ; домъ ея скорбѣлъ, и она сама была потрясена; мрачная, плачущая, скорбящая, въ великомъ сокрушеніи сердца стояла она предъ собраніемъ. Зрѣлище было всеобщимъ — и Богъ, и люди, и ангелы (принимали въ немъ участіе). Поднимаются два старца, эти волки въ образѣ пастырей, возлагаютъ на нее руки, и змѣй-клеветникъ говоритъ ихъ устами. Что онъ говоритъ? *Ходящымъ намъ* обоимъ *въ вертоградѣ* однимъ, *внидѣ сія и отпусти отроковицы, и пріиде къ ней юноша, иже бяше сокровенъ, и возлеже съ нею. Мы же суще во углѣ вертограда, видѣвше беззаконіе* совершающееся, *текохомъ на ня*; *онаго убо не могохомъ яти, понеже паче насъ можаше, и отверзъ двери изскочи. Сію же емше вопрошахомъ, кто бѣ юноша, и не восхотѣ повѣдати намъ. О семъ послушествуемъ. И вѣрова имъ сонмъ, аки старцемъ людскимъ и судіямъ, и осудиша ю на умертвіе* (ст. 36—41). И повели Сусанну на смерть, и никто не заступился за истину, никто не выступилъ свидѣтелемъ, кромѣ одного Бога. Онъ попустилъ совершиться бывшему, чтобы обѣ стороны довели свое дѣло до конца, беззаконники свою злобу и клевету, 593
а блаженная Сусанна свою твердость въ цѣломудріи до смерти. Видишь, до какихъ поръ Богъ попускаетъ? Онъ оставляетъ праведныхъ въ искушеніяхъ, испытывая подобно золоту въ горнилѣ, какъ поступилъ и съ Авраамомъ. Исаакъ былъ ведомъ на всесожженіе, жертвенникъ былъ устроенъ, дрова уложены, а овцы нигдѣ не было. Беретъ отецъ ножъ, а овцы нѣтъ; заноситъ руку для удара, и тогда только Богъ гласомъ Своимъ останавливаетъ его руку. Это я сказалъ, чтобы каждый изъ васъ, когда впадаетъ въ искушенія, хотя бы и близокъ уже былъ къ смерти, не отчаивался въ помощи Божіей, но ожидалъ ея до конца. Вотъ и Сусанну уже вели на смерть и ни откуда не было помощи. Когда она увидѣла, что помощь со стороны людей невозможна, она обращаетъ свою мысль къ свидѣтелю вѣрному на небесахъ, къ недремлющему Оку, и восклицаетъ: *Боже вѣчный, сокровенныхъ вѣдателю, свѣдый вся прежде бытія ихъ, Ты вѣси яко лжу послушествоваша на мя, и се умираю, не сотворши ничесоже, о нихже сіи слукавноваша на мя* (ст. 42, 43). И услышалъ ее ска-

завшій: *еще глаголющу ти се пріидохъ* (Ис. LVIII, 9). *И ведомѣй ей на погубленіе, воздвиже Господь* духъ *отрока юна, емуже имя Даніилъ. И возопи гласомъ великимъ: чистъ азъ отъ крове сея. Обратиша же ся вси людіе къ нему, и рѣша: что слово сіе, еже ты глаголеши? Сей же ставъ средѣ ихъ рече: сице ли юродиви сынове Израилевы: не испытавше, ни истины разумѣвше, осудисте дщерь Израилеву? Возвратитеся на судище: лжу бо сіи послушествоваша на ню. И возвратишася вси людіе съ потщаніемъ. И рече Даніилъ: разведите я другъ отъ друга далече.* И вопроси *единаго,* глаголя: *обетшалый злыми деньми, нынѣ приспѣша грѣси твои, яже творилъ еси. Нынѣ убо рцы* ми: *подъ кіимъ древомъ видѣлъ еси ихъ*
594 *бесѣдующихъ къ себѣ? Онъ же рече: подъ терномъ. Рече же Даніилъ: право солгалъ еси на твою главу: се бо ангелъ Божій пріимъ отъ Бога расторгнетъ тя полма. И отпустивъ его, повелѣ привести другаго, и рече ему: племя Ханаане, а не Іудино, доброта прелсти тя, и похотѣніе* очесъ *развратило сердце твое. Глаголи убо: подъ кіимъ древомъ видѣлъ еси сихъ бесѣдующихъ* къ себѣ? *Онъ же рече: подъ чреминою? Даніилъ же ему: право солгалъ еси и ты на свою главу: ждетъ бо ангелъ Божій мечемъ разсѣщи тя полма. И возопи весь сонмъ гласомъ великимъ:* благословенъ Господь, спасаяй вся *надѣющыяся на Него. И спасеся кровь неповинна въ той день* (ст. 45—52, 54—56, 58—60, 62). И исполнилось сказанное Давидомъ отъ лица Сусанны: *мене же пріятъ десница Твоя; тіи же всуе искаша душу мою,* т. е. беззаконные старцы; *внидутъ въ преисподнюю земли, предадятся въ руки оружія,* потому что ангелъ Божій съ мечемъ въ рукахъ ожидаетъ ихъ, чтобы разсѣчь ихъ; *части лисовомъ будутъ. Царь же возвеселится о Господѣ*—мужъ Сусанны; *похвалится всякъ кленыйся имъ,* то есть, вѣрующій Ему, *яко заградишася уста глаголющихъ неправедная,*—неправедныя уста беззаконныхъ старцевъ (Пс. LXII, 9—12). Тогда горе родителей ея обратилась въ радость; мужъ ликовалъ, прославляя Бога; родные радовались, сосѣди веселились, весь домъ ея торжествовалъ, и—однимъ словомъ—всенародный былъ праздникъ и для Бога, и для ангеловъ, и для людей. Видѣлъ ты въ женскомъ тѣлѣ мужскую душу? Видѣлъ женское цѣломудріе, память котораго съ побѣдой остается вѣчной? Эта женщина прославлена предъ людьми, возвеличена предъ ангелами, увѣнчана Богомъ; ей подражайте, жены, чтобы съ нею и вы удостоились чести отъ Бога во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО
О ТРЕХЪ ОТРОКАХЪ И О ПЕЧИ ВАВИЛОНСКОЙ.

Новое, поистинѣ, и величайшее зрѣлище благочестія представляетъ ликъ трехъ отроковъ, выдержавшій въ Вавилонѣ прекрасное состязаніе и чудомъ мученичества поразившій всю вселенную. Слава святыхъ не ограничивается мѣстомъ и память о праведныхъ не исчерпывается временемъ, но *въ память вѣчную будетъ праведникъ* (Пс. CXI, 6). Поэтому и въ томъ случаѣ, когда мученичество совершено въ древнѣйшее время, подвигъ терпѣнія воспѣвается во всѣ вѣка. Память исторіи сохраняетъ для насъ событія, чтеніе дѣлаетъ извѣстными дѣла, а слово какъ на картинѣ изображаетъ и беззаконіе тирана, и исповѣданіе святыхъ, и печь, пылающую огнемъ, но не попаляющую вопреки ве- 594
лѣнію мучителя, и неугасимую угрозой огня вѣру мучениковъ. Впрочемъ, что препятствуетъ намъ изложить подвиги поистинѣ боголюбезныхъ и преблаженныхъ отроковъ по порядку съ начала? Навуходоносоръ царь, или вѣрнѣе тиранъ (таково должно быть настоящее имя этого гонителя), хотя и былъ обладателемъ Вавилона, но по душѣ былъ варваръ, а по нраву неукротимъ. Опьяненный великимъ богатствомъ, неправдой и нечестіемъ, онъ дошелъ до забвенія своей природы и, не считая себя человѣкомъ, требовалъ, чтобы ему поклонялись какъ Богу. Развитіе въ немъ этой чрезмѣрной гордости было обусловлено, съ одной стороны, свойственнымъ ему безуміемъ, а съ другой — долготерпѣніемъ 595
Божіимъ, потому что Богъ терпитъ нечестивыхъ, попуская ихъ нечестію для упражненія благочестивыхъ. Сдѣлалъ беззаконникъ золотое изображеніе, то есть золотую статую, и созданныхъ по образу Божію принуждалъ поклоняться образу, который онъ сдѣлалъ. Великое честолюбіе побудило его дать своему истукану высоту шестьдесятъ локтей, а ширину шесть; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ позаботился о соразмѣрности частей и изяществѣ произведенія, чтобы не только размѣрами, но и красотой истукана обезпечить побѣду лжи, возставшей противъ истины. Итакъ, искусство сдѣлало свое дѣло, золото блестѣло, вѣстникъ трубилъ, мучитель угрожалъ, печь пылала, а такъ называемые мусикійскіе органы возбуждали безумныхъ къ безбожію; вообще вся обстановка этого зрѣлища была направлена къ тому, чтобы совершенно подавить умъ зрителей. Однако, не смотря на все, нечестивое повелѣніе не могло превозмочь надъ святыми. Но когда сильный потокъ обмана, подобно великой бурѣ, всѣхъ увлекъ въ пучину идолослуженія, эти три прекрасные отрока, непоколебимо утвердивши себя въ благочестіи какъ бы на какой

скалѣ, устояли среди потока неправды. Они съ полнымъ правомъ могли говорить: *яко аще не Господь былъ въ насъ, убо живыхъ пожерли быша насъ, внегда прогнѣватися ярости ихъ на ны, убо вода потопила бы насъ. Потокъ прейде душа наша, убо прейде душа наша воду непостоянную* (Пс. сxxIII, 2—5). Они не были потоплены потокомъ, не были унесены водою, но мужественно подвизались въ благочестіи и, какъ бы взлетѣвъ на крыльяхъ вѣры, спаслись по приточнику: *аки серна отъ тенетъ и яко птица отъ сѣти* (Пр. VI, 5). Сѣти діавола были раскинуты на весь родъ человѣческій, но отроки могли сказать о нихъ вмѣстѣ съ псалмопѣвцемъ: *падутъ во мрежу свою грѣшницы* (Пс. cxl, 10). Три плѣнника, притѣсняемые столькими, не взирали на свою слабость, но твердо знали, что и ничтожнѣйшей искры достаточно для того, чтобы попалить и уничтожить всю силу нечестія. Поэтому, будучи только втроемъ, они укрѣпляли другъ друга и утверждали. Вѣдь они знали, что узкій [1]) *и тѣсный путь вводяй въ животъ, и мало ихъ есть иже обрѣтаютъ его* (Мѳ. VII, 14). Они помнили, что патріархъ Авраамъ, оставшись на всей землѣ единственнымъ почитателемъ Бога, не послѣдовалъ за множествомъ нечестивыхъ, но ставилъ себѣ закономъ послѣдованіе правдѣ и благочестію, почему вполнѣ справедливо явился добрымъ корнемъ, отъ котораго произрасло столько плодовъ благочестія. Отъ него и патріархи, и законодатель Моисей, и пророки, и всѣ богословы; отъ него же по преимуществу этотъ спасительный и безсмертный цвѣтъ правды — воплотившійся Спаситель; и сами три отрока сознавали свое благородное происхожденіе отъ него. Вспоминали они и Лота, который жилъ среди содомлянъ, но далеко отстоялъ отъ нихъ своими нравами; приводили на память Іосифа, какъ онъ одинъ во всемъ Египтѣ держался цѣломудрія и соблюдалъ благочестіе. Такъ и они, одинокіе среди этого множества, размышляли о томъ, что *пространный и широкій путь, вводяй въ пагубу, и мнози суть входящіи имъ* (Мѳ. VII, 13). Оглядываясь же на себя самихъ и на печь, они вспоминали, съ другой стороны, что мудрость гдѣ-то говоритъ, что *якоже искушается въ пещи злато*, Господь тако избираетъ сердца (Притч. XVI, 3). Поэтому, ни труба, прозвучавшая воинственную пѣснь, ихъ не устрашила, ни лира, чарующая слухъ, не разрушила силы благочестія, ни все прочее согласіе мусикійское не разстроило ихъ прекраснаго и благозвучнаго согласія въ благочестіи, но прекрасной мелодіи они противопоставили прекрасное единодушіе. Когда же было
596 возвѣщено о друзьяхъ Ананіи, что они нарушили нечестивое

---

[1]) Слав.: *узкая врата*.

повелѣніе, тогда злоумный и нечестивый мучитель, діавольскимъ духомъ надмивъ свою душу и, такъ сказать, воспринявъ самый видъ начальника злобы, призываетъ ихъ и говоритъ: *аще воистину, Седрахъ, Мисахъ и Авденаго, богомъ моимъ не служите и образу златому, егоже поставихъ, не покланяетеся* (Дан. III, 14)? Онъ счелъ ихъ благочестіе только кажущимся, и спрашиваетъ, дѣйствительно ли дерзаютъ противорѣчить царскимъ повелѣніямъ проповѣдники благочестія? Но ему предстояло на опытѣ убѣдиться, что люди Божіи не только пренебрегаютъ угрозами мучителя, но и самую силу огня могутъ попрать силою благочестія. *Нынѣ убо егда услышите гласъ трубы, свирѣли же и гусли, самвики же и псалтыри и согласія, и всякаго рода мусикійскаго, падше поклонитеся образу златому, егоже поставихъ* (ст. 15).

2. Хорошо выразился онъ о поклоненіи демонамъ: *падше поклонитеся.* Невозможно кланяться демонамъ, не *падая* въ пучину гибели, не *отпадая* отъ истины. *Аще же не поклонитеся, въ той часъ ввержени будете въ пещь огнемъ горящую* (15 ст.). Во всякомъ случаѣ, если есть печь, то очевидно—есть и огонь; если же есть огонь, то очевидно—горящій; но (мучитель соединяетъ все вмѣстѣ, стараясь) увеличить и усилить угрозу, чтобы поколебать ихъ твердость въ благочестіи. *Въ той часъ ввержени будете въ пещь огнемъ горящую.* До сихъ поръ можно еще было сносить притязанія его высокомѣрія, но смотри, что прибавляетъ онъ дальше: *и кто есть Богъ, иже изметъ вы изъ руки моея* (ст. 15)? Вотъ другой фараонъ: и тотъ вѣдь говорилъ Моисею: *и кто есть Богъ, егоже послушаю? Не вѣмъ,* говоритъ нечестивый, *Господа, и Израиля не отпущу* (Исх. V, 2). О, великое высокомѣріе человѣческое! О, великое долготерпѣніе Божіе! Изрекаетъ человѣкъ, и Богъ сноситъ. Говоритъ бреніе, и Создатель долготерпитъ. Плотской языкъ издаетъ звуки, и Владыка безплотныхъ духовъ снисходитъ, Владыка, *творяй ангелы своя духи и слуги своя пламень огненный* (Пс. CIII, 4). Благовременно при этомъ вспомнить слова Исаіи (Сираха): *почто гордится земля и пепелъ* (Сир. X, 9)? Хочешь уразумѣть вполнѣ долготерпѣніе Божіе? Сообрази, насколько нестерпимою показалась бы тебѣ обнаруженная здѣсь гордость, если бы она коснулась тебя. Случается, что кого-нибудь оскорбитъ слуга; тотчасъ обиженный, ограждая свое достоинство свободнаго человѣка, требуетъ наказанія за дерзкій поступокъ и подвергаетъ обидчика безпощадной казни. Или обыкновенный частный человѣкъ нанесетъ оскорбленіе другому такому же члену общества; тотчасъ оскорбленный, уязвляемый обидой, спѣшитъ отомстить, не обращая вниманія ни на общность природы, ни на равночестность всѣхъ, съ полнымъ пренебреженіемъ къ

достоинству обидчика. Между тѣмъ одно достоинство равночестности свойственно всему нашему роду: всѣ мы созданы изъ земли и въ землю обращаемся; однимъ, общимъ для всѣхъ, путемъ мы являемся въ жизнь, и одинъ, общій для всѣхъ, исходъ (предстоитъ намъ). Изъ праха созданъ всякій изъ насъ—и вотъ прахъ требуетъ себѣ такихъ преимуществъ предъ равночестными. А Богъ, обладая всѣмъ и по природѣ, и по закону, и будучи настолько выше, насколько только можно представить Творца сравнительно съ тварью, хулимый и уничижаемый безразсудными, не раздражается, но остается безстрастнымъ. Но затѣмъ пребывающихъ въ безуміи немного спустя наказываетъ, будучи Судіей истины и Судіей нелицепріятнымъ. Онъ откладываетъ наказаніе, чтобы не истребить сразу всѣхъ грѣшниковъ, и вооружается терпѣніемъ, чтобы привлечь къ покаянію. Возвратимся, однако, къ предмету бесѣды. Человѣкъ, облеченный плотью, дерзнулъ сказать: *кто есть Богъ, иже изметъ вы изъ руки моея* (15 ст.)? Треблаженные отроки, слыша это, не воспротивились хулѣ, потому что и сами были проникнуты духомъ божественнаго долготерпѣнія, но противъ словъ невѣрія возвысили голосъ вѣры и отвѣчали мучителю, низлагая закономъ беззаконіе и побѣждая угрозу неправды свободою правды, такими словами: *вѣдомо да будетъ тебѣ, царю, яко богомъ твоимъ не служимъ и образу златому, егоже поставилъ еси, не кланяемся* (ст. 18). Оставь это бе-
597 зуміе, о, человѣкъ, устыдись унизительнаго поклоненія образу! Вѣдь если ты самъ поставилъ изображеніе, то какъ кланяешься тому, что сдѣлалъ? Кто чьимъ долженъ быть создателемъ—люди Бога или Богъ людей? Если твои истуканы дѣйствительно боги, то они должны быть и творцами, но—какъ часто мы говорили прежде,—если бы искусство не пришло на помощь людямъ, язычники совсѣмъ не имѣли бы боговъ. Между тѣмъ, если бы идолы обладали какимъ-нибудь чувствомъ, они сами стали бы воздавать поклоненіе людямъ, которые ихъ сдѣлали. Законъ природы—чтобы созданіе поклонялось Создателю, а не Создатель созданію. Поэтому мы, совоспитанные въ благочестіи, слѣдуя божественному закону, *богомъ твоимъ не служимъ и образу златому, его же поставилъ еси, не кланяемся*, но есть Богъ на небесахъ, Который избавитъ насъ отъ руки твоей. Потомъ, чтобы не показалось, что они искушаютъ Бога, или что пренебрегаютъ огнемъ въ надеждѣ на избавленіе, они тотчасъ прибавляютъ: *аще ли ни*, то есть: если даже и не избавитъ, но попуститъ огню сжечь наши тѣла, то и тогда мы не измѣнимъ благочестію, потому что не за плату служимъ Богу, но чистосердечно исповѣдуемъ истину. Услышавъ эту проповѣдь вѣры, мучитель еще болѣе распаляется и прика-

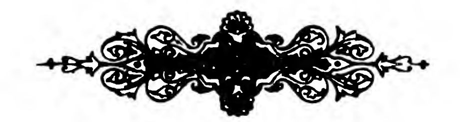
зываетъ разжечь печь седмерицею. Вѣдь чистѣйшее серебро должно быть очищено седмерицею: *словеса Господня, словеса чиста, сребро разжжено, искушено земли, очищено седмерицею* (Пс. XI, 7). Потому и печь разжжена седмерицею, чтобы святые были очищены седмерицею. А что святые Божіи называются серебромъ, вспомни слова мудрости: *сребро разжжено языкъ праведнаго* (Притч. X, 20), и послушай, что говоритъ Іеремія о тѣхъ, которые не выдержали испытанія въ благочестіи: *сребро отриновено нарцыте ихъ, яко Господь отверже ихъ* (Іер. VI, 30). Если же слабые въ благочестіи оказываются серебромъ отверженнымъ, то очевидно—совершенные являются серебромъ искушеннымъ: въ такомъ случаѣ, чѣмъ больше разжигается печь, тѣмъ больше блеску пріобрѣтаетъ мученичество. Итакъ, три святые отрока съ вѣрою взошли въ печь и попрали пламень, дыша тонкимъ и влажнымъ воздухомъ въ самомъ пылу огня. Творецъ и Виновникъ всего умягчилъ жаръ огня и пресѣкъ попаляющую его силу, такъ что этимъ чудомъ на дѣлѣ оправдались слова пѣсни: *гласъ Господа, пресѣцающаго пламень огня* (Пс. XXVIII, 7). Огонь былъ кротокъ и тихъ и святые ликовали, наслаждаясь тѣмъ обѣтованіемъ, которое чрезъ пророка Исаію Богъ возвѣщаетъ всякой душѣ, полной вѣры и благочестія: *аще*, говоритъ Онъ, *сквозѣ огнь пройдеши, съ тобою есмь и пламень не опалитъ тя* (Ис. XLIII, 2). Это-то обѣтованіе исполнилось здѣсь на дѣлѣ. Не коснулся огонь членовъ святыхъ: не опалилъ главъ, устремленныхъ къ благочестію и чрезъ красоту видимыхъ вещей познававшихъ Міроздателя; не повредилъ слуха, исполненнаго божественныхъ законовъ; не достигъ устъ и не опалилъ губъ, уважая языки пѣснословившіе и самихъ пѣснопѣвцевъ. И каждый членъ святыхъ имѣлъ собственное охранительное средство: руки—молитвенное воздѣяніе и раздачу милостыни, грудь—обитающую въ ней силу благочестія, чрево и подчревные члены—упражненіе въ благочестіи, ноги—хожденіе въ добродѣтели. Но нужно ли тратить время на перечисленіе всего въ отдѣльности? Вѣдь и волосъ не дерзнулъ коснуться огонь, потому что благочестіе покрывало ихъ лучше всякой тіары; пощадилъ онъ и одежды ихъ, охраняя благообразіе святыхъ. И что еще? Огнь опаляетъ халдеевъ, чтобы не подумали, что сила огня уничтожена волшебствомъ, и тѣмъ не помрачили славу мучениковъ и не оклеветали чудо истины,—поэтому тѣ внутри пребывали спокойно, а халдеевъ наружу попалилъ огонь, чтобы вполнѣ убѣдить зрителей, что не по собственной природѣ онъ бездѣйствовалъ по отношенію къ святымъ, но изъ уваженія къ благочестію, какъ и львы во рвѣ (пощадили) Даніила. Итакъ, составивши въ огнѣ ликъ поистинѣ ангельскій,

598 преблаженные отроки обратились къ прославленію Бога, соединяя въ одинъ ликъ пѣснопѣнія всю тварь—и премірную, и созерцаемую глазами.

3. Нельзя оставить безъ изслѣдованія того обстоятельства, ради чего они не обозначили всю тварь вообще, но перечислили все мірозданіе по частямъ. Сколько требовалось для истины, конечно, достаточно было сказать: *благословите вся дѣла Господня Господа* (Дан. III, 57); но такъ какъ это великое торжество благочестія совершалось въ странѣ нечестивыхъ, то нужно было дать вавилонянамъ урокъ, что именно есть твореніе, и кто Творецъ всего. И они начинаютъ съ ангеловъ, оканчиваютъ же людьми. Ангелы почитались богами, и у язычниковъ существовалъ миѳъ, что тѣ боги, которымъ они кланялись, будто бы, ангелы великаго Бога. И вотъ, чтобы безумные научились, что ангелы не изъ поклоняемыхъ, а изъ поклоняющихся, (отроки) взываютъ: *благословите ангели Господни Господа* (ст. 58). Солнце, луна и весь ликъ звѣздъ также были предметомъ поклоненія, поэтому и ихъ привлекаютъ къ поклоненію въ гимнахъ. *Благословите*, говорятъ, *солнце и луна Господа, благословите звѣзды небесныя Господа* (III, 62—63). Затѣмъ далѣе: *всякъ дождь и роса Господа* (ст. 64). Нелишне разсмотрѣть, что означаютъ эти слова: *всякъ дождь и роса и вси дуси* (ст. 65). Нерѣдко случается бездождіе; иногда несвоевременно дуютъ сильные вѣтры. Служители лжи и суеты обыкновенно всѣ подобные безпорядки приписываютъ какому-нибудь злому вещественному началу, не зная, что ничто не бываетъ безъ воли Владыки, ничто не случается напрасно, но что всѣмъ управляетъ Богъ, все направляющій къ вразумленію людей и изгнанію нечестія. Если порядокъ созданія обыкновенно возвѣщаетъ о Создателѣ, то нарушеніе порядка свидѣтельствуетъ противъ обоготворенія тварей. Вѣдь если бы дождь или духи имѣли божественное достоинство, то въ нихъ не могло бы быть безпорядка, потому что безпорядочность не мирится съ божественностью. Потому-то (отроки) и говорятъ: *всякъ дождь и роса и вси духи Господа*. Обоготворялись дожди и вѣтры, отчасти какъ питатели, отчасти какъ воздѣлыватели земныхъ плодовъ. Обоготворялась самая земля, и плоды ея приписывались различнымъ божествамъ: виноградъ—Діонису, маслина—Аѳинѣ, другимъ—другія произведенія. И вотъ само слово истины, подверждая (божественное участіе въ земныхъ произведеніяхъ), говоритъ: *благословите вся прозябающая на земли Господа* (ст. 76). Онъ вѣдь есть Владыка и Творецъ всего—и прозябающаго, и прозябаемаго. Затѣмъ далѣе призываются *горы и холмы* (ст. 75). Что же, развѣ горы и холмы не на землѣ? Конечно; но такъ какъ на холмахъ совершались бѣсов-

скія мерзости и воздавалось поклоненіе кумирамъ, то въ виду этого упомянуто о нихъ (отдѣльно): *благословите горы и холмы Господа*. А вспомнивъ о холмахъ, вспоминаютъ затѣмъ и объ источникахъ, рѣкахъ и моряхъ: вѣдь они были обоготворяемы, причемъ источники назывались нимфами, море—Посейдономъ, какими-то сиренами и нереидами. Такое почитаніе распространялось и на рѣки, какъ это подтверждается сохранившимся въ Египтѣ до сихъ поръ обычаемъ: тамъ приносили жертву въ честь Нила, не въ благодарность Творцу за это дѣло природы, но именно самую воду почитая какъ Бога. Вотъ почему (отроки) и перечисляютъ въ своемъ пѣснопѣніи рѣки наравнѣ съ морями и источниками. Далѣе слѣдуютъ птицы небесныя и скоты, такъ какъ обоготвореніе простиралось и на нихъ. Такъ, изъ птицъ были почитаемы орелъ и ястребъ; а египтяне даже звѣрей и скотовъ именовали богами, и это заблужденіе было такъ сильно, что названіе городовъ заимствовалось отъ обоготворяемыхъ животныхъ: у нихъ есть города, названные по имени собакъ, овецъ, волковъ и львовъ. Послѣ всего созданія призывается наконецъ и человѣческій родъ. *Благословите*, говоритъ, *сынове человѣчестіи Господа* (ст. 82). Человѣческій родъ занимаетъ послѣднее мѣсто—не по достоинству, но въ порядкѣ творенія. *Да благословитъ Израиль Господа* (ст. 83). Призывается (благословлять Господа), конечно, и избранный народъ Божій, а такъ какъ въ немъ было много подраздѣленій, то изъ нихъ въ частности призываются *іереи Господни* (ст. 84), въ обличеніе жрецовъ лжеименныхъ боговъ. Далѣе (упоминаются) *раби Господни* (ст. 85). А затѣмъ, чтобы не остались чуждыми 599
этому лику и предки, (отроки) вмѣстѣ съ живыми исчисляютъ и ихъ, какъ участниковъ славословія, говоря: *благословите дуси и души праведныхъ Господа* (ст. 86). *Благословите преподобніи смиренніи сердцемъ Господа* (ст. 87). Зачѣмъ упоминаются преподобные и смиренные? Чтобы показать, что *Богъ гордымъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать* (Притч. III, 34): гордыхъ попаляетъ внѣ печи, праведныхъ и смиренныхъ сохраняетъ среди огня. Такъ какъ и огонь соприсутствовалъ святымъ, то и онъ наряду съ другими твореніями получаетъ повелѣніе воспѣвать Творца: *благословите огонь и варъ Господа* (ст. 66),—чтобы вразумились этимъ вавилонскіе маги, для которыхъ огонь былъ предметомъ поклоненія, что и онъ относится къ покланяющимся, а не къ покланяемымъ. Но обратимся къ заключенію пѣсни, чтобы прекратить затѣмъ и бесѣду. *Благословите*, говорятъ отроки, *Ананія, Азарія и Мисаилъ Господа* (ст. 88). Зачѣмъ понадобилось къ столькимъ исчисленнымъ чинамъ прибавлять въ концѣ концовъ и свои собственныя имена? Развѣ вмѣстѣ съ Израилемъ они не благословляли

Господа? Развѣ не включали себя въ число рабовъ Господнихъ, когда говорили: *благословите раби Господни Господа*, или, говоря о преподобныхъ и смиренныхъ сердцемъ, не подразумѣвали и
600 себя между ними? Итакъ, что означаетъ эта прибавка: *благословите Ананія, Азарія и Мисаилъ?* Тѣлесно вступивши въ печь, они попрали огонь. Это чудо было настолько необычайно, настолько выше человѣческой природы, что зрители отъ одного заблужденія могли перейти къ другому—признать ихъ самихъ богами и почитать ихъ вмѣсто огня, котораго они оказались сильнѣе: ограждая зрителей отъ соблазна впасть въ такое заблужденіе, они и объявляютъ о своемъ собственномъ рабствѣ и воздаютъ поклоненіе, говоря: благословите *Ананія, Азарія и Мисаилъ Господа*. Вмѣстѣ съ этимъ становится понятнымъ и то, почему именно Богъ не допустилъ Даніила принять участіе въ этомъ мученичествѣ. Послѣ истолкованія Даніиломъ царскаго сна, царь воздалъ ему поклоненіе какъ богу и почтилъ его именемъ Валтасара, производнымъ отъ имени вавилонскаго бога. Такъ вотъ, чтобы не подумали, что этимъ именно божественнымъ по ихъ мнѣнію именемъ Валтасара побѣждается сила огня, Богъ устроилъ такъ, что Даніилъ не присутствовалъ при этомъ, чтобы чудо благочестія не потерпѣло ущерба. Впрочемъ, довольно. Да сподобимся же и мы по молитвамъ просіявшихъ подвижниковъ, вооружившись тою же самою ревностью, удостоиться тѣхъ же самыхъ похвалъ и достигнуть того же самаго царства, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.



ОГЛАВЛЕНІЕ VI-го ТОМА

ПОЛНАГО СОБРАНІЯ

ТВОРЕНІЙ СВЯТАГО ІОАННА ЗЛАТОУСТА.

КНИГА ПЕРВАЯ.

ТОЛКОВАНІЕ НА ПРОРОКА ИСАІЮ.

Глава II. Слово, бывшее (отъ Господа) ко Исаіи, сыну Амосову (Ис. II, 1).

Глава III. Се Владыка Господь Саваоѳъ отъиметъ отъ Іерусалима и отъ Іудеи крѣпкаго и крѣпкую (Ис. III, 1).

Глава IV. И имутся седмь женъ въ тотъ день за мужа единаго, глаголюще: хлѣбъ нашъ ясти будемъ, и ризы наша одѣватися: точію имя Твое да наречется на насъ, отъими укоризну нашу (Ис. IV, 1).

Глава V. Воспою возлюбленному моему пѣснь возлюбленнаго моего винограду моему (Ис. V, 1).

БЕСѢДЫ НА СЛОВА ПРОРОКА ИСАІИ.

КНИГА ВТОРАЯ.

ТОЛКОВАНІЕ НА КНИГУ ПРОРОКА ДАНІИЛА.

ОБОЗРѢНІЕ КНИГЪ ВЕТХАГО ЗАВѢТА.

Введеніе.

О ТВОРЕНІИ МІРА.

ТВОРЕНІЯ, ОТНЕСЕНЫЯ ВЪ ИЗДАНІИ МИНЯ КЪ ПОДЛОЖНЫМЪ (Spuria).

О ПРАВЕДНОМЪ И БЛАЖЕННОМЪ ІОВѢ.